

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

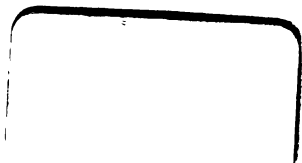
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ ІХ.

1907.
М А Й.

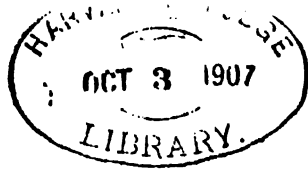

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

PSlav 318.10

~~PSlav 318.10~~

~~Slav 20.6~~

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ ІХ.

1907.

М А И.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1907.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Именной высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату	3
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія	5
IV. Циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія	17
V. Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	18
VI. Опредѣленія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованію	21
VII. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	24
Списокъ книгъ, рассмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненія безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ	25
Извѣщеніе	26

V. Г. Ляскоронскій. Русскіе походы въ степи въ удѣльно-вѣчевое время и походъ кн. Витовта на татаръ въ 1399 г. (<i>окончаніе</i>)	1
С. Ф. Ольденбургъ. Фабло восточнаго происхожденія. III	46
С. В. Рождественскій. Ословный вопросъ въ русскихъ университетахъ въ первой четверти XIX вѣка	83
Н. Н. Квачала. Тома Кампанелла. III	109
Н. К. Козминъ. Н. И. Надеждинъ—профессоръ Московскаго университета	124
Н. М. Петровскій. Къ исторіи оказаній о свв. Кириллѣ и Мефодіи	138

К Р И Т И К А И В И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

Ф. В. Тарановскій. Новѣйшіе труды по исторіи государственнаго строя Польши.	169
А. В. Васильевъ. <i>A. J. Butler, D. Litt., F. S. A. The arab conquest of Egypt and the last thirty years of the roman dominion. Oxford, at the Clarendon Press, 1902.</i>	208
М. Н. Ростовцевъ. <i>В. В. Фармаковский. Раскопки въ Ольвинѣ въ 1902—1903 гг. С.-Пб., 1906.</i>	212
А. Н. Соболевскій. <i>Н. К. Ликольскій. Матеріалы для исторіи древне-русской письменности. С.-Пб. 1907.</i>	222
В. В. Варнеке. <i>Театръ Еврипида. С.-Пб. 1907.</i>	226
— Книжныя новости	237

О Т ДѢ Л Ъ П О Н А Р О Д Н О М У О Б Р А З О В А Н І Ю .

В. Ф. Акинновъ. Земская дѣятельность по народному образованію въ Московскои губерніи (<i>окончаніе</i>)	1
---	---

См. 3-ю стр. обложки.

Содержаніе

НОВОЙ СЕРІИ ЧАСТИ IX

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(май и іюнь 1907 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ
СЕНАТУ.

СТРАН.

1. (17-го марта 1907 года) 3

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (8-го декабря 1906 года). О присвоеніи Шадринской женской гимназіи наименованія „Алексѣвская“ 3

2. (23-го декабря 1906 года). О присвоеніи двухклассному мужскому приходскому училищу въ гор. Воронежѣ Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича 4

3. (2-го января 1907 года). Объ учрежденіи стипендіи Имени Его Императорскаго Величества при Θεодосійскомъ учительскомъ институтѣ, въ память Высочайшаго манифеста 17-го октября 1905 года —

4. (13-го января 1907 года). О присвоеніи учреждаемымъ при Львовскомъ, Курской губерціи, городскомъ училищѣ четырехъ стипендіямъ Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича —

5. (28-го февраля 1907 года). О разсрочкѣ числящейся за гор. Опочков, Псковской губерніи, недоимки, съ пеней, пособия казнѣ на содержаніе городского училища	5
6. (23-го декабря 1906 года). О присвоеніи Кинешемскому реальному училищу имени Н. А. Коновалова	29
7. (24-го декабря 1906 года). О подчиненіи вѣдѣнію училищныхъ совѣтовъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія по инструкціи 4-го іюня 1875 года и приходскихъ по уставу 1828 года училищъ	—
8. (18-го января 1907 года). О присвоеніи Бахмутской женской гимназій наименованія „Бахмутская женская гимназія имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны“	30

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

(2-го марта 1907 года, № 15)	5
(12-го марта 1907 года, № 16)	7
(17-го марта 1907 года, № 17)	10
(26-го марта 1907 года, № 19)	14
(2-го апрѣля 1907 года, № 20)	16
(5-го февраля 1907 года, № 7)	30
(9-го апрѣля 1907 года, № 21)	31
(18-го апрѣля 1907 года, № 23)	33
(28-го апрѣля 1907 года, № 26)	35
(4-го мая 1907 года, № 28)	—

Высочайшія награды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

36

Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія.

1. (15-го марта 1907 года, № 5825). О переводныхъ испытаніяхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	17
2. (30-го марта 1907 года, № 7147). Объ экзаменахъ, обязательныхъ для экстерновъ, подвергающихся одновременно выпускнымъ и окончательнымъ испытаніямъ нѣз курса реальныхъ училищъ	58
3. (26-го апрѣля 1907 года, № 9038). О включеніи въ программу математики для VI класса реальныхъ училищъ отдѣла о сложныхъ процентахъ и срочныхъ уплатахъ	59

Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

18 и 59

Опредѣленія отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію

21 и 61

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОТДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬ- НОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.	24 и 63
--	---------

ОПИСОКЪ КНИГЪ, РАВНОТЪРННЫХЪ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ И ПРИЗНАННЫХЪ ЗАСЛУЖИВАЮЩИМИ ВНИМАНІЯ ПРИ ПОПОЛНЕНІИ КНИЖНЫХЪ НАРОДНЫХЪ ЧИТАЛЕНЪ И БИБЛИОТЕКЪ	25
---	----

Извѣщенія	26 и 63
---------------------	---------

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕ- НІЯ. ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, УЧРЕЖДЕННЫХЪ ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОД- НАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ	65
--	----

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

В. Г. Ляскоронскій. Русскіе походы въ степи въ удѣльно-вѣ- чевое время и походъ кн. Витовта на татаръ въ 1399 г. (окончаніе)	1
С. Ф. Ольденбургъ. Фабло восточнаго происхожденія. III	46
С. В. Рождественскій. Сословный вопросъ въ русскихъ уни- верситетахъ въ первой четверти XIX вѣка	83
И. И. Квачала. Тома Кампанелла. III	109
Н. М. Петровскій. Къ исторіи сказаній о свв. Кириллѣ и Ме- тодіи	138
Н. С. Суворовъ. Псковское церковное землевладѣніе въ XVI и въ XVII вѣкахъ. IX—X	241
Н. К. Козминъ. Н. И. Надеждинъ — профессоръ Московскаго университета	124 и 281
В. Н. Перетцъ. Очерки по исторіи поэтическаго стиля въ Россіи. VIII	326
Н. В. Шляковъ. Восемьсотъ пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины великаго князя Ярослава I Мудраго	362

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Ф. В. Тарановскій. Новѣйшіе труды по исторіи государствен- наго строя Польши	159
А. А. Васильевъ. <i>A. J. Butler, D. Litt., F. S. A. The arab con- quest of Egypt and the last thirty years of the roman dominion. Oxford, at the Clarendon Press, 1902.</i>	208

М. И. Ростовцевъ. В. В. Фармаковскій. Раскопки въ Ольвii въ 1902—1903 гг. С.-Пб. 1906	212
А. И. Соболевскій. Н. К. Никольскій. Матеріалы для исторіи древне-русской письменности. С.-Пб. 1907	222
В. В. Варнеке. Театръ Еврипида. С.-Пб. 1907	226
Г. К. Ульяновъ. Общее языковѣдѣніе. Лекціи А. И. Томсона. Одесса. 1906	401
Н. Н. Виноградовъ. Шляпкинъ, И. А., проф. Древніе русскіе кресты. С.-Пб. 1906	417
К. Ѳ. Радченко. Извѣстія на Семинара по славянска филология при университета въ София за 1904 и 1905 год. София 1905	421
К. Ѳ. Радченко. <i>Dr. S. Szabell. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov</i>	425
В. Е. Рудаковъ. Л. М. Саеловъ. Опытъ родословнаго Словаря русскаго древняго дворянства. Выпускъ I. М. 1906	429
А. И. Яцимирскій. Documente privitoare la relațiile Țării Românești cu Brașovul și cu țara ungarască în sec. XV și XVI	436
Д. М. Синцовъ. Письмо въ редакцію	454
— Книжныя новости	237 и 457

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

В. В. Акимовъ. Земская дѣятельность по народному образованію въ Московскои губернии (окончаніе)	1
И. И. Шевко. Очеркъ развитія методики ариметики	44
Н. А. Веригинъ. Основы преподаванія географіи въ начальныхъ училищахъ повышеннаго типа	59
А. С. Вирениусъ. Половой вопросъ	73
В. И. Фармаковскій. Методика правописанія по возраженіямъ русскіхъ педагоговъ и по ученію экспериментальной школы. I—V	113
И. П. Романцевъ. Классныя испытанія	146
И. А. Араповъ. Г. С. Лыткинъ (некрологъ)	186

Отзывы о книгахъ:

А. Г. Филоновъ. В. Самсоновъ. Методическое руководство для веденія школьныхъ сочиненій	92
В. М. Шимкевичъ и В. И. Палладинъ. Полотебнова, А. Книга любви ко всѣмъ животнымъ тварямъ	95
В. М. Колловичъ. В. С. Любатовичъ. Учебникъ прямолинейной тригонометрии и сборникъ тригонометрическихъ задачъ	97
И. Ѳ. Анненскій. К. Временковъ. Курсъ русскаго синтаксиса	99
И. И. Белляринновъ и А. Ѳ. Соколовъ. Н. П. Пештичь. Народности Россіи по губерніямъ и областямъ	102
В. М. Шимкевичъ. А. Павловъ. Природа	104
В. И. Соллертинскій. Ис. П. Сахаровъ и Н. Ис. Соколовъ. Новый ариметическій задачникъ съ методическими указаніями	107

И. А. Шляпкинъ и С. В. Рождественскій. <i>В. П. Ассна- риусъ. Опальные. Повесть</i>	109
В. В. Федоровъ. <i>Успенскій, М. И. Юный гражданинъ</i>	193
А. Н. Альмедингентъ. Проф. <i>Луисъ. Химико-техническій ана- лизъ.—П. П. Федотъевъ. Техническій анализъ минеральныхъ веществъ</i>	196
А. Ф. Соколовъ. <i>Н. Постоловъ. Краткая географія для началь- ныхъ городскихъ училищъ</i>	199
Б. М. Кояловичъ. <i>Германъ Шубертъ. Элементарное вычисленіе логарифмовъ</i>	202
О. Д. Хвольсонъ. <i>С. Ф. Крицковъ. Краткій курсъ физики</i>	204
И. И. Холоднякъ. <i>Жизнь знаменитыхъ римлянъ</i>	206
А. Н. А—нъ. <i>И. Штафинскій. Сухая перегонка листованныхъ по- родъ дерева</i>	213
А. А. Ларондъ. <i>И. Бирбаумъ и В. Губертъ. Краткая системати- ческая грамматика французскаго языка</i>	214
— <i>J. Bastin. Précis de phonétique</i>	220
— <i>Книжныя новости</i>	111
Курсы для учителей средней школы при Императорскомъ С.-Петер- бургскомъ университетѣ	223

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

В. Е. Рудаковъ. Всероссійское хранилище дворянскихъ дѣлъ	1
Н. Н. Виноградовъ. Киевскій учебный округъ въ 1906 году	34
Наши учебныя заведенія. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1906 году	49
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	88

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

В. Н. Бенешевичъ. Забѣжаніе византийскаго боярина XI вѣка	219
Вл. К. Мальбергъ. Этюды по древне-греческой базовой живо- писи. V	232
Г. Э. Зенгеръ. Забѣтки въ латинскимъ текстамъ	249 и 267

Объявленія	4
----------------------	---

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫЗЫВАЕТСЯ

ОПЫТНЫЙ ПЕДАГОГЪ

ДЛЯ УЧРЕЖДЕНІЯ И ЗАВѢДЫВАНІЯ

МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ

при единовременной и ежегодной субсидіи отъ города
и общества.

*Обращаться въ городъ Дубно, Волынской губерніи, въ городской
комитетъ мужской гимназіи.*

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 Г.

НА

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ“

И НА

„ИЗВѢСТІЯ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ“.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный правительствующему сенату.

1. (17-го марта 1907 года). „Члена совѣта министра народнаго просвѣщенія, доктора политической экономіи, тайнаго совѣтника *Антоновича* — Всемиловѣннѣе увольняемъ, согласно прошенію, отъ службы, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ“.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (8-го декабря 1906 года). *О присвоеніи Шадринской женской гимназіи наименованія «Александровская».*

Министръ народнаго просвѣщенія, 16-го декабря 1906 г., донесъ правительствующему сенату, для распубликованія, что Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу его, министра, въ 8-й день декабря 1906 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Шадринской женской гимназіи, преобразованной съ 1906—1907 учебнаго года изъ Маріинскаго женскаго училища, наименованія «Александровская», въ ознаменованіе высокорадостнаго событія рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя *Александра Николаевича*.

(Собр. узак. и расп. прав., 27-го марта 1907 г., № 53, ст. 528).

2. (23-го декабря 1906 года). *О присвоеніи двухклассному мужскому приходскому училищу въ гор. Воронежѣ Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 23-й день декабря 1906 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе двухклассному мужскому приходскому училищу въ городѣ Воронежѣ Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, 13-го марта 1907 г., № 47, ст. 493).

3. (2-го января 1907 года). *Объ учрежденіи стипендіи Имени Его Императорскаго Величества при Θεодосійскомъ учительскомъ институтѣ, въ память Высочайшаго манифеста 17-го октября 1905 года.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, во 2-й день января 1907 г., Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Θεодосійскомъ учительскомъ институтѣ стипендіи Имени Его Императорскаго Величества на счетъ 300 р. въ годъ, ассигнуемыхъ изъ средствъ Хортицкой волости, Екатеринославской губерніи и уѣзда, съ цѣлью приготовленія изъ среды поселянъ менонитовъ учителей для менонитскихъ школъ.

(Тамъ же, ст. 495).

4. (13-го января 1907 года). *О присвоеніи учреждаемымъ при Львовскомъ, Курской губерніи, городскомъ мужскомъ училищѣ четыремъ стипендіямъ Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 13-й день января 1907 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе учреждаемымъ при Львовскомъ, Курской губерніи, городскомъ мужскомъ училищѣ четыремъ стипендіямъ, въ ознаменованіе высочайшаго события рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Имени Его Императорскаго Высочества на счетъ 24 р., ежегодно ассигнуемыхъ мѣстнымъ городскимъ обществомъ.

(Тамъ же, ст. 494).

5. (28-го февраля 1907 года). *О разсрочкѣ числящейся за гор. Опочкою, Псковской губерніи, недоимки, съ пенєю, пособія казны на содержаніе городского училища.*

Министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ въ совѣтъ министровъ съ представленіемъ, въ которомъ, согласно съ заключеніемъ министерствъ финансовъ и народнаго просвѣщенія и государственнаго контроля, полагалъ разсрочить уплату накопившейся за гор. Опочкою недоимки пособія казны на содержаніе гор. училища всего, вмѣстѣ съ пенєю, въ суммѣ 6.090 р. 90 к., на пять лѣтъ, равными частями, безъ начисленія процентовъ и пени, при условіи обязательнаго включенія подлежащихъ по разсрочкѣ ежегодныхъ платежей въ гор. смѣты и съ зачетомъ въ погашеніе недоимки ежегодно по 780 руб. 40 коп., отпускаемымъ нынѣ казною Опочецкому городскому общественному управленію въ возмѣщеніе сборовъ съ патентовъ на заводы и заведенія для выдѣлки и продажи крѣпкихъ напитковъ.

Совѣтъ министровъ полагалъ: представленіе это утвердить.

Государь Императоръ, въ 28-й день февраля 1907 г., на положеніе совѣта Высочайше соизволилъ.

О семъ министръ внутреннихъ дѣлъ, 16-го марта 1907 г., донесъ правительствующему сенату, для распубликованія.

(Тамъ же, 27-го марта 1907 г., № 53, ст. 521).

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(2-го марта 1907 года, № 15). По управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*, преподаватель Ташкентской мужской гимназій *Ивановъ*—съ 10-го марта 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: смотритель-учитель Каахвинскаго двухкласснаго желѣзнодорожнаго училища *Барханъ*—съ 1-го сентября 1902 г. и помощникъ смотрителя Чарджуйскаго мужского двухкласснаго желѣзнодорожнаго училища *Лизаревъ*—съ 1-го января 1903 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: помощникъ секретаря управленія учебными заведеніями Туркестанскаго края *Бабицкий*—съ 8-го октября 1906 г. и учителя двухклассныхъ желѣзнодорожныхъ училищъ: Кизиль-Арватскаго мужского,

Рыбкинъ—съ 25-го февраля 1902 г. и Каахкынскаго, *Пейфасеръ*—съ 1-го сентября 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *кубернскіе секретари*: учитель-завѣдывающій Самаркандскимъ мужскимъ приходскимъ училищемъ *Долженко*—съ 5-го февраля 1903 г.; учитель Красноводскаго приходскаго двухкласснаго училища *Соловьевъ*—съ 31-го августа 1883 г.; учителя-завѣдывающіе приходскими училищами и школами: Чернорѣченскимъ, *Василій Сикетовъ*—съ 1-го августа 1900 г., Ключевскимъ, *Иванъ Сикетовъ*—съ 1-го августа 1904 г., Мамаевскимъ, *Петръ Сидоровъ*—съ 1-го августа 1906 г., Романовскимъ, *Копперъ*—съ 1-го августа 1906 г., Аулиеатинской русско-туземной школой, *Колесниковъ*—съ 1-го августа 1906 г., Казалинскимъ, *Кондратьевъ*—съ 1-го іюля 1906 г., Покровскимъ, *Дубровинъ*—съ 1-го сентября 1905 г., Михайловскимъ, (бывшій) *Лисицкій*—съ 1-го іюля 1906 г., Чимкентской русско-туземной школой, *Сташковъ*—съ 1-го августа 1905 г., Кауфманскимъ, *Михаилъ Сидоровъ*—съ 1-го сентября 1906 г., 2-й Ташкентской русско-туземной школой, *Камининъ*—съ 15-го августа 1906 г., Ташкентскимъ Жуковскимъ мужскимъ, *Дорошевъ*—съ 1-го августа 1906 г., Пикольскимъ мужскимъ, *Астафьевъ*—съ 1-го августа 1906 г., Ташкентскимъ Гоголевскимъ мужскимъ, *Семеновъ*—съ 1-го августа 1906 г. и письмоводитель Ташкентскаго ремесленнаго училища *Кокоткинъ*—съ 1-го іюля 1906 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя-завѣдывающіе училищами и школами: Меркенской русско-туземной, *Андреевъ*—съ 1-го августа 1905 г., Чадоварскимъ приходскимъ, *Яшковъ*—съ 1-го іюля 1904 г., Троицкимъ приходскимъ, *Михайловъ*—съ 24-го августа 1904 г., 4-й Ташкентской русско-туземной, *Максимовъ*—съ 1-го августа 1905 г., Искентскимъ русско-туземнымъ, *Бичъ*—съ 1-го октября 1904 г., Ташкентскимъ русско-туземнымъ двухкласснымъ, *Каленовъ-Андреевъ*—съ 1-го августа 1905 г., Сузулувскимъ русско-туземнымъ (бывшій), *Никольскій*—съ 6-го ноября 1902 г.; письмоводители мужскихъ гимназій: Асхабадской, *Поповъ*—съ 5-го октября 1906 г. и Самаркандской, *Козловъ*—съ 5-го октября 1906 г.; дѣлопроизводитель дирекціи народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области *Новиковъ*—съ 5-го октября 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаго ассесора: преподаватели мужскихъ гимназій: Асхабадской: Браже—съ 1-го августа 1902 г., *Ионатъ*—съ 1-го сентября 1902 г., *Понтъ*—съ 1-го іюля 1902 г., Ташкентской, *Лабербисъ*—съ 1-го мая 1902 г., Вѣрненской, *Кочуровъ*—съ 1-го августа 1902 г. и Ташкентской женской,

Кислицынъ—съ 1-го августа 1902 г.; *коллежскаго секретаря*: помощникъ классныхъ наставниковъ Ташкентской мужской гимназіи *Пасъчникъ*—съ 1-го августа 1902 г. и учитель-смотритель Долгинскаго двухкласснаго училища *Рюмковъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; *коллежскаго регистратора*, помощникъ учителя Вѣрненскаго городского трехкласснаго училища *Туаринъ*—съ 1-го сентября 1901 г.

(12-го марта 1907 года, № 16). По Варшавскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: учитель Калишскаго реального училища *Невооровъ*—съ 31-го октября 1906 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Ломжинской мужской гимназіи *Гурновъ*—съ 1-го августа 1906 г.; инспекторы народныхъ училищъ: Петроковской губерніи, *Попенюкъ*—съ 1-го июля 1906 г. и Радомской губерніи, *Талдыкинъ*—съ 1-го апрѣля 1906 г.; инспекторъ-руководитель Солецкой учительской семинаріи *Яцкиъ*—съ 15-го октября 1906 г.; учителя: женскихъ гимназій: Варшавской 1-й: *Баранъ*—съ 15-го августа 1906 г. и *Стефани*—съ 10-го сентября 1906 г. и Сувалкской, *Пилькевичъ*—съ 1-го августа 1905 г. и учительскихъ семинарій: Солецкой, *Теодоровичъ*—съ 1-го августа 1905 г. и Вымыслинской, *Глуздовскій*—съ 1-го сентября 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: секретарь совѣта Императорскаго Варшавскаго университета *Цижонскій*—съ 18-го декабря 1906 г.; ассистенты Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства при каедряхъ: частнаго земледѣлія: *Солоненко*—съ 19-го октября 1906 г. и физиологіи растений съ ученіемъ о микроорганизмахъ, *Риттеръ*—съ 28-го октября 1906 г.; помощникъ инспектора Императорскаго Варшавскаго университета *Кудрявецъ*—съ 16-го сентября 1906 г.; сверхштатный помощникъ прозектора по каедрѣ патологической анатоміи того же университета *Петроконскій*—съ 10-го ноября 1906 г.; учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 1-й: *Добровъ*—съ 1-го августа 1906 г. и *Дауе*—съ 1-го февраля 1901 г., Варшавской 5-й, *Иосифовъ*—съ 1-го января 1906 г., Лодзинской частной Витановскаго, *Шмидтъ*—съ 1-го августа 1906 г., Калишской, *Власовъ*—съ 10-го сентября 1905 г., Кѣлецкой: *Друтинъ*—съ 10-го октября 1905 г. и (сверхштатный) *Кутривичъ*—съ 28-го марта 1906 г., Сѣдлецкой, *Бѣлцкій*—съ 18-го апрѣля 1906 г., Варшавскаго реального училища, *Тучалтсовъ*—съ 1-го ноября 1906 г., женскихъ гимназій: Варшавской 3-й, *Бѣлоруссовъ*—съ 1-го августа 1904 г., Радомской, *Шаблюевскій*—съ

20-го сентября 1904 г., Сувальской, *Прозоровскій*—съ 1-го сентября 1905 г. и Плоцкой, *Вертоградскій*—съ 1-го августа 1904 г., учительскихъ семинарій: Варшавской, *Ченикъ*—съ 1-го августа 1905 г., Солецкой, *Никольскій* и Вымыслинской, *Красильниковъ*, оба—съ 1-го октября 1906 г.; учитель-инспекторъ Лодзинскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища *Александровъ*—съ 1-го сентября 1906 г., врачъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства *Городыскій*—съ 18-го февраля 1906 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Варшавскаго реального училища *Янушевичъ*—съ 1-го января 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: начальникъ отдѣленія канцеляріи попечителя *Соболевъ*—съ 7-го января 1907 г.; ассистентъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства при кафедрахъ: лѣсоустройства, лѣсной таксаціи и лѣсоуправленія, *Перекрестовъ*—съ 17-го мая 1906 г.; учитель Бѣльскаго мужской гимназіи *Миллеръ*—съ 15-го ноября 1905 г.; сверхштатные ассистенты Императорскаго Варшавскаго университета: при діагностическо-терапевтической клиникѣ: *Залескій*—съ 1-го октября 1902 г. и при кафедрѣ сравнительной анатоміи и эмбриологіи, *Туръ*—съ 21-го ноября 1905 г.; штатный ординаторъ при госпитальной терапевтической клиникѣ того же университета *Розенштадтъ*—съ 4-го января 1905 г.; врачъ Калишской мужской гимназіи *Пестржинскій*—съ 1-го января 1905 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Петроковской мужской гимназіи *Хрѣновскій*—съ 1-го ноября 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: учитель-руководитель Варшавской учительской семинаріи *Дейнска*—съ 1-го августа 1902 г.; помощникъ дѣлопроизводителя канцеляріи попечителя *Жмакинъ*—съ 1-го февраля 1907 г.; помощники классныхъ наставниковъ мужскихъ гимназій: Варшавской 1-й, *Владиміровъ*—съ 1-го октября 1903 г. и Варшавской 5-й, *Галайша*—съ 1-го ноября 1904 г. и учитель приготовительнаго класса Ломжинской мужской гимназіи *Дулжъ*—съ 1-го декабря 1905 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари исправляющій должность помощника бібліотекаря Императорскаго Варшавскаго университета *Василевскій*—съ 8-го іюня 1906 г.; въ коллежскіе реисстраторы: дѣлопроизводитель канцеляріи Сѣдлецкой учебной дирекціи *Волозь*, помощники дѣлопроизводителей канцеляріи попечителя: *Преде* и *Романчукъ*, письменоводитель-бухгалтеръ и смотритель зданій Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища *Санчукъ*, бухгалтеры канцелярій учебныхъ дирекцій: Кѣлецкой, *Майборода* и Плоцкой, *Король*, пись-

ководители мужскихъ гимназій: Варшавской 1-й, *Пажитновъ*, Кѣлецкой, *Филипповъ* и Сувалкской, *Подбѣльскій*, штатный писецъ и смотритель зданій Радомской женской гимназій *Кузьмичъ* и канцелярскій служитель канцеляріи попечителя *Давецкичъ*, всѣ одиннадцать—съ 5-го октября 1906 г.

Утверждаются, въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: учителя: Радомской мужской гимназій, *Пырскій*—съ 1-го мая 1902 г., Варшавской 3-й женской гимназій, *Мозолеваскій*—съ 1-го сентября 1896 г. и Ломжинской мужской гимназій (сверхштатный), *Кобякъ*—съ 1-го августа 1902 г.; *титულлярнаго совѣтника*: врачъ Петроковской мужской гимназій *Вноровскій*—съ 1-го декабря 1901 г. и сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ гистологии и физиологии Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины *Часовниковъ*—съ 1-го февраля 1896 г., оба—по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*: ассистентъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства при кафедрѣ органической химіи и сельскохозяйственнаго химическаго анализа *Пицимука*—съ 16-го декабря 1904 г., по званію ученаго лѣсовода перваго разряда; учителя Луковскаго четырехкласснаго городского училища: *Денисенко*—съ 22-го августа 1901 г. и *Полонскій*—съ 1-го февраля 1901 г. и учитель ручнаго труда Бѣльскаго учительской семинаріи *Евдокименко*—съ 1-го іюля 1902 г. и помощники классныхъ наставниковъ: мужскихъ гимназій: Петроковской, *Воскобойниковъ*—съ 10-го октября 1902 г. и Люблинской, *Рыжковскій*—съ 15-го августа 1902 г., Калишскаго реальнаго училища, *Барановскій*—съ 1-го ноября 1902 г. и Варшавской шестиклассной мужской прогимназій, *Васильевъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; *коллежскаго регистратора*: учитель чистописанія, рисованія и черченія Лодзинскаго четырехкласснаго Александровскаго городского училища *Крыжановскій*—съ 1-го мая 1902 г. и помощникъ учителя того же училища *Загрина*—съ 19-го января 1902 г.

Опредѣляется на службу, личный почетный гражданинъ *Башикировъ*—вторымъ почетнымъ попечителемъ С.-Петербургской седьмой гимназій, на три года.

Назначается преподаватель Императорскаго Московскаго инженернаго училища вѣдомства путей сообщенія, приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ химіи, статскій совѣтникъ *Сперанскій*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра, по кафедрѣ химіи.

(17-го марта 1907 года, № 17). *Утверждаются*: гофмейстеръ Высочайшаго двора *Штюрмеръ*, отставной корнетъ князь *Друцкой-Соколынинскій* и потомственные почетные граждане: *Левинъ* и *Ижболдинъ*—почетными попечителями: *Штюрмеръ*—Кашинскаго Алексѣевского реальнаго училища, князь *Друцкой-Соколынинскій*—Пензенской первой гимназій, *Левинъ*—Коломенской гимназій и *Ижболдинъ*—Сарапульскаго Алексѣевского реальнаго училища, всѣ согласно избранію, на три года, изъ нихъ *Левинъ* съ 5-го марта, съ оставленіемъ *Штюрмера* гофмейстеромъ.

Перемѣщается экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Кілиничъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по кафедрѣ гигиены.

Увольняются отъ службы: согласно прошеніямъ: членъ совѣта министра, докторъ политической экономіи, тайный совѣтникъ *Антоновичъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вилецкій*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; согласно прошенію, по болѣзни, состоящій за штатомъ инспекторъ студентовъ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ *Борисенко*, съ 20-го января.

Умршій исключается изъ списковъ, директоръ Аренбургской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Хойнацкій*—съ 10-го февраля.

По Московскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторы народныхъ училищъ: Владимірской губерніи, *Декатовъ*, Нижегородской губерніи, *Зампаевъ*, Смоленской губерніи, *Науратовъ*, всѣ трое—съ 1-го марта 1906 г.; завѣдывающій модельно-столярною мастерскою Императорскаго Московскаго техническаго училища *Давыдовъ*—съ 15-го сентября 1906 г.; преподаватели Императорскаго Московскаго техническаго училища: *Киберъ* и *Реформатскій*, оба—съ 16-го іюля 1906 г., *Розановъ*—съ 24-го іюля 1906 г.; преподаватель реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила *Лебертъ*—съ 26-го октября 1905 г.; учитель Нижегородской четырехклассной прогимназій *Смоленскій*—съ 1-го декабря 1905 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Владимірской губерніи *Сухоруковъ*—съ 1-го іюля 1905 г.; лаборантъ при лабораторіи органической химіи Императорскаго Московскаго техническаго

училища *Шаргинъ* — съ 13-го августа 1906 г.; учителя: Московской 4-й гимназін, *Позевертъ* — съ 1-го сентября 1906 г., Тверской гимназін: *Платоновъ* — со 2-го іюля 1906 г. и *Масловъ* — съ 23-го января 1906 г., среднего механико-техническаго училища при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ: *Гусевъ* — съ 1-го іюля 1906 г. и *Карякинъ* — съ 1-го января 1906 г., Костромскаго средняго механико-техническаго училища имени *Θ. В. Чижова*, *Брюхановъ* — съ 28-го августа 1905 г.; наставникъ Киржачской учительской семинаріи *Лебедевъ* — съ 29-го сентября 1904 г.; преподаватель рисованія частной женской гимназін Брюханенко въ Москвѣ *Манковъ* — съ 25-го сентября 1906 г.; врачъ и преподаватель гигиены Нижегородскаго четырехкласснаго городского училища *Аврамовъ* — съ 24-го сентября 1905 г.; врачъ Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища *Цалкинъ* — съ 25-го января 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: секретарь совѣта и правленія Демидовскаго юридическаго лица *Карповъ* — съ 18-го іюля 1906 г.; преподаватель Московской 1-й гимназін *Поляковъ* — съ 10-го августа 1905 г.; учителя: Калужскаго реального училища, *Давы* — съ 11-го сентября 1904 г. и *Розенбергеръ* — съ 25-го октября 1904 г., частнаго реального училища Никитина, *Ефремовичъ* — съ 13-го сентября 1904 г.; сверхштатный преподаватель Московскаго учительскаго института *Бодановъ* — съ 16-го декабря 1904 г.; учитель-инспекторъ Сѣвскаго городского училища *Головачевъ* — съ 10-го марта 1904 г.; письмоводитель и бухгалтеръ общаго управленія промышленныхъ училищъ имени *Θ. В. Чижова* *Суворовъ* — съ 21-го марта 1906 г.; руководитель практическихъ работъ въ химико-техническихъ мастерскихъ Костромскаго низшаго химико-техническаго училища имени *Θ. В. Чижова* *Карякинъ* — съ 16-го сентября 1904 г.; наставники Киржачской учительской семинаріи: *Соколовъ* — съ 1-го октября 1904 г. и *Рубашкинъ* — съ 21-го августа 1902 г.; врачъ Елецкой женской гимназін *Смирновъ* — съ 17-го апрѣля 1904 г.; учитель Муромской женской гимназін *Целебровский* — со 2-го ноября 1904 г.; преподаватель Смоленской Маріинской женской гимназін *Николаевъ* — съ 15-го августа 1901 г.; учителя: Бѣжецкой школы ремесленныхъ учениковъ при Брянскомъ заводѣ, *Донченко* — съ 12-го сентября 1905 г., Чухломскаго сельскохозяйственно-ремесленнаго училища имени *Θ. В. Чижова* *Черняевъ* — съ 31-го іюля 1904 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Владимірской гимназін *Ширскій* — съ 18-го февраля 1906 г.; учителя: Муромскаго городского трехкласснаго училища, *Наумовъ* — съ 1-го

октября 1904 г., Вязниковскаго городского четырехкласснаго училища, *Кульковъ*—съ 1-го іюля 1904 г., Арзамасскаго четырехкласснаго городского училища: *Цыбышевъ*—съ 1-го сентября 1906 г. и *Козыревъ*—съ 15-го октября 1902 г., Богородскаго городского училища, *Бондамовъ*—съ 15-го августа 1906 г., Елецкаго городского училища, *Киселевъ*—съ 10-го февраля 1905 г., Макарьевскаго ремесленнаго училища имени Ѡ. В. Чижова, *Лебедевъ*—съ 11-го марта 1906 г., Елецкаго городского училища, *Рябининъ*—съ 1-го марта 1901 г.; сверхштатный учитель 1-го Смоленскаго городского училища *Федоровъ*—съ 13-го февраля 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры: бухгалтеръ Императорскаго Московскаго университета *Рутковский*—съ 22-го ноября 1896 г.; завѣдывающій Подольскою низшею ремесленною школою *Егерманъ*—съ 21-го августа 1903 г.; учитель школы ремесленныхъ учениковъ Нижегородскихъ цеховыхъ *Преображенскій*—съ 7-го декабря 1905 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ параллельныхъ классовъ Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища *Петровъ*—съ 21-го ноября 1905 г.; учителя: Тарусскаго городского трехкласснаго училища: *Глухаревъ*—съ 1-го августа 1904 г. и *Оситовъ*—съ 1-го апрѣля 1905 г., Живдринскаго Михайловскаго городского училища, *Умовскій*—съ 1-го августа 1905 г., Сергачскаго двухкласснаго городского училища, *Федоровъ*—съ 1-го іюля 1905 г., (сверхштатный) Елецкаго городского училища, *Війтолинъ*—съ 1-го августа 1905 г., Мценскаго городского училища, *Заусайловъ*—съ 1-го августа 1904 г., (сверхштатный) Карачевскаго городского училища, *Зубцовъ*—съ 1-го іюня 1906 г., Мало-Архангельскаго городского училища, *Травинскій*—съ 1-го іюля 1899 г., Орловскаго городского училища, *Черкасовъ*—съ 12-го августа 1905 г.; учитель-завѣдывающій 2-мъ Брянскимъ городскимъ училищемъ *Семеновъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: почетный смотритель Песоченской школы ремесленныхъ учениковъ *Шенлищевъ*—съ 9-го января 1905 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Костромской гимназіи, *Миролюбовъ*—съ 11-го апрѣля 1904 г., Нижегородскаго Владимірскаго реальнаго училища, *Виноградовъ*—съ 1-го февраля 1904 г.; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ Тверскаго реальнаго училища, нынѣ въ отставкѣ *Валановъ*—съ 8-го апрѣля 1904 г.; учителя: Живдринскаго Михайловскаго городского училища, *Шнейдеръ*—съ 12-го января 1903 г., Нижегородскаго четырехкласснаго городского училища, имени св. кн. Владиміра, *Хртновъ*—съ 3-го іюня 1899 г., Брянскаго 1-го городского училища, *Кодинъ*—

съ 20-го августа 1906 г., Солодовниковскаго городского училища *Захаровъ*—съ 15-го августа 1905 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: бывшіе помощники учителя, нынѣ учителя: Владимірскаго городского четырехкласснаго училища *Тихомировъ* — съ 21-го мая 1901 г., Дмитровскаго городского училища, *Дмитріевъ* — съ 30-го ноября 1902 г., пригготовительнаго класса Муромскаго реальнаго училища, *Зарькинъ*—съ 16-го августа 1904 г.; помощникъ учителя Верейскаго городского училища *Рыкуновъ* — съ 1-го октября 1905 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: помощники учителя: Богородскаго городского училища, *Шапошниковъ*—съ 22-го октября 1903 г., Клинскаго городского училища, *Курнаевъ*—съ 19-го мая 1904 г.; исправляющій должность письмоводителя Павловскаго ремесленнаго училища *Трофимовъ*—съ 1-го января 1901 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя: Александровскаго городского приходскаго училища: *Лисицынъ* — съ 1-го мая 1905 г. и *Доброчаевъ* — съ 14-го октября 1905 г., Сухиничскаго приходскаго мужскаго училища, *Смирновъ*—съ 15-го мая 1905 г., Ардатовскаго городского училища, *Перетрутовъ* — съ 16-го декабря 1905 г., Трубчевскаго городского мужскаго приходскаго училища, *Красниковъ*—съ 19-го мая 1905 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго советника*: инспекторы народныхъ училищъ Московской губерніи: коллежскій ассессоръ *Бонковскій* — съ 1-го марта 1902 г. и титулярный совѣтникъ князь *Щетининъ* — съ 1-го апрѣля 1902 г.; *коллежскаго ассессора*: преподаватель Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища *Лоновъ* — съ 19-го марта 1902 г.; сверхштатный преподаватель реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила *Лютеръ* — съ 24-го января 1902 г.; учитель-инспекторъ Юрьевскаго городского трехкласснаго училища *Никольскій* — съ 1-го февраля 1901 г.; учителя: Рязанской 1-й гимназіи, *Солодовниковъ* — съ 12-го марта 1902 г., Московской 4-й гимназіи, *Изоевъ* — съ 1-го октября 1902 г., Тульскаго реальнаго училища, *Добровицкій* — съ 7-го мая 1901 г., Костромскаго средняго механико-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова, *Соколовъ*—съ 1-го іюля 1901 г., Муромской женской гимназіи, *Нацевичъ*—съ 7-го марта 1902 г.; *титулярнаго советника*: учителя Макарьевскаго ремесленнаго училища имени Ѳ. В. Чижова: *Борисовъ* — съ 11-го сентября 1901 г. и *Юдинъ* — съ 23-го марта 1902 г.; *коллежскаго секретаря*: архитекторъ Императорскаго техническаго училища *Арбатскій* — съ 23-го мая 1906 г., по званію инженеръ-механика; учителя: Владимірскаго городского четырех-

класснаго училища, *Никольскій*—съ 1-го сентября 1901 г., Брянскаго 1-го городского училища, *Плотниковъ*—съ 14-го августа 1902 г., Дорогобужскаго городского училища, *Миropовъ*—съ 21-го августа 1901 г., Каширскаго городского трехкласснаго училища, *Зедировъ*—съ 1-го іюля 1901 г.; бывшіе учителя: 1-го Тульскаго городского четырехкласснаго училища, *Томиловъ*—съ 21-го августа 1901 г., приготовительнаго класса Кологривскаго сельско-хозяйственно-техническаго училища, *Наумовъ*—съ 1-го декабря 1902 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Рославльскои шестиклассной мужской прогимназіи *Авонскій*—съ 1-го августа 1894 г.; коллежскаго реестратора, бывший помощникъ учителя городского училища, нынѣ учитель Киржачскаго городского приходскаго училища *Миницкій*—съ 5-го декабря 1894 г.

(26-го марта 1907 года, № 19). *Опредѣляются* на службу, изъ отставныхъ: отставной генераль-маіоръ *Ползиковъ*—директоромъ Тульскаго дворянскаго пансіона-пріюта; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сыротчиковскій*—инспекторомъ классовъ женской гимназіи имени фонъ-Дервизъ, въ Москвѣ, съ 20-го января.

Опредѣляется на службу, купецъ 2-й гильдіи *Остерманъ*—почетнымъ попечителемъ Ставропольской учительской семинаріи, на три года.

Назначаются: экстраординарные профессора историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ: магистръ русской исторіи, статскій совѣтникъ *Савва* и магистръ римской словесности *Семеновъ*—ординарными профессорами того же института: Савва—по русской исторіи, а Семеновъ—по римской словесности, изъ нихъ послѣдній, сверхъ того, инспекторомъ названнаго института; магистры ветеринарныхъ наукъ, статскіе совѣтники: экстраординарный профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго института *Косяковъ* и сверхштатные экстраординарные профессора того же института: *Рязанцевъ*, *Мальцевъ* и *Трофимовъ*—сверхштатными ординарными профессорами названнаго института: Косяковъ по хирургической патологіи съ ветеринарнымъ акушерствомъ и клиникую наружныхъ болѣзней, Рязанцевъ—по зоофизиологіи, Мальцевъ—по оперативной хирургіи и Трофимовъ—по зоотоміи, и доцентъ названнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, надворный совѣтникъ *Ивановъ*—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ означеннаго института, по скотоводству съ діатетикой, всѣ пятеро со 2-го сентября 1906 г.

Утверждаются, согласно избранію: тайный совѣтникъ *Арсеньевъ*,

въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго двора, коллежскій совѣтникъ князь *Лобановъ-Ростовскій* и купецъ 2-й гильдіи *Ванюковъ*—почетными попечителями: первый—Тульскаго дворянскаго пансіона-пріюта, второй—Тульской гимназіи и послѣдній—Старорусскаго реального училища, всѣ на три года, съ оставленіемъ князя Лобанова-Ростовскаго въ придворномъ званіи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ Елисаветградскаго земскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Юрченко*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ сельскаго хозяйства *Барановъ*—съ 1-го января 1907 г.; директора гимназій: Варшавской 2-й, *Шимановскій*—съ 14-го марта 1904 г. и Мариампольской, *Бенедиктовъ*—съ 1-го октября 1905 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины *Кураевъ*—съ 28-го августа 1906 г.; причисленный къ министерству *Янковскій*—съ 21-го января 1907 г.; начальникъ архива министерства *Воеискій*—съ 24-го февраля 1907 г.; директоръ Поливановской учительской семинаріи *Беллюстинъ*—съ 30-го сентября 1904 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: директора гимназій: Ломжинской, *Архангельскій*—съ 24-го ноября 1906 г. и Калишской, *Александровскій*—съ 1-го декабря 1906 г.; помощникъ инспектора сѣверо-сирійскихъ школъ Императорскаго православнаго Палестинскаго общества *Спасскій*—съ 15-го января 1901 г.; учителя Назаретской учительской, имени В. Н. Хитрово, семинаріи того же общества: *Стасевичъ*, *Бояляленскій* и *Соловьевъ*, всѣ трое—съ 1-го августа 1906 г.; помощникъ управляющаго дѣлами пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ *Малисъ*—съ 8-го февраля 1907 г.; сотрудникъ Императорской археографической комиссіи *Лопаревъ*—съ 23-го января 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: преподаватель восточныхъ языковъ Императорскаго Казанскаго университета, магистръ турецко-татарской словесности *Катаповъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; помощникъ хранителя отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ *Пасхаловъ*—съ 19-го ноября 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: статскаго совѣтника: ординарные профессора Императорскаго Казанскаго университета: докторъ зоологіи, коллежскій совѣтникъ *Головинъ*—съ 11-го

ноября 1906 г. и докторъ римской словесности, коллежскій ассессоръ *Варнеке*—съ 20-го марта 1906 г.; *коллежскаго совѣтника*, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица, магистръ уголовного права, коллежскій ассессоръ *Фельдштейнъ*—съ 10-го мая 1904 г.; *коллежскаго ассессора*: учителя Назаретской, имени В. Н. Хитрово, учительской семинаріи Императорскаго православнаго Палестинскаго общества, *Колонуттовъ*—съ 15-го августа 1902 г. и *Сакъ*—съ 28-го августа 1902 года.

По Императорской Академіи наукъ. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: помощникъ правителя дѣлъ канцеляріи правленія академіи *Погожевъ*—съ 9-го января 1907 г. и старшій помощникъ бібліотекаря II отдѣленія бібліотеки академіи фонъ-*Галлеръ*—съ 8-го января 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, лаборантъ химической лабораторіи академіи *Бекетовъ*—съ 13-го декабря 1906 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: наблюдатели магнитно-метеорологической обсерваторіи въ гор. Екатеринбургѣ: *Изможеровъ* и *Морозовъ*, оба—съ 1-го іюня 1906 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, помощникъ управляющаго типографіей академіи *Нордгеймъ*—съ 5-го октября 1906 г.

По Императорской Публичной бібліотекѣ. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: бібліотекарь бібліотеки баронъ фонъ-*Нольде*—съ 17-го февраля 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, младшій помощникъ бібліотекаря бібліотеки *Банкъ*—съ 1-го октября 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощникъ завѣдывающаго читальнымъ заломъ бібліотеки *Балтромайтисъ*—съ 1-го января 1907 г.; младшій помощникъ бібліотекаря бібліотеки *Карташевъ*—съ 16-го августа 1902 года.

(2-го апрѣля 1907 года, № 20). *Назначаются*: членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, тайный совѣтникъ *Лукьяновъ*—предсѣдателемъ попечительнаго комитета Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, съ оставленіемъ его членомъ государственнаго совѣта и сенаторомъ; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Самарскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Волковъ* и инспекторъ частной четырехклассной прогимназіи Степанова, въ гор. Ростовѣ-на-Дону, статскій совѣтникъ *Степановъ*—директорами: первый—Самарскаго реальнаго училища, а второй—частной гимназіи Степанова, въ гор. Ростовѣ-на-Дону; преподаватель

С.-Петербургскихъ институтовъ: Александровскаго и сиротскаго Императора Николая I и Императорскаго археологическаго института, надворный совѣтникъ *Каринскій*—членомъ VI класса Императорской археографической комиссіи, съ 23-го января, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ должностяхъ.

Утверждаются, согласно избранію: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора реальнаго училища св. Филиппа Нарійскаго при римско-католической церкви св. Людовика, въ Москвѣ, статскій совѣтникъ *Фелы*—директоромъ того же училища; въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго двора, статскій совѣтникъ графъ *Олсуфьевъ*—почетнымъ попечителемъ Камышинскаго реальнаго училища, на три года, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, младшій гѣсной ревизоръ, завѣдывающій кливенгофскимъ гѣсничествомъ, Курляндской губерніи, надворный совѣтникъ *Понсетъ-де-Сандонъ*—адъюнктъ-профессоромъ Рижскаго политехническаго института, по гѣсному хозяйству.

Увольняется, согласно прошенію, государственный контролеръ, членъ государственнаго совѣта, предсѣдатель попечительнаго комитета Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, тайный совѣтникъ *Шванебахъ*—отъ должности предсѣдателя попечительнаго комитета названнаго института.

Увольняются отъ службы: согласно прошенію, директоръ реальнаго училища при римско-католической церкви св. Людовика, въ Москвѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фонде-де-Монтюссенъ*; согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тюменцевъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

V. ЦИРКУЛЯРЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (15-го марта 1907 года, № 5825). *О переводныхъ испытаніяхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Имѣющіяся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свѣдѣнія о положеніи учебно-воспитательнаго дѣла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства свидѣтельствуютъ о настоятельной необходимости принятія мѣръ не только къ поднятію дисциплины, но что уже не-

однократно указывалось въ послѣднее время, но и къ улучшенію собственно учебной части. Успѣшность и степень познаній учащихся почти всюду замѣтно понизились, что объясняется, главнымъ образомъ, неблагоприятными условіями, какія переживаетъ наша средняя школа, но также и введенною нѣсколько лѣтъ тому назадъ системой перевода учащихся въ слѣдующіе классы безъ испытанія, по годовымъ отбѣткамъ: рассчитанная на нормальныя условія школьной жизни, эта система оказалась мало состоятельной при настоящемъ положеніи дѣла и не оправдала возлагавшихся на нее ожиданій. Посему одною изъ мѣръ, могущихъ поднять до извѣстной степени уровень познаній учащихся, особливо малоуспѣвающихъ, министерство народнаго просвѣщенія считаетъ возстановленіе переводныхъ испытаній, какъ средства къ закрѣпленію приобрѣтенныхъ учащимися знаній и одного изъ болѣе дѣйствительныхъ способовъ провѣрки таковыхъ.

Признавая необходимымъ, чтобы переводныя испытанія были произведены въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, уже предстоящею весною, но не находя возможнымъ, въ виду краткости срока, остающагося до времени экзаменовъ, предлагать къ руководству педагогическимъ совѣтамъ общія для всѣхъ правила о переводныхъ испытаніяхъ, министерство народнаго просвѣщенія предоставляет означеннымъ совѣтамъ установить, по ближайшему своему усмотрѣнію и сообразно съ мѣстными условіями, въ какихъ классахъ и по какимъ предметамъ слѣдуетъ произвести переводные экзамены, а равно и выработать всѣ подробности производства таковыхъ экзаменовъ.

Объ этомъ увѣдомляю ваше превосходительство, для надлежащаго распоряженія по ввѣренному вамъ учебному округу.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Лесгафтъ, Э. Краткій курсъ физической географіи. Изданіе

3-е, испр. и дополн. С.-Пб. 1906. Стр. 229. Цѣна 1 р.“ (для VIII классовъ женскихъ гимназій, а также для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Никольцевъ, П.* Ариметика. Изданіе 8-е, В. В. Думнова. М. 1907. Стр. VII+272. Цѣна 70 коп.“

— „*Полвановъ, Левъ.* Краткій учебникъ русской грамматики (синтаксисъ и этимологія). Изданіе 15-е. М. 1907. Стр. 127+V. Цѣна 50 коп.“

— „*Преображенскій, А.* Краткая русская грамматика. Часть 1-я. Этимологія. Изданіе 17-е, В. В. Думнова. М. 1906. Стр. VI+115. Цѣна 35 коп.“

— „*Преображенскій, А.* Русская грамматика. Часть 2-я. Синтаксисъ. Изданіе 17-е, В. В. Думнова. М. 1905. Стр. VIII+136. Цѣна 50 коп.“

— „*Ришманъ, Д. Л.* Религіозный обиходъ евреевъ. Вильна. 1906. Стр. II+53. Цѣна 25 коп.“

— „*Roussy, A.* Cours de langue française basé sur la méthode directe. 3-me partie. (Morceaux choisis). Kief. 1906. Pages IV+II+230. Prix 1 rouble 25 cop.“

— „*Темномъровъ, Аполлоній.* Священная исторія ветхаго завѣта. С.-Пб. 1907. Стр. 121+III. Цѣна 25 коп.“ (также для городскихъ по Положенію 31-го мая 1872 г. училищъ).

— „*Чекала, С.* Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ. Изданіе В. В. Думнова. М. 1906. I. Начальный курсъ. Изданіе 33-е. Стр. XVI+122. Цѣна 60 коп.“—II курсъ. Изданіе 19-е. Стр. VIII+198. Цѣна 80 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Bastin, J., et Paul Ackerman.* Aperçu de la littérature française. 3-me édition. St. Pbg. 1907. Pages XX+314. Prix 1 rouble 30 cop.“ (для старшихъ классовъ, въ качествѣ пособия при прохожденіи французской литературы).

— „*Грековъ, Ѳ. В.* Образцы обученія письму. М. 1907. Часть 1-я. Первоначальное русское и церковно-славянское письмо. Изданіе 10-е. Стр. 20. Цѣна 10 коп.—Часть 2-я. Французское и нѣмецкое письмо. Изданіе 7-е. Стр. 16. Цѣна 15 коп.“ (для младшихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи 2-ой части авторомъ былъ тщательно пересмотрѣнъ и исправленъ отдѣлъ нѣмецкаго письма).

— „*Daudet, Alphonse. Le petit chose. Extraits annotés par A. Roussy* (Bibliothèque française à l'usage des écoles et des familles. Volume 1). Kïef. 1906. Pages IV+101+2+IX+XXXV+4. Prix. 50 cop.“

— „*Конобъ, Е. и А. Гумбертъ. Краткій сборникъ правилъ французской орфографіи. 3-е изданіе, маг. „Сотрудникъ шеоль“. М. 1906. Стр. VII+63. Цѣна 30 коп.“*

— „*Поливановъ, Левъ. Русская хрестоматія. Часть II. Изданіе 20-е. М. 1907. Стр. XXII+448. Цѣна 1 р. 20 коп.“*

— „*Чекала, С. Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ. Изданіе В. В. Думнова. III курсъ. Изданіе 14-е. М. 1907. Стр. 192. Цѣна 80 коп.—IV. Курсъ старшихъ классовъ. Изданіе 7-е. М. 1906. Стр. XIV+464. Цѣна 1 р. 40 коп.“*

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Любатовичъ, В. С. Учебникъ прямолинейной тригонометріи и сборникъ тригонометрическихъ задачъ для техникувъ и техническихъ учебныхъ заведеній. М. 1906. Стр. VII+186. Цѣна 1 р.“* (съ тѣмъ; чтобы въ слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи учебныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Виташевскій, Н. А. По тайгѣ за золотомъ. По дневнику и письмамъ автора переработали Н. Я. Мануилова и Н. А. Виташевскій. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. 272. Цѣна 1 руб. 25 коп.“*

— „*Нечаевъ, А. П. Что говорятъ камни? По книгѣ Г. Петерса „Bilder aus der Mineralogie und Geologie“. Съ предисл. А. А. Иностранцева. 2-е испр. и доп. изд., А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. XIV+486. Цѣна 2 р.“*

— „*Позняковъ, Н. И. Рыцари. Повѣсть изъ шеольной жизни. Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1906. Стр. 134. Цѣна 60 коп.“*

— „*Полыновъ-Сверцевъ, Г. Т. Наши дѣды-кушцы. Бытовья кар-*

тины начала XIX столѣтія. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. 328. Цѣна 3 р., въ перепл. 3 р. 75 коп.“

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Барышниковъ, П.* Первая послѣ буквара книга для чтенія. 7-е изд., К. И. Тихомирова. М. 1906. Стр. 120. Цѣна 30 коп.— Вторая книга. 7-е изд. Стр. 176. Цѣна 35 коп.— Третья книга. Изд. 6-е, испр. Стр. 208. Цѣна 35 коп.“

— „*Барышниковъ, П.* Книга для чтенія на урокахъ русскаго языка. Часть 4-я и 5-я. Курсъ 4-го и 5-го года обученія. Вып. I-й. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1906. Стр. 280. Цѣна 75 коп.“ (для 2-хл. сельск. учил.).

— „*Гразовскій, I. и I. Лозельчикъ.* Таргилей гасигнонь, т. е. Стилистическія упражненія. Вильна. 1906. Стр. 48. Цѣна 30 коп.“ (для евр. учил.).

— „*Грековъ, Ѡ. В.* Образцы обученія письму. Часть 1-я. Первоначальное русское и церковно-славянское письмо. Изд. 10-е. М. 1907. Стр. 20. Цѣна 10 коп.“

— „*Гречушкинъ, С., и А. Сомдинъ.* 1) Россія въ картинахъ. Художеств. альбомъ въ 120 картинъ.—2) Очерки по географіи Россіи. Объяснит. текстъ къ альбому. Изд. В. В. Думнова. М. 1906. Стр. 396. Цѣна 25 р., текстъ отдѣльно 1 р.“ (въ качествѣ класснаго пособія).

— „*Михеевъ, И. С.* Грамматическія упражненія. 4-е изд. Казань. 1906. Часть I. Стр. 36. Цѣна 10 коп.— Часть II. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“

— „*Михеевъ, И. С.* 1) Наглядный русскій буквварь и первая книга для чтенія. 4-е изд. Казань. 1906. Стр. 88. Цѣна 20 коп.—2) Вторая книга для чтенія. Казань. 1906. Стр. 96. Цѣна 30 коп.“ (для инородч. нач. учил.).

— „*Михеевъ, И. С.* Сочиненіе въ начальной школѣ по картинкамъ. Казань. 1906. Книжки 1—10, изъ нихъ кн. 1—4 и 7 во 2-мъ изд. Цѣна каждой книжки 8 коп.“

— „*Петровъ, К. Ѳ.* Звѣздочка. Сборникъ статей. 9-е, вновь пересм. изд., А. С. Панафидиной. М. 1906. Стр. VIII + 218. Цѣна 40 коп.“

— „*Ратнеръ, Б.* Агавать Ціонъ ве-Іерушолоимъ. Трактаты: Клянимъ и Маасротъ. Вильна. 1907. Стр. VI+137.“ (для евр. учил.).

— „*Сатаровъ, В. Н.* Практическій курсъ элементарной грамматики. 7-е изд., т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 153 + IV. Цѣна 15 коп.“

— „*Сатаровъ, В. Н.* Родные посѣвы. Изд. 3-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. 1-я книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Стр. 132. Цѣна 30 коп.—2-я книга. Стр. 174 + П. Цѣна 35 коп.“

— „*Ушинскій, К. Д.* Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 1-й. Изд. 134-е. С.-Пб. 1907. Стр. 110. Цѣна 25 коп.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Гразовскій, І., и І. Іохельчикъ.* Таргилей гасигнонь, т. е. Стилистическія упражненія. Вильна. 1906. Стр. 24. Цѣна 20 коп.“ (для евр. учил.).

— „*Михеевъ, И. С.* Руководство ко второй книгѣ для чтенія. Казань. 1906. Стр. VIII + 72. Цѣна 50 коп.“ (для инородч. нач. учил.).

— „*Михеевъ, И. С.* Сочиненіе въ начальной школѣ по картинкамъ. Книжка для учащихся. 2-е изд. Казань. 1906. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „*Отъшковъ.* Краткія дидактическія указанія для готовящихся къ преподавательской дѣятельности. Изд. 3-е, Н. Киммеля. Рига. 1907. Стр. 35. Цѣна 30 коп.“

— „*Ушинскій, К. Д.* Родное слово. Годъ 3-й. Отдѣлъ 1-й—грамматическій. Первоначальная практическая грамматика съ хрестоматією. Изд. 22-е. С.-Пб. 1905. Стр. VI + 224. Цѣна 40 коп.“

— „*Чернышевъ, В.* Забытые труды К. Д. Ушинскаго. С.-Пб. 1907. Стр. 36. Цѣна 20 коп.“

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Колокольникова, В.* Ниль. Разсказъ. Изд. И. Глазунова. (Доступная библіот. № 58). С.-Пб. 1907. Стр. 40. Цѣна 15 коп.“

— „*Колокольникова, В.* Очерки Афганистана, Белуджистана и Персія. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1906. Стр. 118. Цѣна 25 коп.“

— „*Опочининъ, Е.* Непутевый. Изд. ред. журн. «Юная Россія». (Библіот. для семьи и школы). М. 1907. Стр. 15. Цѣна 5 коп.“

— „*Опочининъ, Е.* Рождественское богомолье воеводы. Легенда. Изд. ред. журн. «Юная Россія» (Библіот. для семьи и школы). М. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Позняковъ, Н. И.* Товарищъ. Повѣсть изъ школьной жизни. 4 изд., А. Ф. Девриена. С.-Пб. Стр. 248. Цѣна въ перепл. 2 руб.“

— „*Покровский, Н.* Какъ росло и строилось Русское государство. Разсказы изъ русской исторіи. Часть II. Царствованіе дома Романовыхъ. Изд. М. Д. Наумова. М. 1906. Стр. 185 + 1 карта. Цѣна 60 коп.“

— „*Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.* Будеть и пребудеть. Очеркъ изъ поволжскихъ типовъ недавняго прошлаго. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1906, Стр. 101. Цѣна 10 коп.“

— „*Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.* Друзья. Разсказъ. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1906. Стр. 18. Цѣна 3 коп.“

— „*Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.* Душевный человѣкъ. Изъ волжскихъ сказаній. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1906. Стр. 24. Цѣна 3 коп.“

— „*Шмидтъ, Хр.* 200 разсказовъ для дѣтей младшаго возраста. Переводъ съ нѣм. А. Н. Непловой. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 270 + П. Цѣна 1 руб.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Барышниковъ, П.* Книга для чтенія на урокахъ естествовѣдѣнія. Курсъ 4-го и 5-го года обученія. Вып. 2-й. Изд. К. И. Ти-

хомирова. М. 1907. Стр. 312. Цѣна 85 коп.“ (для сельск. 2-хл. учил., съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи авторомъ тщательно были пересмотрѣны и исправлены отдѣлы статей по физикѣ и метеорологіи).

— „Сатаровъ, В. Н. Родные посѣвы. 3-я книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Изд. 2-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 240. Цѣна 60 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Турцевичъ, Ар. Русская исторія (въ связи съ исторіей Велик. княжества Литовскаго). 9-е изд. Вильна. 1906. Стр. VI + 155. Цѣна 55 коп.“ (для городск. учил., а также для женскихъ гимназій, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Самсоновъ, В. Методическое руководство для веденія школьныхъ сочиненій. Изд. Фену и К°. С.-Пб. 1907. Стр. 141. Цѣна 60 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными министерствомъ, нижеслѣдующія книги:

1) „С. Костинскій. О. А. Бредихинъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Николаевъ. 1905 г.“—признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ бібліотекъ среднихъ техническихъ училищъ.

2) „И. Г. Максимовъ. Счетоводство. Краткій историческій очеркъ развитія счетоводства и его значеніе въ торгово-промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ предпріятіяхъ. С.-Пб. 1906. Цѣна 50 к.“—признана пригодною для ученическихъ бібліотекъ тѣхъ промышленныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается счетоводство.

3) „*Н. Н. Ермолинъ*. Методъ полной и правильной простановки размѣровъ на рабочихъ чертежахъ. Съ атласомъ чертежей. С.-Пб. 1906 г.“—признана заслуживающей рекомендаціи, въ качествѣ учебнаго пособия, для техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ.

4) „*Н. И. Козловскій*. Сухая перегонка дерева лиственныхъ и хвойныхъ породъ. Съ атласомъ чертежей. Казань. 1905 г.“—признана заслуживающей вниманія въ качествѣ учебнаго пособия для промышленныхъ училищъ.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ ¹⁾.

— „*Ефимова, Е.* Рыцарство. (Истор. комиссія учебн. отд. общ. распр. технич. знаній). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 144. Цѣна 45 коп.“

— „*Золотаревъ, Л. А.* Самообразование сельскихъ хозяевъ, 2-е изд., испр. и доп. М. 1906. Стр. 80. Цѣна 30 коп.“

— „*Илювайскій, Д. И.* Исторія Россіи. Томъ I. Періоды Кіевскій и Владимірскій. Изд. 2-е, пересм. и доп. М. 1906. Стр. XX+775. Цѣна 4 руб.“

— „*Ковалевскій, М. М.* Русская конституція. II. Избирательное право. (Политич. библіот. «Биржевыхъ вѣдомостей», вып. 6-й). С.-Пб. 1906. Стр. 36. Цѣна 5 коп.“

¹⁾ Въ силу Высочайшаго повелѣнія 2-го декабря 1905 г., бесплатныя народныя читальни и библіотеки, въ отношеніи своего книжнаго состава, подчинены общимъ правиламъ о публичныхъ библіотекахъ. Желая, однако, содѣйствовать завѣдывающимъ народными библіотеками, учрежденными при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также и завѣдующимъ означенными читальнями въ выборѣ подходящихъ книгъ, министерство поручило ученому комитету продолжать дѣятельность по разсмотрѣнію произведеній печати и публиковать списки тѣхъ книгъ, которыя по своему содержанію могутъ быть доступны и полезны, а потому наиболѣе желательны въ народной библіотекѣ.

Съ такою же дѣлю ученымъ комитетомъ изданъ въ минувшемъ декабрѣ списокъ вышедшихъ въ прежнее время, начиная съ 1891 г., книгъ въ различныхъ изданіяхъ, признанныхъ наиболѣе подходящими по своей цѣнѣ и качествамъ для народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— „*Нечаевъ, А. П.* Что говорятъ камни? По книгѣ Г. Петерса «*Bilder aus der Mineralogie und Geologie*». Съ прилж. А. А. *Ию-страницева*. 2-е испр. и доп. изд., А. Ф. Девриена. С.-Пб. Стр. XIV+486. Цѣна 2 руб.“

— „*Носковъ, Н. Д.* Земскіе соборы. (Политич. библиот. подъ ред. *Н. П. Ивлюкова, А. С. Посникова* и *В. Н. Воронцова*, вып. 1-й). 2-о изд. С.-Пб. 1906. Стр. 45. Цѣна 5 коп.“

— „*Пестржецкій, Д.* Обзоръ аграрнаго проекта конституціонно-демократической партіи. С.-Пб. 1906. Стр. 63. Цѣна 7 коп.“

— „*Пестржецкій, Д.* Пищевое довольствіе крестьянъ и принудительное отчужденіе. С.-Пб. 1906. Стр. 97. Цѣна 10 коп.“

— „*Сенкевичъ, Г.* За моремъ. Разсказъ изъ американской жизни переселенцевъ. Съ польскаго *Ф. В. Домбровскаго*. С.-Пб. 1907. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“

— „*Сенкевичъ, Г.* Поселянка. Лѣсная картинка. Съ польскаго *Ф. В. Домбровскаго*. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 16. Цѣна 15 коп.“

— „*Сенкевичъ, Г.* Татарская неволя. Съ польскаго *Ф. В. Домбровскаго*. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 40. Цѣна 10 коп.“

— „*Шейдъ, К.* Химическіе опыты для юношества. Переводъ съ нѣм., подъ ред. *Е. С. Ельчанинова*. Изд. «*Mathesis*». Одесса. 1907. Стр. 187. Цѣна 1 руб. 20 коп.“

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Съ 19-го по 23-е августа (нов. ст.) сего года въ г. Бостонѣ (Сѣв. Америкѣ) имѣеть собраться VII международный конгрессъ зоологій. Желающіе получить болѣе подробныя свѣдѣнія о семъ конгрессѣ, благоволятъ обращаться по адресу: Cambridge, Mass., U. S. A. Samuel Henshaw, secrétaire du Comité central de la Société de zoologistes.

РУССКІЕ ПОХОДЫ ВЪ СТЕПИ ВЪ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВОЕ ВРЕМЯ И ПОХОДЪ КН. ВИТОВТА НА ТАТАРЪ ВЪ 1399 ГОДУ ¹⁾:

Кромѣ того, мы имѣемъ и другія указанія, подтверждающія, что битва съ татарами на Калѣѣ происходила близъ юго-восточныхъ границъ русской земли, въ районѣ, не особенно удаленномъ отъ р. Днѣпра. Уже одно то обстоятельство, что въ походѣ противъ татаръ принимали энергичное участіе князья днѣпровскаго лѣвобережья: черниговскій, путивльскій, курскій, переяславльскій и другіе князья указанной области, говоритъ, повидимому, въ пользу того, что гроза собиралась близъ границъ указанныхъ земель и задѣвала ихъ существенные интересы.

Принимая затѣмъ во вниманіе тотъ сочувственный откликъ и поддержку, каковую оказалъ во время означеннаго похода на татаръ, въ 1224 г., строго *практичный и расчетливый* суздальскій князь, Юрій II, зорко наблюдавшій за своей днѣпровскою вотчиною и ставшійся не выпускать ее изъ-подъ сферы своего вліянія, можно полагать, что онъ оказывалъ помощь не для какихъ-то неопредѣленныхъ, малопонятныхъ, фантастическихъ или безшабашныхъ предпріятій въ степи, а для отраженія дѣйствительно грозовыхъ тучъ татарскаго урагана, зловѣще придвигавшагося къ границамъ русской земли. Косвеннымъ намѣкомъ на то, что дѣло касалось юго-восточныхъ предстепныхъ окраинъ Руси, можетъ служить, повидимому, отказъ рязанскихъ князей, участвовать въ общемъ походѣ противъ татаръ: ихъ область находилась далеко отъ тѣхъ предѣловъ, которымъ грозили татары, и они предпочли уклониться отъ участія въ дѣлѣ, касающемся

¹⁾ *Окончаніе.* См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1907 годъ.

интересовъ южной Руси. Кроме того, интересно, что при описаніи этого похода, лѣтопись передала намъ еще одну подробность, показывающую, что дѣло съ татарами происходило на территоріи, издавна занятой половцами, и у границъ Руси, а именно: татарское войско, выступивъ противъ половцевъ и прошедши черезъ всю ихъ землю, достигло границъ Руси у такъ называемаго *половецкаго вала*. Вотъ какъ говорить объ этомъ лѣтопись: „придоша бо ти Таурмени всю страну Куманьску и придоша *близъ Руси*, идеже зовется валъ Польшчскы“ ¹⁾. Такимъ образомъ, здѣсь является ясное свидѣтельство лѣтописи о томъ, что татары придвинулись къ предѣламъ русской земли ²⁾. Отсюда понятнымъ становится намъ и то отправленіе татарами своихъ пословъ къ Зарубу, для мирныхъ переговоровъ: находясь въ столь недалекомъ разстояніи отъ русскихъ предѣловъ, татарамъ не трудно было своевременно узнать о движеніи русскаго войска и о цѣли его похода. Вторичное посольство татаръ, повидимому, происходило въ рѣшительный моментъ и было отправлено къ тому мѣсту, которое находилось на границѣ со степью: это была послѣдняя попытка со стороны татаръ придти къ какому-нибудь мирному соглашенію; быть можетъ, впрочемъ, здѣсь врылась какая-нибудь хитрость, къ какой обыкновенно прибѣгали степняки въ затруднительномъ положеніи: весьма возможно, что привышіе къ осторожнымъ, осмотрительнымъ дѣйствіямъ, степняки пытались въ данномъ случаѣ вывѣдать о составѣ и силѣ русскихъ войскъ и объ общемъ ихъ настроеніи. Лѣтопись сохранила намъ любопытныя черты, свидѣтельствующія о томъ, какъ зорко наблюдали татары за всѣмъ тѣмъ, что происходило на сторонѣ русскихъ: узнавъ, что русскіе двигаются по рѣкѣ, татары послали развѣдчиковъ разузнать о числѣ подходившей на помощь русскимъ ратной силы ³⁾.

¹⁾ Новгород. лѣт. по синод. списку, стр. 216; Лавр. лѣт., стр. 424.

²⁾ Что касается упоминаемаго въ лѣтописи Половецкаго вала, то подъ этимъ именемъ, быть можетъ, скрывается одинъ изъ тѣхъ огромныхъ, тянувшихся на цѣлыя десятки и даже сотни верстъ валовъ, которыми обильно усажены берега р. Орели, и которые существовали здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Р. Орель издавна служила какъ бы границей между осѣдлымъ міромъ и кочевымъ, и потому охранные и защитные валы огромной величины составляютъ здѣсь характерное явленіе, на которое и обратила свое вниманіе лѣтопись. Этими древними валами пользовались, какъ извѣстно, въ смыслѣ защиты, въ сравнительно недавнее отъ насъ время, приспособляя и перестраивая древніе валы для новыхъ служебныхъ въ военномъ отношеніи цѣлей. Такъ, мы пользовались русскіе въ царствованіе Петра Великаго и Анны Иоанновны.

³⁾ „Пришедши же вѣсти во станы, яко пришли суть подосмотряти оладіи русскія,

Кромѣ всего вышесказаннаго, въ лѣтописи сохранилась еще одна характерная подробность, свидѣтельствующая о томъ, что татары воевали дѣйствительно у русскихъ предѣловъ. Описывая погромъ русскихъ на р. Калкѣ, лѣтопись говоритъ, что татары, одержавъ побѣду, доходили до такъ называемаго Новгорода Святополчскаго. Трудно, конечно, согласиться съ тѣмъ, что въ этомъ Новгородѣ можно было видѣть тотъ городъ, который былъ построенъ Святополкомъ II, и который находился на Витичевомъ холмѣ надъ Днѣпромъ: огромное разстояніе, отдѣляющее это мѣсто отъ Калки, исключаетъ возможность признать въ немъ Новгородокъ Святополчскій. Въ самомъ дѣлѣ, если бы татары доходили до нынѣшняго Витичева, отстоящаго верстъ на 60—70 отъ Кіева, то, конечно, это было бы уже въ глубинѣ русской земли, и лѣтопись, безъ сомнѣнія, упомянула бы объ этомъ. Затѣмъ, едва-ли возможно допустить, чтобы татары, одержавъ побѣду гдѣ-то въ глубинѣ степей, какъ это считали до сихъ поръ, могли затѣмъ быстро пройти степи и заняться опустошеніемъ русской земли. По всей вѣроятности, подъ этимъ именемъ кроется одинъ изъ тѣхъ городковъ, которые были воздвигаемы Русью на степномъ пограничьи: установившіяся мало по малу дружественныя отношенія съ половцами позволяли русскимъ выдвигать сюда свою колонизацію, благодаря которой русскіе постепенно занимали эти мѣста. Теперь понятнымъ станетъ намъ и то сообщеніе лѣтописи о томъ, что татары встрѣтили послѣ погрома по пути города и села русскіе, жители которыхъ выходили съ крестами на встрѣчу татарамъ ¹⁾. Выше, при описаніи Савова и савовцевъ, мы имѣли уже случай говорить о связи населенія юго-восточнаго пограничья и съ тѣми мѣстами, которыя расположены на правой сторонѣ Днѣпра, близъ с. Соколова и Витичева. Интересно, что въ періодъ правленія Святополка II строятся на Витичевомъ холмѣ городокъ, получающій названіе по имени своего строителя. Весьма возможно, что такой же городокъ былъ воздвигнутъ упомянутымъ княземъ и на степномъ, юго-восточномъ пограничьи Руси. А что лѣтопись прошла объ этомъ фактѣ молчаніемъ, — уди-

слышавше Данилъ Романовичъ, и всѣдъ на конь гна, и сущи конници и ниніи мнози князи съ нимъ гнаша видѣти рати“. Воскрес. лѣт., стр. 130.

¹⁾ „Татаромъ же побѣдившимъ Рускіа князи, за прегрѣшеніе христіанское, и дошедшимъ имъ до Новагорода Святополчскаго, Русь же, не вѣдаеху злости и лести Татарскіе и ненависти на христіанъ, исхождаху противу имъ со кресты, они же забиваху всѣхъ“. Воскресен. лѣт., стр. 132.

вляться нельзя: лѣтопись обыкновенно упоминаетъ при случаѣ о томъ или другомъ лицѣ или событіи, и весьма часто пропускаетъ интересныя для насъ подробности, которыя всплываютъ затѣмъ иногда совершенно неожиданно.

Въ лѣтописномъ разсказѣ, какъ извѣстно, сохраняется еще одна подробность, имѣющая также отношеніе къ выясненію района столкновеній Руси съ татарами—это именно *бродники*. Послѣдніе сыграли во время боевъ съ татарами крайне некрасивую роль: ихъ воевода, Плоскыня, христіанинъ, далъ клятву отпустить за выкупъ засѣвшихъ на вершинѣ холма, въ крѣпости, русскихъ, если они сдадутся. Когда же русскіе, повѣривъ ему, сдались, онъ связалъ ихъ и выдалъ татарамъ¹⁾. Является вопросъ: кто были эти, упоминаемые лѣтописью, бродники, гдѣ они жили и какова была ихъ роль въ исторіи?

Какъ показываетъ само названіе, бродники получили свое названіе отъ того дѣла, какимъ они занимались, т. е. отъ постояннаго мѣстожителства у бродовъ, или переправъ, охранять которые они имѣли специальное назначеніе. Это были, какъ видно, вооруженные поселенцы, выдвинутые Русью для защиты торгово-промышленныхъ трактовъ, издавна проходившихъ черезъ южно-русскія степи. Въ одномъ изъ своихъ трудовъ мы имѣли уже случай говорить, насколько важны были въ древней Руси переправы черезъ рѣки или болота, и какъ дорожили ими, особенно въ военное время. Такъ какъ на юго-востокѣ Руси, въ силу условій тогдашней жизни, страна постоянно находилась на военномъ положеніи, то и поселенное близъ бродовъ населеніе должно было нести военную службу, становясь такимъ образомъ, мало-по-малу, постояннымъ войскомъ. Оно несло такимъ образомъ двойную службу: съ одной стороны,—защищало выдвинутое въ степь русское населеніе, а, съ другой,—защищало мѣста переправъ черезъ рѣки. Судя по всему, оно находилось близъ пограничья со степями, частью на самомъ пограничьи, представляя собой какъ бы передовыя форпосты русской колонизаціи въ степи; по вѣрѣ и языку они, конечно, походили на своихъ единоплеменниковъ—рускихъ. Тѣсная связь ихъ съ Русью и долгое совмѣстное житье, наконецъ, единство вѣры и, вѣроятно, языка—были причиной того, что умывшееся

¹⁾ „Ту же и бродники быша старше, и воевода ихъ Плоскыня, тѣмъ окаяннѣмъ холодавъ крестъ ко князю Мстиславу и обѣима князема, яко ихъ не избити и пустити ихъ покупитъ, и слагать окаянный продасть ихъ связавъ татарамъ“. Лѣт. по академ. сп., стр. 482.

послѣ битвы съ татарами, подъ защиту укрѣпленій на вершинѣ каменстаго холма, русское войско повѣрило бродникамъ и согласилось капитулировать.

Приведенные факты, повидимому, весьма много говорятъ въ пользу того, что столкновенія съ татарами происходили гдѣ-то близъ юго-восточнаго пограничья Руси, въ мѣстности, расположенной неподалеку отъ р. Днѣпра. Остается, такимъ образомъ, точнѣе опредѣлить мѣсто, гдѣ произошелъ знаменитый бой руси съ татарами въ 1224 году.

Нѣсколько выше мы опредѣлили уже базу русскихъ военныхъ силъ на Днѣпрѣ, признавъ ее находящейся неподалеку отъ начала пороговъ. Мы опредѣлили также и мѣсто бродовъ, упомянутыхъ въ лѣтописи, приурочивъ ихъ къ тѣмъ расположеннымъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Днѣпра и текущимъ параллельно послѣднему рѣчкамъ, которыя носятъ названіе *Проточъ*,—имя, весьма близкое къ лѣтописному *Протолчъ*. Необходимо замѣтить, что районъ мѣстности по теченію Днѣпра, въ предѣлахъ отъ устья р. Ворсклы вплоть до конца пороговъ, можетъ быть по справедливости названъ страной бродовъ: здѣсь находились чрезвычайно удобныя мѣста для переправъ вбродъ черезъ Днѣпръ; здѣсь же, къ востоку отъ Днѣпра, находилась мѣстность, также избородженная бродами, проходившими и черезъ низовья р. Ворсклы, Орели и Самары, и черезъ болотистыя русла рѣчекъ Проточей и имъ подобнымъ. Особенно интересна для насъ мѣстность, расположенная на перенути между р. Днѣпромъ и нижнимъ теченіемъ р. Самары: здѣсь находился весьма важный стратегическій пунктъ, имѣвшій большое значеніе для всей территоріи, расположенной къ югу отъ р. Орели, вплоть до самаго моря. Здѣсь находился, такъ сказать, ключъ ко всему нижнему Приднѣпровью: кто хотѣлъ владѣть послѣднимъ, съ восточной стороны, тотъ долженъ былъ позаботиться прежде всего о захватѣ низовьевъ р. Самары, гдѣ находилась удобная переправа черезъ означенную рѣку; въ противномъ случаѣ, р. Самара представляла огромную преграду, такъ что желавшій съ лѣваго ея берега попасть на правый долженъ былъ дѣлать громадный обходъ, съ востока, вокругъ верховьевъ означенной рѣки и затѣмъ уже попасть въ назначенное мѣсто. Вотъ на низовьяхъ-то р. Самары, близъ того мѣста, къ которому съ лѣвой стороны подходятъ прибрежныя лѣса этой рѣки, а съ правой—устье р. Килчень или Калчень, и находился тотъ стратегическій пунктъ, о которомъ мы говорили раньше. Несомнѣнно, что этотъ стратегическій пунктъ былъ весьма важенъ какъ для одной, такъ и

для другой стороны соперниковъ, а отсюда понятно, что и бой между ними долженъ былъ происходить въ этомъ именно пунктѣ, близъ переправы черезъ р. Самару. Разсмотрѣніе окружающихъ это мѣсто условій и находящихся тамъ названій мѣстностей подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы посмотримъ на карту р. Самары съ окружающей послѣднюю мѣстностью, то увидимъ, что нѣсколько ниже г. Новомосковска впадаетъ въ р. Самару небольшая рѣченка *Кильчень*, черезъ которую близъ ся устья проходитъ большой трактъ изъ Екатеринослава на Новомосковскъ. Вотъ близъ этой-то р. Кильчень и находился важный стратегическій пунктъ, у котораго, повидимому, и произошелъ кровавый бой руси съ татарами.

Самое названіе р. Кильчень или же Кальчень весьма много подходитъ къ лѣтописному Калка или же Кална. На эту мысль наводитъ насъ также то, что лѣвый притокъ р. Орели, берущій свое начало близъ верховьевъ р. Кильчень и впадающій въ Орель близъ м. Перещепена, носитъ названіе *Шир. Кальченка*. Слѣдовательно, можно полагать, что гдѣ-то вблизи была и другая рѣка, носившая полное названіе своего имени—*Калка*. Въ Сводн. лѣт., въ прилож. 2 (Воскр. сп.), подъ 1225 г. сказано: „Бой бысть великому князю Кіевскому Мстиславу Романовичю и съ нимъ князей русскихъ на *Калкахъ*“ (Сводн. лѣт., стр. 275). Слѣдовательно, здѣсь говорится о Калкахъ, т. е. о двухъ или нѣсколькихъ рѣкахъ съ указаннымъ именемъ. Въ той же Свод. лѣтописи, подъ 1235 годомъ сказано: „Сѣде въ Кіевѣ Пяславъ Мстиславичъ Романовича, котораго на Калкахъ убили“ (стр. 275).

Подтвержденіемъ послѣдняго положенія служить карта Боплана, на которой отмѣчены извѣстные броды на указанныхъ рѣкахъ, при чемъ бродъ на р. Кильчень названъ *Kalmowe brod*, что очень близко къ лѣтописному названію Кална или же Калка¹⁾.

Интересно отмѣтить также, что впадающіе въ Самару, близъ означенной р. Кильчень, притоки носятъ названіе: одинъ — Татарка, а другой — Красна, получившіе свои имена, по всей вѣроятности,

¹⁾ См. Карту Левас. Боплана Кіевского воеводства. Въ Воскресен. лѣтописи находятся варианты слова Калка, которое пишется, то какъ *Калка*, то какъ *Калма*. Въ извѣстномъ трудѣ француз. ученаго Cahun'a—Introduction à l'histoire, de l'Asie—Калка названа Kaleza: „Djébé et Souboutnii promènèrent... jusqu'à une position étudié à l'avance, derrière la Cáleza“. Cahun, p. 302.

вслѣдствіе давняго знакомства первой съ татарами, а второй — съ кровавыми столкновениями въ ея окрестностяхъ.

Кромѣ вышеназложенныхъ соображеній, мы имѣемъ еще нѣкоторыя данныя относительно мѣстности, гдѣ находилась упоминаемая въ лѣтописяхъ Калка или же Калки. Такъ, послѣ пораженія татаръ на Куликовомъ полѣ, въ 1380 г., Мамай бѣжалъ на югъ, поближе къ крымской ордѣ: уходить домой, въ Сарай, было нельзя въ виду неудачи предпріятія. Вскорѣ затѣмъ, въ томъ же году, Мамай рѣшилъ еще разъ напасть на московскаго князя. Но у послѣдняго явился неожиданный помощникъ въ лицѣ Тохтамыша, который, заручившись благоволеніемъ Тамерлана, двинулся на Мамай. Битва произошла, какъ говорятъ лѣтописи, на *Калкахъ*. Мамай былъ разбитъ наголову, бѣжалъ въ Крымъ, въ г. Кафу, къ генуэзцамъ, гдѣ и былъ убитъ ¹⁾.

Это послѣднее предпріятіе Мамай на Русь имѣетъ такую тѣсную связь съ куликовской битвой, такъ быстро послѣдовало за послѣдней, что нѣкоторыя западно-европейскія хроники, помѣстивъ описаніе борьбы Мамай съ Димитріемъ Донскимъ, повидимому, слили эти два предпріятія или битвы въ одно и приурочили мѣсто боя къ какому-то не вполне понятному и переданному, повидимому, по нѣмечцки пункту—Flawasser. Вотъ какъ говорится въ одной изъ нихъ объ этомъ: „Quo etiam tempore inter Russos et Tartaros maximum a memoria hominum habitum est proelium, in loco qui dicitur Flawasser, ut solent ambae nationes magnis agminibus non stantes pugnare, sed incurrentis jacuari et ferire, mox retrocedere“ ²⁾.

У Карамзина (т. V, прим. 81) вслѣдъ за словомъ Flawasser поставлено въ скобкахъ: (Blau-Wasser, т. е. Синяя-Вола). Такъ объяснено это слово Карамзинымъ, приурочившимъ его къ р. Синюхѣ

¹⁾ Въ приведенномъ у Карамзина примѣчаніи (см. т. V, стр. 43, прим. 88) находится выписка изъ лѣтописей (Ростовской, Софійск. Врем. и пр.) объ этой битвѣ: „срѣтоса (Мамай и Тохтамышъ) на Калкахъ, и Тохтамышъ побѣди. Мамаевы же князи, смедше съ кошей своихъ и биша челомъ царю Тахтамышу и даше ему правду (присягу) по своей вѣрѣ... Мамай же побѣже съ своими единоплеменники. Царь же Тохтамышъ посла за нимъ въ погоню. Мамай же прибѣже въ Кафу со множествомъ злата и сребра, и ту отъ нихъ убиенъ бысть лестою“. У Даниловича сказано, что Мамай и Тохтамышъ „stretoszasia na Kalkach, i byst'im boj, i car Tochtamysz pobiedi Mamaja i pohna jeho, Mamajewy ze kniazia szedsze s konei, bicia szelom cariu Taktamyszuz“. Danilowicz, Latopisiec Litwy, p. 197.

²⁾ Stranz, Wandalica, kn. IX, стр. 207.

или Синія-Воды, притоку южнаго-Буга. Конечно, зная районъ столкновеній Мамая съ Москвой, трудно согласиться, чтобы здѣсь говорилось о столь отдаленной отъ р. Дона мѣстности, какъ р. Синія-Воды, находящейся на правой сторонѣ Днѣпра. Московское войско, насколько извѣстно, не заходило столь далеко, въ погонѣ за татарами, здѣсь, очевидно, крестя какая-то несообразность въ объясненіи Карамзина. Еще можно бы отчасти согласиться съ этимъ, если бы Тохтамышъ былъ въ южной Руси на правой сторонѣ Днѣпра. Но, какъ извѣстно, Тохтамышъ въ это время жилъ на востокъ: обласанный Тамерланомъ, Тохтамышъ находился на Закавказьи, въ такъ называемой Синей-Ордѣ, которая находилась за „Желѣзными Вратами“ Кавказа ¹⁾).

Мы полагаемъ, что въ объясненіи означеннаго слова произошла ошибка, по той, повидимому, причинѣ, что комментаторамъ была извѣстна р. Синія-Воды нѣсколько раньше, и именно извѣстна своимъ боемъ здѣсь кн. Ольгерда съ татарами. Въ виду этого, опираясь только на звуковое сходство названія, комментаторы не задумались передать слово *Flawasser* черезъ *Синія Воды*, прибѣгнувъ при этомъ къ перемѣнѣ буквы *F* въ букву *B* и прибавивъ затѣмъ въ середину еще одну букву *u*, послѣ чего уже и получилось *Blau-Wasser* или Синія-Воды, въ русскомъ переводѣ. Но такое объясненіе, въ силу своей большей искусственности, врядъ ли можетъ считаться удовлетворительнымъ. Скорѣе здѣсь можно предполагать простую перестановку двухъ буквъ, одной на мѣсто другой, столь часто практиковавшуюся въ древности переписчиками, а именно: вмѣсто *Fla* могло стоять раньше *Fal*, такъ что слово читалось: *Falwasser*, обозначающее собой водопадъ или порогъ. Принимая это толкованіе, мы получимъ, что послѣдняя рѣшительная битва между соперниками происходила *близъ днѣпровскихъ пороговъ*, т. е. у *Wasserfal*.

Если сопоставить лѣтописное извѣстіе о битвѣ Мамая съ Тохтамышемъ на Калкахъ съ извѣстіемъ нѣмецкаго источника, говорящаго, что битва между соперниками произошла у *Falwasser*, то окажется, что они говорятъ объ одномъ и томъ же фактѣ, при чемъ нѣмецкій источникъ дѣлаетъ болѣе характерное опредѣленіе мѣстности боя,

¹⁾ „О семъ же Темирѣ (Тамерланѣ) повѣдала нѣци, яко сперва не царь бѣ, ни сынъ царевъ, ни племени княжеска, ни боярина, но отъ простыхъ нищихъ людей, отъ *Синій-Орды*, иже бѣ за Желѣзными-Вратами“ и т. д. См. Карамзина, т. V, гл. II. примѣчаніе 150.

приурочивая его къ порогамъ, близъ которыхъ, по нашему мнѣнiю, и находилась древняя р. Калка.

Это филологическое объясненiе слова можетъ также имѣть подтвержденiе и въ историческихъ обстоятельствахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ пораженiя на Куликовомъ полѣ, Мамай бѣжалъ, но не въ Сарай, куда показываться было крайне опасно, такъ какъ неудачнику грозила гибель, а въ ту отдѣлившуюся отъ Золотой Орды область, которая была извѣстна подъ именемъ Перекопской Орды или же Крымской, и которая только одна была бы въ состоянiи въ то время оказать помощь Мамаю. Перекопская Орда занимала довольно удобную по своему положенiю мѣстность, значительно удаленную отъ Золотой Орды и лежавшую поручь съ литовскими владѣнiями. Последнее обстоятельство было чрезвычайно важно для Мамаю, который, задумавъ новый походъ на Москву, и не имѣя достаточныхъ для того силъ, долженъ былъ держаться близъ земель своего союзника—литовскаго князя. Кромѣ того, Перекопская Орда имѣла еще и то значенiе, что она залегала на пути изъ Сурожскихъ странъ въ Русь и могла серьезно грозить торговлѣ послѣдней съ побережьями Чернаго и Азовскаго морей. Въ Крымъ спасаются и другiе неудачники, если счастье поворачивалось не въ ихъ сторону. Сюда, какъ извѣстно, уходять и Тохтамышъ, послѣ того, какъ онъ потерпѣлъ неудачу въ борьбѣ съ Тамерланомъ, въ 1395 году. Слѣдовательно, можно полагать, что Мамай шелъ на Москву не отъ Мариуполя, гдѣ врядъ ли было столько удобствъ, какъ въ угодьяхъ Перекопской Орды, а отъ границъ послѣдней, и что онъ двигался, придерживаясь Литовскихъ окраинъ. Если припомнить, что татары въ 1224 году двигались на Русь послѣ предварительнаго похода на Крымъ, и что изъ Крыма же шелъ на Витовта п Эдигей въ 1399 году, то можно полагать, что они шли одной и той же, наиболѣе удобной и обычной дорогой, т. е. близъ Днѣпра. Этимъ же путемъ долженъ былъ проходить и Мамай, чтобы встрѣтить литовскую помощь. А такъ какъ выше пороговъ находились удобныя переправы черезъ Днѣпръ, то близъ нихъ можно было разсчитывать и на помощь союзниковъ—литовцевъ. Слѣдовательно, назавши на Мамаю въ началѣ его похода, Тохтамышъ поступилъ очень предусмотрительно, не допустивъ до соединенiя съ литовскими силами и разбивъ его неподалеку отъ литовскихъ границъ, на Калкахъ, т. е. близъ пороговъ. Что Мамаева орда нѣкогда воевала близъ пороговъ, видно изъ того, что здѣсь, напротивъ Никополя, есть рѣка Мамай-Сурка и урочище Мамай, а неподалеку еще недавно сохра-

нялись развалины татарскихъ мечетей. Кромѣ того, въ мѣстности близъ устьевъ р. Самары, какъ показали раскопки Д. И. Эварницкаго, находились татарскія поселенія съ половины XIV ст. ¹⁾

Открытый въ 1851 году, въ Екатеринославской губерніи, близъ с. Воскресенки (Александров. у.), крупный кладъ восточныхъ монетъ, большинство которыхъ принадлежитъ хану Тохтамышу и отчеканено въ разныхъ городахъ Закавказья: Дербентѣ, Баку, Шамахѣ, Шабранѣ и пр., даетъ весьма цѣнныя указанія относительно мѣстоположенія загадочной р. Калки, на которой, какъ извѣстно, Мамай былъ разбитъ Тохтамышомъ въ 1380 году. Такъ какъ большинство монетъ означеннаго клада относится къ тому періоду, когда Тохтамышъ пребывалъ на Закавказьи и въ Персіи, т. е. до 1380 г., и, повидимому, тамъ гдѣтъ ни одной, которая восходила бы выше этой даты ²⁾, то можно полагать, что кладъ былъ зарытъ кѣмъ-либо изъ сподвижниковъ Тохтамыша во время движенія послѣдняго изъ Прикавказскихъ степей на Мамай, убѣжавшаго послѣ неудачи на Куликовомъ полѣ въ южно-русскія степи, расположенныя между нижнимъ теченіемъ Днѣпра и Дона.

Вѣроятно, этотъ кладъ былъ зарытъ еще до столкновенія съ Мамаемъ, въ то болѣе или менѣе тревожное время, когда не было еще извѣстно, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ—на сторонѣ ли Мамай или же Тохтамыша. А если это такъ, то находеніе клада съ Тохтамышевыми монетами въ мѣстности, расположенной значительно *западнѣе* нынѣшняго Калміуса, указываетъ, повидимому, на то, что и битва на р. Калкѣ означенныхъ соперниковъ произошла въ значительномъ разстояніи къ западу отъ р. Калміуса, т. е. въ мѣстности близъ р. Днѣпра.

Наконецъ, еще одна подробность, говорящая за то, что лѣтписная Калка должна была находиться въ расположенныхъ поближе къ Днѣпру мѣстахъ,—это каменность холмовъ по теченію р. Калки, отмѣченная лѣтописью: „сталъ бо бѣ (Мстиславъ Кіевскій) на горѣ, надъ рѣкой надъ Калкомъ, бѣ бо *мѣсто то камянисто*“... ³⁾. Если мы припомнимъ, что каменные породы пересѣкаютъ область Днѣпра какъ разъ въ указанной нами мѣстности, то и тотъ каменистый холмъ,

¹⁾ См. Каталогъ Екатериин. област. музеи, 1905 г., стр. 52, 54. Кромѣ того, см. Отч. Импер. Археол. ком. за 1883—4 гг., стр. II.

²⁾ Записки Импер. Рус. Археол. Общ., стар. серія, т. V, стр. 66—68. Описаніе монетъ Воскресенскаго клада, сдѣланное ориенталистомъ П. С. Савельевымъ.

³⁾ Новгород. лѣт., по синод. списку, стр. 218.

о которомъ сообщается въ лѣтописи, находился на одномъ изъ тѣхъ шпильей, которые расположены по теченію р. Кильчень. Быть можетъ, даже это былъ тотъ холмъ, который составляетъ собою мысообразный выступъ прирѣчнаго плато въ долину р. Дигъпра.

Кромѣ всего вышеизложеннаго, мы имѣемъ также еще и другія, не менѣе правдоподобныя доказательства того, что калкское побоище происходило неподалеку отъ Дигъпра.

Извѣстно, что половцы, а вслѣдъ за ними и бродники, какъ это выяснено учеными (Брунъ и Успенскій), послѣ татарскаго погрома въ степяхъ, въ 1224 году, переселились въ Венгрію и были подчинены вѣдѣнію Гранскаго епископа; извѣстно также существованіе въ XIII-мъ столѣтіи особаго „*леата апостольскаго престола въ областяхъ половецкихъ*“, т. е. въ то еще время, когда эти кочевники жили въ южнорусскихъ степяхъ; извѣстенъ такъ-называемый словарь половецкаго языка, или, лучше сказать, краткій списокъ наиболѣе необходимыхъ для постоянныхъ торгово-промышленныхъ сношеній съ половцами словъ послѣднихъ; извѣстны, наконецъ, неоднократныя миссіонерскія странствованія католическихъ монаховъ въ половецкія степи; все это говоритъ, конечно, въ пользу того, что страна половецвъ и ихъ сосѣдей бродниковъ была неоднократно посѣщаема предприимчивыми народами западной Европы, преимущественно жителями итальянскихъ морскихъ державъ. Эти сношенія, конечно, носили прежде всего практическій, утилитарный характеръ и выросли на почвѣ торгово-промышленныхъ связей. А что южная Русь въ удѣльно-вѣчвое время вела торговля связи съ западной Европой при посредствѣ многочисленныхъ генуэзскихъ и венеціанскихъ колоній, расположенныхъ на сѣверныхъ побережьяхъ Чернаго моря, на это существуютъ многочисленныя доказательства: въ Кіевѣ проживало множество западно-европейскихъ купцовъ изъ Пизы, Генуи, Венеціи, Падуи и проч.; Кіевъ велъ отпускную торговлю сырыми произведеніями съ означенными странами; въ Кіевѣ, наконецъ, находилось даже поселеніе западно-европейцевъ, извѣстное въ лѣтописи подъ именемъ „*латины*“ и т. д. Эти сношенія центра южной Руси съ западной Европой, при трудности и опасности сухопутныхъ передвиженій, велись главнымъ образомъ при помощи Дигъпра. Понятно, что, часто проѣзжая послѣднимъ, западно-европейскіе купцы все болѣе и болѣе знакомились съ обитавшимъ по его берегамъ населеніемъ, въ числѣ котораго, конечно, были половцы и бродники, и старались оказывать на него вліяніе. Отсюда—миссіонерскія предпріятія легатовъ апостольскаго престола. Вѣроятно, подъ

вліяніемъ указанныхъ причинъ, половцы и бродники, поставленные въ невыгодныя условія вслѣдствіе возникновенія новой силы, татарской, залегшей въ предѣлахъ южной Руси и постаравшейся прибрать въ свои руки всѣ ея торгово-экономическіе ресурсы, и рѣшаютъ оставить предѣлы Руси и переселиться подальше на западъ, въ удобныя и соответствующія характеру ихъ быта мѣста Венгріи.

Что операціи татаръ въ 1224 году касались главнымъ образомъ Приднѣпровья и имѣли не какой-нибудь случайный характеръ, а являлись слѣдствіемъ строго обдуманнаго и заранее составленнаго плана, осуществленіе котораго, въ силу медленной, но точно рассчитанной политики монголовъ, какъ извѣстно, было произведено нѣсколько позже, но начало котораго впервые появилось во время этого перваго крупнаго столкновенія татаръ съ русью на берегахъ рѣки Калки,—можно убѣдиться и изъ другихъ данныхъ, повидимому довольно вѣскихъ и основательныхъ.

Извѣстно, что ко времени появленія татаръ въ юго-восточной Европѣ крупная роль по части коммерческихъ операцій съ востокомъ принадлежала венеціанцамъ, которые вели эту торговлю такъ называемымъ южнымъ путемъ, черезъ сѣверныя побережья Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей и черезъ Кавказъ. Такъ какъ Кіевъ, въ силу своего положенія на узлѣ торгово-промышленныхъ путей, ведущихъ изъ западной Европы на востокъ, принималъ значительную долю участія въ этихъ торговыхъ операціяхъ съ востокомъ, то онъ, естественно, являлся крайне невыгоднымъ конкурентомъ для венеціанъ, отбивая у нихъ добрую часть доходовъ. Вотъ для того, чтобы сохранить за собой всѣ выгоды монопольной торговли, венеціанцы и составили планъ разрушить въ концѣ мѣшавшій имъ путь черезъ Кіевъ, въ чемъ имъ оказали большія услуги ихъ друзья, монголы. Такимъ образомъ, нападеніе татаръ на главные приднѣпровскіе пункты—Кіевъ, Переяславль, Черниговъ и пр.—дѣлалось чрезвычайно тактично и было задумано и исполнено методически, какъ бы по заранее составленному и строго обдуманному плану. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ извѣстный французскій ученый А. Cahun, въ своемъ трудѣ, подъ заглавіемъ *Introduction à l'histoire de l'Asie*: „Кіевъ былъ не только священнымъ городомъ, но и огромнымъ складочнымъ пунктомъ товаровъ южныхъ странъ; монголы съ остервененіемъ бросились его разрушать и уничтожать сухопутный торговый путь. Но почему же? Вѣдь, они не имѣли религіозной ненависти; сверхъ того, былъ даже приказъ уважать свята мѣста, падить цер-

кви и ихъ служителей. Почему же такое остервенѣніе противъ Кіева? Если херошенью припомнить, что со времени разрушенія въ 1240 г. сухопутной дороги венеціанцы, жившіе въ Крыму, удерживаютъ въ своихъ рукахъ монополію торговли съ дальнимъ востокомъ, и что они производятъ ее морскимъ путемъ и черезъ Кавказъ, то, быть можетъ, можно будетъ догадаться о томъ, какіе совѣтники руководили монголами, бывшими въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ венеціанцами въ ихъ систематическомъ опустошеніи кіевской земли?¹⁾ А, чтобы знать, каковы были тѣ люди, которые брались за выполненіе начертаннаго венеціанцами плана, лучше всего можно видѣть изъ той характеристики военнаго дѣла монголовъ, которая сдѣлана тѣмъ же французскимъ ученымъ. Вотъ она: „Выдѣленіе мелкихъ отрядовъ вокругъ основнаго большаго ядра войска, быстрыя вращательныя движенія послѣднихъ — движенія, которыхъ тяжелыя массы средневѣковаго войска не умѣли ни отражать, ни избѣгать, — такова тактика монголовъ; съ другой стороны, еще до начала войнъ, построенныхъ на научныхъ основаніяхъ, монголы умѣли распорядиться войсками на мѣстѣ сраженія съ помощью точныхъ и быстрыхъ приѣмовъ. Но, чѣмъ собственно обладали монголы XII-го столѣтія въ совершенствѣ, — это знаніе стратегическихъ комбинацій и точность движеній, обуславливающія могущественную организацію. Одни только монголы умѣли, въ средніе вѣка, комбинировать, искусно проводить къ землямъ, направлять и производить эволюціи большими военными силами, они только одни умѣли подчинять всѣхъ однообразной военной дисциплинѣ. Они впервые устроили въ своей арміи постоянные кадры, съ правильной іерархіей чиновъ, гарантированной повышеніемъ (за заслугу)“²⁾.

¹⁾ „Kiev n'était pas seulement une ville sainte; c'était le grand entrepôt commercial du Sud; les Mongols s'acharnèrent à le détruire, à ruiner la route commerciale par terre. Pourquoi? Ils n'avaient point de haine religieuse; d'ailleurs, la consigne était de respecter les lieux saints, de ménager les églises et les clergés. Pourquoi cet acharnement à Kiev? Si l'on veut bien considérer qu'à partir du sac de la route commerciale par terre en 1240, les Vénétiens de Crimée tiennent le monopole du commerce avec l'extrême Orient, et qu'ils le prennent par la route de mer et le Caucase, on soupçonnera, peut-être, quels conseillers ont guidé les Mongols, les bons amis de Venise, dans leur dévastation systématique de la Kiovie“. Ad. Cahun. Introduction à l'histoire de l'Asie, p. 349—350.

²⁾ „Ce petit nombre qui entoure le grand, ces mouvemens tournants que les masses pesantes du moyen-âge ne savent ni parer, ni éviter, c'est affaire de tactique; d'autres, avant la renaissance de la guerre savante, ont su manier des trou-

Если это такъ, и если признать, что татары были искусными завоевателями, прекрасно знакомыми съ разумными основами военного дѣла, то ихъ походы на Русь являлись не случайными, какъ бы легкими военными экспедиціями, а строго обдуманными и рассчитанными предпріятіями, построенными по всѣмъ правиламъ военной тактики. Въ виду того обстоятельства, что татары, насколько то можно замѣтить изъ ихъ военныхъ дѣйствій, имѣли обыкновеніе, намѣтивъ къ покоренію какую-либо страну, приступать къ дѣлу не сразу, а послѣ цѣлаго ряда подготовительныхъ приемовъ и дѣйствій, можно полагать, что и относительно покоренія южной Руси татары примѣняли тѣ же тактическіе приемы. Въ самомъ дѣлѣ, задумавъ (въ 1238 г.) покорить южную Русь, татары не идутъ на нее напрямикомъ, а останавливаются на Подоньи, подчиняютъ послѣднее своей власти и, обезпечивъ такимъ образомъ свой тылъ и коммуникаціонную линію съ Средней Азіей, приступаютъ къ выполненію своей главной задачи. Можно полагать поэтому, что и движеніе татаръ въ 1224 году имѣло ту же цѣль, т. е. покореніе находящейся на южно-русскомъ пограничьи полосы половецкихъ земель, чтобы, при наступленіи на южную Русь, обезпечить свой тылъ. Такимъ образомъ, татары въ оба раза— и въ 1239, и въ 1224 годахъ—дѣйствуютъ какъ бы по одному плану и выполняютъ серьезную подготовительную задачу, т. е. подчиняютъ своей власти предстепную половецкую полосу, имѣвшую тѣсную связь съ Русскою землею и представлявшую два центра: на Подоньи и въ области рр. Орели и Самары.

Вышеприведенные доводы, полагаемъ, позволяютъ сдѣлать заключеніе, что столкновеніе русскихъ съ татарами на р. Калкѣ, въ 1224 году, не стоитъ особнякомъ, а находится въ связи со многими предшествующими походами, составляя съ ними одно изъ органическихъ, тѣсно связанныхъ всѣми условіями тогдашней жизни, звеньевъ. Поэтому, и опредѣленіе главныхъ моментовъ его произведено нами не на основаніи отдѣльныхъ разсужденій, а въ связи съ

per sur le champ de bataille, par des méthodes précises et rapides. Mais ce que les Mongols du XIII-e siècle possédèrent en propre, c'est la science des combinaisons stratégiques, et la sûreté de mouvements qu'assure une puissante organisation. Seuls, au moyen âge, les Mongols ont su réunir, acheminer vers le terrain, diriger et faire mouvoir des grandes armées; seuls ils ont plié toutes les volontés à une discipline uniforme. Les premiers ils ont donné à leurs soldats de véritables cadres permanents avec une hiérarchie régulière, un avancement garanti". Cahun. Introduction à l'histoire de l'Asie, p. 345-6.

цѣлымъ рядомъ фактовъ предшествовавшихъ, имѣвшихъ аналогичный характеръ и тѣсное съ нимъ соотношеніе.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Юго-восточный отдѣлъ русской земли съ незапамятныхъ временъ принималъ первые удары кочевниковъ съ востока.

2) Въ лѣвобережномъ Приднѣпровьи, представлявшемъ собою замкнутый между двумя рѣчными долинами—днѣпровской и десняско-сейменской—треугольникъ земель, обращенный вершиной къ Кіеву, а основаніемъ къ востоку, наиболѣе безопасной стороной являлась средняя, защищенная рядомъ параллельно идущихъ другъ другу рѣчекъ (Ворскла, Псла, Хорола, Сула, Супой, Трубежь и проч.) и порослью лѣсовъ и болотъ при нихъ, а наиболѣе доступной—краевыя полосы, танущіяся параллельно днѣпровской и десно-сейменской долинамъ.

3) Въ днѣпровскомъ лѣвобережьи, служившемъ объектомъ безчисленныхъ нападений кочевниковъ съ востока, существовало два половецкихъ пути: одинъ шелъ мимо верховьевъ рѣкъ Ворсклы, Псла, Хорола, Сулы, Удая, Супоя и проч. и десно-сейменской долиной и направлялся къ Кіеву; другой—пересѣкалъ низовья рѣкъ Ворсклы, Псла, Сулы, Супоя, Трубежа и направлялся къ Переяславию. Главнымъ половецкимъ путемъ, наиболѣе для нихъ удобнымъ и важнымъ, былъ путь черезъ низовья означенныхъ рѣкъ. Этимъ путемъ половцы какъ проникали въ Русь, такъ и возвращались изъ послѣдней. Большинство походовъ русскихъ въ степи совершалось по вышеназванному пути.

4) Близость лѣвобережья къ степямъ заставляла правителей русской земли рано обращать вниманіе на эту область и выдвигать впередъ, въ степи, свои границы и сторожевыя линіи.

5) Крайней границей русской земли съ юго-востока была рѣка Ворскла, защищенная чащей лѣсовъ въ своей верхней и средней частяхъ и рядомъ городищъ въ южной.

6) На пути половецкихъ вторженій, русскіе поселяли, съ цѣлью защиты страны, инородческія племена, выходцевъ изъ степей, и строили крѣпости. Наиболѣе значительный контингентъ выходцевъ изъ степей доставляли торки, тѣсными половцами.

7) Въ Переяславльской землѣ было два центра инородческихъ поселеній: первый находился на верховьяхъ рѣкъ Остра, Удая, Ромна, Супоя и проч.; второй—въ районѣ днѣпровской долины и

примыгавшихъ къ ней равнинныхъ, покрытыхъ степями плато, въ предѣлахъ, отъ низовьевъ рѣки Трубежа къ рѣкѣ Сулѣ и отъ послѣдней къ югу до рѣки Ворсклы. Наиболее удобный и плотно заселенный кочевниками участокъ представляла полоса отъ низовьевъ рѣки Трубежа до рѣки Сулы. Другіе выходцы изъ степей—берендѣи, туркѣи и проч., поселялись, въ послѣдовательномъ порядкѣ, въ мѣстахъ къ югу отъ низовьевъ рѣки Сулы до рѣки Ворсклы.

8) Инородческія поселенія въ предѣлахъ между низовьями рѣки Сулы и Ворсклой, находясь въ опасной, подверженной частымъ нападеніямъ съ востока мѣстности, не отличались прочной привязанностью къ русскимъ и весьма часто дѣйствовали вопреки интересамъ послѣднихъ, сообщая половцамъ всѣ, болѣе или менѣе важныя, выдающіяся свѣдѣнія какъ по части политической, такъ и по части военной.

9) Быстрая передача въ степи свѣдѣній о событіяхъ въ русской землѣ свидѣтельствуеетъ о непрерывности, вплоть до самыхъ степей, населенія, хотя бы отчасти и полукошевого, въ предѣлахъ юго-восточной Руси. Неоднократные крупныя походы русскихъ въ степи черезъ указанную мѣстность, походы въ сопровожденіи многочисленнаго, иногда смѣнявшагося на пути обоза, также подтверждаютъ высказанное нами на этотъ счетъ положеніе.

10) За рѣкой Ворсклой, между нижнимъ теченіемъ послѣдней и рѣкою Орелью, кочевали родственныя торкамъ и половцамъ племена, которыя, придвинувшись къ границамъ Руси, подъ вліяніемъ разнаго рода условій, то переходили на сторону русскихъ, то тяготѣли къ степнякамъ.

11) Основное ядро инородческихъ, главнымъ образомъ, тюркскаго корня, поселеній въ южной Руси находилось въ приднѣпровской долинѣ и прилегающихъ къ послѣдней мѣстахъ, соответствующихъ искомымъ вышеназванными переселенцами условіямъ жизни.

12) Подъ вліяніемъ непрерывнаго напора съ востока замѣчается постепенное отступленіе приходившихъ въ русскіе предѣлы и поселявшихся главнымъ образомъ на прилегавшихъ къ Днѣпру равнинахъ кочевниковъ все дальше въ глубь русской земли, и переходъ ихъ на правую сторону Днѣпра, въ область р. Роси, защищенную съ востока р. Днѣпромъ и воинственными обитателями его побережій, а съ юга—чащами густыхъ лѣсовъ и линіей рѣкъ и болотъ.

13) Сходство условій жизни на предстепной окраинной территоріи южной Руси, какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонахъ Днѣпра, было причиною одинаковыхъ пріемовъ, практиковавшихся относительно

охраны указанныхъ мѣстъ, и живой связью между пограничными полосами правой и лѣвой сторонъ Днѣпра служили степные выходцы, которые, изъ опасенія мести со стороны половцевъ, зачастую переводятся съ лѣвой стороны Днѣпра на степное пограничье правой стороны указанной рѣки.

14) Въ виду связей степныхъ поселенцевъ восточной и западной окраинъ южной Руси съ приднѣпровской долиной, главный узелъ кочевническихъ поселеній находился на непосредственно примыкавшей къ Днѣпру равнинной территоріи, и сюда-то и направляютъ свои набѣги половцы, и здѣсь-то происходитъ между Русью и кочевниками сеймы, переговоры и договоры.

15) Мѣстоположеніе пунктовъ, избравшихся для переговоровъ съ степняками, можетъ служить прекраснымъ показателемъ той высоты политическаго уровня южной Руси, какой имѣла эта страна сравнительно со степью въ то или другое время; при превосходствѣ одной стороны надъ другой, мѣсто, избравшееся для переговоровъ, имѣло большое значеніе: въ періодъ перевѣса Руси надъ степью переговоры устраивались на пограничьи съ послѣдней; въ періодъ упадка — въ глубинѣ русской земли.

16) Походы русскихъ въ степи велись, главнымъ образомъ, не въ силу тѣхъ или иныхъ желаній или отваги лицъ княжеской семьи, а въ силу давней, путемъ долгаго опыта сознательной народомъ необходимости активныхъ дѣйствій противъ степняковъ.

17) Кардинальными пунктами военныхъ операцій русскихъ въ степи были: или занятая кочевниками область рр. Орели и Самары, или же побережья С. Дона и его притоковъ. Здѣсь находилось два половецкихъ центра: одинъ на Подоньи, а другой—въ области рр. Орели и Самары.

18) Походами въ степи достигалась двоякая цѣль: съ одной стороны, русскіе получали прямую выгоду отъ той добычи, какая доставалась имъ отъ кочевниковъ, въ видѣ разнаго рода ихъ пожитковъ, скота, невольниковъ и проч.; а, съ другой,—эти походы способствовали выдѣленію изъ степей недовольныхъ подчиненной жизнью элементовъ, уходившихъ въ Русь и поселявшихся на ея защитныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, эти походы, помимо прямой поддержки находившагося въ пограничныхъ укрѣпленныхъ пунктахъ русскаго населенія, оказывали весьма сильное вліяніе и на поселявшихся близъ порубежной полосы выходцевъ изъ степей, способствуя укрѣпленію среди нихъ вѣры въ русскую мощь и превосходство русской культуры.

19) Подъ конецъ удѣльнаго періода замѣчается стремленіе продвинуть защитную, порубежную со степями полосу правой стороны Днѣпра значительно южнѣе р. Роси, въ намѣреніи выровнять ее съ такой же защитной линіей на днѣпровскомъ лѣвобережьи: того требовали условія торгово-промышленной и политической южной жизни Руси.

20) Главный нервъ торгово-промышленной и политической жизни южной Руси въ удѣльный періодъ находился, въ силу географическихъ, топографическихъ и историческихъ условій, въ районѣ близкаго прилегающей къ Днѣпру территоріи и выдвинутой съ обѣихъ сторонъ Днѣпра въ степи защитныя боевыя линіи имѣли цѣлью главнымъ образомъ охраненіе, какъ этой приднѣпровской полосы, такъ и прилегающей къ ней территоріи, заключавшей въ себѣ важные торгово-промышленныя и военныя пути русской земли. Усиленный, въ теченіе значительнаго періода времени, напоръ на означенную территорію разнаго рода кочевниковъ—печенѣговъ, торковъ, половцевъ и проч.—говорить о важномъ значеніи ея въ то время.

21) Установленіе болѣе или менѣе мирныхъ отношеній руси съ кочевниками—черными клобуками и половцами—способствовало передвиженію центра тяжести, узла военно-политической жизни южной Руси, на пограничье съ землей половецкой, и татарское нашествіе сначала 1224, а затѣмъ 1240 годовъ имѣло цѣлью разрушить этотъ узелъ или же, по крайней мѣрѣ, ослабить одну изъ его сторонъ, еще не успѣвшихъ прочно сростись другъ съ другомъ, и тѣмъ облегчить себѣ путь къ обладанію южной Русью. Татарскій погромъ русскаго войска въ 1224 году является какъ бы первой половиной того строго обдуманнаго плана, какой былъ выработанъ монголами относительно покоренія южной Руси и затѣмъ былъ послѣдовательно приведенъ въ исполненіе.

Походы Витовта въ степи, на татаръ, равно какъ и походы его предшественниковъ, являются не отдѣльно стоящими событіями, вызванными личной волей того или иного лица, стоявшаго во главѣ государства, а послѣдовательными, имѣвшими тѣсную между собой связь, звеньями той цѣпи аналогичныхъ предпріятій, которыя, какъ мы видѣли, практиковались южной русью въ теченіе значительнаго промежутка времени и раньше. Витовтовы походы—это органическое наслѣдіе предыдущей жизни русской земли. Принимая во вниманіе вышесказанное, можно полагать, что Витовтовъ походъ на татаръ,

въ 1399 году, былъ совершенъ по тому же маршруту, по той же дорогѣ, какой обыкновенно держались во время походовъ въ степи русскіе въ предыдущее время. Чтобы высказанное нами положеніе не показалось маловѣроятнымъ, необходимо замѣтить, что, въ силу историческихъ условій жизни того времени, медленно измѣнявшихъ выработанныя вѣками основы историческаго уклада страны, южная Русь, особенно ея предстепная окраина, мало подвергалась какимъ-либо крупнымъ, кореннымъ измѣненіямъ своего общественно-бытового строя. Слѣдовательно, разсмотрѣніе военныхъ предпріятій въ означенное время должно быть произведено въ сопоставленіи съ рядомъ предшествовавшихъ событій такого же характера.

Насколько можно выяснитъ по имѣющимся у насъ даннымъ, крупныя военныя столкновенія съ кочевниками на юго-востокѣ Руси происходили, главнымъ образомъ, на пограничьи со степями, или же въ той мѣстности, которая представляла наиболѣе удобныя для прохода въ населенныя мѣста условія. Являясь наиболѣе опасной и тревожной мѣстностью, юго-восточная Русь защищалась или нарочно устроенными для того, въ удобныхъ мѣстахъ, городками, засѣками, валами и пр., или же группами выходившихъ изъ степей кочевниковъ, поселявшихся преимущественно въ удобныхъ для быстрыхъ переходовъ мѣстахъ, на пути кочевническихъ вторженій въ русскія земли. Извѣстно, что въ лѣвобережномъ Приднѣпровьи, въ древній періодъ времени, существовало два пути, по которымъ совершали свои набѣги половцы. Первый путь пролегалъ по водораздѣлу между верховьями рр. Сулы, Удая, Псла, Ворсклы, съ одной стороны, и десно-сейменской долиной, съ другой. Второй, болѣе удобный, по своей краткости и отсутствію серьезныхъ естественныхъ преградъ, путь пролегалъ черезъ низовья рр. Ворсклы, Псла, Сулы, Супоя и проч. и составлялъ обычную, излюбленную кочевниками дорогу для нападеній на Русскую землю.

Насколько часто и долго производились указаннымъ путемъ кочевническія нападенія на Русскую землю, видно изъ того, что онъ даже получилъ названіе „*злодѣйскаю*“ и съ успѣхомъ утилизировался, помимо указанныхъ кочевниковъ, еще и татарами въ теченіе значительнаго періода времени. Для подтвержденія всего вышесказаннаго вспомнимъ относящіяся сюда болѣе или менѣе крупныя факты изъ удѣльно-вѣчевого времени.

Уже на зарѣ русской исторіи кочевники нападаютъ на Русь по пути, пролежавшему черезъ низовья вышеуказанныхъ рѣкъ. Во времена Владиміра св. мы видимъ ихъ подъ Переяславлемъ и на нижней

Суль, и для защиты этихъ земель предпринимались серьезныя мѣры. Для отраженія непрерывныхъ набѣговъ кочевниковъ съ востока Ярославъ выдѣляетъ Переяславль въ особый удѣлъ и поручаетъ послѣдній Всеволоду, который вырабатываетъ цѣлесообразный планъ защиты страны отъ враговъ и поручаетъ его выполнение своему энергичному сыну, Владиміру Мономаху. Въ періодъ правленія послѣдняго Переяславлемъ половцы неоднократно совершаютъ нападенія указаннымъ южнымъ путемъ, о чемъ сохранились живыя извѣстія въ лѣтописи.

И въ другія времена, насколько видно изъ имѣющихся у насъ данныхъ, походы въ степи совершались по линіи указанного пути, напримѣръ, походы 1150, 1183, 1187, 1215 г. и проч. Наконецъ, походъ соединенныхъ силъ русскихъ князей противъ татаръ, въ 1224 г., также совершался отчасти по указанному пути. Если принять затѣмъ во вниманіе, что прилегавшая къ Днѣпру равнинная территория, въ силу своего географическаго положенія и стратегическихъ особенностей, играла видную роль въ древній періодъ русской жизни, представляя убѣжище для уходившихъ изъ степей кочевниковъ, которые отсюда расселялись уже и дальше, главнымъ образомъ, въ болѣе или менѣе защитныя мѣста днѣпровскаго правобережья, и что по ней проходили крупныя военно-торговые пути на востокъ и на югъ, то намъ станетъ понятнымъ громадное значеніе указанной территоріи въ удѣльно-вѣчевое время: здѣсь находился узелъ общественно-политическихъ сношеній руси со степняками. Сюда-то и обращаютъ вниманіе энергичные правители Русской земли, стараясь цѣлесообразными мѣрами поддержать тѣ условія и тотъ строй, какіе соотвѣтствовали и нуждамъ данной мѣстности, и интересамъ Руси.

Переходъ южной Руси подъ власть Литвы не могъ, конечно, серьезно повліять на ея искони выработанныя условія жизни, которыя остаются въ прежней силѣ, и новые правители ея продолжаютъ политику прежняго времени, особенно по части военной, касающейся, главнымъ образомъ, охраны пограничныхъ со степью земель. И при литовскихъ князьяхъ, начиная отъ Гедимина и Ольгерда, мы видимъ заботы, направленные на защиту порубежныхъ, окраинныхъ со степью границъ южной Руси. Вслѣдствіе этого, возобновляются, — а, гдѣ надо, и вновь строятся, — укрѣпленныя линіи, при чемъ, наряду со способомъ охраны при помощи постоянныхъ, болѣе или менѣе солидныхъ укрѣпленій, практикуется защита и помощью выходившихъ изъ степей кочевниковъ, посылаемыхъ обыкновенно въ опасныхъ, по

очень важныхъ для южной Руси мѣстахъ. Во время Витовта видны тѣ же заботы и тѣ же приемы относительно указаннаго вопроса, что и раньше, при чемъ на правой сторонѣ Днѣпра, въ Киевской землѣ, былъ намѣченъ планъ укрѣпленія южныхъ границъ по линіи: Черкасы, Звенигородъ, Каменецъ, Бакота и проч.

Необходимо замѣтить, что и Витовтъ, подобно своимъ предшественникамъ, старался возможно лучше обставить свои южныя границы со степью, для чего и поселяетъ здѣсь выходившихъ изъ степей кочевниковъ. Такъ, незадолго до похода 1399 года, къ Витовту въ Киевъ явился, какъ извѣстно, ханъ Тохтамышъ, который былъ ласково принятъ литовскимъ княземъ и, подобно другимъ татарскимъ выходцамъ, получилъ для поселенія вышедшихъ съ нимъ татаръ участки земли въ Киевской области. Этотъ участокъ земли находился, повидимому, на пограничныхъ со степью Киевскихъ окраинахъ ¹⁾. Что Витовтъ былъ очень заинтересованъ южной, пограничной со степью полосой Киевской земли, видно изъ его плановъ и дѣйствій въ указанный періодъ времени. Такъ, посадивъ въ Киевѣ княземъ Скиргайла, Витовтъ велѣлъ ему *идти на Черкасы и на Звенигородъ* (на р. Синюхѣ) *и взять ихъ*. Скиргайло удачно выполнилъ возложенное на него порученіе: онъ взялъ Черкасы и Звенигородъ и возвратился въ Киевъ ²⁾. Слѣдовательно, Черкасы и область близъ Синихъ-Водъ были очень интересны для киевскаго князя. А насколько были важны эти пограничныя со степями земли, видно изъ слѣдующаго. Послѣ нашествія Батя въ Подолиі утвердились татары, занявшіе пустовавшія дотолѣ земли на границѣ со степью. Во время Гедимина указанные татары продолжаютъ владѣть пограничной со степью подольской окраиной; но такое сосѣдство было не совсѣмъ удобно и пріятно литовскому князю, и потому уже Ольгердъ вступаетъ въ борьбу съ подольскими татарами: онъ разбиваетъ на р. Синія-Воды татарскія полчища, бывшія подъ начальствомъ трехъ братьевъ: Кочубей, Котлу-

¹⁾ „Того же (1398) лѣта приде нѣкоторый царь, именемъ Темиръ-Кутлуй, и прогна царя Тахтамыша, и сѣде въ ордѣ и въ Сарай на царствѣ; а Тахтамышъ съслася съ Витовтомъ, и бѣжа изъ Орды въ Киевъ и съ царичами да два сына съ нимъ“. Воскр. лѣтоп., стр. 71. См. также Карамзина, т. V, гл. II, стр. 95. Проф. В. Б. Антоновичъ говоритъ, что Витовтъ распредѣлялъ попадавшихъ къ нему татаръ по разнымъ областямъ литовскаго государства. Въ Киевской области онъ селилъ ихъ *около Черкасъ и Канева и по р. Роси, въ Волынской — около г. Острога и пр.* См. лекціи проф. Антоновича по исторіи Литвы, стр. 279.

²⁾ Danilowicz, Liat. Litwy, p. 46.

бега и Димитрія¹⁾. Отвоевавъ Подолію отъ татаръ, Ольгердъ отдаетъ ее сыновьямъ князя Коріата, которые старались заселить полученную ими страну и выстроили въ ней нѣсколько укрѣпленныхъ замковъ и городовъ. Витовтъ идетъ въ этомъ дѣлѣ по тому же пути, съ той только разницей, что планы его являются въ нѣсколько большемъ масштабѣ, сравнительно съ его предшественниками. Онъ подчиняетъ Подолію своей власти, выгоняетъ изъ нея наследника Коріатовичей, Феодора, продаетъ половину подольскихъ земель Польшѣ, но затѣмъ выкупаетъ ее назадъ и сохраняетъ за собой до самой смерти. Въ періодъ владѣнія этой землей Коріатовичами, татары владѣли еще частью Подоліи. Здѣсь-то, близъ тѣхъ мѣстъ, которыя принадлежали еще татарамъ и близъ которыхъ произошелъ вышеупомянутый бой Ольгерда, и были, по всей вѣроятности, отведены мѣста для поселеній пришедшимъ подъ начальствомъ Тохтамыша татарамъ: степная, защищенная лѣсами мѣстность близъ р. Синія-Воды (нынѣ р. Сянюха, притокъ ю. Буга), представляла всѣ удобства для выходцевъ изъ степей; съ другой стороны, поселить военный элементъ на такъ называемомъ Черномъ-Шляху, на торной дорогѣ изъ южныхъ степей въ Кіевскіе предѣлы, и при томъ вблизи тѣхъ мѣстъ, которыя были недавно завоеваны (Звенигородъ), было очень на руку Витовту. Заботясь о цѣлесообразной защитѣ своихъ южныхъ предѣловъ, Витовтъ, повидимому, задался мыслью устроить сплошную укрѣпленную линію на пограничьи со степями, начиная отъ Подоліи и кончая Днѣпромъ. Съ этой цѣлью онъ сначала завоевывалъ всю Подолію, затѣмъ—земли, лежавшія далѣе къ востоку,—Звенигородъ и Черкасы. А чтобы еще лучше обставить эти пограничныя земли, Витовтъ выдѣляетъ часть Подолья съ укрѣпленными замками Каменцемъ, Смотричемъ, Скалой, Черленнымъ-градомъ и Бакотой, и отдаетъ ее нѣкому Шпитку (Spitko), съ обязательствомъ защищать ее отъ степняковъ и держать подъ рукой вооруженную силу. Такъ какъ между Подоліей и укрѣпленными пунктами, расположенными ближе къ Днѣпру, находились пространства, не занятые крѣпостями, то чтобы включить ихъ въ систему защитной линіи, необходимо было помѣстить на нихъ живой оплотъ, какимъ обыкновенно являлись выходившіе изъ степей кочевники. Поэтому можно полагать, что татары Тохтамыша получили земли близъ р. Синія-Воды, въ мѣстности извѣстной уже пребываніемъ здѣсь татаръ со времени Ольгерда. Такимъ образомъ, на правой сторонѣ Днѣпра обра-

¹⁾ Danilowicz, op. cit., p. 49.

зается защитная со стороны степей полоса земли, охраняемая частью укрѣпленными замками, частью лѣсами, расположенными между Звенигородомъ и Черкасами, а частью—выпедшими изъ степей кочевниками ¹⁾).

Кромѣ правобережья, Витовтъ обращалъ также вниманіе и на лѣвую, порубежную со степью сторону Днѣпра, имѣвшую очень важное значеніе по своей тѣсной связи съ правобережными укрѣпленными линиями. Р. Ворскла играла въ этомъ случаѣ очень большую роль.

¹⁾ Получивъ въ свои руки юго-западную Русь, Витовтъ старается обезопасить свои южными границы поселеніемъ на нихъ татарскихъ выходцевъ изъ Орды. Сначала идетъ заселеніе порубежныхъ со степью земель на правой сторонѣ Днѣпра, а затѣмъ уже и на лѣвой. Районъ татарскихъ поселеній на правой сторонѣ Днѣпра касался, какъ извѣстно, тѣхъ мѣстъ, которыя заселялись степняками и въ предыдущее время. Особенное вниманіе было обращено Витовтомъ на слабые пункты по р. Ю. Бугу и на мѣста къ востоку отъ означенной рѣки къ Днѣпру. Но такое привлеченіе татарскихъ поселенцевъ въ Русь очень не нравилось главной Кипчакской Ордѣ, которая старается всячески помѣшать этому. Отсюда — рядъ татарскихъ набѣговъ на правую сторону Днѣпра,—на Киевскую, Подольскую и Волынскую земли. Особенно ожесточалась Кипчакская Орда, если изъ ея предѣловъ уходила въ Русь какая-либо крупная, имѣвшая значеніе въ татарскомъ мірѣ, личность. Такъ, скорѣ послѣ ухода Тохтамыша въ кievскіе предѣлы, кипчакскіе татары дѣлаютъ страшно опустошеніе Киевской земли (Script. rerum Prussic., III, стр. 223 — 6. Сообщ. Joh. Posilge. См. также буллу папы Бонифація IX, выдан. краков. еписк. въ 1399 г. для пропов. похода на татаръ. Theiner. Vet. Mon. Pol. et Lith., I, 769 и слѣд.). Отвѣтомъ на это и былъ походъ Витовта на татаръ въ 1398 г., при чемъ изъ Орды было выведено нѣсколько тысячъ татарскихъ выходцевъ и поселено въ кievскихъ предѣлахъ, гдѣ они такъ освоились со своими новыми владѣльцами, что составили особое татарское войско и оказывали такое вліяніе на Витовта, что, по сообщеніямъ современниковъ, его дворъ носилъ яркій отпечатокъ татарскаго вліянія. Вскорѣ въ Киевъ прибыло еще нѣсколько татарскихъ выходцевъ. Такъ, въ 1408 году два сына Тохтамыша, вмѣстѣ со своими единомышленниками, явились къ Витовту, въ Киевъ, а затѣмъ посѣтили великаго князя въ Трокахъ (См. Codex epist. Vitoldi, № 393, 414, 437). Такимъ образомъ, Витовту мало по малу удалось привлечь въ свои владѣнія значительныя татарскія силы (См. Молчановскій. Очеркъ изв. о Подол. землѣ, стр. 289). Золотая Орда не могла, конечно, равнодушно смотрѣть на все это и, при удобномъ случаѣ, старалась помѣшать планамъ Витовта: золотоордынскіе татары начинаютъ теперь нападать на тѣ русскія земли, которыя служили убѣжищемъ для татарскихъ выходцевъ. Такъ, въ началѣ XV вѣка Подолье страшно пострадало отъ татарскихъ набѣговъ, во время которыхъ было разрушено много крѣпкихъ замковъ на пограничной со степями полосѣ и въ томъ числѣ крѣпость Синія-Воды (См. Codex epist. Vitoldi, № 683 и 447). Но татарскіе выходцы продолжали приливать въ Киевщину. Особенно много явилось ихъ въ 1427 году, когда подъ вліяніемъ сильныхъ междоусобій въ Золотой Ордѣ огромныя массы татаръ со всѣмъ своимъ имуществомъ появились въ Киевщинѣ, на побережьи Чернаго моря и на Подольи (Codex epist. Vitoldi, № 1270 и 1329).

Представляя своимъ возвышеннымъ правобережьемъ прекрасныя тактическія удобства, р. Ворскла отлично защищала уходившихъ сюда выходцевъ изъ степей и, подъ ея покровомъ, какъ это мы видѣли и раньше, эти выходцы или осаживались гдѣ-либо вблизи означенной рѣки, или же уходили далѣе, въ глубь Русской земли, перебираясь зачастую за Днѣпръ, въ кіевскіе предѣлы ¹⁾). Обыкновенно переправа на правую сторону р. Днѣпра происходила или близь устья р. Ворсклы,—отчего и возникъ здѣсь одинъ изъ весьма важныхъ и давнихъ пунктовъ переправъ—Переволочна,—или же гдѣ либо выше послѣдняго, напр., близь Кременчуга и проч. Мы выяснили уже раньше, что мѣстность по Днѣпру, ниже впаденія въ послѣдній р. Псла, представляла весьма много удобныхъ переправъ черезъ Днѣпръ и бродовъ, которыми обыкновенно пользовались и торговые караваны, и степняки при своемъ движеніи въ предѣлы Кіевской земли. Такимъ образомъ, въ означенной мѣстности находился очень важный стратегическій пунктъ, можно сказать узелъ путей, какъ водныхъ, такъ и сухопутныхъ, сходящихся и перекрещивающихся другъ съ другомъ. Здѣсь-то и находилась та тропа или тотъ путь, какимъ обыкновенно шествовали разнаго рода кочевники изъ одного берега р. Днѣпра на другой. Но для того, чтобы упасть съ лѣвой стороны Днѣпра на правую сторону послѣдняго и очутиться близь порубежной со степями защитной линіи правобережья, необходимо было форсировать р. Ворсклу, прикрывавшую собой всѣ лучшія переправы. Р. Ворскла, какъ извѣстно, служила прекрасной защитой Русской земли съ юго-востока и являлась солидной ея базой во время походовъ въ степь. Поэтому, принявъ въ свои предѣлы Тохтамыша и зная, что вслѣдъ затѣмъ надо будетъ ожидать вскорѣ нападенія со стороны Темиръ-Кутлука, преслѣдовавшаго Тохтамыша, Витовтъ рѣшаетъ оказать отпоръ неукротимому азіатскому завоевателю вблизи вышеназванной рѣки. Считая, что съ приходомъ татаръ Тохтамыша военныя силы Литвы значительно возрасли, Витовтъ составилъ обширный завоевательный планъ, первая часть котораго состояла въ уничтоженіи степного противника, Тимура, являвшагося сильной грозой съ востока. Сборнымъ пунктомъ для подходившихъ войскъ былъ назначенъ Кіевъ, къ которому въ теченіе цѣлаго мѣсяца прибывали войска. Въ обширномъ ополченіи Витовта, собранномъ для похода въ степи, кромѣ войскъ литовскихъ, принимали участіе

¹⁾ Крупное м. Колеберда, лежащее нѣсколько ниже гор. Кременчуга, по всей вѣроятности, получило свое названіе отъ поселеній татаръ, пришедшихъ подъ начальствою Тохтамышева сына, Керимберди, нашедшаго убѣжище у кн. Витовта.

также гѣмцы, поляки, жмудины, валахи, жители порубежныхъ со степями окраинъ и, наконецъ,—татары. Послѣдніе послѣ прихода Тохтамыша составляли значительную часть витовтова войска ¹⁾ и находились въ моментъ объявленія похода на правой сторонѣ Днѣпра, на ближайшей къ степнымъ окраинамъ полосѣ.

Въ виду обычной тактики монголовъ, состоявшей въ систематическихъ, осторожныхъ предварительныхъ развѣдкахъ и затѣмъ—быстрыхъ и неожиданныхъ нападеніяхъ на сильныя, но малоподготовленныя части противника, чтобы сломить ихъ, прежде чѣмъ онѣ успѣютъ слиться въ одно цѣлое, или же по крайней мѣрѣ ошеломить на первыхъ порахъ врага и тѣмъ облегчить нанесеніе удара на остальные части,—можно полагать, что планъ Темиръ-Кутлука состоялъ въ быстромъ нападеніи на расположенныя на правой сторонѣ Днѣпра татарскія полчища и сокрушеніи ихъ, прежде чѣмъ они успѣютъ соединиться съ остальными литовскими силами. Поэтому, узнавъ о движеніи къ русскимъ предѣламъ Темиръ-Кутлука и предугадывая, что послѣдній долженъ былъ перейти ихъ въ томъ мѣстѣ, откуда бы можно было двинуться на правую сторону Днѣпра, Витовтъ рѣшилъ не допустить противника до выполненія своего плана и двинулся на встрѣчу ему.

Извѣстно, что въ походѣ 1399 года противъ татаръ принимали участіе не только тѣ войска, которыя находились подъ командой Витовта и сподручныхъ ему князей, но также и тѣ войска, которыя были расположены на южно-русскомъ степномъ пограничьи и состояли частью изъ русскихъ силъ, частью—изъ татарскихъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо замѣтить, что въ указанномъ походѣ принималъ участіе и даже погибъ въ немъ извѣстный уже намъ Шпитко (Spitko), державшій часть Подолья, и затѣмъ—значительное количество

¹⁾ „Князь Витофъ Кестутевичъ Литовскій, събравъ вой многи, съ нимъ же бѣ царь Тахтамышъ съ своимъ дворомъ, а съ Витофомъ литва, гѣмцы, ляхи, жемоть, татарове, валахи, подоляне, единыхъ князей съ нимъ бѣ 50 числомъ, и бысть сила ратныхъ велика зѣло; и съ всѣми (сими) плѣки и съ многочисленными ратми оплѣчався, поиде на царя Темиръ-Кутлуу и на всю его силу Татарскую. Похвалился глаголаше бо Витофъ: „поидомъ и побѣдимъ царя Темиръ-Кутлуу, вземъ царство его. посадимъ на немъ царя Тахтамыша, а самъ сиду на Москвѣ, на великомъ княженіи, на всей Руской земли“. Преже бо того совѣщашася Витофъ съ Тахтамышемъ, глаголя: „азъ тя посажу въ Ордѣ на царствѣ, а ты мене посади на Москвѣ, на великомъ княженіи, на всей Руской земли“; и на томъ поидоша на царя Темиръ-Кутлуу. А царь Темиръ-Кутлуу въ то время приспѣ съ многими своими плѣки ратными, и съ князьми своими ординьскими и съ всею силою татарскою“... Воскрес. глѣт., стр. 72.

татарь, которые пришли съ Тохтамышемъ въ русскіе предѣлы ¹⁾. Планъ Витовта состоялъ въ томъ, чтобы, сконцентрировавъ въ своихъ рукахъ крупную армію, ударить всей силой на врага и сломить его. Витовтъ, какъ извѣстно, успѣлъ выполнить первую часть своего плана, а именно—соединеніе армій въ одно цѣлое.

Собираясь въ походъ, Витовтъ назначилъ Кіевъ сборнымъ пунктомъ, откуда уже войска должны были выступить въ степи. Но въ Кіевѣ, очевидно, собрались не всѣ войска, а только тѣ, которымъ было удобно и попутно заходить въ него; тѣ же военныя силы, которыя имѣли возможность пристать къ кievскому ополченію по пути, естественно, и не приходили въ Кіевъ, считая это и затруднительнымъ, и напраснымъ, и совершенно несогласнымъ съ боевыми задачами, требующими цѣлесообразныхъ и отвѣчающихъ даннымъ условіямъ мѣста и времени дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы татары Тохтамыша шли сначала въ Кіевъ, а затѣмъ уже изъ послѣдняго выступили, вмѣстѣ со всѣми другими войсками, на лѣвую сторону Днѣпра, по которой, какъ извѣстно, двигался главный контингентъ витовтовыхъ войскъ. Врядъ-ли это было бы возможно: такое движеніе прежде всего было бы неудобно для другихъ войскъ, стѣсня ихъ во время пути, и крайне невыгодно для самихъ союзныхъ татаръ, заставляя ихъ совершать столь длинный и не вполне легкій переходъ въ Кіевъ и обратно; подобнаго рода маршруты, требуя значительной затраты силъ, были бы, прежде всего, утомительны, и не только безцѣльны и бесполезны, но прямо вредны для союзныхъ войскъ: въ общей успѣшности похода, какъ извѣстно, весьма большое значеніе имѣютъ свѣжія силы, и не въ интересахъ общаго дѣла было понапрасно утруждать союзниковъ лишними переходами. Поэтому, можно полагать, что татары Тохтамыша и ближайшія къ нимъ русскія боевыя силы не ходили въ Кіевъ, а пристали къ кievскому войску по пути, когда послѣднее двигалось по лѣвому берегу Днѣпра.

¹⁾ „Alexander Magnus Lithuaniae Dux... ratus grandem et fortem se, et ad quemlibet cum Thataris conflictum suffecturum exercitum conguessisse, in regiones Thartarorum processit, habens ex Polonis, Almannis, Lithuanis, Ruthenis plures expeditas legiones, expeditosque milites. Nam et Spithko de Melsthin palatinus Cracovionsis cum insigni terrae Podoliae exercitu, Sandivogius de Ostrorog, Dobrogostius de Schamotuli, Johannes Glowacz de Łaczenicze Masivae Palatinus, Hannusz de Dambrowa, cum pulcherrima militia ex Polonis advenerant. Erat praeterea in comitatu Ducis Magni Lithuaniae Alexandri Thartaricus Caesar Tactamisz, quem plura milia Thartarorum sequebantur“. Dlugosz, lib. X, p. 526—529.

Подтвержденіе вышесказаннаго мы находимъ въ источникахъ. Такъ, передавая о движеніи Витовта въ степи, въ 1399 году, Длугошъ говоритъ: „Dum itaque fluvii Nyepr, Szinnia-Woda, Pszlo et Sula superatis, ad campestria... perventum fuisset“¹⁾. Упомянутое здѣсь о переходѣ черезъ р. Синія-Воды (Szinnia-Woda) указываетъ, что часть войскъ, сидѣвшихъ близъ означенной рѣки, двигалась на востокъ, къ Днѣпру, т. е. на соединеніе съ идущими уже по лѣвой сторонѣ Днѣпра русскими полками. Въ противномъ случаѣ, намъ было бы непонятно, почему, при упоминаніи о переходѣ черезъ лѣвобережныя днѣпровскія рѣки—Псель, Сулу и проч., поставлено имя рѣки Синія-Воды, отстоящей отъ нихъ на весьма значительное разстояніе и расположенной на правой сторонѣ Днѣпра. Слѣдовательно, зная, что близъ р. Синія-Воды находились и татарскія,—подъ начальствомъ Тохтамыша,—войска и русскія, подъ начальствомъ Шпитька, можно полагать, что они шли на соединеніе съ двигавшимися уже въ походѣ войсками Витовта прямой, кратчайшей и наиболѣе удобной дорогой, въ перпендикулярномъ къ Днѣпру направленіи.

Что касается Темиръ-Кутлука, то этотъ хитрый азіатецъ несомнѣнно дѣйствовалъ крайне расчетливо, осторожно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ,—рѣшительно и смѣло. Такъ какъ поводомъ къ открытію непріязненныхъ дѣйствій между Витовтомъ и Темиръ-Кутлукомъ былъ уходъ изъ степей Тохтамыша и поселеніе его орды въ предѣлахъ кievской земли, то, конечно, Темиръ-Кутлукъ долженъ былъ прежде всего наказать Тохтамыша и возвратитъ назадъ ускользавшихъ изъ подъ его власти татарскихъ выходцевъ въ Русь. Зная мѣстоположеніе кочевій татаръ Тохтамыша, Темиръ-Кутлукъ направился на нихъ кратчайшей дорогой изъ степей, но, достигши Днѣпра и не зная хорошенько всѣхъ условій данной минуты, кромѣ того, не имѣя въ сборѣ всѣхъ своихъ войскъ, онъ остановился въ выжидательномъ положеніи, выбравъ предварительно удобную для того мѣстность. По всей вѣроятности, Темиръ-Кутлукъ шелъ къ днѣпровскимъ бродамъ или переправамъ, т. е. въ ту мѣстность, которая, какъ мы видѣли раньше, изобиловала ими. Извѣстно, что р. Днѣпръ можно было удобно перейти или близъ Кременчуга, или же въ мѣстности, расположенной нѣсколько ниже его: здѣсь находились удобныя переправы, пользованье которыми широко практиковалось и въ послѣдующія времена²⁾. Особенно удобной

¹⁾ Dlugosz, lib. X, p. 526—527.

²⁾ См. Описаніе Украины Левассера де-Болланъ и карты его.

была переправа у м. Переволочной и Мишурина Рога ¹⁾. Можно полагать поэтому, что планъ Темира состоялъ въ томъ, чтобы, незаметно пробравшись черезъ Днѣпръ, неожиданно зайти въ тылъ сидѣвшимъ на кievскомъ пограничьи татарамъ и, разбивъ ихъ, двинуться уже отсюда на опустошеніе Кіевской земли.

Если мы припомнимъ при этомъ, что предстепная полоса на югѣ кievской земли, по линіи Звенигородъ—Черкасы, была незадолго передъ этимъ силою оружія включена въ составъ кievскихъ владѣній, то движеніе Темиръ-Кутлука въ направленіи къ указанной области имѣло большой смыслъ: несомнѣнно, что среди этихъ вновь присоединенныхъ къ Литвѣ областей можно было рассчитывать или найти серьезную поддержку, или же, по крайней мѣрѣ, слабый отпоръ. А дѣйствовать свободно въ глубинѣ страны, если это имѣлось въ виду, можно было, конечно, только въ томъ случаѣ, если бы пограничная со степями полоса, на значительномъ своемъ протяженіи, не представляла опасности или же угрозы для тыла наступающихъ. Зная всѣ эти условія и рассчитывая при случаѣ ими воспользоваться, Темиръ и шелъ къ намѣченной раньше цѣли. Само собою разумѣется, что и Витовтъ прекрасно зналъ какъ условія, такъ и характеръ расположеннаго на пограничьи со степями населенія и, конечно, не считалъ его вполне надежнымъ элементомъ. Но оставить это порубежное населеніе на пограничьи, не использовавъ его во время похода, было бы не вполне основательнымъ. Опытъ длиннаго ряда предыдущихъ лѣтъ, напротивъ, указывалъ, что необходимо было поставить этотъ пограничный полукочевой элементъ лицомъ къ лицу съ напиравшими съ востока монголами и тѣмъ поселить между ними вражду, а не союзъ. Этого, какъ видно, и стремился достигнуть Витовтъ, но условія битвы на Ворсклѣ

¹⁾ „Мишурина переправа,—говоритъ Д. И. Эварницкій—была изъ крѣпости Переволочной черезъ Днѣпръ къ крѣпости Мишуриному Рогу. О ней упоминаетъ Михаилъ Литвинъ въ XVI в. (переправа у Миссури). Эта переправа была пожалована запорожцамъ въ 1687 году, 12 сент., и уже въ 1690 году считалась у запорожцевъ *одной изъ главнѣйшихъ переправъ*; въ свое время она доставляла запорожцамъ 12.000 руб. ежегоднаго сбора. Въ 1695 г. гетманъ Мазепа, направляясь на турецкій городъ Кизикермень, добравшись до Днѣпра и простоявъ здѣсь, за неимѣніемъ дѣлъ, нѣсколько недѣль, переправился выше Переволочной противъ Мишуринаго Рога“. Эварницкій. Вольности запорожскихъ казаковъ, стр. 253. Неподалеку отсюда находится другая очень важная переправа востокъ Романкова. О ней разсказываетъ Бопланъ такъ: „Здѣсь Днѣпръ течетъ свободно: острова не задерживаютъ его, и татары смѣло переправляются черезъ него въ этомъ мѣстѣ, не опасаясь за сады, расположенной выше острова. Бопланъ. Опис. Украины, изд. 1832 г., стр. 24.“

были таковы, что онъ потерпѣлъ здѣсь крупную неудачу, происшедшую главнымъ образомъ отъ того, что тотъ элементъ (татары Тохтамыша), на который рассчитывалъ Витовтъ опереться, въ критическую минуту оказался ненадежнымъ и обусловилъ собой полный разгромъ литовскихъ войскъ. Такимъ образомъ, планъ Темира не пропалъ, а былъ исполненъ, но съ той только разницей, что разгромъ литовскихъ союзниковъ произошелъ не предварительно и не отдѣльно отъ всего войска, а совместно съ нимъ, и не на правой сторонѣ Днѣпра, а на лѣвой; что же касается того, что сначала были разбиты силы союзниковъ литовскихъ, а затѣмъ уже и самихъ литовцевъ,—какъ это и было на Ворсклѣ въ 1399-мъ году,—то все это совершалось съ замѣчательной правильностью, съ полнымъ расчетомъ и, повидимому, безъ отступленія отъ заранее намѣченнаго Темиромъ плана.

Чтобы выяснитъ болѣе или менѣе точно то мѣсто, гдѣ произошло столкновение Витовта съ татарами въ 1399 году, необходимо вспомнить какъ общую картину мѣстности, близъ которой совершилось указанное событіе, такъ и тѣ политическія условія и комбинаціи въ южной Руси, въ какихъ находилась послѣдняя, наканунѣ этого рокового боя на берегахъ р. Ворсклы.

Если сравнитъ условія политическихъ комбинацій южно-русскаго предстепья въ концѣ XIV вѣка съ таковыми же условіями первой половины XIII вѣка, т. е. въ періодъ монгольскаго нашествія на Русь, то можно замѣтить между ними значительную долю сходства, особенно относительно комбинацій Руси съ выходившими изъ степей кочевыми союзниками.

Извѣстно, что во время перваго столкновения русскихъ съ татарами на р. Калкѣ, въ 1224 году, одной изъ довольно серьезныхъ побудительныхъ причинъ, заставившихъ русскихъ князей принять такое горячее участіе въ оказаніи помощи половцамъ и въ отраженіи монголовъ, было опасеніе, какъ бы эти новые враги не присоединили къ своему войску половцевъ и, тѣмъ усиливъ себя, не обратили бы ихъ противъ русскихъ. Слѣдовательно, страхъ оставить на произволъ судьбы своихъ полукочевыхъ союзниковъ и тѣмъ дать возможность противнику увеличить свои боевыя силы, включивъ въ число своихъ войскъ и половцевъ, заставилъ русскихъ мобилизовать противъ монголовъ чуть не всѣ свои земли. Провѣдавъ о врагахъ и узнавъ ихъ характеръ, русскіе сообразили, что это врагъ сильный, съ которымъ рано или поздно придется серьезно считаться. Въ виду этого, разсудивъ, что, вмѣсто того, чтобы предоставлять

врагу инициативу дѣйствій въ этомъ отношеніи, лучше всего взять ее въ свои руки, русскіе рѣшили вмѣшаться въ споръ между степняками и, заручившись половцами, выступаютъ противъ татаръ. Но расчетъ русскихъ, какъ извѣстно, не оправдалъ ихъ надеждъ: та сила, ради которой собственно Русь была вовлечена въ столкновение съ татарами, оказалась не только не надежной, но даже вредной интересамъ Руси, и она-то именно и способствовала полному крушенію всего предпріятія противъ татаръ: въ самый разгаръ боя половцы не выдержали, смѣшались и побѣжали, увлекая и разстраивая по пути русскихъ и тѣмъ вызвали такое разстройство, а затѣмъ и панику среди русскихъ войскъ, что послѣдніе были наголову разбиты татарами. Такимъ образомъ, тотъ элементъ, который представлялъ опасность перехода подъ власть татаръ и которымъ русскіе хотѣли воспользоваться въ интересахъ общаго дѣла, сыгралъ отрицательную роль въ самый критическій моментъ.

Почти то же самое было въ южной Руси и наканунѣ столкновенія Витовта съ татарами въ концѣ XIV вѣка. Когда Тохтамышъ, послѣ неудачнаго конфликта съ Тамерланомъ, бѣжалъ со своими татарами въ Киевскую Русь, Темиръ-Кутлукъ, ставшій преемникомъ Золотой Орды и питавшій замыслы относительно русскихъ земель, отправилъ къ Витовту посла съ просьбой—выдать ему Тохтамыша: „Выдай мнѣ бѣглаго Тохтамыша“,—говорилъ Витовту ханъ; „онъ мой врагъ; не могу быть спокойнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ живъ и пребываетъ у тебя.... ханъ Тохтамышъ чужой мнѣ, и врагъ мнѣ, и врагъ очень злой; выдай его мнѣ, а все, что съ нимъ,—можешь взять себѣ“. Витовтъ отказалъ, надѣясь съ помощью татаръ Тохтамыша справиться съ противникомъ, но, какъ оказалось, онъ жестоко ошибся и потерпѣлъ крупную неудачу: тотъ элементъ, который вызывалъ опасеніе и ради сохраненія котораго въ союзъ съ собой выступили русскіе противъ татаръ въ 1399 году, сыгралъ, какъ извѣстно, роковую роль и способствовалъ жестокому пораженію русскихъ. Такимъ образомъ, въ концѣ XIV столѣтія повторилось то же явленіе и съ тѣми же самыми результатами, какъ и слишкомъ полтора вѣка раньше.

Разсмотрѣніе положенія и условій жизни на южно-русскихъ Украинахъ въ концѣ XIV вѣка, наканунѣ грознаго движенія къ нимъ татарскихъ полчищъ Темиръ-Кутлука, имѣетъ еще и другое, не менѣе важное значеніе. Какъ раньше, разсмотрѣніе историческихъ условій жизни на юго-востокѣ Руси въ первую четверть XIII столѣтія при-

вело насъ къ болѣе или менѣе правдоподобному выводу о причинахъ и мѣстѣ главнаго столкновенія Руси съ татарами и позволило намъ подойти къ рѣшенію вопроса о мѣстоположеніи калыскаго боя, такъ и теперь разсмотрѣніе вышеназванныхъ условій жизни на южно-русскихъ Украиннахъ въ концѣ XIV вѣка даетъ намъ возможность выяснитъ болѣе или менѣе опредѣленно какъ направленіе и цѣли движенія Темиръ-Кутлука въ 1399 году, такъ и мѣстоположеніе знаменитаго боя Витовта съ татарами въ означенномъ году.

Выше нами сдѣланъ былъ краткій очеркъ такихъ отношеній на южно-русскомъ пограничьи въ концѣ XIV вѣка. Разсмотримъ теперь движенія обоихъ противниковъ—Витовта и Темира—и постараемся опредѣлитъ болѣе или менѣе точно какъ мѣсто столкновенія, такъ и условія, при какихъ оно произошло.

Движеніе Витовтовыхъ войскъ, какъ извѣстно, начавшись изъ Кіева, совершилось по лѣвой сторонѣ Днѣпра, черезъ рр. Сулу, Пселъ и проч., пока, наконецъ, не достигло р. Ворсклы. Судя по всему, союзныя войска двигались обычнымъ путемъ, по тому равнинному пространству, которое непосредственно примыкаетъ къ днѣпровской долинѣ и составляетъ удобный и прямой путь къ половецкимъ степямъ.

Извѣстно затѣмъ, что Витовтовы войска собирались въ теченіе лѣта, и выступленіе ихъ совершалось также лѣтомъ, въ іюль мѣсяцѣ, а въ августѣ они уже были на берегахъ р. Ворсклы. Этотъ лѣтній походъ, повидимому, былъ не совсѣмъ обычнымъ по времени, такъ какъ походы въ степи обыкновенно предпринимались или весной, или же зимой, когда стануть рѣки и болота и когда движеніе черезъ нихъ не представляетъ такихъ затрудненій, какъ въ другія времена года; походъ же въ самый разгаръ лѣта вызывался, очевидно, какими-либо особенными условіями или соображеніями. Положимъ, желаніе дать возможность союзникамъ рано, до зимы, возвратиться домой могло играть въ этомъ дѣлѣ нѣкоторую роль, но оно, конечно, не могло служить главнымъ мотивомъ при выборѣ времени для похода. Можно думать, что здѣсь скорѣе играли роль другія, болѣе основательныя причины, а именно: или угрожающее движеніе татаръ изъ степей, требовавшее быстро и серьезнаго отпора, или же желаніе предупредить враговъ и не допустить ихъ до выполненія своего плана. Весьма возможно, что организація лѣтняго похода была принята съ этой именно цѣлью—отраженія надвигавшейся изъ степей татарской орды. Въ виду того, что весной такого нападенія не про-

изошло, а между тѣмъ разрывъ съ Темиромъ состоялся, можно было ожидать, что такое нападеніе произойдетъ ближайшей осенью, въ удобное для того время. Такъ какъ Темиръ шелъ наказывать Тохтамышу, то, очевидно, онъ рассчитывалъ захватить при этомъ и подчиненныхъ послѣднему татаръ; въ такомъ случаѣ сѣвннее движеніе Темира къ границамъ Руси вполне понятно: онъ рассчиталъ, что лучшее время для передвиженія какъ этого кочевого элемента, такъ и своихъ войскъ, также, по большей части, конныхъ, могло быть въ началѣ осени, когда выжженная лѣтомъ степь вновь роскошно покрывается травами. Кромѣ того, жаркое лѣтнее время было очень благоприятно для походовъ быстрыхъ, неожиданныхъ: рѣки въ это время сильно мельчали, обнаруживая удобные переходы и броды, особенно черезъ большія рѣки, такъ что переправа черезъ нихъ не представляла тогда такой трудности, какъ въ другое время ¹⁾. Судя по всему, составивъ такой планъ, Темиръ хотѣлъ выиграть время и, переправившись на правый берегъ Днѣпра съ цѣлью захватить здѣсь Тохтамышевыхъ татаръ, быстро окончить походъ, чтобы до зимы возвратиться уже домой. Потому онъ такъ и сѣвннѣе приблизиться къ границамъ Руси, чтобы здѣсь, осмотрѣвшись и разузнавши обо всемъ, предпринять затѣмъ дальнѣйшіе ходы.

Предугадывая этотъ планъ, Витовтъ съ своей стороны также сѣвннѣе собрать войска, чтобы во-время предупредить врага и не дать ему возможности достигнуть своей цѣли. Зная хорошо мѣстность и напередъ рассчитавъ, гдѣ можно будетъ встрѣтить враговъ, Витовтъ и направился имъ наперерѣвъ. Судя по дошедшимъ до насъ источникамъ, Витовтъ успѣшилъ заранѣе достичь тѣхъ мѣстъ, которыя расположены сейчасъ же за рубежемъ Русской земли, откуда открывался широкій просторъ для наблюденій во всѣ стороны степей и откуда можно было издали слѣдить за движеніями непріятеля. Длугошъ сообщаетъ по этому поводу, что Витовтъ „*ad campestris planitiem in singulas partes diffuse porrectam habentia, circa flumen Worzskla, quarta decima Augusti die, feria videlicet tertia post festum*

¹⁾ Въ народныхъ русскихъ сказаніяхъ, собранныхъ Аванасьевымъ (т. II, стр. 272), о времени, когда татары нѣднѣе обыкновеніе совершать свои набѣги, сказано: „Разъ-рился собака татаринъ (Мамай)... и писалъ свои ярлыки скорописчатые: «когда будетъ овесъ кудрявъ, баранъ мохнать, у коня подъ копытомъ трава и вода, втапоры Мамай безбожный будетъ со святой Русью воевать»—что напоминаетъ обычные выраженія крымскихъ ханскихъ грамотъ XVI—XVII вв.

Beati Laurentii, perventum fuisset“ и т. д. ¹⁾). Судя по всему, Витовтъ только достигъ порога той мѣстности, откуда можно было наблюдать за врагами; что же касается самаго центра описываемой мѣстности, игравшей, повидимому, такое важное значеніе въ стратегическомъ отношеніи, то онъ, по всей вѣроятности, находился въ области р. Орели, гдѣ дѣйствительно имѣются пункты, воишнѣ подходящіе къ передаваемымъ польскимъ писателемъ особенностямъ относительно доминирования извѣстныхъ участковъ земли по этой рѣкѣ надъ окружающею, разстилающеюся на далекое пространство, плоской степной равниной ²⁾).

Между тѣмъ, Темиръ, знавшій, конечно, обо всѣхъ дѣйствіяхъ Витовта, такъ какъ онъ отправлялъ къ нему пословъ цитировать на счетъ соглашенія, подвигался впередъ медленно, осторожно. Узнавъ, что Витовтъ уже на Ворсклѣ и въ довольно крѣпкой позиціи, Темиръ рѣшаетъ сначала нѣсколько задержать, а затѣмъ выманить Витовта въ чистое поле и здѣсь поразить его. Остановившись въ удобномъ стратегическомъ пунктѣ близъ Русской земли, Темиръ отправляетъ къ Витовту пословъ и убѣждаетъ его оставить вражду, такъ какъ онъ идетъ собственно не противъ него, Витовта, а противъ своего бѣглаго раба, Тохтамыша. „Зачѣмъ ты на меня пошелъ войною“ — велѣлъ онъ сказать Витовту; — „вѣдь я не трогалъ ни твоей земли, и не бралъ ни твоихъ селъ, ни городовъ?“ Какъ видно, тонъ рѣчи былъ воишнѣ мирный, даже нѣсколько замскивающий, но ничуть не вызывающій: на порогъ къ столкновенію врагъ первый присылаетъ пословъ и говорить, что онъ, если и идетъ войною, то вовсе не противъ него, Витовта. Конечно, со стороны Темира это былъ тонкій маневръ, пущенный въ ходъ съ цѣлью вывѣдать истинное намѣреніе Витовта на счетъ его похода. Къ подобнаго же рода приѣмамъ прибѣгали, какъ извѣстно, татары и въ 1224 году, когда они, узнавъ о движеніи русскихъ, дважды отправляли къ нимъ своихъ пословъ. Витовтъ, повидимому, не понялъ этого хитраго маневра. Въместо удвоенной осторожности и осмотрительности, Витовтъ, напротивъ, поступилъ крайне опрометчиво и далъ врагу возможность одержать надъ нимъ верхъ. Предполагая,

¹⁾ *Diugosz*, lib. X, p. 526—528.

²⁾ Дѣйствительно, съ вершинъ тлнущихся по правому берегу р. Орели отдѣльных холмовъ открывается на далекое пространство широкій горизонтъ, давая возможность окинуть взоромъ окружающую мѣстность по радіусу верстъ въ 30 сляшкомъ.

что врагъ застигнуть врасплохъ, и что, наконецъ, настало время дать ему почувствовать свою силу, Витовтъ гордо отвѣтилъ: „Богъ покоришь мнѣ всѣ земли—сказалъ онъ;—поворись же и ты мнѣ: будь мнѣ сыномъ, а я тебѣ буду отцомъ; ты долженъ будешь давать мнѣ ежегодно опредѣленные дани и оброки. Если же ты не захочешь покориться добровольно, то знай, что будешь моимъ рабомъ, и вся твоя орда будетъ истреблена мечемъ!“ Получивъ такой отвѣтъ, татары сдѣлали видъ, что они смущены, и попросили три дня срока для размысленія и окончательнаго на этотъ счетъ рѣшенія. Конечно, и на этотъ разъ татары хитрили, но этой хитрости Витовтъ не замѣчалъ. На самомъ же дѣлѣ татары затягивали переговоры съ цѣлью выиграть время: они ожидали къ себѣ прихода военной помощи, и потому затягивали дѣло и старались до поры до времени не раздражать противника и не вызывать его на бой, чтобы затѣмъ вѣрнѣе одержать надъ нимъ побѣду. Когда же къ Темиру подошелъ съ войскомъ его искусный вождь Эдигей, то въ татарѣ относительно Витовта сразу измѣнился: татары рѣшаютъ вызвать Витовта на бой, приготовивъ заранѣе для него засаду.

Въ это время Витовтъ стоялъ на берегахъ р. Ворсклы. Старый мурза татарскій Эдигей подъѣхалъ къ р. Ворсклѣ и пригласилъ Витовта вступить съ нимъ въ переговоры. Витовтъ согласился. И вотъ, раздѣленные другъ отъ друга рѣкой, противники начали вести такіа рѣчи. Первымъ заговорилъ Эдигей: „Слыхалъ я,—началъ этотъ хитрый татаринъ,—что ты хотѣлъ взять нашего хана въ сыновья—это правильно: ты старъ, а онъ молодъ. Но я, вотъ, старше еще и тебя, такъ что тебѣ подобаеъ быть моимъ сыномъ, и платить мнѣ дани, и клеймо мое чеканить на литовскихъ деньгахъ!“

Услыхавъ это, Витовтъ разсвирѣпѣлъ и велѣлъ своимъ войскамъ перейти рѣку и ударить на враговъ. Татары только этого и желали. Завлекая Витовта все дальше и дальше отъ его базы, татары удалили литовскія войска на значительное разстояніе отъ рѣки и, обошедши съ тылу, бросились на лагерь Витовта, разбили находившихся тамъ татаръ Тохтамыша, а затѣмъ, стиснувши съ двухъ сторонъ Витовтово войско, разбили его на-голову ¹⁾. Вотъ какъ описываетъ эту

¹⁾ Витовтово войско, оказывается, было раздѣлено на двѣ части: одна, состоявшая изъ русскихъ, поляковъ, литовцевъ, нѣмцевъ и проч., представляла первое войско, которое шло впереди; а назади, при обозѣ находилось второе, въ составъ котораго входили татары Тохтамыша. Раздѣливъ такъ свои войска, Витовтъ рассчитывалъ,

битву историкъ Соловьевъ: „Сначала полки Витовтовы схватились съ полками Эдигеевыми; съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ самострѣловъ и пищалей; но пушки и пищали плохо дѣйствовали въ чистомъ полѣ. Не смотря на это, Витовтова рать крѣпко боролась, падали стрѣлы какъ дождь, и стали полки Витовтовы перемогать князя Эдигея. Но въ это время обошли кругомъ полки Темиръ-Кутлуевы, вступили въ битву и одолѣли силу литовскую. Тохтамышъ первый обратился въ бѣгство, и въ этомъ бѣгствѣ много народа побралъ и много литовской земли пограбилъ. Побѣдители взяли весь обозъ Витовта, который едва успѣлъ убѣжать съ небольшою дружиной“ ¹⁾).

Такимъ образомъ, битва произошла за р. Ворсклой, въ полѣ, куда были завлечены войска Витовта.

Остается теперь опредѣлить, болѣе или менѣе точно, мѣсто, гдѣ происходила эта знаменитая битва.

Въ виду того, что Темиръ-Кутлукъ, какъ онъ самъ заявилъ черезъ пословъ Витовту, шелъ не на него, а на Тохтамыша, путь его долженъ былъ вести на правую сторону Днѣпра, и прежде всего — къ тѣмъ мѣстамъ послѣдняго, гдѣ находились удобныя переправы черезъ означенную рѣку. Близъ этихъ мѣстъ, повидимому, и остановились Темировы полчища. А что въ указанной мѣстности близъ Днѣпра, ниже устьевъ р. Ворсклы, находился давній, весьма удобный переходъ на другую сторону Днѣпра, видно изъ карты Бошана, на которой, ниже р. Тясмина, помѣщены по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, лѣса — *Nigra Silva* — а вѣдъ лѣсовъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра находится такая надпись: *Nic Scythae latitare donec omnes convenient invasuri nostras regiones solent* ²⁾). Выбирая, однако, эту мѣстность, Темиръ долженъ былъ также не выпускать изъ вида и другого, не менѣе важнаго пункта, а именно — того мѣста, откуда можно было ожидать движенія войскъ литовскаго князя. А мѣсто это, гдѣ проходила торная, постоянная дорога въ степи на днѣпровскомъ лѣвобережьи, была безспорно извѣстна Темиру. Этимъ путемъ совершались неоднократно походы въ степи, этимъ же путемъ, какъ извѣстно, про-

повидимому, на то, что Тохтамышъ будетъ защищать обозъ, а затѣмъ, въ случаѣ побѣды, его войска могутъ оказать большую услугу въ преслѣдованіи разстроеннаго неприятеля. Но татары Тохтамыша не только не оказали ему помощи, а, напротивъ, страшно повредили, обратившись въ бѣгство и разграбивъ при этомъ литовскій лагерь.

¹⁾ *Соловьевъ*, т. IV, гл. V, стр. 1084.

²⁾ См. Атласъ Влау (*Blaviana*), т. II, гдѣ помѣщены карты Бошана.

рывались и степняки въ русскія земли. Крайнимъ весьма важнымъ пунктомъ этого пути, расположеннымъ на пограничьи со степью, пунктомъ, имѣвшимъ большое отношеніе и къ днѣпровскому правобережью, въ виду существованія здѣсь удобной переправы черезъ Днѣпръ, было устье р. Ворсклы, съ расположеннымъ здѣсь давнимъ населеннымъ пунктомъ—Переволочною.

Вслѣдствіе естественныхъ условій мѣстности, представлявшей собой, подобно тому, какъ и на низовьяхъ р. Сулы, какъ бы ворота, черезъ которыя можно было легко проникать внутрь страны и выступать изъ нея, это мѣсто у низовьевъ Ворсклы являлось чрезвычайно важнымъ стратегическимъ пунктомъ, игравшимъ видную роль при движеніяхъ въ степи. Этимъ мѣстомъ шли русскіе во время похода на татаръ въ 1224 году; несомнѣнно, имъ пользовались неоднократно и въ другія времена. Къ движенію этимъ путемъ вызывали также характерныя особенности окружающей мѣстности: впереди, къ юго-востоку отъ низовьевъ р. Ворсклы, на правомъ берегу р. Орели, находились очень удобныя, расположенныя на возвышеніяхъ, стратегическіе пункты, откуда открывался широкій горизонтъ на далекое пространство вокругъ. Слѣдовательно, выступая въ степи, достигнуть вышеупомянутыхъ пунктовъ по р. Орели было чрезвычайно важно¹⁾. Такимъ образомъ, указанныя условія являлись одной изъ весьма сильныхъ причинъ, заставлявшихъ русскихъ, при движеніи въ степи, придерживаться указаннаго направленія. Кромѣ того, къ востоку отъ нижняго теченія р. Ворсклы, на разстилающейся здѣсь степной равнинѣ, находится множество разнаго рода кургановъ, окоповъ, длинныхъ валовъ со рвами при нихъ, извѣстныхъ среди мѣстныхъ жителей подъ именемъ *линн*,—валовъ, аналогичныхъ по характеру своего устройства, мѣстоположенію и формѣ, съ такъ называемыми въ южной Руси *зміевыми валами*. Очевидно, край этотъ уже издревле подвергался какимъ-то нападеніямъ враговъ, противъ которыхъ собственно и воздвигались такія солидныя сооруженія.

Слѣдовательно, къ этому пункту и должны были направиться войска Витовта. А зная направленіе пути литовскаго войска, Темиръ сообразно этому и расположилъ своихъ татаръ въ удобныхъ, пови-

¹⁾ Принимая во вниманіе важныя стратегическія условія указанной мѣстности, можно полагать, что и расположенный близъ нея крупный населенный пунктъ,—Китай-Городъ, ведетъ свое начало со времени глубокой древности, получивъ отъ осѣдлаго тамъ съ востока населеніе и свое настоящее имя.

димому, скрытыхъ позиціяхъ, чтобы потомъ легче и вѣрнѣе поразить врага. Оставалось только выполнить хитро задуманный планъ—вызвать Витовта изъ его крѣпкой позиціи и поставить его внѣ ея защиты. А позиція Витовта на р. Ворсклѣ была, повидимому, довольно прочной: находясь подъ защитой р. Ворсклы, прикрываясь, съ другой стороны, р. Днѣпромъ, Витовтъ находился въ довольно выгодномъ положеніи, и его не такъ-то легко было обойти и побѣдить: двѣ стороны его войска были прикрыты водами рѣкъ, а двѣ другія было уже не столь трудно защитить¹⁾. Не то было бы, конечно, въ томъ случаѣ, если бы Витовтъ оставилъ свою базу на р. Ворсклѣ и перешелъ указанную рѣку: тогда послѣдняя была бы у него съ тыла; кромѣ того, чтобы отрѣзать Витовта совершенно отъ его базы, надо было завлечь его возможно дальше отъ рѣки—тогда являлась бы возможность продвинуть къ рѣкѣ часть войскъ и такимъ образомъ совершенно отрѣзать литовскимъ войскамъ путь къ отступленію, что, какъ извѣстно, и случилось.

Опытный Эдигей искуснымъ маневромъ успѣлъ выманить Витовта въ степь. Притворнымъ страхомъ татары возбуждали смѣлость въ войскѣ Витовта, которое, не подозрѣвая засады, стремительно ударило на враговъ и потѣснило ихъ. Отодвигаясь все дальше и дальше въ степи, татары вмѣстѣ съ тѣмъ удаляли и войско Витовта отъ его базы, что собственно и составляло главную задачу ихъ плана: въ то время какъ одна часть войска Темира, сражаясь съ литовцами, отходила все глубже въ степь, другая его часть, воспользовавшись этимъ, сдѣлала глубокой обходъ по степи и, обрушившись на обозъ и охранявшихъ послѣдній татаръ Тохтамыша, разбила ихъ совершенно. Участъ остального литовскаго войска была рѣшена: отрѣзанное отъ р. Ворсклы, стиснутое съ двухъ сторонъ татарской силой, имѣя съ одной стороны Днѣпръ, а съ другой—глубокую степь, литовское войско потерпѣло страшное пораженіе и почти все легло костью на широкой степной равнинѣ....

Мы опредѣлили, такимъ образомъ, путемъ приведенныхъ соображеній, мѣсто, гдѣ погибло Витовтово войско. Къ сожалѣнію, дошедшіе до насъ источники, гдѣ трактуются объ указанной битвѣ, говорятъ о ней неясно, въ общихъ чертахъ, и на основаніи ихъ однихъ невоз-

¹⁾ Намекомъ на то, что витовтовы войска и его лагерь съ татарами Тохтамыша находились близъ устья р. Ворсклы, служатъ остатокъ укрѣпленнаго городища, расположеннаго между и. Переволочной и Соломинимъ и носящаго названіе Тахтайки.

можно точно опредѣлить мѣсто этого знаменитаго боя. Несомнѣнно, однако, что поражение Витовта было столь крупнымъ, столь выдающимся, что остаться безъ всякаго отраженія въ памяти народной оно, конечно, никакъ не могло. Правда, протекшіе съ того времени вѣка, своими новыми событіями, могли сильно исказить или, по крайней мѣрѣ, наложить свой отпечатокъ на воспоминаніе объ этомъ крупномъ боѣ, но совсѣмъ стереть его, изгладить изъ народной памяти они не были въ состояніи. И вотъ, слабая, неясная, блѣдная тѣнь прошлаго, какъ далекое эхо, не вполне ясное въ своихъ перебивахъ, доносится до нашего времени и служитъ путеводною нитью въ разъясненіи давно забытаго прошлаго. Вотъ это преданіе, записанное мною въ м. Переволочномъ, отъ одной неграмотной старухи, слышавшей его отъ стараго дѣда: „Кажуть, що Лытва (sic!) комысь хотіла зовсімъ знычтожить, звесты значить Малороссію, и пошла войною на неи; такъ Семень Палій повернувъ діло такъ, що Лытва начала бытсья сама зъ своимы: начали різаться другъ съ другомъ, и стелкы погыбло Лытвы, що изъ їхъ трупивъ насыпали велику могылу у Переволочной: вся вона полнехенька костью. Крови кажуть, во время цѣго сраженія було такъ багацько пролыто, що и съ жонемъ сховався бы въ неи. Та могыла, де похованы убиты, называється „Плоскою могылой“... Это преданіе, какъ видно, перепутанное съ другими лицами и другими событіями, сохранило, однако, вѣрную основу, а именно— крупное сраженіе Литвы и гибель ея войска отъ какихъ-то несогласій въ средѣ послѣдняго ¹⁾).

Витовтовъ походъ 1399 г., какъ и походъ русскихъ въ степи въ 1224-мъ году, имѣлъ въ своей основѣ, помимо причинъ политическихъ, еще и причины экономическія, главнымъ образомъ, торгово-промышленныя. Извѣстно, что до конца XV в. однимъ изъ самыхъ крупныхъ торговыхъ предпріятій европейскаго міра съ Азіей была торговля левантская. До открытія Америки и до отлива торгово-промышленныхъ силъ Европы на западъ, Левантская торговля занимала одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ виду того обстоятельства, что означенная торговля имѣла въ числѣ своихъ рынковъ не только прилегавшія къ мо-

¹⁾ Интересно, что близъ м. Переволочнаго находится м. Клишенька, котораго названіе близко подходитъ къ тур.-татарскому слову *кешемь*, означавшему собой *надгробный памятникъ*. Быть можетъ, это мѣстечко получило свое имя отъ тѣхъ татаръ, которые были похоронены здѣсь послѣ боя въ 1399 г. На окраинѣ мѣстечка, на лѣвой сторонѣ р. Ворсклы, возвышается огромной величины курганъ, быть можетъ, скрывающій въ себѣ останки павшихъ здѣсь татаръ.

рямъ страны, но и отдаленныя области, лежавшія въ глубинѣ Азіи, торговое движеніе совершалось и сухопутнымъ, и водой. Конечно, успѣшности и прогрессивному росту этой торговли должны были способствовать близкое соотношеніе и тѣсныя, переплетающіяся связи между нитями путей сухопутныхъ и путей морскихъ. Если одна часть этихъ путей находилась въ однихъ рукахъ, а другая—въ другихъ, то, конечно, торговля не могла совершаться со всей правильностью и безъ всякихъ препятствій: часто случалось, что стороны вступали между собою въ конфликтъ, результатомъ чего являлись задержки и застои въ дѣлахъ. Въ виду этого, главная задача тѣхъ, кто имѣлъ въ своихъ рукахъ одну половину, или одинъ видъ путей, напримѣръ, морскихъ, состояла въ томъ, чтобы включить въ кругъ своего вліянія, или своихъ операцій, и остальные пути, связавъ ихъ въ одно цѣлое. Извѣстно, что до конца XV ст. главные пути Левантской торговли шли черезъ Южную Русь, и однимъ изъ крупныхъ передаточныхъ пунктовъ, складочнымъ мѣстомъ для транзитныхъ товаровъ служилъ Кіевъ, откуда шли торговые тракты и на востокъ, къ Кавказу и Средней Азіи, и на югъ,—къ Крыму и побережьямъ Чернаго и Азовскаго морей. Понятно поэтому, насколько интересно и важно было для Кіева сохранить въ своихъ рукахъ промежуточные между нимъ и приморскими побережьями мѣста, которыя служили какъ бы этапными пунктами при передвиженіи каравановъ. Эти промежуточные, расположенныя на пограничьи со степями мѣста были, такимъ образомъ, чрезвычайно важными пунктами, отъ которыхъ въ значительной степени зависѣла успѣшность большинства торговыхъ съ Левантомъ операцій. Поэтому, какъ со стороны Кіева, такъ и со стороны приморскихъ торговыхъ поселеній, находившихся въ то время главнымъ образомъ въ рукахъ генуэзцевъ и венеціанъ, предпринимаются мѣры, направленныя къ тому, чтобы указанныя пограничныя мѣста находились въ ихъ рукахъ, или же, по крайней мѣрѣ, были съ ними въ дружественныхъ отношеніяхъ. Что касается Кіева и вообще всей южной Руси, то, конечно, сильно заинтересованные въ этомъ, они издавна держались одной политики—изыскивали всевозможныя мѣры къ тому, чтобы сохранить связи съ приморскими промышленными и культурными странами, а потому удерживать и всѣ промежуточные, ведущіе къ нимъ пункты, было ихъ основной задачей. Понятны поэтому становятся и тѣ интенсивныя заботы русской земли о защитѣ своихъ пограничныхъ со степями окраинъ.

Съ другой стороны, къ тому же стремились и обладавшіе круп-

ными приморскими торгово-промышленными центрами генуэзцы и венеціане, которымъ было чрезвычайно интересно имѣть на своей сторонѣ эти промежуточные, расположенныя у порога степей мѣста, откуда можно было вести свободно торговлю съ болѣе или менѣе отдаленными пунктами восточной и западной Европы.

Въ виду того, что, по ограниченности своихъ боевыхъ средствъ, достичь цѣли собственными силами они не могли, эти предпріимчивые чужестранцы стараются воспользоваться наличностью находившейся здѣсь же вблизи крупной боевой силы,—татарами, и при ихъ помощи достигнуть желанной цѣли. Этотъ расчетъ венеціанъ и генуэзцевъ, въ виду того положенія, какое занимали татары относительно восточнаго отдѣла левантской торговли и, отчасти, западнаго, былъ сдѣланъ съ полнымъ знаніемъ дѣла и обеспечивалъ имъ успѣхъ. Такимъ образомъ, эти предпріимчивые итальянцы, находясь въ давнихъ и дружественныхъ связяхъ съ татарами, могли, съ помощью послѣднихъ, осуществить то, чего достигнуть собственными силами они врядъ-ли были бы въ состояніи. Вотъ почему, полагаемъ, и происходитъ такая интенсивная и продолжительная борьба между татарами и Литвой, послѣдняя мало-по-малу отгѣсняетъ этихъ восточныхъ пришельцевъ отъ предѣловъ южной Руси, а затѣмъ, пользуясь благопріятными моментами, пробивается къ берегамъ южно-русскихъ морей. Это была ожесточенная упорная борьба, гдѣ сталкивались двѣ крупныя силы: дряхлѣвшая Золотая Орда и возрождавшаяся Литовско-Русская земля. Зная прекрасно общественно-политическій строй Литовско-Русскаго государства и его важные стратегическіе пункты, татары и бьютъ въ нихъ, стараясь или захватить ихъ въ свои руки, или, по крайней мѣрѣ,—подорвать ихъ. Судя по тому, какъ относились татары къ подобнаго рода дѣламъ и раньше, въ XIII столѣтіи, можно полагать, что и въ концѣ XIV вѣка мотивы борьбы между татарами и Русью остаются прежними, съ той, конечно, разницей, что съ теченіемъ времени, съ развитіемъ русской жизни и расширеніемъ ея осѣдности, съ ослабленіемъ и раздробленіемъ татарскаго могущества, эта борьба принимаетъ болѣе благопріятный для южной Руси характеръ, результатомъ чего явилось то, что, не смотря на крупныя погромы, испытанныя русско-литовскими войсками отъ татаръ, и на ихъ опустошительныя нашествія на южную Русь, послѣдняя неуклонно стремится къ завѣщанной ей историческими условіями задачѣ — пробиться къ берегамъ торговыхъ морей — и успѣваетъ въ этомъ: не смотря на крупное пораженіе въ 1399 году отъ татаръ и на опустошительное нашествіе Эдигея, въ 1416 году,

на Кіевскую землю, Витовтъ достигъ таки, наконецъ, того, что утвердился на берегахъ Чернаго моря, поставивъ и Крымъ, и крупные пункты по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря въ зависимость отъ себя. Устроивъ торговую гавань на Черномъ морѣ, на мѣстѣ нынѣшней Одессы, Хаджи-бей, Витовтъ открылъ для Литвы и Руси путь къ торговымъ операціямъ съ Царьградомъ и другими культурными странами южной Европы.

Принимая во вниманіе вышесказанное, понятны намъ стануть и тѣ походы, какіе предпринимались Витовтомъ къ подножьямъ Кавказа и берегамъ Крыма: Витовтъ продолжалъ политику Руси давняго, стараго времени, привлекая изъ отдаленныхъ, лежавшихъ по-ручъ съ главной татарской силой мѣста степныхъ и горныхъ поселенцевъ и водворяя ихъ въ опасныхъ, пограничныхъ со степью своихъ окраинахъ, имѣвшихъ, какъ мы видѣли, большое отношеніе и къ политическимъ условіямъ тогдашней жизни, и къ условіямъ торгово-промышленнымъ. Извѣстно, что Витовтъ поселялъ въ своихъ предстепныхъ русскихъ окраинахъ выходцевъ изъ Кавказа, такъ называемыхъ кабардинцевъ и черкесовъ, стараясь помѣстить ихъ въ опасныхъ, но чрезвычайно важныхъ въ торгово-промышленномъ и политическомъ отношеніяхъ мѣстахъ. Онъ заселялъ ими главнымъ образомъ Приднѣпровье: мѣста близъ Черкасъ, Канева, Звенигорода и проч.; вонечно, эти кавказскіе выходцы были поселяемы и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, главнымъ образомъ на степномъ пограничьи, свидѣтельствомъ чему служить извѣстное преданіе, занесенное въ Литовскую Метрику, преданіе о томъ, что пятигорскіе черкасы, вышедшіе въ южную Русь со своей княгиней, были поселены сначала въ области р. Самары (на Снепородѣ), а затѣмъ перевели ихъ въ Каневъ и Черкасы¹⁾.

Если ко всему сказанному прибавимъ, что во времена Витовта на островѣ Хортицѣ, за порогами, была устроена литовцами таможня для сбора пошлины съ шедшихъ черезъ нее товаровъ, и что для

¹⁾ „Полякъ князь литовскій Гедиминъ, завоевавши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ и Черкасы Пятигорское, и приведши Черкасовъ часть з княгиней ихъ, посадилъ ихъ на Снепородѣ, а иныхъ на Днѣпрѣ, где теперь Черкасы сидятъ, а Снепородцевъ посадилъ на Днѣпрѣж у Канева, и сидятъ Снепородце на Днѣпрѣ, у Канева, предъ отчинами свои по речкѣмъ инымъ Сивирскимъ уходити не переставали“. Архивъ Юго-Западной Руси, ч. VII, т. I, стр. 103. Очевидно, здѣсь надо разумѣть не самого Гедимина, а скорѣе его сына Ольгерда, или же внука Витовта, и это, по всей вѣроятности, произошло вслѣдствіе того, что въ южной Руси въ разговорной рѣчи часто лицо называется не своимъ именемъ, а именемъ отца или дѣда; напримѣръ, внуку Павла—Павленко, внуку Петра—Петренко и т. д.

охраны одного изъ важныхъ пунктовъ переправы черезъ р. Двѣпра. Витовтъ построилъ замокъ при устьѣ р. Псла, въ мѣстности, гдѣ нынѣ лежитъ г. Кременчугъ, то предположеніе, что подкладкой столкновеній Витовта съ татарами служили не только политическія, но и экономическія причины, и что наиболѣе крупныя столкновенія между литовскимъ княземъ и татарами происходили близъ наиболѣе важныхъ въ торгово-промышленномъ и стратегическомъ отношеніи пунктовъ Приднѣпровья, — получить новое подтвержденіе, болѣе или менѣе основательное и правдоподобное. Слѣдовательно, и битва на р. Ворсклѣ вызывалась столько же политическими соображеніями, сколько и торгово-промышленными интересами, т. е. причинами экономического характера. Интересно отмѣтить, что крупныя столкновенія южно-русской земли съ татарами въ XIII, XIV и XV ст. имѣютъ много общихъ чертъ, какъ въ специально военномъ отношеніи, такъ и относительно исторической обстановки въ тѣ именно времена, когда они совершались. Разсматривая ихъ, не трудно замѣтить, что они по большей части совпадаютъ всякій разъ съ крупной борьбой между организованными въ компактные политическіе организмы степняками, боровшимся другъ съ другомъ изъ-за преобладанія въ юго-восточныхъ предѣлахъ Европы.

Насколько можно прослѣдить, борьба идетъ сначала между конкурирующими степняками, поставившими своей цѣлью овладѣніе южно-русскими приморскими окраинами степей. Но, удачно выполнивъ одну задачу, степняки, въ силу той связи, какая существовала между приморскими культурными странами и южной Русью, должны были послѣдовательно выполнить также и другую задачу, а именно — захватить въ свои руки южно-русскія предстепныя окраины, которыя являлись передаточными пунктами между Русью и приморскими культурными странами. Но на этомъ дѣло, конечно, не могло быть покончено: было ясно, что татары, выполнивъ вышеупомянутыя двѣ задачи и утвердившись на степномъ порубежьи, не останутся на этомъ, а пойдутъ дальше и доведутъ дѣло до конца и подчинятъ своей власти ту землю — Кіевъ, — которая имѣла огромное, можно сказать, перво-степенное значеніе для всего обширнаго района земель, раскинувшихся по бассейнамъ крупныхъ южно-русскихъ рѣкъ и примыкающихъ къ побережьямъ Чернаго и Азовскаго морей. Конечно, пока шла борьба изъ-за первой полосы указанной области, именно — приморья, русь, уставшая, вслѣдствіе своихъ внутреннихъ междоусобицъ, не чувствовала еще непосредственной опасности отъ сосѣдства новой,

не вполне еще знакомой въ политическомъ отношеніи, силы. Но, когда татарскія полчища начали приближаться къ окраинамъ южной Руси, — опасность стала ясной, очевидной и настолько грозной, что для отраженія ея потребовалось поднять чуть не все русскія земли. Такъ, когда въ 1224 г. татары сдѣлали нападеніе на половцевъ, они произвели вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе и на Крымъ и овладѣли ея крупнымъ центромъ, имѣвшимъ значительное въ политическомъ и торгово-промышленномъ отношеніи вліяніе, — Кафой. И только когда прибрежныя страны очутились въ рукахъ татаръ, послѣдніе двинулись къ южно-русскимъ степнымъ окраинамъ съ цѣлью ихъ захвата. Слѣдовательно, прежде чѣмъ приступить къ покоренію южной Руси, татары выполнили двѣ задачи: съ одной стороны, они захватили приморскія побережья, а, съ другой, — сдѣлали попытки утвердиться на той предстепной полосѣ, которая, какъ извѣстно, играла такую важную роль и въ торгово-промышленномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, калескій походъ татаръ былъ только однимъ изъ предшествовавшихъ, такъ сказать, подготовительныхъ актовъ военнаго характера, передъ крупнымъ, задуманнымъ на широкихъ началахъ, движеніемъ на южную Русь, приведшимъ къ полному ея завоеванію въ половинѣ XIII столѣтія.

Точно также и въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ, раньше опустошительнаго движенія татаръ, предпринятаго подъ начальствомъ Эдигея на Кіевъ, мы видимъ крупную борьбу между соперничавшими другъ съ другомъ азіатскими властелинами — Тамерланомъ и великимъ ханомъ Золотой Орды — Тохтамышемъ. Собственно говоря, и теперь борьба ведется, главнымъ образомъ, изъ-за преобладанія въ прилегающихъ къ морямъ степяхъ, потерявъ которыя, трудно было надѣяться на сохраненіе доминирующей роли въ южной Руси. Зная это и предвидя, что вслѣдъ за захватомъ приморскихъ степей должно будетъ послѣдовать непремѣнно, въ силу тѣсной органической связи указанныхъ земель, движеніе Тимура и къ степному пограничью южной Руси, Тохтамышъ убѣгаетъ въ Кіевскую землю и старается убѣдить литовско-русскаго князя Витовта принять мѣры къ отраженію грозившей опасности, результатомъ чего и явился походъ и битва на р. Ворсклѣ въ 1399 году.

Такимъ образомъ, и въ XIV вѣкѣ татары передъ движеніемъ на Кіевъ выполняютъ двѣ задачи: съ одной стороны, они захватываютъ приморскія степи и прилегающія къ нимъ земли, а съ другой, — бьютъ въ порубежныя мѣста Руси, стараясь подготовить здѣсь почву для

будущихъ, болѣе обширныхъ предпріятій въ русскія земли. Слѣдовательно, и битва на р. Ворсклѣ 1399 года была какъ бы прелюдией передъ крупнымъ нашествіемъ Эдигея на Кіевъ и его окрестности. Составляя вышеупомянутыя движенія татаръ на русскія земли, не трудно подмѣтить, что какъ погромъ Кіева татарами въ 1240 году сдѣланъ былъ послѣ предварительной, рассчитанной заранѣе татарами подготовки въ степяхъ, состоявшей въ сокрушеніи тѣсно связанныхъ съ южной Русью порубежныхъ со степью пунктовъ и обитавшаго близъ ихъ полукочевого населенія, такъ и нашествіе Эдигея на Кіевъ и его окрестности произошло послѣ серьезной, предварительной подготовки въ степяхъ, результатомъ которой было крушеніе русско-литовскихъ силъ на берегахъ р. Ворсклы. Все это даетъ намъ право сдѣлать заключеніе, что оба столкновения: и битва на Калкѣ, въ 1224 году, и битва на Ворсклѣ, въ 1399 году, имѣли между собою много общаго, какъ по тѣмъ причинамъ, какими онѣ были вызваны, такъ и по тѣмъ цѣлямъ, какія при этомъ имѣлись въ виду, такъ, наконецъ, и по той мѣстности, въ районѣ которой онѣ происходили. Принимая во вниманіе вышесказанное, мы получаемъ возможность, имѣя извѣстныя указанія относительно одной изъ вышеупомянутыхъ битвъ, опредѣлять также болѣе или менѣе вѣрно и мѣсто другой битвы.

При сравненіи условій боевой жизни южной Руси въ XIV столѣтіи съ такими же ея условіями болѣе ранняго времени, мы получимъ слѣдующіе выводы:

1) Южная Русь и въ XIV вѣкѣ подвергается нападеніямъ кочевниковъ, при чемъ послѣдніе напираютъ главнымъ образомъ на ея степное пограничье.

2) Для защиты отъ набѣговъ примѣняются мѣры прежняго времени, а именно—укрѣпленіе пограничныхъ со степью линій и поселеніе на нихъ выходцевъ или изъ степей, или же изъ горныхъ странъ Кавказа.

3) Колонизаціонное движеніе степныхъ выходцевъ въ Русь имѣетъ направленіе главнымъ образомъ къ Приднѣпровью, а отсюда — на западъ, на правую сторону Днѣпра, куда мало-по-малу переходитъ и центръ тяжести этой колонизаціи. Сюда переселяются сначала половцы, а затѣмъ татары и другіе выходцы изъ степей, которые образуютъ защитную линію отъ Днѣпра до границъ Покутья.

4) Главными пунктами этой колонизаціи являются мѣста Приднѣпровья, гдѣ Каневъ и Черкасы играютъ первую роль, благодаря расположенію на главной дорогѣ кочевническихъ передвиженій въ

Русь. Вслѣдствіе этого устанавливаются постоянныя связи со многими мѣстами Днѣпровскаго лѣвобережья, особенно тѣхъ его частей, которыя имѣли сходныя условія боевой жизни и давали отъ себя переселенцевъ на правую сторону Днѣпра.

5) Движеніе противъ татаръ и битвы съ ними происходятъ не въ силу однихъ только соображеній политическаго характера, но и благодаря экономическимъ причинамъ.

6) Наиболѣе крупныя столкновения литовской Руси съ татарами происходятъ близъ важныхъ въ военно-политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ пунктовъ, на перекрестки стратегическихъ и торговыхъ дорогъ.

7) Результатомъ принимавшихся литовско-русскимъ государствомъ мѣръ для борьбы противъ татаръ было, съ одной стороны,—усиленіе и отступленіе къ югу пограничной со степями защитной полосы, а съ другой, какъ слѣдствіе этого,—переходъ подъ власть литовско-русскаго князя приморскихъ побережій и утвержденіе его суверенитета надъ большею частью южно-русскихъ степей.

В. Лиснеренскій.

ФАБЛО ВОСТОЧНАГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ¹⁾.

Constant du Hamel ²⁾.

III.

Добродѣтельную жену Константа дю Гамеля преслѣдуетъ священникъ и уговариваетъ ее уступить его желанію, обѣщая за это деньги и драгоценности, предлагая до двадцати ливровъ. Жена Константа Изабо отказывается ему, чѣмъ повергаетъ священника въ отчаяніе. Красота ея смущала и прево города, который вѣдаетъ тюрьмами;

¹⁾ См. I, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1903, № 4; II, *ib.*, 1906, № 10.

²⁾ *Источники.* Этотъ перечень источниковъ не представляетъ подробнаго библиографическаго перечня изданій текстовъ и переводовъ, онъ лишь стремится указать на всѣ известныя намъ версіи въ главныхъ, лучшихъ изданіяхъ и переводахъ.

1. *Фабло.* De Constant du Hamel. A. de Montaignon et G. Raynaud. Recueil général et complet des Fabliaux des XIII-e et XIV-e siècles. Paris 1880. IV. 166—198, 281—323. VI, 276.

2. *A. Cunningham.* The Stūpa of Bharhut: a Buddhist Monument ornamented with numerous sculptures illustrative of Buddhist Legend and History in the third Century B. C. London 1879. P. 53. Pl. XXV, 3.

3. *Mahāummagga-jātaka* № 546. Изданіе V. Fausböll. L. 1896. VI. 368 — 370. Англійскій переводъ всей джитакки съ сивгальскаго перевода палийскаго текста *T. B. Yatawara.* Ummagga Jātaka (the story of the Tunnel). London 1898, pp. 71 — 74; русскій переводъ относящагося сюда эпизода *Н. Минаевъ.* Буддизмъ I, 152—153.

4 и 5. *Brihatkathā*, сочиненіе поэта Guṇādhyā. Этотъ обширный сборникъ разсказовъ дошелъ до насъ въ трехъ редакціяхъ, изъ которыхъ двѣ изданы, это:

Kathāsaritsāgara, сочиненіе Somadeva. Санскритскій текстъ. Bombay 1889. Переводъ. *Kathā Sarit Sāgara or Ocean of the streams of Story* trsl. from the original Sanskrit by *C. H. Tawney.* Calcutta 1880—1887. 2 vol. (Bibl. Indica). Намъ разсказъ pp. 17—20.

онъ старается склонить красавицу, общая ей десять ливровъ, но и онъ встрѣчаетъ отказъ. На слѣдующій день, когда Изабо идетъ въ церковь, а оттуда домой, ее встрѣчаетъ лѣсничій коньера, который старается соблазнить ее перстномъ, но безуспѣшно. Мужу своему Изабо ничего не говорить о преслѣдованіи этихъ трехъ мужчинъ.

5. *Brihatkathāmanjarī*, сочиненіе Kshemendra. Текстъ издавъ въ Бомбей. Nirṇaya Śāgara Press въ серіи Kāvya-mālā. Переводъ: S. Lévi. La Brihatkathāmanjarī de Kshemendra. Journ. As. 8, VI: 461—64 (1885). Оба поэта были кашмирцы и жили въ XI вѣкѣ по Р. Хр. О третьей версіи, анонимнаго автора подъ названіемъ Brihatkathāclokasamgraha см. теперь: F. Lacôte. Une version nouvelle de la Brihatkathā de Gunādhyā. Изв. Journ. As. янв.—февр. 1906.

6. *Dakṣiṇyā* (IX в. по Р. Хр.). Le livre des beautés et des antithèses attribué à Abu Othman Amr in Bahr al-Djahiz de Baara. Texte publié par G. van Vloten. Leyde 1898, p. 263⁷⁷—267⁷⁸. Переводы: русскій переводъ бар. В. Р. Розена см. ниже стр. 54—57, нѣмецкій S. Fränkel. Die tugendhafte und kluge Wittwe. Germ. Abhandl. XII. 37—49 (1896.—Beiträge zur Volkskunde).

7. Miss M. Stokes. Indian Fairy Tales. Calcutta 1879, № XXVIII. The clever wife, pp. 216—223 и 292. Рассказъ записанъ въ Калькуттѣ.

8. G. H. Damant. Legends from Dinajpur. The story of the Touchstone. Ind. Ant. II. 357—360 (1873).

9. G. H. Damant. Bengali Folklegends from Dinajpur. 2. Adi's wife. Ind. Ant. IX. 2—3 (1880).

10. „Семь Визирей“, арабская версія. Отношенія отдельныхъ рукописей этого сборника другъ къ другу еще недостаточно выяснены. Библиографію см. у Chauvin Bibliographie des ouvrages arabes etc. VIII. 50—54 Liège 1902, и R. Basset. Deux Manuscrits d'une version arabe inédite du recueil des Sept Vizirs. Journ. As. 10. II, 43—83 (1903).

11. 1001 Ночь. Библиографію см. Chauvin l. c. VI, 11—14. Burton. Suppl. N. V, 251 Sq. Benares 1888.

12. *Bahar-Damush*; or, Garden of Knowledge. An oriental romance translated from the Persic of Einaut Oollah. By Jonathan Scott. Shrewsbury 1799.

13. 1001 День. Les Mille et un Jours contes persans, traduits en Français par Pétis de LaCroix etc. Nouvelle édition, accompagnée de notes et de notices historiques par A. Loiseleur Deslongchamps, publié sous la direction par M. L. Martin, Paris 1840: Histoire de la belle Arouya. Pp. 190—200.

14. C. Rien. Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum. L. 1888. p. 224. Турецкій сборникъ рассказовъ, повидимому XVII в. (Add. 7883). Tale 12. The Goldsmith's wife, The Fakih, the Muhtesib, the Shihneh, the Vāli, and the Kāsi.

15. S. S. Thorburn. Bannū or our Afghan Frontier. London 1876. A warning to Importunate Lovers. Pp. 214—217.

16. M. Lidbarski. Geschichten und Lieder aus den neuaramäischen Handschriften der Königlichen Bibliothek in Berlin. (B. V. и V. K. 4). Weimar 1896. Die brave Frau. Pp. 188—195.

Однажды священникъ, прево и лѣсничій пьютъ вмѣстѣ; за виномъ рѣчь зашла о Изабо и о неудачѣ ихъ всѣхъ у красавицы. Разгоряченные виномъ, они рѣшаютъ мстить Констану. Начинаетъ священникъ, который публично выгоняетъ Констана изъ церкви, подъ предлогомъ, что онъ женатъ на своей кумѣ. Послѣ службы огорченный Констанъ идетъ къ священнику и пробуетъ его умилостивить. Священникъ требуетъ съ него семь ливровъ. Онъ обѣщаетъ уплатить; вернувшись домой опечаленный, онъ говоритъ объ этомъ женѣ, она его успокаиваетъ и они садятся ѣсть, когда приходятъ требовать Констана къ прево. Тотъ обвиняетъ его въ кражѣ со взломомъ хлѣба изъ амбара сеньера. Констанъ отрицаетъ; послѣ переговоровъ они условливаются, что Констанъ заплатитъ двадцать ливровъ. Возвращаясь домой, онъ узнаетъ, что лѣсничій обвиняетъ его въ порубкѣ и угонѣ его быковъ. Констанъ бѣжитъ къ лѣсничему, долго спорить съ нимъ, наконецъ уговаривается уплатить ему сто су. Въ отчаяніи бѣдный Констанъ возвращается и дѣлится своимъ горемъ съ женою: придется продать овесъ и даже хлѣбъ, предназначенный для ихъ пропитанія. Жена опять его успокаиваетъ и обѣщаетъ устроить дѣло.

Когда на слѣдующій день Констанъ уходитъ въ поле на работу, жена его зоветъ прислужницу свою Галестро и велитъ приготовить ванну; послѣ чего посылаетъ Галестро къ священнику звать его, подъ предлогомъ, что Изабо согласна уступить ему, если онъ принесетъ десять ливровъ и обѣщанныя драгоценности. Галестро бѣжитъ къ священнику и представляетъ ему дѣло такъ, какъ будто она уговорила Изабо. Священникъ даетъ ей денегъ, справляется, дома ли Констанъ и, узнавъ, что его нѣтъ дома, забираетъ деньги и драгоценности и спѣшитъ къ Изабо, которая встрѣчаетъ его ласково и приглашаетъ его раздѣться и взять ванну. Какъ только онъ въ

17. *B. Meisner*. Neuarabische Geschichten aus dem Iraq. Leipzig 1903. № 13, pp. 17—21. (Beitr. z. Ass. Sem. Spr. V, 1).

18. *Contes de Damas*, recueillis et traduits par *J. Oestrup*. Leide 1897. Pp. 101—107. VIII. Le cadî et le moufti.

Двѣ новѣйшихъ статьи внесли значительныя поправки къ Бадъ, но далеко не исчерпали всего матеріала.

1. *G. Amalfi*. Zwei orientalische Episoden in Voltaire's *Zadig*. Z. V. f. V. V. 71—78. (1895).

2. *P. Toldo*. Pel Fableau di Constant du Hamel. Romania XXXII, 552 — 564. (1903).

ваннѣ, Изабо посылаетъ Галестро къ прево; она также убѣждаетъ его въ томъ, что уговорила свою госпожу, и получаетъ отъ прево деньги. Какъ только прево стучится, Изабо представляется испуганной и говоритъ священнику, что идетъ мужъ; перепуганный священникъ проситъ скрыть его, и Изабо прячетъ его совсѣмъ нагого въ бочкѣ съ перьями. Послѣ этого она любезно встрѣчаетъ прево, получаетъ отъ него деньги и уговариваетъ его раздѣться и сѣсть въ ванну. Тотчасъ же она посылаетъ Галестро къ лѣсническому; прислужница исполняетъ порученіе какъ прежде. Какъ только является лѣсничій, Изабо прячетъ прево въ бочку, гдѣ уже находится священникъ; обманутые узнаютъ другъ друга. Тѣмъ временемъ Изабо получаетъ отъ лѣсничаго кольцо и ведетъ его въ ванну. Тогда она посылаетъ за Констаномъ, и когда онъ является, она прячетъ въ бочку лѣсничаго, который давитъ своихъ предшественниковъ, всѣ трое узнаютъ другъ друга и въ отчаяніи отъ того положенія, въ которое попали. Изабо рассказываетъ мужу все, что сдѣлала, и затѣмъ проситъ его обезчестить женъ трехъ соблазнительей у нихъ на глазахъ; для этого она, подъ предлогомъ звать ихъ выкупаться, приглашаетъ трехъ женщинъ, которыхъ Констанъ, застрашавъ, насилуетъ на глазахъ у мужей; мужья боятся однако показаться и ограничиваются тѣмъ, что злорадствуютъ одинъ по отношенію къ другому. Выгнавъ изнасилованныхъ женщинъ, Констанъ обращается къ бочкѣ и поджигаетъ ее; тогда трое сидящихъ въ ней выскакиваютъ покрытые перьями. Констанъ представляется, будто бы не знаетъ, что это за существа, бѣжитъ за ними съ палицею и травитъ ихъ собаками. Собаки немилосердно ихъ кусаютъ; натѣшившись вдоволь, Констанъ отгоняетъ собакъ. Народъ сбѣгается. Виновники клянутся не трогать впродъ Констана и Изабо, которые радуются приращенію своего имущества.

Таково содержаніе фабло неизвѣстнаго намъ автора. Существованіе цѣлага ряда восточныхъ параллелей, по отношенію къ которымъ мы не можемъ допустить вѣроятности западнаго вліянія, заставляетъ насъ предположить, что тема нашего фабло восточнаго происхожденія. Раньше чѣмъ разсмотрѣть этотъ вопросъ, мы изложимъ извѣстныя намъ восточныя параллели, чтобы собрать въ одномъ мѣстѣ матеріалъ, который позволитъ провѣрить правильность нашихъ разсужденій.

Мы начнемъ съ старинныхъ индійскихъ версій не потому, чтобы видѣли въ нихъ безусловно и непремѣнно оригиналъ другихъ восточныхъ версій, но потому, что считаемъ доказанными широкія *литературныя* заимствованія, сдѣланныя Персіей изъ Индіи въ эпоху Саса-

нидовъ, при чемъ значительная часть этихъ заимствованій перешла изъ пехлевійской въ арабскую литературу, а изъ нея уже далѣе на западъ; кромѣ того были и заимствования сирийской литературы изъ пехлевійской, а также, повидному, непосредственные переходы изъ пехлевійской литературы въ персидскую. Фактъ широкаго заимствования со стороны пехлевійской литературы изъ Индіи, а затѣмъ фактъ вліянія пехлевійской литературы на арабскую, сирийскую и персидскую слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду при изслѣдованіи вопроса о литературномъ вліяніи востока на западъ.

На первомъ мѣстѣ по древности мы должны поставить рельефъ на Бхархутской (остаемся пока при старомъ правописаніи этого имени) ступѣ, которому надпись даетъ названіе Явамаджакія джѣтака, повидному, по названію одной деревни, упоминаемой въ рассказѣ. Бхархутская ступа и ея рельефы относятся къ III вѣку до Р. Хр., и такимъ образомъ нашъ рельефъ даетъ намъ древнѣйшую версію рассказа о томъ, какъ добродѣтельная женщина заманила къ себѣ преслѣдовавшихъ ее обольстителей и наказала ихъ. На рельефѣ изображено слѣдующее: сидитъ царь и вокругъ него нѣсколько человѣкъ свиты. На первомъ планѣ стоитъ знатная женщина (объ этомъ позволяютъ судить ея одежда и украшенія), опирающаяся на служанку и показывающая пальцемъ на находящіяся передъ ней три корзины, съ которыхъ сняты крышки; въ корзинахъ видны головы запряганныхъ въ нихъ людей, четвертую корзину, еще закрытую, несетъ какой-то человѣкъ. Зная текстъ Ма-
hāyamaḡgaḡāṭaka, мы свободно можемъ истолковать изображенную здѣсь сцену. На престолѣ сидитъ царь, передъ нимъ Амарадеві, жена мудреца Махосадхи, въ корзинахъ царскіе совѣтники, которые хотѣли погубить мудреца и которыхъ перехитрила жена его Амарадеві. Такимъ образомъ въ этой древнѣйшей версіи видимъ, что преступные совѣтники царя были заключены въ четыре отдѣльныхъ вмѣстилища—корзины и что перехитрившая ихъ женщина обратилась къ суду царя. О томъ, сама ли она ихъ заманила или они пытались ее соблазнить, что именно было поводомъ къ употребленію хитрости и какъ были наказаны преступники, объ этомъ мы ничего не узнаемъ изъ рельефа; можно только сдѣлать предположеніе, что версія джѣтаки, которую иллюстрировалъ нашъ рельефъ, была въ общемъ близка къ извѣстной намъ палийской версіи джѣтаки. При этомъ мы хотѣли бы однако замѣтить, что въ этой версіи джѣтаки нашъ эпизодъ занималъ болѣе выдающееся мѣсто, чѣмъ въ палийской джѣтакѣ, и былъ

изложенъ подробнѣе: иначе трудно себѣ представить, почему художникъ именно этотъ эпизодъ выбралъ для своего изображенія.

Палійская версія джѣтаки, которая изложена въ комментаріи, а не въ стихотворной, болѣе древней, части сборника, для интересующаго насъ эпизода даетъ какъ бы только конспектъ разсказа. Вся джѣтака посвящена въ основной своей части похожденіямъ Махосадхи, мудреца, бывшаго однимъ изъ перерожденій Будды. Въ эту джѣтаку входитъ въ свою очередь эпизодъ борьбы мудреца Махосадхи съ четырьмя мудрецами, и однимъ изъ эпизодовъ этой борьбы является эпизодъ о томъ, какъ мудрая жена Махосадхи Амарадеви хитростью отвратила козни царскихъ совѣтниковъ. Вотъ та часть джѣтаки, которая имѣетъ прямое отношеніе къ изслѣдуемому нами разсказу.

Однажды четыре мудреца Сенака, Пуккуса, Кавинда и Девинда стали разсуждать о томъ, что съ тѣхъ поръ какъ Махосадха женился на женщинѣ еще болѣе умной, чѣмъ онъ, имъ еще труднѣе состязаться съ нимъ. Поэтому имъ надлежитъ придумать что либо, чтобы погубить его въ мнѣніи царя. Сенака предложилъ слѣдующее: онъ украдетъ драгоцѣнный камень изъ царскаго вѣнца, Пуккуса золотое ожерелье, Кавинда драгоцѣнное платье царя, а Девинда золотую обувь царя. Такъ они сдѣлали, послѣ чего, по совѣту Сенака, рѣшили доставить украденныя драгоцѣнности тайкомъ въ домъ Махосадхи. Сенака положилъ драгоцѣнный камень въ сосудъ съ финиками, велѣлъ служанкѣ понести сосудъ въ домъ Махосадхи и тамъ предлагать его; если возьмутъ, то не брать денегъ. Амарадеви замѣтила дѣвушку, ходившую взадъ и впередъ съ сосудомъ, дала указанія своимъ служанкамъ и позвала дѣвушку, предлагая купить у нея то, что она продавала. Затѣмъ она стала звать служанокъ, и когда тѣ не шли согласно данному имъ приказанію, она велѣла продавщицѣ позвать кого-нибудь изъ служанокъ. Во время ея отсутствія она опустила руку въ сосудъ и нашла тамъ драгоцѣнный камень. Затѣмъ она спросила дѣвушку, отъ кого она; та отвѣтила, что отъ Сенаки; потомъ Амарадеви узнала ея имя и имя ея матери, и все это записала на листѣ, отмѣтивъ точно мѣсяцъ и день присылки. Также было и съ посылками другихъ мудрецовъ, которые прислали украденныя драгоцѣнности, разнымъ образомъ запрятанныя.

Когда Сенака и его товарищи послали такимъ образомъ краденныя драгоцѣнности въ домъ Махосадхи, они пошли къ царю спрашивать его, почему онъ не надѣваетъ своихъ драгоцѣнностей. Оказалось, что драгоцѣнности пропали; тогда мудрецы обвинили въ кражѣ

Махосадху, и царь на него разгнѣвался; Махосадха попытался видѣть царя, но безуспѣшно. Узнавъ, что его хотятъ схватить, Махосадха извѣстилъ Амарадевѣ, бѣжалъ изъ города и поселился въ деревнѣ близъ города, занимаясь ремесломъ горшечника. Какъ только разнесся слухъ, что Махосадха бѣжалъ, четыре мудреца послали дары къ Амарадевѣ. Она приняла посланное ими и назначила имъ время, чтобы прійти къ ней. Затѣмъ она ихъ обрила, ввергла въ помойную яму, истязала, положила въ плетенныя корзины, послала къ царю и пошла сама къ нему, захвативъ украденныя драгоценности. Затѣмъ она сказала царю, что украсть его драгоценности не Махосадха, а четыре мудреца, вмѣстѣ съ тѣмъ она показала царю свои записи о присылкѣ мудрецами драгоценностей черезъ служановъ въ домъ Махосадхи. Сказавъ это, Амарадевѣ откланялась царю и ушла. Царь не рѣшился наказать мудрецовъ, такъ какъ, въ виду бѣгства Махосадхи, боялся остаться безъ совѣтниковъ; поэтому онъ отпустилъ четырехъ погрѣшившихъ совѣтниковъ по домамъ.

Слѣдующая затѣмъ версія принадлежитъ знаменитому сборнику рассказовъ на пракритѣ Brihatkathā поэта Gunādhyā, которая намъ извѣстна только по позднимъ санскритскимъ ея переработкамъ; изъ нихъ до сихъ поръ только двѣ: Brihatkathāmanjarī поэта Kshemendra и Kathāsaritsāgara Somadeva'ы изданы, о третьей, произведеніи неизвѣстнаго поэта, мы имѣемъ пока только самыя общія свѣдѣнія (см. выше списокъ источниковъ).

Даюмъ версію Сомадевы: знаменитый грамматикъ, совѣтникъ царя Нанды Вараручи, отправился въ Гималаи умилоствовать Шиву. Уходя онъ оставилъ свое имущество, средства, нужныя для поддержанія дома, въ рукахъ купца Хираньягупта, о чемъ и сообщилъ женѣ своей Упакоша. Упакоша пребывала въ своемъ домѣ и только совершала ежедневно омовенія въ Гангѣ. Въ одинъ весенній день, когда она шла къ рѣкѣ, ее увидали: царскій жрецъ, глава полиціи и царскій совѣтникъ, и воспламенились къ ней страстью. Въ этотъ день Упакоша провела много времени за омовеніями и возвращалась домой уже вечеромъ; на нее напалъ царскій совѣтникъ, но она, сохраняя присутствіе духа, сказала ему, что ей, женщинѣ изъ хорошаго дома, не подобаетъ отдаться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ могутъ ее застать посторонніе, и назначила совѣтнику свиданіе въ своемъ домѣ въ первую стражу ночи праздника весны, когда весь городъ будетъ въ возбужденіи. Совѣтникъ ушелъ, но немного далѣе на нее напалъ царскій жрецъ; ему она назначила прійти во вторую

стражу ночи. Отпущенная царскимъ жрецомъ, она попала въ руки начальнику полиціи и отъ него отдѣлалась только назначеніемъ свиданія въ третью стражу ночи. Вернувшись домой, она рассказала служанкамъ обо всемъ происшедшемъ и о назначенныхъ свиданіяхъ.

На слѣдующее утро она послала служанку къ Хираньягуптѣ за деньгами, чтобы почтить брахмановъ. Хираньягупта пришелъ къ ней и сказалъ, что дать ей деньги, если она отдастся ему. Упакоша, сообразивъ, что у нея нѣтъ доказательствъ относительно передачи ея мужемъ денегъ купцу, назначила и ему свиданіе на послѣднюю стражу ночи. Тѣмъ временемъ она велѣла приготовить черной мази, четыре тряпки и большой сундукъ. Въ ночь весенняго праздника, въ первую стражу, къ Упакоша точно явился царскій совѣтникъ. Она сказала ему, что онъ раньше долженъ омыться. Служанки ввели его въ темное помѣщеніе, раздѣли, помазали черною мазью и дали ему, чтобы покрыться, тряпку. Тѣмъ временемъ явился жрецъ, и онъ уговорили совѣтника спрятаться въ сундукъ. Послѣдовательно съ нимъ и съ начальникомъ полиціи сдѣлали то же самое. Всѣ трое лежали въ сундукѣ, но не смѣли ничего сказать. Когда пришелъ купецъ, Упакоша ввела его въ ту комнату, гдѣ былъ сундукъ, и спросила у него деньги, отданныя ея мужемъ. Купецъ, видя, что въ комнатѣ никого нѣтъ, сказалъ, что уже и раньше обѣщалъ ей отдать деньги. Обращаясь къ сундуку, Упакоша сказала: „слушайте, о боги, эти слова Хираньягупты“. Затѣмъ она велѣла Хираньягуптѣ идти и совершить омовенія. Его, какъ и другихъ, вымазали черной краской, дали тряпку взами́мъ снятой одежды и затѣмъ вытолкали изъ дому. По дорогѣ домой его искусаи собаки.

Утромъ Упакоша отправилась со своими служанками къ царю Нанда и заявила, что купецъ Хираньягупта не хочетъ отдать ей деньги, оставленные у него ея мужемъ. Царь велѣлъ призвать купца, но тотъ отрицалъ передачу денегъ. Упакоша заявила, что у нея есть свидѣтели: мужъ ея, передъ уходомъ, положилъ домашнихъ боговъ въ ящикъ, и купецъ въ ихъ присутствіи призналъ, что деньги у него. Упакоша просила разрѣшенія принести ящикъ, чтобы царь могъ спросить боговъ о происшедшемъ. Ящикъ принесли, и Упакоша воззвала къ домашнимъ богамъ, приглашая ихъ сказать, о чемъ говорилъ купецъ, и обѣщая отпустить ихъ домой, угрожая въ случаѣ молчанія сжечь ихъ или отереть сундукъ. Перепуганные трое въ сундукѣ сказали, что купецъ заявилъ о деньгахъ въ ихъ присутствіи. Тутъ купецъ признался въ своей винѣ. Царь просилъ у Упакоши позволенія

раскрыть сундукъ, и оттуда вышли тѣ три человѣка, вымазанные черною мазью. Царь пожелалъ узнать, что это значитъ, и Упакоша все рассказала. Царь изгналъ тогда совѣтника, жреца и начальника полиціи изъ своего царства и оказалъ великое почтеніе Упакошѣ, которая вскорѣ дождалась возвращенія мужа.

Текстъ Кшмендра разнится отъ текста Сомарева въ такихъ незначительныхъ третъстепенныхъ подробностяхъ, что мы считаемъ совершенно лишнимъ приводить его здѣсь, тѣмъ болѣе, что значительная часть отличій объясняется тѣмъ, что Кшмендра излагаетъ весьма сокращенно, мѣстами почти въ видѣ конспекта. Такъ какъ Кшмендра писалъ до Сомарева и не существуетъ возможности, чтобы онъ сократилъ текстъ Сомарева, то близкое совпаденіе обѣихъ версій указываетъ, что сообщаемая здѣсь форма разсказа принадлежитъ либо первоначальному, старинному оригиналу Гунади или какой либо утерянной промежуточной передѣлкѣ, во всякомъ случаѣ болѣе древней, чѣмъ XI столѣтіе.

Слѣдующая за тѣмъ версія арабская, принадлежащая извѣстному полигистору IX вѣка Джахизу и заключенная въ его книгѣ: „Книга добрыхъ качествъ и ихъ противоположеній“. Джахизъ черпалъ изъ памятниковъ арабской литературы, представляющихъ часто прямыя заимствованія изъ пехлевійской литературы, поэтому мы въ правѣ считать разсказъ у Джахиза представителемъ утраченнаго пехлевійскаго оригинала, ибо другіе аналогичные разсказы Джахиза несомнѣнно этого происхожденія. Вотъ разсказъ Джахиза.

„Разсказываютъ, что ал-Хаджаджъ, сынъ Юсуфа, однажды ночью не могъ заснуть и послалъ поэтому за Ибн-ал-Кирріей и сказалъ ему: „я не могу спать; поэтому разскажи мнѣ какую-нибудь исторію, которая бы сократила мнѣ длину ночи, и пусть будетъ она о хитростяхъ женщинъ и объ ихъ продѣлкахъ“. Тотъ сказалъ: „да сохранить Богъ эмира! Говорятъ, что нѣкій мужъ изъ жителей Басры, Амръ сынъ 'Амира по имени, былъ извѣстенъ подвижничествомъ и благородствомъ. И была у него жена по имени Джемила и былъ у него другъ изъ подвижниковъ. И далъ ему Амръ тысячу динаровъ на храненіе и сказалъ: „Если со мною случится несчастіе и ты мою семью увидишь нуждающеюся, то отдай ей эти деньги“. Потомъ онъ прожилъ, сколько прожилъ, потомъ былъ призванъ и далъ отвѣтъ (т. е. умеръ). Послѣ него Джемила прожила нѣкоторое время; затѣмъ ея обстоятельства ухудшились, и она приказала своей невольницѣ продать перстень за обѣдъ дня или ужинъ вечера. И когда неволь-

лица предлагала перстень на продажу, ее увидѣлъ подвижникъ, другъ Амра, и сказалъ: „Такая-то?“ Она сказала: „да“. Онъ сказалъ: „что тебѣ нужно?“ Тогда она ему рассказала про несчастье и что ея барыня принуждена продать свой перстень. И наполнились его глаза слезами. Потомъ онъ сказалъ: „За мной есть тысячи динаровъ, принадлежащихъ Амру. Сообщи объ этомъ твоей барынѣ“.

И пришла невольница смѣясь, съ доброй вѣстью, говоря: „пропитаніе законное, скоро имѣющее быть отъ трудовъ моего господина, благороднаго, хобродѣтельнаго“. И когда ея госпожа это услышала, она спросила ее объ этомъ, и та рассказала. И пала Джемила ницъ, прославляя Господа своего, и послала невольницу къ подвижнику. И явился подвижникъ съ деньгами и, когда вошелъ въ домъ, не захотѣлъ отдать деньги никому кромѣ нея самой. И вышла она къ нему, и когда онъ взглянулъ на красоту ея и совершенство ея, то она овладѣла всѣмъ сердцемъ его, и покинулъ его разумъ и ушелъ отъ него стыдъ и онъ началъ говорить:

„Ты похитила тѣло мое и сердце одновременно
И извурлила кости мои твоимъ взглядомъ,
Возврати сердце томѣющагося отъ любви
И ирими подароковъ вдвое большій противъ того, на что ты надѣнешься“.

И потупила глаза Джемила (и молчала) долго изъ за его словъ. Потомъ она сказала: „горе тебѣ! Развѣ ты не тотъ, котораго знаютъ за подвижническую жизнь, которому приписываютъ воздержность!“ Онъ сказалъ: „да, но свѣтъ лица твоего истощилъ тѣло мое. И такъ, поправь меня словомъ, которымъ ты выпрямила бы мою кривизну. И вотъ, я строю здѣсь, прибѣгая къ твоей помощи“. Она сказала: „О лицемѣръ, обманщикъ! Уходи отъ меня порицаемымъ, пристыженнымъ“. И ушелъ онъ отъ нея, а сердце его пылало страстью. И стала Джемила обдумывать хитрость, чтобы получить принадлежащее ей. И пошла она къ царю, чтобы ему донести объ обидѣ, ей нанесенной. Но она не получила доступа къ нему. И пошла она къ хаджибу и пожаловалась ему. И понравилась она ему сильно. И сказалъ онъ: „право, у твоего лица такой взглядъ, который я считаю выше этого, я подобная тебѣ не должна вести тяжбу. И не хочешь ли ты получить вдвое больше твоихъ денегъ подъ покровомъ тайны и за дружбу?“ Она сказала: „горе свободной женщиной, которая склоняется къ подозрительному дѣлу“. И пошла она къ полицеймейстеру и донесла ему о нанесенной ей обидѣ. И понравилась она ему, и онъ сказалъ: „твой искъ противъ подвижника будетъ признанъ только на основаніи

показаній двухъ приведенныхъ свидѣтелей. Но я куплю твой исѣкъ, если ты исполнишь мое желаніе“. Тогда она отъ него пошла къ кадію и жаловалась ему. И овладѣла она его сердцемъ, и кадій едва не сошелъ съ ума отъ восхищенія ею и сказалъ: „о прохлада глазъ! по истинѣ, отъ подобныхъ ей нельзя воздержаться. Не согласна ли ты дружить со мной и быть обезпеченной на всю жизнь?“

И ушла она и провела ночь, обдумывая, какъ бы ей добыть то, что ей слѣдуетъ. И послала она невольницу къ плотнику, и онъ сдѣлалъ ей сундукъ съ тремя дверцами; всѣ трое — отдѣльные. Потомъ она послала невольницу къ хаджибу, чтобы онъ пришелъ къ ней рано утромъ, и къ полицеймейстеру, чтобы онъ пришелъ къ ней утромъ нѣсколько попозже, и къ кадію, чтобы онъ пришелъ къ ней въ полдень. И пришелъ къ ней хаджибъ, и она вышла къ нему и начала бесѣдовать съ нимъ. И не успѣла она кончить бесѣду свою, какъ ей сказала невольница: „полицеймейстеръ у дверей“. Тогда она сказала хаджибу: „нѣтъ въ домѣ другого убѣжища кромѣ этого сундука. Войди въ какое ты хочешь отдѣленіе его“. И вошелъ хаджибъ въ одно отдѣленіе сундука, и она заперла его за нимъ на замокъ. И вошелъ полицеймейстеръ, и вышла къ нему Джемилла и начала съ нимъ смѣяться и любезничать. И очень скоро послѣ этого сказала невольница: „кади у дверей“. Тогда сказалъ полицеймейстеръ: „гдѣ мнѣ (спрятаться)“? Она сказала: „нѣтъ убѣжища кромѣ какъ въ этомъ сундукѣ; въ немъ есть два отдѣленія и войди ты въ какое хочешь изъ нихъ“. И вошелъ онъ, и она заперла его за нимъ на замокъ. И когда вошелъ кади, она сказала: „добро пожаловать“ и начала его привѣтствовать и съ нимъ любезничать. И когда еще занята она была этимъ, сказала ей вдругъ невольница: „подвижникъ у дверей“. Кади сказалъ: „что ты придумаешь, чтобы его отправить“? Она сказала: „я не могу его отправить“. Онъ сказалъ: „что же дѣлать“? Она сказала: „я тебя спрячу въ этотъ сундукъ и буду съ отшельникомъ препираться. И будь ты мнѣ свидѣтелемъ всего, что услышишь, и разсуди насъ съ нимъ по правдѣ“. Онъ сказалъ: „да“. И влѣзъ онъ въ третье отдѣленіе, и она заперла его за нимъ на замокъ. И вошелъ подвижникъ, и она сказала ему: „привѣтъ посѣтителю грѣховному! Какъ могло тебѣ прійти въ голову посѣтить насъ“? Онъ сказалъ: „отъ страсти лицедрѣтъ тебя и отъ жажды приближенія къ тебѣ“. Она сказала: „А про деньги ты что скажешь? Призови Бога въ свидѣтели, что ты ихъ вернешь, и тогда я буду къ твоимъ услугамъ“. Онъ сказалъ: „О Боже, я призываю Тебя въ сви-

дѣтели того, что у меня есть тысяча динаровъ, отданныхъ мнѣ на храненіе ея мужемъ". Когда она это услышала, то позвала свою невольницу и вышла послѣшно ко дворцу царя и донесла ему о нанесенной ей обидѣ. И послалъ царь за хаджибомъ и полицеймейстеромъ и кадиємъ, но никого изъ нихъ не могъ найти.

Тогда царь самъ принялъ ее и спросилъ о ея доказательствахъ. И она сказала: „въ мою пользу свидѣтельствуешь сундукъ, находящійся у меня“. И засмѣялся царь и сказалъ: „Это возможно по причинѣ твоей красоты“. И послалъ онъ повозку, и былъ положенъ на нее сундукъ и привезенъ (и поставленъ) предъ царемъ. И встала она и ударила рукою своею по сундуку и сказала: „Я даю клятву передъ Богомъ: или ты заговоришь согласно съ истиной и засвидѣтствуешь то, что ты слышалъ, или же я сожгу тебя въ огнѣ“. И вотъ раздалось три голоса изнутри сундука, которые засвидѣтельствовали, что подвижникъ призналъ, что у него есть тысяча динаровъ, принадлежащихъ Джемилю. И былъ царь пораженъ этимъ, и Джемила сказала: „я не нашла во всемъ государствѣ людей честнѣе и справедливѣе этихъ трехъ и поэтому взяла ихъ въ свидѣтели противъ моего должника“. Потомъ она открыла сундукъ и выпустила тѣхъ трехъ человекъ, и распросилъ ее царь объ ея обстоятельствахъ, и она рассказала ему и получила должное ей отъ подвижника.

Ал-Хаджаджъ сказалъ: „Какой она молодецъ и какъ хорошо то, что она придумала для полученія долгаго ей“¹⁾.

Далѣе намъ придется откинуть хронологическую послѣдовательность и ограничиться просто географическою, начиная съ Индіи и двигаясь на западъ, такъ какъ излагаемая версія сколько-нибудь точному хронологическому опредѣленію уже не поддаются. Первая версія, слышанная г. Дамантомъ въ Динаджпурѣ въ Бенгалѣ, носитъ какъ и многое въ современной сѣверной и центральной Индіи, смѣшанный мусульmano-индійскій характеръ.

Въ одной странѣ жилъ царь, который однажды объявилъ, что въ теченіе двухъ часовъ будетъ давать всѣмъ желающимъ все, что они желаютъ. Когда домашній жрецъ кончилъ раздачу по указаніямъ царя, онъ самъ попросилъ себѣ въ даръ пробирный камень. Царь былъ смущенъ этой просьбой, такъ какъ роздалъ все, и у него ничего не оста-

¹⁾ Переводъ съ арабскаго подлинника любезно сдѣланъ для насъ бар. В. Р. Розеномъ, которому мы и позволяемъ себѣ выразить за это нашу живѣйшую благодарность.

лось. Сынъ его замѣтилъ горе отца и общалъ ему достать пробирный камень, если домашній жрецъ дастъ ему отсрочку на шесть мѣсяцевъ. Жрецъ согласился, и царевичъ отправился въ поиски за камнемъ. По дорогѣ онъ попалъ въ густой лѣсъ, гдѣ и заснулъ подъ деревомъ. На деревѣ сидѣла пара птицъ, которыя рѣшили его угостить. Самецъ полетѣлъ поймать рыбу, а самка разбудила царевича, чтобы онъ зажегъ костеръ. Самецъ вернулся съ рыбой и предложилъ царевичу изжарить со и съѣсть, но царевичъ сказалъ, что далъ клятву не ѣсть, пока не добьется того, что задумалъ. Птица сказала ему, что она знаетъ, что онъ ищетъ пробирный камень; онъ можетъ спокойно ѣсть, такъ какъ она дастъ ему камень. Птицы добыли камень изъ моря, потому что скорлупа яицъ этихъ птицъ лопается только отъ прикосновенія этого камня. Царевичъ, получивъ камень, на слѣдующее утро отправился домой. По дорогѣ онъ набрелъ на деревню, въ которой жили разбойники. Жители деревни были колдуны, чарами они подчиняли себѣ людей и убивали ихъ по ночамъ, беря себѣ ихъ имущество. Среди разбойниковъ былъ одинъ, у котораго была дочь Прѣннѣсини и пять сыновей. Они обыкновенно, когда встрѣчали путника, утверждали, что онъ супругъ Прѣннѣсини, брали его себѣ въ домъ, ночью сестра ихъ усыпляла путника и затѣмъ убивала его. Они убѣдили царевича, что онъ въ дѣтствѣ былъ обвѣчанъ съ ихъ сестрой, что они искали его давно уже, но безуспѣшно и очень рады его видѣть. Онъ усумнился, потому что никогда отъ родителей не слышалъ объ этой женитьбѣ¹⁾, но остался въ домѣ разбойниковъ. Противъ дома Прѣннѣсини жилъ разбойникъ, который какъ только увидѣлъ сидящаго передъ домомъ царевича, узналъ посредствомъ чаръ, что у царевича пробирный камень, и пожелалъ овладѣть имъ. Для этого онъ принялъ видъ благочестиваго человека и сталъ на молитву. Царевичъ, видя его благочестіе, просилъ его принять на храненіе драгоцѣнный камень, отъ чего разбойникъ долго отказывался и согласился только послѣ долгихъ уговоровъ со стороны царевича и велѣлъ ему положить камень на окно. Затѣмъ Прѣннѣсини ввела царевича въ домъ, намѣреваясь убить, но плѣнилась его красотой и открыла ему все, предлагая жениться на ней и обѣщая тогда спасти его. Царевичъ согласился, Прѣннѣсини узнала посредствомъ

¹⁾ Факты заключенія брака, о которыхъ не помнятъ обвѣчанные, возможны при очень раннихъ женитьбахъ въ Индіи, гдѣ рѣшаютъ маленькихъ дѣтей, которыя лишь много лѣтъ спустя начинаютъ жизнь вмѣстѣ.

царь, что царевичъ отдалъ камень притворившемуся благочестивымъ разбойнику и велѣла царевичу пойти за камнемъ. Разбойникъ подмѣнилъ пробирный камень простымъ. Царевичъ замѣтилъ обманъ, но ничего не могъ сдѣлать. Прѣннѣсини взялась помочь ему. Она велѣла одному пастуху набрать камней, положить ихъ въ два мѣшка, взвалить на быка и провести его мимо дома разбойника; когда разбойникъ спроситъ, что въ мѣшкахъ, пусть онъ скажетъ, что это пробирные камни царевича. Пастухъ такъ и сдѣлалъ; разбойникъ подумалъ, что ему выгоднѣе будетъ вернуть первый пробирный камень царевичу, заручиться его довѣріемъ и получить мѣшки съ камнями. Онъ вернулъ царевичу пробирный камень, а тотъ оставилъ у него мѣшки съ камнями. Затѣмъ царевичъ отправился съ Прѣннѣсини домой; прибывъ съ ней, онъ посоветовалъ женѣ переночевать у мастерицы гирляндъ, а самъ пошелъ къ отцу, рассказалъ ему все, какъ было, и обѣщалъ на слѣдующій день дать пробирный камень. У себя дома царевичъ спросилъ свою первую жену, куда ему положить камень. Она указала ему положить камень на окно, онъ такъ и сдѣлалъ и легъ спать. Первая жена царевича была близка съ котвалемъ, и когда она пришла къ нему поздно въ эту ночь, онъ спросилъ ее о причинѣ. Она рассказала о возвращеніи царевича и о пробирномъ камнѣ. Тогда котвалъ сказалъ ей, что хотѣлъ бы имѣть камень, она сходила за нимъ, отдала котвалю и вернулась къ себѣ. На утро царь позвалъ царевича и пожелалъ видѣть камень, но его не оказалось. Тогда царевичъ сошелъ съ ума и все только повторялъ „онъ былъ вотъ здѣсь, дай его мнѣ“. Царь пытался вылѣчить царевича, но ничто не помогало.

Черезъ десять — двѣнадцать дней Прѣннѣсини благодаря чарамъ узнала, что камень у котваля и что царевича можно излѣчить только, если вернуть ему камень. Она открыла мастерицѣ гирляндъ то, что намѣревалась сдѣлать, и та стала выдавать ее за свою сестру и посоветовала стоять на крышѣ. Здѣсь ее увидѣлъ котвалъ во время обхода города, она ему понравилась, и онъ сказалъ ей мнимой сестрѣ, что посѣтитъ ночью ее сестру. Мастерица гирляндъ сказала, что сестра ея дала зарокъ не допускать къ себѣ никого, у кого нѣтъ пробирнаго камня. Котвалъ обѣщалъ принести съ собой камень. То же, что съ котвалемъ, произошло по очереди съ царскимъ совѣтникомъ, старшимъ визиремъ и самимъ царемъ, и всѣмъ имъ по очереди было назначено время, когда прійти. Поджидая ихъ, дѣвушка стала готовить молочную похлебку и заготовила травы и воды. Вечеромъ

она сѣла у огня, размѣшивая похлебку, и поставила рядомъ сѣдалище для гостя. Первымъ пришелъ котваль и отдалъ дѣвушкѣ пробирный камень. Дѣвушка стала разговаривать съ котвалемъ и угощать его. Когда они такъ разговаривали, явился царскій совѣтникъ. Котваль испугался и просилъ его спрятать. Дѣвушка вымазала его патокой, облила водой и потомъ покрыла хлопкомъ и поставила въ окнѣ. Царскій совѣтникъ бесѣдовалъ съ дѣвушкой, когда явился старшій визирь; совѣтникъ испуганный просилъ его спрятать, и она спрятала его подъ циновку ¹⁾. То же произошло съ визиремъ, когда пришелъ царь и дѣвушка спрятала его за бамбуковую ширму. Царь сталъ разговаривать съ дѣвушкой, а совѣтникъ и старшій визирь спрятанные дрожали отъ страху при видѣ фигуры котваля въ окнѣ. Наконецъ и царь замѣтилъ его и спросилъ дѣвушку, кто это. Она отвѣтила, что это привязанъ молодой ракшаса (злой духъ людоедъ). При этихъ словахъ котваль выскочилъ, царь, старшій визирь и совѣтникъ, боясь какъ бы ихъ не сѣлъ ракшаса, съ перепугу разбѣжались по домамъ, убѣжалъ и котваль. Когда царь вернулся во дворецъ, онъ послалъ войско уничтожить ракшаса, но дѣвушка сказала, что ракшаса совершенно безобидный. Послѣ этого царь послалъ взять сына отъ мастерицы гирляндъ ²⁾ и увидѣлъ, что онъ все еще съумасшедшій и повторяетъ все тѣ же слова: „онъ былъ вотъ здѣсь, дай его мнѣ“. Какъ только онъ сказалъ „дай его мнѣ“, Прѣннѣсини вложила ему въ руку камень и тотчасъ царевичъ исцѣлился. Потомъ она рассказала ему все, какъ было, и онъ отдалъ камень отцу, а отецъ домашнему жрецу. Царевичъ казнилъ свою первую жену и котваля и взялъ въ жены Прѣннѣсини. Царь отдалъ сыну царство, а самъ сталъ отшельникомъ. Черезъ нѣкоторое время пришли братья Прѣннѣсини, молодой царь ихъ наказалъ, взялъ съ нихъ обѣщаніе бросить разбой, далъ имъ денегъ и выслалъ ихъ, а самъ мудро правилъ страной до конца дней своихъ.

Слѣдующая версія записана въ Калькуттѣ со словъ старухи, рожденной въ Патнѣ, но жившей съ семи лѣтъ въ Калькуттѣ, рассказана на языкѣ хиндустани, хотя рассказчица по вѣрѣ не мусульманка. Рассказъ все же носитъ извѣстную мусульманскую окраску.

¹⁾ Тутъ рассказчикъ что-то спуталъ, такъ какъ въ текстѣ совершенно неожиданно стоитъ, что дѣвушка объяснила совѣтнику, что она сѣдала съ котвалемъ — это не вяжется съ послѣдующимъ.

²⁾ Тутъ тоже слегка спутано, такъ какъ раньше не было сказано, чтобы царевичъ оставался у мастерицы гирляндъ.

Въ одной странѣ жилъ купецъ, который много развѣзжалъ, продавая свои товары. Однажды онъ объявилъ женѣ, что уважаетъ на годъ по двѣлямъ, и прибавилъ смѣясь, что надѣется, что къ его возвращенію она выстроитъ большой колодець и что она, какъ женщина умная, подаритъ ему сына. Съ этими словами онъ сѣлъ въ лодку и уѣхалъ. Жена послѣ его отъѣзда стала прясть пряжу, и когда она приготовила четыре прекрасныхъ мотка, она одѣлась въ свое лучшее платье и пошла продавать пряжу на базаръ. Служанки отговаривали ее, но она пошла. На базарѣ всѣ любовались ея красотой. Увидѣлъ ее котвалъ (начальникъ полиціи) и спросилъ, по чемъ пряжа за мотокъ? Она отвѣтила: „пятьдесятъ рупій“. Онъ удивился дороговизнѣ, но женщина не уступала, тогда онъ назвался къ ней вечеромъ, она назначила свиданіе на десять часовъ и взяла пятьдесятъ рупій. Потомъ она пошла на другой базаръ, гдѣ встрѣтила визиря, съ нимъ произошло то же, что и съ котвалемъ, только свиданіе было назначено на одиннадцать часовъ и за пряжу было заложено сто рупій. На третьемъ базарѣ встрѣтился кадій, съ нимъ было то же, что и съ другими, свиданіе было назначено на двѣнадцать и за пряжу заложено полтора ста рупій. У четвертаго базара былъ царскій дворецъ, царь также прельстился, заплатилъ за пряжу пятьсотъ рупій и получилъ свиданіе на два часа ночи.

Жена купца велѣла заготовить четыре ящика, приготовить четыре ужина, которые и подать въ разныхъ комнатахъ. Въ десять часовъ пришелъ начальникъ полиціи и былъ привѣтливо принятъ, былъ поданъ ужинъ, а потомъ стали играть въ карты, какъ вдругъ сказали, что пришелъ визирь; испуганный начальникъ полиціи просилъ его спрятать, что жена купца и сдѣлала, заперевъ въ ящикъ. Съ визиремъ и кадиемъ произошло то же, что и съ начальникомъ полиціи, и ихъ спрятали въ ящики. Царя жена купца приняла гостеприимно; въ три часа постучались, и прислужница сказала хозяйкѣ, что привѣхалъ ея мужъ купецъ. Тогда она заперла царя въ ящикъ, а сама легла спать.

На слѣдующій день она велѣла привести четырехъ носильщиковъ, которымъ поручила взять на головы ящики. Тѣмъ временемъ сыновья царя, кадія, визиря и начальника полиціи искали своихъ исчезнувшихъ отцовъ. Жена купца пошла къ сыну начальника полиціи и предложила ему купить у нея за тысячу рупій ящикъ, содержаніе котораго, по ея словамъ, стоило по крайней мѣрѣ двѣ тысячи рупій. Сынъ котвала далъ ей деньги, при чемъ она сказала ему,

чтобы онъ открылъ ящикъ только въ домѣ отца. Онъ такъ и сдѣлалъ и къ удивленію нашель въ ящикѣ отца. Котваль, смущенный, долженъ былъ все рассказать сыну. Такъ же, какъ съ ящикомъ котваля, жена купца поступила и съ остальными ящиками, продавъ ихъ сыновьямъ запертыхъ въ ящикахъ людей: ящикъ визиря за три тысячи рупій, ящикъ кадїа за четыре тысячи, царя за пять тысячъ. При этомъ царь еще вызвалъ ее къ себѣ, далъ ей много рупій и похвалилъ за мудрость и ловкость. Изъ обманутыхъ только котваль зналъ о визирѣ, визирь о кадїа, кадїй о царѣ, больше же они ничего не знали.

На полученные деньги жена купца выстроила великолѣпный колодець и заперла его, заявивъ, что первымъ имъ долженъ воспользоваться ея мужъ. Затѣмъ она добыла себѣ платье пастушки, сложила его въ ящикъ, сама одѣлась въ мужское платье, велѣла осѣдлатъ лошадь, объявила слугамъ, что ѣдетъ въ другую страну, и поручила имъ хорошенько стеречь домъ. Слуги пытались отговорить ее отъ поѣздки, но безуспѣшно. Послѣ долгаго путешествія она прибыла туда, гдѣ находился ея мужъ. Она наняла домъ и, одѣвшись пастушкой, стала торговать молокомъ. Всѣ любовались ею. Увидѣвъ ее мужъ и заглядѣлся на нее, и стала она носить ему молоко. Потомъ онъ предложилъ ей выйти за него замужъ, но она стала отговариваться тѣмъ, что она пастушка, а онъ купецъ, который скоро уѣдетъ, и тогда ей придется покинуть родителей. Затѣмъ онъ уговорилъ ее, сказавъ, что пробудетъ еще три мѣсяца, а когда онъ уѣдетъ, она можетъ вернуться къ себѣ. Черезъ три мѣсяца онъ сталъ собираться въ другую сторону, а она къ своимъ роднымъ. На прощаніе онъ предложилъ ей денегъ, но она отказалась, попросила только его портретъ и старую его шапку. Вскорѣ по возвращеніи домой у нея, къ великому смущенію слугъ, родился сынъ. Когда хозяинъ вернулся, онъ былъ очень разгнѣванъ, увидѣвъ сына, и почти не захотѣлъ поэтому смотрѣть на прекрасный колодець. Однажды ночью онъ лежалъ безъ сна и задумалъ убить жену и ея маленькаго сына. На слѣдующій день жена спросила, правда ли, что онъ гнѣвается на нее? И тутъ она ему показала портретъ и шапку и рассказала все, какъ было и какъ она добыла деньги на колодець; она такимъ образомъ исполнила все, что онъ наказалъ ей: построила колодець и родила сына. И купецъ былъ счастливъ и доволенъ и призналъ, что жена его ловка и мудра.

Приводимая далѣе версія тоже записана въ Бенгалѣ г. Дамантомъ. Въ ней, какъ и въ двухъ предшествующихъ, тотъ же смѣшанный мусульмано-индїйскій характеръ.

Въ одной странѣ жилъ человѣкъ по имени Ади; отецъ оставилъ ему большое состояніе, но онъ его истратилъ и даже продалъ свой домъ. Тогда онъ рѣшилъ уйти въ другую страну, сказалъ объ этомъ своей женѣ, прибавивъ, что она въ его отсутствіе должна устроиться такъ, чтобы выкупить домъ и все отцовское имущество, а также имѣть сына отъ Ади.

Отецъ Ади взялъ займы денегъ у одного человѣка по случаю свадьбы Ади, а человѣкъ этотъ пришелъ требовать ихъ съ Ади и, такъ какъ того не было дома, онъ сталъ требовать ихъ съ его жены. Жена отвѣтила, что мужъ ея ушелъ, а она ничего про долгъ не знаетъ. Такъ какъ она понравилась тому человѣку, то онъ рѣшилъ завладѣть ею. Пошелъ къ котвалю, заявилъ ему о долгѣ и сталъ требовать себѣ женщину, въ виду невозможности получить деньги. Котваль согласился и послалъ за женою Ади; та пріодѣлась и отправилась въ носилкахъ и пригласила котваля выйти къ ней; онъ пришелъ, увидѣлъ ее и увлекся ея красотой. Тотчасъ онъ сказалъ заимодавцу отца Ади, чтобы онъ досталъ деньги отъ того человѣка, у котораго взялъ ихъ, и прогналъ его. Когда котваль затѣмъ началъ приставать къ женѣ Ади, она попросила у него на уплату долговъ двѣсти руній и сказала, что пришлетъ за нимъ. Заимодавецъ пошелъ затѣмъ послѣдовательно къ назиру, визирию и самому царю, но и тутъ все произошло, какъ съ котвалемъ, при чемъ жена Ади получила съ назира пятьсотъ руній, съ визирия тысячу, съ царя двѣ тысячи, и царь велѣлъ изгнать того человѣка изъ своего царства.

Жена Ади велѣла столяру приготовить шкафъ съ четырьмя отдѣленіями и принести его въ домъ. Тогда она пригласила къ себѣ котваля, назира, визирия и царя и назначила часомъ прихода послѣдовательно полночь, часъ, два и три утра. Когда пришелъ въ полночь котваль, жена Ади была съ нимъ весьма пріятлива, въ серединѣ разговора пришло извѣстіе, что идетъ назиръ; котваль испугался и просилъ его спрятать, жена Ади спрятала его въ шкафъ. То же произошло послѣдовательно и съ назиромъ и съ визиремъ. Когда пришелъ царь, и визиръ былъ спрятанъ, жена Ади стала готовить и ему ѣду, какъ и визирию. Во время приготовленія ѣды она вышла и велѣла слугѣ одѣть платье ея мужа и постучаться у дверей. Царь спросилъ у жены Ади, кто стучится, и она сказала, что это ея мужъ; тогда царь просилъ его спрятать, и жена Ади спрятала царя въ тотъ же шкафъ, что и другихъ, а сама пошла спать.

На слѣдующій день всѣ были изумлены, не видя въ совѣтѣ царя,

визиря, назира и котвала. Тѣмъ временемъ жена Ади послала шкафъ на базаръ для продажи за четыреста тысячъ рупій. Сыновья заключенныхъ въ шкафу попали въ это время на базаръ въ поискахъ за своими отцами. Они удивились громадной цѣнѣ и, заинтересованные ею, купили шкафъ, гдѣ, открывъ его, нашли своихъ отцовъ, которые, пристыженные, разошлись по домамъ.

Жена Ади наняла пѣвцовъ и съ ними пошла изъ страны въ страну туда, гдѣ мужъ ея былъ прислужникомъ при дворѣ. Пока пѣвцы давали представленіе, она осталась караулить имущество ихъ, а царь прислалъ къ ней для охраны слугу, и слуга этотъ былъ Ади. Она позвала его къ себѣ, а утромъ отпустила, давъ двѣсти рупій; онъ не узналъ ея и оставилъ ей свой перстень. Жена вернулась тогда домой, и у ней родился сынъ. Черезъ годъ приблизительно Ади также возвратился домой и увидѣлъ, что имущество отца его увеличилось четверо и что у жены его сынъ; это очень его разсердило. Жена его притворилась огорченной и спросила, почему онъ сердится, такъ какъ она исполнила то, что онъ хотѣлъ. Онъ отвѣтилъ ей, что у нея родился сынъ, когда онъ былъ въ отсутствіи. Тогда она успокоила его, продѣлавъ ему его же собственное кольцо и доказавъ этимъ, что сынъ его.

Изъ мѣстъ на границахъ Индіи и Афганистана мы можемъ привести остроумную версію нашего разсказа, тѣсно съ нимъ связанную, но отличную рядомъ индивидуальныхъ чертъ. Версія эта вполне подтверждаетъ слова записавшаго ее Торбѣрна, что афганцы хорошіе разсказчики.

Съ Фатимой, женой бѣднаго красильщика, во время процесса ея мужа познакомились начальникъ полиціи (котваль), кадій, визирь и царь, увлеклись ею и начали, тайно одинъ отъ другого, приставать къ ней, обѣщая помощь при процессѣ. Желая посмѣяться надъ ними и освободиться отъ ихъ приставаній, Фатима назначила имъ всѣмъ свиданія у себя на дому въ одну и ту же ночь, но въ разные часы. Первымъ пришелъ котваль и засталъ Фатиму за приготовленіемъ ужина; она капнула на котваля съ горячей ложки, и онъ сталъ тереть ожогъ. Тѣмъ временемъ раздался стукъ въ дверь, и Фатима сказала, что это ея мужъ, что очень испугало котваля. Фатима велѣла ему накинуть женское одѣяніе, сѣсть въ темномъ углу и молоть зерно на ручной мельницѣ. Тутъ вошелъ кадій, съ нимъ повторилось то же, только Фатима велѣла ему стать въ уголъ на колѣни на четверинки, накинула на него шкуру и сверху поставила лампу. Тутъ явился визирь, съ нимъ повторилось то же, что и съ другими, но его Фатима отправила къ

коровѣ, велѣла стать на четверинки и жевать въ темномъ углу сѣно. Явился царь, переодѣтый солдатомъ, и началъ приставать къ Фатимѣ, какъ вдругъ запѣлъ гѣтухъ и съ минарета стали призывать къ молитвѣ. Царь тѣмъ не менѣе приставалъ къ Фатимѣ, но смущенный немного, спросилъ, почему она назначила столь неудобный часть. Она ему предложила спросить старуху въ углу (котвала), и когда царь пошелъ, она ускользнула изъ дому и заперла снаружи дверь. Царь сталъ спрашивать мнимую старуху, но та молчала, наконецъ царь потащилъ ее за покрывало; тутъ дрожащій котваль вскочилъ и представилъ передъ изумленнымъ царемъ, который потребовалъ отъ него объясненій; котваль молча указалъ на уголь, гдѣ стояла лампа, тогда обнаружилось присутствіе кадія, который въ свою очередь указалъ на визиря, стоявшаго у коровы. Разгнѣванный царь сталъ бранить всѣхъ, но визирь намекнулъ, что всѣ они въ печальномъ положеніи и что, такъ какъ день насталъ, надо бы имъ уйти скорѣе по домамъ. Оказалось однако, что дверь заперта. Такимъ образомъ всѣ они были обличены, а Фатима добилаь правосудія, не заплативъ за это своею честью.

Новая персидская литература такъ мало еще извѣстна, такъ немного памятниконъ ея издано и до того не изучено отношеніе этихъ памятниконъ къ памятникамъ литературъ сосѣднихъ народовъ, что до сихъ поръ почти приходится обходить Персію при сравнительно-литературныхъ изслѣдованіяхъ, несмотря на все значеніе этой страны, какъ передатчицы духовныхъ богатствъ Индіи на западъ. И въ данномъ случаѣ мы, къ сожалѣнію, не можемъ указать ни на одинъ памятникъ персидской литературы, который бы давалъ намъ версію нашего разсказа, хотя почти съ увѣренностью можно сказать, что такая версія должна существовать. Мы приводимъ здѣсь, правда, разсказъ изъ *персидскаго* сборника „1001 День“, но такъ какъ оригиналь французскаго наложенія Пети де Лакруа до сихъ поръ не найденъ, то не лишни и сомнѣнія относительно существованія персидскаго сборника. Вотъ разсказъ изъ „1001 Дня“.

Въ Дамаскѣ жилъ старый купецъ, по имени Бану, онъ былъ богатъ, но и очень щодръ, благодаря чему раззорился. Люди, которымъ онъ давалъ займы раньше, теперь отрицали свои долги, и Бану былъ въ очень тяжеломъ положеніи, когда онъ вспомнилъ, что когда-то далъ займы ученому Данишменду тысячу золотыхъ. Молодая, прекрасная и добродѣтельная жена Бану, по имени Аруя, отправилась по его указанію къ Данишменду за деньгами. Данишмендъ, увле-

ченный ея красотою, сталъ дѣлать ей нечестныя предложенія и обѣщаль двѣ тысячи золотомъ. Въ негодованіи она вернулась и разсказала все мужу, который посовѣтовалъ ей пойти къ кадію. Кадій тожо увлекся ою и обѣщаль содѣйствіе, но тоже только цѣною ея безчестія. Тогда по совѣту мужа она обратилась къ правителю Дамаска, но и у него повторилось то же самое.

Тогда ей пришла въ голову мысль устроить все. Для этого она закупила три большихъ ящика и велѣла отнести ихъ къ себѣ, затѣмъ разодѣлась и пошла къ Данишменду. Притворившись ласковой, она позвала его къ себѣ къ десяти часамъ, прося захватить деньги, что онъ и обѣщаль. Такъ же поступила она съ кадіемъ и съ правителемъ города, назначивъ имъ прийти въ одиннадцатъ и въ двѣнадцатъ часовъ. Дома она затѣмъ приготовила угощеніе и стала ждать своихъ посѣтителей.

Данишмендъ явился во время, его раздѣли, усадили, и Аруя стала его угощать. Вдругъ послышался стукъ, и служанка пришла сказать, что это братъ Аруи и ея мужъ, которые собираются прийти. Данишменда упрятали въ одинъ изъ ящиковъ. Далѣе то же было съ кадіемъ и правителемъ города, которыхъ, подъ предлогомъ необходимости скрыть ихъ присутствіе, она спрятала въ ящики, послѣ чего Аруя пошла все сообщить мужу, а утромъ отправилась къ царю съ жалобой на Данишменда, не хотѣвшаго ей платить, и на недобросовѣстность кадія и правителя города. Царь сначала не хотѣлъ вѣрить, но убѣдился, увидавъ ящики и ихъ содержимое. Онъ општрафоваль Данишменда на четыре тысячи золотыхъ и смѣстилъ кадія и правителя города. Самъ увлеченный красотою Аруи, онъ предложилъ Бану уступить жену, но Аруя отказалась, несмотря на уговоры желавшаго ея счастья Бану, и предложила мужу повинуть Дамаскъ. Царь остался безутѣшнымъ.

За детали изложенія очень трудно ручаться, такъ какъ извѣстно, что литературная обработка сборника „1001 День“ принадлежитъ Лессажу, который, конечно, измѣнялъ нѣсколько текстъ. Важенъ въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ общій ходъ разсказа.

За версіей сборника „1001 День“ мы помѣщаемъ версію арабскаго сборника „Семи Взирей“, который часто входитъ въ сборникъ „1001 Ночь“, но существуетъ и отдѣльно. Нужно замѣтить, что въ другихъ восточныхъ переводахъ сборника „Семи мудрецовъ“ нашего разсказа нѣтъ.

Одна женщина была замужемъ за человѣкомъ, который постоянно

путешествовалъ. Однажды онъ отсутствовалъ очень долго, и жена его влюбилась въ одного юношу и вступила съ нимъ связь. Какъ-то разъ юноша съ кѣмъ-то поссорился, на него пожаловались, и онъ былъ заключенъ въ тюрьму по приказу начальника полиціи. Тогда женщина, узнавъ объ этомъ, нарядилась и отправилась съ прошеніемъ къ начальнику полиціи, говоря, что заключенный братъ ея и обвиненъ по ложному доносу, она проситъ отпустить его, такъ какъ онъ даетъ ей средства къ существованію и безъ него она погибнетъ. Начальникъ полиціи согласился исполнить ея просьбу только подъ условіемъ, что будетъ обладать ею. Она для виду согласилась, но отказалась идти къ нему въ домъ, а пригласила его къ себѣ. Затѣмъ она по очереди пошла съ тою-же просьбою къ кадію, къ визирю и къ царю и всюду встрѣтила тотъ же пріемъ и сама поступила одинаково, назначивъ всѣмъ свиданія. Затѣмъ она пошла къ столяру и велѣла ему сдѣлать шкафъ съ четырьмя отдѣленіями на замкахъ. Столяръ спросилъ за шкафъ четыре динара, но прибавилъ, что если она отдастъ ему, то онъ сдѣлаетъ шкафъ даромъ. Она опять для виду согласилась и велѣла сдѣлать шкафъ съ пятью отдѣленіями на замкахъ. Шкафъ былъ готовъ и отнесенъ къ ней въ домъ. Тѣмъ временемъ она отдала выерасить четыре платья въ разные цвѣта и приготовила всевозможныя угощенія.

Когда пришелъ назначенный день свиданія, она разодѣлась и стала ждать гостей; первымъ пришелъ кадій. Они стали бесѣдовать, но вскорѣ онъ началъ рѣшительно приставать къ ней, тогда она предложила ему надѣть желтое платье и платокъ на голову, что онъ и сдѣлалъ. Не успѣлъ кадій переодѣться, какъ раздался стукъ въ дверь, и на вопросъ кадія женщина сказала, что стучится ея мужъ. Кадій испугался, но она его успокоила и спрятала въ отдѣленіе шкафа, заперевъ на замокъ. Явился начальникъ полиціи (вали). Съ нимъ было то же, что и съ кадіемъ, но женщина еще заставила его написать записку, чтобы отпустили немедленно ея любовника; тутъ постучали, и вали, одѣтый въ красное платье, былъ спрятанъ во второе отдѣленіе шкафа. Затѣмъ одинъ вслѣдъ за другимъ пришли визирь и царь, и съ ними было поступлено такъ же, какъ съ кадіемъ и валиемъ. Когда царь былъ запрятанъ въ шкафъ, явился столяръ. Женщина стала бранить его, говоря, что верхнее отдѣленіе шкафа слишкомъ узко, и велѣла ему полѣзть самому и посмотреть. Когда онъ исполнилъ это, она заперла за нимъ дверцу на замокъ. Немедленно затѣмъ она пошла за своимъ любовникомъ съ письмомъ начальника полиціи; юношу вы-

пустили, и оба они бѣжали изъ города, забравъ съ собою свое имущество.

Тѣмъ временемъ сидящимъ въ шкафу пришлось провести въ немъ три дня, при чемъ по разговору они узнали другъ друга. Сосѣди, видя, что домъ запертъ и ничего въ немъ не слышно, вошли. Тогда сидящіе въ шкафу стали громко жаловаться на свое положеніе, но это чуть не погубило ихъ, такъ какъ народъ рѣшилъ, что въ шкафу духи, и собрался ихъ сжечь. Къ счастью, кадій провизнесъ стихи корана и его узнали, послѣ чего выпустили всѣхъ, грязныхъ и почти раздѣтыхъ, насмѣявшись надъ ними вдоволь.

Въ „1001 Ночи“ внѣ рамки „Семи Везирей“ есть еще версія нашего разсказа, значительно отличная отъ той, которая въ „Семи Везиряхъ“. Она стоитъ у Бёртона подъ заглавіемъ: *The Goodwife of Cairo and her four gallants* ¹⁾).

Въ Египтѣ жила прекрасная, добродѣтельная женщина, жена одного эмира. Однажды она шла въ баню и по дорогѣ проходила мимо дома кадія, гдѣ столпилось много народу, и она остановилась поглазѣть. На нее заглядѣлся кадій и спросилъ, пришла ли она по дѣлу, она отвѣтила, что нѣтъ. Тогда кадій началъ къ ней приставать, и она назначила ему у себя свиданіе. Затѣмъ она пошла въ баню, по дорогѣ назадъ ее встрѣтили одинъ за другимъ надсмотрщикъ за торговлей и мясникъ, тоже приставали къ ней, и имъ было назначено свиданіе. Дома она сѣла на крышѣ расчесывать волосы, и тутъ ее увидѣлъ купецъ и послалъ къ ней старуху; ему она тоже назначила свиданіе.

Вечеромъ первымъ явился кадій съ подаркомъ. Женщина приняла его, но когда раздался стукъ въ дверь, поскорѣ велѣла ему снять верхнее платье, одѣть колпакъ и спрятаться въ чуланъ. Такъ же она поочередно поступила съ надсмотрщикомъ за торговлей, мясникомъ и купцомъ. Купца она спрятала, когда явился ея мужъ, при чемъ женщина испугала купца, сказавъ ему, что только наканунѣ мужъ ея убилъ четырехъ человекъ.

Мужъ усѣлся съ женою болтать и сталъ спрашивать ее о томъ, что она видѣла, когда ходила въ баню. Она ему сказала, что испытала четыре приключенія. Спрятанные въ чуланы поняли, что женщина собирается ихъ выдать, и очень смутились. На вопросъ о приключеніяхъ, женщина отвѣтила, что встрѣтила четырехъ шутовъ въ

¹⁾ Suppl. Nights V, 251—399.

колпакахъ. Эмиръ сразу понялъ хитрость жены и спросилъ ее, почему она не привела ихъ, чтобы позабавить мужа и себя. Она отвѣчала, что боялась, какъ бы эмиръ ихъ не убилъ. Но эмиръ сказалъ, что онъ только заставилъ бы ихъ поплясать и рассказать что либо забавное. Ну, а если бы они не сумѣли этого сдѣлать, спросила жена, что тогда? Тогда сказалъ эмиръ, онъ бы ихъ убилъ. Запертые въ своихъ чуланахъ съ волненіемъ и смущеніемъ слышали весь этотъ разговоръ. Наконецъ жена эмира сказала, что приведетъ шутовъ на слѣдующій день, но эмиръ сказалъ, что на слѣдующій день онъ будетъ занятъ службою. Тогда жена его просила позволенія представить шутовъ сейчасъ. Первымъ она вытащила кадія. Эмиръ жестоко насмѣялся надъ нимъ, заставилъ его плясать и рассказать забавный рассказъ, послѣ чего отпустилъ. Такъ же эмиръ и его жена поступили съ наѣмотрщикомъ за торговлей, мясникомъ и купцомъ.

Теперь мы даемъ нѣсколько еще болѣе новыхъ мусульманскихъ версій, которыя, по всей вѣроятности, восходятъ къ книжнымъ оригиналамъ, арабскимъ же.

Ново-арамейскій рассказъ ¹⁾ слѣдующій: жили мужъ и жена, люди достаточные, но бездѣтныя. Однажды мужъ отправился въ паломничество и оставилъ женѣ триста золотыхъ на расходы. Послѣ отъѣзда мужа жена увидѣла, что у нея безъ этихъ золотыхъ довольно средствъ, и рѣшила пустить золотые въ оборотъ черезъ какого-нибудь знакомаго. У нея былъ сосѣдъ еврей, и она ему отдала деньги, условившись, что половина дохода ей, половина ему. Еврей согласился и получилъ деньги безъ свидѣтеля и безъ расписки. Прошло три года, мужъ не вернулся, еврей ничего не платилъ, и женщина стала скоро нуждаться. Она пошла къ еврею, упрекая его, что не получаетъ ни денегъ своихъ отъ него, ни дохода съ нихъ. Еврей притворился, что ничего не знаетъ о деньгахъ, и отрицалъ ихъ полученіе. Послѣ разныхъ переговоровъ онъ наконецъ предложилъ женщинѣ, если она нуждается, дать ей взаймы до возвращенія мужа.

Женщина пошла тогда къ кадю и рассказала все, что было; кадій спросилъ, были ли свидѣтели, есть ли расписка; когда оказалось, что нѣтъ, онъ пришелъ въ затрудненіе, но потомъ предложилъ женщинѣ придти къ ней ночью, взаимно чего онъ беретъ побоями принудить еврея къ уплатѣ. Женщина молча ушла и отправилась къ муфтію,

¹⁾ Новѣйшей записи 1880 г. Лидбарскій (I. c. p. XI) относитъ ее къ „Buchgeschichten“; она, очевидно, арабскаго происхожденія.

но и тотъ сказалъ ей то же, что и кадіи; тогда она пошла къ на-кайбу¹⁾; и тутъ она встрѣтила тотъ же пріемъ. Возвратясь домой, она попробовала опять усовершенствовать еврея, еврей стоялъ на своемъ и только предложилъ ей, если она хочетъ имѣть деньги, пустить его къ ней ночью. Женщина сперва ничего не сказала, а затѣмъ обдумала дѣло и велѣла позвать къ себѣ еврея къ 2 часамъ на слѣдующую ночь.

Сама она пошла къ столяру и велѣла ему приготовить ящикъ съ тремя отдѣленіями и тремя дверьми. Ящикъ принесли къ ней въ домъ. Сама она пошла къ кадію, пыталась добиться правосудія, но кадіи повторялъ только свое предложеніе; тогда она позвала его къ себѣ тремя часами раньше чѣмъ еврея. То же было и съ муфтіемъ, его она позвала за два часа до еврея, а накайба за часъ.

Вернувшись домой, она сказала слуганѣмъ, чтобы ночью она оставила дверь открытой и безмолвно стояла за дверью, кто бы ни вошелъ. Спустя нѣкоторое время пусть заставитъ скрипѣть дверь, а сама остается безмолвной. Все было устроено, и въ назначенный часъ явился возбужденный кадіи, онъ вошелъ и обрадовался, видя приготовленія къ пріему. Онъ приступилъ къ женщинѣ, но она уговорила его сѣсть и выкурить трубку; только что онъ за это принялся, какъ дверь заскрипѣла. Кадіи освѣдомился о шумѣ, и женщина сказала, что это пришли сосѣди по дѣлу. Кадіи не зналъ, куда дѣться, тогда она предложила ему войти въ одно изъ отдѣлений ящика, которое она за нимъ заперла, говоря, что выпустить его, какъ только уйдутъ сосѣди. Сама же сѣла ждать.

Черезъ часъ пришелъ муфтіи въ туфляхъ и безъ верхняго платья. Съ нимъ все произошло такъ же, какъ и съ кадіемъ; послѣ того пришелъ накайбъ, и съ нимъ было поступлено также.

Въ два часа, весь возбужденный, явился еврей, и женщина его приняла, какъ и другихъ. Когда онъ усѣлся курить, она велѣла ему, снявъ феску, стать на колѣни передъ ящикомъ и призвать ящикъ въ свидѣтели, что онъ вотъ уже три года не отдалъ женщинѣ ни трехсотъ золотыхъ, ни прибыли съ нихъ. Еврей рѣшилъ, что на слѣдующій же день можно будетъ отказаться отъ сдѣланнаго заявленія. Онъ исполнилъ желаніе женщины и трижды повторялъ ея слова. Тутъ вошла прислужница объявить, что наступилъ день; еврей немедленно убѣжалъ.

¹⁾ По Лидбарскому (I. с. p. 189 п.) глава потомковъ пророка.

Утромъ женщина отправилась къ пашѣ, взывая къ его правосудію. Ее привели къ пашѣ, и она рассказала ему, какъ дала деньги взаймы еврею и какъ онъ теперь отказывается отъ этого. Паша послалъ за евреемъ. Еврей отрицалъ. Тогда паша спросилъ женщину, есть ли у нея свидѣтели. Она отвѣтила, что есть; паша велѣлъ ихъ привести. Женщина сказала, что не можетъ этого сдѣлать, и просила послать десять человѣкъ за ними. На вопросъ паша она объяснила, что свидѣтели ея—ящикъ. Ящикъ принесли, и женщина просила пашу спросить ящикъ. Всѣ три, бывшіе въ ящикѣ, на вопросъ паша отвѣтили въ пользу женщины. Тогда паша спросилъ женщину, кто же въ ящикѣ? Женщина объяснила, что это кадій, муфтій и наивбѣ, и по требованію паша рассказала ему все, какъ было и какъ она рѣшила прибѣгнуть къ хитрости, чтобы отстоять свое право. Паша одобрилъ ее, велѣлъ отперть отдѣленія ящика, одно за другимъ, приказалъ оттуда выйти заключеннымъ и, указавъ имъ на всю незаконность ихъ поведенія, приказалъ отрубить головы, не взирая на всѣ ихъ мольбы. Затѣмъ онъ устыдилъ еврея, велѣлъ отсѣчь ему голову, а все имущество его передать женщинѣ. Рассказчикъ кончаетъ словами: „Смотри, какъ умна была эта женщина“.

На развалинахъ стараго Вавилона г. Мейснеръ нашелъ тоже версію нашего рассказа, короткую и остроумную, хотя и грубую.

Однажды мужу и женѣ захотѣлось поѣсть рыбы. Жена дала мужу нѣсколько піастровъ, и онъ на базарѣ купилъ рыбу. На обратномъ пути его встрѣтили кадій, паша и муфтій. Они рѣшили подшутить надъ тѣмъ человѣкомъ и заставить его бросить рыбу. Кадій подошелъ и сказалъ, что его рыба дохлая, и другіе оба закричали то же самое. Человѣкъ тогда бросилъ рыбу. Дома жена его спросила, гдѣ рыба, и онъ рассказалъ, что произошло. Жена разбранила мужа, объяснила ему, что надъ нимъ подшутили, и сказала затѣмъ, что пойдетъ поправить дѣло. Она пошла на рынокъ и купила рыбу. По дорогѣ домой она встрѣтила кадія, который попробовалъ и надъ ней подшутить, говоря, что рыба дохлая. Но она подмигнула ему выразительно и заговорила съ нимъ, онъ сразу увлекся. Тогда она назначила ему прийти къ ней къ часу. То же произошло съ пашой и съ муфтіемъ, которые были приглашены на 2 и 3 часа. Вернувшись домой, она сказала мужу, что скоро за него отомститъ, пусть онъ только уйдетъ и вернется въ четыре часа, но по дорогѣ пусть зайдетъ къ столяру и велитъ ему принести большой ящикъ съ тремя отдѣленіями—нижнимъ, среднимъ и верхнимъ, такъ, чтобы въ каждомъ могъ помѣститься че-

ловѣкъ и чтобы изъ верхнихъ отдѣленій были внутреннія отверстія въ нижнія.

Мужъ ушелъ, ящики принесли, и женщина стала ждать. Въ 1 часъ явился кадій. Женщина его привѣтствовала, и онъ началъ приставать къ ней. Она предложила сперва поужинать и стала готовить ужинъ, какъ вдругъ постучались. Кади спросилъ, кто это; женщина отвѣтила, что ея мужъ. Кадій испугался, и женщина предложила ему спрятаться, что онъ и сдѣлалъ, предварительно раздѣвшись. Тутъ явился паша; съ нимъ было то же, что и съ кадіемъ, тоже и съ муфтіемъ. Тогда явился мужъ и сталъ для виду упрекать ее за расточительность, говоря, что онъ цѣлый день проситъ милостыню, а она приобрѣла ящикъ, и сталъ требовать ящикъ. Жена не отдала, тогда онъ сталъ колотить по ящику палькой, что очень испугало сдѣвшихъ въ ящикѣ. Наконецъ утромъ мужъ пошелъ продавать ящикъ съ торговымъ и продалъ его за пятьдесятъ кранъ. Покупщикъ спросилъ ключъ, открылъ нижній ящикъ и въ немъ нашелъ замараннаго кадія, чему очень удивился, затѣмъ онъ нашелъ и двухъ другихъ; спрятанныхъ въ ящикѣ. Онъ отпустилъ ихъ по домамъ, а ящикъ взялъ себѣ.

Трое наказанныхъ рѣшили отмстить женщинѣ, пробраться ночью къ ней въ домъ, избить ее и мужа. Прорыли дыру въ стѣнѣ, и муфтіи первый всунулъ голову въ отверстіе. Но въ домѣ уже замѣтили, что идутъ воры, женщина взяла бритву и отрѣзала носъ муфтію, который вернулся и сказалъ, что въ домѣ празднуютъ свадьбу и благоуханія одоумляли его. Тогда внутрь проникъ паша, но женщина отрѣзала ему уши. Онъ вернулся и сказалъ товарищамъ, что уши его полны музыки, которая играла въ домѣ. Кадій вползъ ногами впередъ, говоря, что останется на свадьбѣ; женщина осклопила его, и онъ вернулся, говоря: „свадьба была въ честь моего обрѣзанія“; послѣ этого они пошли домой. Рассказчикъ кончаетъ словами: таковы женскія козни.

Болѣе западная версія, изъ Дамаска, гласитъ такъ: жилъ бѣднякъ, у котораго была красавица жена. Однажды она попросила у него жаренаго мяса, и когда онъ сказалъ, что у него нѣтъ на это денегъ, она стала грозить ему разводомъ. Мужъ пошелъ тогда на рынокъ и продалъ тамъ свою чалму, а на деньги купилъ мяса и хлѣба. По дорогѣ его встрѣтилъ кади и муфти, которые, узнавъ, что онъ несетъ женѣ мяса, отобрали его у бѣдняка.

Съ плачемъ онъ вернулся домой и рассказалъ о происшедшемъ женѣ, которая обѣщала ему отомстить за нанесенную обиду. Она

пріодѣлась и пошла къ дому кади. Какъ только кади увидалъ ее, какъ воспламенился ея красотой и пригласилъ ее зайти къ нему.

Въ это же время пришелъ къ нему муфти. Женщина назначила обѣимъ свиданія: муфти въ тотъ же вечеръ, кади на слѣдующій день, и велѣла имъ принести угощеніе.

Вечеромъ муфти пришелъ, и женщина велѣла ему раздѣться; не успѣлъ онъ этого сдѣлать, какъ раздался стукъ въ дверь. Женщина сказала, что вернулся ея мужъ. Муфти сталъ умолять спрятать его. Женщина спрятала муфти въ чуланъ, покрыла его бараньей шкурой, связала и привязала его къ столбу. Явился мужъ и спросилъ жену, кто у нея? Она отвѣтила, что нѣтъ никого кромѣ барана въ чуланѣ. Мужъ пожелалъ его увидѣть, такъ какъ муфти блеялъ какъ баранъ; войдя въ чуланъ, онъ схватилъ муфти за бороду и сказалъ женѣ, что въ чуланѣ козель и что онъ хочетъ его убить. Жена упростила его не убивать, и мужъ только оскотилъ его и затѣмъ пошелъ спать. Тогда женщина пошла къ муфти и спросила его, какъ ему нравится мѣсть за взятое мясо. Онъ сталъ упрашивать ее отпустить его, что она и сдѣлала, и муфти побѣжалъ домой; здѣсь его собственная жена его сперва не узнала и не хотѣла впускать. Ей онъ сказалъ, что попалъ въ руки разбойниковъ, которые такъ съ нимъ поступили.

На слѣдующій день женщина пошла приглашать кади. Тотъ прислалъ какъ и муфти угощенія и послалъ за муфти, чтобы идти вмѣстѣ, но муфти оказался больнымъ. Кади зашелъ къ нему; муфти скрылъ происшедшее и очень хвалилъ женщину. Съ кади все произошло какъ съ муфти, только когда постучался мужъ, женщина спрятала кади въ дѣтскую люльку и велѣла ему кричать, подражая ребенку.

Мужъ явился и, несмотря на мнимыя возраженія жены, сбрилъ усы и бороду у кади, послѣ чего велѣлъ ему отправиться выгребать нечистоты. Женщина вышла къ нему и насмѣялась надъ нимъ, послѣ чего отпустила, взявъ обѣщаніе съ кади, что впредь онъ никого обижать не станетъ. Такимъ образомъ она приобрѣла платья и угощенія. Мужу она сказала: „вотъ женская хитрость“. Мужъ отвѣтилъ: „да, дѣйствительно, я видѣлъ ее“.

Въ отдаленной связи съ нашимъ рассказомъ, вѣроятно, стоитъ рассказъ въ известной мистической книгѣ „Месневи“ знаменитаго Джелал-ед-дина-Руми ¹⁾. Но здѣсь онъ уже настолько передѣланъ,

¹⁾ Ср. напр. *Masnavi i Ma'navi*... Translated and abridged by *E. H. Whinfield*. London 1887. Стр. 324—325. Сочиненіе относится къ серединѣ XIII вѣка.

что можетъ почти считаться совершенно самостоятельнымъ. Мы его приводимъ только какъ показателя широкой распространенности известной темы на востокѣ.

Жилъ бѣдный карликъ съ женою; однажды карликъ подговорилъ жену завлечь какого-нибудь богатаго человѣка, чтобы извлечь изъ него деньги. Она пошла къ кадю (судьѣ), завлекла его, подъ предлогомъ жалобы, съ которой она пришла къ нему, и позвала его къ себѣ ночью на свиданіе. Пока кадій сидѣлъ у женщины, карликъ вернулся домой и сталъ сильно стучать въ дверь; кадій со страху спрятался въ ящикъ. Карликъ позвалъ носильщика и велѣлъ ему отнести ящикъ на базаръ и продать его. По дорогѣ на базаръ кадій крикнулъ изъ ящика носильщику, чтобы онъ позвалъ его помощника. Тотъ явился и выкупилъ кадю. На слѣдующій годъ жена карлика опять хотѣла завлечь кадю, но онъ уже не поддался.

Этотъ необыкновенно сокращенный рассказъ явно приспособленъ авторомъ для нужныхъ ему нравоучительныхъ цѣлей, онъ настолько приспособленъ, что трудно догадаться объ его источникѣ; вѣроятно, это былъ рассказъ въ родѣ помѣщеннаго у Джахиза или, быть можетъ, даже этотъ самый рассказъ.

Къ той же категоріи рассказовъ, стоящихъ въ зависимости отъ разбираемаго нами рассказа, относятся еще два рассказа, изъ которыхъ одинъ находится въ „1001 Ночи“, другой въ индійско-персидскомъ сборникѣ Инаетъ-уллы „Бехаръ-и-данишъ“.

Первый мы сообщаемъ по переводу Бертонъ, который его озаглавилъ „Coelebs the Droll and his wife and her four Lovers“ ¹⁾. При дворѣ одного царя жилъ человѣкъ, который служилъ при немъ шутомъ, и онъ былъ не женатъ. Царь хотѣлъ его женить, но шутъ отказывался, наконецъ его женили. У жены его до ея замужества было четыре любовника, но въ первое время послѣ ея замужества они не посѣщали ея. Однажды шутъ ушелъ рано изъ дому, и одинъ за другимъ стали являться любовники его жены: первымъ пришелъ пирожникъ, но не

¹⁾ Suppl. Nights. V, 295—305. Весьма возможно, что этотъ рассказъ заимствованъ изъ арабскаго сборника рассказовъ Фѣкхат-ал-хулафѣ, сочиненія известнаго историка Ибн-Арабшаха. У *Clauvin* (Bibl. Ar. II. 206) рассказъ у Ибн-Арабшаха изложенъ такъ: „Une femme de Bagdad reçoit successivement, en même temps qu'un bouffon bossu, quatre amants, qui, s'effrayant l'un après l'autre, se cachent dans la même chambre; à sa demande, ils se montrent tour à tour au mari incrédule sous la forme d'anges, alors que le bossu profite d'une parole du mari qui, de son côté, avait évoqué un 'ifrite“.

успѣлъ онъ разговориться съ женою шута, какъ постучали, и она спря- тала пирожника въ чуланъ. Явился второй любовникъ, продавецъ травъ, и его пришлось спрятать въ чуланъ, потому что явился третій любовникъ, мясникъ, котораго постигла та же судьба при приходѣ четвертаго, шейха флейтчиковъ. Въ чуланъ любовники узнали, что всѣ они за тѣмъ же дѣломъ пришли къ женѣ шута. Во время раз- говора ея съ шейхомъ флейтчиковъ постучался шутъ, и флейтчикъ спрятался въ чуланъ къ другимъ любовникамъ. Жена шута выразила мужу удивленіе по поводу его ранняго прихода, и онъ отвѣтилъ ей, что царь отпустилъ его на три дня. Тутъ любовники стали рассу- ждать между собою, какую бы хитрость имъ употребить, чтобы выйти скорѣе, потому что трехъ дней имъ не высидѣть. Порѣшили на слѣ- дующемъ. Пирожникъ пригѣпилъ себѣ къ тѣлу кусочекъ нарубленного мяса, которое онъ принесъ съ собою, и рѣшилъ выдать себя за Иова, покрытаго стружьями, продавецъ травъ покрылъ себя травами, чтобы выдать себя за Хизра—Зеленаго пророка, мясникъ надѣлъ на голову шкуру барана съ рогами, чтобы представить Александра Двурогаго, и наконецъ шейхъ флейтчиковъ рѣшилъ выдать себя за Исафила (Рафаила) архангела, пришедшаго вострубить въ трубу Суднаго Дня. Первыхъ трехъ шутъ пропустилъ, но четвертаго остановилъ, потре- бовавъ, чтобы онъ пошелъ съ нимъ къ царю, подъ предлогомъ, что онъ не можетъ допустить того, чтобы архангелъ безъ разрѣшенія царя вострубилъ. У царя все разъяснилось, любовниковъ кастрировали, а съ женою шутъ развелся.

Разсказъ Бехаръ-и Даниш'а принадлежитъ къ числу разсказовъ, соединяющихъ разные мотивы, такъ что собственно только часть раз- сказа имѣетъ прямое отношеніе къ нашей темѣ и то является въ весьма сокращенномъ видѣ. Слѣдуетъ также замѣтить, что Скоттъ для даннаго разсказа ограничился тѣмъ-то въ родѣ конспекта.

Молодой купецъ Хассанъ роздалъ все свое имущество и сталъ отшельникомъ, въ лѣсу онъ встрѣтилъ другаго отшельника, у кото- раго была красавица дочь Гохера; Хассанъ женился на ней и рѣ- шилъ вернуться въ свою страну. Въ одномъ городѣ, оставшись безъ денегъ, они рѣшили продать прекрасный вышитый поясъ. Злой визиръ увлекся женою Хассана и заключилъ супруговъ въ разныя тюрьмы, обвинивъ ихъ въ воровствѣ. Изъ тюрьмы женщина была ночью спа- сена влюбившимся въ нею слугою визира. Гохера только утромъ уви- дала, что спаситель не ея мужъ. Ее затѣмъ у перваго похитителя похищаетъ солдатъ, котораго затѣмъ останавливаетъ царевичъ, ѣхав-

пій на охоту. Является преслѣдующій Гохеру визирь и затѣмъ его слуга. Царевичъ творить судъ надъ похитителями и велитъ освободить Хассана, который такимъ образомъ вновь соединенъ съ Гохерою.

Хассанъ и Гохера при одной остановкѣ вновь попадаютъ въ бѣду: Хассанъ идетъ купить масла и нечаянно опрокидываетъ въ лавкѣ свѣтильникъ. Купецъ, котораго недавно обокрали, принимаетъ Хассана за вора. Хассана вновь сажаютъ въ тюрьму. Гохера идетъ утромъ искать мужа и видитъ, что его ведутъ къ допросу вмѣстѣ съ другими преступниками къ начальнику полиціи. Она идетъ тогда къ начальнику полиціи, проситъ за мужа, но онъ соглашается помочь ей только цѣною ея безчестія. Она идетъ къ кадю, но тамъ ее постигаетъ та же судьба. Тогда она прибѣгаетъ къ хитрости и назначаетъ обонмъ свиданіе въ олинъ и тотъ же день, одному за другимъ. Первымъ является кадій, и онъ съ Гохерой начинаютъ пировать, такъ какъ кадій принесъ съ собою угощеніе. При приходѣ начальника полиціи Гохера прячетъ кадя въ большой сосудъ съ крышкою. Начальника полиціи при стукѣ въ дверь Гохера прячетъ въ сундукъ. Утромъ она велитъ отнести къ султану обонхъ своихъ преслѣдователей въ сосудъ и въ ящикъ. Султанъ наказываетъ ихъ и велитъ отпустить Хассана, послѣ чего онъ возвращается къ себѣ съ женою безъ дальнѣйшихъ злоключеній.

Значительно болѣе отдаленную связь съ нашимъ рассказомъ мы видимъ въ рассказѣ санскритской книги попугая, *Çukasaptati* ¹⁾. Рассказъ говоритъ о хитрости, употребленной женщиною, скрывающей своихъ четырехъ любовниковъ; она выдаетъ ихъ за духовъ предеовъ. Быть можетъ, что на этомъ рассказѣ сказалось извѣстное вліяніе и занимающаго насъ рассказа, но можетъ быть также, что онъ и вполне независимъ.

То же приходится сказать и о рассказѣ съ многочисленными версиями, гдѣ женщина защищаетъ свою добродѣтель противъ лицъ, передъ которыми мужъ ея восхвалялъ ее; тамъ тоже есть мотивъ фиктивного свиданія, назначаемаго нѣсколькимъ лицамъ, но всѣ остальные детали рассказа совсѣмъ другія, поэтому мы здѣсь совсѣмъ и не будемъ говорить о версияхъ этой темы.

Наконецъ, нѣкоторое соприкосновеніе съ нашимъ рассказомъ имѣетъ другой, а именно начало нѣкоторыхъ версій другаго фавла „*Les trois*

¹⁾ *Çukasaptati (textus Simplicior)*. Hgg. von R. Schmidt. Leipzig 1893. (Abh. K. d. M. X). Переводъ, его же, Kiel 1894. Рассказъ 33.

bossus menestrels". На это указано и г. Бэдэ. Изъ новѣйшихъ восточныхъ версій слѣдуетъ отмѣтить ново-арабскій рассказъ изъ Дамаска, который въ первой своей части подходитъ весьма къ нашему фабло, это „L'évêque, le prêtre et le bedeau“ ¹⁾. Во всѣхъ этихъ рассказахъ мы видимъ отголоски разбираемой темы и считаемъ ихъ несомнѣннымъ указаніемъ на популярность и распространенность ея на востокѣ; само собою разумѣется, что рассказы эти нами не привлекаются къ сравненію съ фабло Constant du Hamel, какъ не представляющіе версій общей съ нимъ темы.

Разсматривая собранный здѣсь матеріалъ, мы видимъ передъ собою 15 восточныхъ версій рассказа о томъ, какъ *женщина, пригласивъ одновременно нѣсколько чело­вѣкъ, увлеченныхъ ею, надсмѣялась надъ ними*. Географически и хронологически эти версії распредѣляются такъ: три древне-индійскихъ ²⁾, одна древне-арабская, восходящая почти несомнѣнно къ пехлевійскому оригиналу, двѣ книжныхъ арабскихъ, одна книжная персидская ³⁾, одна книжная турецкая, три ново-индійскихъ, записанныхъ изъ устъ народа, рассказа, такой же рассказъ афганскій, одинъ новопарамейскій народный рассказъ и два такихъ же новопарамейскихъ. Этимъ устанавливается несомнѣнный фактъ, что, начиная съ III вѣка до Р. Хр. и до нашихъ дней, отъ Индіи до разныхъ странъ мусульманскаго востока, нашъ рассказъ былъ извѣстенъ и пользовался большою популярностью. Далѣе мы можемъ установить, но уже не съ такой несомнѣнностью, что нашъ рассказъ изъ Индіи перешелъ къ персамъ въ эпоху вѣроятно сассанидовъ; отъ нихъ, т. е. изъ пехлевійской литературы, перешелъ къ арабамъ, а отъ нихъ уже въ литературу мусульманскихъ странъ и въ народную словесность этихъ странъ. Народная словесность Индіи взяла эту тему, повидному, и изъ чисто индійскихъ и изъ мусульманскихъ источниковъ.

По мотивировкѣ рассказа 8 восточныхъ версій представляютъ намъ честную женщину, мстящую за нечестныя предложенія, сдѣланныя ей нѣсколькими мужчинами, въ 2 версіяхъ это мсть честной женщины за надвѣвательство надъ мужемъ, въ одной версії мѣсто мужа зани-

¹⁾ Ср. Contes de Damas, p. 114 sqq.

²⁾ Brihatkathā, хотя и извѣстна въ трехъ версіяхъ, взята нами какъ представляющая одну версію нашего рассказа, вследствие слишкомъ большой близости, почти тождественности, данныхъ двухъ кашмирскихъ версій.

³⁾ Бехар-и-данишъ (№ 12 списка источниковъ) не включенъ нами въ число источниковъ, дающихъ версію нашего рассказа, такъ какъ его рассказъ стоитъ съ нами въ болѣе отдаленной связи.

маетъ любовникъ, въ 3 версіяхъ къ разсказу примѣшаны мотивы другихъ разсказовъ; одна версія (турецкая) известна только по заглавію и по указанію дѣйствующихъ лицъ.

Изъ всѣхъ этихъ версій, конечно, не всё существенно привлечь къ сравненію съ фабло, а только болѣе близкія по общей композиціи и существенныя для хронологической и географической связи. Мы считаемъ, что крайне легко ошибиться и найти связь тамъ, гдѣ она врядъ ли можетъ быть, если останавливаться на отдѣльныхъ чертахъ разсказа, представляющихъ то или другое сходство. Такъ напримѣръ, въ ново-индійскомъ разсказѣ мы встрѣчаемъ подробность, что одинъ изъ неудачныхъ любовниковъ покрытъ хлопкомъ, бывъ предварительно вымазанъ въ патокъ, въ фабло неудачные любовники покрыты перьями. Разумѣется, такая подробность отнюдь не создаетъ специальной связи между фабло и новоиндійскимъ разсказомъ или ихъ оригиналами, а могла возникнуть совершенно случайно у разныхъ авторовъ. Гораздо болѣе существенъ для установленія связи различныхъ версій общій ходъ разсказа, когда отступленія легко и понятно объясняются или изъ специальныхъ цѣлей автора или изъ мѣстныхъ условій или условій времени или наконецъ изъ того обстоятельства, что разсказъ входитъ въ серію другихъ разсказовъ и долженъ быть намѣненъ соотвѣтственно общему характеру всей серіи.

Чрезвычайно близко другъ къ другу по общему построенію разсказа стоятъ три древнеиндійскія версіи, старая арабская у Джахиза, персидская въ сборникѣ „1001 День“ и новоарамейская версія, какъ можно убѣдиться изъ вышеприведенныхъ пересказовъ: въ нихъ всѣхъ честная женщина наказываетъ своихъ недостойныхъ преслѣдователей, пригласивъ ихъ одного за другимъ и заперевъ въ ящики съ подраздѣленіями, или въ отдѣльные ящики или корзины. Въ индійскихъ версіяхъ, гдѣ нашъ разсказъ входитъ въ цѣлый циклъ разсказовъ, въ которыхъ главный герой мужъ героини нашего разсказа, мужъ отсутствуетъ, у Джахиза, гдѣ его присутствіе не нужно, онъ изображенъ умершимъ, въ новоарамейскомъ разсказѣ онъ находится въ отсутствіи, въ персидскомъ онъ живъ, но не играетъ дѣйствующей роли—онъ нуженъ только для конца, гдѣ безъ него не было бы достаточной мотивировки для безнадежной любви царя, которая въ свою очередь нужна для послѣдовательности ряда разсказовъ, въ который входитъ и нашъ. Фабло, близкій къ этой группѣ разсказовъ, отличается однако тѣмъ, что въ немъ мужъ является дѣйствующимъ и также обиженнымъ лицомъ. Это легко объясняется съ одной стороны тѣмъ, что

вообще въ фабло довольно силенъ элементъ бытоописательный, такъ какъ фабло представляютъ собою въ значительной мѣрѣ картины изъ дѣйствительной жизни, съ другой тѣмъ, что авторъ, очевидно, не хотѣлъ, соответственно духу фабло, упустить грубую, порнографическую (по нашимъ современнымъ понятіямъ) сцену наказанія женъ виновниковъ преслѣдованія его и его жены. Мы здѣсь сталкиваемся опять съ уже замѣченнымъ нами и въ Aubergee отличіемъ между старымъ восточнымъ рассказчикомъ и рассказчикомъ фабло: первый направляетъ свое главное вниманіе на ходъ рассказа, второй на способъ его изложенія. Эти свойства рассказчиковъ восточнаго и западнаго необходимо постоянно имѣть въ виду при изученіи вопроса о заимствованіи темъ рассказовъ.

Любопытно, что участіе мужа встрѣчается и въ двухъ новонарабскихихъ версіяхъ: версіи, записанной въ мѣстности древняго Вавилона, и въ версіи дамаскской, при чемъ въ послѣдней мужъ беретъ на себя наказаніе виновныхъ. Композиція обоихъ рассказовъ довольно посредственная и построена отчасти несомнѣнно на томъ, чтобы возможно кровавадѣе изобразить мечь надъ преслѣдователями мужа и жены. Должны ли мы предполагать въ этихъ рассказахъ извѣстное обратное европейское вліяніе или же просто грубый рассказчикъ увлекся и здѣсь, какъ и въ фабло, рѣзкими подробностями, сказать трудно, такъ какъ рассказчики обѣихъ версій довольно плохіе и особеннымъ творческимъ даромъ не отличаются.

Выше мы уже сказали, что есть восточныя версіи нашего сказа, по отношенію къ которымъ невозможно предположить западное вліяніе: мы разумѣемъ индійскія старинныя версіи и арабскую версію у Джахиза. Мы потому считаемъ исключенною возможность западнаго вліянія на эти версіи, что иначе пришлось бы перейти на почву самыхъ гадательныхъ и невѣроятныхъ предположеній: во времена построенія бхархутской ступы, т. е. въ III вѣкѣ до Рождества Христова, единственныя вліянія на Индію, и то весьма слабыя и преимущественно ограниченныя съверо-западной Индіей, это вліяніе греческое и персидское. Намъ пришлось бы предположить существованіе греческаго или древнеперсидскаго сказа на нашу тему, при чемъ этотъ рассказъ исчезъ бы затѣмъ на родинѣ безслѣдно. Мы уже не говоримъ о томъ, что древнеперсидская литература того времени для насъ величина вполнѣ неизвѣстная: теоретически мы должны допустить ея существованіе, въ виду сравнительно высокаго культурнаго уровня Персіи того времени, но практически мы не имѣемъ о ней никакого

понятія. Мы конечно понимаемъ, что *абсолютно* несуществованіе нашего разсказа въ III вѣкѣ до Р. Хр. на западѣ не доказуемо, но вѣроятіе этого существованія, въ виду всей послѣдующей исторіи разсказа, такъ мало, что мы считаемъ себя въ правѣ его совершенно не принимать въ расчетъ.

Изъ восточныхъ версій приоритетъ несомнѣнно принадлежитъ старымъ индійскимъ версіямъ, потому что версія Джахиза, очевидно, восходитъ къ пехлевійскому оригиналу, а оригиналами пехлевійскихъ памятниковъ повѣствовательной литературы являются обыкновенно индійскіе разсказы. Такимъ образомъ устанавливается цѣпь: индійская версія—пехлевійская—арабская.

Изъ вышеприведенныхъ пересказовъ видна большая близость версій индійскихъ, въ особенности въ болѣе распространенной версії Brihatkathā, съ разсказомъ у Джахиза, при чемъ слѣдуетъ однако отмѣтить, что индійскія версія въ свою очередь не представляютъ намъ, очевидно, первоначальную версію разсказа въ чистомъ видѣ, такъ какъ на нихъ замѣтны слѣды вліянія тѣхъ цикловъ разсказовъ, въ которые онѣ входятъ: въ одномъ случаѣ это циклъ разсказовъ о царскомъ мудрецѣ Махосадхѣ, въ другомъ объ извѣстномъ грамматикѣ Вараручи.

Въ индійской (Brihatkathā) и арабской версіяхъ мы находимъ характерные для разсказа моменты: деньги, данныя въ заемъ другу мужа, отказъ его уплатить ихъ и позорящее женщину предложеніе, такія же предложенія со стороны „чиновниковъ“, при чемъ въ дошедшихъ до насъ версіяхъ Brihatkathā разсказчикъ совершенно неискусно оставилъ безъ должной мотивировки предложенія „чиновниковъ“. Очевидно, что въ первоначальной версії Brihatkathā, гдѣ нашъ разсказъ входитъ въ циклъ разсказовъ о Вараручи, имѣлись въ виду враждебныя отношенія „чиновниковъ“ къ Вараручи, такъ же, какъ мы это видимъ въ циклѣ разсказовъ о Махосадхѣ. Такъ какъ арабская версія выдѣлила разсказъ изъ цикла, то ей нужна была другая мотивировка появленія „чиновниковъ“ и отношенія къ ихъ поступкамъ; разсказчикъ искусно нашелъ ее въ необходимости для женщины искать правосудія противъ обидчика и вѣстѣ съ тѣмъ въ наказаніи обидчиковъ за кривосудъ. Дальнѣйшіе моменты разсказа: сокрытіе виновныхъ въ ящикъ, обѣщаніе передъ ящикомъ, ящикъ „свидѣтель“.

Старѣйшая индійская версія въ джѣтакѣ не знаетъ ни отдачи денегъ, ни свидѣтелей отдачи. Въ джѣтакѣ враги мужа преслѣдуютъ жену, которая мститъ за него и наказываетъ своихъ оскорбителей.

Съ арабской версіей мы стоимъ на той грани восточныхъ версій, гдѣ переходъ на западъ исторически легко объяснимъ, и благодаря многочисленнымъ аналогичнымъ примѣрамъ, становится весьма вѣроятнымъ. Любопытно при этомъ, что старѣйшая извѣстная западная версія—фабло, ближе не къ извѣстной намъ арабской версії, а къ джѣтакъ. Надо предположить поэтому, что версія джѣтаки имѣла на переднемъ востокѣ неизвѣстныхъ намъ пока преемниковъ, или преемника, потому что въ арабской версії нѣтъ ничего такого, чѣмъ не могъ бы непосредственно воспользоваться авторъ фабло и что заставило бы его предпринять самостоятельно столь значительную передѣлку. Въ фабло мѣстные „чиновники“ преслѣдуютъ Констанана изъ-за того, что потерпѣли неудачу у его жены, къ которой обращались съ нечестными предложеніями. Жена мститъ и за себя и за мужа. Авторъ не пожелалъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, ввести въ разсказъ короля или сеньера, и поэтому отпала сцена обличенія виновныхъ передъ царемъ, она замѣнилась самосудомъ Констанана, при описаніи котораго, какъ мы уже указали выше, авторъ могъ дать волю своей склонности къ грубымъ и порнографическимъ деталямъ. Ничто въ построеніи фабло не указываетъ сколько-нибудь убѣдительно на то, что авторъ самостоятеленъ въ фабулѣ и ея схемѣ. Ему принадлежитъ только превосходное изложеніе, которое превращаетъ восточный разсказъ въ бытовую картинку французскаго средне-вѣковья.

Мы могли бы считать свою задачу оконченной и доказаннымъ то, что мы хотѣли доказать, а именно весьма большую вѣроятность того, что фабло о Constant du Namel восточнаго происхожденія, если бы извѣстный изслѣдователь фабло г. Бэдъэ не высказалъ мнѣнія, прямо противоположнаго нашему, которое мы и должны разобрать.

Г. Бэдъэ, слѣдуя методу, на ошибочность котораго нами было указано при изслѣдованіи другого фабло ¹⁾, даетъ схематическую форму разсказа, которую онъ считаетъ обязательной для каждаго разсказчика; вотъ она: честная женщина, преслѣдуемая приставами нѣсколькихъ ухаживателей, даетъ имъ свиданіе у себя въ одну ту же ночь, но въ разные часы. Она принимаетъ ихъ одного за другимъ, но заставляетъ почти немедленно прятаться подъ предлогомъ прихода мужа. Онъ является на самомъ дѣлѣ и, узнавъ обо всемъ отъ жены, наказываетъ ухаживателей. Схематическая форма эта соста-

¹⁾ См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1906 № 10. Aubergé.

влена на основаніи фабло и *единственной* извѣстной г. Бэдъа восточной версіи ¹⁾).

Такъ какъ выясняется, что уже и теперь намъ вполне доступно *пятнадцать* восточныхъ версій, то схематическая форма г. Бэдъа теряетъ всякое значеніе: она не подходитъ къ совокупности извѣстныхъ намъ версій и заключаетъ въ себѣ именно тѣ добавочныя черты, которыя г. Бэдъа считаетъ нужными для объединенія извѣстныхъ версій въ одну группу. Такъ, на примѣръ, вовсе не необходимо присутствіе мужа, рассказъ въ основѣ остается тотъ же, даже если женщина вдова или мужъ ея въ отсутствіи. Нѣтъ также необходимости, чтобы это была честная женщина; мотивомъ хитрости можетъ быть корысть; наконецъ женщина для извѣстныхъ цѣлей можетъ сама вызвать ухаживанье за собою. Какъ видно, схематическая форма г. Бэдъа можетъ весьма сильно измѣниться, и опять такимъ образомъ методъ г. Бэдъа для опредѣленія наличности или отсутствія связи между версіями не примѣнимъ къ разбираемому нами фабло, въ виду крайней субъективности метода.

Неудача г. Бэдъа и въ данномъ случаѣ, какъ и при *Lai d'Aristote*, зависитъ также въ значительной мѣрѣ отъ недостаточнаго знакомства съ восточными версіями, которыхъ мы привели *пятнадцать* въ то время, какъ онъ знаетъ лишь одну; при чемъ необходимо принять еще въ расчетъ, что повѣствовательная литература востока пока весьма мало изучена и весьма многое изъ нея не издано и не переведено на европейскіе языки, въ виду чего нужно пока быть особенно осторожнымъ со всякими заключеніями о невѣроятности или недоказуемости восточныхъ вліяній на западныя литературы среднихъ вѣковъ.

Сергій Ольденбургъ.

¹⁾ Необыкновенно характерно замѣчаніе г. Бэдъа объ арабскомъ рассказѣ изъ „1001 Ночъ“: „Ce conte arabe peut-il prétendre à remonter jusqu'à l'Inde? Je l'ignore et j'en doute...“ (l. c. p. 411) (курсивъ нашъ).

СОСЛОВНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ ВЪ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВѢКА.

I.

Основной задачей обширной учебной реформы, предпринятой въ началѣ царствованія Александра I, было созданіе системы „нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія“¹⁾. Въ разрѣшеніи этой сложной задачи должны были столкнуться два принципа: старый принципъ сословно-профессіональнаго образованія, господствовавшій въ политикѣ просвѣщенія XVIII столѣтія до эпохи Екатерины II, и новый принципъ образованія общаго и бессословнаго. Традиціонная со времени Петра Великаго сословно-профессіональная система XVIII вѣка была тѣсно связана съ развитіемъ сословнаго строя Россіи вообще²⁾; нельзя было поэтому ее разрушить, не затрагивая нѣкоторыхъ сложныхъ сословныхъ отношеній, хотя и не связанныхъ непосредственно съ интересами учебнаго дѣла.

Въ главныхъ своихъ чертахъ новая система „нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія“, была очерчена въ основномъ законѣ, Предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія 24-го января 1803 года, и подробно разработана въ уставахъ университетовъ и подвѣдомственныхъ имъ училищъ 6-го ноября 1804 года³⁾. Какъ же разрѣшался сословный вопросъ этими законодательными актами?

Приходскія училища по уставу открыты были „для дѣтей всякаго со-

¹⁾ Сборн. постан. по мн. нар. проsv., т. I, № 7.

²⁾ М. Владиміръскій-Будановъ, Государство и народн. образованіе въ Россіи XVIII-го вѣка, Яр. 1874, гл. III и IV.

³⁾ Сборн. постан. по министерству народнаго просвѣщенія, I, №№ 63—64.

стоянія, безъ разбору пола и лѣтъ“ (§ 123). Но преимущественно они предназначались для низшихъ классовъ населенія, имѣли цѣлью „доставить дѣтямъ земледѣльческаго и иныхъ состояній свѣдѣнія имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки, дѣйствія коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію“. Другой задачей приходскихъ училищъ было „пріуготовленіе юношества для уѣздныхъ училищъ, если родители пожелаютъ, чтобы дѣти ихъ продолжали въ оныхъ ученъе“ (§ 119). Равнымъ образомъ и уѣздныя училища предназначались для двойной цѣли: 1) готовить юношество для гимназій и 2) открывать дѣтямъ *различнаго состоянія* необходимыя познанія, сообразныя состоянію ихъ и промышленности (§ 84). Наконецъ § 14 устава гласилъ, что въ „гимназію принимаются *всякаго званія* ученики, окончившіе науки въ уѣздныхъ училищахъ или другихъ училищныхъ заведеніяхъ, либо и дома, если только имѣютъ достаточныя свѣдѣнія къ продолженію наукъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ“. Задача же гимназій также двойная: давать законченное среднее образованіе и готовить „къ университетскимъ наукамъ юношество, которое по склонности къ онымъ или по званію своему, требующему дальнѣйшихъ познаній, пожелаетъ усовершенствовать себя въ университетахъ“ (§ 4).

Такимъ образомъ уставъ училищъ, подвѣдомственныхъ университетамъ, категорически утверждалъ принципъ всеобщности низшей и средней общобразовательной школы. Не такъ ясно разрѣшенъ былъ этотъ вопросъ по отношенію къ университетамъ. Опредѣляя цѣль университета, какъ „пріуготовленіе юношества для вступленія въ различныя званія государственной службы“ (§ 1), уставъ требовалъ отъ поступающихъ въ университетъ двухъ свидѣтельствъ: 1) свидѣтельства, удостоверяющаго „нужныя познанія для слушанія курсовъ, въ университетѣ преподаваемыхъ“, и 2) свидѣтельства „о своемъ состояніи“ (§§ 109—111). Какую роль это послѣднее свидѣтельство должно было играть въ порядкѣ опредѣленія въ университетъ, иначе — принадлежность къ какимъ состояніямъ, т. е. сословіямъ, могла служить препятствіемъ къ поступленію въ университетъ, уставъ не выяснялъ.

Можно предполагать, что эта неясность была умысленной. На такую догадку наводитъ одинъ эпизодъ изъ исторіи составленія особаго устава Дорптскаго университета (12-го сентября 1803 года), первый параграфъ котораго гласилъ, что „университетъ принимаетъ

въ студенты людей всякаго состоянія, російскихъ уроженцевъ и иностранныхъ, которые предъявятъ о своемъ состояніи письменныя свидѣтельства“. Уже послѣ того, какъ проектъ этого устава былъ одобренъ въ окончательной редакціи и подписанъ членами Главнаго правленія училищъ (15-го іюля 1803 года), министръ графъ Завадовскій внесъ въ него нѣкоторыя поправки и, между прочимъ, въ § 1-мъ къ словамъ, что „университетъ принимаетъ въ студенты людей всякаго состоянія“, прибавилъ: „свободнаго“. Сдѣланныя графомъ Завадовскимъ поправки были обсуждены (8-го августа) Главнымъ правленіемъ, которое рѣшительно высказалось противъ прибавленія слова „свободнаго“. Главное правленіе разсуждало: „злоупотребленія, которыя могли бы произойти отъ неограниченнаго принятія въ университетъ людей всѣхъ состояній, останавливаются сами собою въ ихъ началѣ мѣрами, выраженными въ послѣдствіи сего устава, какъ то предписаніемъ не принимать иныхъ, кромѣ представляющихъ о себѣ законное свидѣтельство“. На этомъ основаніи, въ концѣ концовъ, было опредѣлено: „представить его сіятельству (министру), не соблаговолить ли онъ выпустить упомянутое слово „свободнаго“, которое въ чужихъ краяхъ можетъ подать поводъ къ непріятнымъ заключеніямъ и толкамъ“. Министръ, очевидно, согласился съ этимъ мнѣніемъ, и § 1-й устава Дерптскаго университета остался въ прежней, цитированной выше, редакціи ¹⁾. Можно предположить, что тѣмъ же соображеніемъ Главное правленіе училищъ руководствовалось и при составленіи общаго устава университетовъ. Условіе, что поступающій въ университетъ, при наличности необходимой подготовки, долженъ принадлежать къ одному изъ „свободныхъ“ состояній, было скрыто въ параграфѣ устава, требовавшемъ предъявленія свидѣтельства „о состояніи“. Къмъ именно правительство желало наполнить университеты, объяснено было позднѣе, въ указѣ 6-го августа 1809 года. „Предполагаемо было, говорилось здѣсь, что всѣ свободныя состоянія, и особенно сословіе дворянское, съ поревнованіемъ воспользуются открытіемъ университетовъ“... Но открыто заявленное въ законѣ запрещеніе принимать въ университеты лицъ тѣхъ или иныхъ сословій могло возбудить непріятныя заключенія не только въ чужихъ краяхъ. И въ Россіи находились защитники доступности университета для всѣхъ сословій, не исключая крѣпостныхъ.

¹⁾ Журналы главн. правл. училищъ за 1803 г. въ Архивѣ министерства народнаго просвѣщенія.

II.

Окончаніе полнаго цикла образованія, завершеннаго въ университетѣ, открывало доступъ на государственную службу, при чемъ ни основной законъ—Предварительныя правила народнаго просвѣщенія,—ни университетскій уставъ ни въ чемъ не ограничивали этого права для лицъ непривилегированныхъ сословій, по происхожденію своему не имѣвшихъ права на государственную службу. Съ другой стороны Предварительныя правила 24-го января 1803 года категорически предупреджали, что „ни въ какой губерніи, спустя пять лѣтъ по устроеніи въ округѣ, къ которому она принадлежитъ, на основаніи сихъ правилъ, училищной части, никто не будетъ опредѣленъ къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученія въ общественномъ или частномъ училищѣ“ (ст. 24). Отсюда слѣдовалъ весьма важный выводъ: образованіе признавалось необходимымъ условіемъ пріобрѣтенія правъ государственной службы, конкурирующимъ съ сословной привилегіей; вмѣстѣ съ тѣмъ образованіе становилось средствомъ перехода изъ низшихъ сословій въ высшее.

Эти выводы надлежало согласовать съ дѣйствовавшимъ въ началѣ XIX вѣка законодательствомъ о государственной службѣ. Припомнимъ главные моменты исторіи этого законодательства.

„Состояніе лица, говоритъ профессоръ Романовичъ-Славатинскій, долгое время не было препятствіемъ во вступленію въ службу. Хотя Петръ Великій и желалъ набирать гражданскихъ чиновниковъ преимущественно изъ шляхетства, но при немъ не было никакихъ ограниченій для вступленія въ гражданскую службу лицамъ другихъ сословій. Ограниченія эти едва ли тогда и были возможны при большомъ недостаткѣ въ канцелярскихъ служителяхъ, что видно, напримѣръ, изъ одного указа 1746 года, предписывающаго губернаторамъ и воеводамъ отыскивать канцелярскихъ служителей, скрывающихся по деревнямъ своимъ, и опредѣлять ихъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ окажется недостатокъ, а если они станутъ укрываться, то конфисковать ихъ имущество. Неудивительно, что при такомъ недостаткѣ канцелярскихъ служителей въ нѣкоторыхъ губерніяхъ служили крестьяне даже безъ отпусковыхъ, какъ то было открыто ревзіей 1744 года. Впрочемъ, несмотря на то, что не было систематическаго ограниченія права поступать въ гражданскую службу лицамъ нѣкоторыхъ состояній, по-

пытки такихъ ограниченій начинаются при первыхъ преемникахъ Петра: напримѣръ, въ 1727 году повелѣно дворовыхъ людей и крестьянъ ни въ какія службы не опредѣлять. Ограниченія эти начинаютъ принимать систематическій характеръ и болѣе широкіе размѣры при Екатеринѣ II^а ¹⁾.

Значеніе образовательнаго ценза для государственной службы въ первой половинѣ XVIII вѣка выражалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что общее образованіе и специальная подготовка давали право начинать службу не съ самыхъ низшихъ должностей. Уже Петръ Великій, настаивая на постепенности прохожденія службы „съ фундаменту“, предоставлялъ нѣкоторыя льготы людямъ, получившимъ извѣстное образованіе: такъ коллеги юнкеры назначались прямо на должности оберъ-офицерскаго ранга ²⁾. Обычнымъ средствомъ привлеченія дворянской молодежи во вновь открываемыя учебныя заведенія служили „авантажи“ при вступленіи въ службу. Такъ кадеты IIIлхетскаго корпуса, выходяшіе въ гражданскую службу, жаловались, смотря по успѣхамъ, въ чины, соотвѣтствующіе унтеръ-офицерскимъ, прапорщичьимъ, подпоручичьимъ, поручичьимъ. Такіе же авантажи предоставлялись дворянамъ, учившимся въ академическомъ университетѣ по регламенту академіи наукъ 24-го іюля 1747 года. Люди свободные, не положенные въ подушный окладъ, получали по тому же регламенту право опредѣляться въ статскіе чины по достоинствамъ своимъ и получать ранги оберъ-офицеровъ армейскихъ ³⁾.

Со времени Екатерины II начинается, какъ общее правило, взглядъ, что государственная служба есть сословная привилегія дворянства. Указомъ 13-го апрѣля 1771 года Сенатъ „наистрожайше подтвердилъ“ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, чтобы „подъ неупустительнымъ по законамъ взыскаіемъ штрафа положенныхъ въ подушный окладъ въ статскую службу ни въ какіе чины отнюдь не опредѣляли“ ⁴⁾. Въ слѣдующемъ году, указомъ 15-го февраля, по предложенію генераль-прокурора князя А. А. Вяземскаго, Сенатъ вновь подтвердилъ, „чтобъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ никакихъ людей, хотя бы имъ отъ кого увольнительныя письма даны были, и ихъ дѣтой не токмо въ приказный чинъ, но и ни въ какомъ штатскимъ дѣламъ отнюдь не опредѣляли; а буде гдѣ

¹⁾ Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи. С.-Пб. 1870, стр. 221.

²⁾ Березинова, Гражданское чиновничество въ Россіи. С.-Пб. 1888, стр. 49.

³⁾ П. С. З., № 9425, §§ 41—42.

⁴⁾ П. С. З., № 13596.

таковыя находятся, то бѣ къ награжденію въ оберъ-офицерскіе чины ни подѣ какимъ видомъ ихъ не представляли и сами не производили“¹⁾).

Реформа областного управленія по Учрежденію о губерніяхъ 1775 года потребовала для замѣщенія канцелярскихъ должностей большого числа служащихъ, и при изданіи штатовъ новыхъ губернскихъ учрежденій правительство напомнило генераль-губернаторамъ „о должномъ ихъ стараніи вселять въ юное дворянство охоту ко вступленію въ гражданскую службу“. По дворянской молодежи не хватало, и указомъ 9-го января 1779 года разрѣшено было допускать на канцелярскія должности также лицъ нѣкоторыхъ другихъ состояній, а именно: 1) учениковъ духовныхъ семинарій, 2) свободныхъ и въ подушный окладъ не положенныхъ людей, равно изъ купечества и изъ помѣщичьихъ людей, на волю отпущенныхъ, „сходственно указу 17-го марта 1775 года“, 3) воспитанниковъ академіи художествъ, Воспитательнаго дома и Московскаго университета, по желанію ихъ и по сношенію генераль-губернаторовъ съ президентомъ академіи художествъ, главнымъ попечителемъ Воспитательнаго дома и съ кураторами Московскаго университета, „дабы таковой пріемъ сходствовалъ съ основаніями учрежденія мѣстъ оныхъ“. Затѣмъ вновь подтверждалось запрещеніе набирать въ гражданскую службу школьники изъ солдатскихъ дѣтей и лицъ „изъ положенныхъ въ подушный окладъ или изъ другихъ, на время отпускаемыхъ“²⁾).

Несмотря, однако, на строгія запрещенія, притокъ на государственную службу лицъ изъ купечества, мѣщанства и другихъ податныхъ состояній продолжался: въ 1798 году Сенатъ имѣлъ свѣдѣнія о 205 подобныхъ лицахъ, изъ которыхъ 29 человекъ дослужились до оберъ-офицерскихъ чиновъ. Въ виду того, что всѣ эти лица изъ податныхъ состояній „не упражнялись ни въ какихъ промыслахъ и работахъ, свойственныхъ тѣмъ состояніямъ, въ коихъ они въ окладѣ числятся, но всѣ занимались единственно должностями въ приказномъ званіи и

¹⁾ Ibid., № 13760.

²⁾ П. С. З. № 14831. Манифестомъ 17-го марта 1775 г. по случаю заключенія мира съ Турціей объявлялось (ст. 46): „всѣмъ отпущеннымъ отъ помѣщиковъ съ отпускными на волю дозволяемъ какъ пылѣ, такъ и впродѣ, ни за кого не записываться, и при ревизіи должны они объявить, въ какой родъ нашей службы, или въ мѣщанское или купеческое состояніе войти желаютъ по городамъ, и какою они добровольно для себя наберутъ, то по тому уже состоянію и должны они быть поверстаны поборами или отъ оныхъ освобождены“ (П. С. З. № 14175). Эта льгота была внесена въ 79 ст. городского положенія 21-го апрѣля 1785 г. (№ 16187).

службою“,—Сенатъ находилъ справедливымъ исключить такихъ лицъ изъ оклада и сложить съ нихъ, со времени вступленія въ службу, казенныя педонмы. Это мнѣніе Сената было утверждено Высочайшимъ указомъ 30-го іюля 1798 года, которымъ предписывалось „впредь изъ купческаго, мѣщанскаго и другого, подушныя подати несущаго, званія въ статскую службу безъ представленія Сенату о *надобности съ оныхъ не принимать*“¹⁾.

Прошло около десяти лѣтъ, и въ 1810 году Сенатъ констатировалъ, что „изъ всѣхъ почти губернскихъ и прочихъ присутственных мѣстъ вошло и вступастъ *великое множество* представленій объ утвержденіи въ статской службѣ и канцелярскомъ званіи изъ людей отпущенныхъ вѣчно на волю отъ помѣщиковъ, изъ мѣщанъ и казенныхъ поселанъ, въ окладѣ состоящихъ“. Не довѣряя ссылкамъ присутственных мѣстъ на недостатокъ служащихъ, Сенатъ „съ достовѣрностью полагалъ, что большая часть людей сего рода избрали родъ службы статской для единаго токмо выбытія изъ класса платящихъ казнь подать, и, конечно, многіе числятся токмо въ званіи канцелярскомъ, но дѣйствительной службы не отправляютъ“. Поэтому Сенатъ опредѣлилъ въ 1810 году заготовить правила, „на какомъ основаніи принимать въ канцелярскія должности изъ состоящихъ въ подушномъ окладѣ и изъ званія купческаго и разночинцевъ“. Впредь же, до изданія этихъ правилъ, предписывалось „представленіями въ Сенатъ о утвержденіи въ статской службѣ изъ состоящихъ въ подушномъ окладѣ людей удержаться“²⁾. Вскорѣ дѣйствіе этой мѣры ограничено было Высочайшимъ указомъ 14-го августа 1811 года, разрѣшившимъ принимать лицъ изъ податныхъ состояній въ канцелярію Сената и департаменты только что преобразованныхъ министерствъ; въ началѣ же слѣдующаго года (12-го января 1812 года) это разрѣшеніе распространено было и на „учебную часть“ для лицъ, „отличившихся талантами и знаніемъ наукъ или изящныхъ искусствъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, указомъ 1811 года повелѣвалось Сенату немедленно привести къ окончанію составленіе проектированныхъ имъ правилъ, „на какомъ основаніи принимать въ канцелярскія должности изъ находящихся въ окладѣ“³⁾. Сколько мнѣ извѣстно, это повелѣніе осталось не исполненнымъ.

¹⁾ П. С. З., № 18622. См. Сенатскій указъ 14-го августа 1798 г.

²⁾ П. С. З., № 24258. См. еще № 24680.

³⁾ Сенатскій архивъ, книга именныхъ Высочайшихъ указовъ, № 344. Собр. вост. по мин. нар. проsv., т. I, № 246.

Итакъ, дѣйствовавшее въ началѣ XIX вѣка законодательство уже не поддерживало со всею строгостью установившійся при Екатеринѣ II взглядъ на государственную службу, какъ на сословную привилегію дворянства. Оно мирилось съ фактомъ наплыва на службу большого числа лицъ изъ податныхъ классовъ и лишь стремилось ограничить этотъ наплывъ рамками, обусловленными дѣйствительнымъ недостаткомъ служащихъ изъ привилегированныхъ сословій. Но это условіе, необходимость набирать на государственную службу способныхъ людей изъ податныхъ классовъ, еще не давало послѣднимъ принципиальнаго обоснованія *права* на государственную службу. Такимъ принципиальнымъ обоснованіемъ должно было явиться одно изъ положеній учебной реформы 1803 — 1804 годовъ, именно, что образовательный цензъ, получаемый во всесословной школѣ, есть условіе приобрѣтенія права на государственную службу, конкурирующее съ сословной привилегіей. Но университетскій уставъ, какъ мы видѣли, двусмысленно умалчивалъ относительно того, на одинаковыхъ ли основаніяхъ открытъ путь высшаго образованія лицамъ разныхъ сословій. Въ разрѣшеніе этого вопроса и послѣдовалъ рядъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью регулировать сословный составъ учащихся въ университетахъ.

III.

Изъ четырехъ разрядовъ учебныхъ заведеній, — приходскихъ училищъ, уѣздныхъ училищъ, гимназій, университетовъ, — составлявшихъ въ совокупности единую учебную систему, одни только университеты сообщали своимъ питомцамъ права государственной службы. И самая цѣль университетовъ полагалась по уставу 1804 года въ томъ, чтобы „приготовлять юношество для вступленія въ различныя званія государственной службы“. Сообразно этому студентъ, по принятіи въ университетъ, имѣлъ право носить шпагу, а отличившіеся успѣхами въ наукахъ и похвальнымъ поведеніемъ при вступленіи въ службу получали чинъ 14-го класса, студенты же кандидаты — чинъ 12-го класса. Въ то же время законъ 24-го января 1803 года, какъ мы видѣли, предупреждалъ, что съ опредѣленнаго срока никто не будетъ допущенъ на гражданскую службу, не получивъ извѣстнаго образованія.

Совокупность всѣхъ этихъ „авантажей“ и угрозъ давала, казалось, серьезное основаніе предполагать, „что всѣ свободныя состоянія, и особенно сословіе дворянское, съ поревнованіемъ воспользуются открытіемъ университетовъ, гимназій и училищъ въ округахъ, губерніяхъ

и уѣздахъ, съ знатнымъ иждивеніемъ казны и съ нарочитыми пожертвованіями самого дворянства устроенныхъ, и что отечественныя сіи установленія предпочтены будутъ способамъ ученія иностраннымъ, недостаточнымъ и ненадежнымъ". Эти надежды не оправдались. „Къ вящему прискорбію правительства“ оказывалось, что „дворянство, обыкшее примѣромъ своимъ предшествовать всѣмъ другимъ состояніямъ, менѣе другихъ приняло участіе въ семъ полезномъ учрежденіи“, т. е. въ дѣлѣ „твердаго и отечественнаго образованія юношества“¹⁾.

Печальный фактъ индифферентнаго и даже отрицательнаго отношенія дворянства къ новой учебной системѣ, удостовѣренный указомъ 6-го августа 1809 года, побудилъ инициатора этого знаменитаго указа, Сперанскаго, въ корни изслѣдовать препятствія успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи. Въ декабрѣ 1808 года Сперанскій представилъ государю записку „Объ усовершеніи общаго народнаго воспитанія“, въ которой подробно изложены мотивы къ закону 6-го августа 1809 года. Передадимъ главныя мысли этой интересной записки, доселѣ, какъ кажется, остававшейся неизвѣстной въ литературѣ о Сперанскомъ²⁾.

Сперанскій различаетъ два главныя средства, которыми правительство можетъ дѣйствовать на народное воспитаніе: первое заключается въ умноженіи „способовъ къ просвѣщенію“, т. е. училищъ, библіотекъ и т. д., второе — „въ побужденіяхъ и нѣкоторой моральной необходимости общаго образованія“. Что касается перваго средства, то, говоритъ Сперанскій, „никакое правительство не употребляло въ сей части ни болѣе щедрости, ни болѣе усилій“, нежели правительство Александра I. Но второе средство еще не было проведено съ твердостью и послѣдовательностью: „ученіе никогда еще не было у насъ поставляемо условіемъ необходимымъ и обязанностию непремѣнною для вступленія въ службу и занятію гражданскихъ мѣстъ“. Правда, Предварительными правилами 1803 года было постановлено, что по истеченіи пяти лѣтъ на гражданскую службу будутъ приниматься лишь окончившіе курсъ въ общественныхъ или частныхъ училищахъ; „но какимъ образомъ привести мѣру сію въ дѣйствіе, когда во всѣхъ университетахъ и гимназіяхъ количество учащихся столь малочисленно“, когда учащіеся и дома и въ частныхъ пансіонахъ и въ госу-

¹⁾ Сб. вѣст. вѣд. I, № 163.

²⁾ Архивъ минист. народн. проsv., бумаги Сперанскаго, к. 165. Эта записка будетъ напечатана въ приготавлиемомъ мною къ изданію сборникѣ матеріаловъ по исторіи просвѣщенія въ XVIII—XIX вѣкахъ.

дарственныхъ школахъ обыкновенно „ограничиваются первыми токмо начатками словесности и считаютъ воспитаніе конченнымъ, какъ скоро пріобрѣтено нѣкоторое познаніе въ иностранномъ языкѣ, въ ариеметикѣ и тому подобныхъ стихійныхъ наукахъ, то есть, считаютъ его конченнымъ тамъ именно, гдѣ оно дѣйствительно начинается“? Исслѣдовать причины „сего страннаго разсчета“ значитъ обнаружить самый корень зла. А корень этотъ въ томъ, что „всѣ успѣхи гражданской службы измѣряются у насъ чинами, ибо съ чинами сопрягаются не мнимы только отличія, но и мѣста и всѣ выгоды. Чины же даются, большею частью, по лѣтамъ службы. Отсюда сіе всеобщее странное, но весьма естественное влеченіе къ чинамъ и отсюда раннее вступленіе въ службу и, слѣдовательно, совершенная преграда всякому ученію основательному, требующему времени и нѣкоторой въ умѣ зрѣлости. Отсюда предпочтеніе пансіоновъ частныхъ и домашняго воспитанія, въ коихъ всѣ науки пробѣгаются слегка и поверхностно, и отчужденіе отъ училищъ государственныхъ, коихъ ходъ основанъ не на блескъ, но на методахъ правильныхъ“.

„Посему, если бы чиновъ гражданскихъ не было, а мѣста занимались бы по успѣхамъ просвѣщенія или, по крайней мѣрѣ, если бы чины раздаваемы были въ точной соразмѣрности съ науками, то каждый по необходимости принужденъ бы былъ учиться, чтобы достигнуть или мѣста или отличій. И такъ, въ чинахъ и неудобномъ ихъ распредѣленія состоитъ первое и главное начало настоящаго заблужденія“.

Къ табели о рангахъ и къ основанному на ней чинопроизводству Сперанскій относится совершенно отрицательно. „Награда чинами, по первому взгляду такъ легкая и почти мнимая, есть монета самая неудобная и для государства обременительная“.

Трудно исчислить, въ самомъ дѣлѣ, вредныя послѣдствія чиновъ: „они дѣлятъ народъ на два несоразмѣрные класса, на дворянство и чернь; не оставляютъ почти мѣста среднему, столь полезному, состоянію; ввергаютъ въ презрѣніе все, что ими не украшено; даютъ ложную цѣну мѣстамъ и достоинствамъ; смѣшиваютъ и ставятъ наравнѣ людей просвѣщенныхъ съ невѣждами; наполняютъ должности чиновниками неспособными и даже изъ писцовъ, науками не пріготовленныхъ; однимъ порядкомъ службы приводятъ людей къ вышнимъ званіямъ государственнымъ; искательствами и множествомъ мелкихъ злоупотребленій они развращаютъ духъ народный и, *что всего горше, заражаютъ самые источники народнаго воспитанія*“.

Отсюда слѣдуетъ, „что средство самое коренное къ успѣхамъ народнаго образованія было бы уничтоженіе на будущее время всѣхъ чиновъ титулярныхъ или, лучше сказать, обращеніе ихъ къ тому первоначальному правилу, чтобы чины не что иное были, какъ означеніе мѣстъ, дѣйствительно занимаемыхъ“.

„Но предположеніе сіе требуетъ мѣръ предварительныхъ. Оно должно быть соображено съ тѣми основаніями, на коихъ права дворянства должны быть поставлены. Ввести его нынѣ безъ общаго плана было бы неудобно“. Изыскивать же предварительныя мѣры для привлеченія дворянской молодежи въ университеты можно было въ двухъ направленіяхъ: или, слѣдуя традиціи, привлекать дворянство къ высшему образованію новыми служебными авантажами, или, согласно съ принципами новой системы просвѣщенія, подчинить служебную карьеру дворянства общимъ требованіямъ высокаго образовательнаго ценза. Если основная мысль записки Сперанскаго состояла въ томъ, что интересы новой системы просвѣщенія стояли въ явномъ противорѣчій съ нѣкоторыми чертами сословнаго строя, закрѣпленными традиціоннымъ порядкомъ гражданской службы, то возможно ли было допускать дальнѣйшее развитіе служебныхъ привилегій, какъ средства привлеченія дворянства въ университеты? Не значило ли это лишь умножать зло, отъ котораго страдали интересы просвѣщенія? Оставался другой выходъ, предуказанный Предварительными правилами народнаго просвѣщенія 1803 года: поставить требованіе вышшаго образовательнаго ценза непременнымъ условіемъ государственной службы. На этой мысли Сперанскій и основалъ, какъ „предварительную мѣру“, новый порядокъ чинопроизводства, формулированный имъ въ четырехъ главныхъ положеніяхъ:

„I. Чинъ коллежскаго ассессора, яко первый чинъ, дающій право на потомственное дворянство, открытъ для тѣхъ только, кои будутъ обучаться или будутъ испытаны въ университетахъ. Сіе представитъ первую необходимость публичнаго воспитанія“.

„II. Для канцелярскихъ чиновъ довольно оставить первые три офицерскіе чина, кои со временемъ, при общемъ планѣ, могутъ быть преобразованы въ одно личное дворянство съ правомъ владѣть землею въ крѣпость, а людей имѣть по условіямъ“.

„III. Послѣдующіе осмьиклассные чины затруднить для неучившихся и облегчить сколь возможно для тѣхъ, кои предъявляютъ свѣдѣтельства въ ихъ ученіи. Второе побужденіе къ наукамъ“.

„IV. Чинъ статскаго совѣтника, яко къ государственной уже службѣ

принадлежащій, сколь можно болѣе уважить и открыть его единственно для людей испытанныхъ и въ службѣ довольно уже упражнявшихся. Сіе составитъ третіе побужденіе къ ученью и сверхъ того преградить входъ въ государственную службу лицамъ, кои ввергаютъ ее въ нѣкоторое неуваженіе“.

Такъ, по мысли Сперанскаго, обезпечить широкіе успѣхи народному просвѣщенію нельзя было безъ кореннаго измѣненія основъ государственной службы, отиѣна же основного закона въ этой области, табели о рангахъ, должна была повлечь за собою измѣненія въ сословныхъ отношеніяхъ.

Возбудившій такое недовольство чиновничьей среды законъ 6-го августа 1809 года, помимо своего общаго и прямого значенія, какъ средства наполнить пустовавшіе университеты и поднять образовательный уровень чиновничества, пріобрѣталъ еще, въ частности, особое значеніе кары дворянству за его уклоненіе отъ высшаго, университетскаго образованія. Въ самомъ дѣлѣ, требованіе образовательнаго ценза для государственной службы, пріобрѣтаемаго въ высшей *ассесловной* школѣ, не могло не умалять вѣса сословныхъ привилегій дворянства въ сферѣ государственной службы. Новый порядокъ чиновничества ставилъ служебную карьеру дворянина въ зависимость отъ условій, общихъ для лицъ всѣхъ сословій, допускаемыхъ въ университеты.

Какъ подѣйствовалъ законъ 6-го августа 1809 года на дворянство? Насколько увеличился съ этого времени притокъ въ университеты „благородной“ молодежи? Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ трудно отвѣтить точными цифровыми данными: не сохранилось систематически подобранныхъ свѣдѣній о сословномъ составѣ университетскихъ слушателей того времени. Данные, которыми мы располагаемъ, не позволяютъ сдѣлать какихъ либо точныхъ выводовъ.

Законъ 6-го августа 1809 года, согласно съ духомъ всей учебной реформы, имѣлъ цѣлью привлечь дворянскую молодежь къ высшему образованію не перспективой какихъ либо новыхъ преимуществъ по службѣ, а, наоборотъ, подчиненіемъ служебной карьеры дворянства условіямъ образовательнаго ценза, чуждымъ совершенно какой либо сословной тенденціи. Это новое средство возбудить образовательные интересы дворянства шло въ разрѣзъ съ традиціями XVIII вѣка, пріучавшими дворянство смотрѣть на школу, на образованіе прежде всего, какъ на источникъ разныхъ авантажей по службѣ. Эти старыя

традиціи стали вновь оживать, когда практическое осуществленіе учебной системы по уставамъ 1803—1804 годовъ встрѣтилось съ серьезными препятствіями и явилась возможность усомниться въ цѣлесообразности самыхъ типовъ общеобразовательной сословной школы.

Возрожденіе сословныхъ традицій выразилось, прежде всего, въ учрежденіи благородныхъ пансіоновъ при сословныхъ школахъ. Будучи сначала лишь воспитательными учрежденіями, нѣкоторые благородные пансіоны постепенно выходили за предѣлы своего прямого назначенія и превращались въ самостоятельныя учебныя заведенія, курсъ которыхъ соединялъ элементы средняго и высшаго образованія, въ томъ числѣ науки, прямо готовившія дворянскую молодежь къ службѣ. Таковы были благородные пансіоны при Московскомъ университетѣ и С.-Петербургскомъ главномъ педагогическомъ институтѣ. Оба пансіона имѣли цѣлью не только готовить своихъ воспитанниковъ къ высшему специальному образованію, но и выпускать прямо въ гражданскую службу, даже съ особыми преимуществами, съ чинами 14—10 классовъ (по закону 14-го февраля 1818 года). На подобныхъ же основаніяхъ организовались и общеобразовательныя школы особаго типа, „гимназіи вышнихъ наукъ“ или „лицей“. Это были также учебно-воспитательныя заведенія, соединявшія въ себѣ гимназическій и сокращенный университетскій курсы. Особенно характерной была постановка въ нихъ высшаго курса, представлявшаго собою не что иное, какъ „пріготовительный курсъ“ въ университетахъ, т. е. кругъ наукъ, „которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, какой бы родъ жизни и какую службу ни избрали“. Этотъ-то кругъ „пріготовительнаго“ университетскаго образованія, дополненный нѣкоторыми специальными науками, необходимыми непосредственно для гражданской или военной службы, представлялся совершенно достаточнымъ для массы дворянства, не стремившейся къ профессіямъ, требовавшимъ высшаго специального образованія, гражданского или военного. Высказывалось мнѣніе, что и вообще скромные лицей могли бы по условіямъ русской жизни замѣнить собою заведенные на широкую ногу, но пустовавшіе университеты. „Не университеты нужны намъ, писалъ въ 1811 году Сперанскому графъ В. П. Кочубей, когда въ нихъ некому и учиться, а

¹⁾ Бумаги М. М. Сперанскаго въ арх. мн. нар. пресв., к. 165.

особливо университеты на нѣмецкую статью, но училища первыя и вторыя... Система лицеевъ есть самая лучшая, какую для Россіи принять можно“¹⁾).

Учрежденіе благородныхъ пансіоновъ и лицеевъ не было подчинено какому либо одному общему законоположенію. Каждое изъ этихъ заведеній отмѣчено было извѣстнымъ своеобразиемъ. Но въ общемъ ходѣ ихъ возникновенія и развитія ясно выступаетъ одна господствующая тенденція: это реакція противъ основного принципа учебной реформы 1803—1804 годовъ, принципа *всесословности*, стремленіе открыть дворянской молодежи болѣе короткіе и гладкіе пути къ государственной службѣ, на которую дворянство издавно привыкло смотрѣть, какъ на свою сословную привилегію.

Обращаемся теперь къ изученію условій, въ какія поставлена была въ университетахъ молодежь другихъ сословій.

IV.

Какъ было показано выше, уставъ училищъ, подвѣдомственныхъ университетамъ, категорически утверждалъ *всесословность* низшей и средней школы, не упоминая ни о какихъ исключеніяхъ и ограниченіяхъ. Между тѣмъ на практикѣ возникали по этому вопросу сомнѣнія. Расскажемъ одинъ, очень характерный эпизодъ. Въ 1813 году графъ И. А. Безбородко пожелалъ опредѣлить въ Новгородсѣверскую гимназію своего крѣпостного мальчика. Училищный комитетъ Харьковскаго университета, разсматривавшій это дѣло, счелъ нужнымъ обратиться за разъясненіемъ въ министерство и 13-го сентября получилъ отъ имени министра графа Разумовскаго слѣдующій отвѣтъ: „какъ въ гимназій обучаются, большею частью, дворянскія и другихъ лучшихъ состояній дѣти, то мое мнѣніе то, что не совсѣмъ прилично было бы принимать въ гимназію господскихъ людей. тѣмъ болѣе, что для нихъ, кажется, достаточно ученья, преподаваемого въ уѣздныхъ училищахъ, и какъ графъ Безбородко желаетъ дать дальнѣйшее образованіе упомянутому мальчику, то, можетъ быть, намѣренъ лучше устроить участь его и отпустить его на волю и, если это есть намѣреніе графа Безбородко, въ такомъ случаѣ означенный мальчикъ въ гимназію принять быть можетъ, не прежде, однакожъ, какъ представивъ увольнительное о свободѣ своей свидѣтельство. Впредь же о по-

¹⁾ С. В. Рождественскій, Историч. обзоръ дѣятельности минист. нар. просв., стр. 74—76, 139—144.

добныхъ случаяхъ комитетъ имѣетъ каждый разъ дѣлать миѣ особыя представленія“¹⁾).

Итакъ, по миѣнію министерства, крѣпостные люди могли поступать въ гимназін, а, слѣдовательно, и въ университеты, какъ исключенія, съ особаго каждый разъ разрѣшенія высшей администраціи. Высказанные графомъ Разумовскимъ мотивы этого стѣсненія крайне субъективны и шатки: крѣпостнымъ людямъ *неприлично де* быть вмѣстѣ съ дворянами и „другихъ лучшихъ состояній“ дѣтьми; для нихъ *кажется* достаточнымъ ученье въ уѣздныхъ училищахъ....

За вопросомъ о крѣпостныхъ людяхъ стоялъ общій вопросъ о допущеніи въ университеты лицъ „несвободныхъ состояній“, т. е. податныхъ классовъ. Университетскій уставъ, какъ мы видѣли, не далъ вполне яснаго отвѣта на этотъ вопросъ, и само министерство въ первые годы по изданіи устава колебалось въ его разрѣшеніи. Такъ, напримѣръ, въ 1808 году Харьковскій университетъ представилъ на усмотрѣніе министерства прошеніе вольнослушателя Порохонцева, изъ купеческаго званія, о принятіи его въ число своекоштныхъ студентовъ. Университетъ просилъ при этомъ случаѣ дать ему общее разрѣшеніе принимать въ студенты, своекоштные и казеннокоштные, тѣхъ лицъ купеческаго званія, которые учились въ гимназіяхъ съ отлѣннымъ успѣхомъ и показали хорошія дарованія. Представляя это ходатайство университета на разсмотрѣніе Главнаго правленія училищъ, попечитель округа, съ своей стороны, указывалъ на то, что всѣ мѣры къ привлеченію студентовъ въ университетъ были мало-успѣшны, что большая часть оканчивающихъ курсъ стремится на государственную службу, но указъ 30-го іюля 1798 года запрещаетъ принимать въ нее лицъ податныхъ состояній безъ представленія о томъ Сенату. Главное правленіе дало на это ходатайство Харьковскаго университета уклончивый отвѣтъ. Ссылаясь на указъ 1798 года, оно „не приступило къ испрошенію дозволенія на принятіе въ студенты изъ вышеозначенныхъ (податныхъ) званій, предоставляя университету руководствоваться въ семъ обстоятельствѣ изданными для онаго Высочайшими постановленіями“²⁾).

Возбужденный Харьковскимъ университетомъ вопросъ еще нѣкоторое время оставался въ неопредѣленномъ положеніи, тѣмъ болѣе,

¹⁾ Сборн. расп. по минист. нар. прось., т. I, № 96.

²⁾ Арх. мин. нар. прось., журн. главн. правл. училищъ, 1808 г., 9-го іюля. ст. IX.

что указомъ 13-го іюня 1810 года повелѣно было пріостановить представленія объ утвержденіи въ статской службѣ состоящихъ въ подушномъ окладѣ и ожидать по этому предмету новыхъ правилъ. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1811 году, 10-го ноября, вопросъ о допущеніи лицъ податныхъ состояній въ университеты разрѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ, въ духъ всей учебной реформы. Приводимъ этотъ чрезвычайно важный указъ цѣликомъ:

„Учрежденіемъ въ Имперіи Нашей университетовъ желали Мы доставить *подданнымъ всѣхъ состояній* почерпнуть въ нихъ познанія въ высшей степени. Сими открыли Мы поприще для усовершенія талантовъ отличныхъ; но однимъ вступленіемъ въ университеты Мы не имѣли намѣренія освободить состоянія, въ окладѣ положенныя, отъ общей имъ повинности: ибо сіе вступленіе не представляетъ еще отечеству члена, образованнаго по намѣренію Нашему. По сему уваженію и въ разрѣшеніе недоумѣній, возникшихъ между начальствами, повелѣваемъ: студентовъ, поступающихъ въ университеты изъ состояній, въ окладѣ положенныхъ, и кои бы пожелали посвятить себя ученому званію или же военной и гражданской службѣ, исключать изъ оклада не прежде, какъ по окончаніи ими полнаго курса ученія въ университетахъ; о чемъ начальство учебное, согласно изъявленному отъ нихъ желанію, всякій разъ имѣетъ представлять Правительствующему Сенату“ ¹⁾.

Указъ 10-го ноября 1811 года имѣлъ, прежде всего, большое положительное значеніе. Онъ окончательно подтверждалъ принципъ всесословности новой системы просвѣщенія на всѣхъ ея ступеняхъ какъ низшихъ, такъ и высшихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ санкціонировалъ новую роль образованія, какъ условія пріобрѣтенія правъ государственной службы, конкурирующаго съ сословной привилегіей. Но съ другой стороны указъ 10-го ноября 1811 года имѣлъ и отрицательный результатъ, послуживъ поводомъ къ ряду весьма существенныхъ стѣсненій и ограниченій правъ учащихся изъ податныхъ состояній.

Требованіе, чтобы студенты, принадлежащіе къ податнымъ состояніямъ, исключались изъ оклада не прежде окончанія ими полнаго университетскаго курса, само по себѣ ни въ чемъ не стѣсняло положенія этихъ студентовъ во время пребыванія ихъ въ университетѣ, сравнительно со студентами привилегированныхъ состояній, и, можно даже сказать, еще рѣзче отгѣняло всесословный характеръ высшей

¹⁾ Сборн. постан. по мян. нар. просв., т. I, № 241.

общеобразовательной школы. Но очень скоро, въ министерство графа Разумовскаго, положеніе студентовъ изъ податныхъ классовъ значительно измѣнилось къ худшему, и не въ силу закона, а по распоряженіямъ министерства.

Въ декабрѣ 1811 года правленіе Харьковскаго университета обратилось къ министру съ вопросомъ, какъ должны быть именуемы учащіеся изъ податныхъ классовъ и можно ли принимать недостаточныхъ изъ нихъ на казенное содержаніе? Правленіе указывало, что въ законѣ 10-го ноября 1811 года они названы „студентами“; по силѣ же § 116-го утвердительной грамоты Харьковскому университету студенты имѣютъ право носить шагу, — право, принадлежащее только свободнымъ состояніямъ. Между тѣмъ учащіеся изъ податныхъ классовъ до окончанія ими полнаго курса не могутъ называться свободными, а, слѣдовательно, и „наименованіе университетскаго студента въ полномъ его значеніи причестствовать имъ не можетъ“. Министръ отвѣтилъ, что учащихъся изъ податныхъ состояній „можно именовать вольными слушателями; въ прочемъ, принимать ихъ на казенное содержаніе и давать дозволеніе носить шагу не должно“ ¹⁾. Черезъ нѣкоторое время это частное распоряженіе по Харьковскому университету обращено было въ общее правило.

Циркуляромъ 16-го марта 1814 года графъ Разумовскій предписалъ именовать учащихся изъ податныхъ состояній не студентами, а вольнослушателями. „Легко можетъ случиться, гласилъ циркуляръ, что таковые (молодые люди), не окончивъ еще ученія, будучи уволены изъ университета съ наименованіемъ ихъ въ аттестатахъ студентами, будутъ искать переименованія ихъ въ чины, студентамъ присвоенные, и, получивъ оныя, содѣлаются свободными отъ окладовъ; тогда происшедшее въ семъ случаѣ недоразумѣніе будетъ падать на счетъ университетовъ, отъ которыхъ даны въ упомянутой силѣ аттестаты. Для избѣжанія сего лучше называть таковыхъ вольными слушателями. Когда же они окончатъ полный курсъ ученія въ университетѣ и пожелають посвятить себя ученому званію или же военной и гражданской службѣ, въ такомъ случаѣ для исключенія ихъ изъ оклада поступать на основаніи Высочайшаго указа, въ 10-й день ноября 1811 года о таковыхъ состоявшагося“ ²⁾.

Переименованіемъ студентовъ, принадлежавшихъ къ податнымъ

¹⁾ Арх. мин. нар. просв., к. 203, д. 9187.

²⁾ Сборн. расц. по мин. нар. просв., т. I, № 110.

состояніямъ, въ вольнослушатели еще не достигалось раздѣленіе учащихся на двѣ сословныя группы, такъ какъ въ число вольнослушателей поступали и дворяне; такъ, напримѣръ, въ Казанскомъ университетѣ въ 1820 году, по донесенію Магницкаго, изъ 21 вольнослушателя 8 были потомственные или личные дворяне; „слѣдовательно, объяснялъ Магницкій, званіе вольныхъ слушателей, принадлежащее состояніямъ, податными обложеннымъ, перешло въ продолженіи времени и на тѣхъ, коимъ оно не причлещтуетъ“.

Что же побуждало дворянъ поступать въ число вольнослушателей? По личнымъ наблюденіямъ Магницкаго, „пріемъ такъ называемыхъ вольныхъ слушателей былъ ничѣмъ инымъ, какъ способомъ проводить молодыхъ людей въ гражданскую службу съ чиномъ... Сія слушатели, бывъ приняты по особенному покровительству или связямъ и, просидѣвъ или, лучше сказать, числившись въ университетѣ три года, получаютъ потомъ, по весьма слабому экзамену, званіе студентовъ и такимъ образомъ поступаютъ въ службу съ чиномъ, но столь же бѣдными въ познаніяхъ, какими вступили и въ университетъ. Такимъ образомъ, разность въ названіяхъ (студента и вольнослушателя) допущенная, не другое что означала, какъ снисхожденіе къ недостатку пріготовительныхъ познаній, подъ именемъ слушателя не такъ видному“. Кроме того, по мнѣнію Магницкаго, вольнослушатели, не подчиненные строгому надзору университетскаго начальства, оказывали вредное вліяніе на студентовъ.

Сообщая всѣ эти свѣдѣнія и наблюденія министру князю Голицыну, Магницкій предложилъ принимать дворянъ только въ число действительныхъ студентовъ, и не иначе, какъ по строжайшемъ испытаніи, вольнослушателей же изъ податныхъ состояній допускать въ университеты лишь подъ условіемъ, чтобы они жили въ университетѣ и подчинялись всѣмъ правиламъ наравнѣ съ казенными студентами, внося и одинаковую съ послѣдними плату. Но принять послѣднее предложеніе Магницкаго значило бы совсѣмъ закрыть лицамъ податныхъ состояній доступъ въ университеты: это были, вѣдь, по большей части, бѣдняки, не имѣвшіе средствъ вносить высокую плату, равную суммѣ, опредѣленной на содержаніе казенныхъ студентовъ¹⁾. По этому именно соображенію князь Голицынъ согласился безусловно

¹⁾ Въ Казанскомъ университетѣ въ 1821 году, съ разрѣшенія Главнаго правленія училищъ, плата съ пансіонеровъ доведена была до 600 руб. ежегоднаго и 200 руб. единовременнаго взноса.

лишь съ первымъ предложеніемъ Магницкаго и 13-го іюня 1820 года разрѣшилъ принимать въ число вольнослушателей исключительно молодыхъ людей изъ податныхъ состояній, но только тѣхъ изъ нихъ помѣщать въ университетѣ вмѣстѣ съ казеннокоштными студентами подѣ общимъ съ послѣдними надзоромъ, которые могутъ платить положенную на содержаніе казенныхъ студентовъ сумму; остальные имѣли право посѣщать лекціи на прежнемъ основаніи и по окончаніи курса получать студентскіе аттестаты. Такъ въ Казанскомъ университетѣ учащіеся изъ податныхъ классовъ дѣйствительно выдѣлялись въ особую сословную группу¹⁾. На другіе университеты этотъ порядокъ, насколько намъ извѣстно, распространенъ не былъ.

Выдѣленіе въ особую сословную группу, подѣ названіемъ вольныхъ слушателей, и лишеніе права носить шпагу имѣло для учащихся изъ податныхъ состояній извѣстное моральное значеніе, ставя ихъ въ болѣе низкое положеніе сравнительно со студентами дворянами, какъ полноправными гражданами университета. Практически болѣе серьезное значеніе должно было имѣть запрещеніе принимать учащихся изъ податныхъ состояній на казенныя стипендіи. Какъ общая для всѣхъ университетовъ мѣра, это запрещеніе установлено было министерскимъ циркуляромъ 6-го сентября 1813 года. По словамъ циркуляра, „главная цѣль содержанія при университетѣ воспитанниковъ на казенномъ содержаніи есть та, чтобы по окончаніи ими ученія можно было употреблять ихъ на службу, въ которой они не менѣе 6-ти лѣтъ пробывать обязаны, дабы такимъ образомъ хотя нѣсколько вознаградить издержки, отъ казны на нихъ употребленныя. Посему въ студенты на казенное содержаніе не должны быть принимаемы изъ купческаго, мѣщанскаго и другихъ состояній, въ окладѣ положенныхъ: ибо учебное начальство, по несвободному ихъ состоянію, не могло бы располагать ими по окончаніи ихъ ученія“²⁾.

Это распоряженіе не оправдывалось, прежде всего, интересами самого учебнаго вѣдомства. Казенныя стипендіи являлись главнымъ средствомъ привлеченія кандидатовъ на учебную службу; студенты же изъ податныхъ классовъ составляли наиболѣе надежный, работающій элементъ, который охотнѣе другихъ шелъ на эту службу. Вотъ какъ, напримѣръ, высказалось по этому вопросу правленіе Виленскаго университета въ 1816 году: „изъ учениковъ, защищающихся титуломъ

¹⁾ Арх. мни. нар. проsv., к. 148, д. 4996. Сборн. распор., т. I, № 192.

²⁾ Сборн. распор., т. I, № 95.

дворянства, а паче богатыхъ, не столь много прилежить съ истиннымъ рвеніемъ къ достиженію совершеннаго знанія преподаваемыхъ имъ наукъ; напротивъ того, ученики, состоящіе въ сомнительномъ положеніи ихъ званія, а нѣкоторые и въ окладѣ, основывая все свое счастье и утверженіе ихъ жребія на наукахъ, посвящаются онымъ со всевозможнымъ усиліемъ и составляютъ большую часть отличающихся успѣхомъ, поведеніемъ и дарованіями студентовъ, и если проходящимъ нѣмъ затрудненіемъ преграждается имъ поощряющее ихъ поприще, то Виленискій университетъ лишится много отличнѣйшихъ учениковъ, а народное просвѣщеніе потерпитъ ощутительнѣйшій уронъ¹⁾.

Мотивируя заирощеніе принимать студентовъ изъ податныхъ состояній на казенныя вакансіи тѣмъ соображеніемъ, что „несвободное состояніе“ этихъ студентовъ не позволяетъ, будто бы, обязывать ихъ шестилѣтней учебной службой, министерство скоро впало въ противорѣчіе съ самимъ собою, предписавъ циркуляромъ графа Разумовскаго 8-го октября 1814 года обязывать студентовъ изъ податныхъ состояній шестилѣтней службой по учебному вѣдомству, которой по закону подлежали только казеннокоштные студенты. „Нерѣдко случается, говорилось въ этомъ циркулярѣ, что люди изъ состояній, въ окладѣ положенныхъ, просятъ объ исходатайствованіи имъ утвержденія въ службѣ по учебной части, которое по представленіямъ министерства просвѣщенія и получаютъ. Въ предупрежденіе, дабы таковыя, по исключеніи ихъ изъ окладовъ, въ скоромъ времени не переходили въ другой родъ службы, прошу распорядить, дабы при опредѣленіи ихъ брать съ нихъ всегда подписки, что обязываются они службу по учебной части продолжать не менѣе шести лѣтъ“²⁾.

Такъ при графѣ Разумовскомъ рядомъ министерскихъ распоряженій, далеко несогласныхъ съ закономъ, студенты, принадлежавшіе къ податнымъ состояніямъ, перестали быть полноправными гражданами университета и низведены были на степень лишь терпимаго соціальнаго элемента. Но наложенныя на нихъ ограниченія такъ не соответствовали общему духу учебной реформы и интересамъ самого учебнаго вѣдомства, что не могли быть долговѣчны.

При князѣ Голицынѣ студенты изъ податныхъ состояній освобождены были, по инициативѣ Московскаго попечителя князя Оболен-

¹⁾ Арх. мин. нар. просв., к. 206, д. 9360.

²⁾ Сборн. распор., т. I, № 121.

скаго, отъ обязательной шестилѣтней учебной службы. „Изъ опытовъ дознано, представлялъ князь Оболенскій министру, что такое шестилѣтнее обязательство удаляетъ отъ учебной службы молодыхъ людей съ хорошими талантами, особенно по отвращенію ихъ къ учительской должности въ уѣздныхъ училищахъ“. Князь Голицынъ справедливо призналъ установленную его предшественникомъ мѣру несогласной съ закономъ и 23-го апрѣля 1819 года предписалъ обязывать шестилѣтней выслугой по учебной части только 1) казеннокоштныхъ студентовъ и 2) лицъ изъ податныхъ классовъ, необучавшихся въ казенныхъ училищахъ, но принимаемыхъ прямо въ учителя рисованія и т. под. предметовъ. Князь Голицынъ допустилъ даже большее. Своекосптнымъ студентамъ предоставлена была полная свобода не только продолжать службу по учебной части, сколько пожелають, но и „не вступать даже вовсе въ оную, *хотя бы и изъ подушнаго оклада освобождены были*, поелику вышеупомянутымъ Высочайшимъ указомъ (10-го ноября 1811 года) предоставлено сію имъ совершенно на волю“; требовалось только, чтобы они непременно выслушали весь курсъ ученья ¹⁾.

Въ томъ же 1819 году отчасти возстановлено было право лицъ изъ податныхъ состояній поступать на казенныя стипендіи въ университетахъ. Въслѣдствіе недостатка врачей въ Имперіи разрѣшено было принимать въ университеты, въ число казенныхъ медицинскихъ воспитанниковъ, молодыхъ людей изъ податныхъ классовъ, подъ условіемъ исключенія ихъ изъ подушнаго оклада лишь послѣ успѣшнаго окончанія курса и полученія врачебнаго званія ²⁾. Этотъ указъ устанавливалъ, какъ видно, лишь исключеніе изъ общаго правила, запрещавшаго принимать лицъ изъ податныхъ состояній на казенныя стипендіи въ университетахъ. Закона или министерскаго распоряженія, прямо отмѣнявшаго это общее правило, не сохранилось. Но, повидимому, само министерство уже не придавало ему серьезнаго значенія, и оно было постепенно забыто. Въ 1827 году министръ А. С. Шишковъ, представляя Сенату ходатайство Казанскаго университета о принятіи на казенную вакансію по медицинскому факультету отпущеннаго капитаномъ Радицевымъ двороваго челоуѣка, испрашивалъ общее разрѣшеніе принимать въ университеты какъ на казенное, такъ и на своекоштное, содержаніе отпущенныхъ на волю помѣщиками

¹⁾ Сборн. распор., т. I, № 169. Арх. мин. нар. пр., к. 207, д. 9395.

²⁾ Сборн. постанов., т. I, № 432, 454.

людей. При этомъ Шишковъ ссылаясь на указы 10-го ноября 1811 года и 29-го ноября 1819 года и вовсе умалчивалъ о распоряженіи 6-го сентября 1813 года. Сенатъ призналъ мнѣніе Шишкова „весьма правильнымъ“ и утвердилъ право вольноотпущенниковъ поступать въ университеты на казенное содержаніе ¹⁾. Какія же послѣ того оставались основанія лишать этого права вообще лицъ податныхъ состояній?

Также постепенно долженъ былъ потерять практическое значеніе терминъ „вольнотрушателя“, какъ сословное наименованіе учащихся изъ податныхъ состояній. Послѣ указа 6-го августа 1809 года въ университетахъ появился новый разрядъ „постороннихъ“ слушателей, т. е. чиновниковъ, посѣщавшихъ устроенные для нихъ особые курсы для приготовленія къ экзаменамъ на чины. Эти слушатели, въ свою очередь, дѣлились: 1) на „слушающихъ курсы, ими избранные, постоянно и потому имѣющихъ право получать по окончаніи курсовъ свидѣтельство, если будутъ неупустительно посѣщать оныя“ и 2) на „посѣщающихъ курсы, по разнымъ причинамъ, непостоянно“ ²⁾. Актъ „Первоначальнаго образованія С.-Петербургскаго университета“ 8-го февраля 1819 года допускалъ въ университетъ „вольноучащихся“ или „вольныхъ студентовъ“, имѣвшихъ цѣлью приобрѣтеніе теоретическихъ познаній, необходимыхъ для разныхъ отраслей государственной службы, и противопологалъ этихъ вольноучащихся казеннымъ студентамъ ³⁾. Въ 1820 году для приѣма вольныхъ студентовъ „по экзамену или по аттестату отъ того заведенія, за которое университетъ самъ отвѣтствовать долженъ“, были установлены особыя правила, не распространенныя, однако, на желающихъ слушать публичные курсы, „не требуя ни званія студенческаго, ни выгоды, съ симъ званіемъ и съ симъ аттестатомъ сопряженныхъ“ ⁴⁾. Такимъ образомъ наименованія вольноучащагося, вольнотрушателя, вольнаго студента съ теченіемъ времени получили очень широкое значеніе. Подъ это наименованіе подходили и всѣ вообще своекоштные студенты, свободные отъ обязательствъ, которыми были связаны студенты казенные, и посторонніе слушатели отдѣльныхъ курсовъ, не искавшие никакихъ дипломовъ и ученыхъ степеней, и, наконецъ, чиновники, готовившіеся къ экза-

¹⁾ Сборн. распор., т. I, № 282.

²⁾ Сборн. распор., т. I, № 49.

³⁾ Сборн. постап., т. I, № 427.

⁴⁾ Сборн. распор., т. I, № 182.

менамъ по указу 6-го августа 1809 года. При такомъ широкомъ значеніи наименованіе вольнослушателя не представляло уже ничего характернаго въ примѣненіи къ учащимся изъ податныхъ состояній, какъ особой сословной группѣ, когда эта группа получила вновь всѣ права настоящихъ студентовъ.

V.

Среди университетскихъ слушателей—разночинцевъ особое положеніе занимали питомцы духовной школы, семинаристы. Въ теченіе всего XVIII вѣка правительство каждый разъ обращалось къ воспитанникамъ духовныхъ академій и семинарій, когда надо было налаживать новыя высшія общеобразовательныя школы: семинаристы были наиболѣе надежными и способными учениками академическаго университета и гимназій; семинаристы составили первый комплектъ студентовъ Московскаго университета, въ началѣ его существованія; наконецъ, силою изъ семинаристовъ состояла учительская гимназія при императрицѣ Екатеринѣ II, давшая возможность покрыть Россію свѣтло народныхъ училищъ. Всѣ эти успѣхи семинаристовъ въ свѣтскихъ школахъ XVIII в. утверждали взглядъ на воспитанниковъ духовной школы, какъ на наиболѣе надежный, наиболѣе подготовленный социальный элементъ для высшей свѣтской школы, особенно школы, готовящей къ педагогической дѣятельности. А между тѣмъ одною изъ первыхъ практическихъ задачъ университета начала XIX вѣка было именно подготовленіе учительскаго персонала для училищъ его округа.

Одновременно съ изданіемъ Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія (24-го января 1803 г.) послѣдовало Высочайшее повелѣніе Св. Синоду отпустить, по своему усмотрѣнію, „то число семинаристовъ, какое по требованію министра просвѣщенія окажется нужнымъ для наполненія учительскихъ мѣстъ въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ“. Но свобода поступленія семинаристовъ въ университетъ для приготовленія къ педагогической дѣятельности должна была встрѣтить стѣсненія со стороны общихъ узаконеній о правѣ лицъ духовнаго званія на вступленіе въ гражданскую службу и о выходѣ изъ духовнаго званія. Какъ разъ въ то время, о которомъ идетъ теперь рѣчь, т. е. въ первые годы XIX столѣтія, выходъ изъ духовнаго званія былъ обставленъ большими стѣсненіями. Въ 1800 года при императорѣ Павлѣ было постановлено, чтобы „впредь безъ особаго повелѣнія государя изъ духовнаго званія въ другія мѣста отнюдь не

поступали“. Въ 1803 году епархіальные архіереи получили предписаніе „удерживаться отъ представленія Синоду прошеній“ лицъ, желающихъ выйти изъ духовнаго званія. Въ слѣдующемъ году, 30-го сентября, министерство народнаго просвѣщенія получило черезъ синодальнаго оберъ-прокурора Высочайшее повелѣніе „о неприниманіи учителей и учениковъ духовнаго вѣдомства безъ увольненія отъ Св. Синода“. Черезъ нѣсколько лѣтъ новое стѣсненіе. 23-го декабря 1813 года Сенатъ разрѣшилъ принимать въ гражданскую службу только тѣхъ, уволенныхъ духовнымъ начальствомъ, священно- и церковно-служителей и ихъ дѣтой, которые окончили полный курсъ ученія въ семинаріяхъ и получили аттестаты о своихъ научныхъ познаніяхъ и доброй нравственности, при чемъ аттестаты должны были поступать на разсмотрѣніе Сената. Указъ этотъ оказался очень стѣснительнымъ для учебнаго вѣдомства, которое дорожило и не кончившими курса семинаристами, принимая ихъ, по надлежащемъ испытаніи, въ среднія и высшія школы и даже прямо опредѣляя къ учительскимъ должностямъ въ приходскія и уѣздныя училища. Министръ гр. Разумовскій просилъ Сенатъ не распространять силы указа на лицъ духовнаго званія, поступающихъ для довершенія образованія въ высшія свѣтскія училища, а равно и на опредѣляемыхъ на учительскія мѣста въ гимназій, уѣздныя и приходскія училища. Сенатъ не согласился и 31-го января 1815 года подтвердилъ, что правиламъ 1813 года должны подчиняться всѣ вообще лица, увольняемые изъ духовнаго званія, „поселику и назначаемыя имъ мѣста въ учебныхъ заведеніяхъ и должности учительскія вообще составляютъ гражданскую службу“. Но въ томъ же году, 9-го сентября, это постановленіе было отмѣнено положеніемъ Комитета министровъ: „для облегченія пріема въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія людей, уволенныхъ изъ духовнаго званія, помѣщаемыхъ къ учительскимъ должностямъ и поступающихъ въ число воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній“, министерству разрѣшено было самому опредѣлять ихъ на мѣста безъ предварительнаго представленія о томъ Сенату ¹⁾.

Присутствіе семинаристовъ въ университетахъ подало поводъ установить по отношенію ко всѣмъ вообще учащимся разночинцамъ весьма суровую дисциплинарную мѣру, которая впервые была примѣнена комиссіей о народныхъ училищахъ въ учительской семинаріи. Не только воспитанниковъ семинаріи „породою изъ церковниковъ“, но

¹⁾ Сборн. постанов., I, №№ 276, 289. Арх. мин. нар. просв., к. 206, л. 9348.

даже выпущенныхъ изъ нея учителей, состоявшихъ на службѣ, „за невоздержанное житіе“, „за развратное поведеніе и важныя преступленія“ комиссія неоднократно отсылала въ военную коллегію для записанія въ солдаты ¹⁾. Эта же мѣра примѣнялась и къ казеннымъ воспитанникамъ С.-Петербургскаго педагогическаго института, которые въ большинствѣ тоже набирались изъ семинаристовъ. По истинѣ трагическимъ было положеніе казеннокоштнаго студента-семинариста, признаннаго нетерпимымъ въ свѣтской школѣ: духовное начальство не принимало его обратно на томъ основаніи, что „негодный къ другимъ званіямъ тѣмъ болѣе долженъ быть неспособенъ къ званію служителя церкви“; начальство свѣтское рассуждало, что казеннокоштные студенты изъ семинаристовъ, „стоившіе казніи значущихъ издержекъ и вознаграждѣніемъ за оныя службою, къ коей приготавливались, по своему поведенію сдѣлавшіеся неспособными, могутъ, по крайней мѣрѣ, заплатить оныя службою военною; исключать же ихъ безъ одобрительныхъ аттестатовъ значило бы, съ одной стороны, дѣйствовать противъ выгодъ правительства, потратившаго на воспитаніе ихъ свое иждивеніе, съ другой—оставить ихъ на произволъ судьбы и извергнуть въ общество примѣръ разврата и соблазна другимъ, между тѣмъ какъ подъ строгою военною дисциплиною могли бы они быть полезны и даже исправиться“. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, графъ Разумовскій 21-го апрѣля 1811 года испросилъ Высочайшее повелѣніе: казенныхъ воспитанниковъ и студентовъ высшихъ училищъ, не только изъ духовнаго званія, но разночинцевъ вообще, „развратнаго поведенія и уличенныхъ въ важныхъ преступленіяхъ“, отсылать въ военную службу, о дворянахъ же представлять на благоусмотрѣніе Государя ²⁾.

Мы прослѣдили рядъ мѣропріятій, регулировавшихъ сословный составъ учащихся въ русскихъ университетахъ первой четверти XIX вѣка. Эти мѣропріятія еще не выражали собою принципиальнаго отрицанія бессословности высшаго, университетскаго образованія. Они вытекали изъ необходимости согласовать уставы 1804 года, открывавшіе питомцамъ университетовъ, независимо отъ ихъ сословнаго про-

¹⁾ *Графъ Д. А. Толстой*, Городскія училища въ царствованіе Имп. Екатерины II, стр. 112.

²⁾ Сборн. постанов., I, № 212, 215.

исхожденія, доступъ на государственную службу, съ тѣми узаконеніями, которыя стремились по возможности ограничить приливъ на государственную службу лицъ податныхъ состояній. Но изученныя нами мѣры сами по себѣ дѣйствовали не долго и не привели къ какимъ либо прочнымъ результатамъ. Какъ ни поощрялась дворянская молодежь ко вступленію въ университеты, какими стѣсненіями ни обставлялся путь высшаго образованія для непривилегированныхъ классовъ, университетъ остался широкою дверью, черезъ которую, по удачному выраженію профессора Ключевскаго, „общественныя силы переливались снизу наверхъ“. Удостоверенная опытомъ нецѣлесообразность частичныхъ мѣропріятій, описанныхъ въ настоящей статьѣ, показывала, что желаемая цѣль,—стѣснить по возможности выходъ, черезъ средство образованія, изъ низшихъ сословій въ высшія,—могла быть достигнута только рѣшительнымъ шагомъ противъ самого принципа безсословности высшаго, университетскаго образованія. Этотъ шагъ въ сторону возстановленія традицій сословнаго образованія былъ сдѣланъ въ царствованіе Николая I, но и онъ не привелъ къ желаемому результату.

С. Роддественскій.

ТОМА КАМПАНЕЛЛА ¹⁾.

III.

Своимъ спасеніемъ Кампанелла былъ главнымъ образомъ обязанъ тому, что юридически былъ подчиненъ и курии. Какъ уже было сказано, папа назначилъ комиссію, которая должна была вести слѣдствіе по обвиненію Кампанеллы въ ереси. Кампанелла упорно отрицалъ свою вину, но свидѣтели дали достаточный матеріалъ для его обвиненія. Тогда защита объявила, что Кампанелла не можетъ быть судимъ, такъ какъ онъ сумасшедшій, что засвидѣтельствовали 10 свидѣтелей и сторожъ. Кампанелла продолжалъ упорствовать, несмотря на 36-тичасовую пытку „veglia“ ²⁾. Свѣтская власть неоднократно требовала прекращенія процесса по обвиненію въ ереси, для того, чтобы можно было вынести приговоръ по обвиненію въ мятежъ, монастырскій же судъ раздумывалъ, не послать ли Кампанеллу въ Римъ ³⁾.

Удивительно, что это время было чрезвычайно продуктивно для Кампанеллы въ литературномъ отношеніи, и при томъ онъ писалъ не только для защиты себя. Многіе стихи, написанные въ это время, относятся къ его лучшимъ произведеніямъ ⁴⁾. Въ нихъ мы находимъ исторію души автора и знакомимся съ его высшими стремленіями, вытекавшими изъ его философіи; въ то же время они имѣли цѣлью

¹⁾ *Продолженіе*. См. январскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1907 годъ.

²⁾ О заточеніи см. Амабиле, т. V, тамъ же и о пригнѣненіи „veglia“ стр. 217 сл.

³⁾ Поведеніе курии въ этомъ процессѣ описательно освѣщено у Rimeri въ т. м. 59—61; тамъ же отчасти сообщено и сужденіе Амабиле, VI, стр. 549 и сл..

⁴⁾ Новые данныя у д'Анкона, многочисленныя дополненія у Амабиле.

укрѣпить и ободрить его товарищей по заключенію ¹⁾. Поэтому нельзя обойти ихъ молчаніемъ. Въ нихъ мы находимъ жалобу на расплывчатость людскихъ отношеній и на неспособность человѣческаго разума улучшить ихъ. А между тѣмъ необходима всеобщая реформа и болѣе всего въ Италіи, которая на нашихъ глазахъ истекаетъ кровью. Какъ же можетъ сердце поэта, горячо сочувствующее всѣмъ угнетеннымъ, не страдать за свою страну и какъ могутъ его глаза не искать средства къ спасенію? Но ни Польша, ни Венеція, ни Швейцарія не представляютъ удовлетворительныхъ образцовъ: и вообще народъ плохой матеріалъ. Мысль о неудачѣ вызываетъ въ душѣ поэта смѣняющіяся настроенія: отчаяніе, отреченіе, смиреніе, покорность, мысль о самоубійствѣ, послѣднее, однако, онъ признаетъ бессмысленнымъ, и въ его сердце возвращаются миръ и радость, которыя онъ желаетъ сообщить и своимъ товарищамъ: свобода, за которую они вмѣстѣ боролись, такъ возвышаетъ духъ, что физическая боль кажется наслажденіемъ, богатство—несчастьемъ ²⁾. Славная смерть приравниваетъ людей богамъ, она даетъ избраннымъ душамъ сладкую свободу, безъ которой и рай не нуженъ, еще менѣе нужна жизнь при тѣхъ условіяхъ, противъ которыхъ они возстали, и все же они не возставали противъ короля и папы.

Всѣ народы страдаютъ отъ трехъ главныхъ золъ: тиранин, софистики и лицемѣрія; единственный источникъ золъ есть эгоизмъ, философія, которая будетъ руководить міромъ, должна быть освобождена отъ нихъ. А между тѣмъ мы видимъ, что эгоизмъ руководитъ не только людьми, но присущъ всему существующему. Ибо все оживотворено: Богъ пролилъ жизнь въ міръ. Но въ существующемъ сохранился остатокъ праха, это и надо изслѣдовать, изслѣдованіе природы—вышешняя задача. Это изслѣдованіе показываетъ, что самосохраненіе есть всеобщій принципъ, съ нимъ связанъ и эгоизмъ. И все же стремленіе къ самосохраненію не есть эгоизмъ: благодаря ему каждый и все имѣетъ свое мѣсто въ міровомъ процессѣ, въ которомъ Богъ самонаслаждается. Это представленіе есть вѣское доказательство безсмертія. Человѣкъ восходитъ къ Богу въ любви и черезъ любовь, которая безгранична, разрушаетъ всѣ преграды, и успокаивается только

¹⁾ Подробно разсмотрѣны эти сонеты у Э. Готтейма въ *Zeitschr. für Kultur*. 1894, стр. 52 сл. вмѣстѣ съ переводомъ 32 стихотвореній (въ числѣ ихъ и канцоны). Нѣкоторые сонеты очерчены и у М. Ковалевскаго въ *ук. м.* стр. 153, 154.

²⁾ *Амбиле*, V. 441, 551.

на мысли объ единствѣ людей, въ которомъ должно отражаться единство Бога.

Вотъ главные мысли поэтическихъ произведеній. Въ нихъ мы узнаемъ знакомыя намъ лейтмотивы его реформы, хотя и въ сонетахъ встрѣчаются противорѣчивыя мысли. Это объясняется тѣмъ, что узникъ не могъ высказываться вполне откровенно, даже въ поэтическихъ своихъ произведеніяхъ. Послѣ того, какъ Кампанелла выдержалъ пытку *veglia*, въ немъ снова возродилась надежда на освобожденіе. Тогда онъ принялся за небольшое произведеніе „Солнечный городъ“¹⁾, въ которомъ онъ изобразилъ предполагаемую имъ реформу внутри христіанско-католической церкви. Въ дѣйствительности это облеченный въ форму романа проектъ преобразования политическаго положенія²⁾, въ которому онъ стремился до заключенія и который не былъ имъ оставленъ. Съ основными мыслями мы уже знакомы; здѣсь мы ихъ находимъ дополненными и систематизированными. Уже въ первомъ, полемическомъ трудѣ его есть намекъ на поклоненіе солнцу; въ потерянныхъ юриалистическихъ произведеніяхъ онъ выступаетъ за вселенскую духовную власть, а въ „*Monarchia Hispanica*“ связываетъ ее съ законами природы. Такимъ образомъ „*Città del sole*“ созрѣвала постепенно и потому можетъ съ полнымъ правомъ считаться однимъ изъ значительнѣйшихъ произведеній Кампанеллы. Это произведеніе было первоначально написано на итальянскомъ языкѣ, затѣмъ дважды переработано и издано на латинскомъ, его полное заглавіе сохранилось только на нѣсколькихъ копияхъ, оно нѣсколько смягчаетъ смѣлость мысли. Въ немъ сказано, что книга содержитъ планъ реформы церковной общины на основаніи пророчествъ святой Екатерины и святой Бригитты³⁾. Это заглавіе съ одной стороны приводитъ направленіе всего сочиненія въ согласованіе съ защитительными рѣчами узника, съ другой стороны придаетъ содержанію книги дозволенную форму. Последнее настолько успѣшно, что Кампанелла дѣйствительно не имѣлъ никакихъ непріятностей изъ за этой книги. Но всякому вдумчивому читателю эта книга, въ которой сопоставлены всѣ основныя мысли Кампанеллы, покажется,

¹⁾ Ср. *Амабиле*, V, стр. 301 сл.

²⁾ *Амабиле* въ заключеніи тома, содержащаго документы, сопоставилъ особенно доказательныя черты; т. VI, стр. 609. *Illustrazione I: „Cenni della Città del sole et delle Questioni sull'ottima republica, in rapporto alle cose emerse nei processi della congiura e dell'eresia“.*

³⁾ Такъ напр., въ копіи въ *Cod. Ottobonianus* 791 fol. 91 a.

несмотря на ея умѣренную окраску, языческой и въ большей своей части антихристіанской.

Уже самое названіе напоминаетъ восточный Гелиополисъ. Да и самая идея образцоваго города заимствована изъ языческой философіи. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ Кампанелла называетъ эту книгу планомъ философской республики, а его издатель Адамичи сравниваетъ ее съ произведеніями Геродота и Платона ¹⁾. Конечно, не трудно замѣтить и различіе. Въ послѣднее время видятъ прототипъ Солнечнаго города въ сочиненіяхъ одного древняго писателя. Мы говоримъ о Путешествіи Имбула, которое изложено у Діодора во второй книгѣ его Библиотеки. Пѣльманъ ²⁾, комментирующій скудные и афористическія данныя Діодора, выводитъ изъ поклоненія солнцу названіе для всего государства „Солнечное государство“. Я нахожу, что это названіе вводитъ въ заблужденіе, а также и подробности пѣльмановскаго изложенія иногда недостаточно обоснованными ³⁾. Но невѣроятно, чтобы это произведеніе имѣло вліяніе на Кампанеллу, хотя Кампанелла и былъ хорошо знакомъ съ древней литературой, и именно эти нѣсколько главъ были въ XVI вѣкѣ нѣсколько разъ изданы ⁴⁾. Какъ

¹⁾ Въ первомъ изданіи Кампанелловскихъ *Realis Philos. epilogistica*, Frankfurt 1623; о его сужденіи см. Praefatio Адамичи с. 3.

²⁾ Послѣ того какъ на это произведеніе обратилъ вниманіе Rohde въ своемъ прекрасномъ трудѣ „Der griechische Roman“, краткое содержаніе его было дано неизвѣстнымъ авторомъ въ здраво написанномъ произведеніи „Schlaraffia politica. Geschichte der Dichtungen vom besten Staate“. Leipzig 1892, стр. 26, 27. Въ немъ онъ находитъ, въ противоположность произведенію Платона, стоическія черты, какъ напр., восхваленіе простаго естественнаго состоянія, а также черты, встрѣчающіяся въ позднѣйшихъ утопіяхъ: сѣбна труда, раздача пищи, занятіе астрологіей (стр. 28). Въ своей „Geschichte des antiken Communismus u. Socialismus“. Bd. II München 1901, стр. 70 сл. Пѣльманъ идетъ гораздо далѣе.

³⁾ Замѣтимъ, что по Діодору поклонились не только солнцу, но и небу и небеснымъ свѣтиламъ, но ни слова не сказано о женской общинѣ, а также и о формѣ правленія. Остается, слѣдовательно, экономическая организація, но она облечена въ такую сказочную форму, что на вопросъ, возбуждаемый Пѣльманомъ, рассчитывалъ ли Имбулъ на возможность дѣйствительнаго распространенія описанныхъ имъ учрежденій (стр. 82), слѣдуетъ, основываясь на сообщеніи Діодора, отвѣтить отрицательно.

⁴⁾ Пѣльманъ (въ ук. м. стр. 90) признаетъ также вліяніе Имбула на Оому Мора, такъ какъ соотвѣтственные параграфы у Діодора были многократно изданы во французскомъ и итальянскомъ переводахъ; онъ не приводитъ датъ, но ссылается на каталогъ Британскаго музея. Я не имѣю возможности провѣрить вѣроятности этого вліянія, но я считаю его недоказаннымъ. Чтобы придти къ своимъ реформаторскимъ идеямъ, Кампанелла не нуждался въ вымышленныхъ, считавшихся афористическими и къ

у Платона такъ и у Ямбула встрѣчаются объ основныя идеи Кампанеллы объ общемъ пользованіи имуществомъ и женами, но имъ придано иное значеніе.

Но развѣ христіанство отвергаетъ эти двѣ основныя мысли? Официальная церковь конечно, не смотря на указаніе въ дѣяніяхъ апостоловъ, потому что нельзя же считать образцомъ государственныхъ учрежденій монастыри, съ которыми сравниваютъ государство Кампанеллы, потому нельзя, что монастыри являются замкнутыми добровольными учрежденіями и въ нихъ отказываются отъ продолженія рода, что Кампанелла, напротивъ, считалъ самымъ важнымъ. Напротивъ, онъ придалъ вышеупомянутымъ идеямъ религіозное направленіе, связавъ ихъ, не смотря на ихъ крайнее направленіе, съ христіанствомъ, или противопоставивъ ихъ христіанству какъ очищенное язычество. Во второмъ и третьемъ вѣкахъ христіанской эры мы встрѣчаемъ оба направленія: у гностиковъ, приверженцевъ Карпократа и особенно его сына Эпифана; въ Кефалоніи въ ихъ общинахъ мы встрѣчаемъ важнѣйшія черты кампанелловскаго государства ¹⁾, мотивировка которыхъ близка къ точкѣ зрѣнія Кампанеллы. Одну черту, культъ солнца, мы находимъ у манихеевъ ²⁾. Иного рода сходство, хотя, можетъ быть, еще болѣе близкое, мы находимъ у Филострата въ его романѣ объ Аполлонѣ ³⁾, или еще въ специальномъ культѣ солнца въ III и IV вѣкахъ въ культѣ Митры ⁴⁾. Этотъ культъ есть непосредственный постулатъ всякаго натурализма, онъ встрѣчается у большинства первобытныхъ народовъ не только востока,

тому же сбивчивыхъ „Замѣткахъ путешественника“, и если бы Адами было извѣстно о такомъ вліаніи, онъ, конечно, кромѣ Геродота, Платона и Мора назвалъ бы и Ямбула.

¹⁾ У Климента Александрійскаго сохранился отрывокъ изъ сочиненія Эпифана о справедливости, въ которомъ мы читаемъ: Богъ далъ всѣмъ одинаковое право на пищу и имущество, онъ и жену далъ мужу въ общее употребленіе, этотъ естественный (божественный) законъ былъ разрушенъ человѣческимъ законодательствомъ (*Stromateis* L. III. C. II). О спорномъ вопросѣ относительно личности Эпифана см. Krüger въ *Herzogs Realencyclopädie für Protestant. Theol.* 3 Aufl. X стр. 98—99.

²⁾ О манихеяхъ см. изслѣдованія Кесслера *Mâni* и т. д. Берлинъ 1889; его же подробная статья (36 стр.) въ *Herzogs Realencycl.* 3 A. Bd. XII стр. 193 сл.

³⁾ Замѣчательно, что карпократіане рядомъ съ изображеніемъ Христа, Орфея и др. поставили изображеніе Аполлона. Романъ Филострата позднѣйшаго происхожденія (первая половина III вѣка).

⁴⁾ Эта древняя религія была въ послѣднее время предметомъ основательныхъ изслѣдованій, ср. также въ цитир. Кесслеромъ статьѣ, въ прим. 2.

но и запада, ставшихъ извѣстными послѣ открытія Колумба ¹⁾, и одинъ изъ величайшихъ новѣйшихъ натуралистовъ, Гете, принесъ ему въ дѣтствѣ свою главную жертву и затѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ постоянно почиталъ его какъ „самое сильное отероженіе высшаго, возможное для насъ дѣтей земли“ ²⁾.

Но и иной путь ведетъ къ культу солнца—космогоническая мистика Филона, Ареопагита, Іоахима де Фіоре; они видятъ за матерьяльной стороной солнечной теплоты духовно-нравственное содержаніе. И это обстоятельство гарантируетъ доктринамъ Кампанеллы безопасность отъ чрезмѣрнаго преслѣдованія со стороны церкви.

Такъ какъ натуралистическія воззрѣнія Кампанеллы почерпнуты изъ натурализма XVI вѣка, т. е. изъ направленія, опирающагося на старыя языческія мировоззрѣнія, въ противоположность спиритуализму среднихъ вѣковъ, то намъ становится понятнымъ вліяніе выше приведенныхъ мотивовъ на мировоззрѣніе философа возрожденія. Но этимъ не все еще сказано. Слѣдуетъ допустить и новѣйшія восточныя вліянія, представляющія продолженіе эпохи просвѣщенія Фридриха II Гогенштауфена и магометанства. Эти натуралистически-атеистическія воззрѣнія, особенно ярко выраженные въ книгѣ *de tribus impostoribus* ³⁾, своеобразно соединились въ Кампанеллѣ съ ученіемъ средне-вѣковыхъ апокалиптиковъ и ихъ хилиазмомъ ⁴⁾, затѣмъ съ еврейскимъ мессіанизмомъ ⁵⁾ и съ процвѣтавшимъ въ то время увлеченіемъ астрологіей.

Первое — язычество было дано въ расцвѣтѣ натурфилософій въ Италіи; оно, какъ мы видѣли въ первомъ трудѣ Кампанеллы, влекло его къ міеологіи по мѣрѣ того, какъ онъ отбрасывалъ сверхъестественныя ученія христіанства. Второе — ориентализмъ — до такой степени поглотилъ Кампанеллу съ тѣхъ поръ, какъ онъ заинтересовался народами востока, особенно арабами, что его можно упрекнуть

¹⁾ Бельгійскій социологъ де Грефъ связываетъ ученіе Кампанеллы съ ученіемъ птолемеевъ, какъ сообщаетъ Ковалевскій (въ ук. м. стр. 145), не называя подробно труда Грефа.

²⁾ О первомъ случаѣ онъ упоминаетъ самъ въ *Dichtung u. Wahrheit*, о второмъ упоминаетъ Эккерманъ въ своихъ разговорахъ съ Гете (изд. Липдена 3 изд. Лейпцигъ 1895) т. III стр. 184.

³⁾ Ср. статью *Benrath* въ *Herzogs Realencycl.* 3 A. Bd. IX стр. 72.

⁴⁾ На нѣкоторое сходство указываетъ также первоначальное заглавіе.

⁵⁾ Ср. заключительныя соображенія въ статьѣ *Orelli „Messias“*, *Herzogs Realencycl.* 3 A. Bd. II стр. 374 сл.

въ пристрастіи къ магометанству. Если мессіаниззмъ Кампанеллы напоминаетъ о его сношеніяхъ со старымъ евреемъ, то его деистическо-эпикурейское направленіе наводитъ на мысль о великомъ предшественникѣ Кампанеллы. Т. Моръ не только послужилъ образцомъ для литературной формы Солнечнаго города, но имъ высказаны и большая часть содержащихся въ немъ мыслей, хотя съ иной точки зрѣнія и въ иной связи ¹⁾).

Поэтому мы согласны съ Готгеймомъ, который въ своемъ новѣйшемъ трудѣ о Кампанеллѣ говоритъ, что въ такого рода построеніяхъ не заключается много оригинальнаго ²⁾. Въ нихъ выражены нужды и пожеланія данной эпохи; но нѣкоторыя вещи являются предметомъ желанія для всѣхъ эпохъ и поэтому не представляютъ ничего новаго. Нова у Кампанеллы глубокая серьезность, съ которой онъ относился къ этимъ теоріямъ ³⁾, онъ придаетъ возбужденному имъ движенію всеобще-освободительное значеніе и въ то же время требуетъ полного подчиненія индивида цѣлому, и это обезпечиваетъ ему самостоятельное мѣсто въ исторіи новыхъ освободительныхъ движеній и среди мыслителей и реформаторовъ и отличаетъ его отъ позднѣйшихъ реформаторовъ. Въ подтвержденіе сказаннаго изложимъ вкратцѣ содержаніе этого произведенія ⁴⁾.

Солнечный городъ расположенъ на островѣ среди океана; онъ состоитъ изъ семи концентрическихъ круглыхъ стѣнъ, изъ которыхъ каждая представляетъ большой домъ, въ каждомъ изъ нихъ помѣщаются снимки съ предметовъ искусства, такъ что всѣ семь стѣнъ заключаютъ въ себѣ все, что есть замѣчательнѣйшаго въ мірѣ и въ человѣческой жизни. На вершинѣ стоитъ храмъ, на крышѣ котораго находятся кельи для монаховъ и священниковъ, подъ небольшимъ куполомъ помѣщенъ флюгеръ, а подъ нимъ книга съ метеорологи-

¹⁾ Ср. Huelemann, J. V. Andreae, Лейпцигъ 1885—93. Cl. Dareste, Th. Morus et Campanella, Paris. 1844.

²⁾ Zeitschrift für Kulturgesch. 1894, стр. 85.

³⁾ Тамъ же 84, гдѣ Готгеймъ доказываетъ, что Кампанелла и впоследствии остался вѣренъ этой теоріи.

⁴⁾ Отсылаю читателя къ слѣдующимъ книгамъ, трактующимъ это содержаніе: Carriere въ ук. соч. II стр. 280—293. Sigwart въ ук. соч. стр. 151 сл. Gotheim, Der christlich soziale Staat der Jesuiten etc. Leipzig 1883. S. 3—10. Zeitschr. für Kultur. 1894 S. 84—86. A. Franck, Reformateurs etc. Paris 1881, стр. 177—201. E. Nys, Th. C. стр. 226—230. Максимъ Ковалевскій въ ук. м. 119 сл. Cleoph. Dareste, Th. Morus et Campanella, Paris 1844, часть, касающаяся Кампанеллы. L. Colet, Oeuvres choisies de Campanella etc. стр. 312—338.

ческими указаніями. Мѣстоположенію храма соотвѣтствуетъ подчиненіе города духовной власти; высшій правитель, священникъ, называется Солнцемъ, мы бы назвали его Метафизикомъ. Его три главныхъ помощника суть: могущество, мудрость, любовь; между ними распределено управленіе всѣми сферами жизни. Могущество вѣдаетъ военныя дѣла. Въ вѣдѣніи мудрости находятся искусства и науки съ ихъ служителями; она же направляетъ образованіе и воспитаніе; изображенія на стѣнахъ представляютъ *compendium*, съ помощью котораго обученіе ведется весьма быстро. Народу читаютъ краткое содержаніе всѣхъ наукъ. Любовь заботится о цѣлесообразномъ размноженіи, затѣмъ о питаніи, одеждѣ и лѣченіи. Главная особенность есть общинное владѣніе: никто не имѣетъ частной собственности, но никто ни въ чемъ и не нуждается. Всѣ зовутъ другъ друга братьями, отцами или сыновьями, смотря по возрасту; отъ дурныхъ поступковъ ихъ удерживаютъ ихъ правители, представители различныхъ добродѣтелей, при чемъ каждый изъ нихъ представляетъ ту добродѣтель, къ которой онъ съ юности имѣлъ особенную склонность. Наказанія носятъ отщепенательный споліативный характеръ.

Это достигается общимъ для всѣхъ воспитаніемъ; къ умственнымъ или ручнымъ специальнымъ занятіямъ начинаютъ подготавливаться только позднѣе; каждый цѣнится тѣмъ выше, чѣмъ больше ремесль онъ знаетъ. Четыре правителя выбираютъ остальной служебный персоналъ. Метафизикъ долженъ хорошо знать исторію и законы другихъ народовъ, а кромѣ того физику, математику и астрономію, но можетъ не знать языковъ. Онъ долженъ имѣть не менѣе 35-ти лѣтъ, но занимаетъ свою должность до конца жизни, если не найдется кто-нибудь болѣе достойный. Отъ трехъ остальныхъ правителей требуются знанія, относящіяся къ ихъ области, но кромѣ того они должны быть свѣдущи въ философіи, исторіи, политикѣ и въ физикѣ. Квартеры распределяются властями каждыя полгода; работа для обоихъ половъ распределяется сначала въ общихъ чертахъ, затѣмъ въ каждомъ отдѣльномъ кругу, при чемъ молодые прислуживаютъ старымъ. Различные участки города опредѣляются къ различнымъ работамъ, существуютъ опредѣленные правила для ѣды и одежды, которая почти одинакова для обоихъ половъ. Болѣе страннымъ представляется регулированіе правительствомъ произведенія потомства — съ цѣлью произведенія хорошей здоровой расы, при этомъ принимаются во вниманіе показанія астрологіи. Здѣсь авторъ сообщаетъ свои фізіологическія наблюденія, на которыхъ мы не будемъ останавливаться.

При соблюденіи этихъ правилъ можно будетъ избѣгнуть многихъ золъ, какъ, напримѣръ, ревности, честолюбія и т. д.

Рабовъ тамъ нѣтъ, но всѣ работаютъ, и при государственномъ распредѣленіи службы и ремеслъ между всѣми, каждому приходится работать ежедневно не болѣе четырехъ часовъ; остальное время жители могутъ посвящать играмъ, но при этомъ запрещаются сидячія игры. Примѣненіе находятъ и люди съ физическими недостатками.

Къ военной службѣ готовятъ всѣ, даже женщины, посредствомъ различныхъ тѣлесныхъ упражненій. Врагамъ своего общиннаго образа жизни они стараются, гдѣ только возможно, наносить вредъ и постоянно изучаютъ военную исторію; они искусны во всѣхъ другихъ народовъ въ военной хитрости и въ употребленіи военныхъ орудій; они строго осуждаютъ неспособныхъ, притѣсняютъ побѣдителей, побѣжденныхъ они дѣлаютъ своими рабами. Частныя распри рѣшаются на войнѣ такимъ образомъ, что тотъ, кто лучше сражается, считается правымъ.

Главное мѣсто среди работъ занимаетъ, конечно, земледѣліе; обрабатывается только необходимое количество земли, остальная идетъ подъ пастбище, учебникомъ скотоводства служитъ Висолика; они искусны въ лѣсномъ и морскомъ промыслахъ. Избытокъ добычи продаютъ купцамъ, пріѣзжающимъ изъ всѣхъ странъ свѣта, но не за деньги, а обмѣниваютъ на товаръ, въ которомъ они нуждаются; гостеприимство оплачиваетъ казна; чужестранцы могутъ быть принятыми въ число гражданъ черезъ известное число лѣтъ.

Хотя въ принципѣ они противъ мясной пищи, однако они рѣшаются на убой животныхъ, хотя неохотно убиваютъ полезныхъ животныхъ. Пища измѣняется ежедневно, вино позволено только достигшимъ 19-ти лѣтъ. Вообще у нихъ опредѣлены нужды на каждый день. Они совершенно не подвержены нѣкоторымъ болѣзнямъ, для существующихъ у нихъ имѣются соотвѣтственные средства; они имѣютъ даже средства для сохраненія молодости и такимъ образомъ они живутъ до 100 и даже 200 лѣтъ.

Каждое новолуніе и полнолуніе собирается большой совѣтъ, членомъ котораго состоитъ каждый, достигшій 20-ти лѣтъ. Судъ находится въ рукахъ правителей, о которыхъ мы уже говорили. Наказанія различны и основаны на принципѣ расплаты, непреднамеренность проступка служитъ смягчающимъ обстоятельствомъ. Письменныхъ процессовъ не существуетъ.

Наказанія суть: порицаніе, лишеніе (ѣды, жены, храма), изгнаніе

и смертная казнь; послѣдняя совершается всѣмъ народомъ и сопровождается жалобами и молитвой Богу; защита и приведеніе свидѣтелей допускаются въ широкихъ предѣлахъ. Небольшое число краткихъ и ясныхъ законовъ выгравировано на металлическихъ доскахъ; каждый судья засѣдаетъ у подножія колонны, на которой написано опредѣленіе добродѣтели, судьею которой онъ состоитъ. Приговоры являются предупрежденіями на будущее время и скорѣе знаками отеческой дружбы, чѣмъ наказанія.

Въ заключеніе о религіи. Всѣ жители Солнечнаго города тайно каются въ своихъ грѣхахъ правителямъ, отъ которыхъ и получаютъ отпущеніе; въ грѣхахъ всего народа кается Метафизикъ. Въ искупительную жертву предлагаетъ себя чистѣйшій изъ гражданъ, онъ постится опредѣленный срокъ, пока не совершится искупленіе. Священники четыре раза въ день поютъ въ своихъ кельяхъ. Молитва всегда одна и та же, но направлена въ различныя страны свѣта; при этомъ священники наблюдаютъ звѣзды и углубляются въ науки; изъ нихъ среды выбирается Метафизикъ. Праздники суть празднованія природы. Трупы сжигаются.

При вычисленіи и раздѣленіи года принимаются въ расчетъ движенія солнца и луны. За ними признается также символическое значеніе въ духѣ эсхатологическаго пророчества Христа; вообще же небеснымъ тѣламъ не молятся, а поклоняются, при чемъ въ нихъ поклоняются Богу. Солнцу какъ отцу противопоставляется земля какъ мать. Вселенная подобна большому животному, а люди червямъ, заключеннымъ въ немъ. По смерти человѣкъ входитъ въ общество добрыхъ или злыхъ ангеловъ, которымъ онъ подобенъ.

Ихъ метафизика основывается на различеніи бытія и небытія. Богъ тріединъ, но они ничего не знаютъ о трехъ лицахъ. Они признаютъ испорченность міра, но ведутъ ее не отъ Адама и прилагаютъ всѣ усилія при воспитаніи дѣтей. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что все это учрежденіе весьма близко христіанству и свидѣтельствуетъ о христіанствѣ. Описаніе заканчивается чудесными надеждами на будущее, на которыя указываетъ астрологія; между прочимъ встрѣчается указаніе, что жители Солнечнаго города будутъ умѣть летать. Попутно упоминается, что они вѣрятъ, что воля свободна отъ вліянія звѣздъ.

Заключительныя слова объ отношеніи Солнечнаго государства въ христіанству вложены въ уста слушателя для большой убѣдительности. Но эпикурейское направленіе слишкомъ рѣшительно прогля-

дывало въ проповѣдяхъ, которыя Кампанелла держалъ три года передъ тѣмъ, чтобы можно было повѣрить этой миссіонерской ровности, напротивъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду желаніе автора оправдать передъ куріей свое поведеніе. Нельзя сказать, чтобы попытка была особенно удачна. Гораздо вѣроятнѣе, что на планъ построенія новаго государства повліяло положеніе родины автора; въ вопросѣ о распредѣленіи работы ясно сквозитъ этотъ мотивъ ¹⁾.

Комментаріемъ къ этому произведенію можетъ служить уже упомянутый нами сонетъ Кампанеллы, написанный имъ въ заключеніи. Въ немъ авторъ выступаетъ противъ трехъ золъ: тиранніи, софистики и лицемерія; для этой цѣли онъ выбралъ къ себѣ въ союзники власть, мудрость и любовь, съ помощью которыхъ онъ надѣется освободить міръ отъ этихъ трехъ золъ, имѣющихъ источникомъ эгоизмъ, который есть дочь невѣжества ²⁾. Эгоизмъ основательно изгнанъ изъ Солнечнаго города, для читателя ясно изъ всѣхъ его учрежденій, что каждый отдѣльный житель не имѣетъ ничего какъ таковой, а пользуется всѣмъ какъ членъ общины, онъ ни въ чемъ не нуждается, но у него нѣтъ и ничего своего. Станетъ ли, когда будетъ устранено невѣжество, желательность такого положенія понятной для всѣхъ людей, еще неизвѣстно. Но положенія Кампанеллы вытекали изъ стремленія къ свободѣ, истинѣ и гласности, которыя возможны только при уничтоженіи существующихъ условій. Попытка произвести переворотъ путемъ насилія не удалась; но Кампанеллѣ казалось возможнымъ попытаться достигнуть этого иными способами или по крайней мѣрѣ дать указаніе къ такой попыткѣ. Мы считаемъ излишнимъ останавливаться на подробномъ анализѣ и критикѣ частныхъ. — Средствомъ противъ тиранніи Кампанелла считаетъ планомѣрно развитую физическую силу народа, а также свободный выборъ философа-священника. Противъ софистики служитъ мудрость. Всѣ знанія сообщаются ребенку въ періодъ его воспитанія; науки изучаются затѣмъ самими способными и развиваются ими дальше, а такъ какъ у cadaго есть свободное время, то онъ могутъ быть достойнѣмъ cadaго. Результатомъ научныхъ изслѣдованій являются натуралистическая метафизика и культъ природы. Каждый отдается имъ отъ всего сердца, и такимъ обра-

¹⁾ Ср. знаменитое мѣсто, гдѣ Кампанелла выводитъ тяжелое экономическое положеніе Неаполя изъ дурнаго распредѣленія работъ; это мѣсто цитируется почти всѣми изслѣдователями этого сочиненія.

²⁾ Переведенъ еще Гердеромъ, приведенъ въ новомъ переводѣ въ Schlaraffia politica стр. 73, снова переведенъ Готтгеймомъ Zeitschr. f. Kulturg. стр. 73.

зомъ любовь преодолеваетъ третье зло—лицемѣріе: любовь въ общинѣ, обнимающая въ то же время каждаго въ отдѣльности. Эта любовь проявляется во всемъ поведеніи жителей Солнечнаго города; тотъ, кто преступитъ ее, подлежитъ суду, который въ самыхъ строгихъ своихъ постановленіяхъ проявляетъ все же любовь.

Целью не признать за авторомъ послѣдовательности, смѣлости и силы ума. Это произведеніе всѣми высоко цѣнится, многіе отдають ему первенство передъ всѣми таковаго рода романами ¹⁾. Извѣстные философы находятъ въ немъ остроумную социальную систему. Мы не считаемъ это вполне основательнымъ ²⁾.

Прежде всего спрашивается: дѣйствительно ли то, что изображено въ немъ, согласно съ природой? Есть ли это настоящая свобода, если человѣкъ во всемъ, даже и въ физической любви, долженъ слушаться указаній правительства? Заключается ли настоящая мудрость въ томъ, что человѣкъ выпытываетъ тайны своего будущаго у звѣздъ? Можетъ ли быть полное господство любви тамъ, гдѣ разорваны семейныя узы? Новый пророкъ думаетъ о будущемъ и заботится о здоровомъ и крѣпкомъ потомствѣ цѣною презрѣнія въ существующему поколѣнію, не покажется ли эта цѣна намъ слишкомъ высокою (хотя совершенствованію не положено границъ)? Но развѣ можно ручаться за то, что внѣшнія (скажемъ даже и внутреннія) качества родителей передадутся потомству? Врядъ ли. Но, можетъ быть, оно унаслѣдуетъ хотя бы освобожденіе отъ нѣкоторыхъ страданій и недостатковъ? Это,

¹⁾ *Готгеймъ*, Государство іезуитовъ стр. 6: „Кампанелла первый возвелъ трудъ на основу государственнаго устройства“. Франкъ въ ук. м. 187: „Солнечный городъ серьезнѣе произведеній Платона и Мора, поэтому заслуживаетъ болѣе серьезнаго отношенія“. *Schlagaffia* pol. стр. 84: „Кампанелла проводитъ свои смѣлыя идеи съ жестокой послѣдовательностью. Въ его произведеніи много великихъ идей“; далѣе приводятся интересныя частности. Ковалевскій (въ ук. м. 166—7) опровергаетъ воззрѣніе Феррари (и Каррьеръ тоже, въ ук. соч. м. 280), что Солнечный городъ ниже Утопіи Мора. Зигвартъ въ ук. соч. 151 считаетъ, что литературный родъ государственныхъ романовъ достигъ расцвѣта только начиная съ Кампанеллы.

²⁾ Зигвартъ въ ук. соч.: „(Кампанелла) первый научно обосновалъ полную социальстическую систему, превосходящую по остроумію и послѣдовательности большинство позднѣйшихъ системъ“. *Schlagaffia* стр. 85: „(Кампанелла) является основателемъ всѣхъ тѣхъ смѣлыхъ идей, представителями которыхъ въ настоящее время являются Фурье, Бобель и др., но никто не превзошелъ его въ смѣлости“. Ковалевскій въ ук. соч. 167: „Какъ не отдать справедливости разнообразію и оригинальности высказываемыхъ имъ частныхъ положеній, какъ не признать универсальности затѣянной имъ реформы, обнимающей собою и богословіе, и метафизику, и этику, и экономику, и политику, и педагогику“.

конечно, возможно, но станетъ ли человѣчество отъ этого счастливѣе? Ибо самосохраненіе, являющееся для Кампанеллы собственно цѣлью бытія и дѣятельности, не подвергается опасности, какъ показываетъ исторія, и при уваженіи индивидуальной свободы. Мы не можемъ отказывать жителямъ Солнечнаго города въ уваженіи за ихъ готовность жертвовать собой, но наше чувство свободы возмущается противъ механической обязательности жертвы въ душевной области и поэтому осуждаетъ весь планъ организаціи.

Какъ же относится это произведеніе къ „Испанской монархіи“? На этотъ часто возбуждаемый вопросъ отвѣчаетъ одинъ изслѣдователь¹⁾, проводя аналогію между республикой и законами Платона,— это неправильная аналогія. Будемъ ли мы разсматривать субъективный или же объективный мотивы этихъ двухъ произведеній, мы въ обоихъ случаяхъ найдемъ, что они взаимно дополняютъ другъ друга. Монархія должна была оправдать автора въ глазахъ свѣтскаго, Città—въ глазахъ духовнаго начальства. Соотвѣтственно этому въ монархіи говорится главнымъ образомъ о свѣтскихъ и особенно о такъ называемыхъ ви́шнихъ отношеніяхъ государства, преимущественно къ церкви. Мы понимали автора, когда онъ заявлялъ себя сторонникомъ верховнаго владычества церкви. Въ Città главное вниманіе обращено на внутреннюю жизнь: слѣдовало убѣдить Римъ въ безвредности предпріятія автора; Испанія и ви́шнія дѣла почти совсѣмъ исчезаютъ и идеальная идиллія—войны отступаютъ на задній планъ—представляетъ изображеніе согласной съ природою власти священника (положимъ, въ сущности языческаго) и его монашеской и въ то же время свободной общины.

Непосредственное вліяніе главныхъ идей этого произведенія было значительно парализовано христіанскою рамкою, въ которую онѣ были заключены, и если и появляются сторонники идей Кампанеллы, они почти не осуществляютъ его реформы. О вліяніи Солнечнаго города намъ еще придется говорить, когда мы коснемся вопросовъ, которые не выступаютъ въ этомъ сочиненіи на первый планъ. Здѣсь я укажу еще только на параллель, которую можно провести между первоначальными идеями Кампанеллы и взглядами великаго натуралиста XVIII вѣка Ж. Ж. Руссо. Руссо въ своихъ первыхъ произведеніяхъ тоже находитъ, что все испорчено человѣческимъ эгоизмомъ, и онъ также требуетъ, чтобы люди жили согласно законамъ природы.

¹⁾ Зигвартъ въ ук. соч.

Ибо человекъ отъ природы хорошъ, его портитъ только дурное общество. Поэтому Руссо призываетъ вернуться къ природѣ, хотя и не такъ рѣшительно, какъ Кампанелла. Отсюда и известное подчеркиваніе непосредственности духовной жизни въ чувствѣ, которое оба превозносятъ различнымъ образомъ. Различіе между ними объясняется не только различіемъ характеровъ и таланта, но главнымъ образомъ различными эпохами: Руссо могъ свободно, сравнительно съ Кампанеллой, жить, говорить и развиваться. Такъ онъ въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ (*Emile*, *Contrat social*) отказался отъ своей первоначальной точки зрѣнія на блаженное состояніе и сдѣлался проповѣдникомъ добродѣтели и борьбы со страстями. Известно и въ настоящее время твердо установлено ¹⁾ вліяніе, которое эта позднѣйшая точка зрѣнія имѣла на Гердера, Канта, на нѣмецкую идеалистическую философію и на нѣмецкихъ классиковъ, а черезъ нихъ продолжается это вліяніе и на насъ. Кампанелла былъ вынужденъ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, уступить средневѣковому мировоззрѣнію. Какъ мы вскорѣ увидимъ, онъ и тутъ работалъ усильно, изъ его сочиненій извлекаетъ нѣкоторую пользу именно то направленіе, которое, въ противоположность Руссо, видитъ въ схоластикѣ вѣнецъ мудрости. Но въ общемъ Кампанелла и Руссо все же держались одного направленія, а именно въ требованіи не только согласнаго съ природой воспитанія, но и природной религіи. Кампанелла является инициаторомъ въ этихъ двухъ вопросахъ, столь удачно затѣмъ использованныхъ Руссо. На сходство въ точкахъ отправления этики Кампанеллы и Руссо указываетъ также Гефдингъ въ своей книгѣ о Ж. Ж. Руссо (стр. 112). Если на основаніи всего этого считать Кампанеллу предшественникомъ Руссо, то тѣмъ самымъ утверждается лишній разъ связь этого послѣдняго съ эпохою возрожденія и съ древними писателями.

Если Солнечный городъ имѣлъ въ виду умиловитить Римъ, то онъ достигъ этого только въ незначительной степени. Осенью 1602 г. былъ вынесенъ приговоръ куріи, по которому Кампанелла присуждался къ вѣчному заточенію въ тюрьмѣ *Santo officio* ²⁾; часть его товари-

¹⁾ *Fester, Rousseau und die deutsche idealistische Geschichtsphilosophie*. Stuttgart 1890, стр. 22, 28. Фестеръ обращаетъ особенное вниманіе на то, что слѣдуетъ различать двѣ точки зрѣнія Руссо, иначе вносится запутанность въ историческое изслѣдованіе. Въ этомъ отношеніи особенно грѣшилъ Виладъ. Стр. 38.

²⁾ *Amabile*, VI, стр. 65. Rinieri стр. 60.

щей была освобождена, часть была присуждена къ болѣе мягкимъ наказаніямъ.

Во время судебного слѣдствія Кампанелла былъ отдѣленъ отъ своихъ товарищей. Въ это время его посѣтили Иоганъ графъ фонъ Нассау, Христ. Флугъ и Іер. Тухеръ; въ январѣ 1603 г. Флугъ былъ обращенъ Кампанеллою въ католичество; впоследствии онъ доставилъ Кампанеллѣ знакомство съ Фуггеромъ и Шоппиусомъ. Въ Кампанеллѣ были возбуждены новыя надежды на заступничество, которыя побудили его снова приняться за трудъ. Дѣлались и иныя попытки къ его освобожденію. Но послѣ того какъ было открыто покушеніе на побѣгъ, его перевели въ Сентъ Эльмо ¹⁾. Здѣсь онъ, повидному, былъ позавѣтъ судомъ и влечилъ дни въ большихъ страданіяхъ.

Между тѣмъ его друзья представили нунцію меморіалъ въ его пользу, который, къ сожалѣнію, не сохранился, но повидному безъ успѣха. Черезъ пять мѣсяцевъ страданій Кампанелла пересталъ притворяться сумашедшимъ и пытался подкупить вице-короля, кардиналовъ и папу странными обѣщаніями. Вице-король обѣщавъ ходатайствовать, но не сдержалъ этого обѣщанія, и Кампанелла еще долго оставался въ своемъ печальномъ заточеніи, которое онъ называетъ своимъ Кавказомъ ²⁾.

О его послѣдующихъ трудахъ и плодахъ дѣятельно и грустно прожитой четверти вѣка будетъ кратко, насколько позволяютъ рамки этого изслѣдованія, сообщено въ слѣдующей главѣ.

III. Начала.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ *Ажабиле*, V, стр. 346.

²⁾ Намекъ на Прометея. Примѣры будутъ приведены ниже.

Н. И. НАДЕЖДИНЪ — ПРОФЕССОРЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Московскій университетъ въ началѣ 1830 годовъ.—Отзывы студентовъ о Надеждинѣ, какъ профессорѣ.—Лекціи по исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ.—Вліяніе этихъ лекцій на воззрѣнія Станкевича и Бѣлинскаго.

Начало тридцатыхъ годовъ минувшаго вѣка было „настоящею эрою, которая отдѣляетъ древній періодъ исторіи Московскаго университета отъ новаго“. „По ту сторону этой грани старое зданіе университета, старые профессора съ патриархальными правами и обычаями и такая же старобытная администрація, доведенная къ концу до самоуправства, а по эту сторону—новое зданіе университета, отмѣченное и на его фронтонѣ 1835 годомъ, цѣлая фаланга новыхъ и молодыхъ профессоровъ, только что воротившихся изъ-за границы, гдѣ обучались, каждый по своей спеціальности“. Въ 1832—1834 годахъ университетъ „еще далеко отстоялъ отъ послѣдующаго своего развитія“, но уже „во всемъ своемъ составѣ, и особенно въ студенческой части, какъ будто предчувствовалъ эпоху обновленія“; онъ „началъ первый вырѣзываться изъ-за всеобщаго тумана“, которымъ была окутана русская жизнь послѣ печальныхъ декабрьскихъ событій, заставившихъ заглухнуть „сильно возбужденную дѣятельность ума въ Петербургѣ“. Старые профессора-энциклопедисты, по нѣскольку разъ мѣнявшіе свою спеціальность въ теченіе своей долговѣтней службы и скучно, монотонно читавшіе свои курсы по какимъ-нибудь иностраннымъ учебникамъ, грубые и дерзкіе въ обращеніи со студентами и „отечественно-раболѣпные“ передъ начальствомъ, доживали свое послѣднее время; вмѣстѣ съ тѣмъ, посте-

ненно вырождались и тотъ разрядъ слушателей, которые вдохновлялись только „одною мыслию—высидѣть себѣ, такъ или иначе, аттестатъ и степень“ и проявляли удалъ своей натуры исключительно въ буйныхъ проказахъ и шалостяхъ. Умственные запросы и интересы новаго поколѣнія были иные: ему такъ же мало дѣла до дикихъ выходовъ и скандаловъ, какъ и до „табели о рангахъ“; оно „не принимаетъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе ассессоры“. „Не довольствуясь однимъ формальнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, оно ставляетъ своей задачей—дополненіе официальнаго преподаванія, бодро продолжая развитіе основаній, полученныхъ съ кафедры, и вводя въ сферу своихъ занятій предметы, еще не тронутые въ аудиторіи. Въра въ науку, тоска по ней и молодое предчувствіе истины помогали тутъ неопытности“. Въ извѣстные годы и въ извѣстныхъ условіяхъ „люди, при возбужденной страсти къ познанію, столько же учатся другъ отъ друга, сколько и отъ учителя. Тогда-то образуется особенный родъ взаимнаго и весьма широкаго воспитанія, гдѣ одушевленная передача открытій, сдѣланныхъ однимъ, толки о результатахъ, къ которымъ пришелъ другой, открываютъ новые пути и новыя соображенія для всѣхъ“. Именно въ эту пору „пробуждались“ у молодежи „больше и больше теоретическія стремленія“; „научный интересъ не успѣлъ еще выродиться въ доктринаризмъ: наука не отвлекала отъ внимательства въ жизнь, страдавшую вокругъ“. И университетъ „росъ своимъ влияніемъ: въ него, какъ въ общій резервуаръ, вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предрасудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню, братались между собой и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея“.

Послѣ реформы вступительныхъ экзаменовъ, проведенной въ 1833 году, по желанію императора Николая, С. С. Уваровымъ, совѣтъ университета „учредилъ“ для вновь принятыхъ „слушателей всѣхъ факультетовъ *общій предварительный курсъ*, состоящій изъ наукъ, коимъ необходимо должны учиться всѣ, желающіе быть полезными себѣ и отечеству, какой бы родъ жизни и какую бы службу ни избрали. Въ составъ этого общаго курса входили: чтенія св. Писанія, русская словесность, всеобщая исторія, физика и языки латинскій, французскій и нѣмецкій. Съ этихъ поръ къ слушанію спеціальныхъ факультетскихъ лекцій допускались только тѣ, которые доказали на экзаменѣ свои успѣхи въ этихъ предметахъ“. „Долгое время держался

въ Московскомъ университетѣ этотъ общеобразовательный курсъ, такъ могущественно поддерживавшій въ студентахъ идеальныя стремленія, гуманныя начала и охранявшій ихъ отъ безсердечнаго и черстваго специализма“. „Прежде выработай въ себѣ человѣка, которому не чуждо было бы ничто человѣческое, а потомъ вырабатывай ученаго специалиста“,—„думали наши идеалисты тридцатыхъ годовъ“. Университетъ „не долженъ оканчивать научное воспитаніе“; его дѣло—поставить человѣка на ноги; „его дѣло—возбудить вопросы, научить спрашивать“. Именно это-то и дѣлали такіе профессора, какъ М. Г. Павловъ“, „читавшій сперва физику, потомъ теорію сельскаго хозяйства и въ обоихъ случаяхъ распространявшій границы своихъ предметовъ до включенія въ нихъ цѣлаго философскаго созерцанія“. Онъ излагалъ „космогоническую теорію, основанную на гипотезѣ чисто философскаго свойства и развитую съ замѣчательною послѣдовательностью, съ высокимъ діалектическимъ талантомъ. Гипотеза вытекала изъ философскаго положенія о сходствѣ или тождествѣ безграничной свободы съ хаосомъ, небытіемъ,—этомъ тождествѣ, которое было разорвано благимъ, всемогущимъ: „Да будетъ“! Отвлеченное понятіе, силлогизмы и послышки котораго образуются изъ силъ и стихій природы, преобладаетъ надъ всею теоріею, а объясненіе самаго вещества, какъ взаимнаго дѣйствія свѣта и тяжести, тоже превращенныхъ въ понятія, ясно указываетъ профессору мѣсто между европейскими „Natur-Philosophen“—философами природы“. „Съ натуръ-философіей, съ многообъемлющими взглядами на науку и, въ особенности, съ динамической физикой“ „сроднился“ Павловъ въ Германіи, и потому „открылъ студентамъ сокровищницу германскаго мышленія“, „направилъ ихъ умъ на несравненно высшій способъ изслѣдованія и познанія природы, нежели тотъ, которымъ они могли почерпнуть что-нибудь въ наукѣ, изъ преподаванія до Павлова“; наконецъ, „что еще важнѣе“, онъ „своей методой навелъ на самую философію“, официально не преподававшуюся. „Вслѣдствіе этого, многіе принялись за Шеллинга и за Окена, и съ тѣхъ поръ московское юношество стало все больше и больше заниматься философіей, заниматься отчетливо и успѣшно“. На лекціяхъ Павлова „студентамъ часто трудно было найти себѣ мѣсто. Его публичные курсы, построенные на тѣхъ же началахъ, привлекали постоянно массу слушателей даже изъ высшаго московскаго общества, въ которомъ пробужденъ былъ интересъ къ нѣмецкой философіи. Особенно могущественно дѣйствовалъ Павловъ на развитіе студентовъ въ математическомъ отдѣленіи, потому что

онъ преподавалъ тамъ не только общій курсъ физики, но и спеціальныя курсы“¹⁾).

Роль Павлова для студентовъ словеснаго отдѣленія сыгралъ Надеждинъ, „примѣнительнѣй“ „широкую философскую точку зрѣнія къ вопросамъ искусства и литературы“. Онъ читалъ лекціи недолго, не болѣе трехъ лѣтъ (1832—1835), но имѣлъ колоссальное вліяніе на аудиторію, производилъ неизгладимое впечатлѣніе. Многочисленныя воспоминанія о немъ его учениковъ и знакомыхъ выясняютъ и его личность, и его профессорскую дѣятельность. „Въ моей памяти“, пишетъ Буслаевъ: „онъ представляется молодымъ человѣкомъ средняго роста, худенькимъ“, „съ вдавленной грудью, съ большимъ и тонкимъ носомъ и съ темными волосами, гладко спускающимися на высокій лобъ. Читая лекціи, онъ всегда замуривалъ глаза, точно слѣпой, и непрерывно качался, махая головою сверху внизъ, будто клалъ поясные поклоны, и это размахиваніе гармонировало съ его размашистою рѣчью, бойкою, рьяною, цвѣтистою и искрометною, какъ горный кипучій потокъ“²⁾. Этотъ „замѣчательный даръ краснорѣчія“, въ связи съ „обширной начитанностью“, давалъ ему возможность импровизировать на кафедрѣ, увлекаться самому и „проводить со своими слушателями вмѣсто одного часа, положеннаго для каждой лекціи, часа по два, и долго еще послѣ обычнаго звонка текла его умная и плодovitая рѣчь, никогда не утомлявшая аудиторію. Вообще онъ имѣлъ сходство съ преподавателями извѣстнаго парижскаго Collège de France, гдѣ преимущественно царствуетъ импровизація и нѣкоторый дилеттантизмъ, допускаемые, какъ противодѣйствіе строгости и сухости сорбоннскаго преподаванія“³⁾.

До насъ дошли особенно восторженные отзывы современниковъ о лекціи Надеждина, прочитанной въ присутствіи министра Уварова, обозрѣвавшаго въ 1832 году московскія учебныя заведенія и ежедневно посѣщавшаго университетъ.

Надеждинъ говорилъ объ „идеѣ безусловной красоты, являющейся

¹⁾ А. И. Герценъ. Сочиненія и переписка съ Захарьиной. С.-Пб. 1906, т. II, стр. 78—96.—Т. II. Пассекъ. Изъ дальнихъ лѣтъ. С.-Пб. 1878, т. I, стр. 320, 326.—
 Ф. И. Буслаевъ. Мои воспоминанія. М. 1897, стр. 4—5, 108—128.—П. В. Анненковъ. Н. В. Станкевичъ. М. 1857, стр. 30—42.—А. Н. Пилипъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. С.-Пб. 1876, т. I, стр. 61—69.—Н. С. Тихомировъ. Сочиненія. М. 1898, т. III, ч. 1, стр. 589—602.

²⁾ Ф. И. Буслаевъ. Мои воспоминанія. М. 1897, стр. 123—124.

³⁾ П. В. Анненковъ. Н. В. Станкевичъ. М. 1857, стр. 30 и слѣд.

подъ схемою гармоніи жизни, о ея осуществленіи въ Богѣ подѣ образомъ вѣчной отчей любви къ творенію и проявленіи въ духѣ человѣческомъ стремленіемъ къ безконечному, божественнымъ восторгомъ, а въ душѣ художника образованіемъ идеаломъ“. Кромѣ собственныхъ воззрѣній, онъ „пересказалъ ученіе Канта и Фихте объ изящномъ такъ ясно и красиво, какъ одинъ только Павловъ умѣлъ въ своихъ писанныхъ, округленныхъ лекціяхъ излагать глубокомысленныя, но темнословныя теоріи нѣмецкихъ гениевъ“. „Студенты, записывавшіе лекціи, бросили свои перья, чтобы черезъ записыванье не проронить ни одного слова, и только смотрѣли на профессора, котораго глаза горѣли огнемъ вдохновенія; одушевленный голосъ сопровождался оживленностію физіономіи, живостью движеній, торжественностью самой позы; даже посторонніе посѣтители (прибывшіе съ Уваровымъ), вмѣсто тяжелой неподвижности, которую соблюдали на лекціяхъ другихъ профессоровъ, невольно обратились къ профессору и смотрѣли на него, какъ будто на оракула“. „Читаетъ лучше, чѣмъ пишетъ“— былъ краткій, но справедливый отзывъ Уварова, слушавшаго импровизацію около полуторыхъ часовъ, вмѣсто часа ¹⁾. На подобныхъ лекціяхъ молодежь могла, по выраженію К. С. Авсакова, „съ жаждностью“ вдыхать „воздухъ мысли“, могла, слѣдуя примѣру Станкевича, съ увлеченіемъ говорить, что „если она будетъ въ раю, то Надеждину за то обязана“. „Лекціи Надеждина“, писалъ въ 1836 г. тотъ же Станкевичъ Т. Н. Грановскому: „*развилъ во мнѣ (сколько могло во мнѣ развиться) чувство изящнаго, которое одно было моимъ наслажденіемъ, одно—моимъ достоинствомъ и, можетъ быть, моимъ спасеніемъ*“ ²⁾. По словамъ И. А. Гончарова, Надеждинъ „былъ самый симпатичный и любезный челоѣкъ въ обращеніи, и, какъ профессоръ, онъ былъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ, горячимъ словомъ, которымъ вводилъ въ таинственную даль древняго міра, передавая духъ, бытъ, исторію и искусство Греціи и Рима. Чего только не касался онъ въ своихъ импровизованныхъ лекціяхъ!... Онъ одинъ замѣнялъ десять профессоровъ. Излагалъ теорію изящныхъ искусствъ и археологію, онъ излагалъ и общую исторію Египта, Греціи и Рима. Говоря о памятникахъ

¹⁾ *Библиотека для Чтенія*, 1859, № 12, стр. 9—11 (воспоминанія П. Прозорова).—*Москвитининъ*, 1856, т. I, № 3, стр. 225 и слѣд. (воспоминанія М. А. Максимовича).—*Московскія Вѣдомости*, 1856, № 81, стр. 342—343 (воспоминанія Н. Лавдовскаго).

²⁾ *П. В. Амникова*. Н. В. Станкевичъ. М. 1857. Переписка, стр. 196. Ср. *День*, 1862, № 40.

архитектуры, о живописи, о скульптурѣ, наконецъ, о творческихъ произведеніяхъ слова, онъ касался и исторіи философіи. Изливая горячо, почти страстно сокровища знанія, онъ училъ и мастерскому владѣнію рѣчи. Записывая только одиѣ его лекціи, можно было научиться чистому и изящному складу русскаго языка¹⁾.

Популярность Надеждина росла. Въ сношеніяхъ со студентами, онъ всегда „чуждался полицейскихъ пріемовъ“, которыми не брезговали въ тѣ времена; обходился съ юношествомъ вѣжливо, „деликатно“, входилъ въ его положеніе, помогаль въ затруднительныхъ случаяхъ жизни, снабжалъ книгами и своими журналами: *Телескопомъ* и *Молвою*²⁾. Хорошій профессоръ оказался и хорошимъ человѣкомъ. Аудитория Надеждина всегда была полна народу. Лекціи его „привлекали толпы слушателей изъ всѣхъ факультетовъ“, „особенно медиковъ“, и даже „стороннихъ“ лицъ³⁾. Общее настроеніе этой молодежи прекрасно характеризовано П. В. Анненковымъ: „Какимъ-то торжествомъ, свѣтлымъ, радостнымъ чувствомъ исполнилась жизнь, когда указана была возможность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческой въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому, навсегда пропасть, раздѣляющую два міра, и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи и вѣчнаго разума. Съ какою юношеской и благородною гордостью понималась тогда часть, предоставленная человѣку въ этой всемірной жизни! По свойству и праву мышленія онъ переносилъ видимую природу въ самого себя, разбираль ее въ нѣдрахъ собственнаго сознанія, словомъ становился ея центромъ, судьей и объяснителемъ. Природа была поглощена имъ и въ немъ же воскресала для новаго, разумнаго и одухотвореннаго существованія. Какъ удовлетворялось высокое нравственное чувство сознаніемъ, что право на такую роль во вселенной не давалось человѣку по наслѣдству, какъ имѣніе, утвержденное давнимъ владѣніемъ! Чѣмъ свѣтлѣе отражался въ немъ самомъ вѣчный духъ, всеобщая идея, тѣмъ полнѣе понималъ онъ ея присутствіе во всѣхъ другихъ сферахъ жизни. На концѣ всего возрѣнія стояли нравственныя обязанности, и одна изъ необходимѣйшихъ обязан-

¹⁾ И. А. Гончаровъ. Полное собраніе сочиненій. С.-Пб. 1896, т. IX, стр. 118—119.

²⁾ *Дель*, 1862, № 40, стр. 3 (воспоминанія К. С. Аксакова).—*Библиотечка для Читенія*, 1859, № 12, стр. 13—14.—А. Н. Пипинъ. Вѣликий, его жизнь и переласка. С.-Пб. 1876, т. I, стр. 77—80.

³⁾ О. И. Буслаевъ. Мои воспоминанія. М. 1897, стр. 123—124. Ср. *Библиотечку для Читенія*, 1859, № 12, стр. 9—11.

ностей—высвободить въ себѣ самомъ божественную часть міровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго, для того, чтобы имѣть право на блаженство дѣйствительнаго, разумнаго существованія“¹⁾).

Какъ ни восторженно отзывались, въ общемъ, представители молодого поколѣнія о Надеждинѣ, среди нихъ были и такіе, которые, отличаясь вдумчивымъ, серьезнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, старались анализировать и подвергать критикѣ всѣ жизненные явленія, что не могло не отразиться на ихъ сужденіяхъ о лекціяхъ любимаго профессора. Стремленія этой группы молодежи были, конечно, весьма похвальны; вопросъ заключается лишь въ томъ, насколько вѣрно и основательно сдѣланы ею выводы и заключенія, на которые, обыкновенно, безъ всякой провѣрки, ссылаются многіе современные литераторы, задавшіеся цѣлью умалить значеніе Надеждина, какъ руководителя нашихъ идеалистовъ тридцатыхъ годовъ. Станкевичъ, весьма сочувственные отзывы котораго о Надеждинѣ приведены выше, признавалъ „недостаточность“ его лекцій; онѣ были „не богаты содержаніемъ“, и по замѣчанію Буслая. „Молодое поколѣніе“ — писалъ К. С. Аксаковъ—„съ жадностью и благодарностью обратилось къ Надеждину, но скоро увидѣло, что ошиблось въ своемъ увлеченіи“. Онъ „не удовлетворилъ серьезнымъ требованіямъ юности; скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серьезныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе, справедливо и строго оцѣнивъ Надеждина, студенты его любили и, уже не увлекаясь, охотно слушали его рѣчь“²⁾). Всѣ изложенныя нареканія на Надеждина сводятся къ двумъ категоріямъ: одни касаются „небогатаго содержанія“ лекцій, другія—„сухости словъ, собственного безучастія“ лектора „къ предмету“, „недостатка серьезныхъ занятій“. Была ли, однако, „справедлива“ эта „строгая оцѣнка“? Нареканія первой категоріи отпадаютъ сами собою, такъ какъ содержаніе лекцій было, несомнѣнно, „богато“, въ чемъ мы могли непосредственно убѣдиться, пересмотрѣвъ, по счастливой случайности, уцѣлѣвшія отдѣльныя части курса по исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ. Къ тому же, мы полагаемъ, что юные критики, при всѣхъ ихъ благихъ намѣреніяхъ и развитіи, не были и, никоимъ образомъ, не могли быть компетентны въ своихъ рѣшеніяхъ.

¹⁾ П. В. Анненковъ. Н. В. Станкевичъ. М. 1857, стр. 30 и слѣд.

²⁾ П. В. Анненковъ. Н. В. Станкевичъ. М. 1857. Переписка, стр. 196.—О. И. Буслая. Мои воспоминанія. М. 1897, стр. 123—124.—Дель, 1862, № 40, стр. 3.

По словамъ современника, „содержаніе лекцій“ Надеждина, „его начала, взглядъ на предметы ученики его не могли тогда оценить по достоинству; форма же его лекцій и частности, какъ дѣло, болѣе доступное понятіямъ студентовъ, и тогда были предметомъ ихъ разсужденій и разговоровъ, горячихъ и восторженныхъ“¹⁾. Извѣстные намъ факты подтверждаютъ мнѣніе Лавдовскаго. Станкевичъ, лучший студентъ и составитель надеждинскихъ лекцій²⁾, владѣвшій языками, осенью 1834 года „плохо понималъ цементъ, которымъ связаны различныя части“ системы Шеллинга, „потѣлъ“ надъ нею, и лишь въ ноябрѣ 1835 года принялся за Канта, „выразумѣть“ котораго „мѣшало незнаніе межихъ школьныхъ фактовъ“³⁾.

Нареканія второй категоріи относятся не къ курсу, а къ личности лектора. „Недостатка серьезныхъ занятій“ не было, ибо лекціи были содержательны и глубоко продуманы, что указывало на добросовѣстность и трудолюбіе ихъ составителя. Остаются неопровергнутыми лишь обвиненія въ „сухости словъ“ и „собственномъ безучастіи къ предмету“. Нѣкоторыя разъясненія по этому поводу даны П. И. Срезневскимъ. „Не разъ мнѣ удавалось слышать“, пишетъ онъ: „о вліяніи“ Надеждина „на слушателей отъ нихъ самихъ: инымъ не нравился его особенный слогъ, иногда цвѣтистый, неровно соединившійся съ проблесками насмѣшливости; другимъ столько же не нравилась игра знаніями, казавшаяся хвастливостью; но всѣ должны были сознаваться, что онъ возбуждалъ ученую пылкость и размышленіе, что не на время, а навсегда, хотя и незамѣтно, давалъ направленіе челочку“⁴⁾. Последнія слова подтверждены Станкевичемъ; первыя—разъясняютъ причины неудовлетворенности той части юношества, о которой говоритъ К. С. Аксаковъ. Именно, „игра знаніями“ и „насмѣшливость“ наводили на мысль о „безучастіи къ предмету“. Манера чтенія, зависѣвшая отъ темперамента, склада ума, особенностей на-

¹⁾ *Московскія Вѣдомости*, 1856, № 81, стр. 342—343.

²⁾ *Библиотека для Чтенія*, 1859, № 12, стр. 13—14: „Изъ своскоштныхъ студентовъ занимался составленіемъ лекцій Надеждина П. В. Станкевичъ, которому я (Прозоровъ) сообщалъ въ пособіе записки профессора московской духовной академіи Доброхотова“. Двѣ „записки лекцій“ по теоріи изящныхъ искусствъ, составленныя Станкевичемъ, находятся въ нашихъ рукахъ.

³⁾ П. В. Анненковъ. Н. В. Станкевичъ. М. 1857. Перешиска, стр. 98—99; 101—102; 131; 153—155.

⁴⁾ *Вѣстникъ Императорскаго Географическаго Общества*, 1856, ч. 16, отд. 5, стр. 1—5.

туры, смущала пылкихъ идеалистовъ, порождала сомнѣніе въ любви профессора къ наукѣ¹⁾: допущенный имъ „дилеттантизмъ“ и импровизационный способъ изложенія, въ глазахъ студентовъ, свидѣтельствовали о яко бы небрежномъ исполненіи обязанностей.

Были недовольные и слогомъ, который иногда казался „цвѣтстымъ“ или неяснымъ. Они, большею частію, порицали введенную Надеждинымъ „философскую терминологию“. „Не приготовленные къ тому прежнимъ своимъ воспитаніемъ, не получившіе никакого философскаго образованія“, они „не мало затруднялись этимъ и даже нѣкоторые не скрывали своего неудовольствія, называя это схоластикой, школярствомъ“²⁾. „Совершенное незнакомство“ этихъ лицъ „съ общими правилами умозрѣнія“ „лишало ихъ возможности слѣдить за теоріей“ искусства и побудило Надеждина „отвратить неудобство собственнымъ безвозмезднымъ преподаваніемъ логики“³⁾.— Жалобы этой группы малоуспѣвающихъ, конечно, нельзя принимать во вниманіе, такъ какъ, по мнѣнію болѣе способныхъ, Надеждинъ читалъ „очень толково, понятливо и ясно“⁴⁾, „своимъ свѣтлымъ умомъ и необыкновеннымъ даромъ слова умѣлъ самымъ отвлеченнымъ“ „понятіямъ сообщить осязаемость“⁵⁾. „Ясность, какая-то прозрачность стройной и правильной логической ткани, строгая послѣдовательность мысли, неотразимый силлогизмъ, поразительность и неожиданность выводовъ изумляли слушателей“, которые невольно подчинялись „діалектической силѣ“ Надеждина. Составить его лекцію было чрезвычайно легко: „достаточно было запомнить или записать только точку отправленія его мысли, главные пункты и порядокъ; остальное“ „являлось при помощи напоминанія какъ бы само собою, легко и свободно“⁶⁾.—Казалось бы, порицать Надеждина въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ основаній; между тѣмъ, жалобы на „ту-

¹⁾ Ср. нашу статью: „Н. И. Надеждинъ и Е. В. Сухова-Кобылина“, гдѣ говорится, съ какимъ горькимъ чувствомъ въ душѣ принужденъ былъ Надеждинъ покинуть университетъ. (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1906, № 2).

²⁾ *Московскія Видомости*, 1856, № 81.

³⁾ *Русскій Вѣстникъ*, 1856, мартъ, книга I, стр. 64.

⁴⁾ *Ө. И. Буслаевъ*. Мои воспоминанія. М. 1897, стр. 123—124.

⁵⁾ *Библиотека для Чтенія*, 1859, № 12, стр. 9—11.

⁶⁾ *Московскія Видомости*, 1856, № 81.—Прозоровъ рассказываетъ, что на вопросъ Уварова: „понимаютъ ли студенты преподаваемую имъ эстетику?“—Надеждинъ отвѣчалъ, что „по журналамъ (запискамъ) его лекцій онъ утвердительно можетъ сказать, что слушатели вполнѣ его понимаютъ“. Домедшія до насъ части курса, дѣйствительно, составлены толково.

маннѣй“ и „цвѣтистыѣ“ стиль его слышались не только со стороны малоуспѣвающихъ студентовъ, но и со стороны тогдашнихъ профессоровъ. „Московскіе ученые чудныя вещи пишутъ“, заносить въ свой дневникъ А. В. Никитенко 16-го февраля 1834 г.: „Вотъ, на примѣръ, рѣчь *Надеждина*: „*О современномъ направленіи искусствъ*“; вотъ вступительная лекція *Погодина* объ исторіи, напечатанная въ первой книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Всѣ эти господа кидаются на высокія начала: имъ хочется вывести все, все изъ вѣчныхъ идей, первообразовъ природы. Это бы ничего, если бы у нихъ былъ ясный умъ и ясный языкъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, мы увидѣли бы стройную систему, въ которой, если бы и не было больше безусловной истины, чѣмъ въ другихъ системахъ, то, по крайней мѣрѣ, была бы поэзія.—Нѣтъ, они, какъ будто, стараются затмить одинъ другого пышиностью варварской терминологіи и туманнымъ краснорѣчіемъ. Надеждинъ, на примѣръ, *столпъ вавилонскій почитаетъ изящнѣйшимъ произведеніемъ древняго зодчества, на коемъ почтили тайны вѣковъ, — первообразомъ древняго міра*“¹⁾). Правильно ли освѣщаетъ факты А. В. Никитенко? Отвѣтъ будетъ ясенъ, если приведемъ соответствующее мѣсто изъ раскрытковой рѣчи. „Отсюда понятно“, пишетъ Надеждинъ: „почему памятники изящныхъ искусствъ, завѣщанные намъ представителями всемірнаго младенчества, ознаменованы непомянутымъ, исполнскимъ величіемъ, переходящимъ иногда въ *дикую, безобразную чудовищность*“.
„По свидѣтельству священнаго преданія, первымъ опытомъ челоуѣческаго искусства было зданіе столпа, долженствовавшаго возвышаться до облаковъ. Сіе безразсудное начинаніе, конечно, не могло совершиться; но оно представляло собою типъ современной художественной дѣятельности“²⁾). И это все, что сказано въ рѣчи о столпѣ вавилонскомъ. Гдѣ же здѣсь „тайны вѣковъ“, „первообразъ древняго міра“? Въмѣсто упоминанія объ „изящнѣйшемъ произведеніи древняго зодчества“ находимъ указаніе на „дикую, безобразную чудовищность“. Очевидно, отзывъ Никитенка рѣзко расходится съ истиною.

Анализъ воспоминаній современниковъ, который полезно продѣлать, чтобы выяснитъ степень ихъ достовѣрности, приводитъ насъ къ заключенію, что нареканія, касавшіяся лекцій и личности Надеждина,

¹⁾ А. В. Никитенко. Записки и дневникъ. С.-Пб. 1893, т. I, стр. 321.

²⁾ Ученныя записки Императорскаго Московскаго университета, 1833, ч. I, № 1.

вполнѣ несостоятельны, и значеніе его, какъ выдающагося профессора, не можетъ быть ими унижено.

Въ своей автобіографіи Надеждинъ обстоятельно разсказалъ, какъ онъ приступилъ къ чтенію лекцій въ Московскомъ университетѣ и какого метода рѣшилъ держаться при изложеніи исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ. „Еще въ сочиненіи моемъ на конкурсъ ¹⁾, равно какъ и въ пробной лекціи“ ²⁾, пишетъ онъ: „я изъяснилъ, что цѣль моего преподаванія археологіи есть историческое оправданіе той теоріи изящныхъ искусствъ, которую я долженъ былъ читать моимъ слушателямъ, а потому буду излагать эту науку, то-есть археологію, какъ исторію искусствъ по памятникамъ. Это было одобрено, и отъ того моя археологія распространилась въ объемъ своемъ значительно противъ прежнихъ предъговъ. До тѣхъ поръ, въ кругъ ея допускались только памятники двухъ классическихъ народовъ: грековъ и римлянъ. Я предположилъ касаться памятниковъ искусствъ у всѣхъ древнихъ народовъ, какіе только оставили по себѣ памятники. Вслѣдствіе того, какъ начало моего курса приходилось въ половинѣ года, то я началъ съ сей послѣдней, то-есть съ археологіи, и именно съ древней Индіи. Руководство по этой части, которыми бы я могъ пользоваться, въ то время на русскомъ языкѣ не было, да и нынѣ (въ 1854 г.) нѣтъ. Я прибѣгнулъ къ единственному, тогда бывшему у меня подъ рукою источнику: Герену, къ его „Idées“, и къ другимъ изслѣдователямъ древностей. Методъ преподаванія моего былъ слѣдующій: я не писалъ лекцій, но предварительно обдумавъ и вычитавъ все нужное, передавалъ живымъ словомъ, что мнѣ было извѣстно, а студенты записывали и давали въ слѣдующій классъ мнѣ отчеты. Такимъ образомъ, ни одной лекціи моей не было написано; но сохранились у меня киты тетрадей студентскихъ, которыя я обыкновенно просматривалъ по очереди и исправлялъ или пополнялъ, гдѣ было нужно. Такимъ образомъ, съ 1831 академическаго года до вакаціоннаго времени, я успѣлъ прочесть исторію памятниковъ всѣхъ древнихъ народовъ собственно до грековъ.—Съ наступленіемъ слѣдующаго 1832 года пришла очередь

¹⁾ См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1830, № 1, стр. 7—14.

²⁾ „Необходимость, значеніе и сила эстетическаго образованія“ (Телеграфъ, 1831, № 10, стр. 131—154).

теоріи изящныхъ искусствъ. Слѣдую тому же порядку, я постановилъ, и въ слѣдующіе классы преподаванія сей науки, держаться отчасти Бутервека, Бахмана и другихъ нѣмецкихъ эстетиковъ. При семъ не могу также не упомянуть, что мнѣ много послужили въ этомъ случаѣ лекціи эстетики, которыя я слушалъ въ духовной академіи у бакалавра, покойнаго П. И. Доброхотова, преподававшего сей предметъ съ знаніемъ дѣла и съ живымъ одушевленіемъ. Чтобы имѣть твердую, положительную опору въ своихъ умозрительныхъ изслѣдованіяхъ, я начиналъ съ психологическаго анализа эстетическаго чувства и отсюда выводилъ идею изящнаго, показывая, какъ потомъ эта единая идея раздробляется и съ какими оттенками является въ мірѣ изящныхъ искусствъ подъ творческими перстами гения, сообразно требованіямъ вкуса. Изъ этихъ лекцій тоже не было ничего напечатано. Остались однѣ лишь студентскія записки. Между тѣмъ я вскорѣ замѣтилъ, что, при этомъ преподаваніи, важнымъ препятствіемъ для студентовъ было совершенное незнакомство ихъ съ общими правилами умозрѣнія. Тогда не преподавалась въ университетѣ даже логика. „Я обратилъ на то вниманіе совѣта“, который „исходатайствовалъ мнѣ разрѣшеніе высшаго начальства преподавать логику студентамъ всѣхъ факультетовъ университета перваго курса, что и исполнялось мною чрезъ цѣлый годъ, по два, а потомъ и по три раза въ недѣлю. — Преподаваніе шло тѣмъ же порядкомъ, то-есть импровизаціею; но планъ самой науки я расположилъ по своему, не придерживаясь никакого образца. Я велъ логику совершенно параллельно съ эстетикою, то-есть начиналъ съ психологическаго разбора чувства истины, или того, что называется убѣжденіемъ, удостовѣреніемъ, и такимъ образомъ, восходилъ до идеи истины, которой извѣстныя формулы, называемыя иначе началами мышленія, разъяснял потомъ со всею подробностію; наконецъ, заключалъ теорію науки вообще или архитектурикою системъ, что обыкновенно относилось къ такъ называемой прикладной логикѣ“¹⁾.

По свидѣтельству самого Надеждина, „ни одной лекціи его не было напечатано“, но у него „сохранились книги тетрадей студентскихъ“. Вскорѣ послѣ его смерти, въ печати стали выражаться опасенія, что „книги тетрадей“ пропали безслѣдно. „Къ сожалѣнію, намъ ничего не осталось отъ его курса“, писалъ П. В. Анненковъ; одинъ изъ учениковъ Надеждина Лавдовскій сомнѣвался, чтобы „гдѣ-

¹⁾ Русскій Вѣстникъ, 1856, мартъ, книга I, стр. 62—64.

нибудь уцѣлѣлъ“ „списокъ лекцій“ ¹⁾). Счастливый случай далъ намъ возможность убѣдиться въ неосновательности этихъ сожалѣній и сомнѣній. Въ нашихъ рукахъ находится часть „тетрадей“. Сообразно тремъ отдѣламъ курса, онѣ могутъ быть раздѣлены на три группы: въ однихъ излагается археологія, въ другихъ — теорія изящныхъ искусствъ, въ третьихъ — логика. Не всѣ лекціи имѣютъ хорошій внѣшній видъ, не всѣ одинаково составлены, такъ какъ записки вели лица разныхъ способностей и разнаго образованія, какъ напримѣръ: Станкевичъ, К. Аксаковъ, Самаринъ, Прозоровъ, Лавдовскій, Топорнинъ, Ходжаевъ, Горнъ, Михайловъ, Смирновъ, Плетеневъ, Палетовъ, Барсовъ, Шеншинъ, Знаменскій. Изъ отдѣла логики, читанной, кажется, по Бахману, уцѣлѣло всего четыре „журнала“, на основаніи которыхъ еще нельзя судить о ходѣ преподаванія. Отдѣлъ археологіи даетъ больше матеріала, но для насъ неясно, чѣмъ онъ долженъ заканчиваться: разборомъ памятниковъ Греціи и Рима, или изложеніемъ искусства сравнительно новаго времени. Прозоровъ утверждаетъ, что слышалъ отъ своего профессора *не только „объ испанскихъ построеніяхъ пагодъ и пирамидъ, пантеона и коллизей“, но и „о страсбургскомъ соборѣ и куполѣ Петра, обѣ Аполлонѣ Бельведерскомъ и Лаокоонѣ, и о Мадоннѣ и Преображеніи Рафаэля“* ²⁾). Другіе современники упоминаютъ лишь о древнѣйшемъ періодѣ. По словамъ Лавдовскаго, Надеждинъ „читалъ *объ искусствѣ индійскомъ, персидскомъ и другихъ древнѣйшихъ народовъ*“. „Начиная археологію“, онъ „счелъ нужнымъ сперва раскрыть передъ глазами слушателей сцену, гдѣ должна разыгрываться художественная драма *искусствъ индійскаго, вавилонскаго, персидскаго* и т. д. Для этого онъ прочиталъ двѣ лекціи о бытѣ, торговлѣ, сношеніяхъ и пр. этихъ *древнѣйшихъ странъ*, и въ двѣ лекціи умѣлъ представить все это въ прекрасной, яркой и вразумительной картинѣ“ ³⁾). То же, что и Лавдовскій, говоритъ Гончаровъ, сдѣлавшій отъ себя лишь слѣдующія указанія: Надеждинъ „*вводилъ насъ въ таинственную даль древняго міра, передавая духъ, бытъ, исторію и искусство Греціи и Рима*“ ⁴⁾). Разказомъ объ искусствѣ Греціи и Рима, повидимому, и

¹⁾ П. В. Анненковъ. Н. В. Станкевичъ. М. 1857. — *Московскія Видомости*. 1856, № 81, стр. 342—343.

²⁾ *Библіотека для чтенія*, 1859, № 12, стр. 9—11.

³⁾ *Московскія Видомости*, 1856, № 81, стр. 342—343.

⁴⁾ П. А. Гончаровъ. Полное собраніе сочиненій. С.-Пб., 1896, т. IX, стр. 118—119.

должна была заключаться археологія. Нововведенія Надеждина, сравнительно съ его предшественниками, по нашему мнѣнію, заключались не въ томъ, что онъ затрагивалъ художественное творчество позднѣйшей эпохи, но въ томъ, что, кромѣ „памятниковъ двухъ классическихкихъ народовъ“, онъ „касался памятниковъ искусствъ у *остатъ древнихъ народовъ*“, увлекалъ слушателей „въ таинственную даль“ сѣдой старины ¹⁾.—Дошедшія до насъ рукописи не заключаютъ въ себѣ данныхъ, необходимыхъ для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса: передъ нами студенческія записки: „О происхожденіи изящныхъ искусствъ“, „Объ индійской архитектурѣ и ея памятникахъ“, „О символикѣ финикянъ“, „Объ ассирійско-вавилонскихъ памятникахъ изящныхъ искусствъ“, „О тоническихъ и спеническихъ искусствахъ у египтянъ“, „Объ искусствахъ этрусскихъ“; здѣсь нѣтъ даже лекцій о греческомъ искусствѣ ²⁾, — пробѣлъ важный, который можно восполнить лишь на основаніи рѣчи Надеждина: „О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ“ ³⁾. — Лучше археологіи сохранился отдѣлъ эстетики. „Журналовъ“ сравнительно много; оглавленія ихъ самыя разнообразны: „О теоріи изящныхъ искусствъ и ея возможности“, „Психологія, или философія изящнаго“, „Объ эстетическомъ чувствѣ“, „Объ идеѣ красоты“, „Аналитика изящнаго“, „О явленіяхъ изящнаго, приближающихся къ чувству высокаго“, „О гениѣ“. Лекція о высокомъ, составленная К. С. Аксаковымъ, несодержательна; взгляды лектора на этотъ предметъ гораздо обстоятельнѣе изложены въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Вѣстникъ Европы* ⁴⁾. Замѣна утраченныхъ лекцій нѣкоторыми напечатанными статьями даетъ возможность возстановить, хотя и не въ полномъ объемѣ, курсъ Надеждина по исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ.

И. Козминъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ *Русскій Вѣстникъ*, 1856, мартъ, книга 1, стр. 63.

²⁾ Сохранились лишь „Записки лекцій 18—20 марта 1833, изъ теоріи (?) изящныхъ искусствъ“, составленныя „студентомъ Николаемъ Станкевичемъ“. Въ запискахъ указаны общія положенія, и отсутствуютъ факты, изъ которыхъ сдѣланы выводы.

³⁾ *Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета*, 1833, часть 1, №№ 1—3.

⁴⁾ *Вѣстникъ Европы*, 1829, № 3—6. „О высокомъ“.

КЪ ИСТОРИИ СКАЗАНИЙ О СВВ. КИРИЛЛѢ И МЕТОДИИ.

Въ 1802 году іеромонахъ Амвросій Памперей издалъ ¹⁾ (въ Вѣнѣ) житіе св. Климента, написанное, какъ сказано въ заглавіи, извѣстнымъ архіепископомъ болгарскимъ Теофилактомъ. Изъ словъ титульнаго листа: Νῦν πρῶτον τόποις ἐκδοθέντι видно, что Памперею не было извѣстно ни о напечатанномъ у Аллація и Ассемана отрывкѣ этого житія, ни о полномъ изданіи его въ извѣстной мосхопольской книгѣ 1741 г., „Ἀκολουθία“ etc. ²⁾; очевидно, что онъ печаталъ по рукописи, о которой, впрочемъ, не счелъ нужнымъ сообщить читателямъ ³⁾. Благодаря интересу В. Копитаря къ новогреческимъ книгамъ съ одной стороны и славянскимъ древностямъ съ другой, мы знаемъ, что изданный Пампереемъ текстъ былъ заимствованъ изъ рукописи, найденной имъ въ монастырѣ св. Наума, недалеко отъ Ахриды, въ Эпирѣ ⁴⁾. Повидимому, брошюра Памперей въ общую продажу не поступала ⁵⁾, и уже въ 1847 году жившій въ Вѣнѣ Миклошичъ при-

¹⁾ Подробное заглавіе см. въ извѣстной книгѣ А. П. Вретосъ, *Νεοελληνική φιλολογία, μέρος α', № 374*. Неуказанное Вретосомъ число страницъ было 4 нон. + 140; самое „Житіе“ помѣщено на стр. 101—140.

²⁾ Ср. объ этомъ у Миклошича, *Vita S. Clementis, episcopi Bulgarorum*. Graese. Vindobonae, 1847, pagg. V sqq., и Бодянского, *О времени происхожденія славянскихъ письменъ*. Москва, 1855, прил. 5, стр. I и слѣд.

³⁾ Въ изданіи Памперей нѣтъ ни предисловія, ни послѣсловія, ни раздѣленія „Житія“ на главы.

⁴⁾ Ср. въ нашей книгѣ „Первые годы дѣятельности В. Копитаря“. Казань, 1906, стр. 336.

⁵⁾ Barth. Kopitars Kleinere Schriften. Wien, 1857, стр. 166; ср. въ его же статьѣ „Ursprung der slawischen Liturgie in Pannonien“ (*Der österreichische Gelehrtenforschers. Herausgegeben von Joseph Chmel. Ersten Bandes drittes Heft.*

знавалъ ¹⁾ ее столь же рѣдкой, какъ и мосхопольское изданіе, которое названо у него „*liber rarissimus*“ ²⁾. Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ, что книга Памперей не упомянута даже Шлѣцеромъ въ X главѣ III тома „Нестора“ (вышелъ въ 1805 г.) ³⁾. Въ печати первая по времени оцѣнка изданнаго Пампереемъ житія св. Климента была сдѣлана В. Кошитаремъ въ небольшой статьѣ, озаглавленной „*Zur Kirchengeschichte Pannoniens und Bulgariens*“ (помѣщено въ приложеніи къ „*Wiener Allgemeine Literaturzeitung*“ за іюль 1813 года) ⁴⁾. Въ дополненіе къ этому въ томъ же журналѣ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ появилась ⁵⁾ анонимная замѣтка, которую считаемъ нелишнимъ воспроизвести цѣликомъ:

„*Zur Kirchengeschichte Pannoniens u. s. w.*

Ein Seitenstück zu dem neulich angezeigten Βίος τοῦ ἁγίου Κλήμεντος ist auch in folgendem, 1805 in Leipzig bey Neubert (Νάυμπερτ) gedruckten aber eben so wenig in den Buchhandel gekommenen, ganz in der gemeinen neugriechischen Sprache sehr fanatisch-beredt geschriebenen Werke enthalten:

Οὐρανοῦ χρισίς, ἦτοι θάυμα φρικτὸν καὶ ἐξαισίον τοῦ θαυματουργικωτάτου θείου Σπυρίδωνος, δι' οὗ τὰς βουλάς τῶν παρανόμων Παπιστῶν ἐματαιώσῃ, μὴ συγχωρήσας αὐτοῖς νὰ ἐγείρουν Ἀλτάριον, ἦτοι θυσιαστήριον, μέσα εἰς τὸν ἐν τῇ Κερκύρᾳ ἁγίον του ναον, συντεθὲν μετὰ ἱερᾶς καὶ ἐπινικείου ἀκολουθίας εἰς αὐτὸ παρὰ ζηλωτοῦ τινος ἀδελφοῦ. Σὺν τούτῳ δὲ καὶ ὁ θεοφεγγής βίος τοῦ ἱεροῦ Κλήμεντος του βουλγαροκήρυκος καὶ ὁμολογητοῦ ἐκδίδεται ἕτερα χρισίς οὐρανοῦ, καὶ αὐτὸς ὦν κατὰ τῶν καινοτόμων Παπιστῶν, συντεθείς μεν ἑλληνικῶς ὑπὸ τοῦ ἐν ἁγίοις θεοφυλάκτου Α. Β., μετενεχθείς δὲ παρ' ἡμῶν εἰς τὴν κοινὴν ἡμῶν διάλεκτον, χάριν τῶν ἀπλουστέρων λαῶν, ὦν ἕνεκα νῦν δευτερον πλήρης ἐκδίδεται ἅτε κολοβωθείς τὰ καίρια παρὰ τινος ὁ πρότερον ἐν Βενετία τυπωθείς. ἐκδίδονται δὲ καὶ τα δύο εἰς ἐν τεύχος, διὰ δαπάνην τινῶν φιλαδέλφων χριστιανῶν.

Wien, 1838, стр. 513): erschienen sine loco in Wien 1802, aber längst ganz nach Griechenland vergriffen; die zwey Exemplare von Prag und Berlin sind Kopitar's Geschenke.

¹⁾ Op. cit., pag. V.

²⁾ Ср. также болѣе раннее замѣчаніе Fr. Blumberger'a въ Jahrbücher der Literatur, XXVI, 213.

³⁾ Ср. J. Dobrowsky, Cyrill und Method, der Slawen Apostel. Prag, 1823, стр. 6.

⁴⁾ Перепечатано въ Kleinere Schriften, стр. 166—168.

⁵⁾ Ср. Первые годы дѣятельности В. Кошитаря, стр. 339^a.

Die Legende (S. 83—133) fängt an: ἐπὶ τῆς βασιλείας Λεόντος τοῦ Ἀρμενίου etc., und ist dem Herausgeber vom P. Daniel aus dem Chilandarischen Kloster auf dem Berge Athos, zugeschickt worden“.

Существованіе описанной въ этой замѣткѣ книги не было новостью для Копитаря, который еще 16-го февраля 1812 г. писалъ Добровскому: „... de illo graeco Cyrillo lego iterum *aliam vitam ex codice quodam neograeco versam, sed nondum perlegi: reddam rationem alio tempore.* Incipit: Ἐπὶ τῆς βασιλείας Λεόντος τῆς Ἀρμενίας etc. est libellus editus Lipsiae 1805 Οὐρανὸς χριστὸς ἦτοι Παῦλα etc. cui haec vita est addita....“ ¹⁾. Поэтому неудивительно, что тотчасъ послѣ замѣтки анонима Копитарь напечаталъ ²⁾ слѣдующій отвѣтъ на нее, не вошедшій въ „Kleinere Schriften“:

„Anmerkung. Die, S. 160 des Intelligenz-Blattes aufgeführte, Legende vom heil. Klemens (und Kyrill und Method) scheint die nämliche zu seyn, die Schlözer im dritten Theil seines Nestor aus einem Russischen Menäum anführt, und wobey er anmerkt, dass in den Menäen der griechischen Kirche noch viel historisches Gold enthalten sey, was die Kritik ausscheiden müsse. Unsere Bollandisten waren der nämlichen Überzeugung, und es ist zu bedauern, dass ihre ungeheure Sammlung nur den Monat October erreichte.

К.“

По поводу находящихся здѣсь словъ „scheint die nämliche zu seyn“ Добровскийъ въ письмѣ къ Копитарю отъ 22-го декабря 1813 года замѣтилъ: „minime die nämliche, sondern der Russe benutzte sie“ ³⁾. Отсюда можно заключить, что изданіе Οὐρανοῦ χριστὸς etc. уже въ то время было извѣстно Добровскому. Впослѣдствіи онъ сказалъ объ этой книгѣ въ печати ⁴⁾: „Есть еще ново-греческой переводъ сего

¹⁾ Письма Добровскаго и Копитаря въ повременномъ порядкѣ. Трудъ... Н. В. Лгича. С.-Пб., 1885, стр. 244.

²⁾ Wiener Allgemeine Literaturzeitung, № 68, отъ 24-го августа 1813 г., coll. 1087—1088 (въ одну строку, безъ раздѣленія на столбцы).

³⁾ Письма Добровскаго и Копитаря, стр. 362.

⁴⁾ Cyrill und Method, стр. 11—мы цитируемъ по переводу Погодина (Москва, 1825), стр. 7. Кстати замѣтимъ, что пользоваться послѣднимъ можно не всегда: „Въ первомъ параграфѣ разсужденія“, замѣчаетъ Погодинъ въ предисловіи (стр. VII), „по необходимости сдѣланы нѣкоторые пропуски, не относящіеся впрочемъ къ сущности дѣла“. Эти „не относящіеся къ сущности дѣла пропуски“ касаются недостоверности сказанія нашихъ Четыхъ-Миней (ср. подлинникъ, стр. 7—9, и переводъ, стр. 5); „необходимость“ выбросить нѣсколько пунктовъ была создана цен-

житія (Лейпцигъ 1805), на которомъ мы не будемъ останавливаться. Хотя при ономъ находится приложеніе изъ сочиненія нѣкоего Данила, прислужника въ Монастырѣ Загорскомъ (Custos eines Klosters von Zagora), однако въ приложеніи семъ не содержится ничего, кромѣ помѣщенного уже въ новѣйшемъ Русскомъ житіи у Шлепера“. Насколько справедливы эти слова Добровскаго, выяснится изъ дальнѣйшихъ замѣчаній; пока обратимъ вниманіе на то, что и патриархъ славяновѣдѣнія, какъ и другіе изслѣдователи, цитируетъ изданіе 1805 г.; перепечатка, сдѣланная въ той же типографіи въ 1807 г. ¹⁾, до сихъ поръ остается совершенно неизвѣстной.

Изданіе 1805 г., считающееся за переводъ текста Памперя (1802), имѣетъ въ заглавіи фразу: *vñ δεύτερον πλήρης ἐκδόδοται, ἄτε κολοβωθεὶς τὰ καίρια παράτυπος, ὁ πρότερον ἐν βενετία τυπωθεὶς* ²⁾. На эти слова обратилъ вниманіе Миклошичъ, замѣтившій ³⁾: *Editionem venetam, quam interpres mutilatam esse dicit, videre nobis non contigit.*

Бодянский, уже пользовавшійся изданіемъ Миклошича, подробно описываетъ ⁴⁾ бывшую у него подъ руками часть книги *Ὁράνοῦ χρίσις* и тутъ же замѣчаетъ, что не знаетъ, часть какого сочиненія составляютъ эти страницы—между тѣмъ Миклошичъ приводитъ ⁵⁾ заглавіе изданія 1805 г. Далѣе у Бодянскаго читаемъ ⁶⁾: „Я по тому вошелъ въ такіа подробности объ этихъ изданіяхъ, что они теперь уже большая рѣдкость, такъ что я, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, не могъ ни одного изъ нихъ пріобрѣсти за границей, а получилъ, послѣ долгихъ сношеній, лишь въ 1847 г., отъ одного знакомаго Сербъ, который нарочно поручалъ отыскать ихъ не только въ княжествѣ Сербскомъ, но и сосѣднихъ Турецкихъ областяхъ“. Это сообщеніе подтверждается экземпляромъ книги *Ὁράνοῦ χρίσις* etc., нѣкогда находившимся въ биб-

зурой; рассматривавшій „сію книгу“ Каченовскій сказалъ Погодину, „что нельзя пропустить въ *Кириллѣ* о нашей *Миней*“ (Барсуковъ, Н., Жизнь и труды М. П. Погодина, I, 270).

¹⁾ Ср. примѣчаніе Вретоса, *op. cit.*, I, № 400.

²⁾ Цитируетъ по подлиннику, а не по вышеприведенной анонимной замѣткѣ. У Вретоса I. с. также допущена неточность. Въ самой книгѣ *Ὁράνοῦ χρίσις* etc. на стр. 71 къ заглавію *Βίος* etc. прибавлено: *Ὅστις κολοβωθεὶς τὰ καίρια, καὶ ἀχρεωθεὶς παράτυπος, ὡς ἡ τοῦ πρότερος πρὸς ἐλεῖνον παράθεσις, σαφῶς δηλοῖ, ἤδη ἀρτίως καὶ ὑπεκλήθη-ρος τύποις ἐκδόδοται.*

³⁾ *Op. cit.*, pag. VI.

⁴⁾ *Op. cit.* pag. II.

⁵⁾ *Op. cit.*, pagg. V—VI.

⁶⁾ *Op. cit.*, pagg. II—III.

ліодекъ Бодянскаго: оны состоятъ изъ гравированнаго изображенія св. Климента и тѣхъ отдѣловъ книги, которые перечислены въ изслѣдованіи „О времени происхожденія славянскихъ писемъ“¹⁾; на внутренней сторонѣ передней корочки бумажнаго переплета рукою прежняго владѣльца написано: „О. Бодянскаго. Отъ Баталаки изъ Бѣлграда Сербскаго. 1847 хі/19. Москва». На кускѣ заглавнаго листа, приклеенномъ къ титулу: Μηνὶ Νοεμβρίῳ χθ. Βίος Πανθαύματος etc., къ словамъ: μετενεχθεὶς δὲ παρ' ἡμῶν сдѣлана рукописная сноска: οὗτος ἐστὶν ὁ Σοφολογώτατος Διδάσκαλος Ἀθανάσιος ὁ Παρίος. Этотъ іеромонахъ, литераторъ и педагогъ, родомъ съ острова Пароса, давашаго ему прозвище, былъ однимъ изъ выдающихся учениковъ Евгенія Булгариса по Леонской школѣ. Въ литературѣ оны извѣстенъ, какъ переводчикъ церковныхъ книгъ съ древнегреческаго языка на новогреческій. Умеръ Аванасій въ глубокой старости въ 1813 г.²⁾ Въ числѣ его переводовъ въ цитированной новогреческой библиографіи Вретоса упоминается³⁾ и житіе св. Климента, напечатанное еще въ 1784 г. при *венціанскомъ* изданіи службы этому святому (составлена архіепископомъ болгарскимъ, Димитріемъ Хоматианомъ). Не имѣя подъ руками этой книги, мы не можемъ судить, насколько и въ какихъ отношеніяхъ исправленъ былъ переводъ о. Аванасія въ лейпцигскомъ изданіи, но сопоставленіе датъ показываетъ, что въ первоначальной своей редакціи оны не могъ находиться въ зависимости отъ текста Памперей. Предоставляя лицамъ, имѣющимъ болѣе доступа къ новогреческимъ книгамъ, обследовать венціанское изданіе этого па-

¹⁾ Ibid., II.

²⁾ А. Ζ. Μάμουκας въ книгѣ К. Ν. Σάθα „Νεοελληνική φιλολογία“ (Ἐν Ἀθήναις, 1868, стр. 630 и слѣд.).

³⁾ I, № 307:—Ἀκολουθία τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας, ψαλλομένη μηνὶ Νοεμβρίῳ χθ'. συντεθείσα παρὰ τοῦ ἁγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου τῆς αὐτῆς Βουλγαρίας κυρίου Δημητρίου τοῦ Χωματιανοῦ. ἀφ' ἧς. Ἐνετίρην 1784. παρὰ Δημητρίῳ Θεοδοσίῳ. εἰς 8^{ον}.

ΣΗΜΕΙΩΣΙΣ. Εἰς τὸ τέλος τῆς Ἀκολουθίας ἀναγνώσκεται ὁ βίος τοῦ ἁγίου Κλήμεντος, συντεθείς Ἑλληνιστὶ ὑπὸ τοῦ ἐν ἁγίοις Θεοφύλακτου Ἀρχιεπισκόπου ἐπίσης τῆς Βουλγαρίας, μεταφραστῆς δὲ εἰς τὴν κοινὴν ἡμῶν διάλεκτον παρὰ τοῦ ἐν Ἱερομονάχῳ Ἀθανασίῳ τοῦ Παρίου κατ' αἴτησιν τοῦ Πανοσιωτάτου ἐν Ἱερομονάχῳ κυρίου Ἀρσενίου Μελετικιώτου ἐκ τῆς ἱερᾶς Μονῆς τοῦ Προδρόμου τῆς κατὰ τὴν Βερροίαν καμίνης. Въ книгѣ Σάθα „Νεοελληνική φιλολογία“, стр. 638, временемъ изданія указаиъ 1781 годѣ (опечатка?). „Ἀκολουθία“ etc. была въ рукахъ у покойнаго Π. Λάμπρος'а, какъ видно изъ того, что въ своемъ экзemplarѣ библиографіи Вретоса оны выставилъ число страницъ (60) этой книги (ср. статью г. Σπυρ. Π. Λάμπρου „Προσθήκαι εἰς τὴν νεοελληνικὴν βιβλιογραφίαν“—Νέος Ἑλληνομνήμων, II, 223).

мятника, мы считаемъ необходимымъ привести доказательства того, что въ этой книгѣ могутъ встрѣтиться немаловажныя данныя для исторіи сказаній о свв. Кириллѣ и Меодіи, если помѣщенное въ ней житіе св. Климента въ основѣ сходно съ доступнымъ намъ въ Οὐρανῷ χρίσας. Въ послѣднемъ отдѣлѣ, посвященный Клименту, начинается съ посланія „православнаго ревнителя“ всѣмъ благочестивымъ чадамъ восточной церкви ¹⁾. По словамъ анонимаго автора, онъ имѣлъ въ виду этимъ посланіемъ возбудить вниманіе читателя къ издаваемому житію, изъ котораго можно извлечь много полезнаго, а главнымъ образомъ—увѣренность въ святости православной церкви, которая разошлась съ римской изъ-за „сатанинскаго богохульства“ послѣдней—прибавки Filioque въ символѣ вѣры. Житіе Климента, отвергавшаго этотъ догматъ, является доводомъ именно въ пользу православія; Климентъ былъ первымъ послѣ св. Меодіа исповѣдникомъ, котораго подвергали мученіямъ изъ-за этого пункта богословской системы. Написавъ далѣе немало полемическихъ строкъ противъ католиковъ вообще, анонимъ въ концѣ своего посланія сообщаетъ о нахожденіи чудотворной главы св. Климента въ монастырѣ τοῦ Τιμίου Προδρόμου, находящемся εἰς τὰ ὄρια τῆς κατὰ τὴν Μακεδονίαν βερίσσιας — на современной картѣ ²⁾ дѣйствительно имѣется названіе Prodromos на рѣкѣ Быстрицѣ (Vistrica или Indze-Karasu) въ небольшомъ разстояніи отъ Веріи (къ югу). Это упоминаніе осталось неизвѣстнымъ г. Баласчеву, сообщающему ³⁾ кое-какія свѣдѣнія о монахѣ св. Климента. Какъ мы выше видѣли, переводъ „Житія“ на новогреческій языкъ былъ сдѣланъ по просьбѣ іеромонаха изъ этой обители. Къ ней относятся и первая изъ напечатанныхъ въ Οὐρανῷ χρίσας ⁴⁾ надписей, облеченная въ два пентаметровыхъ дистиха; вторая, состоящая изъ семи „политическихъ“ стиховъ, посвящена Солуни, какъ родинѣ „новыхъ апостоловъ“, Кирилла и Меодіа.

На страницахъ 84—133 находится Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἐν ἁγίοις Πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος Ἀρχιεπισκόπου βουλγαρίας τοῦ ὁμολογητοῦ μεταφρασθεὶς εἰς τὴν κοινὴν φράσιν ἐκ τοῦ ἐλληνικοῦ, πρὸς κοινὴν ὠφέλειαν τῶν ὀρθοδόξων λαῶν.

Въ началѣ помѣщено предисловіе переводчика (Προόμιον τοῦ με-

¹⁾ Οὐρανῷ χρίσας, стр. 73—82.

²⁾ Karte von Makedonien, Altserbien und Albanien. 1:864.000... Bearbeitet von Dr. Karl Peucker. II. Auflage. Wien. 1903.

³⁾ Климентъ епископъ словѣнски и службата му.... София, 1898, стр. XLI—XLIII.

⁴⁾ Стр. 83.

ταφράσαντος), не отдѣленное, впрочемъ, отъ самаго текста. Указывая на обычай „мірскихъ мудрецовъ и риторовъ“ восхвалять сильныхъ міра сего, переводчикъ „Житія“ находитъ необходимымъ, чтобы „истинно мудрые учителя церкви“ справедливо прославляли церковныхъ дѣятелей. Сообразно съ этимъ, подвигамъ св. Климента посвящали свои труды Теофилактъ, Димитрій Хоматианъ и Константинъ Кавасила ¹⁾. „Можетъ быть есть“, прибавляетъ анонимъ, „и иной какой-нибудь глашатай славы этого апостольскаго мужа, но намъ извѣстны только эти, и по преимуществу святой Теофилактъ“. Такъ какъ написанное послѣднимъ житіе св. Климента заперто для многихъ „замками аллинскаго языка“, то анонимъ желаетъ отпереть его „ключемъ перевода“. Въ трудѣ Теофилакта переводчикъ находитъ существенный недостатокъ—авторъ не сообщаетъ данныхъ ни о происхожденіи Климента, ни объ его учителяхъ—равноапостольныхъ мужахъ Кириллѣ и Меоодіи, хотя и могъ бы рассказать объ этомъ, ибо, „какъ самъ свидѣтельствуетъ въ настоящемъ сочиненіи, съ ранняго возраста былъ ближайшимъ ученикомъ этого святого Климента“ (очевидно, что время жизни Теофилакта не было извѣстно Аванасію Паросскому). Чтобы восполнить замѣченный въ „Житіи“ пробѣлъ, переводчикъ приложилъ все стараніе къ разысканію свѣдѣній о происхожденіи какъ Климента, такъ и святыхъ братьевъ, но относительно перваго поиски не увѣчались успѣхомъ; „только то“, замѣчаетъ Аванасій, „мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что онъ былъ родомъ грекъ изъ какого-нибудь города греческаго царства, а не болгаринъ, какъ мы догадываемся о томъ по одному предположенію“ ²⁾. Что же касается Кирилла и Меоодія, о нихъ переводчикъ получилъ нѣкоторыя данныя отъ „святѣйшаго проигумена и ризничаго святого монастыря Хиландаря, господина Данила изъ Старой Загоры“ [τοῦ Πανοσιωτάτου προηγούμενου καὶ Σχευοφύλακος τῆς ἱερᾶς Μονῆς τοῦ χιλανδαρίου κυρίου Δανιὴλ ἀπὸ ἐκτὴ Ζαγορᾶ] ³⁾, который, разыскивая свѣдѣнія о Климентѣ, Кириллѣ и Меоодіи „въ относящихся къ нимъ книгахъ“, нашелъ рассказъ только о святыхъ братьяхъ. „И я наконецъ помѣщаю [γράφω] его здѣсь, какъ онъ былъ мнѣ оттуда присланъ“, замѣчаетъ далѣе ⁴⁾ Аванасій. Мы съ своей стороны считаемъ нужнымъ воспро-

¹⁾ Ср. объ этомъ въ цитированной книгѣ г. Баласчева, стр. LXXI—LXXVII.

²⁾ Οὐρανοῦ κρίσις, стр. 87.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibid., 87—88.

навести новогреческій текстъ ¹⁾ этого повѣствованія параллельно съ близкими къ нему мѣстами въ житіи Меѳодія и Константина, помѣщенномъ въ печатныхъ Четивхъ-Минеехъ ²⁾.

Ἐπὶ τῆς βασιλείας λέοντος τοῦ Ἀρμενίου, ἦτον τις Ἄρχων εἰς τὴν Θεσσαλονίκην Λέων τὸ ὄνομα, τὴν τάξιν ἑκατόνταρχος, καὶ ἡ σύζυγος αὐτοῦ Μαρία· καὶ οἱ δύο δίκαιοι καὶ ἀμεμπτοὶ καὶ θεοσεβεῖς κατὰ τὸν Ἰωβ. ἐξ αὐτῶν ἐγεννήθησαν τοῦτοι οἱ θεῖοι διδάσκαλοι καὶ νέοι Ἀπόστολοι ὁ Μεθόδιος λέγω καὶ ὁ Κύριλλος· καὶ ὁ μὲν Μεθόδιος ὁποῦ ἦτον πρῶτος τὴν Ἠλικίαν, ἀπ' οὗ ἔμαθε τὰ ἱερά γράμματα, καὶ ἔφθασεν εἰς Ἠλικίαν ἀνδρὸς ἐγένετο κρατιώτης· καὶ ἐπειδὴ ἔλαχε νὰ εἶναι ἀνδρεῖος καὶ ἀξιος, ἐγένετο ἐξάρχουρος καὶ εἰς τὰ Βασιλεία· ὅθεν ἐπὶ τῆς Βασιλείας Θεοφίλου τοῦ οἰκονομάχου ἦλθεν εἰς τὴν Κωνσταντινούπολιν, διὰ προσαγῆς τοῦ Βασιλέως, καὶ παρ' αὐτοῦ πέμπεται κρατηγός, εἰς ἐκείνα τὰ μέρη, τὰ ὅποια εὐνοοῦσαν μὲ τὸ ἔθνος τῶν βουλγάρων, κατὰ θείαν βέβαια οἰκονομίαν, διὰ νὰ μάθῃ ἐκεῖ τὴν γλῶσσαν ἐκείνου τοῦ γένους, ὡσάν ὁποῦ ἐμέλλε νὰ χρηματίσῃ μετὰ ταῦτα διδάσκαλος αὐτῶν· ἐκεῖ λοιπὸν διατρίψας χρόνους δέκα, ἐγύρισεν εἰς τὴν Κωνσταντινούπολιν· ἀλλὰ διὰ τὸν διωγμὸν, τὸν ὁποῖον εἶχε κινήσῃ κατὰ

Имѣла подрѣжи Марію (л. тѣ; въ паннонскихъ житіяхъ имени жены Льва кнѣз).

.... Περὶ τῆς οὔσης Μεθόδι, ἦκω старѣишій рождѣнїемъ, в' вѣзрастѣ прїице, ѡ в' коиискиихъ полцѣхъ садѣаше, ѡ царѣ знанїи кѣ, ѡ воеводѣмъ ш негѣ погтѣвенеи вѣстѣ, ѡ вѣ странѣ сопредѣлнма славаншма погланш: сїе же по смотрѣнїю Епїтѣ, да надѣнїте мзѣма славанска, ѡкѣ имѣемї томѣ погтѣжде оуѣнїте лѣтѣмї ѡ пѣгтыр вѣтѣ вѣ своѣ крѣма. Прїевѣк же вѣ воеводѣтѣмъ чїнѣ лѣтѣ ѡкѣ дѣсѣтѣ ³⁾, ѡ сѣо сдѣтѣ молекѣ жїтѣнїкїа разсмотрѣкѣ, сѣо же гтѣжїкѣ сї ш гонѣнїа, тѣкѣ ѡкѣновѣрнїмъ царѣ Феѡφїлѣмъ козлѣнѣаше на пракоѣтѣрнма: сѣгтѣвї воеводѣтѣо, ѡ вѣл крѣснаа мїра гегѣ, ѡ мїаѣ во ѡлѣанїїкѣмъ гѣрѣ, во ѡно-

¹⁾ Ibid., 88—95.

²⁾ Мы пользовались тѣмъ же изданїемъ, что и Шлѣцеръ („Несторъ“, III, 239)—третьимъ (томъ третїи, лл. тѣс—тѣд).

³⁾ Ср. такое же опредѣленїе времени „словѣнскаго княженїа“ св. Меѳодія въ Прилузскомъ прологѣ (Ламанскїи, В., Славянское жїтїе св. Кїрилла, какѣ релїгїозно-эпїчское произведенїе и какѣ историческїи источникѣ (Крїтїческїа замѣтки)—*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1904 г., № 4, стр. 222^о).

τῶν ἁγίων εἰκόνων ὁ Θεομισῆς Θεοφίλος καὶ τὰς ἐκ τοῦ διωγμοῦ ἀχαλασσίας, μύσας τὰ πάντα καὶ ρίψας τὰ ὄπλα ἀπῆλθεν εἰς τὸ ὄρος τοῦ Ὀλύμπου καὶ ἔγινε Μοναχός μετονομασθεὶς ¹⁾ Μεθόδιος· ὁ δὲ μακάριος Κωνσταντῖνος (ὅτι τοῦτο ἦν τὸ πρῶτον τοῦ ὄνομα τὸ ἀπὸ τῆς γεννήσεως) γενόμενος χρόνων ἑπτὰ ἔμαθε πρῶτον τὰ κοινὰ γράμματα, ἔπειτα τὸν ἔβαλαν οἱ γονεῖς του καὶ εἰς τὰ ἑλληνικά· οἱ ὅποιοι μετὰ ὀλίγον καιρὸν ἀπῆλθον πρὸς χύριον· ὁ δὲ νέος ἐπρόκοπτε θαυμασίως εἰς τὰ μαθήματα· ἀπολυνόντος δὲ τοῦ Βασιλέως Θεοφίλου, ἔμεινε διάδοχος ὁ υἱὸς αὐτοῦ μετὰ τῆς Μητρὸς αὐτοῦ Θεοδώρας· ἐπειδὴ δὲ ὁ Μιχαὴλ ἦτον ἀκόμα ἀνήλικος, τοῦ ἄφησεν ἐπιτρόπους ὁ πατὴρ αὐτοῦ εἰς τὸ νὰ διοικοῦν τὰ τῆς Βασιλείας Μανουὴλ τὸν Μάγιστρον, καὶ Θεόκτιστον τὸν Πατρίκιον καὶ Λογοθέτην τοῦ ὁρόμου· αὐτοῦ τοῦ Λογοθέτου ἦσαν γνώριμοι οἱ γονεῖς τοῦ Κωνσταντίνου, καὶ διὰ τοῦτο ἔσειλα καὶ ἐπῆρε τὸν Κωνσταντῖνον ἀπὸ τῆν Θεσσαλονίκην, καὶ τὸν ἔβαλε νὰ σπουδάζη ἀνάμα μὲ τὸν νέον Βασιλέα, διὰ νὰ βλέπῃ τὸ βασιλόπουλον τὴν προκοπὴν ἐκείνου, καὶ νὰ τὸν μιμῆται εἰς τὴν ἐπιμελειαν τῆς σπουδῆς· ὅμως ὁ Κωνσταντῖνος μὲ ὀλίγους χρόνους, ἀπέκτησε πᾶσαν σοφίαν καὶ σύνεσιν, καὶ ὑπερέβη

чуждїи чїнїх пострїжїа,.... (л. τῶε). [Въ паннонскомъ житїи св. Меодїа аналогичные факты разсказываются (главы II—III) иначе, и время управленїа „княженїемъ словѣнскимъ“ опредѣляется только, какъ лѣта многа].

...Нѣ та времена оумѣрїш царѣ Феодїаѣ, нагтѣ по нѣмїа на царѣткѣ сїнїх ѣгѣ Мїхїаѣа сїа мїатерїа сїоїа κλ̄γονετїкѣа црїцїа Феодѣром. Нѣ же ѣпїе царѣ τῶй мїаѣа Сѣтрокѣ, ѣмѣже прїестѣкѣнїи вѣшїа нѣстѣнїи трїа вєлїцїи колѣре, Мандїаѣа дѣмѣстїаѣ, Феоктїстѣа патрїкїѣ, ѣ Λογοδѣтѣ Δρόμїи. томѣ Λογοδѣтѣ знаѣмїи вѣхѣ ροδїтѣаѣ Μεδῶδїεμ ѣ Κωνσταντїνοεμ. ѣ сѣмїшакѣ Λογοδѣтѣ Сѣ Сѣτροδїїи Сѣτροκѣ Κωνσταντїна, πογѣ по нєгѣ, дѣкѣ οὐχїаѣа κκ̄π̄ε сї ѣнїмѣ царѣмѣ Μιχαїλοεμ οὐχїαѣнїаѣ κнїгѣ, ѣκѣ да сїаοτρѣ царѣ на вѣстроδїїе Κωνσταντїноε, τїрѣаѣа вѣ ѣ сѣмѣ οὐχїтїаѣа сїορїи,.... (л. τῶε об.). [Въ III главѣ паннонскаго житїа св. Константина все это разсказано гораздо короче и безъ собственныхъ именъ].

ѣ прѣзѣкѣ вѣстїе πογѣтѣкѣ φїλοδѣомѣ, понѣже прѣсїп̄ѣ κѣ λ̄μ̄κομδ̄ρїи

¹⁾ Обращаемъ вниманїе на этотъ терминъ; отсюда можно заключить, что мїрскѣа κнїа Меодїа намъ неизвѣстнѣ; въ доступныхъ до сїхѣ порѣ источнїкѣахъ нѣтъ указанїй на фактѣ переимѣнїа Меодїеѣмѣ имени при вступленїи въ монашество.

πάντας τοὺς τότε σοφοὺς, καὶ ὑπὸ παντων ἐκράζετο φιλόσοφος. διὰ τοῦτο καὶ ἠγάπα αὐτὸν ὁ Δογοθέτης, καὶ ἠθέλησε νὰ τὸν σεφανώσῃ μὲ μίαντου πνευματικὴν θυγατέρα ἀπὸ τὸ ἅγιον βάπτισμα, τάζωντάς του πλοῦτον καὶ τιμὴν βασιλικήν· ἀλλ' αὐτὸς ὁ μακάριος Κωνσταντῖνος μισήσας τὸν Κόσμον, καὶ τὰ ἐν Κόσμῳ, φεύγει κρυφίως ἀπὸ τὰ Βασίλεια, καὶ ἀπελθὼν εἰς ἓν μοναστήριον εἰς το σενὸν τῆς μαύρης θαλάσσης, ἔγινε μοναχός· ἔγινε δὲ ζήτησις περὶ αὐτοῦ, οὐμόνον παρὰ τοῦ Δογοθέτου, ἀλλὰ καὶ ὑπὸ τοῦ Βασιλέως, καὶ μετὰ ἕξ μῆνας τὸν ἤρσαν, καὶ τὸν ἔφεραν καὶ μὴ θέλοντα εἰς τὰ Βασίλεια, καὶ ἐχειροτόνησεν αὐτὸν πρεσβύτερον ὁ ἐν ἁγίοις Μεθόδιος ὁ Πατριάρχης, καὶ ἐν ταῦτῳ τὸν ἔκαμε καὶ χαρτοφύλακα τῆς μεγάλης ἐκκλησίας, καὶ μέγαν διδάσκαλον τῆς φιλοσοφίας· μετὰ δὲ τινος χρόνου διάστημα πέμπεται ἀποκρισιάριος παρὰ τοῦ Βασιλέως πρὸς τοὺς σαρακοινοὺς εἰς τὴν Συρίαν· ὅστις πορευθεὶς ἐκεῖ, ἐδιελέγετο μὲ τοὺς νομοδιδασκάλους αὐτῶν περὶ Πίσεως· οἱ ὅποιοι καὶ ἔδωκαν αὐτῷ φαρμάκι δηλητηριῶν ἤγουν θανατηφόρον· καὶ αὐτὸς χωρὶς νὰ φοβηθῆ παντελῶς τὸ ἔπιε· καὶ ἀβλαβοῦς μείναντος ἐθαύμασεν ὁ ἀπιθέντης, καὶ χάρισας αὐτῷ πολλὰς δωρεὰς τὸν ἐξαπέστειλεν εἰς τὸ βυζάντιον· ὁ δὲ βασιλεὺς καὶ ἡ Σύγκλητος τὸν ἐδέχθησαν μετὰ χαρᾶς εὐχαρισοῦντες αὐτῷ· ὁ δὲ ἅγιος ἀπελθὼν εἰς τὸ ὄρος τοῦ Ὀλύμπου, καὶ εὐρῶν τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ τὸν ὁσιώτατον Μεθό-

πάγι ἡνίχη (λ. τοῖς οβ.). [Въ IV главѣ паннонскаго житія св. Константина это пропущено].

Еѣ оу догодѣта дмѣрѣ лѣѡкнаа, ѡ κδπѣан κрѣпѣнїа гѣгѡ прїάтаа, сѣτροковѣца краснѣа вѣлаѡ, ѡ кеаѣкагѡ рѡда, ѡже по роадѣтелехѣ ке сеѡѣаѣ пѣтѣѡиגעѣ тоѡ ѡмѣкаше. Хоτѡше оуѡе догодѣте сопрапѣн сѡнѡ κωνσταντїнѡ, ѡ κεаѣчегкѣ ѡ τѡмѣ τѡмѡшеа, лїнѡпнїа сеѡεεѡ оуѣѣшавѣаа κωνστανтїна ке жєнїтєкѣ, ѡ ѡкѣшавѣаа ке вогагѣтєкоме ѡ царѣ чѣстѣ кеаѣкагѡ сѡна. Пѣжїннѡѡ же κωνστανтїнѣ, вѣгѡа мїра, ѡ κεѣхѣ, ѡже ке мїрѣ, ѡнѣе тѡн на оуѣзкоε мїре, ѡ тѡнїо ке моноагѣтѣрѣ нѣкїѡ κшедѣ, прїа на сѣ ѡпочеκїѡ чїнѣ. Емѣтѣ же ѡ нѣмѣ не τѡчїю ѡ догодѣта, но ѡ ѡ царѣ εзыкекѡнїе лїнѡгоε, ѡ по шегтѣ мѣѣхѣ εдѣа ѡвѣрѣтѡша тогѡ ѡнїε κокрѡεκїше ке моноашеεκομε сѣвразѣ κокρѡεκїнїо, ѡ нѡждѣю ѡзѣ моноагѣтѣрѣ εзѣмїше, ке Цѣрѣградѣ козєратїша, да не вѣдѣтѣ κεѣтїлїнїке подѣ κпѣдоме, но на κεѣκїнїцѣ. Оуѣѣдѣнїша же тогѡ прїάтї сѡнѣ сѡпѣннїнѣεκїѡ, πατρίάρшєтєкоεακѡδ тогдѣ їтѣѣшємїδ Μεδѡδїю, ѡ оуѣжѣ їρεεн їκѡновѡрнѡѡ ѡ κрѣке ѡтρεвалѣннѡѡ вѣκїшѣ. Тѡже вїѣлѡдїѡκѡра ке соѡѡрнѡѡ гѣгѡа εοφїѡ κрѣкѣ, ѡ оуѣчїтєаа фїλοσѡφїн ποгѣкнїша κωνστανтїна. (λ. τсѡ). [Въ IV главѣ паннонскаго житія св. Кирилла все это разсказано совершенно иначе].

διον ἔμεινε μετ' αὐτοῦ δουλεύοντας τῷ θεῷ· μετὰ δὲ ταῦτα Χαγάνος ὁ ἀρχηγὸς τῶν Κοζάκων ¹⁾, σέλνει πρέσβεις πρὸς τὸν Βασιλέα Μιχαήλ ἐρωτῶν περὶ Πίτσεως, ἐπειδὴ οἱ ἔβραιοι ἐδίδασκον αὐτὸν τὴν Ἰηρησκείαν τους, οἱ δὲ σαρακοῖνοι τὴν ἀσέβειαν αὐτῶν λέγοντες, ὅτι αὕτη ἐστὶν ἡ ἐξαιρέτος Πίττις· διὰ τοῦτο παρεχάλει τὸν Βασιλέα νὰ τοῦ στείλῃ ἄνδρας σοφοὺς διδασκάλους, νὰ διαλεχθοῦν μὲ τοὺς ἔβραίους, ὑποσχόμενος νὰ τοῦ εἶναι εἰς τὸ ἐξῆς ὑπήκοος, καὶ βοηθὸς εἰς τὸν πόλεμον· ὁ δὲ Βασιλεὺς μὲ τὸν Πατριάρχην Ἰγνάτιον (οὗτος γὰρ ἐπατριάρχευσε μετὰ τὸν ἅγιον Μεθόδιον) σέλλουσιν εἰς τὸ Ὅρος τοῦ Ὀλύμπου καὶ φέρουσι τὸν ἅγιον Κύριλλον καὶ Μεθόδιον τὸν ἀδελφόν του, καὶ τοὺς ἔσειλαν ἐκεῖ· οἱ ὅποιοι καὶ μετὰ χαρᾶς ὑπήκουσαν, καὶ προθύμως ἔδραμαν εἰς τὸ κήρυγμα τῆς Πίτσεως πρὸς ἐκεῖνα τὰ ἔθνη· τοὺς ὁποίους φθάσαντας ἐκείσε τοὺς ἐδέχθη μετὰ χαρᾶς ὁ Χαγάνος, καὶ εὐθὺς ἐπρόσταξε τοὺς ἔβραίους νὰ ἔλθουν νὰ διαλεχθοῦν μὲ τοὺς Ῥωμαίους, οἱ ὅποιοι καὶ ἦλθον πλῆθος γραμματεῖς καὶ νομοδιδάσκαλοι· τοὺς ὁποίους ἐλέγξαντες οἱ θεῖοι πατέρες τοὺς κατήσχυναν τῇ δυνάμει τῶν λόγων, ἐκ τῶν ἁγίων γραφῶν καὶ τῶν προφητῶν, ἕως ὅπου τέλος πάντων ἀπεδιώχθησαν ὡς μισόθθιοι καὶ παράνομοι· ὁδὲ Χαγάνος εὐλαβηθεὶς τοὺς ἁγίους, καὶ κατηχηθεὶς ὑπ' αὐτῶν τὴν εὐσέβειαν ἐδέχθη τὸ ἅγιον βάπτισμα αὐτὸς καὶ μερικοὶ ἄρχοντες καὶ ἀπὸ τὸ πλῆθος ἕως διακό-

.... Тогда царь Михаил съ съѣшнми патриархомъ Ігнатіемъ, ѣже еѣ по сѣомъ Діедѣди, соговорѣши въмкѣнѣ ѡ константинѣ философѣ, призваши егѣ ѡ Слѣвнѣнскіа горѣ..... (л. τѣи об.) [Въ паннонскихъ житіяхъ св. Константина, гл. VIII, и св. Меодія, гл. IV, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ нѣтъ такого оборота рѣчи].

¹⁾ Очевидно, вмѣсто Хаζάρων. Н. II.

αι· τοὺς ὁποίους οἱ θεῖοι πατέρες
 ἰκανῶς διδάξαντες καὶ ζηρίξαντες εἰς
 τὴν πίσιν, ἀφῆκαν εἰς αὐτοὺς ἱερεῖς
 χειρονοήτας· καὶ λαβόντες διὰ δῶρον
 ὄσους ῥωμαίους εἶχον αἰχμαλώτους οἱ
 Σκύθαι, ὅπου ἦσαν ὑπὲρ τοὺς διακο-
 αίους ἄνδρας, ὑπέκρεσαν εἰς τὴν Χερ-
 σῶνα· καὶ ἐκεῖ διὰ προσευχῆς εὖρον
 τὰ λείψανα τοῦ ἁγίου Κλήμεντος πάπα
 ῤώμης, ἔσωθεν τῆς θαλάσσης· καὶ φέ-
 ροντες τὰ ἀπέθησαν εἰς τὴν μεγάλην
 ἐκκλησίαν τῆς ἁγίας Σοφίας ὅπου εἶναι
 ἐκεῖ εἰς τὴν χερσῶνα, ὁμοῦ μετὰ τοῦ
 ἐπισκόπου χερσῶνος Γεωργίου καὶ παν-
 τὸς τοῦ λαοῦ· αὐτοὶ δὲ οἱ μακάριοι
 λαβόντες μέρος ἐκ τῶν λειψάνων τοῦ
 ἁγίου Κλήμεντος ἐπανέκρεσαν εἰς τὴν
 Κωνσταντινούπολιν· καὶ τοὺς ἐδέχθη ὅτε
 Βασιλεὺς καὶ ὁ Πατριάρχης μετὰ τι-
 μῆς μεγάλης, ὡς Ἀποστόλους τοῦ χρι-
 στοῦ εἰς τὰ ἔθνη κηρύξαντας· ὅλη τούτη
 ἡδιήγησις λείπει ἀπὸ τὸν λόγον τοῦ
 Θεοφολάκτου, καὶ ἀγχαλὰ φαίνεται,
 πῶς εἶναι ἔξω τῆς ἐδικῆς μας ὑπο-
 θέσεως, ὅπου εἶναι τὸ νὰ γράφωμεν
 τὰ τοῦ ἱεροῦ Κλήμεντος, ὅμως ἐπειδὴ
 αὐτῶν τῶν θαυμασιῶν διδασκάλων
 ἐτάθη μαθητῆς ὁ μακάριος Κλήμης,
 κατὰ τοῦτο δὲν ἤμπορεῖ νὰ εἰπῆ τι-
 νὰς, πῶς εἶναι περιττὴ· ἐπειδὴ πρῶ-
 τον μὲν διδασκόμεθα ἐξ αὐτῆς ἐντε-
 λῶς ποῖοι καὶ πόθεν ἦσαν τοῦτοι οἱ
 θεῖοι διδάσκαλοι· δεῦτερον δὲ καὶ τοῦτο
 μανθάνομεν, ὅτι κατὰ τοὺς διδασκά-
 λους ὅπου ἔλαβεν ὁ θεῖος Κλήμης,
 τιοῦτος καὶ αὐτὸς ἐχρημάτισε κατὰ
 ἀλήθειαν μαθητῆς, καθὼς ὁ λόγος θέ-
 λει τὸ δεῖξει σαφέστατα· ὅτι δὲν ἐπέ-
 ρασαν πολλοὶ χρόνοι, ἀφ' οὗ ἐγύρισαν

[Въ разсказѣ паннонскаго жи-
 тія св. Константина (гл. VIII) объ
 обрѣтеніи мощей св. Климента
 имени херсонскаго епископа нѣтъ;
 въ Минюакѣ читаемъ (л. τῶδ): Κων-
 σταντίνος εκ Μεδόλιεμζ... τμηάγμα ὡ
 ὠρητένιν ἦτιμῆζ μοσιῖ Ηλίμεντο-
 κμζ, ἡ ποδενίγσζα на τὸ Χερσόνскаго
 ἦκκпа Γεώργια εἰκένιμαго, ἦκε πέρετε
 ἦδε εκ Κωνσταντιнополζ εκ царῶ ἡ
 πατριάρχῶ, ὡ τότε κοζετέμζα, ἡ κοζέτε
 ὡ нѣче прѣмζа, ἡ полѣтз ὡтὸζα εἰς
 κλѣрз гѣмζ Соφίν:... [повидмому,
 это упоминание о невѣроятной
 поѣздѣ Георгія въ Константино-
 поль явилось, какъ результатъ
 смѣшенія двухъ церковей св. Со-
 фии — херсонской и константино-
 польской; впрочемъ, о подобномъ
 путешествіи Георгія упоминается
 въ Перемышльскомъ прологѣ
 (XVI в.), въ которомъ обрѣтение
 мощей св. Климента разсказано
 безъ упоминанія объ участіи свв.
 братьевъ (см. Памяткн украинсько-
 руської мови і літератури, III,
 312—313). Ср. вообще скептиче-
 скія замѣчанія г. Ів. Франка объ
 участіи свв. братьевъ въ обрѣте-

ἀπὸ τὸ κήρυγμα τῶν Κοζάκων ¹⁾, καὶ ἰδοὺ ἔρχονται πρέσβεις παρὰ τοῦ ἀθηνῶτος τῶν βουλγάρων πρὸς τὸν Βασιλέα Μιχαὴλ παρακαλῶντάς τον νὰ τοῦ ρεῖλη διδασκάλους νὰ κηρύξουν εἰς τὸ ἔθνος του τὸν χριστιανισμόν, ὑποσχόμενος νὰ βαπτισθῆ, καὶ νὰ εἶναι εἰς τὸ ἐξῆς φίλοι καὶ βοηθοὶ εἰς τοὺς πολέμους, τότε ὁ Βασιλεὺς καὶ ὁ Πατριάρχης κράζουσι πάλιν τοὺς ἀοιδίμους τούτους, παρακαλῶντές τους νὰ ὑπάγουν νὰ φωτίσουν τὰ ἔθνη ἐκεῖνα τὰ πεπλανημένα· οἱ ὅποιοι καὶ τὸ ἐδέχθησαν μετὰ χαρᾶς· τότε ὁ θεὸς Ἰγνάτος χειροτονεῖ τὸν μακάριον Κύριλλον ἐπίσκοπον· εὐδόκησε δὲ ὁ θεὸς τοῦ ἐλέους νὰ ἀντίξῃ τοὺς ψυχικοὺς του ὀφθαλμοὺς εἰς τὸ φῶς τῆς θεογνωσίας, τὸ ἀθεώτατον καὶ παχύτατον καὶ βαρβαρώτατον ἐκεῖνο γένος τῶν βουλγάρων, ὡς λέγουσι κοινῶς οἱ ἱστορικοὶ, κατὰ τὸν ἕνατον αἰῶνα, δηλαδὴ περίπου τοὺς ὀκτακοσίους ἐξήντα πέντε χρόνους ἀπὸ χριστοῦ· καὶ ἀπόστολοι, ὡς εἶπομεν, ἐχειροτονήθησαν παρὰ θεοῦ καὶ τῆς ἐκκλησίας οἱ δύο ἐκεῖνοι θεοφόροι ἀυτάδελφοὶ ὁ Κύριλλος καὶ ὁ Μεθόδιος· ἀλλ' ἐπειδὴ τοῦ ἔθνους ἐκείνου ἡ γλῶσσα γράμματα δὲν εἶχεν ἔως τότε, καὶ γραφὰς ὡς ἀλλόγλωσσοι καὶ ἄλλα ψυχωσπτήρια βιβλία δὲν ἐδύναντο νὰ ἀναγνώσουν, οὔτε ἱερεῖς νὰ ἔχουν τῆς γλώσσης των, τί ἔκαμαν ἐκεῖνοι οἱ θεόσοφοι διδάσκαλοι, διὰ νὰ μὴ μένη πάλιν ἐκεῖνος ὁ νεοφώτιστος λαὸς ἀμαθῆς καὶ ἀπαίδευτος; ἐνθυμήθησαν τὰ γένη τῶν γλωσσῶν,

νῆι мощей св. Климента—„Святой Климент у Корсуни. Причины до исторіи старорусьской легенды“, глава X, стр. 181—256, въ LIX и LX томахъ „Записок Наукового Товариства Имени Шевченка“]. Ср. также статью того же автора „Beiträge zur Quellenkritik der cyrillo-methodianischen Legenden“.—Archiv für slavische Philologie, XXVIII, 229—255. Здѣсь упомянуть (стр. 231¹⁾ еще одинъ текстъ, соотвѣтствующій разсказу Перемышльскаго пролога и найденный г. Франкомъ въ болѣ старомъ прологѣ, въ рукописи № 69 собранія каноника А. С. Петрушевича въ Львовскомъ Народномъ Домѣ. Въ недавно начатомъ описаніи этой коллекціи, принадлежащемъ г. Іл. Свенціцкому (Українсько-руський архив, т. I, вып. I, Львовъ, 1906), рукописи № 69 еще не находимъ (ср. стр. VШ). Г. Ю. А. Кулаковскій не сомнѣвается (Прошлое Тавриды. Кіевъ, 1906, стр. 74—77) въ томъ, что св. Кирилль участвовалъ въ открытіи мощей св. Климента. Трудъ г. Fr. Snopka „Studie Cyrillomethodějské“ (Brno, 1906) пока извѣстенъ намъ только по заглавію. Послѣ хазарской миссіи Кирилла и Меодія минейное житіе въ согласіи съ новогреческой версіей повѣствуетъ:

Пршѣдшимъ же ѿмъ въ Царьградъ,

¹⁾ Ср. выше. Н. II.

ὁποῦ ἐχαρίζοντο εἰς τοὺς πιεζούντας ἐν ταῖς ἡμέραις τῶν ἁγίων Ἀποστόλων· καὶ ἐπειδὴ, καθὼς εἶδαμεν ἀνωτέρω, ἦσαν ἄγιοι ἄνθρωποι, καὶ τὸν θεὸν εἶχον ἔνοικον εἰς τὸν ἑαυτὸν τους, διὰ τοῦτο καὶ πιεζούντες εἰς τὴν παντοδυναμίαν τοῦ θεοῦ, ἀπεφάσισαν νὰ ζητήσουν τὸ χάρισμα τῶν γραμμάτων ἀπὸ τὸν ἠθασαυρὸν τῶν ἀγαθῶν τὸν Παράκλητον, τοῦτ' ἔστι νὰ τοὺς φωτίσῃ νὰ εὔρουν σοιχεῖα γραμμάτων, ὁποῦ νὰ εἶναι ἀρμόδια εἰς τὴν χοντρὴν γλῶσσαν τῶν βουλγάρων, διὰ νὰ ἠμποροῦν νὰ κάνουν ἀκολούθως ἐκεῖθεν καὶ συλλαβὰς καὶ λέξεις ἐγγραμμάτους, καὶ νὰ ἀναγινώσκουν μὲ ἐκεῖνα κάθε λογῆς βιβλίον, ὁποῦ ἤθελε συντεθῆ, ἢ μεταγλωττισθῆ εἰς τὴν γλῶσσάν τους· τοῦτο ἀποφασίσαντες νὰ κάμουν, ἐδόθησαν εἰς νησεῖας καὶ προσευχὰς συντόνους καὶ ἐκτενεῖς· καὶ κατὰ ἀλήθειαν συνεργούσης τῆς θείας χάριτος δὲν ἐκαταισχύθησαν ἀπὸ τὴν προσδοκίαν τους· ὅτι μετὰ τεσσαράκοντα ἡμέρας ἐσύνθεσαν τὸ βουλγαρικὸν ἀλφάβητον σοιχεῖα τεσσαράκοντα ¹⁾ ὀκτῶ, καὶ ἄρχισαν νὰ λαλοῦν ἐτέρας γλώσσαις τὰ μεγαλεῖα τοῦ θεοῦ; καὶ πρῶτον μὲν ἐμεταγλώττισαν εἰς τὴν βουλγαρικὴν γλῶσσαν εἰς τὸν τροπάρια· μετὰ δὲ ταῦτα τὸ κατὰ Ἰωάννην ἅγιον Εὐαγγέλιον· ἰδόντες δὲ ὁ Βασιλεὺς καὶ ὁ Πατριάρχης, ἐδόξασαν ὀλοφυχῶς τὸν κύριον· ὕσπερ ἀπὸ τὸ μέγα τοῦτο καὶ ὑπερφυῆς κατόρθωμα ἀνεχώρησαν ἀπὸ τὴν Κωνσταντινούπολιν, ἔχοντες πᾶσαν ὑπηρεσίαν βασι-

пріятѣ вѣща ѿ царя ѿ ѿ патриарха ѿ ѿ крѣгѣ собора со мнѣгою вѣстїю ѿ рѣдоггїю, ѿкѣ а҃пѣли хрѣтѣѣмъ екъ ѿзѣцѣхъ проповѣдавахїи... (л. тїїг). [Въ паннонскихъ житїяхъ св. Константина (гл. XIII) и Меодїя (гл. IV) не упомянуто о прїемѣ царемъ и патриархомъ свв. братьевъ, вернувшихся отъ хазаръ].

¹⁾ Вѣроятпо вѣсто триакопта. Н. П.

λικήν· τοὺς ὁποίους καὶ φθάσαντας εἰς τὴν βουλγαρίαν ἐδέχθη μὲ τιμὰς μεγάλας ὁ βορίσης· ὁ αὐθέντης τῶν βουλγάρων· καὶ αὐτοὶ τοῦ ἔδειξαν τὰ νεώσι παρ' αὐτῶν εὐρεθέντα γράμματα, κατὰ τὴν ἐδικὴν τους γλῶσσαν· καὶ μετὰ τοῦτο εὐθύς τοὺς ἔφεραν παιδία νέα, καὶ ἄρχισαν νὰ τοὺς διδάσκουν τὰ γράμματα, καὶ νὰ τοὺς μανθάνουν ἐσπερινὸν, ὄρθρον, καὶ πᾶσαν τὴν ἀκολουθίαν, καὶ τὸ φαλτήριον· καὶ τέλος πάντων ἐβαπτίσθη ὁ Ἄρχων καὶ οἱ μετ' αὐτοῦ· καὶ διὰ τιμὴν πρὸς τὸν Βασιλέα καὶ ἀγάπην ἐζήτησεν ὁ Ἄρχων καὶ τοῦ ἐδόθη τοῦ βασιλέως τὸ ὄνομα, καὶ μετωνομάσθη Μιχαήλ· ἔπειτα κτίσαντες καὶ ἐκκλησίαν, ἄρχισαν νὰ ὑμνοῦν τὸν Θεὸν, καὶ νὰ βαπτίζουν τὰ πλήθη· ἔπειτα μεταφράσαντες τὴν ἱεράν λειτουργίαν ἄρχισαν καὶ νὰ λειτουργοῦν μὲ βουλγαρικὴν γλῶσσαν, καὶ νὰ μεταλαμβάνουν τοὺς πιστοὺς.

Ταῦτα ἀκούοντες καὶ βλέποντες οἱ δυτικοὶ, ἤγουν οἱ ἐπίσκοποι καὶ ἱερεῖς τοῦ Πάπα, ἐκατηγόρουν τοὺς ἀγίους, πῶς λειτουργοῦν μὲ γλῶσσαν βαρβαρικὴν, καὶ μὲ αὐτὴν ἀναγινώσκουν καὶ τὸ Εὐαγγέλιον, ὅποῦ δὲν πρέπει, πάρεξ μὲ μόναις ταῖς τρεῖς ἐκείναις, ἣ ὁποίαις ἐγράφησαν εἰς τὸν Τίτλον τοῦ цаυροῦ παρὰ τοῦ Πιλάτου, ὀηλαδὴ ἐβραϊσί, ἑλληνισί, καὶ ῥωμαϊσί· ὅθεν ὁ πάπας Νικόλαος, εἰς τὸν ὅποιον ἐγκάλεσαν τοὺς ἀγίους, τοὺς ἔγραψε νὰ ὑπάγουν πρὸς αὐτὸν εἰς τὴν ῥώμην, καὶ νὰ φέρουν καὶ τὰ βιβλία τους διὰ νὰ τὰ ἰδοῦν· αὐτοὶ δὲ οἱ μακάριοι ἤρξαντες τὸ ποιῆσαι αὐτῶν, κατασχέσαντες εἰς αὐτοὺς ἱερεῖς καὶ διακόνους ἐμίσευσαν

διὰ τὴν ῥώμην, ἔχοντες μεθ' ἑαυτῶν καὶ μέρος ἀπὸ τοῦ λείψανου τοῦ ἁγίου Κλήμεντος Πάπα ῥώμης· ἕως δὲ νὰ φιλάσουν εἰς τὴν ῥώμην ἀπέθανεν ὁ Πάπας Νικόλαος, καὶ ἔγινεν Ἀδριανὸς ὁ δευτέρος· αὐτὸς μαθὼν τὸν ἔργον αὐτῶν πῶς ἐπληροῖσαν εἰς τὴν ῥώμην, ἐξῆλθεν αὐτὸς ὁ ἴδιος Πάπας μετὰ τοῦ ἱεροῦ αὐτοῦ κλήρου, καὶ παντὸς τοῦ λαοῦ, μετὰ λαμπάδων καὶ θυμαμάτων, προπορευομένου τοῦ τιμίου σαρκοῦ, καὶ τοὺς ὑπεδέχθη ὄχι ἀλλέως, παρὰ ὡς Ἀποστόλους Κυρίου· ἐπειδὴ ἀπὸ πολὺν καιρὸν προτῆτερα ἤκουε τὴν βροντὴν τῆς φήμης τῶν, καὶ κατὰ πολλὰ ἐπαύμει, πῶς νὰ ἦτον τρόπος νὰ ἰδῆ καὶ τὴν ἀτραπὴν τῶν ἱερῶν τοὺς προσώπων· ὅθεν τότε ὑπερχαρῆς γενόμενος, πῶς ἀπήλασε παραδόξως, ἐκείνους ὁποῦ ἐθαύμαζε μακρόθεν, τὸν μὲν θεὸν ἐδόξασε καὶ εὐχαρίστησεν ἐκ ψυχῆς, διὰ τὴν μεγάλην ταύτην χάριν ὁποῦ ἀνελπίζως ἤξιώθη, τοὺς δὲ ἁγίους ἐμακάρισε, καὶ μετὰ τὰ πλέον ὑψηλότερα καὶ λαμπρότερα ἐγκώμια ἐνώπιον ὄλου τοῦ ἱεροῦ ἐκείνου ποιμνίου τοὺς ἐτίμησε· ἀλλὰ καὶ ὁ θεὸς βεβαιώνωντας τὴν φήμην καὶ τὴν ἀποστολικὴν ὑπόληψιν τῶν ἁγίων του, πολλὰ καὶ διάφορα σημεῖα καὶ θαύματα κατ' ἐκείνας τὰς ὥρας εἰς τὸν Λαόν τῆς ῥώμης ἐνήργησε· μετὰ ταῦτα λειτουργήσας εὐλόγησε τὰ βιβλία τῶν θείων γραφῶν ὁποῦ ἐμετάφρασαν, ὡς κατὰ ἀλήθειαν ἀποτέλεσμα τῆς τῶν ἁγίων Πίστεως καὶ χάρισμα τοῦ ἁγίου πνεύματος· καὶ κέρωντάς τα μετὰ τὰς χεῖρας του τὰ ἔβαλεν ἐπάνω εἰς τὴν ἁγίαν Τράπεζαν, ὡς ἓν μίαν προσφορὰν εὐ-

Съдѣте ми оу дошѣдшимъ ѣмѣ до Рѣма, преставивъ папа Николаѣ, ꙗкъ ѣстъ вѣдъ насѣдѣ Ндріана... (Л. тѣѣ об.) [Этого оборота нѣтъ въ соотвѣствующихъ мѣстахъ паннонскихъ житіѣ св. Константина (гл. XVII) и св. Меодія (гл. VI)].

πρόσδεκτον, καὶ εὐάρεσον τῷ θεῷ θυσιάν καὶ ἀφιέραμα· τούτων οὕτω γενομένων, ἔφθασεν ἡ ὥρα εἰς τὸν μακάριον Κύριλλον νὰ μεταστῇ ἀπὸ τὴν παροῦσαν ζωὴν, εἰς τὴν οὐράνιον καὶ αἰώνιον· καὶ προγνωρίσας τὴν τελευταίην του ἐνεδύθη τὸ μέγα ἀγγελικὸν σχῆμα· εἶτα ζήσας ὀλίγας ἡμέρας ἀπῆλθε πρὸς κύριον, καὶ ἐνταφιάσθη ἐντίμως εἰς τὸν Ναὸν τοῦ ἀγίου Κλήμεντος, ἐνῆθα καὶ τὰ λείψανα ὁποῦ ἔφερον ἀπὸ τὴν χερσῶνα κατέθεντο· καὶ ἀνέδειξεν ὁ κύριος τὸν ἱερὸν του τάφον πηγὴν θαυμάτων καὶ ἰαμάτων εἰς τοὺς μετὰ πίστεως αὐτῷ προσρέχοντας· εἶχον δὲ οἱ ἅγιοι τοῦτοι εἰς τὴν συνοδίαν τους τοὺς πλεον ἐξαιρέτους τῶν μαθητῶν τους καὶ κατὰ τὴν μάθησιν καὶ κατὰ τὴν ἀρετὴν· οἱ ὁποῖοι καὶ ἐξ ὀνόματος ἦσαν οὗτοι Κλήμης, Γοράσδος, Ναοῦμ, Ἀγγελάριος, καὶ Σάββας· καὶ εἰς αὐτοὺς τότε ὁ ἀγιώτατος Πάπας ἔδωκε διαφόρους ἐκκλησιαστικοὺς βαθμούς· ὅτε καὶ τὸν μακάριον τοῦτον Κλήμεντα ἐτίμησε μὲ τὸ τῆς ἱερωσύνης ἀξίωμα· τὸν δὲ θεῖον Μεθόδιον τὸν διδάσκαλόν τους, μὴ βουλόμενον καὶ πᾶσι τρόποις παραιτούμενον ἐπίσκοπον Μωράβας τῆς Πανονίας ἐχειροτόνησεν·

Отмѣченные нами параллельныя мѣста въ Оубранюу хрисіа и Четьхъ-Минєяхъ показывають, что славянскій текстъ послѣднихъ находился въ зависимости отъ греческаго, а не наоборотъ; особенно ярко сказалось это въ томъ пунктѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ опекунахъ императора Михайла—переводчикъ принимаетъ званія за собственныя имена и изъ двоихъ лицъ дѣлаетъ трохъ ¹⁾. Съ другой стороны, между

¹⁾ О второмъ изъ упомянутыхъ въ новогреческомъ текстѣ опекуновъ см. брошюру г. *Ив. Малышевскаю*, Логоветъ Θεοκτιστῆ, покровитель Константина Φιλοσοφα. Кієвъ, 1887.

новогреческимъ текстомъ и славянской версіей замѣчается крупное различіе въ содержаніи: въ то время, какъ минейное житіе приурочиваетъ апостольскіе подвиги Кирилла и Меодія къ Моравіи, авторъ греческой легенды отправляетъ ихъ въ Болгарію, согласно съ позднѣйшей традиціей. Вообще новогреческая версія по всѣмъ признакамъ принадлежитъ къ весьма отдаленнымъ потомкамъ старинной и—сообразно съ предъидущими выводами—писанной на греческомъ языкѣ легенды. Не рѣшая окончательно вопроса о соотношеніи греческой и славянской версій, мы считаемъ нелишнимъ указать на то, къ какимъ соображеніямъ можетъ привести изученіе этого сказанія, дошедшаго до насъ въ поздней обработкѣ.

Составитель печатныхъ Четыхъ-Миней въ началѣ житія свв. братьевъ опредѣляетъ свои источники такъ: ѿ различныхъ харатійныхъ чтій сокращеніи¹⁾. Основою для его повѣствованія послужили, какъ извѣстно, паннонскія легенды, которыя были даже собственноручно списаны св. Димитріемъ Ростовскимъ: житіе Кирилла „З библиотеки Хиландарской лавры Сербской“, житіе Меодія „изъ великой миней четъ“²⁾. Но, какъ мы выше видѣли, въ печатной Миней находятся и подробности, отсутствующія въ паннонскихъ житіяхъ, но находящіяся въ новогреческой версії. Если же *сокращенное* славянское житіе оказывается зависящимъ отъ *краткой* греческой легенды, то не служить ли это нѣкоторымъ косвеннымъ доводомъ въ пользу извѣстнаго мнѣнія Миклошича и Воронова о происхожденіи *пространныхъ*, такъ называемыхъ паннонскихъ, легендъ? Такая параллель напрашивается сама собою, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя догадки кievскаго ученаго относительно греческаго оригинала *пространныхъ* житій подтверждаются доступнымъ намъ сокращеннымъ текстомъ. Такъ, въ объясненіе несуществовавшего въ Византіи званія *библиотекаръ* (въ житіи Константина, гл. IV: да водеть епископикархъ [вариантъ: книгчли] оу патриарха въ скати бодѣи) Вороновъ предполагаетъ³⁾, что переводчикъ передалъ этимъ терминомъ греческое *хартофύλαξ*⁴⁾ подъ вліяніемъ званія Ана-

¹⁾ I. 768.

²⁾ См. въ книгѣ г. И. А. Шляпкина: „Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.)“. С.-Пб., 1891, стр. 288^a.

³⁾ Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меодія. Кіевъ, 1877, стр. 54.

⁴⁾ Объ этой должности см. въ книгѣ іеромонаха Павла „О должностяхъ и учрежденіяхъ по церковному управленію въ древней восточной церкви“. С.-Пб., 1857, стр. 77—81.

стасія Библиотекаря—въ приведенномъ выше новогреческомъ текстѣ читаемъ: ἐν ταύτῃ τὸν ἕχαμε (патріархъ Меоодій) καὶ χαρτοφύλακα τῆς μεγάλης ἀκκλησίας. Догадка Воронова ¹⁾ относительно смѣшенія катастήσαντες съ καταστήσαντες также можетъ быть оправдана нашимъ текстомъ, хотя разсужденіе кіевскаго ученаго не кажется намъ неопровержимымъ: онъ находитъ, что выраженіе житія Константина: „и такоъ четыредесять мѣсяць сотвори въ Моравѣ и иде (въ Римъ) святити ученикъ своихъ“ даетъ лучший смыслъ, нежели параллельное мѣсто въ легендѣ о Меоодіи: „и тремъ лѣтомъ минувшимъ возвратистася изъ Моравы, ученики научша“; если свв. братья ушли изъ страны, въ которой насаждали христіанство, то естественно, что они должны были оставить для продолженія своего дѣла какихъ либо своихъ замѣстителей, хотя бы и не рукоположенныхъ, а потому именно форма καταστήσαντες, а не катаστήσαντες, кажется намъ въ данномъ случаѣ болѣе умѣстной—ее и даетъ намъ новогреческій текстъ.

„Узкое море“, упоминаемое въ паннонскомъ житіи Константина, „очевидно есть буквальный переводъ греческаго στενὸν отъ στενός узкій“, замѣчаетъ Вороновъ ²⁾—дѣйствительно, въ новогреческой версіи находимъ: εἰς τὸ στενὸν τῆς μαύρης θαλάσσης.

На нашъ взглядъ, эти сопоставленія могутъ хотя нѣсколько подкрѣпить гипотезу, развитую Вороновымъ и опровергаемую въ новѣйшее время гг. П. А. Лавровымъ ³⁾ и А. И. Соболевскимъ ⁴⁾.

¹⁾ Op. cit., pag. 56.

²⁾ Ibid., 57.

³⁾ „Климентъ епископъ словѣнскій“—Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1895, книга первая, стр. XXV—XXX и XL второго отдѣла.

⁴⁾ „Церковно-славянскіе тексты моравскаго происхожденія“—Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1900, № 1—2, стр. 172. Мнѣніе г. Вондрака („Novější práce o činnosti slovanských apoštolů sv. Cyrilla a Methodia“—Časopis Musea Království Českého, 1897, стр. 337—338), что цитаты изъ Св. Писанія въ паннонскомъ житіи Константина подтверждаютъ мысль Воронова, опровергается г. Пастрикомъ (Dějiny slovanských apoštolů Cyrilla a Methoda, V Praze, 1902, стр. 15. Въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ (Studie z oboru církevněslovanského písemnictví. Praha, 1903, стр. 69—70) г. Вондракъ высказывается о гипотезѣ Воронова отрицательно. Новѣйшій изслѣдователь паннонскаго житія св. Кирилла, г. Ламанскій, не признавая (op. cit., Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1903, № 4, стр. 382) предположенія Воронова вѣрнымъ, допускаетъ однако, что „Пребываніе Константина Философа въ Римѣ описано [въ этой легендѣ] несомнѣнно южнымъ славянскомъ съ греческимъ образованіемъ“ (ibid., 1904, № 5, стр. 163¹⁾), ссылаясь при этомъ на такіе греческіе, какъ „фатень“ (φᾶτην) вмѣсто Праевере и т. п. Г. Франко (op. cit., 223²⁾), доказывая,

Сообщивъ о рукоположеніи Меодія во епископы Моравіи (Μωράβας τῆς Πανονίας), Аѳанасій рассказываетъ, сообразно съ даннымъ IV главы „Житія св. Климента“, о томъ, какъ Меодій прощался съ гробницей брата, причѣмъ замѣчено: ἀπ' ἐδῶ συνεχῶς ἀκολουθεῖ τῇ τοῦ Θεοφυλάκτου μετάφρασις. Дѣйствительно, все дальнѣйшее повѣствованіе (стр. 95—133) оказывается переводомъ IV—XXIX, по раздѣленію Миклошича, главъ „Житія“. Особенной близости къ подлиннику переводчикъ не обнаруживаетъ, то сокращая, то удлиняя его текстъ. Подробное сличеніе новогреческаго перевода съ оригиналомъ *раніе знакомства съ венеціанскимъ изданіемъ 1784 года* было бы непроизводительнымъ трудомъ; поэтому пока отмѣтимъ только, что знаменитое ἡμῖν ¹⁾ въ концѣ XXII главы, мѣшавшее приписывать „Житіе“ греку Теофилакту, у Аѳанасія отсутствуетъ, и фразѣ подлинника: πάντα..... Κλήμης τοῖς Βουλγάροις ἡμῖν παρέδωκε въ новогреческомъ текстѣ соответствуетъ: ὅλα..... ὁ Κλήμης τὰ παρέδωκεν εἰς τοὺς βουλγάρους ²⁾. Подобнымъ образомъ упоминаніе Теофилакта въ XXIX главѣ „Житія“ о сносномъ мечѣ, опьянѣвшемъ отъ болгарской крови ³⁾, не нашло себѣ мѣста въ переводѣ ⁴⁾.

Намъ остается замѣтить, что Аѳанасій снабдилъ свой переводъ примѣчаніями, въ которыхъ объяснялъ читателямъ тѣ или иные термины; такъ, по поводу упоминанія болгаръ въ легендѣ о Кириллѣ и Меодіи онъ сообщаетъ кое-какія свѣдѣнія объ этомъ народѣ; между прочимъ читаемъ ⁵⁾: λέγουσι δέτινες ὅτι καὶ μία ἀδελφὴ τοῦ ἀρχοντος βουλγάρων αἰχμαλωτισθεῖσα ἐχρησίανισε καὶ λυτρωθεῖσα εἶδιδετο βόρισον τὸν ἀδελφόντης· οὕτω γὰρ ἐκαλεῖτο ὁ Ἄρχων· καὶ οὕτως ἐκεῖνος ἔσειλε τοὺς ῥηθέντας κρέσβεις (т. е. къ византийскому императору) ζητώντας τὴν τελειό-

что такъ называемая итальянская легенда находится въ зависимости отъ наннонскаго житія св. Кирилла, предполагаетъ, что дважды употребленный въ ней оборотъ „iter aggrimens“, необычный для латинскаго языка, передаетъ славянское почти *ca mta*. „В славянскіи“, замѣчено при этомъ, „сей зворот зовсімъ природный“. Но уже Вороповъ (op. cit., 58) указавъ, что въ славянскомъ текстѣ это выраженіе было гречизмомъ (ὁδοῦ εἶχετο), а потому не исключена возможность и того, что у составителя итальянской легенды былъ подъ руками не славянскій, а греческій источникъ.

¹⁾ Ср. въ статьѣ ак. Ягича „Die neuesten Forschungen über die slavischen Apostel Cyrill und Methodius“ (Archiv für slavische Philologie, IV, 110):

²⁾ Стр. 123.

³⁾ Ср. о значеніи этого выраженія у Воропова, op. cit., pagg. 118—124.

⁴⁾ Ср. стр. 133.

⁵⁾ Ibid., 91*.

της τῆς Πίστεως. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ Аванасій разсуждаетъ о поводахъ къ путешествію свв. братьевъ въ Римъ. Среди географическихъ и этнографическихъ объясненій находимъ ²⁾ и признаніе переводчика, что народъ σκράγγοι ему неизвѣстенъ—очевидно, что въ рукописномъ ³⁾ оригиналѣ слово φράγγοι было написано неразборчиво. Ересь, особенно усилившуюся въ Болгаріи по смерти Климента ⁴⁾, Аванасій отождествляетъ ⁵⁾ не съ богомилствомъ ⁶⁾, а съ ученіемъ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына.

Если венеціанское изданіе службы св. Клименту 1784 г. будетъ отыскано и помѣщенный въ немъ новогреческій переводъ „Житія“ будетъ использованъ для установленія текста подлинника, то настоящая замѣтка вполнѣ достигнетъ своей цѣли.

Н. Петровскій.

¹⁾ Ibid., 93*.

²⁾ Ibid., 96*.

³⁾ Въ изданіи Памперя въ соответственномъ мѣстѣ (стр. 108) находимъ: τῶν φράγγων (ср. на стр. 109: τὸ φραγγῶν ἔθνος).

⁴⁾ Κῆρος καὶ πολιτεία, глава XXIX.

⁵⁾ Op. cit., 132*.

⁶⁾ Ср. у Воронова, op. cit., pag. 117.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новѣйшіе труды по исторіи государственнаго строя Польши.

Въ 1905 году вышли въ свѣтъ два труда, посвященные исторіи государственнаго строя Польши,—проспектъ лекцій львовскаго профессора Бальцера („Исторія государственнаго строя Польши, обзоръ университетскихъ лекцій, 34 стр., отдѣльный оттискъ изъ Отчетовъ историко-философскаго отдѣленія Краковской академіи наукъ“) ¹⁾ и систематическій очеркъ указанной исторіи краковскаго доцента Кутржебы („Очеркъ исторіи государственнаго строя Польши, Львовъ, 261 стр.“) ²⁾. Проспектъ лекцій проф. Бальцера выпущенъ нѣсколькими мѣсяцами позже очерка доцента Кутржебы, но поставленъ нами раньше преднамѣренно, въ виду того, что онъ представляетъ собою *tables des matières* многолѣтнихъ курсовъ профессора, издававшихся къ тому же его слушателями въ литографированномъ видѣ въ 1896, 1898 и 1902 годахъ.

Высокая научная цѣнность названныхъ трудовъ и чрезвычайная важность изученія государственнаго строя Рѣчи Посполитой для выясненія вопроса о сословномъ государствѣ и послѣдовательной смѣнѣ

¹⁾ *Prof. Oswald Balzer, Historia ustroju Polski, przegląd wykładów uniwersyteckich, w Krakowie, strn. 34, osobne odbicie ze Sprawozdań Wydz. histor.-filozof. Akademii Umiejętności z dnia 16 października 1905 r.*—Одновременно изданъ авторомъ нѣмецкій переводъ труда,—*O. Balzer, Verfassungsgeschichte Polens. Extr. du Bull. de l'acad. des sciences, Cracovie, impr. de l'univ., 1905, pag. 97—157.*

²⁾ *D-r. Stanisław Kutrzeba, Historia ustroju Polski w zagrysie. Lwów, 1905, strn. 261.* Настоящій трудъ переведенъ и на русскій языкъ г. Я. Пашковичемъ подъ заглавіемъ: „Очерки исторіи государственнаго и общественнаго строя Польши“. С.-Пб., 1907.

его другими формами государственнаго общенія и другими образами управленія побудили насъ спеціально заняться разсмотрѣніемъ названныхъ трудовъ въ печати. Весьма малое знакомство даже избранныхъ круговъ нашей читающей публики съ исторіей польскаго права заставляеть насъ остановиться подробнѣе на самомъ изложеніи содержанія названныхъ трудовъ.

По мѣткому выраженію одного изъ корифеевъ нашей историко-юридической науки В. И. Сергѣевича, въ дѣленіи весь смыслъ исторіи, вся философія ея хода и перемѣнъ. Это сознаваемое всѣми и нашедшее себѣ въ приведенныхъ нами словахъ удачную формулировку общее положеніе и въ то же время требованіе пріобрѣтаетъ примѣнительно къ историко-юристу нѣкоторыя особенности въ значеніи и осуществленіи. Давно предавъ забвенію примитивныя пріемы фрагментарнаго законоискусства, вѣками воспитанный въ традиціи систематическаго изученія дѣйствующаго права, юристъ и въ исторію вноситъ свою привычку къ логическому, значить, внутренне не противорѣчивому объединенію разрозненнаго правового матеріала и устанавливаетъ періоды исторіи по смѣнѣ дѣйствовавшихъ въ прошломъ правовыхъ системъ. Цѣльность и законченность историческаго періода опредѣляется для юриста непрекращающейся возможностью сводить совокупность разрозненныхъ правовыхъ явленій, нормъ и институтовъ къ нѣсколькимъ руководящимъ юридическимъ принципамъ, по которымъ можетъ быть построена единая, исключаящая внутреннія противорѣчія система права. Моменты, когда такая возможность прекращается, когда привходящія съ развитіемъ дальнѣйшія юридическія данныя не укладываются болѣе въ единую систему, когда оказывается, что объединеніе ихъ съ неизбѣжнымъ наслѣдіемъ прошлаго возможно лишь при отысканіи новыхъ руководящихъ юридическихъ принциповъ, такіе моменты неминуемо признаются юристомъ за исходную точку новаго историческаго періода, совпадающаго съ предѣлами логической возможности новой правовой системы. Установленіе граней между отдѣльными періодами легче дается юристу, чѣмъ социологу и экономисту. Динамическій процессъ развитія представляетъ собою непрерывный рядъ безконечно малыхъ экономическихъ и общественныхъ измѣненій. Правовыя измѣненія суммируютъ въ себѣ всѣ предыдущія, кристаллизуютъ, если такъ можно выразиться, текучесть общественной жизни. Вслѣдствіе этого правовыя измѣненія оказываются наиболѣе очевиднымъ и нагляднымъ показателемъ измѣненій всего общественнаго уклада жизни. Внутреннее объединеніе правовыхъ измѣ-

неній дається неизб'яжно по приємамъ юридической систематизаціи, выполненнымъ въ сферѣ догматики права. Это объединеніе вноситъ необходимый статическій элементъ въ динамику общественнаго процесса. Сочетаніе обоихъ элементовъ,—статическаго и динамическаго, и создаетъ историческую періодизацію, которая въ прим'неніи къ исторіи общественныхъ и политическихъ учреждений не можетъ быть облечена въ иную форму кромѣ юридической конструкціи. Последняя оказывается такимъ образомъ неизб'яжной для выясненія смысла общественной исторіи философіи, ея хода и перемѣнъ. Сказанное отноду не им'етъ въ виду провозглашать принципъ единодержавнаго господства въ исторіи юридической школы, въ смыслѣ ограниченія ея изученіемъ одного лишь правового развитія. Безъ изученія экономическаго и соціальнаго быта совершенно невозможно не только установленіе системы, но и простое пониманіе отдѣльныхъ явленій, нормъ и институтовъ права. Съ другой стороны, экономическая и соціальная исторія не можетъ обойтись безъ завершенія ея юридической конструкціей,—иначе никогда не будетъ достигнуто пониманіе историческаго процесса въ его цѣломъ, и самой исторіи можетъ грозить опасность погруженія въ микрологію безконечно малыхъ экономическихъ и соціальныхъ изм'неній. Въ послѣднихъ выражается непрерывность динамическаго процесса, а неизб'яжный для уразум'нія элементъ статики вносится юридической конструкціей. Отдѣльные періоды общественной исторіи это установленныя для прошедшаго законченныя системы права. Съ формально-юридической точки зр'нія между ними н'тъ преемства. Въ этомъ именно смыслѣ утверждалъ родоначальникъ современной юридической школы н'мецкихъ государств'двовъ К. Ф. Герберъ, что въ его время (въ половинѣ минувшаго стол'тія) н'мецкое государственное право стало совершенно новымъ, и ополчался противъ „исторической концепціи“ конституціонализма, а старые догматики XVII—XVIII в'ковъ такъ прямо и писали *de revolutionibus imperii*. Иначе, само собою разум'ется, относился къ д'лу Герингъ, когда требовалъ отъ историка-юриста установленія періодизаціи по началу см'ны правовыхъ системъ. Онъ сознавалъ неизб'яжность догматизаціи періодовъ, но въ то же время прекрасно понималъ, что за видимою, формально-юридической „революціей“ скрывается непрерывная „эволюція“ соціальная.

Приведенныя зам'чанія о значеніи періодизаціи и роли юридической конструкціи въ исторіи общественныхъ учреждений являются необходимымъ вступленіемъ къ разбору названныхъ выше трудовъ, въ

которыхъ конструктивно-юридическій элементъ нашель себѣ широкое примѣненіе для цѣлей періодизаціи и всесторонняго выясненія особенностей политическаго строя Рѣчи Посполитой.

Проф. Бальцеръ полагаетъ въ основу измѣненій государственнаго строя взаимоотношеніе элементовъ общественнаго и государственнаго, т. е. элемента властвованія. Исходя изъ этого положенія, онъ дѣлитъ исторію государственнаго строя Польши, отъ X вѣка до 1795 г., на три періода, присоединяя къ нимъ зарожденіе четвертаго періода. Первый періодъ,—періодъ *княжескаго права* (*ius ducale*) продолжается до XIII столѣтія и характеризуется преобладаніемъ государственнаго элемента надъ общественнымъ, т. е. сильной централизованной властью князя и отсутствіемъ болѣе широкихъ правъ у общества. Имунитетныя привилегіи въ пользу церкви (1211—1215 гг.) открываютъ второй періодъ, простирающійся до 1505 г., періодъ *самоуправленія сословныхъ обществъ*. Въ этомъ періодѣ общество освобождается отъ преобладанія государственнаго элемента и распадается на нѣсколько сословій (духовенство, шляхту, мѣщанство, крестьянъ), надѣленныхъ особыми привилегіями, отдѣленныхъ другъ отъ друга и обладающихъ обособленной организацией; каждое сословіе пріобрѣтаетъ права самоуправления по своимъ сословнымъ дѣламъ съ полнымъ исключеніемъ вмѣшательства одного сословія въ дѣла другого. Такимъ образомъ получается равновѣсіе въ организации общественнаго элемента; попутно устанавливается также равновѣсіе между элементами общественнымъ и государственнымъ, такъ какъ государству не дано вмѣшиваться во внутреннія дѣла сословій, а съ другой стороны, сословія обязаны содѣйствовать осуществленію общегосударственныхъ задачъ; къ тому же для послѣдней цѣли государство обладаетъ особыми органами. Третій періодъ, періодъ *шляхетской Рѣчи Посполитой* (*Rzeczpospolita*—*respublica*, но въ старомъ генерическомъ смыслѣ государства, а не въ новѣйшемъ специфическомъ смыслѣ опредѣленной формы правленія)¹⁾, подготовлялся отчасти измѣненіями въ государствен-

¹⁾ Таково толкованіе проф. Бальцера. Замѣтимъ, что вообще терминъ этотъ не получалъ въ старину достаточной опредѣленности и употреблялся въ различныхъ смыслахъ. Цѣнныя указанія по этому вопросу даетъ одинъ изъ видныхъ современныхъ польскихъ историковъ—Вл. Грабенскій (псевдонимъ). „Отъ сейма Люблинской униі“, говоритъ онъ, „установилось названіе польской Рѣчи Посполитой. Подъ этимъ терминомъ понимали не форму правленія, но соединеніе государствъ, главнымъ образомъ Литвы съ Короной (т. е. собственно Польшею). Говорили и писали такъ: *государства Рѣчи Посполитой*, которую населяютъ народы: польскій, литовскій,

номъ строе, относящимся ко второй половинѣ XV вѣка, но полностью проявился съ 1505 года вплоть до четырехлѣтняго сейма (1788 г.). Отличительной особенностью этого періода является воз- обладаніе шляхетскаго сословія надъ прочими. Крестьяне и мѣщане лишены значительной части своихъ правъ и поставлены въ зависи- мость отъ шляхты; духовенство, правда, сохраняетъ свои привилегіи, но зато доступъ къ высшимъ ступенямъ церковной іерархіи открытъ для одной лишь шляхты. Происходитъ такимъ образомъ нарушеніе общественнаго равновѣсія, и вмѣстѣ съ тѣмъ нарушеніе равновѣсія между элементами общественнымъ и государственнымъ, такъ какъ шляхта пріобрѣтаетъ преобладающее вліяніе на управленіе государ- ственными дѣлами, переноситъ на себя значительную часть атрибу- товъ правительства и такимъ образомъ парализуетъ силу послѣдняго и его значеніе. Отдѣльныя стадіи третьяго періода составляютъ: ра- домская конституція 1505 года, признающая только за шляхтой право участія въ духовномъ и свѣтскомъ сенатѣ, а также въ посольской избѣ; распространеніе въ дальнѣйшемъ вліянія сейма на все болѣе и болѣе широкой кругъ правительственныхъ дѣлъ; наконецъ, возобла- даніе надъ самимъ сеймомъ шляхетскихъ сеймиковъ. Въ указанныхъ трехъ періодахъ взаимоотношеніе элементовъ общественнаго и госу- дарственнаго подвергается слѣдующимъ существеннымъ измѣненіямъ: начинается дѣло съ преобладанія государственнаго элемента надъ общественнымъ и затѣмъ послѣ періода равновѣсія наступаетъ пре- обладаніе общественнаго элемента надъ государственнымъ. Законода- тельство четырехлѣтняго сейма (1788—1792 гг.), преимущественно конституція 3 мая 1791 года, измѣнили многое въ государственномъ строе шляхетской Рѣчи Посполитой, въ значительной мѣрѣ устраняя прежнюю его непропорціональность, такъ что являются поворотнымъ пунктомъ, съ котораго можно начать четвертый періодъ, періодъ *новѣйшаго государства*, который остался неразвитымъ вслѣдствіе бли- жайшихъ затѣмъ политическихъ происшествій, завершившихся двумя послѣдними раздѣлами Польши (стр. 2—3).

Познакомивъ читателя съ установленной проф. Бальцеромъ общей

русскій, вѣмедскій, еврейскій, татарскій, армянскій, цыганскій. Съ точки зрѣнія формы правленія Корону называли *королевствомъ*, Литву *великимъ княжествомъ*. Иногда, употреблялся терминъ *Рѣчь Посполитая* не въ смыслѣ соединенія госу- дарствъ, но въ смыслѣ формы парламентарнаго шляхетскаго правленія. См. *Wł. Grzybicki, Dzieje narodu polskiego, cześć I, Kraków, 1897, strn. 146.*

схемой развитія государственноправоваго строя Польши, перейдемъ къ изложенію выполненія этой схемы, причемъ, минуя чрезмѣрныя подробности, будемъ повсюду отмѣчать все то, что имѣетъ прямое и непосредственное отношеніе къ центральному для автора вопросу о взаимоотношеніи общественнаго и государственнаго элементовъ.

Общество перваго періода знаетъ только два сословія: людей свободныхъ и несвободныхъ. Свободное населеніе, по этническому составу туземное съ незначительной примѣсью пришлаго по вызову пястовъ, главнымъ образомъ, изъ Чехіи и Германіи, не знаетъ сословной дифференціаціи и дѣлится на профессиональные классы: духовенство, рыцарство, землягъ и т. п., не надѣленные особыми правами и не исключаютъ перехода изъ одного класса въ другой. Все же выдѣляется изъ свободнаго населенія шляхта, но исключительно какъ крупный землевладѣльческій классъ, занимающій высшія государственныя должности, но внутренне не объединенный особыми сословными правами и не замкнутый извнѣ. Несвободное населеніе, образовавшееся изъ военноплѣнныхъ, продавшихъ себя въ рабство и уголовно осужденныхъ, прикрѣплено къ землѣ (*glebae adscripti*), причемъ однако подлежитъ отчужденію и безъ земли. Особый разрядъ этихъ крѣпостныхъ составляютъ приписанные нарочито къ городамъ (военно-административнымъ центрамъ) и предназначенные для служенія городовымъ рыцарямъ, но закрѣпощенные государству и представляющіе такимъ образомъ своеобразный видъ низшихъ службъ служилыхъ людей (стр. 5—6).

Вся полнота государственной власти въ первомъ періодѣ сосредоточена въ рукахъ наследственнаго князя, вотчинника всей незанятой свободными поселенцами земли. Населеніе состоитъ къ князю въ отношеніи непосредственнаго подданства, а не въ феодальномъ (стр. 6). Ближайшая обязанность военной службы возложена на придворныхъ и городскихъ рыцарей, содержащихся на счетъ князя; въ принципѣ однако воинская повинность лежитъ на всемъ населеніи, не исключая, съ одной стороны, несвободныхъ, съ другой—крупныхъ землягъ. Дань и натуральныя повинности (послѣднія преимущественно для цѣлей войны и княжеской охоты) тяготѣютъ главнымъ образомъ на несвободномъ населеніи (стр. 9). Вотчинныя права князя на всю незанятую свободными поселенцами землю сообщаютъ вотчинный же (патримоніальный) характеръ государственной власти князя,—это ведетъ къ частноправовому дѣленію государства между членами княжескаго дома, такъ что къ концу періода Польша оказывается раздробленной безъ малаго на

двадцать удѣловъ съ ослабѣвшей верховной властью великаго князя краковскаго (стр. 6—7).

Слабѣетъ не одна великокняжеская, но и удѣльная княжеская, слѣдовательно, государственная власть вообще, уступая натиску крѣпнущихъ элементовъ общества. Ослабленіе государственной власти вызывается именно удѣльной системой: у мелкихъ владѣтельныхъ князей, находящихся къ тому же во взаимной борьбѣ, не оказывается достаточно силы для удержанія крупныхъ земель въ прежнемъ подчиненіи безусловной государственной власти единаго князя всей страны. Пользуясь этимъ, прежніе профессиональные классы стремятся къ замѣнотости и пріобрѣтенію особыхъ правъ и привилегій, т. е. къ превращенію въ сословія. Этотъ процессъ совершается путемъ вынужденнаго у князей стеченіемъ обстоятельствъ жалованія иммунитетныхъ привилегій, освобождающихъ пожалованнаго отъ финансовыхъ повинностей и отъ суда княжескихъ урядниковъ; послѣднее ведетъ къ возникновенію сословнаго самоуправленія.

Въ обществѣ второго періода первымъ выдѣляется духовенство въ замѣнутое, привилегированное и самоуправляющееся сословіе. Непосредственно за нимъ слѣдуетъ шляхта (стр. 10—11). Образуется она путемъ сліянія княжескаго рыцарства съ земьянами чрезъ исполненіе рыцарей земель, соединеніе съ землевладѣніемъ военной службы и отпаденіе отъ земьянства мелкихъ его элементовъ, застывшихъ въ полу-шляхетствѣ (*media militia*) и обреченныхъ на социальное вымирание. Въ постепенномъ и довольно продолжительномъ процессѣ образованія шляхетства существенное значеніе принадлежитъ первоначально землевладѣнію. Съ теченіемъ времени однако, центр тяжести передвигается съ вещнаго элемента на личный, и принадлежность къ шляхетству становится наследственной по происхожденію и независимой отъ землевладѣнія, такъ что различается шляхта осѣдлая (*bene nati et possessionati*) и неосѣдлая (только *bene nati*); выраженіемъ этого господства личнаго начала явились гербы, заимствованные изъ западной Европы въ половинѣ XIII столѣтія. Важнѣйшія права шляхетскаго сословія были слѣдующія: высшая головщина и навязка, свобода отъ податей, судебныя гарантіи личной свободы (*ne pīnem captivabimus*), вознагражденіе за военную службу, сверхурочную и за предѣлами государства, исключительное право на занятіе должностей, подсудность суду земскому и королевскому.—Подъ вліяніемъ осложнившихся экономическихъ условій, главнымъ образомъ транзитной торговли, развиваются торгово-промышленные центры,—го-

рода, населенные въ значительной части нѣмецкими колонистами и надѣляемые самоуправленіемъ по началамъ реципированнаго нѣмецкаго, преимущественно магдебургскаго права. Такимъ образомъ складывается третье замкнутое и самоуправляющееся сословіе—мѣщанское. Нѣмецкая же колонизація и реципированное нѣмецкое право вводятъ хозяйственную упорядоченность и судебное самоуправленіе въ среду крестьянскаго сословія: неопредѣленные повинности замѣняются точно установленнымъ оброкомъ; точно ограничивается, но зато и сохраняется въ извѣстныхъ, правда, тѣсныхъ предѣлахъ право крестьянскаго перехода; организуется сословный шеффенскій (лавничій) судъ.

Государство испытываетъ во второмъ періодѣ значительныя измѣненія. Къ первой четверти XIV вѣка уничтожаются удѣлы (кромѣ Мазовіи, инкорпорированной въ 1526 году), создается государственное единство Польши и устанавливается единое королевское государство. Но черезъ полстолѣтіе польское единое государство осложняется государственнымъ соединеніемъ съ Литвой. Съ 1386 г. Польша и Литва связываются личной уніей съ сохраненіемъ особаго великаго князя литовскаго, въ отношеніи котораго польскій король является верховнымъ княземъ литовскимъ. Только Мельницкая унія 1501 года устраняетъ особыхъ великихъ князей литовскихъ и устанавливаетъ для обоихъ государствъ *unum caput et unum regem*. Еще Городельская унія 1413 года опредѣлила для рѣшенія общихъ дѣлъ обоихъ государствъ общіе сѣзды (*parlamenta*) въ Люблинѣ или Парчовѣ. Но эти сѣзды носятъ характеръ международныхъ конгрессовъ обоихъ государствъ и не кладутъ основанія къ ихъ реальному соединенію. Последнее только готовится происходящей во второмъ періодѣ въ Литвѣ рецессіей польскихъ общественно-политическихъ учреждений: литовскіе бояре путемъ присоединенія къ польскимъ гербамъ (въ 1413 г.) приобрѣтаютъ права польской шляхты, возникаютъ въ Литвѣ заимствованныя изъ Польши магдебургскія, крестьянское устройство уподобляется отчасти польскому, заводятся аналогичныя польскимъ придворныя и государственныя должности, административное дѣленіе и т. д.—Есть у Польши и вассальныя владѣнія, каковы: Мазовія до инкорпорации, такъ называемая княжеская Пруссія, Вармія и Молдавія, права и обязанности которыхъ по отношенію къ суверенному государству различны по содержанію заключенныхъ съ ними отдѣльныхъ договоровъ.

Значительную часть второго періода сохраняетъ наследственность королевской власти, осложняемая сначала при отсутствіи прямыхъ

нисходящихъ избирательнымъ призывомъ боковыхъ линий династій, а затѣмъ при прекращеніи послѣдней—избраніемъ родоначальниковъ новой наслѣдственной династіи; таковы послѣдовательныя избранія Людовика Венгерскаго, его дочери Ядвиги, и наконецъ, бездѣтно овдовѣвшаго супруга ея Ягелла, тоже какъ перваго представителя новой (отъ новаго его брака) наслѣдственной династіи. Политическія и международныя осложненія побудили Ягелла отказаться отъ наслѣдственно-династическихъ правъ и путемъ нѣсколькихъ привилегій (брестской, краковской, едлинской 1425 — 1433 гг.) предоставить шляхтѣ право избранія королемъ одного изъ его сыновей. Такимъ образомъ первымъ избирательнымъ королемъ Польши является, по мнѣнію проф. Бальцера, Владиславъ III Варненчикъ, и съ тѣхъ поръ устанавливается принципъ избирательной монархіи. Только наслѣдственные права Ягеллоновъ на литовскій престолъ являются причиною того, что въ Польшѣ избираются на престолъ неизмѣнно Ягеллоны вплоть до прекращенія ихъ династіи. Избирательное начало устранило навсегда возможность дѣленія государства и навсегда упрочило единодержавіе. Оно же отразилось и на ограниченіи власти: вступленіе на престолъ новаго короля стало обусловливаться подтвержденіемъ словныхъ привилегій и присягой короля (стр. 16).

Уничтоженіе удѣловъ не сопровождалось уничтоженіемъ придворныхъ и государственныхъ должностей, состоявшихъ при прежнихъ удѣльныхъ князьяхъ. Уцѣлѣвшія должности превратились изъ княжескихъ въ земскія и такимъ образомъ положили основаніе мѣстному самоуправленію шляхты (стр. 16—17). Взамѣнъ этого при единодержавномъ королѣ появились новыя центральныя придворныя и государственныя должности (стр. 17).

Наступившее во второмъ періодѣ ограниченіе монархической власти коренится, какъ указывалось выше, въ дробленіи страны на удѣлы. Удѣльные князья, продолжавшіе въ принципѣ соединять въ своихъ рукахъ уставную, правительственную и судебную власть, вынуждены были въ виду своей фактической слабости искать опоры въ высшихъ слояхъ общества. Органомъ послѣднихъ является въ удѣльное время, какъ и раньше, вѣче. Это—собраніе по личному праву (а не по праву представительства) сановниковъ и должностныхъ лицъ удѣла, собраніе безъ строго опредѣленнаго круга дѣятельности, обычно однако созываемое княземъ для соучастія въ рѣшеніи важнѣйшихъ уставныхъ, правительственныхъ и судебныхъ дѣлъ. Не были установлены сроки созыва подобныхъ собраній, и значеніе ихъ съ формально-юридической

стороны было только совѣщательное. Но фактически князья, власть которыхъ ослабѣла, вынуждены были сообразоваться съ мнѣніемъ вѣча. Съ водвореніемъ единой державы вѣча сохраняются въ качествѣ органовъ самоуправленія, отправляющихъ высшій судъ въ землѣ и мѣстную уставную дѣятельность (*lauda* = автономные статуты земель); участвуютъ въ этихъ вѣчахъ земскія должностныя лица. Для дѣлъ же общегосударственныхъ возникаетъ при Ягеллонахъ такъ называемый „вальный сѣздъ“ (*conventio generalis*), составленный по образцу прежнихъ вѣчъ изъ сановниковъ и высшихъ должностныхъ лицъ всего государства съ участіемъ государственныхъ вассаловъ и церковныхъ іерарховъ. Въ социальномъ отношеніи вальный сѣздъ оказывается органомъ аристократіи — магнатовъ, или „можновладства“ (согласно удачной польской терминологіи). Кругъ дѣятельности вальнаго сѣзда не былъ опредѣленъ въ точности; всякое почти дѣло, разсматривавшееся на сѣздѣ, могло быть въ принципѣ рѣшено однимъ королемъ, но возраставшее значеніе „можновладства“ и слабнущее положеніе Ягеллоновъ приводили къ тому, что ни одно болѣе важное государственное дѣло не рѣшалось помимо вальнаго сѣзда; въ частности на вальномъ сѣздѣ осуществлялась законодательная власть, отправлялись важнѣйшія дѣла по управленію и суду. Съ формально-юридической точки зрѣнія участники вальнаго сѣзда надѣлены не рѣшающимъ, а только лишь совѣщательнымъ голосомъ, откуда и названіе ихъ: „паны рады“ (т. е. совѣта), позднѣе сенатъ. Дальнѣйшее развитіе участія сословно-общественныхъ элементовъ во власти совершалось путемъ присоединенія шляхты къ основному ядру — органу „можновладства“. Движеніе это шло не изъ центра, но отъ периферіи къ центру. Присоединеніе шляхты къ земскому вѣчу создало земскій сеймикъ. Нѣшавскій статутъ 1454 года устанавливаетъ требованіе согласія сеймиковъ на изданіе законовъ и созывъ всеобщаго земскаго (т. е. шляхетскаго) ополченія (такъ называемаго посполитаго рушениа). Сеймики пріобрѣтаютъ такимъ образомъ рѣшающее значеніе въ дѣлѣ законодательства. Технические требованія удобства ведутъ къ постепенной смѣнѣ сношеній со всѣми отдѣльными сеймиками, сношеніемъ съ ихъ делегатами, или такъ называемыми земскими послами, которые отправляются сеймиками на вальный сѣздъ. Изъ сочетанія трехъ элементовъ („становъ“ = сословія, или чиновъ) — короля, сената и земскихъ пословъ (посольской избы) образуется подъ конецъ XV столѣтія вальный сеймъ. Въ сеймѣ сенату принадлежитъ сначала по прежнему совѣщательный голосъ, а земскимъ посламъ — рѣшающій,

да еще въ томъ смыслѣ, что несогласіе одного изъ пословъ, какъ представителя сеймика, приостанавливаетъ въ силу Нѣшавскаго статута постановленіе общаго рѣшенія (принципъ позднѣйшаго *liberum veto*). Сначала и города могли отправлять пословъ на сеймъ, но они мало пользовались этимъ правомъ. Радомская конституція *Nihil novi* 1505 года окончательно опредѣлила составъ сейма, признавъ право участія въ немъ только за королемъ, сенатомъ и земскими послами (съ исключеніемъ представителей городовъ), и надѣлила сенатъ, наравнѣ съ посольской избой, рѣшающимъ голосомъ въ дѣлахъ законодательства; что же касается дѣлъ управленія и суда, подлежащихъ сейму, то въ отношеніи ихъ сохраненъ старый порядокъ, именно,—участіе въ нихъ одного сената съ совѣщательнымъ только голосомъ (стр. 18—19).

Такова картина широкаго участія шляхетскаго общества во власти во второмъ періодѣ. Свообразіе этого участія, выражающееся главнымъ образомъ въ направленіи его, дававшемъ преобладаніе периферіи надъ центромъ, дѣлало государственный механизмъ непригоднымъ для болѣе рѣшительнаго осуществленія иныхъ общихъ сословно-государственныхъ цѣлей. На помощь въ такихъ случаяхъ являлся институтъ чрезвычайной, если такъ можно выразиться, государственной организаціи,—такъ называемая конфедерація. По опредѣленію профессора Бальцера, конфедераціи представляютъ самостоятельную организацію общества или отдѣльныхъ его слоевъ для осуществленія общихъ цѣлей, осилить которыя не въ состояніи было средневѣковое государство. Онѣ замѣщали правительство въ отправленіи нѣкоторыхъ, въ принципѣ лежавшихъ на правительствѣ функций, но онѣ же могли направляться противъ правительства. Онѣ являются, по мнѣнію профессора Бальцера, подражаніемъ союзамъ, ранѣе возникшимъ на западѣ (каковы: бунды, ганзы, коллигаціи, конфедераціи). Наиболѣе давними оказываются въ Польшѣ конфедераціи городовъ (начало XIV в.); въ половинѣ XIV столѣтія появляется первая рыцарская, т. е. шляхетская конфедерація (стр. 19).

Третій періодъ, періодъ шляхетской Рѣчи Посполитой, формальнымъ началомъ котораго проф. Бальцеръ считаетъ 1505 годъ, подготавливается, по мнѣнію того же автора, уже со второй половины XV вѣка, когда стремленіе шляхты къ общественной и государственной супрематіи нарушаетъ равновѣсіе сословій. Это нарушеніе равновѣсія проявляется не столько въ приобрѣтеніи шляхтою новыхъ правъ, сколько въ ограниченіи правъ низшихъ сословій (мѣщанъ и крестьянъ),

равно въ обеспеченіи за шляхтою вліянія на дѣла низшихъ сословій, которыя прежде рѣшались этими сословіями самостоятельно. Шляхта (вмѣстѣ съ шляхетскимъ духовенствомъ) становится единственно могущественной силой въ государствѣ, противъ которой король нигдѣ не находитъ точки опоры, такъ что шляхта подчиняетъ себѣ всѣ государственныя учрежденія, и равновѣсіе между элементами государственнымъ и общественнымъ нарушается въ пользу послѣдняго (стр. 22).

Но приобрѣтая, какъ сказано, новыхъ правъ, шляхта рѣзко замыкается извнѣ въ свомъ сословномъ кругу. Возведеніе въ шляхетство (нобилитація) и сообщеніе польскаго шляхетства иностраннымъ дворянамъ (индигенатъ) ставятся въ зависимость отъ рѣшенія сейма, въ которомъ, какъ извѣстно, участвуетъ одна лишь шляхта. Въ замкнутой средѣ шляхетства проявляется стремленіе къ формальному „демократическому“ равенству, что выражается между прочимъ въ запрещеніи шляхтичамъ носить графскіе и княжескіе титулы, за исключеніемъ литовско-русскихъ княжескихъ родовъ временъ Люблинской уніи (стр. 22).

Остальные слои населенія, не входившіе въ составъ шляхетскаго „демоса“, идутъ быстрыми шагами къ социальному и политическому упадку. Особенно рѣзкимъ представляется упадокъ городовъ. Помимо общеевропейскихъ конъюнктуръ, придавшихъ иное направленіе движению торговли запада съ востокомъ и тѣмъ подорвавшихъ значеніе транзитныхъ торговыхъ центровъ Рѣчи Посполитой, шляхта сама толкала города къ упадку. Въ 1496 г. запрещено мѣщанамъ приобретать поземельное имущество, отъ чего допускались позднѣе отступленія только въ пользу нѣсколькихъ важнѣйшихъ городовъ. Право устанавливать цѣны на товары отнимается у городскихъ мѣщанскихъ властей и передается въ руки воеводъ, органовъ шляхетскаго самоуправления. Освобожденіе шляхты отъ таможенныхъ пошлинъ подрываетъ городскую торговлю. Дома шляхтичей въ городахъ изъяты изъ подсудности городскимъ судамъ. Упразднены высшіе суды городского права, и ассессоріатъ, органъ шляхетскій, становится высшей судебной инстанціей по дѣламъ мѣщанъ. Городскіе совѣты подчинены надзору старостъ (шляхетская должность), которые стѣсняли всю ихъ самостоятельность (стр. 22—23).

Крестьяне окончательно закрѣпощаются. Прежнее чиншевое хозяйство смѣняется фольварочнымъ, т. е. крестьянскія земли обращаются подъ собственную запашку помѣщика, и крестьяне изъ зависимыхъ земледѣльцевъ превращаются въ крѣпостныхъ сельскихъ ра,

бочихъ. Быстрыми шагами идетъ развитіе барщиннаго труда на счетъ оброка (чинша); остающіеся чинши увеличиваются въ размѣрѣ. Совершенно отмѣняется (1532 г.) право крестьянскаго перехода, и сыскъ бѣглыхъ крестьянъ становится безсрочнымъ. На основаніи Вартскаго статута (1423 г.) шляхта скупаеть солтыства, и такимъ образомъ судебное самоуправленіе крестьянъ смѣняется вотчиннымъ судомъ шляхтича, причѣмъ аппелляція не дозволяется, а приговоры надъ крестьянами разрѣшается постановлять шляхтичамъ „согласно ихъ разумѣнію“ (1573 г.)—(стр. 23).

Центръ тяжести государственной власти локализуется въ сеймѣ, основы устройства котораго опираются на извѣстную радомскую конституцію 1505 года. Съ Люблинской уніи устанавливается общій сеймъ для Короны и Литвы, что приводитъ къ парламентской, по выраженію проф. Бальцера, уніи обоихъ государствъ. Минуя болѣе точную регламентацію сеймованія и сеймикованія, отмѣтимъ, что коренящееся еще въ предшествовавшемъ періодѣ требованіе единогласія пословъ для рѣшенія сейма сохраняется, и въ XVII вѣкѣ пріобрѣтаетъ особенное значеніе *liberum veto*, сохраняемое для важнѣйшихъ дѣлъ (такъ называемыхъ *materiae status*) даже реформой 1768 года. Такимъ образомъ удерживается политическій перевѣсъ сеймиковъ надъ сеймомъ, гарантированный учрежденіемъ (1589 г.) особыхъ реляціонныхъ сеймиковъ (стр. 25). Незбѣжнымъ восполненіемъ сеймово-сеймиковаго правленія являлись извѣстныя уже намъ конфедераціи, которыя стали нормальнымъ порядкомъ во время „безкоролевья“ (*interregnum*), но дѣйствовали также и при короляхъ въ качествѣ органа чрезвычайнаго государственнаго управленія, тѣмъ болѣе цѣннаго, что онѣ основывались на принципѣ большинства голосовъ и устраняли такимъ образомъ отрицательное дѣйствіе *liberum veto* (стр. 25).

Окончательно упрочивается принципъ избирательной монархіи, и съ 1775 года формально запрещается послѣдовательное избраніе лицъ изъ одной династіи. Прѣжній порядокъ общаго подтвержденія правъ и привилегій новозбраннымъ королемъ перерождается въ институтъ *tracta conventa*,—двусторонняго договора между королемъ и „народомъ“, т. е. шляхтой, съ правомъ въ случаѣ несоблюденія договора королемъ отказа ему въ повиновеніи со стороны контрагента (стр. 25—26).

Устройство центрального правительства сильно усложняется въ разсматриваемую эпоху. Съ 1573 года устанавливаются избираемые сеймомъ *ad latus regis* сенаторы, такъ называемые резиденты, въ ка-

чествъ постояннаго (въ промежуткахъ между очередными сеймами) королевскаго совѣта (16—28 чловѣкъ), члены котораго съ 1717 г. надѣляются рѣшающимъ голосомъ. Высшія должностныя лица центрального управленія съ значеніемъ министровъ существуютъ отдѣльно и параллельно въ Коронѣ и Литвѣ. Не говоря уже объ избравшихся сеймомъ резидентахъ, и министры занимаютъ независимое въ отношеніи къ королю положеніе, такъ какъ король лишентъ (еще съ 1538 г.) права смѣщать имъ же назначенныхъ должностныхъ лицъ за нарушенія и преступленія по должности. Реформы 60-хъ и 70-хъ годовъ XVIII столѣтія ослабляютъ правительственное значеніе короля еще въ большей степени. Такъ, напримѣръ, великія комиссіи (центральныя правительственныя коллегіи), отдѣльныя для Короны и Литвы, избираются сеймомъ. Комиссія просвѣщенія (Komisya Edukacyjna) и постоянный совѣтъ (Rada Nieustająca), одинаково простирающіе свое дѣйствіе на Корону и Литву, являются первымъ крупнымъ шагомъ по пути правительственнаго объединенія обоихъ государствъ, но въ отношеніи къ королю сохраняютъ независимость прежнихъ комиссій, такъ какъ избираются сеймомъ. Мало того, въ постоянномъ совѣтѣ король надѣленъ двумя голосами при выработкѣ общаго рѣшенія,—король превращается такимъ образомъ въ президента высшей правительственной коллегіи и, слѣдовательно, утрачиваетъ обычные атрибуты монарха (стр. 26).

Управленіе всѣми дѣлами провинцій переходитъ окончательно въ руки органовъ шляхетскаго самоуправленія, каковыми являются, съ одной стороны, несмѣняемая пожизненная земскія должности, съ другой стороны,—установившіеся въ первой половинѣ XVII вѣка такъ называемые хозяйственныя сеймики (*sejmiki gospodarcze*); послѣдніе заводятъ на земскія средства даже мѣстныя войска (такъ называемое *wojsko powiatowe*) подъ начальствомъ назначаемыхъ сеймикомъ же ротмистровъ. Водворяется система широчайшей административной децентрализаціи, извѣстная въ польской историографіи подъ названіемъ сеймикоправства (*rzady sejmikowe*,—стр. 27). Этой административной децентрализаціи нельзя въ связь съ политическимъ преобладаніемъ сеймиковъ надъ сеймомъ, т. е. съ децентрализаціей политической.

Для полноты картины разсматриваемаго періода, періода общественной и государственной, по выраженію проф. Бальцера, супрематіи шляхты, необходимо еще отмѣтить отношеніе шляхетскаго сословія къ отбыванію его единственной, хотя и ограниченной, но все-же въ прин-

цигѣ сохранившейся повинности военной службы. Для характеристики этого отношенія достаточно указать, что со смерти послѣдняго Ягеллона до конца разсматриваемаго періода всеобщее земское ополченіе (посполитое рушенье) созывалось всего три раза (стр. 29).

Четвертый періодъ характеризуется проф. Бальцеромъ только какъ зачатокъ новаго періода польской государственности. Зачатокъ этотъ нашелъ себѣ выраженіе въ реформахъ четырехлѣтняго сейма, воплотившихся въ конституціи 3-го мая и во включенной въ послѣднюю конституціи о городахъ отъ 18-го апрѣля 1791 года.

Произведенная четырехлѣтнимъ сеймомъ реформа общественныхъ отношеній не была радикальной, такъ какъ круто не порвала связи съ традиціей прошлаго, но она подняла значеніе угнетенныхъ низшихъ слоевъ общества и такимъ образомъ проложила путь къ установленію равенства всѣхъ гражданъ предъ закономъ. Конституціи въ принципѣ не измѣнили положенія шляхты, сохранивъ ей прежнія права и привилегіи, но подняла положеніе мѣщанъ и крестьянъ. За мѣщанами признано право пріобрѣтать поземельную собственность, а за шляхтой—право заниматься въ городахъ торговлей безъ потери шляхетства; мѣщанамъ предоставлена возможность выслуги офицерскихъ чиновъ, но доступъ къ земскимъ и духовнымъ должностямъ остался по прежнему закрытымъ для мѣщанъ. Отмѣнена неподсудность городскихъ домовъ шляхтичей мѣщанскому суду, и упраздненъ контроль шляхетскихъ властей надъ мѣщанскими; высшій надзоръ надъ городскимъ самоуправленіемъ сосредоточенъ въ комиссіи полиціи, въ составъ которой включены и представители городовъ. Послѣдніе вошли также въ высшую для городовъ судебную инстанцію—ассессоріатъ. Полное право участія въ сеймѣ не было предоставлено городамъ, но все же введенъ былъ институтъ городскихъ уполномоченныхъ (*plenipotentiów miejskich*), изъ числа которыхъ избирались на провинціальныхъ сессіяхъ сейма члены комиссій финансовъ и полиціи, а также ассессоріата. Уполномоченные отъ городовъ присутствовали на сеймѣ безъ права участія въ голосованіи, но съ правомъ инициативы по дѣламъ торговли, промышленности и городовъ вообще. Крестьяне не были освобождены и надѣлены землей, что было бы тогда еще преждевременно, но было постановлено, что впредъ основаніемъ взаимныхъ отношеній крестьянина и помѣщика должны быть заключаемые ими договоры. Въ данномъ случаѣ сохраненъ былъ обычай, соблюдавшійся и ранѣе нѣкоторыми землевладѣльцами, которые заключали со своими „подданными“ (крестьянами) договоры, освобождавшіе послѣднихъ отъ разныхъ тя-

гостей. Давалось такимъ образомъ указаніе на будущее время, въ какомъ направленіи слѣдовало развивать крестьянскія отношенія. Было вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено, что крестьяне ставятся подъ защиту закона, что обозначало, что крестьяне могутъ вчинать въ судъ искъ противъ своихъ господъ (стр. 31).

Существенному преобразованію подверглись соотношеніе прежнихъ сеймовыхъ чиновъ (короля, сената и посольской избы) и порядокъ самаго сеймованія. Дѣла, подлежащія сейму, раздѣлены на двѣ категоріи: 1) общихъ законовъ (prawa ogólne) и 2) сеймовыхъ постановленій (uchwały sejmowe). Къ первой категоріи отнесены законы конституционные, гражданскіе, уголовные и вѣчныя подати; во второй—объявленіе войны, заключеніе мирныхъ и иныхъ международныхъ договоровъ, единовременные налоги, бюджетъ и т. п. При рѣшеніи дѣлъ второй категоріи производился общій подсчетъ голосамъ сенаторовъ и пословъ, такъ что болѣе многочисленная посольская изба могла въ этихъ дѣлахъ получить преобладаніе надъ сенатомъ. По дѣламъ первой категоріи палаты голосовали отдѣльно; если законопроектъ былъ отвергнутъ сенатомъ, посольская изба могла вновь внести его на слѣдующій сеймъ, и въ случаѣ вторичнаго принятія ею законопроекта, сенатъ не могъ уже его отвергнуть; такимъ образомъ и по дѣламъ первой категоріи возможно было возобладаніе посольской избы надъ сенатомъ. Вслѣдствіе этого сенатъ превращался изъ равнозначащаго съ посольской избой фактора въ элементъ второго порядка. У короля отнято право санкціи, и предоставлены ему всего лишь два голоса въ сенатѣ; такимъ образомъ участіе королевской власти въ сеймъ могло быть совершенно парализовано сенатомъ, тѣмъ болѣе посольской избой. Признанная благодаря этому супрематія шляхетскаго сословія надъ короной составляетъ, по мнѣнію проф. Бальцера, отрицательную сторону реформы. Положительной стороной послѣдней является постановленіе, согласно которому посоль представляетъ на сеймѣ интересы не одной лишь избравшей его земли, но всего государства, и можетъ дѣйствовать согласно своему разумѣнію; сеймовыя инструкціи прямо запрещены. Слѣдствіемъ этой реформы было полное уничтоженіе *liberum veto*, равно запрещеніе составлять конфедерации. Сеймъ по конституціи долженъ былъ быть всегда „наготовѣ“ (*gotowy*), т. е. послы, избранные на обыкновенный очередной сеймъ, не утрачивали своихъ полномочій, какъ прежде, вмѣстѣ съ его окончаніемъ, но сохраняли ихъ въ теченіе двухъ лѣтъ, такъ что могли немедленно явиться въ случаѣ необходимости созыва чрезвычайнаго сейма. Для пересмотра

конституція предусмoтрѣвъ особый конституціонный сеймъ, созываемый черезъ 25 лѣтъ, но не ранѣе (стр. 31—32).

Реформа правительства направлена была на созданіе законодѣр-ной, но сильной правительственной власти. Монархія была объявлена наследственной. Король признанъ неотвѣтственнымъ главой прави-тельства, дѣйствующимъ чрезъ отвѣтственныхъ предъ сеймомъ мини-стровъ, составляющихъ такъ называемую „стражу“, органъ единый и общій для Короны и Литвы. Члены стражи назначаются королемъ на два года, въ соотвѣтствіи съ двухлѣтнимъ срокомъ созыва обыкновен-наго очередного сейма, что даетъ королю возможность призывать на министерскіе посты лицъ, программа которыхъ согласовалась бы съ программой сеймового большинства, и устанавливать такимъ образомъ парламентарное министерство. Недостаточно было опредѣлено отно-шеніе къ стражѣ низшихъ правительственныхъ коллегій („комиссій“), которыя, съ одной стороны, были подчинены стражѣ, обязанной общей отвѣтственностью передъ сеймомъ, съ другой стороны,—продолжали сами отвѣтствовать предъ избравшими ихъ сеймомъ и сеймиками (стр. 32).

Заканчивается наложеніе четвертаго періода и вмѣстѣ съ тѣмъ всего проспекта лекцій разсужденіемъ проф. Бальцера о паденіи польскаго государства и значеніи реформъ послѣднихъ лѣтъ его су-ществованія.

Тарговицкая конфедерація и Гродненскій сеймъ 1793 года пара-лизовали преобразовательную дѣятельность четырехлѣтняго сейма и санкціонировали возстановленіе дореформеннаго строя. Это обстоя-тельство, а также второй и третій раздѣлы прерываютъ начавшееся было новое развитіе польскаго государства и общества, приобрѣтшее себѣ уже прочную и достаточно глубокую основу въ возрожденіи Польши и частичныхъ реформахъ послѣднихъ тридцати лѣтъ; были, слѣдовательно, на лицо, заключаетъ проф. Бальцеръ, условія, благо-пріятныя для дальнѣйшаго развитія, если бы это развитіе не было задержано и прервано извнѣ. Реформы конституціи и четырехлѣтняго сейма не были во всемъ совершенны съ современной точки зрѣнія; опирались онѣ въ отдѣльныхъ частяхъ на традицію старыхъ учрежде-ній; новыми лозунгами запада, въ особенности французской революціи, пользовались съ разсудительностью и умѣренностью, но именно вслѣд-ствие этого онѣ оказались народнымъ дѣломъ, и все, что въ нихъ было хорошаго, является гордостью польскаго общества. Реформы устранили основные недостатки прежняго устройства: распространили

покровительство закона на крестьянское сословіе и проложили путь къ благопріятному улаженію условій его матеріальнаго состоянія, возвратили городамъ самоуправленіе, обезпечили за ними участіе и извѣстное вліяніе въ центральныхъ учрежденіяхъ, отиѣнили унизытельныя ограниченія въ правахъ мѣщанскаго сословія; преобразовали сеймъ въ духѣ новаго времени и устранили главный корень нестройности—*liberum veto*; создали сильное правительство съ наслѣдственнымъ и неотвѣтственнымъ королемъ во главѣ. Окончательно положено было основаніе поваго устройства польскаго государства и общества; явленіе это заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что реформа произведена была безъ натиска со стороны низшихъ слоевъ общества, которые добивались бы для себя правъ, безъ давленія со стороны правительства, которое стремилось бы къ усилению своей власти, но по доброй волѣ и въ силу сознанія того сословія, которое, проводя реформы, должно было отречься отъ исключительности своихъ правъ, своего вліянія и значенія. Проявилось въ этомъ доказательство того, что Польша сама по себѣ способна возродиться изъ прежняго упадка (стр. 33—34).

Таково содержаніе проспекта университетскаго курса проф. Балзера. Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію второго изъ отиѣченныхъ нами трудовъ—„Очерка исторіи государственнаго строя Польши“ доц. Кутржебы. Трудъ этотъ представляетъ законченное изложеніе предмета, но изложеніе краткое и популярное, безъ ссылокъ на источники, нерѣдко безъ достаточнаго доказательства догматизованныхъ положеній. Польская специальная критика упрекаетъ трудъ доц. Кутржебы даже въ чрезмѣрной популярности, приносящей въ иныхъ случаяхъ необходимую научную точность въ жертву общедоступности изложенія ¹⁾. Несомнѣнно, что отиѣченный недостатокъ отчасти имѣется на лицо и выражается главнымъ образомъ въ уклоненіи автора въ нѣсколькихъ мѣстахъ его труда отъ пользованія технической терминологіей. Тѣмъ не менѣе общій тонъ работы остается строго научнымъ, нѣкоторые вопросы разработаны самостоятельно, обильная монографическая литература использована умѣло и пропущена сквозь

¹⁾ См. рецензію *prof. Stanisława Estreichera* въ краковскомъ журналѣ *Czasopismo prawnicze i ekonomiczne*, г. 1905, zeszyt 4-ty, strn. n. 407. Проф. Балзеръ упрекаетъ также доц. Кутржебу въ послѣдности, съ которой написана его работа, а также въ наличности въ иныхъ мѣстахъ ея излишней для научнаго трактата риторики. См. *O. Balzer, Z powodu nowego zarysu historii ustroju Polski. Kwartalnik historyczny, Rocznik XX, 1906, zeszyt 3, strn. 420, 437.*

призму оригинальной концепции автора; отдельные части разработаны больше или меньше равномерно, что придает целому достаточно стройный и законченный вид.

В основе своей изложение доц. Кутржебы придерживается тех же руководящих идей, которые мы отметили в проспекте проф. Бальцера¹⁾. На ряду, однако, с этим замечаем у доц. Кутржебы дальнейшее развитие, расширение и углубление иных вопросов, намеченных у проф. Бальцера, а также и отступление от иных из точек зрения последнего.

Наиболее существенным и важным отступлением является принятая доц. Кутржебой периодизация. История государственного строя Польши, по выделении ее из общеславянского родового быта²⁾, делится доц. Кутржебой на пять периодов. Первый период—княжеского права—объемлет время от образования польского государства (в середине X столетия) до издания в конце XII столетия первых привилегий в пользу общества. Второй период—организации общества—до смерти Казимира Великого (1370 г.) и Кошицкой привилегии (1374 г.). Третий период—сословный—до Люблинской унии (1569 г.) и первого безкоролья (1572 г.). Четвертый период—шляхетской Речи Посполитой—до реформ, начатых во время последнего безкоролья (1764 г.). Наконец, пятый период—реформ—незаконченный и прерванный падением государства в 1795 году (стр. 2).

Если мы сравним периодизацию доц. Кутржебы с изложенной выше периодизацией проф. Бальцера, то увидим, что большее на один период расчленение первой и вместе с тем существенное ее отличие от последней получается вследствие дихотомии второго периода Бальцеровской схемы. У проф. Бальцера второй период,—период самоуправления сословных обществ и равновесия общественных элементов между собою и в отношении к элементу государственному,—обнимает большое протяжение времени от начала

¹⁾ Эту общность воззрений неоднократно подчеркивает сам проф. Бальцер в упомянутом обстоятельном критическом разборе труда доц. Кутржебы. См. *kwartalnik historyczny*, I. с., strn. 407, 408—409, 410, 415, 417, 439—440 и др.

²⁾ Характеристики этого родового быта, названного автором вступительным периодом (со времени поселения польских племен по Вислу, Одру и Варте до образования польского государства в середине X столетия), посвящены всего четыре страницы (2—6). Самая характеристика резюмирует общие выводы сравнительно-исторического изучения родового строя.

XIII столѣтія до 1505 года. Этотъ періодъ соединяетъ въ себѣ двѣ стадіи въ процессѣ развитія сословнаго строя: предварительную, состоящую въ образованіи сословій изъ разрозненныхъ элементовъ, освобождавшихся изъ-подъ „княжескаго права“ постепенно, путемъ частныхъ изъятій¹⁾, и окончательную, заключающуюся въ консолидациіи сословій путемъ получаемыхъ ими общихъ корпоративныхъ привилегій. Общественно-политическія отношенія двухъ указанныхъ стадій конструируются съ юридической точки зрѣнія столь различно, что объ эти стадіи не только могутъ, но и должны быть возведены на степень самостоятельныхъ періодовъ, что мы и находимъ въ трудѣ доц. Кутржебы.

Второй періодъ характеризуется доц. Кутржебой какъ періодъ организациіи общества на основаніи единичныхъ привилегій²⁾. Княжеская власть, тяготѣвшая прежде сполна и безраздѣльно надъ всѣмъ населеніемъ, начинаетъ понемногу уступать свои права отдѣльнымъ слоямъ населенія, именно,—рыцарямъ (*milites*), которые начинаютъ перерождаться въ шляхту, и возникающимъ въ странѣ городамъ (въ смыслѣ торгово-промышленныхъ, а не прежнихъ военно-административныхъ центровъ). До того времени „княжеское право“ (*ius ducale*) не знало никакихъ ограниченій. Послѣднія только создаются привилегіями, которыя жалуются князьями отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ, и содержаніе которыхъ сводится въ установленію иммунитета. Носитель власти опредѣляетъ кругъ свободы тѣхъ, кому жалуютъ привилегіи, и самъ обязывается не вторгаться въ предѣлы этого круга. Данный періодъ можно бы поэтому назвать періодомъ иммунитета. У иммунитетныхъ привилегій имѣется одна общая и весьма для нихъ характерная черта, состоящая въ томъ, что это все единичныя привилегіи, жалуемыя отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ,

¹⁾ Замѣтимъ, что проф. Бальцеръ начинаетъ изложеніе своего II періода съ „переходнаго состоянія“, къ которому относитъ иммунитеты и возникновеніе самоуправленія. См. *prof. O. Balzer*, назв. соч., стр. 9—10. Въ упомянутомъ критическомъ разборѣ проф. Бальцеръ посвящаетъ нѣсколько страницъ опроверженію устанавливаемого Кутржебой второго періода. См. *Quartalnik historyczny*, 1906 г., zeszyt 1 i 2, strn. 11—20. Временемъ образованія сословій проф. Бальцеръ считаетъ XIII вѣкъ и не допускаетъ распространенія этого процесса на слѣдующее столѣтіе. Оставляя открытымъ вопросъ о хронологическихъ рамкахъ, мы полагаемъ однако, что съ конструктивной точки зрѣнія выдѣленіе особаго періода образованія сословій имѣетъ важное значеніе и даже необходимо.

²⁾ Первою такою привилегіей доц. Кутржеба считаетъ Ленцицкую привилегію, данную церкви въ 1180 году (см. стр. 25).

э не цѣлымъ группамъ населенія, каковыхъ, строго говоря, еще и нѣтъ на лицо. Привилегія дѣйствительна только для того, кому она пожалована. Поэтому о приобрѣтеніи иммунитетной привилегіи долженъ заботиться каждый въ отдѣльности епископъ, каждый въ отдѣльности монастырь, всякій отдѣльный рыцарь, каждый въ отдѣльности городъ. Разъ привилегія получена, она опредѣляетъ отношеніе къ власти со стороны каждаго обладателя иммунитета въ отдѣльности. Хотя у всякаго есть своя привилегія, на которую единственно онъ и можетъ ссылаться, хотя между привилегіями и имѣются различія, тѣмъ не менѣе однако существенное содержаніе иммунитетныхъ привилегій сходно, и это сходство все болѣе и болѣе увеличивается. Обладатели подобныхъ привилегій сближаются другъ съ другомъ на почвѣ единства цѣлей и стремленій и начинаютъ объединяться между собою въ отношеніяхъ своихъ къ князю и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣляться все сильнѣе и рельефнѣе изъ остальныхъ слоевъ населенія. Процессъ этотъ въ концѣ концовъ приводитъ къ тому, что классы иммунитетныхъ владѣльцевъ замыкаются и перерождаются въ сословія. Завершеніе этого процесса находитъ себѣ внѣшнее выраженіе въ появленіи новыхъ привилегій, которыя жалуются уже не единичнымъ лицамъ и учрежденіямъ, но совокупности тѣхъ, которые на почвѣ предшествовавшихъ привилегій создали крѣпко сплоченныя группы—сословія. Первой такой общей сословной привилегіей является Колицкая привилегія, пожалованная въ 1374 году шляхтѣ. Вся важность ея значенія и заключается въ ея корпоративномъ характерѣ (стр. 24).

Только что изложенной нами характеристикѣ „иммунитетнаго“ періода, предваряющаго и подготовляющаго сословный строй, нельзя отказать въ остроуміи и научной проицательности. Общество, объединенное военно-государственной властью князя, знало только одно несомнѣнное и юридически закрѣпленное различіе въ своей средѣ,— различіе свободныхъ и рабовъ; въ остальномъ оно фактически было мало дифференцировано, юридически же почти вовсе не дифференцировано. Такое общество не могло сразу стать сословнымъ. Къ сословному строю оно подготовлялось постепенно чрезъ прохожденіе промежуточной, болѣе или менѣе продолжительной стадіи сословной, если такъ можно выразиться, кристаллизаціи, которую нашъ авторъ называетъ періодомъ организаціи общества и періодомъ иммунитетнымъ.

Вникая глубже въ особенности этого періода, имѣющаго далеко

не одно лишь мѣстное, но и общее значеніе, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ европейской культуры, мы не можемъ не остановиться на двухъ его характерныхъ чертахъ. Одна изъ нихъ заключается въ тѣхъ специфическихъ измѣненіяхъ, которымъ подвергается государственная власть подъ вліяніемъ установленія иммунитетовъ; другая—въ способахъ и пріемахъ объединенія разрозненныхъ обладателей иммунитетовъ въ сплоченныя общественныя группы.

Подъ вліяніемъ установленія иммунитетовъ государственная власть подвергается двоякаго рода измѣненіямъ. Съ одной стороны, однообразное на основаніи „княжескаго права“ отношеніе власти ко всему свободному населенію замѣняется пріимчиво къ обладателямъ иммунитетовъ специальными узами, связывающими каждаго обладателя иммунитета съ носителемъ власти на особыхъ началахъ, установленныхъ въ пожалованной привилегіи. Съ другой стороны, иммунитетъ содержитъ въ себѣ отказъ носителя государственной власти отъ осуществленія значительной части или даже всѣхъ судебныхъ и финансовыхъ правъ въ предѣлахъ владѣній лица, надѣленнаго иммунитетомъ, слѣдовательно,—отказъ отъ прямого властвованія надъ непривлекившимъ населеніемъ иммунитетнаго владѣнія съ передачей значительной части или даже всѣхъ правъ этого властвованія иммунитетному владѣльцу, доменіальная власть котораго становится промежуточнымъ звеномъ между верховной государственной властью и непривлекившимъ населеніемъ страны; иначе говоря, установленіе иммунитетовъ ведетъ къ такъ называемому дробленію суверенитета. Указанное дробленіе властвованія, а также отмѣченная непосредственно передъ этимъ замѣна однообразнаго подданства особыми условіями подчиненія иммунитетныхъ владѣльцевъ носителю власти, являются существенными признаками того общественно-политическаго строя, который на западѣ Европы называется феодальнымъ. Авторъ разсматриваемаго нами труда доц. Кутржеба не признаетъ и не называетъ своего „иммунитетнаго“ періода феодальнымъ. Среди польскихъ историковъ послѣднихъ лѣтъ находится однако одинъ такой, который усматриваетъ въ исторіи общественно-политическаго строя своего отечества періодъ своеобразнаго феодализма. Мы имѣемъ въ виду д-ра Казимира Горжицкаго, автора „Очерка соціальной исторіи польскаго государства“ ¹⁾.

¹⁾ *D-r Kazimierz Gorzycki, Zarys społecznej historii państwa polskiego, Lwów—Warszawa, 1901.*

Въ указанномъ трудѣ, носимъ популяризаторскій характеръ, г. Горжицкій развиваетъ свои взгляды на феодальныя отношенія въ Польшѣ (съ 1138 по 1279 годъ) весьма кратко и необстоятельно и, можно даже сказать, скользить по поверхности вопроса ¹⁾. Его интересуется главнымъ образомъ экономическая сторона феодализаціи, которую онъ усматриваетъ въ замѣнѣ прежняго вотчиннаго обладанія князя всей землей частнымъ землевладѣніемъ магнатовъ, духовенства и рыцарства и въ хозяйственномъ порабощеніи этими привилегированными землевладѣльцами крестьянъ-земледѣльцевъ. Но проскальзываетъ у автора и юридическая сторона дробленія властвованія, которое связывается съ жалованіемъ иммунитетовъ ²⁾. Отличительной чертой польскаго феодальнаго строя сравнительно съ западно-европейскимъ г. Горжицкій считаетъ отсутствіе въ Польшѣ субинфеодаціи и аггіге-вассаловъ, или, какъ выражается самъ авторъ, пользуясь извѣстнымъ сравненіемъ, отсутствіе въ польской феодальной пирамидѣ общественной середины; въ силу этой особенности онъ называетъ соотвѣтственный періодъ польской исторіи не феодальнымъ, но лишь „феодалистическимъ“ ³⁾, т. е. какъ бы подобнымъ феодализму.

Приведенныя поверхностныя замѣчанія г. Горжицкаго не исчерпываютъ и даже ни въ какомъ отношеніи не предвѣщаютъ вопроса о польскомъ феодализмѣ. Мы отмѣтили ихъ только въ связи съ высказанными нами соображеніями о наличности въ предвѣряющемъ словесный строй „иммунитетномъ“ періодѣ нѣкоторыхъ, притомъ существенныхъ, чертъ феодализма. Разсматриваемый періодъ польской исторіи нуждается, по нашему крайнему разумѣнію, въ обстоятельномъ и документальномъ пересмотрѣ съ точки зрѣнія феодальныхъ конструкцій. Поэтому мы позволимъ себѣ выразить пожеланіе скорого и успѣшнаго составленія общанной г. Горжицкимъ спеціальной монографіи о феодализмѣ въ Польшѣ, матеріалы для которой, по

¹⁾ См. назв. соч., стр. 132—137.

²⁾ Это проглядываетъ, по нашему мнѣнію, въ слѣдующихъ словахъ автора на стр. 133-й назв. соч. „Въ княжескихъ владѣніяхъ крестьяне, приписанные къ городамъ (центрамъ военно-государственнаго управленія), продолжали еще подлежать власти „градскихъ пановъ“ (кастеляновъ—княжескихъ урядниковъ), между тѣмъ какъ въ церковныхъ и шляхетскихъ владѣніяхъ „паномъ“ (въ смыслѣ правителя) былъ соотвѣтственный землевладѣлецъ. Все менѣе и менѣе подлежали не княжескіе крестьяне городамъ и все болѣе и болѣе—частнымъ „панамъ“. Нѣкоторымъ изъ послѣднихъ князья жаловали полное „княжеское право“ надъ ихъ крестьянами“.

³⁾ См. назв. соч., стр. 135.

собственнымъ словамъ автора, въ значительной степени уже собраны имъ по первоисточникамъ ¹⁾. Пока мы отмѣчаемъ починъ г. Горжицкаго въ качествѣ призыва къ необходимому переислѣдованію соотвѣтственнаго періода исторіи общественно-политическаго строя Польши ²⁾.

Вторую характерную черту предшествовавшего сословному строю „иммунитетнаго“ періода составляютъ способы и приемы объединенія разрозненныхъ обладателей иммунитетовъ въ консолидированныя общественныя группы, которыя добиваются корпоративныхъ привилегій и прериваются такимъ образомъ въ сословія. Доц. Кутржоба констатируетъ лишь фактъ такого объединенія, но не останавливается ближайшимъ образомъ на формахъ проявленія указаннаго объединительнаго процесса. Этимъ вопросомъ занимался специально скончавшійся въ прошломъ году польскій историкъ-юристъ А. Рембовскій въ своемъ публичноправномъ трактатѣ о конфедераціи ³⁾, весьма цѣнномъ какъ со

¹⁾ См. назв. соч., стр. 5.

²⁾ Мы говоримъ о переислѣдованіи, о новой разработкѣ вопроса, такъ какъ считаемъ совершенно непригодными и явленіями, такъ сказать, иного порядка старыя ученія о феодализмѣ, исходившія изъ завосванія и мнимаго раздѣла покоренной страны побѣдителями, отвергнутыхъ наукой. Къ такимъ старымъ и потерявшимъ всякое научное значеніе теоріямъ принадлежитъ въ польской историографіи ученіе Нарушевича о феодализмѣ въ Польшѣ. См. *Władysław Smoleński, Szkoły historyczne w Polsce*. Warszawa, 1898, стлп. 31. Очевидно, имѣя въ виду эти старинныя теоріи, проф. Вальцеръ въ отдѣлѣ о содержаніи княжеской власти перваго періода замѣчаетъ: „Послѣдніе состоятъ къ князю въ отношеніи непосредственнаго подданства (не вассальномъ)“, см. назв. соч., стр. 6. — Напомнимъ, кстати, что въ новѣйшей русской историографіи сдѣланы въ смыслѣ пересмотра соотвѣтственнаго періода русской исторіи съ точки зрѣнія феодальныхъ конструкцій болѣе крупныя и дагѣ идущіе шаги въ изслѣдованіяхъ Н. П. Павлова-Сильванскаго, которыя пока не разрѣшаютъ вопроса окончательно, но ставятъ его, по нашему мнѣнію, на надежную почву. Объ изслѣдованіяхъ Н. П. Павлова-Сильванскаго см. нашъ критическій очеркъ: „Феодализмъ въ Россіи“. Варшава, 1904.

³⁾ *A. Rembowski, Konfederacya i rokosz. — Porównanie stanowych konstytucyj państw europejskich z ustrojem Rzeczypospolitej Polskiej*. Wydanie drugie powiększone. Warszawa, 1896 (первое изданіе вышло въ 1893 году). — Опредѣленіе конфедераціи приведено нами выше въ изложеніи проспекта лекцій проф. Вальцера. Въ ближайшемъ разъясненіи нуждается проставленный еще въ заглавіи труда г. Рембовскаго „рокошъ“. Рокосъ это особое видоизмѣненіе конфедераціи, имѣющее значеніе чрезвычайной охраны шляхетскихъ вольностей. Рокосы могли возникать и во время безкоролья. Но типическій рокосъ это какъ бы конфедерація, направленная противъ короля, это чрезвычайное политическое учрежденіе, составленное съ цѣлью обороны конституціи Рѣчи Посполитой и вольностей рыцарства отъ всякаго рода

стороны динамическаго изученія института, такъ и со стороны юридическаго его конструированія. Ведя свое излѣдованіе по сравнительно-историческому методу, А. Рембовскій приходитъ къ заключенію, что конфедерация составляетъ общее и неизбѣжное явленіе европейскаго, въ томъ числѣ и польскаго, сословнаго государственнаго строя. При этомъ авторъ различаетъ въ развитіи конфедерации двѣ формации, изъ которыхъ первая предшествуетъ господству консолидированнаго сословнаго государственнаго строя, вторая—сопутствуетъ ему ¹⁾. Конфедерации первичной формации это союзы разрозненныхъ иммунитетныхъ владѣльцевъ, помощью которыхъ послѣдніе объединяются въ сплоченныя общественныя группы и добиваются сословныхъ привилегій ²⁾; конфедерации вторичной формации выступаютъ въ качествѣ своеобразнаго, но неизбѣжнаго восполненія сословнаго представительства для достиженія цѣлей, превосходящихъ силы послѣдняго въ его нормальномъ дѣйствіи ³⁾. Для насъ въ данномъ случаѣ представляютъ особенный интересъ конфедерации первичной формации. Первой сословной шляхетской привилегіи (Кошицкой 1374 г.), принимаемой доц. Кутржебой за грань, отдѣляющую „иммунитетный“ періодъ отъ сословнаго, предшествуютъ, насколько это пока установлено, всего лишь три конфедерации,—двѣ мѣщанскія и одна шляхетская ⁴⁾. Быть можетъ, эта немногочисленность является причиной того, что доц. Кутржеба проходитъ молчаніемъ конфедерации, какъ путь подготовленія сословной консолидации, и останавливается лишь на одномъ факторѣ послѣдней,—объединительномъ зна-

крьемъ и покушеній, и стремившееся къ производству высшаго шляхетскаго суда надъ королемъ, его министрами и сенатомъ. См. назв. соч., стр. 422—442.

¹⁾ Мы позволяемъ себѣ различать въ разработанной г. Рембовскимъ сравнительной исторіи конфедерации двѣ формации послѣдней, основываясь на заявленіяхъ самого автора, который характеризуетъ конфедерацию до-сословной эпохи какъ „новое изобрѣтеніе“ (назв. соч., стр. 4 и 195), а конфедерацию сословной эпохи какъ „старое средство, испробованное въ борьбѣ съ монархизмомъ“ (*ibidem*, стр. 169; срвн. также на стр. 389-ой объ „обновленіи“ идеи конфедерации).

²⁾ См. назв. соч., стр. 3—14.

³⁾ См. назв. сочин., стр. 160—178, 389—422 и 442—444. Проф. Бальцеръ, по-видимому, не признаетъ различія двухъ указанныхъ формаций въ развитіи конфедерации. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно предполагать на основаніи слѣдующаго его заявленія, высказаннаго въ критическомъ разборѣ труда доц. Кутржебы: „Я не счелъ бы конфедерацию «восполненіемъ парламентскаго строя государства», но восполненіемъ государственнаго строя вообще, хотя бы потому, что конфедерации появились въ Польшѣ въ такой періодъ средневѣковья, когда еще не было рѣчи о парламентскомъ строѣ“. См. *Kwartalnik historyczny*, 1906, zeszyt 3, strn. 426.

⁴⁾ См. *ibidem*, стр. 195—197.

ченіи родовыхъ шляхетскихъ гербовъ¹⁾. Но если не ограничиваться формальной гранью Кошицкой привилегіи и продлить процессъ консолидации сословно-политического строя вплоть до установленія сословнаго представительства, то въ такомъ случаѣ нельзя не признать правильности утвержденія г. Рембовскаго, что созиданіе политическихъ сословій (stanów—чиновъ) въ Польшѣ происходило при значительномъ участіи федеративныхъ союзовъ²⁾. Квалификація, данная г. Рембовскимъ конфедераціямъ первичной формации, имѣетъ большое значеніе, независимо отъ конкретныхъ особенностей польской исторіи, для общей сравнительно-исторической, такъ сказать, теоретической конструкціи сословнаго государства. Она наглядно показываетъ намъ, что приобращеніе сословіями права на участіе во власти обуславливалось разлитіемъ въ нихъ средъ начала союзности³⁾.

До сихъ поръ мы говорили о второмъ періодѣ у доц. Кутржебы, выдѣленномъ изъ второго періода проф. Бальцера и обнимающемъ собою процессъ образованія сословій. Третій періодъ доц. Кутржебы вполне соответствуетъ остальной, за выдѣленіемъ указанной переходной эпохи, части второго періода проф. Бальцера и характеризуется такъ же, какъ и у проф. Бальцера, наличностью сословнаго равновѣсія⁴⁾. Различіе заключается только въ томъ, что проф. Бальцеръ

¹⁾ См. *D-r. St. Kutrzeba*, назв. соч., стр. 29—30. „Посредствомъ герба поддерживается сознаніе родовой общности, слѣдовательно,—и сознаніе общихъ правъ и привилегій, родовая солидарность. Со времени установленія гербовъ, какъ наследственнаго признака шляхетства, отношеніе къ власти стало опредѣляться общими, не единичными привилегіями,—съ этого времени можно уже говорить о шляхтѣ въ Польшѣ“.

²⁾ См. *A. Rembowski*, назв. сочин., стр. 195—210.—Значеніе конфедерацій въ дѣлѣ подготовленія участія шляхты во власти и, слѣдовательно, въ процессѣ образованія посольской избы признаетъ и отмѣчаетъ доц. Кутржеба; см. назв. его сочин., стр. 123.

³⁾ Въ связи съ сказаннымъ невольно приходитъ на мысль подмѣченное В. Н. Чичеринимъ отсутствіе союзности въ русскомъ средневѣковомъ обществѣ. См. *В. Н. Чичеринъ*, Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. Москва, 1856 г., стр. 36.—В. Н. Чичерину приходилось выслушивать упреки, что онъ больше говоритъ о томъ, чего не было въ русской исторіи, чѣмъ о томъ, что въ ней было. Нельзя по этому поводу не замѣтить, что такое указаніе, чего именно не было, имѣетъ немалое значеніе въ дѣлѣ историческаго объясненія. Такъ, отмѣченное отсутствіе союзности въ русскомъ средневѣковомъ обществѣ способно объяснить многое въ позднѣйшемъ политическомъ положеніи сословій въ московскомъ государствѣ. Вообще констатированіе „отсутствія“ столь же умѣстно и необходимо въ сравнительно-историческомъ изученіи, какъ и указаніе сходства.

⁴⁾ См. *St. Kutrzeba*, назв. соч., стр. 62 и 75.

замыкает этот период сословного равновѣсія 1505 годомъ, а доц. Кутржеба продолжаетъ его до 1572 года. Проф. Бальцеръ считаетъ 1505 г. завершительной гранью периода равновѣсія на томъ, повидимому, основаніи, что изданная въ этомъ году Радомская конституція формально обезпечила представительное участіе въ сеймѣ за шляхтой и не предоставила его городамъ, слѣдовательно, — установила окончательно политическій перевѣсъ шляхетскаго сословія надъ остальными. Этому завершительному въ дѣлѣ нарушенія сословнаго равновѣсія моменту доц. Кутржеба не придаетъ рѣшающаго значенія и приписываетъ послѣднее тому, что проф. Бальцеръ называетъ нарушеніемъ равновѣсія между общественнымъ и государственнымъ элементами, именно, — формальному ограниченію королевской власти. Радомская конституція *Nihil novi* не можетъ служить въ этомъ направленіи поворотнымъ пунктомъ. Данное въ ней опредѣленіе, согласно которому „ничего новаго“ нельзя устанавливать безъ согласія сейма, обозначало, по мнѣнію доц. Кутржебы, только то, что нельзя было нарушать субъективныхъ привилегій шляхты безъ ея на то согласія. Только впоследствии стали толковать ее шире въ видахъ ограниченія королевской власти ¹⁾. Власть короля подверглась формальному ограниченію только съ введеніемъ *роста conventa*, въ силу которыхъ шляхетскій сеймъ получилъ участіе въ управленіи общегосударственными дѣлами, что онъ и осуществлялъ съ тѣхъ поръ, включая въ кругъ своей дѣятельности не одни лишь свои сословныя, какъ прежде, но и общегосударственныя дѣла, слѣдовательно, и уставную дѣятельность относительно другихъ сословій. Вотъ почему доц. Кутржеба отодвигаетъ предѣлы различаемаго имъ третьяго периода до 1572 года. Толкованіе, которое авторъ даетъ Радомской конституціи *Nihil novi*, остается у него бездоказательнымъ и голословнымъ. Поэтому намъ представляется болѣе убѣдительнымъ завершеніе разсматриваемаго периода именно 1505 годомъ, какъ это дѣлаетъ проф. Бальцеръ ²⁾. Къ этому присоединяется и общее соображеніе, въ силу котораго не слѣдуетъ чрезмѣрно подвигать впередъ предѣлы периода „сословнаго равновѣсія“. Соображеніе это прямо вытекаетъ изъ признаннаго обоими нашими авторами положенія о томъ, что „расшатываніе“ сословнаго равновѣсія

¹⁾ *Ibidem*, стр. 128.

²⁾ См. подробное обоснованіе этой точки зрѣнія проф. Бальцера въ его критическомъ разборѣ труда доц. Кутржебы, *Kwartalnik historyczny*, 1906 г., zeszyt 1 i 2, strn. 40 sq.

въ пользу шляхетской „супрематіи“ въ своемъ начальномъ, воплиъ однаю опредѣлившемся проявленіи восходить еще къ половинѣ XV столѣтія ¹⁾).

Подробное изложеніе соціально-политическаго строя третьяго періода у доц. Кутржебы является какъ бы непосредственнымъ исполненіемъ соотвѣтственныхъ частей программы проф. Бальсера. Болѣе обстоятельное и отчасти оригинальное сравнительно съ послѣдней развитіе получилъ у доц. Кутржебы вопросъ объ установленіи въ Польшѣ единой державы. Авторъ проводитъ ту мысль, что государственное единство Польши создано не собирательной дѣятельностью королей, но усиліями общественныхъ элементовъ ²⁾, проявившихъ себя въ этомъ отношеніи послѣ смерти Казимира Великаго. Удѣльные части Польши проявили сознание общности своихъ національныхъ интересовъ предъ лицомъ вновь избраннаго короля Людовика Венгерскаго и еще болѣе во время послѣдовавшаго послѣ его смерти безкоролевья.

¹⁾ См. *Prof. Bolser*, назв. соч., стр. 22; *D-r. St. Kutrzeba*, назв. соч., стр. 75.

²⁾ Подчеркиваемъ общее значеніе этой мысли. Замѣтимъ, что эта точка зрѣнія приложена еще раньше къ русской исторіи и обоснована В. И. Сергѣевичемъ, который развѣнчалъ князей-собирателей и показалъ, что за ними „скрывается боярская рука, совидающая камнемъ за камнемъ Московское государство“; загѣмъ тотъ же В. И. Сергѣевичъ показалъ, что „наша исторія не знаетъ государя, который бы отгнѣнилъ удѣльныхъ князей и высказалъ принципъ недѣлимости Русской земли“, и вполнѣ основательно замѣтилъ, что только по прекращеніи линіи Даниловичей „сознание о государственномъ единствѣ русскаго народа широкою волной прошло по русской землѣ и выразилось въ забраніи одного государя на все Московское государство“.— См. *В. И. Сергѣевичъ*, Русскія юридическія древности, томъ I, С.-Пб. 1890, стр. 64, 66, 69, 77, и томъ II, вып. I, С.-Пб., 1893, стр. 225 и 229.— Правда, что, въ соборномъ избирательномъ актѣ 1613 года „и царство Русское и государство Московское все еще продолжаетъ состоять изъ разныхъ государствъ“, но это уже не болѣе, какъ переживаніе въ языкѣ, потерявшее уже всякій живой смыслъ (см., *ibidem*, т. I, стр. 91—92). Такимъ переживаніемъ и неточностямъ языка не слѣдуетъ придавать значенія; встрѣчаются они повсюду. И въ Польшѣ мы замѣчаемъ аналогичное явленіе въ официальномъ словоупотребленіи, согласно которому Рѣчь Посполитая дѣлилась на три „провинціи“: великую Польшу, малую и Литву. „Повсюду упоминаются“, говоритъ польскій юристъ-публицистъ второй половины XVIII вѣка Винцентій Скржетускій, „три провинціи и три народа, и во всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся правленія, эти три народа соблюдаютъ между собой порядокъ, очередь предсѣданія и равенство“. См. *X. Wincenty Skrzetuski*, *Prawo polityczne narodu Polskiego*, том I, Warszawa 1782, стр. 13.—Припомнимъ, что на избирательномъ полѣ на Волѣ сооружали обычно трое воротъ по числу указанныхъ „провинцій“. Тѣмъ не менѣе подобная троячность, нашедшая выраженіе въ языкѣ и въ церемоніахъ, не соотвѣтствовала дѣйствительному юридическому взаимоотношенію отдѣльныхъ частей Рѣчи Посполитой.

Объединение первоначально принимало форму конфедераций, на долю которых выпало такимъ образомъ подготовленіе не только сословно-политического строя государства, но и самого единодержавія ¹⁾). Ясно формулированная въ указанное время объединительная тенденція подлежала однако долгому процессу постепеннаго осуществленія, развившемуся въ длинномъ рядѣ послѣдовательныхъ инкорпораций, завершаемыхъ только въ XVI вѣкѣ, какъ, на примѣръ,—инкорпорация Мазовіи и русскихъ земель. Гдѣ не удавалась инкорпорация, тамъ приходилось довольствоваться уніей, и въ этомъ отношеніи особенно важно преобразование въ 1569 году личной уніи Литвы съ Польшей въ реальную; не далѣе реальной уніи пошло и соединеніе съ короной Королевской Пруссіи; среди земель инкорпорированныхъ особое положеніе заняла Ливонія, надъ которой признанъ былъ публичноправный *condominium* Короны и Литвы ²⁾).

Характерной особенностью процесса государственнаго объединенія Польши являются способы, помощью которыхъ завязывалась болѣе тѣсная связь инкорпорированныхъ и соединяемыхъ земель съ основнымъ государственнымъ ядромъ. На особенностяхъ путей и средствъ объединенія специально останавливается нашъ авторъ. „Самымъ важнымъ въ этомъ процессѣ“, говорятъ доц. Куртжеба, „былъ вопросъ о привилегіяхъ. Территоріи, объединяемая съ Польшей, обладали вообще меньшими привилегіями или же не имѣли вовсе никакихъ привилегій. При инкорпорации обычно распространяли на нихъ польскія привилегіи и уравнивали такимъ образомъ общество этихъ областей, и прежде всего ихъ шляхту, такъ какъ все дѣло и заключалось въ шляхтѣ и ея привилегіяхъ, съ польской шляхтой. Это-то и составляетъ особенность консолидаціи польскаго государства, такъ какъ въ другихъ государствахъ наоборотъ консолидація совершалась на началахъ прямо противоположныхъ,—путемъ ограниченія прожнихъ большихъ привилегій и усиленія монархической власти. То, что Польша избрала иной путь, это тоже является слѣдствіемъ всего ея развитія и того перевѣса, который приобрѣло общество, т. е. въ данномъ

¹⁾ См. *St. Kutrzeba*, назв. соч., стр. 95. Проф. Бальцеръ специально опровергаетъ эту точку зрѣнія доц. Куртжебы. См. *Kwartalnik historyczny*, 1906 г. zeszyt 1 i 2, strn. 20. Завершеніе процесса государственнаго объединенія, какъ и консолидація сословій, относятся проф. Бальцеромъ на одно столѣтіе назадъ. Остается все же неизясненнымъ въ критикѣ проф. Бальцера соотношеніе собирательной дѣятельности князей и сословій.

²⁾ *Ibidem*, стр. 96—104.

случаѣ шляхта, въ отношеніи къ королю. Въ этомъ же заключается та особенность возвышеннаго значенія уній и инкорпораций, которую столь высоко ставятъ политическіе историки, особенно прежней сентиментальной эпохи ¹⁾. Участіе въ сеймахъ было, очевидно, неизбѣжнымъ выводомъ изъ указанной общности. Поскольку парламентскій строй,—что преимущественно касается сеймиковъ,—не былъ еще установленъ въ объединяемыхъ областяхъ, его вводили при инкорпорации искусственно. Искусственно же создавали по польскому образцу уряды, т. е. вводили земскіе уряды, такъ какъ иначе нельзя было упрочить положеніе новыхъ областей въ сеймахъ, на которые призывались именно высшія земскія должностныя лица,—воеводы и кастелланы. Что касается судебного права, то либо оно сохранялось въ прежнемъ видѣ, либо новыя области воспринимали польское судебное право. Такія рецессіи имѣютъ вѣсто весьма нерѣдко²⁾ (стр. 97).

Процессъ рецессіи сыгралъ первенствующую роль въ исторіи политико-правовыхъ отношеній Литвы и Польши. Переходъ отъ слабыхъ связей личной унии 1386 г. къ болѣе тѣсному единенію реальной унии 1569 г. совершился благодаря постепенной ассимиляціи литовскихъ учреждений съ польскими, ассимиляція, проводившейся путемъ реципирования Литвой польскаго сословнаго строя съ шляхетскими привилегіями во главѣ (стр. 101—102). Слѣдуетъ замѣтить, что изученіе этого процесса рецессіи составляетъ выдающуюся заслугу плеяды русскихъ ученыхъ, занимающихся разработкой исторіи права Литовскаго государства ³⁾.

¹⁾ Среди „сентиментальныхъ“ историковъ, на которыхъ намекаетъ авторъ, особенно выдѣляется апологетъ шляхетства Врублевскій (половина XIX ст.), который усматривалъ въ распространеніи шляхетскихъ вольностей на присоединяемыя земли основную идею, или какъ онъ самъ выражался, „слово“ польской исторіи. См. *Władysław Smoleński, Szkoły historyczne w Polsce, Warszawa, 1898, strn. 69—70; Н. И. Карпеевъ, Паденіе Польши въ исторической литературѣ. С.-Пб., 1888, стр. 46—47.*

²⁾ Позволимъ себѣ привести важнѣйшія изъ относящихся сюда изслѣдованій: *Ө. И. Леонтовичъ, Источники русско-литовскаго права, Варшава, 1894; Н. В. Якубовскій, Земскіе привилегіи Великаго Княжества Литовскаго, Журн. Мин. Нар. Просв., 1903 г., апрѣль; М. К. Любавскій, Литовско-русскій сеймъ, С.-Пб., 1901; Н. А. Максимейко, Сеймы литовско-русскаго государства до Люблинской унии 1569 года, Харьковъ, 1902; И. А. Малиновскій, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи нановъ-рады Вел. Кн. Лит., Томскъ, 1901 г. и Гада Вел. Кн. Лит., часть II, вып. I, Томскъ, 1904; М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. С.-Пб., 1868 г.; и Очерки по исторіи литовско-русскаго права, Киевъ.*

Четвертый периодъ доц. Кутржебы вполне соответствуетъ третьему периоду проф. Вальцера съ тѣмъ однако различіемъ, что послѣдній доводитъ его до четырехлѣтняго сейма, а первый заканчивается смертью Августа III. Происходитъ такое различіе отъ того, что доц. Кутржеба объединяетъ въ послѣдующемъ периодѣ реформы послѣдняго безкоролья съ кардинальнымъ преобразованиемъ государственнаго строя, проведеннымъ на четырехлѣтнемъ сеймѣ. Обсужденіе отиѣченнаго разногласія отлагаемъ до рассмотрѣнія послѣдняго періода у доц. Кутржебы.

Въ общей характеристикѣ четвертаго періода нашъ авторъ отиѣ-

1889—1893 гг.; С. А. Бершадскій, Литовскіе евреи, С.-Пб., 1883 г.; М. К. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута, Москва, 1893; Ѳ. И. Леонтовичъ, Къ исторіи административнаго строя литовскаго государства. I. Сословный типъ территориально-административнаго состава литовскаго государства. II. Панскій дворъ въ литовскомъ государствѣ, Варшава, 1899; М. Н. Ясинскій, Главныя Литовскія Трибуналы, вып. I, Происхожденіе Гл. Лит. Трибунала, Кіевъ, 1901.—Замѣтимъ кстати, что русскимъ ученымъ пришлось разрабатывать одинъ изъ специальныхъ юридическихъ вопросовъ, вытекавшихъ изъ Люблинской уніи, именно, — вопросъ о распространеніи на Литву сеймовыхъ конституцій послѣ 1569 г. Поводомъ для обсужденія послужилъ практической казусъ, возникшій въ 90-хъ гг. минувшаго столѣтія въ практикѣ гражд. касс. деп. сената и поставившій слѣдующій вопросъ: если открылось наследство въ западно-русскомъ краѣ, состоявшемъ до 1842 г. подъ дѣйствіемъ прежнихъ литовскихъ законовъ, то при опредѣленіи наследственныхъ правъ по этимъ законамъ, а равно выморочности имущества слѣдуетъ ли примѣнять одинъ Литовскій Статутъ, или же и конституцію 1588 года? Сенатъ обратился къ ученымъ юристамъ и историкамъ, которые и дали свои заключенія, восстанавливающія западную традицію старинныхъ „дедукцій“. По этому поводу появились слѣдующія работы: С. А. Бершадскаго, О наследованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1892, ноябрь и отд. С.-Пб., 1893; и Литовскій Статутъ и польскія конституція, С.-Пб., 1893; С. Л. Пташницкаго, Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута, С.-Пб., 1893, и Къ исторіи литовскаго права послѣ третьяго Статута, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1893, октябрь, и отд. С.-Пб., 1893; А. Х. Гольмстенъ, Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права, *Журн. Юрид. Общ. при Петерб. Унив.*, 1896, февраль; Ѳ. И. Леонтовича, Спорные вопросы по исторіи русско-литовскаго права, С.-Пб., 1893, и Къ вопросу о выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву, *Журн. Мин. Юст.*, 1897, июнь, сентябрь и октябрь. По юридической разработкѣ специальныхъ вопросовъ публично-правнаго характера, вытекающихъ изъ Люблинской уніи, особенно цѣнны приведенныя работы Ѳ. И. Леонтовича, выдающагося знатока литовскаго права. Замѣтимъ кстати, что проф. Вальдеръ упрекаетъ доц. Кутржебу въ игнорированіи работъ русскихъ ученыхъ по литовскому праву. См. *Kwartalnik historyczny*, 1906 г., zeszyt 3, strn. 435 nota 1-a.

часть особенности, весьма важныя въ дѣлѣ выясненія своеобразія сословнаго строя рѣчи Посполитой. Разсматриваемая эпоха это прежде всего, какъ мы уже знаемъ изъ труда проф. Бальцера, періодъ перевѣса одного сословія, періодъ шляхетской республики. Къ этой особенности доц. Кутржеба прибавляетъ еще другую, указывая, что государственный строй застываетъ въ неподвижности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ установленъ въ основныхъ чертахъ на Люблинскомъ сеймѣ ¹⁾. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло не только съ періодомъ монархическаго шляхетства, если такъ можно выразиться, но и съ періодомъ застоя, задержки въ развитіи. Последняя особенность даетъ нашему автору поводъ къ проведенію весьма интересной параллели между развитіемъ сословной государственности на западѣ и въ Польшѣ. Польша, говоритъ онъ, развивалась нормально изъ корней средневѣковаго строя, нормальноѣе, чѣмъ государства западной Европы, въ которыхъ въ XVI вѣкѣ наступаетъ эпоха абсолютизма, ломающаго прямую линію развитія и подчиняющаго права общества государственной власти. Періодъ абсолютизма составляетъ для этихъ государствъ переходную эпоху, которая по истеченіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ въ концѣ концовъ приводитъ снова къ признанію правъ общества, къ соединенію дѣятельности монарха съ народомъ въ конституціонной монархіи. Въ Польшѣ такого періода не было; она могла однако прийти и дѣйствительно пришла къ тѣмъ же выводамъ, но инымъ путемъ,—путемъ дальнѣйшаго развитія правъ общества. Однако это развитіе было односторонне, шло на пользу одного лишь шляхетскаго сословія,—вмѣсто абсолютизма въ Польшѣ народилась анархія ²⁾. Существенный вредъ приносило не направленіе развитія, вытекавшее изъ совокупности условій послѣдняго, но фактъ непомерно долгой длительности разсматриваемаго періода. Только въ самомъ началѣ его Польша обнаруживаетъ способность созиданія новыхъ формъ жизни, но вскорѣ эта способность прекращается. Вплоть до половины XVII столѣтія Польша живетъ и можетъ жить въ тѣхъ рамкахъ, которыя были созданы предшествовавшими вѣками. Но съ половины XVII столѣтія онѣ становятся мертвыми формами, которыя

¹⁾ Вотъ еще одна изъ причинъ, почему доц. Кутржеба продолжаетъ предшествовавшій третій періодъ до Люблинской унии и безкоролья 1572 года.

²⁾ Срви. *M. Christophorus Hartknoch, Respublica Polonica duobus libris illustrata*, Jenae 1678, lib. II, cap. IX, § VII, pag. 578: Imo inter ipsos Polonos communi proverbio iactatur illud: Polonia confusione regitur. Гарткнохъ переводитъ извѣстный шляхетскій кличъ: „Polska nierządem stoi“—Польша стоитъ безпорядкомъ.

не въ состояніи уже удовлетворить запросы жизни. Нужна была реформа, необходимо было преобразовать государственный строй, двинуть его впередъ. Въ другихъ странахъ эту функцію исполняетъ абсолютная монархія. Въ Польшѣ у монарха не было достаточно силы для этого, и не могло быть, такъ какъ король былъ почти совсѣмъ лишень власти. Реформы должно было провести общество, или точнѣе, шляхта, такъ какъ у нея была власть, и въ ея рукахъ находилось кормило государства. Но шляхта того времени не поднялась на высоту указанной задачи. Общій упадокъ, упадокъ знанія и мысли, отсутствіе правильного взгляда на государственныйя нужды и пониманія ихъ,—вотъ причина того летаргическаго сна, въ которомъ покоилась Польша вплоть до 1764 года, когда наконецъ появились первые предвозвѣстники новаго періода. Это—безсодержательный періодъ. Отсутствіе въ немъ новыхъ учрежденій, новыхъ формъ приводило къ перерабатыванію наслѣдія, оставленнаго прошлымъ, наслѣдія богатаго, котораго однако не могло хватить на жизнь общества и государства въ теченіе двухъ столѣтій. Польша раньше шла въ ногу съ политическимъ строемъ западноевропейскихъ государствъ, которыя были старше ея въ культурномъ отношеніи; теперь она начинаетъ отставать отъ нихъ, перестаетъ двигаться впередъ, слѣдовательно,—въ отношеніи ихъ движется назадъ (стр. 144—145).

Приведенная общая характеристика періода, замѣчательная по своей выразительности, устанавливаетъ тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ рассматриваются авторомъ отдѣльные общественные и политическіе институты эпохи. Минуя подробности, остановимся лишь на нѣкоторыхъ положеніяхъ нашего автора, важныхъ для выясненія типа государственности даннаго періода. И здѣсь прежде всего необходимо остановиться на пресловутомъ *liberum veto*. Последнее вытекало изъ политическаго преобладанія сеймиковъ надъ сеймомъ и императивнаго характера мандатовъ, которыми снабжались земскіе послы. „*Libertum veto*“, говоритъ доц. Кутржеба, „не возникло впервые только въ 1652 г. (когда въ первый разъ былъ сорванъ сеймъ по протесту одного посла),—можно лишь сказать, что въ этомъ году оно проявилось только на сеймѣ болѣе ярко. *Libertum veto*—право срыванія сейма по протесту одного посла—это только выводъ изъ естественнаго, можно даже сказать, логически послѣдовательнаго развитія средневѣковаго понятія парламентаризма. Только нигдѣ эти принципы не доходили до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, къ которымъ пришла Польша. Если въ предшествовавшую эпоху еще не обращали внима-

ніа на подобные протесты отдѣльныхъ пословъ, когда они случались изрѣдка, то въ этомъ періодѣ указанное право посла узаконяется, и вырабатывается суевѣрное убѣжденіе въ законности института *liberum veto*, которое опредѣляютъ какъ зѣницу свободы (*złota wolność*). Польскій парламентаризмъ не сумѣлъ развиться и преобразоваться изъ средневѣковаго въ новый ¹⁾; онъ остался въ основѣ своей сословнымъ и разрабатывалъ все тѣ же сословные принципы, пока послѣдніе не выродились. Возрѣніе на *liberum veto*, какъ на одинъ изъ основныхъ институтовъ парламентарскаго строя, было настолько сильно, что всѣ проекты сеймовыхъ реформъ, возникавшіе въ XVII и XVIII вѣкахъ вплоть до конца разсматриваемаго періода, не дерзаютъ на него посягнуть; они, хоть и требуютъ реформы порядка рѣшенія дѣлъ въ польскихъ сеймахъ, все же остаются всегда въ предѣлахъ института *liberum veto*“ (стр. 173—174) ²⁾.

Центръ тяжести шляхетскаго полномочія разсматриваемаго періода локализуется не въ сеймѣ, но въ сеймикахъ. Послѣдніе, съ одной стороны, сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ все управление воеводствомъ или землей, и создаютъ такимъ образомъ широчайшее земское самоуправленіе, ведущее къ столь полной административной децентрализаци, что понятіе общегосударственнаго управленія остается совершенно почти чуждымъ Польшѣ въ разсматриваемый періодъ ея

¹⁾ По поводу этого выраженія проф. Бальцеръ въ критическомъ разборѣ труда доц. Кутржебы замѣчаетъ: „Легко сдѣлать подобный упрекъ, но труднѣе обосновать его; въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же въ Европѣ, по крайней мѣрѣ на континентѣ, введенъ былъ новый парламентскій строй до конца XVIII столѣтія, т. е. до времени паденія Польши? Хорошо и то, что въ законодательствѣ четырехлѣтняго сейма мы сдѣлали значительный шагъ впередъ по пути преобразованія нашего парламентаризма, и не забудемъ, что это совершилось почти одновременно съ осуществленіемъ новыхъ лозунговъ французской революціи“. См. *Kwartalnik historyczny*, 1906 г., zeszyt 3, стр. 425. Подобное же, основанное на синхронистическомъ сравненіи съ западомъ оправданіе прошлаго Рѣчи Посполитой встрѣчаемъ у проф. Вальцера по вопросу о крестьянской полпикѣ шляхетскихъ сеймовъ. См. *ibidem*, стр. 423—424. Зато по вопросу о городахъ проф. Бальцеръ не допускаетъ никакихъ оправданій для политики шляхетскихъ сеймовъ, явно расходившихся въ данномъ случаѣ съ западомъ. См. *ibidem*, стр. 414.

²⁾ Вопросу о происхожденіи *liberum veto* посвящена специальная монографія г. Ва. Конопчинскаго, профессорскаго стипендіата Варшавскаго университета по кафедрѣ исторіи славянскихъ законодательствъ. См. *Władysław Konopczyński, Geneza Liberum veto, Przegląd historyczny*, tom I, zeszytu 2-gi i 3-ci, Warszawa, 1905 г. Статья эта развиваетъ ту же мысль о происхожденіи *liberum veto* изъ политическаго преобладанія сеймиковъ.

исторіи (см. стр. 185). Съ другой стороны, путемъ императивныхъ мандатовъ въ посольскихъ инструкціяхъ, установленія отчета (реляція) пословъ предъ сеймиками, вторженія сеймиковаго самоуправления въ государственные атрибуты финансоваго и военнаго дѣла, а также благодаря резерватнымъ правамъ сеймиковъ (*odwołanie do braci*) по податнымъ вопросамъ, сеймики подчинили себѣ сеймъ и создали столь широкую политическую децентрализацию, что ею нарушалось государственное единство (стр. 177) ¹⁾.

Въ виду такого значенія сеймиковъ существенно важнымъ является вопросъ о составѣ сеймиковъ, такъ какъ послѣднимъ опредѣляется дѣйствительный обладатель власти въ Рѣчи Посполитой. Въ сеймики участвовала шляхта воеводства или земли вся поголовно, по личному праву ²⁾. Такимъ образомъ съ формально-юридической стороны пос-

¹⁾ Исторія, политическое и публично-правное значеніе сеймиковъ разработаны и выяснены въ замѣчательныхъ трудахъ бывшаго (сконч. въ 1896 г.) профессора Варшавскаго университета А. И. Павнискаго. См. *Adolf Pawiński, Sejmiki ziemskie. Początek ich i rozwój aż do ustalenia się udziału posłów ziemskich w ustawodawstwie sejmiku walnego (1374—1505)*, Warszawa, 1895; и *Rządy sejmikowe w epoce królów elekcyjnych (1572—1795)*, Warszawa, 1888. Ознакомленію широкихъ круговъ русскихъ читателей съ указанными трудами могутъ служить: рецензія *Н. И. Карцева, Вѣстникъ Европы*, 1888 г., июнь; и номинальная статья *В. Д. Спасовича: Адольфъ Павнискій историкъ польскаго сеймика, Вѣстникъ Европы*, 1896 г., декабрь.

²⁾ Это право, какъ извѣстно, было независимо отъ земельнаго владѣнія. Обладали имъ какъ *possessionati*, такъ *impossessionati*. Мало того, это право не утрачивалось шляхтой даже при потерѣ Рѣчью Посполитой соотвѣтственной части территоріи. См. *Wł. Grabiński* (псевдонимъ), *Dzieje Narodu Polskiego*, Kraków, 1897, сзсѣ I, str. 228, nota: (послѣ Андрусовскаго трактата) „перестали фактически входить въ составъ Рѣчи Посполитой воеводства: смоленское съ стародубскимъ повѣтомъ и черниговское; не смотря на это, короли продолжали титуловаться князьями смоленскими и черниговскими. Не прекратили своего существованія сенаторскія должности: смоленскаго епископа, воеводъ и кастелянiovъ смоленскихъ и черниговскихъ. Сохранила равнымъ образомъ Рѣчь Посполитая титулы земскихъ и городскихъ урядовъ смоленскаго и черниговскаго воеводствъ. Отпавшіи воеводства представлялись на сеймѣ посланьями: смоленскими, стародубскими и черниговскими. Часть обывателей (т. е. шляхтичей) смоленскаго воеводства, не желая подчиниться царскому правительству, покинули свои имѣнія, конфискованныя затѣмъ Москвою, и переселились въ Литву. Эти обыватели, называемые экзулантами (отъ *exules*), были исполнены Рѣчью Посполитой въ нѣкоторыхъ старостахъ въ воеводствѣ Троцкомъ и получили право отираженія отдѣльныхъ сеймиковыхъ совѣщаній. Смоленско-стародубскіе экзуланты и ихъ потомки сеймиковали сначала въ Вильнѣ, потомъ смоленскіе въ Олнѣ, стародубскіе въ Зизморалѣ, и избирали двухъ сеймовыхъ пословъ. Представительство Черниговскаго воеводства возложено было на Владимирскій повѣтъ на Вохныи. Шляхта

теломъ власти въ Рѣчи Посполитой былъ шляхетскій демось, и шляхта любила сравнивать свое отечество съ демократіями классическаго, особенно греческаго міра. Но за формальнымъ полновластіемъ и равенствомъ народа—шляхты скрывалось нѣчто другое. „Сеймикъ“, говорить доц. Кутржеба, „вырождался вслѣдствіе того, что подъ вліяніемъ ухудшенія отношеній въ распредѣленіи общественнаго богатства перевѣсъ на сеймикахъ пріобрѣтали магнаты (możni), въ зависимости отъ которыхъ состояла масса мелкой и неосѣдой (т. е. мелкопомѣстной и безпомѣстной) шляхты. Между тѣмъ въ сеймикахъ принималъ участіе всякій безотносительно, былъ ли онъ possessionatus или нѣтъ. Сверхъ того какъ въ сеймахъ, такъ и на сеймикахъ неизмѣннымъ принципомъ оставалось единомысліе“ (стр. 177). Нашъ авторъ кратко въ выраженіи,—sapienti sat; читатель легко можетъ уразумѣть, cui proderat формальное право шляхетскаго равенства и единомыслія. Развитію „можновладства“ содѣйствовало возникновеніе латифундій въ Литвѣ и Украинѣ, обладатели которыхъ сосредоточивали въ своихъ рукахъ такую власть, что ихъ недаромъ называли „царьками“ (królowięta)—(стр. 148). Возобладавъ надъ шляхтой на сеймикахъ и въ посольской избѣ, „можновладство“ царило безраз-

этого повѣта избирала на сеймикѣ во Владимірѣ четырехъ пословъ, называвшихся черниговскими. Сенаторы, земскіе и городскіе урядники, равно послы смоленскіе, стародубскіе и черниговскіе выражали моральную неразрывность между отнавшими воеводствами и Рѣчью Посполитой“. —Аналогичное явленіе имѣло мѣсто относительно Ливоніи. „Въ 1617—1625 гг. Польша лишилась значительной части Ливоніи, отошедшей къ Швеціи, хотя формальная уступка совершена была только въ Оливскомъ трактатѣ 1660 г. Тѣмъ не менѣе однако и впредь назначались воеводы, кастеляны и т. д. такъ, какъ будто бы вся Ливонія принадлежала Польшѣ (т. е. по прежнимъ тремъ воеводствамъ). Только конституція 1667 г. отмѣнила этотъ порядокъ и установила въ оставшейся Ливоніи одно воеводство и одну земскую іерархію“. См. *D-r St. Kutrzeba*, назв. сочпн., стр. 164.—Въ подобныхъ явленіяхъ сказывается не одна лишь „моральная неразрывность“ Рѣчи Посполитой, но и империалистическая политика послѣдней,—принципъ великодержавности, въ силу котораго навсегда утраченное продолжало считаться временно отнавшимся. Съ другой стороны, самостоятельное сеймикованіе оказало по крайней мѣрѣ показывать, что право сеймикованія рассматривалось какъ личное неотчуждаемое право шляхты извѣстной земли, которое не прекращалось съ отнадеіемъ самой территоріи.—Обращаетъ на себя вниманіе и то, что потеря значительной части Ливоніи была признана, а отвоеванная Москвою русскія земли продолжали числиться въ составѣ воеводствъ Рѣчи Посполитой до самаго ея паденія. Такую особенность мы могли бы объяснить, съ одной стороны, интересомъ украинскихъ „царьковъ“ (królowięta) по части лишняго сеймика, съ другой стороны,—направленіемъ польской великодержавности спеціально въ сторону русскихъ земель.

дѣльно въ сенатѣ; нѣсколько членовъ послѣдняго назначались попеременно для непрестаннаго присутствія при особѣ короля и участія въ текущемъ отъ одного сейма до другого управленіи государствомъ; эти „резиденты“ окончательно лишили короля и той тѣни правительственной власти, которая у него номинально оставалась, пока наконецъ конституція 1717 года не подчинила короля формально обязательному рѣшенію большинства резидентовъ (стр. 180—181).

Нашъ авторъ, какъ мы отмѣтили выше, указываетъ, что отъ чрезмерной политической децентрализаціи, вызванной крайнимъ развитіемъ сеймикоправства, „страдало государственное единство“ (стр. 177—*sierpiała jednolitość państwa*), но не дѣлаетъ отсюда никакихъ выводовъ для юридической конструкціи. Попытку юридического вывода изъ отмѣченнаго факта находимъ у упоминавшагося уже нами другого новѣйшаго автора—г. К. Горжицкаго. Охарактеризовавъ развитіе сеймикоправства, г. Горжицкий заключаетъ: „Рѣчь Посполитая распадалась, въ сущности говоря, на столько мелкихъ государствъ, сколько было въ ней воеводствъ, земель и повѣтовъ“¹⁾. Въ приведенныхъ словахъ, резюмирующихъ собственно тѣ выводы, къ которымъ пришелъ оригинальный изслѣдователь сеймикоправства А. И. Павинскій²⁾, нѣтъ еще, само собою разумѣется, законченной юридической конструкціи, но намѣчается направленіе, въ которомъ ее слѣдуетъ строить. Разъ политическая децентрализація заходила столь далеко, что отъ нея „страдало государственное единство“, и государ-

¹⁾ См. *D-r Kazimierz Gorzycki*, назв. сочин., стр. 295.

²⁾ „Сеймикъ“, говоритъ проф. Павинскій, „занимаетъ въ политическомъ укладѣ польскаго государства столь выдающееся мѣсто, что не только несетъ службу государству, но нерѣдко возвышается до равнозначащаго положенія, до того уровня, на которомъ стоитъ само государство. Иначе говоря, сеймикъ является органомъ представительства и органомъ исполнительной власти, или государственнаго управленія. И въ томъ, и въ другомъ направленіи сеймикъ достигаетъ въ известное время такого значенія и вліянія, что пріобрѣтаетъ характеръ какъ бы независимой территоріи, самостоятельнаго штата или республики (въ родѣ штата американскаго). Вслѣдствіе столь повышенной индивидуальности сеймиковъ преобразуется обликъ (postać) государства“. См. *A. Pawinski*, *Rzady sejmikowe*, стр. 417.—И ниже авторъ поясняетъ приведенное сравненіе съ отдѣльными штатами Сѣверо-Американской республики: „Штаты Америки были тоже въ известномъ смыслѣ воеводствами, индивидуальными общинами. Они тоже имѣли свои сеймики, которые были представлены на вальномъ сеймѣ, или на конгрессѣ въ Филадельфій. Но они скоро перешли отъ формъ просторной конфедераціи къ болѣе тѣсному единенію и плотно, возможно крѣпче прістали другъ къ другу, потому что у нихъ было больше элементовъ однообразія, чѣмъ у сеймиковъ, или шляхетскихъ гминъ отдѣльныхъ воеводствъ“. См. *l. c.*, стр. 420.

ство распадалось, въ сущности говоря, на рядъ мелкихъ государствъ, историкъ-юристъ въ правѣ поставить вопросъ о примѣнимости къ польскому государству категоріи не простого, но сложнаго государства, и въ этомъ направленіи необходима реконструкція политическаго строя Рѣчи Посполитой разсматриваемаго періода.

Сомнѣніе въ наличности политическаго единства не можетъ ограничиваться цѣлымъ государствомъ, но должно быть распространено и на его составныя части. Земли, верховная власть въ которыхъ принадлежала сеймику, могутъ быть разсматриваемы какъ нѣчто единое въ политическомъ отношеніи только со стороны составлявшаго ихъ шляхетства. Если же мы включимъ въ нашъ кругозоръ и остальные сословія, стоявшія, такъ сказать, внѣ „законной страны“, тогда замѣтимъ, что земско-государственная власть подлежала дальнѣйшему дробленію. „Въ каждомъ такомъ мелкомъ государствѣ (землѣ)“, говоритъ г. Горжицкій, „слѣдовало дальнѣйшее дѣленіе, вызываемое тѣмъ, что всякій управитель, державца (пожизненный арендаторъ государственныхъ имуществъ) либо землевладѣлецъ являлся настоящимъ королемъ въ отношеніи крестьянскаго и мѣщанскаго населенія“ ¹⁾. Иначе говоря, государственные и шляхетскіе домены являлись въ свою очередь мелкими государствами, аналогичными „государству—землѣ“ ²⁾. Недаромъ вѣдь и пословица гласила: *szlachcic na zagrodzie równie wojewodzie*, т. е. шляхтичъ въ своей усадьбѣ равенъ воеводѣ,—представителю земли ³⁾. Припоминаемъ однако, что державное равенство шляхты было только формально-юридическое, или, по удачному выраженію г. Горжицкаго, было лишь общественно-правовой иллюзіей ⁴⁾,

¹⁾ *D-r Kazimierz Gorzycki*, назв. сочин., стр. 295.

²⁾ Мысль о „державѣ-мастиности“ высказалъ ранѣе г. Горжицкаго *В. И. Леонтовичъ*, см. его „Очерки исторіи литовско-русскаго права“, С.-Пб., 1894 г., стр. 35—36; я „Къ исторіи административнаго строя литовскаго государства“, Варшава, 1899, стр. 45—46.

³⁾ Сознаніе державнаго характера шляхетскихъ правъ было уже у современниковъ. Не говоря о заявленіи извѣстнаго польскаго политика А. М. Фредра, что *quisque e nobis Polonis sui vulgi et bonorum parvus quodammodo et absolutus monarcha est*,—можетъ сослаться на слѣдующее указаніе Гарткноха: *Cum itaque Nobilitas Polonica eodem iure utatur, eademque dignatione habeatur cum Baronibus, Comitibus et Ducibus, quivis inde colligere potest, magnas esse Nobilitatis Polonicae immunitates, magnisque ipsam gaudere praerogatiuis pro aliorum Regnorum Nobilitate*. См. *M. Chrph. Hartknoch*, *Respublica Polonica*, Jenae, 1678, lib. II, cap. V, § XIII, pag. 386. Подчеркиваемъ здѣсь сопоставленіе польскихъ шляхтичей съ *Landesherrn* ами, посетителями *superioritatis territorialis* въ Священной имперіи.

⁴⁾ См. *D-r K. Gorzycki*, назв. соч., стр. 335—336: „Рѣчь Посполитая сохранила

за которой въ дѣйствительности скрывалось „можновладство“ обладателей латифундій ¹⁾). Последнее обстоятельство тоже слѣдовало бы принять во вниманіе при пересмотрѣ официальной конструкции „шляхетской республики“ ²⁾).

Пятый періодъ доц. Кутржебы совпадаетъ съ четвертымъ періодомъ проф. Бальцера съ тѣмъ лишь различіемъ, что, въ то время какъ послѣдній сосредоточивается главнымъ образомъ на реформахъ четырехлѣтняго сейма, рассматривая предшествовавшія преобразованія, начиная съ послѣдняго безкоролья, лишь какъ подготовительную стадію, доц. Кутржеба относитъ и эти первыя проявленія преобразовательнаго духа къ новому періоду ³⁾). Въ данномъ разногласіи точка зрѣнія проф. Бальцера представляется намъ несомнѣнно болѣе правильной. Реформы послѣдняго безкоролья, проведенныя „фамиліей“ (Чарторыйскихъ), были, въ сущности говоря, крайне половинчатымъ компромиссомъ и не нарушали основныхъ принциповъ сословно-шля-

уставы, гарантировавшіе шляхетское равенство, но въ рамкахъ этихъ уставовъ шляхетская демократія стала общественно-правовою иллюзіей. Иллюзія эта однако передавала видимость власти шляхетской массѣ: шляхта отстаивала свою *златую волю*, но при этомъ на нерѣдко шумныхъ сеймикахъ содѣйствовала всегда магнатскимъ партіямъ, и, когда это требовалось интересами какой-либо изъ послѣднихъ, срывала сеймъ“.

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ характеризуетъ отечественную государственность начала XVIII вѣка извѣстный польскій историкъ Эаддей Корзонъ. „Распадалась Польша на удѣльныя владѣнія магнатовъ (możnowładców), словно во времена средневѣковаго феодализма,—съ дворовымъ войскомъ, съ дипломатіей и политикой на собственную руку, но зато у центрального правительства не было ни арміи, ни дипломатіи, ни даже посольствъ при иностранныхъ дворахъ“. См. *Tadeusz Korzon, Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta*, tom I, Kraków, 1882, strn. 41.

²⁾ Подобныя реконструкціи на почвѣ изученія социальныхъ отношеній и возможны, и необходимы. Какъ на блестящій примѣръ въ этомъ родѣ сошлемся на произведенную Фустьель-де-Куланжемъ реконструкцію римской „республики“ послѣднихъ временъ и „имперіи“. См. *Fustel-de-Coulanges, Histoire des institutions politiques en France. Les origines du système féodal. Le bénéfice et le patrimoine pendant l'époque mérovingienne*, Paris, 1890, pag. 92, 224—225, 246.

³⁾ Въ данномъ случаѣ доц. Кутржеба находится подъ вліяніемъ О. Корзона, который въ капитальномъ трудѣ о внутреннемъ состояніи Польши при Станиславѣ-Августѣ реабилитировалъ подвергавшіяся ранѣ огульному осужденію центральныя административныя учрежденія, введенныя Чарторыйскими и Штакельбергской конституціей, документально удостовѣривъ, что учрежденія эти создали администрацію, которой вовсе не было въ прежнее безарядьѣ. См. *Tadeusz Korzon, Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława-Augusta*, tom IV, Kraków, 1886, rozdz. XII i XIV. Эта реабилитация „административной машины“ не измѣняетъ однако юридической конструкции государства, которое оставалось по прежнему шляхетско-сословнымъ.

хетскаго государственнаго строя. Послѣдній былъ затѣмъ вновь восстановленъ въ гарантированныхъ Россіей „основныхъ законахъ“ 1768 года и въ такъ называемой Штатальберговской конституціи 1775 года. Поэтому всѣ эти преобразования, начиная съ послѣдняго безкоролья вплоть до четырехлѣтняго сейма, укладываются въ лучшемъ видѣ въ рамки предыдущаго періода. На эту точку зрѣнія становится въ концѣ концовъ самъ доц. Кутржеба, когда называетъ „основные законы“ конституціи 1775 года кодификаціей „всѣхъ основъ безнарядья“ (стр. 200), характеризуетъ восстановление на Гродненскомъ сеймѣ (1793 г.) порядковъ до четырехлѣтняго сейма какъ возвратъ къ сословному строю (стр. 244—245) и признаетъ значеніе радикальной реформы только за преобразованиями четырехлѣтняго сейма. По поводу послѣднихъ нашъ авторъ говоритъ: „Основные законы 1790 года, въ особенности же конституція 3 мая 1791 года, посятъ на себѣ всѣ признаки реформы,—измѣняютъ не только отдѣльныя части государственнаго строя, но весь строй во всѣхъ направленіяхъ. Хотя конституція 3-го мая не порываетъ всѣхъ связей съ прошлымъ и старается, напротивъ, насколько возможно, поддержать ихъ главнымъ образомъ относительно внѣшней формы, тѣмъ не менѣе по существу она производитъ принципиальныя измѣненія, преобразуетъ весь средневѣковый государственный строй Польши въ новый (стр. 200—201)... Хотя постановленія конституціи 3-го мая практически дѣйствовали только короткое время, а въ иныхъ случаяхъ даже вовсе не могли быть приведены въ исполненіе, тѣмъ не менѣе они цѣнны именно вслѣдствіе того, что показываютъ, какъ польскія государственныя учрежденія послѣ многихъ лѣтъ летаргическаго сна ¹⁾ все же могли вновь оживиться, доказываютъ, что государство могло именно этимъ путемъ—не непременно чрезъ абсолютизмъ—дойти до новой эпохи, до строя новаго государства, полагающаго свою цѣль не въ благѣ сословій, а въ благѣ всѣхъ участниковъ государственнаго общенія“ (стр. 244). Это заключеніе доц. Кутржебы вполне совпадаетъ съ приведеннымъ нами выше заключеніемъ проф. Бальцера, согласно которому въ Польшѣ послѣдней четверти XVIII столѣтія „были на лицо условія, благоприятныя для дальнѣйшаго развитія, если бы это развитіе не было задержано и прервано извнѣ“.

¹⁾ Припоминаемъ, что состояніемъ летаргическаго сна характеризуется у доцента Кутржебы предшествовавшій двухлѣтний періодъ „шляхетской Рѣчи Посполитой“.

Приведенныя заключенія приводятъ насъ къ вопросу о причинахъ паденія Польши, вопросу, центральному въ польской историографіи ¹⁾. Намъ неизбежно приходится нѣсколько остановиться на разсмотрѣніи этого вопроса главнымъ образомъ съ той стороны, съ которой указаніе причинъ паденія способствуетъ выясненію сущности государственнаго строя предупредочнаго періода. При такой точкѣ зрѣнія для насъ, вполне понятно, представляютъ насущный интересъ лишь тѣ воззрѣнія, которыя объясняютъ паденіе Польши органическими, такъ сказать, условіями развитія польской государственности, а не исключительно внѣшними механическими причинами,—несправедливостью и преступными кознями сосѣднихъ державъ. Минуя старыя органическія теоріи паденія, восходящія къ концу XVIII столѣтія, мы остановимся специально на такъ называемой краковской школѣ польскихъ историковъ, и въ частности на воззрѣніяхъ проф. М. Бобржинскаго, у котораго, какъ у юриста, найдемъ юридическую формулировку и конструкцію политическихъ отношеній и учреждений.

Радомская конституція 1505 г. *Nilii novi* представляется проф. Бобржинскому гранью, которая отдѣляетъ въ Польшѣ средніе вѣка отъ новаго времени. Послѣдніе термины имѣютъ у нашего автора не хронологическое и не культурно-историческое, а специфически юридическое значеніе. Съ этой послѣдней точки зрѣнія средніе вѣка разсматриваются какъ эпоха сословной государственности, новое время—какъ эпоха государственности общегражданской. Схема развитія новой государственности на европейскомъ материкѣ ²⁾ различаетъ двѣ стадіи этого развитія: 1) стадію монархическаго абсолютизма, который при помощи бюрократіи уничтожаетъ остатки политическаго значенія сословій и нивелируетъ общество, переводя его такимъ образомъ изъ сословнаго въ общегражданскій строй ³⁾; и 2) стадію конституціонализма, или парламентаризма ⁴⁾, въ которой безсословное

¹⁾ См. *Wł. Smoleński, Szkoly historyczne w Polsce*, Warszawa, 1898 (1-е изданіе 1887 г.); *Н. И. Карпесъ*, Паденіе Польши въ исторической литературѣ. С.-Пб., 1888.

²⁾ Подъ эту схему не подходитъ островная Англія.

³⁾ Цѣпна замѣчанія объ этой функціи бюрократическаго режима находимъ въ двухъ новѣйшихъ работахъ о бюрократіи. См. *В. В. Ивановскій*, Бюрократія какъ самостоятельный общественный классъ, *Русская Мысль*, 1903 г., августъ, стр. 2 и 20; *Josef Olaszewski, Bureaucratie*, Würzburg, 1904, S. 36—37.

⁴⁾ Терминъ „парламентаризмъ“ употребленъ здѣсь нами согласно съ словоупотребленіемъ польскихъ юристовъ, въ обширномъ, а не въ обычномъ тѣсномъ смыслѣ, противопоставляющемъ парламентарный конституціонализмъ губернментальному, или дуалистическому.

общество достигаетъ участія во власти на демократическихъ началахъ. Первую стадію перѣдко называютъ новой европейской государственностью, вторую—новѣйшей. Причины паденія Польши по воззрѣніямъ проф. Бобржинскаго заключаются, выражаясь кратко, въ томъ, что Польша изъ средневѣковой государственности шагнула прямо въ новѣйшую, минуя подготовительный періодъ монархически-бюрократическаго абсолютизма. Зданіе польской государственности, лишенное прочныхъ основъ переходнаго періода, оказалось построеннымъ безъ надлежащаго фундамента и потому неизбежно рухнуло. Предоставимъ однако слово самому проф. Бобржинскому.

Изложивъ основы Радомской конституціи 1505 года, нашъ авторъ ставитъ вопросъ: „Санціонированный такимъ образомъ польскій парламентаризмъ не былъ ли преждевременнымъ въ моментъ, когда всѣмъ средневѣковымъ народамъ нужна была строгая школа абсолютнаго правленія, обезпечивающаго мощное выступленіе во-внѣ, приучающаго къ дисциплинѣ, облегчающаго смѣлыя прогрессивныя реформы внутри?“—и отвѣчаетъ на него однимъ, но многозначительнымъ словомъ: „Несомнѣнно“ (*Niewątpliwie*) ¹⁾, т. е. внѣ всякаго сомнѣнія польскій парламентаризмъ былъ преждевремененъ. Въ этихъ словахъ данъ отвѣтъ на вопросъ о причинахъ паденія Польши въ такомъ именно смыслѣ, какъ мы его формулировали только что выше. Въ этихъ же словахъ дана конструкція польскаго государственнаго строя съ 1505 года въ смыслѣ новѣйшаго европейскаго конституціонализма. Читатель можетъ, пожалуй, подумать, что проф. Бобржинскій говоритъ о новѣйшей государственности въ Польшѣ только со стороны формы правленія въ тѣсныхъ предѣлахъ народа—шляхты, но не имѣетъ въ виду ея социальной сущности—общегражданскаго строя общества. Подобное предположеніе можетъ однако сохраниться у читателя весьма недолго,—на слѣдующей же страницѣ авторъ рѣшительно его опровергаетъ. „Съ начала XVI вѣка“, говоритъ проф. Бобржинскій, „Польша приняла форму конституціоннаго, или парламентарскаго правленія, въ которой монархическое начало еще безотносительно преобладало. Не въ этомъ однако, не въ перемѣнѣ формы правленія заключается рѣшительный переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Произведены были одновременно перемѣны гораздо болѣе важныя. Сломана была прежде всего прежняя обособ-

¹⁾ *Michał Bobrzyński*, *Dzieje Polski w zarysie*, tom II, wyd. 2-gie, Warszawa, 1881, strn. 21.

ленность сословій, отнято у послѣдней политическое значеніе и создано понятіе гражданственности (*obywatelstwa*). Съ этихъ поръ всякій житель великаго королевства, не смотря на то, былъ ли онъ по профессіи духовнымъ или мѣщаниномъ, крестьяниномъ (*wieśniakiem*), шляхтичемъ, долженъ былъ знать, что онъ прежде всего—гражданинъ государства, которое имѣетъ право безотносительно о немъ законодательствовать (*stanowić*), и которое, а не его сословіе, обязываетъ ему верховную опеку и помощь. Польскій сеймъ не былъ, какъ другіе заграничные парламенты, представительствомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сословій, но былъ органомъ всего народа и государства и долженъ былъ выступать и дѣйствовать не для защиты сословныхъ интересовъ и привилегій, но для всеобщаго блага“ ¹⁾). Мы видимъ, что общегражданскій строй общества, по мнѣнію проф. Бобржинскаго, водворился въ Польшѣ вмѣстѣ съ парламентскимъ правленіемъ. Не для него, значитъ, нужна была переходная стадія абсолютизма. Послѣдній оцѣнивается поэтому проф. Бобржинскимъ не со стороны его социальноривелирующаго дѣйствія, но со стороны развиваемой имъ силы правительственной власти. Въ такомъ именно смыслѣ высказывается нашъ авторъ, когда съ сожалѣніемъ говоритъ о неразвитіи въ Польшѣ главнаго орудія абсолютизма—бюрократіи. „Существовала до сихъ поръ въ Польшѣ одна отрасль должностныхъ лицъ, непосредственно зависѣвшая отъ королей и отправлявшая полицейскую и военную власть, это—городскіе старосты, подчиненные въ каждой области начальству генеральныхъ старостъ. На нее опиралось мощное правленіе королей въ XIV и XV вѣкахъ, расширяя все болѣе и болѣе кругъ дѣятельности городскихъ старостъ и выдвигая ихъ все болѣе и болѣе впередъ противъ сенаторской іерархіи. Существовалъ уже съ 1454 года мудрый законъ о несовмѣстительствѣ, который постановлялъ, что сенаторъ не могъ быть одновременно и старостой, и этимъ стремился освободить старостъ изъ-подъ дѣйствія можновладной анархіи. Осуществляя этотъ законъ, въ чемъ не было никакихъ затрудненій, король могъ создать въ Польшѣ упругую и цѣльную чиновную машину—бюрократію—безъ которой не въ состояніи держаться ни одно новѣйшее государство, и безъ которой самые спасительные законы и реформы, принятые на сеймахъ, должны были оставаться мертвой буквой. Сигизмундъ однако, вмѣсто того, чтобъ поднять значеніе старостъ или, по крайней мѣрѣ, сохранить ихъ въ прежнемъ

¹⁾ Ibidem, стр. 22—23.

положеніи, раздавалъ старостинскіе уряды сенаторамъ пожизненно и, поднимая значеніе сената, допустилъ то, что старосты утратили свое значеніе и съ тѣхъ поръ больше слушали пановъ, чѣмъ короля¹⁾.

Краковская школа, къ членамъ-учредителямъ которой принадлежитъ проф. Бобржинскій, является не только исторической школой, но и школой практической политики. Ея исторіософія имѣетъ не одну лишь теоретическую, но и прикладную цѣль,—служить научнымъ обоснованіемъ партійной программы такъ называемыхъ станьчиновъ въ дѣлѣ польскаго управленія Галиціей²⁾. Сплетеніе двухъ указанныхъ цѣлей сказалось въ той оцѣнкѣ, которую дала воззрѣніямъ проф. Бобржинскаго журнальная критика, непосредственно слѣдовавшая за появленіемъ его труда. Нападали преимущественно, даже почти исключительно, на провозглашенный авторомъ культъ правительственной силы³⁾, абсолютизма и бюрократизма, нападали съ жаромъ, негодуя, очевидно, не на упрекъ въ отсутствіи всѣхъ указанныхъ началъ въ отечественномъ прошломъ, но на возможность примѣненія ихъ господствующей партіей въ настоящемъ,—въ управленіи Галиціей⁴⁾. Возставая противъ превознесенія сильной правительственной власти надъ парламентаризмомъ, текущая критика проглядѣла основной недостатокъ исторической концепціи и конструкціи проф. Бобржинскаго, именно,—совершенно неправильное подведеніе шляхетскаго сеймоправства и даже, какъ оказалось потомъ, сеймикоправства подъ категорію новѣйшаго парламентаризма, опирающагося на общегражданскій, демократическій строй общества. Къ обнаруженію этой конструктивной ошибки привели строго научныя, чуждыя полемическаго задора изслѣдованія историко-юридическаго характера. Задача въ

¹⁾ Ibidem, стр. 32.

²⁾ См. *Н. П. Карысь*, *Наденіе Польни въ исторической литературѣ*, С.-Пб. 1888, стр. 312 слѣд.

³⁾ Отголосокъ этой полемики, носящей политическій характеръ, слышится въ той характеристикѣ, которую даетъ проф. Бобржинскому неоднократно цитированный уже нами польскій историкъ Вл. Грабенскій (псевдонимъ). „Бобржинскій“, говоритъ онъ,—„сторонникъ всѣхъ факторовъ, которые ведутъ къ созданію сильнаго правительства, именно,—католичества и протестантства, монархическаго начала и олигархіи, государственнаго переворота сверху и революціи снизу“. См. *Wł. Grabieński*, *Dzieje narodu polskiego*, Część I, Kraków, 1897, strn. 272.

⁴⁾ Замѣтимъ вкратцѣ, что управленіе Галиціей дало обильный матеріалъ для изображенія отрицательныхъ сторонъ современнаго бюрократизма г. Ольшевскому, автору новѣйшаго цитированнаго уже нами труда о бюрократіи.

дѣлѣ указаннаго разоблаченія принадлежитъ цитированнымъ уже нами изслѣдованіямъ проф. Павинскаго и г. Рембовскаго.

Проф. Павинскій, раскрывшій за призрачнымъ сеймоправствомъ дѣйствительное сеймикоправство, наглядно показалъ, что сеймики были совершенно чужды государственной идее въ смыслѣ новаго времени и до конца своего существованія не вышли изъ предѣловъ сословной государственности. „Сеймикъ въ своей корпоративной замкнутости“, говоритъ проф. Павинскій, „не поднимается до высшаго понятія гражданства, которое вывела наружу французская революція 1789 года. Ближе всего къ шляхтѣ стояло мѣщанство, включенное кое гдѣ въ Европѣ въ политическую жизнь; это мѣщанство легче было привлечь къ себѣ, нежели крѣпостного крестьянина, жившаго въ строгой зависимости подѣ дворскимъ правомъ. Но тѣсныя территоріи воеводствъ съ разбросанными по нимъ рѣдкими мѣстечками не давали городскимъ общинамъ возможности выступать предѣ сеймиками болѣе рѣшительно. Такимъ-то образомъ шляхетскія собранія сохранили на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ свой исключительный характеръ, свою средне-вѣковую структуру. Сеймикъ не дошелъ до болѣе полной эволюціи, которая вызвала бы замѣну воеводскаго собранія шляхты собраніемъ согражданъ съ установленіемъ надлежащаго соотношенія ихъ активныхъ и пассивныхъ правъ“¹⁾. Въ этомъ именно недоразвитіи сеймикоправства до государственныхъ и гражданскихъ идей новаго времени, а отнюдь не въ преждевременности подобнаго развитія проф. Павинскій видѣлъ органическую причину политическаго паденія своего отечества.

Опираясь на выводы проф. Павинскаго и самостоятельное изслѣдованіе конфедераціи, г. Рембовскій подвелъ „шляхетскую Рѣчь Посполитую“ подѣ сравнительно-юридическую категорію сословной государственности и со свойственной юристу точностью опредѣленія указалъ на лежащій въ ея основѣ частноправный принципъ²⁾—прямую

¹⁾ *A. Pawiński, Rzeczy sejmikowe*, strn. 418.

²⁾ *A. Rembowski, Konfederacja i rokosz*, wyd. 2-gie, 1896, strn. 446: „Государственное устройство въ Польшѣ присвоило себѣ также много понятій изъ частнаго права, и вслѣдствіе этого склонно было къ пресуществленію публичныхъ правъ, воленостей и публичнаго блага въ частныя“.—Подведеніе „шляхетской Рѣчи Посполитой“ подѣ типъ сословнаго государства встрѣчаемъ впервые въ болѣе раннемъ трудѣ г. Рембовскаго, *Stanisław Leszczyński jako statysta*, Warszawa, 1870, strn. 14—16, но безъ достаточной еще доказательности.

противоположность принципа публичноправнаго, полагаемаго въ основу конструиціи новѣйшаго конституціонализма ¹⁾.

Ошибочное указаніе проф. Бобржинскаго на то, что въ Польшѣ съ 1505 года водворился новѣйшій конституціонализмъ, могло навести лицъ, принявшихъ это указаніе на вѣру, на мысль, будто развитіе польской государственности, отличаясь, какъ это отмѣчено проф. Бобржинскимъ, отъ политической эволюціи континентальной Европы, тождественно или же, по меньшей мѣрѣ, аналогично съ политической эволюціей Англій, которая, какъ извѣстно, перешла изъ сословной государственности въ общегражданскую конституціонную, минуя промежуточную для континента стадію бюрократическаго абсолютизма. Г. Рембовскій устраняетъ возможность подобной мысли, пользуясь для этого приемомъ, по нашему мнѣнію весьма удачнымъ, именно, приводя соответственные трактаты польскихъ „статистовъ“ (государствовѣдовъ) XVIII вѣка и отмѣчая ихъ словами все отличіе „шляхетской Рѣчи Посполитой“ отъ англійскаго „историческаго“ конституціонализма ²⁾. Послѣ этого оказываются достаточными всего нѣсколько словъ для окончательнаго испроверженія всѣхъ построеній проф. Бобржинскаго относительно польскаго „парламентаризма“ и „правового государства“ ³⁾.

Къ выводамъ проф. Павинскаго и г. Рембовскаго примыкаютъ и разбираемые нами авторы—проф. Бальцеръ и доц. Кутржеба. У послѣдняго слышится иногда отголосокъ мнѣній проф. Бобржинскаго, напримѣръ, въ заявленіи о томъ, что „при Сигизмундѣ-Августѣ польскій сеймъ, дѣйствительно, начинаетъ пріобрѣтать нѣкоторыя черты почти новѣйшаго парламентаризма“ ⁴⁾, но этотъ отголосокъ немедленно же заглушается категорическимъ заявленіемъ автора о томъ, что „Радомской конституціей 1505 года польскій сеймъ не былъ преобразованъ въ законодательный органъ въ собственномъ смыслѣ. Остается онъ и впредь сословнымъ сеймомъ, который заботится прежде всего о сословныхъ привилегіяхъ, защищаетъ сословныя права, а объ остальныхъ дѣлахъ заботится постольку, поскольку они касаются его сословныхъ интересовъ“ ⁵⁾.

¹⁾ О взаимоотношеніи частноправнаго и публичноправнаго принциповъ см. мое исследование: Юридическій методъ въ государственной наукѣ. Очеркъ развитія его въ Германіи, Варшава, 1904, глава IV, стр. 284 слѣд.

²⁾ *A. Rembowski, Konfederacya i rokosz. wyd. 2-gie, strn. 450 sq.*

³⁾ *Ibidem, стр. 457—458.*

⁴⁾ *Dr. St. Kurtzeba, назв. сочин., стр. 127—128.*

⁵⁾ *Ibidem, стр. 128.*

Несомнѣнно противъ проф. Бобржинскаго выступаетъ доц. Кутржеба, когда говоритъ: „Періодъ абсолютизма не былъ необходимъ для развитія Польши, не только онъ одинъ могъ повести ее впередъ. Тѣхъ же результатовъ, которыхъ достигли другія государства чрезъ стадію абсолютизма, Польша могла достигнуть инымъ путемъ, путемъ дальнѣйшаго развитія правъ общества“¹⁾. Эти строки взяты изъ характеристики того „шатанія сословнаго равновѣсія“, которое авторъ подмѣчаетъ въ концѣ третьяго періода. Въ нихъ предусматривается возможность политическаго развитія Польши, аналогичнаго развитію англійскаго государственнаго строя. Но слѣдующій четвертый періодъ приноситъ съ собою рѣшительное преобладаніе шляхты, при которомъ о „дальнѣйшемъ развитіи правъ общества“ не могло быть и рѣчи. Казалось бы, аналогія съ Англіей должна бы отпасть. Но четвертый періодъ недаромъ называется у нашего автора періодомъ „застоя“ и „летаргическаго сна“. Со времени послѣдняго безкоролья наступаетъ пробужденіе, восстанавливается поступательное движеніе, и реформы послѣднихъ тридцати лѣтъ, въ особенности четырехлѣтняго сейма, разсматриваются какъ новый періодъ органическаго (безъ промежуточной стадіи абсолютизма) перехода изъ сословнаго строя въ новѣйшій общегражданскій конституціонализмъ. Такимъ образомъ аналогія съ Англіей восстанавливается въ полной силѣ. Причины же паденія Польши превращаются у доц. Кутржебы, какъ и у проф. Бальцера, изъ внутреннихъ и органическихъ во внѣшнія и механическія: государство вступило на новый путь развитія, обеспечивавшій его преуспѣаніе, но развитіе было прервано насильственно раздѣлами. Такое объясненіе паденія Польши не ново въ польской исторіографіи. Оно представляетъ собою возвратъ къ точкѣ зрѣнія авторовъ коллективнаго труда „Объ установленіи и паденіи конституціи 3-го мая“, въ частности, — къ точкѣ зрѣнія Коллонтая²⁾.

Невольно возникаетъ мысль о сопоставленіи воззрѣній разсматриваемыхъ нами авторовъ съ воззрѣніями проф. Бобржинскаго. Краковская школа, въ лицѣ проф. Бобржинскаго, говоритъ о развитіи парламентаризма въ Польшѣ еще въ XVI вѣкѣ. Львовская школа, если позволено будетъ окрестить этимъ именемъ проф. Бальцера и его послѣдователя доц. Кутржебу, находитъ установленіе парламента-

¹⁾ Ibidem, стр. 76.

²⁾ См. *Н. И. Кармезъ*, Паденіе Польши въ исторической литературѣ, С.-Пб., 1888 г., стр. 26 — 27.

ризма лишь накануне политическаго паденія. И такъ какъ краковская школа признала парламентаризмъ преждевременнымъ и потому гибельнымъ, то можно было ожидать, что львовская школа признаетъ его запоздалымъ и потому уже бессильнымъ для спасенія политической независимости. Такой выводъ однако не послѣдовалъ, и въ воззрѣніяхъ новѣйшей школы на паденіе Польши можно констатировать лишь возвратъ къ патріотическимъ убѣжденіямъ конца XVIII вѣка ¹⁾.

Не входя въ обсужденіе сложнаго вопроса о причинахъ паденія Польши и оставляя его открытымъ, мы не можемъ однако признать удовлетворительнымъ тотъ отвѣтъ, который даютъ на него проф. Бальцеръ и доц. Кутржеба. Сами собою напрашиваются возраженія противъ такого отвѣта.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что „расширеніе правъ общества“ въ реформахъ четырехлѣтняго сейма было настолько нерѣшительно и скудно, что можно даже усомниться въ томъ, дѣйствительно ли эти реформы переводили общество и государство изъ сословнаго строя въ стадію общегражданскаго конституціонализма ²⁾. Если даже устранить подобное сомнѣніе, то вопросъ о причинахъ паденія еще не предрѣшается признаніемъ достаточной радикальности реформъ, и возникаетъ новый вопросъ, не коренится ли причина паденія въ чрезмерной продолжительности предшествовавшаго періода „застоя“ и „летаргическаго сна“. Затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что пробужденіе коснулось далеко не всѣхъ слоевъ общества, и прервали развитіе не однѣ лишь внѣшнія механическія силы. „Въ виду дѣйствительныхъ

¹⁾ Сошлемся на мнѣніе Костюшка, приведенное г. Θ. Корзономъ въ завершеніе вопроса о причинахъ паденія. Мнѣніе это, какъ свидѣтельствуеъ г. Корзонъ, было высказано Костюшкомъ въ разговорѣ съ императоромъ Павломъ. На сдѣланное императоромъ сопоставленіе паденія Польши съ паденіемъ Греціи и Рима, — „вѣдь греческое и римское государства подверглись раздѣлу?“—Костюшко возразилъ: „Правда, в. в., по они были побѣждены оружіемъ и раньше утратили свободу, чѣмъ существованіе, а Польша пала въ собственномъ своемъ возрожденіи (we własnem powstaniu zwojem) и тогда, когда хотѣла прийти къ упорядоченной свободѣ, тогда, когда проявила всего болѣе энергіи и патріотизма. Тѣ государства, если бы только желали ограничиться своимъ достоиніемъ (gdyby tylko na własnem chiału porzestać) и быть столь мирными, сколь мирной желала быть Польша испоконъ вѣковъ, могли бы по всей вѣроятности еще существовать“. См. *Tadeusz Korzon, Zamknięcie dziejów wewnętrznych Polski za Stanisława Augusta, Lwów, 1899, str. 47.*

²⁾ См. *И. П. Карпеевъ, Политическія реформы XVIII вѣка въ Польшѣ, С.-Пб., 1890 г., стр. 155—156, 158, 173—174, 175 сл. В. Мякотинъ, Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ, С.-Пб., 1889, стр. 209—212,*

фактовъ", говоритъ проф. Каръевъ, „отрицать того, что сосѣди, хотя и не всѣ, и не безусловно, мѣшали реформѣ Рѣчи Посполитой, нельзя, но если бы на ихъ сторонѣ въ самомъ дѣлѣ былъ только безсильный король да нѣсколько измѣнниковъ, они ничего не могли бы сдѣлать. Дѣло какъ разъ въ томъ, что подавляющее большинство польской шляхты было противъ реформъ, и конституцію 3-го мая измѣнили не нѣсколько честолюбцевъ, а чуть ли не вся польская „нація“. Несогласіе державъ на реформу въ данномъ случаѣ опиралось на явное или тайное несогласіе польскаго шляхетства“¹⁾. Наконецъ, внутренніи реформы составляли только одну сторону той задачи, которая предстояла Польшѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія; была еще и другая сторона—упроченіе международнаго положенія. „Нужно было еще“, говоритъ въ своемъ капитальномъ трудѣ г. Корзонъ, „защитить силой всѣ эти матеріальныя и моральныя пріобрѣтенія, ту независимость и то національное достоинство, которыя теперь восчувствоваль народъ. Къ несчастью, этого-то Польша и не сдѣлала“²⁾. На вопросъ о причинахъ такого пагубнаго недѣланія, г. Корзонъ отвѣчаетъ указаніемъ на правительственную неумѣлость реформаторовъ. Но нельзя ли и не слѣдуетъ ли, позволимъ себѣ замѣтить, отнести эту неумѣлость на счетъ патологическаго наслѣдія предшествовавшаго періода „безнарядья“, „застоя“ и „летаргическаго сна“?—Словомъ, не довольствуясь подновленнымъ механическимъ объясненіемъ, мы склоняемся въ сторону органическаго объясненія, согласно которому и такъ называемыя внѣшнія бѣдствія государствъ выводятся изъ условій ихъ внутренняго развитія.

Заканчивая разсмотрѣніе трудовъ проф. Бальцера и доц. Кутржебы, мы должны указать, что труды эти имѣютъ не одно лишь специальное значеніе для исторіи Польши, но и общее значеніе для теоріи сословнаго государства, своеобразную разновидность котораго представляла „шляхетская Рѣчь Посполитая“. Изученіе же сравнительно-историческое сословнаго государства весьма важно для историковъ русскаго права въ видахъ правильнаго конструированія Московскаго государства, которое, подходя подъ общій типъ сословной государственности, отличается весьма своеобразными особенностями, ставящими его сравнительно, напримѣръ, съ Польшей на прямо противоположный

¹⁾ *Н. И. Каръевъ*, Паденіе Польши, стр. 27.

²⁾ *Tadeusz Korzon*, *Zamknięcie dziejów wewnętrznych Polski za Stanisława Augusta*, Lwów, 1899, strn. 39. См. *Н. И. Каръевъ*, Паденіе Польши, стр. 368.

полуюсь. Только выяснивъ вполне періодъ сословной государственности въ нашей исторіи, можно будетъ изучить послѣдующій періодъ бюрократическаго абсолютизма, который до сихъ поръ не изученъ даже по вопросу о начальныхъ его предѣлахъ во времени, и вообще еще ждетъ своего историка.

Ф. Тарановскій.

A. J. Butler, D. Litt., F. S. A. THE ARAB CONQUEST OF EGYPT AND THE LAST THIRTY YEARS OF THE ROMAN DOMINION. Oxford, at the Clarendon Press, 1902, XXXIV+563 pp. 8°. Price 16 sh. net.

Какъ ни странно, но до послѣдняго времени въ исторической наукѣ не появлялось еще подробной и обоснованной исторіи завоеванія арабами Египта. Конечно, общія, иногда очень сбивчивыя и противорѣчивыя свѣдѣнія можно найти во всѣхъ общихъ исторіяхъ Византии и арабскаго халифата, начиная съ Гиббона и Вейля; но само собою разумѣется, что этого недостаточно. Я думаю, нельзя не согласиться съ Бутлеромъ, что главная причина того, что до сихъ поръ мы не имѣли серьезной и детальной работы по этому вопросу, заключается въ недостаткѣ матеріала, доступнаго обыкновеннымъ ученымъ, и въ полномъ несогласіи между собою источниковъ, восточныхъ и западныхъ (Preface, p. III).

Въ 1895 году англійскій ученый Бруксъ писалъ слѣдующее: Вся исторія вторженія сарацинъ въ Римскую имперію темна; но изъ всѣхъ событій этого темнаго періода покореніе Египта есть самое темное ¹⁾.

Цѣлью труда Бутлера было нѣсколько освѣтить этотъ мракъ, свести результаты новѣйшихъ изслѣдованій, ввести въ обиходъ массу свѣжаго, еще неиспользованнаго матеріала, изслѣдовать восточные источники и сопоставить ихъ съ другими группами источниковъ и при помощи подобныхъ изысканій и критики поставить изученіе этой эпохи на научную почву (pref. p. III—IV). Бутлеръ говоритъ также въ предисловіи, что онъ на основаніи результатовъ своей работы не соглашается почти со всѣми заключеніями прежнихъ ученыхъ по вопросу о покореніи Египта; а именно съ тѣмъ, что до настоящаго нападенія на Египетъ страна въ теченіе трехъ или болѣе лѣтъ платила дань арабамъ благодаря патріарху Киру; что отказъ византійскаго военна-

¹⁾ E. W. Brooks. On the chronology of the conquest of Egypt by the Saracens. *Byzantinische Zeitschrift*. B. IV (1895), S. 435.

чальника Мануила платить дань вызвалъ нашествіе; что Мукавка, который былъ коптъ, перешелъ на сторону арабовъ; что копты вообще привѣтствовали арабовъ, какъ избавителей, и оказывали имъ всякую помощь; что Александрія послѣ продолжительной осады, полной романтическихъ эпизодовъ, была взята штурмомъ (р. IV). Это тѣ положенія, которыя Бутлеръ, помимо многаго другого, старается опровергнуть въ своей книгѣ и доказать ихъ недостоверность.

Итакъ, мы видимъ, что трудъ Бутлера былъ великъ и задача, взятая имъ на себя, сложна. Авторъ старался привлечь всѣ доступные источники, въ вопросѣ о которыхъ я отмѣчу одну положительную и одну отрицательную сторону. Положительная сторона заключается въ томъ, что онъ впервые использовалъ хронику Іоанна изъ Никіи, источникъ первостепенной важности для данной эпохи, хотя и здѣсь онъ имѣлъ предшественника еще въ лицѣ гениальнаго Леопольда Ранке, который въ своей *Weltgeschichte* первый оцѣнилъ Іоанна изъ Никіи (B. V. I Abt. S. 131—154 и *Analekten* S. 238—280). Отрицательная сторона въ источникахъ у Бутлера—это его отношеніе къ одному изъ главныхъ арабскихъ историковъ—Табари. Правда, самъ авторъ въ предисловіи говоритъ о своемъ „слабомъ знакомствѣ“ съ арабскимъ языкомъ (р. IV), но это, тѣмъ не менѣе, не оправдываетъ того, что онъ вмѣсто полнаго арабскаго текста его, въ изданіи de Goeje, пользовался краткой персидской версіей въ переводѣ Зотенберга. Это промахъ крупный, влекущій за собою большія сомнѣнія. Болѣе близкое знакомство съ Табари заставило бы Бутлера, вѣроятно, отказаться и отъ своего суроваго приговора арабскому историку XIII в. Ибн-ал-Асиру, рассказъ котораго будто-бы „основанъ на худомъ извлеченіи Табари и только увеличиваетъ путаницу“ (Pref. p. XV).

Книга состоитъ изъ тридцати главъ, изъ которыхъ первыя тринадцать относятся къ предшествующей эпохѣ (р. 1—193).

Первыя три главы посвящены событіямъ въ Египтѣ до вступленія на престолъ Ираклія (стр. 1—32). Здѣсь авторъ отвергаетъ легенду, находившую себѣ мѣсто во многихъ историческихъ сочиненіяхъ до послѣдняго времени ¹⁾, о томъ, что Ираклій, префектъ Африки, и его другъ Никита, поднявъ знамя возстанія противъ тиранніи императора Фоки, направлялись къ Константинополю различными путями, одинъ

¹⁾ См., напр., *Ch. Diehl. L'Afrique Byzantine. Paris, 1896, p. 520.*

моремъ, другой сушей, условившись, что короной завладѣть тотъ изъ нихъ, кто скорѣе достигнетъ столицы.

На самомъ дѣлѣ планъ былъ иной: Ираклій долженъ былъ захватить Фессалонику, Никита—Александрію, т. е. два наиболѣе важныхъ пункта въ имперіи. Авторъ съ успѣхомъ въ этихъ главахъ отождествилъ географическія испорченныя имена у Іоанна изъ Никіи *Miphatomis* съ *Momemphis*, *Dinkarūni* съ *Chaereum* или *Kariūn* и александрійскія ворота *Aūn* съ древне-египетскимъ *On* или *Aón*, т. е. воротами, черезъ которыя идетъ дорога въ Гелиополь (р. 21—23). IV-я глава о сверженіи Фоки сообщаетъ извѣстные факты съ небольшими дополненіями изъ Іоанна изъ Никіи (р. 33—41), а V-я глава даетъ интересную картину внутренняго состоянія Александріи со времени вступленія на престолъ Ираклія до арабскаго завоеванія (р. 42—53). Въ слѣдующихъ главахъ, VI и VII-й, гдѣ хорошо описывается покореніе персами Сиріи и Египта при Иракліи (стр. 54—92), нѣсколько удивляетъ умолчаніе о трудахъ Nöldeke „Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden“ и „Aufsätze zur persischen Geschichte“. Послѣ бѣглого, неполнаго обзора состоянія искусства и литературы въ Египтѣ за этотъ періодъ (гл. VIII, стр. 93—115) авторъ рассказываетъ о возвращеніи Іерусалима Иракліемъ отъ персовъ и о воздвиженіи св. Креста (гл. IX—X, стр. 116—137). Нового, собственно говоря, въ этихъ главахъ очень мало; изложеніе ясное, но далеко не полное.

Авторъ не знакомъ съ книгой А. Couret „La Palestine sous les empereurs grecs“ (Grenoble, 1869) и съ новыми работами Гельцера и Герланда.

Слѣдующія двѣ главы (XI и XII), посвященныя возвышенію Мухаммеда и покоренію арабами Сиріи, оставляютъ желать много лучшаго.

Нельзя теперь, занимаясь Мухаммедомъ, ограничиваться старыми трудами, Sale, Ockley Koelle и не пользоваться, напримѣръ, солидными, хотя тоже уже не новыми трудами ни Nöldeke „Geschichte des Korans“, ни Sprenger „Leben und Lehre des Muhammed“, ни Muir и т. д. Незнакомство съ русскимъ языкомъ сослужило автору также плохую службу, такъ какъ для него остались недоступными русскіе переводы арабскихъ историковъ, именно по эпохѣ завоеванія Сиріи, проф. П. А. Мѣдника, три тома переводовъ котораго вышли въ 1897 году (Палестина отъ завоеванія ея арабами).

Извѣстнымъ сочиненіемъ de Goeje „Conquête de la Syrie“ авторъ

пользовался въ его первомъ изданіи 1864 года, тогда какъ въ 1900 году вышло второе дополненное и исправленное изданіе.

Глава XIII (р. 168—193) рисуетъ десятилѣтнее преслѣдованіе коптовъ патріархомъ александрійскимъ Киромъ, въ рукахъ котораго была сосредоточена гражданская и церковная власть, что подготовило арабское завоеваніе. За этимъ слѣдуетъ наглядное и подробное изложеніе событій самого завоеванія (гл. XIV—XXIX), гдѣ авторъ доказываетъ неправильность выставленныхъ въ началѣ мнѣній въ ученой литературѣ; кромѣ того, авторъ даетъ описаніе Александріи въ моментъ покоренія, разбиваетъ легенду о сожженіи Омаромъ знаменитой, но уже не существовавшей въ VII вѣкѣ александрійской бібліотеки, говоритъ объ управленіи мусульманъ въ Египтѣ.

Одно изъ главныхъ положеній книги Бутлера, это отождествленіе „злого генія“ эпохи, Кира, патріарха мелкитскаго, съ загадочнымъ Мукавкой. Доказательства, приводимыя для этого авторомъ, довольно осязательны.

Въ книгѣ заключается, кромѣ того, шесть приложений: 1) О св. Крестѣ; 2) о хронологіи персидскаго завоеванія; 3) объ отождествленіи Мукавки; 4) о хронологіи арабскаго завоеванія; 5) о возрастѣ Амр-ибн-ал-Аси; 6) о годахъ коптскихъ патріарховъ послѣ Веньямина въ VII вѣкѣ. Нѣсколько картъ и плановъ облегчаютъ читателю трудъ слѣдовать за военными операціями арабовъ.

Бутлеръ своей книгой оказалъ большую услугу наукѣ, но не рѣшилъ поставленной задачи. Его книга вышла въ 1902 году, а теперь, по моему мнѣнію, настоятельно нуженъ новый пересмотръ вопроса объ арабскомъ завоеваніи Египта, особенно съ точки зрѣнія арабскихъ извѣстій. Бутлеръ въ предисловіи перечислилъ арабскіе источники, но не изслѣдовалъ ихъ, и ихъ зависимость одного отъ другого остается вопросомъ открытымъ. Вопросъ о подлинномъ Табари и его значеніи по данной эпохѣ еще ждетъ изслѣдователя, который долженъ знать по-русски, чтобы привлечь и русскія работы; см., напримеръ, Н. А. Мѣдниковъ „Объ одномъ изъ источниковъ ат-Табарія“ (о Сейф-ибн-Омарѣ) въ Сборникѣ статей учениковъ проф. б. В. Р. Розена (С.-Пб. 1897, с. 53 sq.).

Бутлеръ, повидимому, не знаетъ очень интересныхъ для его времени работъ Wellhausen'a „Skizzen und Vorarbeiten“ (VI. Heft, Berlin, 1899), въ шестой книгѣ которыхъ дается Prolegomena zur ältesten Geschichte des Islams; особенно см. § 12 (S. 89—94) „Amr. b. As in Aegypten“, гдѣ уже прямо говорится о завоеваніи Египта ара-

бами, о хроникѣ Іоанна изъ Низи и т. д.; см. также § 1 „Saif ben Uma“ (ср. выше названную статью Н. А. Мѣдника). При разборѣ вопроса о сожженіи александрійской библиотеки можно было бы привлечь статью Krehl'a „Ueber die Sage von der Verbrennung der Alexandrinischen Bibliothek durch die Araber“ въ Актахъ IV-го интернаціональнаго конгресса ориенталистовъ во Флоренціи (1880, vol. I p. 438). Конечно, осталась невѣстной Бутлеру и русская книга Ласкина „Ираклій“.

Можетъ быть, для новой обработки этого вопроса лучше будетъ подождать исполненія обѣщаній со стороны двухъ ученыхъ: Карабачека, обѣщавшаго издать вѣнскіе арабскіе папирусы, и А. А. Васильева, обѣщавшаго издать исторію христіанскаго арабскаго писателя X вѣка нашей эры, Агапія Манбиджскаго, который говоритъ и объ интересующей насъ эпохѣ ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ интересъ къ эпохѣ арабскихъ завоеваній и особенно къ эпохѣ императора Ираклія въ наукѣ растетъ, примѣромъ чего служитъ недавнее появленіе двухъ сочиненій о царствованіи этого императора: Т. Εβαγγελίδου „Ἰράκλειος ὁ αὐτοκράτωρ τοῦ Βυζαντίου“ (Ἐν Ὁδῆσῶν, 1903) и А. Pernice „L'imperatore Eraclio. Saggio di storia bizantina“ (Firenze, 1905. Pubblicazioni del R. Istituto di studi superiori pratici e di perfezionamento in Firenze. Sezione di filosofia e filologia).

Итакъ, работа Бутлера оживила интересъ къ эпохѣ арабскаго завоеванія Египта, ввела новый матеріалъ въ историческую науку, показала въ новомъ свѣтѣ цѣлый рядъ явленій того времени и сильно облегчила работу въ этой области будущимъ историкамъ.

А. Васильевъ.

В. В. Фармаковский. Раскопки въ Ольвіи въ 1902—1903 гг. (Извѣстія Императорской археологической комиссіи, вып. 13). С.-Пб. 1906 г.

Съ 1873 года, когда на территоріи города Ольвіи въ послѣдній разъ производились раскопки бар. В. Г. Тизенгаузеномъ и И. Е. Забѣлинымъ, вплоть до 1902 г. руины города Ольвіи были закрыты для какого бы то ни было изслѣдованія. Владѣльцы земли у села Пару-

¹⁾ См. А. Васильевъ. Агапія Манбиджскій, христіанскій арабскій историкъ. Виз. Временникъ, т. XI (1904), с. 574—587. См. также Revue Africaine, t. 49 (1905), Alger, p. 337—338.

тина, гдѣ, какъ это давно и несомнѣнно было извѣстно, стоялъ когда-то древнѣй городъ, несмотря на повторныя попытки добиться у нихъ разрѣшенія на раскопки, упорно отказывали въ такомъ разрѣшеніи. Между тѣмъ, то, что мы знали о топографіи древней Ольви, несмотря на повторныя попытки раскопокъ, производившихся до 1873 г. и въ 1873 г., было въ высшей степени гадательно и неопредѣленно. Ни размѣры города, ни его развитіе, ни мѣстоположеніе важнѣйшихъ зданій, ни размѣры и границы некрополей не были извѣстны, раскопки шли случайныя и несистематичныя, копали то тамъ, то здѣсь, рѣдко доходя до материка; съемка раскопаннаго почти не производилась, да и снимать въ большинствѣ случаевъ было нечего. А между тѣмъ сравнительно богатые находки надписей и кое какіе остатки зданій показывали, что далеко не весь городъ исчез безслѣдно; продолжавшееся расхищеніе камня городской стѣны и руины говорили, что руины зданій и укрѣпленій существуютъ; расхищеніе постоянное и упорное некрополя, насыщавшее рынокъ иногда первостепенными вещами, показывало, что и некрополь, собственно говоря, еле тронуть.

Неудивительно поэтому, что, начиная съ 1894 г., Императорская археологическая комиссія, несмотря на veto, наложенное владѣльцами на территорію городища, повторно пыталась изслѣдовать хотя бы то, что лежало за междоулья владѣльческой земли въ территоріи села Парутина, т. е. часть Ольвійскаго некрополя. Въ 1894 г. тамъ копалъ Ястребовъ, въ 1900 г. Кулаковскій, систему и методъ внесъ въ это дѣло впервые Б. В. Фармаковскій не столько въ первую свою кампанію въ 1896 г., сколько съ того момента, когда въ 1901 г. ему, какъ члену археологической комиссіи, поручено было разслѣдовать въ системѣ некрополь въ предѣлахъ Парутинской земли. Богатые результаты этихъ раскопокъ въ мастерской обработкѣ, показавшей, что важное дѣло попало наконецъ въ надлежащія руки, опубликованы были въ извѣстіяхъ комиссіи вып. III и VIII (1902 и 1903 гг.), въ первомъ изъ нихъ тщательное обследованіе кургана и склепа Евресибія и Ареты, во второмъ многочисленныхъ погребеній V—II вв. до Р. Хр. Новая эпоха въ исторіи разслѣдованія Ольви открылась однако только съ 1902 г., когда территорія Ольви сдѣлалась собственностью гр. А. А. Мусина-Пушкина, давшаго наконецъ давно желанное разрѣшеніе раскапывать городище и обеспечившаго возможность систематическаго и постояннаго веденія раскопокъ особымъ заключеннымъ между нимъ и Комиссіей договоромъ.

Систематическое разслѣдованіе Ольви началось немедленно послѣ

заключенія договора въ 1902 г.; во главѣ дѣла сталъ Б. В. Фармаковский.

Задача ему предстояла нелегкая. Съ одной стороны некрополь обѣщаль вѣрную и богатую добычу, при сравнительно легкой и привычной для русскихъ археологовъ работѣ и небольшихъ денежныхъ затратахъ, наоборотъ, городище, требуя большихъ затратъ денегъ, труда, энергій, знанія и системы, пугало и своимъ безнадежнымъ видомъ пустынного поля, изрытаго ямами прежнихъ по большей части неудачливыхъ разслѣдователей, и трудностью ориентировки въ немъ, трудностью идти и дѣйствовать навѣрняка безъ риска закопать много денегъ и ничего не найти. Трудности и гадательность результатовъ не остановили однако новаго руководителя раскопокъ, прошедшаго *de visu* школу раскопокъ въ Греціи, школу Дёрпфельда и Homolle'я. Не представляло сомнѣній, что систематическія раскопки городища и некрополя одновременно несомнѣнно выяснятъ топографію города, даже хотя бы не давъ никакихъ вещей, а это выясненіе и было и должно было быть главною цѣлью изслѣдованія.

Но откуда начать? Начать такъ, чтобы можно было надѣяться сразу захватить городъ съ первыхъ моментовъ его жизни вплоть до позднѣйшаго времени. Уже въ 1901 г. Фармаковский выяснилъ, что вблизи отъ села Парутина и кургана Евресибія около межи парутинскихъ и владѣльческихъ земель начинаются руины города. Недалеко отъ межи у обрыва къ Бугу возвышался могучій курганъ, близнецъ кургана Евресибія, но не за городомъ, какъ онъ, а внутри города, тамъ, гдѣ уже шли городскія постройки, за балкой, служившей границей города. И самъ по себѣ курганъ внутри города представлялъ загадку, тѣмъ болѣе, что, несмотря на повторныя посылки, погребальной камеры въ немъ найдено не было, и съ другой стороны сходство его съ курганомъ Евресибія говорило за то, что подъ этимъ памятникомъ римскаго времени должны покоиться остатки болѣе древняго, до-римскаго города. Руководясь, очевидно, этими соображеніями, Фармаковский съ первыхъ же дней кампаніи 1902 г. взялся за долгое и неблагодарное дѣло снесенія всей огромной массы кургана и разслѣдованія до материка того, что находилось подъ нимъ. Держался онъ при этомъ того единственно правильнаго принципа, который вполне извѣстенъ былъ уже Ашику и которымъ несмотря на это до сихъ поръ упорно не желаютъ руководиться, что курганъ можетъ считаться разслѣдованнымъ только тогда, когда онъ снесень весь и земля подъ нимъ и вокругъ него раскопана до материка.

Два года тянулась упорная и тяжелая работа, рядомъ съ нею велись раскопки некрополя въ цѣломъ ридѣ мѣстѣ. Въ 1903 г. мнѣ удалось посѣтить эти раскопки въ самый разгаръ работъ; на мѣстѣ и убѣдился, съ какой любовью и тщательностью водятся дѣла, какъ упорно, несмотря на кажущуюся безнадежность результатовъ, доводилась до конца каждая траншея, какъ запечатлѣвался фотографіей каждый моментъ работы, постоянно мѣнявшійся видъ поля раскопокъ, какъ тщательно заносились въ журналъ всѣ мелочи, всѣ детали и монументальныхъ, и мелкихъ памятниковъ, какъ одновременно производилась подробная съемка всѣхъ добытыхъ руинъ.

Результаты этой двухлѣтней работы на мѣстѣ изложены теперь послѣ обработки, потребовавшей двухъ съ половиною лѣтъ, въ томъ произведеніи, заглавіе котораго вышисано выше.

Послѣ краткаго введенія (гл. I), суммирующаго результаты кампании 1902—1903 г., авторъ переходитъ къ подробному разбору отдѣльных комплексовъ памятниковъ, добытыхъ раскопками, идя отъ позднѣйшихъ къ древнѣйшимъ, выдѣляя въ первую голову топографію и архитектуру (гл. II, 1—8), переходя затѣмъ къ некрополю (гл. III) и къ наиболѣе интереснымъ изъ добытыхъ въ городищѣ и некрополѣ вещамъ (гл. IV).

Начинаетъ авторъ такимъ образомъ съ отчета о раскопкѣ кургана и съ выясненія его структуры (гл. I, 1—3, рис. 4—18, табл. VIII и IX). Тщательнѣйшій анализъ насыпи, крещиды, кольцомъ охватывавшей базу кургана, и открытой авторомъ погребальной камеры обычнаго и въ Керчи типа сводчатыхъ комнатъ съ дромосомъ передъ ними приводитъ автора къ несомнѣнному заключенію, что курганъ, какъ и курганъ Евресибія и Ареты и какъ большинство кургановъ этого типа въ Керчи, сооруженъ во II—III в. по Р. Хр. Интересъ кургана и камеры однако не въ этомъ, хотя памятникъ этотъ и самъ по себѣ любопытенъ и реконструкція его вполне, какъ кажется, точная на табл. VIII (ср. рис. 14) весьма поучительна, какъ поучителенъ и его подробный архитектурный разборъ, а въ томъ, что съ несомнѣнностью констатируется, какъ курганъ выросъ на застроенномъ когда-то мѣстѣ, во времени постройки уже сдѣлавшемся покинутымъ пустыремъ, выросъ изъ мусора разрушеннаго города, существовавшаго на этомъ мѣстѣ съ VII—VI в. до Р. Хр., какъ показываетъ анализъ найденныхъ въ насыпи черепковъ и другихъ предметовъ.

Очевиднымъ становится, что то, что лежитъ подъ курганомъ, принадлежитъ той части города, которая задолго до II в. по Р. Хр. была

разрушена, что поневолѣ наводитъ на мысль, что этотъ разрушенный городъ, сожженный огнемъ, какъ показываетъ значительное количество угля и слѣдовъ дѣйствія огня на болѣе прочныя чѣмъ дерево матеріалы, есть догетская Ольвія—Ольвія эллинистическаго и греческаго времени.

Точный отвѣтъ на поставленный вопросъ о времени подкурганнаго города дадутъ однако не общія соображенія, а выводы изъ анализа найденныхъ подъ курганомъ стѣнъ и фундаментовъ.

Тщательныя раскопки подъ снесенной частью кургана (часть съ камерой, какъ это и слѣдовало, оставлена авторомъ нетронутой) констатировали прежде всего, что архитектурныя остатки, погребенныя курганомъ, далеко не одного времени; съ полною ясностью опредѣлились подъ насыпью кургана вплоть до материка три или даже четыре культурныхъ и архитектурныхъ наслоенія, изъ которыхъ каждое опредѣленнѣйшимъ образомъ отличалось отъ сосѣдняго.

Рѣшающимъ въ этомъ отношеніи кромѣ уровня и найденныхъ предметовъ было одно въ высшей степени важное наблюденіе. Съ первыхъ же моментовъ раскопокъ выяснилось, что стѣны верхняго подкурганнаго слоя (VI-ый по счету Фармаковскаго) покоились не на материкѣ и не на насыпи, т. е. мусорѣ стараго города, а на особыхъ, такъ называемыхъ слоевыхъ фундаментахъ, состоявшихъ изъ правильно расположенныхъ плотныхъ пластовъ чистой глины и пепла и доходившихъ вездѣ до материка; кое гдѣ не только стѣны, но и цѣлыя площадки сдѣланы были посредствомъ такого искусственнаго конечно наслоенія пластовъ. На табл. IV данъ характерный образчикъ такого слоевого фундамента. Стѣны, лежавшія ниже стѣнъ четвертаго слоя, такихъ фундаментовъ не имѣютъ, и это сразу даетъ изслѣдователю превосходный критерій для различенія однихъ отъ другихъ. Для различенія нижнихъ слоевъ другъ отъ друга важны, во-первыхъ, уровень, во-вторыхъ, техника стройки, въ-третьихъ—фундированіе на насыпи или на материкѣ. Характерный примѣръ чередованія слоевъ даетъ рис. 52 на стр. 99 и рядъ другихъ примѣровъ, на основаніи которыхъ и составлена весьма поучительная табл. VIII. Съ очевидностью выдѣляются такимъ образомъ подъ четвертымъ слоемъ слои V и VI. Еще болѣе древній слой (VII) констатированъ только въ одномъ мѣстѣ и выдѣленъ главнымъ образомъ на основаніи кладки—превосходной полигональной кладки древняго типа (табл. IV, 1 и 2).

Слой ниже четвертаго, т. е. послѣдняго докурганнаго, сохранились, конечно, гораздо хуже послѣдняго, главнымъ образомъ благодаря

тому, что их уничтожили слевые фундаменты, сохранившіе ихъ только тамъ, гдѣ каменная кладка могла сослужить службу слоевого фундамента или гдѣ она этимъ фундаментамъ не мѣшала.

Самъ собою такимъ образомъ вопросъ изслѣдованія докурганиныхъ остатковъ свелся къ реконструкціи построекъ IV слоя и къ опредѣленію ихъ времени. Дѣло затруднялось съ одной стороны тѣмъ, что городъ IV слоя былъ основательно разрушенъ и сожженъ, причемъ часть его мусора и нижнихъ слоевъ пошла на насыпку кургана; въ силу этого стѣны почти нигдѣ не сохранились, мало сохранилось и архитектурныхъ обломковъ; облегчалось однако дѣло тѣмъ, что общая схема стѣнъ вырисовывалась довольно ясно благодаря слоевымъ фундаментамъ даже тамъ, гдѣ остатковъ стѣнъ совершенно не сохранилось; облегченію работы способствовало въ значительной мѣрѣ и то, что уровень пола зданій IV слоя опредѣлился вполне точно въ трехъ мѣстахъ сохранившимися половыми вымостками. На основаніи всего этого авторъ и попытался въ отдѣлахъ отъ 4-го до 7-го первой главы опредѣлить планъ построекъ IV слоя и реконструировать самыя постройки.

Попытаемся вкратцѣ познакомить читателя съ результатами, имѣ въ этомъ отношеніи достигнутыми. Проверка его выводовъ облегчена богатымъ подборомъ фотографическихъ снимковъ всего добытаго и еще болѣе четырьмя приложенными къ работѣ на четырехъ таблицахъ планами: табл. V—общій планъ мѣстности расположенія кургана съ нивелировкой, VI—общій планъ развалинъ, открытыхъ подъ курганомъ, VII—общій видъ развалинъ, открытыхъ подъ курганомъ, съ птичьяго полета, X—общій планъ сооружений, открытыхъ подъ курганомъ (реставрація). Пожалѣть можно только объ одномъ: работа проверки затруднена тѣмъ, что общій планъ развалинъ отдѣленъ отъ реставрированнаго плана построекъ двумя таблицами, и особенно тѣмъ, что на общемъ планѣ нѣтъ соответствующихъ реставраціи цифръ и буквъ и что словъ на этомъ планѣ не выдѣлены особыми красками, что было бы особенно необходимо для слоевыхъ фундаментовъ, которые на общемъ планѣ теряются, а на снимкѣ съ птичьяго полета передаются не вполне точно, вводя иногда въ заблужденіе проверяющаго.

Исходнымъ пунктомъ для автора является сохранившаяся недалеко отъ обрыва къ Бугу оригинальная половая вымостка изъ рѣчныхъ голышей квадратной формы съ орнаментальнымъ обрамленіемъ и съ центромъ въ видѣ правильнаго круга, заповнявшій который рисунокъ, къ сожалѣнію, не сохранился. Сгруппированные около этой

вымостки остатки стѣнъ и фундаменты показываютъ, что мы несомнѣнно имѣемъ передъ собою довольно большой дворъ, по всей вѣроятности обставленный съ трехъ или можетъ быть только двухъ сторонъ¹⁾ колоннами іонійскаго типа, отъ которыхъ и ихъ антаблемента сохранилось довольно много остатковъ (вымостка изображена на рис. 22—25, архитектурные фрагменты на рис. 29—32). Сколько было колоннъ на каждой сторонѣ портика—сказать трудно; разсужденія и расчеты автора меня не вполне убѣдили. На западной сторонѣ двора портика, какъ кажется, не было. Къ вымосткѣ здѣсь непосредственно примыкають фундаменты стѣнъ центральныхъ комнатъ постройки, т. е. самыя комнаты. Съ сѣвера мимо двора шелъ корридоръ, ограниченный на сѣверъ стѣной, параллельная ей стѣна сохранилась у помѣщенія 1-го и 2-го и характеризована какъ стѣна вѣшная, т. е. съ сѣвера она дастъ прекрасную сухую не оштукатуренную кладку, съ юга, т. е. изнутри, оштукатурена и раскрашена въ таѣъ называемомъ нервомъ помпейскомъ стилѣ. Что представляли изъ себя помѣщенія передъ открытымъ дворомъ (къ востоку) и за нимъ (къ западу), для меня, несмотря на заманчивыя разсужденія автора и еще болѣе заманчивыя аналогіи съ эллинистическимъ домомъ, не вполне ясно. Меня смущаетъ рядъ обстоятельствъ; во-первыхъ, то, что на порогѣ какъ разъ двери въ помѣщеніе съ цистерной приходится яма L₂, не стоящая въ связи съ цистерной и съ другой ямой вмѣстѣ съ водостокомъ (L и I), находящимися въ южной части вымостки; во-вторыхъ, то, что стѣны западныхъ помѣщеній ориентированы, какъ это ни странно, иначе, чѣмъ центральный квадратъ вымостки, что на реставраціи, сдѣланной Покрышкинымъ по указаніямъ автора, молча исправлено²⁾. Поражаетъ меня и цистерна въ подвалѣ, въ которую не ведетъ никакой водостокъ, и многое другое. Таѣъ какъ и я выхода

¹⁾ Зданія съ открытымъ дворомъ „покоемъ“, т. е. съ фасадомъ типа тройнаго портика, засвидѣтельствованы и для частныхъ домовъ (на помпейскихъ фрескахъ; см. типичное изображение частного дома, повторенное еще вѣсколько разъ въ другихъ домахъ Помпей, въ декоративн. помпейскаго дома reg. XI ins. 7, изданное напримѣръ у Guzman, Pompei, стр. 396) и для разившихся изъ греческаго, вѣрнѣе эллинистическаго частного дома гречко-римскихъ виллъ, часто изображаемыхъ въ помпейскихъ декоративныхъ пейзажахъ.

²⁾ Возможно, какъ указалъ мнѣ Н. В. Султановъ, что фундаменты не вполне соответствовали ходу стѣнъ, что не разъ наблюдалось и наблюдается въ цѣломъ рядѣ построекъ. Въ нашемъ случаѣ, разница ориентировки настолько значительна, что г. Фармаковскому слѣдовало бы объ ней упомянуть и се оговорить, чтобы не взывать сомнѣній у внимательнаго читателя.

изъ этихъ затрудненій не вижу, то и отъ перечисленія ихъ предпочитаю воздержаться. Не вполне ясно для меня, напр., отношеніе вѣншей стѣны корридора К-Р къ куску стѣны Q-Q, равно и самый характеръ ничтожнаго по размѣрамъ закоулка GQOP. Предполагать въ данномъ мѣстѣ помѣщеніе для привратника я не могу. Весь этотъ комплексъ недоумѣній заставляетъ меня нѣсколько скептически отнестись ко всемъ выводамъ, которые авторъ строитъ на основаніи своей реконструкціи плана, и особенно ко второму этажу надъ простадой и центральной комнатой, который возможенъ, но далеко не несомнѣненъ.

Какъ бы то ни было, ясно одно, что передъ нами несомнѣнно частный домъ, сходный по конструкціи въ основныхъ своихъ частяхъ и особенно въ расположеніи частей съ домами Пріены и отчасти Делоса. Ясно и то, что комплексъ помѣщеній этого дома группируется кромѣ роскошнаго двора съ вымосткой около другого двора (№ 17 на планѣ), вымощеннаго плитами, къ которому примыкали хозяйственныя помѣщенія, изъ которыхъ одно несомнѣнная кладовая съ остатками пивосовъ (№ 5). Менѣе ясно отношеніе къ сосѣднему комплексу 19—25, гдѣ мы имѣемъ такой же хозяйственный дворъ (№ 25), и подъ курганомъ, судя по найденнымъ голышамъ, вымостки въ насыпи кургана, такой же парадный дворъ. Не устраняется возможность, что передъ нами не одинъ дворъ, а два съ общей стѣной. Весьма вѣроятно также, прибавимъ отъ себя, что оба дома выходили на улицу, шедшую параллельно рѣкѣ, какъ рядъ зданій въ руинахъ Ай-Тодора выходилъ на улицу, шедшую параллельно обрыву, т. е. морю, или можетъ быть выходили отърытыми дворами и террасами на обрывъ, съ котораго отрывался широкій видъ на лиманъ и на противуположащій берегъ.

Для исторіи Ольвіи еще важнѣе, однако, несомнѣнное хронологическое опредѣленіе описанныхъ руинъ. Точка исхода здѣсь опять таки уже не разъ упомянутая вымостка изъ голышей. Сличеніемъ съ подобной вымосткой въ храмѣ Зевса въ Олимпіи съ одной стороны, исчерпывающимъ анализомъ декоративныхъ мотивовъ съ другой Фармаковскому удалось доказать, что вымостка принадлежитъ II в. до Р. Хр., и съ этимъ вполне согласуется какъ планъ дома, такъ и остатки его убранства, особенно декоративной живописи, фрагменты которой найдены въ мусорѣ и отчасти еще на стѣнахъ въ довольно большомъ количествѣ (см. стр. 62 и рис. 34, ср. стр. 80 и 82). вполне подходит и кладка сохранившихся стѣнъ, типичная кладка эллинистическаго времени.

Изъ всего анализа построекъ подъ курганомъ вытекаетъ такимъ образомъ очевидный выводъ, что передъ нами остатки поздне-эллинистической Ольвіи, большого и богатаго города, занимавшаго площадь гораздо болѣе значительную, чѣмъ позднѣйшая римская Ольвія, сосредоточившаяся, какъ показываютъ позднѣйшія изслѣдованія Фармаковского, только бѣгло сведенныя въ разбираемомъ отчетѣ, на треугольникѣ ADE (ситуаціонный планъ на стр. 2 рис. 1), окруженномъ крѣпкими стѣнами съ центромъ въ видѣ главнаго храма города—храма Аполлона Простата. Эллинистическая Ольвія, по крайней мѣрѣ въ значительной ея части, была въ римское время пустыремъ, что подтверждается и извѣстнымъ разсказомъ Діона.

Но этого мало. Нижніе слои V—VII показываютъ, что не только эллинистическая Ольвія, но и Ольвія IV—III в. до Р. Хр. занимала тоже большое пространство. Настоятельной задачей ближайшаго разслѣдованія должно быть теперь послѣ добытыхъ результатовъ выясненіе точныхъ границъ какъ римскаго, такъ и эллинистическаго и греческаго города, для чего прежде всего надо выяснить вопросъ о ходѣ и исторіи стѣнъ, вопросъ, выясняющійся теперь для Херсонеса и до сихъ поръ не затронутый еще, несмотря на полную возможность, для Пантикапея.

Второй настоятельный вопросъ—это вопросъ о древнѣйшемъ центрѣ города. На мѣстѣ кургана мы, очевидно, на периферіи. Важно теперь выяснить, находился ли древнѣйшій центръ въ отмѣченномъ римскомъ треугольникѣ, или въ немъ мы имѣемъ только римскую крѣпость, подобную той, которая теперь открывается въ Херсонесѣ.

Бѣднѣе и скуднѣе результаты изслѣдованія некрополя. Ни на древнѣйшій, ни на позднѣйшій некрополь Фармаковскому еще не удалось напасть. До сихъ поръ и онъ, и другіе его предшественники работали въ эллинистическомъ некрополѣ, только отчасти сдобренномъ могилами болѣе ранняго и болѣе поздняго періода. Все же однако и то, что добыто въ связи съ изслѣдованіемъ городища, и для древнѣйшей Ольвіи дало весьма важные и крупные результаты. Результаты эти предварительно сведены авторомъ на стр. 215 слл. (гл. IV, 3) въ видѣ подробнаго перечня кусковъ вазъ, относящихся къ древнѣйшимъ временамъ (VII—VI в.) Оцѣнку этой сводки давать теперь еще преждевременно. Подождемъ обѣщаннаго авторомъ историческаго обзора и разбора керамическихъ находокъ Ольвіи.

То, что выясняется уже теперь, это культурная фیزیономія эллинистической Ольвіи, опредѣляемая массой утвари, главнымъ образомъ

глиняныхъ вазъ, архитектурными фрагментами и остатками декоративной живописи. Особенно интересна послѣдняя, несмотря на незначительность дошедшихъ до насъ фрагментовъ. Разбирать ее здѣсь однако не мѣсто. Разбора эллинистической керамики въ полномъ видѣ мы ждемъ отъ Фармаковского. Разборъ этотъ будетъ особенно поучителенъ и дастъ, надо надѣяться, болѣе богатые и точные результаты по вопросу о родинѣ и центрахъ эллинистической керамики, чѣмъ тѣ результаты, къ которымъ пришелъ въ своихъ, правда очень почтенныхъ, работахъ Вадингоръ.

Кампанія 1902—1903 г. дала цѣнные результаты и для исторіи пластики. Три прелестныхъ головки III в. до Р. Хр. александрійскаго типа и техники найдены были въ румнахъ дома подъ курганомъ и принадлежали, очевидно, къ его убранству (см. гл. IV, 2 и табл. I—III). Одна изъ нихъ, какъ выяснилъ авторъ, несомнѣнно голова Асклепія, другая вѣроятно Гигіи, третья голова мальчика. Въ связи съ этой находкой пріобрѣтаетъ большое значеніе опубликованная Фармаковскимъ же въ особой статьѣ ольвійская статуетка Аенны Дѣвы и поздняя статуетка нагого мальчика съ мѣхомъ изъ раскопокъ слѣдующаго года.

Изъ изложеннаго ясно такимъ образомъ, какіе важные и цѣнные результаты даетъ только что начатое систематическое изученіе Ольвіи. Но не менѣе ясно, что цѣннымъ становится это изслѣдованіе только потому, что оно въ рукахъ настоящаго изслѣдователя, точнаго и строгаго наблюдателя, остроумнаго реконструктора, знатока исторіи античнаго большого и прикладнаго искусства. Въ Керчи при раскопкахъ Думбурга на Митридатѣ найдены руины болѣе видныя и болѣе значительныя, чѣмъ мелкіе остатки подъ большимъ Ольвійскимъ курганомъ. Эти видныя руины, однако, мертвы и нашего знанія не двинули; онѣ съ ихъ странными кличками курьезъ, любопытный для посѣтителя Керчи, для науки онѣ не дали ничего и, боюсь, дадутъ очень мало. Все это потому, что раскопки въ Керчи велись безъ плана и системы, велись лицомъ, не умѣвшимъ наблюдать и регистрировать, отличать позднее отъ древняго, отмѣчать культурныя наслоенія и любовно работать надъ каждою мелочью. Эта работа, разъ она не сдѣлана при самыхъ раскопкахъ, послѣ нихъ сдѣлана быть не можетъ, догадка и гипотеза вступаютъ на мѣсто факта, добытаго наблюденіемъ.

М. Ростовцевъ.

Н. К. Никольскій. Матеріалы для исторіи древне-русской письменности. №№ I—XXIII. С.-Пб. 1907. Оттискъ изъ „Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, томъ LXXXII.

„Большая часть издаваемыхъ здѣсь матеріаловъ найдена и собрана въ разныхъ бібліотекахъ въ теченіе годичной командировки“, говоритъ авторъ. „Въ составъ настоящаго сборника вошли случайно открытые памятники, разнородные по содержанію, по времени и по мѣсту происхожденія“.

Итакъ, мы имѣемъ передъ собою случайныя находки автора, снабженныя, и то по всегда, краткими примѣчаніями. Одни изъ нихъ авторъ видимо цѣнятъ высоко; другія имъ издаются только потому, что въ заглавіи приписываются какому-то Кириллу; а это имя вызываетъ у автора предположеніе о связи ихъ съ Кирилломъ Туровскимъ или вообще съ однимъ изъ русскихъ историческихъ Кирилловъ.

Посмотримъ изданные матеріалы.

Подъ № I Н. К. Никольскій помѣстилъ „Слово о томъ, како крестися Володимеръ возмя Корсунъ“. Этому памятнику онъ придаетъ большое значеніе, видя въ немъ источникъ соответствующаго разсказа Начальной лѣтописи. Мы перечли „слово“. По нашему мнѣнію, „слово“ есть не что иное, какъ извлеченіе изъ Начальной лѣтописи, составленное съ нѣкоторою толковостью и потому производящее болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ лѣтописный разсказъ. Но языкъ и стиль, свойственные Начальной лѣтописи, остаются въ „словѣ“ безъ измѣненія и выдаютъ зависимость „слова“ отъ лѣтописи.

Подъ № III Н. К. Никольскій издалъ толковую редакцію слова о законѣ и благодати, митрополита Иларіона. Въ ней мало любопытнаго; любопытно, главнымъ образомъ, — ея русское происхожденіе ¹⁾: но толкованія на тексты священнаго писанія и молитвы, русскаго происхожденія—то самостоятельныя, то компилятивныя,—не рѣдкость.

Сборникъ Императорской Публичной бібліотеки, начала XV вѣка, Q. I. 312, содержитъ въ себѣ „Изборникъ отъ многихъ святыхъ отецъ, толкованіе неразумныхъ словесъ въ евангеліи и въ апостолѣхъ и въ прочихъ книгахъ, вкратцѣ сложено на память и на готовъ

¹⁾ Между отцами церкви, послужившими источникомъ для русскаго свода, былъ *Кириллъ*. Съ его именемъ встрѣчаются въ рукописяхъ кое-какіе толковые тексты (см., напримѣръ, у *Питухова*, Къ вопросу о Кириллахъ авторахъ въ древней русской литературѣ, стр. 16).

отвѣтъ послушающимъ книгъ сихъ и творящимъ повелѣваемая ими въ оставленіе грѣховъ и въ славу святаго Троица Отца и Сына и Святаго Духа“. Послѣ этого общаго заглавія слѣдуетъ небольшое „слово первое, бытѣя“, съ начальными словами: „Богъ преже вѣкъ, ни начала имѣя, ни конца, яко Богъ силенъ“ (взятыми изъ Толковой Псален). Послѣ сообщенія о смерти Адама и хронологическихъ выкладовъ, текстъ перескакиваетъ на евангельскіе отрывки: „Но се остану много раштити, но начну псати евангельская и апостольская и пророческая словеса недовѣдомая, истолкованая святыми отци спасенія ради свѣдущи(мъ) не бланитися“. Послѣ этихъ словъ идетъ „слово евангельское“: „Рече Господь: изиде свѣецъ свѣать“...

Между евангельскими мѣстами, истолкованными здѣсь (апостольскихъ и пророческихъ мѣтъ), — и толковое „Отче нашъ“, то самое, которое, отдѣльно и вмѣстѣ съ однородными текстами, извѣстно въ большомъ числѣ разновременныхъ списковъ, между прочимъ при Апокалипсисѣ Румянцевскаго музея XIV вѣка, № 8. Здѣсь, кромѣ толковаго „Отче нашъ“, помѣщены толковое „Вѣрую“ и толковое „Иже херувимъ“. Русское происхожденіе всѣхъ этихъ толковыхъ текстовъ не подлежитъ сомнѣнію. Они вполне заслуживаютъ изданія, какъ по своей наивной оригинальности, такъ и по кое-какимъ реальнымъ даннымъ.

Подъ № VII напечатано „слово на просвѣщеніе“, „Кирилла епископа Туровскаго“, по списку 1522 года. П. К. Пикольскій знаетъ другіе списки этого слова; онъ готовъ бы повѣрить въ авторство Кирилла, но ему мѣшаетъ „наблюдаемый въ словѣ недостатокъ авторской самодѣтельности“ (стр. 66).

Это слово въ западно-русскихъ спискахъ приписывается „Іоанну Пресвитеру“ и должно считаться несомнѣнно принадлежащимъ Іоанну Экзарху. По одному изъ этихъ списковъ, какъ Экзархово, оно издано Н. И. Петровымъ въ *Трудахъ* Кіевской духовной академіи 1889 года, № 11; другой списокъ, XVII вѣка, принадлежитъ Виленской Публичной бібліотекѣ (по печатному каталогу № 80, л. 266 об.).

Подъ № X издано слово „Кирилла Мниха“ на Вознесеніе Господне, по списку XV—XVI вѣка, назначенное для чтенія въ четвергъ 6-й недѣли по пасхѣ. Мы знаемъ это слово, съ тѣмъ же назначеніемъ на четвергъ 6-й недѣли, — съ именемъ Златоуста. И дѣйствительно, между спуріями Златоуста есть слово на Вознесеніе, которое начинается сходной фразой: *Τρία παράδοξα θαύματα*. Оно указано у *Fabricius-Havles'a Bibliotheca graeca*, X, 252, и въ послѣдній разъ издано у *Migne'a*.

т. 52, стр. 792. Но изданное Н. К. Никольскимъ—вовсе не переводъ этого псевдо-Златоустава слова; авторъ его только пользовался этимъ послѣднимъ. Объ русскомъ происхожденіи его нѣтъ данныхъ говорить; оно принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ словъ южно-славянскаго происхожденія. Въ области языка можно отмѣтить: церковнымъ *словамъ* честь творяще (о духовенствѣ).

Имя Кирилла здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, не указываетъ ли на автора Учительнаго Евангелія Константина Болгарскаго, труды котораго пока еще мало изучены, но пристрастіе котораго къ передѣлкѣ словъ Златоуста достаточно извѣстно? Сравни несомнѣнно ему принадлежащій приступъ въ 36-й бесѣдѣ Учительнаго Евангелія: „Кто возглаголетъ силы Господня, услышаны сътворитъ вся хвалы его“, и начало Златоустава слова на рождество Богородицы: „Кто изглаголетъ силы Господня и слышаны сотворитъ вся хвалы его“ (Ундол. № 587, л. 50).

Подъ № XI издано краткое поученіе „Курила Мниха“, съ начальными словами: „Аще человекъ убогъ ходитъ“... Оно состоитъ изъ отрывочныхъ фразъ, связанныхъ между собой близостью содержанія, но имѣющихъ видъ самостоятельныхъ изреченій. Мы знаемъ рядъ однородныхъ поученій. Одно изъ нихъ—„Слово св. Василія о многоиманіи иже неправдою“—находится въ Погодинскомъ сборникѣ № 886, XV вѣка, л. 152 об. Вотъ его начало: „Иже чюжего желаетъ, той по своему помалѣ рыдаетъ. Уне есть помалу прилагати къ своему житію со утѣшеніемъ, нежели внезапно возвысится чюжимъ, а послѣди обижитися отъ своего. Иже чюже грабяще милостыню творитъ (!), то (!) не помиловали, но обидѣли и согрѣшили грѣхъ послѣдній. Аще бо милостыню творишь, имже грабишь, то прежде тѣхъ помилуй, ихъже еси грабилъ“... Другое приписывается св. Григорію. Это „слово св. Григорья о языкѣ“; начало: „Что есть языкъ? Водитель гнѣву, дьяволу цвѣтъ, воевода клеветѣ“... Оно извѣстно намъ въ сборникѣ Троицкой лавры № 786, л. 111. По изложенію оно близко къ „слову о злыхъ женахъ“, начало: „Что есть жена зла? Купница бѣсовская“..., и вообще со словами, составленными изъ изреченій, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

Такимъ образомъ имени Кирилла въ заглавіи поученія № XI нельзя придавать много значенія. „Кириллъ Мнихъ“—едва ли не поздняя замѣна „Кирилла Философа“, которому обыкновенно приписываются изреченія (см. *Пытуховъ*, Къ вопросу о Кириллахъ авторахъ въ древней русской литературѣ, стр. 17 слѣд., особенно стр. 28).

Кстати укажемъ на слово „выписано изъ книги Отечника... Кирилла Мниха о прочтаніи книжныхъ“, находящееся въ сборникѣ Рум. муз. № 3146, XVIII вѣка, л. 5 об., „на половину, какъ говорится въ „Отчетъ“ музея 1889—1891 гг., стр. 27, составленное изъ ходячихъ сентенцій и пословицъ“, начало котораго — то же, что въ словѣ Кирилла о слѣпцѣ и хромцѣ: „Добро убо, братіе, и зѣло полезно еже разумѣти намъ божественныхъ писаній учение“...

Подъ № XIII Н. К. Никольскій издалъ „Поученіе о любви“ по списку XVI—XVII вѣка ¹⁾. Сопоставленіе „поученія“ съ „посланиемъ митрополита Климента къ пресвитеру Омѣ, говоритъ огъ (стр. 100), устанавливаетъ точки соприкосновенія между обоими сочиненіями не въ содержаніи, но въ однородной компилятивности и слабомъ сходствѣ отдѣльныхъ выраженій“. Тѣмъ не менѣе Н. К. Никольскій не рѣшился утверждать, что изданное имъ „поученіе о любви“ есть то „слово о любви Климова“, котораго мы давно уже ищемъ.

И дѣйствительно, „поученіе о любви“—не что иное, какъ вторая половина обширнаго „слова отъ сказанія евангельскаго“, на текстъ: „Понеже убо много имамъ глаголати“..., извѣстнаго по спискамъ съ именемъ Іоанна Златоуста, но въ дѣйствительности этому отцу не принадлежащаго. Словарный матеріалъ обличаетъ это слово со словами Іоанна Экзарха Болгарскаго; о принадлежности русскому автору не можетъ быть рѣчи. Мы знаемъ это слово въ сборникахъ Ундольскаго № 561, л. 312, XVI вѣка, и Московской духовной академіи Волокол. № 111, л. 97 об. XV—XVI вѣка.

Намъ извѣстно еще „слово св. Павла о любви“, съ начальными словами: „Молю вы, братъе, убо будете свершители заповѣди Господни“, краткое какъ-будто извлеченіе изъ большого поученія. Древность несомѣнна; о русскомъ происхожденіи нѣтъ основаній говорить; значить, и оно не имѣетъ отношенія къ искомому творенію Климента.

Статьи изъ пролога №№ IV, VI, XV, XVI показываютъ, какъ много интереснаго срывается еще въ многочисленныхъ спискахъ этого сборника и сколь желателенъ тщательный просмотръ этихъ списковъ. Н. К. Никольскій нашелъ далеко не все то цѣнное, что можно найти, тѣмъ болѣе, что искалъ повидимому лишь въ области житій, оставляя въ сторонѣ область поученій и поучительныхъ разсказовъ.

¹⁾ Это „слово“ было напечатано Н. К. Никольскимъ равше въ *Извѣстіяхъ* отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1903 г., книга 1.

Въ заключеніе мы считаемъ себя обязанными принести Н. К. Никольскому благодарность за его „Матеріалы“. Хотя не все въ нихъ имѣетъ прямое отношеніе къ древне-русской литературѣ, тѣмъ не менѣе цѣнность ихъ ясна для всякаго, кто интересуется этой литературой. Пора намъ привести въ извѣстность все наиболѣе цѣнное и важное, что принадлежитъ древнему періоду исторіи русской литературы, чтобы имѣть возможность составить себѣ хоть какое-нибудь не совсѣмъ лишенное основаній сужденіе о нашей литературной старинѣ.

А. Соболевскій.

Тягъ Еврипида. Полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ. Въ трехъ томахъ, съ двумя введеньями, статьями объ отдѣльныхъ пьесахъ и объяснительнымъ указателемъ И. Θ. Анненскаго. Томъ первый. С.-Пб. 1907. 628 стр. Цѣна 6 руб.

Въ 1894 г. И. Θ. Анненскій издалъ отдѣльной книгой стихотворный переводъ Еврипидовской трагедіи „Вакханки“, за ней въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ имъ опубликована, по преимуществу на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (только одни „Финикіянки“ появились въ „Мірѣ Божьемъ“), обширная серія переводовъ Еврипидовскихъ трагедій, которымъ всегда сопутствовало появленіе специальныхъ критико-эстетическихъ этюдовъ, посвященныхъ детальному истолкованію переводимой пьесы. Работы эти давно уже доставили въ ученыхъ и поэтическихъ кругахъ И. Θ. Анненскому славу даровитаго и неутомимаго переводчика Еврипида, причемъ постоянно высказывалось настоятельное желаніе увидѣть, во-первыхъ, завершеніе столь удачно начатаго дѣла переводомъ всѣхъ пьесъ Еврипида, а, во-вторыхъ, имѣть ихъ собранными въ одно цѣлое въ видѣ самостоятельнаго изданія, которое сдѣлало бы эти переводы доступными и для тѣхъ, кто не имѣетъ возможности широко пользоваться многочисленными выпусками специального и мало распространеннаго въ широкой публикѣ журнала.

Теперь появленіемъ книги, заглавіе которой приведено выше, желаніе это осуществлено, и русскихъ филологовъ и поэтовъ можно отъ души поздравить съ приобрѣтеніемъ, въ которомъ такъ давно ощущалась настоятельная потребность.

За быстрое появленіе слѣдующихъ томовъ, кромѣ энергіи переводчика, говорить и то, что матеріалъ для нихъ въ значительной степени уже готовъ: большинство ранѣе опубликованныхъ переводовъ

И. О. Анненскаго въ настоящій томъ не вошло, и, слѣдовательно, за содержаніемъ задержки не будетъ.

Едва ли нужно особенно подробно говорить о томъ, насколько важно для русской науки и поэзіи появленіе въ русскомъ переводѣ „театра Еврипида“.

Во всякой странѣ, гдѣ только развиты интересы къ твореніямъ міровыхъ гениевъ, появленіе такихъ переводовъ составляетъ эпоху въ духовной жизни страны. Для Россіи, гдѣ трагическая нива, если не считать отдѣльныхъ и слишкомъ одинокихъ попытокъ, до сихъ поръ остается совершенно невоздѣланной, это имѣетъ особенно важное значеніе. Исторія европейской драмы безошибочно устанавливаетъ тотъ общій законъ, что всюду за распространеніемъ перевода классическихкихъ образцовъ драмы начинались попытки, и притомъ весьма успѣшныя, въ области самостоятельнаго творчества. Появленіе даже Жюделя во Франціи было бы невозможно, если бы ему не расчистилъ дороги Лазарь де Байфъ, переводчикъ Элевтры Софокла и Гекабы Еврипида. Теперь, когда русскій театръ переживаетъ мучительный, но полный сладкихъ надеждъ и упованій, періодъ поисковъ новыхъ формъ и новаго содержанія, неожиданно открывшійся богатый источникъ для исканій въ видѣ трагедій Еврипида заставляетъ вѣрить, что онѣ не останутся неиспользованными и сослужатъ великую службу обновленія и русской драмѣ, какъ раньше онѣ повсемѣстно уже исполняли со славой эту свою величайшую культурно-историческую миссію. Источникъ живой воды, напивавшій и вспоившій всю новую европейскую трагедію, не можетъ не проявить своей живительной силы на все еще немощномъ тѣлѣ русской трагедіи. Неоднократно повторявшіяся за послѣднее время попытки включить пьесы Еврипида въ текущій репертуаръ русской образцовой сцены лучше всего показываютъ, что и у насъ Еврипида ждетъ гостеприимная встрѣча, и если радостное общеніе русской Мельпомены съ афинскимъ трагикомъ наступило не сразу, то виноваты въ этомъ, конечно, только тѣ, кто вводилъ на русскую сцену не дѣйствительнаго, а уродливо модернизированнаго Еврипида.

Все это заставляетъ насъ, во-первыхъ, надѣяться, что монументальный трудъ И. О. Анненскаго будетъ встрѣченъ съ самымъ пристальнымъ вниманіемъ не только филологами, но и друзьями русскаго театра и русской поэзіи, а, во-вторыхъ, и разсматривать въ дальнѣйшемъ этотъ трудъ мы обязаны не только подѣ филологическимъ, но и подѣ сценическимъ угломъ зрѣнія.

Въ составъ перваго тома „театра Еврипида“ вошли: публичная лекція „Античная трагедія“ (вмѣсто предисловія), переводы трагедій: Алькеста, Медея, Ипполитъ, Гераклъ, Іонъ и „драмы сатировъ“ „Киклопъ“. Попутно замѣтимъ, что мы отъ всей души привѣтствуемъ удачный почиѣ ученаго поэта замѣнить названіемъ „драма сатировъ“ расплывчатый и смутный терминъ „сатирическая драма“, который вель только къ искаженію облеченнаго имъ понятія.

За переводомъ каждой трагедіи слѣдуетъ статья, посвященная истолкованію этой трагедіи: Поэтическая концепція Алькесты Еврипида, трагическая Медея, трагедія Ипполита и Федры, мнѣ и трагедія Геракла, Іонъ и Аполлонидъ, Киклопъ и драмы сатировъ. Жестоко ошибется тотъ, кто станетъ сравнивать эти статьи съ банальными „введеніями“, обычно сопутствующими переводамъ и изданіямъ пьесъ и весьма часто обреченными на то, чтобы оставаться не разрѣзанными. Пожалуй, только одно классическое предисловіе Вилаговица къ его изданію Ипполита (искусственно введенныя въ чрезмѣрномъ изобиліи историко-литературныя разысканія исказили архитектуру введенія къ Гераклу того же автора) можетъ быть поставлено рядомъ съ этими статьями.

Представьте, что человекъ, досконально изучившій ученую литературу каждой драмы, штудируя ея текстъ, пережилъ ее всю въ душѣ, затѣмъ, захлопнувъ книгу, долгими часами питалъ свои взоры созерцаніемъ памятниковъ античнаго искусства, родственныхъ этой пьесѣ, подбиралъ параллели и отзвуки пробудившихся въ его душѣ мотивовъ среди созданій новыхъ поэтовъ, и въ концѣ концовъ подвелъ итогъ всему, что отложилось у него на сердцѣ, какъ результатъ этихъ сопряженныхъ процессовъ художественнаго наслажденія и творчества во всеоружіи филологическихъ и археологическихъ штудій.

Вотъ какъ представляется мнѣ происхожденіе этихъ статей. Это не пояснительныя введенія, въ которыхъ сваливается въ одну кучу все то, что можно разыскать про пьесу во всевозможныхъ энциклопедіяхъ, программахъ и диссертаціяхъ, а художественное отраженіе пьесы въ душѣ поэта, съ которымъ слялся филологъ, способный плоды знанія претворять въ творенія искусства. Понятно, что всякая пьеса будила новыя мысли. Одна влекла къ сравненію съ позднѣйшими подражаніями (Медея), другая заставляла думать о сущности драматической концепціи (Алькеста), третья увлекла вниманіе въ тайники психологіи (Ипполитъ), четвертая манила вскрыть мифическую оболочку

ея сюжета (Геракль), пятая толкала на трудный путь историко-литературных разысканий (Киклопъ).

Поэтому не упрекать надо автора за то, что всё эти статьи написаны безъ малѣйшаго наблюденія единства плана, а въ объясненіе этого надо только припомнить, что вѣдь и десять художниковъ, налюбовавшись одной и той же картиной, начинаютъ разговоръ о ней на десять разныхъ темъ. Произведеніе искусства въ душѣ одного будить однѣ мысли, въ душѣ другого—другія. Надо брать то, что даютъ, а не упрекать въ замѣченныхъ пропускахъ.

Эти банальныя введенія, которыя всегда хочется поскорѣе миновать, чтобы съ большимъ нетерпѣніемъ прильнуть къ самому поэтическому напитку, замѣнены у Н. О. Анненскаго кратчайшими „дидаскаліями“, которыя предпосылаются переводамъ и въ которыхъ съ рѣдкой сжатостью передано все то, что въ сущности нужно для дѣйствительнаго „введенія“ въ чтеніе пьесы. Въ нихъ, по образцу древнихъ дидаскалій, авторъ указываетъ годъ постановки данной пьесы, празднество, во время котораго она исполнялась, остальной составъ обнимавшей ее тетралогіи, а также порядокъ побѣдителей на этомъ драматическомъ состязаніи.

Самыя статьи, несмотря на все разнообразіе ихъ содержанія, объединены единствомъ метода. Вездѣ авторъ послѣдовательно, стихъ за стихомъ, сцена за сценой, прослѣживаетъ, „припоминаетъ“ развитіе фабулы, ища пояснительныхъ указаній въ сопоставленіяхъ съ памятниками искусства и драмами другихъ временъ и народовъ. Сколько интересныхъ и свѣжихъ замѣчаній сумѣлъ сдѣлать авторъ на двухъ страницахъ (136—137), посвященныхъ сопоставленію „Алькесты“ съ „Зимней сказкой“ Шекспира! Подчасъ всю сущность разбираемой пьесы авторъ устанавливаетъ путемъ одного только сопоставленія ея античной редакціи съ позднѣйшими обработками новыхъ поэтовъ. Такъ анализъ одной изъ любопытнѣйшихъ пьесъ античнаго репертуара, „Іона“, данъ исключительно въ видѣ сравненія съ трагедіей Леконтаде-Лиль въ статьѣ „Іонъ и Аполлонидъ“ (стр. 527—554).

Отъ анализа отдѣльныхъ сценъ и пьесъ авторъ нерѣдко обращаетъ свою мысль въ самую глубь вопросовъ философіи поэтическаго творчества. Для примѣра достаточно указать на замѣчанія Н. О. Анненскаго о природѣ драматической концепціи (стр. 105—107), о трагическомъ „страданіи“ (210—213, 442 сл.), объ идеѣ трагедіи (стр. 447, 448) и т. д. Эта сторона статей дѣлаетъ ихъ любопытными не только

для историка литературы, но и для эстетика, хотя, конечно, на долю первого выпадаетъ значительно больше добычи. Вопросы объ отношеніи Еврипида къ своимъ источникамъ (114 сл., 213 сл.), характеристика Адмета (125 — 132), Федры и Ипполита (337—346) разсмотрѣны такъ, что съ ними не можеть не считаться всякій специалистъ по исторіи античной литературы. Кой-гдѣ онъ легко усмотритъ неполноту библиографическихъ указаній, сильно сказывающуюся въ отсутствіи журнальной литературы, такъ особенно ощутителенъ пропускъ статьи П. Маскере о Киклопѣ Еврипида и Гомера (*Rev. des études ancіen.* 1902. 165—190), но оригинальность мысли автора и его тонкое филологическое—въ лучшемъ смыслѣ этого слова—чутье сторичей искупають и это.

Съ особеннымъ интересомъ долженъ обратиться всякій филологъ къ послѣдней статьѣ тома: „Киклопъ и драма сатировъ“. Эта отрасль античной драмы до сихъ поръ, несмотря на всѣ усилія ученыхъ, особенно французскихъ, представляетъ слишкомъ много загадокъ, поэтому всякое появленіе новыхъ работъ по этому вопросу должно вызывать самый живой интересъ. (См. статью F. Hahn: *Philologus* 1907. T. 66, стр. 36—47).

И. О. Анненскій послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаній о самомъ названіи этого рода драмы переходитъ къ разсмотрѣнію природы сатировъ, обильно пользуясь, по своему обычаю, памятниками искусства и приходя къ слѣдующему выводу о воздѣйствіи этихъ пьесъ на зрителя: „если въ трагедіи фантазію элина плѣнялъ человѣкъ, поднятый до бога, то въ сатиrowsкой драмѣ, наоборотъ, ее тѣшилъ богъ козлиной шкуры, богъ—звѣрь. И въ томъ и въ другомъ случаѣ въ сознаніи зрителя повышался человѣкъ. А насъ вообще эстетически радуегъ все, что поднимаетъ насъ иллюзіей нашего совершенства, и самое основаніе искусства лежитъ едва-ли не именно въ этомъ самообманѣ: все красивое, мужественное, справедливое, пожалуй даже трогательное, это мое, это я, и какъ хорошо, что я именно таковъ, хотя бы отчасти; все же смѣшное, страшное и позорное, это—слава Богу, это—не я, и какъ хорошо, что это именно другой. Вотъ отчего реалиамъ начинается свои завоеванія именно съ области отрицательнаго, гдѣ человѣку инстинктивно хочется сильнѣе подчеркнуть моментъ „не я“ (стр. 598).

Разобравъ далѣе свидѣтельства древнихъ о драмѣ сатировъ и ея исторію на сценѣ, И. О. Анненскій переходитъ къ разсмотрѣнію ея репертуара и разбираетъ нѣсколько ея образцовъ: „Амиона“ Эсхила

„Прометей, Зажигатель огня“ и „Протей“ его же, „Силой“ Еврипида, и только тогда уже авторъ переходитъ къ „Киклопу“, начиная его разборъ напоминаясь о сказкѣ о „Лихѣ-одноглазѣ“, варианты которой раскиданы среди многихъ народовъ. Кто хочетъ усвоить все содержаніе этой статьи, долженъ предварительно прочесть самую пьесу, но весьма вѣроятно, что заинтересованный новыми точками зрѣнія, которая открылъ ему зоркій глазъ критика, онъ снова вернется къ прочитаннымъ страницамъ и вновь перечтетъ пьесу, и только это вторичное, уясненное чтеніе дастъ ему впечатлѣніе близкое тому, какое могъ получать отъ ея постановки античный зритель.

Если переводъ каждой античной пьесы является по сложности своей задачей настоящимъ подвигомъ, то переводъ драмы сатировъ, безспорно, труденъ неимоვნю.

Для перевода комедій и особенно трагедій образцами стиля и тона могутъ служить наши оригинальныя трагедіи и комедіи. И если стихотворные переводы Плавта производятъ такое удручающее впечатлѣніе на всякаго, не лишеннаго вкуса читателя, то виноваты въ этомъ не одни только переводчики, склонные Плавта ставить на одну доску съ бытописателемъ „Растеряевой улицы“. Бѣда въ томъ, что навсегда, повидимому, утеряна связь съ нашей оригинальной комедіей „въ стихахъ“, со стилемъ Капниста, Грибоѣдова, Шаховскаго и Хмѣльницкаго.

Не чувствуется болѣе образца, къ которому можно было бы смѣло привязать попытки собственнаго творчества. Гдѣ искать русскому поэту указаній для перевода „драмы сатировъ“? Ни о какой традиціи рѣчи тутъ быть не можетъ. Русский сатиръ слышеюмъ не надолго посѣтилъ сцену, да и самый его складъ сильно измѣнился отъ перелета изъ древней Эллады въ Московскую Русь, гдѣ смутный его отблескъ можно видѣть въ чертахъ Еремки („Не такъ живи, какъ хочется“ Островскаго).

Какъ справился И. Ѡ. съ этой труднѣйшей задачей, видно изъ слѣдующаго отрывка.

Полный хоръ.

Счастье жизни—пиръ веселый,
 Чтобъ вино ключемъ бѣжало,
 А рука, на мягкомъ ложѣ,
 Друга къ сердцу прижимала.
 Иль златистый умищенный
 Разметать по ложу локонъ
 И молитъ изнемогая:
 „Отвори мнѣ дорогая“.

*Киклопъ**(поднявшая и стараясь подражать напъу сатиоровъ).*

Тра-ла-ла да тарамъ-барамъ
 Что за пиво, что за варка (икаетъ).
 Мой животъ, ей ей, товаромъ
 Полонъ до верху, какъ барка.

(Спотыкается, его поддерживает Силезъ и рабъ).

Эхъ ты, травка моя травка,
 Хорошо на травѣ спится,
 Я-жъ кутить иду въ Киклопамъ...
 Ей, почтенный... Дай напиться...

Хоръ.

Осгѣпля насъ красою,
 И влюбленный и любимый,
 Вотъ чертогъ онъ покидаетъ.
 Сѣнь, вроняная росою,
 Факель, пламенемъ налимый,
 И невѣста ожидаетъ

Тамъ тебя—и розы куцей

Отгвнять тамъ ликъ цвѣтуцій. (Стр. 579—580, ср. Eurip.

Cyclop. 495—518).

Здѣсь съ рѣдкимъ мастерствомъ сохранены и размѣръ подлинника, и, что гораздо важнѣе, общій колоритъ мѣста, и смѣняющійся перебой настроеній.

Разсматривать переводы трагедій едва ли представляется нужнымъ, особенно же сличать ихъ съ подлинникомъ. Дѣло въ томъ, что И. Ѳ. Анненскій далеко не ограничиваетъ свое отношеніе къ тексту выборомъ какого-нибудь одного изданія съ тѣмъ, чтобы потомъ уже рабски ему слѣдовать. Нѣтъ, кто сличалъ его переводъ хотя бы одной трагедіи, для того станетъ яснымъ, что у И. Ѳ. переводу предшествуетъ весьма сложная подготовительная работа чисто критическаго характера. Переводчикъ идетъ слѣдомъ за критикомъ, который не ограничивается только сопоставленіемъ и выборомъ вариантовъ рукописной традиціи, но временами пытается и самъ исправить ея изъяны и по-сильно разрѣшить возбуждаемая ею недоумѣнія. Поэтому недостаточно сопоставить переводъ И. Ѳ. Анненскаго съ оригиналомъ; надо понять и истолковать причины его отступленій. Такимъ образомъ его переводъ включаетъ въ себя и опытъ критическаго комментарія къ Еврипиду, почему всякій изслѣдователь трагика долженъ ими пользо-

ваться нисколько не въ меньшей степени, чѣмъ другими комментированными изданіями. Это указалъ въ свое время такой тонкій спеціалистъ по критикѣ текста, какъ покойный В. К. Ериптедтъ, которому переводъ, предложенный И. О. Анненскимъ для 855 стиха Реса (ἀλλὰ μῆχανᾶ τάδε): „все это Гекторъ, выдумки и ложь“, указалъ истинное чтеніе этого стиха: ἀλλὰ μῆχαναὶ τάδε (см. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897, апрѣль, отдѣлъ клас. фил., стр. 60). Несомнѣнно, что у самого переводчика за долгіе годы его работъ надъ Еврипидомъ накопился обильный запасъ наблюдений, которыя должны представлять высокій интересъ. Поэтому позволительно высказать пожеланіе, чтобы со временемъ И. О. Анненскій подѣлился съ филологами этими выводами своихъ многолѣтнихъ изысканій, конечно, на страницахъ спеціального изданія, а не въ какомъ-нибудь приложеніи къ „Театру Еврипида“.

Остается сказать нѣсколько словъ о стихотворной сторонѣ переводовъ. Совершенно не понимая варварскаго способа чтенія стиховъ „про себя“, мы, чтобы оцѣнить ее, весь томъ прочли въ слухъ, и теперь смѣло можемъ заявить, что это чтеніе для всякаго декламатора можетъ доставить одно только наслажденіе. Стихи переводовъ льются гладкой лентой, пестря богатыми декламационными красотами, даря слушателю яркіе образы и выщуклыя картины, „которыя надо взять ими-же возбужденнымъ и настроеннымъ вниманіемъ“¹⁾. Само собою разумѣется, что мѣстами громадная лента мелодіи разрывается, и кое-гдѣ проскальзываютъ стихи, которые нельзя прочесть. Такъ въ „Іонѣ“ чтеніе зацѣплялось на стихахъ:

- 1) Неужто-же кто изъ дѣвицъ дерзнулъ (стр. 452).
- 2) А Крѣуса, мать его, за Ксуѳа вышла (ibid.).
- 3) Вотъ-то нашъ. Она слѣдовъ искала
(стр. 466, хотя здѣсь, навѣрно, простая опечатка вмѣсто „вотъ то-то“).
- 4) Да развѣ жъ бы возможно было ей (480)
- 5) О старецъ—пестунъ моего отца (483).

Вотъ и всѣ случаи неловкостей для цѣлой трагедіи; а остальные трагедіи не богаче ими. Трудно указать другіе переводы, которые обнаружили бы такъ мало декламационныхъ изъяновъ при столь умышленно придирчивой оцѣнкѣ.

Эти ничтожные промахи, безъ которыхъ едва ли мыслима столь сложная работа, сторичей искупаются страницами, въ которыхъ декла-

¹⁾ Слова самого И. О. Анненскаго о Валломонтѣ (Книга отраженій, 179).

маторъ найдеть рѣдкій просторъ для своего таланта и обильную пищу для своего вкуса. Изъ сотни примѣровъ укажу одинъ: разговоръ Тесея съ Геракломъ (стр. 403—410), съ которымъ трудно разстаться и который такъ и хочется декламировать безъ конца. Прощальный монологъ Аякесты (64—65), разговоръ Ферета съ Адметомъ (79—84) и цѣлый рядъ другихъ, столь же удавшихся сценъ могутъ поспорить съ этимъ примѣромъ по силѣ впечатлѣнія и по филигранной отдѣлкѣ.

Для переводчика античной пьесы представляется еще одна весьма существенная задача. Онъ не можетъ не желать, чтобы его слушатели (я никакъ не могу примириться съ сопоставленіемъ терминовъ: „стихи“ и „читатели“) получали по возможности такое же впечатлѣніе, какое получали зрители на представленіи античной драмы. Но тогда драматургу помогали и композиторъ и декораторъ и актеръ, тогда какъ въ распоряженіи переводчика остается одно и едва ли самое могущественное изъ числа орудій сценическаго воздѣйствія—слово. Тамъ текстъ былъ однимъ изъ многихъ источниковъ впечатлѣнія, здѣсь онъ—все. Правда, фантазія слушателя дорисовываетъ слова своими пестрыми узорами, но нельзя отнять у переводчика право направлять ея полетъ по своему усмотрѣнію. И вотъ является естественное желаніе переводчика дополнить свою работу намеками и на декорацию и на игру актеровъ. Единственное для этого средство—ремарки.

Переводчику античной пьесы ихъ приходится создавать самому, потому что античные тексты свободны отъ ремарокъ.

Вопросъ о ремаркахъ составлялъ года два тому назадъ предметъ усиленныхъ обсужденій въ специальной сценической литературѣ. Драматурги, артисты и режиссеры обсуждали всесторонне вопросъ объ обязательности ремарокъ для исполнителя и о рамкахъ, которыя должны быть отводимы поэту безъ того, чтобы онъ своими указаніями не сковывалъ замысла артиста. Совершенно вѣрно указывалось при этомъ на то, что на небольшое сравнительно число обязательныхъ движеній, которыми необходимо иллюстрировать данное мѣсто пьесы, приходится очень много такихъ, гдѣ у двухъ одинаково талантливыхъ и одинаково чуткихъ исполнителей можетъ быть полное разногласіе безъ всякаго ущерба для дѣла. Поэтому лучше драматургу быть экономнѣе на ремарки и оставлять больше простора исполнителю, а затѣмъ и слушателю.

И. Ѳ. Анненскій смотритъ на дѣло, видимо, иначе и даетъ въ

отличіе отъ классиковъ сцены Расина, Мольера и Шекспира (особенно важенъ образецъ двухъ послѣднихъ—они сами были актерами) обильныя ремарки, даже тамъ, гдѣ безъ нихъ можно обойтись. Не удивительно, что противъ нѣкоторыхъ его указаній можно спорить.

Возьмемъ того же „Іона“. Во второмъ явленіи появляется на шумъ голосовъ Іонъ (стр. 454); авторъ пишетъ въ скобкахъ „мимика“ послѣ словъ Іона:

Свѣжей вѣткой лавра
Окропимъ водою плиты, птиць
Отпугнемъ, чтобы портить не летали
Свѣжіе дары. Стрѣлу въ крылатыхъ!

Что это значить? Неужели ученый поэтъ желаетъ, чтобы артистъ при словахъ „стрѣлу въ крылатыхъ“ сдѣлалъ жестъ метанія стрѣлы? Въ такомъ случаѣ актеръ допустилъ бы такъ называемый „иллюстрирующий жестъ“, что терпимо только въ опереткѣ, а никакъ не въ драмѣ. Если же И. Ѳ. Анненскій думалъ этимъ указаніемъ подчеркнуть необходимость какого-нибудь иного движенія, обозначающаго переходъ настроенія, то, во-первыхъ, такое указаніе нужно выше, гдѣ передъ словами: „но уста, сомнутыя во благо“... движеніе еще болѣе необходимо, а, во-вторыхъ, эта цѣль осуществляется не мимическимъ движеніемъ, а такъ называемымъ переходомъ: до словъ: „стрѣлу въ крылатыхъ“ Іонъ говоритъ на второмъ планѣ, а потомъ „дѣлаетъ переходъ“ на первый планъ, какъ всегда при à parte.

Еще болѣе недоумѣній возбуждаетъ редакція слѣдующихъ словъ Іона:

Пусть источникъ земной упадетъ
Касталійскою гѣной вѣнчанный
Отъ руки не познавшаго ложа
(Пауза. Іонъ кропитъ)

Такъ всегда бы, всю жизнь
Только Фебу служить...

Если жребій мѣнять, такъ только на счастье (стр. 455).

Боюсь, что слова: „Пауза. Іонъ кропитъ“ будутъ истолкованы въ томъ смыслѣ, что кропитъ Іонъ долженъ только во время паузы, между тѣмъ это движеніе обязательно для двухъ слѣдующихъ стиховъ, а самую паузу, излишнюю тамъ, гдѣ она теперь указана, надо перенести послѣ послѣдняго изъ приведенныхъ стиховъ. Теперь послѣ него И. Ѳ. Анненскій даетъ ремарку „мимическая сцена съ воображаемыми на сценѣ птицами“, но здѣсь эта игра преждевременна, и ее надо перенести на три стиха ниже передъ словами: „Гей вы

прочъ" и т. д. Точно также и ремарку въ концѣ страницы: „опускаеть и, вновь грозясь, поднимаетъ лукъ" надо разбить для ясности на двѣ части, оставивъ здѣсь слова: „опускаеть лукъ", а передъ словами „Ой смотри ты" дать ея окончаніе: снова поднимаетъ лукъ. Есть ремарки крайне загадочныя. На стр. 280 Федра должна произнести „увы" „не поднимая фаты, но приставъ", а передъ слѣдующей репликой она должна „полуспустить фату". Какъ можно полуспустить то, что только что не было поднято?

Такія замѣчанія можно сдѣлать по поводу большей части ремарокъ, предложенныхъ уважаемымъ переводчикомъ, между тѣмъ съ ними нужна особенная осторожность еще и вотъ почему. Надо питать твердую увѣренность, что рано или поздно переводы И. Ѳ. Анненскаго найдутъ доступъ на русскую образцовую сцену, вытѣснивъ оттуда тѣ, которые теперь тѣмъ-то упрочили за собой монополію на ознакомленіе публики съ античной драмой. И вотъ тогда такая неясность ремарокъ можетъ породить весьма рискованныя послѣдствія. Сценическіе дѣятели легко могутъ предположить, что эти ремарки исходятъ не отъ переводчика, а отъ самого Еврипида, и станутъ насиловать свое исполненіе, подчиняя его будто бы античному авторитету. Еще въ большее заблужденіе могутъ ввести исполнителя черезчуръ подробныя и детальныя описанія наружности персонажей, опять-таки исходящія отъ самого переводчика. Въ „Медеѣ" онъ требуетъ отъ Креонта такого облика: „онъ еще не старъ. Видъ и голосъ человѣка разсѣяннаго, живущаго порывами и впечатлѣніями. Голосу не хватаетъ увѣренности" (стр. 154). Плохо поступитъ актеръ, который послушается этихъ указаній и безъ достаточной увѣренности въ голосѣ станетъ читать хотя бы реплику: „О, тайны нѣтъ тутъ никакой", гдѣ, наоборотъ, нужно, чтобы каждое слово дышало увѣренностью.

Кой-какія указанія на счетъ наружности персонажей прямо-таки излишни. Въ одномъ мѣстѣ И. Ѳ. Анненскій требуетъ отъ Аלקесты такой игры: „Съ измѣнившимся отъ ужаса лицомъ молчить съ минуту, только перебирая губами. Потомъ поднимаетъ къ небу тонкія, бѣлыя руки, приподнимается сама, глаза ея расширяются" (стр. 63). Во-первыхъ, талантливая артистка для выраженія того же самаго настроенія сумѣетъ обойтись и безъ горячешнаго перебирания губами, а, во-вторыхъ, неужели И. Ѳ. Анненскій не пожелалъ бы видѣть свою Аלקесту въ исполненіи М. П. Ермоловой, только изъ за того, что у великой московской артистки полныя руки?

Это показываетъ, на какую опасную дорогу могутъ завести эти

ремарки. Какъ же быть съ этимъ? По моему крайнему разумѣнью, надо всѣ эти ремарки опустить. Я понимаю, что поэтъ захотѣлъ запечатлѣть тѣ картины, которыя рисовала ему фантазія. Но вѣдь у каждаго чуткаго слушателя также возникнутъ такія картины. Онѣ будутъ тѣмъ ярче и прочиѣе, что явятся результатомъ личнаго творчества, а не довѣрія къ чужой указкѣ. Обходимся же мы безъ ремарокъ у Шекспира и не жалуемся на недостаточную выпуклость создаваемыхъ однимъ его текстомъ представлений. Не будемъ же считать Еврипида въ этомъ отношеніи слабѣе англійскаго драматурга!

Мы увѣрены, что ученый поэтъ не посѣтуетъ на насъ за эти замѣчанія и возраженія. Они сдѣланы исключительно изъ опасенія, что при сценическомъ воспроизведеніи этихъ переводовъ явятся трудности по винѣ самого переводчика. А мы желали бы видѣть „Театръ Еврипида“ не только въ рукахъ филолога и друга поэзіи, но и въ рукахъ актера. Это можетъ создать новое направленіе въ области русской драмы, и тѣмъ шире просторъ грядущаго, вполне заслуженнаго, успѣха, тѣмъ съ большей тщательностью надо устранять всѣ помѣхи.

Б. Варшавскіе.

Книжныя новости.

Православная богословская энциклопедія. Томъ VI. Іоаннъ-Іоаннъ Маронитъ. Съ 42 рисунками. Составленъ подъ редакцію Н. Н. Глубоковскаго, д-ра богословія, ординарнаго профессора С.-Петербургской духовной академіи. Изданіе преемниковъ † проф. А. П. Лопухина. С.-Пб. 1906. Стр. 1026.

„Богословская энциклопедія“ далеко не имѣетъ того узкаго значенія, которое можетъ представиться на первый разъ, если судить по одному заглавію. Дѣло въ томъ, что духовный характеръ всей русской и славянской письменности, археологін, живописи, вообще старинной внѣшней культуры, а также мысли — естественно вводитъ въ кругъ своихъ изученій обширные отдѣлы „богословія“, которое въ данномъ случаѣ понимается въ самомъ широкомъ смыслѣ термина. Поэтому „Богословская энциклопедія“ окажется полезнымъ изданіемъ для всѣхъ, кто занимается или только интересуется указанными выше отдѣлами византійской и славянско-русской культуры стараго времени. Съ приглашеніемъ новаго редактора, проф. Н. Н. Глубоковскаго, общій характеръ изданія нисколько не измѣнился; въ то же время замѣчается нѣкоторое улучшение въ смыслѣ большей научности статей, иногда даже очень небольшихъ по размѣрамъ, напримѣръ, замѣтокъ по агиографіи, которыя поручаются извѣстнымъ изслѣдователямъ (большая часть ихъ написана Хр. М. Лопухинымъ). Чтобы познакомить съ тѣмъ, что читатель можетъ найти въ послѣднемъ томѣ энциклопедіи, приведемъ заглавія нѣсколькихъ статей по ли-

тературѣ, исторіи христіанскаго искусства, палеографіи и другимъ дисциплинамъ: „Іаковъ изъ Стражибра“—проф. И. С. Пальмова, „Іаковъ-михъ“—акад. Е. Е. Голубинскаго, „Іезуиты“—проф. А. И. Булгакова, проф. А. А. Бронзова и проф. А. П. Шостына, „Іероглифическое письмо“—проф. И. Г. Троицкаго, „Іеронимъ Пражскій“—проф. Пальмова, „Іерусалимъ христіанскій“—акад. Н. П. Кондакова, „Іоакимъ епископъ новгородскій“ (составитель утраченнаго гѣтописнаго свода)—акад. А. И. Соболевскаго, „Іоанникій Голятовскій“—проф. Ф. И. Титова, „Іоанникій и Софроній Лихуды“—М. Н. Сменцовскаго, „Іоаннь Златоустъ въ русской письменности“—акад. Соболевскаго, „Іоаннь Малала“—проф. И. Д. Андреева, „Іоаннь Лѣтвичникъ“—С. М. Зарипа, „Іоанпъ Мосхъ“—проф. А. А. Бронзова и др. Энциклопедія богато украшена иллюстраціями; особенное вниманіе обращаетъ на себя рядъ хорошо исполненныхъ снимковъ съ археологическихъ памятниковъ Іерусалима къ прекрасной статьѣ акад. Н. П. Кондакова. Многіе снимки впервые являются въ доступномъ изданіи на русскомъ языкѣ и сдѣланы по рѣдкимъ фотографіямъ, изготовленнымъ во время послѣдней ученой палестинской экспедиціи. Такимъ образомъ, общее впечатлѣніе отъ энциклопедіи получается такое, что она будетъ служить не только полезной справочной книгой, какъ многія изъ популярныхъ на Западѣ энциклопедій духовно-церковнаго характера, но и источникомъ самыхъ новыхъ, въ смыслѣ научности, данныхъ для знакомства съ разнообразными вопросами старинной культуры. Къ сожалѣнію, изданіе подвигается очень медленно, ежегодно выходитъ одинъ томъ, прилагаемый въ видѣ бесплатной преміи къ журналу „Странникъ“, а потому все изданіе можетъ быть закончено не раньше, чѣмъ черезъ 15 лѣтъ.

Г. В. Тристрамъ. Восточные обычаи въ вавилонскихъ странахъ. 2-е изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Переводъ В. Н. Анничковой. С.-Пб. 1906. Стр. 156. Цѣна 50 коп.

Въ 1900 г. Императорское Православное Палестинское Общество издало прекрасное сочиненіе Тристрама въ переводѣ В. Н. Анничковой, при чемъ высокая цѣна книги обуславливалась роскошной внѣшностью изданія. Въ настоящее время Общество сдѣлало ее общедоступной, и этимъ оказало существенную услугу широкой читающей публикѣ и учащимся. Сочиненіе Тристрама, написанное хорошимъ языкомъ и вполне удовлетворительно переведенное, имѣетъ цѣлью дать этнографическій комментарий къ Библейской исторіи, иллюстрируя священныя событія и изреченія обычаями жителей современнаго „неподвижнаго Востока“, въ частности Палестины, иногда географическими и топографическими указаніями, а также археологическимъ матеріаломъ. Послѣдній, конечно, въ настоящее время весьма обширенъ, и авторъ пользуется имъ въ недостаточной мѣрѣ, но это и не было главной его задачей; главнымъ матеріаломъ его былъ быть современнаго Востока, съ которымъ онъ хорошо знакомъ и который онъ весьма удачно привлекаетъ для объясненія Библии и матеріальной культуры древней Палестины.

Отмѣчаемъ нѣкоторые немногочисленные неточности и неправильности, частью оригинала, частью перевода.

Стр. 39. „Стѣны Нимруда“, а не Нимврода. Нимрудъ—современное имя мѣстности древняго Балаха съ развалинами дворца Синахарба.

Стр. 48. Рисунокъ изображаетъ не „Пиръ Навуходоносора“, а Ассурба-
нипала и его жену въ садовой бесѣдѣ за чашей вина.

Стр. 99. Авторъ все еще считаетъ „землю Синимъ“ у пр. Исаи Кн-
таемъ.

Стр. 116. Рисунокъ слѣдуетъ подписать „осада города ассириянами“, а не
„осада Самарія“.

Стр. 151 и слѣд. Фараонъ Шабака названъ Сигоромъ.

Рисунки выбраны удачно, но нерѣдко неясны и мелки.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства На-
роднаго Просвѣщенія* въ теченіе марта и апрѣля мѣсяцевъ.

— *Рязановъ, В. И.* Памятники русской драматической литературы. Школь-
ныя дѣйства XVII—XVIII вв. Приложение къ изслѣдованію „Изъ исторіи рус-
ской драмы“. Нѣжинъ. 1907. XVI+329 стр. Цѣна 2 руб.

— *Турчешевъ, Ис.* Филологическія этюды и замѣтки. Нѣжинъ. Выпускъ
первый. 1906. 48 стр. Выпускъ второй. 1907. Стр. 49—83.

— Рѣчь и отчетъ, читанные въ годичномъ собраніи Московскаго сельско-
хозяйственнаго института 26-го сентября 1906 года. М. 1906. 60+104 стр.

— *Николцовъ, В., д-ръ.* Докладъ до господина министра на народнаго про-
свѣщеніе за состояніемъ на учебнаго дѣла въ педагогическихъ училищахъ прѣвъ
учебнаго 1904—1905. година. Софія 1907. 88 стр.

— Города Россіи въ 1904 году. С.-Пб. 1906. XIII + 410 + 462 + XIV стр.
(Центральный статистическій комитетъ М. В. Д.).

— Урожай 1906 года. I. Озимые хлѣба и сѣно. Изданіе Центрального Ста-
тистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Годъ двадцать чет-
вертый. С.-Пб. 1906. XII+114 стр.+6 картогр.

— Статистика землевладѣнія 1905 г. С.-Пб. 1906. Выпускъ XII. Сямбир-
ская губернія. 43 стр.—Выпускъ XIII. Могилевская губернія. 51 стр.— Вы-
пускъ XIV. Екатеринославская губернія. 45 стр.— Выпускъ XV. Архангель-
ская губернія. 40 стр.— Выпускъ XVI. Херсонская губернія. 44 стр.— Вы-
пускъ XVII. Вологодская губернія. 52 стр.— Выпускъ XVIII. Смоленская гу-
бернія. 54 стр.—Выпускъ XIX. Мипская губернія. 46 стр.— Выпускъ XXI.
Нижегородская губернія. 52 стр.—Выпускъ XXII. Пензенская губернія. 50 стр.—
Выпускъ XXIII. Астраханская губернія. 36 стр.— Выпускъ XXIV. Орловская
губернія. 54 стр.—Выпускъ XXV. Олонецкая губернія. 41 стр.—Выпускъ XXVI.
С.-Петербургская губернія. 50 стр.— Выпускъ XXVII. Витебская губернія.
51 стр.—Выпускъ XXVIII. Сачарская губернія. 51 стр.—Выпускъ XXIX. Ко-
венская губернія. 44 стр.— Выпускъ XXX. Костромская губернія. 54 стр.—
Выпускъ XXXI. Псковская губернія. 49 стр.—Выпускъ XXXII. Тульская гу-
бернія. 53 стр.— Выпускъ XXXIII. Харьковская губернія.—52 стр.—Выпускъ
XXXIV. Виленская губернія. 45 стр.— Выпускъ XXXV. Тверская губер-
нія. 55 стр.— Выпускъ XXXVI. Уфимская губернія. 45 стр.— Выпускъ
XXXVII. Курская губернія. 57 стр.— Выпускъ XXXVIII. Новгородская гу-
бернія. 57 стр.— Выпускъ XXXIX. Ярославская губернія. 50 стр.— Вы-

пускъ XL. Пермская губернія. 52 стр. — Выпускъ XLI. Волынская губернія. 54 стр.—Выпускъ XII. Таврическая губернія. 48 стр.—Выпускъ XIII. Киевская губернія. 57 стр.—Выпускъ XLIV. Курляндская губернія. 32 стр. — Выпускъ XLV. Оренбургская губернія. 45 стр.—Выпускъ XLVI. Область Войска Донского. 47 стр. — Выпускъ XLVII. Черниговская губернія. 58 стр. — Выпускъ XI.VIII. Полтавская губернія. 58 стр.—Выпускъ XLIX. Эстляндская губернія. 31 стр.—Выпускъ L. Лифляндская губернія. 31 стр. (Центральный Статистическій Комитетъ М. В. Д.).

— Монголія и Камъ. Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, совершенной въ 1899—1901 гг. подъ руководствомъ П. К. Козлова. Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ VIII. Выпускъ послѣдній. С.-Пб. 1906. 40 стр.

— *Богородицкій, В. А.* Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. Выпускъ II. Казань 1907. 21 стр. Цѣна 25 к.

— *Богородицкій, В.* Діалектологическія замѣтки. С.-Пб. 1906. 16 стр.

— Воронежская Старина. Выпускъ шестой. Изданіе Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета. Воронежъ 1907. 305 + 129 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Паульсенъ, Фр.* Основы этики. Переводъ (съ разрѣшенія автора) съ 6-го нѣмецкаго изданія Л. А. Гурладій-Васильевой и Н. С. Васильева подъ редакціей Вл. Н. Ивановскаго. Изданіе М. Н. Прокоповича. Выпускъ второй. М. 1906. Стр. 177—474.

— *Богородицкій, В.* Наблюденія посредствомъ мышечнаго чувства надъ произношеніемъ звуковъ русскаго языка. 9 стр. (Оттискъ).

— *Богородицкій, В.* Экспериментально-фонетическое изученіе природы русскаго ударенія. 10 стр. (Оттискъ).

— *Васильевъ, Н. С.* Введеніе въ государствовѣдѣніе. Казань. 1906. 116 стр.

— *Gysi, Oscar J.* MIT OFFENEN AUGEN ÜBER LÄNDER UND MEERE. Aus dem Leben und den Erfahrungen eines Vielgereisten. Aarau 1906. 194 стр.

— *Gysi, Oscar J.* AUF DEN WEGEN DES LEBENS. Erlebnisse, Erzählungen und Novellen. Aarau 1903. 299 стр.

— *Gysi, Oscar J.* DIE JÜNGSTE VON ZWÖLFEN. Jugend-Erinnerungen aus alter Zeit. Mit dem Bilde des Verfassers. Aarau 1905. 105 стр.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

ЗЕМСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1865—1906 ГГ.) ¹⁾.

II.

Трудно съ точностью указать на ходъ развитія народнаго образованія въ Московской губернии за все время существованія въ ней земскихъ учреждений въ виду неполноты статистическихъ данныхъ по этому предмету. Тѣмъ не менѣе, на основаніи изданнаго земскою управою въ 1892 году, къ двадцатипятилѣтію земства Московской губернии, обзора можно указать, что въ 1842 году числилось всего 41 сельская школа съ 712 учениками, а въ 1867 году число ихъ приблизительно опредѣлилось уже въ 268 съ 9.411 учениками. Почти $\frac{2}{3}$ этихъ школъ были въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, изъ чего видно, что распредѣленіе школъ было крайне неравномѣрно и онѣ устраивались преимущественно въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Согласно тому же обзору, въ 1870 году числилось 348 школъ (изъ нихъ 74 въ Серпуховскомъ уѣздѣ), но о числѣ учащихся свѣдѣнія имѣются лишь по 7 уѣздамъ изъ тринадцати, при чемъ число ихъ въ 176, т. е. почти въ половинѣ школъ, показано въ 6.648.

Поименныя свѣдѣнія относительно школъ, въ содержаніи которыхъ въ томъ или иномъ видѣ принимало участіе земство, имѣются лишь съ 1882—3 учебнаго года, за который показано 429 школъ съ 25.693 учащимися. Дальнѣйшій ростъ числа земскихъ школъ и учащихся въ нихъ по губернии выражается въ слѣдующихъ данныхъ:

¹⁾ Окончаніе. См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1907 годъ.

Года.	Школы.	Учащіяся.
1883—4	445	27.117
1888—9	491	30.761
1893—4	544	36.945
1898—9	717	45.848
1901—2	816	51.593
1902—3	847	свѣдѣній нѣтъ.

Наибольшій приростъ школъ и числа учащихся наблюдается, такимъ образомъ, съ 1893—4 года, точнѣе, впрочемъ, съ 1895—6 года, когда началось правильное осуществленіе сѣтн народныхъ училищъ. Если мы обратимся къ распредѣленію земскихъ училищъ по уѣздамъ, то получимъ слѣдующія данныя за 1902—3 годъ относительно числа школъ и за 1901—2 годъ относительно числа учащихся:

У ѣ з д н.	Число школъ.	Одна школа на число душъ сельскаго населенія.	Число учащихся.	На 1.000 душъ сельскаго населенія приходится учащихся.
Московскій	121	1.580	8.885	46
Богородскій	76	2.990	4.208	18
Бронницкій	68	2.030	5.241	38
Верейскій	52	1.080	2.378	41
Волоколамскій	57	1.530	4.163	48
Дмитровскій	91	1.410	4.204	32
Звенигородскій	56	1.590	2.978	33
Клинскій	65	1.880	4.488	36
Коломенскій	62	1.600	4.101	42
Можайскій	27	2.110	1.968	34
Подольскій	62	1.450	2.559	28
Русскій	46	1.240	2.607	45
Серпуховскій	64	1.500	3.813	39
По губерніи	847	1.700	51.593	36

Сравнительно небольшое количество земскихъ школъ въ Богородскомъ уѣздѣ объясняется, во-первыхъ, значительнымъ числомъ въ

немъ фабричныхъ школъ, во-вторыхъ, большимъ количествомъ старо-обрядческаго населенія.

За 1897—98 годъ, въ которомъ была произведена однодневная перепись населенія, на тысячу душъ приходилось 33 учащихся, тогда какъ въ 1885 году ихъ приходилось лишь 24, а въ 1892 году 28. Слѣдовательно, число учащихся растетъ не только абсолютно, но и быстрѣе, чѣмъ приростъ населенія. Изъ общаго числа учащихся въ 1901—2 году дѣвочекъ было около 35 процентовъ, тогда какъ въ 1892—3 году ихъ было только 27%; слѣдовательно, особенно усиленно возрастаетъ за послѣднее время число ученицъ. Впрочемъ, земскія школы не служатъ единственнымъ средствомъ для развитія начальнаго образованія. Кромѣ нихъ, въ 1901—2 году, напримѣръ, существовало около 500 школъ, не пользовавшихся пособіемъ земства, въ томъ числѣ: 389 церковно-приходскихъ, 15 министерскихъ и около 100 школъ, содержимыхъ фабриками. За послѣднее время замѣчалось также быстрое увеличеніе и неземскихъ школъ, при чемъ за шесть лѣтъ съ 1896 по 1902 годъ число ихъ возрасло съ 283 до 500.

Возрастаніе числа земскихъ школъ наблюдается особенно съ 1896 года, когда въ засѣданіи губернскаго собранія 8—10 апрѣля состоялось постановленіе по вопросу о мѣрахъ, необходимыхъ для осуществленія общедоступности начальнаго образованія, имѣвшее рѣшительное вліяніе на увеличеніе числа земскихъ школъ въ Московской губерніи. Это постановленіе имѣетъ важное значеніе еще и потому, что въ немъ осязательно выразились отношенія, установившіяся въ Московской губерніи между губернскимъ и уѣздными земствами, а также между губернскимъ земствомъ и городомъ Москвою.

Какъ извѣстно, обсужденіе мѣропріятій по осуществленію общедоступности начальнаго образованія въ Московской губерніи составляло одну изъ задачъ совѣщанія по вопросамъ народнаго образованія со времени его учрежденія въ 1891 году. Разработка вопроса произведена была состоящей при совѣщаніи комиссіей, при дѣятельномъ участіи бывшаго предсѣдателя губернской управы г. Наумова, послѣ чего докладъ губернской управы и комиссія, согласно постановленію губернскаго собранія 20-го января 1895 года, переданъ былъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній. Кромѣ плана развитія школьной сѣти, предположенія губернскаго земства содержали также и финансовый планъ для осуществленія намѣченныхъ мѣръ. Эти предположенія не встрѣтили возраженій со стороны уѣздныхъ земствъ въ части, касавшейся собственно сѣти, но были отвергнуты большин-

ствомъ ихъ въ части, относящейся къ финансовому плану. Имѣя въ виду всецѣло взять въ свои руки осуществленіе намѣченныхъ мѣропріятій, губернская управа желала сосредоточить съ этою цѣлью въ распоряженіи губернскаго земства всѣ суммы, ввѣнмавшіяся въ пользу земствъ съ фабрикъ, заводовъ и торгово-промышленныхъ заведеній, съ равномернымъ, затѣмъ, распредѣленіемъ этихъ суммъ по всей губерніи. Это распредѣленіе предполагалось дѣлать на такомъ основаніи, чтобы болѣе бѣдные уѣзды были уравнены по возможности въ средствахъ на народное образованіе съ уѣздами богатыми. Въ виду, однако, оппозиціи со стороны уѣздныхъ земствъ губернская управа внесла на разсмотрѣніе собранія чрезвычайной сессіи 1896 года новый планъ школьной сѣти, вмѣстѣ со спискомъ подлежащихъ открытію училищъ. Новый планъ былъ построенъ на слѣдующихъ главныхъ началахъ.

Школьный районъ долженъ быть установленъ съ такимъ соображеніемъ, чтобы самое дальнее селеніе отстояло не больше 3 версты отъ школы; на каждые 100 дворовъ предполагалось около 35 дѣтей, требующихъ обученія, въ возрастѣ отъ 9 до 11 лѣтъ; нормальное число учащихся на одного учителя не должно превышать 45—60 человѣкъ; минимальное же число не должно быть менѣе 20 учениковъ. Расходъ на содержаніе школы съ райономъ свыше 120 дворовъ предположенъ въ 360 руб., а для школы съ райономъ въ 60—120 дворовъ—въ 300 руб. При проектированіи сѣти приняты были въ соображеніе всѣ существующія школы другихъ вѣдомствъ.

На основаніи этихъ данныхъ было исчислено, что къ существовавшимъ въ то время 591 земскимъ школамъ и 283 школамъ другихъ вѣдомствъ, для осуществленія общедоступности начальнаго образованія, должно быть добавлено еще 277 земскихъ школъ, изъ которыхъ 186 со 120 и болѣе дворами въ районѣ, а 91 съ 60—120 дворами въ районѣ. Что касается финансовой стороны дѣла, то управа исходила изъ того соображенія, что распредѣленіе доходности имуществъ, подлежащихъ земскому обложенію, по уѣздамъ весьма неравномерно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ уменьшается доходность подлежащихъ обложенію имуществъ, увеличивается тягость платежей, падающихъ на землю, увеличивается процентъ обложенія и уменьшается общая сумма платежей, собираемыхъ на удовлетвореніе земскихъ потребностей. По мысли управы, губернское земство должно было быть регуляторомъ, вносящимъ нѣкоторое равновѣсіе въ дѣло распредѣленія между уѣздами средствъ на удовлетвореніе потребностей насе-

ленія и хотя нѣсколько возстановляющимъ нарушенную сложившимися историческими условіями жизни несправедливость. Въ этомъ губернская управа видѣла одну изъ главнѣйшихъ задачъ губернскихъ земскихъ учреждений. Губернское земство должно было придти на помощь мѣстностямъ, которыя, вслѣдствіе высокаго напряженія платежной способности населенія, не въ состояніи своими средствами осуществить общедоступности начального обученія. Пособіемъ, по мнѣнію управы, могли бы воспользоваться тѣ земства, процентъ обложенія которыхъ не менѣе средняго въ губерніи (10, 8%). Пособіе губернскаго земства предположено было оказывать въ размѣрѣ не болѣе 80% исчисленнаго выше общаго расхода (не болѣе 288 руб. на школу съ райономъ въ 120 и болѣе дворовъ и 240 руб. съ меньшимъ райономъ; различіе между этими двумя категоріями школъ уничтожено было въ 1900 году), такъ какъ принятіе всего содержанія училищъ на счетъ губернскаго земства могло бы, по мнѣнію земства, вызвать ослабленіе самодѣятельности уѣздныхъ земствъ и недостаточную заботливость съ ихъ стороны о своихъ училищахъ. Ежегодный расходъ на содержаніе проектированныхъ училищъ—въ 127.740 руб., изъ которыхъ 41.964 руб. изъ уѣздныхъ средствъ и 85.776 руб. изъ губернскихъ.

Когда вопросъ этотъ поставленъ былъ на обсужденіе земскаго собранія въ засѣданіи 8—10 апрѣля 1896 года, гласный Шаховской заявилъ, что въ число мѣстностей, гдѣ предполагается обезпечить общедоступность начального обученія, необходимо включить и Москву, въ которой ежегодно отказывается въ приѣмъ до трехъ тысячамъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что московское земство взымаетъ сборъ съ Москвы, а ей за это ничего не даетъ. Къ этому гласный Шаховской добавилъ, что расходы на увеличеніе школъ должны въ $\frac{3}{4}$ часть на счетъ Москвы, и одновременно возбудилъ вопросъ, насколько будетъ увеличено обложеніе въ пользу губернскаго земства для осуществленія разсматриваемаго проекта и насколько правильно расходовать средства, получаемыя съ города Москвы, на потребности въ бѣднѣйшихъ уѣздахъ. На эти заявленія предсѣдатель губернской управы, повторивъ вышеуказанныя нами разъясненія управскаго доклада, указалъ на то, что расходы предположено производить изъ общей кассы на началахъ взаимопомощи, и что осуществленіе проекта не вызоветъ повышенія процента обложенія. Гласный Оленинъ добавилъ къ этому, что заявленіе о неправильномъ расходованіи средствъ, получаемыхъ съ города Москвы, не заслуживаетъ уваженія, потому что на томъ же основаніи въ уѣздныхъ собраніяхъ крупные владѣльцы могли бы за-

являть, что они платятъ больше другихъ, а не получаютъ ничего. Гласный же Кашавъ нашелъ невѣрнымъ заявленіе о томъ, будто бы Москва ничего не получаетъ отъ земства, такъ какъ, напримѣръ, въ Москву ведутъ всѣ содержимыя земствомъ пути сообщенія.

Большинствомъ голосовъ губернскае собраніе согласилось съ предположеніями управы и постановило, что всякія отступленія отъ проектированной губернской управой сѣти, предположенныя уѣздными управами, должны быть представляемы на усмотрѣніе губернскаго земскаго собранія; для сохраненія права на пособіе отъ губернскаго земства уѣздныя земства ни въ какомъ случаѣ не могутъ уменьшать число училищъ, содержимыхъ на уѣздныя средства. Рядомъ послѣдующихъ постановленій (23-го января 1898 г., 6-го марта 1899 г. и 9-го декабря 1900 г.) губернскае земское собраніе, съ цѣлью ускоренія осуществленія плана школьной сѣти, рѣшило выдавать на постройку школъ, помимо установленныхъ на этотъ предметъ пособій и ссудъ, еще дополнительныя ссуды по усмотрѣнію собранія.

При осуществленіи вышеупомянутаго плана сѣти, составленнаго, главнымъ образомъ, на основаніи теоретическихъ соображеній, послѣдній пришлось, конечно, видоизмѣнить по разнымъ причинамъ, въ виду открытія церковно-приходскихъ и другихъ школъ, что, впрочемъ, предвидѣла и губернская управа. Въ засѣданіи 9-го декабря 1900 г. губернскае собраніе поручило, поэтому, управѣ пересмотрѣть школьную сѣть по соглашенію съ уѣздными управами; работа эта закончена губернской управой только къ 1904 году.

Благодаря этимъ мѣрамъ губернскаго земства, къ 1902 году было построено уже 206 новыхъ школъ, но для осуществленія общедоступности начальнаго образованія оказалось нужнымъ выстроить еще 122, т. е. на 51 больше, чѣмъ первоначально предполагалось. Къ 1904 году оставалось, для достиженія той же цѣли, открыть еще около 86 школъ. Понятно, однако, что дѣло постройки школъ никогда не можетъ считаться вполне завершеннымъ, такъ какъ съ увеличеніемъ населенія будутъ требоваться новыя школы или расширеніе существующихъ. При проектированіи устройства новыхъ школъ постоянно имѣется въ виду сдѣлать ихъ по возможности доступными населенію установленіемъ наибольшаго разстоянія каждаго селенія отъ школы въ 3 версты. Къ 1904 году еще около 80 школъ не удовлетворяли этому требованію, однако все же разстояніе школы отъ обслуживаемаго ею селенія нигдѣ не превышало 5 верстъ. Впрочемъ, и трехверстное разстояніе отъ школы, принятое губернскимъ собраніемъ за нормальное, уже

оказываетъ влияние на посѣщаемость училища (болѣе всего въ отношеніи дѣвочекъ), особенно—если по качеству дороги сообщеніе по ней не всегда удобно. Однимъ изъ препятствій къ быстрому осуществленію общедоступности образованія является, между прочимъ, и то обстоятельство, что во многихъ уѣздахъ земство, въ виду своего финансоваго положенія, поставлено въ зависимость при постройкѣ школъ отъ согласія на участіе въ ней сельскихъ обществъ, добиться котораго не всегда удается, тѣмъ болѣе, что выдаваемые губернскимъ земствомъ ссуды и пособія на постройку иногда оказываются недостаточными. Кромѣ того, какъ ранѣе было сказано, въ дѣлѣ осуществленія школьной сѣти уѣздныхъ земства поставлены подъ извѣстный контроль губернскаго земства, безъ разрѣшенія котораго не допускаются отступленія отъ намѣченной сѣти.

Казалось бы, что относительно допустимости такихъ отступленій лучшимъ судьей было бы уѣздное земство. Между тѣмъ бывають случаи, когда губернской управой возбуждается вопросъ о нецѣлесообразности постройки школы въ предположенномъ уѣздномъ земствомъ пунктѣ. Напримѣръ, губернскимъ собраніемъ сессіи 1897 года, по докладу управы, устройство школы въ селѣ Константиновѣ Подольскаго уѣзда разрѣшено было только условно, а вопросъ объ открытіи Шувальгинской школы Рузскаго уѣзда былъ оставленъ открытымъ впредь до представленія уѣздною управой надлежащихъ свѣдѣній, доказывающихъ дѣйствительную цѣлесообразность предположеній уѣзднаго земскаго собранія. Точно также и въ 1900 году губернская управа не соглашалась на перенесеніе, по ходатайству Можайскаго земства, пункта школьной сѣти изъ деревни Липовки въ село Карженъ, впредь до представленія свѣдѣній о томъ, въ какой мѣрѣ будетъ обезпечена доступность обученія тѣмъ селеніямъ, которыя, при измѣненіи сѣти, повидимому, остались внѣ школьныхъ районовъ, но губернскимъ собраніемъ это ходатайство было удовлетворено. Такой порядокъ, съ какой бы точки зрѣнія на него ни взглянуть, представляетъ все же извѣстныя аномаліи, потому что едва ли цѣлесообразно придавать больше значенія заключенію губернской управы, основанному иногда на данныхъ, собранныхъ ея агентами, чѣмъ мнѣнію уѣзднаго земскаго собранія.

Что касается помѣщенія земскихъ школъ, то обезпеченію ихъ собственными помѣщеніями въ значительной степени способствовали утвержденныя губернскимъ земскимъ собраніемъ въ засѣданіи 28-го ноября 1895 года „обязательныя правила для постройки школьныхъ

зданій съ пособіемъ и ссудою губернскаго земства“. Эти правила содержать подробныя указанія о сооруженіи школьныхъ зданій. Въ 1901—1902 г.г. собственныя и наемныя помѣщенія земскихъ школъ распредѣлялись по уѣздамъ слѣдующимъ образомъ:

Помѣщенія.

Уѣзды.	Собственныя.	Наемныя.	Даровныя (отъ попечителей и др. лицъ).	Всего.
Московский	50	60	8	118
Богородскій	53	6	12	71
Бронницкій	62	2	4	68
Верейскій	21	25	2	48
Волоколамскій	56	—	1	57
Дмитровскій	83	1	6	90
Звенигородскій	54	—	2	56
Клинскій	56	2	1	59
Коломенскій	47	9	6	62
Можайскій	26	—	1	27
Подольскій	45	3	1	49
Русскій	39	5	2	46
Серпуховскіи	53	4	6	63
Итого	645	117	52	814

Слѣдовательно, около 79% земскихъ школъ помѣщалось въ собственныхъ зданіяхъ. Въ общемъ, школьныя помѣщенія, судя по даннымъ ревизіи г. Зиновьева, удовлетворяютъ санитарнымъ и гигиеническимъ требованіямъ. Даже мѣсто подъ постройку предварительно осматривается врачомъ, который и даетъ заключеніе о пригодности или непригодности его съ санитарной точки зрѣнія.

Сообразно правиламъ 1895 года, губернской управою, по порученію собранія, изданы были въ 1898 году и разосланы въ уѣздныя управы нормальные планы для школьныхъ построекъ, которые въ 1902 году были переданы съ измѣненіями, вызванными трехлѣтней практикой примѣненія ихъ и отзывами уѣздныхъ управъ. Разсылая эти планы въ уѣздныя управы, губернская управа указала, что они являются только примѣрными, почему и не исключаютъ составленія уѣздными земствами какихъ-либо вариантовъ и не устраняютъ необходимости рассмотрѣнія плановъ уѣздными санитарными совѣтами или

санитарнымъ врачомъ. При соблюденіи этихъ правилъ уѣздныя земства и, за поручительствомъ послѣднихъ, волостныя и сельскія общества могутъ получать ссуды и безвозвратныя пособія на постройку, перестройку, ремонтъ и расширеніе школьныхъ зданій, при чемъ по постановленію 2-го декабря 1902 года эти правила распространены и на постройку городскихъ школъ.

Условія ссудъ и пособій слѣдующія. Они выдаются на постройку школьныхъ зданій лишь при участіи въ содержаніи ихъ уѣзднаго земства и лишь для зданій, подъ которыя специально отведена земля; зданіе должно вмѣщать не менѣе 40 и не болѣе 150 учениковъ. Ссуды изъ особаго фонда выдаются въ размѣрѣ: 1.000 руб. на школу въ 40—60 учениковъ, 1.500 руб.—на школу въ 61—80 учениковъ, 2.000 руб.—на школу въ 81 до 100 учениковъ и 2.500 руб.—на школу съ 101—150 учениковъ. Безвозвратныя пособія выдаются въ размѣрѣ 500 руб., независимо отъ размѣра школы. Въ случаѣ устройства ночлежнаго пріюта выдается дополнительная ссуда въ 300 руб. Актъ осмотра выстроенной школы долженъ быть представленъ въ губернскую управу, и черезъ 10 лѣтъ по ея постройкѣ при содѣйствіи губернскаго земства, по ходатайству уѣзднаго земскаго собранія, губернскимъ земствомъ можетъ быть выдана ссуда на ремонтъ зданія въ размѣрѣ половинной стоимости ремонта, но не свыше 500 руб.; на перестройку можетъ быть выдана ссуда до 1.000 руб., черезъ 20 лѣтъ послѣ постройки школьнаго зданія, и столько же на расширеніе школьнаго помѣщенія. Кромѣ того, отъ губернскаго земскаго собранія зависитъ выдача еще дополнительныхъ ссудъ по своему усмотрѣнію. Всѣ ссуды, если онѣ назначаются не изъ спеціальныхъ капиталовъ, даются безпроцентно, съ разсрочкой на 10 лѣтъ. За послѣднее время безвозвратныхъ пособій и ссудъ выдано было губернскимъ земствомъ:

С с у д ы.

Годы.	Изъ особаго фонда.	Изъ другихъ капиталовъ.	Пособія.
1893	15.972	—	22.150
1894	12.950	—	10.889
1895	9.143	—	7.250
1896	7.807	—	4.900
1897	21.784	—	20.200
1898	28.769	—	16.137

1899 ¹⁾	59.167	110.450	35.700
1900	15.450	18.100	10.500
1901	17.750	19.200	8.239
1902	19.930	16.250	14.000

На перестройку школьныхъ зданій обращаются, кромѣ того, проценты съ пожертвованныхъ на нужды народнаго образованія капиталовъ Никольскаго (26.200 руб.) и Иванова (5.000 руб.). Распределение этихъ процентовъ производится по соглашенію губернской управы съ совѣщаніемъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ.

Большинство ходатайствъ о ссудахъ и пособіяхъ на постройку и ремонтъ школьныхъ зданій обыкновенно земствомъ удовлетворяется. При этихъ ходатайствахъ представляются, кромѣ плановъ, приговоры сельскихъ обществъ, принимающихъ на себя постройку, а иногда и содержаніе школъ. Требованіе же о представленіи въ губернскую управу акта осмотра выстроеннаго зданія рѣдко соблюдается, такъ что надзора со стороны послѣдней за выполненіемъ плановъ не установлено. Встрѣчаются случаи отступленія отъ послѣднихъ и нарушенія установленныхъ правилъ, благодаря чему иногда возникаютъ пререканія съ санитарными врачами. Исполненіе требованій губернскаго земства вызываетъ иногда затрудненія и вслѣдствіе недостаточности ссудъ и пособій для осуществленія постройки, что, разумѣется, влечетъ за собою также болѣе или менѣе значительныя отступленія отъ плановъ. Въ виду этого уѣзднымъ земствамъ приходится принимать участіе и своими средствами въ постройкѣ школъ.

Непосредственнымъ распоряженіемъ губернскаго земства выстроены были 20 школъ въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ и школа имени Бутикова. Изъ уѣздныхъ же земствъ школьное строительство наиболѣе развито въ Московскомъ, которымъ школы строятся исключительно на земскія средства безъ содѣйствія сельскихъ обществъ, отводящихъ лишь необходимыя для школы мѣста.

Что касается, наконецъ, школьной обстановки, то въ большинствѣ уѣздовъ приняты двухмѣстныя парты системы профессора Эрисмана, приспособленныя для различнаго роста, съ нѣкоторыми видо-

¹⁾ Съ 1898 г., согласно постановленію губернскаго собранія 6-го марта, дополнительныя ссуды стали выдаваться изъ запаснаго капитала. Значительный размѣръ ссудъ и пособій, выданныхъ въ томъ году, объясняется усиленіемъ строительства (102 школьныхъ зданія) и ремонта.

измѣненіями въ отдѣльных уѣздахъ. Хотя, на ряду съ этимъ, въ школахъ еще имѣется значительное количество антигигиеническихъ партъ старыхъ образцовъ, — онѣ постепенно замѣняются во всѣхъ уѣздахъ партами новѣйшихъ системъ, а Клинское земство, съ цѣлью наибольшаго приближенія размѣровъ столовъ къ росту учениковъ, произвело даже въ 1900 году черезъ врачей измѣреніе роста учащихся во всѣхъ земскихъ школахъ. Расходы по снабженію школъ мебелью лежатъ въ настоящее время повсемѣстно на земствѣ.

III.

Положеніе педагогическаго персонала въ земскихъ школахъ Московской губерніи характеризуется слѣдующими данными.

Въ назначеніи законоучителей земскія учрежденія обыкновенно не принимаютъ никакого участія. Только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ¹⁾, по установившемуся обычаю, инспектора народныхъ училищъ сносятся съ управою относительно открывшейся вакансіи, и затѣмъ входятъ съ представленіемъ къ епархіальному начальству. Выборъ кандидатовъ на должность законоучителя, впрочемъ, весьма ограниченъ, такъ какъ, по общему правилу, она замѣщается приходскимъ священникомъ и только въ случаѣ невозможности другимъ священникомъ или лицомъ, имѣющимъ право преподавать Законъ Божій. Законоучители имѣются во всѣхъ земскихъ начальныхъ училищахъ Московской губерніи и, по даннымъ за 1901 — 2 учебный годъ, на 816 земскихъ школъ было 711 законоучителей, въ томъ числѣ — 639 священниковъ, 63 діакона и псаломщика и 9 свѣтскихъ лицъ (изъ нихъ 6 учителей). Жалованіе законоучителей слагается изъ двухъ частей: изъ содержанія, уплачиваемаго имъ уѣзднымъ земствомъ, и прибавки отъ губернскаго земства. Начиная съ 1880 года, добавочное вознагражденіе выдавалось законоучителямъ поурочно, за 160 уроковъ въ годъ, изъ суммы въ 30.000 руб., ассигнуемой ежегодно, согласно постановленію 17-го декабря 1879 года, въ память 25-лѣтія царствованія императора Александра II-го. Постановленіемъ губернскаго земскаго собранія 14-го января 1900 года этотъ порядокъ былъ измѣненъ въ томъ отношеніи, что теперь добавочное вознагражденіе выдается въ размѣрѣ 60 руб. ежегодно на школу. Законоучитель можетъ быть лишенъ добавочнаго вознагражденія полностью или въ части, если, по заключенію училищнаго совѣта, препо-

¹⁾ Волоколамскій и Клинскій.

даваніе Закона Божія будетъ признано неудовлетворительнымъ, и если другія мѣры, принятыя съ цѣлью упорядоченія этого дѣла, не привели къ желательному результату. Вопросъ о неудовлетворительности преподаванія Закона Божія можетъ быть, впрочемъ, возбужденъ и самой губернской управой на основаніи имѣющихся у нея свѣдѣній; въ этихъ случаяхъ управа проситъ обыкновенно заключенія училищнаго совѣта. При установленіи добавочныхъ вознагражденій имѣлось, конечно, въ виду, помимо улучшенія матеріальнаго положенія законоучителей, дать возможность училищнымъ совѣтамъ, и косвенно и земскимъ учрежденіямъ, вліять на самый ходъ преподаванія, чего училищные совѣты лишены по закону, такъ какъ не въ правѣ увольнять законоучителей отъ должности. На практикѣ лишеніе законоучителей добавочнаго вознагражденія бываетъ весьма рѣдко. Съ 1900 г., когда были введены новыя правила, такихъ случаевъ было всего 9. Повидимому, училищный совѣтъ въ своихъ рѣшеніяхъ по этому вопросу руководствуется отчетами лицъ, ревизующихъ школы и производящихъ въ нихъ экзамены, а иногда слушается и заключеніе уѣздной управы. Что касается основнаго содержанія законоучителей изъ уѣздныхъ средствъ, то въ Московскомъ уѣздномъ земствѣ установлена плата въ 75 рублей для школы съ однимъ учителемъ, 100 руб.—съ 2-мя учителями, 125 руб.—съ тремя и 150 руб.—съ четырьмя учителями. Въ Богородскомъ уѣздѣ содержаніе законоучителямъ положено изъ уѣздныхъ средствъ въ 50—75 руб., Бронницкомъ—50 руб., Верейскомъ—25 руб., Волоколамскомъ—60 руб., Можайскомъ—30 коп. за часъ (около 48 руб. въ годъ) и т. д. Кромѣ того, Бронницкое земство ассигнуетъ извѣстную сумму на прогоны законоучителямъ, проживающимъ далѣе 5-ти верстъ отъ школы, а также вознаграждаетъ ихъ за бесѣды съ учениками въ теченіе великаго поста.

Обращаясь къ положенію преподавателей общихъ предметовъ, замѣтимъ, что, согласно дѣйствующимъ узаконеніямъ, земскимъ учрежденіямъ принадлежитъ присканіе или избраніе кандидатовъ на учительскія мѣста. Допущеніе къ исправленію учительскихъ обязанностей кандидатовъ зависитъ отъ инспектора народныхъ училищъ, а утвержденіе ихъ въ должности—отъ училищнаго совѣта. На дѣлѣ этотъ порядокъ соблюдается не вездѣ въ томъ отношеніи, что нѣкоторыя управы, представляя кандидатовъ, сейчасъ же командируютъ ихъ къ мѣсту служенія, не выжидая разрѣшенія инспектора. Это объясняется тѣмъ, что для допущенія кандидата инспекторомъ народ-

ныхъ училищъ необходимо собрать о немъ справки, на что иногда требуется продолжительное время, въ теченіе котораго въ училищѣ прекращалось бы преподаваніе. Ясно, слѣдовательно, что такое нарушение закона вызывается необходимостью и на мѣстѣ ему не придается значенія, тѣмъ болѣе, что, за единичными исключениями, всѣ представляемые управами кандидаты допускаются инспекторомъ и утверждаются совѣтомъ.

Этотъ порядокъ сдѣлался обычнымъ, особенно — въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ, въ виду многочисленности школъ, назначеніе учителей происходитъ довольно часто. Въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ открывшіяся вакансіи частью временно замѣщаются запасными учителями, частью же вышеуказанное нарушение закона предупреждается тѣмъ, что объ имѣющихся кандидатахъ заблаговременно собираются всѣ необходимыя справки, въ виду чего они, по представленіи на должность, могутъ быть немедленно допущены къ ней инспекторомъ. Это болѣе согласное съ закономъ направленіе дѣла существуетъ въ уѣздахъ Богородскомъ, Рузскомъ и Можайскомъ. Перемѣщеніе и увольненіе учителей по общему правилу происходитъ на законномъ основаніи, т. е. черезъ училищный совѣтъ. Всѣ перемѣщенія учителей въ теченіе года производятся по соглашенію инспектора народныхъ училищъ съ предсѣдателемъ управы, съ доведеніемъ до свѣдѣнія совѣта.

Къ 1902-му учебному году въ земскихъ училищахъ Московской губерніи было 1.107 лицъ преподавательскаго персонала, въ томъ числѣ 326 учителей и 781 учительница (изъ нихъ 5 помощниковъ и 34 помощницы). Кромѣ того, было 3 учителя пѣнія, 1 учитель рисованія и 1 учительница рукодѣлія. Эти лица по сословіямъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
происходящихъ отъ лицъ духовнаго званія	97	335
дворянъ и дѣтей чиновниковъ	28	160
почетныхъ гражданъ	15	36
купцовъ	1	16
мѣщанъ	46	135
крестьянъ	104	65
питомцевъ воспитательнаго дома	25	1
разнаго званія	10	33
Итого	326	781

По образованію составъ ихъ былъ:

учителей, не окончившихъ университетскаго курса	2
„ окончившихъ курсъ учительскихъ семинарій	4
„ „ „ „ духовныхъ семинарій	39
„ не окончившихъ курса духовныхъ семинарій	26
„ „ „ „ гимназій	4
„ „ „ „ прогимназій	2
„ „ „ „ духовныхъ училищъ	13
„ „ „ „ уѣздныхъ городскихъ 2 кл. и 3 кл. училищъ	27
„ окончившихъ курсъ частныхъ и профессиональ- ныхъ училищъ	10
„ „ „ „ начальныхъ училищъ и учи- лищъ низшаго разряда	2
„ получившихъ домашнее образованіе	7
учительницъ, окончившихъ курсъ институтовъ	12
„ „ „ „ учительскихъ семинарій	179
„ „ „ „ гимназій	90
„ не окончившихъ курса гимназій	15
„ окончившихъ курсъ частныхъ учебныхъ заведеній и пансіоновъ	36
„ „ „ „ Филаретовскаго духовн. учи- лища	122
„ „ „ „ епархіальныхъ духовн. учи- лищъ	172
„ „ „ „ прогимназій	74
„ „ „ „ город. и министер. 2-клас- сныхъ училищъ	26
„ „ „ „ начальн. училищъ и училищъ низш. разрядовъ	9
„ получившихъ домашнее образованіе	46

Разсмотрѣніе этихъ данныхъ показываетъ, что составъ учительницъ выше состава учителей по образованію, такъ какъ въ числѣ первыхъ 51% получившихъ среднее образованіе, тогда какъ обладающихъ такимъ образованіемъ учителей лишь 12% общаго ихъ числа. Любопытно, что практика московскаго земства доказала большую пригодность учительницъ къ преподавательской дѣятельности въ низшихъ школахъ сравнительно съ учителями. Съ годами составъ учительскаго

персонала постепенно улучшается. Имѣя въ виду, что въ 1901 — 2 учебномъ году во всѣхъ школахъ было 51.593 учащихся, окажется, что на одного преподавателя приходилось тогда около 46 учениковъ, т. е. меньше установленной въ московскомъ земствѣ максимальной нормы учениковъ (60) на одного учителя. По школамъ преподавательскій персоналъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

Съ однимъ преподавателемъ было	554
Съ двумя преподавателями	228
Волѣе, чѣмъ съ двумя преподавателями .	32

814 школы.

Содержаніе преподавателей земскихъ школъ складывается изъ жалованья, уплачиваемого имъ изъ уѣздныхъ средствъ, и приплатъ изъ средствъ губернскаго земства, которыя получаютъ всѣ уѣзныя земства, за исключеніемъ московскаго, какъ установившаго для учителей окладъ жалованья, соотвѣтствующій максимальнымъ нормамъ, до которыхъ производятся упомянутыя приплаты. Правила о приплатахъ губернскаго земства неоднократно измѣнялись и въ настоящее время дѣйствуютъ въ установленной губернскимъ собраніемъ въ засѣданіи 15-го января 1900 года редакціи ¹⁾, которая устранила неудобства прежнихъ правилъ, затруднявшихъ повышеніе учительскаго жалованья свыше нормы въ 360 руб. и вызвавшихъ недоразумѣнія между губернской и уѣздной Коломенской управами по этому поводу въ 1898 году.

Этими правилами о приплатахъ отчасти преслѣдуется цѣль поднятія образовательнаго уровня преподавательскаго персонала, такъ какъ по общему правилу приплаты производятся лишь лицамъ, имѣющимъ свидѣтельства объ окончаніи полного курса въ учительскихъ семинаріяхъ, гимназіяхъ, въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства, дающихъ права домашней учительницы, въ духовныхъ семинаріяхъ, а также имѣющихъ званіе домашнихъ учителей и учительницъ въ томъ случаѣ, если ими выдержанъ спеціальнѣй экзаменъ по русскому языку и ариметикѣ. Исключеніе дѣлается лишь для лицъ, поступившихъ на земскую службу до 1895 года, а также особо выдающихся по заслугамъ и прослужившихъ, при томъ, не менѣе 6 лѣтъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ или городѣ.

¹⁾ Эти правила распространяются и на учителей городскихъ училищъ.

Что касается размѣра приплатъ губернскаго земства, то онѣ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ службы учителей и учительницъ составляютъ 25% получаемаго жалованья и, притомъ, не свыше суммы, необходимой для возвышенія содержанія до 300 руб. Начиная же съ четвертаго года службы учителей и учительницъ приплата губернскаго земства производится въ размѣрѣ 50% жалованья; къ жалованью, превышающему 240 рублей, приплата производится лишь въ размѣрѣ, необходимомъ для возвышенія суммы содержанія до 360 рублей. Съ седьмого года службы учителей и учительницъ назначенная прибавка выдается въ прежнемъ размѣрѣ, уже независимо отъ могущаго быть увеличенія жалованья изъ мѣстныхъ средствъ, но, во всякомъ случаѣ, не свыше того, сколько нужно для возвышенія всего оклада содержанія до 420 руб. Если, начиная съ седьмого года службы учителей и учительницъ, къ получаемому ими жалованью производится надбавка изъ средствъ мѣстнаго уѣзднаго земства, то губернское земство, съ своей стороны, производитъ соотвѣтствующую первую надбавку къ своимъ приплатамъ. Однако надбавка изъ губернскихъ суммъ производится не свыше того, сколько нужно для возвышенія всего оклада содержанія до 420 руб. въ годъ. Если начиная съ одиннадцатаго года службы учителей и учительницъ въ уѣздныхъ школахъ къ получаемому ими жалованью производится новая надбавка изъ мѣстныхъ средствъ, то губернское земство, съ своей стороны, производитъ соотвѣтствующую вторую надбавку къ своимъ приплатамъ въ томъ же процентномъ отношеніи къ размѣру мѣстной надбавки, какое опредѣлено для первой надбавки. При исчисленіи прибавокъ за первое трехлѣтіе считаются года непрерывной службы въ одномъ и томъ же уѣздѣ или городѣ.

Въ этихъ правилахъ проявилось обычное стремленіе московскаго губернскаго земства регламентировать дѣятельность уѣздныхъ земствъ. Губернское земство признаетъ нормой учительскаго содержанія для всѣхъ уѣздовъ 300—450 руб., и къ установленію такой нормы направлена выдача прибавокъ, которыя уменьшаются въ зависимости отъ увеличенія жалованья изъ уѣздныхъ средствъ, приближающаго его къ указаннымъ нормамъ.

Въ настоящее время наименьшій размѣръ жалованья учителямъ, удовлетворяющимъ образовательному цензу, установленъ почти во всѣхъ уѣздахъ въ 300 руб., благодаря приплатамъ губернскаго земства, а наивышшій—въ 540 руб. (въ московскомъ уѣздномъ земствѣ). Къ этому надо добавить, что содержаніе, получаемое учителями, мо-

жетъ быть и больше указанной нормы, если они занимаются народными чтеніями, преподаваніемъ пѣнія и рукодѣлія, за что полагается особое вознагражденіе.

Кромѣ того, нѣкоторыя земства выдаютъ учителямъ награды, деньги на проѣздъ, пособія на воспитаніе дѣтей, допускаютъ учителей къ занятію должности страховыхъ субъ-агентовъ, предоставляютъ имъ участіе въ земской эмиритальной кассѣ на общемъ основаніи и назначаютъ иногда пенсіи. Что касается наградъ, то онѣ весьма незначительны и колеблются обыкновенно въ предѣлахъ отъ 10 до 25 руб. въ годъ. На воспитаніе учительскихъ дѣтей губернское земство отпускаетъ ежегодно съ 1898 года 3.000 руб. ¹⁾ въ распоряженіе предсѣдателей управъ для выдачи наиболѣе нуждающимся лицамъ учительскаго персонала. Такъ, въ 1901—2 учебномъ году, какъ видно изъ доклада управы, пособіемъ воспользовались 36 учителей съ 51 ребенкомъ, при чемъ размѣры пособія колебались отъ 40 до 150 рублей. На тотъ же предметъ, по постановленію 1900 года, губернское земство ассигнуетъ еще добавочную сумму въ размѣрѣ не болѣе половины суммы, отпускаемой на этотъ предметъ изъ уѣздныхъ средствъ. Напримѣръ, на 1903 годъ въ смѣту внесено было 3.350 руб. губернскимъ земствомъ и 2.200 уѣздными (отъ 50 до 500 руб.). Занятіе должности страхового субъ-агента можетъ дать учителю до 100 рублей. Однако такое совмѣщеніе едва ли желательно съ точки зрѣнія интересовъ педагогическаго дѣла, хотя, по постановленію губернскаго земскаго собранія 19-го января 1900 года, учителя могутъ занимать вышеуказанную должность лишь съ разрѣшенія училищнаго совѣта, районъ ихъ дѣятельности не долженъ быть больше 12 верстъ и исполнять обязанности по этой должности они могутъ только въ праздничные дни и во время каникулъ.

Въ общемъ необходимо признать, что всѣ эти мѣры по матеріальному обезпеченію народныхъ учителей далеко недостаточны. Земство сознаетъ это, но устраненіе недостатковъ находится въ зависимости отъ финансоваго положенія, которое въ настоящее время не можетъ считаться удовлетворительнымъ. Улучшенію быта учащихся нѣсколько содѣйствуютъ общества взаимопомощи учащимъ и учившимъ въ начальныхъ училищахъ или служащимъ и служившимъ въ земствѣ. Общества взаимопомощи учащимъ имѣются въ Можайскомъ, Волоколамскомъ и Серпуховскомъ уѣздахъ, а общества взаимопомощи служа-

¹⁾ Пособіе имени А. А. Оленина.

щимъ въ земствѣ—въ уѣздахъ Московскомъ, Клинскомъ, Дмитровскомъ, Богородскомъ и Подольскомъ, при чемъ въ послѣднихъ обществахъ главный контингентъ составляютъ также учителя и учительницы. Нѣкоторыя уѣздныя земства оказываютъ этимъ обществамъ денежную поддержку, а въ 1898 году губернской управою возбужденъ былъ вопросъ о содѣйствіи этимъ обществамъ со стороны губернскаго земства. Повидимому, однако, этотъ вопросъ донинѣ окончательно не рѣшенъ. Дѣятельность разсматриваемыхъ обществъ проявляется главнымъ образомъ въ выдачѣ ссудъ и пособій на лѣченіе, а также на воспитаніе дѣтей; нѣкоторыя изъ нихъ организуютъ выпускъ журналовъ для своихъ членовъ; Серпуховское, помимо того, проектировало устройство санаторіи и общежитія для обучающихся въ Серпуховѣ дѣтей членовъ общества. На собраніяхъ такихъ обществъ иногда дѣлаются доклады, напримѣръ: о правовомъ положеніи учителей, о судахъ чести, о союзѣ учительскихъ обществъ и т. д.

Подготовку учителей для начальныхъ школъ приняло на себя губернское земство, которое содержитъ 30 стипендіатовъ въ 3-ей учительской семинаріи Московскаго учебнаго округа, замѣщаемыхъ управою. Окончивъ курсъ, стипендіаты обязаны прослужить 6 лѣтъ учителями на жаловань не менѣе 200 руб. въ годъ; они получаютъ одновременно, на обзаведеніе, 40 руб. и по 10 руб. на проѣздъ къ мѣсту служенія. Каждый стипендіатъ обходится земству въ 120 руб. въ годъ. Въ управленіи семинаріей земство никакого участія не принимаетъ, однако интересуется цѣлесообразностью осуществленія ею своихъ задачъ. Такъ, напримѣръ, въ засѣданіи губернскаго земскаго собранія 9-го декабря 1902 г. постановлено было поручить управѣ и совѣщанію по вопросамъ народнаго образованія обсудить при участіи директора учительской семинаріи вопросъ о болѣе правильной постановкѣ преподаванія въ семинаріи. Тотъ же вопросъ обсуждался и въ совѣщаніи предсѣдателей управъ 5-го іюня 1903 года, которое рѣшило возбудить ходатайство о включеніи представителя отъ земства въ педагогическій совѣтъ семинаріи. Заботы земства не остались безплодными, и на обновленіе личнаго состава управленія семинаріи обращено было серьезное вниманіе.

Помимо того, губернское земство содержитъ еще на свой счетъ 30 стипендій въ женской учительской семинаріи г-жи Чепелевской и 21 въ учрежденномъ при ней приготовительномъ училищѣ. Въ общемъ, на подготовленіе учителей и учительницъ въ 1903 году губернскимъ земствомъ ассигновано было 17.440 рублей. Ради той же цѣли улучше-

ніа учительскаго персонала губернскаго и уѣзднаго земства участвуютъ, кромѣ того, на точномъ основаніи правилъ, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 5-го августа 1875 года и 26-го ноября 1899 года, въ устройствѣ временныхъ педагогическихъ курсовъ для учителей и учительницъ начальныхъ училищъ, а также съѣздовъ тѣхъ же лицъ.

Вопросъ объ этихъ съѣздахъ обсуждался въ засѣданіи 31-го января 1898 г., при чемъ губернскаго земскаго собранія признало желательнымъ, чтобы учительскія собранія были поуѣздными и устранились периодически, и приняло на себя половину расходовъ по организациіи этихъ собраній. Въ томъ же засѣданіи губернскаго земства постановило ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи вновь учительскихъ съѣздовъ, воспрещенныхъ циркуляромъ этого министерства въ 1885 году. Правда, противъ этого ходатайства возражали, что учительскій персоналъ недостаточно подготовленъ для принятія участія въ самостоятельномъ разрѣшеніи вопросовъ школьной жизни, что возможны столкновенія между постановленіями съѣздовъ и училищныхъ совѣтовъ. Одержало, однако, верхъ мнѣніе сторонниковъ съѣздовъ, видѣвшихъ въ нихъ одно изъ лучшихъ средствъ для развитія учителей, а также способъ ознакомленія земствъ съ нуждами школы. Въ результатѣ правила о съѣздахъ изданы были въ установленномъ порядкѣ 26-го ноября 1899 года.

Въ августѣ 1901 года московское уѣздное земство организовало съездъ учителей, на которомъ присутствовало 199 лицъ учительскаго персонала, при чемъ на разсмотрѣніе его представлено было 32 доклада. Такой же съездъ организованъ былъ Бронницкимъ уѣзднымъ земствомъ въ декабрѣ 1902 г. и, по отзыву инспектора народныхъ училищъ, прошелъ съ полнымъ успѣхомъ.

Въ послѣднее время министерствомъ народнаго просвѣщенія представлено директорамъ народныхъ училищъ устраивать конференціи учителей по педагогическимъ вопросамъ подъ предсѣдательствомъ инспекторовъ народныхъ училищъ¹⁾. Такія конференціи являются хорошимъ суррогатомъ съѣздовъ, и развитіе ихъ можетъ удовлетворить несомнѣнно существующей въ средѣ учителей потребности въ общеніи между собою.

Въ 1901 году московское губернскаго земскаго собранія, въ засѣданіи 8-го декабря, постановило поручить губернской управѣ, при со-

¹⁾ См. циркуляръ 9-го августа 1903 года № 2530.

дѣйствіи совѣщанія по вопросамъ народнаго образованія, разработать вопросъ объ устройствѣ губернскихъ общеобразовательныхъ курсовъ для учащихся въ земскихъ школахъ. Въ докладѣ по этому предмету, внесенномъ въ чрезвычайное засѣданіе 1902 года, большинство совѣщанія и управа, высказываясь въ пользу такихъ курсовъ, видѣли ее, между прочимъ, въ томъ, что курсы способствуютъ подъему умственныхъ и нравственныхъ силъ учителей и являются самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для устраненія противорѣчій, которыми полна жизнь этихъ просвѣтителей темной массы народа. Послѣ жаркихъ преній одержало верхъ мнѣніе, согласно которому учителя—серьезные работники въ важномъ общественномъ дѣлѣ и выполняютъ на мѣстахъ тѣ обязанности, которыя возложены на земскія учрежденія, а потому земство заинтересовано въ томъ, чтобы, при общеніи съ народомъ, учителя были на высотѣ своего положенія, обеспечивающаго плодотворность ихъ вліянія. Въ результатѣ большинствомъ голосовъ постановлено было устроить въ 1903 году для учителей общеобразовательные курсы, программа которыхъ должна была быть выработана комиссіей, образованной при совѣщаніи по вопросамъ народнаго образованія, при участіи особо приглашенныхъ свѣдущихъ лицъ. На расходы по устройству этихъ курсовъ ассигновано было 4 тысячи рублей, а большинство уѣздныхъ земствъ ассигновало на поѣздку учителей на курсы необходимыя средства.

IV.

Обратимся теперь къ характеристикѣ общей постановки учебнаго дѣла земствомъ въ Московской губерніи.

По вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ учащіеся въ новѣйшее время распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) *по вѣроисповѣданіямъ*: 1) православныхъ 50.030 человекъ; 2) старообрядцевъ 1.475 и 3) прочихъ вѣроисповѣданій 88 человекъ; б) *по сословіямъ*: 1) крестьянскихъ и солдатскихъ дѣтей 47.768 человекъ; 2) цеховыхъ 1.862 человекъ; 3) питомцевъ воспитательнаго дома 1.187 и 4) другихъ сословій 776 человекъ. Обыкновенный возрастъ учащихся—отъ 8 до 14 лѣтъ и только изрѣдка въ числѣ ихъ встрѣчаются дѣти, имѣющія менѣе 8 лѣтъ отъ роду.

Въ 1901—2 учебномъ году на школу въ среднемъ приходилось около 63 учениковъ. Количество ихъ распредѣлялось по отдѣльнымъ школамъ очень неравномѣрно. Такъ, по даннымъ 1902 года—въ довольно значительномъ числѣ школъ учениковъ было больше, чѣмъ

должно вмѣщать классное помѣщеніе, считая по 2 кв. арш. пола на ученика. Приблизительное процентное отношеніе переполненныхъ школъ къ общему ихъ числу было слѣдующее:

У ѣ з д ы.		У ѣ з д ы.	
Богородскій	40	Коломенскій	54
Бронницкій	60	Можайскій	74
Верейскій	50	Московскій	20
Волоколамскій	71	Подольскій	12
Дмитровскій	18	Рузскій	34
Звенигородскій	26	Серпуховскій	37
Клинскій	43		

Что же касается школъ, въ которыхъ меньше 20 учащихся и которыя признаются пустующими, то такихъ было всего восемь въ уѣздахъ: Богородскомъ (1), Дмитровскомъ (6) и Рузскомъ (1). Недостаточное заполненіе школъ объясняется обыкновенно случайными причинами: открытіемъ ближе къ мѣсту жительства учащихся школы другого вѣдомства, развитіемъ отхожихъ промысловъ и т. д. По школьнымъ отдѣленіямъ учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: I—24.190; II—18.658; III—8.655; IV—42.

Одной изъ слабыхъ сторонъ школьнаго дѣла являются частые пропуски уроковъ учащимися, отражающіеся на успѣхахъ не только самихъ учениковъ, пропускающихъ уроки, но часто и всей школы. По даннымъ, собраннымъ губернскою управою въ 1896—97 гг., на каждаго учащагося приходилось въ среднемъ 8 пропущенныхъ учебныхъ дней. Главными причинами пропусковъ служатъ причины экономическаго характера, въ которыхъ относятся плохая одежда и питаніе, болѣзни, домашнія работы и т. д. Тѣ же условія еще болѣе вліяютъ на процентъ учащихся, выбывающихъ изъ школы до окончанія курса. Такъ, въ теченіе 1901—2 учебного года выбыло изъ школъ до окончанія курса 7.845 учащихся, что составляетъ около 17% общаго ихъ числа. По произведенному въ 1899 и 1900 годахъ изслѣдованію оказалось, что болѣе половины случаевъ выбытія обусловлены неимѣніемъ надлежащаго платья и необходимостью работать дома.

Еще болѣе поражаетъ своею незначительностью число окончивающихъ курсъ по отношенію къ общему числу учащихся. Въ 1901—1902 гг. окончили курсъ всего 7.061 ученикъ или 13,7% общаго числа учащихся. Процентъ этотъ выше въ отношеніи къ мальчикамъ,

для которыхъ окончаніе курса соединено съ полученіемъ льготы по отбыванію воинской повинности, тѣмъ для дѣвочекъ, для которыхъ выпускной экзаменъ не имѣетъ такого практическаго значенія.

Необходимость ослабить по возможности причины экономическаго характера, мѣшающія учащимся аккуратно посѣщать школу и влияющія на преждевременное выбитіе ихъ изъ послѣдней, не разъ озабочивала московское земство и обсуждалась имъ. Результатомъ обсуждения этого вопроса въ совѣщаніи по народному образованію явилось возбужденное губернскимъ земскимъ собраніемъ ходатайство о разрѣшеніи устройства коллегіальныхъ попечительствъ, какъ дѣйствительнаго средства для улучшенія матеріальнаго положенія учащихся. Наряду съ этимъ намѣчена была и необходимость образованія обществъ вспоможенія учащимся.

Съ тою же цѣлью нѣкоторые земства приняли участіе въ устройствѣ горячихъ завтраковъ или такъ называемаго приварка для учащихся, особенно во время постовъ. Въ 1903 году, напримѣръ, земствами было ассигновано на этотъ предметъ: Клинскимъ 1.200 руб., Можайскимъ 200 руб., Рузскимъ 200 руб. и Подольскимъ 710 руб. Вопросъ о приваркѣ возбужденъ былъ и другими земствами, просившими о выдачѣ имъ пособія на этотъ предметъ изъ средствъ губернскаго земства. Бывшій въ маѣ 1902 года съѣздъ врачей, на обсужденіе котораго губернской управой переданъ былъ этотъ вопросъ, призналъ устройство приварка желательнымъ и нашелъ необходимымъ для обсужденія этого дѣла учредить при управахъ совѣщательныя комиссіи изъ представителей педагогическаго и врачебнаго персоналовъ. Съ своей стороны губернская управа высказалась противъ участія губернскаго земства въ устройствѣ приварка, находя, что организація приварка является ближайшимъ образомъ дѣломъ проектированныхъ школьныхъ попечительствъ и благотворителей, и что участіе земствъ въ этомъ дѣлѣ можетъ, до известной степени, „ослабить мѣстную самодѣятельность“. Къ сожалѣнію, тѣмъ же это принято было и большинствомъ губернскаго собранія 9-го декабря 1902 года.

Къ мѣрамъ, принимаемымъ съ цѣлью достиженія болѣе аккуратнаго посѣщенія училищъ, относится также производимое нѣкоторыми земствами, напр. Московскимъ (1.500 руб.), Бронницкимъ (100 руб.) и Коломенскимъ (300 руб.), ассигнованіе средствъ для снабженія учащихся платьемъ.

Все это лишній разъ доказываетъ, что заботы о хозяйственной

части земскихъ училищъ, входящія по закону въ компетенцію земскихъ учреждений, не могутъ быть совершенно отдѣлены отъ нѣкотораго вмѣшательства и въ часть учебно-воспитательную, независимо отъ того вліянія, которое предоставлено земству въ этомъ отношеніи путемъ избранія своихъ представителей въ училищные совѣты. Очевидно, что, ассигнуя средства на ту или иную потребность школьнаго дѣла, земство не можетъ не имѣть въ виду конечной цѣли своихъ мѣропріятій, а именно—желательной постановки учебно-воспитательной части въ школахъ. Поэтому оно естественно не можетъ совершенно устранить себя отъ обсужденія вопросовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе прямое отношеніе къ указанной части. Всякій разъ, когда возникалъ вопросъ объ ассигнованіи суммъ на какую-нибудь новую надобность учебнаго дѣла, московское земство подвергало его, разумѣется, всестороннему обсужденію въ совѣщаніи по вопросамъ народнаго образованія, земскихъ собранійхъ и земскихъ управахъ—не только съ хозяйственной точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія учебно-воспитательной. Выработанныя при этомъ взгляды на учебно-воспитательную часть, несомнѣнно проводимые представителями земства въ училищныхъ совѣтахъ, имѣютъ и помимо этого большое вліяніе на всю постановку школьнаго дѣла, стоящаго въ матеріальномъ отношеніи въ полной зависимости отъ земства. Съ этими взглядами считаются не только училищные совѣты и уполномоченныя ими для производства ревизій и экзаменовъ лица, но и дирекція училищъ, а также, что самое главное, учителя, лично зависящіе въ матеріальномъ отношеніи отъ земства. Поэтому, по существу дѣла, земскія учреждения до известной степени отвѣтственны и за постановку учебно-воспитательной части въ земскихъ школахъ.

Въ 1894 году, въ докладѣ своемъ по вопросу объ установленіи возможной связи между земскою начальною и церковно-приходскою школами, московская губернская управа, между прочимъ, высказала, что московское земство не только въ силу закона, но и по собственному побужденію, всегда стремилось въ доступной ему мѣрѣ „къ осуществленію идеала школы церковной по духу и органически связанной съ приходскою общиною“. Признавая, что цѣль религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся лучше всего можетъ быть достигнута правильной постановкой въ школахъ преподаванія Закона Божія, губернское земство приняло мѣры къ улучшенію матеріальнаго обезпеченія законоучителей, постановивъ ассигновать на этотъ предметъ ежегодно, по случаю 25-тилѣтія царствованія императора Александра II,

30.000 руб. Эта сумма была затѣмъ увеличена, согласно постановленію собранія 14-го января 1900 года, такъ что въ 1903 году она достигла уже 50½ тысячь рублей.

Большое вниманіе уѣлило губернское земство также обученію дѣтей церковному пѣнію и участію ихъ въ церковныхъ хорахъ. Въ принятомъ губернскимъ собраніемъ въ засѣданіи 31-го января 1898 г. докладъ совѣщанія по вопросамъ народнаго образованія 1897 года о совмѣстности обученія пѣнію въ школахъ съ участіемъ учащихся въ церковномъ хорѣ говорилось, между прочимъ: „дать возможность дѣтямъ не только сознательно относиться къ церковному богослуженію, но и до извѣстной степени въ немъ участвовать,—это составляетъ одну изъ главныхъ задачъ, къ разрѣшенію которыхъ должна стремиться наша начальная школа. Къ этой цѣли должно быть направлено преподаваніе Закона Божія и обученіе славянской грамотѣ; къ ней же должно вести и обученіе церковному пѣнію“. По постановленію губернскаго собранія 26-го января 1895 года губернское земство приняло на себя половину расходовъ по устройству курсовъ церковнаго пѣнія для преподавателей и приглашенію руководителей курсовъ и наблюдателей за преподаваніемъ пѣнія въ школахъ (не свыше 500 руб. въ годъ на одни курсы и одного руководителя), а также ассигновало по 10 руб. на школу для выдачи въ награду преподавателямъ за обученіе пѣнію, при условіи расходованія уѣзднымъ земствомъ такой же суммы. Въ 1903 году ассигнованіе губернскаго земства на этотъ предметъ равнялось 650 рублямъ.

Препятствіемъ къ широкой постановкѣ религіозно-воспитательной части въ земскихъ школахъ Московской губерніи является, помимо недостатка руководящей и объединяющей дѣятельности со стороны училищныхъ совѣтовъ, отсутствіе дружной работы въ этомъ отношеніи между учителями и законоучителями. Среди учащихся преобладаетъ убѣжденіе, что религіозно-нравственное воспитаніе всецѣло лежитъ на обязанности законоучителей. Въ результатѣ—нерѣдко рознь, обостреніе личныхъ отношеній и жалобы учителей на законоучителей и обратно, что, разумѣется, отражается и на порученномъ законоучителямъ и учителямъ дѣлѣ воспитанія.

Что касается специально преподаванія Закона Божія, то, согласно отчетамъ инспекторовъ народныхъ училищъ и по даннымъ училищныхъ совѣтовъ, успѣхи въ этомъ предметѣ программы народной школы въ общемъ должны быть признаны удовлетворительными, хотя, благодаря принятымъ многими законоучителями механическимъ приѣмамъ

обученія, приобретаемыя учащимися познанія далеко не всегда можно назвать сознательными. Механическіе способы обученія выражаются не только въ требованіи зазубриванія слово въ слово по учебнику, но и въ слишкомъ слѣпомъ слѣдованіи программѣ, проявляющемся, между прочимъ, въ томъ, что ученикамъ младшаго отдѣленія не только не дается основныхъ понятій о совершаемыхъ богослуженіяхъ, но и о бывшихъ только что или предстоящихъ праздникахъ, на томъ основаніи, что изученіе Новаго Завѣта должно происходить во второмъ, а объясненіе богослуженія лишь въ третьемъ отдѣленіи. Простыя объяснительныя бесѣды законоучителя съ начинающими учениками по этимъ предметамъ могли бы безъ ущерба для дѣла замѣнить нѣкоторыя подробности въ изученіи исторіи Ветхаго Завѣта, тѣмъ болѣе, что такія бесѣды сами собою напрашиваются въ виду имѣющихся въ большинствѣ училищъ изображеній главныхъ праздниковъ.

Церковное пѣніе преподается теперь во всѣхъ уѣздахъ, хотя еще далеко не во всѣхъ школахъ и, притомъ, не вездѣ систематически. Особенное вниманіе на этотъ предметъ обращено въ Богородскомъ уѣздѣ, гдѣ на расходы по обученію пѣнію въ 1903 году ассигновано было 2.150 рублей, при чемъ изъ этой суммы покрыты были расходы по устройству курсовъ пѣнія, по вознагражденію специалиста по пѣнію и выдачѣ наградъ учителямъ (въ 1904 году по 60 руб.). Пѣніе правильно преподается въ 26 школахъ изъ 71. Въ курсахъ, устроенныхъ лѣтомъ 1903 года и продолжавшихся 29 дней, приняли участіе 29 учителей и учительницъ. Вышеупомянутый специалистъ по пѣнію, помимо руководства на курсахъ, объѣзжаетъ въ теченіе года училища съ цѣлью надлежащей постановки преподаванія пѣнію. Въ прочихъ уѣздахъ, за исключеніемъ Бронницкаго, земство также ассигнуетъ извѣстныя суммы на преподаваніе пѣнія, напр.: Коломенское 1.200 р. (по смѣтѣ 1904 года), Московское 800 руб., и прочія—отъ 48 до 600 руб. Изъ этихъ суммъ выдаются награды учителямъ за преподаваніе пѣнія (отъ 10 до 50 руб.), покупаются музыкальные инструменты и ноты, а въ нѣкоторыхъ (Верейскій, Коломенскій уѣзды) нанимаются, подобно Богородскому уѣзду, специалисты для надлежащей постановки дѣла. По даннымъ 1901—2 учебнаго года пѣніе преподавалось:

Въ Бронницкомъ уѣздѣ . . .	въ 18 школахъ изъ	68
„ Верейскомъ „ . . .	„ 22 „ „	48
„ Волоколамскомъ „ . . .	„ 18 „ „	57

„ Дмитровскомъ	„ . . . „	36	„ „	90
„ Звенигородскомъ	„ . . . „	27	„ „	56
„ Клинскомъ	„ . . . „	15	„ „	59
„ Коломенскомъ	„ . . . „	32	„ „	62
„ Можайскомъ	„ . . . „	10	„ „	27
„ Московскомъ	„ . . . „	48	„ „	118
„ Подольскомъ	„ . . . „	14	„ „	57
„ Рузскомъ	„ . . . „	15	„ „	46
„ Серпуховскомъ	„ . . . „	30	„ „	63

Въ настоящее время число школъ, въ которыхъ преподается пѣніе, значительно больше, и во многихъ мѣстахъ учащіеся образуютъ церковные хоры или участвуютъ въ нихъ.

По программѣ министерства народнаго просвѣщенія 1897 года, въ народныхъ училищахъ, кромѣ церковнаго пѣнія, полагается также преподаваніе пѣнія народныхъ и военныхъ пѣсенъ патріотическаго и бытового характера, въ цѣляхъ возбужденія въ учащихся чувства любви къ отечеству. Однако такого рода пѣніе, за самыми рѣдкими исключеніями, совершенно отсутствуетъ въ земскихъ школахъ, и даже народный гимнъ поется только въ немногихъ школахъ. Напротивъ, пѣніе молитвъ сравнительно хорошо поставлено.

Согласно той же программѣ, по своей задачѣ и духу преподаванія къ Закону Божію примыкаетъ, какъ ближайшее пособіе для него, церковно-славянская грамота. Однако, по отзывамъ инспекторовъ и членовъ училищныхъ совѣтовъ, предметъ этотъ поставленъ въ земскихъ школахъ слабѣ другихъ.

Остальные предметы училищной программы (русскій языкъ, чистописаніе и ариметика) въ общемъ поставлены удовлетворительно. Менѣе удовлетворительно преподаются учащимся такъ называемыя дополнительныя свѣдѣнія, приобретаемыя, согласно программѣ, при объяснительномъ чтеніи, а именно: свѣдѣнія по исторіи, географіи и естественнымъ наукамъ.

Условія преподаванія въ земскихъ школахъ далеко не вездѣ благоприятны. Въ большинствѣ случаевъ учителю приходится одновременно заниматься въ 3-хъ отдѣленіяхъ школы, въ одной и той же классной комнатѣ; въ нѣкоторыхъ, хотя и рѣдкихъ, случаяхъ два учителя занимаются въ одной комнатѣ. Частые пропуски уроковъ учащимися также вредно отзываются на правильномъ ходѣ занятій, особенно при непродолжительности (въ среднемъ 163 дня въ году)

учебнаго времени. Въ виду краткости учебнаго времени многими уѣздными земствами и училищными совѣтами возбужденъ вопросъ о введеніи четырехлѣтняго курса обученія и объ изысканіи необходимыхъ для этого средствъ. Съ разрѣшенія учебнаго начальства такой курсъ, въ видѣ опыта, былъ введенъ въ двухъ училищахъ Московскаго уѣзда и по одному училищу Волоколамскаго, Клинскаго и Можайскаго уѣздовъ.

Руководѣніе преподается лишь въ нѣсколькихъ школахъ, и преподаваніе его не достигло еще достаточнаго развитія. По даннымъ 1901—2 учебнаго года оно преподавалось въ 132 земскихъ школахъ изъ 816, но число это въ настоящее время сильно возросло, такъ какъ въ одномъ Московскомъ уѣздѣ руководѣніе преподается въ 81 школѣ изъ 122. На вознагражденіе преподавательницъ и покупку матеріала земства ассигнують извѣстныя суммы, въ томъ числѣ московское 1.800 руб., а остальные—отъ 10 до 400 руб.

Ремесла, рисованіе, огородничество, пчеловодство и садоводство преподаются въ видѣ исключенія. Только 5 земствъ дѣлають ассигнованія на преподаваніе огородничества и садоводства, главнымъ образомъ на командировки учителей на курсы огородничества и плодоводства при школѣ садоводства на дачѣ Студенецъ ¹⁾. По даннымъ 1901—2 г. ремесла (столярное, токарное и переплетное) преподавались въ 11 школахъ, а огородничество, садоводство и пчеловодство въ 36. Но тѣмъ же даннымъ рисованіе и черченіе преподавались лишь въ 8 школахъ. Кромѣ того, губернское земство содержитъ классы рисованія при Гжельской и Рѣчицкой школахъ (промышленный районъ) Бронницкаго уѣзда, на что ассигнуеть 1.200 руб. въ годъ. Конечно, обученіе ремесламъ, рисованію и черченію, огородничеству и садоводству весьма желательно; однако нельзя не признать, что соединеніе его съ обученіемъ предметамъ училищной программы весьма затруднительно, тѣмъ, главнымъ образомъ, и объясняется малое развитіе такого обученія. Ремесленное и, вообще, прикладное обученіе могло бы производиться лѣтомъ, но въ это время года трудно ожидать правильнаго посѣщенія школъ.

За обученіе въ школахъ земствомъ никакой платы не взимается, но въ нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ установлена незначительная плата ²⁾ съ дѣтей лицъ, не принадлежащихъ къ обществу и не-

¹⁾ Бронницкое—195 руб., Звенигородское—50 руб., Можайское—20 руб., Московское—150 руб. и Серпуховское—100 руб.

²⁾ Обыкновенно 3 рубля.

участвующихъ въ постройкѣ и содержаніи школъ. Для производства ревизій и экзаменовъ всѣ школы распределяются училищными совѣтами между предсѣдателями и членами означенныхъ совѣтовъ, а также лицами, приглашенными по ст. 41 положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, и земскими начальниками. Экзамень производится, по возможности, въ каждой школѣ отдѣльно и, притомъ, во всѣхъ отдѣленіяхъ. Лишь въ видѣ исключенія нѣсколько школъ соединяются вмѣстѣ. Такой порядокъ производства экзаменовъ, а также двухкратное посѣщеніе школы въ теченіе года признаны желательными постановленіемъ губернскаго собранія 29-го января 1900 года, при чемъ, какъ уже мы ранѣе указывали, соблюденіемъ этого порядка обусловлено участіе губернскаго земства въ вознагражденіи лицъ, завѣдующихъ хозяйственною частью училищъ. Экзаменаціонныя комиссіи составляются, подъ предсѣдательствомъ упомянутыхъ лицъ, уполномоченныхъ училищными совѣтами, изъ законоучителей, учителей и попечителей. Отчетъ представляется совѣту, который и выдаетъ свидѣтельство объ окончаніи курса. Что касается посѣщенія ревизорами школъ въ теченіе года, то, по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и въ настоящее время извѣстное число школъ вовсе ими не посѣщается. Такое отсутствіе наблюденія за столь важнымъ предметомъ, какъ начальное образованіе, нельзя не считать крайне нежелательнымъ явленіемъ.

Лучшимъ доказательствомъ того, что сельское населеніе сочувственно относится къ школѣ вообще и земской въ частности, служитъ переполненіе земскихъ школъ, несмотря на быстро растущее количество, какъ ихъ, такъ и другихъ однородныхъ училищъ. Предпочтенія церковно-приходскихъ школъ земскимъ, или наоборотъ, не замѣчается. Крестьяне посылаютъ своихъ дѣтей въ ту школу, которая ближе и въ которой, по ихъ мнѣнію, учать лучше.

О благопріятной дѣятельности начальныхъ школъ Московской губерніи наглядно свидѣтельствуютъ успѣхи грамотности среди населенія губерніи, показателемъ чего можетъ, между прочимъ, служить возрастаніе числа грамотныхъ новобранцевъ. По даннымъ 1887 года процентъ грамотныхъ среди новобранцевъ равнялся 63,5; въ 1892 г.—71,6; въ 1897 г.—85,5 и въ 1902 г.—85,8.

Въ большинствѣ уѣздовъ выборъ учебниковъ и пособій, изъ числа одобренныхъ для начальныхъ училищъ, производится училищнымъ совѣтомъ или инспекторомъ училищъ, при чемъ нѣкоторыми училищными совѣтами отъ времени до времени утверждается нормальная табель

такихъ учебниковъ и пособій. Нѣкоторые училищныя совѣты производятъ выборъ по совѣщанію съ учителями. Отступленія отъ этого порядка наблюдаются чаще въ Московскомъ и Подольскомъ уѣздахъ, гдѣ, по словамъ инспекторовъ народныхъ училищъ, управы снабжаютъ школы книгами и пособиями по своему усмотрѣнію. Болѣе существеннымъ недостаткомъ принятой въ московскомъ земствѣ системы является разнообразіе учебниковъ въ школахъ, которое доходитъ до того, что иногда въ одной и той же школѣ имѣются разные учебники по одному и тому же предмету. Неудобства такого порядка явствуютъ сами собою.

Закупку книгъ и пособій производятъ уѣздныя управы, пользуясь болѣе или менѣе значительными скидками съ продажныхъ цѣнъ, при чемъ большая часть ихъ закупаетъ книги и пособия въ крупныхъ московскихъ магазинахъ и рѣдко въ складахъ изданій. Только Дмитровская, Рузская, Можайская и Серпуховская управы покупаютъ книги у мѣстныхъ книготорговцевъ. Вышеупомянутая скидка колеблется для учебниковъ въ предѣлахъ отъ 10% до 22%, но иногда скидки бываетъ и больше.

Что касается такъ называемыхъ наглядныхъ пособій (картинъ разнаго содержанія, картъ, глобусовъ, мѣръ, счетовъ, разныхъ коллекцій и т. д.), то, помимо недостатка въ такихъ пособияхъ, замѣтно и отсутствіе какой бы то ни было системы въ снабженіи ими училищъ. Въ школахъ чаще всего встрѣчаются картины религіознаго содержанія изъ священной исторіи и изображающія двенадцатые праздники. Затѣмъ встрѣчаются географическія карты, глобусы, иногда карты историческаго, а также естественно-научнаго содержанія, съ изображеніями звѣрей, растений и т. д. Степень обеспеченности такими пособиями школъ по уѣздамъ различна. Наиболѣе обеспеченными являются уѣзды Московскій и Богородскій. Мало обеспечены школы Клинскаго, Рузскаго, Верейскаго и Волоколамскаго уѣздовъ. Школы Подольскаго уѣзда отличаются тѣмъ, что въ нихъ преобладаютъ картины естественно-научнаго содержанія.

На недостатокъ наглядныхъ пособій обращено вниманіе и земствами, которыя ежегодно ассигнуютъ на приобрѣтеніе ихъ извѣстныя суммы. Такъ, Бронницкое земское собраніе въ засѣданіи 29-го сентября 1903 года поручило управѣ завести во всѣхъ школахъ опредѣленный составъ пособій и ассигновало на этотъ предметъ въ 1904 году 250 руб.; Московское ассигновало на этотъ же предметъ въ 1903 г.—500 руб., Богородское—200 руб., Волоколамское—275 руб. и т. д.

Недостатокъ въ наглядныхъ пособияхъ, по мысли нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ, отчасти восполняется дѣятельностью устроенныхъ при нѣкоторыхъ управахъ такъ называемыхъ музеевъ наглядныхъ пособій, которые, впрочемъ, предназначаются главнымъ образомъ служить вспомогательнымъ средствомъ и для самообразованія учителей.

Первымъ по времени устройства не только въ Московской губерніи, но и въ другихъ, является музей Можайскаго земства, получившій почетный отзывъ на курской выставкѣ по народному образованію. Музей, по постановленію земскаго собранія, состоитъ въ завѣдываніи мѣстнаго санитарнаго врача и помѣщается въ управѣ, занимая 3 шкафа. Онъ содержитъ слѣдующіе отдѣлы: 1) по Закону Божию—33 номера; 2) по исторіи—20 картинъ; 3) по географіи—64; 4) по естествовѣдѣнію—136; 5) по технологіи—38; 6) по физикѣ 20 и 7) не подходящихъ подъ означенныя рубрики—56 номеровъ. По отзывамъ знакомыхъ съ нимъ лицъ музей, повидимому, составленъ изъ разныхъ случайно собранныхъ предметовъ и, главнымъ образомъ, изъ картинъ, отчасти вырванныхъ изъ журналовъ. Изъ музея предметы отпускаются учителямъ на время для пользованія ими въ школахъ.

Въ 1902 году музеемъ воспользовались 23 земскія школы, т. е. не всѣ школы Можайскаго уѣзда, что, повидимому, объясняется затруднительностью доставки предметовъ изъ музея на мѣста. Кромѣ земскихъ школъ музеемъ пользовались нѣкоторыя школы и другихъ вѣдомствъ. Подобныя же музеи имѣются при управахъ бронницкой, волоколамской, звенигородской, рузской, клинскои, коломенской и серпуховской. Всѣ они носятъ тотъ же характеръ, что и Можайскій. Организациа волоколамскаго и звенигородскаго музеевъ отличается тѣмъ, что они имѣютъ отдѣленія въ уѣздѣ, съ цѣлью облегченія пользованія ими отдаленнымъ отъ города школамъ. Тѣмъ не менѣе звенигородскимъ музеемъ воспользовались въ 1902—3 г.г. только 22 школы изъ 57.

На учебники всѣми уѣздными земствами истрачено было въ 1902 году 21.964, а на пособия—17.335 руб. Нѣкоторое участіе въ расходахъ по покупкѣ книгъ и пособій принимаютъ иногда попечители, а также сельскія общества. На музеи уѣздныхъ земства израсходовали въ томъ же году 980 руб. и столько же отпущено было на эту предметъ губернскимъ земствомъ, въ виду постановленія 5-го марта 1899 года, согласно которому губернское земство принимаетъ на себя

расходы на библіотеки и музеи въ той же суммѣ, какая будетъ израсходована уѣздными земствами.

Въ 1902 году состоящимъ при губернской управѣ совѣщаніемъ по дѣламъ народнаго образованія возбужденъ былъ вопросъ о закупкѣ учебныхъ книгъ, пособій и принадлежностей для уѣздныхъ земствъ губернской управой. Въ своемъ докладѣ по этому предмету губернская управа, согласно заключенію совѣщанія, нашла желательнымъ, чтобы губернское земство приняло въ свое вѣдѣніе дѣло закупки за счетъ уѣздныхъ земствъ учебныхъ книгъ, пособій и классныхъ принадлежностей, съ цѣлью ихъ удешевленія и вообще правильной постановки этого дѣла. Выборъ учебныхъ книгъ, пособій и классныхъ принадлежностей долженъ, по ея мнѣнію, производиться уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ, по совѣщанію съ уѣздной управой и выборными законоучителями и учителями. Для всѣхъ земскихъ школъ каждаго уѣзда необходимо установить одинъ и тотъ же составъ учебниковъ и учебныхъ пособій. Въ тѣхъ училищахъ, гдѣ учебныя книги и пособія пріобрѣтаются на средства сельскихъ обществъ, попечителей или другихъ лицъ, суммы эти должны представляться въ земскую кассу, а самая закупка на эти средства учебныхъ предметовъ и доставка ихъ въ училища должна производиться земскими управами. Признана также желательною организація періодической разсылки изъ губернской управы въ уѣздные училищные совѣты и уѣздныя управы списковъ всѣхъ вновь выходящихъ книгъ, со включеніемъ въ эти списки краткаго содержанія помѣщенныхъ въ нихъ книгъ, а при губернской управѣ—учрежденіе новой должности завѣдующаго покупкой учебныхъ книгъ.

Эти предположенія встрѣтили, однако, въ засѣданіи земскаго собранія 2-го декабря 1902 года сильную оппозицію. Въ нихъ усмотрѣли стремленіе губернской управы взять въ свои руки не одну закупку, но и самый подборъ учебниковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ указывали, что составъ совѣщанія по народному образованію, которое въ сущности будетъ руководить этимъ дѣломъ, является въ томъ или другомъ засѣданіи часто случайнымъ, съ преобладаніемъ въ немъ постороннихъ, приглашенныхъ лицъ надъ земскимъ элементомъ.

На это возражали, что ни о какой регламентаціи губернской управой дѣятельности уѣздныхъ управъ докладѣ не можетъ быть рѣчи, а говорилось лишь о желательной организаціи, выработанной совмѣстными силами членовъ совѣщанія, и что, если признать, будто при обсужденіи общихъ вопросовъ народнаго образованія губернская

управа выраженіемъ мнѣній и пожеланій нарушаетъ автономность уѣздныхъ учреждений, то придется прекратить всю дѣятельность совѣщанія по вопросамъ народнаго образованія.

Въ результатѣ признано было желательнымъ принятіе губернскимъ земствомъ въ свое вѣдѣніе дѣла закупки за счетъ уѣздныхъ земствъ учебныхъ книгъ, пособій и классныхъ принадлежностей, *но только по ходатайствамъ уѣздныхъ земствъ*, а въ засѣданіи 10-го декабря того же года земское собраніе, при разсмотрѣніи смѣты учебнаго отдѣла губернской управы, выразило согласіе на учрежденіе должности завѣдующаго покупкою книгъ.

Дѣятельность губернской управы по закупкѣ учебныхъ книгъ, пособій и принадлежностей, хотя еще далеко не опредѣлилась, несомнѣнно способна оказать сильное вліяніе на удешевленіе покупокъ и на подборъ не только учебныхъ книгъ въ школахъ, но и въ народныхъ и школьныхъ библіотекахъ, для которыхъ также предполагаются закупки книгъ управою. Правда, уѣздныя земства относятся къ этому дѣлу до сихъ поръ не особенно сочувственно, отстаивая самостоятельность своей роли въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ. На первыхъ порахъ это несомнѣнно должно отразиться на операціяхъ губернскаго земства. Едва ли, однако, можетъ подлежать сомнѣнію, что съ теченіемъ времени вліяніе губернскаго земства въ этомъ отношеніи усилится и отразится на общемъ ходѣ учебно-воспитательнаго дѣла.

V.

Разсмотрѣніе этихъ мѣръ естественно приводитъ насъ къ вопросу о постановкѣ московскимъ земствомъ внѣшкольнаго образованія.

Вопросъ этотъ подробно обсуждался на происходившемъ въ Москвѣ въ мартѣ 1901 года съѣздѣ дѣятелей по народному образованію. По мнѣнію лицъ, близко знающихъ народную жизнь, только послѣ усиленнаго распространенія грамотности можно говорить о крупныхъ улучшеніяхъ сельскаго хозяйства. Внѣшкольное образованіе, хорошо поставленное, способно дать крестьянину возможность лучше усвоить и пополнить тѣ свѣдѣнія, которыя онъ вынесъ изъ школы, и приобрести знанія, необходимыя ему въ его житѣйскомъ обиходѣ. Поэтому съѣздъ высказалъ пожеланіе о широкомъ распространеніи обществъ, содѣйствующихъ внѣшкольному образованію. Эти общества, конечно, должны пользоваться необходимою самостоятельностью. Самостоятельность должна выразиться въ облегченіи открытія ихъ, въ меньшей

регламентации ихъ новседневной дѣятельности. Необходимо, чтобы къ просвѣщенію народа получили доступъ люди, безкорыстно преданные его интересамъ, жаждущіе пожертвовать и трудомъ своимъ и материальными средствами для пользы народа. Такихъ лицъ у насъ не мало и въ нихъ кроется большая сила, съ помощью которой могло бы быть далеко подвинуто впередъ дѣло народнаго образованія. Руководствуясь, вѣроятно, потребностями просвѣдительныхъ обществъ, съѣздъ постановилъ возбудить ходатайство о разрѣшеніи народныхъ чтеній по просьбамъ частныхъ обществъ, земскихъ и городскихъ попечительствъ о трезвости по книжкамъ, одобреннымъ для этой цѣли, и о разрѣшеніи допускать книги, одобренныя министерствомъ для народныхъ библиотекъ, къ чтенію въ народныхъ аудиторіяхъ.

Насколько необходимо развитіе дѣятельности просвѣдительныхъ обществъ, это ясно видно изъ того, что еще всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы на коренную потребность русскаго народа въ школахъ не тратили даже и одного процента всего нашего бюджета! Въ настоящее же время, при ограниченіи земскихъ смѣтъ трехпроцентнымъ размѣромъ, трудно рассчитывать на полученіе изъ земскихъ средствъ достаточныхъ суммъ на нужды народнаго образованія. Мы не касаемся уже денежнаго кризиса земствъ въ текущемъ году, еще болѣе усугубляющаго мрачный колоритъ ближайшихъ перспективъ въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Несмотря на всю неблагоприятность условій, при которыхъ пришлось дѣйствовать, московское земство не оставило, однако, безъ вниманія вопроса о доставленіи средствъ для внѣшкольнаго образованія, исходя изъ правильной мысли, что такое образованіе, расширяя умственный кругозоръ лицъ, не прошедшихъ курса школь, даетъ въ то же время средства и для окончившихъ въ нихъ курсъ укрѣплять и развивать полученные знанія. Участіе въ этой отрасли народнаго образованія губернскаго и уѣздныхъ земствъ выразилось устройствомъ библиотекъ, книжныхъ складовъ, народныхъ чтеній и курсовъ для взрослыхъ.

Устраиваемыя земствомъ библиотечки—трехъ родовъ: 1) *школьныя*—для пользованія, главнымъ образомъ, учениковъ начальныхъ училищъ; 2) *приуѣздскія*—для пользованія земскихъ служащихъ и, въ частности, учителей, и 3) *народныя*—для всеобщаго пользованія; при послѣднихъ иногда имѣются и читальни.

За рѣдкими исключеніями, школьныя библиотечки имѣются при всѣхъ училищахъ. По даннымъ 1902—3 гг. ихъ не было только въ

нѣкоторыхъ школахъ Бронницкаго, Можайскаго и Серпуховскаго уѣздовъ. Эти библіотеки обыкновенно не велики (100—300 томовъ), помѣщаются въ классной комнатѣ, въ шкафу и состоятъ изъ книгъ духовно-нравственнаго, біографическаго, историческаго, географическаго, естественно-научнаго и беллетристическаго содержанія. Въ общемъ школьныя библіотеки довольно бѣдны. Нѣкоторыя земства ежегодно ассигнуютъ на пополненіе и обновленіе этихъ библіотекъ опредѣленную сумму, что совершенно необходимо, такъ какъ иначе онѣ приходятъ въ совершенную ветхость. Ветхость доходитъ иногда до предѣльности: при обзорѣнн, во время одной ревизіи, Симбуховской школы Верейскаго уѣзда оказалось, напримѣръ, что, хотя въ ней и числится библіотека, но на дѣлѣ ея нѣтъ, такъ какъ книги совершенно истрепались!

Приуправскія библіотеки имѣются при всѣхъ управахъ, за исключеніемъ Можайской и Богородской. Наиболѣе богатыми являются библіотеки при управахъ Московской (около 3 тысячъ томовъ), Серпуховской (около 2 тысячъ томовъ) и Бронницкой (около 6 тысячъ томовъ). Въ Можайскомъ уѣздѣ уже возбужденъ вопросъ объ устройствѣ управской библіотеки, а въ Богородскѣ управская библіотека замѣняется устроенной тамъ же земствомъ общественной библіотекой. Такими библіотеками пользуются, главнымъ образомъ, учителя и учительницы народныхъ училищъ, насколько позволяетъ это отдаленность школъ отъ города. Въ нѣкоторыхъ земствахъ, помимо устройства библіотекъ, выписываются журналы, которые затѣмъ обмѣниваются между учителями. Въ засѣданіи губернскаго земскаго собранія 2-го декабря 1902 года признано было желательнымъ, чтобы при выборѣ книгъ для пополненія приуправскихъ библіотекъ образуемы были уѣздными управами особая коммиссія при участіи служащихъ въ земствѣ лицъ.

Устроенныхъ земствомъ народныхъ библіотекъ имѣется болѣе 150, изъ которыхъ наибольшее число приходится на уѣзды Богородскій и Волоколамскій. Во всѣхъ этихъ библіотекахъ имѣются книги по отдѣламъ духовно-нравственному, беллетристическому, историческому и другимъ. Въ дѣлѣ устройства библіотекъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ замѣтную роль сыгралъ бывший санитарный врачъ Юрковскій, которому, при оставленіи имъ должности, выражена была отъ имени санитарнаго совѣта благодарность за труды его по правильной постановкѣ учебнаго дѣла въ уѣздѣ. Благодаря ему, а также дѣятельности личнаго состава управы, къ участію въ составленіи каталоговъ библіо-

текъ были приглашены и нѣкоторые учителя народных училищъ. Общимъ недостаткомъ выработанныхъ ими „нормальныхъ каталоговъ“ библіотекъ на разную цѣну надо признать чрезвычайное преобладаніе книгъ беллетристическаго содержанія надъ популярно-научными, что, быть можетъ, объясняется желаніемъ пріохотить къ чтенію нетребовательныхъ читателей. Однако такой педагогическій пріемъ едва ли можно считать правильнымъ и вполне желательнымъ. Судя по отчетамъ, населеніе пользуется библіотеками достаточно, причемъ молодежь предпочитаетъ беллетристику, а лица старшаго возраста—книги духовно-нравственнаго содержанія.

Большинство народныхъ библіотекъ помѣщаются при школахъ, почему библіотекарями преимущественно состоятъ лица изъ учительскаго персонала. Въ 1902 году на пріобрѣтеніе книгъ для народныхъ библіотекъ израсходовано было всѣми уѣздными земствами 11.798 рублей. Содѣйствіе губернскаго земства въ дѣлѣ устройства библіотекъ выразилось въ томъ, что оно, согласно постановленію 5-го марта 1899 года, приняло на себя расходы на устройство ихъ въ томъ же размѣрѣ, который опредѣленъ уѣздными земствами. По постановленію 5-го марта 1899 года губернскимъ земствомъ также ассигновано было 4 тысячи рублей на устройство въ каждомъ уѣздѣ по одной библіотекѣ имени Пушкина, а, согласно постановленію собранія чрезвычайной сессіи 1902 года, ассигновано 4 тысячи рублей на устройство въ каждомъ уѣздѣ по одной народной библіотекѣ имени Гоголя.

Эти библіотеки составляются въ губернской управѣ, каждая—въ составѣ около 1.000 книгъ, въ числѣ которыхъ 130 номеровъ духовно-нравственнаго и 516 литературнаго содержанія. Независимо отъ этого, по постановленію 2-го декабря 1902 года, губернское земство принимаетъ участіе въ устройствѣ и пополненіи городскихъ библіотекъ оплатою половины расходовъ уѣздныхъ земствъ на этотъ предметъ.

Въ томъ же засѣданіи губернскаго собранія обсуждался вопросъ объ измѣненіи вышеупомянутаго постановленія 5-го марта 1899 года. Съ цѣлью усиленія библіотекъ въ менѣе состоятельныхъ уѣздахъ поручено было, между прочимъ, управѣ войти въ обсужденіе вопроса о содѣйствіи уѣзднымъ земствамъ, при устройствѣ народныхъ библіотекъ, въ обратномъ отношеніи къ доходности подлежащихъ обложенію въ каждомъ уѣздѣ имуществовъ и возбудить ходатайство объ измѣненіи порядка разрѣшенія устройства народныхъ библіотекъ и расширенія каталога этихъ библіотекъ допущеніемъ въ нихъ книгъ, одобренныхъ для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тѣмъ же постано-

влениемъ губернской управы поручено было, совмѣстно съ комиссією изъ свѣдущихъ лицъ, выработать примѣрный каталогъ книгъ для народныхъ библіотекъ.

Участіе губернскаго земства въ дѣлѣ устройства библіотекъ выражается также въ составленіи учебнымъ отдѣломъ управы каталога книгъ, одобренныхъ для библіотекъ, съ краткими отзывами объ этихъ книгахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ операція по оптовой закупкѣ книгъ распространена и на библіотечныя книги.

Въ смѣту 1904 года Московскимъ очереднымъ губернскимъ земскимъ собраніемъ постановлено было внести 18.210 руб. на устройство и пополненіе библіотекъ и школьныхъ музеевъ. Губернская же земская управа уполномочена была вновь возобновить передъ правительствомъ ходатайство, возбуждавшееся губернскимъ земскимъ собраніемъ уже въ апрѣльскую сессію 1896 года, о такомъ измѣненіи порядка допущенія къ употребленію книгъ въ школахъ, при которомъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ предоставлено было бы право представлять на окончательное утвержденіе попечителя учебного округа списки всѣхъ незапрещенныхъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія книгъ для дѣтскихъ, учительскихъ и народныхъ библіотекъ.

Въ сентябрѣ 1903 года въ губернскую земскую управу поступило отъ г-жи Н. Г. Копосовой пожертвованіе въ размѣрѣ 4.000 рублей на слѣдующихъ условіяхъ: капиталъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ и носить наименованіе капитала имени К. В. Копосова, а проценты—должны ежегодно употребляться на устройство въ одномъ изъ уѣздовъ Московской губ., по очереди, въ алфавитномъ порядкѣ, *одной народной библіотеки* на общихъ, существующихъ или имѣющихъ существовать въ Московской губерніи основаніяхъ для библіотекъ, устраиваемыхъ съ пособіемъ отъ губернскаго земства.

Въ случаѣ, если какое-нибудь уѣздное земство откажется устроить библіотеку на этихъ условіяхъ, право устройства библіотеки на проценты съ капитала К. В. Копосова переходитъ къ слѣдующему, въ порядкѣ алфавита, уѣзду. Губернская управа довела объ этомъ пожертвованіи до свѣдѣнія Московскаго губернскаго земскаго собранія очередной сессіи 1903 года, которое постановило: 1) принять на предложенныхъ Н. Г. Копосовой условіяхъ пожертвованный ею капиталъ имени К. В. Копосова; 2) выразить ей за сего пожертвованіе глубокую благодарность московскаго губернскаго земства; 3) внести въ смѣту доходовъ 1904 года проценты съ капитала въ размѣрѣ 179 руб.

55 коп.; 4) поручить губернской управѣ, присоединивъ къ отчисленной суммѣ таковую же изъ обще-губернскихъ средствъ, устроить народную библіотеку въ одномъ изъ уѣздовъ Московской губерніи.

Насколько уѣздныя земства прониклись мыслью о необходимости скорѣйшаго развитія библіотечнаго дѣла на своей территоріи, легче всего судить по тѣмъ матеріальнымъ затратамъ, которыя они добровольно несутъ. Такъ, Дмитровское очередное уѣздное земское собраніе 1903 г. ассигновало на содержаніе бесплатныхъ *народныхъ библіотекъ* и на снабженіе ихъ книгами 602 руб., а на пополненіе школьныхъ библіотекъ—500 рублей; Волоколамское очередное уѣздное земское собраніе — на открытіе *новыхъ библіотекъ* 350 руб., Бронницкое — на устройство новыхъ и улучшеніе существующихъ библіотекъ 500 руб., на устройство новыхъ *народныхъ библіотекъ* 200 руб. и на очередное пополненіе библіотекъ 200 руб. Богородское — на пополненіе ученическихъ библіотекъ 500 руб., на устройство библіотекъ при пяти училищахъ 250 руб. и на пополненіе книгами 32 народныхъ библіотекъ 1.500 руб. и, кромѣ того, выдало Зуевскому благотворительному обществу на нужды устроенной имъ народной библіотеки извѣстную сумму. Помимо этихъ расходовъ, Богородскимъ собраніемъ, согласно заключенію экономическаго совѣта, постановлено было, въ томъ же 1903 году, ассигновать 50 рублей на приобрѣтеніе книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій сельско-хозяйственнаго содержанія для сельскихъ библіотекъ и училищъ и уполномочить управу ходатайствовать передъ губернскимъ земствомъ объ ассигнованіи суммы въ такомъ же размѣрѣ. Установивъ въ томъ же году правила, на основаніи которыхъ, при поступленіи пожертвованія на открытіе народной библіотеки въ размѣрѣ не менѣе 50 руб., уѣздное земство, съ своей стороны, должно выдавать пособіе въ двойномъ размѣрѣ (но не свыше 300 руб.), собраніе постановило назначить 1.500 руб. въ распоряженіе управы на двойныя земскія пособія на случай, если въ слѣдующемъ году окажутся новыя пожертвованія на устройство народныхъ библіотекъ. Наконецъ, Коломенское очередное уѣздное земское собраніе 1903 года ассигновало 620 руб. на пополненіе ученическихъ библіотекъ и 600 руб. на устройство сельскихъ библіотекъ и читаленъ; Подольское — на пополненіе ученическихъ библіотекъ 310 руб. и на устройство и организацію бесплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ—1.280 руб.; Московское уѣздное—на устройство и пополненіе ученическихъ библіотекъ для внѣ-класснаго чтенія 2.045 руб., на народныя библіотеки — 500 рублей.

Въ 1902 году уѣздныя земства израсходовали на пріобрѣтеніе книгъ для библіотекъ 11.798 рублей.

Книжные склады, имѣющіе цѣлью снабжать населеніе дешевыми и доброкачественными книгами, устроены только земствами клинскимъ, звенигородскимъ и бронницкимъ. Клинскій складъ имѣетъ 55 отдѣленій и занимаетъ особаго книгоношу за 360 рублей для развозной торговли книгами, хотя операціи этого склада незначительны. Слабое развитіе земскихъ книжныхъ складовъ объясняется отчасти сравнительнымъ удобствомъ сообщенія даже отдаленныхъ мѣстностей губерніи съ уѣздными городами и Москвою, исключаящимъ иногда неотложную надобность въ нихъ, главнымъ же образомъ — причинами скорѣе административнаго характера, съ устраненіемъ которыхъ надо ожидать развитія этого дѣла.

Что касается содѣйствія земства устройству народныхъ чтеній, то, начавшись лѣтъ 10 тому назадъ, оно стало довольно быстро развиваться. Это содѣйствіе выражается въ предоставленіи для чтеній школьныхъ помѣщеній, въ пріобрѣтеніи книгъ, картинъ и фонарей и въ вознагражденіи лицъ, производящихъ чтеніе (обыкновенно — священниковъ и учителей).

Образовательное значеніе народныхъ чтеній заключается не только въ тѣхъ полезныхъ свѣдѣніяхъ, которыя непосредственно выносятся изъ нихъ слушатель, но и въ томъ, что они пробуждаютъ въ посѣтителѣхъ чтеній желаніе читать самостоятельно. Въ то же время они являются едва ли не единственнымъ здоровымъ развлеченіемъ для деревенскаго населенія, нуждающагося не только въ физическомъ отдыхѣ, но и въ психическомъ; они отвлекаютъ слушателей хотя на время отъ ежедневной, часто тяжелой, обстановки, отъ утомительнаго однообразія труда, предупреждая обращеніе къ пьянству и разгулу.

По постановленіямъ губернскаго земскаго собранія 31-го января 1898 года и 5-го марта 1899 года губернское земство ассигнуетъ на вознагражденіе лицъ, производящихъ чтенія, а также на покупку фонарей и картинъ столько же, сколько и уѣздныя, причѣмъ это вознагражденіе, въ размѣрѣ не свыше одного рубля, должно быть распредѣлено поровну между законоучителемъ и учителемъ. Объ участіи уѣздныхъ земствъ въ устройствѣ народныхъ чтеній по уѣздамъ можно судить по слѣдующимъ ассигнованіямъ ихъ на этотъ предметъ въ 1903 году (независимо отъ пособія губернскаго земства):

По Богородскому уѣзду . 1.382 р.	По Верейскому уѣзду . 150 р.
„ Московскому „ . 1.000 „	„ Волоколамскому „ . 150 „
„ Коломенскому „ . 1.000 „	„ Дмитровскому „ . 100 „
„ Серпуховскому „ . 800 „	„ Можайскому „ . 50 „
„ Звенигородск. „ . 600 „	(пособіе частному обществу).
„ Подольскому „ . 500 „	По Бронницкому уѣзду . . — р.
„ Клинскому „ . 200 „	„ Рузскому „ . . — „

Въ томъ же году Рузская управа израсходовала на покупку фонарей 232 руб., а бронницкое земство ассигновало на 1904 годъ 250 руб. на покупку фонарей и картинъ. Немаловажнымъ препятствіемъ въ дѣлѣ развитія народныхъ чтеній являются именно издержки на волшебные фонари и картины къ нимъ. Если бы на это дѣло было обращено то вниманіе, котораго оно несомнѣнно заслуживаетъ, то, при посредствѣ губернскихъ земствъ, можно было бы устраивать обмѣнъ, какъ фонарей, такъ и картинъ, между разными пунктами чтеній.

Порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній, устраиваемыхъ частными лицами, обществами и общественными учрежденіями, нынѣ значительно облегченъ правилами 28-го января 1901 года, но и теперь это дѣло сопряжено съ большими проволочками времени и различными затрудненіями. Благодаря предлагаемому нынѣ для чтенія скудному матеріалу, народныя чтенія не могутъ приносить той пользы, которую должны бы давать, въ качествѣ просвѣтительнаго учрежденія, дополняющаго школу и предназначеннаго преимущественно для взрослыхъ.

При рассмотрѣніи отчетовъ о чтеніяхъ, а также каталоговъ имѣющихся въ управахъ картинъ и книгъ для чтенія, обращаетъ на себя вниманіе, что въ Московской управѣ, напримѣръ, изъ общаго числа 4.167 картинъ имѣется свыше 800 религіозно-нравственнаго содержанія.

Къ недостаткамъ организаціи народныхъ чтеній надо отнести неравномѣрное распредѣленіе ихъ по уѣзду и отсутствіе систематическаго содержанія, на что уже обращено вниманіе и самимъ земствомъ. Такъ, губернское собраніе, по постановленію 31-го января 1898 года, признало желательнымъ, чтобы чтенія велись систематично по извѣстной программѣ, утвержденной училищными совѣтами, и въ количествѣ не менѣе извѣстнаго минимума, опредѣленнаго для каждаго уѣзда земскимъ собраніемъ по соглашенію съ названными совѣтами. Съ своей стороны, нѣкоторыя земства начали устанавливать на годъ впе-

редъ порядокъ производства чтеній и распредѣленіе картинокъ и фонарей по уѣздамъ, для чего образуютъ извѣстные районы, въ предѣлахъ которыхъ производится обмѣнъ картинокъ и фонарей (напримѣръ, земства богородское, верейское, волоколамское, звенигородское, серпуховское). Систематизировать по возможности содержаніе чтеній пыталось и волоколамское земство, что ему и удалось, какъ видно изъ отчета за 1902—3 гт.

Съ цѣлью улучшенія чтеній губернскае собраніе въ засѣданіи 2-го декабря 1902 года приняло на себя на 3 года половину расходовъ, но не свыше 300 рублей на уѣздъ, по вознагражденію специалистовъ по чтеніямъ, не принадлежащихъ къ учительскому персоналу, для цѣлаго ряда чтеній въ нѣсколькихъ пунктахъ уѣзда или систематическаго цикла чтеній въ одной мѣстности, по программѣ, одобренной уѣздною управою и уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ. Этимъ правомъ уѣздныя земства еще не воспользовались, и вопросъ о приглашеніи специальныхъ лекторовъ возбужденъ былъ только въ 1903 году однимъ серпуховскимъ земствомъ.

Сколько намъ извѣстно, вопросъ этотъ пока не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія.

Такъ какъ по положенію о народныхъ чтеніяхъ 28-го января 1901 года министерству народнаго просвѣщенія уже разрѣшено издавать, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, особыя правила объ учрежденіи народныхъ чтеній при учебныхъ заведеніяхъ, то было бы полезно, чтобы въ такихъ правилахъ законоучителямъ и учителямъ начальныхъ училищъ предоставлено было вести въ стѣнахъ школъ бесѣды и чтенія для народа лишь съ вѣдома ближайшаго начальства—инспектора народныхъ школъ и училищнаго совѣта, не требуя одобренія личности чтеца губернаторомъ. Этотъ упрощенный порядокъ едва ли можетъ встрѣтить серьезныя возраженія, такъ какъ къ исполненію обязанностей преподавателей допускаются лица не иначе, какъ по надлежащемъ удостовѣреніи ихъ политической и нравственной благонадежности, и въ то же время имъ довѣряютъ въ школахъ не только чтеніе вмѣстѣ съ учениками одобренныхъ книгъ, но и объясненіе ихъ, хотя и въ извѣстныхъ предѣлахъ, между тѣмъ какъ при народныхъ чтеніяхъ не допускается никакого измѣненія текста. По отношенію къ народнымъ чтеніямъ по сельскому хозяйству было бы желательнымъ общее разрѣшеніе общественнымъ учрежденіямъ устраивать ихъ, подъ своєю отвѣтственностью, при посредствѣ своихъ специальныхъ агентовъ. Одновременно было бы полезно установить, что

земскіе агрономы имѣютъ право собирать сходы для собесѣдованія съ крестьянами въ предѣлахъ своей спеціальности и чтенія имъ лекцій и курсовъ не только по книгамъ, но и рукописямъ, въ виду наилучшаго принаровленія предмета чтенія къ мѣстнымъ условіямъ.

Таковы пожеланія, вытекающія изъ земскаго опыта.

Курсы для взрослыхъ, въ видѣ повторительныхъ, воскресныхъ и т. п., до сихъ поръ мало развиты въ земствѣ Московской губерніи. Воскресные курсы устроены только звенигородскимъ земствомъ въ трехъ школахъ уѣзда и, судя по новѣйшимъ докладамъ управы, идутъ успѣшно. Въ 1903 году въ Можайскомъ уѣздѣ земствомъ въ видѣ опыта организованы были уроки для взрослыхъ при одной изъ школъ. Бронницкимъ и клинскимъ земствами предположено устройство воскресныхъ и вечернихъ курсовъ. Наконецъ, Серпуховское земское собраніе въ засѣданіи 30-го сентября 1903 года ассигновало въ распоряженіе управы 200 рублей на вознагражденіе учителей земскихъ училищъ за успѣшное преподаваніе взрослому населенію и уполномочило управу возбудить ходатайство о разрѣшеніи уроковъ для взрослыхъ при земскихъ школахъ.

Къ дѣятельности земствъ по народному образованію вѣдъ содержимыхъ ими школъ слѣдуетъ отнести пособія, выдаваемые нѣкоторымъ казеннымъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ, и содержаніе въ нихъ стипендіатовъ. Наиболѣе крупныя пособія, ассигнуемыя губернскимъ земствомъ, слѣдующія: 3.000 рублей высшимъ женскимъ курсамъ въ Москвѣ и 9.000 рублей на содержаніе мужскихъ и женскихъ прогимназій.

Пособія, оказываемыя земствами, и выдаваемыя ими стипендіи могутъ быть сведены, по смѣтамъ 1903 года, въ слѣдующую таблицу:

Пособія учебнымъ заведеніямъ.

	Низшимъ.	Среднимъ.	Высшимъ.	Стипендіи.
Губернское земство . .	1.900	9.000	3.000	4.360
Богородское " . .	—	—	—	—
Бронницкое " . .	720	—	—	100
Верейское " . .	860	—	—	45
Волоколамское " . .	916	—	—	—
Дмитровское " . .	487	—	—	—
Звенигородское " . .	1.885	—	—	—
Клинское " . .	725	—	—	—

Коломенское	„	. . 2.295	9.500	—	550
Можайское	„	. . 400	—	—	150
Московское	„	. . 3.075	—	—	—
Подольское	„	. . 1.100	—	—	200
Рузское	„	. . 1.500	—	—	—
Серпуховское	„	. . 100	11.800	—	1.360
Всего .		15.964	30.300	3.000	6.765

Въ числѣ пособій низшимъ учебнымъ заведеніямъ ассигновано было 3.051 руб. церковно-приходскимъ школамъ, а именно: московскимъ земствомъ 200 руб., верейскимъ—360 руб., волоколамскимъ—266 руб., дмитровскимъ—1.175 руб., звенигородскимъ—650 руб., коломенскимъ—300 руб. и серпуховскимъ—100 руб. Вопросъ о пособияхъ церковно-приходскимъ школамъ подробно обсуждался въ московскомъ губернскомъ земствѣ по поводу сообщенія оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 12-го сентября 1892 года (№ 1402), которымъ земство, между прочимъ, приглашалось принять участіе въ содержаніи этихъ школъ, а также и школъ грамотности. Послѣ подробнаго обсужденія вопроса въ совѣщаніи по вопросамъ народнаго образованія (докладъ Э. Самарина), чрезвычайное губернское собраніе 1894 года, въ засѣданіи 10-го іюня, приняло по этому предмету докладъ губернской управы, въ которомъ вышеупомянутый вопросъ разрѣшался отрицательно на томъ основаніи, что: 1) церковно-приходская школа, по своей основной задачѣ, по духу и направленію преподаванія не отличается существеннымъ образомъ отъ земской школы; 2) общественныя учрежденія устранены отъ завѣдыванія церковно-приходскими школами; 3) на земства должны пасть значительныя расходы по содержанію этихъ школъ, благодаря чему передача части земскихъ средствъ въ распоряженіе духовнаго вѣдомства не можетъ повести къ увеличенію общаго числа начальныхъ училищъ, и 4) школы грамоты едва ли могутъ принести дѣйствительную пользу населенію.

Насколько земство относится осторожно къ вопросу о субсидированіи церковно-приходскихъ школъ, можно видѣть хотя бы изъ того, что даже наиболѣе щедрое въ этомъ отношеніи дмитровское уѣздное земство въ собраніи 30-го сентября 1903 года постановило: 1) не выдавать пособій тѣмъ церковно-приходскимъ школамъ, которыя не получаютъ никакого пособія отъ крестьянскихъ обществъ, какъ во-

лостныхъ, такъ и сельскихъ, и 2) субсидировать церковно-приходскія школы въ размѣрѣ той суммы, которую отпускаетъ школъ волостное или сельское общество, но при этомъ о каждомъ отдѣльномъ случаѣ субсидій имѣть сужденіе въ собраніи, требуется ли такая субсидія или нѣтъ.

В.л. Анимовъ.

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ МЕТОДИКИ АРИѠМЕТИКИ.

Въ методикѣ ариѠметики объясняется, какъ примѣняются общедидактическіе приемы при преподаваніи ариѠметики; въ ней излагаются спеціальныя способы и приемы, примѣняемые только въ ариѠметикѣ; въ ней же указывается подробная программа курса ариѠметики съ концентрическимъ распредѣленіемъ учебнаго матеріала по годамъ; наконецъ, въ методикѣ начинающій учитель найдетъ много такихъ практическихъ и теоретическихъ указаній, которыхъ нѣтъ въ систематическихъ учебникахъ ариѠметики. Методика вообще и въ частности методика ариѠметики имѣя въ виду и предметъ обученія, и учащагося, служатъ для учителя такимъ же орудіемъ, какимъ служатъ для земледѣльца плугъ, соха и борона для обработки поля; какъ усовершенствованныя земледѣльческія орудія даютъ возможность земледѣльцу хорошо, легко и быстро обрабатывать землю, такъ и хорошія методики даютъ учителю такую же возможность успѣшно вести обученіе дѣтей въ школѣ, причемъ, чѣмъ лучше методика, тѣмъ легче по ней обучать.

Но, примѣняя къ обученію ариѠметикѣ методическія указанія, чтобы идти правильнымъ путемъ, надо знать, какъ возникла и развилась методика ариѠметики, надо знать ея главныя основы—это и составляетъ цѣль настоящей статьи.

Въ древности методика ариѠметики, какъ особый предметъ, не существовала, но въ школахъ вырабатывались учителями приемы обученія и передавались ими начинающимъ учителямъ. Въ Греціи на методъ преподаванія обращалось большое вниманіе; это коснулось и ариѠметики—логистики, что видно изъ указаній Платона, требовавшего обученіе счету сдѣлать пріятнымъ для дѣтей и основать его на

счетъ плодовъ, вѣнковъ и тому подобныхъ предметовъ. Отсюда мы видимъ, что такой важный принципъ, какъ наглядность, названный Амосомъ Коменскимъ золотымъ правиломъ для учителей, былъ установленъ уже въ древности, но эти дидактическія указанія долго оставались безъ надлежащей разработки. Постепенно выработался такой способъ преподаванія ариметики: сначала дѣтей знакомили съ письмомъ цифръ; упражняли въ нумераціи, доводя ее до невыразимыхъ чиселъ; опредѣляли, что такое ариметика, число и единица; затѣмъ шли послѣдовательно четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами; опредѣленіе этихъ дѣйствій, правила ихъ совершенія и повѣрка; при этомъ учитель, объясняя ученикамъ какое-либо положеніе, держался догматической формы обученія, давая ученикамъ готовые опредѣленія и правила, которыя дѣти должны были заучить дома по книжкѣ наизусть; правда, правила подтверждались частными примѣрами, но ученикамъ не объяснялись ни смыслъ, ни пригодность сокращенныхъ способовъ вычисленія.

За отвлеченными числами слѣдовали именованныя числа, дроби—простыя, десятичныя, непрерывныя и т. д. Попутно съ прохожденіемъ теорій рѣшались и задачи; но онѣ имѣли второстепенное значеніе, обыкновенно относились къ извѣстному правилу и требовали со стороны ученика только умѣнья приложить его; при этомъ на умѣнье устанавливать въ задачѣ послѣдовательный рядъ дѣйствій, находить зависимость между данными задачи и отыскивать способы рѣшенія задачъ не обращали вниманія. Такой способъ обученія ариметикѣ носитъ названіе *механическаго* и *цифирнаго*, такъ какъ главной его задачей было научить учениковъ только механизму вычисленія посредствомъ цифръ, а также *объективнаго*, потому что здѣсь все вниманіе обращено было не на учащихъ, ихъ возрастъ и развитіе, а на предметъ науки.

Какія трудности приходилось преодолевать какъ учителямъ, обучавшимъ ариметикѣ по механическому способу, такъ и ученикамъ, учившимся въ старой школѣ, и къ какимъ результатамъ приводило подобное обученіе, видно изъ воспоминаній Е. Стрѣльцова (Изъ 25-лѣтней практики сельскаго учителя. Воспоминанія, очерки и замѣтки. Часть первая. Сельская школа 1849—1864 г.).

„Сначала я учу считать до ста и болѣе“, говоритъ выводимый авторомъ воспоминаній учитель въ бесѣдѣ съ лицомъ, обзрѣвающимъ школы: „посажу всѣхъ учениковъ и самъ громко считаю: разъ, два, три, четыре и такъ далѣе, а дѣти повторяютъ хоромъ. Такъ они и

научатся считать до ста; а тамъ ужъ—то же самое пойдетъ далѣе: сто одинъ, сто два.“—„И дѣти всѣ научаются такимъ образомъ считать?“—„Ну есть всякіе: иному ни за что не научиться считать дальше десяти: какъ дошелъ до 11-ти, такъ и стой, собьется. Потомъ пишутъ до ста; я прописываю на доскѣ; а когда научатся писать въ разбивку до 100, то начинаю учить нумерацію. Поставлю учениковъ въ кружокъ къ доскѣ, напишу имъ число съ миллионъ—и, показывая на первую цифру, говорю: единицы, десятки (на нихъ и показываю), сотни, тысячи, десятки тысячъ, сотни тысячъ, миллионы. Такъ показываю и твержу, а дѣти повторяютъ за мною хоромъ до тѣхъ поръ, пока будутъ знать и подъ рядъ, и въ разбивку. Потомъ заставляю ихъ выговаривать числа съ миллионами (больше миллионъ рѣдко употребляю); а потомъ учу писать такія же числа подъ диктовку.“—„И понимаютъ?“—Сначала, конечно, трудно; особенно нулей ставить долго не научаются; но послѣ поймутъ хорошо. Потомъ—сложеніе. Сперва разскажу, какъ подписывать числа: единицы подъ единицы, десятки подъ десятки и т. д. Потомъ покажу, съ чего начинать сложеніе, что писать, что въ умъ—и все тутъ. Конечно, есть другіе, что или сложить не умѣетъ, сколько 7 да 9, 8 да 6 и проч., или въ умъ оставляетъ; но такихъ немного, потому что я даю учить наизусть таблицу сложенія небольшихъ чиселъ. Потомъ вычитаніе—то же самое; только тутъ занимать учу, когда нельзя вычесть. Вычитаніе понимаютъ скоро. Умноженіе труднѣе; тутъ таблицы иному и въ зиму не выучить. А кто выучитъ таблицу, тотъ скоро начнетъ дѣлать; да и просто: умножай по таблицѣ, а подписывай, какъ въ сложеніи.

Только тутъ многіе все сбиваются: помножаетъ на вторую цифру, а пишетъ подъ первую; помножаетъ на третью, а пишетъ и не знаетъ куда; но и то скоро привыкаютъ писать лѣсенкой. А тамъ—дѣленіе. Дѣленіе сперва на одну цифру, потомъ на двѣ. Дѣленіе—всего труднѣе: задаваться рѣдко кто можетъ сразу вѣрно“.

Видя, какъ въ школѣ этого учителя дѣти рѣшаютъ задачи, можно было убѣдиться, что ученики буквально дѣлаютъ задачи, не понимая того, что они дѣлаютъ, какъ и для чего все это дѣлается. Задачи ихъ состояли изъ чисто отвлеченныхъ чиселъ, обрабатываемыхъ по заранѣе опредѣленному плану. „33125 раздѣлить на 7!“ Командуетъ старшій ученикъ, и отдѣленіе его дружно скрипитъ грифелями... Пробовали дать имъ нѣсколько устныхъ задачъ изъ крестьянскаго быта, и нѣкоторые ребята считали вѣрно, но по-своему. Продаль мужикъ

возъ сѣна—25 пудовъ по 27 коп. за пудъ; сколько ему приходится получить денегъ?

— По гривеннику два съ полтиной; по другому — опять два съ полтиной, да по четвертаку — 1 руб. 25 коп.; всего будетъ 6 руб. 25 коп.; да по копейкѣ—25 коп.; по другой—еще 25 коп.“... Позабылъ сосчитанное и запутался. „Почому по гривеннику, такъ будетъ два съ полтиной?“—„Такъ ужъ приходится.“—„Да почему приходится? Можетъ и не такъ?“ — „Нѣтъ, ужъ такъ; по гривеннику всегда такъ.“—„Кто жъ тебѣ это сказалъ?“—„Отецъ всегда такъ на счетахъ считаетъ“.

„Но скажите, спрашиваютъ учителя, какая польза дѣтямъ отъ того, что они привыкаютъ дѣлать всѣ эти задачи? (т. е. задачи съ отвлеченными числами на опредѣленные, назначенныя дѣйствія)“. — „Будутъ знать, какъ дѣлается. Конечно, у нихъ дома все на счетахъ или на память считаютъ, — это скорѣе; но такъ гораздо вѣрнѣе“. — „Какъ же вѣрнѣе, когда вы говорите, что часто ошибаются въ нуляхъ или подписываютъ десятки подъ единицы? И гдѣ же крестьянину придется считать большія числа съ миллионами? Да, наконецъ, ваши задачи нельзя дѣлать безъ бумаги и карандаша; неужели же крестьянину всегда носить ихъ съ собой? А главное—вотъ что: если вашему ученику придется сосчитать, сколько, на примѣръ, въ тысячѣ сороковъ, то кто же ему скажетъ: помножить надо или раздѣлить?“ — „Конечно, тутъ нуженъ свой умъ, и я тоже заставляю дѣлать задачи на память, но, вѣдь, вы знаете — крестьянскія дѣти: они понимаютъ плохо; а если показано правило, какъ написать и дѣлать, то гораздо легче пойдетъ“. — „Но вѣдь правило они могутъ позабыть, и тогда что же?“—„Правила я диктую и заставляю учить наизусть; конечно, и тутъ забываютъ другіе“. — „Но пользоваться правиломъ, приложить его къ дѣлу можетъ только тотъ, у кого, какъ вы сказали, есть свой умъ. Откуда же послѣ возьмется у ребенка этотъ свой умъ, если въ школѣ не позаботятся развить его?“ — „Вырастутъ, станутъ умнѣе. Жизнь сама учитъ человѣка“.

При такомъ обученіи корень ученія былъ дѣйствительно горекъ, но и плоды его были не слаще: дѣтей за непониманіе часто жестоко наказывали, а научить ихъ умственному счету или сознательному письменному не могли; дѣти въ большинствѣ случаевъ теряли охоту къ ученію, ненавидѣли школу и старались скорѣе оставить ее. Родители, не видя особой пользы отъ такого ученія, не препятствовали имъ въ этомъ или вовсе не отдавали дѣтей въ школу. Таковы были

результаты обученія въ прежней школѣ вслѣдствіе примѣненія дурного метода.

Обученіе ариметикѣ по механическому способу господствовало въ школахъ до конца XVIII вѣка, когда опять заговорили о приемахъ преподаванія, благодаря Генриху Песталоцци (1746—1827), вдохнувшему жизнь въ обученіе, унаслѣдованное школою отъ среднихъ вѣковъ. Сдѣлавшись учителемъ, Песталоцци всѣ свои силы посвятилъ начальной школѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, только народныя школы, а за недостаткомъ ихъ материнскія, въ состояніи „заткнуть дыру, изъ которой текутъ народныя бѣдствія“, т. е. только посредствомъ образованія можно внести въ темныя народныя массы лучъ свѣта и поднять благосостояніе народа. Сознавалъ это и простой народъ и стремился къ образованію, но не было человѣка, который отдалъ бы этому дѣлу свою жизнь,—и вотъ такимъ человѣкомъ явился Песталоцци. Его любящее доброе сердце подсказало ему, что при обученіи главнымъ предметомъ заботы учителя долженъ быть не предметъ науки, а развивающійся субъектъ—ученикъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Песталоцци установилъ слѣдующія дидактическія положенія: 1) вся сила обученія заключается не въ матеріалѣ, а въ методѣ; 2) всякое истинное и образовательное обученіе должно быть возбуждаемо и извлекаемо изъ самихъ дѣтей, изъ ихъ собственной природы; 3) наглядность есть необходимое основаніе всякаго познанія. Всѣ эти положенія въ настоящее время служатъ главными основами методики ариметики. Но этимъ не ограничились заслуги Песталоцци, справедливо считающагося отцомъ новѣйшей педагогикі. Разсматривая арифметику, какъ предметъ обученія и отыскивая болѣе удобные способы его преподаванія, онъ въ сочиненіи: „Лингардъ и Гертруда“ заявилъ современникамъ, что усвоеніе арифметическихъ умѣній слѣдуетъ сдѣлать доступнымъ всѣмъ сословіямъ, и что обученіе должно быть упрощено настолько, чтобы всякая мать могла научить этому предмету своихъ дѣтей. Стремясь сдѣлать методъ преподаванія арифметики легкимъ, Песталоцци былъ непримиримымъ врагомъ цифирной арифметики и догматическаго обученія по учебникамъ, не отвѣчающаго потребностямъ дѣтской природы; онъ же ввелъ устныя вычисленія и наглядныя пособія, чтобы на нихъ показать образованіе чиселъ и ихъ отношеній.

Но борясь съ мертвящимъ механическимъ методомъ преподаванія и вырабатывая новый, Песталоцци измѣнилъ не только приемы обученія ариметикѣ, но и самое содержаніе этого предмета; онъ, не

отличая теоретической ариметики отъ практической, устранилъ изъ преподаванія обобщенія, правила, опредѣленія, формулы и письменное механическое счисленіе. Другой недостатокъ метода Песталоцци и его послѣдователей тотъ, что они, преслѣдуя счетъ и составъ чиселъ, вводили умственные упражненія только для усвоенія отвлеченнаго отношенія чиселъ между собою и не вводили вовсе практическихъ задачъ съ конкретными числами; наконецъ, третій и самый важный недостатокъ былъ тотъ, что матеріалъ ариметики былъ разбитъ на отдѣльныя упражненія, не имѣвшія между собой внутренней связи.

Методъ Песталоцци называется *субъективнымъ* или *психологическимъ*, такъ какъ онъ направленъ единственно на развитіе учащихся. Несомнѣнно, что и такой методъ есть столь же односторонній, какъ и объективный. Если послѣдній слишкомъ много обращалъ вниманія на самую науку и слишкомъ мало на учащихся, то и первый слишкомъ мало придаетъ значенія наукѣ и слишкомъ много—развитію учащихся.

Педагоги послѣ Песталоцци поставили себѣ задачей примирить два предшествовавшихъ направленія: они старались устранить недостатки обоихъ методовъ, внести въ методъ Песталоцци элементъ научный и соединить обученіе умственному и устному счисленію съ упражненіями механическимъ и письменнымъ. Изъ дѣятелей этого новаго направленія мы должны отмѣтить Шольца, Дистервега, Генцеля и Грубе. Первый изъ нихъ признаетъ одинаковое право за умственнымъ и письменнымъ вычисленіемъ, но еще рѣзко раздѣляетъ ихъ и даетъ особые приемы при вычисленіяхъ; Дистервегъ въ своемъ обстоятельномъ методическомъ руководствѣ, вышедшемъ въ 1853 г. пятымъ изданіемъ, заявилъ, что всякое вычисленіе письменное и устное есть вычисленіе умственное, и правила для письменныхъ вычисленій должны являться, какъ выводы изъ предыдущихъ упражненій; съ этой цѣлью онъ ставитъ изученіе числа въ зависимость отъ изученія дѣйствій. Генцель издалъ въ 1842 году сочиненіе подъ заглавіемъ: „Руководство къ обученію ариметикѣ въ народныхъ школахъ“; шестое изданіе этого сочиненія состоитъ изъ 480 страницъ убористаго шрифта и даетъ указанія и совѣты для разработки даже мелочей проходимаго матеріала. Преслѣдуя ту же цѣль, что и сочиненія предыдущихъ авторовъ, оно имѣетъ ту особенность, что на первыхъ ступеняхъ обученія одновременно проходятся взаимно обратныя дѣйствія: сначала сложеніе съ вычитаніемъ, а потомъ умноженіе съ дѣленіемъ. Эта особенность руководства Генцеля составляетъ его недостатокъ, такъ какъ

обратное дѣйствіе не всегда отвѣчаетъ цѣлямъ прямого дѣйствія. Такъ, у сложенія можетъ быть одна цѣль, у вычитанія же другая: или дѣйствительное вычитаніе, или разностное сравненіе.

У насъ по Генчелю составлено „Руководство по начальному обученію ариметикѣ“ г. Семеки (С.-Пб. 1884 г.).

Прежде чѣмъ говорить о методѣ Грубе, замѣтимъ еще, что Шольцъ, Дистервегъ, Генчель и Грубе въ основаніе составленныхъ ими руководствъ положили ученія психологіи; каждый изъ нихъ на свой ладъ старается показать изученіе состава чиселъ, унаслѣдованное отъ Песталоцци; наглядными пособіями пользуются они неумѣренно, но къ фигурнымъ числамъ, введеннымъ въ употребленіе Песталоцци и его послѣдователемъ Кранке, относятся различно; за исключеніемъ Шольца, объединяють устные и письменныя вычисленія, числа даютъ изучать независимо отъ задачъ и потомъ только прилагають ихъ къ рѣшенію послѣднихъ; курсъ составленныхъ ими руководствъ ариметики для народныхъ школъ рассчитанъ на школы, въ которыхъ обучаются отъ 4 до 8 лѣтъ, считая въ году около 40 недѣль.

Теперь разсмотримъ методическое руководство Грубе, которое нѣмецкій критикъ Книллингъ ставитъ ниже руководствъ Генчеля и Дистервега, но которое имѣло успѣхъ не только въ Германіи, но и за ея предѣлами, а также у насъ въ Россіи.

Впервые руководство Грубе появилось въ 1842 году подъ заглавіемъ: „Руководство къ начальной ариметикѣ въ элементарной школѣ на основаніяхъ эвристическаго метода. Методическое пособіе къ воспитательному обученію“. Грубе не самъ создалъ свой методъ, а позаимствовалъ его у Кранке. Разница между пріемомъ Кранке и Грубе состоитъ въ томъ, что первый всякое число сравниваетъ съ предшествовавшимъ, а Грубе со всѣми, начиная съ единицы; Кранке, введя изображеніе единицъ точками, сотенъ — кружками, тысячь — треугольниками, старается приучить учениковъ къ устному счету въ предѣлѣ тысячь; Грубе, устранивъ фигурныя числа, введенныя Кранке, установилъ устный счетъ въ предѣлѣ 100; затѣмъ Грубе ввелъ въ свое руководство болѣе стройности и единства, обосновавъ его на такихъ положеніяхъ: 1) въ преподаваемомъ предметѣ содержится его методъ; 2) математика ведетъ духъ къ единству его дѣятельности въ строгой непрерывности развитія содержанія; 3) во всѣхъ приложеніяхъ въ ариметикѣ число всегда составляетъ существенное содержаніе, и потому на него обращается все вниманіе, отъ него слѣ-

дуетъ исходить; 4) органическое дѣленіе ариметическаго матеріала основано на сущности числа, поэтому основаніемъ дѣленія служитъ математическій объектъ, а не дѣйствія и правила; 5) обученіе ариметикѣ должно начинаться не производствомъ дѣйствій надъ числами, а изученіемъ самихъ чиселъ путемъ счета и наблюденія, или, какъ выражается Грубе, „путемъ созерцанія“¹⁾; 6) непосредственному созерцанію доступны всѣ числа отъ 1 до 100, и всѣ работы надъ высшими числами могутъ быть сведены къ первой сотнѣ; 7) изученіе чиселъ въ указанномъ предѣлѣ должно преслѣдовать цѣли, которыя самъ Грубе формулировалъ такъ: „Каждое число въ предѣлѣ отъ 1 до 100 должно ясно предстать предъ умомъ ученика со всѣми своими различными составляющими частями; изъ всесторонняго созерцанія отдѣльныхъ чиселъ должны сами собою произойти четыре дѣйствія; и самыя прикладныя задачи должны служить единственно для того, чтобы тѣмъ прочтѣ установить представленіе отвлеченнаго числа. При этомъ отдѣльныя ступени должны быть въ такой органической связи, чтобы каждая въ послѣдующей за нею снова и богаче раскрывалась. Только такимъ способомъ можетъ быть положено основаніе какъ для быстрого устнаго счисленія, такъ и для основательнаго счисленія по свободному соображенію. Ученикъ получаетъ требуемый матеріалъ, который для слѣдующихъ работъ всегда у него наготовѣ и подъ руками“.

Общее содержаніе всего курса Грубе состоитъ въ изученіи цѣлыхъ чиселъ (отвлеченныхъ и именованныхъ) и простыхъ дробей. Время, необходимое для прохожденія такого курса, Грубе полагаетъ 4 года, по 3 часа въ недѣлю, при чемъ, какъ уже было раньше сказано, въ нѣмецкихъ школахъ полагается до 40 учебныхъ недѣль въ году. Возрастъ дѣтей, начинающихъ обучаться, 6 или 7 лѣтъ.

По годамъ курсъ распредѣляется такъ:

Первый годъ. Изученіе чиселъ отъ 1 до 10.

Второй годъ. Изученіе чиселъ отъ 10 до 100.

Третій годъ. Въ первое полугодіе изученіе чиселъ отъ 100 до 1.000 и чиселъ любой величины. Нумерація, составъ чиселъ и ихъ разложеніе на составные элементы. Во второе полугодіе изученіе четырехъ дѣйствій съ числами любой величины.

¹⁾ Грубе различаетъ три момента развитія человѣка: созерцаніе, представленіе и пониманіе (чистое мышленіе); созерцаніе доступно ученику начальнаго училища, представленіе—ученику городского училища и пониманіе—ученику гимназіи.

Четвертый годъ. Въ первое полугодіе наглядныя упражненія съ дробями и всестороннее изученіе первыхъ простѣйшихъ дробей. Во второе полугодіе—дѣйствія съ дробями по правиламъ.

Въ такомъ видѣ методъ Грубе распространился въ Германіи и былъ занесенъ къ намъ: сначала въ передѣлкѣ, а въ 1873 году пятое изданіе руководства Грубе было переведено на русскій языкъ Ѳ. Ѳ. Эвальдомъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ и въ началѣ 70-хъ истекшаго XIX столѣтія вопросъ о лучшей постановкѣ начальнаго воспитанія и обученія былъ самымъ животрепещущимъ, особенно послѣ Севастопольской войны и освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Отнесясь отрицательно къ существовавшему тогда у насъ преподаванію ариметики, въ поискахъ за лучшимъ приѣмомъ мы обратились къ нѣмцамъ и нашли у нихъ методъ Грубе; его пересадили къ намъ сначала Паульсонъ, а за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ педагоговъ, поставившихъ себѣ задачей разработку этого метода для русской начальной школы. Изъ грубеистовъ, помимо Паульсона, назовемъ слѣдующихъ: Евтушевскаго, Воленса, Латышева, Ислентьева, Староградскаго, Невскаго, Нагорскаго, Звѣрева, Беме и Бонсдорфа. Изъ нихъ наиболѣе извѣстенъ Евтушевскій, методика ариметики котораго имѣла широкое распространеніе, такъ какъ была составлена очень добросовѣстно и, кромѣ метода Грубе, содержала въ себѣ очень много хорошо и правильно обработанныхъ отдѣловъ дидактическаго характера, имѣющихъ прямое отношеніе къ методикѣ ариметики. Взявъ главное положеніе Грубе, заключающееся въ изученіи чиселъ въ предѣлѣ 100, Евтушевскій расходится съ нимъ въ способѣ изученія: Грубе главнымъ упражненіемъ считаетъ измѣреніе числа и сравненіе его съ каждымъ предшествовавшимъ, начиная всегда съ сравненія съ единицей; Евтушевскій же исходнымъ или главнымъ упражненіемъ считаетъ разложеніе изучаемаго числа на слагаемыя, находя, что послѣ разложенія числа его легко сравнить по остальнымъ тремъ дѣйствіямъ съ предшествовавшими числами. Есть также разница и въ распредѣленіи курса ариметики по годамъ: первый годъ у Евтушевскаго посвящается изученію чиселъ отъ 1 до 20, второй — изученію чиселъ отъ 21 до 100, третій — нумераціи и дѣйствіямъ надъ числами отъ 1 до 1.000, нумераціи и дѣйствіямъ надъ числами любой величины, дѣйствіямъ надъ составными именованными числами и элементарному курсу дробей.

Методика и задачникъ Евтушевскаго были встрѣчены очень сочув-

ственно и приобрѣли у насъ такой же авторитетъ, какъ сочиненія Амоса Коменскаго, Песталоцци, Дистервега и др. Вслѣдствіе этого методъ Грубе сдѣлался господствующимъ въ нашей начальной школѣ, но господство это продолжалось недолго: вскорѣ слабыя стороны метода Грубе были подмѣчены, и началась критика его.

Въ 1839 году П. С. Гурьевъ, хорошій знатокъ нѣмецкой литературы по методикѣ ариметики, издалъ руководство подъ заглавіемъ: „Практическая ариметика“. Въ предисловіи къ нему онъ высказалъ положеніе, совершенно несогласное со взглядами нѣмецкихъ педагоговъ. „Вся ариметика—говоритъ Гурьевъ—собственно заключается въ слѣдующихъ четырехъ дѣйствіяхъ: сложеніи, вычитаніи, умноженіи и дѣленіи. Имъ предшествуетъ счисленіе, или нумерація. Эти дѣйствія производятся надъ числами, которыя бываютъ цѣлыя и дробныя. Какъ тѣ, такъ и другія раздѣляются еще на отвлеченныя или простыя и конкретныя или именованныя; между послѣдними въ особенности важны мѣрные числа одного или разныхъ наименованій. И здѣсь предѣлъ ариметики: все прочее, что обыкновенно входитъ въ нее, не составляетъ особой теоріи, но есть приложеніе тѣхъ же самыхъ немногихъ правилъ къ разнымъ потребностямъ жизни“. На основаніи этого положенія курсъ ариметики Гурьева дѣлится на слѣдующія три „степени“: 1) счисленія и дѣйствія надъ числами отъ одного до десяти, 2) счисленія и дѣйствія надъ числами отъ одного до ста, 3) дѣйствія надъ числами вообще. Хотя въ ариметикѣ Гурьева все-таки есть упражненія на разложеніе чиселъ, но они являются дополнительными упражненіями, и въ основѣ руководства Гурьева все же остается его смѣлая мысль: *не числа, а дѣйствія составляютъ основаніе ариметики*. Къ появившемуся методу Грубе Гурьевъ относился критически, что и высказалъ въ предисловіи, которымъ начинается книга П. „Практической ариметики“.

Значительный переворотъ въ отношеніяхъ публики къ методу Грубе произвела также статья графа Л. Н. Толстого, написанная имъ по поводу спора въ Московскомъ Комитетѣ Грамотности о методахъ обученія грамотѣ и ариметикѣ въ нашихъ начальныхъ училищахъ. Касаясь методики Евтушевскаго, Л. П. Толстой удивляется, что обученіе ариметикѣ начинается не съ дѣйствій, а съ разложенія чиселъ, при чемъ долженъ соблюдаться порядокъ, указанный г. Евтушевскимъ. Находя въ этомъ произволь и фантазію составителя методическаго руководства, Толстой доказываетъ справедливость высказаннаго имъ мнѣнія такимъ разсужденіемъ: „Въ сущности для вся-

каго мыслящаго человѣка понятно, что есть только одно основаніе всякаго сложенія и разложенія и всей математики. Вотъ основаніе: $1 + 1 = 2$, $2 + 1 = 3$, $3 + 1 = 4$ и т. д. то самое, чему выучиваются дѣти всегда дома и что въ просторѣчи называется: умѣть считать до 10, до 20 и т. д. Этотъ процессъ извѣстенъ всякому ученику, и какъ бы разложеніе ни дѣлалъ г. Евтушевскій, всякое объясняется однимъ этимъ. Мальчикъ, умѣющій считать до 4-хъ, уже рассматриваетъ 4, какъ одно цѣлое, и такъ же 3, и такъ же 2, и такъ же 1. Слѣдовательно, ему извѣстно, что 4 произошло изъ послѣдовательнаго приложенія по одной. Также извѣстно, что 4 произошло изъ приложенія два раза по 1 къ двумъ, такъ какъ ему извѣстно, что два раза одинъ есть два. Чему же тутъ учатся дѣти? Или тому, что они знаютъ, или тому процессу счета, который по фантазіи учителя долженъ быть ими заученъ⁴.

Въ 1876 г. критикомъ метода Грубе выступилъ А. И. Гольденбергъ, который въ подробной и обстоятельной статьѣ, напечатанной въ первомъ томѣ „Учебно-воспитательной библіотеки“, опровергнувъ главныя положенія грубеистики. О. И. Егоровъ такъ излагаетъ сущность этой статьи¹⁾: „Прежде всего въ этой статьѣ доказывается несостоятельность положенія, что непосредственному созерцанію доступны всѣ числа въ области первой сотни. Положенію этому противопоставляется иное, а именно, что „развѣ только числа перваго десятка съ достаточной ясностью представляются намъ, какъ собранія отдѣльныхъ единицъ, что съ возрастаніемъ объема числа представленія о немъ въ такомъ видѣ не существуетъ, и что мы по необходимости прибѣгаемъ къ искусственной группировкѣ его единицъ, большею частью пользуясь привычною намъ десятичною системою счисленія“. Въ подтвержденіе приводитъ мнѣніе Тэна, который допускаетъ непосредственное представленіе не далѣе пяти или шести.

Про второе положеніе Грубе и его послѣдователей, что „всѣ работы надъ числами выше ста могутъ быть сведены къ первой сотнѣ“, Александръ Ивановичъ говорилъ, что оно съ точки зрѣнія чисто теоретической равносильно съ положеніемъ, что всѣ работы надъ высшими числами могутъ быть сведены къ первому десятку, и что, принимая это положеніе, слѣдовало бы ограничиться изученіемъ чиселъ перваго десятка.

Самое изученіе чиселъ, которому А. И. даетъ очень мѣткое на-

¹⁾ *Русская Школа* № 7 и 8, 1903 г.

званіе *монографическаго*, онъ совершенно отвергаетъ, полагая абсолютно невозможнымъ, чтобы число возникло въ памяти ученика въ формѣ, необходимой для даннаго случая, на примѣръ, чтобы при дѣленіи числа 76 на 4, оно представлялось ученику въ видѣ $19 + 19 + 19 + 19$. А если память измѣнить ученику, если ученикъ забудетъ, что 76 состоитъ изъ четырехъ слагаемыхъ, равныхъ каждое 19? Какимъ путемъ онъ найдетъ отвѣтъ“?

Вслѣдъ за статьей Гольденберга появились сочиненія антигрубен-стическаго направленія, написанныя Шохоръ-Тропкимъ, Житковымъ, Егоровымъ, Мартыновымъ, Бобровниковымъ, Вишневымъ и др. Найденные ими недостатки метода Грубе можно приблизительно формулировать такъ: 1) упражненія при изученіи каждаго числа однообразны, утомительны и мелочны, вслѣдствіе чего вызываютъ въ ученикахъ скуку и даже отвращеніе къ занятіямъ ариметикой; 2) такъ какъ два года изъ трехгодичнаго курса начальной школы тратится на изученіе чиселъ отъ 1 до 100, то всего одинъ годъ остается на изученіе нумераціи и 4 дѣйствій надъ числами отвлеченными и именоваанными, а всего этого въ теченіе одного года пройти невозможно уже потому, что въ сельскихъ школахъ учебный годъ продолжается около 25 недѣль (въ нѣмецкой школѣ 40 недѣль); 3) изученіе чиселъ мало способствуетъ развитію умственныхъ способностей ученика, потому что всѣ комбинаціи числа для сравненія его съ предыдущими числами продѣлываются при помощи наглядныхъ пособій, т. е. механически; 4) изученіе чиселъ мало помогаетъ при изученіи дѣйствій, а между тѣмъ Грубе и Евтушевскій собственно для этой цѣли заставляютъ изучать числа; 4) всѣхъ комбинацій при изученіи чиселъ отъ 1 до 100 наберется до 20.000; ученикъ не въ состояніи запомнить ихъ, а между тѣмъ онъ долженъ пользоваться ими при рѣшеніи задачъ и примѣровъ; 5) нѣтъ связи между первыми двумя годами обученія и третьимъ, такъ какъ отъ изученія чиселъ надо переходить къ изученію дѣйствій; 6) но главный недостатокъ состоитъ въ томъ, что основная мысль Грубе, будто всѣ числа первой сотни подлежатъ непосредственному созерцанію и могутъ быть доступны ясному представленію, невѣрна: непосредственное созерцаніе чиселъ признано психологически невозможнымъ, такъ какъ мы не можемъ представить себѣ отвлеченнаго числа, даже самаго небольшого, потому что въ немъ нѣтъ ничего, подлежащаго непосредственному представленію. Ясному представленію доступны самые сложные предметы, на примѣръ: красивое большое зданіе, картина, какая-либо машина, но никакъ не отвле-

ченное число. Утверждая, что числа первой сотни доступны представлению, Грубе и его послѣдователи сдѣлали крупную ошибку, такъ какъ они представленіе цифръ смѣшивали съ представленіемъ чиселъ, поэтому въ формулѣ: $76 = 19 + 19 + 19 + 19$ мы представляемъ себѣ цифры, а не числа.

Методъ Грубе господствовалъ въ германскихъ школахъ около 42 лѣтъ, такъ какъ въ 1884 году вышло сочиненіе Книллинга подъ заглавіемъ: „Къ реформѣ ариметики“, въ которомъ онъ подвергъ этотъ методъ также основательной критикѣ. Если вспомнить противодѣйствіе методу Грубе, высказанное въ свое время Гурьевымъ, а въ 1875 году Л. Н. Толстымъ, то мы увидимъ, что антигрубеистическіе взгляды въ Россіи высказаны почти за 10 лѣтъ раньше, чѣмъ въ Германіи.

Доказавъ неосновательность метода Грубе и непригодность его для нашей школы, Гольденбергъ, Шохоръ-Троцкій, Егоровъ, Житковъ, Мартыновъ, Бобровниковъ и Вишневицкій создали свои методическія руководства, въ основаніе которыхъ положили не изученіе чиселъ, а *изученіе дѣйствій*; но чтобы легче было дѣтямъ изучать дѣйствія надъ числами и нумерацію чиселъ, предшествующую дѣйствіямъ, изученіе ариметики счисленія расположили въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) счетъ и четыре дѣйствія надъ числами перваго десятка; 2) нумерація и дѣйствія надъ числами первой сотни; 3) нумерація и дѣйствія надъ числами любой величины; 4) дѣйствія надъ составными именованными числами; 5) подготовительный курсъ дробей. Связь новаго метода съ старымъ осталась въ томъ, что у послѣдняго позаимствованы нѣкоторыя важныя дидактическія и методическія положенія, а именно: 1) необходимость концентраціи учебнаго матеріала, 2) введеніе въ ариметику практическихъ задачъ, 3) наглядность обученія, 4) устные вычисленія на ряду съ письменными и 5) вопросотвѣтную (катехизическую) форму обученія.

Такъ появился и занялъ въ нашихъ школахъ господствующее положеніе новый методъ—*методъ дѣйствій*. При посредствѣ этого метода достигается цѣль, поставленная нѣмецкими педагогами: примирить объективный и субъективный методы; этотъ же методъ далъ отдѣльнымъ частямъ ариметики счисленія ту связь, которой не могъ дать методъ чиселъ, переходя отъ изученія чиселъ къ изученію дѣйствій. Создавалъ методъ чиселъ, Грубе думалъ, что неокончившій курса школы ученикъ все-таки въ миниатюрѣ узналъ бы всю ариметику и при дальнѣйшемъ общемъ развитіи могъ бы самъ развить это малень-

кое зерно; но эта цѣль достигается новымъ методомъ, такъ какъ онъ не скрываетъ дѣйствій, а изучаетъ ихъ; но главное достоинство метода дѣйствій заключается въ томъ, что при его посредствѣ изучается ариметика, какъ наука о дѣйствіяхъ надъ числами, а не какъ наука о числахъ.

Настоящій очеркъ развитія методики ариметики закончимъ слѣдующимъ выводомъ: въ развитіи методики ариметики мы различали главнымъ образомъ три послѣдовательныхъ періода: 1) состояние до Песталоцци (механической или объективный методъ), 2) реформа Песталоцци (субъективный или психологическій методъ) и 3) реформы новѣйшаго времени, которыя сводятся къ двумъ главнѣйшимъ методамъ: а) методу чиселъ и б) методу дѣйствій.

Прослѣдивъ тотъ путь, по которому шло развитіе методики ариметики, мы теперь напомнимъ, чѣмъ долженъ руководиться учитель, выбирая себѣ методику ариметики.

На вопросъ: какая методика ариметики лучше? мы отвѣтимъ: та, которая составлена по *методу дѣйствій*; помимо этого достоинства, она должна быть написана хорошимъ литературнымъ языкомъ, должна обладать болѣе удобной системой, хорошими образцовыми уроками, обзоромъ литературы предмета и психологическими статьями, имѣющими связь съ дидактикой и въ частности съ методикой ариметики. Исходя изъ этого взгляда, рассмотримъ нѣкоторыя болѣе употребительныя методики ариметики.

По методу дѣйствій, какъ уже было сказано, составлены методики Мартыновымъ, Житковымъ, Гольденбергомъ, Шохоръ-Троцкимъ, Вишневымъ и др. Такъ какъ всѣ эти руководства объединены однимъ основнымъ положеніемъ, то существенной разницы между ними нѣтъ; если же есть отличія, то они имѣютъ второстепенный характеръ: такъ, Гольденбергъ подготовительный курсъ дробей проходитъ послѣ дѣйствій надъ числами первой сотни, Житковъ и Шохоръ-Троцкій совѣтуютъ на второй ступени (въ предѣлѣ первой сотни) ознакомить учениковъ съ составными именованными числами: раздробленіемъ, превращеніемъ, сложеніемъ и вычитаніемъ ¹⁾, на этой же ступени они даютъ понятіе о дробяхъ и упражненія на нахожденіе частей цѣлыхъ чиселъ и нахожденіе чиселъ по данной части; въ недавно выпедшей

¹⁾ Поступая такимъ образомъ, Житковъ и Шохоръ-Троцкій, очевидно, исходятъ изъ требованій генетическаго принципа при обученіи, по которому составное именованное число возникло раньше многозначнаго отвлеченнаго числа.

методикъ Арженикова введены новыя ступени: первые два десятка (глава III) и первая тысяча (глава V), подготовительнаго курса дробей и тѣтъ.

Для пользованія удобнѣе всего методики Вишневскаго, Арженикова, Гольденберга и Шохорь-Троцкаго: первые двѣ отличаются легкостью изложенія и удачными образцами уроковъ; методика Гольденберга представляетъ собой трудъ серьезный и вдумчивый; методика Шохорь-Троцкаго, изданная подъ заглавіемъ: „Методика ариметики съ приложеніемъ сборника упражненій по ариметикѣ для учащихся“ заключаетъ въ себѣ прекрасную психологическую статью, литературу предмета, разъясненія нѣкоторыхъ ариметическихъ понятій и статью о задачахъ; это трудъ вполнѣ научный и можетъ служить прекрасной справочной книгой для выясненія встрѣчающихся спорныхъ вопросовъ. О методикѣ Егорова слѣдуетъ только сказать, что въ ней хорошо составленъ выпускъ III, въ которомъ даны задачи, вычисленія и другія упражненія на отвлеченныя и именованныя цѣлыя числа; методики Житкова и Мартынова, кромѣ метода дѣйствій, другими достоинствами не отличаются.

Говоря о выборѣ методики, слѣдуетъ замѣтить, что отъ принятой методики зависитъ и выборъ сборника ариметическихъ задачъ, такъ какъ въ немъ сохраняется та же система, что и въ методикѣ, въ зависимости отъ которой онъ составленъ.

И. Шенко.

ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНІЯ ГЕОГРАФІИ ВЪ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ ПОВЫШЕННАГО ТИПА ¹⁾.

Преподаваніе географіи принадлежитъ къ тѣмъ дисциплинамъ, которыя сравнительно довольно поздно получили доступъ въ народную школу. Хотя еще педагоги Я. А. Коменскій, Августъ Германъ Франке со всею школою пѣтистовъ и филантрописты указывали вообще на важность географическаго преподаванія, но результаты ихъ указаній были незначительны и не соотвѣтствовали употребленному на это

¹⁾ Настоящая статья близко соприкасается съ учебнымъ планомъ по предмету географіи въ двухклассныхъ училищахъ по инструкціи 1875 года. Въ виду повсемѣстнаго расширенія сѣти этого типа училищъ и отсутствія особо выданныхъ подробныхъ примѣрныхъ программъ изучаемыхъ въ этихъ училищахъ предметовъ считаемъ необходимымъ привести здѣсь дословно объяснительную записку къ программѣ географіи во второмъ классѣ двухклассныхъ училищъ при учительскихъ семинаріяхъ Московскаго учебнаго округа:

Цѣль преподаванія географіи и въ двухклассномъ училищѣ заключается въ томъ, чтобы сообщить дѣтямъ необходимыя свѣдѣнія о нашемъ обширномъ отечествѣ относительно его природы, жителей и промышленности. Въ виду этого главное вниманіе должно быть обращено на данныя изъ отечественной географіи, а изъ всеобщей слѣдуетъ сообщить только такія свѣдѣнія, которыя необходимы для болѣе отчетливаго пониманія отечественной географіи.

Сообщеніе географическихъ свѣдѣній начинается обыкновенно въ старшемъ отдѣленіи I-го класса на урокахъ объяснительнаго чтенія статей географическаго содержанія, помѣщаемыхъ въ классныхъ книгахъ для чтенія, при чемъ для подготовкы учениковъ къ чтенію таковыхъ статей съ ними проходитъ предварительно краткій курсъ родновѣдѣнія въ связи съ изученіемъ и черченіемъ плановъ (класса, школы, школьной усадьбы, селенія или города) и картъ (волости, уѣзда и губерніи). На такой предварительный курсъ отдѣляется не болѣе 8—10 уроковъ.

Такимъ образомъ ученики, поступающіе въ младшее отдѣленіе II-го класса, имѣютъ уже нѣкоторый запасъ географическихъ свѣдѣній, а потому могутъ безъ затрудненія

усиліямъ. Географія долгое время оставалась мертвымъ и скучнымъ для учениковъ и учителей предметомъ преподаванія. Лишь новое время и преимущественно девятнадцатый вѣкъ создали этому учебному предмету надлежащее положеніе.

Новое время выдвинуло преподаваніе географіи на первый планъ и сдѣлало его особымъ и важнымъ предметомъ школьнаго обученія. Развитіе торговли, ремеслъ, многихъ видовъ промышленности, сравнительная нетрудность передвиженія не только въ предѣлахъ отечества, но и за границу его, при увеличивающихся съ каждымъ годомъ способахъ всякаго рода путей и средствъ сообщенія (шоссе, желѣзныя дороги, пароходы, почта, телеграфъ и телефонъ),—даютъ широкій обмѣнъ мыслей и чувствъ между людьми различныхъ специальностей, общественныхъ и экономическихъ положеній. Международныя отношенія, пресса, всемірныя и помѣстныя выставки, компаніи, общества и союзы ставятъ всѣ культурные народы во взаимное соприкосновеніе и дѣлаютъ ихъ участниками общаго историческаго прогресса. Особенно газета стала сильно проникать въ нашу деревню, стала вліять на нее, и крестьянское населеніе, взрослое и малолѣтнее, начало читать, слышать и интересоваться политической и общественной жизнью отечества, успѣхами культуры и новостями изъ Америки, Франціи, Германіи и т. п. Отсюда ясна необходимость преподаванія географіи въ

приступить къ изученію краткаго систематическаго курса географіи. Въ этомъ отдѣленіи сообщаются главнѣйшія свѣдѣнія изъ математической и физической географіи въ связи съ нѣкоторыми данными изъ отечественной географіи. Изученіе математической и физической географіи должно происходить при помощи необходимыхъ пособій, каковы: глобусъ, географическія карты, картины, чертежи и пр. Полезно также оживлять преподаваніе чтеніемъ подходящихъ статей, доступныхъ для пониманія учениковъ.

Въ старшемъ отдѣленіи II-го класса проходитъ краткій систематическій курсъ отечественной географіи, при чемъ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на природныя богатства Россіи и промышленную дѣятельность населенія. Изученіе отечественной географіи должно сопровождаться чтеніемъ подходящихъ статей изъ книги для чтенія, употребленіемъ необходимыхъ пособій и черченіемъ географическихъ картъ. Наиболѣе подходящимъ матеріаломъ для чтенія картъ служатъ системы рѣкъ и отдѣльныя пространства Россіи. Черченіе картъ должно производиться по навѣстнымъ образцамъ по градусной сѣткѣ, преимущественно на урокахъ, назначенныхъ для самостоятельныхъ занятій. По изученіи отечественной географіи сообщаются ученикамъ краткія понятія о важнѣйшихъ иностранныхъ государствахъ и краткія свѣдѣнія изъ міровѣдѣнія“ (Сборникъ постановленій и распоряженій по учительскимъ институтамъ, учительскимъ семинаріямъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ Московскаго учебнаго округа, ч. I-ая, стр. 415).

народной школѣ. Важными и интересными для человѣка являются не только земля и почва, на которыхъ онъ живетъ и движется, но и тѣ измѣненія, которыя происходятъ на землѣ, какъ части всей солнечной системы. Взрослый и дитя одинаково видятъ перемѣну дня и ночи, лѣта и зны, замѣчаютъ на себѣ и на окружающей природѣ вліянія этихъ явленій и одинаково желаютъ знать объясненія ихъ. Последнее ближе всего дается въ преподаваніи географіи. Земля во всемъ ея цѣломъ, какъ мѣсто, назначенное Промысломъ Божиимъ людямъ для обитанія, есть неисчерпаемый источникъ знанія и потому не можетъ не возбуждать въ людяхъ интереса къ изученію ея. Она—наша заботливая мать, такъ какъ питаетъ, одѣваетъ и защищаетъ насъ; она доставляетъ каждому изъ насъ ежедневно и радости и страданія. Она—мѣсто нашего рожденія и нашей смерти. Она—наша всеобщая учительница: она дѣло и памятникъ великихъ дѣлъ Божіихъ, историческая книга, на пестрыхъ и окаменѣлыхъ листахъ которой отпечатлѣны слѣды высокаго и могучаго Существа. Другими словами,

Что будетъ, есть и было
 На каменныхъ скрижаляхъ міра,
 Съ начала до его конца
 Рукой начертано Творца.

Въ преподаваніи географіи, правильно поставленномъ въ народной школѣ, можно различить тройкую необходимость: матеріальную, формальную и дидактическую. *Матеріальная* необходимость неразрывно соединяется съ принципомъ важности знанія земли, какъ жилища людей, и основывается на всемъ вышесказанномъ. *Формальные*, образовательные элементы преподаванія географіи лежатъ несомнѣнно въ томъ вліяніи, которое оказываетъ этотъ учебный предметъ на умъ, сердце и волю учащихся. Описаніе родины и изображеніе чуждыхъ странъ, съ ихъ населеніемъ, продуктами и условиями жизни пробуждаетъ способность вниманія,—это основное начало всякаго обученія. Развѣтѣмъ внимательности умственныхъ силы учащихся развиваются къ самостоятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ все окружающее невольно вызываетъ въ насъ къ себѣ интересъ, то преподаваніе географіи развиваетъ въ учащихся способность наблюденія. Все слышимое и видимое открываетъ смыслъ и значеніе природы, даетъ пониманіе ея красотъ, воспитываетъ любовь къ родному окружающему и склоняетъ къ почитанію Творца природы. Знаніе отличительныхъ свойствъ и взаимныхъ отношеній явленій и всѣхъ данныхъ окружаю-

щей природы воспитываетъ дѣятельность воображенія и способность сужденія и умозаключенія. Если при этомъ, какъ и должно быть, увидѣнное и услышанное учащимся репродуцируется устно и письменно, то преподаваніе географіи содѣйствуетъ развитію устной и письменной рѣчи. Къ этому присоединяется служебное положеніе географіи по отношенію къ другимъ предметамъ преподаванія, въ особенности къ родному языку, исторіи и природовѣдѣнію, такъ какъ географія указываетъ учащимся мѣсто дѣйствія историческихъ явленій, объясняетъ распространеніе міра животнаго и растительнаго и сообщаетъ о причинахъ замѣчательныхъ явленій въ жизни людей, животныхъ и растений.

Исходя изъ этого, географія есть очень широкая наука, и потому достаточно исчерпывающее ея изложеніе въ народной школѣ не было бы ни возможно, ни необходимо. Цѣль географіи, какъ учебнаго предмета (*дидактическая*) въ народной школѣ никоимъ образомъ не можетъ быть иною, какъ только—дать ученику понятіе о мѣстныхъ условіяхъ жизни родины, всей земли и ея обитателей по наиболѣе выдающимся признакамъ, другими словами, довести ученика до картиннаго и, хотя поверхностнаго, но твордаго, при помощи картинъ, географическихъ картъ и глобуса, знакомства со всѣми странами земли и преимущественно—съ отечествомъ. Цѣлесообразный выборъ географическихъ картинъ и приуроченное къ нимъ систематически поставленное изложеніе предмета составляютъ фундаментъ преподаванія. На первой, низшей ступени преподаваніе соединяется съ разсмотрѣніемъ географическихъ явленій (отвѣты на вопросы: „*что и гдѣ?*“), на слѣдующей—съ закономъ существованія данныхъ явленій (отвѣтъ на вопросъ: „*какъ?*“) и на третьей, болѣе высокой ступени—съ освоеніемъ и причиною явленій (отвѣтъ на вопросъ: „*почему?*“). Учитель долженъ послѣдовательно переходить отъ нагляднаго созерцанія предмета или явленія къ объясненію его и отъ послѣдняго къ совмѣстному съ учениками заключенію, практически объединяя и ставя въ тѣсную между собою связь эти три момента преподаванія.

Успѣшное и плодотворное преподаваніе географіи, какъ и всякаго учебнаго предмета, складывается главнымъ образомъ изъ двухъ условій: правильности выбора учебнаго матеріала и правильнаго хода обученія.

Выборомъ матеріала опредѣляется объемъ преподаванія географіи. Это значительно облегчается существующими для каждаго типа начальной народной школы учебными планами и программами. Но въ

предѣлахъ установленной примѣрной программы необходимо сдѣлать выборъ какъ на опредѣленный промежутокъ времени (четверть года, мѣсяць, недѣлю), такъ и на отдѣльные уроки, установить правильную распланировку того, что предполагается пройти. Выборъ долженъ касаться всѣхъ элементовъ географіи и, прежде всего, давать учащимся самое важное и существенное, самое образовательное и наиболѣе типическое. Выступъ съ тѣмъ предъявляются серіозныя требованія къ знанію предмета, строгой подготовленности и методическому такту учителя. Въ отношеніи къ выбору учебнаго матеріала могутъ быть рекомендованы слѣдующія основоположенія преподавателямъ географіи:

1) необходимо исходить отъ общихъ педагогическихъ принциповъ и точекъ зрѣнія и въ особенности принимать во вниманіе степень умственного развитія учащихся;

2) необходимо обращать вниманіе на самое важное и общеобразовательное, самое существенное и типическое и на первый планъ выдвигать природныя условія, т. е. физическій элементъ географіи;

3) не оставляя безъ надлежащаго вниманія и остальные элементы географіи, слѣдуетъ однако избѣгать всего случайнаго и не имѣющаго прямого отношенія къ дѣлу, и

4) для каждой ступени обученія необходимо избирать матеріалъ изъ различныхъ элементовъ географіи съ тою цѣлью, чтобы изъ сопоставленія ихъ составилась цѣльная картина воспринимаемаго.

Слѣдую означеннымъ основоположеніямъ, матеріалъ цѣлесообразно и строго опредѣленно избирается по субъективной точкѣ зрѣнія учителя такимъ образомъ, чтобы расположеніе его соответствовало ступенямъ развитія подросткающаго поколѣнія, и на каждой ступени изъ всего богатаго матеріала науки дается лишь столько, сколько можетъ быть усвоено и переработано посредствомъ одаренными ученикамъ. Поэтому въ каждомъ классѣ или отдѣленіи школы изъ всего цѣлага науки даются только соразмѣрные съ силами и пониманіемъ учениковъ элементы, которые постепенно, концентрически расширяются и дополняются на слѣдующихъ ступеняхъ обученія. Здѣсь должно играть основную роль то педагогическое положеніе, по которому всякое обученіе въ начальной школѣ должно идти отъ близкаго къ отдаленному, отъ легкаго къ болѣе трудному и отъ простаго къ сложному. Исходя изъ этого, нельзя начинать преподаваніе съ общихъ введеній и сообщеній абстрактнаго характера, которыя въ своемъ полномъ значеніи могутъ быть съ интересомъ восприняты и поняты позднѣе,

въ концѣ курса, когда они могутъ быть полезны, какъ обобщающій матеріалъ по отношенію къ усвоенному раньше.

Такимъ образомъ планъ первоначальнаго обученія географіи на первой, низшей ступени развитія учащихся можетъ быть примѣрно слѣдующій: классъ, школа, родительскій домъ. Дорога отъ школы къ родительскому дому: дорога, улица, большая дорога, тропинка, мостъ. Сравненіе домовъ даннаго селенія по положенію, величинѣ, формѣ. Деревня, городъ. Школьный садъ, лугъ, лѣсъ, поле. Поверхность школьной усадьбы, школьнаго сада, планъ его, равнина, кротовая горка, гора, вершина, впадина, долина; рыхлая и твердая земля, пашня, песчаная, глинистая и каменистая земля. Ручеокъ близъ школы, канава, источникъ, рѣка, прудъ, озеро; стоячія и проточныя воды. Дорога ученика въ школу: вѣтеръ, погода, облако, дождь, иней, снѣгъ, морозъ, оттепель; измѣненіе степени солнечной теплоты въ теченіе дня и всего года; время дня и время года. Растенія и животныя въ школьномъ саду и въ другихъ садахъ, въ полѣ, въ лѣсу. Растенія, питающія человѣка; растенія, питающія животныя; кормовыя травы, хлѣбныя растенія, плодовые деревья. Работа въ школьномъ саду, въ другихъ садахъ, на полѣ, въ лѣсу; занятія жителей даннаго мѣста. Паденіе тѣни отвѣсно стоящей палки въ школьномъ саду въ 12 часовъ дня: страны свѣта, ориентированіе въ данномъ мѣстѣ, планъ класса, школьнаго сада, деревни и значеніе всего, изображеннаго на немъ.

Для слѣдующей ступени распланировка элементарнаго курса географіи можетъ быть принята такая: расширеніе поля зрѣнія во всѣ стороны отъ школьнаго сада и ближайшихъ возвышенностей; горизонтъ. Родина; общее ориентированіе въ ней и ея положеніе. Видъ поверхности родины по высотѣ и глубинѣ (равнина, возвышенность, холмъ, гора, долина, хребетъ), качество почвы (черноземъ, суглинокъ, супесокъ); сравненіе двухъ мѣстностей родины по формѣ поверхности и выводъ общихъ положеній (напримѣръ: наша мѣстность гористая, ропная, плодородная, скудная и т. п.; горы покрыты лѣсомъ; у подошвы горы растутъ плодовые деревья; пространство между горами (углубленіе, равнина) особенно плодосно. Отъ строенія почвы зависить степень влажности; количество воды, расположеніе водъ и направленіе; воды источниковъ; область рѣки; водораздѣльная линія. Метеорологическія условія родины; измѣняющіяся климатическія картины въ данной мѣстности въ теченіе года; вліяніе солнца и вѣтра (подвѣтренная и надвѣтренная сторона); растенія данной мѣстности

и цвѣты; домашнія и дикія животныя родины. Подраздѣленіе родной округи на волости, общества; уѣздъ; губернія; главныя губерніи отечества; карта родной деревни, уѣзда, губерніи; карта отечества и значеніе знаковъ на ней. Карта, какъ изображеніе части земной поверхности, и глобусъ, какъ изображеніе всего земного шара. Линіи на глобусѣ и на картѣ; географическое положеніе отечества относительно экватора и полюсовъ, моря и другихъ странъ; общіе заключительные выводы изъ этого. Изученіе карты отечества для приобрѣтенія вѣрнаго знанія формъ поверхности и орошенія, а также степени культурности отечества. Зависимость послѣдней отъ природы. Хозяйственная и трудовая жизнь мѣстнаго населенія; зависимость рода занятій жителей отъ данной природы. Государственное устройство отечества. Общее ознакомленіе съ степенью развитія искусства и науки въ отечествѣ въ связи съ историческими свѣдѣніями учащихся. Картины природы и культурности сосѣднихъ государствъ. Краткое ознакомленіе съ культурными странами міра. Главнѣйшіе пути и центральные пункты міровыхъ сношеній. Свѣдѣнія изъ математической географіи: глобусъ, форма и величина земли; теллуриі, движеніе земли, объясненіе времени дня и года; перемѣны луны, затменіе. Планетарій. Календарь.

Такимъ образомъ, обученіе географіи должно начинаться съ близкаго дѣтямъ окружающаго и именно съ мѣста жительства, съ родины. Подобно тому, какъ ребенокъ, встрѣчая взоры матери, пробуждается ими къ сознанію, такъ и міровѣдѣніе должно начинаться въ томъ же самомъ взорѣ, которымъ глядитъ на него мать-природа. Ручей, въ которомъ мальчикъ забавлялся рыбками, рѣка въ которой онъ купался, сосѣднія поля, гдѣ онъ видѣлъ всю прелесть родной природы, садикъ, гдѣ рвалъ плоды, собиралъ мушекъ и улитокъ, — все это предметы первичной его любознательности, и для мальчика нѣтъ ничего болѣе привлекательнаго, чѣмъ предметы той родной природы, которую онъ до школы любилъ безсознательно своей непосредственной дѣтской душой; со вступленіемъ же въ школу онъ начинаетъ разсматривать, въ новомъ освѣщеніи, вполне осмысленно наблюдая каждый камень, каждое растеніе, каждое насѣкомое, горку, долину и т. д. Родина есть источникъ познанія окружающаго міра, она—зеркало всего земного міра, и кто не научился правильно смотрѣть въ это зеркало, для того затруднительно пониманіе отдаленныхъ странъ. Гумбольдтъ вполне правъ, когда говоритъ: „Природа въ каждомъ углу земли есть отраженіе цѣлаго“ (Kosmos, II, 89).

Великій географъ Карлъ Риттеръ требуетъ начинать преподаваніе географіи съ обзорнія родины, *родиноуѣднія*. Самымъ естественнымъ методомъ онъ считаетъ такой, который, соответственно природѣ предмета, ведетъ отъ частнаго къ общему, такъ какъ дитя прежде всего старается ориентироваться среди окружающей дѣйствительности и фиксировать въ своемъ умѣ то, что оно видѣло, и благодаря этому дѣлается способнымъ понимать карты и географическія условія другихъ странъ. Родиноуѣдніе расширяется до отечествоуѣднія, затѣмъ идетъ ознакомленіе съ государствами Европы и остальными иносѣнными странами міра, и, наконецъ, слѣдуетъ разсмотрѣніе планетарныхъ и космическихъ условій всей земли.

Такимъ путемъ выбора учебнаго матеріала преподаваніе осуществляется *синтезъ*, такъ какъ результатъ преподаванія, знаніе общаго, т. е. всей земли, достигается лишь въ концѣ курса; напротивъ, если преподаваніе идетъ по обратному пути и даетъ конечные результаты знанія прежде, нежели знакомляетъ съ деталями и подробностями учебнаго предмета, то происходитъ *анализъ*. Практикъ-учитель пользуется обычно въ равной степени при преподаваніи родиноуѣднія то аналитическимъ, то синтетическимъ приѣмомъ, выбирая изъ всего цѣлаго отечественной картины отдѣльныя составныя части и соединяя эти части въ общее жизненное и свѣжее по краскамъ цѣлое.

Правильность преподаванія географіи обуславливается не только цѣлесообразнымъ выборомъ матеріала и твердой распланировкой даннаго курса, но и *ходомъ* самаго преподаванія. Вниманію учащихся предлагаются слѣдующія основоположенія, выработанныя методикою въ этомъ дѣлѣ:

1) Исходи отъ наблюденія, т. е. дѣлай преподаваніе сколько возможно нагляднымъ. Наглядность есть общая пропедевтика для всѣхъ предметовъ начальнаго народнаго обученія, и въ особенности—для географіи. Исходной точкой для учителя географіи должно быть направленіе взора учащагося на ближайшіе предметы и явленія дома, въ саду, въ полѣ, въ лѣсу и т. д. и планоуѣрное расширение кругозора. На этомъ основаніи для всѣхъ ступеней географическаго преподаванія наглядность остается первымъ и непреложнымъ требованіемъ. На правильно поставленномъ наблюденіи изучаемаго основывается легкость возникновенія представленій и ихъ ясность у учащихся и образованіе у нихъ собственныхъ непосредственныхъ наглядныхъ наблюденій, такъ какъ очевидность и самодѣтельность есть лучшая дорога къ завоеванію истины.

Въ процессѣ пользованія наглядностью при обученіи географіи наблюдаются слѣдующіе главные моменты: а) наблюденіе надъ отдѣльными объектами (возникновеніе единичныхъ представленій), б) укрѣпленіе соотношеній отдѣльныхъ объектовъ другъ къ другу (групповыя представленія), в) установленіе законмѣрности между отдѣльными объектами наблюденія (винословность, причинность), 2) заключеніе по сходнымъ условіямъ (аналогическое заключеніе) и заключеніе о сходныхъ признакахъ у предметовъ одного и того же вида (индуктивное заключеніе).

Единичныя представленія образуются разсмотрѣніемъ объектовъ безъ обращенія вниманія на то, почему и какъ они сгруппированы между собою. Каждый отдѣльный объектъ разсматривается, какъ органическое цѣлое, по своимъ частямъ, признакамъ, особенностямъ. Не каждый предметъ обладаетъ одинаковымъ для географическаго преподаванія достоинствомъ по типичности формъ. Родина и ея окрестности въ большинствѣ случаевъ даютъ ученику для разсмотрѣнія слѣдующіе объекты: гора, холмъ, вершина, подошва, склонъ, горный проходъ, гребень, узелъ, водораздѣлъ, долина, лощина, прудъ, озеро, ручей, рѣка, потокъ, берегъ, русло, теченіе, излучина, склонъ поверхности, водопадъ, водоворотъ, источникъ, устье, главная рѣка, притокъ, судоходство и пароходство, система, островъ, полуостровъ, коса, отмель, климатъ, вѣтры, облака, осадки, почва, минералы, растительный покровъ, животный міръ, городъ, деревня, рынокъ, кремль, площадь, улица, предмѣстье, главный городъ, памятники, дороги (проселочная дорога, шоссе, желѣзная дорога), мосты, линейные размѣры этихъ объектовъ; административныя установленія и суды въ деревнѣ и въ городѣ; благотворительныя должности, торговля, занятія жителей, народные праздники, національный языкъ; солнце, мѣсяцъ, звѣзды, небесныя явленія, затменія, времена дня и года, горизонтъ, страны свѣта, ориентированіе въ открытомъ мѣстѣ. При этомъ непосредственнымъ воспріятіемъ отъ учителя ученики могутъ быть ознакомлены съ необходимыми первоначальными географическими терминами.

Групповыя представленія составляются благодаря тому, что предметы связаны между собою по мѣсту. За роднымъ привычнымъ холмомъ стоятъ мостъ, подъ которымъ течетъ ручей, за ручьемъ садъ и т. п., далѣе идутъ поля и т. д. Эти объекты находятся въ соприкосновеніи другъ къ другу, къ родному мѣсту и разсматриваются по группамъ. Внутри поля зрѣнія для дитяти можетъ быть много такихъ группъ—объектовъ для наблюденія. Сумма же соединенныхъ

отдѣльныхъ объектовъ разсматривается, какъ географическій индивидуумъ, во всей совокупности частей.

Наблюдения причинности состоятъ въ томъ, что объекты природы ставятся другъ къ другу въ отношенія причины и слѣдствія, условности и зависимости: почему ручей течетъ у подошвы горы? почему гора—родина рѣки? почему ива стоитъ у источника, а не на пригоркѣ? почему таетъ снѣгъ на южной сторонѣ крыши раяѣ, тѣмъ на сѣверной? почему въ лощинахъ снѣгъ остается до конца весны? и т. д.

При аналогіи и индукціи ученикъ непосредственными наблюденіями приводится къ представленію другого предмета или явленія и понимаетъ причинную ихъ зависимость. Исходя изъ того, что во всей вселенной существуютъ одни и тѣ же законы причинности, ученикъ по аналогіи будетъ заключать и о предметахъ, недоступныхъ наблюденію. На лугу дитя учится узнавать низменность и равнину, на источникѣ—рѣку, берегъ, теченіе и т. д. По небольшому, обтекаемому ручьемъ клочку земли оно составляетъ себѣ понятіе объ островѣ; по выдающейся извилинѣ берега рѣки создается понятіе о полуостровѣ. Родные холмы даютъ понятіе о плоскогоріи и горахъ, склонѣ, вершинѣ, подошвѣ и т. п. Разсмотрѣніе произведеній земли и всякаго рода занятій жителей вводитъ учениковъ въ понятіе о добывающей, обрабатывающей и мѣнковой промышленности. Отправление богослуженія въ церкви даетъ поводъ говорить о различіи вѣроисповѣданій у людей и т. д. Органы мѣстнаго самоуправленія даютъ матеріалъ для бесѣдъ о политическомъ и общественномъ устройствѣ отечества и другихъ странъ. Дѣти смотря на восходъ и заходъ солнца, наблюдаютъ теченіе дня и положеніе солнца въ различныя времена года. Наблюденіе горизонта создаетъ пониманіе четырехъ странъ свѣта. Въ разное время дня и года ученикъ учится понимать погоду и климатъ. При этомъ недостаточно, чтобы учитель на урокѣ только предоставилъ своимъ ученикамъ дѣлать наблюденія надъ тѣмъ или другимъ явленіемъ природы.

Значительную полноту и ясность даютъ преподаванію предпринимаемыя время отъ времени небольшія экскурсіи съ учениками. Отъ умѣнья учителя зависитъ придать экскурсіи образовательный характеръ и увеличить сумму наблюденій, которыя должны составить предметъ послѣдующихъ объясненій учителя въ классѣ. Способомъ аналогіи ученикъ приходитъ къ заключенію, что предметы и явленія одной невиданной имъ страны должны обладать тѣми же признаками,

что и знакомыя мѣста его родины (индукціонное заключеніе). Аналогическо-индукціонныя сужденія, важныя тѣмъ, что они распространяютъ знаніе ученика за границы его непосредственныхъ созерцаній, однако, конечно, не могутъ имѣть притязаній на безусловную вѣрность; ихъ относительная правильность находится въ зависимости отъ большаго или меньшаго развитія и знанія ученика.

2) Переходы отъ близкаго къ отдаленному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ простаго къ сложному. Это основное правило особенно, какъ уже показано выше, важно при выборѣ учебнаго матеріала. Имъ же обуславливается и ходъ преподаванія по отношенію ко вѣмъ ступенямъ начальнаго обученія.

3) Веди преподаваніе географіи съ карандашомъ въ рукѣ. Для укрѣпленія въ памяти изучаемаго матеріала путемъ зрительныхъ ассоціацій пусть учитель стоитъ во время урока передъ классной доской съ мѣломъ въ рукѣ, и пусть на самомъ урокѣ совмѣстной работой учителя и учениковъ зарождается простая, незамысловатая географическая карта. Черченіе карты и плана должно идти такимъ образомъ рука объ руку съ преподаваніемъ. Участіе въ черченіи и рисованіи вызываетъ ученика къ самостоятельности, при чемъ предлагаемый матеріалъ приобретаетъ большую ясность и легче запечатлѣвается въ памяти. Черченіе въ классѣ приноситъ также и формально образующій элементъ—и постольку, поскольку съ этимъ соединяется эвристическій методъ обученія. Наконецъ, черченіе подготавливаетъ къ чтенію географической карты и сообщаетъ картѣ большую наглядность и вѣрное ея пониманіе. Дѣти учатся понимать картографическіе знаки для обозначенія горъ, рѣкъ, дорогъ, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и т. д. и дѣлаются способными абстрагировать то, что изображено на находящейся передъ глазами картѣ.

4) Никакого географическаго преподаванія безъ карты! Хорошія стѣнные и ручныя географическія карты являются безусловно необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ. При отсутствіи карты даже талантливое преподаваніе географіи не имѣетъ удовлетворительныхъ результатовъ. Необходимымъ условіемъ наличности карты является потребность пониманія карты учениками. Этому содѣйствуетъ, какъ было выше упомянуто, черченіе карты учениками. Учителю слѣдуетъ объяснить дѣтямъ значеніе различныхъ линій на картѣ, штриховъ, знаковъ и красокъ и упражнять учениковъ въ правильномъ и живомъ изображеніи географическихъ объектовъ соотвѣтствующими знаками. Чтеніе карты является серьезнымъ образовательнымъ элемен-

томъ, потому что на нихъ обозначены не только положеніе, оршеніе, горизонтальное и вертикальное расчлененіе и т. п., но и дается объясненіе такимъ объектамъ наблюденія, которые непосредственно на нихъ даже не изображены. Такъ, напр., изъ чтенія карты выясняются плодородіе и скудость почвы данной страны, качество климата, густота населенія, занятія жителей и т. п. Наблюденіе, его укрѣпленіе, комбинированіе, сужденіе и заключеніе—вотъ формально-образовательныя преимущества чтенія карты. Географическая карта—если она понимается—есть руководство и книга для чтенія учащихся, которымъ умѣлый, способный и знающій учитель можетъ придать жизнь. Къ постоянному пользованію картою примыкаетъ очень близко слѣдующее методическое основоположеніе:

5) Заботься о живомъ, интересномъ изложеніи предмета. Съ однимъ знаніемъ дѣла еще немного можно успѣть въ преподаваніи географіи. Необходимо оживить изучаемый матеріалъ, необходимо конкретнымъ изображеніемъ его нарисовать передъ взоромъ дѣтей ландшафтъ и образно изложить особенности данной страны, условія жизни и занятія, характеръ и обычаи ея жителей. Повѣствовательная и по возможности увлекательная ¹⁾ форма изложенія должна придать сухому мнемоническому остову знанія жизненный видъ. Свободное, наглядное и живое преподаваніе, возбуждающее самодѣятельность учащагося, дѣлаетъ этотъ предметъ любимымъ и интереснымъ. При отсутствіи этихъ данныхъ онъ дѣлается для учащихся скучнымъ и даже ненавистнымъ. Въ виду же опасности для учителя злоупотреблять этимъ положеніемъ, весьма цѣлесообразно помнить и другое правило: рассказывай немного, но развивай много и все рѣшительно соедини въ полную жизни характерную картину!

6) Приучай учащихся самостоятельно воспроизводить словомъ все изученное и подвергнутое наблюденію. Все, что дѣти видѣли на картѣ или картинѣ и узнали при содѣйствіи учителя, они должны умѣть передать самостоятельно и въ связаномъ изложеніи. Изученіе географіи должно быть совмѣстною работою какъ учителя, такъ и учениковъ: учитель даетъ знаніе ученикамъ и получаетъ отъ нихъ какъ можно чаще въ этомъ отчетъ. Ученикъ долженъ трудомъ и усиліемъ добыть себѣ путь къ самостоятельному знанію; поэтому дѣтямъ долженъ часто предоставляться случай высказываться по поводу приобрѣтен-

¹⁾ См. „Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи“. Л. Келльнера, переводъ Масловой, 1898 г., стр. 143.

ныхъ знаній. Копированіе карты, плана и пересказъ изложеннаго возбуждаетъ соревнованіе и приучаетъ къ свободному употребленію языка и изложенію мыслей. Это сближаетъ учителя съ духомъ ученика и даетъ возможность узнать, насколько изученное вошло въ кровь и плоть ученика. Этимъ же достигается систематизированіе знаній ученика, которыя изъ отрывочныхъ свѣдѣній превращаются въ стройное, полезное на всю жизнь цѣлое.

7) Веди преподаваніе преимущественно въ формѣ діалога. Пусть учитель оберегаетъ себя отъ постоянныхъ наставленій и придастъ своему уроку форму развивающей бесѣды. Разсматривая карту вмѣстѣ съ учителемъ, дѣти должны сами приходить къ выводамъ и давать объясненія: изъ положенія страны, орошенія и устройства ея поверхности дѣлаются заключенія о климатѣ, продуктахъ страны и занятіяхъ ея жителей, и выводятся общіе законы изъ цѣлесообразно выясненныхъ причинъ. Главное значеніе здѣсь имѣютъ не рѣчистость учителя, какъ было выше указано, а его способность и умѣнье пробудить въ нихъ сознательное отношеніе къ дѣлу и самостоятельность мысли. При помощи вопросовъ учитель долженъ побудить дѣтей къ размышленію и выраженію мыслей, къ пониманію и показыванію (на картѣ), къ усвоенію и самостоятельному выводу. Его преподаваніе должно быть живое, твердое, возбуждающее и правильное.

8) Старинное изреченіе: „повтореніе есть мать всякаго ученія“ имѣетъ преимущественную важность въ преподаваніи географіи. Изъ всего того, что изучается въ школѣ, географическія свѣдѣнія улетучиваются изъ памяти быстрѣе другихъ, и потому требуется болѣе частое ихъ повтореніе. Возобновленіе въ памяти изученнаго представляетъ много выгодъ. У учителя имѣется много средствъ для облегченія подобнаго рода работы: а) старательный выборъ матеріала при соблюденіи правила: „не слишкомъ много за одинъ разъ“; б) ясное, логически послѣдовательное обращеніе съ принятыми за основаніе данными и постановленіе отдѣльныхъ данныхъ въ органическую связь („Веди часто параллели и ставь всегда частное въ соотношеніе съ частнымъ и цѣлымъ“) и в) хорошая стѣнная карта, книга для чтенія и яркія красивыя географическія картины. При повтореніи очень рекомендуется приѣмъ установленія взаимной связи родственныхъ и сходныхъ географическихъ данныхъ. Географическіе, историческіе и естественнoисторическіе элементы связываются на урокахъ географіи, и преподаваніе дѣлается не только интереснымъ, но и всесторонне полезнымъ. „Всегда крѣпко держись руководящихъ точекъ зрѣнія и

особенно останавливаясь, наряду съ внѣшней, и на внутренней взаимной зависимости географическихъ явленій^а. Здѣсь вполне необходима концентрація. И чѣмъ многостороннѣе, правильнѣе и научнѣе обставляется повтореніе, тѣмъ ближе становится учитель къ духовной силѣ учащихся и болѣе является бодрости съ ихъ стороны при овладѣніи пріобрѣтенными знаніями.

Въ дѣлѣ преподаванія географіи важную роль играетъ *личность учителя*. Нѣтъ предмета преподаванія въ народной школѣ, требующаго отъ учителя наиболѣе серьезной подготовки и образованія и болѣе широкаго, чѣмъ географія. Она предъявляетъ и къ учителю, и къ ученику очень высокія требованія. Едва ли есть область знанія, которая можетъ быть чужда учителю географіи: онъ долженъ быть до нѣкоторой степени и историкомъ, и физикомъ, и ботаникомъ, и зоологомъ, долженъ быть знакомъ съ культурными данными и религіозными условіями у различныхъ народовъ. Онъ долженъ умѣть разсказать о родинѣ и о чужихъ странахъ, о тундрахъ Азіи, о первобытныхъ лѣсахъ Америки, о пустыняхъ и моряхъ и т. п., и при этомъ описывать наглядно, дѣйствовать на умъ, сердце и волю дѣтей и быть энергичнымъ тѣломъ и головой. Эта очень нелегкая задача можетъ быть достигнута только усердной разработкой относящейся сюда литературы. При этихъ условіяхъ дѣлается для него возможнымъ воспитывать въ сердцахъ дѣтей святую любовь къ родинѣ и привязанность къ отечеству не только ради его хорошихъ качествъ, но главнымъ образомъ потому, что отечество есть мѣсто, гдѣ каждому предоставляется возможность и долгъ дѣйствовать для общихъ цѣлей прогресса человѣчества и употреблять пріобрѣтенные опыты и знанія на благо родной страны, въ томъ сознаніи, что она есть частица божественной, чудной постройки Творца, гдѣ все окружающее человѣка немолчно говоритъ: „Слава въ вышнихъ Богу!“

Н. Веригинъ.

ПОЛОВОЙ ВОПРОСЪ.

(По поводу сочиненія проф. Авг. Фореля „Половой вопросъ. Естественно-историческій, психологическій, гигиенический и социологическій этюдъ, предназначающійся для образованныхъ читателей“. Переводъ С. Э. Фуксъ. С.-Пб. 1906. XXII+678 стр. Цѣна 4 р.).

Въ послѣднее время половой вопросъ не только началъ обращать на себя вниманіе со стороны врачей и педагоговъ, но и сталъ прямо моднымъ, интересующимъ людей, даже непрічастныхъ серьезному чтенію. Оно и понятно. Половая распущенность достигаетъ въ настоящее время, можно сказать, крайнихъ предѣловъ среди субъектовъ юнаго возраста. Нѣкоторые пороки такъ распространены и такъ вообще неуловимы, что ни родители, ни педагоги, ни даже врачи не въ состояніи предпринять противъ нихъ болѣе или менѣе усильной борьбы.

По нашимъ личнымъ наблюденіямъ, онанизмъ, на примѣръ, наблюдаемъ былъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ у 30—36% учащихся въ возрастѣ 14—17 лѣтъ и у 16,5% мальчиковъ 13 лѣтъ. У юношей 18—21 лѣтъ, объ руку съ признаками онанизма, замѣчаемы были признаки, указывавшіе вообще на злоупотребленіе половыми органами, такъ какъ ростъ и развитіе этихъ послѣднихъ соответствовали условіямъ совсѣмъ не юнаго, но вполне возмужалаго возраста.

Вопросъ объ изысканіи мѣръ спасенія отъ половыхъ аномалій въ юномъ возрастѣ занимаетъ педагоговъ и врачей во всѣхъ культурныхъ странахъ, тѣмъ не менѣе старанія этихъ лицъ помочь горю далеко не увѣнчиваются желаемымъ успѣхомъ: все дѣло ограничивается болѣе теоретическими соображеніями, нежели практическими результатами.

Борьба съ половыми аномаліями должна быть собственно ведена

путемъ двоякимъ: во-первыхъ, путемъ теоретическаго ознакомленія отроковъ и юношей (лучше всего съ 15-лѣтняго возраста) съ основными подробностями полового вопроса, т. е. съ серьезною ролью послѣдняго въ индивидуальной и общественной жизни человѣка, съ важнымъ значеніемъ цѣломудрія въ пору юнаго возраста, въ пору усиленнаго роста и развитія тѣла индивидуума, съ необходимостью видѣть въ женщинѣ не орудіе къ удовлетворенію половой похоти мужчины, но существо умственное и нравственное, съ правами на защиту и уваженіе, а не на развращеніе со стороны окружающихъ; во-вторыхъ, путемъ, хотя и осторожнаго, но неусыпнаго наблюденія за всѣми движеніями и дѣйствіями отроковъ и юношей, въ цѣльхъ содѣйствія затрачиванію ихъ энергіи на трудъ и на развлеченія нормальнаго, здороваго, а не патологическаго характера.

Паряду съ популярными брошюрами по данному вопросу, мы встрѣчаемъ въ печати спеціальныя монографіи, крупныя доклады на гигиеническихъ сѣздахъ и, наконецъ, строго-научныя труды многихъ ученыхъ, извѣстныхъ въ области медицины и психіатріи. Къ послѣднимъ можно смѣло причислить и вышеназванный трудъ цюрихскаго профессора психіатріи, А. Фореля.

Трудъ этотъ представляетъ плодъ многолѣтняго изученія предмета и дѣйствительно обнимаетъ половой вопросъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія: религіи, морали, искусства, политики, права, медицины. Въ особенности же вопросъ этотъ важенъ для педагоговъ и врачей, такъ какъ онъ имѣетъ самое тѣсное отношеніе къ сохраненію здоровья и къ рациональному воспитанію юношества, и такъ какъ основательное съ нимъ знакомство даетъ возможность спасти послѣднее отъ безчисленнаго множества золъ, обязанныхъ прямо отсутствію такого знакомства.

Основное положеніе въ половомъ вопросѣ, по Форелю, состоитъ въ слѣдующемъ: *„У человека, какъ у всякаго живого организма, неизмѣнной цѣлью каждой половой функціи, а слѣдовательно и половой любви, является продолженіе вида. Въ виду этого ее прежде всего надо разсматривать съ точки зрѣнія естественнонаучной, психологически-физиологической и социологической“*. „Человѣчество, ради собственнаго счастья, должно желать, чтобы его размноженіе происходило такимъ способомъ, при которомъ прогрессивно усиливались бы всѣ его физическія и духовныя свойства какъ въ смыслѣ физическихъ силъ и здоровья, такъ и въ отношеніи характера, ума, воли, творческой фантазіи, оптимистической любви къ работѣ, жизнерадостности

и чувства соціальной солидарности. Поэтому каждая попытка разрешить половой вопросъ должна имѣть въ виду будущее и счастье нашего потомства“.

Если разсматривать половой вопросъ съ болѣе возвышенной точки зрѣнія, по мнѣнію Фореля, то онъ и хороше и нравствененъ. Позорны и гнусны лишь та грязь и подлость, которую внесли въ него дикія эгоистическія страсти, или глупость и невѣжество, идущія рука объ руку съ эротическимъ любопытствомъ и мистическимъ суевѣріемъ и часто сочетающіяся съ мозговыми отравленіями и ненормальностями.

Въ разсматриваемомъ сочиненіи Фореля первыя семь главъ разбираютъ естественную исторію, исторію и психологію половой жизни, VIII глава—ея патологію, а IX до XVIII главы—ея соціологическую сторону, т. е. ея отношеніе къ разнымъ областямъ человѣческой жизни.

Въ сочиненіяхъ по половому вопросу врачей и педагоговъ занимаютъ предпочтительно тѣ данныя, которыя относятся къ урегулированію нормальнаго полового развитія юношей, къ предупрежденію уклоненій отъ этого развитія, а равно къ воспитанію цѣломудрія въ субъектахъ дѣтскаго и отроческаго возраста. Поэтому и понятно, что въ книгѣ Фореля вниманіе наше обращаютъ на себя подробности, касающіяся именно этихъ данныхъ. Всѣ же остальные детали сочиненія представляютъ гораздо меньшій интересъ или же имѣютъ значеніе постольку, поскольку связаны съ гигиеной или воспитаніемъ дѣтскаго возраста.

При составленіи своей книги Форель имѣлъ въ виду опредѣленную точку зрѣнія, которую настойчиво и преслѣдовалъ съ начала до конца сочиненія.

Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ авторъ, что животныя половыя страсти способны принести много зла обществу, однако ярое возмущеніе не поможетъ намъ исправить это зло. Для успѣшной съ нимъ борьбы необходимо разумно направлять человѣческія страсти въ такое русло, гдѣ бы онѣ протекали на пользу общества, надо всѣми силами стараться, чтобы онѣ не могли вредить. Не надо ни презирать ихъ, ни попирать ногами, ни боготворить, но только дѣлать ихъ болѣе нравственными, стараясь придавать имъ гуманный, соціальный характеръ. Человѣкъ долженъ удовлетворять свои естественныя половыя потребности, не нанося этимъ ущерба другимъ лицамъ и стараясь, по возможности, приносить пользу человѣчеству, имѣя въ виду преимущественно благо потомства, т. е. будущаго человѣчества. Мы должны

уготовить нашему потомству болѣе счастливыя условія существованія, чѣмъ наши, хотя бы изъ благодарности за тѣ огромныя успѣхи культуры, которые приобрѣтены кровью, потомъ, а иногда и мученичествомъ нашихъ предковъ.

Идеаль половой любви изображается авторомъ такъ: мужчина и женщина, подъ вліяніемъ взаимнаго полового влеченія и гармоніи характеровъ, заключаютъ между собою союзъ, въ которомъ они поощряютъ другъ друга къ совмѣстной работѣ на благо человѣчества; при этомъ исходной точкой для такой работы должно явиться воспитаніе самыхъ близкихъ существъ, а именно дѣтей. „Такимъ образомъ“, какъ справедливо замѣчаетъ Форель, „эгоизмъ той и другой стороны (l'amour est l'égoïsme à deux,—французская пословица) лишится той почвы, на которой онъ способенъ развиваться“.

„Безцѣльное половое сношеніе“, прибавляетъ авторъ, „какимъ оно является въ проституціи, въ состояніи насытить лишь самое низменное вождельніе, но оставляетъ безъ удовлетворенія всѣ высшія стремленія полового инстинкта.“

...Половое бравированіе, въ связи съ животнымъ вождельніемъ, часто толкаетъ въ объятія проституціи мужчинъ съ самымъ благороднымъ образомъ мыслей наперекоръ лучшимъ ихъ инстинктамъ, наперекоръ разсудку и этическому чувству. Лучшимъ ея союзникомъ въ этомъ случаѣ является алкоголь. Это самый обыкновенный путь, ведущій мужчину въ омутъ половой жизни и въ то же время заключающій въ себѣ одинъ изъ важнѣйшихъ зародышей социальнаго вырожденія“.

Современное общество безспорно одержимо эротизмомъ, т. е. болѣе или менѣе возбужденнымъ состояніемъ полового инстинкта. Если постоянно развивать эротизмъ искусственно, говоритъ Форель, развивать исключительно на почвѣ животной чувственности, помимо всѣхъ высшихъ этическихъ и интеллектуальныхъ задачъ, то это приводитъ къ образованію въ душѣ соответственныхъ отраженій, которыя можно назвать „порнографическимъ духомъ“. У такихъ людей весь кругъ представленій до того наполненъ эротизмомъ, что это налагаетъ печать на всѣ ихъ мысли и чувства... Мужскому эротизму, въ его грубо чувственномъ стремленіи, удалось пересоздать на свой ладъ цѣлую категорію слабохарактерныхъ женщинъ... Женщина въ половомъ отношеніи обыкновенно становится тѣмъ, что сдѣлалъ изъ нея мужчина... Проституція и все современное половое вырожденіе, лицемерно прикрывающееся знаменемъ христіанства, культуры и едино-

брачія, до того развили порнографическій образъ мыслей и чувствъ, что мужчины, вращающіеся въ развратной средѣ нашихъ городовъ, въ концѣ концовъ утрачиваютъ всякое представленіе объ истинной любви и о врожденномъ благородствѣ женской натуры. Иной, попавшій случайно въ эту тину половой жизни и не лишенный лучшихъ задатковъ, имѣетъ достойную мать и нравственныхъ сестеръ, къ которымъ относится съ уваженіемъ, доходящимъ до обожанія; но онъ смотритъ на нихъ, какъ на рѣдкое исключеніе, какъ на святыхъ, какихъ болѣе не встрѣтитъ, и самъ того не замѣчаетъ, что своей порнографической оцѣнкой женской натуры, сопровождаемой часто глубоко пессимистическимъ взглядомъ на жизнь, онъ унижаетъ и топчетъ въ грязь и этихъ женщинъ.

Понимая точку зрѣнія Фореля, будучи даже настроенными въ его духъ и готовыми проводить идеалы его въ жизнь, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не замѣтить, что такая задача посильна весьма немногимъ личностямъ и должна представить величайшія трудности при ея выполненіи.

Чтобы сохраниться цѣломудреннымъ до поры возмужалости, егдо до вступленія въ бракъ, недостаточно только знать указанія этики половой жизни, но необходимо имѣть силы и возможность выполнить указанія эти на дѣлѣ.

Чтобы спасти молодого человѣка отъ соблазновъ, многіе считаютъ достаточнымъ удалить его отъ нихъ и читать ему „мораль“. Иные считаютъ годными и однѣ мѣры тѣлесной и нравственной гігіены. Но всего этого мало. Болѣе цѣлесообразны и надежны мѣры тѣлеснаго воспитанія, мѣры тѣлеснаго и нравственнаго закаливанія. Слѣдуетъ стараться подавлять половой инстинктъ юноши, направляя естественно развивающуюся половую энергію на потребу не половыхъ, а другихъ органовъ и отправленій тѣла, направляя мысль и чувство не на животныя соблазны, а на нравственныя и умственныя потребности природы. Если родители будутъ наставлять сына или дочь поученіями, „читать мораль“, а разныя постороннія лица стануть разжигать половыя эмоціи, то старанія родителей едва ли приведутъ къ благимъ результатамъ, старанія же постороннихъ едва ли не кончатся побѣдой. Вообще, не словомъ надо дѣйствовать, а дѣломъ, дѣло же состоитъ въ томъ, чтобы воспитать юношу недосыгаемымъ для половыхъ и иныхъ соблазновъ.

Только нормальный, здоровый человѣкъ въ состояніи бороться съ вредными вліяніями среды, только здоровый можетъ задерживать

всякіе рефлексы, противодѣйствовать натиску враждебныхъ силъ. А для этого безусловно необходимо укрѣплять, закалять тѣло и душу юноши, необходимо помнить, что *mens sana* возможна только *in corpore sano*. Когда тѣло крѣпко и здорово, тогда только можно успѣшно примѣнять къ человѣку мѣры нравственнаго и умственнаго воздѣйствія.

Подобныхъ соображеній мы почти не находимъ у Форея. Онъ выставляетъ свои идеалы, но совсѣмъ почти не касается мѣръ и средствъ къ ихъ осуществленію въ жизни. У него, слѣдовательно, недостаетъ главнаго: указаній для борьбы съ половыми соблазнами. Соблазны же эти неизмѣрно сильны, что признаетъ и самъ авторъ.

Природа создала человѣка такъ, что самосохраненіе и размноженіе стоятъ у него на первомъ планѣ.

Solange bis den Bau der Welt
Philosophie zusammenhält,
Erhält sie das Getriebe
Durch Hunger und durch Liebe

(Шиллеръ).

Природою пускаются входить всѣ пружины полового механизма, чтобы заставить человѣка плодиться. Половой инстинктъ настойчиво требуетъ удовлетворенія въ годы юношества и даже отрочества, и потому, если окружающая среда не представляетъ достаточныхъ гарантій къ сохраненію индивидуума въ половомъ отношеніи цѣлымъ и невредимымъ, а молодой человѣкъ не закаленъ тѣлесно и нравственно, то цѣломудренность его рискуетъ рушиться на каждомъ шагу. И дѣйствительно, въ современномъ развращенномъ обществѣ молодые люди становятся жертвами полового развращенія въ самую раннюю пору тѣлеснаго развитія.

Юношей надо воспитывать въ скромной, трезвой средѣ и доставлять имъ полную возможность затрачивать ихъ энергію на полезныя движенія и дѣйствія тѣлесной и душевной жизни, предоставляя половому чувству просторъ лишь въ годы полного развитія организма. Если обращаться въ борьбѣ съ половымъ инстинктомъ къ помощи слова, къ помощи логическаго воздѣйствія, то только опираясь на строго научныя данныя, на данныя физиологіи, гигиены и пр. Юношамъ необходимо, съ одной стороны, доказывать высокое значеніе полового воздержанія въ индивидуальной и общественной жизни человѣка, съ другой же выслышать весь вредъ уклоненій отъ нормальнаго полового развитія.

Форель тщательно описываетъ факты и явленія половой жизни, превосходно описываетъ всякіе ужасы и безобразія половой распущенности, но далеко недостаточно разъясняетъ пользу полового воздержанія и вредъ половых увлеченій. Онъ, можно сказать, смотритъ болѣе или менѣе снисходительно на половыя отправленія и ихъ излишества и впадаетъ подчасъ въ крайность, доказывая ихъ безвредность или временный, проходящій вредъ. Основное же, по нашему мнѣнію, заблужденіе Фореля заключается въ томъ, что всю опасность или нежелательность отступленій отъ нормальной половой жизни онъ видитъ не по отношенію къ индивидууму, а по отношенію къ средѣ, въ которой приходится послѣднему вращаться. Безнравственность половых аномалій состоитъ, по мнѣнію автора, въ томъ, что, благодаря этимъ аномаліямъ, человѣчество обременяется слабыми, болѣзненными, негодными людьми, о самомъ же половомъ аномаликѣ онъ и не беспокоится. Онъ доказываетъ высокое значеніе альтруизма въ жизни половъ; онъ видитъ въ бракѣ залогъ размноженія здоровыхъ, способныхъ членовъ общества, но не задумывается особенно на счетъ причиненія половыми эксцессами или аномаліями вреда для самого индивидуума. По словамъ Фореля, развратный мужчина преступенъ для общества, членомъ, котораго состоитъ но не грѣшитъ противъ собственной личности. Всѣ же люди, признавая безнравственнымъ чловека, который развращаетъ другого, не считаютъ однако нравственнымъ и того, кто увлекается половыми эксцессами или аномаліями во вредъ только самому себѣ. Словомъ, слѣдуетъ признать одинаково безнравственнымъ какъ того, кто наноситъ своими половыми страстями вредъ другому лицу и обществу, такъ и того, кто вредитъ ими и самому себѣ. Форель съ этимъ не согласенъ и тѣмъ, какъ намъ кажется, жестоко грѣшитъ противъ истины.

Обратимся однако къ подробностямъ изложенія въ порядкѣ ихъ слѣдованія въ книгѣ.

Форель прекрасно выясняетъ высокое значеніе половой жизни въ виду служенія ея на пользу здоровья и счастья потомства. Такъ, онъ весьма справедливо нападаетъ на женщинъ, враждебныхъ дѣтороженію и кормленію дѣтой. Нечего и говорить, указываетъ онъ, что способность кормить дѣтей и продуцировать молоко очень сильно ослабла у женщинъ нашего культурнаго общества. Это печальное явленіе основано главнымъ образомъ, какъ это доказалъ Бунге статистическими данными, на алкоголизмъ культурнаго чловечества и идетъ рука объ руку съ другими признаками вырожденія, сопрово-

ждающаго наследственный алкоголизмъ. Будущее покажетъ намъ, слѣдуетъ ли считать счастьемъ для человѣчества искусственное вскармливаніе дѣтей коровинымъ молокомъ, дающее возможность сохранять ихъ жизнь и безъ кормленія грудью. Какъ бы то ни было, искусственное поддерживаніе какого либо дегенеративнаго явленія едва-ли въ состояніи принести пользу для вида, а потому слѣдуетъ надѣяться, что подъ вліяніемъ всеобщаго воздержанія отъ алкоголя намъ удастся снова вернуться къ нормѣ и къ естественному порядку вещей. Женщина, не желающая имѣть дѣтей, представляетъ явленіе противоестественное, а мужчина, не понимающій и не уважающій желанія своей жены имѣть дѣтей, не стоить ея любви... Если общество захочетъ поддерживать нѣкоторыя модныя теченія, если оно станетъ воспитывать въ женщинахъ жажду наслажденій и отвращеніе къ дѣторожденію, то это будетъ равносильно системѣ полнаго качественного и количественнаго вырожденія. Такія стремленія представляютъ собою социальную болѣзнь, съ которой нужно бороться.

Несмотря однако на законныя нападки на современную женщину, Форель забываетъ сказать, что описаннымъ поведеніемъ женщина не только подрываетъ благосостояніе общества, но вредитъ и самой себѣ: она быстро отживаетъ, теряетъ красоту и здоровье и готовитъ себѣ въ будущемъ болѣзнь, отравляющія ея жизнь и толкающія ее преждевременно въ могилу. И въ этомъ случаѣ Форель вѣренъ своимъ идеаламъ: онъ думаетъ только о средѣ, но забываетъ индивидуума. Фореля вообще можно причислить къ той категоріи современныхъ дѣятелей, вся забота которыхъ направлена на служеніе интересамъ общественнымъ, хотя бы и въ ущербъ индивидуальнымъ. Съ точки зрѣнія врача или біолога, ergo и Фореля, подобное служеніе слѣдуетъ считать, конечно, заблужденіемъ. Человѣкъ, по Спенсеру, прежде всего долженъ быть добрымъ животнымъ (good animal), затѣмъ доброкачественнымъ самцомъ, мужемъ и отцомъ и лишь въ третьихъ ζῶον πολιτικόν (по Аристотелю), а не наоборотъ. Современные социологи извратили біологическое понятіе о человѣкѣ, но имъ не долженъ бы быть, конечно, вторить Форель—врачъ-психіатръ.

Любопытнымъ оказывается сопоставленіе природы мужской и женской въ книгѣ Фореля.

Мужчина значительно превосходитъ женщину, по словамъ автора, творческой фантазіей, даромъ комбинаціи и изобрѣтательности и болѣе глубокой критической способностью. Долго пытались утверждать, говорить онъ, что женщины не имѣли случая на дѣлѣ примѣнять свой

интеллектъ. Но, при современной эмансипаціи, это утверждение все болѣе теряетъ свою почву подъ ногами, что же касается художественнаго творчества, то тамъ оно уже вѣками потеряло ее, ибо женщины издавна въ большомъ числѣ упражнялись въ этомъ направленіи. Дальнѣйшее утверждение, будто нѣсколько поколѣній свободной дѣятельности въ состояніи значительно повысить умственную производительность женщинъ, основано на полномъ непониманіи законовъ наследственности и филогенезиса.

Женщина образуетъ консервативный элементъ въ семьѣ, потому что въ ней чувство, въ связи съ упорствомъ и выдержкой, сильнѣе господствуетъ надъ умомъ, чѣмъ у мужчины, и потому что чувства составляютъ консервативный элементъ человѣческой души.

Намъ кажется, что Форель не достаточно подчеркиваетъ тотъ фактъ, что мужчина существо болѣе интеллектуальное (*homo frontalis*, по Гукке), а женщина болѣе эмоціональное (*homo parietalis*), что въ природѣ мужчины болѣе теоретичности, абстрактности, въ природѣ же женщины болѣе практичности, конкретности; что мужчина оказывается существомъ болѣе грубымъ, сухимъ, зрѣлымъ (мужественнымъ), а женщина болѣе нѣжнымъ, мягкимъ, дѣвственнымъ (женственнымъ). Ревель-Паризъ сказалъ про женщину: *La femme conserve toujours quelque chose propre au tempérament des enfants.*

Истолкователи особенностей мужской и женской природы ошибаются вообще въ томъ, что стараются, если не отождествлять, то чересчуръ сближать эти особенности. Правда, относительно служенія цѣлямъ самосохраненія мужчина и женщина представляютъ сходныя, даже тождественныя черты организаціи, но мужскому полу болѣе свойствененъ характеръ наступательный, женскому оборонительный. Особенности одного пола дополняются особенностями другого, и одинъ полъ тяготеетъ къ другому ради гармоніи существованія. Если мужчина говоритъ, что *das ewigweibliche zieht uns hienan*, то и женщина въ свою очередь можетъ сказать: *das ewigmännliche zieht uns hienan.*

Въ виду всего сказаннаго становится понятнымъ взглядъ Фореля на то, что въ извѣстную пору подавить половой инстинктъ не представляется, пожалуй, и возможности, но что можно только задерживать, замедлять его проявленіе.

Обнаруженіе полового вождельнія относится къ годамъ полового соврѣванія, и даже нѣсколько позднее появленіе этого вождельнія и половой способности можно, по Форелю, считать скорѣе признакомъ

силы и здоровья. Въ pendant къ этому, мы лично можемъ прибавить, что, по наблюденіямъ нашимъ, лучшими по виду, по свѣжести, по энергіи и увѣренности въ осанкѣ и движеніяхъ, по ясности и разумности взгляда обыкновенно оказывались молодые люди, отличавшіеся цѣломудренностью.

По мнѣнію Фореля, при нормальномъ состояніи для нормальнаго, средняго юноши, который духовно и, главное, физически много работаетъ и воздерживается отъ всякихъ искусственныхъ возбужденій, особенно отъ наркотическихъ веществъ, парализующихъ волю и разумъ, въ родѣ алегоя, половое воздержаніе никоимъ образомъ не представляетъ изъ себя чего либо недостижимаго.

Въ самомъ дѣлѣ, наблюденія показываютъ, что умѣренность и даже полная воздержность въ половомъ отношеніи ничего, кромѣ пользы, принести не можетъ. Та энергія, которая тратится на половыя отправленія, отлично утилизируется на потребу другихъ отправленій, особенно мозговыхъ. Какъ отдѣльные индивидуумы, такъ и группы ихъ, наиболѣе воздержныя, отличаются нарочито энергичной дѣятельностью, замѣчательной приспособляемостью къ условіямъ среды и необычайной выносливостью. И, наоборотъ, индивидуумы и народы невоздержныя, распущенныя, характеризуются слабостью тѣлосложенія, физической и нравственной развѣченностью. Словомъ, сохраненіе индивидуума не только до поры возмужалости, но и въ годы полнаго тѣлеснаго развитія воздержнымъ и даже цѣломудреннымъ слѣдовало бы признать условіемъ, указываемымъ самою природою человѣка.

Въ современномъ обществѣ эротизмъ достигаетъ крайнихъ, можно сказать, степеней и какъ бы въ оправданіе его даже большинство социологовъ (Бастіанъ, Лёббокъ, Гиро-Тѣлонъ) ссылаются доказать, что смѣшеніе половъ было первобытнымъ состояніемъ человѣчества. Это совершенно невѣрно. Въ дѣйствительности существуетъ только одно истинное смѣшеніе половъ: это—нынѣшняя проституція цивилизованныхъ народовъ, которую эти народы, правда, нерѣдко для удовлетворенія собственной чувственности, вводили среди угнетаемыхъ ими дикарей. Многіе же дикари, наоборотъ, живутъ въ строгомъ единобрачій и наказываютъ смертью не только соблазнителя, но и внѣбрачнаго ребенка и его мать. Форель говоритъ: „Мы вынуждены констатировать лишь одинъ фактъ, но подлежащій никакому сомнѣнію, а именно, что распутство среди дикарей вносится туда цивилизованными бѣлыми, подопки которыхъ обыкновенно носеляются въ дѣвѣхъ краяхъ, систематически насаждая среди туземцевъ развратъ и без-

нравственность". Вообще, смѣшеніе половъ представляетъ не первобытное состояніе человѣчества, а, наоборотъ, гнилой плодъ культуры.

Для современнаго человѣка имѣется весьма много условій къ половому развращенію и къ пренебреженію высокаго значенія брачнаго сожитія. Такъ какъ мужчина не имѣетъ возможности вступать въ бракъ своевременно, онъ оказывается вынужденнымъ жить въ безбрачїи въ пору самаго сильнаго полового влеченія. Чѣмъ выше культура, тѣмъ старше возрастъ обоихъ половъ при заключенїи брака. Благодаря же утонченности и разнообразію наслажденій, какія приносятъ съ собою цивилизація, бракъ тоже теряетъ прежнюю свою прелесть въ глазахъ мужчинъ. Наконецъ, громадное значеніе имѣетъ и то обстоятельство, что культура повышаетъ идеальныя запросы жизни, такъ что все рѣже встрѣчаются мужчины и женщины, которые подходили бы другъ къ другу.

Уменьшеніе ли тяготѣнія къ брачной жизни со стороны мужчинъ, ухудшеніе ли экономическаго положенія или численное преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ, или же всѣ эти причины въ совокупности заставляютъ дѣвушекъ прибѣгать къ различнымъ способамъ прельщенія мужчинъ. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того, что женщины издавна уже изощрялись въ изыскиванїи средствъ нравиться мужчинамъ и связывать ихъ брачными узами. Мѣры прельщенія, рассчитанныя на людей взрослыхъ, дѣйствуютъ однако, и даже сильнѣе, на юношей и даже на отроковъ,—и вотъ создается такимъ образомъ цѣлая система полового порабощенія индивидуумовъ мужскаго пола, разжигающая ихъ страсти и увлекающая не только къ половому общенію, но и къ эксцессамъ и къ разнообразнымъ половымъ аномалїямъ. Кажется парадоксальнымъ, тѣмъ не менѣе вѣренъ дѣйствительности тотъ фактъ, что молодые люди, прошедшіе, напримѣръ, вечеръ въ кругу даже благовоспитанныхъ дѣвушекъ, до того возбуждаются чувственно, что неудержимо и легко увлекаются первой встрѣчной публичной женщиной и становятся жертвами полового разврата. Цѣломудренный юноша, насмотрѣвшись на современныхъ женщинъ, костюмъ которыхъ и манеры поведенія прямо рассчитаны на соблазнъ мужчинъ, невольно развращается и теряетъ цѣломудренность.

Нынѣшній человѣкъ филогенетически обладаетъ очень сильнымъ половымъ инстинктомъ и болѣе или менѣе умѣренной половою любовью, за то крайне слабо въ немъ развита еще любовь къ обществу... Значеніе этой послѣдней въ современной жизни человѣка съ каждымъ

дною усиливается, почему она и должна развиваться въ гармоническомъ согласіи со всей половой жизнью.

Возрастъ отъ 20 до 40 лѣтъ слѣдуетъ считать періодомъ высшаго развитія мужской способности. Этотъ періодъ, особенно ранѣе 30-лѣтняго возраста, повидимому, тоже болѣе всего благоприятствуетъ и произведенію сильнаго и здороваго потомства. Женщина созрѣваетъ ранѣе, то-есть быстрѣе. У нашей расы она въ 18 лѣтъ не только достигаетъ половой зрѣлости, но находится въ полномъ расцвѣтѣ и готова для брака; періодъ между 18 и 25 годами безусловно самый благоприятный для начала ея половой дѣятельности. Дѣтородный періодъ у женщины гораздо короче, чѣмъ у мужчины, и прекращается значительно ранѣе. Соответственно этому и все развитіе духовныхъ и сердечныхъ отраженій полового инстинкта женщины протекаетъ гораздо быстрѣе. Женщина развивается скорѣе и ранѣе достигаетъ зенита своей продуктивности.

Все это приводитъ къ тому, что въ видахъ наиболѣе благоприятнаго супружескаго сожитія мужчина долженъ быть старше жены по крайней мѣрѣ на 6, если не на 12—15 лѣтъ. Супруги однихъ лѣтъ болѣею частью уживаются мирно сравнительно короткое время, на горе самимъ себѣ и на пагубу дѣтей. Правда, встрѣчаются исключенія изъ правила, но они собственно напоминаютъ лотерейный заѣмъ, въ которомъ на сотни билетовъ падаетъ одинъ или два выигрыша, остальные же обречены на неудачу. Вообще, въ современныхъ условіяхъ общества мужчина можетъ жениться по ранѣе 30—35 лѣтъ, а дѣвушка выходить замужъ въ 18—20 лѣтъ. Всѣ эти соображенія имѣютъ великое значеніе въ жизни, Форель же о нихъ умалчиваетъ или ограничивается общими мѣстами. Онъ ссылается на указанія природы, точно не замѣчая, что современная культура, если не извратила, то во всякомъ случаѣ сильно ограничила или видоизмѣнила природу и установила свои требованія, съ которыми обязательно приходится считаться въ видахъ какъ личной пользы, такъ и счастья семьи и государства. Суть дѣла, значить, заключается въ томъ, чтобы мужчина до 30—35 лѣтъ, а женщина до 18—20 лѣтъ сохранялись чистыми и дѣвственными. Оно дѣйствительно оказывается и возможнымъ, если отроки и юноши, благодаря всякимъ искусственнымъ мѣрамъ и злонамѣреннымъ, развратнымъ лицамъ, не развиваютъ преждевременно полового чувства и не отвлекаютъ вниманія отъ серьезныхъ умственныхъ и нравственныхъ запросовъ жизни. Задача эта, конечно, не легкая, за то въ высшей степени важная въ

санитарномъ и экономическомъ, слѣдовательно, и государственномъ отношеніи. Лежитъ она на совѣсти родителей и педагоговъ, по значительной долею и на совѣсти врачей. Вотъ почему такіе специалисты, какъ Форель, обязаны воспитывать публику въ убѣжденіи въ необходимости полнаго полового воздержанія и цѣломудрія для юнаго поколѣнія, то-есть стоять на стражѣ противъ золь половыхъ увлеченій и всякихъ половыхъ аномалій.

Говоря о способахъ прельщенія, Форель касается и вопроса о наготѣ.

Среди людей, которые ходятъ въ голыни, нагота представляется воплиѣ естественной и не возбуждаетъ ни эротизма, ни стыда. И, наоборотъ, обычай украшать половыя части явился могучимъ способомъ прельщенія какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Покрытие тѣла или, проще говоря, пользованіе одеждою, бѣльемъ и обувью, установилось, какъ извѣстно, не въ силу желанія прельщать другой полъ, но благодаря собственно условіямъ климата и непогоды. Зато эстетика и кокетство играютъ не малую роль въ способахъ улучшенія и разнообразія одежды и могутъ служить средствами прельщенія. Въ животномъ царствѣ средства эти вырабатываются самою природою, въ человѣкѣ же культивируются искусственно и представляютъ, пожалуй, извѣстное значеніе въ возбужденіи полового чувства. Страстная рѣчь, энергичная мимика и фizioномика, словомъ, интеллектуальныя приемы и мѣры скорѣе служатъ агентами прельщенія одного пола другимъ, предъ которыми ступшеваются всякіе тѣлесныя соблазны. Такимъ образомъ вопросъ о наготѣ тѣла, какъ стоитъ онъ въ настоящее время, теряетъ значительную долю пикантности и опасности, какія приписываются ему близорукими моралистами.

Въ половомъ вопросѣ большую роль играютъ расовыя особенности индивидуума. Тѣлосложеніе, темпераментъ и характеръ людей представляютъ такое разнообразіе по отношенію къ проявленію полового инстинкта, что съ ними нельзя не считаться самымъ серьезнымъ образомъ. Форель отказывается касаться этого предмета, ссылаясь на трудность задачи, хотя самъ же соглашается, что въ литературѣ имѣется много данныхъ для разрѣшенія этого вопроса. Это чувствительный пробѣлъ въ книгѣ. Кстати, мы не можемъ не замѣтить, что послѣдняя содержитъ массу подробностей полового жизни, слишкомъ хорошо извѣстныхъ каждому взрослому мужчинѣ, подробностей банальныхъ. На мѣсто нихъ гораздо цѣлесообразнѣе было бы автору за-

нятся выясненіемъ мало доступныхъ для читателя данныхъ полового вопроса, къ каковымъ несомнѣнно относится влияніе расъ на половую жизнь. „Главное затрудненіе“, говоритъ авторъ, „заключается въ томъ, чтобы въ каждой расѣ съумѣть отдѣлать дѣйствительныя расовыя свойства отъ тѣхъ особенностей, которыя развились подъ влияніемъ историческихъ обычаевъ и привычекъ“. Тутъ авторъ забываетъ только сказать, кто же, какъ не онъ и ему подобныя спеціалисты, обязаны брать на себя истолкованіе означенныхъ затрудненій!

Загнѣмъ въ книгѣ слѣдуетъ подробное изложеніе половой патологіи. Отдѣлъ этотъ переполненъ описаніями самыхъ омерзительныхъ особенностей половой разнузданности, лежащихъ не въ природѣ человѣка, но въ болѣзненной наслѣдственности или пріобрѣтенной развращенности нѣкоторыхъ индивидуумовъ. Поэтому мы обойдемъ его молчаніемъ, но остановимся на половомъ пороки, наиболѣе часто встрѣчающемся и составляющемъ горе для многихъ родителей и педагоговъ, которымъ приходится съ нимъ бороться, какъ въ частныхъ семьяхъ, такъ въ особенности въ стѣнахъ закрытыхъ учебно-воспитательныхъ заведеній. Порокъ этотъ—онанизмъ.

Форель пишетъ: „Обычную форму онанизма можно назвать *онанизмомъ по необходимости*, потому что въ основаніи ея лежитъ не какая либо половая ненормальность, а лишь своего рода самопомощь“.

Съ такимъ положеніемъ согласиться рѣшительно нельзя. Во-первыхъ, актъ онанистическій есть актъ прямо патологическій, только ослабляющій организмъ, но отнюдь не доставляющій законнаго полового удовлетворенія, а, во-вторыхъ, не можетъ считаться орудіемъ самопомощи, такъ какъ сама природа, помимо участія человѣка, избавляетъ его отъ полового организма мимовольнымъ изверженіемъ сѣменной жидкости (полюціями), обыкновенно безвреднымъ для здоровья индивидуума, не нарушающимъ ни тѣлеснаго, ни душевнаго его благосостоянія. Наконецъ, въ-третьихъ, къ онанизму прибѣгаютъ обыкновенно не въ силу указанія природы, а вслѣдствіе подстрекательства со стороны развратныхъ товарищей или различныхъ возбуждающихъ влияній, слѣдовательно, пользуются порокомъ этимъ не какъ самопомощью, а просто какъ предметомъ удовольствія.

Въ утѣшеніе онаниста Форель говоритъ: „Потеря бѣлка, которой сопровождаются многочисленныя сѣмяизверженія, съ теченіемъ времени дѣйствуетъ на организмъ нѣсколько ослабляющимъ образомъ, хотя собственно при подобныхъ эксцессахъ выдѣляется больше секретъ предстательной желѣзы, нежели сѣмя“.

Позволяемъ себѣ и тутъ не согласиться съ авторомъ. Секретъ предстательной желѣзы дѣйствительно отдѣляется у очень юнаго онаниста, до періода полового развитія, но у юношей за 15 — 16 лѣтъ бываетъ обыкновенно обильное изверженіе настоящаго сѣмени, весьма опасное для здоровья. И самъ Форель тотчасъ же говоритъ: „Самое дурное послѣдствіе онанизма представляетъ изъ себя постепенное ослабленіе воли, которая мало-по-малу парализуется въ виду постояннаго повторенія этого акта“... По нашему мнѣнію, все это мало утѣшительно и, конечно, не можетъ умалять пагубнаго значенія онанизма.

„У женщинъ онанизмъ встрѣчается вовсе не рѣдко“, говоритъ авторъ, „хотя далеко не такъ часто, какъ у мужчинъ“. Откуда такое голословное утвержденіе? Врачамъ по крайней мѣрѣ извѣстны факты, говорящіе противное.

Точно также слишкомъ категоричнымъ, но неосновательнымъ, оказывается и слѣдующее мнѣніе Фореля: „Безусловно повѣрно, будто каждаго онаниста можно узнать по его лицу и по поведенію, какъ утверждаютъ многіе“. Да, дѣйствительно, онаниста-новичка и мальчика-онаниста крѣпкаго и здороваго можно большею частью не отличить отъ нормальнаго субъекта, за то онаниста привычнаго, неумѣреннаго, особенно же слабаго здоровьемъ, узнать обыкновенно не трудно и по выраженію лица, и по поведенію, даже по тому или другому движенію тѣла.

Относительно вреднаго вліянія онанизма на женскій полъ Форель замѣчаетъ успокоительно: „Вообще половая возбудимость женщины, будучи даже ненормальной, сама по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ остальными свойствами ея характера, и можетъ сопровождаться высокими этическими, эстетическими и интеллектуальными способностями, даже большой силой воли“. Мы прямо недоумѣваемъ, съ чего авторъ могъ дойти до такого страннаго; если не сказать, совершенно необоснованнаго мнѣнія.

Словомъ, онанизмъ представляетъ актъ безусловно патологическій, всегда отзывающійся болѣе или менѣе пагубно на тѣлесномъ и душевномъ состояніи человѣка, особенно женщины, и потому дѣтей-онанистовъ слѣдуетъ спасать отъ этого порока всѣми зависящими отъ насъ средствами. Мы даже скажемъ болѣе: лица, предававшіяся въ юности онанизму, носятъ продолжительное время, если не всю жизнь, слѣды нервной развѣченности и съ трудомъ достигаютъ развитія той силы и энергіи нервной системы, какія свойственны

нормальнымъ, здоровымъ субъектамъ ихъ возраста. Правда, наряду съ онанизмомъ, на человѣка не менѣе пагубно вліяютъ и другія аномаліи и эксцессы половой жизни, однако этимъ отнюдь не дается право признавать онанизмъ благодѣтельной „самопомощью природѣ“ или вообще такимъ невиннымъ препровожденіемъ времени, какимъ его считаютъ его защитники.

Форель выгораживаетъ онанизмъ какъ причину ипохондріи. Онъ увѣряетъ, что „ипохондрія, какъ психическая ненормальность, обыкновенно задолго предшествуетъ онанизму, если только субъектъ вообще онанистъ, чего иногда вовсе и нѣтъ“. При этомъ авторъ впрочемъ добавляетъ: „Нельзя, конечно, не согласиться и съ тѣмъ, что ипохондрический характеръ и настроеніе предрасполагаютъ къ онанизму“.

Читаешь и не вѣришь, что говоритъ это Форель. Мы видимъ постоянно, какъ онанистъ, въ первые уже мѣсяцы увлеченія порокомъ, становится пасмурнымъ, теряетъ память и ударяется въ пессимизмъ, а при долгомъ злоупотребленіи смотритъ дуракомъ, удаляется отъ людей и чуждается обычныхъ тревогъ и радостей жизни.

Равнымъ образомъ приходится изумляться, если не негодовать, читая слѣдующее разглагольствованіе автора касательно содоміи. Въ ужасномъ содомскомъ грѣхѣ, говоритъ Форель, „мы съ объективной точки зрѣнія не можемъ найти, за исключеніемъ истязанія, если дѣло касается малыхъ животныхъ, ни ужаснаго грѣха, ни преступления. Въ этомъ случаѣ можетъ оскорбиться развѣ только эстетическое чувство; для человѣческаго же общества несомнѣнно лучше, если слабоумный позволить себѣ имѣть половыя сношенія съ короной, чѣмъ если отъ него забеременѣетъ дѣвушка, и будутъ плодиться идіоты“.

Точка зрѣнія автора понятна, но, чтобы ею можно и должно было руководствоваться на практикѣ людямъ, обладающимъ этическимъ и эстетическимъ чувствомъ, а даже и идіотамъ, мы безусловно отрицаемъ. Въ грѣхѣ содомскомъ человѣкъ ведетъ себя безправственно по отношенію и къ другимъ, и къ себѣ; онъ перестаетъ быть „подобіемъ божества“ (*Ebenbild der Gottheit*, по Фаусту), но напоминаетъ собою „*pecora quae natura prona atque ventri obedientia finxit*“.

Можно сказать, что Форель какъ-то фривольно смотритъ на отступленія отъ нормы въ половыхъ отношеніяхъ. Такъ, между прочимъ, считая гомосексуальность относящуюся преимущественно къ чисто психической сферѣ и видя въ ней патологическое извращеніе полового

чувства, онъ тѣмъ не менѣе спокойно высказываетъ слѣдующее парадоксальное мнѣніе: „Я безусловно присоединяюсь“, говоритъ онъ, „къ мнѣшю тѣхъ врачей, которые требуютъ отмѣны наказаній за гомосексуальную любовь и за педерастію между взрослыми, если это происходитъ съ обоюднаго согласія“. Парадоксальность подобныхъ только-что приведенному умозаключеній автора представляется тѣмъ болѣе странною, что во многихъ мѣстахъ его книги мы находимъ очевидныя доказательства его разумнаго, гуманнаго взгляда на людскую этику и на индивидуальныя и соціальныя отношенія вообще.

Далѣе Форель пишетъ: „Юноша, обладающій достаточной силой воли или умѣреннымъ половымъ инстинктомъ, чтобы жить въ половомъ воздержаніи (хотя бы до 25-лѣтняго возраста), если не имѣетъ предразсудковъ и не боится въ случаѣ надобности нѣкоторое время прибѣгать къ противозачаточнымъ средствамъ, то ему можно будетъ заключить бракъ, даже не имѣя матеріальнаго обезпеченія, остановивъ свой выборъ на дѣвушкѣ, которая была бы настолько молода, чтобы прочно и надолго привязать его къ себѣ, если только конечно они сходятся характерами... Такіе молодые люди могутъ продолжать учиться и набираться опыта и во время брачной жизни; въ ней они даже найдутъ сильный толчокъ для совмѣстной работы, если имъ желательно поскорѣе обзавестись семьей“.

Самъ авторъ рисуетъ героя своего способнымъ на половое воздержаніе и самъ же толкаетъ его на связь съ порядочною дѣвушкой, учить совершать преступленіе (обращаться къ противозачаточнымъ средствамъ), благословляетъ его на такъ-называемый *onanisme à deux*, словомъ, прямо развращаетъ обоихъ молодыхъ людей, особенно дѣвушку, успокаивая ихъ тѣмъ, что они отвѣчаютъ требованіямъ половой гігіены, а не какой либо глупой общественной этики. И любопытно все это то, что, нѣсколько страницъ спустя, авторъ говоритъ: „врачъ долженъ ставить общественную гігіену выше индивидуальной, т. е. долженъ подчинять гігіеническое благо отдѣльнаго лица такому же благу общества“.

Въ *pendant* къ только что сказанному укажемъ на слѣдующее мѣсто въ книгѣ: „Если молодой человѣкъ, отличающійся большими способностями, пожелаетъ поступить въ высшее учебное заведеніе, то это нисколько не будетъ помѣхой для брака... Это не будетъ большая бѣда, ибо простота нравовъ обусловливаетъ простоту домашняго хозяйства, а противозачаточныя средства дадутъ людямъ возможность подождать годъ, два и больше съ рожденіемъ перваго ребенка“.

Какъ все это на руку разнымъ недорослямъ и какъ губительно для цѣлей образованія, для занятій наукой! Авторъ тутъ явно покровствуетъ половымъ инстинктамъ молодежи, но игнорируетъ благо общества, о которомъ самъ же твердитъ въ разныхъ мѣстахъ книги.

Глава сочиненія о половомъ вопросѣ въ педагогикѣ довольно коротка и не представляетъ ничего оригинальнаго или особенно поучительнаго кромѣ двухъ небольшихъ подробностей. Первая изъ нихъ та, что Форель, не въ примѣръ большинству авторовъ, писавшихъ о половомъ вопросѣ, ссылается на педагоговъ школъ абботсгольмской, лицевской и подобныхъ *Landerziehungsheime*, въ которыхъ о половыхъ вопросахъ говорятъ приличнымъ и откровеннымъ образомъ, какъ о вещахъ естественныхъ, которыя сами собой разумѣются. Довѣрчивыя, откровенныя отношенія между мальчиками и учителями, въ связи съ непринужденными физическими и умственными упражненіями при абсолютномъ неупотребленіи спиртныхъ напитковъ, являются лучшимъ и радикальнѣйшимъ средствомъ противъ онанизма, преждевременной половой зрѣлости и половыхъ извращеній, поскольку эти аномаліи не представляютъ собой врожденныхъ качествъ.

Другая подробность касается хвалебной ссылки автора на завидное положеніе женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи и на разумное отношеніе въ ней къ правамъ и заслугамъ женщинъ. „Въ этомъ отношеніи отъ русскихъ намъ есть чему поучиться“, добавляетъ отъ себя авторъ. Ясно, что тутъ проскользнуло какое-то недоразумѣніе...

Форель не видитъ ничего утѣшительнаго въ мѣропріятіяхъ современной школы по отношенію къ половому вопросу. „Пока государство и народъ“, говоритъ онъ, „не усвоятъ себѣ болѣе яснаго, непредубѣжденнаго взгляда на половой вопросъ, до тѣхъ поръ мы не можемъ рассчитывать на проведеніе въ жизнь раціональной половой педагогики. Пока каждому приходится справляться самому, насколько это, конечно, возможно и достижимо. Родители могли бы сдѣлать многое добровольно, нѣкоторые учителя тоже. Но больше всего можетъ достигнуть сама молодежь, если только она серьезно желаетъ социальныхъ улучшеній“.

Не лишена извѣстнаго интереса глава „о половой жизни и искусствѣ“, въ которой особенно остроумно проводится авторомъ взглядъ на цѣлесообразность вмѣшательства человѣка въ жизнь міра растений и животныхъ или, точнѣе, на полезность борьбы съ невѣжествомъ и разрушительнымъ инстинктомъ толпы по отношенію къ будущности рѣдкихъ видовъ растительнаго и животнаго царства.

Авторъ весьма наглядно выясняетъ различіе между истиннымъ искусствомъ и порнографіей, и рѣзко нападаетъ на то, что подъ вліяніемъ сильныхъ приностей и сальностей самозваннаго искусства портится вкусъ народа и убивается въ немъ истинное художественное чутье, а, въ концѣ концовъ, развращается и общество, въ особенности же юное его поколѣніе.

Сочиненіе свое авторъ заканчиваетъ общимъ обзоромъ предмета и изображеніемъ перспективы будущаго, т. е. вкратцѣ повторяетъ содержаніе книги. Какъ бы въ видѣ дополненія ко всему сказанному можно указать особенно на мнѣніе автора о значеніи матриархата, настоящее осуществленіе котораго принадлежитъ отдаленному будущему. Доказавъ, что мать, по крайней мѣрѣ, въ первые годы жизни ребенка, находится съ нимъ въ самой тѣснѣйшей связи, авторъ приходитъ къ заключенію, что „слѣдовало бы постановить, чтобы при разводѣ дѣти оставались при матери, если только нѣтъ особо важныхъ причинъ, побуждающихъ судъ къ иному рѣшенію“. Вообще „говоря о матриархатѣ“, такъ заканчиваетъ авторъ, „мы имѣемъ въ виду лишь то, чтобы дѣти носили имя матери и чтобы жена по закону пользовалась правами главы дома, потому что фактически она составляетъ центръ семьи“.

Разсмотрѣнная книга проф. Фореля рассчитана, очевидно, на поученіе лицъ взрослыхъ, образованныхъ, способныхъ трезво и разумно отнестись къ фактамъ и явленіямъ половой жизни человѣка, но отнюдь не на чтеніе молодежи. Родители, педагоги и врачи найдутъ въ книгѣ, наряду съ знакомыми подробностями, описанія разныхъ половыхъ аномалій и эксцессовъ, подборъ многихъ неожиданныхъ данныхъ изъ области порнографіи, ужасающихъ своей омерзительностью; для представителей же *jeunesse dorée* книга доставитъ безконечное множество темъ для бесѣды и обсуждения, и обогатитъ сокровищницу той фривольной литературы, которая извѣстна по сочиненіямъ блаженной памяти маркиза Де-Сада, Баркова и подобныхъ развратителей рода человѣческаго.

А. Виреніусъ.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ *).

*Методическое Руководство для ведения школьных сочинений (примѣненіе аналитическаго метода къ занятіямъ въ низшихъ и среднихъ школахъ). Составилъ преподаватель женской учительской школы и четырехкласснаго городского училища *В. Самсоновъ*. 1907 г. Стр. 141. Цѣна 60 коп.

„Методическое Руководство“ г. Самсонова даетъ много полезныхъ указаній при веденіи разныхъ формъ сочиненій: описаній, повѣствованій, характеристикъ и разсужденій. Эту часть его „Руководства“ можно рекомендовать учителямъ при веденіи ими названныхъ формъ (или видовъ) сочиненій съ учениками. Видно внимательное отношеніе автора какъ къ теоретической части составленія сочиненій въ указанныхъ формахъ (описанія, повѣствованія, характеристики и разсужденія), такъ и къ разбору образцовъ той или другой формы. Въ главѣ IX-ой (стр. 137) г. Самсоновъ предлагаетъ примѣрный планъ занятій „по веденію сочиненій“ въ начальной школѣ, въ городскомъ 4-хъ классномъ училищѣ (стр. 138) и въ старшихъ классахъ средней школы (стр. 140).

Въ заключеніи своей книги г. Самсоновъ указываетъ рядъ руководствъ и пособій, могущихъ служить дополненіемъ къ его „Руководству“ (стр. 141).

Исправленія требуютъ, по моему мнѣнію, только нѣкоторые взгляды г. Самсонова: во-первыхъ, на языкъ Карамзина (стр. 32), во-вторыхъ, на нѣкоторыя темы, даваемые авторомъ (стр. 106), и въ-третьихъ, ему надо обратить вниманіе на языкъ своего „Руководства“.

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

1. Авторъ „Руководства“ называетъ языкъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина „устарѣвшимъ“ (стр. 32). Такое поверхностное мнѣніе, ни на чемъ не основанное, противорѣчитъ утвердившемуся въ литературной критикѣ взгляду, что языкъ П. М. Карамзина въ „Исторіи Государства Россійскаго“ есть превосходный образецъ стройности и красоты русской рѣчи: имѣю въ виду взгляды на этотъ предметъ такихъ знатоковъ нашего языка, какъ С. П. Шевыревъ, М. П. Погодинъ, Я. К. Гротъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и многіе другіе.

2. Темы, даваемые „Руководствомъ“ г. Самсонова, вообще говоря, удовлетворительны. Но есть между ними и такія, которыя не совсѣмъ по силамъ учащихся въ низшей и средней школѣ. Такъ на стр. 106-й дана тема о „Татьянѣ“ Пушкина и указанъ разборъ Бѣлинскаго, касающійся Татьяны. Мнѣ кажется, что разборъ Бѣлинскаго, характеризующій Татьяну ¹⁾, не долженъ быть предметомъ бесѣдъ учителя съ учениками въ школѣ. Бѣлинскій признаетъ, что Татьяна не хорошо поступила, сказавъ Онегину:

„Я васъ люблю (къ чему лувать?),
Но я другому отдана,
Я буду вѣкъ ему вѣрна“.

Приведши эти слова, Бѣлинскій пишетъ: „Вотъ истинная гордость женской добродѣтели! „Но я другому отдана“, — именно отдана, а не отдалась! Вѣчная вѣрность — кому и въ чемъ? Вѣрность такимъ отношеніямъ, которыя составляютъ профанацию чувства и чистоты женственности, потому что нѣкоторыя отношенія, не освящаемыя любовію, въ высшей степени безправственны“...

Превратное это понятіе можетъ оставить въ умахъ учащихся свой печальный слѣдъ... Не Бѣлинскаго и не его ложный взглядъ на супружескія обязанности надо было автору „Руководства“ показывать здѣсь, а припомнить взглядъ *Θ. М. Достоевскаго* на Татьяну, — тотъ знаменательный взглядъ, который внушаетъ, что не слѣдуетъ свое счастье основывать на *несчастьи* ближняго... Въ свое время (открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ) эта глубокомысленная рѣчь *Θ. М. Достоевскаго* о Татьянѣ Пушкина была величайшимъ событіемъ дня... Рѣчи о Пушкинѣ тогда говорили разные корифеи

¹⁾ Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. Изд. К. Солдатенкова и И. Щенкина. Часть восьмая. М. 1860 г., стр. 602—603.—VIII. Евгений Онегинъ.

нашей литературы—А. Н. Островскій, И. С. Тургеневъ, И. С. Аксаковъ, М. Н. Катковъ, М. И. Сухомлиновъ, Н. А. Чаевъ и другіе,—но всѣхъ „похоронила рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго“ (какъ выразилась тогда, 1880 г., одна телеграмма изъ Москвы),—вотъ эту знаменитую рѣчь ¹⁾ и слѣдовало автору „Руководства“ припомнить, дабы показать односторонность мнѣнія Бѣлинскаго о Татьянѣ.

Кромѣ темы о Татьянѣ по Бѣлинскому еще одна тема „Руководства“ не совсѣмъ къ лицу учащихся въ низшей и даже въ средней школѣ. Эта тема въ „Руководствѣ“ напечатана на стр. 106-й же. Тема читается такъ: „Сравненіе Татьяны Пушкина съ Еленой Тургенева“. Эта послѣдняя тема касается общественнаго значенія женщины, ея участія даже въ политическихъ дѣлахъ... Какъ ни хороша повѣсть Тургенева, гдѣ выводятся Елена, но судить ученику на урокѣ русскаго языка объ участіи женщины въ общественной жизни, а особенно — о роли ея въ политическихъ дѣлахъ, мнѣ думается, рановременно. Политику надо удалять отъ школы: у сей послѣдней есть свои зиждательныя задачи и цѣли. Дай Богъ ихъ основательно понять и изучить. На это весьма благотворное дѣло потребуется не мало времени и труда.

3. Языкъ „Руководства“ г. Самсонова требуетъ тоже улучшенія. Въ немъ много ненужныхъ варваризмовъ: комбинаціи (стр. 6), комбинированіе фактовъ (— 75), детали (— 7), детально разработанный языкъ (— 92), активность (— 39), структура рѣчи (— 40), мысль прогрессируетъ (— 63), центръ сочиненія (— 37) и другіе, — есть фразы, искусственно составленныя: событія стянута въ разговоръ (— 25), событія стягиваются въ три группы (— 33), расчлененіе частей (— 88), описаніе распадается (— 69), необыкновенность Плюшкина (91) и другія. Не мало описокъ въ согласованіи словъ: доступныя обороты (— 12), такіе работы (— 23), разъясненія, какіе (— 28), главные моменты (— 32) и проч.

Не смотря на указанные недостатки, „Методическое Руководство“ г. Самсонова, въ виду обстоятельнаго изложенія, какъ вести разные виды сочиненій (описанія, повѣствованія, характеристики и разсужденія), на что указано въ началѣ, можетъ быть пригодно для учительскихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній.

А. Флоровъ.

¹⁾ О потрясающемъ дѣйствіи этой рѣчи на собравшуюся публику можно читать въ книгѣ: „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“. С.-Пб. 1880 г., стр. 61.

**Полотебнова, А.* Книга любви ко всемъ живымъ тварямъ. Первые уроки ботаники и зоологии для дома и начальныхъ народныхъ училищъ. (Годъ и мѣсто изданія не обозначены). Стр. 131. Цѣна 65 в.

Чтобы „стереть нравственное уродство“, выражающееся у дѣтей въ „жестокости къ звѣрькамъ“, и „поддержать законность“ страстной любви къ нимъ, авторъ предлагаетъ изученіе „краткой зоологии“, а заодно и ботаники. Правда, витіеватое и нѣсколько претенціозное предисловіе оставляетъ на этотъ счетъ нѣкоторую неясность. Изъ дальнѣйшихъ словъ оказывается, что когда „передъ ребенкомъ великолѣпной картиной развернется ширь полей и луговъ“, „глубь лѣсовъ съ ароматомъ смолы и молодыхъ листьевъ“ и т. д., и т. д., то „всѣ животныя ему будутъ близкими, милыми и родными“.

Однимъ словомъ, выходитъ, что и одного созерцанія было бы достаточно для достиженія поставленной авторомъ цѣли, но тогда бы не было „первыхъ уроковъ“ и не было бы „автора“. Теперь же подъ вышеприведеннымъ не совсѣмъ соотвѣтствующимъ содержанію заглавіемъ преподносится новажный элементарный учебникъ, разбавленный слащаво сантиментальными наставленіями.

Весь тонъ книжки жеманно сантиментальный. Птица называется „птичкой“, млекопитающее—„звѣрькомъ“, гусеница совсѣмъ „противной“, нога паука—тоже „противной“ и т. д.

Конечно, и дидактика, и сантименты—это еще не такъ важно, чтобы сдѣлать книгу непригодной. Гораздо важнѣе другіе недостатки, которые особенно сказываются въ главахъ, касающихся безпозвоночныхъ.

Губка принимаетъ пищу черезъ „отверстіе“ и размножается обыкновенно почками (стр. 101); „дерево коралла“ есть только „видимая оболочка его, выдѣляемая на подобіе раковины“, а медуза дышетъ „жабрами“ (стр. 100). Люди заражаются (ленточной) глистой между прочимъ, проглатывая яички, находящіяся въ недостаточно чистой водѣ, и глисты вызываютъ „всевозможныя болѣзни“ (стр. 99). Черви всѣ отнесены къ „нечленистымъ“ животнымъ, ибо авторъ въ простотѣ душевной не различаетъ членистыхъ отъ членистоногихъ (стр. 95). Шейка рака „служитъ продолженіемъ пищеварительнаго органа“ (стр. 92). Клещи—это паразитные пауки (стр. 91).

У нѣкоторыхъ рыбъ „мягкій“ позвоночный столбъ, называемый „хрящемъ“ и продаваемый подъ названіемъ „визиги“ (стр. 75). Легкія человѣка состоятъ „изъ топкихъ трубочекъ, соединяющихся между собою“ (стр. 32). Все это вещи, непростительныя даже для ученика

реального училища, а не только для составителя учебника. У автора нѣтъ никакого представленія объ организаціи животныхъ и человѣка.

Я уже не говорю о томъ, что по утверженію автора „бездѣтныя лисиды и кабаны берутъ на воспитаніе сиротъ, у которыхъ охотникъ убилъ матку“ (стр. 27); что трутни „въ пчелиномъ роѣ пользуются наименьшимъ уваженіемъ“ (стр. 85), а рабочія пчелы гораздо прилежниѣ и трудолюбивѣе человѣка (экспериментально доказано, что онѣ работаютъ сравнительно небольшую часть дня), а главное онѣ „не гордятся другъ передъ другомъ, не лѣнятся и не завидуютъ своей царицѣ“ (стр. 86). Такое политическое смиреніе пчель обусловливается, по мнѣнію автора, тѣмъ, что онѣ „знаютъ, что у каждаго свое дѣло: у царицы—класть яйца, у нихъ дѣлать медъ и воспитывать личинки“... Сумѣютъ ли только дѣти оцѣнить этотъ примѣръ пчелинаго смиренномудрія?

Взявшись писать учебникъ, г-жа Полотебнова доказала, что примѣръ пчель на нее самое не подѣйствовалъ: для этой задачи мало нѣжныхъ чувствъ и добрыхъ намѣреній, а необходимо также и знаніе, котораго у автора—нѣтъ. Къ числу рекомендуемыхъ книгъ „книга любви“ занесена быть не можетъ.

Ботаникѣ отведено только 26 страницъ. Но въ дѣйствительности значительно менѣе, такъ какъ на этихъ страницахъ много мѣста отведено сантиментальнымъ разсужденіямъ на разныя темы, не относящіяся къ ботаникѣ. Ботаническія свѣдѣнія изложены неточно, съ большимъ числомъ грубыхъ ошибокъ. Напримѣръ, авторъ утверждаетъ, что растенія не чувствуютъ и не двигаются (стр. 105). Въ дѣйствительности растенія чувствительны и многія двигаются. Разсужденія автора на 108—109 страницѣ о питаніи растеній обнаруживаютъ полное незнакомство съ физиологіей растеній. Выходитъ, что смола—кровь растеній. На 109-й страницѣ сережка названа цвѣткомъ. На самомъ дѣлѣ это соцвѣтіе. На 111-й страницѣ сѣмяпочка названа маленькими сѣмячками. На 118-й страницѣ соцвѣтіе клевера названо цвѣтами.

Примѣрами послѣдовательности изложенія могутъ служить слѣдующіе образцы: „Вотъ выпалъ первый снѣжокъ, началась зима и къ намъ съ сѣвера снѣшатъ зимніе пернатые гости: клесты, щеглы, свиристѣлки. Разсмотримъ теперь нѣкоторыя растенія изъ всѣхъ трехъ отдѣловъ: 1) травъ, 2) кустовъ и 3) деревьевъ“ (стр. 117). „На здоровье водка дѣйствуетъ дурно: люди отъ нея глупѣютъ, теряютъ со-

образительность и память, приобретаютъ всевозможныя болѣзни, параличи и преждевременно старѣются. Теперь скажите мнѣ, какія деревья вы знаете? Ихъ много самыхъ разнообразныхъ породъ“ (стр. 120).

Для учениковъ нужна не только книга—любви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и книга знаній.

В. Шимисевичъ и В. Палладинъ.

⁴*В. С. Люботовичъ. Учебникъ прямолинейной тригонометрии и сборникъ тригонометрическихъ задачъ, для техникувъ и техническихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1906. Стр. VII + 168. Цѣна 1 р.*

Предназначая свой учебникъ для техникувъ и техническихъ учебныхъ заведеній, авторъ указываетъ въ предисловіи двѣ цѣли, къ которымъ онъ стремился и которыя обусловили собою принятое имъ расположеніе матеріала: во-первыхъ, какъ возможно скорѣе познакомить учащихся съ основными свойствами тригонометрическихъ функций и съ рѣшеніемъ треугольниковъ, во-вторыхъ, подготовить къ слушанію отдѣловъ высшей математики, разъясняя нѣкоторыя изъ ея основныхъ понятій. Первая цѣль объясняется необходимостью весьма скоро приступить къ приложеніямъ тригонометрии въ физикѣ, механикѣ и геодезій, вторая — необходимостью пользоваться книгами, въ которыхъ постоянно встрѣчаются формулы дифференціального и интегрального исчисленій.

Что касается первой цѣли — возможно раньше научить рѣшать треугольники — то она представляется намъ безусловно симпатичной и уже санкціонирована новыми программами тригонометрии, что же касается до второй — то она вызываетъ невольныя и, какъ намъ кажется, вѣскія возраженія.

Прежде всего возникаетъ мысль: является ли необходимымъ готовить техникувъ „къ слушанію отдѣловъ высшей математики“? Думаемъ, что если эти техники будутъ слушать упомянутые „отдѣлы“, то они и узнаютъ тамъ все, что имъ нужно, и будутъ въ состояніи усвоить это безъ какой либо спеціальной „подготовки“. Если же они этихъ отдѣловъ слушать не будутъ, то книга г. Люботовича содержитъ въ этомъ отношеніи слишкомъ мало матеріала, чтобы можно было ея ограничить.

Вообще всѣ эти старанія подготовить къ изученію высшей математики новолію вызываютъ въ насъ скептическое отношеніе. За послѣднее время намъ пришлось познакомиться со многими такими попытками, и

въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ дѣло приводилось къ тому, что вмѣсто желаемой подготовки ученикамъ сообщали неточныя — а иногда и прямо невѣрныя — свѣдѣнія, и вмѣсто облегченія налагали на учениковъ тяжелую работу — переучивать потомъ то, что было раньше выучено неудовлетворительно.

Не избѣгъ этой участи и г. Любатовичъ, и его книжка представляетъ собою яркій примѣръ неравномѣрности изложенія: въ тѣхъ частяхъ, гдѣ разбираются элементарные отдѣлы тригонометріи, его учебникъ обладаетъ большими достоинствами: за небольшими исключениями изложеніе просто, ясно, сжато, и въ то же время курсъ изложенъ съ достаточной полнотой, но гдѣ г. Любатовичъ начинаетъ готовить своихъ слушателей къ слушанію отдѣловъ высшей математики, тамъ обнаруживаются такіе крупные недостатки, что приходится сожалѣть, зачѣмъ авторъ не выбросилъ совсѣмъ этой части. Его книга много выиграла бы отъ этого.

Желая помочь автору въ исправленіи его книги для слѣдующихъ изданій, укажемъ здѣсь важнѣйшія погрѣшности, замѣченные нами.

Стр. 1. „Тригонометрія есть отдѣлъ математики, въ которомъ разсматриваются способы рѣшенія нѣкоторыхъ задачъ посредствомъ вычисленія“.

Авторъ, вѣроятно, согласится, что пока не сказано, какія именно задачи рѣшаются въ тригонометріи, приведенное опредѣленіе не можетъ считаться удовлетворительнымъ.

Стр. 4. „Чтобы выразить это математически, условились передъ знакомъ \cos ставить знакъ минусъ, чтобы показать, что построеніе отличается отъ предыдущаго, принятаго для остраго угла. Такимъ образомъ косинусъ тупаго угла ACM изобразится символомъ — $\cos C$ “.

Тутъ очевидная обмолвка: минусъ ставится не передъ знакомъ косинуса, а передъ числомъ, которое выражаетъ длину извѣстнаго отръзка въ частяхъ радіуса.

Стр. 27. Нѣтъ никакого объясненія правила для нахождения поправки при употребленіи тригонометрическихъ таблицъ.

Какъ мы уже упоминали, особенно много возраженій вызываетъ отдѣлъ II, содержащій свѣдѣнія изъ высшей математики.

На стр. 75 авторъ употребляетъ терминъ „ неявная функція“ не въ томъ смыслѣ, какъ принято. Если написано $y = f(x)$, то онъ называетъ y неявной функціей, пока не сказано, какія дѣйствія обозначены символомъ f . На той же стр. сказано: „общій видъ неявной функціи двухъ переменныхъ будетъ такой

$$f(x, y) = 0$$

Это уже прямо невѣрно, ибо неявной функціи двухъ переменныхъ здѣсь нѣтъ, а есть неявная функція *одной* переменной (корень этого уравненія). На стр. 76 дается, какъ почти вездѣ въ элементарныхъ руководствахъ, невѣрное (слишкомъ узкое) опредѣленіе понятія объ алгебраической функціи. Опредѣленіе непрерывности функціи на стр. 77 неточно и неясно, да иначе и быть не могло, ибо у автора понятіе о непрерывности предшествуетъ понятію о предѣлѣ. Авторъ говоритъ о томъ, что сумма членовъ арифметической прогрессіи есть прерывная функція ихъ числа, упуская изъ виду, что если само переменное не непрерывно, то и понятіе о непрерывности функціи отпадаетъ. Опредѣленіе предѣла неправильно, ибо разность между переменнымъ и его предѣломъ должна не только сдѣлаться, но и *оставаться* меньше всякой данной величины.

Въ теоремахъ о предѣлѣ суммы или произведенія не выяснена важность условія, что число слагаемыхъ или множителей конечно.

На стр. 84 понятіе о длинѣ дуги опредѣляется дважды и притомъ различнымъ образомъ.

Въ § 3 — 5 послѣдняго отдѣла авторъ говоритъ о способѣ неопредѣленныхъ коэффициентовъ. И здѣсь допущено столько нестрогостей, что было бы лучше, если бы этихъ §§ не было, потому что они могутъ укрѣпить въ умахъ учащихся совершенно ложныя представленія объ операціяхъ надъ бесконечными рядами. На стр. 161 авторъ считаетъ, что если рядъ справедливъ для положительныхъ x , то онъ долженъ быть справедливъ и для отрицательныхъ, на стр. 162 предполагаетъ, что предѣлѣ суммы ряда равенъ суммѣ предѣловъ его членовъ и т. д.

Мы замѣтили въ книгѣ г. Люботовича значительное число опечатокъ.

Б. Колловичъ.

**Л. Брешенковъ.* Курсъ русскаго синтаксиса для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, реформированный по научнымъ даннымъ, изслѣдованіямъ проф. Потебни, проф. Овсянко-Куликовскаго и др. М. 1907. Стр. 125. Цѣна 50 к.

Передъ нами серьезная попытка реформировать курсъ русской грамматики въ связи съ изслѣдованіями главнымъ образомъ ученыхъ Харьковской школы. Самое существенное измѣненіе, внесенное г. Брешенковымъ въ школьный грамматическій курсъ, состоитъ въ томъ,

что онъ выпустилъ изъ курса отдѣлъ сокращенія придаточныхъ предложений.

Г. Брешенковъ совершенно справедливо отмѣчаетъ въ своемъ введеніи, что сокращеніе придаточныхъ предложений есть не только своего рода фикція, что давно уже было констатировано Потембнѣю,—но и нѣчто весьма неопредѣленное и произвольное: на примѣръ, одинъ авторъ школьнаго руководства видитъ процессъ сокращенія даже въ такой лексической замѣнѣ, какъ вмѣсто *тамъ, гдѣ служитъ—на мѣсть служенія*; другой утверждаетъ, что „придаточныя предложения, сокращенныя причастіемъ или дѣвпричастіемъ, имѣють форму безличную“ и т. п.

Я совершенно согласенъ съ г. Брешенковымъ, что пора освободить нашу школьную грамматику отъ фантазій авторовъ учебниковъ на тему сокращенія придаточныхъ предложений, тѣмъ болѣе, что едва-ли въ эту путаницу можно ввести какой-нибудь порядокъ, такъ какъ съ исторической точки зрѣнія о сокращеніи придаточныхъ предложений не можетъ быть и рѣчи.

Но я тѣмъ не менѣе думаю, что при объясненіи начинающимъ смысла причастной и дѣвпричастной формы нельзя обойтись безъ такихъ сочетаній, какъ *играющій—тотъ, который играетъ, сыгралъ—когда сыгралъ* и т. п.

Въ школѣ надо считаться не только съ историческимъ процессомъ, но и съ психологической стороною усвоенія и осмысленія рѣчи.

Для учениковъ г. Брешенковъ назначаетъ по всю свою книгу: примѣчанія и заключеніе (стр. 85—86) рассчитаны на учителей.

Надо сознаться однако, что и помимо того, что въ новомъ учебникѣ поставлено внѣ ученическаго курса, въ немъ есть грамматическія положенія и разьясненія, едва-ли доступныя учащимся въ младшихъ классахъ, о которыхъ говорится на обложкѣ изданія. Особенно первыя страницы (напр. § 2 стр. 13—15) едва-ли дѣтямъ можно даже объяснить. Что сдѣлать, на примѣръ, съ такой выпиской изъ книги проф. Овсяннико-Куликовскаго: „На самомъ дѣлѣ мы не можемъ (?) думать, что снѣгъ производитъ свою бѣлизну, но не думая этого, мы, однако, придаемъ именно такое направленіе своей мысли, когда говоримъ—*Снѣгъ бѣлѣтъ*“.—Вообще книга не проиграла бы, если бы въ ней были опущены фразы въ родѣ только что выписанной или еще такой, тоже, хотя и не буквально, но взятой изъ синтаксиса г. Овсяннико-Куликовскаго:

„Сочетаніе словъ имѣетъ для насъ громадное значеніе; если бы

мы не умѣли связывать слова другъ съ другомъ, то не могли бы выражать свои мысли и не были бы способны къ умственному развитію“ (?). Объясняя это, учитель долженъ позабыть не только о языкѣ математическихъ формулъ, но и о „языкѣ безъ словъ“, которому Клейншаулемъ и Зиттлемъ посвящены такія прекрасныя изслѣдованія. Но и то едва-ли дѣти тутъ что-нибудь поймутъ.

Нелегко будетъ ввести въ школьный обиходъ и содержаніе 26 § (стр. 40 слл.), гдѣ говорится о мнимыхъ обстоятельствахъ: впрочемъ здѣсь причину надо искать уже не въ способѣ изложенія или въ высотѣ абстракціи, а скорѣе въ нѣкоторой шаткости теоретической основы предлагаемаго ученія.

Спросонья ученики должны разбирать какъ обстоятельство причины (стр. 40), а съ радости какъ мнимое обстоятельство причины (стр. 42). Мнѣ кажется, что здѣсь г. Бреженковъ вноситъ въ синтаксисъ критерій чисто этимологическій, тѣмъ менѣе объяснимый, что въ основѣ различенія частей предложенія авторъ полагаетъ все тотъ же старый способъ вопросовъ (куда? зачѣмъ? и т. п.).

Ставлю себя въ положеніе учителя, который преподаетъ по книжкѣ г. Бреженкова. Куда отнесетъ онъ такія реченія, какъ *по-хорошу*, *по-милу*, *нізло*, *нісметъ*, *кстати*, *втору* и т. п. Не слишкомъ ли суженъ (и для чего?) отдѣлъ обстоятельственныхъ словъ?

Г. Бреженковъ освободилъ свой учебникъ отъ фразеологическаго приѣма сокращенія придаточныхъ предложеній, который авторы нашихъ руководствъ почему-то считаютъ грамматическимъ процессомъ. Но для чего же ему понадобилось вносить въ свой курсъ ученіе о косвенной рѣчи? Развѣ оно не слагается изъ такихъ же фразеологическихъ упрощеній?

Я не выписывалъ со стр. 78 примѣровъ, но *переназначеніе* лексического состава въ комплексѣ предложеній, выражаемыхъ косвенной рѣчью (напр. *откуда* вм. *отколь*, *съ силами* вм. *съ силой*, *до весны*—*до вешнихъ дней*), показываетъ намъ, что при обращеніи прямой рѣчи въ косвенную—рѣчь идетъ о *переложеніи*. Да русская косвенная рѣчь (если этотъ терминъ нуженъ грамматикѣ) и не можетъ обойтись безъ *переназначенія* словъ.

Въ общемъ, несмотря на нѣкоторую трудность изложенія и кое-какія спорныя положенія, книжка г. Бреженкова составляетъ интересную попытку обновить нашъ учебный синтаксисъ.

И. Анненскій.

*Народности Россіи по губерніямъ и областямъ. Составлена по заявленіямъ о родномъ языкѣ при первой всеобщей переписи 1897 г. *Н. П. Семтми-чскъ*. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина. Цѣна 50 коп. за ненаклеенный экземпляръ. С.-Пб.

На разсматриваемомъ изданіи находятся, во-первыхъ, раскрашенная разными красками схематическая карта съ указаніемъ въ каждой губерніи и области Россійской имперіи преобладающей народности свыше 55%, для всей Россіи, а для губерній Астраханской, Бессарабской, Гродненской, Лифляндской и Таврической — въ Европейской Россіи, въ Кубанской, Карской, Терской, Тифлисской и Черноморской на Кавказѣ и Приморской — въ Азіатской Россіи — въ этихъ губерніяхъ на карту нанесены всѣ наиболѣе крупныя народности. Во-вторыхъ, нанесено 96 квадратовъ, соотвѣтственно числу губерній и областей съ показаніемъ на нихъ народностей Россіи. Въ-третьихъ, — алфавитъ губерній и областей съ показаніемъ №, подъ которымъ онѣ значатся, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, объяснительные знаки для красокъ.

Къ настоящему изданію, какъ учебному пособию, необходимо отнестись съ большою симпатією. Оріентировка въ географическомъ распредѣленіи русскихъ народностей и въ количественномъ отношеніи по губерніямъ и областямъ представляетъ неимовѣрныя трудности для памяти учащихся; настоящее изданіе значительно облегчить этотъ трудъ. Исполненное довольно тщательно, оно, однако же, вызываетъ слѣдующія замѣчанія.

Сообразно своей цѣли, составитель соединяетъ области и губерніи по преобладанію въ каждой изъ нихъ тѣхъ или другихъ народностей; такимъ образомъ великорусскихъ губерній 36, малорусскихъ 8, бѣлорусскихъ 4, польскихъ 9, литовскихъ 2, латышскихъ 1, финскихъ 1, финляндскихъ 8, турецко-татарскихъ 2 (Уфимская, Казанская), смѣшанныхъ 5 (Астраханская, Таврическая, Гродненская, Лифляндская и Бессарабская), Кавказъ, А) Сѣверо-Азіатскій край — Сибирь и Б) Средне-Азіатскій край. Такое распредѣленіе болѣею частью можно назвать правильнымъ, за слѣдующимъ исключеніемъ: къ смѣшаннымъ губерніямъ отнесены: Астраханская, Таврическая и Гродненская губерніи; но это едва ли удобно, такъ какъ во всѣхъ этихъ губерніяхъ русское населеніе оказывается преобладающимъ: въ Гродненской губерніи — 71,20%, въ Таврической — 70,80% и въ Астраханской — 54,13%; въ такомъ случаѣ пришлось бы къ этой категоріи губерній отнести и Самарскую губернію, въ которой

русскаго населенія 68,91%, Симбирскую — 68,14%, Виленскую — 61,06% и Витебскую—66,28%.

Далѣе, изъ оглавленія видно, что таблицы составлены по заявленіямъ о родномъ языкѣ при первой всеобщей переписи 1897 г. Между тѣмъ цифры населенія вносятся не на основаніи этой переписи, а на основаніи уже позднѣйшихъ статистическихъ данныхъ, которыя, какъ извѣстно, собираются безъ заявленія о родномъ языкѣ и которыя между собою значительно разнятся, напримѣръ, въ Симбирской губерніи въ 1897 г. числилось 1.549.461, а по таблицѣ—1.527.848 чел., въ Таврической 1.443.566, а по таблицѣ—1.447.790 и т. п.; слѣдовательно, выставленное процентное отношеніе нужно признать только отдаленно приблизительнымъ.

Далѣе, въ Петербургской губерніи составитель отмѣчаетъ группу романскихъ народовъ 0,20%; но такой группы нигдѣ больше не встрѣчается, хотя, напримѣръ, въ Московской губерніи, въ Тифлисской, можетъ быть, и въ другихъ, романскіе народы, конечно, есть; такъ какъ % ихъ не великъ, то, конечно, и въ Петербургской губерніи рубрику романскихъ народностей можно было бы упразднить, отнеся ихъ въ группу подъ рубрикою „прочія народности“.

Отожествляется названіе Сѣверо-Азіатскій край съ Сибирью; названіе „край“ нѣсколько обидно для такого пространства, какъ Сибирь.

Всюду въ сибирскихъ губерніяхъ составителемъ выдѣляется группа народовъ „сѣверныхъ“; но такая рубрика можетъ только сбить читателя. Правда, Пешель употребилъ этотъ терминъ, но позднѣйшіе народовѣды и, между прочимъ, Ратцель вводятъ уже терминъ болѣе опредѣленный, именно „сѣверные монголы“, или „монголоиды“, и этотъ терминъ распространяется въ учебникахъ и вообще въ популярной географической литературѣ.

Изданы таблицы, можно сказать, прекрасно, именно: краски рѣзки, ясны, какъ въ большихъ квадратахъ, такъ и въ дѣленіяхъ ихъ; безъ какихъ-либо грубыхъ опечатокъ, если только не имѣть въ виду транскрипцію „финны“ вмѣсто финны.

Волюнъ раздѣляя мнѣніе Н. И. Беллярминова о достоинствахъ таблицы г. Пештича и о пригодности ея для учебныхъ заведеній, позволяю себѣ, однако, замѣтить, что было бы полезно прибавить въ таблицы діаграммы населенія Европейской Россіи по областямъ, принятымъ въ одобренныхъ учебникахъ, а также составить такія діаграммы

для отдѣльныхъ частей Азіатской Россіи, т. е. Сибири, Туркестана, Кавказа. Тогда бы еще яснѣе выразилось преобладаніе той или другой народности въ данной мѣстности.

И. Белларининовъ и А. Сомоловъ.

*А. Павловъ. Природа. Краткій курсъ естествовѣдѣнія примѣнительно къ дѣйствующей программѣ городскихъ по положенію 1872 г. училищъ. Въ 3 частяхъ. Часть I. Изданіе 2-е, исправленное и переработанное. Цѣна 50 коп. Часть II. Цѣна 80 коп. Часть III. Цѣна 90 коп. 1906 г.

Первая часть учебника г. Павлова была уже предметомъ рецензій, но теперь она вышла въ переработанномъ видѣ. Лучше всего изъ тѣхъ отдѣловъ, которые подлежатъ моему рецензированію, удался автору очеркъ человѣческаго тѣла въ III части, какъ въ смыслѣ изложенія, такъ и въ смыслѣ содержанія. Правда, иногда въ погонѣ за наглядностью авторъ прибѣгаетъ къ неудачнымъ сравненіямъ. Такъ на стр. 33 III ч. на вопросъ: „что такое легкія?“, онъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „представьте себѣ, что у васъ есть кисть винограда и что вы вынули какимъ-нибудь способомъ всю внутренность изъ отдѣльныхъ виноградинокъ, а нетронутую кожу ихъ оставили на черешкахъ, и представьте затѣмъ, что эти черешки внутри пусты, такъ что можно въ нихъ дуть, какъ въ гусиное перо (?). Это и есть подобіе легкихъ“. Нельзя сказать, чтобы сравненіе не требовало напряженія фантазіи со стороны ученика съ одной стороны, и чтобы оно было вѣрно — съ другой.

I и II часть, заключающія въ себѣ зоологическій очеркъ, составлены уже слабѣе и не лишены ошибокъ. Хотя эти части предназначаются для разнаго возраста, но въ характерѣ изложенія особенной разницы не замѣтно. Правда, во II части даны характеристики грушъ, а въ I части даны вопросы для рѣшенія самимъ ученикомъ въ родѣ того: „почему жуки имѣютъ медленный и тяжелый полетъ?“ (стр. 41) или „какъ могло случиться, что у царицы (т. е. пчелиной матки) на ножкахъ отсутствуютъ корзинки“ и т. п. Но, пожалуй, было бы лучше, если бы этихъ вопросовъ не было.

Самой слабой является, конечно, зоологія III части.

Воспользовавшись тѣмъ, что въ программѣ городскихъ училищъ по положенію 1872 г. имѣется отдѣлъ (для пятаго года ученія) „группировка всѣхъ разсмотрѣнныхъ въ предыдущіе годы животныхъ“, авторъ даетъ не только зоологическую классификацію, но и общій кон-

спетивный „обзоръ строенія тѣла и жизни животныхъ“ не безъ идейной подкладки, а равно и „біологію животныхъ“, т. е. рядъ очерковъ касательно средствъ защиты, заботы о потомствѣ, паразитизмъ и т. п. Идея прекрасная, но надо сознаться, что съ „біологіей“ авторъ плохо справился, и „обзоръ“ совсѣмъ невозможенъ. Подобные біологическіе очерки имѣютъ смыслъ и значеніе только тогда, когда они облегчаютъ изученіе фактовъ, давая имъ извѣстную группировку. Очерки же г. Павлова настолько загромождены фактами и составлены безъ всякой группировки послѣднихъ, что они въ этомъ отношеніи достигаютъ какъ разъ обратнаго указанному результату. Если бы меня заставили отвѣтить на урокъ все то, что написано авторомъ подъ заглавіемъ „Средства защиты животныхъ отъ враговъ“ (стр. 79—94), то я бы, вѣроятно, болѣе тройки не заслужилъ. Ту же самую участь понесъ бы и самъ авторъ. Винегретъ—кушаніе хорошее, но не въ качествѣ уместенной пищи.

Вышеупомянутый „обзоръ“ (стр. 74—76) блещетъ перлами идейнаго обобщенія. Оказывается, что „основная форма органовъ — цилиндръ или валъ“; что „дыхательная трубка“ (трахея насѣкомыхъ, вѣроятно) „такъ сказать, отворотъ кожи“; что у полиповъ есть руки (щупальцы ихъ почему-то и въ специальной части тоже именуется руками, II, стр. 177) и глаза въ видѣ „просто окрашеннаго пятна“, причемъ „рука полипа подобна въ дѣйствиіи хоботу слона, хотя это нѣчто другое“; что „служащія для одинаковой цѣли органы строятся по одинаковому принципу“ (до сихъ поръ зоологи доказывали какъ разъ обратное); что „сущность всякаго (?) движенія: укрѣпленіе, вытягиваніе впередъ, опять укрѣпленіе и стягиваніе (пьявка)“ и что существуетъ „тройное сопряженіе этого основнаго принципа согласно „элементу“ (!) движенія: вода, твердая земля, воздухъ“ и т. п. Эти двѣ страницы—въ сущности сплошной перлъ. Хотя съ одной стороны жаль, что авторъ былъ такъ конспективенъ, такъ какъ, можетъ быть, при дальнѣйшемъ развитіи эти идеи оказались бы болѣе удобопонимаемыми, но съ другой стороны хорошо, что онѣ занимаютъ такъ мало мѣста и съ успѣхомъ могутъ быть вычеркиваемы преподавателями, а въ слѣдующемъ изданіи вовсе убраны безъ ущерба для книги.

Не нужно думать, что авторъ безгрѣшенъ и въ прочихъ частяхъ своего учебника.

Такъ, онъ напрасно помѣщаетъ „копчиковую желѣзу“ птицъ *подъ*

хвостомъ, когда она *надъ* хвостомъ, почему и именуется иначе надхвостной (II ч. стр. 111); напрасно онъ думаетъ, что мигательная перепонка отличительный признакъ птицъ (II ч. стр. 115); что сердце пресмыкающихся имѣетъ два желудочка (это свойственно только крокодиламъ) (II ч. стр. 126) и т. п. Я уже не говорю о неудовлетворительности редакціи многихъ пунктовъ.

Такъ, вродь, вонечно, не потому относятся къ насѣкомояднымъ, что онъ ѣсть насѣкомыхъ (II ч. стр. 68), а ящерица (почему-то называется „ящуркой“) къ пресмыкающимся не потому, что она „пресмыкается“ (II ч. стр. 116). Это только объясняетъ происхождение названія—не болѣе. Говоритъ же г. Павловъ, что ежъ стопоходящъ (II ч. стр. 72)—отчего же не сказать, что не только ежъ, но и кротъ да и всѣ насѣкомоядныя стопоходящи? Почему бѣлка—грызунъ (II ч. стр. 75), объяснено вполне правильно.

Одно и то же явленіе называется „защитной окраской“ (II ч. стр. 117), укрывающей окраской (ч. II стр. 120), а ниже „подражательной или покровительственной окраской“ (ч. III стр. 95). Земноводныя во взросломъ состояніи дышатъ не только легкими, какъ сказано у г. Павлова (ч. II стр. 131), но и нерѣдко также жабрами. Описание боковой линіи рыбъ (ч. II стр. 136) неточно. Нельзя характеризовать плавательный пузырь рыбъ, какъ „неразвившійся органъ дыханія, напоминающій легочный мѣшокъ земноводныхъ“ (стр. 143) и не сказать при этомъ болѣе ничего объ этомъ органѣ; не говоря уже о томъ, что у земноводныхъ *лѣжія*, а не легочный мѣшокъ, что далеко не одно и то же.

Разказы о муравьяхъ, призывающихъ на помощь товарищей (II ч. стр. 153), пора и оставить, какъ пора перестать думать, что животныя дѣйствительно *притворяются* мертвыми (ч. II стр. 78 и ч. III стр. 90). Притворяются мертвымъ можетъ тотъ, у кого есть идея смерти и пониманіе значенія смерти для врага, а такое допущеніе по отношенію къ животнымъ является большой натяжкой. Сравненіе полости кишечно-полостныхъ „съ полостью тѣла высшихъ животныхъ, въ которой лежатъ у нихъ внутренности“ — только внесетъ смуту въ понятія ученика. Нельзя терминъ „мимикрія“ переводить „передразниваніе“ (ч. III стр. 107). Двуроты или двуустки называются такъ вовсе не потому, что кишечный каналъ ихъ раздвоенъ въ видѣ вилки (ч. III стр. 139) и т. п. Такихъ промаховъ не мало. Однако, если ботаническая и минералогическая части хороши, то зоологическая въ общемъ все-таки настолько выкупаешь свои дефекты ясностью

изложенія и умѣлымъ подборомъ матерьяла, что книжка могла бы условно быть допущена въ видѣ руководства въ городскія училища.

В. Шинниковъ.

*Новый арифметическій задачникъ съ методическими указаниями. Для городскихъ и сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ и для подготовительныхъ школъ въ гимназін. Часть 1. Простыя и типичныя задачи съ примѣрами на числа первой сотни. Въ задачникѣ помѣщены рисунки, наглядныя задачи и объясненія типичныхъ задачъ. Составленъ „Группой учащихся народныхъ школъ“ подъ редакціей *Ив. П. Сахарова* и *Н. Ив. Соколова*. М. 1906. Стр. 111. Цѣна 20 коп.

Составители въ началѣ объясняютъ, „что преслѣдовалось нашимъ задачникомъ“.

„Жизненные требованія отъ *абитуриентовъ* начальной школы сводились раньше... къ умѣнью просто сосчитать въ предѣлѣ 4-хъ арифметическихъ дѣйствій, минуя численныя комбинаціи съ особымъ приемомъ рѣшенія... По вскорѣ сама жизнь разбила *отражъ* подобныя взгляды... Составители задачниковъ, одинъ за другимъ, стали *предносить* педагогическому міру свои учебники. Давши *систему обученія простыхъ дѣйствій счисленія*, (они) не давали, на примѣръ, систематизаціи такъ называемыхъ типичныхъ задачъ... Нѣкоторые изъ нихъ даже утверждали, что не слѣдуетъ—де распредѣлять задачи на *типичныя градаціи*... Не цѣнить, а глубоко осуждать нужно тяжелую систему обученія, заставляющую учащагося самого додумываться до изысканія приемовъ при рѣшеніи *еще не вступяющихъ* численныхъ комбинацій“ (стр. 3—5).

Таковы взгляды и таковъ русскій (?) языкъ „Группы учащихся народныхъ школъ“ въ кавычкахъ. Эта—не то „группа школъ“, не то „группа учащихся“ знакома только съ *одной* попыткой „систематизаціи типичныхъ задачъ“ (стр. 4). Не знаю, о которой изъ многочисленныхъ попытокъ здѣсь говорится: спросъ на такой товаръ за послѣднія 15—20 лѣтъ, къ сожалѣнію, настолько великъ, что даже сборники, не допущенные ученымъ комитетомъ, требуютъ все новыхъ и новыхъ изданій. Таковъ, на примѣръ, сборникъ, составленный „Кружкомъ учителей Московскихъ городскихъ школъ“, подъ редакціей тоже двухъ лицъ.

Боюсь, что подобная же судьба ожидаетъ и разсматриваемую книжку: по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ ея видѣ допустить ее въ школы невозможно.

Кто же говорить: „сложеніе на числа“ (стр. 15), „вычитаніе на

числа“ (стр. 17), „раздѣлить пополамъ на 2 части“ (стр. 29), „спололи“ (стр. 25), „сѣвникъ“ (стр. 99, 102) въ смыслѣ „торговецъ сѣномъ“, „вышли одповременно другъ къ другу два поѣзда“ (стр. 106) и т. п.? Что такое за „подготовительныя школы въ гимназіяхъ“ (см. заглавіе)? Кто же сокращаетъ яблоки и арбузы въ *яб.* и *ар.* (стр. 110)?

По части же математической грамотности достаточно было бы привести такія нелѣпныя равенства, напечатанныя притомъ жирнымъ шрифтомъ (стр. 83):

$$24 : 2 = 24-2-2-2-2-2-2-2-2-2-2-2-2,$$

$$24 : 3 = 24-3-3-3-3-3-3-3-3-3;$$

или такое опредѣленіе (тоже жирный шрифтъ):

„Раздѣлѣть—значить отнять поровну нѣсколько разъ“ (стр. 26); или такое требованіе (опять жирный шрифтъ):

„Написать каждую цифру отъ 20—100. Письмо цифръ вразбивку“ (стр. 66).

Встрѣчается множество формулъ, которыя въ результатѣ должны давать отрицательныя или дробныя числа, каковы, напримѣръ, всѣ пять подъ № 3 на стр. 36:

$$3 + 6 - 7 \times 3 =$$

$$2 - 7 + 4 : 3 = \text{и т. д. (См. также стр. 46).}$$

Выраженіе же вида

$$a : bc$$

„группа“ понимаетъ, какъ

$$\frac{a}{b} \cdot c.$$

О „методическихъ указаніяхъ“ достаточное понятіе даютъ *правила* для письменнаго сложенія (стр. 68) и вычитанія (стр. 74) *двузначныхъ* чиселъ и для дѣленія двузначнаго на однозначное (стр. 83). Это во всякомъ случаѣ новость, такъ какъ до сихъ поръ учили и учатъ производить такія дѣйствія устно. Не есть ли это одна изъ „попытокъ учащихся раскрѣпоститься“ (см. заглавіе сочиненія № 9 ¹⁾ *Ив. П. Сахарова* на обложкѣ), чтобы вернуться къ методамъ старинной цифіры?

Приведемъ еще, для образца, нѣсколько задачъ:

На *сложеніе*: „Сколько копеекъ въ трехъ пятиалтынныхъ? въ трехъ четвертакахъ!“ (стр. 71).

¹⁾ *Ив. П. Сахаровъ*. Невормальное состояніе современной церковно-народной школы и попытка учащихся раскрѣпоститься. М. 1906. Цѣна 30 коп.

На *умноженіе*: „На что надо помножить 3, чтобы получить 6?“ (стр. 24).

На *„счетъ частей“*: „Двѣ артели рабочихъ въ 16 человекъ истратили на харчи въ мѣсяцъ 96 рублей. Сколько истратила денегъ на харчи каждая артель, если въ одной артели было 7 человекъ, а въ другой — 9 человекъ?“ (стр. 101). „Группа“ дала опредѣленный отвѣтъ даже и на такую задачу.

Отвѣты (стр. 110—111), впрочемъ, слѣдовало бы пересмотрѣть, и по поводу одного изъ нихъ я напомнилъ бы „группѣ“, что въ году не 48 недѣль, а 52 съ небольшимъ.

Составители „старались *соблюсти равновѣсіе*, т. е. *преподнести* учащимся только то, что соответствуетъ ихъ силамъ“ (стр. 6). Но удержать ли равновѣсіе дѣти, когда въ первомъ же десяткѣ споткнутся о задачи на отысканіе чиселъ по ихъ суммѣ и разности (стр. 33)?

На обложкѣ нарисована часть картины, кажется, Богданова-Вѣльскаго. Я лщу себя надеждою, что составители, если только внимательно вглядятся въ мастерски изображенныхъ тамъ „абитуриентовъ“ (въ лаптяхъ), едва ли рѣшатся „преподнести“ имъ продолженіе своего труда.

В. Соллертинскій.

*В. П. *Авсариусъ*. Опальный. Историческая повѣсть для юношества изъ временъ царя Алексѣя Михайловича. С.-Пб. 1905. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. Стр. 296. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Повѣсть рисуетъ жизнь въ опалѣ думнаго боярина Ильи Юрьевича Талычева-Буйносова и его семьи во времена царя Алексѣя Михайловича. Разбойникъ изъ шайки Разина Шмель сманиваетъ на Волгу старшаго сына боярина Юрія и двороваго Кирюшку. Отыскать ихъ отправляется младшій сынъ Ильи и послѣ разнообразныхъ приключеній у Стеньки Разина исполняетъ свое намѣреніе. Повѣсть рассказана занятно, тонъ взятъ вѣрно, но не обошлось безъ промаховъ и анахронизмовъ. Врядъ-ли русскіе люди XVII вѣка и иностранцы говорили: „не возбраняется предъявить улики установленнымъ на то въ законахъ порядкомъ“ (стр. 17), „сдѣлають штатнымъ медикомъ“ (стр. 29), „со всѣмъ моимъ респектомъ“ (стр. 100), „дойти до такого градуса“ (стр. 104), „обучалъ таковымъ эволюціямъ“ (стр. 106), „дамъ рекомендацію“ (стр. 112), „пуклисты“ вмѣсто выпуклы (стр. 115), „замолчи ради Аллаха“ (слова молодого боярина, стр. 143), „это цѣлая

Одиссея“ (стр. 151), „строкулисть“ (стр. 166), „слѣдуютъ пунеты“ (стр. 177); послѣднія фразы на стр. 183; „усерднѣйше ревнуя о благѣ отчизны“ (стр. 220), „весь маршрутъ, сирѣчь путь“ (стр. 277);—сомнительны въ XVII вѣкѣ клавикурты (вмѣсто флигеля или клавирина), купленные XVII вѣкѣ у заѣзжаго музыканта (стр. 31), ваза вмѣсто кувшина съ цвѣтами (стр. 32), иноземный бульонъ (стр. 54), бояринъ Стрѣшневъ, лѣчащійся отъ ревматизма на баденскихъ минеральныхъ водахъ (стр. 29), описаніе люстры (стр. 43), подписи *подъ* иконами евангелистовъ (стр. 114), иллюстрированіе челобитья казацкаго войска поднятіемъ шапки (стр. 157), повытки и писаришки (стр. 165). Положительно невѣрны описанія клубочка на соколѣ (стр. 36), богоотводная наука—цифирь (стр. 25), словество (стр. 15), изображеніе *дешадцати* страстей Христовыхъ (стр. 43), переплеты изъ свиной кожи вмѣсто телячьей (стр. 44), пергаментные свитки (стр. 44 и особенно 59), особое „евангеліе *напрестольное*“ (стр. 44), Алкоранъ Махметовъ съ польскаго, вмѣсто опроверженія его на польскомъ I. Галатовскаго 1688 года (стр. 44), житія вмѣсто житіе св. Чудотворца Николая (стр. 44), грамота изъ разбойнаго приказа съ малою государевою печатью изъ краснаго воску на шнуракѣ (стр. 59).

Въ „прологѣ“ авторъ изображаетъ грубую сцену, какъ въ присутствіи царя, по приговору боярскаго думы, былъ выкупанъ въ прудѣ думный бояринъ, опоздавшій на царскій смотръ. Основаніемъ для автора послужило извѣстное письмо царя Алексѣя Михайловича къ Матюшкину, гдѣ разсказывается, какъ царь забавлялся купаньемъ молодыхъ стольниковъ, опаздывавшихъ на смотръ. Этотъ фактъ г. Аверариусъ превратилъ въ нѣчто совершенно невѣроятное, несогласное ни съ добродушіемъ царя Алексѣя, ни съ отношеніями боярскаго среды. Вся обстановка этой грубой сцены исторически мало правдоподобна. Дѣйствующія лица говорятъ какимъ-то страннымъ языкомъ, напоминающимъ скорѣе языкъ XVIII столѣтія, чѣмъ XVII. Весьма сомнительно, чтобы бояринъ въ разговорѣ съ царемъ могъ назвать боярскаго думу „вершительницей судебъ народныхъ“ (стр. 16), и чтобы царь говорилъ боярамъ: „отгнѣнить боярское рѣшеніе во власти самихъ же бояръ“ (стр. 19). Ордынъ-Нащокинъ въ 1659 г. не могъ быть въ кругу первостепенныхъ бояръ, такъ какъ онъ только въ предыдущемъ году былъ пожалованъ думнымъ дворяниномъ.

На стр. 127 разсказывается, что Мининъ призывалъ нижегородцевъ къ освобожденію Троицкой лавры отъ поляковъ, что и было, якобы, исполнено княземъ Пожарскимъ. Но знаменитая осада лавры

происходила за три года до похода Пожарскаго къ Москвѣ. Пожарскій Троицкой лавры отъ поляковъ не освобождалъ.

Разныя несообразности можно отмѣтить въ снопѣ объявленія боярину Буйносову указа о поимкѣ бѣглаго разбойника (стр. 58—61). Такіе документы не писались на пергаментѣ. Текстъ указа представляетъ крайне неудачное подражаніе стилю и языку официальныхъ документовъ XVII вѣка.

Въ общемъ, книга г. Авенариуса не относится къ числу тѣхъ историческихъ повѣстей и романовъ, которые могутъ оказать помощь дѣлу историческаго образованія юношества.

И. Шляпкинъ и С. Рождественскій.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію въ теченіе марта и апрѣля мѣсяцевъ 1907 года.

— *Глбозъ, Ив.* Учебный курсъ исторіи новѣйшей литературы. (Составленъ примѣнительно къ программамъ реальныхъ училищъ, духовныхъ семинарій, мужскихъ и женскихъ гимназій, институтовъ и юнкерскихъ училищъ). Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Некрасовъ, Алексѣй Толстой, Майковъ, Левъ Толстой, Достоевскій, Фетъ, Полонскій. Новочеркасскъ. 1907. 200 + IV стр. Цѣна 1 руб.

— *Езерскій, Ф. В.* Собраніе сочиненій. Томъ первый. Мысли научныя. С.-Пб. и М. 1898. 216 стр. Цѣна 1 руб.

— *Кастальскій, А. Д.* Пивное дѣйство. Исполнено полнымъ хоромъ синодальныхъ пѣвчихъ въ открытомъ засѣданіи комиссіи по изученію памятниковъ деревенной старины г. Москвы и Московской епархіи 18-го марта 1907 г. 15 стр. (литографія).

— *Поповъ, В. И.* Химія для самообразованія въ дешевой домашней лабораторіи. Съ предисловіемъ академика Н. Н. Бекетова. М. 1907. 199 стр. Цѣна 60 коп.

— *Постмиковъ А. П.* Систематическій курсъ практическихъ работъ по общей химіи. Съ 18-ю чертежами. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1907. VI + II + 86 стр. Цѣна 60 коп.

— *Чернышевъ, В. И.* Изъ исторіи русскаго правописанія. С.-Пб. 1907. 48 стр.

— *Соколовъ, П. А.* Читанія по педагогической психологіи. Изданіе 2-е, переработанное и дополненное. Съ систематическимъ указателемъ сочиненій и журнальныхъ статей по психологіи и педагогикѣ. Екатеринославъ 1907. X + 229 + LIV стр. Цѣна 1 руб.

— Отчетъ о состояніи Саратовской публичной бібліотеки въ 1906 году. Саратовъ. 1907. 25 стр.

— Текущая школьная статистика Курскаго губернскаго земства. Годъ десятый, 1905—1906 учебный годъ. Часть первая. Курскъ. 1907. 100 + 85 стр. (Справочно-педагогическое бюро Курскаго губернскаго земства).

— Списокъ книгъ, отпускаемыхъ учителямъ на половинныхъ расходахъ губернскаго и уѣзднаго земствъ для подготовленія учителей къ школьнымъ занятіямъ. Курскъ. 1906. 36 стр. (Справочно-педагогическое бюро Курскаго губернскаго земства).

— Школьная сеть по Курской губернии. Къ докладамъ Курской губернской земской управы XLII очередному губернскому земскому собранію 10-го декабря 1906 года. Курскъ. 1906. 165 стр. (Справочно-педагогическое бюро Курскаго губернскаго земства).

— Отчетъ Харьковской общественной бібліотеки за двадцатый годъ ея существованія (съ 1-го октября 1905 г. по 1-е октября 1906 г.) и ея филиальныхъ отдѣленій 1-го за шестой годъ существованія, 2-го за второй годъ существованія (съ 1-го октября 1905 года по 1-е октября 1906 г.). Харьковъ. 1906. 98 + XXVI стр.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВСЕРОССИЙСКОЕ ХРАНИЛИЩЕ ДВОРЯНСКИХЪ ДѢЛЪ.

(Историко-статистическія свѣдѣнія).

Въ 1907 году исполняется 185-лѣтіе со времени учрежденія при правительствующемъ сенатѣ „Герольдмейстерской конторы“, а въ 1911 году и 200-лѣтіе основанія самого правительствующаго сената. Послѣдняя годовщина, несомнѣнно, вызоветъ рядъ историческихъ и историко-юридическихъ изслѣдованій, но первая проходитъ въ полномъ молчаніи, не смотря на всю важность историческаго прошлаго герольдіи, которое, къ тому же, въ настоящее время и трудно возстановимо въ желательной полнотѣ, въ виду весьма неудовлетворительнаго состоянія герольдійскаго архива. Случай намъ далъ возможность сказать на третьемъ областномъ историко-археологическомъ съѣздѣ во Владимірѣ-губернскомъ 22-го іюня 1906 года нѣсколько словъ объ этомъ архивѣ, и съѣздъ тогда же постановилъ, съ своей стороны, ходатайствовать предъ министромъ юстиціи о приведеніи его въ порядокъ.

Объ архивѣ герольдіи не только въ печати ¹⁾, но и въ департа-

¹⁾ Единственныя о немъ упоминанія находимъ у В. И. Иконникова въ „Опытъ русской исторіографіи“, гдѣ читаемъ: „оконченныя производствомъ дѣла 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, межевого, *департаментна герольдіи*, общихъ собраній правительствующаго сената хранятся въ сенатскомъ архивѣ“ (т. I, ч. I, стр. 455), и у Д. Я. Самохвасова, который въ своей книгѣ „Архивное дѣло въ Россіи“ приводитъ даже цифру дѣлъ департамента герольдіи, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ и заключающихся, по его увѣренію, „въ 1.132 книгахъ и связкахъ“ (?) — (см. II т., таблицу на стр. 10—11). Такого рода сообщенія совершенно, какъ увидимъ ниже, не отвѣчаютъ и не отвѣчаютъ истинѣ.

ментскихъ годовыхъ отчетахъ не говорится почти ни слова; вслѣдствіе этого даже лица, близко соприкасавшіяся съ нимъ и причастныя къ департаменту, имѣли о немъ смутное понятіе и часто смѣшивали его съ прочими департаментскими архивами, въ которыхъ хранятся дѣла за послѣднія 50 лѣтъ и которыя занимаютъ лишь „пріуготовленіемъ“ дѣлъ къ сдачѣ въ сенатскій общій архивъ.

Между тѣмъ, герольдскій архивъ, основанный почти одновременно съ учрежденіемъ „Герольдмейстерской конторы“, представляеть собою совершенно особое самостоятельное учрежденіе-хранилище, какъ по своему исключительному роду дѣлъ, такъ равно и по той живой связи дѣлъ прежнихъ лѣтъ съ текущимъ дѣлопроизводствомъ, какой не наблюдается нигдѣ. Заключая въ себѣ до 250.000 дѣлъ, изъ которыхъ большинство, около 180.000, по производству въ потомственное дворянство, болѣе 3.000 разнаго рода книгъ-журналовъ, опредѣлений, родословныхъ и проч., онъ можетъ считаться богатѣйшимъ дворянскимъ архивомъ. Принимая, затѣмъ, во вниманіе, что губернскіе архивы дворянскихъ депутатскихъ собраній „всѣ лежатъ въ забвеніи“, какъ недавно выразился о нихъ Л. М. Савеловъ въ своемъ докладѣ на XI-мъ археологическомъ съѣздѣ, „и находятся на попеченіи архивариусовъ, стариковъ-пенсіонеровъ дворянства, мечтающихъ только о томъ, чтобы ихъ не беспокоили“¹⁾; что нѣкоторые изъ этихъ архивовъ, какъ напримѣръ, архивы гродненскаго, смоленскаго, симбирскаго и казанскаго дворянскихъ депутатскихъ собраній въ значительной степени выгорѣли, и что въ 1895 году были наконецъ перевезены изъ Варшавы въ С.-Петербургъ всѣ дѣла по дворянству и почетнымъ титуламъ уроженцевъ Привислинскаго края, — архивъ департамента герольдіи правительствующаго сената долженъ занять мѣсто общаго, центрального, всероссійскаго дворянскаго архива.

I.

Образованіе архива при департаментѣ герольдіи правительствующаго сената.

12-го января 1722 года (П. С. З., т. VI, ст. 3877) состоялся Высочайшій именной указъ, въ пунктѣ четвертомъ котораго сказано: „надлежитъ быть при сенатѣ *герольдмейстеру*, или какой чинъ, кто-бъ дворянъ вѣдалъ и всегда представлялъ къ дѣламъ, когда

¹⁾ См. „Труды XI-го археологическаго съѣзда“, т. II, стр. 28.

спросить“. Въ пунктѣ 16-мъ „Табели о рангахъ“ (ст. 3890) на обязанность герольдмейстера возложено еще составленіе гербовъ дворянскихъ, для чего ему въ помощь былъ данъ въ томъ же году гербовѣдъ Францишко Санта. 5-го февраля 1722 года (П. С. З. т. VI, ст. 3896) была дана герольдмейстеру и довольно подробная инструкция, предписывающая веденіе слѣдующихъ списковъ дворянъ: „1) генеральные именные и порознь по чинамъ; 2) кто изъ нихъ къ дѣламъ годится и употреблены будутъ и къ какимъ, порознь п за тѣмъ оныхъ останется; 3) что у кого дѣтвей и въ каковы лѣта, и впредь кто родится и умретъ мужеска пола, чего для всѣхъ прежніе шляхетскіе списки, которые есть при сенатѣ и остались въ прежнемъ разрядѣ, отдать ему герольдмейстеру“.... 2-го мая 1722 года состоялся указъ ¹⁾ о назначеніи вмѣсто столыника Колычева герольдмейстеромъ Плещеева, на имя котораго и былъ данъ 22-го октября того же года слѣдующій указъ: „прежніе шляхетскіе списки и прочія разрядныя дѣла, которыя описаны изъ сената и лежатъ въ палатахъ на старомъ казенномъ дворѣ, по описи, отдать герольдмейстеру Плещееву съ товарищи; а которыя не описаны, тѣ описать ему герольдмейстеру. А ежели въ тѣхъ палатахъ явятся какія иныя дѣла кромѣ разрядныхъ, и тѣ ему герольдмейстеру описать же, и описавъ подать объ нихъ въ сенатъ вѣдѣніе, а безъ указу къ себѣ не брать. И которыя при описи тѣхъ дѣлъ подъячіе были, тѣхъ отослать къ нему же герольдмейстеру. А для исправленія оныхъ дѣлъ отвести имъ тѣ палаты, въ которыхъ нынѣ штатсъ-контора, а оную контору перевести въ канцелярію раскольническихъ дѣлъ“ (П. С. З., т. VI, ст. 4114).

Такимъ-то образомъ и возникло новое коллегіальное учрежденіе при сенатской канцеляріи, наименованное въ послѣдующихъ указахъ *герольдмейстерской канторой*, штатъ которой составляли: герольдмейстеръ, его товарищъ, секретарь и десять подъячихъ, называвшихся иногда канцеляристами и подканцеляристами, и которая получила въ наслѣдство значительную часть дѣлъ разряднаго архива. Впослѣдствіи при императрицѣ Екатеринѣ II-ой „въ точное вѣдомство“ герольдин поручался весь разрядный архивъ (ср. п. 22 „Манифеста объ учрежденіи сената“, отъ 15-го декабря 1763 г.); а Высочайшимъ указомъ отъ 22-го марта 1767 года (П. С. З., № 12.851) на чле-

¹⁾ См. „Архивъ правительствующаго сената“, т. I (С.-Пб., 1872 г.). Въ полн. собр. зак. этого указа нѣтъ.

новъ герольдмейстерской конторы возлагалось исключительное право свидѣтельствовать справки разряднаго архива о дворянствѣ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ состоялся указъ о передачѣ и дѣлъ по смоленскому шляхетству, которыя ранѣе вѣдала московская герольдмейстерскихъ дѣлъ канцелярія, въ петербургскую герольдмейстерскую контору (П. С. З., т. XV, 14-го марта 1761 г.), что, конечно, еще болѣе должно было увеличить составъ дѣлъ и книгъ герольдмейстерской конторы.

Дальнѣйшій ростъ дѣлъ въ герольдмейстерской конторѣ, вмѣсто которой съ 1780 года почти всегда встрѣчается одно лишь наименование „герольдія“, зависѣлъ отъ высочайшихъ и сенатскихъ указовъ, расширившихъ дѣятельность герольдіи, главнымъ образомъ, въ области составленія и храненія всевозможнаго рода списковъ служилымъ и неслужилымъ людямъ, опороченныхъ по суду, недорослямъ и проч. Значительную роль въ смыслѣ увеличенія дѣлъ въ герольдіи долженъ былъ сыграть и именной Высочайшій указъ сенату, отъ 27-го мая 1800 года, „о присоединеніи дѣлъ и чиновниковъ при составленіи гербовника бывшихъ въ герольдіи; объ опредѣленіи ваппенрихтера и о бытіи герольдіи на правѣ коллегіи“ ¹⁾. Съ этого-то года, а не съ 1803 года, какъ обыкновенно полагаютъ, слѣдуетъ считать и начало герольдіи, какъ самостоятельнаго особаго учрежденія при сенатѣ. Указомъ 4-го февраля 1803 года (П. С. З., т. XXVII, ст. 20.608) предписывалось инспекторскому департаменту военнаго министерства о всѣхъ недоросляхъ, опредѣляющихся въ военную службу, запрашивать герольдію:—„слѣдуетъ ли считать изъ дворянъ“ такого-то. Съ тѣхъ поръ вплоть до 1828 года дѣлъ подобнаго рода въ герольдіи было особенно много, что тогда же вызвало прибавку къ прежнимъ двумъ товарищамъ герольдмейстера и *третьяго*.

Не смотря на постоянно возраставшее количество дѣлъ въ герольдіи, особенно послѣ 1832 года, когда было издано положеніе о почетномъ гражданствѣ, упоминанія объ *архивѣ герольдіи* нигдѣ не встрѣчается до 1828 года, когда, повидимому, новый законъ, обязывавшій всѣ дворянскія депутатскія собранія представлять свои дѣлопроизводства по дворянству на ревизію въ герольдію, особенно осложнилъ дѣлопроизводство въ послѣдней и вызвалъ раздѣленіе дѣлъ на текуція и архивныя — справочныя. Самая же должность

¹⁾ См. „Сенатскій архивъ“, т. I, стр. 619. Въ полн. собраніи зак. этого указа нѣтъ

архивариуса герольдіи установлена лишь четыре года спустя. О какихъ-либо правилахъ по устройству герольдійскаго архива не было и помину.

Въ 1838 году возникъ было вопросъ о сдачѣ герольдійскихъ дѣлъ прежнихъ лѣтъ въ сенатскій архивъ, и даже министромъ юстиціи данъ былъ ордеръ на отпускъ изъ сенатскаго казначейства 1.000 руб. на эту сдачу; но послѣдняя почему-то не состоялась. Въроятно, однимъ изъ важнѣйшихъ тормазовъ къ этому было слишкомъ плохое состояніе дѣлъ герольдіи, которыя и въ 1841 году, по отзыву архивариуса Ринга, „находились въ крайнемъ расстройствѣ“. Несомнѣнно еще и то, что сдачѣ помѣшало возникновеніе въ слѣдующемъ (1839) году новаго учрежденія при герольдіи, такъ-называемаго *временнаго присутствія герольдіи*. Это временное присутствіе, дѣйствовавшее одновременно съ герольдіей около 10 лѣтъ, имѣло свой особый архивъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ дѣлъ бывшихъ губернскихъ ревизіонныхъ комиссій.

Съ преобразованіемъ въ 1848 г. герольдіи въ департаментъ герольдіи правительствующаго сената и съ закрытіемъ временнаго присутствія, возникъ прежде всего вопросъ о передачѣ дѣлъ послѣдняго въ департаментъ герольдіи. Тутъ же всплыла и раиѣе легѣнная мысль объ образованіи *общаго дворянскаго архива*, для постояннаго храненія въ немъ всѣхъ дворянскихъ дѣлъ. Въ теченіе года архивариусъ департамента герольдіи принялъ по описямъ „поустроенный“ дѣла временнаго присутствія герольдіи, оставивъ однако ихъ покоиться въ прежнемъ помѣщеніи. Затѣмъ нужно было приступить къ разбору и устройству этого общаго архива департамента герольдіи. Но для этого было рекомендовано министерствомъ юстиціи предварительно привести въ порядокъ и извѣстность „крайне запутанныя“ дѣла въ самой канцеляріи департамента. Въ 1849 г. была образована особая комиссія, которая, приведя въ порядокъ названныя дѣла, составила особый „*Разборный архивъ*“, фактически дѣйствовавшій до 1866 г. Съ этого времени извѣстенъ только одинъ архивъ департамента герольдіи, сосредоточившій въ себѣ, помимо дѣлъ о почетномъ гражданствѣ, дѣлъ чиновпроизводныхъ, о присоединеніи и перемѣнѣ фамилій и проч., дѣла о дворянствѣ и почетныхъ титулахъ всего населенія Россійской имперіи, за исключеніемъ уроженцевъ Привислинскаго края, хотя самое производство по дворянству послѣднихъ было передано въ департаментъ герольдіи еще въ 1867 году. Черезъ 28 лѣтъ послѣ этого совершился во виѣшней жизни депар-

тамскаго архива и послѣдній фактъ, имѣющій для него важное значеніе: онъ сразу создалъ архиву положеніе всероссійскаго, центрального и единственнаго хранилища дѣлъ и документовъ, опредѣляющихъ принадлежность къ высшему сословію всѣхъ безъ исключенія дворянъ Россійской имперіи. До 1861 г. въ Царствѣ Польскомъ, для опредѣленія высшихъ правъ состоянія жителей Привислинскаго края, дѣйствовала герольдія Царства Польскаго. Съ закрытіемъ ея въ этомъ году, опредѣленіе правъ на дворянство и почетные титулы перешло къ государственному совѣту Царства. Но въ 1867 г. былъ закрытъ и послѣдній, а разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ о дворянствѣ и почетныхъ титулахъ уроженцевъ Привислинскаго края было передано департаменту герольдіи правительствующаго сената. Такъ какъ архивъ дворянскихъ дѣлъ Царства Польскаго продолжалъ оставаться въ Варшавѣ, входя въ составъ архива старыхъ дѣлъ сначала при учредительномъ собраніи, а потомъ при канцеляріи варшавскаго генераль-губернатора, то въ случаѣ справокъ департаментъ герольдіи долженъ былъ выписывать нужныя дѣла изъ Варшавы. Это обстоятельство, съ постепенно возрастающимъ дѣлопроизводствомъ по дворянству и почетнымъ титуламъ уроженцевъ Привислинскаго края, естественно должно было вызвать мысль о сосредоточеніи дѣлъ, постоянно требуемыхъ для справокъ и пополненій, въ мѣстѣ самаго дѣлопроизводства, т. е. въ департаментѣ герольдіи. Началась по этому поводу обычная канцелярская переписка, длившаяся съ ноября 1892 г. до марта 1895 г., когда наконецъ и совершилось водвореніе въ архивѣ департамента герольдіи—„10.500 томовъ о дворянствѣ и почетныхъ титулахъ уроженцевъ Царства Польскаго и 225 регистраціонныхъ къ нимъ книгъ“. Приѣмка этихъ дѣлъ была совершена въ г. Варшавѣ оберъ-секретаремъ департамента герольдіи, г. Кондратьевымъ и обошлась вмѣстѣ съ перевозкою и доставкою въ С.-Петербургъ въ 1.250 рублей.

II.

Прошлое состояніе архива и приведеніе его въ порядокъ.

Главный источникъ для исторіи архива департамента герольдіи—это „дѣла герольдмейстерскія“, но они, къ величайшему сожалѣнію, сохранились въ архивѣ лишь за послѣднія 60 лѣтъ, да и то не вполне; отъ болѣе ранняго времени не имѣется ни клочка. Имѣющія же дѣла по герольдмейстерской части даютъ возможность до нѣкоторой степени установить состояніе архива, мѣры къ приведенію

его въ порядокъ, условія пріема дѣлъ, порядокъ уничтоженія и т. п., — лишь съ 1841 г. Въ этомъ году архивариусомъ герольдіи былъ назначенъ нѣкто Василій Рингъ, который, осмотрѣвъ архивъ, пишетъ слѣдующее: „Я нашелъ архивъ въ крайнемъ разстройствѣ; при встрѣчающихся непрерывно затрудненіяхъ къ отысканію въ ономъ дѣлѣ, необходимыхъ справокъ, останавливалось текущее дѣлопроизводство и помощники секретарей, по неисправности бывшаго архивариуса, должны были сами отправляться въ архивъ“. Понятно, что при этомъ взятыя ими дѣла никуда не записывались и возвращались иногда черезъ нѣсколько лѣтъ. Цѣлыя пять лѣтъ своего пребыванія въ должности архивариуса г. Рингъ занимался „устройствомъ архива“ и успѣлъ сдѣлать слѣдующее. Во-первыхъ, онъ „всѣ бывшія въ безпорядкѣ дворянскія дѣла, съ 1828 по 1841 г., разобралъ по годамъ, составилъ имъ описи и алфавиты; въ описяхъ же для легчайшаго отысканія дѣлъ, въ случаѣ справокъ, предъ каждымъ годомъ отмѣтилъ и губерніи“. Всего за указанный періодъ онъ привелъ въ порядокъ до 9.000 дѣлъ. Затѣмъ разобралъ по губерніямъ, сшилъ и пронумеровалъ родословныя книги дворянамъ, съ 1786 по 1841 годъ. Въ-третьихъ, „бывшіе въ безпорядкѣ“ формулярныя списки гражданскихъ чиновъ, за 1795—1841 г., разобралъ по годамъ, „привелъ въ извѣстность, отъ кого оныя представлены и по какому вѣдомству, всѣ пронумеровалъ, сшилъ, составилъ имъ опись и сдалъ въ сенатскій архивъ, числомъ 7.020 №№“. Далѣе „разобралъ книги входящимъ и исходящимъ бумагамъ, за 1782 — 1839 гг., бумагамъ къ свѣдѣнію, за 1799—1839 гг., и другія книги прежнихъ лѣтъ, какъ-то: о выдачѣ патентовъ на чины, разсылныя и проч., коимъ всѣмъ составилъ описи и также сдалъ въ сенатскій архивъ“. Наконецъ, „рассыскалъ и описалъ до 1860 г. герольдійскія бумаги, валившіеся безъ всякаго призора въ сенатскомъ архивѣ“.

За столь усердную дѣятельность, безъ сомнѣнія, много содѣйствовавшую ускоренію и улучшенію самаго дѣлопроизводства въ герольдіи, архивариусъ Рингъ въ теченіе всѣхъ пяти лѣтъ только однажды былъ Высочайше награжденъ пособіемъ въ 50 рублей сер. и, естественно, послѣшилъ покинуть герольдію. Преемникъ его Китаевъ принялъ отъ него дѣла по описи, и такъ какъ это была первая опись или вѣдомость дѣламъ и книгамъ, хранящимся въ архивѣ герольдіи, составленная при сдачѣ и пріемѣ дѣлъ, то мы и позволяемъ себѣ извлечь изъ ней цифровыя данныя, обрисовывающія составъ и количество дѣлъ „герольдійскаго“ архива въ ноябрѣ 1846 года.

1) Дѣла по I-й экспедиціи, съ 1822 по 1844 гт., въ количествѣ 21.951 дѣла, и часть дѣлъ съ 1787 года, оставшихся отъ прежнихъ сдачь въ сенатскій архивъ, въ количествѣ 326 дѣлъ.

2) Дѣла по II-й экспедиціи, за 1841 — 1844 гт., въ числѣ 3.460 дѣлъ.

3) Дѣла по III-й экспедиціи, за 1841—1844 гт., въ числѣ 2.392 дѣлъ.

4) Дѣла о почетномъ гражданствѣ, за 1832—1844 гт., въ количествѣ 1.350 дѣлъ.

5) Дѣла о выдачѣ дипломовъ и гербовъ, съ 1811 по 1844 гт., въ количествѣ 639 дѣлъ.

6) Журналы герольдіи, съ 1800 по 1845 гт., въ числѣ 301 книги.

7) Книги исходящимъ и входящимъ бумагамъ, за 1839—1843 гт., въ числѣ 78 книгъ.

8) Книги экзекуторскія и казначейскія, за 1841 — 1843 гт., числомъ 21.

9) Бумаги къ свѣдѣнію, за 1839—1840 гт., числомъ 36.

10) Формулярные списки гражданскихъ чиновъ, въ количествѣ 689.

и 11) Родословныя книги губерній, въ числѣ 630.

Не прошло послѣ этого и двухъ лѣтъ, какъ тотъ же Китаевъ, а за нимъ и товарищи герольдмейстера стали жаловаться на плохое состояніе архива. Они указывали на рядъ пропавшихъ изъ архива дѣлъ, на рядъ неотысканныхъ дѣлъ, хотя и значащихся по книгамъ за дѣлопроизводителями, иногда даже успѣвшими уволиться изъ герольдіи, на трудность отысканія дѣлъ, вслѣдствіе прежней неудачной записи ихъ въ алфавиты по мѣрѣ рѣшенія, а не по фамиліямъ и губерніямъ, и проч. Помимо задержекъ въ производствѣ, все это вызывало новыя дѣла по справкамъ и новыя требованія отъ дворянскихъ депутатскихъ собраній копій съ ихъ производствъ, потому что въ архивѣ герольдіи прежнія дѣла по запросамъ правительственныхъ учрежденій объ отдѣльныхъ представителяхъ какого-либо рода не соединялись съ послѣдующими дѣлами дворянскихъ депутатскихъ собраній объ утвержденіи въ дворянствѣ всѣхъ прочихъ лицъ того же рода; а изъ-за этого происходило то, что даже близкіе родственники одной фамиліи были записываемы въ разныя родословныя книги: вторую или третью и шестую (т. е. по личнымъ заслугамъ и владѣнію пастари дворянскими имѣніями).

Неустройству архива герольдіи способствовало еще и слѣдующее обстоятельство. Съ 1839 по 1847 гт. дѣйствовало одновременно съ

герольдіей *временное присутствіе герольдіи*, на обязанности котораго, кромѣ производства однородныхъ дѣлъ съ вѣдомствомъ герольдіи, лежало, главнымъ образомъ, еще разсмотрѣніе дѣлъ, поступавшихъ изъ губернскихъ ревизіонныхъ комиссій. Последнія были учреждены въ 1834 г. для обревизованія дѣйствій дворянскихъ депутатскихъ собраній, со времени учрежденія ихъ по 1829 годъ. Въ томъ же 1839 г. поступило во временное присутствіе герольдіи дѣлъ изъ ревизіонныхъ комиссій, а равно и протестовъ губернскихъ прокуроровъ и списковъ дворянъ,—до 15.571. Эти поступления продолжались и послѣ. Понятно, что временное присутствіе, при массѣ текущихъ дѣлъ, не могло удѣлять особаго вниманія на изысканіе лучшихъ способовъ при приѣмѣ и храненіи дѣлъ, тѣмъ болѣе, что въ штатѣ его не значилось особаго спеціально опредѣленнаго на это чиновника. Потому и не удивительно, что, когда, съ закрытіемъ его, началась приѣмка дѣлъ въ архивъ вновь образованнаго департамента герольдіи, — завѣдывающій этимъ архивомъ встрѣтилъ рядъ затрудненій и препятствій, затянувшихъ приѣмку на цѣлый годъ. Извѣщая герольдмейстера, рапортомъ отъ 9-го іюля 1848 г., о принятіи имъ журналовъ временнаго присутствія за 1839—1846 гг., онъ пишетъ: „Что же касается дворянскихъ дѣлъ, то принять ихъ не могу, во-первыхъ, потому, что описи съ 1839 по 1844 гг. въ архивѣ временнаго присутствія составлены частныя, по которымъ принять дѣла нельзя въ силу предписанія министра юстиціи отъ 23-го декабря 1833 г.; во-вторыхъ, потому, что по нѣкоторымъ дѣламъ съ 1839 г. по настоящее время нѣтъ рапортовъ о полученіи указовъ, и въ-третьихъ, потому, что въ дѣлахъ съ 1844 г. по настоящее время, изъ коихъ нѣкоторые находятся еще у помощниковъ секретарей, нѣтъ письменныхъ удостовѣреній въ томъ, что они окончательно рѣшены и исполнены“...

Въ виду этого, ограничившись на первыхъ порахъ принятіемъ дворянскихъ дѣлъ лишь за одинъ 1839 г., обратились къ составленію описей, для чего были наняты два писца „съ воли“; исходатайствовали у министра юстиціи разрѣшеніе принять дѣла и безъ исполнительныхъ рапортовъ, а такихъ дѣлъ оказалось — 11.215, и только въ маѣ 1849 г. успѣли принять всѣ дѣла изъ бывшаго временнаго присутствія, установивъ ихъ „въ трехъ конусахъ, отдѣльно отъ герольдмейстерскихъ“.

Съ принятіемъ этихъ дѣлъ, по большей части „неудобно устроенныхъ“, еще громче и чаще стали раздаваться прежнія жалобы на

трудность отысканія дѣлъ и происходящее отъ этого замедленіе въ дѣлопроизводствѣ. Одинъ изъ товарищей герольдмейстера настойчиво рекомендовалъ „пересмотръ всѣхъ дѣлъ архива герольдіи и сената, разборъ ихъ по родамъ, соединеніе дѣлъ рѣшенныхъ въ разное время о лицахъ одного рода въ одно дѣло и составленіе общаго алфавита всѣмъ дворянскимъ родамъ, съ обозначеніемъ губерній, по которымъ родъ внесенъ въ родословную книгу, и времени рѣшенія“.—„Только приведеніемъ въ исполненіе сего“, добавлялъ онъ въ концѣ своего доклада, „можно ждать усгѣшнѣйшаго хода дѣлъ и симъ только способомъ можно достигнуть цѣли, желаемою правительствомъ, и оправдать благое учрежденіе департамента герольдіи“.

Этимъ жалобамъ и предложеніямъ выслушавъ, наконецъ, и министр юстиціи, графъ В. П. Панинъ, предписавшій 19-го декабря 1849 г. „предварительно разобрать дѣла въ канцеляріи находящіяся, гдѣ также обнаружена запутанность и беспорядочность въ храненіи“, и только послѣ этого „приступить къ устройству *особаю дворянскаю архива*“. Тогда же было назначено особое „мѣсто въ бывшемъ присутствіи упраздненной герольдіи, гдѣ устроены и продольные шкафы“, для будущаго *„разборнаю архива“*. Самый разборъ поручался комиссіи, состоявшей изъ товарища герольдмейстера Матюнина, чиновника особыхъ порученій министерства юстиціи Веймарна и 12 канцелярскихъ служителей I и II разрядовъ. Порядокъ ихъ дѣйствій опредѣлялся особой министерской инструкціей, впервые устанавливающей правила для приведенія въ порядокъ герольдійскаго архива; поэтому мы позволимъ себѣ главнѣйшіе пункты ея привести полностью.

1. „Всѣмъ дѣлопроизводителямъ хранить дѣла на неизмѣнныхъ мѣстахъ внутри шкаповъ на полкахъ; дѣла сіи пронумеровать въ каждомъ шкафѣ—текуція краснымъ номеромъ, архивныя—желтымъ, и потомъ принимать и возвращать по сдаточной описи, съ удостовереніемъ на самыхъ дѣлахъ о ихъ состояніи“¹⁾.

2. „Принятая и неслѣдующія къ возвращенію дѣла ставить въ разборномъ архивѣ въ порядкѣ ихъ принятія, а тамъ уже приступать къ составленію описей и обертокъ съ заглавіемъ, показывающимъ фамиліи лицъ, до коихъ относятся дѣла, а впослѣдствіи и рѣшенія герольдіи“.

¹⁾ Нельзя здѣсь не замѣтить, что это предусмотрительное предписаніе министра чиновниками департамента герольдіи скоро была забыто крѣпко на крѣпко и на очень долгіе годы.

3. „По наполненіи разборнаго архива приступить къ переносу дѣлъ въ герольдѣйскій архивъ, начиная съ тѣхъ, кои изъ него заимствованы, и передавая потомъ тѣ, кои подлежатъ могутъ сдать“.

4. „Во время разбора выдавать дѣла только по письменнымъ требованіямъ герольдмейстера, подъ росписку, на двухъ недѣльный срокъ и съ обязательствомъ провѣрять при возвращеніи ихъ состояніе“¹⁾.

5. „Къ составленію общихъ описей приступить только тогда, когда достаточное число дѣлъ будетъ разобрано и снабжено частными описями“.

6. „По мѣрѣ очищенія мѣстъ въ шкапахъ дѣлопроизводителей и въ бывшемъ присутствіи герольдіи, начать пріемъ несданныхъ изъ сенатскаго архива дворянскихъ дѣлъ, безъ непосредственнаго участія чиновниковъ разборнаго архива“.

и 7. „Для записыванія выдаваемыхъ и обратно получаемыхъ дѣлъ имѣть особую книгу“.

Что сдѣлала первая вышеназванная коммиссія, изъ дѣлъ не видно; и только 12-го августа 1850 г. новый завѣдывающій разборнымъ архивомъ, Логиновъ доводитъ до свѣдѣнія герольдмейстера, что онъ окончыль осмотръ дѣлъ канцеляріи департамента герольдіи и предполагаетъ приступить къ разбору и приведенію въ порядокъ дѣлъ архива герольдіи, для чего и проситъ его сдѣлать распоряженіе архивариусу о безостановочной передачѣ дѣлъ по его требованіямъ. Приступивъ же къ разбору, онъ долженъ былъ констатировать, что „въ герольдѣйскихъ дѣлахъ съ давнихъ поръ были допущены беспорядки“ и что „составъ служащихъ разборнаго архива былъ неудовлетворителенъ“... „Кромѣ усердія“, какъ справедливо замѣчаетъ онъ, „въ этомъ дѣлѣ нужны способности, знаніе дѣлопроизводства, особая точность“!.. Не смотря на это онъ въ теченіе первыхъ же двухъ мѣсяцевъ разобралъ 10.500 дѣлъ. Въ позднѣе представляемыхъ имъ отчетахъ сообщается, что принято, во-первыхъ, изъ канцеляріи департамента герольдіи, съ начала открытія разборнаго архива—14.149 дѣлъ, изъ которыхъ возвращено для исправленія въ канцелярію—5.758 дѣлъ, передано въ канцелярію же къ справкамъ — 1.096 и въ герольдѣйскій архивъ для храненія — 7.295 дѣлъ, и во-вторыхъ, изъ герольдѣйскаго архива за 1828 — 1833 г.г. — 5.135 дѣлъ, изъ нихъ разобрано 2.966.

¹⁾ Не суждено было въ герольдѣйской практикѣ привыкнуть и этому прекрасному правилу.

24-го іюня 1852 г. Логинова замѣнилъ новый завѣдывающій разборнымъ архивомъ, нѣкто Серчевскій, принявшій отъ него при описяхъ и алфавитахъ слѣдующія дворянскія дѣла: 1) за 1748 по 1812, въ количествѣ 8.184 дѣлъ; 2) за 1813 по 1835 — 16.300 дѣлъ и 3) за 1836—1844 г.г.—17.305, всего 41.789 дѣлъ. Вслѣдъ за этимъ имъ были приняты дѣла и изъ архива герольдіи, въ количествѣ 25.102 дѣлъ, а равно и дѣла по внесенію въ гербовникъ, числомъ 1.185. Приступивъ послѣ этого къ разбору дѣлъ, Серчевскій обратился къ герольдмейстеру съ просьбой о назначеніи ему постоянного содержанія, получаемаго его предшественникомъ. Обращеніе герольдмейстера въ министерство съ ходатайствомъ объ удовлетвореніи его просьбы, не смотря на внушительную цифру разобранныхъ и описанныхъ дѣлъ—38.973, не было уважено министерствомъ, и Серчевскій, получившій за свои полугодовые труды всего лишь 60 рублей, подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Работу его стали продолжать гг. Пузановъ и Китаевъ, но они не торопились, подобно своимъ предшественникамъ, не смотря на довольно частые запросы изъ министерства юстиціи о времени окончанія работъ по приведенію въ порядокъ разборнаго архива и предложенія объ ускореніи. Наконецъ, въ августѣ 1865 г. во главѣ разборнаго архива становится П. П. Барановъ, извѣстный архивовѣдъ, оставившій послѣ себя весьма цѣнный трудъ: „Архивъ правительствующаго сената“, въ трехъ томахъ (С.-Пб., 1872—1878),—куда вошли Высочайшія повелѣнія, съ 1706 по 1762 г., не вошедшія въ полное собраніе законовъ. При немъ и состоялся окончательный пріемъ всѣхъ дѣлъ изъ разборнаго архива въ архивъ департамента герольдіи. Всего было принято 70.206 производствъ, съ 142 книгами описей и алфавитовъ, но такъ, что значительная часть дѣлъ, за неимѣніемъ мѣста въ самомъ архивѣ департамента герольдіи, оставалась въ прежнемъ помѣщеніи разборнаго, т. е. по лѣвую сторону Галерной улицы, въ синодскомъ зданіи, въ одной комнатѣ.

Изъ исторіи дѣятельности архива департамента герольдіи послѣдующихъ годовъ сохранилось пять дѣлъ, за 1868 — 1872 г.г., возбужденныхъ по требованію герольдмейстера и трактующихъ о „движеніи дѣлъ по архиву“ за цѣлый годъ. Подобныхъ дѣлъ намъ не удалось встрѣтить ни до, ни послѣ этого времени, а потому мы позволяемъ себѣ остановиться для образца, на примѣрѣ, на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ въ дѣлѣ за 1868 г., такъ какъ свѣдѣнія эти за всѣ годы болѣе или менѣе тождественны.

По рапорту архиваріуса, дѣятельность архива въ 1867 г. выразилась въ слѣдующемъ:

1. Отъ канцеляріи департамента герольдіи поступило въ архивъ письменныхъ требованій—1.281; по нимъ доставлено дѣлъ—1.315.

2. Принято отъ протоколиста опредѣленій департамента герольдіи за 1864—1868 г.г.—5.708.

3. Отъ завѣдывающаго дѣлами герольдмейстера принято рѣшенныхъ дѣлъ за 1857 г.—1.232 дѣла.

4. Отъ помощниковъ секретарей принято дѣлъ за 1855—1866 г.г.—7.520.

Въ заключеніе своего рапорта архиваріусъ доводитъ до свѣдѣнія герольдмейстера, что:

а) „Журналы бывшей герольдіи и департамента герольдіи, съ 1800 до 1839 г.г., переплетены и запечатаны печатями департамента герольдіи и товарища герольдмейстера, а съ 1839 до 1856 г.г., хотя въ переплетахъ, но не запечатаны, и съ 1856 по 1864 г.г.—безъ переплетовъ“.

б) „Журналы бывшаго временнаго присутствія герольдіи, съ 1839 по 1848 г.г., тоже въ переплетахъ, но не запечатаны“.

и в) „Опредѣленія департамента герольдіи, съ 1848 по 1859 г.г., въ переплетахъ, но не запечатаны, и съ 1859 по 1866 г.г. безъ переплетовъ“.

III.

Уничтоженіе дѣлъ.

Главной побудительной причиной, вызывавшей уничтоженіе дѣлъ во всѣхъ нашихъ русскихъ архивахъ, былъ, какъ извѣстно, недостатокъ помѣщенія. Архивъ департамента герольдіи въ этомъ отношеніи не только не составлялъ исключенія, но наоборотъ болѣе прочихъ, даже провинціальныхъ архивовъ, на примѣръ дворянскихъ депутатскихъ собраній, являлся обездоленнымъ. Онъ отъ основанія и до сихъ поръ не имѣлъ не только особаго, но даже опредѣленнаго постояннаго, помѣщенія. Каждый разъ, съ притченіемъ въ него болѣе или менѣе значительнаго количества новыхъ дѣлъ, поднимался вопросъ о недостаткѣ помѣщенія, разбивавшійся вслѣдствіе крайней неподатливости оберъ-прокурора перваго департамента, какъ начальника всего сенатскаго зданія, болѣе заботившагося о снабженіи обширными квартирами начальника сенатской типографіи и смотрителя

сенатскаго зданія. Отсюда, естественно, оставалось прибѣгать къ одному общепринятому у насъ средству—уничтоженію старыхъ дѣлъ. Но чѣмъ при этомъ руководились губители архивныхъ документовъ и что именно уничтожали они изъ сокровищъ герольдійскаго архива, въ теченіе первой половины XIX столѣтія, свѣдѣній не имѣется. Но что тогда не мало дѣлъ и документовъ архива, какъ чиновпроизводныхъ, такъ особенно и герольдмейстерскихъ, было уничтожено,—это несомнѣнно. Встрѣченныя же нами герольдмейстерскія дѣла о порядкѣ уничтоженія дѣлъ немногочисленны, но весьма интересны. Они, помимо точно устанавливаемого числа уничтоженныхъ дѣлъ, рисуютъ намъ взгляды и соображенія лицъ, которыя вѣдали герольдмейстерскія дѣла и которымъ поручался разборъ ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они опредѣляютъ до нѣкоторой степени „проникновеніе“ и высшихъ властей въ цѣнность и значеніе этихъ дѣлъ.

Первое изъ такихъ дѣлъ относится къ 1860—61 г.г. Управляющій министерствомъ юстиціи, Д. Замятнинъ предложилъ всѣмъ подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ представить, на основаніи уже утвержденныхъ правилъ военнаго министерства, свои соображенія „о порядкѣ уничтоженія старыхъ архивныхъ дѣлъ“. Герольдмейстеромъ были затребованы по этому поводу мнѣнія завѣдывающихъ отдѣльными экспедиціями. Два товарища герольдмейстера, Лустоно и Щедрипъ заявили, что „дѣла департамента герольдіи, по существу своему, подлежатъ вѣчному храненію въ архивѣ департамента, ибо дѣла прежнихъ лѣтъ имѣютъ постоянную связь съ дѣлами, поступающими по справкамъ; по сему циркулярное предложеніе управляющаго министерствомъ юстиціи о способахъ уничтоженія архивныхъ дѣлъ до департамента герольдіи касаться можетъ лишь въ отношеніи печатныхъ по дѣламъ записокъ, изъ которыхъ оставшіяся въ излишествѣ могутъ быть уничтожены и то въ теченіе не менѣе 10 лѣтъ“.

Завѣдывающій чиновпроизводными дѣлами признавалъ необходимымъ хранить сенатскіе указы, опредѣленія и журналы, равно какъ „нужные для справокъ“ реестры входящимъ и исходящимъ бумагамъ и алфавиты; „самыя же дѣла о производствѣ въ чины“, говорилъ онъ, „могутъ быть уничтожены: одни при самой сдачѣ въ архивъ, другія черезъ пять лѣтъ и третьи черезъ десять“. Способъ уничтоженія онъ признавалъ одинъ — сожженіе. Любопытно, что и подлинныя документы заинтересованныхъ лицъ, очень часто попадающіеся въ чиновпроизводныхъ дѣлахъ, обрѣкаются этимъ завѣдывающимъ на сожженіе.

Завѣдывающій герольдмейстерскими дѣлами изъ цѣлаго ряда группъ этихъ дѣлъ находилъ возможнымъ оставить на храненіи лишь:

1) „Списки всѣмъ дворянамъ по законамъ о состояніяхъ (которые, естатъ замѣтить, почти и не велись) и лицамъ, лишеннымъ дворянскаго достоинства“ (ихъ также не имѣется), и

2) дѣла о дворянствѣ (т. е. отписки по запросамъ объ отдѣльныхъ лицахъ, дѣлаемые на основаніи общихъ дворянскихъ дѣлъ); а всѣ остальные совѣтовалъ уничтожить черезъ годъ, послѣ исполненія, черезъ 10 или 12, лишь путемъ продажи. Предлагая хранить имѣющее малое значеніе или вовсе несуществовавшее, этотъ завѣдывающій, помимо другихъ важныхъ дѣлъ, совершенно игнорировалъ дѣла, касающіяся департамента и лицъ служащихъ въ немъ, другими словами стирая съ лица земли исторію учрежденія и свѣдѣнія о составѣ чиновъ послѣдняго.

Наконецъ экзекуторъ-казначей всѣ свои книги, отчеты и вѣдомости относилъ къ разряду дѣлъ, подлежащихъ немедленному уничтоженію или въ крайнемъ случаѣ послѣ 5—10 лѣтняго храненія.

Герольдмейстеръ Л. М. Муравьевъ (впослѣдствіи сенаторъ) въ своемъ рапортѣ министру юстиціи, отъ 1-го ноября 1861 г., вполнѣ примкнулъ ко всѣмъ предыдущимъ отзывамъ и лишь нѣсколько измѣнилъ суровые приговоры казначей-экзекутора и завѣдывающаго герольдмейстерскими дѣлами. Онъ признавалъ „подлежащими вѣчному храненію денежные документы по приходо-расходнымъ книгамъ“, мотивируя это тѣмъ, что „въ оныхъ встрѣчается постоянная надобность, какъ, на примѣръ, при выдачѣ денегъ за работы, приготовленныя въ прежнія времена“, и „книги, по коимъ посылаются сенатскіе указы“. Изъ герольдмейстерскихъ дѣлъ онъ считалъ подлежащими вѣчному храненію дѣла: 1) объ изготовленіи губернскихъ и уѣздныхъ гербовъ, 2) объ отчетахъ вообще, 3) о циркулярныхъ предложеніяхъ министерства юстиціи и 4) по законодательнымъ вопросамъ. Дѣла же о службѣ чиновъ департамента предназначалъ временному храненію, и наконецъ дѣла по исторіи герольдійскаго архива—немедленному уничтоженію. Въ дѣлахъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, онъ не видѣлъ „никакой тайны“ (и это основной мотивъ сужденій главы обширнаго департамента!) и соглашался на продажу ихъ съ публичнаго торга.

Совершенно иное отвѣтилъ восемь лѣтъ спустя другой герольдмейстеръ, баронъ Э. Э. Штапельбергъ, на подобное же предписаніе министра юстиціи представить соображенія: „какія изъ рѣшенныхъ дѣлъ прежняго времени могутъ быть предназначаемы къ уничтоженію,

не сдавая ихъ въ архивъ".—Онъ находилъ, что дѣла департамента герольдіи, заключающія въ себѣ „свѣдѣнія или документы, касающіяся опредѣленія правъ состоянія частныхъ лицъ, не только не могутъ сдѣлаться излишними, но напротивъ, по самому существу своему, сдача ихъ для храненія въ архивъ представляется крайнею необходимостью и въ особенности въ виду закона, что на отыскиваніе правъ состоянія не полагается давности“ (см. „рапортъ герольдмейстера министру юстиціи“, отъ 17-го іюня 1869 г., въ дѣлѣ подъ № 712).

По упраздненіи инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства, дѣла по производству въ чины съ 1-го сентября 1858 г. были сосредоточены въ департаментъ герольдіи, и до 1877 г. ихъ было разрѣшено около 50.000 дѣлъ, которыя хранились въ канцеляріи департамента и никогда не сдавались въ архивъ. „Принимая въ расчетъ“, пишетъ въ своемъ рапортѣ герольдмейстеру одинъ изъ его товарищей, „что приведеніе этихъ дѣлъ въ порядокъ для сдачи въ архивъ потребуетъ много времени и труда и оторветъ наличный составъ чиновниковъ отъ текущаго дѣлопроизводства, и что эти дѣла, какъ показала двадцатилѣтняя практика, не надобны“,.... „я полагаю ихъ уничтожить, оставивъ на храненіе журналы, опредѣленія и экземпляры печатныхъ указовъ правительствующаго сената, вопліи замѣняющіе доклады канцеляріи“. Не отрицая необходимости имѣть въ канцеляріи нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ для справокъ, „въ случаѣ встрѣчающихся сомнѣній въ правильности представленій и во избѣжаніе отказовъ и ошибокъ въ назначеніи старшинства, онъ тѣмъ не менѣе все же настаивалъ на полномъ ихъ уничтоженіи, потому де, что „обращеніе къ справкамъ не составляетъ обязанности канцеляріи, такъ какъ, на основаніи п. 1 ст. 566 т. III (изд. 1857, по прох. 1863), правильность представленія въ чины возлагается на *полную отвѣтственность* начальствъ и учреждений, входящихъ съ представленіями“.

Герольдмейстеръ А. Д. Батуричъ вопліи согласился и съ этимъ оригинальнымъ мнѣніемъ и въ своемъ рапортѣ министру юстиціи подкрѣпилъ его своимъ новымъ аргументомъ; онъ сообщалъ, что въ случаѣ сдачи этихъ 50.000 дѣлъ въ архивъ потребуется 1.000 рублей. Аргументъ этотъ такъ подѣйствовалъ на министра, что онъ не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ представленія герольдмейстера, именно 20-го октября 1877 г., отдаетъ слѣдующій приказъ: „нынѣ же приступить къ уничтоженію чрезъ публичную продажу окончанныхъ производствомъ и хранящихся въ департаментѣ герольдіи дѣлъ о про-

изводства въ чины, съ тѣмъ, во-первыхъ, чтобы изъ числа этихъ дѣлъ были сохранены дѣла за послѣднiя 10 лѣтъ; во-вторыхъ, чтобы предварительно уничтоженiя всѣ находящiяся подлинныя опредѣленiя, протоколы, журналы и документы были вынуты и сохранены, и въ-третьихъ, чтобы всѣмъ уничтоженнымъ дѣламъ была составлена общая опись съ показанiемъ въ ней названiя дѣла, времени вступленiя, разрѣшенiя и уничтоженiя его“.

Этотъ министерскiй приказъ былъ точно выполненъ только въ общей своей части, а ограничительные его пункты: первый, второй и третiй остались гласомъ воиющаго въ пустынь. Въ началѣ 1878 г.—19.289 дѣлъ по производству въ чины, за время съ 1858 по 1867 г., увязанныхъ въ 280 громадныхъ связкахъ, были проданы хозяйственнымъ комитетомъ сената съ публичнаго торга за 305 р. 25 к. (по расчету 1 р. 85 к. за пудъ), каковыя деньги и были препровождены въ С.-Петербургское губернское казначейство.

Дальнѣйшее уничтоженiе чиновпроизводныхъ дѣлъ происходило уже безъ всякихъ хлопотъ. Герольдмейстеръ, ссылаясь на вышеупомянутый приказъ („ордеръ“) министра, заявлялъ министерству о своемъ намѣренiи приступить къ уничтоженiю дѣлъ за такiе-то годы, и формальное разрѣшенiе изъ министерства немедленно поступало. Такимъ образомъ были уничтожены названныя дѣла: 1) за 1868—1876 гг.—въ 1886 году, въ числѣ 19.559 дѣлъ, отъ продажи которыхъ выручено 224 р. 65 к. (по 1 р. 79 к. за пудъ); 2) за 1877—1879 гг. въ 1891 г.—въ количествѣ 8.927 дѣлъ, отъ продажи которыхъ выручено 107 р. 12 к. (по 2 р. 6 к. за пудъ); 3) за 1880—1884 г.—въ 1895 г.—въ количествѣ 16.420 дѣлъ, отъ продажи которыхъ выручено 44 р. 99 к. (по 67 к. за пудъ) и 4) за 1885—1890 г.—въ 1901 г.—въ количествѣ 13.102 дѣлъ. Здѣсь также не составлялось никакихъ описей уничтожаемымъ дѣламъ. Всего, такимъ образомъ, чиновпроизводныхъ дѣлъ за время съ 1868 г. по 1890 г. было уничтожено 78.298 дѣлъ, что дало доходу государственному казначейству около 1.490 р. (неизвѣстна еще сумма отъ послѣдней продажи), а сколькихъ лицъ лишило возможности возстановить подлинныя документы Ты, Господи, всѣи!

Не остались на храненiи въ архивѣ и чиновпроизводныя дѣла бывшаго инспекторскаго департамента. Та же участь постигла и ихъ въ 1896 г. Въ концѣ 1858 г. эти дѣла были приняты въ вѣдѣнiе инспекторомъ сенатскаго архива, откуда въ 1888 г. были переданы въ архивъ департамента герольдiи. Ровно черезъ четыре года (въ 1892 г.)

по поводу ихъ пишетъ герольдмейстеръ Н. И. Непорожневъ министру юстиціи слѣдующее: „Ознакомившись съ ними, я нашелъ, во-первыхъ, что дѣла тѣ, числомъ свыше 80.000, помѣщаемыя въ трехъ большихъ комнатахъ (?), *не имѣютъ ни описей, ни алфавитовъ*, вслѣдствіе чего розыскать какое-нибудь дѣло не представляется никакой возможности; во 2) что дѣла тѣ приняты безъ повѣрки ихъ содержанія, и 3) что почти всѣ тѣ дѣла состоятъ лишь изъ краткихъ формулярныхъ списковъ, которые *съ формальной стороны ни для кого не могутъ имѣть какого-либо значенія*. Принимая во вниманіе вышезложенное и что за справками съ 1889 по 1892 г. не обращалось ни одно правительственное учрежденіе, а со стороны частныхъ лицъ было только три или четыре ходатайства о розысканіи формулярныхъ списковъ для подкрѣпленія доказательствъ о дворянствѣ, — я пришелъ къ заключенію, что дальнѣйшее оставленіе упомянутыхъ дѣлъ въ настоящемъ положеніи *не можетъ оправдаться разумными основаніями*“.

Дойдя въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи до признанія этихъ дѣлъ за ненужный хламъ, „стѣсняющій помѣщеніе другихъ частей архива“, онъ просилъ министра юстиціи „испросить Высочайшее соизволеніе на уничтоженіе этихъ дѣлъ по прежнимъ правиламъ“. Какой послѣдовалъ на это отвѣтъ, изъ дѣла не видно. Но въ февралѣ 1895 г. новый герольдмейстеръ снова возбуждаетъ это ходатайство, ссылаясь, главнымъ образомъ, на предстоящую передачу дѣлъ бывшей герольдіи Царства Польскаго въ архивъ департамента герольдіи. Первый департаментъ министерства юстиціи въ отвѣтъ на это потребовалъ надлежащихъ описей ¹⁾ означеннымъ дѣламъ, вслѣдствіе чего были препровождены туда три описи дѣламъ бывшаго инспекторскаго департамента за 1850, 1851 и 1852 гг., и также „для видимости“ четыре дѣла 1851 года. Экспертиза ихъ была поручена министерствомъ новому инспекторскому отдѣлу, который отвѣтилъ: „насколько можно судить по присланнымъ образцамъ, нѣкоторое историческое значеніе могутъ имѣть собственно тѣ дѣла, которыя относятся къ законодательнымъ вопросамъ“ (указано 16 дѣлъ), „а остальные могутъ быть уничтожены“.

Послѣ этого уже послѣдовало 17-го января 1896 г. Высочайшее соизволеніе на уничтоженіе всѣхъ дѣлъ, за исключеніемъ отпосыщаемыхъ

¹⁾ Видно, министерство не повѣрило донесенію предыдущаго герольдмейстера, что эти дѣла „не имѣютъ ни описей, ни алфавитовъ“, и какъ оказалось совершенно справедливо.

къ законодательнымъ вопросамъ. Являлась, такимъ образомъ, необходимость произвести просмотръ всѣхъ чиновпроизводныхъ дѣлъ за 1847—1858 г. Производившій его архивариусъ департамента герольдін рапортовалъ герольдмейстеру слѣдующее: „всѣхъ дѣлъ къ уничтоженію отобрано 377 связокъ, а дѣла законодательнаго характера частью переданы на храненіе въ I-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцелярїи еще въ 1857 г., а часть отобрана и оставлена на храненіе“. Послѣ этого забракованныя 377 связокъ были проданы за 446 р. 60 к. (по 77 к. за пудъ). Къ счастью, относящіяся къ этимъ дѣламъ формулярные списки были переплетены въ особыя фоліанты, число которыхъ свыше 2.000, и ихъ удалось новому архивариусу спасти отъ уничтоженія, испросивъ разрѣшеніе герольдмейстера на передачу ихъ для храненія въ сенатскій архивъ.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ чиновпроизводныхъ дѣлъ за цѣлое XIX столѣтіе сохранены въ архивѣ департамента герольдін дѣла по производству въ гражданскіе чины только за 1797—1846 гг., тажъ какъ къ нимъ очень часто обращаются за справками, въ подкрѣпленіе доказательствъ о дворянствѣ, при отыскиваніи формулярныхъ списковъ, въ виду того, что до 1845 г. потомственное дворянство сообщали: чинъ коллежскаго ассессора, должность IX класса и ордена всѣхъ степеней. Съ точки зрѣнія подобныхъ справокъ необходимо было бы сохранить и позднѣйшія дѣла по чиновпроизводству, по крайней мѣрѣ, начиная съ дѣлопроизводствъ о состоящихъ въ V классѣ. Но принимая во вниманіе, что и до послѣдняго времени не прекращаются требованія официальные и въ особенности частныхъ лицъ относительно формулярныхъ списковъ, а также и подлинныхъ документовъ, въ числѣ которыхъ представлялись метрическія свидѣтельства, свидѣтельства о дворянствѣ, аттестаты объ окончаніи курса наукъ, формулярные списки отцовъ и проч. (а за выдачею ихъ оставались въ дѣлахъ копіи, которыя за потерю подлинника получали важное значеніе),—уничтоженныя чиновпроизводныя дѣла съ теченіемъ времени получаютъ еще большее значеніе.

Въ заключеніе этой главы остановимся еще на дѣлѣ 1882—1884 гг. за № 24, „объ уничтоженіи черезъ публичную продажу“ герольдмейстерскихъ дѣлъ (по запросамъ разныхъ правительственныхъ учреждений и частныхъ лицъ о дворянствѣ и почетномъ гражданствѣ). На рапортъ герольдмейстера продать эти дѣла, министерство юстиціи отвѣтило полнымъ согласіемъ, но съ тѣмъ, чтобы, во 1) „изъ числа сихъ дѣлъ были сохранены дѣла за послѣднія 10 лѣтъ, во 2) въ

описи уничтоженными дѣламъ было отмѣчено время уничтоженія дѣла и въ 3) предварительно уничтоженія ихъ всѣ находящіяся въ нихъ подлинныя документы, а также протоколы, журналы и опредѣленія были вынуты изъ дѣлъ и сохранены“.

На основаніи этого разрѣшенія и были переданы въ хозяйственный комитетъ сената для продажи 32.224 дѣла, а 3.461 дѣло оставлено въ архивѣ на храненіе. Къ сожалѣнію, ни тогдашній архиваріусъ, ни герольдмейстеръ въ своихъ рапортахъ не сообщаютъ данныхъ, къ какимъ именно годамъ относятся уничтоженные ими дѣла и какіе ими выдѣлены подлинныя документы и опредѣленія. Судя же по ихъ количеству, можно смѣло думать, что сюда вошли, „кромя переноски по запросамъ присутственныхъ мѣстъ о дворянствѣ и почетномъ гражданствѣ“, и многія другія изъ „дѣлъ герольдмейстера“, заслуживающія вѣчнаго храненія.

IV.

Составъ архива департамента герольдіи.

Всѣ дѣла, книги и документы, хранящіяся въ архивѣ департамента герольдіи, по ихъ содержанію и характеру, можно раздѣлить на слѣдующія *четыренадцать* (14) группъ.

1. Наибольше старинными по времени рѣшенія являются такъ называемыя „*рѣшенныя дѣла по герольдмейстерской конторѣ*“, заключающіяся въ 132 книгахъ, въ кожаныхъ переплетахъ. Первая изъ нихъ, находящаяся на лицо (по описи 5-я), заключаетъ въ себѣ рѣшенія, относящіяся къ 1748—1752 гг. Самыя позднѣйшія рѣшенія относятся къ 1812 г. Чаще всего въ нихъ рѣчь идетъ „о дворянствѣ“ лицъ, вступившихъ въ военную службу или уже служащихъ, „о выдачѣ свидѣтельствъ на дворянское достоинство“, о выдачѣ копій съ гербовъ, а также „о дачѣ копій съ другихъ документовъ“, о выдачѣ родословныхъ таблицъ, и проч.

Что же касается книгъ рѣшенными дѣламъ до 1748 г., то о нихъ мы находимъ свѣдѣнія въ одномъ случайно сохранившемся герольдмейстерскомъ дѣлѣ, возникшемъ по слѣдующему поводу. Въ декабрѣ 1852 г. министерство юстиціи потребовало изъ московскаго сенатскаго архива дѣла бывшей герольдмейстерской конторы за 1725—1748 гг., переплетенныя яко бы въ четырехъ книгахъ. Въ московскомъ архивѣ ихъ не оказалось. Тогда обратились въ С.-Петербургскій сенатскій архивъ, и послѣдній въ донесеніи отъ 29-го апрѣля 1853 г.

отвѣтилъ, что „требуемая министерствомъ дѣла заключаются въ трехъ книгахъ, изъ которыхъ *первая* состоитъ изъ родословныхъ княжескихъ и дворянскихъ, въ красномъ бархатномъ переплетѣ, съ серебряными застежками; *вторая и третья*, въ кожаныхъ переплестахъ, заключаютъ въ себѣ дѣла по дворянству, одна съ 1725 до 1745 г. на 890 листахъ и другая—съ 1745 по 1748 на 714 листахъ. Четвертая же книга состояла не изъ дѣлъ о дворянствѣ, а „о дачѣ барону Шафирову изъ разряднаго архива свѣдѣній и о присылкѣ о воеводахъ реестровъ“. Изъ показанныхъ трехъ книгъ первая взята въ герольдію еще въ 1841 г., а вторая и третья въ 1848 г. были перевезены въ Московскій сенатскій архивъ въ 31 ящикѣ“.

Въ виду этого донесенія Московскій сенатскій архивъ не сталъ отговариваться неимѣніемъ у него указанныхъ книгъ и послѣ нѣсколькихъ розысковъ, вслѣдствіе запроса министерства юстиціи, выслалъ ихъ въ послѣднее, откуда они и были доставлены въ разборный архивъ герольдіи, въ ноябрѣ 1853 года. Въ настоящее время ихъ въ архивѣ департамента не имѣется; сохранилась лишь краткая опись или „реестръ“ дѣламъ, въ нихъ находящимся, который мы здѣсь и помѣщаемъ.

Реестръ рѣшеннымъ по Герольдмейстерской конторѣ, съ 1725 по 1747 г., дѣламъ дворянскихъ родовъ.

- 1726 г. О дачѣ Лифляндскимъ шляхтичамъ дипломовъ и гербовъ. На 128 листахъ.
- 1726 г. По челобитной тайнаго совѣтника Петра Бестужева-Рюмина, о дачѣ ему съ родословной росписи и съ герба фамиліи ихъ копій. На 28 листахъ.
- „ О подачѣ въ сенатъ по запросному писму реестра о гербахъ Россійскихъ городовъ, которое сочинялъ графъ Санти. На 4 листахъ.
- 1741 г. О бытіи отчѣннымъ именемъ и чести, отъ дѣтей Грузинскаго Царевича Симеона Леоновича, побочному сыну его поручику Николаю. На 37 листахъ.
- 1742 г. О присылкѣ въ вотчинную коллегію копій съ родословныхъ росписей рода Махлаковыхъ. На 5 листахъ.
- „ О выключкѣ изъ подушнаго оклада Ливенскаго помѣщика Софрона Анисова и о пожалованіи его прапорщикомъ. На 23 листахъ.
- 1741 г. Дѣло, присланное изъ тайной канцеларіи, при которомъ находится реестръ росписямъ разныхъ фамилій, коихъ въ родословной книгѣ не описано, и притомъ 12 гербовъ, которые поданы въ разрядъ при родословныхъ росписяхъ, да по два герба бароновъ Строгоновыхъ и дворянина Демидова. На 74 листахъ.

- 1743 г. Доношеніе канцеляріи конфискаціи изъ конторы, о требованіи изъ Герольдмейстерской конторы рисунка съ герба фамилии князей Голицыныхъ. На 12 листахъ.
- " О дачѣ дипломовъ и гербовъ пожалованнымъ въ дворянское достоинство придворнымъ пѣвчимъ: Григорію Любистову, Божкову, Чижевскому, Коченовскому и Рубановскому. На 132 листахъ.
- 1740 г. О пожалованіи въ дворянское достоинство двора Ея Имп. Вел. комнатнаго истопника Алексѣя Малютина. На 33 листахъ.
- 1743 г. По челобитной поручика Ивана и братьевъ его Александра и Мирона Вренивыхъ, о написаніи ихъ со шляхетствомъ въ подданство и о пожалованіи имъ имѣнія въ Курскомъ уездѣ изъ выморочныхъ деревень, послѣ умершаго молдавца Георгія Хрискуева. На 27 листахъ.
- 1742 г. О пожалованіи въ дворянское достоинство лейбъ-кучера Скоринова. На 17 листахъ.
- 1743 г. О пожалованіи генерала и кавалера Григорія Чернышева и тайнаго совѣтника Петра Бестужева-Рюмина въ графское достоинство. На 98 листахъ.
- 1744 г. О взносѣ въ господину генераль-прокурору имѣющихся въ Герольдіи гербовниковъ, какъ герба государственнаго такъ и гербовъ всѣхъ провинцій. На 3 листахъ.
- " Дѣло по промеморіи изъ вотчинной коллегіи о присылкѣ съ родословной росписи копій фамилии князей Ухтомскихъ. На 9 листахъ.
- 1745 г. По челобитной камеръ-юнкера Никиты Валянского о дачѣ ему диплома и герба. На 47 листахъ.
- " О требованіи отъ военной и адмиралтейской коллегіи и отъ придворной конторы находящихся въ оныхъ дворянъ и дѣтяхъ ихъ списковъ. На 34 листахъ.
- " По промеморіи лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, о присылкѣ извѣстія о дворянствѣ солдата Арцыбушева. На 7 листахъ.
- " Справка о шляхетствѣ дворянъ Шиторинныхъ. На 6 листахъ.
- " По промеморіи изъ военно-походной графа фонъ-Лессія канцеляріи, о принятіи ложно на себя дворянства адъютантомъ Иваномъ Горайновымъ. На 14 листахъ.
- " По челобитной Ивана Гулевича о написаніи его въ дворянскій списокъ и объ опредѣленіи дѣтей его въ кадетскій корпусъ. На 19 листахъ.
- 1746 г. О дачѣ дворянства лейбъ-кампаніи сержанта Никиты Савина сыну его Герасиму. На 12 листахъ.
- " Объ отсылкѣ во Измайловскій полкъ извѣстія о дворянствѣ того полка солдата Алексѣя Цилягина. На 15 листахъ.
- " По челобитной изъ муръзъ новокрещенаго недоросля Александра Чегдаева, объ опредѣленіи его въ военную службу, въ напольный полкъ капрамомъ. На 15 листахъ.
- 1747 г. По челобитной лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдата Федора Чеусова, о выключкѣ брата его съ дѣтьми изъ холопства отъ вдовы Анны Хрущовой и объ опредѣленіи ихъ въ службу. На 68 листахъ.

- 1747 г. О требованіи лейбъ-гвардіи Измайловскимъ полкомъ свидѣній о дворянствѣ солдатъ Немерова и Вѣкина. На 20 листахъ.
- „ О дачѣ дворянства сыну поручика лейбъ-кампаніи гренадера Василя Михайлова, Максиму. На 9 листахъ.
- „ Вѣдомость, какое число дипломовъ и гербовъ лейбъ-кампаніи унтеръ-офицерамъ и рядовымъ въ подачѣ отъ нихъ сказокъ учинено, и кому именно. На 9 листахъ.
- „ О пожалованіи въ дворянское достоинство гвѣвчаго Якова Шубскаго. На 69 листахъ.
- 1745 г. О хожденіи по порученному дѣлу живописнаго дѣла мастерамъ и ученикамъ и о рапортованіи о бытности при этомъ дѣлѣ. На 54 листахъ.
- „ По доношенію живописнаго мастера Петрулева, о требованіи отъ статей-конторы въ рисовальную палату для рисованія дипломовъ и гербовъ красокъ. На 37 листахъ.
- „ Объ опредѣленіи конюста Моисеева въ Герольдію и о награжденіи его подканцеляристомъ. На 13 листахъ.
- „ Справка изъ военной коллегіи о присылкѣ извѣстія въ новозавоеванныхъ городахъ имѣющихся въ Финляндіи, которыя остались въ Россійской сторонѣ, имѣть печати велѣно и подъ какими гербами. На 4 листахъ.
- „ О дачѣ находящемуся при Герольдіи живописнаго дѣла мастеру Петрулеву съ товарищи квартиры. На 14 листахъ.
- „ Челобитная адъютанта Табаса Кениха-Фейта, объ опредѣленіи къ сочиненію гербовъ и притомъ переводъ объ его искусствѣ. На 26 листахъ.
- „ По промеморіи изъ адмиралтейской коллегіи о присылкѣ обратно находившагося у письма дипломовъ конюста Матвѣя Суслова. На 5 листахъ.
- „ Конія съ журнальной записи о раздачѣ по повѣстямъ дѣлъ и о перелетѣ особо исторій. На 3 листахъ.
- „ Объ отсылкѣ въ академію наукъ гербовъ, какіе въ герольдіи есть и о переводѣ книги регуловъ герольдическихъ на руссійскій языкъ. На 29 листахъ.
- 1746 г. О требованіи изъ академіи наукъ извѣстія, какія есть къ употребленію герольдмейстерской должности книги и гербы какъ Россійскія такъ и другихъ государствъ. На 8 листахъ.
- „ По промеморіи изъ канцеляріи о строеніяхъ о присылкѣ въ оную живописныхъ мастеровъ Петрулева съ товарищи. На 6 листахъ.
- „ Объ опредѣленіи въ ревизіонное повѣтье ревизіонной конторы конюста Василя Иванова. На 12 листахъ.
- 1747 г. О награжденіи подканцеляриста Моисеева канцеляристомъ и объ опредѣленіи въ Герольдію конюста Рослова канцеляристомъ. На 12 листахъ.
- „ О требованіи изъ академіи наукъ книгъ Зибмахера и Цертамена. На 4 листахъ.

- 1747 г. **Объ отсылкѣ изъ Герольдіи въ академію наукъ конін съ гербовъ Россійской Имперіи городовъ и знатныхъ фамилій для составленія краткаго описанія геральдики.** На 46 листахъ.
- „ **О присылкѣ изъ академіи наукъ Кромеровоі исторіи, переведенной на русскій языкъ и подлинной Стартиковскаго и Гвозникова.** На 11 листахъ.
- „ **Объ изслѣдованіи юстицъ-контороу въ отбоѣ копінстомъ Васильемъ Ивановымъ у чулана замка въ комисариатѣ.** На 10 листахъ.
- „ **Объ увольненіи отъ рисованія подмастерья Мускинского и объ опредѣленіи подмастерьями Печаяева и Шеремперова, а Миллюкова объ отсылкѣ въ канцелярію о строеніяхъ.** На 79 листахъ.

Но имѣющіяся въ архивѣ департамента герольдіи дѣла бывшей герольдмейстерской конторы и герольдіи составляютъ лишь одну девятую часть всѣхъ этихъ дѣлъ. Остальныя же, заключающіяся въ 891 книгѣ, хранятся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, куда они перешли изъ разряднаго архива и Московскаго сенатскаго архива въ 1852 г. Въ 1889 г. архиваріусъ департамента герольдіи возбудилъ вопросъ о передачѣ въ департаментъ изъ Московскаго архива министерства юстиціи 147 книгъ рѣшеннымъ дѣламъ герольдмейстерской конторы (№№ 1, 2, 3, 4, 8, 9, 71, 90, 126 и 138—276), доставленныхъ туда изъ департамента въ 1846 г. На запросъ объ этомъ герольдмейстера Московскій архивъ министерства юстиціи отвѣтилъ, что въ 1846 г. онъ принимать что-либо не могъ, такъ какъ открылся 6 лѣтъ спустя послѣ этого, и что дѣйствительно имѣющіяся въ немъ указанныя книги и перешедшія въ него изъ разряднаго архива—крайне необходимы на мѣстѣ, гдѣ онѣ входятъ въ общую массу съ остальными книгами герольдмейстерской конторы, какъ совершенно однородныя по характеру и существу дѣлопроизводства.

Года четыре спустя для ознакомленія съ книгами герольдмейстерской конторы былъ командированъ въ Москву департаментскій архиваріусъ, г. Руммель, который намѣтилъ въ возвращенію въ архивъ департамента герольдіи „Дѣла по герольдіи“, въ числѣ 58, и „Дѣла по герольдіи о недоросляхъ“, тоже въ числѣ 58. Но такъ какъ на требованіе управляющаго Московскимъ архивомъ министерства юстиціи, г. Самоквасова, назвать №№ этихъ дѣлъ по общей описи, онъ отказался, то г. Самоквасовъ не только не согласился на возвращеніе чего-либо, но въ свою очередь возбудилъ предъ министерствомъ ходатайство о „пересылкѣ въ Московскій архивъ остальныхъ, хранящихся въ архивѣ департамента герольдіи книгъ и документовъ XVIII вѣка, по содержанію своему однородныхъ со всѣми прочими,

а также и всѣхъ дѣлъ архива упраздненной герольдіи по 1847 г. включительно“. Въ виду такого оборота дѣла, герольдмейстеру пришлось представить въ министерство подробную мотивированную записку, доказывающую правильность и необходимость для дѣлопроизводства департамента герольдіи не только храненія находящихся въ архивѣ книгъ рѣшеннымъ дѣламъ герольдмейстерской конторы, но и сосредоточенія при немъ всѣхъ остальныхъ, путемъ изытія ихъ изъ Московскаго архива. Записка эта имѣла только одно послѣдствіе: обѣ стороны—и Московскій архивъ министерства юстиціи и Петербургскій департаментскій остались каждый при своихъ сокровищахъ.

Нельзя, конечно, не раздѣлять того убѣжденія, что только на мѣстѣ текущаго дѣлопроизводства и должны находиться необходимыя для частыхъ справокъ однородныя дѣла прежнихъ лѣтъ. Сосредоточеніе однородныхъ дѣлъ въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ крайне желательно и для успѣшности самого дѣлопроизводства и для облегченія розысковъ заинтересованнымъ лицамъ. Впрочемъ, все это раздѣляло и министерство юстиціи и отказалось отъ мысли герольдмейстера за отсутствіемъ помѣщенія. На нашъ же взглядъ крайне желательный перевозъ этихъ дѣлъ въ общій дворянскій архивъ вызоветъ еще и назначеніе новаго помощника архивариуса и непременно человека съ исторической эрудиціей и знакомаго съ археографіей и архивовѣдѣніемъ.

2. Дѣла о дворянствѣ и почетныхъ титулахъ герольдіи, временнаго присутствія герольдіи и департамента герольдіи составляютъ и главное содержаніе архива. Всѣ они заключаются въ 3.800 связкахъ, содержащихъ въ себѣ свыше 170.000 дѣлъ. По своему производству они раздѣляются на два отдѣла, каждый въ особой экспедиціи. Къ первому отдѣлу относятся дворянскія дѣла губерній великорусскихъ и малорусскихъ, и затѣмъ по чиnamъ и орденамъ, а ко второму—западныхъ и югозападныхъ (Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской) и кавказскихъ ¹⁾).

Владѣльческіе роды по великорусскимъ и малорусскимъ губерніямъ исчерпываются по большей части дѣлами родовыми, т. е. опредѣленіями объ утвержденіи той или иной фамилии въ древнемъ дворянствѣ. Дальнѣйшія же сопричисленія къ утвержденному роду производятся

¹⁾ Въ этой же экспедиціи идетъ производство и по дѣламъ о дворянствѣ и почетныхъ титулахъ уроженцевъ Привислинскаго края, но о нихъ см. ниже.

непосредственно въ дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ и на ревизію въ департаментъ герольдіи не присылаются, за исключеніемъ случаевъ, когда соприсчисляется лицо, родившееся до утвержденія въ дворянствѣ рода. Обыкновенно дворянскія депутатскія собранія, хотя и далеко не всѣ и крайне неаккуратно, присылали потомъ въ департаментъ свои краткіе списки лицъ соприсчисленныхъ, которые однако officialнаго значенія не имѣютъ и давно должны были бы быть замѣнены копіями опредѣленій собраній, подшиваемыми къ родовымъ архивнымъ дѣламъ. Наоборотъ, дѣла западныхъ и югозападныхъ губерній, а также кавказскихъ и привислянскихъ, восходятъ до послѣдняго времени, такъ какъ оттуда всѣ дѣлопроизводства должны быть представляемы на ревизію департамента герольдіи. Вслѣдствіе чего и процентъ дворянскихъ дѣлъ по указаннымъ губерніямъ значительно выше. Много также дѣлъ объ утвержденіи въ дворянствѣ лицъ выслужившихся по чинамъ и орденамъ, всегда почти возбуждавшихъ ходатайства непосредственно въ департаментъ герольдіи. Довольно много производилось въ дворянство новыхъ родовъ по ордену св. Владиміра IV ст. до 1899 года.

Въ числѣ дворянскихъ дѣлъ находятся и такъ называемыя гербовыя дѣла за прежніе годы, по утвержденію гербовъ и внесенію ихъ въ общій гербовникъ, и дипломныя, по выдачѣ дипломовъ на гербы, отсюда дипломные гербы, которые также вносятся въ особый сборникъ.

Въ научно-историческомъ отношеніи интересны дѣла фамилій владѣльческихъ, такъ какъ въ нихъ много старинныхъ документовъ XVI—XVIII в.: разнаго рода грамотъ (иногда подлинныхъ), столбцовъ, выписей изъ разрядныхъ, писцовыхъ, переписныхъ, помѣстныхъ и другихъ книгъ, копій формулярныхъ списковъ и указовъ объ отставкѣ выдающихся государственныхъ дѣятелей, ихъ метрическихъ свидѣтельствъ и т. п. Встрѣчаются копія грамотъ и документовъ, уже утраченныхъ, а также и имѣющихъ общенсторическій интересъ.

3. Число дѣлъ о дворянствѣ и почетныхъ титулахъ бывшей герольдіи и государственнаго совета царства Польскаго доходитъ до 10.536 дѣлъ, которыя расположены по номерамъ.

4. Книги подлинныхъ журналовъ и опредѣленій герольдіи, временнаго присутствія герольдіи и департамента герольдіи, за время съ 1800 по 1887 г., числомъ 1.247 книгъ.

5. Чинопроизводныя дѣла, за 1797 — 1846 г., заключаются въ

1.052 связкахъ, по 60—100 дѣлъ среднимъ числомъ въ каждой связкѣ.

6. *Дѣла о почетномъ гражданствѣ*, почти исключительно потомственнымъ, съ 1832 по 1893 г., въ 129 связкахъ, числомъ приблизительно около 12.000 дѣлъ.

7. *Герольдмейстерскія дѣла*, заключающіяся въ 260 связкахъ, за 1840—1880 г., по своему содержанию подраздѣляются на слѣдующія группы: а) дѣла по составленію годовыхъ отчетовъ герольдіи и департамента герольдіи; б) дѣла о службѣ чиновъ департамента; в) переписка съ разными правительственными учрежденіями по запросамъ о дворянствѣ, почетномъ гражданствѣ и производствѣ въ чины; г) переписка по запросамъ о возвращеніи документовъ; д) дѣла объ изготовленіи патентовъ на чины, дипломовъ, грамотъ, родословныхъ, съ ассигновками денегъ художнику и чистописцу; е) дѣла о порядкѣ храненія, сдачѣ и уничтоженія архивныхъ дѣлъ; ж) дѣла объ изданіи списковъ гражданскихъ чиновъ первыхъ четырехъ классовъ и о разсылкѣ ихъ; з) о циркулярныхъ предписаніяхъ министерства юстиціи и вообще по законодательнымъ вопросамъ, и т. д., и т. д.

8. *Родословныя книги по губерніямъ*, преимущественно великорусскимъ, въ числѣ около 650, за время отъ 1787 или 1795—1797 до конца 1840 г., доставлялись въ герольдію крайне неправильно, и потому въ архивѣ имѣется далеко не полный ихъ комплектъ. Съ 1841 г. дворянскія депутатскія собранія стали присылать въ герольдію и департаментъ *стиски* родовъ, утвержденныхъ ими, и *списки* лицъ, сопчисленныхъ къ утвержденнымъ родамъ; но присылае эта носила и носитъ чисто случайный характеръ: по однимъ губерніямъ имѣются таковыя списки вплоть до 1903 г., а по другимъ ни одного.

9. *Книги указовъ* правительствующаго сената, съ 1797 по 1889 г., въ числѣ 252 книгъ (есть между ними утраченныя).

10. *Книги протоколовъ*, съ 1845 по 1887 г., числомъ 40 книгъ.

11. *Книги губернскихъ ревизіонныхъ комиссій*, со списками, въ числѣ около 550.

12. *Дѣла по разнымъ предметамъ*, за время съ 1801 по 1881 г., числомъ около 250. Судя по описи, въ нихъ рѣчь идетъ объ отсылкѣ дипломовъ и гербовъ, о доставленіи вѣдомостей лицъ, признанныхъ въ дворянствѣ и внесенныхъ въ родословныя книги, о заготовленіи грамотъ городамъ, о храненіи *бланкета* польскаго короля Станислава-Августа (1837 г.) и диплома генераль-фельдмаршала Миниха

въ герольдіи, о фальшивыхъ документахъ грузинскихъ городовъ, о правахъ на дворянство мензелинскихъ жителей (1848 г.), о качествахъ и значеніи чиновъ, о завѣреніи галиційскихъ документовъ, и прочее и прочее.

По нашему мнѣнію, это выдѣленныя, въ разное время, къ храненію дѣла изъ числа герольдмейстерскихъ, равно какъ и дѣла слѣдующей группы.

13. *Дѣла по разрѣшеннымъ вопросамъ*, за время съ 1813 по 1878 г., въ числѣ болѣе 200, трактующія: о формѣ дворянскихъ грамотъ, о пожалованіи купцовъ въ чинъ коллежскаго ассессора, о правѣ армянскихъ дворянъ, „о бродягахъ“, о малороссійскихъ чинахъ, о дворянствѣ литовскихъ татаръ (1822 г.), „о завѣреніи метрикъ о татарахъ“, и т. д.

14. *Книги подлинныхъ гербовъ* городовъ Россійской имперіи, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, хранящихся въ герольдмейстерской конторѣ еще съ 1738 г. (см. П. С. З., т. X, ст. 7442), занимаютъ особый шкафъ, помѣщенный въ канцеляріи департамента.

V.

Штаты.

Не смотря на то, что въ герольдіи архивъ, въ смыслѣ хранилища рѣшенныхъ дѣлъ, существовалъ почти съ самаго ея учрежденія, но должность архиваріуса при немъ упоминается впервые лишь въ Высочайше утвержденныхъ штатахъ герольдіи 18-го мая 1832 г. По нимъ архиваріусъ сравненъ въ правахъ съ сенатскими архиваріусами, жалованье ему положено въ годъ 1.200 рублей, и при немъ два писца. При образованіи департамента герольдіи (въ 1848 г.), архиваріусу положено жалованье вмѣстѣ съ столовыми 486 р. 6 к., наравнѣ съ старшимъ помощникомъ секретаря, тогда какъ протоколисту, главная обязанность котораго вести входящія и исходящія книги,—571 р. 87 к. При архиваріусѣ—четыре писца, но ни одного сторожа, вслѣдствіе чего двое писцовъ были постоянно заняты переноской на своихъ плечахъ дѣлъ и книгъ. Въ 1866 г. архиваріусъ департамента герольдіи сталъ получать 600 р., наравнѣ съ помощниками секретарей, но число канцелярскихъ чиновниковъ при немъ было сокращено до двухъ.

По случаю передачи въ департаментъ герольдіи дѣлопроизводства по дворянству уроженцевъ царства Польскаго, Высочайше утвержден-

нымъ 13-го апрѣля 1870 г. мѣнѣемъ государственнаго совѣта штатъ департамента герольдіи былъ увеличенъ; между прочимъ, вновь были назначены два переводчика съ польскаго языка, и должность архиваріуса упразднена, а завѣдываніе архивомъ поручено одному изъ помощниковъ секретарей, который въ своихъ рапортахъ герольд-мейстеру по дѣламъ архива подписывался: „завѣдывающій“. Хотя теперь завѣдывающій архивомъ сталъ получать жалованье въ 784 р., но въ то же время онъ не избавлялся отъ занятій въ канцеляріи департамента. Въ 1890 г., съ упраздненіемъ должности единственнаго оставшагося при департаментѣ переводчика, ежегодный окладъ завѣдывающаго архивомъ былъ доведенъ до 1.200 рублей; тогда же явилась возможность имѣть въ архивѣ и третьяго писца. Наконецъ по послѣднему штату канцеляріи департамента герольдіи, вошедшему въ дѣйствіе съ 1-го марта 1893 г., званіе архиваріуса восстанавливается; по правамъ службы и содержанію онъ сравненъ съ помощниками оберъ-секретарей, т. е. состоитъ въ VII классѣ должности, съ окладомъ въ 1.500 р.; имѣетъ при себѣ помощника, состоящаго въ IX классѣ, съ ежегоднымъ окладомъ въ 800 р., трехъ канцелярскихъ чиновниковъ и особаго сторожа.

VI.

Помѣщеніе архива.

Вопросъ о помѣщеніи архива, несомнѣнно, самый существенный вопросъ, который прежде всего долженъ озабочивать подлежащее высшее начальство. Но въ судьбѣ почти всѣхъ нашихъ архивовъ наблюдается, какъ извѣстно, совершенно обратное. Подвалы, доступные водѣ, неотапливаемые чердаки и въ лучшемъ случаѣ полутемныя комнаты—вотъ обычное помѣщеніе нашихъ русскихъ архивовъ. При этомъ ни непосредственное сосѣдство съ жилыми помѣщеніями, ни явная опасность отъ огня по другимъ какимъ-либо причинамъ—во вниманіе не принимаются. Все это, къ величайшему сожалѣнію, имѣетъ примѣненіе и къ архиву департамента герольдіи. Не смотря на свое исключительное положеніе по характеру находящихся въ немъ дѣлъ, не смотря на весьма значительное богатство своего содержанія и особую цѣнность самыхъ документовъ, не смотря, наконецъ, на то, что оно единственное центральное учрежденіе—хранилище дѣлъ и документовъ по дворянству, почетнымъ титуламъ и вообще по словному вопросу для населенія всей Россійской имперіи,—архивъ де-

партаментъ герольдіи своимъ убогимъ помѣщеніемъ не возбуждалъ о себѣ заботъ высшаго подлежащаго начальства до настоящаго времени.

Хранившіяся сначала архивныя дѣла въ помѣщеніи, занимаемомъ герольдмейстерскою конторою, впослѣдствіи, съ увеличеніемъ новыми дѣлопроизводствами, переводились на храненіе въ сенатскій архивъ. Не смѣшиваемыя съ дѣлами послѣдняго, они хранились тамъ въ особыхъ комнатахъ, а болѣе позднія производства оставались въ канцеляріи герольдіи. Съ 1839 г. до конца 1860-хъ годовъ въ герольдіи было два архива: одинъ временнаго присутствія герольдіи, впослѣдствіи *Разборный*, который помѣщался по правую сторону Галерной улицы, въ зданіи сената, занимая одну комнату, а другой—*Герольдійскій*, помѣщавшійся по лѣвую сторону Галерной улицы, въ синодскомъ зданіи, въ трехъ комнатахъ. По поводу самой большой изъ этихъ комнатъ, гдѣ должны были заниматься архивныя чиновники, въ дѣлѣ 1867 г., за № 66, читаемъ слѣдующее: „изъ трехъ комнатъ одна большая, имѣя только одно окно, такъ темна въ задней своей части, что весьма затрудняетъ дѣлопроизводство департамента герольдіи“. За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ архиваріусъ Китаевъ въ рапортѣ герольдмейстеру сообщалъ: „во вѣренномъ мнѣ архивѣ, по немнѣиоу печей, заниматься невозможно, хотя и имѣется въ двухъ комнатахъ одинъ душникъ, отъ котораго тепла никакого нѣтъ“.

Въ 1866 г. было возбуждено ходатайство о перемѣщеніи всѣхъ дѣлъ департамента герольдіи въ помѣщеніе, занимаемое хозяйственнымъ комитетомъ и сенатскимъ казначействомъ, въ сенатскомъ зданіи, но успѣха не имѣло: понадобились для приспособленія самаго помѣщенія и устройства полокъ и шкафовъ деньги, по смѣтѣ архитектора Аванасьева, 913 р. 84 к., которыя и послужили главною причиною къ отклоненію ходатайства. Впослѣдствіи герольдійскій архивъ до 1894 г. занималъ указанное помѣщеніе, но въ 1894 г. былъ переведенъ въ 3-й этажъ синодскаго зданія надъ аркою. Въ ноябрѣ 1899 г. большая часть дѣлъ его переведена опять въ прежнее помѣщеніе сенатскаго зданія, занимаемое архивомъ и въ настоящее время.

Здѣсь заняты подъ складъ для дѣлъ двѣ смежныя комнаты, въ три и два окна, высота которыхъ — 5 и 5 $\frac{1}{4}$ аршинъ. Длина первой комнаты—13 аршинъ, а ширина—11 $\frac{1}{2}$, и второй—длина 9 аршинъ, а ширина 12. Въ обѣихъ комнатахъ помѣщается: двойныхъ конусовъ,

въ которыхъ дѣла размѣщены въ четыре ряда, по два съ каждой стороны, — 5 и ординарныхъ по стѣнамъ и по срединѣ — 10 и два шкафа съ книгами. Полки конусовъ подведены на пятиаршинную высоту, такъ что связки дѣлъ верхней полки плотно прилегаютъ къ самому потолку. Размѣщеніе 15 широкихъ конусовъ въ столь небольшихъ комнатахъ позволило оставить разстоянія между конусами не болѣе 20 и даже 16 вершковъ. Въ концѣ двухъ болѣе широкихъ проходовъ, упирающихся въ окна и имѣющихъ ширину этихъ оконъ, поставлены два стола: одинъ для занятій архиваріуса съ присылаемыми къ нему герольдмейстеромъ посѣтителеми (иногда 3 и 4-мя), желающими ознакомиться съ дѣломъ своего рода, и другой для занятій помощника архиваріуса съ писцомъ. Два другіе писца занимаются у самыхъ оконъ, раскладывая дѣла на подоконникахъ и болѣею частью стоя.

Нѣсколько далѣе отъ оконъ и въ особенности между конусами, упирающимися въ простѣнокъ между окнами, царитъ полнѣйшая тьма въ самое свѣтлое время, а освѣщенія въ архивѣ не полагается никакого, не смотря на встрѣчающееся во многихъ архивахъ электричество.

Но какъ и кладовая, это помѣщеніе не можетъ считаться идеальнымъ; той своей частью, гдѣ размѣщены дѣла бывшей герольдіи Царства Польскаго, оно примыкаетъ къ квартирѣ смотрителя сенатскаго зданія, а внизу подъ всѣмъ помѣщеніемъ архива—казармы для сторожей и курьеровъ.

Кромѣ этихъ комнатъ въ распоряженіи архива департамента герольдіи имѣется еще одна большая комната, въ 4 окна, въ зданіи синода, въ нижнемъ этажѣ. Длина комнаты—32 аршина, а ширина—9 аршинъ. Въ ней размѣщено 28 конусовъ, на которыхъ расположены подлинныя опредѣленія и журналы, чинопроизводныя дѣла, герольдмейстерскія, о почетномъ гражданствѣ, родословныя книги и проч., всего около 2.500 книгъ и свыше 2.000 связокъ дѣлъ.

Въ виду столь тѣснаго помѣщенія, уже нѣсколько лѣтъ архиваріусъ департамента герольдіи отказывается принимать вновь сдаваемые изъ канцеляріи дѣла, а прибѣгать къ другому излюбленному средству послѣ 1901 г., когда были уничтожены послѣднія чинопроизводныя дѣла, отрѣзаны уже всѣ пути.

Обращаясь отъ этой весьма тяжелой, чтобы не сказать болѣе, дѣйствительности къ нашему законодательству, гдѣ читаемъ: „*полнѣ-*

щеніе архива ¹⁾ должно быть просторное, сухое, со сводами, съ каменными или кирпичными полами, съ отдушиниками въ противоположномъ направленіи, для очистки воздуха; а притомъ теплое, съ духовыми или иного устройства печами, которыя топились бы изъ подваловъ, коридоровъ или вообще внѣ самаго помѣщенія. Дѣла должны храниться, смотря по средствамъ, въ шкафахъ или на полкахъ, устроенныхъ рядами такъ, чтобы между ними былъ свободный проходъ“ (Сводъ Зак., т. II, ст. 598, по изд. 1892 г.), — невольно задаешься вопросомъ, не ради ли только ироніи составляются такія законодательства?

VII.

Научныя занятія въ архивѣ.

Впервые, насколько намъ извѣстно, для научныхъ занятій въ архивѣ департамента герольдіи былъ допущенъ въ 1877 г. П. Н. Петровъ, авторъ извѣстной книги: „Исторія родовъ русскаго дворянства“ (С.-Пб. 1886 г.). Затѣмъ здѣсь занимались В. В. Руммель, составившій вмѣстѣ съ В. В. Голубцовымъ:—„Родословный сборникъ дворянскихъ фамилій“, 2 тома (С.-Пб., 1886—1887 гг., изд. А. Суворина), и гр. А. А. Бобринскій, котораго интересовали по преимуществу гербовыя дѣла и который издалъ въ 1890 г., въ 2-хъ частяхъ, „Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Россійской Имперіи“.

На основаніи данныхъ архива департамента герольдіи помѣщали генеалогическія статьи въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Эфрона В. В. Руммель и В. Е. Рудаковъ (последній подписывался В. Р—въ.).

Наконецъ самимъ департаментомъ герольдіи, на основаніи собственныхъ матеріаловъ, было предпринято изданіе „Списковъ титулованнымъ родамъ и лицамъ Россійской Имперіи“ (С.-Пб., 1892 г.). Изданіе это, не смотря на свою крайнюю неудовлетворительность и по своему плану и по множеству заключающихся въ немъ неточностей, ошибокъ, въ настоящее время совершенно распродано и крайне нуждается въ перепечаткѣ, съ дополненіями, но по новому плану и новой системѣ.

¹⁾ Пишется въ виду законодателемъ лишь архивъ губернскаго правленія.

Этимъ мы и заканчиваемъ свою замѣтку о „*всероссійскомъ хранилищѣ дворянскихъ дѣлъ*“. Неприглядна нарисованная нами картина, какъ его прошлаго, такъ и современнаго состоянія. Не только дворяне и другіе сословные представители, но и всѣ, кому только дороги историческія реликвіи нашего прошлаго, реликвіи, которыя до сихъ поръ еще, можно сказать, не имѣли своихъ изслѣдователей, съ сожалѣніемъ и скорбью отнесутся къ такому состоянію этого хранилища. Но еще ужаснѣе представляется намъ его будущее, если только немедленно не придти къ нему на помощь устройствомъ новаго, постояннаго и просторнаго помѣщенія, съ канцеляріей для занятій чиновниковъ и постороннихъ лицъ, ассигнованіемъ особыхъ суммъ для приведенія въ порядокъ и болѣе точнаго описанія всѣхъ дѣлъ, книгъ и документовъ и увеличеніемъ штатовъ архива людьми съ высшимъ образованіемъ и хорошо знакомыми съ архивовѣдѣніемъ въ обширномъ смыслѣ этого слова, особенно въ виду не разъ возбуждавшагося вопроса о перевозѣ дѣлъ герольдмейстерской конторы изъ московскаго архива министерства юстиціи.

В. Рудаковъ.

КІЕВСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1905 ГОДУ ¹⁾.

Среднія учебныя заведенія.

Въ 1905 году въ Кіевскомъ учебномъ округѣ числилось: 25 мужскихъ гимназій и 2 прогимназій, 11 реальныхъ училищъ, 3 среднихъ техническихъ училища, 34 женскихъ гимназій, 19 женскихъ прогимназій, 1 женское графа Д. Н. Блудова училище, Глуховскій учительскій институтъ и 3 учительскихъ семинаріи. Всего въ округѣ такимъ образомъ числилось (со включеніемъ учительскаго института и учительскихъ семинарій)—99 среднихъ учебныхъ заведеній.

Изъ этого числа среднихъ учебныхъ заведеній въ 1905 году открыты вновь: частная мужская гимназія В. П. Науменко, частная мужская прогимназія В. С. Тутолмина, женская гимназія А. В. Жекулиной (Кіевъ) и двѣ женскія прогимназій (Нѣжинъ и Константиноградъ); преобразованы—одна прогимназія въ гимназію (Проскуровъ) и десять частныхъ женскихъ учебныхъ заведеній—въ прогимназій (Кіевъ—3, Борзна, Бердичевъ, Ковель, Черкассы, Умань и Могилевъ-Подольскій—2). Число реальныхъ училищъ, среднихъ техническихъ училищъ и учительскихъ семинарій осталось безъ измѣненій.

I. Мужскія гимназій.

Къ 1-му января 1906 года въ 25 гимназіяхъ и 2 прогимназіяхъ состояло 12.603 ученика, болѣе чѣмъ въ предыдущемъ году на 923 чел., т. е. на 7,3%. Наибольшее количество учащихся было въ 1-й Кіевской (847) и въ 1-й Житомирской (767) гимназіяхъ; наименьшее (по

¹⁾ По „Отчету попечителя Кіевского учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1905 годъ“. Кіевъ. 1906.

считая коллегин Павла Галагана—60 чел. и вновь открытой гимназии Науменко—58 чел.)—въ Новгородсѣверской (327) и Глуховской (324) гимназіяхъ; въ среднемъ на одно учебное заведеніе этого типа приходится 467 учениковъ. Изъ всего числа учащихся—

въ приготовительномъ классѣ состояло . . .	1.204	челов.
„ первомъ	1.807	„
„ второмъ	1.821	„
„ третьемъ	1.708	„
„ четвертомъ	1.534	„
„ пятомъ	1.345	„
„ шестомъ	1.274	„
„ седьмомъ	1.060	„
„ восьмомъ	850	„
Въ среднемъ на классъ приходилось по . . .	1.400	учен.

По вѣроисповѣданію и по сословіямъ всѣ учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

По вѣроисповѣданію:

Православныхъ	8.824	или 70,01%
Римско-католиковъ	1.944	„ 15, 4%
Иудеевъ.	1.553	„ 12, 3%
Лютеранъ.	240	„ 1, 9%
Магометанъ.	12	„ 0,09%
Армянъ.	8	„ 0,06%
Иныхъ нехристіанскихъ исповѣданій. . .	19	„ 0,15%

Какъ и въ предыдущіе годы, всего болѣе католиковъ обучалось въ Житомирской 1-й (36,9% противъ 46,2% православныхъ) и Бѣлоцерковской (34,3% противъ 51,5% православныхъ) гимназіяхъ. Вообще 95,1% всѣхъ католиковъ обучались въ гимназіяхъ Юго-Западнаго края, и только 4,9% приходилось на долю Черниговской и Полтавской губерній.

Что же касается евреевъ, то число ихъ значительно превысило норму, достигши къ 1-му января 1906 г.—12,3% (въ кievскихъ гимназіяхъ вмѣсто 5%—8,9%). Такое значительное отступленіе отъ нормы допущено вслѣдствіе соответствующихъ распоряженій министерства (отъ 26-го іюля 1903 г. и отъ 31-го октября 1905 г.).

По сословіямъ:

Дѣтей личныхъ дворянъ и чиновниковъ	3.702	или	29,3%
„ мѣщанъ и цеховыхъ	3.068	„	24,3%
„ потомственныхъ дворянъ	1.905	„	15,4%
„ почетныхъ гражданъ и купцовъ	1.348	„	10,6%
„ крестьянъ.	1.113	„	8,8%
„ лицъ духовнаго званія	860	„	6,8%
„ казаковъ	329	„	2,6%
„ иностранцевъ	158	„	1,2%
„ прочихъ сословій.	75	„	0,6%

Вновь поступившихъ въ гимназіи и прогимназіи учениковъ было—3.061 (на 458 чел. болѣе 1904 г.). Выбыло въ теченіе 1905 года всего—2.197 человекъ, или 18,6% всѣхъ учившихся. Изъ нихъ окончили курсъ—810 чел. (6,8%); по причинѣ неуспѣшности и неодобрительнаго поведенія выбыло 229 чел. (1,9%), остальные выбыли по причинамъ, отъ гимназій не зависѣвшимъ. Въ частности, изъ числа 229—изъ четырехъ младшихъ классовъ выбыло 120 учениковъ, изъ четырехъ старшихъ—109. По причинѣ неблагоповеденія выбыли 40 уч. (12 младш. и 28 старш.), по причинѣ малоуспѣшности—132 (68 младш. и 64 старш.), по обѣмъ причинамъ вмѣстѣ—57 уч. (40 младш. и 17 старш.). Наибольшее количество выбывшихъ приходится на Каменецъ-Подольскую гимназію (54 чел. или 8,07%) и Бѣлоцерковскую (32 уч. или 7,3%); при чемъ въ послѣдней 22 человека изъ старшихъ классовъ были уволены за поведеніе. Здѣсь имѣли вліяніе школьные безпорядки, происшедшіе въ февралѣ отчетнаго года и выразившіеся въ рядѣ попытокъ устроить забастовки въ мужской и женской гимназіяхъ. „Ничтожное количество выбывшихъ съ неполнымъ балломъ по поведенію (16) изъ остальныхъ гимназій свидѣтельствуетъ о той гуманности, съ которой педагогическіе совѣты отнеслись къ виновнымъ въ школьныхъ безпорядкахъ ученикамъ, и въ то же время обличаетъ тѣхъ, которые лживо кричатъ о репрессіяхъ“¹⁾.

Въ началѣ испытаній въ 1905 г. въ VIII классѣ состояло 830 учениковъ, изъ нихъ допущено къ испытаніямъ зрѣлости 799, или 96,2%;

¹⁾ „Отчетъ“..., стр. 23.

удостоено аттестатовъ—781, или 97,7% числа допущенныхъ къ испытаніямъ и 94,1% ¹⁾ общаго числа учениковъ VIII класса. Изъ числа получившихъ аттестатъ зрѣлости 32 чел. имѣли отъ роду—17 лѣтъ; 157 чел.—18 лѣтъ и т. д. Изъ лицъ, получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости, всего болѣе оказалось желающихъ поступить на физико-математическій (235 чел., или 26,1%) и юридическій (224 чел., или 24,9%) факультеты; всего менѣе „по искусствамъ“ (16 чел., или 1,8%) и на государственную службу (2 чел., или 0,2%). Изъ числа постороннихъ лицъ держали экзаменъ на аттестатъ зрѣлости 272 чел., выдержали 118, или 43,4%.

Изъ необязательныхъ предметовъ — греческимъ языкомъ занимались 80 учениковъ; пѣніемъ и состояли въ хорахъ—1.102 ученика; музыкой („не считая любителей-балалаечниковъ“)—550 учениковъ; черченіемъ и рисованіемъ—75 учениковъ; въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ преподавалась гимнастика и фехтованіе,—при чемъ весною отчетнаго года въ Кіевской I и Кіево-Печерской гимназіяхъ былъ устроенъ гимнастическій праздникъ.

Въ нѣсколькихъ гимназіяхъ были организованы чтенія съ волшебнымъ фонаремъ по природовѣднію, географіи и исторіи. Всѣ преподаватели природовѣднія съ учениками I—III классовъ устраивали экскурсіи для ознакомленія съ явленіями природы, мѣстными флорой и фауной. Ученики кіевскихъ гимназій обозрѣвали историческіе памятники, святыни и музеи г. Кіева. Съ образовательными цѣлями ученики различныхъ гимназій осматривали ближайшіе заводы, преимущественно сахароваренные; ученики Каменецъ-Подольской гимназіи ѣздили въ Хотинъ; ученики VIII класса Уманской гимназіи—въ Кіевъ, и ученики кіевской частной гимназіи В. И. Петра—за границу; ученики Златопольской гимназіи присутствовали при раскопкахъ графомъ Бобринскимъ сосѣднихъ кургановъ. „Въ общемъ“ же, заключаетъ авторъ отчета, „надо сказать, что отчетный годъ не былъ благоприятнымъ для устройства экскурсій, какъ вслѣдствіе неспокойнаго настроенія учениковъ старшихъ классовъ, такъ и вслѣдствіе желѣзнодорожныхъ забастовокъ и безпорядковъ въ разныхъ городахъ“ ²⁾.

На содержаніе казенныхъ гимназій и Луцкой прогимназіи въ отчетномъ году было израсходовано 1.362.872 р. 80 к., на 57.791 р. 52 к.

¹⁾ А не 97,1%, какъ показано въ „Отчетѣ“. Вообще, нужно сказать, что въ „Отчетѣ“... опечатокъ въ цифрахъ порядочно.

²⁾ „Отчетъ“..., стр. 28.

менѣе предыдущаго года. Главными источниками, изъ которыхъ образовалась эта сумма, служили:

Ассигнованіе изъ средствъ государственнаго казначейства	596.185 р. 52 к. или 43, 7%
Плата за ученіе	414.072 „ 41 „ „ 30, 3%
Сборъ за содержаніе воспитанниковъ въ пансіонахъ	200.011 „ 21 „ „ 14, 7%
На средства мѣстныхъ обществъ падаютъ только	52.902 „ 11 „ „ 3,73%

Плата за ученіе взималась: въ двухъ гимназіяхъ по 80 р., въ двухъ—по 70 р., въ пяти—по 60 р., въ пяти—по 50 р. и въ девяти—по 40 р. въ годъ; въ трехъ гимназіяхъ со втораго полугодія плата была повышена на 10 р. въ годъ.

Принимая въ расчетъ суммы, израсходованныя на содержаніе гимназій, и число учащихся въ нихъ, получаемъ среднюю стоимость обученія одного ученика въ гимназіи—94 р. 47 к. и въ прогимназіи—106 р. 20 к.; высшая стоимость оказалась въ Нѣжинской гимназіи (137 р. 60 к. при 329 ученикахъ), низшая—въ Кіевской I гимназіи (86 р. 40 к. при 847 ученикахъ).

Разнаго рода пособіями со стороны учебныхъ заведеній или состоявшихъ при нихъ благотворительныхъ обществъ пользовались 3.443 ученика, или 27,3% изъ числа учащихся въ гимназіяхъ округа. Общая сумма разнаго рода пособій достигаетъ 185.088 р., въ томъ числѣ на долю самихъ учебныхъ заведеній падаетъ болѣе 100.000 р., стипендій выдано на 35.907 р. 78 к.

II. Реальные училища.

Къ 1-му января 1906 года въ 11 реальныхъ училищахъ (10 казенныхъ и 1 частное) Кіевского учебнаго округа состояло 3.909 учениковъ, болѣе предыдущаго года на 243 человекъ, или на 6,2%. Такого рода увеличеніе объясняется открытіемъ новыхъ классовъ въ трехъ еще не вполне сформированныхъ училищахъ. Наибольшее количество учащихся было въ Кіевскомъ (672) и въ Кіевскомъ св. Екатерины (516) реальныхъ училищахъ; наименьшее—въ Кіевскомъ частномъ Г. А. Валькера (148) и въ Проскуровскомъ (146) реальныхъ училищахъ. Въ среднемъ на одно реальное училище приходится 355 человекъ учащихся. Неполный составъ классовъ имѣли два училища: Черниговское—5 классовъ и Проскуровское—3 класса.

По классамъ всѣ ученики реальныхъ училищъ распредѣлялись такъ:

Въ приготовительномъ	классѣ состояло . . .	431	челов.
„ первомъ	„ „ . . .	689	„
„ второмъ	„ „ . . .	647	„
„ третьемъ	„ „ . . .	572	„
„ четвертомъ	„ „ . . .	481	„
„ пятомъ основномъ	„ „ . . .	377	„
„ пятомъ коммерческомъ	„ „ . . .	12 ¹⁾	„
„ шестомъ основномъ	„ „ . . .	377	„
„ шестомъ коммерческомъ	„ „ . . .	7 ¹⁾	„
„ седьмомъ (дополнительномъ) ²⁾	„ „ . . .	222	„
Въ среднемъ на классъ ³⁾	приходилось по	558	челов.

По вѣроисповѣданію и по сословіямъ всѣ учащіеся въ реальныхъ училищахъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

По вѣроисповѣданію:

Православныхъ	2.724	ученика, или	69, 6%
Римско-католиковъ	575	„ „	14, 7%
Иудеевъ	387	„ „	9, 9%
Лютеранъ	213	„ „	5, 4%
Армянъ	2	„ „	0,05%
Магометанъ	1	„ „	0,02%
Иныхъ нехристіанскихъ исповѣданій	7	„ „	0, 1%

Католиковъ всего болѣе было: въ Кіевскомъ св. Екатерины (143 изъ общаго числа 516 учен.), Винницкомъ (120 изъ 364 чел.) и Кіевскомъ (110 изъ 672 учениковъ) реальныхъ училищахъ. Евреевъ обучалось около 10%, но въ семи реальныхъ училищахъ число ихъ значительно превышало это среднее процентное отношеніе, что особенно замѣтно въ Роменскомъ (15%), Кременчугскомъ (14,1%) и

¹⁾ Коммерческіе V и VI классы имѣются только въ Кіевскомъ и Кременчугскомъ реальныхъ училищахъ.

²⁾ Дополнительнаго (VII) класса нѣтъ только въ Черниговскомъ, Проскуровскомъ и Кіевскомъ частномъ Г. А. Валькера реальныхъ училищахъ.

³⁾ Коммерческіе V и VI классы, по малочисленности, считаются вмѣстѣ съ основными.

Ровенскомъ (14%); въ то время, какъ въ Кіевскомъ частномъ реальномъ училищѣ Г. А. Валькера евреевъ было только 1,35%.

По сословіямъ:

Мѣщанъ и цеховыхъ	1.073	ученика или	27,4%
Личныхъ дворянъ и чиновниковъ	821	" "	21, %
Потомственныхъ дворянъ	673	" "	17,2%
Крестьянъ	483	" "	12,3%
Почетныхъ гражданъ и кунцовъ	463	" "	11,8%
Казаковъ	193	" "	4,9%
Иностранцевъ	100	" "	2,5%
Духовнаго званія	93	" "	2,1%
Прочихъ сословій	10	" "	0,2%

Число учениковъ, выбывшихъ изъ реальныхъ училищъ до окончанія курса въ теченіе 1905 года, достигло 475 человекъ, или 12,2%¹⁾ всѣхъ учащихся. Но для правильной оцѣнки этой цифры нужно принять въ соображеніе, что 381 человекъ (9,7%) выбыли изъ реальныхъ училищъ для продолженія образованія въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и только 94 чел. (2,5%) выбыли по неудовлетворительности успѣховъ (72,3%) и недобрительному поведенію (5,3%), или по той и другой причинѣ вмѣстѣ (22,3%). Въ Черниговскомъ, Прокуроровскомъ и частномъ Валькера училищахъ такой категоріи выбывшихъ не было. По окончаніи курса выбыло 209 учениковъ, или 6,4% всѣхъ учившихся въ реальныхъ училищахъ, имѣвшихъ выпускные классы. Всего такимъ образомъ выбыло 684 человека, или 18,6% общаго числа учившихся. Вновь поступило 929 человекъ или 23,8%, — болѣе на 245 человекъ.

Средняя успѣшность учащихся выражается въ отчетномъ году 77,6%; удостоено перевода въ высшіе классы 63,2%. При внимательномъ разсмотрѣніи подробныхъ таблицъ видно, что число удостоенныхъ перевода въ высшіе классы значительно выше успѣвавшихъ въ теченіе года, при чемъ разница колеблется между 9,8% (приготовит. кл.) и 25,4% (V кл. осн.), а въ V коммерческомъ классѣ достигаетъ даже 28,9%.

Въ теченіе учебнаго 1905 года учащимися пропущено 165.416 уроковъ, въ частности, число уроковъ, пропущенныхъ по неважитель-

¹⁾ А не 12,9% какъ указано на стр. 14 „Отчета“...

нымъ причинамъ, увеличилось въ 15 разъ, при чемъ не во всѣхъ училищахъ велся точный учетъ манкировокъ. Преподавателями реальныхъ училищъ пропущено 3.417 уроковъ, всѣ по уважительнымъ причинамъ.

Изъ числа необязательныхъ предметовъ: латинскимъ языкомъ въ Черниговскомъ реальномъ училищѣ занимались 26 учениковъ; въ хорахъ состояло свыше 200 человекъ; въ семи училищахъ организованы ученическіе оркестры изъ духовыхъ и струнныхъ инструментовъ, „но особенно охотно ученики играютъ на балалайкахъ“; въ Киевскомъ училищѣ желающіе обучаются фехтованію и ручному труду.

Къ виѣкласнымъ занятіямъ учащихся должны быть отнесены литературныя бесѣды, систематически организованныя въ реальномъ училищѣ св. Екатерины преподающимъ русскій языкъ проф. Лободой. Сюда же должно отнести и чтенія по природовѣдѣнію, отечественной исторіи, географіи и литературѣ, устроенныя въ Черниговскомъ и Полтавскомъ реальныхъ училищахъ по вечерамъ. Число такихъ чтеній въ отчетномъ году было меньше, чѣмъ въ предыдущемъ, такъ какъ представлялось не безопаснымъ собирать учащихся въ вечернее время.

Отчетный годъ также не благоприятствовалъ и устройству отдаленныхъ экскурсій, поэтому дѣло ограничивалось преимущественно прогулками преподавателей природовѣдѣнія съ учениками младшихъ классовъ въ цѣляхъ преподаванія этого предмета. Наиболѣ широко это дѣло было поставлено въ Кременчугскомъ и Киевскомъ училищахъ; все-таки въ отчетѣ отмѣчается еще цѣлый рядъ болѣе или менѣе отдаленныхъ экскурсій, совершенныхъ учениками различныхъ училищъ. Вообще можно сказать, что въ реальныхъ училищахъ это дѣло поставлено гораздо шире и интереснѣе, чѣмъ въ гимназіяхъ.

Изъ 300 учениковъ, состоявшихъ къ концу 1904—5 учебнаго года въ VI классѣ основнаго отдѣленія, приступили къ испытанію 262 человекъ, или 87,3%, выдержали экзамены—226 учениковъ, или 86,2% подвергшихся испытаніямъ и 75,3% всѣхъ учившихся въ этомъ классѣ. Изъ 11 учениковъ коммерческаго отдѣленія были допущены до экзамена 9 человекъ, или 81,8%; всѣ они получили аттестаты. Изъ 34 постороннихъ лицъ, приступившихъ къ испытаніямъ за шесть классовъ, выдержали таковое—18 человекъ, т. е. 52,9%.

Къ окончательнымъ испытаніямъ приступили 194 ученика изъ 202, учившихся въ VII классѣ, или 96%; изъ нихъ выдержали экзамены 183 человекъ, или 94,3% подвергшихся испытаніямъ. Изъ экстерновъ держали экзаменъ 21 человекъ и выдержали ихъ—15 человекъ, или

71,4%. Изъ выдержавшихъ окончательное испытаніе 17 лѣтъ было 18 учениковъ, или 9,8%; 18 лѣтъ—32 человѣка или 17,4%.

Изъ 198 лицъ, удостоенныхъ свидѣтельствъ объ окончаніи семи классовъ реального училища, 158 человѣкъ предполагали поступить въ высшія техническія заведенія.

На содержаніе реальныхъ училищъ Кіевскаго округа, кромѣ частнаго Валькера, въ 1905 г. было израсходовано всего 411.069 р. 83 коп. Средства на содержаніе реальныхъ училищъ получались главнымъ образомъ:

- 1) изъ суммъ государственнаго казначейства 187.487 р. 59 к. или 43,1%
 - 2) „ взноса платы за обученіе 169.849 „ 19 „ „ 41,1%
- а вмѣстѣ съ расходами остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ . (5.143 „ 98 „ „ 1,2%)

расходы самихъ учебныхъ заведеній = 174.993 р. 17 к. или 42,3%. Мѣстныя общества—земства (23.505 р. 49 к.) и города (17.417 р. 59 к.)—расходуютъ на реальные училища только 9,9%, или 40.923 р. ¹⁾ 8 к.; „тѣмъ болѣе непонятнымъ является стремленіе уклониться отъ взноса и этой небольшой субсидіи“.

Плата за ученіе взымалась: въ двухъ училищахъ по 60 руб. въ годъ, въ четырехъ—по 50 руб., въ двухъ—по 40 руб.; въ Кременчугскомъ реальномъ училищѣ со второй половины отчетнаго года плата была повышена съ 40 руб. до 50 и только въ приготовительномъ классѣ плата осталась прежняя.

Принимая во вниманіе всѣ суммы, израсходованныя на содержаніе казенныхъ реальныхъ училищъ, и количество обучавшихся въ нихъ учениковъ въ 1905 г., найдемъ, что обученіе каждаго ученика въ среднемъ стоило 125 руб. 13 коп. При чемъ сумма эта колебалась между 93 руб. 45 коп. (Кіевское реальное училище—672 ученика) и 166 руб. 14 коп. (Ровенское реальное училище—208 учениковъ); въ реальномъ училищѣ св. Екатерины (въ Кіевѣ), при даровомъ помѣщеніи, обученіе одного ученика обошлось въ 90 р. 67 коп.

Матеріальная помощь учащимся за отчетный годъ выразилась въ суммѣ 46.315 р. 88 к. Въ этомъ числѣ освобождено отъ платы за ученіе по правамъ службы родителей на 12.960 р.; въ счетъ 10%

¹⁾ А не 40.927 р. 8 к., какъ показано въ „Отчетѣ“.

бѣднѣйшіе и наиболѣе успѣвающіе ученики — на 17.962 р. 50 к.; разнаго рода пособій и стипендій изъ %%% съ пожертвованныхъ капиталовъ и изъ спеціальныхъ средствъ выдано на 7.397 р. 46 коп. Благотворительныя общества при реальныхъ училищахъ выдали пособій на сумму 7.995 р. 32 к.—преимущественно на уплату за право ученія.

III. Женскія гимназіи и прогимназіи.

Всѣхъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Кіевскомъ учебномъ округѣ въ 1905 году было 54; въ томъ числѣ 34 гимназіи, 19 прогимназій и 1 женское графа Д. Н. Блудова училище. По сравненію съ предшествующимъ годомъ число женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній увеличилось на 14. Къ 1-му января 1906 года во всѣхъ женскихъ гимназіяхъ числилось: приготовительныхъ классовъ — 33, нормальныхъ—221, параллельныхъ—46 и дополнительныхъ — 17; въ прогимназіяхъ—приготовительныхъ—16, нормальныхъ—71 и дополнительныхъ—1 классъ.

По числу женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній первое мѣсто занимаетъ губернія Кіевская (12 гимназій и 6 прогимназій), затѣмъ—Полтавская (9 гимназій и 3 прогимназіи), Черниговская (6 гимназій и 5 прогимназій), Подольская (4 гимназіи и 3 прогимназіи) и, наконецъ, Волинская (3 гимназіи, 2 прогимназіи и 1 Острожское графа Д. Н. Блудова училище). Изъ 61 уѣзднаго города Кіевского округа среднія учебныя заведенія имѣютъ 29 городовъ и кромѣ того нѣкоторыя наиболѣе значительныя мѣстечки (Бѣлая Церковь, Златополь, Немировъ).

Всѣхъ учащихся въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на 1-му января 1906 года состояло:

Въ гимназіяхъ	—12.522 уч.	(въ предыдущемъ году—11.658 уч.)
„ прогимназ.	— 2.425 „	(„ „ „ — 1.769 „)
„ Острож. уч.	— 278 „	(„ „ „ — 251 „)
	15.225 уч.	(Всего 13.678 уч.)

Такимъ образомъ, общее число ученицъ въ отчетномъ году, по сравненію съ предыдущимъ годомъ, возрасло на 1.547.

Наиболѣе многолюдными гимназіями были: Черниговская (745 уч.), Полтавская (735 учен.), Кременчугская (662 учен.), Кіевская мини-

стерская (656 учен.) и Роменская (648 учен.); наименьшее число учащихся было въ Златопольской гимназіи. Изъ частныхъ гимназій болѣе многочисленными являются Полтавская Ахшарумовой (491 учен.) и Киевская Дучинской (434 учен.).

Изъ прогимназій—самой многочисленной была Кролевецкая (317 учен.), изъ частныхъ—Житомирская Тимашевой (227 учен.); наименьшее количество учащихся отмѣчено въ Балтской (141 учен.) прогимназіи, а изъ частныхъ—въ Бердичевской Усаневичъ (61 ученица).

Въ среднемъ на одну гимназію приходилось почти 370 ученицъ, а на одну прогимназію 128 ученицъ.

По классамъ учащіяся распредѣлялись такъ:

Въ приготоит. классѣ было . . .	1581	или	10,38%	общ. числа учен.
„ первомъ „ „ . . .	2.163	„	14, 2%	„ „ „
„ второмъ „ „ . . .	2.179	„	14,31%	„ „ „
„ третьемъ „ „ . . .	2.244	„	14,74%	„ „ „
„ четвертомъ „ „ . . .	2.087	„	13,71%	„ „ „
„ пятомъ „ „ . . .	1.719	„	11,29%	„ „ „
„ шестомъ „ „ . . .	1.478	„	9,71%	„ „ „
„ седьмомъ „ „ . . .	1.236	„	8,11%	„ „ „
„ восьмомъ „ „ . . .	538	„	3,64%	„ „ „

Самымъ многочисленнымъ, такимъ образомъ, былъ третій классъ.

По вѣроисповѣданіямъ ученицы распредѣлялись такъ:

Православнаго вѣроисповѣданія . . .	9.088	или	60,34%
Иудейскаго „ „ . . .	4.890	„	32,12%
Римско-католич. „ „ . . .	959	„	6,31%
Иныхъ христіан. „ „ . . .	271	„	1,12%
Магометанскаго „ „ . . .	5	„	0,03%
Армянскаго „ „ . . .	1	„	0,01%
Иныхъ нехрист. „ „ . . .	11	„	0,07%

Наибольшій % ученицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія отмѣченъ былъ въ: Житомирской частной гимназіи Овсянниковой (25,5% противъ 54,5% православныхъ), въ Бѣлоцерковской (23,9% противъ 47% православныхъ) и Киевской при евангел.-лютеранской церкви (20,2% противъ 42,2% православныхъ).

Общее число ученицъ-евреекъ равно 32,12% учащихся, т. е.

почти $\frac{1}{2}$; но въ нѣкоторыхъ частныхъ женскихъ гимназіяхъ число учащихся іудейскаго вѣроисповѣданія достигало и даже превышало $\frac{2}{3}$ общаго числа ученицъ въ данномъ заведеніи. Такъ въ Житомирской гимназіи Тимашевой евреекъ было—70,9% при 16,27% православныхъ; въ Могилевъ-Подольской прогимназіи Рынденко—66% противъ 20% православныхъ; въ Кіевской прогимназіи Братковой—64,3% противъ 34% православныхъ; въ Кіевской гимназіи Евсѣевой 68,8% противъ 28%¹⁾ православныхъ и т. д.

По сословіямъ ученицы женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній распредѣлялись такъ, что на общее число 15.225 ученицъ, состоявшихъ къ 1-му января 1906 г., приходилось:

Привилегированныхъ сословій 7.679 учен., или 50,43%
 Непривилегированныхъ " 7.546 " " 49,56%

А именно:

Дочерей мѣщанъ и цеховыхъ	5.817	или	38,2%
" личныхъ дворянъ и чиновниковъ	3.488	"	22,3%
" почетныхъ гражданъ и купцовъ	1.765	"	11,6%
" потомственныхъ дворянъ	1.700	"	11,2%
" крестьянъ	986	"	6,5%
" лицъ духовнаго званія	726	"	4,8%
" казаковъ	466	"	3,1%
" иностранцевъ	153	"	1,0%
Прочихъ сословій	124	"	0,9%

До окончанія курса выбыло: изъ гимназій — 1.593 ученицы, или 12,7% всѣхъ учившихся; изъ прогимназій — 161, или 6,6%; изъ Острожскаго графа Д. П. Блудова училища—12 ученицъ или 4,3%. Съ неполнымъ балломъ по поведенію выбыли 72 ученицы (всѣ изъ старшихъ классовъ); въ томъ числѣ 55 изъ Винницеой гимназіи (политическая забастовка) и 12 ученицъ изъ Бѣлоцерковской гимназіи (активное участіе въ безпорядкахъ 17 и 18 октября). Уроковъ пропущено ученицами женскихъ среднеучебныхъ заведеній—651.691, т. е. на каждую ученицу—42 урока.

Окончили курсъ: 1.404 ученицы, или 11,5%, въ гимназіяхъ; 131 ученица, или 10,3%, въ прогимназіяхъ и 27 ученицъ (10,7%) въ Острожскомъ графа Блудова училищѣ. Въ гимназіяхъ къ концу

¹⁾ А не 34%, какъ показано въ „Отчетѣ“.

учебнаго 1904/5 года въ VII классѣ состояло 1.118 ученицъ, изъ которыхъ испытаніямъ подверглись 1.084 ученицы, или 96,95%; аттестатовъ удостоены 1.028, или 94,8% подвергшихся испытаніямъ, и 8,3% общаго числа учившихся въ гимназіяхъ. Педагогическіе классы окончили 445 ученицъ, или 2,9% всего числа учившихся.

На содержаніе казенныхъ гимназій и прогимназій въ отчетномъ году израсходовано 567.467 р. 53 коп.; главные источники, изъ которыхъ слагалась эта сумма:

Плата за обученіе	356.420 р. 54 к.
Ассигновки государственнаго казначейства	65.776 „ 59 „
Остатки специальныхъ средствъ	65.256 „ 45 „
Земскіе сборы	37.167 „ 50 „ и т. д.

На содержаніе частныхъ гимназій и прогимназій въ отчетномъ году израсходовано 321.887 р. 09½ к. Эта сумма получила главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ источниковъ:

- 1) Изъ сбора за ученіе 278.185 р. 33 к.
- 2) Изъ остатковъ специальныхъ средствъ 6.598 „ 80½ к.
- 3) Изъ государственнаго казначейства 3.000 „ — и т. д.

Такимъ образомъ, какъ казенныя гимназіи и прогимназіи (61,9%), такъ особенно частныя (91,2%) содержатся главнымъ образомъ на счетъ платы за ученіе. Острожское графа Д. Н. Блудова училище содержится главнымъ образомъ на средства государственнаго казначейства (49,4%).

Обученіе одной ученицы въ казенныхъ гимназіяхъ обошлось въ 56 р., въ казенныхъ прогимназіяхъ—43 р. 55 к.; дороже всего обошлось содержаніе въ Ровенской гимназіи—95 р. 85 к. (при 205 ученицахъ) и въ Балтской прогимназіи—58 р. 68 к. (при 141 ученицѣ); дешевле всего въ Кременчугской гимназіи—46 р. (при 662 ученицахъ) и въ Сосновицкой прогимназіи—38 р. 41 к. (при 173 ученицахъ). Стоимость обученія одной ученицы въ частныхъ гимназіяхъ — 72 р. 80 к., а въ прогимназіяхъ 51 р. 20 к.

Общая сумма разнаго рода пособій въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ достигала 37.202 р. 66 к. Пользовались пособиями 1.861 ученица, или 12,5% всѣхъ учащихся.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ о стоимости содержания средне-учебныхъ заведеній видно, что въ среднемъ—содержаніе

одной мужской гимназій	обошлось въ	60.187 р. — к.
” ” прогимн. ” ”	38.761 ” 56 ”
” ” реального училища		41.106 ” 98 ”
” женской гимназій		22.952 ” — ”
” ” прогимн. ” ”		7.905 ” — ”

Николай Виноградовъ.

ЗАВѢЩАНІЕ ВИЗАНТІЙСКАГО БОЯРИНА XI ВѢКА.

(Посвящается памяти В. Г. Васильевского).

О древности Коаленовой рукописи, содержащей „Лѣтвицу“ Іоанна Климаса (Coisl. 263), изъ описанія Монфокона извѣстно было только, что по письму рукопись должна быть отнесена къ XI вѣку (Bibl. Coisl., 306); въ 1888 г. Н. Omont (Inventaire, III 164) открылъ въ ней болѣе точную дату ея появленія—1059 г.—и отмѣтилъ присутствіе въ ней на л. 159—165 завѣщанія нѣкоего протоспаварія Евстаѳія Воилы, тоже 1059 г.; добыть это завѣщаніе и было одной изъ задачъ моей поѣздки въ Парижъ лѣтомъ 1906 года. Уже въ Парижѣ я узналъ, что Omont сдѣлалъ еще въ 1890 г. докладъ объ указанномъ завѣщаніи ¹⁾ въ Société Nationale des antiquaires de France; но онъ лишь отмѣтилъ, что текстъ завѣщанія возбуждаетъ много вопросовъ историческаго и археологическаго характера и заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія; тогда же Омонъ было обѣщано обществу такое изслѣдованіе въ ближайшемъ будущемъ (*Bulletin de la Société Nat. des ant. de Fr.*, 1890, 100—101), но за 15 слишкомъ лѣтъ не сдѣлано имъ попытокъ даже просто издать хотя бы самый текстъ. Между тѣмъ всякому, кто ознакомится съ содержаніемъ завѣщанія Евстаѳія Воилы, станетъ совершенно ясно, что предъ нами историческій памятникъ, представляющій чрезвычайный интересъ: историкъ византійскаго права имѣетъ въ немъ первый и единственный по своей древности образецъ завѣщанія свѣтскаго лица, богатый именно юридическимъ содержаніемъ, а не только бытовымъ или литургическимъ; историкъ языка оцѣнитъ по достоинству присутствіе такихъ особенностей морфологии,

¹⁾ Мѣстонахожденіе документа здѣсь обозначено невѣрно: Coisl. 265.

фонетики и синтаксиса, которыя бросаютъ свѣтъ на исторію *κοινή*; исторія искусства воспользуется тѣмъ матеріаломъ, который заключается въ описаніи церковной утвари и книгъ; равнымъ образомъ для исторіи литературы, крестьянскаго быта и другихъ разнообразныхъ сторонъ жизни Византіи и смежныхъ съ нею народовъ открывается новый и важный источникъ свѣдѣній.

Можно сказать, что текстъ завѣщанія сохранился въ общемъ очень хорошо. Оно помѣщено въ рукописи на лл. 159^a—165^a, а непосредственно передъ нимъ на л. 158^b находится запись писца рукописи: *ἐτελειώθη ἡ πανάρτος Κλίμαξ προστάξει Εὐσταθίου πρωτοπαθαρίου καὶ ὑπάτου τοῦ Βοήλα διὰ χειρὸς ἐμοῦ Θεοδούλου μοναχοῦ καὶ πρεσβυτέρου τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου Σαλήμ, ἀμφότεροι Καππαδόκαι, ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἰσαακίου τοῦ Κομνηνοῦ καὶ πατριάρχου τῆς βασιλέδος Κωνσταντίνου προέδρου καὶ πρωτοβεστιαρίου καὶ Θεοδοσίου Ἀντιοχείας ἔτει ςϞϛ᾽ ἰνδικτιῶνος ἰβ̄ μηνὸς ἀπριλίου δ̄, ὥρα γ̄, τῷ ἀγίῳ καὶ μεγάλῳ σαββάτῳ, καταπάνω Ἐδέσης Ἰωάννου τοῦ Δουκίτζη, δουκῶν Ἀδριανοῦ Ἀντιοχείας, Ἀαρῶν προέδρου καὶ αὐτοῦ δὲ τῆς Αὐγούστης Μεσοποταμίας, Βασιλείου μαγίστρου τοῦ Παραδοῦναβι, Ἰωάννου Μοναστηριότου Ἰβηρίας, Παγκρατίου Βασπρακᾶ καὶ Ἰωάννου χοροπαλάτου καὶ δομεστίκου τῶν σχολῶν τοῦ βασιλέως Κομνηνοῦ.*

Почеркъ завѣщанія не отличается отъ почерка всей рукописи; и, дѣйствительно, въ концѣ его читаемъ въ записи о времени составленія, что писано оно тѣмъ же іеромонахомъ Θεοδουломъ: *ἐγράφη ἡ παροῦσα διατύπωσις... χειρὶ Θεοδούλου μοναχοῦ καὶ πρεσβυτέρου τῆς Θεοτόκου... κατὰ τὴν παροῦσαν ἰβ̄ ἰνδικτιῶνα τῷ ἀπριλίῳ μηνὶ ἔτους ςϞϛ᾽...* Текстъ читается легко, хотя сокращеній довольно много и притомъ встрѣчаются необычныя, и хотя писецъ руководился только произношеніемъ звуковъ: *οι ει η* употребляются безразлично или замѣняются черезъ *ι* или *υ*; точно также *αι = ε*, *ω = ο*, *ευ = εβ* и т. д.; съ другой стороны, *ω = ου* (*ἀνατρέφονται = ἀνατρέφονται*, *τυχῶσιν = τυχοῦσιν*), иногда *θ* бываетъ *τ* (*ἐπαρκήσται = ἐπαρκεῖσθαι*, *βιαστής = βιασθεῖς*, *ἐχαρίστησαν = ἐχαρίσθησαν*), или вмѣсто *ε* бываетъ *η* (*Ἄοστη = Ἄοστε*, *ἐπαντήσθη = ἐπητήθη*), *λεγάτον = ληγάτον*), *βм. χ* бываетъ *κ* и наоборотъ (*Σοτήριχον = Σωτήριχον*, *πάχτου = πάκτου*), *βм. υ* — *ου* (*διάχυσις* и *ἀργυροχρόσοστα*, *Βυζινά* или *Βυζινά = Βουζινά*), *βм. ο* — *ου* (*χερνιβόξεστον = χερνιβόξεστον*, *Ἄφιδουβῶνι* и *Παραβόνι*, *χοροπαλάτου = κουροπαλάτου*), *βм. ι* — *ε* (*ἐξελασμὸν = ἐξιλασμὸν*, *βασιλέδος = βασιλίδος*). Лишь нѣсколько словъ не удалось разобрать. Совершенно пропалъ текстъ на лл. 163^b, 164^a, 164^b по 3—4 строки внизу, да еще можно предполагать пропажу текста на оборванной нижней половинѣ л. 165 послѣ подписи Евстаθία Воилы.

Очень большія трудности представляетъ пониманіе текста, такъ какъ онъ кишитъ самыми вопіющими нарушеніями всѣхъ правилъ этимологіи и синтаксиса, лишень всякой стилистической отдѣлки и, кромѣ многихъ непонятныхъ словъ и выраженій, извѣстныхъ уже изъ другихъ памятниковъ, содержитъ еще и новыя, такія же непонятныя. Во многихъ случаяхъ мнѣ удалось выйти изъ затрудненій только благодаря дружескому содѣйствию А. И. Пападопуло-Керамевса, Н. Я. Марра и Н. Г. Адонца; но не мало остается еще такихъ мѣстъ, которыя могутъ быть разъяснены специалистами только тогда, когда у нихъ будетъ подъ руками надежный печатный текстъ завѣщанія.

I.

Съ изданія текста завѣщанія я и начинаю теперь свою работу. При печатаніи представлялось необходимымъ сохранить всѣ сколько-нибудь важныя особенности ореографіи оригинала, чтобы не исказить малѣйшихъ подробностей его содержанія; въ то же время, избѣгая излишествъ въ этомъ направленіи, не менѣе необходимо было и облегчить читателю пониманіе текста. Поэтому 1) принята грамматически обычная ореографія для формъ, согласныхъ по произношенію съ ореографіей подлинника, а въ выноскахъ указываются только тѣ написанія, которыя могутъ вызвать сомнѣніе или возбудить интересъ; 2) введены заглавныя буквы, современная пунктуация и раздѣленіе сплошного въ рукописи текста на части; 3) буквы и слова неразборчиво написанныя или пропавшія или ставятся мною въ прямыя скобки [], если восполняются по догадкѣ, или замѣняются косыми чертами по числу буквъ, а когда число пропавшихъ буквъ очень велико, то въ прямыхъ скобкахъ словами указывается размѣръ пропавш; 4) добавленія, принадлежащія мнѣ, поставлены въ угловатая скобки < >.

Л. 159^а. Ὅσα ¹⁾ τῆ γνώμῃ εὐρεία καὶ ἀωρία ²⁾ παρέχοντος μου τοῦ χρόνου ἀπεριέργως τὰ κατ' ἐμὲ ἠθέλησα διατίθεσθαι ³⁾ τοιγαροῦν κομιδῇ
 //πιοс τῶν πρᾶ πο//δων ὁ μεμονάσθαι προγεγονότας καὶ παραλλη-
 λυθότας εἰς οὐδὲ τῆς θέ ἐνφορηθεῖς εἰς ἀμαθρὰν μνήμην τὸν σοῦν
 5 ἐπιχωριάζειν· ὅσα δὲ μοι δυσχερίαν ἀνωμαλία παρέστησεν τῶν και-

¹⁾ Ὅσση.

²⁾ ἀωρία.

³⁾ διατίθεσθαι.

ρῶν, οὐ δύναμαί πως διηγῆσασθαι· τοσοῦτον γάρ ἐπηντλήθην ¹⁾
 ταῖς συμφοραῖς καὶ ταῖς ἀλλεπαλλήλαις τῶν κυμάτων βίας περι-
 κλεισθεῖς, ὡς μετανάστης τῆς ἐνεγκαμένης γενέσθαι καὶ ὑπερόριος τῆς
 5 πατρίδος καὶ ἔκδημος εἰς μῆκος ἡμερῶν διαβάς ἐβδομάδα καὶ ἡμῖς.
 συμπαροικήσας δὲ ἔθνεσιν ἀλλοτρίοις θρησκεία καὶ γλώττη διαφερόν-
 των, ἀντιληπτικωτάτοις ἐντυχῶν πτέρυξιν Μιχαὴλ τῷ λαμπροτάτῳ
 καὶ περιβοητῷ δουκί, ὃς ²⁾ ἐπὶ τοῖς ἑ καὶ δέκα ὑπουργήσας ³⁾ αὐτῷ χρό-
 νοῖς ταῖς βασιλικαῖς λειτουργῶν προστάγμασιν αὐτῶν, ὁκτῶ δὲ πρὸς
 10 τούτοις χρόνοις ὕλως ἡρεμήσας, αὐτοῦ μὲν τὸν βίον καλῶς ⁴⁾ ἐκμετρή-
 σατο· ἐμοὶ δὲ κατὰ παντὸς τρόπου τὰ νικητήρια ἐν πᾶσι [τοῦ βίου?]
 τὴν ἐλευθερίαν ἐπιβραβεύσας ὁ λαμπρότατος μάγιστρος καὶ μεγαλο-
 δοξότατος υἱὸς αὐτοῦ ἀντιληπτικαῖς περιέθλιψεν εὐπραγίαις. ἀλλὰ τὸ
 ἐπιχειρῆμενον τῆς ψυχῆς ἄχθος οὐχὶ ὥστε ἡμῖν ἀπομαθεῖν, ἀλλ' ἔτρε-
 15 χον ἦδη πρὸς τὴν μετάνοιαν καὶ εἰς ἀφορμὴν τὰ περιλειφθέντα ⁵⁾ μοι
 τοῦ βίου κατασκοπήσας τὴν παντέφορον δίκην ἐπιρρίψας τὸ πᾶν, ἀρχὴν
 τοῦ λόγου καὶ τέλος τὴν τριάδα ποιούμενος·

ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος,
 Εὐστάθιος· πρωτοσπαθιάριος ἐπὶ τοῦ χρυσοτρικλίνου καὶ ὑπατος, τὴν
 20 παροῦσαν ἔγγραφον καὶ ἐνυπόγραφον μουσικὴν διατύπωσιν τίθημι καὶ
 ποιῶ καὶ πράττω ἐκουσία τῇ γνώμῃ καὶ ἀπεριέργῳ βουλῇ καὶ οὐκ
 ἔκ τινος ἀνάγκης ἢ βίας ἢ χλεύης ἢ ἀπάτης ἢ ῥαδιουργίας ἢ
 φάκτου ἀγνοίας ἢ δελεασμοῦ ἢ προσποιήσεως, μᾶλλον μὲν οὖν σὺν
 προθυμίᾳ πάσῃ καὶ ὀλοφύχῳ προθέσει ζῶν καὶ φρονῶν, εὖ πράττων,
 ὑγιαίνων, καὶ τὸν νοῦν ἐρρωμένον ἔχων, καὶ πάντα τὰ φρενητικὰ
 30 Α. 159^b. αἰσθητήρια ὡς εἰκὼς | διαχειόμενος· ἐπειδὴ ἐξ ἀρχῆς καὶ ἄνωθεν τῆς
 ἐλευθέρας γέγονα τύχης καὶ υἱοῦς φύσεως ὀρθόδοξός τε κατὰ πάντα
 κατὰ τὸν θεσμὸν καὶ ὄρον τῶν ἁγίων καὶ οἰκουμενικῶν Ἱ συνόδων, μὴ
 ἐπεισελθὼν μέχρι καὶ τήμερον εἰς δημοσιακὰ καὶ ὑποχρέας τινὰς
 ἀφορμάς, ὡς ὑπεύθυνον γενέσθαι με τινὸς ἐνοχῆς, ἀλλ' ἐλευθέρων
 βίον ἔχειν με καὶ ἀπεριέργον μέχρι τοῦ νῦν, μόνης τῆς τοῦ φιλαν-
 θρώπου προνοίας καὶ βασιλικῆς καὶ θείας χειρὸς καὶ τῶν ἀμετρήτων
 ἀγαθῶν καὶ εὐεργεσιῶν τοῦ προμνημονευθέντος τοῦ μακαρίτου κυροῦ
 καὶ αὐθέντου μου δουκός, μετ' αὐτὸν ὅσα ἐνδείξεται καὶ εἰσπράξεται
 ὁ λαμπρότατος μάγιστρος καὶ διάδοχος κυρὸς Βασιλείος ὁ υἱὸς αὐτοῦ.

¹⁾ ἐπεντλήσθη.

²⁾ ὡς.

³⁾ υποπεργίας.

⁴⁾ καλλῶς.

⁵⁾ περιλειφθέντα.

ἄποικος γάρ μετὰ τὸ συνοικῆσαι μετὴν νόμιμόν μου γαμετὴν τῇ ἐν
 ὀσίᾳ τῇ μνήμῃ Ἄννη μεταναστὰς τῆς πατρίδος καὶ εἰς <τὴν> νῦν πα-
 ροικοεπιδημήσας χώραν μεθ' ὧσων παρεφυλάχθησάν μοι χρημάτων καὶ
 ὅσον νῦν ἐξ ἀγαθοῦ πόρου συνεστησάμην, καὶ ἅπερ μοι ἐχαρίσθησαν
 5 τέκνα θυγάτρια δύο καὶ ἄρρεν ἓν· καὶ ὁ μὲν υἱὸς τὸν τρίτον μόνον
 πληρώσας ἐνἑαυτὸν τοῦ βίου μετέστην κατὰ τὴν ζ' ἰνδικτιῶνα, κατὰ
 δὲ τὴν εἰσοδὸν τῆς η' ἰνδικτιῶνος καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ, ἐμοὶ δὲ σύμ-
 βιος, τῷ μοναχικῷ σχήματι ἀποχειραμένη θεοῦ προνοίᾳ ἐπηκολούθη-
 10 σεν τῷ παιδί, καταλιπούσα ¹⁾ ταῖς δυοὶ θυγατράσιν καὶ τὸν ἅπαντα
 βίον ἐμέ. καὶ ταύτας μέχρι τῆς διῦππευούσης ἰβ' ἰνδικτιῶνος ἐπώπτευον,
 καθὼς ἡ τοῦ θεοῦ ἄρρητος παρεῖχεν ῥοπή, καὶ ἐπὶ τούτοις τὴν τοῦ
 θανάτου μνήμην νύττιντά με διηνεκῶς ἔχω<ν> καὶ τὸ ἄωρον καὶ ἀπρο-
 δόκητον ἔχων πρὸ ὀφθαλμῶν τὰ κατ' ἐμέ ἡθέλησα διατάξασθαι. καὶ
 15 πρῶτον μὲν εἰς ὑψηλότερας καὶ κρείττονας φροντίδας ἤμην, (ὦν ²⁾) ὁ θεὸς
 μνημονεύεται καὶ ψυχὴ πρὸς τὸ ἀρχέτυπον καὶ θεῖψ φουσήματι τὰς
 ἐμφάσεις ἐμφέρουσα, σῶμα δὲ τῆς ἡδονῆς ἐκτρέφεται τὰ κινήματα·
 ἦν ἐκκλησίαν καὶ ναὸν θεοῦ καὶ τῆς θεομήτορος οἶδεν ὁ λόγος· καὶ
 20 **II. 160^a**· γάρ κατὰ τὴν πρώτην τῆς | παρούσης μου προσκλιτεύσεως ἀφίξιν τε
 καὶ παροικίαν μου δυσώδη καὶ δυσχερῆ τὸν παρόντα τύπον παραλα-
 βῶν, ὄφρων καὶ σκορπιῶν καὶ ἀγρίων θηρίων διαίτημα, ὡς μήτε τοῖς
 ἀντικρὺς ἐνοικήσαντα Ἀρμενίους παρὰ μικρὸν εἶν ³⁾ ἡρεμαῖν· τὸ δὲ εἰ
 συνεχόμενους ὡς ἀνεπίβιατον τοῖς πολλοῖς εἶναι καὶ ἄγνωστον πελέκει
 καὶ πυρὶ κατατεφρώσας, ὡς ὁ ψαλμός, ἐν αὐτῷ τὸ οἶκημα καὶ τὸν
 25 θεῖον ναὸν ἐκ βαράθρων δειμάμενος, λειμῶνάς τε παραδείσους, ἀμπε-
 λῶνας, κήπους, ὄχετούς, γήδια, ὑδρομύλους ζῶα ⁴⁾ πρὸς τὴν χρείαν
 καὶ ἀναγκαῖα καὶ εὐχρηστα· ὡσαύτως καὶ τὸ κτῆμά μου τὸ Βουζινά ἐξ
 ἀπόρων καλλιεργήσας μονίδιον αὐτὸ πλήρες τυγχάνοντα, ἔτι δὲ καὶ τὸ
 χωρίον Ἰσαίου ἔρημον ὄντα καὶ ἀπορον· πλὴν τὸ τοῦ Τζαλημᾶ μονί-
 30 διον· ὡσαύτως καὶ τὸ χωρίον τὸ Οὐζίκη καὶ τὸ Χουспаκράτι καὶ τὸ
 χωρίον τοῦ Κοπτερίου καὶ τὸ χωρίον τὸ Ὀφιδοβούνη καὶ τὰ Κουσνέ-
 ρια, ἔρημα ὄντα πρὸ χρόνου καὶ ἄοικα, μετὰ πολλῶν ἐξόδων καὶ ἀνι-
 λωμάτων βελτιῶσαι συνεστησάμην. καὶ τὸ μὲν χωρίον τοῦ Οὐζίκη δέ-
 δωκα πρὸς τινὰς οὖς δέδωκα κληρονόμους, ἐπίδους καὶ τὸ πρατήριον
 χάρτιον· τὸ δὲ χωρίον τὸ Κοπτερίου καὶ τὸ Χουспаκράτη δέδωκα πρὸς

¹⁾ καταλυτόν.

²⁾ κρείττονος φροντίδος ἡμῖν ἐν.

³⁾ εἶν.

⁴⁾ ζῶσα.

- Χριστοφόρον καὶ Γεώργιον τοῖς ¹⁾ αὐταδέλφοις καὶ ὄρφανοῖς καὶ τὸν
 ἐξάδελφον αὐτῶν ἀπόρους καὶ ὄρφανούς· τὸ δὲ χωρίον τὸ Ὀφιδοβοῦνι
 καὶ τὰ Κουσένια σὺν τῷ Καλμουχῇ ἐπιζητηθὲν παρὰ τοῦ μακαριω-
 5 τάτου δουκὸς καὶ αὐθέντου μου εἰς χρῆσιν δι' ἐγγράφου δέδωκα ἀσφα-
 λείας· τὸ δὲ προάστειον τοῦ Βαρτᾶ ὡς παρέλαβον αὐτὸ οὐδὲν ἐπιβελ-
 τιώσας δέδωκα πρὸς τὸν λαμπρότατον μάγιστρον κυρὸν Βασίλειον εἰς
 πρᾶσιν βιασθεῖς ²⁾, μηδὲν ὑπὲρ τιμήματος ἀπολαβῶν, καθὰ δὴ καὶ ὑπὲρ
 10 ἑτέρων χρεῶν ἐπιφέρων ἐγγράφας ἀποδείξεις τοῦ λαμπροτάτου μα-
 γίστρου καὶ τοῦ μακαρίτου δουκὸς καὶ τῆς μακαριωτάτης δούκαινας
 τῶν κυρίων μου μέχρι τῶν εἴκοσι πέντε λιτρῶν, μηδὲν ἐξ αὐτῶν ἀπο-
 λαβῶν· καὶ περὶ τούτων ὡς ἡ τοῦ θεοῦ παντέφορος πρόνοια φορηθῆ
 καὶ δικάσῃται· μάρτυς γάρ ὁ καρδιογνώστης θεός, οὐδὲν ἑμαυτὸν συ-
 νείδον δολιευσάμενον εἴτε πανουργευσάμενον κατ' αὐτοῦ ἢ τῶν παίδων
 15 καὶ αὐθεντοπούλων μου μέχρι τοῦ παρόντος, μοχθηρὸς φανείς ἢ σι-
 κοφαντία τινα ἐπινοήσας ἢ γράψας, ἀλλὰ ἀδόλως καὶ ἀπεριέργως μέχρι
 καὶ θανάτου μου ὑπὲρ αὐτῶν ἀγωνισάμενος, μεγάλα καὶ δυσέλπιστα
 διορθωσάμενος πράγματα τῇ τοῦ παντοδυνάμου θεοῦ ἡμῶν χάριτι, τῇ
 ἐνεργείᾳ τοῦ ἀηττήτου σταυροῦ καὶ τῇ ἀντιλήψει τῆς θεοτόκου μου,
 καίπερ πολλὰ καὶ δυσχερῆ καὶ δεινὰ παρ' αὐτῶν καὶ δι' αὐτῶν διε-
 20 βλήθη καὶ μέχρι τῆς ζωῆς ἐπιβουλευθείς· ἀλλὰ τὴν τοῦ ἀλαθῆτου
 ὀφθαλμοῦ ἐκδεχόμενος ἀμοιβὴν οὐδὲν περὶ τούτου ἰλυγγίασα.
 τὰ δὲ καταλειφθέντα ³⁾ μοι κτήματα καὶ προάστεια τέσσαρα τὸ
 μὲν Ταντζούτην ἤτοι τοῦ Σαλήμ σὺν τοῖς ὄρεινοις δέδωκα εἰς προῖκαν
 τὴν πρώτην καὶ γνησίαν μου θυγατέραν Εἰρήνην καὶ τὸν σύνευνον
 25 αὐτῆς, καθὼς διορίζει ἀναμεταξὺ τῆς διακρατουμένης παρ' ἐμοῦ γῆς
 ὑπάδρου καὶ ἀνύδρου· τοῦ τε ὄλου πάχτου τοῦ προαστείου τῶν ὀγδοή-
 κοντα νομισμάτων καὶ τοῦ ἐννομίου ἄνευ τῶν τεσσάρων ζευγοτοπίων
 τῶν ἀποχαρισθέντων εἰς κλῆρον καὶ λεγᾶτον τῶν ἀπελευθέρων μου,
 καθὼς παρ' αὐτῶν δεσπόζονται. τὴν δὲ δεσποτείαν τῶν ὀγδοήκοντα
 30 νομισμάτων καὶ τῆς νομῆς καὶ τῆς δεσποτικῆς ὄλης γῆς ἵνα ἔχη ἡ
 αὐτὴ μου θυγατέρα λόγου πατρῶου κλήρου καὶ προικὸς αὐτῆς τῶν
 τριάκοντα λιτρῶν, μετ' ὧν καὶ προεἴληφεν κινητὰ καὶ αὐτοκίνητα καὶ
 εὐκίνητα πράγματα, τὰ μὲν λάθρα τὰ δὲ καὶ παρρησία, ἀπὸ τε ψυ-
 χαρίων ἀσημίων βλατίων καὶ κτηνῶν, καὶ ἔχειν ταῦτα πάντα μετ'
 35 εὐλογίας καὶ θελήσεώς μου καὶ διαιτᾶσθαι ἐν τῷ οἴκῳ μου, ἐν εὐσε-

¹⁾ переправл. назъ τούς.

²⁾ βιαστῆς.

³⁾ καταληφθέντα.

- βεία καὶ ὀρθοδόξῳ πίστει πολιτευόμενοι ¹⁾), ὑποκείμενοι καὶ τὸν κανονιζόμενον καὶ βασιλικὸν κῆνσον, ὅθεν ὀφείλεται· τὴν δὲ αὐταδέλφην αὐτῆς καὶ γνησίαν μου θυγατέραν Μαρίαν δέδωκα ὑπὲρ προικὸς διὰ τε κινήτων καὶ αὐτοκινήτων καὶ εὐκινήτων πραγμάτων ἧγγουν ψυχαρίων ἀσημίων βλατίων καὶ κτηνῶν λίτρας δέκα· καὶ ἀναπληρῶσαι ταύτην βουλόμενος ἀναλόγως τῶν τριάκοντα λιτρῶν τῆς προικὸς καὶ τοῦ κλήρου τῆς ἀδελφῆς αὐτῆς, δέδωκα τὸ ἥμισυ τοῦ κτήματός μου Βουζινὰ καὶ ἔχειν ἀμφοτέρω ὑπὲρ προικὸς καὶ λόγου τοῦ πατρῷου κλήρου ποσούμενα λίτραις τριάκοντα· τὸ δὲ ἕτερον ἥμισυ τοῦ αὐτοῦ μου
- 5
- Л. 161^а. κτήματός μου καταλιμπάνω πρὸς τὸν ναὸν τῆς Θεοτόκου μου, ὃν ²⁾ ἐδειμάμην ἐκ βαράθρων εἰς τελείαν καὶ ἀναφαιρέτον δεσποτείαν λόγου προνοίας τῶν ἐκδουλευόντων ἐν αὐτῇ κληρικῶν, ὑπὲρ μὲν ῥόγας τῶν ἱερέων καὶ διακόνων εἴκοσι ἕξ καὶ λόγου φωταψίας δώδεκα· εἰς τε τὸν ναὸν τῆς ἀγίας μάρτυρος Βαρβάρας, τὸν καὶ εἰς κοιμητήριον
- 15
- ὄντα τῆς τε γνησίας μου μητρὸς καὶ τοῦ παιδὸς μου Ῥωμανοῦ καὶ τῆς συμβίου μου καὶ ἐμοῦ τοῦ ἀθλίου καὶ ἀναξίου χρηματίσαντος, εἰς λειτουργίας καὶ μνημόσυνα τοῦ τε τοῦ ναοῦ καὶ τῶν κηδεῶν ³⁾ δώδεκα· καὶ ἀπὸ τοῦ χωρίου μου τοῦ Παραβουίνου σίτου μόδια διακόσια καὶ οἴνου λίτρας χιλίας καὶ ὡσπερ εαζυπόρας κατὰ τὴν τοῦ θεοῦ οικονομίαν· τὸ δὲ χωρίον τοῦ Ἰσαίου δέδωκα ἀντὶ τῶν πέντε λιτρῶν Μιχαήλ τὸν γανπρόν μου.
- 20
- εἰ δὲ καὶ θεοῦ χάριτι καὶ διὰ πρεσβείων τῆς Θεοτόκου μου ὁμονοήσουσιν αἱ ⁴⁾ δύο μου θυγατέρες καὶ οἱ γαμπροὶ ἐν εἰρήνῃ καὶ στοργῇ διακείμενοι καὶ ἐπὶ τὸ αὐτὸ κατοικοῦσιν ἐν τῷ οἴκῳ μου ἐνώπιον τῆς
- 25
- Θεοτόκου, ἵνα ἔχουσιν ἐπίσης καὶ τὴν ἀπασάν μου ὑπόστασιν κινήτην καὶ αὐτοκίνητον καὶ ἀκίνητον περιουσίαν.
- τὰ μὲν οἰκετικὰ πρόσωπα καθὼς προεδωρήθησαν παρ' ἐμοῦ καὶ γνωρίζεται ἐκάστοις ἢ μοῖρα καὶ πραγματικὰ εἶδη ὡς ἐγνωρίσθησαν. λογάριον δὲ οὔτε ἐκτησάμην ποτὲ οὔτε κατέλιπον ἐνός καὶ μόνου νομίσματος, ἀλλ' ὁ εὐεργετῶν θεὸς καθὼς εἰσοδιάζει ⁵⁾ καὶ ἐξωδιάζειν.
- 30
- ἀλλ' οὐδὲ ἐτέρῳ τινὶ κατέλιπον μέγρι ἐνός νομίσματος εἴτε διάφορα ἀποκείμενα πράγματα, πλὴν τῶν ἱερῶν καὶ ἁγίων σκευῶν τὰ πρὸ πολλοῦ καὶ χρόνου ἀφιερωθέντα παρ' ἐμοῦ ἐν τῷ ἰδρυθέντι παρ' ἐμοῦ

¹⁾ πολιτευόμενος, но ос перебранн. въ гс.

²⁾ ὦ.

³⁾ κειδίων.

⁴⁾ ἡ.

⁵⁾ ἡσοδιάζειν.

πανσέπτῳ ναῶ, ἤγουν ὁ τίμιος σταυρὸς διάχρυσος χυμευτὰς ἔχων εἰκό-
 νας, βλεμία ἔξ, καὶ ἕτερος σταυρὸς λιτανικὸς ἀργυροέγκαιστος ἔχων
 ἐκτυπώματα. καὶ μικρὸς σταυρὸς ἀργυρὸς. σκευὴ δὲ ἱερά· δισκοποτή-
 ρην, ἡΐμός, ἀστερίσκος, λαβίδες δύο, δίσκος ¹⁾, ἕτερος βαθύς, θυμιατοκά-
 5 νην, ἀμφοτέρα ἀργυρᾶ χρυσοέγκαιστα. κυθροκανδήλια ²⁾ ἀναβιβάζόμενα·
 τὰ ἀναλωθέντα εἰς ἀμφοτέρα τριακόσια. ἕτερον δισκοποτήρην ξύλινον
 μὲ τὴν ἀποσκευὴν αὐτῶν, ἤγουν ἐγχείρια βλατένια καὶ ποτηροκαλύμ-
 ματα ἔξ· ἀναφοραὶ τρεῖς καὶ φλάμυλον περσικον λευκοπράσινον καὶ
 σπονδηγήτην· στολὰς ἱερέων πέντε καὶ φελόνια, τὰ μὲν δύο φελό-
 10 νια μαύρα, τὰ δὲ ἕτερα τέσσαρα λευκά, καὶ ἕτερον πορφυρόν, ὅπερ
 ἔκροψεν ὁ Νικόλας. ὁμοῦ φελόνια ἑπτὰ μὲ τὰ ἐπιτραγήλια καὶ ἐπι-
 ζωνίων· ὠμόφορα δύο· ἐγχείρια μεγάλα ὀλομέταξα τέσσαρα· τραπεζό-
 φρον σαραμάγκην ὀξύν, ἔχων σταυροὺς μὲ τὰ γράμματα· ἕτερον χάσ-
 15 διον ἱαστόν καὶ φουφούδην καὶ λευκόν. ἕτερα σκευὴ ἀργυρᾶ χρυσοέγ-
 καυστα, ἀργυροκάντηλον καὶ καμπρίτζια γέμοντα λείψανα ἅγια. εἰκόνες
 διάχρυσες ἔγκαιστες ὀκτώ, ἤγουν ἡ σταύρωσις ὀλοκάνονος δίδυρον, ὁ
 ἅγιος Γεώργιος σκουτάρην, ὁ ἅγιος Θεόδωρος σὺν τοῦ ἁγίου Γεωρ-
 γίου, καὶ θεοτοκίτζην μικρόν, καὶ ὁ ἅγιος Βασίλειος, θεοτόκια δύο
 20 μεγάλα καὶ ἡ σταύρωσις σκουτάρην, ὁμοῦ ἡ ἕτερες εἰκόνες σαρούτια
 δώδεκα, ἡλιογραφίαι χρυσῆς διάφορες τριάκοντα, ἔχοντας δεσποτικὰς
 ἐορτὰς καὶ διαφόρων ἁγίων· ἕτερες μικρὰς δέκα διαφόρων ἁγίων καὶ
 διπλωταὶ ἐν τῷ ἔμα ὀκτώ· καὶ ἕτεροι δύο· μανουᾶλια γαλκᾶ δύο καὶ
 σιδερᾶ πέντε· φωτοδ[όχιν] μικρόν ἐν, παλάμαι δύο ὀκτάφωτες, πο-
 25 λυκάντηλα μὲ τὰς ἀβίνας ἔξ, καὶ χότα τέσσαρα μὲ τὰ σμυρνίδια, θυ-
 ματὰ δύο.

βιβλία διάφορα· ὁ πολυτίμητος μᾶλλον ὁ ἀτίμητός μου θησαυρός,
 τὸ ἱερόν καὶ ἅγιον Εὐαγγέλιον, χρυσοῦ γραφον διόλου, χρυσαῆς ἱστορίας
 ἔχων τοὺς τέσσαρας εὐαγγελιστὰς μετὰ χυμευτῶν ἐξεμπλίων, ἱαστόρην
 ἐνδομα ἔξ ἐπίπλεκτα ἀργυροχρούσωτα· κονιοθελικό ἐστίν, ἔπειτα [τὰ
 30 γρ]άμματα ἐνίστορα καὶ ἡ ἁγία ἐορτὴ τῆς γεννήσεως· διάχρυσσα μικρο-
 κού(μβια) ³⁾ δὲ ὀγδοήκοντα ἐννέα. ὁμοίως καὶ ἕτερον Εὐαγγέλιον μεμ-
 βράνινον· τετραβάγγελον μικρόν λεφανά[τον] ⁴⁾, πτωχὸν βιβλίον· ἕτερον
 τῶν τεσσάρων εὐαγγελιστῶν τὴν ἐρμηνείαν· καὶ τοῦ δρόμου βιβλίον μικρόν

¹⁾ δισκός.

²⁾ Слово κυθροκανδήλια подписано киноварью надъ строкой.

³⁾ Не дописано, можетъ быть, потому, что писцу пришлось переносить на дру-
 гую строку.

⁴⁾ λεφανᾶ?

Πραξεπόστολος· και ἕτερον μέγα τὸ σχῆμα ¹⁾ σὺν τοῦ Λειμωναρίου.
 Γενησποαρομιάι σὺν τῆς προφητείας· και ἕτερον η////φος βιβλίον
 μέγα ἢ Πεντάτευχος και τὰ Βασιλεια δύο· ὁ Παντέχτης· βιβλίον
 'Εορτολόγιον ἐν· Κονταχάρια τρία· βιβλίον μέγα, εἰς τὸν <Ἄν>τίπα δύο
 Π. 162^α. λόγοι και τὸν βίον του· ἕτερον ὁ Δαμασκηνός· ἔχον και τοῦ Θεολόγου
 τὰ ἔπη· ἕτερον ἢ Μέλισσα· τὸ Πανάριον· Ψαλτήρην ἐν μὲ τὴν ἐρ-
 μηνία· [Στιχ]ηρὸν ἐν και Στιχολόγια δύο· Μεταφράσεις βιβλία τέσσαρα·
 Συναξάρια δύο ἔχοντα και διαφόρους ἀναγνώσεις· βιβλίον 'Ἐκλογίδην
 και ἕτερον ἔχοντα λόγους διαφόρους· ἕτερον ἔχον τὰ Πέρσικα και
 10 διάφορα· ἕτερον τοῦ 'Αρχιστρατήγου· βιβλία τρία τὰ 'Ἠθικά τοῦ Χρυ-
 σοστόμου· 'Ἐξαήμερος τοῦ ἀγίου Βασιλείου και τετράδια τοῦ Χρυσ-
 στόμου· τὰ 'Αντιρρήτικὰ τοῦ μεγάλου Βασιλείου, τετράδια ἰ ἔξ. 'Ἐξη-
 γηταί· τὸ Συνοδικὸ τῆς Χαλκεδόνας· ὁ 'Οδηγός· Κανονικὸν ἐν· ἕτε-
 ρον Κανονικὸν ἔχον τὴν Παλαιὰν και Νέαν ἐν ἐπιτομῇ· ὁ Νόμος· ὁ
 15 'Αλέξανδρος· ἢ Δευκίπι· 'Ονειροκρίτης· τῶν δώδεκα πατριαρχῶν· ὁ
 Αἴσωπος· ὁ Πισίδης· ὁ Μαλεηνός· ὁ Νήφων· ὁ Φίλων· Κλήμακες
 δύο· Χρονογράφοι δύο· 'Ἐπανηκτήρην· 'Ερωτήματα τῆς γραμματικῆς·
 ἕτερον Πατερικόν· Ἐιρμολόγια δύο· ἢ Πεντάβιβλος· 'Οκταῆχοι πέντε·
 Στιχηράρια δύο ἰδιόμελα· Τριψῆδιον· Μηναῖα ἕξ· ἀνάλοιπον τοῦ Χρυ-
 σοστόμου· ἕτερον ἐρωτήματα ἔχον και τὰς ἐπιστολάς τοῦ ἀγίου 'Ισι-
 δώρου τοῦ Πηλοσιότου, χερνιβούξεστον και μινσάρην.
 και ταῦτα μὲν ἀφιέρωνται ἐν τῷ ἀγίῳ ναῶ, ἵνα δὲ ἔχουσιν τὴν
 χρῆσιν και τὴν δεσποτείαν αἱ δύο μου θυγατέρες ²⁾ εἰς ψάλλειν εἰς
 ἀναγινώσκειν και ἐκμανθάνειν, οὐ μὴν δὲ ἐκποιούνται εἰς ἕτερα πρό-
 25 σωπα· πλὴν τῇ θελήσει και συναινέσει τῶν κληρικῶν χρᾶσθαι ταῦτα
 ὡς δεῖ και ὅταν δεῖ και ὅπου δεῖ, ὡσαύτως και τὴν δεσποτείαν τῶν
 τεσσάρων μου κτημάτων, ἐὰν καλῶς ἐκπληρώσουν τὰ παρ' ἐμοῦ δια-
 τεταγμένα, καθὼς ἀνωτέρω εἴρηται (περὶ τούτων γὰρ πλατύτερον ἐν
 διαφόροις ὑπηγόρευσα τόποις). ἔχειν αὐτά· τὰ δύο μου θυγάτρια τὴν
 30 τούτων δεσποτείαν, ἐπίσης τοῦ τε Σαλήμ, τοῦ Βυζινᾶ, τοῦ 'Ισαίου
 και τοῦ Παραβόνι, ἐὰν φιλικῶς και εἰρηναιᾶ διάγουσιν· ποιεῖν δὲ ἐξ
 ἴσου τὰς ἑορτάς και τὰ μνημόσυνα και τὴν ὄλην πρόνοιαν τοῦ ναοῦ
 και τῶν κληρικῶν και τῆς ἐμῆς ἀθλίας και ταλαιπώρου ψυχῆς, τὰς μὲν
 ἀγίας ἑορτάς οὕτως· τὰ ἐπιλόγια τῆς θεοτόκου, τὴν κοιμήσιν, και
 35 τὴν ὕψωσιν τοῦ ζωηφόρου σταυροῦ και τὰ εἰσόδια, μνημόσυνα δὲ εἰς
 τὰς πέντε νοεμβρίου τῶν γεννητόρων μου και εἰς τὰς κς̄ σεπτεμβρίου τῆς

¹⁾ γῆμα.

²⁾ θυγατέρες.

- οσίας συμβίου μου. καὶ κατὰ προσθήκην, εἴ τι ὁ θεὸς ἐνδοναμώσει· καὶ
 τὰς τρεῖς ἀγίας τεσσαρακοστὰς φυλάττειν κατὰ ἀκρίβειαν, τὴν τε μεγάλην
 καὶ τῶν ἀγίων ἀποστόλων καὶ τῶν Χριστουγέννων, καὶ τὰς ἀγίας
 5 τετραδοπαρασκευάδας, ἄνευ τῆς πασχαλίας καὶ τοῦ δωδεκαημέρου κατὰ
 τὴν παράδοσιν τῶν ἑπτὰ οἰκουμηνικῶν συνόδων. πρὸς δὲ τὸ ἀλήκτως
 εἶναι τὰς αὐτὰς μνήμας βούλομαι καὶ ἀσκαντάλιστον καὶ ἀνενόχλητον
 τὴν τοῦ πανσέπτου ναοῦ ὑπηρεσίαν τὴν ἀπὸ τοῦ ἐλευθέρου κτήματός
 μου ἔβηκα πρόνοιαν. καὶ εἰ μὲν ἀσμένως καὶ ὑγιῶς ἐκπληρῶσιν ταῦτα
 οἱ παῖδες καὶ κληρονόμοι μου, ἔστωσαν κύριοι καὶ δεσπόται ὅλης τῆς
 10 ὑποστάσεώς μου· εἰ δὲ περὶ ταῦτα ὀκλάσωσιν ἢ ῥαθυμῆσωσιν οἱ αὐτοὶ
 κατοχοὶ μου κληρονόμοι, ἵνα ἔχουσιν τὴν δεσποτείαν τοῦ οἴκου μου
 τοῦ Σαλήμ, τοῦ Ἰσαίου, τοῦ Παραβονίου, τὸ δὲ κτῆμα μου τοῦ Βου-
 ζινᾶ ἔστω εἰς ἀντίληψιν τῶν κληρικῶν καὶ τῆς φωταψίας τῶν οὐο
 ναῶν, ὡς προεῖρηται.
- 15 τὰ δὲ οἰκογενῆ καὶ ὄντα οἰκετικά μου πρόσωπα πρὸ χρόνων ἐποιησά-
 μην φροντίδα καὶ ἡλευθέρωσα πάντα καὶ ἐληγάτευσα (καὶ τὰ μὲν
 προετελεύτησαν, τὰ δὲ ἕως τοῦ νῦν σφῆζονται), ἵνα εἰσὶν ἐλεύθερα παν-
- 20 J. 163^a. τελεύθερα καὶ πολῖται Ῥωμαίων κατὰ τοὺς κωδικίλους αὐτῶν· ἔχειν
 δὲ καὶ τὰ δοθέντα αὐτοῦς ζευγοτόπια ἐλεύθερα παντελεύθερα ἐπὶ διη-
 νεχεῖς χρόνους, ἐν πρώτοις μὲν τὸν Κυριακόν, ὡς συνανατραφέντα μοι
 καὶ πολλὰ κοπιάσαντα ἐν πάσαις μου ταῖς περιόδοις, ἐκδούς αὐτῷ
 ἐλευθέραν γαμετὴν τὴν αὐταδέλφην τοῦ μοναχοῦ καὶ πρεσβυτέρου
 Κλήμεντος, ἐκτελέσας ἐπ' αὐτῷ τὰ νενομοσμένα τοῦ γάμου, ληγα-
 25 τεύσας αὐτὸν κατὰ τῆς μεγάλης μου ἀρρώστιας ιε' καὶ εἶδος ὃ τι ἂν
 ἐπεκέχτητο προσφορέσιόν τε καὶ ἐγχοίτιον· κατὰ δὲ τὴν ζ' ἰνδικτιῶνα
 ἕτερα ι', καὶ πρὸς τὰ τέλη μου, ἐπεὶ ¹⁾ τὸν υἱὸν αὐτοῦ Κωνσταντῖνον
 εἰς τὴν Θεοτόκον ἐκλήρωσα, καταλιμπάνω αὐτὸν ι'. ὡσαύτως καὶ τὴν
 θεραπαινίδα μου Σεμνή<ν> διὰ πρώτης καὶ δευτέρας φορᾶς ληγατεύσας
 καὶ τὸν υἱὸν αὐτῆς Βασίλειον γυναῖκα ἐκδούς, τῷ τῆς ἱερωσύνης ἐτί-
 30 μῃσα ἀξιώματι, καταλιμπάνω αὐτὸν ἐλεύθερον ζευγοτόπην καὶ ι'. ἔτι
 δὲ τὴν Σοφίαν καὶ τὴν Μαρίτζαν τὰς αὐταδέλφας καὶ τοὺς ἄνδρας
 αὐτῶν καὶ τὰ τέκνα αὐτῶν ἐλευθέρους παντελευθέρους ληγατεύσας
 αὐτοὺς κατὰ τὸν προεῖρημένον χρόνον καὶ τὸν δεύτερον· καὶ ἀρτίως
 τὸν Ἄβασγον ζευγοτόπην ἔν, τὸν Λάσκαρην βοηδοτόπην ἔν, ὁμοίως
 35 καὶ τὸν Νικήταν διὰ πρώτης φορᾶς ληγατεύσας καὶ μόνον καταλιμπ-
 πάνω αὐτὸν βοηδοτόπην ἐν καὶ γ'. ἐπεὶ δὲ Γεώργιον τὸν υἱὸν Ἀβάσ-

¹⁾ Вставлено кзѣ перѣ, по вѣ точкахъ.

γου και Μιχαήλ τὸν υἱὸν Λάσκαρι ἀπεκλήρωσα εἰς τὴν Θεοτόκον,
 ληγατεύω τὸν μὲν Γεώργιον ε̄, τὸν δὲ Μιχαήλ γ̄. τὸν δὲ Μαρριανὸν
 μετὰ τὸ ἐκτελέσαι ἐπ' αὐτὸν νόμιμον γάμον, ἵνα ἔστιν και αὐτὸς
 ἐλεύθερος και ληγατευθῆ καθὼς ἂν τύχοι. τὸν δὲ Σωτήρικον ἐλευ-
 5
 1. 163^b. ριον και τὴν αὐτοῦ γυναῖκαν | Θεοδώραν ἐλευθερώω ψυχικὸν τῆς
 οσίας Ἄννης τῆς και συμβίου μου. ὃν τυπώσας και αὐτὸν κληρικὸν
 τῆς Θεοτόκου τοῦ λαμβάνειν ρόγαν και ἀνόναν διακόνου και εἰ τι ἂν
 10
 γ̄. ὅσα δὲ παιδία γένωνται ἀρρενικὰ ἐκ τῶν οἰκογενῶν και ὠνητῶν ¹⁾
 ἀπελευθέρων μου, ἵνα ἀνατρέφονται ²⁾ εἰς τὸν τῆς Θεοτόκου ναὸν πρὸς
 τὴν τῶν ἱερῶν γραμμάτων μάθησιν και εἰς κληρικούς τάσσεσθαι, ἐκ
 τοῦ ναοῦ προνοούμενοι. ὅσοι, οἳ δὲ και ὡσι, βούλονται ἄνδρες τε και
 15
 γυναῖκες τοὺς ἐμοὺς ἐκδουλεύειν κληρονόμους, ἵνα λαμβάνωσι τὰς ρό-
 γας και ἀνόνας αὐτῶν ἐξ ἀρεσκείας ἀμφοτέρων, μὴ ἔχειν δὲ τινα ἐκ
 τούτων κατὰ τινα τρόπον ἐκ τούτων ἐκποιεῖσθαι ἢ ὠρεῖσθαι, ἀλλ'
 εὐγενεῖς μὲν εἶναι και ἐλευθέρους κατὰ παντὸς τρόπου βούλομαι· τὴν
 δὲ Σηληγνοῦν τὴν προελευθερωθεῖσαν δέδωκα τῇ θυγατρὶ μου Μαρῖα
 20
 πρὸς τὸ ἐκδουλεύειν αὐτὴν ἀπὸ τῆς παρουσίας ἰβ̄ ἰνδικτιῶνος μέχρι
 τῆς πρώτης ἰνδικτιῶνος, συναρμόσας αὐτὴν και σύγκοιτον τὸν δοῦλον
 μου Ἀποσφάριον. πρὸς τινα και αὐτὸν ἐλεύθερον εἶναι βούλομαι,
 λαμβάνειν δὲ και ληγάτον ἀνά νομισμάτων γ̄. ὡσαύτως και τὸν δοῦ-
 λὸν μου Μουσέσην, καθὰ δὴ και τὸν πατέρα αὐτοῦ Γαρίπιον, ὑπὲρ
 σωτηρίας και μνήμης χάριν τοῦ φιλάτου μου υἱοῦ Ῥωμανοῦ.
 25
 εἰ τάχα δὲ και ἄποικος ἐγενάμην τοῦ εὐσεβοῦς θεματοῦ μου Καπ-
 παδοκίας και τῆς [πατρὶ]δος, ἀλλ' οὐ βού[λομαι] ἐγκαταλιπεῖν τὸν
 [ὑπὸ] τῆς μητρός μου χ[τισθέν]τ[α] ναὸν ἐπ' ὀνόματι τῶν γ̄ ἱεραρχῶν,
 Μόδεστ[ον ὡς ἐ?]πόπτ[ην και δ]εσπότην τ[ὴν] τούτου προνοίαν κατε[θέ-
 1. 164^a. μνη]ν //α//ν μου τὰ τρία//////ιπε//// | τὰ ἔγκονα τῆς κατηχωμένης
 30
 και ἀυταδέλφης μου Εἰρήνης και πᾶσαν τὴν εὐρεθεῖσαν ἱεράν ἀπο-
 σκευὴν ἐν τῷ μνη μονευθέντι ναφ̄ σταυροῦς ἀργυρέους, εἰκόνας χρυ-
 σάλιφας και βιβλία τοῦ χρόνου, ἀνάλοιπον ³⁾ και στολήν ἱερέως.
 και ταῦτα μὲν περὶ τῶν ἱερῶν και εὐαγῶν οἰκων. τὰ δὲ ἀνωτέ-
 ρως γεγραμμένα λεγάτα ὅσα μὲν προνοία Θεοῦ φθασθῶ ⁴⁾ ἐκπληρω-

¹⁾ ὠνίτων cod.

²⁾ ανατρεφουντες.

³⁾ αναλυτ̄

⁴⁾ φθαστο.

- σαι διὰ τῆς ἀντιλήψεως τῆς θεοτόκου, οὕτως εὐχαριστῶ· εἰ δὲ καὶ τὸ κοινὸν καταλάβοι με πέρας, ἵνα ἐκπληρῶνται ἀπὸ τοῦ ἐνιαυσιαίου πάχτου τῶν κτημάτων μου, ὑφεξαίρομένων δηλονότι τῶν βασιλικῶν τελεσμάτων. τὰ δὲ περιττεύοντα εἰς τοὺς ἀδελφούς καὶ ἀφθέντας μου τοὺς πένητας διανεμηθῶσιν· κτηνὰ δὲ καὶ ἕτερα πράγματα κινητὰ καὶ εὐκίνητα, εἴ τι ἂν μου εὐρεθῶσιν, ἵνα διανεμηθῶσιν εἰς συγγενεῖς μου καὶ τοὺς εὐρεθέντας οἰκείους μου· διὰ γὰρ ὅλης μου τῆς ζωῆς οὐ μέμνημαί τι ἀγαθὸν ἐργάσασθαι, πλὴν μεταιοπονεῖν γαστρὶ δουλεύων καὶ ἡδοναῖς.
- 10 οὐκ οἶδα, πῶς παρέδραμεν ἀμνημόνευτος ἡ δούλη μου ἡ Ζωὴ ἡ ἐξωνισθεῖσα παρ' ἐμοῦ εἰς νομίσματα τετρακόσια, εἰ τάχα καὶ ἐν τῇ κωδικέλλῃ τῆς ἐλευθερίας αὐτῆς περιέχει ὑποπίπτειν αὐτὴν πάλιν τὸν τῆς δουλείας ζυγόν, εἰ γε πρὸς θεὸν ἀθετήσῃ¹⁾ συνθήκη(ν). καὶ οὐ μόνον τοῦτο, ἀλλὰ καὶ παρὰ γνώμην ἐμὴν ἀνδρὶ ἑαυτὴν ἐξέδοτο·
- 15 ἀλλ' οὖν βούλομαι καὶ ταύτην ἐλευθέραν μένειν καὶ εἶναι παντελευθέραν σὺν τοῖς τέχνοις αὐτῆς.
- [τὸν οὖν πάντα ἐ]φορῶντα θεὸν περὶ τῶν [ОКОЛО 28 БУКВЪ]γων ἡ τῆς δε[2—3 БУКВЫ]τω [ОКОЛО 16 БУКВЪ СТРОКИ 4—II СМЫСЛУ И Л. 164^b. ВСѢ 3 НИЖНІЯ СТРОКИ Л. 164^a] | καὶ τῇ τύμφῃ παραδοθῶ, ἐν ᾧ
- 20 τὸ κοιμητήριον ἐκτετύπεται. ἐκλιπαρῶ πάντας καὶ δυσωπῶ, ἰσρεῖς τε καὶ μονάζοντας καὶ τοὺς κληρονόμους μου ποιεῖν [x]αί ἐπὶ τοῦ ἐμοῦ πτώματος εἰς ἐξίλασμον τῶν ἁμαρτιῶν μου τρισάγιον καὶ ἐνιαῦσα μνημόσυνα. πρὸ πάντων δὲ καὶ ἐπὶ πάντων ἐξορκίζω καὶ κατακρίνω εἰς κύριον θεὸν παντοκράτορα καὶ εἰς τὴν πανάχραντον θεοτόκον καὶ
- 25 εἰς πάσας τὰς οὐρανίους δυνάμεις οὐ μόνον τοῖς ἐμοῖς κληρονόμοις καὶ διαδόχοις, ἀλλὰ καὶ πᾶσιν ὑπερέχουσιν ἀρχηγοῖς—μητροπολίταις, ἐπισκόποις, κατεπάνοις, δουκῶν θεματικῶν δικαστῶν—τοῦ ἀμείωτα καὶ ἀπαράτρωτα φυλαχθῆναι τὰ παρ' ἐμοῦ διαταχθέντα. εἰ δὲ τις τῶν ἐμῶν συγγενῶν ἢ κληρονόμων ἢ ἀπελευθέρων ἢτε οἰκογενῶν ἐκτραπῆ
- 30 καὶ παραπέσῃ ἐκ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως πρὸς ὀθνεῖαν καὶ ἑτερόδοξον²⁾, εἰ μὲν τῶν κληρονόμων, ἐκπιπέτω τῆς αὐτοῦ μερίδος, εἰ δὲ τῶν ἀπελευθέρων, ὑποπιπέτω τῇ τῆς δουλείας ζυγῷ, εἰ δὲ τῶν ἕξω, πόρρω τῆς ἐμῆς ἐξουσίας ἐκδιωχθῆ.
- οἶα δὲ τῶν θυγατέρων μου ἢτε τῶν ἐπὶ ταύτης γαμπρῶν³⁾ μου
- 35 ἐξ ἀρεσκαίας ἀμφοτέρων θελήσει μετοικῆσαι, ἵνα διαμερίζωνται τὰ τῆς

¹⁾ συνθήκη.

²⁾ Слѡва πρὸς ὀθνεῖαν καὶ ἑτερόδοξον ирияпсанн in marg.

³⁾ γαμπρο.

ἐκκλησίας ἱερά ἅπαντα, εἴ γε καὶ ἀντίτυπον ναὸν ἢ καὶ βραχύτερον τῆς θεοτόκου οἰκοδομήσαι, καὶ ἐπαρχεῖσθαι ¹⁾ εἰς τὴν λαχοῦσαν αὐτὸν μοῖραν ἕκαστος καὶ τὴν τοῦ θεοῦ καρποῦσθαι εὐλογίαν καὶ τῆς] θεοτόκου καὶ ἐπὶ πλείονα [8—10 буквъ]α καὶ [13—14 буквъ] ὁ δὲ 5 [5—6 буквъ]πικ καὶ [около 16 буквъ 4-й снизу строки и всѣ Л. 165^а. 3 нижнія строки л. 164^б] | ἐπιπάσεται μέρος καὶ πατραλοίας καὶ ἀδελφοκτόνους ἐπὶ πᾶσι καὶ διὰ πάντων καταγγεληθήσεται.

ἐπὶ τούτοις δὲ πᾶσι καταλιμπάνω ἐπιτρόπους ²⁾ τῆς ἐμῆς ταλαιπύρου ταύτης διατυπώσεως ἐν πρώτοις μὲν τὸν παντοκράτορα κύριον 10 καὶ τὴν αὐτὸν ἀσπόρως τεκοῦσαν, εἶτι δὲ τὸν λαμπρότατον μάγιστρον κυρὸν Βασίλειον καὶ τὸν περίβλεπτον βεστάρχην κυρὸν Φαρεσμάνην τὸν ἀτάδελφον αὐτοῦ, καὶ τὸν θεοφιλέστατον ἐπίσκοπον τῆς ἐνορίας διοικητὰς τε καὶ οἰκονόμους τοὺς δύο μου γαμπρούς, τὸν τε σπαθαροκανδιᾶτον κυρὸν Γρηγόριον ³⁾ καὶ τὸν μεράρχην Μιχαήλ, καὶ τὸν τυχόντα 15 προκρίτοτερον ἱερέα τῆς ἐκκλησίας μου· καὶ λόγου λεγάτου τοὺς μὲν λαμπροὺς ἀταδέλφους ὁμολογίαν αὐτῶν λιτρῶν δύο ἦτε καὶ τριῶν, τὸν δὲ θεοφιλέστατον ἐπίσκοπον ἕξ, ἦτε βιβλίον, ὁμοίως καὶ τὸν ἱερέα. εἴ τι δὲ εὐρεθῶσιν φορέσιμα ἢ ἐγκοίτιά μου, ἵνα διανεμηθῶσιν ἱεροῖς μοναχοῖς τοῖς τυχῶσιν·

ἔγγραφη ἢ παροῦσα διατύπωσις τῇ ἐμῇ προτροπῇ χειρὶ Θεοδούλου 20 μοναχοῦ καὶ πρεσβυτέρου τῆς Θεοτόκου προτάξαντος καὶ ὑποτάξαντος, ὑποσημηνάντων καὶ τῶν τυχόντων μαρτύρων, κατὰ τὴν παροῦσαν ἰβ̄ ἰνδικτιῶνα τῷ ἀπριλίῳ μηνὶ ἔτους ςϥξ̄, μαρτυροῦντος πατρός υἱοῦ καὶ ἀγίου πνεύματος: ✠ Εὐστάθιος πρωτοσπαθᾶριος ὑπάτος ὁ Βόηλας 25 οἰκεία χειρὶ ὑπέγραψα : —

В. Велешевичъ.

(Продолженіе с. 204 гетъ).

¹⁾ ἐπαρχεῖσθαι.

²⁾ ἐπιτρόποις cod.

³⁾ γρηγοριо.

ЭТЮДЫ ПО ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗОВОЙ ЖИВОПИСИ ¹⁾.

V. Измѣненіе типовъ.

В. Поединки на кратирѣ изъ собранія гр. Тьшкевича.

Въ предшествующемъ отдѣлѣ настоящаго этюда намъ уже неоднократно приходилось упоминать о 15-es Hallisches Winkelmannsprogramm Роберта по поводу вазы Дурія и связанныхъ съ нею рисунковъ. Теперь обратимся къ росписи кратира, который послужилъ основаніемъ для даннаго изслѣдованія Роберта, специальное заглавіе котораго *Scenen der Ilias und Aithiopis auf einer Vase der Sammlung des Grafen Michael Tyskiewicz [теперь въ Бостонѣ]. Festschrift zur Eröffnung des archäologischen Museums der Friedrichs-Universität Halle-Wittenberg am 9. December 1891.* Двѣ большія таблицы, приложенныя къ изслѣдованію Роберта, сдѣланы, по словамъ издателя, на основаніи любезно предоставленныхъ собственникомъ акварелей ²⁾, причемъ Робертъ замѣчаетъ: „дѣйствительно ли внутренній рисунокъ обнаженнаго тѣла, несомнѣнно, нѣкогда существовавшій, исчезъ такъ безслѣдно, какъ нужно заключить по нашимъ образцамъ, не могу сказать, такъ какъ я самой вазы не видалъ“.

Не считая необходимымъ входить въ детальную полемику по поводу данныхъ рисунковъ въ виду того, что, держась, какъ ужъ выше было упомянуто, совершенно иного взгляда на взаимное отношеніе рисунковъ, привлеченныхъ Робертомъ, мнѣ пришлось бы возражать чуть ли не противъ каждаго слова; все же я долженъ начать съ возраженія.

¹⁾ *Продолженіе.* См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1907, апрѣль, отд. класс. филол.

²⁾ Fünfzehntes Hallisches Winkelmannsprogramm, прим. 1.

Робертъ совершенно увѣренно утверждаетъ, что кратирь изъ собранія Тышкевича представляетъ собою оригиналь Дурія, противорѣча себѣ только въ томъ отношеніи, что въ одномъ мѣстѣ онъ датируетъ кратирь позже разобранной нами ранѣе парижской чаши этого мастера, въ другомъ мѣстѣ—раньше (см. ниже).

Робертъ, по моему мнѣнію, наноситъ Дурію положительно оскорбленіе, приписывая ему такой деревянный, ходульный рисунокъ. Допуская даже, что въ оригиналѣ былъ болѣе или менѣе богатый внутренній рисунокъ, который не былъ переданъ художникомъ гр. Тышкевича, достаточно обратить вниманіе на сравнительно *безжизненные контуры фигуръ, невыдержанность пропорцій: короткой особенно деревянной Аенинъ лицевой стороны съ слишкомъ короткой правой рукой* соответствуетъ долговязая, сутоловая Аенина обратной стороны; къ нимъ присоединяется еще приземистая Афродита съ длиннѣйшими руками. Несмотря на недостатки, рисунокъ, форма сосуда и орнаментъ носить характеръ нѣсколько болѣе поздній, нежели произведенія Дурія. Укажемъ только на то, что кромѣ обыкновенныхъ пальметокъ, лестки которыхъ снабжены ребромъ, проходящимъ по срединѣ каждого, мы здѣсь имѣемъ еще три нераспустившіяся пальметки (такія же нераспустившіяся пальметки чередуются съ обыкновенными въ нижнемъ орнаментѣ). Пальметки, отдѣляющія тотъ и другой рисунокъ, исходятъ отъ *древесныхъ стволовъ*.

На одной сторонѣ, которую въ силу болѣе детальной росписи надо признать лицевой, представленъ поединокъ двухъ воиновъ, названныхъ Ахилломъ и Мемнономъ, надъ трупомъ Меланиппа, именуемаго въ другихъ случаяхъ Антилохомъ ¹⁾. Если уже здѣсь мы видимъ, что

¹⁾ Тамъ же. 3: „Neu ist in dieser Darstellung die Figur des Melanippos. Dass dem Kampf des Achilleus mit Memnon der schon der Odyssee (ö 187) bekannte Tod des Antilochos unmittelbar vorherging, melden die mythographischen Handbücher, deren Bericht in diesem Falle möge man sonst über ihre Glaubwürdigkeit urteilen wie man wolle, um so unbedenklicher auf das Epos wird zurückführen dürfen, als sie durch Pindars berühmte Schilderung von dem heldenmüthigen Opfertod des Antilochos für seinen Vater (Pyth. VI 29 ff), die allgemein mit Recht als Wiedergabe einer epischen Episode gilt, gestützt wird. So hat man denn auch bei den nicht gerade zahlreichen Vasenbildern, die zwischen Achilleus und Memnon einen Toten zeigen, diesen unbedenklich Antilochos benannt, und zwei chalkidische Vasen des sechsten Jahrhunderts geben dieser Deutung durch die Namensbeischrift die urkundliche Sanction. Wer nun von der Popularität antiker Sage und Poesie so gering denkt, dass er den Vasenmalern nur eine dunkle und unklare Kunde der epischen Gesänge zugesteht, der wird sich auch nicht bedenken, diesen Melanippos lediglich der Unwis-

художникъ хочетъ ввести нѣчто новое, то еще большее уклоненіе называется въ томъ, что матери Мемнона, Эосъ, распростирающей руки надъ падающимъ сыномъ, соответствуетъ не мать Ахилла, Фетида, но Афина. Такое измѣненіе дѣйствующихъ лицъ, конечно, ослабляетъ драматизмъ всей сцены. У Афины копье нарисовано такъ, что древко его проходитъ между лезвіемъ Ахиллова меча и его рукою — Ахиллъ, чтобы нанести ударъ противнику, долженъ сперва сломать копье богини. Здѣсь, на основаніи рисунка, можно было бы съ полнымъ правомъ говорить о томъ, что богиня, стоящая за героемъ, хочетъ ему помѣшать; но врядъ ли рисовальщикъ задался такой мыслью; по моему, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ недоразумѣніемъ художника, которое, конечно, свидѣтельствуетъ не въ пользу его тщательнаго отношенія къ своему рисунку.

На обратной сторонѣ представлены два воина въ схемѣ боя между Ахилломъ и Екторомъ. Воинамъ приписаны имена Діомидъ и Эней, а божествамъ позади ихъ — имена Афина и Афродита. Лѣвая рука Афины исчезаетъ за правымъ плечемъ Діомида (мотивъ этотъ, разумѣется, нужно понимать въ смыслѣ ободренія). Руки Афродиты приходятся по ту и другую сторону головы ея сына; правой руки богини не видно изъ-за шлема Энея; лѣвая можетъ быть понята такъ, что богиня касается ею лѣваго плеча героя. Въ рисунокѣ, по моему, нѣтъ никакихъ характерныхъ для этого поединка чертъ ¹⁾.

senheit des Zeichners auf Rechnung zu schreiben und in dem Toten trotz der abweichenden Namensbeischrift vielmehr Antilochos zu erkennen. Wer aber der Ueberzeugung lebt, dass an dem köstlichen Nationalschatz der poetisch entwickelten Heldensage der Handwerke ebenso gut teil hatte wie der Eupatride, oder wer sich auch nur der einfachen Erwägung nicht verschliesst, dass sich der Käufer eines solchen Prachtgefässes eine derartige Verunstaltung seiner Mythen gewiss nicht hätte bieten lassen, selbst wenn der Künstler sie sich hätte erlauben wollen, der wird sich nicht einmal zu dem Zugeständniss entschliessen können, dass hier einem beliebigen Toten ein epischer Gemeiname gegeben ist; er wird vielmehr diesen Namen für die epische Vorlage des Vasenbildes in Anspruch nehmen und für die Reconstruction des Liedes vom Tode des Memnon verwerten, und das mit umso grösserer Zuversicht, als hier schon die Wunde im Nacken die Deutung auf Antilochos ausschliesst und mit hinlänglicher Sicherheit beweist, dass der Getötete kein Achäer, sondern ein Trojaner ist“.

¹⁾ Соответствующее мѣсто Илиады въ переводѣ Гнѣдича гласитъ такъ (V, 297 сл.):

„Грнулъ на землю Эней со щитомъ и съ огромною пикой
Въ страхѣ, да Пандаровъ трупъ у него не похитятъ Ахейцы.
Около мертваго ходя, какъ левъ, могуществомъ гордый,
Онъ передъ нимъ и копье уставлялъ и щитъ кругловидный,

Иначе судить Робертъ (стр. 5): „Отъ описанія Илиады (Е 297—318) изображеніе отличается въ томъ отношеніи, что Діомидъ ранитъ Энея не камнемъ, а копьемъ, но зато мѣсто раны совершенно соответствуетъ словамъ Илиады καὶ ἰσχύιον, ἔνθα τε μῆρος ἐνστέφεται, κοτύλην δὲ τὴν μιν καλέουσιν. Нельзя, слѣдовательно, сомнѣваться, что живописцу эпизодъ Илиады былъ буквально извѣстенъ. Чтò заставило его въ данномъ случаѣ уклониться отъ текста, мы изслѣдуемъ ниже; навѣрное, причиною этого не было незнаніе Гомера“. Далѣе читаемъ у Роборта: „Если Дурій, какъ мы теперь, быть можетъ, вѣ правѣ назвать художника кратира, и сумѣлъ удачно изобразить паденію Энея, какъ это представляетъ Гомеръ, то все же онъ не могъ рѣшиться дать нападающему Діомиду въ руку огромную глыбу, о которой говорятъ Илиада. Это было вполнѣ тактично, ибо стѣдить только вспомнить, какъ неуклюже выглядятъ громадныя камни въ рукахъ Паллантидовъ на фризѣ Фисіона. Онъ на первыхъ парахъ сохранилъ, слѣдовательно, фигуру копейщика изъ болѣе древней формы этого типа; когда же онъ самъ перенесъ развитую имъ до высокаго совершенства композицію на болѣе родственнѣй эпизодъ Илиады, поединокъ между Эантомъ и Екторомъ, онъ рѣшился ввести въ композицію летящій въ воздухѣ и какъ разъ падающій на Ектора камень и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательно измѣнить положеніе руки у нападающаго [выходитъ, что роспись кратира предшествовала росписи чаши]. Совершенно иначе поступилъ живописецъ извѣстной чаши изъ

Каждога кто-бъ ни приблизился, душу исторгнуть грознѣйшій
Крикомъ ужаснымъ. Но камень рукой захватилъ сынъ Тидеевъ,
Страшную тигость, какой бы не подняли два челоуѣка
Нимѣ живущихъ людей, но размахивалъ имъ и одинъ онъ.
Камнемъ Энос такимъ поразилъ по бедру, гдѣ крутая
Лядвен ходитъ въ бедрѣ, по составу, зовому чашкой:
Чашку ударъ раздробилъ, разорвалъ и бедерныя жилы,
Сорвалъ и кожу камень жестокой. Герой пораженный
Палъ на колѣно впередъ, и, колеблясь, могучей рукою
Въ доль уперлся, и взоръ его черная ночь остѣнила.

Гутъ неизбежно погибъ бы Эней, предводитель народа,
Еслибъ того не увидѣла Зевсова дочь Афродита,
Матерь, его породившая съ пастыремъ юнымъ, Анхизомъ.
Около милаго сына обвивъ она бѣлыя руки,
Ризы своей передъ нимъ распростерла блестящія сгибы,
Кроя отъ вражескихъ стрѣлъ, да какой-либо конникъ Данайскій
Мѣдію персей ему не пронзятъ и души не исторгнутъ.
Такъ унесла Киприда любезнаго сына изъ боя“.

Отд. классич. филол.

Камира, въ одномъ изъ внѣшнихъ рисунковъ котораго мы имѣемъ поединокъ Діомида съ Эантомъ въ несомнѣнной зависимости отъ нашего кратира (рис. 15 по Journal of Philology VII 1877 табл. В). И здѣсь передъ щитомъ нападающаго и надъ головою падающаго помѣщенъ брошенный камень еще ббльшихъ размѣрахъ, нежели у Дурія. Что, правда, сверхъ того Эней тяжело раненъ въ чрево, оказывается мало счастливымъ нагроможденіемъ мотивовъ. Въ развитіи сцены живописецъ этой чаши кромѣ того дѣлаетъ еще шагъ впередъ, такъ какъ, представляя происшествіе болѣе драматически, онъ изображаетъ богиню поднимающей подъ-руки уже навшаго сына“.

Предоставляя судить читателю, насколько мотивировано оправданіе Робертомъ рисунка на кратирѣ мнимаго Дурія, обратимся къ упомянутой Робертомъ композиціи на чашѣ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи описанія вазъ Британскаго музея Walters'a, а потому не знаемъ, какъ судить объ этомъ рисункѣ авторъ каталога. По нашему мнѣнію, среди всѣхъ изображеній поединковъ, исполненныхъ въ этомъ стилѣ, данный рисунокъ несомнѣнно, занимаетъ *первое мѣсто*. Если выше въ поединкѣ Ахилла и Ектора была отмѣчена логически и поэтически тонко мотивированная черта — оставленіе Ектора Аполлономъ, подчиняющимся все-сильному року, то въ отношеніи *живости изображенія* рисунокъ лондонской чаши *стоитъ выше*. Афродита *не поднимаетъ сына*, какъ пишетъ Робертъ, а *оттаскиваетъ его въ сторону*, что видно изъ того, что только правою рукою она схватила его подмышку, а лѣвою за плечевую часть руки; *ноги его волочатся*. Громадный предметъ, который отчасти сохранился между обоими воинами, конечно, *не камень, а облако*. Въ соответствующемъ мѣстѣ Иліады, правда, говорится, что Афродита (V, 314 сл.):

„Около иплаго сына обвинъ она бѣлыя руки,
Ризы своей передъ нимъ распростерла блестящія стобы,
Кроя отъ вражескихъ стрѣлъ, да какой-либо конникъ Данайскій
Мнѣдію персей ему не пронзить и души не исторгнетъ“.

Художникъ предпочелъ изображеніе облака, которое играетъ ту же роль: когда Менелай сорвалъ шлемъ съ головы Париса и бросилъ его въ сторону данаямъ, готовъ былъ поразить своего врага копьемъ:

„ Киприда его отъ очей, какъ богиня,
Вдругъ покидаетъ и, облакомъ темнымъ покрывши, любима
Въ ложницу вводитъ, въ чертогъ благовоія сладкаго полный“ (III, 380).

Мало того, въ связи и съ изображенной сценой нѣсколько далѣе

въ Иліадѣ упоминается объ облакѣ. Какъ извѣстно, Діомидъ преслѣдуетъ Афродиту и ранитъ ее въ руку:

„Громко богиня вскричавъ, изъ объятій бросила сына;
На руки быстро его Аполлонъ и пріятъ и избавилъ,
Облакомъ чернымъ покрывъ, да какой-либо конникъ Ахейскій
Мѣдію персей ему не пронзитъ и души не исторгнетъ“ (V, 343 сл.).

При единственно, по моему мнѣнію, вѣрномъ пониманіи громаднаго предмета позади воиновъ въ смыслѣ облака, упрекъ въ нагроможденіи мотивовъ не только совершенно *отпадаетъ*, но рага, причипенная Энею вонзившимся въ его животъ копьемъ, является совершенно *необходимой*—иначе не было бы понятно то *изнеможение*, которое *сказывается во всей его фигурѣ и въ закатывающихся глазахъ*. Признаніе здѣсь облака вновь возбуждаетъ во мнѣ сомнѣніе въ томъ, что Дурій на разсмотрѣнномъ выше рисункѣ имѣлъ въ виду камень, а не облако.

Роспись лондонской чаши хронологически скорѣе предшествуетъ, нежели слѣдуетъ росписи кратира, хотя въ виду несовершенства изданія рисунковъ объ этомъ нельзя сулить точно; но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ право предположить знакомство художника, расписавшаго кратиръ, съ тѣмъ образцомъ, отъ котораго зависитъ лондонская чаша. По моему мнѣнію, слѣдовательно, *рисункъ лондонской чаши не представляетъ собою дальнѣйшаго развитія схемы, имѣющей на кратирѣ, а, напротивъ, въ композиціи кратира мы усматриваемъ измѣненную и въ силу этого ослабленную передачу уже выработаннаго характернаго типа.*

Нашъ выводъ таковъ: *художникъ, расписавшій кратиръ, относится къ существовавшему уже въ его время типу приблизительно такъ, какъ Дурій въ росписи парижской чаши, но исполнилъ онъ свою задачу менее удачно.*

С. Бой между смертными или гигантомахія?

Въ *Εφημερίς ἀρχαιολογική*, 1883, 173 сл., табл. 7, Цунда издалъ амфору, найденную въ Танагрѣ, на одной сторонѣ которой представлено сраженіе между семью фигурами. По поводу этого рисунка въ статьѣ, посвященной изслѣдованію Пергамскаго фриза, Farnell пишетъ ¹⁾: „Новая, достойная вниманія частичная иллюстрація дана на вазѣ, найденной въ Танагрѣ и изданной въ *Ephemeris Archaeologike*;

¹⁾ *Journal of hellen. stud.* VI, 137.

ея рисунокъ, согласно Цундѣ, описавшему его, не имѣеть никакого мнѳологическаго значенія ¹⁾. Но если мы сравнимъ дѣйствіе и движеніе фигуръ съ таковыми же сражающихся на амфорѣ въ Луврѣ или на кратирѣ изъ Руво, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и здѣсь представлена гигантомахія; что верховой юноша нагнѳво въ ессалийской шляпѣ и длинной хламидѣ, поражающій своего врага копьемъ—одинъ изъ Діоскуровъ и что другой [Діоскуръ] тотъ воинъ направо, который сражается пѣшкомъ, будучи вооруженъ щитомъ и копьемъ, съ конической шапкой на головѣ и развѣвающимся плащемъ, перекинутымъ черезъ руку. Божество между ними почти навѣрное Арей. Характеръ ихъ противниковъ опредѣляется шкурами дикихъ звѣрей, которыя носятъ нѣкоторыя изъ нихъ“. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту авторъ прибавляетъ: „Это не могутъ быть варвары, потому что они носятъ греческое оружіе, и нѣкоторыя фигуры гигантовъ на вазѣ изъ Руво вполне соотвѣтствуютъ имъ“ ²⁾.

С. Рейнакъ, принимая это толкованіе, предоставляетъ для пѣшаго юноши на выборъ имена второго Діоскура или Ермія ³⁾.

Толкованіе пѣшаго юноши въ смыслѣ Діоскура не обосновано ⁴⁾. Автору это нужно для объясненія одной изъ фигуръ, но, съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что данный рисунокъ тѣсно связанъ съ роскошной вазой въ Луврѣ съ многофигурнымъ изображеніемъ гигантомахіи ⁵⁾. Рейнакъ, правда, выражается неточно, если онъ по поводу росписи сосуда изъ Танагры пишетъ: „Même style que le vase de Milo, Mon. grecs, 1875, pl. 1, 2“. Оба рисунка, несомнѣнно, сводятся къ *одному образу*, но на каждомъ лежитъ отпечатокъ *индивидуаль-*

¹⁾ Приведемъ подлинныя слова греческаго археолога (стр. 174): „Ἐκ πρώτης ὄψεως φαίνεται ὅτι πρόκειται περὶ μυθικοῦ τινος γεγονότος ἀλλ' ἐγὼ τοῦλάχιστον μετὰ πολλὰς ἀποπαίρας πρὸς ἐρημηϊαν τῆς παραστάσεως ἐπέισθη, ὅτι ὁ γράψας τὴν μάχην ταύτην οὐδὲν ὠρισμένον γεγονός εἶχε ἐν τῷ, ἀλλ' ἠθέλησεν ἐπιδακνύειν τὴν λαμπρὰν τέχνην τοῦ ἐν παραστάσει μάχην τὴν οἰκονομήσαντα“.

²⁾ Также смотритъ на рисунокъ Робертъ (*Preller-Robert, Griechische Mythologie I, 74, прим. 4*).

³⁾ *Repertoire des vases peints, I, 506, 1*.

⁴⁾ Намъ удивляетъ поэтому, что уже первому издателью пришло въ голову это обозначеніе (стр. 174): „Εἶναι ἀληθές, ὅτι ἕως τοῦ ἐνός μέρους φέρουσι δέρματα ἀντὶ ἀσπίδων καὶ ὅτι οἱ δύο νεανία τοῦ ἐτέρου, ὁ ἑπίπτος καὶ ὁ τὸ πλῆρον φορῶν ἠδύνατο νὰ ἐκληρωθῶσι ὡς Διόσκουροι ἀλλὰ τότε τίς ἐστὶν ὁ τρίτος, καὶ κατὰ τίνων μάχοντα“;

⁵⁾ Впервые рисунки этой изящной амфоры въ величину оригинала были изданы въ *Monuments grecs, 1875, табл. 1, 2*, затѣмъ повторены въ *Wiener Vorlegblätter, VIII, табл. VII*.

ности мастера. Рисунок на дуврской вазе в общем производить очень изящное впечатление, рисунок на амфоре из Танагры, напротив,—несколько небрежное. Если, однако, внимательно всмотрѣться въ первый рисунок, то окажется, что его рисовальщика приходится употребить въ значительной долѣ рутинны: при кажущемся на первый взглядъ разнообразіи положеніе фигуръ часто *повторяется* ¹⁾; особенно излюбленнымъ мотивомъ является изображеніе части ступни изъ-за ноги, спустившейся на колѣно ²⁾—мастеръ до того механически рисуетъ этотъ ракурсъ, что примѣняетъ его разъ и у фигуры, обращенной къ зрителю спиною—*нога, такимъ образомъ, представлена спереди, фигура сзади* ³⁾. Ту же самую фигуру мы имѣемъ и на сосудѣ изъ Танагры, но тутъ, несмотря на небрежность, нога поставлена правильно. Уже это одно исключаетъ мысль, что данный рисунокъ представляетъ собою *эскизъ изъ многофигурной титомакхи*. Что рисунки принадлежатъ разнымъ лицамъ, это для всякаго ясно; едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что сосуды вышли изъ разныхъ мастерскихъ ⁴⁾.

Первую группу разсматриваемой вазы мы *цѣликомъ* находимъ на парижской амфорѣ (нижняя крайняя группа направо обратной стороны). Главная разница заключается въ томъ, что всадникъ, вполне соответствующій Діоскуру (на немъ нѣтъ только хитона и высокихъ сапоговъ, а у Діоскура нѣтъ запасныхъ копей въ лѣвой рукѣ),

¹⁾ Ср. напр. Зевса, Діониса и гиганта, защищающагося противъ Аполлона; гигантовъ той и другой стороны налѣво внизу; гигантовъ, поражаемыхъ Ерміемъ и женской фигурой (по Майеру Персефоной) подъ квадригой на обратной сторонѣ; противника Діониса и гиганта, бросающагося на встрѣчу конямъ квадриги; противника Зевса и гигантовъ вправо отъ него въ шлемѣ и со щитомъ; Аполлона и соответствующую ему богиню (по Майеру Амфитриту); Димитру и Персефону (по Майеру) и пр.

²⁾ См. на лицевой сторонѣ Иракла и противника Аонны; на обратной сторонѣ противниковъ Ермія, Персефону и одного изъ Діоскуровъ.

³⁾ Имѣю въ виду гиганта, упомянутаго въ предыдущемъ примѣчаніи—противника Діоскура обратной стороны.

⁴⁾ Въ первомъ отношеніи *Mayer, Die Giganten und Titanen in der antiken Sage und Kunst* (Berlin 1887), судить также (стр. 360): „Es kann keine Rede davon sein, dass etwa eine und dieselbe Hand beide Gefässe gemalt habe, obgleich die Aehnlichkeit frappant ist“, но въ другомъ (стр. 359) судить нѣсколько иначе: „Das Tanagräische Gefässbild zeigt... den in diesem entwickelten ganz malerischen Styl gewiss seltener Fall, dass die einzelnen Figuren mit einer anderen Vase (имѣется въ виду дуврская амфора) in einer Weise übereinstimmen, welche schlechterdings auf bestimmte gemeinsame Vorbilder, wenn nicht gar auf die gleiche Fabrik hindeutet“.

помѣщается *не влѣво* отъ своего противника, а *надъ нимъ*. Гигантъ, поражаемый Діоскуромъ, бросилъ свой факель и хватается правою рукою за лежащій рядомъ съ нимъ камень, защищаясь лѣвою, закутанной въ звѣриную шкуру. Соответствующая фигура на вазѣ изъ Танагры разнится отъ описаннаго гиганта, во-первыхъ, тѣмъ, что правая нога его нарисована правильно и кисти правой руки не видно, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что изъ-подъ шкуры виднѣются ножны меча, а изъ-за праваго плеча шляпа (*πέτασος*). Странно, что какъ разъ эту фигуру Майеръ признасть болѣе или менѣе новою и сравниваетъ ее съ противникомъ Лоины, если представить себѣ его сзади. Воину въ верхнемъ ряду танагрскаго сосуда въ шлемѣ со щитомъ и копьемъ илѣтъ вполне соответствующей въ положеніи фигуры на парижской вазѣ, но все же мы сравнили бы его съ Зевсомъ; зато его противника Порфиріона мы встрѣчаемъ какъ на парижской вазѣ, такъ и на вазѣ изъ Руво ¹⁾, въ послѣднемъ случаѣ съ остаткомъ приписаннаго имени. На двухъ послѣднихъ сосудахъ фигура разъ вооружена древеснымъ стволомъ, другой разъ неяснымъ предметомъ; оба раза гиганты защищаются звѣриною шкурою; въ первомъ случаѣ мы вмѣсто этого видимъ щитъ и плащъ, перекинутый черезъ лѣвую руку и копье въ правой, а кромѣ того мечъ на лѣвомъ боку. Къ только что упомянутой фигурѣ слѣшитъ другая, вооруженная копьемъ и мечомъ, въ шлемѣ и со щитомъ. По положенію всего ближе къ ней противникъ Діониса и юноша, помѣщенный на соответствующемъ мѣстѣ обратной стороны. У перваго гиганта въ правой рукѣ факель, у другого мечъ; на лѣвой рукѣ того и другого звѣриная шкура. Рядомъ съ описаннымъ мужчиною танагрскаго рисунка представлень приблизительно въ такомъ же видѣ юноша съ мечомъ и копьемъ, съ петасомъ за спиной и съ звѣриною шкурою на правой рукѣ. Если обратить вниманіе, что за противникомъ Діониса представлень гигантъ, который бросаетъ камень, но вооружень шлемомъ и щитомъ, то тѣмъ болѣе приходитъ мысль, что юноша и мужчина танагрской амфоры представляютъ собою лишь иначе комбинированныя варианты упомянутыхъ двухъ фигуръ парижской гигантомахіи ²⁾. Противникомъ юноши на нашей амфорѣ

¹⁾ *Monumenti del Instituto*, IX, табл. VI. *Oerbeck*, *Kunstmythologie*, Atlas, табл. V, 8.

²⁾ *Mayer*, *Giganten und Titanen*, 360 привлекаетъ для сравненія другую группу: „Der Gegner des Ares ist die typische Porphyriionfigur, nur härtig, mit einem Schwert umhängt und statt des Fells einer Chlamys über dem linken Arm, bewehrt mit Schild und Lanze: und zum deutlichen Beweis, dass hier nur eine freie Umstellung

слѣдуетъ считать юношу же верхняго ряда, по своему движенію похожаго на Зевса гигантомахін. Въ правой рукѣ у него копье, а на лѣвой, черезъ которую перекинуть плащъ какъ у Зевса, щить ¹⁾).

Рисунки сосудовъ изъ Танагры и съ острова Милоса (парижская гигантомахія) и изъ Руво сверхъ упомянутого сходства фигуръ, нѣкоторыхъ декоративныхъ элементовъ платья и предметовъ, имѣютъ еще ту общую черту, что внутренняя сторона щитовъ оказывается расписанной ²⁾); зато рисунки отличаются тѣмъ, что на вазѣ изъ Руво гиганты громоздятъ большія глыбы одну на другую, на луврской амфорѣ представлено значительное число камней, разбѣившихъ въ нижней половинѣ рисунка; вмѣсто этого на амфорѣ изъ Танагры нарисованы *растенія* и два маленькихъ *приорка*.

Какъ мы видѣли, Цунда полагаетъ, что художникъ *не хотѣлъ представить мифологическую сцену*. Робертъ и Фарнелъ увѣрены, что мы имѣемъ передъ собой гигантомахію. Это мнѣніе, повидимому, теперь общепринятое ³⁾. Что касается меня, то думаю, что въ данномъ рисункѣ *никто не призналъ бы божество съ исполнителями, если бы намъ не была известна луврская ваза съ несомнѣннымъ изображеніемъ гигантомахін и если бы тѣсная связь между тѣмъ и другимъ рисункомъ не была такъ очевидна* ⁴⁾. Если во всадникѣ можно признать Диоскура, то, съ другой стороны, нельзя отрицать, что эта фигура ничѣмъ не отличается отъ аѳинскихъ всадниковъ во фризѣ Пареенона. Обна-

stattgefunden, dringen von r. her, ohne sich um den zweiten Dioskuren zu kümmern, dieselben zwei Giganten auf Ares ein, die dort seinen Pferden in die Zügel fielen; der jüngere ist unverändert und hat nur seinen Mantel mit einem Fell vertauscht, das den l. Arm und die Hand verhüllt, so dass er etwas an den dortigen Gegner des Bakchos erinnert; der bärtige, gerüstete, der hier von unten kommt, hat seine Stelle gänzlich ändern müssen, verräth aber noch in dem cancellirten Lanzenkolben die tiefliegende Verwandtschaft⁴.

¹⁾ По поводу этой фигуры, и противника верхового, о которомъ у насъ рѣчи была выше, *Майеръ*, тамъ же, пишетъ: „Neue Figuren sind mit der zu Fuss kämpfende Dioskur mit Pilous, Schwert, Schild und Speer und, wenn auch nicht in gleichem Masse, der Gegner seines Bruders, ein bärtiger mit Fell bekleideter Mann, der etwa das Motiv des dortigen Athenagegners von hinten darbietet“.

²⁾ *Майеръ*, тамъ же, 360, замѣтивъ, что рисунки не могутъ принадлежать одной и той же рукѣ, хотя „die Aehnlichkeit frappant ist und sich auf die Innenbemalung der Schilde erstreckt“, прибавляетъ въ примѣчаніи: „Dort sieht man Flügelpferde, hier Hippokampen und fischleibige Frauen; Einfassung immer der laufende Hund“.

³⁾ *Майеръ*, *Рейнаксъ* и др.

⁴⁾ Неупоминаніе издателемъ амфоры изъ Танагры сосуда въ Луврѣ могу только объяснить незнаеміемъ имъ послѣдней.

женный мужчина въ шлемѣ со щитомъ и копьемъ среди другихъ, ясно характеризованныхъ боговъ, долженъ быть названъ Ареемъ, какъ это мы видимъ на прекрасной чашѣ изъ мастерской Эргина, расписанной Аристофаномъ ¹⁾, но безъ этого условія вооруженная мужская фигура, конечно, еще *не имѣетъ права на это имя*. Третья фигура верхняго ряда, представленная пѣшей, одѣтая и вооруженная совершенно иначе, нежели первалъ, какъ мы уже замѣтили, не можетъ быть названа Діоскуромъ; также имя Ермія можетъ быть ей приложено только съ большою натяжкой. По моему глубокому убѣжденію, эту фигуру вообще нельзя назвать именемъ какого-либо божества.

Но допустимъ, что фигуры верхняго ряда могутъ быть названы Діоскуромъ, Ареемъ и Ерміемъ. Не странная ли эта гигантомахія, въ которой нѣтъ ни Зевса, ни Лоицы, ни Посидона, ни Иракла, этихъ главныхъ истребителей гигантовъ, для которыхъ въ разныя эпохи искусство создавало характерныя и типичныя схемы.

Я, съ своей стороны, твердо убѣжденъ, что художникъ, расписавшій танатрскую амфору, въ этихъ фигурахъ хотѣлъ представить не боговъ, а смертныхъ. Ясное доказательство этого я и вижу въ томъ, что художникъ, заимствовавъ изъ хорошаго образца фигуры гигантовъ, измѣнилъ ихъ настолько, что они въ его глазахъ перестали быть гигантами, а также съ его точки зрѣнія и другими не должны были признаваться за таковыхъ.

Извѣстно, что гиганты въ арханческое время изображались въ видѣ воиновъ, ничѣмъ не отличающихся отъ простыхъ смертныхъ. Затѣмъ наряду съ такими гигантами-воинами мы видимъ фигуры въ звѣриныхъ шкурахъ, сражающихся посредствомъ факеловъ и камней. Наконецъ, гиганты, сыны земли, изображаются съ ногами, переходящими въ пресмыкающіяся. Въ большомъ фризѣ жертвенника въ Пергамѣ, гдѣ потребовалось такъ много фигуръ, мы, наряду съ этими тремя родами изображеній гигантовъ, находимъ еще цѣлый рядъ фантастическихъ элементовъ въ передачѣ сыновъ Ген.

Нашъ мастеръ вооружилъ нижній рядъ своихъ фигуръ обыкновеннымъ оружіемъ, причемъ двѣ изъ нихъ снабдилъ еще петасами. Какъ ни велико разнообразіе въ изображеніяхъ гигантовъ, врядъ ли кто-нибудь укажетъ гиганта въ широкополой шляпѣ? ²⁾.

¹⁾ *Gerhard*, Trinkschalen und Gefäße, табл. II, 3. *Overbeck*, Kunstmythologie, Atlas, табл. V, 3. Wiener Vorlegeblätter, сер. I, табл. V.

²⁾ *Maass*. тамъ же, выражаетъ удивленіе, „dass zweien der Giganten sehr

Укажемъ еще на одну очень интересную черту рисунка на танагрской амфорѣ: у Диоскура, заимствованнаго изъ образца цѣликомъ, правая рука нарисована правильно, у мнимыхъ же Ареса и Ерма, представляющихъ собою передѣлки художника, эти руки, также вооруженныя копьями, нарисованы невѣрно—вмѣсто правыхъ рукъ мы видимъ лѣвыя. Невѣрно нарисованы и пальцы лѣвой руки мнимаго средняго гиганта; это, по моему, находитъ опять-таки свое объясненіе въ томъ, что въ оригиналѣ кисть руки была обернута звѣриною шкурою, а нашъ художникъ далъ этой фигурѣ въ руку щать ¹⁾.

Фарнелъ говоритъ, что въ воннахъ нельзя признать дикарей, такъ какъ они вооружены оружіемъ грековъ ²⁾. Я, съ своей стороны, полагаю, что художникъ, не лишивъ своихъ фигуръ звѣриныхъ шкуръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣнивъ факелы и камни гигантовъ копьями и мечами, все же хотѣлъ выразить, что воины, занимающіе нижнюю половину сосуда, стоятъ и на болѣе низкой ступени культуры сравнительно съ воинами, помѣщенными въ верхней части рисунка.

Итакъ, мастеръ, расписавшій амфору, найденную въ Танагрѣ, хотѣлъ представить бой между смертными. Для этого онъ, воспользовавшись фигурами изъ распространеннаго образца съ изображеніемъ шантажистовъ, совершенно сознательно предпринялъ разнаго рода измѣненія, которыя ему, однако, не совсѣмъ удались.

D. Одиссей въ преисподней.

На одной сторонѣ кратира, находящагося теперь въ Bibliothèque Nationale въ Парижѣ и вновь изданнаго Фуртвенглеромъ ³⁾, представленъ Одиссей, вызвавшій въ преисподней тѣнь Тиресія.

„Кратиръ“, пишетъ Фуртвенглеръ (стр. 311), „принадлежитъ къ раннимъ ниже-италійскимъ вазамъ, относящимся еще къ V вѣку, ибо изящная строгая форма и рисунокъ орнаментовъ вполне соответствуютъ аттическимъ вазамъ той же эпохи. Однако цвѣтъ глины, какъ у всѣхъ италійскихъ вазъ, отличается отъ цвѣта аттическихъ“.

ungewöhnlicher Weise Hüte gegeben sind, die ihnen hinten im Nacken hängen“, но не выводятъ изъ этого никакого заключенія.

¹⁾ Издатель вазы это замѣтилъ (стр. 173), но не придалъ достаточнаго значенія.

²⁾ *Journal of hell. stud.* VI, 137.

³⁾ *Furtwängler und Reichhold, Griechische Vasenmalerei*, табл. 60.

По срединѣ композиціи мы видимъ мужчину, сидящаго на обросшей травою скалѣ. На немъ нѣтъ одежды, если не считать плаща, конецъ котораго лежитъ на лѣвомъ плечѣ, пересѣкаетъ правое бедро, а затѣмъ подостланъ подъ сидѣніе. Съ лѣваго бока висятъ ножны, обнаженный короткій окровавленный мечъ фигура держитъ въ правой рукѣ, покоящейся на правомъ колѣнѣ; лѣвой рукой она опирается о скалу; на ногахъ у фигуры высокіе шнурованные сапоги; у ногъ ея два заколотыхъ барана, изъ горла которыхъ обильно течетъ кровь¹⁾. Нѣсколько ниже правой ноги нарисована голова старца съ бѣлыми волосами и бородою; кромѣ головы виднѣтся незначительная часть праваго плеча, покрытаго плащемъ. Глаза старца закрыты—онъ представленъ слѣпымъ. По обѣ стороны сидящаго мужчины стоятъ обнаженные юноши въ короткихъ плащахъ; на одномъ изъ нихъ, опирающемся на копье²⁾, высокая шапка и такіе же сапоги, какъ у главной фигуры; изъ-за лѣваго бока виднѣтся мечъ въ ножнахъ. Другой юноша опирается лѣвою рукою, закутанной въ плащъ, на посохъ; правая его рука, вооруженная мечомъ, лежитъ на непокрытой головѣ—положеніе столь извѣстное изъ цѣлаго ряда памятниковъ скульптуры. На ногахъ у него нѣчто въ родѣ чулокъ, переплетенныхъ ремнями или бичевками; поверхъ ихъ надѣты сандалии³⁾.

У мужчины и юноши налѣво лица представлены обращенными къ зрителю въ три четверти, юноша направо изображенъ въ профилѣ.

Ни на минуту нельзя сомнѣваться, что рисовальщикъ вазы *имѣлъ въ виду* описанное въ Одиссеѣ посѣщеніе подземнаго царства Одис-

¹⁾ *Furtwängler* (стр. 300) пишетъ: „Zu seinen Füßen liegt ein getöteter schwarzgestreifter Schaf auf dem Rücken und daneben der abgeschnittene Kopf einer Widder“. Это описаніе, по моему, ошибочно: полосатый корпусъ животного лежитъ не брюхомъ, а спиною вверхъ и, слѣдовательно, принадлежитъ къ бараньей головѣ, которая, какъ мнѣ кажется, вовсе не отрѣзана. Лежащее на второмъ планѣ животное, отъ котораго виднѣтся только одна ножка и голова съ проколотымъ горломъ снизу, я, судя по контурамъ (въ этомъ мѣстѣ рисунокъ пострадалъ), считаю тоже за барана, а не за овцу.

²⁾ Хотя острія не видно, я все же склоненъ считать предметъ въ рукахъ юноши не за длинный посохъ, а за копье, главнымъ образомъ потому, что древко на нѣкоторомъ разстояніи снизу обмотано ремнемъ, какъ копье, предназначенное для мѣтанія (ἀγκύλη), хотя, правда, ремень намотанъ по спиралю, какъ бы слѣдовало ожидать въ такомъ случаѣ.

³⁾ Такая обувь встрѣчается довольно часто, ср., напримѣръ, мужчину на вѣнскомъ скифѣ, описанномъ у насъ въ этюдѣ III; см. теперь *Furtwängler und Reichhold, Griech. Vasenmalerei*, табл. 84, налѣво внизу.

сеемъ и разговоръ его съ прорицателемъ Тиресіемъ. Спутники Одиссея въ эпосѣ названы Перимидомъ и Еврилохомъ ¹⁾).

Рисунокъ по изяществу и корректности, несомнѣнно, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди всѣхъ расписныхъ вазъ. Фуртвенглеръ справедливо замѣчаетъ (стр. 301): „Выраженіе головъ, въ особенности нарисованныхъ спереди, далеко превосходитъ то, что мы привыкли видѣть на вазахъ въ другихъ случаяхъ. Но и рисунокъ тѣла и одежды исполненъ мастерски (*ganz meisterhaft*)“.

Принимая во вниманіе высокія достоинства рисунка, тѣмъ болѣе, по нашему мнѣнію, должна насъ поражать нѣкоторая *неловкость въ композиціи: голова старца положительно втиснута между ногами юности алго*. Неблагопріятное впечатлѣніе производитъ и то, что носъ и открытыя уста слѣща приходятся какъ разъ подъ подошвою праваго сапога сидящаго мужчины. При взглядѣ на прекрасный рисунокъ я всегда выносилъ впечатлѣніе, что этой *голове въ орнаментѣ, къ которому сводится данная ваза, не было*. Если бы подлинность рисунка головы не была обезпечена, я считалъ бы ее за позднѣйшее прибавленіе.

Въ виду сходства главной фигуры съ Эантомъ на нѣкоторыхъ рѣзныхъ камняхъ ²⁾ я давно уже былъ убѣжденъ, что данная фигура создана была для изображенія *отчаянія Данта* въ моментъ просвѣтленія его ума послѣ совершенной имъ рѣзни скота, которое онъ въ своемъ умопомраченіи принялъ за своихъ личныхъ враговъ, а потому при практическихъ занятіяхъ со студентами *всегда толковалъ этотъ рисунокъ въ смыслъ передѣлки одного сюжета въ другой*.

На сходство главной фигуры съ Эантомъ рѣзныхъ камней, какъ

¹⁾ Одиссея, XI:

23. „Давъ Перимеду держать съ Еврилохомъ звѣрей, обреченныхъ
Въ жертву, я мечъ обнажилъ мѣдноострый, и имъ ископавши
Мму глубокую въ локоть одну шириню и длину...
.....

44. Кликнувъ товарищей, имъ повелѣлъ я съ овцы и съ барана,
Острой зарѣзанныхъ мѣдью, лежавшихъ въ крови передъ нами,
Кожу содрать и, огню ихъ предавши, призвать громогласно
Грознаго бога Анда и страшную съ нимъ Персефону.
.....

90. Скоро предсталъ предо мной и Тирезія Онисскаго образъ“;....

Переводъ Жуковскаго.

²⁾ См. теперь *Furtwängler, Die antiken Gemmen*, табл. XXX, 64—66.

я, правда, лишь теперь узналъ, указавъ уже Велькеръ ¹⁾; тѣмъ болѣе странно, что новѣйшій издатель рисунка, Фуртвенглеръ, ничего объ этомъ не упоминаетъ, а, напротивъ, по поводу упоминанія рисунка Гартвигомъ замѣчаетъ: „der nur im Versehen Ajax statt Odysseus schreibt“. Миѣ, напротивъ, кажется, что Гартвиѣ, не отдавая себѣ въ данномъ случаѣ яснаго отчета (онъ не полемизируетъ противъ установившагося толкованія), совершенно невольно, подъ художественнымъ лишь впечатлѣнiемъ, назвалъ сидящаго Эантомъ. Слова Гартвиѣ въ переводѣ гласятъ такъ ²⁾: „Отдѣльно встрѣчаются въ вазовой живописи слѣдующаго времени [авторъ въ данномъ мѣстѣ говоритъ объ эпохѣ Евфронiа] фигуры съ еще повышеннымъ, опредѣленнымъ выраженiемъ. Можетъ быть, въ нихъ отражается искусство Полигнота. Классическимъ примѣромъ этого навсегда останется изображенiе Эанта въ Monumenti IV, таблица 19“.

Обратимся теперь къ Велькеру: „Если фигура Одиссея, пишетъ онъ (стр. 213), на картинѣ Полигнота совершенно не соотвѣтствовала той, которую мы видимъ на нашей вазѣ, то, напротивъ, встрѣчается полное соотвѣтствие между ней и фигурою на нѣкоторыхъ рѣзныхъ камняхъ, представляющихъ Эанта Теламонида, приходящаго въ себя послѣ неистовства, произведеннаго имъ среди стадъ. Вотъ новый примѣръ примѣненiя типовъ, когда древнiе художники переносятъ фигуры или группы, вполне охарактеризованныя, на лица того же характера или на сходныя ситуацiи ³⁾. Въдъ здѣсь Одиссей и Эантъ, какъ лица героическiя, не требовали болѣе различiя въ своей характеристикѣ (какъ это выражаетъ античное искусство); вслѣдствiе этого величавая мрачность момента и даже побочныя обстоятельства, сидящее положенiе, рука съ мечомъ и отрубленныя головы животныхъ, подходятъ равнымъ образомъ и кажутся вполне естественными по отношенiю какъ того, такъ и другаго сюжета безъ того, чтобы это сколько-нибудь повредило естественности или выраженiю каждаго изъ нихъ въ частности. Итакъ, на вазовомъ рисункѣ фигура Одиссея,

¹⁾ *Annali del Instituto*, 1845, 213 сл.

²⁾ *Hartwig*, *Die griechischen Meisterschalen*, 477 прим. 1.

³⁾ Въ примѣчанiе къ этому мѣсту Велькеръ пишетъ: „Un des exemples de cette sorte les plus frappants, c'est Pylade soutenant Oreste malade, dans Winckelmann (Mon. ined., 149 et 150). représentant également deux figures de Niobé sur un sarcophage (Mus. Pio Clem. IV, tav. XVII, cf. 5 g. Welcker, *Griech. Tragödien*, III, S. 1168). Visconti cite Phèdre et Hippolyte représentés comme Vénus et Adonis, et Orphée, Eurydice, Mercure, comme Zéthus, Antiope, Amphion“.

котораго искусство не сумѣло бы представить болѣе выразительнымъ, была скопирована съ фигуры Эанта или, напротивъ, послужила образцомъ фигура Одиссея. За мастеромъ, расписавшимъ сосудъ, остается только счастливая мысль снабдить Одиссея двумя побочными лицами, принесшими жертвенныхъ животныхъ“.

Велькеръ оставляетъ вопросъ открытымъ, кого первоначально изображала сидящая фигура, Эанта или Одиссея; мнѣ, какъ уже выше сказано, представляется, что она создана была для Эанта. Доказательство этого я усматриваю въ выраженіи лица. Помимо грустнаго лица, подходящаго, конечно, и для Одиссея, вызывающаго тѣни усопшихъ, замѣчается еще тупой взглядъ глазъ и всклокоченные волосы. Поэтому я никакъ не могу согласиться съ Фуртвенглеромъ, что „Одиссей съ напряженнымъ вниманіемъ смотритъ на него [Тиресія], чтобы прислушаться къ словамъ тѣни“. Мнѣ, напротивъ, кажется, что широко раскрытые глаза сидящей фигуры въ данный моментъ вообще ничего не видятъ. Всклокоченные волосы усиливаютъ еще выраженіе: мы видимъ передъ собою человѣка ненормальнаго, или очнувагося послѣ предшествовавшаго умопомраченія, въ такомъ именно настроеніи, какъ Эантъ изображается въ трагедіи Софокла.

Далѣе Велькеръ замѣчаетъ, что въ двухъ юношескихъ фигурахъ мы имѣемъ удачное прибавленіе вазового живописца. Не могу раздѣлить и это мнѣніе: стоящіе юноши нарисованы такъ же удачно, какъ сидящій мужчина; слѣдовательно, и они принадлежатъ къ композиціи оригинала. Однако и юноши, по моему убѣжденію, говорятъ въ пользу того, что въ оригиналѣ былъ представленъ не Одиссей, а Эантъ: они совершенно не обращаютъ вниманія на тѣнь Тиресія, а съ грустью смотрятъ на сидящаго мужчину. Зависимость этой фигуры отъ Одиссея на картинѣ Пикія и отъ Эанта на картинѣ Тимохаха хронологически исключается. По моему мнѣнію, оригиналъ изображалъ Эанта, какъ онъ намъ представленъ былъ Софокломъ, причемъ юноши служатъ выразителями тѣхъ чувствъ, которыя Софоклъ вложилъ въ уста своего хора. Упомяну еще о томъ, что остроконечная шапка, подобная той, что на юношѣ влѣво, обыкновенно считается шапкою моряковъ, а къ нимъ-то у Софокла Эантъ и обращается ¹⁾. Упоминается

¹⁾ Ст. 348 сл.

О, друзья мореходцы! Изъ всѣхъ моихъ друзей
Одинъ лишь вы остались мнѣ вѣрными еще.

(Переводъ Краснова).

въ трагедіи и о вѣсколоченныхъ волосахъ (ср. ст. 310: Κόμην ἀπρίξ ὄνυξι σάλλαβόν χειρί).

Итакъ, я увѣренъ, что живописецъ вазы воспользовался композиціей представляющей Данта среди своихъ жертвъ, которую онъ посредствомъ несовсѣмъ удачнаго прибавленія юловы Тиресія обратилъ въ сцену постыженія преисподней Одиссея.

Вл. Мальбергъ.

ЗАМѢТКИ КЪ ЛАТИНСКИМЪ ТЕКСТАМЪ.

I.

Во II-ой книгѣ своей поэмы Лукрецій развиваетъ съ 478-го стиха положеніе, что если бы не было предѣла разнообразію „фигуръ“, основанному на комбинаціяхъ атомовъ, то могли бы появляться тѣла, превосходящія значительно величину прежнихъ, имъ однородныхъ, а кромѣ того совершенствовались бы постепенно качественныя особенности матеріи: порождались бы ими все болѣе пріятныя цвѣта, вкусы, запахи и звуки. По поводу цвѣтовыхъ ощущеній сказано:

<i>iam tibi barbaricae uestes Meliboeaque fulgens</i>	500
<i>purpura Thessalico concharum tecta colore</i>	
<i>aurea raionum rident imbuta lepore</i>	
<i>saecula noua rerum superata colore iacerent.</i>	503

Такъ гласитъ рукописное преданіе. Въ стихѣ 501-омъ преобладало нѣкогда чтеніе „*tincta colore*“. Затѣмъ Oudendorp предложилъ „*tacta*“, что одобрилъ Лахманъ и, почему-то, приняли другіе издатели. Въ концѣ того же гексаметра Denis Lambin добавлялъ *et*: Лахманъ справедливо замѣтилъ, что этимъ союзомъ заканчиваютъ гексаметръ только сатирики; кромѣ того, онъ находилъ неудачною создаваемую такимъ путемъ координацію пурпурныхъ тканей съ „*aurea raionum—saecula*“. Munro передъ „*aurea*“ предположилъ поэтому выпаденіе стиха приблизительно слѣдующаго содержанія: „*et quos ostendunt in solis luce colores*“, благодаря чему словно противопоставались бы, какъ неоднородныя категоріи, пурпуръ и павлины. И Lachmann, и Munro приняли въ ст. 502-омъ поправку „*ridenti*“ (Fr. Medices), но первый изъ нихъ, считая правильною мыслью Михаила Marullös, который от-

носилъ и этотъ стихъ къ багрянцѣ, измѣнилъ еще „*imbuta*“ въ „*imitata*“. Для стиха 503-го отмѣтимъ конъектуру Петра Бурмана: „*Perla*“ и несомнѣнную эмендацію „*попо*“ (Fr. Medices).

Какъ намъ кажется, обойтись безъ вставки стиха удалось бы только, пожертвовавъ словомъ „*aurea*“, къ чему нѣтъ достаточныхъ основаній: только мы не заполняли бы пробѣла гексаметромъ, въ которомъ еще разъ встрѣчалось бы слово „*colore*“. Лукрецій не боится, конечно, повторенія словъ (ср. II, 828—832: *colorem—color—colorem*), но конъектурно вносить такія явленія въ текстъ безъ явной необходимости не слѣдуетъ. Что же касается редакціи Лахмана „*Iam tibi barbaricae uestes Meliboeaque fulgens Purpura Thessalico concharum tacta colore, Aurea, raionum ridenti imitata lepore Saecula, popo regum superata colore iacerent*“, то нельзя не указать на два ея неудобства. Во-первыхъ, подозрительно *asyndeton* въ такой формѣ: „*tacta—, aurea,—imitata*“ (самому Лахману пришлось сличить V, 1427 sq.: „*ueste carere Purpurea atque auro signisque ingentibus apta*“). Во-вторыхъ, сбиваетъ множ. число „*iacerent*“ при предшествующемъ ед. ч. „*purpura... imitata*“, послѣ котораго никто не станетъ понимать „*superata*“ снова какъ *pluralis*, обусловленный синтаксически уже такъ сказать выдохшимся „*barbaricae uestes*“. Зато „*imitata*“ насъ вполне удовлетворяетъ, ибо Лахманъ не заставляетъ вовсе Лукреція говорить, что павлины были пурпуроваго цвѣта, а исходить изъ простаго наблюденія, что переливами своей лоснящейся поверхности („*ridenti lepore*“) темный тирскій багрець (Plin. *n. h.* IX, 135) долженъ былъ напоминать игру красокъ на хвостѣ (Lucr. II, 806 sq.) и шеѣ павлина (Sen. *n. q.* I, 5, 6). Ср. Ulpian. Dig. XXXII, 70, 12: „*quaeritur, an purpura appellatione uersicolorum contineretur* (если бы таковыя были упомянуты въ какомъ-нибудь завѣщаніи):... *contineri arbitror*“. Liv XXXIV, 1: (Оппіевъ законъ устанавливалъ, м. пр.) „*ne qua mulier—uestimento uersicolori uteretur*“ (въ слѣдующихъ главахъ, гдѣ повѣствуется о преніяхъ, будто бы предшествовавшихъ отмѣнѣ этого закона, названъ постоянно, вмѣсто того, пурпуръ).

Наиболѣе затруднительнымъ въ данныхъ стихахъ представляется намъ эпитетъ „*Thessalico*“: изъ него слѣдовало бы вывести, что Лукрецій разумѣлъ ту Мелибею, которая находилась на берегу Магнесіи между горами Ossa и Pelion. Вергилій, имѣя въ виду настоящее мѣсто Лукреція, говоритъ *Aen.* V, 250 sq.: „*chlamydem auratam, quam plurima circum Purpura maeanthro duplici Meliboea cucurrit*“, т. е. о Тессаліи не упоминаетъ (такъ и Sidon. Apoll. IX, 13, 5 и 15 sqq.:

„Rutilusque ferte blattas, Recoquente quas aëno Meliboea fucat unda“). Съ другой стороны, ни Гомеръ (*Il.* II, 717), ни Геродотъ (VII, 188), ни Страбонъ (IX, p. 443), ни Ливій (XLIV, 13), ни Плиній (*n. h.* IV, 32), когда называютъ магнесійскую Мелибею, о процвѣтаніи въ ней багрениа ни слова не роняютъ. Помпоній Мела II, 3, 35 замѣчаетъ даже: „а Peneo ad Sepiada Corynthis, Meliboea, Castanaea pates ad famam, nisi quod Philoctetes alumnus Meliboean inluminat“. Могъ ли бы онъ выразиться такъ презрительно, если бы въ этой Мелибеѣ высоко стояла обработка пурпура и продажа обращенной шерсти? Кстати сказать, и Аристотель *hist. animal.* V, с. 13 (15) тессалійскихъ багрнянокъ особо не отмѣчаетъ.

Мы, впрочемъ, далеки отъ утвержденія, что на побережьи Тессалии не было вовсе мануфактуръ багреца. Самая раковина (какъ *bucinum*, такъ и *pelagiae*) водилась вѣдь повсюду близъ азіатскихъ ¹⁾ и европейскихъ ²⁾ береговъ Эгейскаго моря: а до позднихъ временъ главные центры обработки сока багрнянки и окраски имъ шерсти находились недалеко отъ мѣстъ улова (W. A. Schmidt, *Forschungen*, I, 170 f.: но онъ обращаетъ вниманіе и на то, что уже въ „Дѣяніяхъ Апост.“ 16, 14 упоминается *πορφύρακις πόλεως Θυατείρων*, каковой лидійскій городъ отстоялъ верстъ 50 отъ моря). Помимо того, Киріакъ Анхонскій сохранилъ намъ текстъ списанной имъ въ Коринѣхъ надписи (*CIL.* III 536 = Dessau 1575), которая чествуетъ нѣкоего „Theoprepes, Aug(usti) lib(ertum), procuratorem) domini n(ostri) M. Aug(ustini) Severi Alexandri pii fel(icitis) Aug. provinciae Achaiae et Epiri et Thessaliae rat(ionis) purpurarum“. Изъ этого памятника видно, что въ третьемъ вѣкѣ нашей эры были и въ Тессалии императорскія βαφεῖα, торговавшія пурпуромъ. Hirschfeld (*R. Verwaltungsgesch.* I, 193, 1) полагалъ, что такую продажу Северъ Александръ и организовалъ впервые. Можно пойти дальше и предположить, что самая фабрикація, свойственная принадлежавшимъ фиску красильнямъ, создавалась при томъ же императорѣ. Биографія его (с. 40, 6) сообщаетъ, по крайней мѣрѣ: „purpurae clarissimae non ad usum suum, sed ad... uendendum grauissimus exactor fuit, ita ut *Alexandriana* purpura hodieque (при Кон-

¹⁾ У Аристотели I. I. къ большимъ багрнянкамъ отнесены αἱ περὶ τὸ Μέγειον καὶ Λαχτόν, у Овидія *Met.* VI, 8—9 отецъ Арахны „Colophonius Idmon Phocaico bibulas tingebat murice lanas“, о Милетѣ см. эдиктъ Діокл. 16, 91, Карію вообще упоминаетъ Аристотель, у Горация с. IV, 13, 13 названы „Соае-пурпурае“.

²⁾ Еврипъ названъ у Арист., о Евбей см. Dio Chr. VII, § 2 Emr., о Гермioniѣ Plut. *Alex.* 36 и Alciphr. *Epist.* III, 46, 4.

стантинъ) dicatur, quæ vulgo *Probiana* dicitur idcirco quod Aurelius Probus verhiis præpositus *id genus muricis reperisset*“. Не лишено, впрочемъ, для насъ значенія, что ессалійскія и эфирскія казенныя красильни самостоятельнаго управленія, значить, не имѣли, а были подчинены, какъ второстепенный придатокъ, прокуратору *rationis purpuratum* провинци Ахаиі. Эссалия административно причислялась въ римскую эпоху къ Македоніи (С. А. Жебелевъ, 'Αχαΐα, 74): но и про македонскія въ тѣсномъ смыслѣ ἀλουροκόλλα фиска мы ничего не узнаемъ. Напротивъ того, известно, напр., что въ македонскомъ городѣ Эссалоникѣ имѣлась частная συνήθεια τῶν πορφυροβάφων (Marquardt, *Privatleben*, 497, 13): только надо констатировать, что эти македонскіе *purpurarii* (*СН.* III 664) отнюдь не пользовались славой. Частные заводы продолжали, должно быть, держаться старинной техники, которую на казенныхъ вытѣснила при Северѣ Александрѣ нѣсколько усовершенствованная (частная продажа лучшихъ сортовъ пурпура была совершенно запрещена въ 383 г.: *Cod. Iust.* IV, 40, 1). Между тѣмъ Лукреціи уже лѣтъ за 70 до Р. Хр. называетъ, очевидно, мелибейскій пурпуръ, какъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ.

При указанныхъ условіяхъ, рождается, естественно, подозрѣніе, не разумѣть ли въ стихѣ римскаго поэта Мелибею не магнасійскую, а другую. Такая догадка, собственно говоря, давно и сдѣлана: Isaacs Vossius въ 1658 г. высказалъ въ прим. къ Мелѣ, что 'мелибейскій пурпуръ' у *Вергилия* нужно производить отъ названія островка Μελίβοια, расположеннаго у самаго устья сирійскаго Оронта (Orpian. *Cyueg.* II, 120). Если это такъ, то рѣчь шла бы просто о финикійскомъ пурпурѣ, ибо названный пунктъ омывался бы „финикійскимъ моремъ“, воды котораго, дѣйствительно, изобилуютъ на всемъ его протяженіи [*Isidor. origg.* XIX, 28, 3: „optimum (sc. ostrum) in insula Cypro gignitur“] багрянкой. Простиралось же оно на сѣверъ до Иссическаго залива. Ср. *Plin. n. h.* V 67: „Longitudo eius (Сирія въ широкомъ смыслѣ) inter Ciliciam et Arabiam CCCCLXX p. est... Id quod praeiacet mare totum Phoenicium appellatur“. *Agathem.* 2, 14. *Dionys. Perieg.* 115 sqq.: ναῦται δὲ... ἀλα κιλίκουουσιν... Σιδονίην..., ὅθι τείνεται ἐς μυχὰ γαίης Ἰσσοῦ ἄγρις πόλιος, Κιλίκων χωρὰν παραμείβων, Ἰσσηκός... κόλπος. Отъ *Периегета* зависятъ *Auuen. descr.* 167 sqq. и *Priscian. Perieg.* 120 sqq. Но не зависить, понятно, отъ писателя эпохи *Гадриана Стацій*, у котораго *Silu.* III, 2, 140, какъ будетъ мотивировано ниже (въ XX-омъ параграфѣ), слѣдуетъ возстановить рукописное чтеніе „*purpura... Sidoniis iterata uadis*“ (вытѣсненное во всѣхъ изданіяхъ конъектурой *Гро-*

новія „cadis“). Толкованіе Фоссія не принялось вслѣдствіе того, что Вергилія нельзя тутъ не возводить къ Лукрецію, а у послѣдняго категорически сказано „Thessalico“. Но мы видѣли, что именно съ „Thessalico“ не легко примириться, и что вся группа стиховъ Лукреція неоспоримо повреждена. Позволяемъ себѣ поэтому быть того мнѣнія, что, вмѣсто ессалийскаго багреца, былъ поименованъ авторомъ тотъ, который считался наиболѣе извѣстнымъ послѣ такъ называемаго „тирскаго“. А что „мелибейскій“ надо понимать о приготовленномъ на заводѣ, который пытается добычей изъ „сидонскаго моря“ (ср. у Аполлин. Сидонія въ цитованномъ выше текстѣ: „Meliboea fuscata unda“) и который работаетъ подлинно финикійскимъ способомъ, видно также изъ „fulgens“, ибо одной изъ отличительныхъ особенностей „тирскаго“ пурпура являлся его недосыгаемый для другихъ фабрикатовъ кровавый отблескъ на почти черномъ фонѣ. Объ этомъ ниже, въ XX-омъ параграфѣ. Здѣсь достаточно напомнить, что подчеркивающія самый „блескъ“ греческія литературныя свидѣтельства начинаются, пожалуй, съ Гомера, которому были уже извѣстны πέπλοι πορφύριλοι, ἔργα γυναικῶν Σιδωνίων: объ одномъ изъ такихъ покрововъ, принадлежавшихъ Гекубѣ, сказано: ἀστὴρ δ' ὡς ἀπέλαμπεν (Il. VI, 289—295). Изъ дальнѣйшихъ см. напр. Philostr. *Imagg.* I, 27, 4: ἦν (ἀλοουργίαν) ἐκαιοῦσα Φοίνικας... ἔλκει τινὰ παρὰ τοῦ ἡλίου ὄραν (съ чѣмъ Schmidt *o. l.* 127 сопоставилъ Poll. *Onom.* I, 4, 49: χαίρει δὲ ἡλίῳ ὀμιλοῦσα τῆς πορφύρας ἢ βαφῆς. καὶ ἡ ἀκτίς αὐτῆν ἀναπορροεῖσι καὶ πλείω καεὶ καὶ φαιδρότεραν τὴν αὐτῆν, ἐκφοινισσομένην ἐκ τοῦ ἄνω πυρός). Изъ латинскихъ писателей ср. хотя бы Plin. *n. h.* IX, 135: „suspectu refulgens“ и Sen. *nat. q.* I, 5, 12: „purpuram Tyriam, quo melior saturiorque, eo altius oportet teneas, ut fulgorem suum teneat“ („intendat“?). По поводу послѣдняго текста вспоминается анекдотъ объ Авргетѣ у Макробія *Saturn.* II, 4, 14: „Cum de Tyriacae purpurae quam emi iusserat obscuritate quereretur, dicente uenditore ‘erige altius et suspice’, his usus est salibus: quid a(r)go? ut me populus Romanus dicat bene cultum, in solario ambulaturus sum?“ Не приводимъ длиннаго ряда мѣстъ изъ поэтовъ, вродѣ Prop. IV, 3, 51: „Nani mihi quo, Poenis si (te N, corr. Heins.) purpura fulgeat ostris“, *Paney. Mess.* 121: „fulgentem Tyrio subtegmine uestem“, Ouid. *Tr.* IV, 2, 27: „Sidonio fulget sublimis in ostro“, Sen. *H f.* 467: „fulsitque pictum ueste Sidonia latus“, Lucan. X, 123 sq., Sil. *It.* IV, 268: „Sidonio fulgentem ardore tapeta“. Прибавимъ, однако, что въ Римѣ появился однажды пурпуръ неизвѣстнаго происхожденія, блескомъ своимъ зат-

нившій тирскій: но это вызвало настоящій переполохъ. Сообщается о томъ въ біографіи Авреліана 29: „ad quod [*pallium purpureum*] cum matronae atque ipse Aurelianus iungerent purpuras suas [*a вѣдь „sacer tures“*, какъ позднѣе говорилось, и разрышенный матронамъ Авреліаномъ—*vit. c. 46*—былъ именно тирскій], cineris specie decolorari uidebantur ceterae diuini comparatione fulgoris. Hoc munus rex Persarum ab Indis interioribus sumptum Aureliano dedisse perhibetur, scribens: ‘Sume purpuram, qualis apud nos est’. <*Fide is abusus est:*> nam postea—et Aurelianus et Probus et... Diocletianus missis diligentissimis confectoribus requisierunt tale genus purpurae nec tamen inuenire potuerunt: dicitur enim sandyx Indica talem purpuram facere, si curetur“. Если отвлечься отъ этого загадочнаго случая, относящагося приблизительно къ 273 г. по Р. Хр., тирскій багрецъ всегда превозносятся, какъ наиболѣе заслуживающій эпитета „fulgens“ (чему не противорѣчить, что всякій восхваляемый пурпуръ характеризуется, какъ „блестящій“; не называетъ происхожденія Lucr. II, 52: „clarum uestis splendorem purpureae“, о Гермионскомъ говоритъ Plut. *Al.* 36, указывая на такой запасъ нарядовъ, который 190 лѣтъ сохранилъ τὴν λαμπρότητα χαθάρων καὶ στίλβουσάν).

Лишь въ меньшей степени, нежели тирскій, но все же за аналогичныя достоинства высоко цѣнился въ древности тотъ пурпуръ, обозначеніе котораго кроется нынѣ у Лукреція подъ „Thessalico“ и было бы, кажется, восстановлено, если бы читать:

iam tibi barbaricae uestes, Meliboeaque fulgens	500
purpura, Taenariae concharum <in>fecta(ue) flore	
<uelleræ. Chaoniae uolucris nunc colla quoque>	
aurea pannonum ridenti imitata lepore	
saecula, nouo rerum superata colore iacerent.	503

Прежде всего, что такое „barbaricae uestes“? По всѣмъ вѣроятіямъ, это—украшенные разноцвѣтною вышивкой и золотыми фигурами фригійскія и вавилонскія матеріи. Donat. ad Verg. *A.* XI, 777: „Barbaricarii dicuntur exprimentes ex auro et coloratis filis hominum figuras“ eqs. 3). Нерѣдко упоминается о томъ, что въ самой ткани бывали уже рисунки. Ouid. *Met.* VI, 576 sqq.: „(Филомела, у которой Tereus вырвалъ языкъ) Stamina barbarica suspendit callida tela 4) Pur-

3) О нихъ въ единствѣ Диокл. *de pret. rer. uenial.* 16, 50-53.

4) Здѣсь, повидному,—особый станокъ.

pureasque notas („письмена“) filis intexuit albis, Indicium sceleris“⁵⁾. Рядомъ съ багряницею эти „vestes plumatae“, какъ ихъ тоже называли, встрѣчаются у Лукреція еще, напр., II, 35 sq.: „Textilibus si in picturis ostroque rubenti Iacteris“. То же сопоставленіе имѣется у Силія Италика XIV, 654 sqq. (о Сиракузахъ): „non usquam clarior illo Gloria picturae saeclo; non aera iuuabat Quem scire Ephyren [„Ostentare Ephyres“?], fuluo certaret ut [„et“?] auro Vestis, spirantis referens subtemine uultus, Quae [„Quot“?] radio caelat Babylon“) uel murice picto Laeta Tyros“.

Затѣмъ, не подлежатъ сомнѣнію, что за тирскимъ пурпуромъ (longo, sed proximus interuallo) слѣдовалъ по своей доброкачественности непосредственно лаконскій. Еще во второй половинѣ II в. по Р. Хр. Павсанія III, 21, 6 могъ сказать: κόχλους δὲ ἐς βαφὴν πορφύρας παρέχεται τὰ ἐπιθαλάσσια τῆς Λακωνικῆς ἐπιτηδαιοτάτας μετὰ γὰρ τὴν Φοινίκων θάλασσαν, въ началѣ же III-го в. нашей эры Климентъ Александрійскій отмѣчаетъ *Raedag.* II, 10, 115 p. 239 Potter: διὰ ταύτην γοῦν τὴν πορφύραν ἢ Τύρος καὶ ἡ Σιδῶν καὶ τῆς Λακωνικῆς ἢ γείτων τῆς θαλάσσης ποθεινότηται. ἀνάγονται δὲ εὖ μάλα καὶ οἱ βαφαῖς αὐτῶν, καὶ οἱ πορφυραῦται, καὶ αὐτὰ τὰ κογχύλια, διὰ τὸ αἷμα τούτων ἔξανθεῖν τὴν πορφύραν. Ср. Plin. *n. h.* IX, 127: „Tyri praecipuus hic [*purpurarum sucus*] Asiae, Meninge Africae et Gaetulo litore oceani, in Laconica Europae“. XXXV, 45: „quare Puteolanum [*purpurissum*“, *m. e. румыны*] potius laudetur, quam Tyrium aut Gaetulicum, uel Laconicum, unde protiosissimae purpurae“. На основаніи обоихъ мѣстъ Плинія мы бы поставили, къ слову сказать, вопросъ: не слѣдуетъ ли возстановить *n. h.* XXI, 45: „purpuras Tyrias dibaphas <*Libycas*>que“) ac Laconicas“? Изъ того, что Плиній въ своихъ перечисленіяхъ называетъ Африку раньше Европы, не вытекаетъ, что лаконскій пурпуръ почитался третьимъ, а не вторымъ. У Стація (*Silu.* I, 2, 150 sq.) упоминаются оба высшіе сорта: рядомъ съ тирскимъ поставленъ лаконскій. Вотъ латинскій текстъ: (гиперболически восхваляется цвѣтъ темно-бурого

⁵⁾ Ср. Marquardt, *Privatleben*, 521, 9, который тщетно оснашиваетъ множество исныхъ свидѣтельствъ.

⁶⁾ Lucr. IV, 1029: „Babylonica magnifico splendore“ (cf. 1123). Petron. 55, u. 3 о павлинѣ: „Plumato amictus aureo Babylonico“ (Phil. *de animal. propr.* 200 sqq.). Ioseph. *b. Iud.* VII, 5, 5. Martial. VIII, 28, 17 sq.: „Babylonos picta superbae Texta“.— Мѣста о *phrygiones* см. у Марквардта l. l., прим. 1—2.

⁷⁾ Ср. еще Plin. *n. h.* V, 12, VI, 201. Mela III, 104. Hor. *c.* II, 16, 36; *epist.* II, 2, 181. Sil. *It.* VIII, 437. XVI, 178, 569 al.

порфира въ домѣ Стеллы): „ruresque nitent, quis purpura saepe *) Oebalis et („и даже“) Tyrii moderator *) liuet aëni“. Такой же смыслъ имѣютъ слова Овидія *Rem. am.* 707 sqq. Авторъ поучаетъ читателей, какъ легче разлюбить вазнобу, и даетъ совѣтъ: „Сопоставляйте ее съ еще большей красавицей“. Подлинникъ гласитъ:

confer Amyclaeis medicatum uellus aënis	707
murice cum Tyrio: turpius illud erit.	
uos quoque formosis uestras conferte puellas:	
incipiet dominae quemque pudere suae.	710
utraque formosae Paridi potuere uideri:	
sed sibi conlatam uicit utramque Venus.	

Итакъ, тирскій пурпуръ—это блескъ Афродиты (Strab. XVI, p. 757: πὸλὸ γὰρ ἐξήτασται καὶ τὴν Ἱουρία καλλίστην πορφύρα), но за лаконскимъ (и гетулійскимъ) остается все еще лестное сходство съ красотой Паллады (и Геры) ¹⁰⁾.

*) Heins.: „raene“, Markl.: „cedit“, Baehrens: „sordet“ (но слово это предшествовало п. 147). Не читать ли: „лес rag“?

*) Heins.: „moderatrix“. Очень странно, конечно, звучала бы координація „purpurae“ съ завистью самого красильщика. Но если вспомнить Plin. *n. h.* XI, 8: „ut saeriae in mari sanguinis uires atramentum optinet, purpurarum generi *infector ille susus*, sic et insectis quisquis est vitalis umor hic erit sanguis“, то спрашивается, не разумѣть ли подъ „moderator“ окрашивающее вещество (въ приготовленномъ уже видѣ). Ср. также Sen. *n. q.* III, 25, 4: „si illis [македонянамъ] opus fuit lana pulla, paratus gratuitus *infector* est: ad *Peneion*—gregem adpellant“. Обояжь мѣст Vollmer не привелъ S. 251, но справедливо допускаетъ уже, что „moderator“ можетъ относиться къ пурпуру (а не къ „Aufseher des Kessels“), и по поводу *liuet* ссылается убѣдительно на аналогичныя персонификаціи *Sili.* II, 2, 5. I, 3, 56. 5, 50 и т. п. Если бы, однако, подобное толкованіе Стаціи было рискованно, то, вмѣсто „moderator“, мы конъюндровали бы „medicatus“ (Ouid. *her.* 12, 165: „doctis medicatibus“). По существу см. Ouid. *Med. f.* 9: „uellera saepe eadem Tyrio medicantur aëno“ (*Rem.* 707 sqq. цитуются въ текстѣ). Cic. *ar. Non.* p. 521: „qui conbibi purpuram uolunt, sufficiunt prius lanam medicamentis quibusdam“. Sen. *nat. q.* I, 3, 12: „purpura eodem conchylio (въ широкомъ смыслѣ слова) non in unum modum exit; interest quamdiu macerata sit, crassius medicamentum an aquatius traxerit, saepius mersa et excocta, an semel tincta“. Plin. *n. h.* IX, 133: „medicaminis“. Но у него же, § 138: „medicamina adduntur“ относится уже не къ тирской *dibarha*, а къ приготовленію *uestis conchyliatae* въ техническомъ смыслѣ (тутъ багрець погружался дополнительно не въ *bucinum*, а въ *fuscus*). Такъ и Hor. *c.* III, 5, 28: „lana—medicata fuso“ [ср. Ouid. *am.* I, 12, 11. Lucan. III, 238: „tingentes croceo medicamine crinem“]. Blümmner, *Technol.* I, 218, 1 и 219, 3 указалъ на нѣкоторые греческіе тексты. Образно Лукіанъ сказалъ, напр., *Imagy.* 16: οὐκ ἄχρι τοῦ ἐπακρωθῆσαι μόνον, ἀλλ' ἐς βάθος δευροποιοῖς τισι φαρμάκῳ ἐς κόρον καταβαφεῖσα.

¹⁰⁾ Гораций *c.* II, 18, 7 sq., заявивъ, что въ его домашней обстановкѣ ткетно

Обращаемся къ „infestaque floge“. Уже Ламбингъ, какъ мы видѣли, признавалъ желательной вставку союза. Для насъ внесеніе *que* или *ue* въ текстъ обязательно, коль скоро мы понимаемъ „Meliboea—purpura“ въ значеніи финикійскаго пурпура и полагаемъ, что послѣ него говорилось о лаконскомъ. Рукописное „tecta colore“ къ тому же невозможно, а догадка „tacta colore“ явно неудовлетворительна ¹¹⁾. Заманчиво „tincta“ ¹²⁾, какъ и внолнѣ само по себѣ допустимо, „concharum—colore“ (ср. VI, 1074 sq.: „Purpureusque colos conchyli iungitur uno Corpore cum lanae, dirini qui non queat usquam“). Но популярное „tincta“ не исказилось бы, пожалуй, въ „tecta“, а вѣсто „colore“, не хуже чего было бы у другого писателя „suore“ ¹³⁾, тре-

стануть искать роскоши, продолжаетъ: „Nec Laconicas mihi Trahunt honestae [„omistae“?] purpuras clientae“. Ювеналъ, VIII, 100 sq., какъ на образчикъ богатства, бывшего вѣкогда въ неразграбленныхъ еще римлянами провинціяхъ, указываетъ на то, что „Plena domus tunc omnis et ingens stabat aegerius Nummorum, Spartana chlamys, conchyliа Coa“ eqs. У Лукіана, Κατάκλ. 16 санюжикъ смѣется въ преисподней надъ собой, что при жизни считалъ тирана счастливымъ изъ-за ого богатой пурпурной одежды: μαχαρίζων ἐπὶ τῷ αἵματι τῶν ἐν τῇ Λακωνικῇ θαλάττῃ κοχλίβων. Stat. Theb. IX, 690 и т. д. Относительно предположеннаго нами способа выраженія ср., напр., Valer. Fl. V, 512: „Accipe Taenarii chlamydem de sanguine aëni“.

¹¹⁾ Одночисное „(spruta) croci contacta colore“ (Lucr. VI, 1188) сказано о выдѣленіяхъ зараженнаго чумой, получившихъ желтоватый оттѣнокъ. Когда же хвалятъ качество багрянницы, то утверждаютъ не то, что она слегка лишь „тронута“ красящимъ веществомъ, а то что она имъ пропитана до полной насыщенности. Выше пришлось уже цитировать Sen. п. q. I, 5, 12: „purpuram Tyriam, quo melior saturiorque“ eqs. и Lucian. Imagg. 16: ἐς κόρον καταβαφεῖσα. Последній въ переносномъ же смыслѣ, но съ прямымъ намекомъ на терминологию красильной техники, говоритъ δις κατῆν. 8: ὁπόσα μὲν οὖν ἐς κόρον ἔπλον τῆς βαφῆς [образованности], χρεῖστοί [и готовы привѣтствовать справедливость: ср. M. Antonin. III, 4: ἀνθρωπον—δικαιοσύνη βαφμισμένον ἐς βάθος]. Изъ мѣстъ, гдѣ говорится въ прямомъ смыслѣ, сл. Ouid. Met. XI, 166: „Tyrio saturata murice palla“, Sen. Thyest. 955 sq.: „Tyrio saturas ostro—nestes“, Sil. It. VII, 642: „Purpura Agenoreis saturata micabat aënis“, Martial. VIII, 48, 5, Stat. Theb. IX, 690: „bis Oebalio saturatam murice pallam“.—Совсѣмъ иное дѣло *vestis conchyliata*: тутъ искусственно добывались сѣрыхъ тоновъ, и цѣль считалась достигнутой, если (Plin. п. h. IX, 138): „gignitur laudatus ille pallor saturitate fraudata tantoque dilutior quanto magis uclera esuriunt“.

¹²⁾ Ср. βάπτειν, βαυζοποιεῖν и пр., а у Лукреція II, 736, 747, 776 (V, 721. VI 971), дагѣ Plin. п. h. IX, 125, 133. 137, Hor. с. II, 16, 36: „murice tinctae—lanae“, Epist. II, 2, 181, Tib. II, 4, 28 и т. п.

¹³⁾ Сверхъ приведенныхъ на стран. 255 и въ примѣч. 9 и 10 текстовъ Климента Алекс., Плинія, Лукіана и Валерія Флакка, ср. Aristot. de color. 40: τὰ μὲν γὰρ ἐξ ἀρχῆς, ὅταν βάπτοντες [τὴν πορφύραν] καθίστα αἱματίδας [Schmidt: αἱματίδας, т. е. самыя

буется двусложное слово, которое соответствовало бы по содержанию предыдущему „fulgens“, и все побуждает думать, что такимъ словомъ было „flore“. Ср. Plat. *Rep.* IV, p. 429 d—e: οἴσθα—ὅτι οἱ βαφεῖς, ἐπειδὴν βουληθῶσι βάφαι ἔρια ὡστ' εἶναι ἀλουργά, πρῶτον μὲν ἐκλέγονται ἐκ τοσοῦτων χρωμάτων μίαν φύσιν τὴν τῶν λευκῶν ¹⁴⁾, ἔπειτα προπαρασκευάζουσιν οὐκ ὀλίγη παρασκευῇ θεραπεύσαντες, ὅπως δέξεται ὅτι μάλιστα τὸ ἄνθος, καὶ οὕτω δὴ βάπτουσι. καὶ δ' μὲν ἂν τούτῳ τῷ τρόπῳ βαφῆ, δευσοποιὸν γίγνεται τὸ βαφέν, καὶ ἡ πλύσις οὐτ' ἄνευ ῥοιμάτων οὔτε μετὰ ῥοιμάτων δύνатаι αὐτῶν τὸ ἄνθος ἀφαιρεῖσθαι. Aristot. *Hist. animal.* V, 13, 3: αἱ μὲν ἐν τοῖς κόλποις (πορφύραι) μεγάλαι ... καὶ τὸ ἄνθος αὐτῶν αἱ μὲν πλείσται μέλαν ἔχουσιν ... αἱ δ' ἐν τοῖς αἰγυαλοῖς καὶ περὶ τὰς ἀκτὰς τὸ μὲν μέγεθος γίγνεται μικραὶ, τὸ δ' ἄνθος ἐροθρὸν ἔχουσιν. *ibid.* 4: τὸ δὲ ἄνθος ἔχουσιν ἀνὰ μέσον τῆς μήκωνος καὶ τοῦ τραχήλου ... θλιβόμενος δὲ (ὁ ὕμην) βάπτει καὶ ἀνθίζει τὴν χεῖρα ... τοῦτο δὲ δοκεῖ εἶναι τὸ ἄνθος. ἡ δ' ἄλλη φύσις οἶον στοπτηρία. Отсюда Plin. *n. h.* IX, 125: „purpurae florem illum tinguentis expetitum uestibus in mediis habent faucibus

железы], ὄρφνια γίγνονται, καὶ μέλανα, καὶ ἀροειδεῖς τοῦ δὲ ἄνθους συναψηθέντος ἰκανῶς, ἀλουργὸν εὐανθὲς γίγνεται καὶ λαμπρόν. Poll. *Onom.* I, 4, 49: τὸ δὲ αἶμα, ἐπειδὴν πυρὶ ὀμλήσῃ, χεῖται τε καὶ ἐξανθεῖ. Cassiod. *Var.* I, 2: „sanguis ille nobilis“ (и выше „сгвогем“). Ср. приводимый стр. 260 текстъ изъ кодекса Θεοδοσία X, 21, 3.

¹⁴⁾ Tibull. II, 4, 28: „niveam Tyrio murice tingit ouem“, Sen. *Med.* 99 sq.: „Ostro sic niveo puniceo color Perfusus rubuit“. Удивляетъ на первый взглядъ у Сенеки кажущаяся неточность, „puniceo“, болѣе естественная, думалось бы, въ стихахъ Клавдиана (*Prob. et M. cons.* 90) или Драконция (*Romul.* X, 260). Нормально пурпурный цвѣтъ отличается отъ пунцового. Ср. Lucr. II, 830. Tib. II, 3, 58. Stat. *Ach.* I, 308. Изъ греческихъ текстовъ сл. Aristot. *de coloribus* passim, Athen. V, p. 197 e: (ὀδμῆ) πορφύρας χλαμύδας, οἱ δὲ φοινίκιδας ἡμφιασμένοι, Dio Chrys. or. I, § 81 Кпр.: τοῦτο μὲν ἀλουργίδων, τοῦτο δὲ φοινικῶν. Однако, встрѣчаются не только мало авторитетныя мѣста, въ родѣ Ps. Lucian. *Amor.* 41: (οὐκ ῥυμνιάτῃς щеки), ἵνα τὴν—χρῶν τὸ πορφυροῦν ἄνθος ἐπιφρονήσῃ, но и такія, въ коихъ, при явномъ пониманіи дѣла, выражаются аналогично: см. выше (стр. 253) текстъ изъ лексикона Полидевка. Разгадка въ томъ, что и хорошій пурпуръ можетъ приобрести, при благоприятномъ освѣщеніи, яркій колоритъ, хотя фонъ его останется темнымъ. Не рѣшаетъ вопроса, что Сенека сказалъ *rubuit* (чѣмъ онъ могъ обозначить и темный оттѣнокъ), но мыслямо, что имъ разумѣлась *оxycoria*. Напрасно бы, во всякомъ случаѣ, текстъ „Меден“ стали измѣнять, читая, напр.: „ostro sic niveo sanguineo color“. (Vorg. *A.* XII, 67 sq.: „sanguineo ueluti uiolauerit ostro Si quis ebur“). Вѣдь и о крови встрѣчается „puniceus“: правда, алою называютъ свѣжепротитую (Ouid. *Met.* II, 607. IV, 728. XIII, 887: но *Odys.* 18, 97 и т. п. различно понимаютъ), тогда какъ высшій сортъ „тирскаго“ пурпура былъ цвѣта запекшейся крови (Plin. *n. h.* IX, 135: „laus ei summa in colore sanguinis concreti“). Ср., впрочемъ, изложенное нами въ *Филол.* *Обозр.* VI, 21, пр. 3.

(cf. § 130)¹⁵⁾. Къ очень позднему времени относится стихъ изъ *Peruig. Ven.* 19 (о темныхъ розахъ): „<qu>in pudorem florulentae prodiderunt purpurae“, но онъ приобретаетъ интересъ въ виду того, что Плиний *n. h.* IX, 126 сравниваетъ по цвѣту сокъ пурпурной улитки именно съ темной розой: „liquoris hic („здѣсь“) minime est in¹⁶⁾ candida uena, unde pretiosus ille bibitur nigrantis rosae colore sublucescens“¹⁷⁾. Относительно Лукреція Сервія *in Aen.* VII, 804 („florentes aere cateruas“) ¹⁸⁾ замѣчаетъ: „Ennius et Lucretius florere dicunt omne quod nitidum est: hoc est secutus Vergilius“. Къ этому присовокуплена дошедшая въ ошибочной формѣ цитата изъ Лукреція V, 1442 ¹⁹⁾.

¹⁵⁾ Кое-что приведено выше стр. 255 (ἐξανθεῖν у Климентя), въ пр. 13 (ἀνθος и ἐξανθίς у Аристотеля, ἐξανθεῖ у Poll. *Onom.*) и въ пр. 14 (ἄθος у Pz. Lucian. *Am.*) Отмѣтимъ еще Lucian. *Catal.* 16: τῆς—πορφύρας τὸ ἄθος ὄρων (на тираннѣ), ἐμακάριζον и цвѣ сопоставленнаго у Blümmner (*Technol.* I, 221, 6 и 222: 4), напр., Poll. I, 44: λέγεται ἂν περὶ βεβαίω βαφῆς ... ἀνθοῦσα, εὐανθής, ἀνθηρά. περὶ δὲ τῆς ἐναντίας ... ἀνθηρῆς. Suid. v. δευσοποιός: κυρίως μὲν ἐπὶ τῆς πορφύρας λέγεται τὸ ὄνομα, τῆς ἔμμονον καὶ δουσιπλουτον ἐχούσης τὸ ἄθος τῆς βαφῆς. Plutarch. *de uitando aere al.* 7: (р. 830 e): ἡ τροφή δαναϊστὰς ἐποίησεν, οὐχ ἤττον ἢ ... ἀνθοβάφους. Напоминаемъ также Lucian. *Imagg.* 7: (значительно содѣйствуетъ красотѣ чистота цвѣта) ὡς μέλανα μὲν εἶναι ἀκριβῶς ὅποσα μέλανα ... καὶ τὸ ἐρόθημα ἐπανθεῖν (т. е. „чтобы красное не было тускло“).

¹⁶⁾ Ulrichs (а за нимъ Detlefsen): „minimum est in“. Мы бы читали: „liquoris hic *purpurae* est *in(e)* candida uena“.

¹⁷⁾ Кстати отмѣтимъ, что все еще не исправленъ у. 10 стихотворенія Tiberian. PLM. III, p. 264 Baeht. (=Anth. I.^a II, p. 809, p. 297 Riese): „Auro flore praeminebat forma dionis rosa“ [Baeht.: „Aureo f. eminebat cura Cypridis r.“, „Aurea forma eminu. flos Dionaeus r.“, и еще: De cruore praem. facta Cypridis r.“, а Riese даже съ злѣниемъ: „Auriflora p. forma insignis r.“]. Нельзя ли: „Purpurante praemin. gore Adonidis rosa“ (элизию, какъ у. 19)? Ср. Bion. 'Αδών. ἐπιτίφ. 66: αἶμα ῥόδου τίχεται. Prudent. *Perist.* 5, 339: „purpurantem—cruorem“. *Peruig. Ven.* 13: „Ipsa gemmis purpurantem pingit annum floridis“ (edd. 'florib; corr. Rigler). Что касается *Peruig. Ven.* 23: „Facta (Fusta *Thianeus*) prius de cruore“, то мы читали бы и тамъ: „Flos Adonis de cruore“ (объ этой формѣ род. п. ср. *Thez. l. L.* I, 804).

¹⁸⁾ Слѣдуетъ Pind. *Ol.* II, 72: ἀνθια δὲ χρυσοῦ φλέγει, но тамъ идетъ рѣчь о золотистыхъ цвѣтахъ. Скорѣе подходит Plut. *de Pyth. orac.* 2: ἐθαύμαζι δὲ τοῦ χαλκοῦ τὸ ἀνθηρὸν, ... βαφῆ—κυανοῦ σταθροντος. Valer. *Fl.* V, 565: „uariis floret uia discolor armis“.

¹⁹⁾ „Lucretius: florebat nauibus pontus“, но V, 1442 рукописное преданіе Лукреція гласитъ: „Tum mare ueliuolis florebat propter odores“, изъ чего Lachmann извлекъ свою редакцію: „Iam m. u. flor. purpibus et res“. Раньше читали съ Марulloмъ: 'nauibu' randis'. Munro принялъ 'purpibus', но ставитъ затѣмъ точку съ запятой и продолжаетъ: „urbes Auxilia ac socios—habebant“. Ночуамъ въ виду Сервіева „pontus“ предположилъ: „iam mari' u. fl. purpibu' pontus“. Намъ приходило въ голову: „iam mari' ueliuolis florebat purpura proris“ (Verg. *G.* IV, 372. Fur. ar.

Могла бы быть сдѣлана ссылка и на Lucr. IV, 450: „Vina lucernarum florentia lumina flammis“²⁰) или на I, 900: „Donec flammai fulserunt flore coorto“. Въ свою очередь эти мѣста могутъ служить объясненіемъ для Лукр. II, 827 sq.: „ut cernere possis Euanescere paulatim stinguique colorem“ (сюда же относится обратная комбинація, по которой уже, напр., у Гомера пламя „увядаетъ“: φλόξ ἐμαράνθη).

Что касается „inficere“, то это не столь обычный, какъ „tingere“, но вполне правильный терминъ для обозначенія окрашиванія (между прочимъ, пурпуромъ). Plin. n. h. XXXI, 110: „ad inficiendas purpuras“. Vitruv. VII, 14, 1 (о краскахъ для живописи): „Fiunt etiam purpurei colores infecta creta rubiae radice“²¹). Cic. ap. Non. p. 162: „quid? mare nonne caeruleum? at eius unda, cum est pulsa remis, purpurascit [ср. нр. 19], et quidem aquae²²) tinctum quodam modo et infectum“. Sen. n. q. III, 25, 4: „In Macedonia,—ut ait Theophrastus, amnis est, ad quem, qui facere oues albas uoluerint, adducunt: quem ut diutius potauere, non aliter quam infectae mutantur“ (Hor. epod. 7, 15. Claud. in Ruf. I, 131). Затѣмъ ср. Plin. n. h. VIII, 193: „Lanarum nigrae nullum colorem bibunt: de reliquarum infectu—dicemus in conchyliis maris“. Cic. fam. II, 16, 7: „Togam praetextam texi Oppio puto te audisse. Nam Curtius noster dibaphum cogitat, sed eum infector²³) moratur. Hoc adpersi, ut scires me tamen in stomacho solere ridere“. Theod. X, 21, 3 [отъ 424 г.]: „Proferantur ex aedibus tra-

Gell. XVIII, 11, 4. Cic. Ac. II, 105. Prop. II, 26, 5. Petron. de Delo 2. Val. Fl. III, 422 и др., не говоря уже о κάρυα πορφύρεον и т. п.).

²⁰) Примѣнительно къ этому стиху Vahlen Bn. A. 323^a читаетъ: „<Florebant flammis> lychnorum lumina bis sex“ (см. Macrob. Sat. VI, 4, 18).

²¹) Ibid. § 2: „herbā, quae lutum appellatur, caeruleum inficiunt et utuntur uiridissimo colore. haec autem infectiua appellatur, item—cretam—nitro, quod Graeci ἰσάτρυ appellunt, inficientes, imitationem faciunt indici coloris“. Caes. b. Gall. V, 14, 2: „omnes vero se Britanni nitro inficiunt“ eqs. (Prop. II, 18, 23). Еще Venant. Fort. Miscell. V, 1 (ярая словамъ *alumen* и *lumen*) говорятъ: „detulit puppis illa reliquis forsitan alumen, mihi uestri colloquii certe lumen—illud inficit, hinc niuescit“.

²²) Текстъ все еще не исправленъ. Нельзя ли: „et <greminum> quidem aquae tinctum“ eqs? Слѣдуетъ учесть, во всякомъ случаѣ, Aristot. de color. 2 (p. 792 a): φαίνεται δὲ καὶ ἡ θάλαττα πορφυροειδής, όταν τὰ κύματα μεταφρίζονται κατὰ τὴν ἔγκλιον σκιασθῆναι: πρὸς γὰρ τὸν ταύτης κλισιὸν ἀσθενεῖς αἱ τοῦ ἡλίου αὐγαὶ προσβάλλουσαι ποιοῦσι φαίνεσθαι τὸ χρῶμα ἀλουργές. Ср. Goethe *Farbenlehre* § 57: „Der beleuchtete Theil der Wellen erscheint grün in seiner eigenen Farbe und der beschattete in der entgegengesetzten purpurn“.

²³) Ср. примѣч. 9, а также Plaut. Aulul. 521, Varr. ap. Non. 228, Paul. ex Festo p. 112, Plin. n. h. 59: „quarto (lactucae genere) infectores lanarum utuntur“.

danturque tunicae et pallia ex omni parte texturae cruore infecta conchylii“ (о предметахъ, „обогранныхъ кровью“, очень часто: Verg. *A.* V. 413. Hor. *c.* III, 6, 34. 13, 6. Prop. II, 17, 2. Stat. *Theb.* II, 68. IX, 187 и т. д.). У Лукреція сл. IV, 75—80: „faciunt id [окрашиваютъ на разстояніи] lutea—uela—, cum magnis intenta theatri—tremementia flutant²⁴⁾, Namque ibi consessum caueai supter ... Inficiunt coguntque suo fluitare colore“.—Мы предпочли „<in>secta“, какъ наиболѣе близкое къ преданію слово; если бы, впрочемъ, пришлось признать элизію нежелательной, то мы примирились бы и съ „picta“, что тоже приходитъ въ голову, и съ давишней догадкой „tincta“: но нынѣшняя вульгата „tacta“ идетъ противъ смысла.

Доказывать цитатами умѣстность выраженія „uellera“ нѣтъ, кажется, надобности. Пришлось бы и тутъ начать съ Гомера, у котораго (*Od.* VI, 53. 306) мать Навсикаи изображена ἡλάχματα στρωφῶσ' ἀλιόρφουρα. У Платона (см. стр. 258) мы имѣли βάραι ἄρια, ὡστ' εἶναι ἀλοοργά. Кромѣ того приведены выше тексты Ouid. *Med. f.* 9 (прим. 9) и Плинія *n. h.* IX, 138 (пр. 11)²⁵⁾. Можно присовокупить къ нимъ, напр., стихи Горация *epod.* 12, 21: „Muricibus Tyriis iteratae uellera lanae“ (ср. Lucr. VI, 504), Тибулла IV, 2, 16: „[digna—cui mollia caris] Vellera det sucis bis madefacta Tyros“, Prop. IV, 3, 34: „Tyria—uellera“²⁶⁾, Ouid. *Fast.* III, 822: „hanc (Палладу) cole uel-

²⁴⁾ Такъ Turnèbe; въ *B.* „fluctus, въ *A.* пропускъ.

²⁵⁾ Равнымъ образомъ отмѣчены выше мѣста: Ou. *Met.* VI, 9 (lanae)—въ пр. 1, Hor. *c.* II, 16, 37 (lanae) и Sil. XVI, 176 (uellus)—въ пр. 7, Ouid. *Rem.* 707 (uellus)—на стр. 256, Hor. *c.* III, 5, 28 (lana)—въ пр. 9, Lucr. VI, 1075 (lanae)—на стр. 257, Tib. II, 4, 28 (ouem)—въ пр. 14.

²⁶⁾ Двухъ стихъ 33 в. сохранился въ *N* въ такомъ видѣ: „Noctibus hibernis castrensia pensa laboro Et Tyria in gladios uellera secta suos“. Itali: „radios“, Passerat („e cdd.“): „clauos“. Heins: „calathos u. lecta“. Rossberg: „suo“ (a *sucendo*). Rothstein толкуетъ „gladios“ о параллельно вѣтвѣвшихъ вѣтвяхъ основы въ вертикальномъ тѣлѣкомъ станкѣ („eine sonst nicht vorkommende, aber erklärbare Bezeichnung“). Нельзя ли: „Et Tyria en quartast uellera (u)tacta <clau>mys“? Нужно же что-нибудь, отвѣчающее предыдущему „castrensia pensa“. Вотъ и вспоминается, что пишущая сказала у. 18: „Textitur haec castris quarta lacerna tuis“ (Ср. Ouid. *I.* II, 745 в.). Затѣмъ сл. Non. р. 538: „paludamentum est uestis quae nunc clamys dicitur“ и другіе тексты, сопоставленные у Маркварда, *Privatl.* 549, 10. Красное *zagium* встрѣчается даже у нижняго чина въ бою (Sil. It. IX, 420—правда, о консульскомъ ликторѣ), и хотя *zagium purpureum* было, собственно, присвоено полководцу, однако въ импер. эпоху аркія (Sen. *epist.* 114, 21. Mart. II, 46, 1—3. XIV, 137, 1) пурпурныя *lacernae* встрѣчаются часто (Mart. II, 29, 3: „Quaeque Tyron totiens erotauerit lacernae“. V, 8, 5: „purpureis ruber lacernis“. VIII, 10, 1 sq.: „Emit

leribus quisquis aëna paras“, Stat. *Silv.* I, 2, 125: „(querimus) Vellera Sidonio iam pauca rubescere tabo“ и т. д. вплоть до Claud. *R. Pr.* II, 95 sq.: „quae vellera tantum Ditiibus Assyrii spumis fucantur aëni“ и дальнѣйшихъ. Ср. также Cod. Iust. XI, 9, 3 (около 394 г.): „Vellera adulterino colore fucata in speciem sacri muricis tingere non sinimus“ (q. 27).

Голубей сопоставляеть съ павлинами по одинаковому поводу Лукреціи II, 799 sqq.: „Lumine quin ipso [color] mutatur propterea quod Recta aut obliqua percussus luce refulget. Pluma columbarum quo pacto in sole uidetur, Quae sita ceruices circum collumque coronat: Namque alias fit uti claro sit rubra pyropo, Interdum ... fit uti uideatur Inter *сираліумъ*²⁷⁾ uiridis miscere smaragdos. Caudaque pauonis, larga cum luce repleta est, Consimili mutat ratione obuersa colores“. Ср. Sen. *n. g.* I, 5, 6: „ut ait Nero Caesar disertissime 'colla Cytheriacae splendent agitata columbae', et uariis coloribus pauonum ceruix, quotiens aliquo deflectitur, nitet“.

Относительно „Chaoniae“ см. комментаторовъ къ Prop. I, 9, 5²⁸⁾.

lascernas—Tyrias coloris optimi“. IX, 22, 13. Iuuen. I, 27). Но Августъ запрещать еще появляться на форумѣ съ военной lascerna поверхъ тоги (Suet. *diu. Aug.* 40 extr.). Грубое *ragum* при немъ и стало, повидному (Maq. *ibid.* 552), вытѣсняться для офицеровъ болѣе изящною lascerna въ римскомъ лагерѣ: это былъ длинный плащъ, снабженный капюшономъ и застегивавшійся на правомъ плечѣ съ помощью фибулы.

²⁷⁾ Оставляемъ въ сторонѣ синонимныя выраженія, въ родѣ Sen. *Phaedr.* 330: „Tyrio stamine“ (по Sid. *Ap. c.* 15, 128 имѣеть въ виду не шерсть, а шелкъ: „serica Sidonius fucabat stamina murex“), Sil. It. VIII, 436: „fucare colus“, XVI, 568 sq.: „albentis inuertero lanas Murice Gaetulo“ [Ouid. *art.* III, 170: „quae de Tyrio murice lana rubes“: ср. въ пр. 10 оборотъ Валерія Флакка]. Въ ед. ч. еще Mart. IV, 4, 6: „quod bis murice uellus inquinatum“, Sil. It. XVI, 176, Плиній и др. Вычурно, по обыкновенію, Cassiod. *Var.* I, 2: „crines illi lactei carneo poculo bis terque satiati“.

²⁸⁾ Такъ Wakefield. coll. *Seren. Samm.* 942 sq. (Baehr. *PLM.* III, 150 sq.): „Corallum uero si collo nectere uelis [mens est?], Ne dubites illi ueros miscere smaragdos“. Приняли поправку Лахманъ и Munro: она, безъ сомнѣнія, изящна. Но въ рукописяхъ поэмы Лукреція: „caeruleum“, что можно, кажется, защищать. См. напр.: *Apul. Met.* II, 9: „Quid, cum capillis (жемчужинъ)... nitor... illucet et contra solis aciem ... fulgurat, uel ... uariat aspectum, et nunc ut aurum coruscans in lenem mellis deprimitur umbram, nunc coruina nigredine caeruleus columbarum collis [collis *Oudemdorpi*, ceruicis?] flosculos aemulatur“. Solin. 15, 28: „(smaragdus) optimus si caeruleo coruscabit“.

²⁹⁾ Во избѣжаніе, во-первыхъ, элявія мы не допускали бы „Acidaliae“, а во-вторыхъ вообще думаемъ, что если бы тутъ авторъ назвалъ голубей по одному изъ эпитетовъ Афродиты (напр.: „vellera, nunc volucris collum Cythereidos et nunc“), то и павлиновъ характеризовалъ бы, какъ посвященныхъ Герѣ.

Но мы не скроемъ, что лично предпочли бы, какъ болѣе напоминающую слогъ Лукреція, вставку такого рода:

*Tasnario concharum infectaue flore
<uelleræ, colla columbarum nunc atque perinde>
aurea pæonum ridenti imitata lepore
saecla...*

Не рѣшились мы предложить ее въ виду того, что стихъ такимъ образомъ держался бы на одной ἐφθιμικῆς и что *clausula* его была бы очень прозаична. Но, повторяемъ, и то, и другое въ духѣ автора. Ср., съ одной стороны, хотя бы только I, 60: *appellare suemus et haec | eadem usurpare*, 87: *cui simul infula virgineos | circumdata comptus*, 109: *religionibus atque minis | obsistere uatum*, 157: *perspiciemus et unde queat | res quaeque creati*, 302: *quae tamen omnia corporea | constare necessest*,—II, 170: *tempora mutare annorum | frugesque creare*, 171: *et iam cetera, mortalis | quae suadet adire*, 454: *nec retinentur enim inter se | glomeramina quaeque*, 461: *nec tamen haerere inter se | quodcumque videmus*, 469: *scilicet esse globosa tamen, | cum squalida constant*; съ другой же стороны, не забудемъ, что у Лукреція есть стихи, въ концѣ которыхъ поставлено *propterea quod* (IV, 316. V, 1172. VI, 53), *simul cum* (III, 667), *eadem quae* (IV, 231), *rem quae* (II, 522), *prisquam* и т. п. Не годилось бы дополненіе которое, вмѣсто голубей, упоминало бы, напр., о радугѣ ²⁰). Впрочемъ, само собой разумѣется, что заполнить такъ или иначе предположенный пробѣлъ можно вообще только для примѣра.

II.

Lucr. II, 633 sq.: *Curetas qui Iouis illum Vagitum in Creta quondam occultasse feruntur eqs.*

Безсодержательное „illum“ смущаетъ всякій разъ, какъ встрѣчаешься съ этимъ мѣстомъ. Эксплетивное „ille“ ставится вѣдь при совсѣмъ иныхъ условіяхъ, эмфатическаго же оттѣнка мѣстоименіе здѣсь не имѣетъ. Ожидается указаніе на силу заглушавшагося звука ²¹). Ближе всего къ преданію было бы:

²⁰) По схемѣ: „uelleræ, nunc pinnae Thaumantidos astrigerumque“ (у Лукреція встрѣчается напр. I, 162. II, 348 сниккопированная форма родит. мн. „aquamigerumque“) или „uelleræ, nunc pinnae Thaumantidos aemula, nec non“ (радуга именуется иногда „пурпурной“).

²¹) Предлагавшіяся нами (см. *Ж. М. Н. Пр.* 1906 декабрь, отд. кл. филол.

Caretas qui Iouis *acrem*
uagitum in Creta quondam occultasse feruntur.

У самого Лукреція сл. I, 275 sq.: „perfurit acri Cum fremitu—uentus“ и III, 953: „uoce increpet acri“. Затѣмъ, сравни, между прочимъ, Lucil. 1005 sq. Марк: „acri—cantu“, *Rhet. ad Her.* III, 21: „laeditur arteria, si, antequam uoce Ienei permulsa est, acri clamore completur“, § 23: „acri uociferatione“. Verg. *G.* IV, 408: „acrem flammae sonitum“. Hor. *c.* I, 12, 1 sq.: „acri Tibia“. Val. Fl. II, 272 sq.: „inpulit acri Tum ualidas stridore fores“. VI, 27 sq.: „acres Sponte sua strepuere tubae“. Sil. Ital. IV, 96 sq.: „acer Vincentum lituos hinnitus saeuit equorum“ (X, 458 sq.: „acrem Hinnitum effundens“). Еще друіе примѣры въ *Thes. l. L.* I, 360. Не сличаемъ Verg. *A.* VI, 426: „uagitus—ingens“. Не рекомендовали бы мы также редакци: „qui Ioui *primum* Vagitum“ (Iuuenal. VII, 195 sq.), ибо элизія *s* передъ группою согласныхъ все же рѣдкость у Лукреція (кажется, только VI, 195 и 943). Кромѣ того, при подобномъ эпитетѣ скорѣе требовалось бы множеств. число.

III.

Cic. *de off.* I, 13: ueri uidendi cupiditati adiuncta est appetitio quaedam principatus, ut nemini parere animus bene informatus a natura uelit, nisi *praecipienti aut docenti* aut utilitatis causa iuste et legitime imperanti.

G. F. Unger читалъ: „ac docenti“. Herin. Sauppe выключалъ „praecipienti“: „nam Cicero, si uerba *praecipere et docere* coniungere uellet, aut *praecipienti et docenti* scripsisset“ [какъ и конъюндовалъ Pearce]. Съ этой аестесой согласился Baiter. Но почему же не могло стоять

572) поправки къ тексту Стація о куринахъ (*Theb.* IV, 784 sq.): „illi certantia plaudunt Orgia, sed magnis resonat uagitibus Ide“ жертвовали эпитетомъ *magnis*. О. Е. Корнъ справедливо подгааетъ, что его слѣдуетъ сохранить. Онъ высказываетъ догадку: „illi c. pl. Orgia, si magnis r. u. Ide“. Это навело насъ на чтеніе: „illi crepitantia plaudunt Arma, si(m)ul magnis r. u. I.“. Тутъ „simul“=simul atque, какъ, напр., Verg. *E.* 4, 26, *Aen.* III, 630 sq., Ouid. *Fast.* I, 567 и т. д. Мыслимо, разумѣется, и: „plaudunt Arma, <icta> ut magnis r. u. I.“. (Stat. *Th.* I, 516 sq.: „uario strepit icta tumultu Regia“. IV. 807 sq.: „fit sonus—на морѣ—inque uicem contra percussa reclinat Terra“. Ouid. *M.* IX, 585: „Linguaeque uix tales icto dedit aëre uoces“; III, 706: „ictus longis ululatus aether“. Sil. Ital. III, 436 sq.: „At uoce Herculea percussa cacumina montis Intremuere iugis“. Valer. Fl. II, 91. 122. V, 272. *Epicced. Drusi* 220 и т. д.). Однако желательнo обойтись безъ элизій. Съ *orgia* мы рѣшительно не въ силахъ примириться.

чего-либо въ смыслѣ: „nisi praecepta artis tradenti“, напр.: „nisi praecipienti au(c)t<oritate> docendi“? Ср. *de orat.* II, 76: „qui de arte dicendi praecipiunt“.

IV.

Cic. *de off.* I, 15: Formam quidem ipsam, Marce fili, et tamquam faciem honesti uides, quae si oculis cerneretur, mirabiles amores, ut ait Plato, excitaret sapientiae.

У Платона сказано *Phaedr.* p. 250 e: ἤ [scil. ὄψει] φρόνησις οὐχ ὀράται δαιμονὸς γὰρ ἂν παραίχεν ἔρωτας, εἴ τι τοιοῦτον ἑαυτῆς ἐναργῆς εἶδωλον παραίχεται εἰς ὄψιν ἰόν³²⁾. Не взирая на то, Heusinger защищалъ преданіе въ приведенныхъ словахъ Цицерона, утверждая, что *sapientia* можетъ въ нихъ пониматься, какъ „honesti scientia“. Это перенялъ G. Fr. Unger³³⁾, но убѣдительнымъ оно намъ не кажется, ибо несо- вѣстимо съ выраженіемъ „ut ait Plato“, примѣнительно къ которому не должно ли скорѣе эмендировать: „mirabiles amores, ut ait Plato, excitaret, <et instar esset> sapientiae“³⁴⁾?

V.

Stat. *Silu.* I, praef.: Diu—dubitaui,—an hos libellos—congregatos ipse dimitterem. Quid enim quoque auctoritate editionis onerari, quo adhuc pro Thebaide mea, quamuis me reliquerit, timeo.

Мы раньше³⁵⁾ останавливались на редакціи: „quid enim <iuuat hos> quoque“, допуская, впрочемъ, вм. „iuuat“, компендіозно написанное: „p(ro)dest“. Иными словами, мы считали себя въ правѣ игно- рировать то обстоятельство, что Poliziano на соответственномъ экзем- плярѣ editionis principis заполнялъ начало пробѣла буквою „o“³⁶⁾.

³²⁾ См. Cic. *de finibus* II, 52: „Oculorum, inquit Plato, est in nobis sensus acerrimus, quibus sapientiam non cernimus. Quam illa ardentis amores excitaret sui, si videretur!“ Въ виду этого мѣста Faerno и въ текстѣ *de officiis* читалъ *sui* (вм. „sapientiae“). Его догадку Pearce видоизмѣнилъ такъ: „mirabiles amores, ut ait Plato de sapientia, excitaret sui“.

³³⁾ „Sapientia ist hier ... als Inbegriff der vier Tugenden zu fassen, insofern sapiens ... das honestum besitzt“.

³⁴⁾ Въ томъ же параграфѣ мы читали бы: „ex singulis certa officiorum genera nascuntur, uelut ex ea parte, quae prima descripta est, in qua sapientiam et prudentiam ponimus, ma<na>t indagatio atque inuentio ueri“ [*libri: inest indagatio*].

³⁵⁾ Ж. М. Н. Пр., окт. 1903: „Замѣтки къ Эмиліи и къ Станісевию Силь- ванъ“, § XVI.

³⁶⁾ Остальное, т. е. *portet huius*, по свидѣтельству А. Engelmann'a („*De Statii*

Мы и теперь признаемъ мало вѣроятнымъ, чтобы глѣбъ 65 послѣ писца кодекса *M* Полициано разобралъ больше него въ *liber Poggianus* 37). Въ частности здѣсь трудно отвергать, что б. воспитатель сыновей

Silvarum codicibus“, 1902, 112), приписано тутъ рукою не Poliziano. Фотографіи мы не видали, такъ что провѣрить показанія не могли.

37) Ищетсѣ, напротивъ, рядъ признаковъ, побуждающихъ думать, что Poliziano въ годъ своей смерти (1494) прочиталъ меньше переписчика 1430 г. [дата прибли-
лительная] въ рукописи, которую Poggio въ 1418 г. доставлялъ во Флоренцію. Тутъ мы на нихъ не останавливаемся. Скажемъ только, что в началѣ этого *liber Poggii* успѣли сильно истрепаться къ тому времени, когда Poliziano произвелъ его сличеніе съ *ed. princeps*. Достаточно напомнить извѣстный случай *Silu.* I, 4, 86—86a, гдѣ *M.* т. е. списокъ съ Poggianus, сохранилъ диттографію:

et opes tantas nec qui mandauerat ausus
Exspectare fuit gaudet thrasyumnus et alpes
At tollam cantu gaudet thrasyumnus et alpes 86a
Cannensesque animae

Изъ *M* стихъ 86a перешелъ, между проч., въ *ed. pr.* Полициано же замѣчаетъ на своемъ (нынѣ Корсикиевскомъ) экземплярѣ этой послѣдней: „hic versus deest (n) libro vetustissimo poggij qui e germania in italia(m) e(st) relatus“. Какъ объяснить такое разногласіе? По этому вопросу возгорѣлся ожесточенный споръ: Vollmer Krohn и Klotz утверждаютъ, что Pol. никогда самаго „antiquus Poggii“ не видалъ, а принялъ за него какой-то списокъ съ *M*, притомъ „eine Abschrift, deren Schreiber ...einfach den ihm verdächtigen Vers ausgelassen hat“ (Vollmer въ *Hermes*, 38, 138), Engelmann же усматриваетъ въ чтеніи *M* интерполяцію (такъ и Wachsmuth). Намъ оба мнѣнія представляются голословными: какъ могъ бы Poliziano принять списокъ половины XV в. за „vetustissimus“? правдоподобно ли, съ другой стороны, что кто-нибудь ощутилъ потребность глоссировать простѣйшія слова (стиховъ 83—85): „quid laudem“ высپرненнымъ выраженіемъ „attollam cantu“, и что писецъ *M* включилъ эту мнимую глоссу къ в. 85 въ текстъ послѣ 86-го стиха, причѣмъ рѣшился заполнить отъ себя недостающія стопы (точно онъ интересовался размѣромъ!) и съ этою цѣлью повторилъ предыдущее „gaudet—et alpes“? Postgate (*Classic. Review*, XVII, 348 s.) предположилъ, „that the line stood in the *Vetus* when the Matritensis was written and was subsequently erased“. Стоялъ же стихъ, какъ онъ думаетъ, на поляхъ *Veteris*: „The scribe of *M.* may have noticed the mark which drew attention to this omission, and have restored the line to the text. Its subsequent erasure from the margin of the *Vetus* might well scape observation“. Вотъ, послѣднее неубѣдительно: Poliziano, обративъ вниманіе на отсутствіе въ *Vetus* стиха, стоявшаго въ *ed. pr.*, замѣтилъ бы, конечно, и разору въ рукописи, а, слѣдовательно, констатировалъ бы ео. Не будетъ ли естественнѣе такое видоизмѣненіе указанной догадки: диттографія читалась уже въ архетипѣ Поджіева кодекса; писецъ Poggiani опустилъ 86a вслѣдствіе *ὀμοτιλείουτος*, но, замѣтивъ свой пропускъ, приписалъ стихъ *in margin*; писецъ *M*, принявъ въ расчетъ значки на поляхъ, добросовѣстно всталпилъ въ своей копіи на прежнее мѣсто гексаметръ, не поназавъ въ контекстѣ Poggiani; когда же этотъ послѣдній сличался Полицианомъ, то [и лишь въ этомъ пунктѣ мы отступаемъ отъ проф. Postgate] поля кодекса были уже ободраны, а потому ни

И. И. Шевко. Очеркъ развитія методики ариметики	44
Н. А. Веригинъ. Основы преподаванія географіи въ начальныхъ училищахъ повышеннаго типа	59
А. С. Виреніусъ. Половой вопросъ	73

Отзывы о книгахъ:

А. Г. Филоновъ. В. Силсоновъ. Методическое руководство для веденія школьныхъ сочиненій	92
В. М. Шимкевичъ и В. И. Палладинъ. Полотебнова, А. Книга любви ко всемъ животнымъ тварямъ	95
В. М. Кояловичъ. В. С. Любатовичъ. Учебникъ прямолинейной три- гонометрии и сборникъ тригонометрическихъ задачъ	97
И. О. Анненскій. К. Брешенковъ. Курсъ русскаго синтаксиса	99
Н. И. Веллярминовъ и А. О. Соколовъ. Н. П. Писитичъ. Народ- ности Россіи по губерніямъ и областямъ	102
В. М. Шимкевичъ. А. Павловъ. Природа	104
В. И. Соллертинскій. Изв. П. Сахаровъ и Н. И. Соколовъ. Новый арметическій задачникъ съ методическими указаніями	107
И. А. Шляпкинъ и С. В. Рождественскій. В. П. Асенаріусъ. Опаль- ные. Повѣсть	109
— Книжныя новости	111

Современная лѣтопись.

В. Е. Рудаковъ. Всероссийское хранилище дворянскихъ дѣлъ	1
Н. Н. Виноградовъ. Кіевскій учебный округъ въ 1906 году	34

Отдѣлъ классической филологіи.

В. Н. Венешевичъ. Завѣщаніе византійскаго боярина XI вѣка	219
Вл. К. Мальбергъ. Этюды по древне-греческой вазовой жи- вописи. V (продолженіе)	232
Г. Э. Зенгеръ. Замѣтки къ латинскимъ текстамъ	249

Объявленія 2

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 1-го мая).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписна принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ 12 р. 75 к., съ пересылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу—16 р. Книжки выходятъ въ началѣ cadaго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902—1906 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листомъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“, но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу—4 р.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ ІХ.

1907.
ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ ІХ

1907.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Высочайшія повелѣнія	29
II. Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія	30
III. Высочайшія награды по вѣдомству мин. нар. пр.	36
IV. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	58
V. Опрежденія основного отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	59
VI. Опрежденія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованію	61
VII. Опрежденія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	63
Извѣщеніе	—
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Двадцать восьмое присужденіе премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	65
Н. С. Суворовъ. Псковское церковное землевладѣніе въ XVI и XVII вѣкахъ. IX—X	241
Н. К. Козминъ. Н. И. Надеждинъ—профессоръ Московскаго университета (<i>продолженіе</i>)	281
В. Н. Перетцъ. Очерки по исторіи поэтическаго стиля въ Россіи. VIII	326
Н. В. Шляковъ. Восемьсотъ пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины великаго князя Ярослава I Мудраго	362

К Р И Т И К А И Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

Г. К. Ульяновъ. Общее языковѣдѣніе. Лекціи А. И. Томсона. Одесса. 1906	401
Н. Н. Виноградовъ. <i>Шлякмиъ, Н. А., проф.</i> Древніе русскіе вѣрсты. С.-Пб. 1906	417
К. О. Радченко. Извѣстія на Семинара по славянска филологія при университета въ Софія за 1904 и 1905 год. Софія 1905	421
К. О. Радченко. <i>S. Szambel.</i> Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazukov. 1896	425
В. Е. Рудаковъ. <i>Л. М. Савеловъ.</i> Опытъ родословнаго Словаря русскаго древнаго дворянства. Выпускъ I. М. 1906	429
А. И. Яцимирскій. Documente privitoare la relațiile Țării Românești cu Brașovul și cu țara ungarască in sec. XV și XXI	436
Д. М. Синцовъ. Письмо въ редакцію	454
— Книжныя новости	457

См. 3-ю стр. обложки.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

6. (23-го декабря 1906 года). *О присвоеніи Кинешемскому реальному училищу имени И. А. Коновалова.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 23 день декабря 1906 г., Высочайше соизволяя на присвоеніе Кинешемскому реальному училищу имени И. А. Коновалова.

(Собр. узак. и расп. прав., 4-го апрѣля 1907 г., № 67, ст. 670).

7. (24-го декабря 1906 года). *О подчиненіи отдѣлію училищныхъ советовъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія по инструкціи 4-го іюня 1875 года и приходскихъ по уставу 1828 года училищъ.*

Министръ народнаго просвѣщенія входилъ въ совѣтъ министровъ съ представленіемъ, въ коемъ полагалъ подчинить вѣдѣнію училищныхъ советовъ сельскія одноклассныя и двухклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія, открытыя по инструкціи 4-го іюня 1875 г., а равно и приходскія какъ одноклассныя, такъ и двухклассныя по уставу 1828 г. училища, содержимыя на городскія или земскія средства съ пособіемъ отъ казны, а также и исключительно на казенныя средства.

Совѣтъ министровъ, согласившись съ предположеніями министра народнаго просвѣщенія и находя, что дѣло это подлежитъ разрѣше-

нію, согласно статьѣ 11 свода основныхъ государственныхъ законовъ, изданія 1906 г., въ порядкѣ верховнаго управленія, полагаѣтъ: на приведеніе въ исполненіе означенныхъ предположеній испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, въ 24 день декабря 1906 г., положеніе сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

О семъ министр народнаго просвѣщенія, 1-го февраля 1907 г., донесъ правительствующему сенату, для распубликованія.

(Собр. узак. и расп. прав., 9-го февраля 1907 г., № 25, ст. 228).

8. (13-го января 1907 года). *О присвоеніи Бахмутской женской гимназіи наименованія: „Бахмутская женская гимназія имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 13 день января 1907 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Бахмутской женской гимназіи наименованія: „Бахмутская женская гимназія Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны“.

(Собр. узак. и расп. прав., 4-го апрѣля 1907 г., № 67, ст. 671).

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(5-го февраля 1907 года, № 7). *Опредѣляются на службу: потомственные почетные граждане Мельниковъ и Максимовъ, съ утвержденіемъ, согласно избранію, почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый — Вольскаго, а второй — Ростовскаго-на-Дону „Петровскаго“, оба на три года.*

Назначаются: директоръ частнаго реального училища Богинскаго, въ С.-Петербургѣ, чиновникъ знающій иностранные языки, С.-Петербургской цензуры иностранныхъ газетъ и журналовъ, статскій совѣтникъ Каттерфельдъ — директоромъ Саратовскаго втораго реального училища, съ 1-го января; экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ чистой математики, коллежскій совѣтникъ Салтыковъ и исправляющій должность экстраординарнаго профессора того же университета, докторъ гражданскаго права, коллежскій совѣтникъ Гордонъ — ординарными профессорами

названнаго университета, по кафедрѣмъ: первый—механики, а второй—торговаго права; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Томскаго технологическаго института Императора Николая II, инженеръ-технологъ, коллежскій совѣтникъ *Потебня*—ординарнымъ профессоромъ того же института, по электротехникѣ; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора С.-Петербургской двѣнадцатой гимназіи, статскій совѣтникъ *Павловскій*—директоромъ частнаго реальнаго училища Богинскаго, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го января.

Утверждается исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владимира, по кафедрѣ механики теоретической и практической, докторъ прикладной математики, коллежскій совѣтникъ *Воронецъ*—въ исправляемой имъ должности.

(9-го апрѣля 1907 года, № 21). *Назначаются*: директоръ Читинской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Королевъ*—директоромъ Троицко-Савскаго Алексѣевского реальнаго училища; комерціи совѣтникъ *Ромеръ*—почетнымъ попечителемъ Орловскаго Александровскаго реальнаго училища, на три года, съ 23-го декабря 1906 г.; провекторъ Харьковскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, надворный совѣтникъ *Дедюлинъ*—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ того же института, по бактериологіи.

Утверждается, согласно избранію, титулярный совѣтникъ князь *Щербатовъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Лубенской гимназіи, на три года.

Переводятся на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: преподаватель Нахичевано-Бессарабской армяно-григоріанской духовной семинаріи, коллежскій ассессоръ *Тандовъ*—инспекторомъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ; младшій помощникъ дѣлопроизводителя 1-го разряда ветеринарнаго управленія министерства внутреннихъ дѣлъ, приватъ-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, магистръ ветеринарныхъ наукъ, надворный совѣтникъ *Гордязловскій*—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Харьковскаго ветеринарнаго института, по инфекционнымъ болѣзнямъ.

Увольняется, согласно прошенію, ординарный профессоръ: Императорскаго Варшавскаго университета и Варшавскаго политехническаго института Императора Николая II, докторъ чистой математики, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Анисимовъ*—отъ должности ординарнаго профессора названнаго университета.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, почетный попечитель

Саратовской второй гимназіи, потомственный почетный гражданинъ *Аносозъ*.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*—дѣлопроизводитель VII класса департамента общихъ дѣлъ *Устряловъ*—съ 6-го апрѣля 1907 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*—исправляющій должность счетнаго чиновника управленія пенсіонною кассою народныхъ учителей и учительницъ *Мичуринъ*—съ 14-го мая 1906 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: исправляющіе должность счетнаго чиновника управленія пенсіонною кассою народныхъ учителей и учительницъ: *Невзоровъ* и *Роземондъ* и канцелярскіе служители: департаментовъ: общихъ дѣлъ, *Спиридоновъ* и *Шатовръянцъ* и народнаго просвѣщенія, *Морозовъ* и *Одинцовъ*, отдѣла промышленныхъ училищъ: *Быловъ*, *Медениковъ* и *Нагайниковъ* и управленія пенсіонною кассою народныхъ учителей и учительницъ *Святиненко*, изъ нихъ: *Бѣловъ*—съ 1-го января 1907 г., а прочіе шестеро—съ 5-го октября 1906 г.

По Императорской Академіи Наукъ. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: адъюнктъ Николаевской главной физической обсерваторіи по отдѣленію изданій ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня *Пашиинскій*—съ 1-го февраля 1907 г.; сверхштатный помощникъ директора той же обсерваторіи *Савельевъ*—съ 1-го марта 1907 г.

Утверждается въ чинѣ *коллежскаго секретаря*, со старшинствомъ, вычислитель отдѣленій метеорологическихъ станцій II разряда Нюлаевской главной физической обсерваторіи *Подгорновъ*—съ 11-го марта 1907 г.

По С.-Петербургскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: преподаватели С.-Петербургскаго частнаго реальнаго училища Гуревича: *Криксинъ*—съ 16-го января 1905 г. и баронъ *Медемъ*—съ 1-го августа 1905 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, штатный преподаватель С.-Петербургской Ларинской гимназіи *Ивановъ*—съ 1-го сентября 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, помощникъ классныхъ наставниковъ С.-Петербургской Ларинской гимназіи *Олифиренко*—съ 15-го февраля 1907 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, домашній учитель *Хворозъ*—съ 1-го августа 1897 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, письмоводитель С.-Петербургской 10-й гимназіи *Григорчукъ*—съ 22-го января 1907 г.

Утверждается въ чинѣ *коллежскаго ассессора*, со старшинствомъ

преподаватель Царскосельскаго Императора Николая II реального училища, титулярный совѣтникъ *Судовскій*—съ 10-го октября 1901 г.

(13-го апрѣля 1907 года, № 23). *Отрѣдьяется* на службу, изъ отставныхъ, статскій совѣтникъ *Дорофеевъ* — директоромъ частной гимназіи Валькера, въ г. Кіевѣ.

Назначаются: доктора медицины, экстраординарные профессора Императорскаго Харьковскаго университета: статскій совѣтникъ *Барабашевъ* и коллежскій совѣтникъ *Кураевъ*—ординарными профессорами того же университета, по кафедрамъ: первый — офтальмологіи, а второй — медицинской химіи; преподаватели: Либавской Николаевской гимназіи, статскій совѣтникъ *Лютцау* и завѣдывающій Лодвизинскою женскою гимназіею, статскій совѣтникъ *Святухинъ*—директорами гимназій: первый—Аренбургской, а второй—частной Витановскаго въ гор. Лодзи; астрономъ-наблюдатель при астрономической обсерваторіи Императорскаго Юрьевскаго университета, магистръ астрономіи, статскій совѣтникъ *Покровскій*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ астрономіи, съ 16-го февраля; доцентъ Демидовскаго юридическаго лица, магистръ международного права, надворный совѣтникъ *Голубевъ* и приватъ-доцентъ и сверхштатный лаборантъ минералогическаго кабинета Императорскаго Повороссійскаго университета, магистръ минералогіи и геологіи, коллежскій совѣтникъ *Сидоренко* — исправляющими должность экстраординарнаго профессора: первый—названнаго лица, по кафедрѣ государственнаго и административнаго права, а второй—указаннаго университета, по кафедрѣ минералогіи.

Утверждается, согласно избранію, потомственный почетный гражданинъ *Чижинъ*—почетнымъ попечителемъ Челябинскаго реального училища, на три года, съ 1-го января 1906 г.

Увольняется отъ службы, по болѣзни, директоръ Николаевской Александровской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Балыжъ*, съ 15-го марта, на основаніи ст. 573 уст. служ. Прав. (св. зак., т. III, изд. 1896 г.).

По Оренбургскому учебному округу. *Производятся,* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники, учитель Бирской инородческой учительской школы *Лещенковъ* — съ 1-го июля 1906 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: преподаватели: Екатеринбургскаго реального училища, *Поржецскій*—съ 1-го сентября 1906 г., Уральской женской гимназіи, *Троновъ* — съ 1-го сентября 1906 г., Нижне-Тагильскаго горнозаводскаго училища, *Вилч-*

ковскій — съ 14-го декабря 1901 г.; учитель рисованія Пермской Марининской женской гимназій *Зеленинъ* — съ 1-го августа 1905 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: руководитель практическихъ работъ Красноуфимскаго промышленнаго училища *Альбинскій* — съ 15-го марта 1905 г.; учитель Нижне-Тагильскаго горнозаводскаго училища *Хлѣбниковъ* — съ 16-го ноября 1905 г.; преподаватель Уфимской Марининской женской гимназій *Некрасовъ* — съ 18-го мая 1905 г.; учитель рисованія Камышловской женской гимназій *Саминъ* — съ 15-го января 1902 г.; инспекторъ Уральской школы ремесленныхъ учениковъ *Минаевъ* — съ 1-го іюля 1902 г.; надзиратель Нижне-Тагильскаго горнозаводскаго училища *Коробовъ* — съ 1-го іюля 1906 г.; учитель Верхотурскаго городского училища *Пастуховъ* — съ 16-го сентября 1898 г.; изъ титулярныхъ советниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: преподаватель Екатеринбургской мужской гимназій *Клеръ* — съ 31-го октября 1906 г.; учитель Алапаевскаго городского училища *Шмаевъ* — съ 16-го сентября 1906 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Екатеринбургскаго реальнаго училища *Герцъ* — съ 1-го апрѣля 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: преподаватель Нижне-Тагильскаго горнозаводскаго училища *Люстричскій* — съ 28-го ноября 1905 г.; учителя: Красноуфимской русско-башкирской сельско-хозяйственной школы, *Филатовъ* — съ 5-го августа 1900 г., 2-го Оренбургскаго городского училища, *Расторгуевъ* — съ 1-го іюля 1904 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Екатеринбургской гимназій *Фортуатовъ* — съ 1-го сентября 1904 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, учитель графическихъ искусствъ Кунгурской женской гимназій *Ивановъ* — съ 24-го марта 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя: Мензелинскаго приходскаго училища, Уфимской губерніи, *Балдинъ* — съ 1-го сентября 1906 г., Полазвинскаго приходскаго училища, Пермскаго уѣзда, *Раевъ* — съ 20-го сентября 1903 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Пынкинъ* — съ 5-го октября 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: преподаватели: Пермской мужской гимназій, *Леръ* — съ 20-го августа 1902 г., Екатеринбургскаго Алексіевскаго реальнаго училища, *Жуковъ* — съ 1-го ноября 1902 г.; *титулярнаго советника*: завѣдывающій Михайловской низшей ремесленной школой Красноуфимскаго уѣзда, Владиміръ *Завьяловъ* — съ 30-го марта 1902 г.; учитель-техникъ Усольской школы ремесленныхъ учениковъ, Соликамскаго уѣзда,

Сергій Завьяловъ — съ 1-го января 1902 г.; *коллежскаго секретаря*, учитель Оренбургскаго 2-го городского училища *Юдинъ* — съ 9-го августа 1902 г.; *коллежскаго регистратора*, учитель графическихъ искусствъ Пермскаго 2-го городского училища *Семченковъ* — съ 1-го сентября 1901 г.

(28-го апрѣля 1907 года, № 26). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Панкратовъ*, съ утвержденіемъ инспекторомъ дворянскаго пансіона-пріюта Императора Александра II въ гор. Калугѣ, согласно избранію.

Назначаются: окружной инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Флеровъ* — помощникомъ попечителя того же округа; директоръ Казанскаго промышленнаго училища, статскій совѣтникъ *Грузовъ* — инспекторомъ отдѣла промышленныхъ училищъ; немѣющийся чина, *Миловъ*, личный почетный гражданинъ *Серебряковъ* и потомственные почетные граждане: *Булычевъ* и *Чижовъ* — почетными попечителями: первый — вновь частнаго реальнаго училища Милова, въ г. Нижнемъ-Новгородѣ, второй — Таганрогской гимназіи, третій — Вятской гимназіи и послѣдній — Благовѣщенской учительской семинаріи, всѣ — на три года, изъ нихъ: Миловъ и Серебряковъ съ 5-го марта 1907 г., Булычевъ съ 27-го февраля 1907 г., а Чижовъ съ 29-го апрѣля 1905 года.

Утверждаются, согласно избранію: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ганъ*, личный почетный гражданинъ *Долбышевъ* и житель города Измаила *Буртъ* — почетными попечителями гимназій: первый — вновь Нарвской, второй — Велико-Устюгской и послѣдній — Измаильской, всѣ — на три года, изъ нихъ Долбышевъ съ 1-го января 1907 года.

Переменяются: правители канцелярій попечителей учебныхъ округовъ, Оренбургскаго, статскій совѣтникъ *Орловъ* и Западно-Сибирскаго, коллежскій совѣтникъ *Молчановъ* — одинъ на мѣсто другого.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, инспекторъ дворянскаго пансіона-пріюта Императора Александра II въ гор. Калугѣ, статскій совѣтникъ *Гейеръ*.

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Царскосельскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фоминантъ*, съ 7-го апрѣля.

(4-го мая 1907 года, № 28). *Назначается* экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Волковичъ* — ординарнымъ профессоромъ

того же университета, по кафедрѣ хирургической госпитальной клиники.

Перемещается ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, по кафедрѣ частной патологии и терапіи и терапевтической госпитальной клиники, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Курловъ* — ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ врачебной діагностики и терапевтической факультетской клиники.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать на 6-е мая 1907 г. нижепоименованныхъ лицъ, въ воздаяніе отличнаго усердія и особыхъ трудовъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, *орденами: святыя Анны 2-й степени: почетнаго блюстителя Оксочокаго двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Крестецкаго уѣзда, отставнаго статскаго совѣтника Павла Сухинича и почетнаго смотрителя Балахнинскаго четырехкласснаго городского училища, потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Шелокова и святаго Станислава 3-й степени: состоящаго при лазаретѣ С.-Петербургской Ларинской гимназіи, изъ платы по найму, лекарскаго помощника, отставнаго титулярнаго совѣтника Ивана Луницкаго, учителя мужскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища при станціи „Рязань“, Московско-Казанской желѣзной дороги, изъ потомственныхъ дворянъ, Николая Тверитинова и почетнаго попечителя Новоторжскаго реальнаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина, инженеръ-технолога Ивана Цылева.*

Нижепоименованныя лица, за усердную и полезную дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы на 6-е мая 1907 года *медалями съ надписью „за усердіе“: для ношенія на шеѣ: золотыми на лентахъ: Андреевской, предсѣдатель и членъ попечительнаго совѣта Бійской Николаевской женской гимназіи, второй гильдіи купецъ Николай Ассановъ, Александровской, староста церкви при С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ Императора Николая I, второй гильдіи купецъ Иванъ Ми-*

зайловъ и *Станиславской*: учителя училищъ: двухкласснаго мужскаго при станціи „Рязань“, Рязанско-Уральской желѣзной дороги, *Дмитрій Филатовъ* и *Исаія Надорозъ*, двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: *Ижевскаго*, *Спасскаго* уѣзда, *Федоръ Покровскій*, *Зарайскаго* уѣзда: *Выкопанскаго*—*Яковъ Паршинъ*, *Подлѣсно-Слободскаго*—*Антонъ Алексанинъ*, *Верхне-Бѣлоомутскаго*—*Василій Назаровъ* и при станціи „Рязань“, *Московско-Казанской* желѣзной дороги, *Алексѣй Зотовъ*, городскихъ мужскихъ приходскихъ: *Спасскаго*—*Александръ Дроздовъ* и *Касимовскаго* пятаго—*Алексѣй Круллянскій*, сельскихъ: *Рыново-Заборьевскаго*, *Рязанскаго* уѣзда, *Василій Гавриковъ*, *Нижне-Бѣлоомутскаго*, *Зарайскаго* уѣзда, *Иванъ Вересинъ*, *Черно-Слободскаго*, *Сапожковскаго* уѣзда, *Алексѣй Новиковъ* и *Круговскаго*, *Егорьевскаго* уѣзда, *Василій Пуновъ* и *Николае-Павловскаго* начальнаго, *Верхотурскаго* уѣзда, *Александръ Соловьевъ-Худояровъ*, бывшій учитель *Ижевско-покровскаго* сельскаго училища, *Спасскаго* уѣзда, *Павель Акимовичъ* и членъ попечительнаго совѣта *Бійской Николаевской* женской гимназіи, второй гильдіи купецъ *Разумникъ Кузнецовъ* и *серебряными на лентахъ*: *Владимірской*: почетный смотритель *Горбатовскаго* четырехкласснаго городского училища, второй гильдіи купецъ *Николай Корольковъ*, и курьеръ отдѣла промышленныхъ училищъ, запасный унтеръ-офицеръ *Михаилъ Александровъ*, *Аннинской*: члены попечительнаго совѣта *Бійской Николаевской* женской гимназіи, второй гильдіи купцы: *Владиміръ Пискиревъ* и *Александръ Осиповъ* и *Станиславской*: учителя сельскихъ училищъ, *Рязанскаго* уѣзда: *Защишевскаго*—*Сергѣй Гусковъ*, *Волинскаго*—*Михаилъ Гарасевъ*, *Кузьминскаго* второго—*Петръ Бялянинъ* и *Александровскаго*—*Павель Дмитревскій* и служитель *Императорской* археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, личный почетный гражданинъ *Юсифъ Стельмахъ* и для ношенія на *чруди*: *золотыми на лентахъ*: *Аннинской*: начальница *Псковской* частной женской гимназіи *Л. Александровой* *Лидія Дитцъ*, учительница *Гельсингфорской* *Маринской* женской гимназіи *Марія Столмане*, классная надзирательница той же гимназіи *Александра Семенковичъ*, учительница *Лужской* *Маринской* женской прогимназіи *Анна фонъ-Миллеръ*, бывшая классная надзирательница *С.-Петербургской* женской гимназіи княгини *Оболенской* *Александра Агафонова*, занимающаяся, по найму, въ канцеляріи попечителя *Рижскаго* учебнаго округа, изъ дворянъ, *Лидія Яневичъ*, попечительницы сельскихъ начальныхъ училищъ: *Фроловскаго* *Живдринскаго* уѣзда, изъ дворянъ, *Лидія Егорова* и *Недѣтовскаго* *Пере-*

мышльскаго уѣзда, изъ дворянъ, Барвара *Капкина*, учительницы училищъ: Зябровскаго сельскаго начальнаго Лихвинскаго уѣзда, Марія *Сомова*, и Троицкаго женскаго начальнаго Рязанскаго уѣзда, Александра *Алабина* и почетный блюститель Лысковскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Макаръевскаго уѣзда, первой гильдіи купецъ Николай *Степановъ* и *Станиславской*: учительница Гельсингфорской Маріинской женской гимназіи Александра *Луканцева*, учительницы Островской Александровской женской прогимназіи: Александра *Харлова*, Вѣра *Азелицкая*, Бронислава *Бьялеская* и Александра *Антипова*, членъ попечительнаго совѣта Московской частной женской гимназіи княгини Е. В. Енгальчевой, потомственный почетный гражданинъ Никаноръ *Дербеневъ*, попечительница Ханинскаго сельскаго начальнаго училища, Лихвинскаго уѣзда, потомственная почетная гражданка Анна *Кисслева*, учительницы училищъ: сельскихъ: Ижевскаго, Спасскаго уѣзда, Александра *Виталина*, Алтуховскаго, Рязанскаго уѣзда, Вѣра *Дехтянская*, Круговскаго, Егорьевскаго уѣзда, Пелагея *Пунова*, Чурманскаго начальнаго, Ирбитскаго уѣзда, Евпраксія *Ярушина* и Кушвинскаго перваго земскаго, Верхотурскаго уѣзда, Анисья *Замураева*, жена Війскаго второй гильдіи купца Марія *Ассанова*, писецъ канцеляріи Коммиссаровскаго техническаго училища Николай *Козловъ*, служитель отдѣла промышленныхъ училищъ, запасный унтеръ-офицеръ Никаноръ *Клементьевъ*, курьеръ того же отдѣла, крестьянинъ Афанасій *Пантелеевъ* и почетный блюститель Кадинскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Макаръевскаго уѣзда, крестьянинъ Николай *Сутыринъ* и *серебряными на лентахъ: Амнинской*: власныя надзирательницы Нарвской женской гимназіи: Анна *Дорманъ* и Зельма *Блумбергъ*, курьеры канцеляріи Императорскаго Варшавскаго университета, отставные унтеръ-офицеры: Семенъ *Картьый* и Филиппъ *Саевичъ*, служители: женскихъ гимназій: Зарайской, отставной военный медицинскій фельдшеръ Матвій *Терентьевъ* и Ярославской Маріинской, мѣщанинъ Акимъ *Комаровъ* и Рославльскаго мужской прогимназіи, отставной унтеръ-офицеръ Евграфъ *Ильинъ* и школьный старшина Гельметской волостной школы, Феллинскаго уѣзда, изъ крестьянъ, Андресь *Трейфельдъ* и *Станиславской*: курьеры: отдѣла промышленныхъ училищъ, запасный ефройторъ Иванъ *Зайцевъ* и Люблинской мужской гимназіи, крестьянинъ Михаилъ *Домополовъ*, швейцаръ при Императорскомъ археологическомъ институтѣ, запасный рядовой Василій *Копоненко*, служители: Императорской археографической комиссіи министерства

народнаго просвѣщенія, крестьянинъ Иванъ *Гомюровъ* и гимназій: Уфимской мужской, мѣщанинъ Матвѣй *Сундыревъ* и Ярославской, Марининской женской, крестьянинъ Павелъ *Истоминозъ*, почетный блюститель Исаевского двухкласснаго училища, Оренбургскаго уѣзда, крестьянинъ Павелъ *Миловановъ*, членъ строительной комиссіи по постройкѣ зданія для Жужговскаго сельскаго училища, Челябинскаго уѣзда, крестьянинъ Степанъ *Болатенковъ*, ночной сторожъ Рижскаго реального училища Императора Петра I, изъ мѣщанъ, Станиславъ *Скитцевичъ* и школьный старшина Теллинской волостной школы, Феллинскаго уѣзда, изъ крестьянъ, Іоганнъ *Пийль*.

Нижепоименованныя лица, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, за труды ихъ по народному образованію, Всемилостивѣйше пожалованы на 6-е мая 1907 года *серебряными медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди, на Александровской лентѣ:* по С.-Петербургскому учебному округу: учителя училищъ: земскихъ: Череповецкаго уѣзда: Малышевскаго—Степанъ *Лебедевъ* и Песевскаго—Алексѣй *Узиковъ* и Среднесельскаго, Тихвинскаго уѣзда, Вячеславъ *Ланфелдъ*, Едровскаго двухкласснаго, Валдайскаго уѣзда, Иванъ *Коневъ* и Феодоръ *Лисочкинъ*, учительницы земскихъ училищъ: Череповецкаго уѣзда: Кандашскаго—Екатерина *Пронина* и Чукшинскаго—Елизавета *Озерцова*, Порословскаго, Устюженскаго уѣзда, Анна *Ивашевичъ* и Тихвинскаго уѣзда: Забаровскаго—Антонина *Соколова* и Буковскаго—Александра *Созина*, учителя училищъ, Пудожскаго уѣзда: Горскаго земскаго—Александръ *Фокинъ* и Вережнодубровскаго министерства народнаго просвѣщенія—Феоданъ *Богдановъ*, учительницы училищъ: Петрозаводскаго Александровскаго заводскаго Зинаида *Таддеева* и земскихъ, Петрозаводскаго уѣзда: Карташево-сельскаго Марія *Соловьева*, Горскаго—Ольга *Иванова* и Пуйгубскаго—Анна *Судьбинина*, учителя училищъ: Псковскаго латышскаго начальнаго народнаго—Вильгельмъ *Гийки* и Лаврскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Псковскаго уѣзда, Павелъ *Донбергъ* и учительницы училищъ: Лавровскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Островскаго уѣзда, Ольга *Кузнецова*, земскихъ начальныхъ: Паниковскаго, Псковскаго уѣзда, Александра *Шестанова*, Михайловскаго, Великолуцкаго уѣзда, Евдокія *Сусленникова*, Ганьковскаго перваго, Опочецкаго уѣзда, Марія *Захарова*, Паревнскаго, Порховскаго уѣзда, Марія *Крымакова* и Бѣжа-

ницаго Новоржевскаго уѣзда, Марія *Рождественская* и Лядскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Гдовскаго уѣзда, Татьяна *Иванова*; по Московскому учебному округу: учитель-завѣдывающій Веретейскимъ сельскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Мологскаго уѣзда, Федоръ *Ширяевъ* и учительница Некоузскаго сельскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, того же уѣзда, Марія *Орлова*; по Оренбургскому учебному округу: учительница Ашанскаго начальнаго училища, Осинскаго уѣзда, Евдокія *Андрюкова*, помощница учителя Судинскаго двухкласснаго училища, того же уѣзда, Лидія *Дравина*, учительницы училищъ, Верхотурскаго уѣзда: Верхне-Баранчинскаго начальнаго—Марія *Гельмъ*, Верхне-Туринскаго женскаго—Марія *Дрейеръ*, Нижне-Баранчинскаго мужскаго Манеова *Замлатина* и Николае-Павдинскаго начальнаго—Марія *Шаранова*, помощница учителя Гоголевскаго училища въ гор. Перми—Елена *Пименова*, учительницы училищъ: Шадринскаго начальнаго Александра *Любомудрова* и Верхотурскаго приходскаго, Верхотурскаго уѣзда, Елизавета *Третьякова* и учительница пригготовительнаго класса Уральской войсковой женской гимназій Марія *Симицина* и по Западно-Сибирскому учебному округу: учитель-завѣдывающій Омскимъ Воскресенскимъ мужскимъ городскимъ приходскимъ училищемъ Николай *Вручинскій*, учитель Тюменскаго Николаевскаго мужскаго городского приходскаго училища, Степанъ *Остяковъ* и учительницы училищъ: Тюменскаго Потаекуевскаго женскаго городского приходскаго Александра *Брускинова* и сельскихъ начальныхъ, Тюменскаго уѣда: Зырянскаго — Феона *Россомахина*, Мало-Балдинскаго—Екатерина *Молоджина*, Успенскаго—Марина *Низковская*, Букинскаго—Ольга *Барановская* и Каменскаго Наталія *Ромадина*.

Нижепоименованныя лица, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, Воимло-стивѣйше пожалованы во дню св. Пасхи 1907 г. медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на шеѣ, золотыми, на лентахъ: Андреевской: староста церкви при женскомъ училищѣ принцессы Терезіи Ольденбургской, потомственный почетный гражданинъ Яковъ *Ивановъ*, завѣдывающій Черневскимъ двухкласснымъ народнымъ училищемъ, личный почетный гражданинъ Севастьянъ *Горчаковъ* и второй гильдіи купцы: староста церкви Ташкентской мужской гимназій Александръ *Блиновскій*, почетный попечитель Давыдовскаго двухкласснаго

министерства народнаго просвѣщенія училища, Владимірскаго уѣзда, Иванъ *Дойниковъ* и почетный смотритель Солигаличскаго городского трехкласснаго училища Филиппъ *Смирновъ*; *Александровской*: почетный смотритель Богородскаго городского училища, второй гильдіи купецъ Петръ *Зотовъ*; *Владимірской*: попечитель Елабужскаго женскаго начальнаго училища, потомственный почетный гражданинъ Сергѣй *Гирбасовъ* и почетная блюстительница Костромскаго Спасъ-Запрудненскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, жена потомственнаго почетнаго гражданина Натальи *Зотова*; *Аннинской*: второй гильдіи купцы: почетный блюститель Богородскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Горбатовскаго уѣзда, Иванъ *Марковъ* и попечитель Щекотинскаго земскаго начальнаго училища, Богородскаго уѣзда, Петръ *Городовъ*, и *Станиславской*: служащій, по вольному найму, при фундаментальной библіотекѣ Демидовскаго юридическаго лица, оберъ-офицерскій сынъ Михаилъ *Невскій*, потомственные почетные граждане: служащій по вольному найму, при канцеляріи того же лица Павелъ *Лавровъ* и преподаватель-воспитатель Полтавскаго земскаго пятикласснаго ремесленнаго училища Степанъ *Клепчиновъ*, личные почетные граждане: попечитель Сѣвернаго начальнаго училища, Пермскаго уѣзда, Александръ *Кутинъ* и членъ совѣта и кассиръ Александровскаго евангелическаго училища Карлъ-Рейнгольдъ *Риле*, завѣдывающіе училищами: Ржевцевскимъ еврейскимъ казеннымъ Шимонъ *Герцбергъ*, двухклассными: Подлужанскимъ сельскимъ, Ровенскаго уѣзда, Юсифъ *Барилловичъ*, Райгородскимъ народнымъ, Черкаскаго уѣзда, Антонъ *Словаческій*, при Омской учительской семинаріи Константинъ *Татаровъ*, Чаусскимъ народнымъ—Филиппъ *Кулсиновъ* и министерства народнаго просвѣщенія: Почепскимъ, Мглинскаго уѣзда, Николай *Билыко*, Рѣшетилловскимъ сельскимъ, Полтавскаго уѣзда, Владиміръ *Совачевъ* и Мринскимъ, Нѣжинскаго уѣзда, Василій *Буаенко-Бунай*, учителя-завѣдывающіе училищами: городскимъ начальнымъ народнымъ въ с. Сухой-Лиманъ, Одесскаго градоначальства, Савва *Дмитріевъ*, двухклассными: Кременчугскимъ начальнымъ еврейскимъ Лейзеръ *Гельманъ*, министерства народнаго просвѣщенія при станціи „Брянскъ“ Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги Алексѣй *Барсовъ* и Волканештскимъ сельскимъ министерства народнаго просвѣщенія, Измаильскаго уѣзда, Василій *Касперовскій*, учителя училищъ: Березко-Чочельницкаго однокласнаго народнаго, Ольгопольскаго уѣзда, Иванъ *Патибратъ*, начальниги народныхъ: Старо-Каширскаго, Коломенскаго

уѣзда Иванъ *Таракановъ*, Чернече-Слободскаго, Роменскаго уѣзда, Андрей *Букишованый*, Мячковскаго, Коломенскаго уѣзда, Алексѣй *Васильевъ*, Лошкаревскаго, Екатеринославскаго уѣзда, Николай *Додоновъ*, Басанскаго, Александровскаго уѣзда, Гавріиль *Головка*, Бердичевскаго двухкласснаго начальнаго еврейскаго Шліома *Месровичъ*, Дарѣвскаго однокласнаго начальнаго народнаго, Стародубскаго уѣзда, Григорій *Левицкій*, сельскихъ начальныхъ народныхъ: Старо-Сенжаровскаго, Полтавскаго уѣзда, Степанъ *Ксензенко*, Мологскаго уѣзда, Ивановскаго, Александръ *Соколовъ* и Сысоевскаго, Александръ *Тороповъ*, Милорадовскаго, Полтавскаго уѣзда, Сергѣй *Дениско*, Богородскаго городского мужского начальнаго народнаго Александръ *Сатаровъ*, Богородскаго уѣзда: Купавенскаго (товарищества братьевъ Малютиныхъ) фабричнаго начальнаго Пантелеймонъ *Пантелеевъ* и Эюзинскаго земскаго начальнаго народнаго Иванъ *Лавровъ*, Косинскаго начальнаго, Московскаго уѣзда, Николай *Богоявленскій*, сельскихъ начальныхъ: Закрытскаго, Жыздринскаго уѣзда, Николай *Троицкій* и Каменско-Слободскаго, Новгородсѣверскаго уѣзда, Яковъ *Пупловскій*, народныхъ: Гожскаго, Гродненской губерніи, Демьянъ *Фомокъ*, Вендорожскаго—Осипъ *Ивановъ*, Хославичскаго—Антонъ *Морозовъ*, Руднянскаго—Филиппъ *Петрашкевичъ*, Шилловскаго—Григорій *Дядовиковъ* и Чаускаго—Адамъ *Шавеловъ*, начальнаго при Поневѣжской учительской семинаріи—Илья *Габезъ*, Тургайскаго двухкласснаго русско-киргизскаго, Тургайской области, Исенгавы *Бабинъ* и Балановскаго однокласнаго, Ольгопольскаго уѣзда, Василій *Блюштитскій*, второй гильдіи купцы: староста церкви при Сергіевской Сергіево-Посадской гимназіи Иванъ *Зайцевъ* и почетные блюстители: четвертой Ташкентской русско-туземной школы Рахматулла *Хакъ-Назаровъ* и Заболотскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Даниловскаго уѣзда, Сергѣй *Прохоровъ*, попечители училищъ: Вятско-Полянскаго начальнаго, Вятской губерніи, сынъ купца Михайлъ *Зайцевъ* и Спасскаго, Юрьевскаго уѣзда, крестьянинъ Михайлъ *Шелдяковъ*, исполняющій обязанности канцелярскаго служителя Рижскаго политехническаго института, бывший старшій военный телеграфистъ унтеръ-офицераго званія Александръ *Вальдманъ* и отставные рядовые: дядька общей ученической квартиры Кіевской второй гимназіи Кириллъ *Петровъ* и служитель при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ Егоръ *Михайловъ* и серебряными на лентахъ: Александровской: учитель гимнастики Казанской татарской учительской школы, отставной фельдфебель Мифтахутдинъ *Шамсутдиновъ*, служителя:

Екатеринбургскаго реального училища, отставной унтеръ-офицеръ *Абрамъ Коцеевъ*, канцеляріи Московскаго промышленнаго училища, отставной писарь унтеръ-офицерскаго званія *Василій Носиковъ* и при библіотекѣ Императорской академіи наукъ мѣщанинъ *Осипъ Лукашукъ*; *Владимірской*: попечитель Демиховскаго земскаго начальнаго народнаго училища, Богородскаго уѣзда, потомственный почетный гражданинъ *Иванъ Брашинъ* и служитель при залахъ конференціи Императорской академіи наукъ *Максимъ Кузьминъ*; *Аннинской*: класная надзирательница Кишиневской первой женской гимназіи *Надежда Полтская-Щитилло*, попечитель Желнинскаго начальнаго училища, потомственный почетный гражданинъ *Арсеній Марковъ*, почетный блюститель Выксунскаго двухкласснаго мужскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Ардатовскаго уѣзда, личный почетный гражданинъ *Петръ Вишневецкій*, подрядчикъ по постройкѣ зданій Александровскаго средняго механико-техническаго училища, второй гильдіи купецъ *Иванъ Гутниковъ*; попечитель Молявинскаго начальнаго училища, Горбатовскаго уѣзда, сынъ купца *Иванъ Подшибицкинъ* и служитель при канцеляріи историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, отставной унтеръ-офицеръ *Петръ Береговой*, и *Станиславской*: членъ хозяйственнаго комитета ремесленнаго класса при Бердичевскомъ двухклассномъ начальномъ еврейскомъ училищѣ и попечитель Бердичевской общественной талмудъ-торы, потомственный почетный гражданинъ *Мойше-Аронъ Трахтенбергъ*, почетные блюстители училищъ: Адищевскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Кипешомскаго уѣзда, личный почетный гражданинъ *Федоръ Виноградовъ* и Переяславскаго однокласнаго еврейскаго начальнаго, купецъ *Литманъ Аринштейнъ*, завѣдывающій Радомысльскимъ однокласснымъ начальнымъ еврейскимъ училищемъ *Вольфъ Фишманъ*, учитель Радомысльскаго казеннаго начальнаго еврейскаго училища и завѣдывающій Радомысльской еврейской общественной талмудъ-торой *Авраамъ Криволазъ*, почетный смотритель Котельническаго городскаго трехкласснаго училища, сынъ купца *Николай Филипповъ*, попечитель Пескучнаго училища, Костромскаго уѣзда, сынъ купца *Александръ Кокушкинъ*, учитель Коломенскаго перваго мужскаго начальнаго училища *Александръ Григорьевъ*, по типографіи Императорской академіи наукъ: наборщики: сынъ отставнаго губернскаго секретаря *Михаилъ Стрельманъ*, сыновья цеховыхъ: *Леонидъ Шермушенто* и *Федоръ Нестеровъ*, мѣщане: *Федоръ Петровъ*, *Павель Ивановъ*, *Александръ Кочеткинъ*, *Николай Федо-*

товъ, Николай *Шафрановъ*, Александръ *Филимоѡъ*, Іоганъ-Юліусъ *Бушъ*, Александръ *Глазеръ*, Карлъ-Вильгельмъ *Зазеръ*, Карлъ-Пауль *Шульце* и Николай *Павловскій*, крестьяне: Гергардъ-Іоганнъ *Бумманъ*, Федоръ *Курицынъ* (Горбачевъ), Сергѣй *Ремизовъ* и Карлъ-Іоганнъ *Розенбаумъ*, помощникъ мастера при скоропечатныхъ машинахъ Петръ *Епитинъ*, печатникъ Самсонъ *Ефимовъ*, тискальщикъ корректуръ Михаилъ *Алексѣевъ* и словолитный мастеръ мѣщанинъ Василій *Изеринъ*, служитель Императорскаго Казанскаго университета, отставной унтеръ-офицеръ Сергѣй *Сыровъ*, гардеробщикъ и закройщикъ при Кіевской второй гимназіи, отставной ефрейторъ Борисъ *Зенько* и попечитель Берещинскаго начальнаго училища, Ардатовскаго уѣзда, крестьянинъ Ивалъ *Тимофеевъ* и для пошенія на груди, золотыми, на лентахъ: Аннинской: попечительница Натальинскаго начальнаго училища, Горбатовскаго уѣзда, графиня Прасковья *Уварова*, начальница и учредительница Одесской женской гимназіи Ольга *Малко*, учительницы: женскихъ гимназій: Ржевской: Анна *Антипенко* и Зинаида *Введенская*, Шуйской—Екатерина *Розозинникова*, Ялтинской—Вѣра *Голубинина*, Николаевской Маріинской Александра *Любинская* и Одесской С. И. Видянской Варвара *Макарова*, надзирательница Вяземской женской гимназіи Екатерина *Миткевичъ-Жолтокъ*, классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Ливенской Софья *Павловская*, Николаевской Маріинской Екатерина *Добронравова*, Елисавета *Землемтрова* и Надежда *Лосева*, Ананьевской Юлія *Вильчковская*, и Аккерманской Александра *Гинкова*, содержательница восьмикласснаго частнаго общеобразовательнаго женскаго учебнаго заведенія перваго разряда въ гор. Казани, вдова врача Лидія *Шумкова*, почетная блюстительница Кишиневскаго однокласснаго женскаго приходскаго училища имени В. А. Жуковскаго, изъ дворянъ, Софья *Крупенская*, надзирательницы: Балтскаго городского двухкласснаго училища Анна *Гурская* и женскаго отдѣленія Барскаго двухкласснаго городского училища Марія *Свистунова*, писецъ при библиотекѣ Императорскаго Московскаго университета, жена коллежскаго совѣтника Людмила *Соколова*, учительницы училищъ: приготовительнаго класса Радомысльскаго двухкласснаго городского Аделанда *Соколовская*, городскихъ двухклассныхъ: Радомысльскаго Лидія *Прокопенко-Чоповская*, Липовецкаго Александра *Григоровичъ* и Ассауровскаго начальнаго народнаго, Дмитровскаго уѣзда, Вѣра *Григорьева*, одноклассныхъ народныхъ: Пятовскаго, Стародубскаго уѣзда, Софья *Гулевичъ*, Сараянскаго, Балтскаго уѣзда, Софья *Оловитшинова*, Круто-Бережскаго сельскаго начальнаго на-

роднаго, Полтавскаго уѣзда, Маланія *Кобзарева*, Лютенскаго двух-класснаго министерства народнаго просвѣщенія, Гадячскаго уѣзда, Анастасія *Стѣнова*, Кіевскаго городского, № 27, приходскаго Юлія *Глядицковская*, сельскихъ начальныхъ Полтавскаго уѣзда: Новочучубеевскаго Ирина *Гадзинская* и Баляснговскаго Евдокія *Скачковская*, начальныхъ народныхъ: Рогинцовскаго, Ромонскаго уѣзда, Елисавета *Андреевская* и Запарскаго въ гор. Серпуховѣ, Анна *Михайлова* и сельскихъ начальныхъ народныхъ Полтавскаго уѣзда: Никольскаго перваго Марія *Гавриленко*, Павлонковскаго Марія *Сорочинская* и Серпуховскаго городского перваго женскаго начальнаго народнаго Марія *Головина*, бывшая начальница Коболякской женской прогимназіи Наталья *Колчевская*, попечительница Плетневскаго начальнаго училища, Костромскаго уѣзда, дочь потомственнаго почетнаго гражданина Прасковья *Ботникова*, почетный блюститель Вареевскаго двух-класснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, второй гильдіи купецъ Александръ *Коровайковъ*, служителя: при книжномъ складѣ Императорской академіи наукъ: запасные унтеръ-офицеры: Михайлъ *Орловъ* и Онуфрій *Бороздичъ* и запасный ефрейторъ Лаврентій *Азаровъ*, при зоологическомъ музеѣ той же академіи, отставной унтеръ-офицеръ Яковъ *Осиповъ* и частной женской гимназіи г. Арсеневой въ Москвѣ, отставной унтеръ-офицеръ Александръ *Андреевъ* и крестьяне: попечители училищъ: начальныхъ: Виткуловскаго Василиій *Пиногородовъ* и Першинскаго Александръ *Кузьмичевъ* и начальныхъ народныхъ: Пруднинскаго сельскаго, Серпуховскаго уѣзда, Алексѣй *Кокинъ* и Братовщинскаго, Дмитровскаго уѣзда, Степанъ *Дмитріевъ* и *Станиславской*: учительницы женскихъ гимназій: Одесской С. И. Видинской Евгенія *Квартировичъ*, Вознесенской Наталья *Переверзева* и Екатеринина *Домая*, Вяземской Татьяна *Малютина*, Орловской Николаевской: Екатерина *Калыгина* и Вѣра *Жильбертъ*, Шуйской Евгенія *Владыкина* и Александровской городской Вѣра *Альбова*, преподавательницы Владивостокской женской гимназіи: Ольга *Суслова* и Валли *Боровская*, учительница приготовительнаго класса Ливонской женской гимназіи Зинаида *Щекатикина*, надзирательница Хабаровской женской гимназіи Ольга *Дронзикова*, смотрительница лазарета Хабаровской женской гимназіи Наталья *Фридрихъ*, классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Николаевской Маринской Софья *Мистюкъ* и Гомельской Елисавета *Анастасенко*, начальницы женскихъ прогимназій: Боровской Александра *Александровская* и Соликамской Александра *Собашиникова*, учительница Соликамской женской про-

гимназіи Екатерина *Пономарева*, жены потомственныхъ почетныхъ гражданъ: почетныя блюстительницы женскихъ двухклассныхъ приходскихъ училищъ: Горбатовскаго Марія *Орлова* и Костромскаго, имени Зотовыхъ, Елисавета *Зотова* и попечительница Костромскаго однокласснаго женскаго приходскаго училища, имени Чумаковыхъ, Любовь *Чумакова*, потомственная почетная гражданка Стефанида *Прохорова*, почетная блюстительница Аккерманскаго Пасхаловскаго двухкласснаго женскаго приходскаго училища, жена личнаго почетнаго гражданина Марія *Дреова*, завѣдывающая Кимрскимъ сельскимъ женскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Корчевскаго уѣзда, Клавдія *Кузнецова*, учительницы училищъ: начальныхъ народныхъ: Гжельскаго, Бронницкаго уѣзда, Вѣра *Смирнова*, Демьянковаго однокласснаго, Стародубскаго уѣзда, Анастасія *Смоленская*, Коломенскаго уѣзда: Лукерьянскаго, Анна *Пятницкая*, Малинскаго, Варвара *Второва*, Мячковскаго, Екатерина *Васильева*, Хорошевскаго, Елисавета *Эйндлингъ*, Черквзовскаго, Александра *Шапошникова* и Коломенскаго 4-го женскаго, Евгенія *Тумнова*, женскаго однокласснаго при Смѣлянскомъ рафинадномъ заводѣ графовъ Бобринскихъ, Черкаскаго уѣзда, Софья *Гавришенко-Скалецкая*, сельскихъ начальныхъ Жиздринскаго уѣзда: Милѣвскаго, Анна *Докукина*, Игнатовскаго, Пелагея *Бѣллева*, Бобровскаго, Прасковья *Грушевская*, Брынскаго, Пелагея *Грушевская*, Воловскаго, Евгенія *Георгиевская*, Лосинскаго, Марія *Рождественская*, Маклаковскаго, Прасковья *Федотова*, Песоченскаго, Екатерина *Зуева*, Ново-Мишенскаго, Прасковья *Благодаразумова* и Пикитскаго Пелагея *Троицкая*, приходскихъ: Корчевскаго мужскаго, Анна *Постылова* и Оренбургскихъ: перваго женскаго, Клавдія *Степанникова*, третьяго, Софья *Исакова* и пятаго, Клавдія *Скворцова* и начальныхъ: Ольховскаго, Шадринскаго уѣзда, Фавста *Прибылова*, Булановскаго, Оренбургскаго уѣзда, Варвара *Тархова* и Анискинскаго фабричнаго, Богородскаго уѣзда, Варвара *Стрѣльцова*, директоръ Черкаскаго сахаро-рафинаднаго завода, личный почетный гражданинъ Александръ *Близнеръ*, попечители училищъ: Кинешемскаго однокласснаго приходскаго купецъ Степанъ *Калашиниковъ* и Зюзинскаго сельскаго начальнаго; Московскаго уѣзда, купецъ Петръ *Романовъ*, экономъ при пансіонѣ Уфимской гимназіи, отставной унтеръ-офицеръ Николай *Осинцевъ*, писецъ канцеляріи Троицкой гимназіи, мѣщанинъ Яковъ *Григорьевъ*, служители: при этнографическомъ музеѣ Императорской академіи наукъ, старшій унтеръ-офицеръ Иванъ *Субочъ*, Петровско-Александровскаго пансіонъ-пріюта, Московскаго дворянства, запасный писарь старшаго

разряда Иванъ *Саулинъ* и при фармацевтическомъ институтѣ Императорскаго Московскаго университета, цеховой Егоръ *Елоровъ*, дядька общей ученической квартиры Кіевской второй гимназіи, мѣщанинъ Федоръ *Климовичъ*, старшій рабочій при ботаническомъ садѣ Императорскаго Казанскаго университета, крестьянинъ Мустакинъ *Мустаевъ*, служитель-урядникъ Ливенскаго реального училища, ефрейторъ Стефанъ *Бурцевъ*, почетные блюстители училищъ министерства народнаго просвѣщенія: Кіирскаго Александровскаго сельскаго двухкласснаго мужскаго, крестьянинъ Федоръ *Рыбкинъ* и Ойратскаго татарскаго Евпаторійскаго уѣзда, имама д. Ойратъ Аджы-Исмаилъ *Аллазы-Эфенди*, попечитель Матвѣйковскаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Серпуховскаго уѣзда, крестьянинъ Илларионъ *Ионовъ* и торгующій крестьянинъ Дмитрій *Лаврухинъ* и *серебряными на лентахъ*: Аннинской: учительница Николаевской Маріинской женской гимназіи Жанна-Франциска *Таматина*, надзирательница Хабаровской женской гимназіи Софья *Симова*, почетный блюститель Лозовскаго двухкласснаго училища, Могилевскаго уѣзда, купецъ Оттонъ *Клейнъ*, учитель пѣнія Златоустовскихъ женской прогимназіи и городскихъ училищъ, сынъ купца Николай *Тимофеевъ*, почетный смотритель Ардатовскаго городского трехкласснаго училища, сынъ купца Иванъ *Калининъ*, почетная блюстительница Корцовскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Солигаличскаго уѣзда, купчиха Александра *Гусева*, писецъ канцеляріи инспектора студентовъ Императорскаго университета св. Владимира, запасный писарь унтеръ-офицерскаго званія Яковъ *Патировъ*, писецъ канцеляріи совѣта того же университета, мѣщанинъ Алексѣй *Ситунъ*, швейцары гимназій: Троицею — запасный фельдфебель Александръ *Мѣдновъ* и Варшавской второй женской, отставной фельдшеръ Иванъ *Комаровъ*, педели Кіевской второй гимназіи: отставной унтеръ-офицеръ Константинъ *Красноберзовъ* и отставной рядовой Ананій *Дюндикъ*, буфетчикъ при пансіонѣ Уфимской гимназіи, отставной унтеръ-офицеръ Иванъ *Романовъ*, служители: по Императорской академіи наукъ: при канцеляріи конференціи: запасный рядовой Оома *Бойко* и отставной рядовой Борися *Козловъ*, при залахъ конференціи — крестьянинъ Дементій *Кистяевъ*, при зоологическомъ музеѣ: запасный рядовой Михаилъ *Пальцевъ* и крестьянинъ Иванъ *Туркинъ*, Рижскаго политехническаго института изъ мѣщанъ, Андрей *Роне*, гимназій: Кіевской второй, отставной лазаретный служитель Прокофій *Кутецъ* и изъ крестьянъ; Романъ *Улазовскій* и Виленской первой — мѣщанинъ Иванъ *Демелевичъ* и Казачье-При-

садскаго начальнаго училища, Тульского уѣзда, изъ крестьянъ Семень *Максимкинъ*, мастеръ-руководитель практическихъ занятій слесарной мастерской Черниговскаго ремесленнаго училища, мѣщанинъ Павелъ *Лукіановъ*, почетные блюстители училищъ министерства народнаго просвѣщенія: Баймаклійскаго сельскаго однокласснаго, житель города Рени Викторъ *Шерреръ* и двухклассныхъ: Конгаскаго, Измаильскаго уѣзда, поселянинъ Павелъ *Занетъ* и Богоявленскаго, Галичскаго уѣзда, почетный гражданинъ Германъ *Генце*, почетная блюстительница Тараклія де-Сальческаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Измаильскаго уѣзда, жительница мѣстечка Леово Елена *Галино*, попечители училищъ: Саратовскаго нѣмецкаго церковно-приходскаго, Аккерманскаго уѣзда, поселянинъ Францъ *Гоббахеръ* и начальныхъ народныхъ: Завидовскаго, Клинскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Бакеринъ*, Стремилловскаго сельскаго, Серпуховскаго уѣзда, крестьянинъ Михайлъ *Улачевъ* и Кожинскаго начальнаго, Александровскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Смирновъ* и Шуйскій мѣщанинъ Яковъ *Зайцевъ* и *Станиславской*: попечители начальныхъ училищъ: Лисицынскаго, Солигаличскаго уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Николай *Собениковъ* и Сергѣевскаго, Балахнинскаго уѣзда, сынъ купца Федотъ *Волковъ*, попечительница Дворскаго начальнаго народнаго училища, Клинскаго уѣзда, дочь личнаго почетнаго гражданина Марія *Коншина*, почетные блюстители училищъ: Акмолинскаго мужскаго приходскаго, сынъ купца Василій *Кубринъ* и Васиенскаго сельскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Кишиневскаго уѣзда, сынъ купца Иванъ *Огановичъ*, экономъ при пансіонѣ Троицкой гимназіи, мѣщанинъ Алексѣй *Карамышевъ*, учитель фехтованія Одесской мужской гимназіи, учрежденной А. В. Юнгмейстеромъ, французскій гражданинъ Исидоръ *Луарръ*, писцы канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: Казанскаго—запасный писарь Петръ *Осиповъ* и мѣщанинъ Алексѣй *Бочкаревъ* и Одесскаго—мѣщанинъ Людвигъ *Щурекъ-Щуровскій*, учителя сельскихъ училищъ Мезенскаго уѣзда: Долгощельскаго, изъ мѣщанъ, Алексѣй *Ивановъ* и Милогорскаго, изъ мѣщанъ, Алексѣй *Калищевъ*, курьеры: канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа: отставной рядовой Аверкій *Курчакъ* и изъ крестьянъ Харитонъ *Передера*, Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, запасный канониръ Петръ *Лобунецъ*, Варшавской VI мужской гимназіи, изъ крестьянъ Иванъ *Колецкій* и Варшавской учительской семинаріи, изъ крестьянъ Оома *Свентекъ*, дядька при пансіонѣ Калужской Николаевской гимназіи, мѣщанинъ Иванъ *Антиповъ*, педель Кіевской второй гимназіи, крестьянинъ Касьянъ *Гладченко*, швейцары гимна-

зій: Московскоі имени И. и А. Медвѣдниковыхъ—ефрейторъ Григорій *Пичугинъ*, Кременчугскоі женскоі казакъ Яковъ *Одандскій*, Житомирскоі второй мужскоі мѣщанинъ Станиславъ *Корженевскій*, Калужскоі Николаевскоі—запасный бомбардиръ Николай *Кузинъ* и Бахмутскоі—крестьянинъ Николай *Лендзюнь*, служители: по Императорскоі академіи наукъ: при зоологическомъ музеѣ — запасный ефрейторъ Игнатій *Бусько* и наружной службы—мѣщанинъ Василій *Денисовъ*, Императорскихъ университетовъ: Казанскаго: отставной ефрейторъ Степанъ *Яковлевъ*, запасной рядовой Николай *Пркищичковъ* и ратникъ ополченія перваго разряда Михаилъ *Кукулинъ* и святаго Владимира: отставной рядовой Логгинъ *Костюченко*, казакъ Михаилъ *Герасименко* и крестьяне: Адрианъ *Фостиковъ* и Матвѣй *Левковскій*, историко-филологическаго института князя Безбородко въ Пѣжинъ—ратникъ ополченія Моисей *Скрипнякъ* и отставной рядовой Иванъ *Даньченко*, гимназій: Орловскоі первой запасный ефрейторъ Никита *Умьренковъ*, Рыбинскоі Маріинскоі женскоі: отставные рядовые Андрей *Чистотапинъ* и Власъ *Лецукъ*, Житомирскоі второй мужскоі, мѣщанинъ Александръ *Шехтеръ*, Одесскоі женскоі О. Г. Шольцъ, запасный рядовой Митрофанъ *Полудень-Олу*, Кіевскоі второй: крестьяне: Демьянъ *Нагорный* и Григорій *Отецко*, Немировскоі: отставной рядовой Евстафій *Герсакъ* и крестьяне: Григорій *Гуренко*, Ѳеодоръ *Козолупъ* и Ѳеодоръ *Войтенко*, Московскоі имени И. и А. Медвѣдниковыхъ—крестьянинъ Николай *Ионовъ* и Виленскоі первой: мѣщанинъ Осипъ *Ярмолкевичъ* и крестьянинъ Василій *Елизаревъ*, канцеляріи Ливонскаго реальнаго училища ефрейторъ Егоръ *Козьминъ*, Севастопольскаго реальнаго училища крестьянинъ Павелъ *Манжула* и канцеляріи Московскаго промышленнаго училища, крестьянинъ Анастасій *Чадинъ*, буфетчики при пансіонахъ гимназій: Кіевскоі второй—запасный унтеръ-офицеръ Василій *Лукинъ*, Житомирскоі второй мужскоі — крестьянинъ Никифоръ *Добржинскій*, Калужскоі Николаевскоі — крестьянинъ Ѳеодоръ *Тихоновъ* и Орловскоі первой—крестьянинъ Максимъ *Куликовъ*, поваръ при Московскоі гимназіи имени И. и А. Медвѣдниковыхъ, запасный рядовой Константинъ *Гусевъ*, ламповщикъ при Кіевскоі второй гимназіи крестьянинъ Яковъ *Васичка*, дворникъ Московскоі гимназіи имени И. и А. Медвѣдниковыхъ Тихонъ *Сочилинъ*, мастера: Пѣжинскаго низшаго механическаго училища столярнаго ремесла казакъ Илья *Безручко* и кузночнаго ремесла мѣщанинъ Ѳеодоръ *Павлюченко*, Клищовскаго средняго семикласснаго технического училища съ низшею

ремесленною при немъ школою, Суражскаго уѣзда: столярнаго ремесла—крестьянинъ Отто *Фельдманъ* и слесарнаго ремесла—мѣщанинъ Алексѣй *Понкратовъ*, столярно-токарнаго ремесла ремесленнаго класса при Бердичевскомъ еврейскомъ двухклассномъ училищѣ, мѣщанинъ Вольфъ *Флитманъ*, столярный подмастерье Клипцовскаго средняго семикласснаго технического училища съ низшею ремесленною при немъ школою, Суражскаго уѣзда, мѣщанинъ Константинъ *Ребринъ*, кузнечный подмастерье при Мринской ремесленной школѣ, Нѣжинскаго уѣзда, изъ крестьянъ, Аггей *Шереметь*, почетные блюстители училищъ: Болградскаго перваго городского приходскаго, житель города Болграда Дмитрій *Желяковъ*, Шапскаго перваго однокласснаго приходскаго, Аккерманскаго уѣзда, мѣщанинъ Павелъ *Мельниченко* и министерства народнаго просвѣщенія: Валонскаго сельскаго однокласснаго, Измаильскаго уѣзда, поселянинъ Георгій *Калеизъ*, Карасубазарскаго татарскаго, мѣщанинъ Кириллъ *Дууджиевъ* и Самецкаго двухкласснаго, Костромскаго уѣзда, крестьянинъ Алексѣй *Климановъ*, попечители училищъ: Мирславскаго и Вескинскаго, Юрьевскаго уѣзда, мѣщанинъ Сергѣй *Шаровъ*, начальныхъ: Верещагинскаго, Солнгалычскаго уѣзда, Арсеній *Копшинъ*, Городецкаго нижнеслободскаго, Балахнинскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ *Старцевъ*, Бурцевскаго, Нижегородскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Лавреитъевъ*, Вятской губерніи: Конгалурскаго—крестьянинъ Александръ *Каширскій*, Косолаповскаго—крестьянинъ Михаилъ *Зубаревъ* и Сухринскаго, Шадринскаго уѣзда, крестьянинъ Степанъ *Саушинъ*, начальныхъ народныхъ: Лящевскаго, Золотоношскаго уѣзда, казакъ Василій *Козуля* и Ново-Прогорѣловскаго, Елецкаго уѣзда, крестьянинъ Петръ *Толстыякъ*, сельскихъ начальныхъ: Власихскаго, Мологскаго уѣзда, крестьянинъ Юсифъ *Аболяевъ* и Тарскаго уѣзда: Заливинскаго—крестьянинъ Матвій *Красноперовъ* и Малокрасноярскаго, мѣщанинъ Арсеній *Князьковъ* и Антипинскаго сельскаго начальнаго народнаго, Серпуховскаго уѣзда, крестьянинъ Гавріиль *Крыловъ*, старшина Кременчугской общественной талмудъ-торы, мѣщанинъ Симонъ *Ямольскій*, строитель зданія Становскаго сельскаго начальнаго училища, Мологскаго уѣзда, мѣщанинъ Павелъ *Буровъ*, надсмотрщикъ за постройкою зданій для Новоторжскаго реальнаго училища, крестьянинъ Иванъ *Париковъ*, мѣщанинъ города Нѣжина Мейеръ-Нохимъ *Эрлихманъ*, житель города Измапла Иванъ *Гыляевъ* и самоѣдъ Иванъ *Тайборей*.

Нижепоименованныя лица, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, за труды ихъ по народному образованію Всемилостивѣйше пожалованы ко дню св. Пасхи 1907 года *серебряными медалями, съ надписью: „за усердіе“, для ношенія на груди, на Александровской лентѣ*: по Московскому учебному округу: учитель-завѣдывающій Боголѣповскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ Александръ *Горьковъ*, учительницы Вешковскаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Гжатскаго уѣзда: Анна *Иванова* и Екатерина *Гуськова*, учитель Вырвскаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Гжатскаго уѣзда, Петръ *Кулюкинъ*, учительница приготовительнаго класса Кашинской Маринской женской прогимназіи Елизавета *Сахарникова*, начальница Юрьеведкой женской имени А. С. Пушкина прогимназіи Лидія *Заварина*, учительница той-же прогимназіи Лариса *Алякритская*, учительница Кимрскаго сельскаго женскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Корчевскаго уѣзда, Анна *Бойкова*, учитель-завѣдывающій Высокоскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ Василій *Савельевъ*, учительница-завѣдывающая Клинскимъ городскимъ женскимъ приходскимъ училищемъ Александра *Карпинская*, учителя двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія училищъ: Паньковскаго, Новосильскаго уѣзда, Василій *Сучковъ*, Спасскаго, Чернскаго уѣзда, Евгенийъ *Кутузовъ* и Корсаковскаго, Новосильскаго уѣзда, Василій *Тесловъ*, учительницы училищъ: Анишинскаго однокласнаго Елизавета *Воздвиженская*, въ городѣ Тулѣ: перваго городского начальнаго: Антонина *Василькова* и Марія *Тихонова*, земско-городскихъ начальныхъ: Александра *Введенская* и Евдокія *Михайловская* и Чулковскаго начальнаго Елизавета *Троицкая* и Богородицкаго женскаго однокласнаго приходскаго городского: Надежда *Мазурина* и Анна *Кочкина*, учителя сельскихъ начальныхъ училищъ, Богородицкаго уѣзда, Суходольскаго — Алексѣй *Гусаковъ* и Оленскаго—Львовъ *Семигъ*, учительницы начальныхъ народныхъ училищъ, Кашинскаго уѣзда: Сельскаго — Маріонилла *Туаринова*, Карцовскаго—Ольга *Носова* и Ратчинскаго—Варвара *Алянова*, учителя начальныхъ народныхъ училищъ: Воробьевскаго, Кашинскаго уѣзда, Павелъ *Ромодановскій* и Нижне-Сосенскаго, Малоархангельскаго уѣзда, Андрей *Маховъ*, учительница Красненскаго начальнаго народнаго училища, того же уѣзда, Елена *Ивановская*, бывшій учитель Подгородне-Слободскаго начальнаго народнаго училища, Малоархангельскаго уѣзда, Георгій *Дмитриевъ*, учи-

тель Бортильскаго начальнаго народнаго училища, Мценскаго уѣзда, Василій *Тезавровскій* и учительницы училищъ: Рославльскаго приходскаго однокласнаго — Екатерина *Выхова* и сельскихъ начальныхъ народныхъ, Рославльскаго уѣзда: Волеопшинскаго—Александра *Селезнева*, Радичскаго—Ольга *Филимонова*, Посадковскаго — Анисья *Боголюбцева* и Стодолищенскаго—Анастасія *Руженицава*, бывшіе учителя начальныхъ народныхъ училищъ: Георгіевскаго — Петръ *Лихачевъ* и Быковскаго—Александръ *Княжевскій*, учительницы начальныхъ народныхъ училищъ: Контѣвскаго—Марія *Баскакова* и Өералонтовскаго—Екатерина *Согійская*, учителя училищъ: начальныхъ народныхъ: Замѣрскаго—Николай *Яковлевъ* и Унорожскаго—Өедоръ *Казанскій* и Кинешемскаго однокласнаго мужскаго приходскаго Николай *Киселевъ*, учительницы-завѣдывающія двухклассными училищами: Галичскимъ женскимъ приходскимъ Екатерина *Озерова* и Вичугскимъ министерства народнаго просвѣщенія Лидія *Клюге*, учительницы училищъ: начальныхъ народныхъ: Ширяевскаго—Марія *Касторская*, Зобнинскаго — Анна *Тютинна*, Угледскаго—Александра *Леонтьева*, Горьковскаго—Екатерина *Любовникова*, Семигорскаго—Вѣра *Вилинская*, Шилекшинскаго—Анастасія *Кузнецова*, Столпинскаго — Анна *Альбицкая* и Марковичскаго—Марія *Покровская* и Семеновско-Лапотнаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія Евдокія *Флерова*, учителя училищъ: Костромскаго 3-го Александровскаго приходскаго—Дмитрій *Соловьевъ*, двухклассныхъ сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія: Середскаго Андрей *Коротковъ* и Писцовскаго—Николай *Кузнецовъ* и Николай *Алякритскій*, Родниковскаго имени В. М. Красильщикова Максимъ *Каменцевъ*, и Родниковскаго при фабрикѣ товарищества мануфактуръ А. Красильщиковой Петръ *Глазюлевъ*, учительницы училищъ: Митинскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія Зоя *Тимоосова*, начальныхъ народныхъ: Сидоровскаго—Ольга *Птицына*, Кунестинскаго—Александра *Тютинна*, Домовицкаго—Юлія *Өедорова*, Середскаго—Анна *Тихонова*, Широковскаго—Валентина *Альтовская*, Срѣтенскаго—Лидія *Аристова* и Новодеревенскаго—Евгенія *Крылова* и Александровскаго, въ городѣ Солигаличѣ, двухкласснаго женскаго приходскаго—Александра *Березовская*, учителя училищъ: начальныхъ народныхъ: Никольскаго, въ Загѣсьи, Анатолій *Бирюлевъ*, Чудцовскаго—Дмитрій *Ипатовъ*, Якушевскаго—Павлинь *Никольскій*, Обжериинскаго—Александръ *Замышляевъ*, Мелечкинскаго—Ипатій *Губановъ*, Макаровскаго — Александръ *Шеламутинскій*, Шеламовскаго, Верейскаго уѣзда, Ивањъ *Обновленскій* и Покровскаго, Звенигород-

скаго уѣзда, Дмитрій *Смирновъ*, Юрьевецкаго однокласснаго приходскаго: Николаій *Потыгинъ* и Александръ *Баевъ* и двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: при Коломенскомъ машиностроительномъ заводѣ — Анатолій *Армаковъ* и при фабрикѣ товарищества мануфактуръ Ѳедора Щербакова сыновей, Коломенскаго уѣзда: Константинъ *Борисовъ* и Алексѣй *Экземляревъ*, учительницы училищъ: Аврамовскаго начальнаго — Александра *Самарнова*, Бархатовскаго начальнаго народнаго, Верейскаго уѣзда, Ольга *Кроткова*, Коломенскаго 4-го женскаго начальнаго Клавдія *Смирнова* и Озерскаго женскаго начальнаго народнаго, Коломенскаго уѣзда: Софья *Никольская*, учителя начальныхъ народныхъ училищъ: Коломенскаго уѣзда: Ачкасовскаго — Тимофей *Дмитріевъ* и Щаповскаго — Михаилъ *Морозовъ*, Рузскаго уѣзда: Савельевскаго — Дмитрій *Карновъ* и Петровскаго — Леонидъ *Рубинскій* и Серпуховскаго уѣзда: Бѣлополицкаго — Петръ *Теплинскій*, Матвѣйковскаго — Иванъ *Розановъ* и Торбѣевскаго — Михаилъ *Куренковъ*, учительницы училищъ: Серпуховскаго перваго городского женскаго начальнаго—Анна *Головина*, начальныхъ народныхъ, Серпуховскаго уѣзда: Гавтинскаго—Ольга *Степаниенко*, Кузнецковскаго—Елизавета *Плотникова*, Енинскаго—Серафима *Стрекалова*, Лопасненскаго—Марія *Стрекалова*, Сохинскаго — Марія *Закамова* и Хатунскаго—Анна *Соколова*, Воротынскаго двухкласснаго, Васильскаго уѣзда, Зинаида *Веселитская*, начальныхъ, Васильскаго уѣзда: Быковскаго женскаго—Раиса *Маминская*, Георгіевскаго — Ольга *Терновская*, Кекинскаго—Екатерина *Охотина*, Сосновскаго — Анна *Терновская*, Спасскаго женскаго—Лидія *Богомольская* и Сумскаго — Ольга *Троицкая*, сельскихъ начальныхъ, Мологскаго уѣзда: Власихскаго — Зинаида *Попова*, Вѣтринскаго — Елизавета *Виноградова* и Сысоевскаго—Раиса *Соколова*, учителя училищъ: двухклассныхъ сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія: Истобенскаго, Раденбургскаго уѣзда, Егоръ *Ивановъ*, Лузгаринскаго, Егорьевскаго уѣзда, Ѳедотъ *Шмелевъ*, Зарайскаго уѣзда: Верхне-Бѣлоомутскаго мужскаго—Яковъ *Рыковъ* и Путятинскаго двухкласснаго, Сапожковскаго уѣзда, Степанъ *Щербаковъ*, сельскихъ: Семеновскаго, Егорьевскаго уѣзда, Александръ *Сотсковъ*, Спасскаго уѣзда: Уржинскаго—Илья *Егоровъ* и Гавриловскаго — Василій *Егоровъ-Нестеровъ*, Сапожковскаго уѣзда: Бычковскаго—Иванъ *Кондратьевъ*, Напольновскаго—Ѳедоръ *Квисковъ*, Кривскаго—Иванъ *Красеньковъ*, Морозово-Борковскаго—Петръ *Пермяковъ* и Ягодновскаго — Александръ *Андреевъ* и Черновскаго, Касимовскаго уѣзда, Герасимъ *Колчинъ* и Путятинскаго двухкласснаго минн-

стерства народнаго просвѣщенія, Сапожковскаго уѣзда, Николай *Веохтистовъ* и учительницы училищъ: двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Лузгаринскаго, Егорьевскаго уѣзда, Юлія *Шмелева* и Подлѣсно-Слободскаго, Зарайскаго уѣзда: Людмила *Некрасова* и Анна *Повалишина*, городскихъ приходскихъ: Рязанскаго женскаго—Серафима *Тиходѣева* и мужскихъ: Сапожковскаго—Анна *Епифанова* и Спасскаго — Марія *Виноградова* и сельскихъ: Зарайскаго уѣзда: Горетовскаго—Александра *Спаская*, Зименковскаго — Еватерипа *Иванова*, Луховичскаго — Зинаида *Павлова* и Троице-Борковскаго — Людмила *Ермолаева*, Сапожковскаго уѣзда: Глѣбовскаго — Александра *Проходцова*, Гололицовскаго—Александра *Зубова*, Карауловскаго — Александра *Копыатова*, Кривскаго — Зоя *Красенькова*, Назарьевскаго—Анастасія *Асписова*, Шкельскаго — Анна *Смольсва*, Отрадовскаго—Марія *Маннина* и Сысоевскаго—Любовь *Малюткина*; Рязанскаго уѣзда: Задне-Пилевскаго — Антонина *Асписова*, Екшурскаго — Пелагея *Бокина* и Алехановскаго — Прасковья *Злобина* и Касимовскаго уѣзда: Алексѣевскаго — Глафира *Головина*, Анемнясевскаго — Марія *Виссонова*, Погостинскаго мужскаго — Александра *Пальмова* и Ломовскаго — Вѣра *Тарасова*; по Одесскому учебному округу: учителя городскихъ приходскихъ училищъ: Аккерманскаго третьяго мужскаго однокласснаго — Порфирій *Алексѣевъ*, и Хотинскаго второго — Іосифъ *Мардаревъ*, учителя-завѣдывающіе двухклассными сельскими министерства народнаго просвѣщенія училищами: Ивановско-Болгарскимъ, Аккерманскаго уѣзда, Гавріилъ *Матковскій*, Сорокскаго уѣзда: Климоуцкимъ—Иванъ *Алексѣевъ* и Надушитскимъ—Яковъ *Литковскій* и Гура-Чорскимъ Измаильскаго уѣзда, Николай *Каралуръ*, учителя училищъ: двухклассныхъ сельскихъ, министерства народнаго просвѣщенія: Толмазскаго, Аккерманскаго уѣзда, Дмитрій *Кудрицкій*, Васкоуцкаго, Сорокскаго уѣзда, Харлампій *Водянюкъ*, Измаильскаго уѣзда: Импуцитскаго — Александръ *Келешиъ*, Карбалійскаго — Василій *Негруцкаъ-Гулька* и Кислицкаго — Евгений *Харизоменовъ*, Сорокскаго уѣзда: Косоуцкаго—Гавріилъ *Гусевъ*, Марамоновскаго—Иванъ *Кубаеримѣжіу* и Пепенскаго—Оома *Крашталюкъ* и Страпенскаго, Кишиневскаго уѣзда, Николай *Бойко*, учитель Софійевской нѣмецкой церковно-приходской одноклассной министерства народнаго просвѣщенія школы, Измаильскаго уѣзда, Христіанъ *Унтерзееръ*, учителя училищъ: Фрасинскаго однокласснаго, Сорокскаго уѣзда, Кириллъ *Стефановъ* и Чернухинскаго однокласснаго начальнаго народнаго, Славяносербскаго уѣзда, Николай *Самойловъ*, учительницы

женскихъ гимназій: Екатеринославской Маріинской—Анна *Кретилина*, Кишиневской, учрежденной кн. Дадіани—Екатерина *Гинсз* и Одесской второй — Анна *Глинская*, учительницы-завѣдывающія двухклассными женскими приходскими училищами: Килійскимъ — Марія *Грищенко* и Сорокскимъ городскимъ — Марія *Макареско* и учительницы училищъ: Луганскаго женскаго начальнаго, Славяносербскаго уѣзда, Анастасія *Коломацкая*, двухклассныхъ сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія: Волчанештскаго, Измаильскаго уѣзда, Вѣра *Касперовская* и Надушитскаго, Сорокскаго уѣзда, Надежда *Александровуло*, одноклассныхъ сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія: Хотинскаго уѣзда: Атакскаго—Екатерина *Фитурская* и Ставучанскаго—Вѣра *Каминская*, Старо-Драгушевскаго, Кишиневскаго уѣзда, Екатерина *Гимзулова* и Бадичанскаго, Сорокскаго уѣзда, Марія *Рябиняева*, женскихъ министерства народнаго просвѣщенія, Измаильскаго уѣзда: Долукіюйскаго сельскаго—Викторія *Тарнавская* и Сатуновскаго однокласснаго—Зиновія *Поповичъ*, Единецкаго однокласснаго женскаго, Хотинскаго уѣзда, Олимпіада *Тихонова* и начальныхъ народныхъ: Славяносербскаго уѣзда: Иллирійскаго — Елизавета *Нижитина*, Іоновскаго — Олимпіада *Зданевичъ* и Петропавловскаго—Евдокія *Шереметьева* и Ново-Івановскаго, Александровскаго уѣзда, Елена *Костунова*; по Виленскому учебному округу: Гродненской губерніи: завѣдывающей Лопанскимъ двухкласснымъ сельскимъ училищемъ Семенъ *Матусевичъ*, учителя училищъ: Ново-Каменскаго народнаго—Антонъ *Рекецъ*, Кобринскаго двухкласснаго приходскаго Ипполитъ *Михайловъ*, Мостовлянскаго народнаго — Михаилъ *Наушницъ*, Николаевскаго однокласснаго сельскаго—Степанъ *Солоневичъ*, Брестскаго перваго двухкласснаго приходскаго — Тарасій *Кетура* и Вистицкаго народнаго—Павелъ *Савчукъ* и содержательница Гродненской частной четырехклассной женской еврейской прогимназіи Любовь *Вальдманъ*, Ковенской губерніи: завѣдывающей Ушпольскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ Владиміръ *Барсовъ* и учителя училищъ: Видзінскаго народнаго — Оома *Малляка*, Ковенскаго еврейскаго начальнаго — Леонъ *Болрескій*, Ковенскаго лютеранскаго приходскаго—Александръ *Кравцевичъ* и Слободскаго приходскаго—Владиміръ *Шостаъ* и Могилевской губерніи: завѣдывающіе двухклассными народными училищами: Микулинскимъ — Стефанъ *Дробышевскій*, Соинскимъ—Сергій *Петрашкевичъ*, Вѣльничскимъ — Михаилъ *Гончаровъ*, Дубровенскимъ — Георгій *Барановъ* и Могилевскимъ — Семенъ *Баранкевичъ*, учителя народныхъ училищъ: Нѣмвовскаго — Евгений *Саковичъ*, Фащевскаго — Дмитрій *Трасковскій*,

Полыковичскаго — Андрей *Бѣлобръжскій*, Кричевскаго перваго — Игнатій *Макаревичъ*, Ново-Юрковичскаго—Анастасій *Картовичъ*, Прибытковскаго—Андрей *Гордѣенко*, Баханскаго—Иванъ *Шумковъ*, Ходчанскаго — Алексѣй *Пызинъ*, Микулинскаго двухкласснаго — Кирилль *Хорунжій*, Кормянскаго—Илья *Лизюковъ*, Старо-Толочинскаго—Иванъ *Аникіевъ*, Высоко-Городецкаго—Михаилъ *Бѣлковичъ*, Руденецкаго—Георгій *Ходкевичъ* и Ново-Тухинскаго—Василій *Казымовъ* и учительницы училищъ: Шкловскаго народнаго — Анна *Соколова* и женскихъ приходскихъ: Климовичскаго—Любовь *Бордовская* и Могилевскаго двухкласснаго — Софія *Баранкевичъ*; по Оренбургскому учебному округу: учительница-завѣдывающая Оренбургскимъ женскимъ приходскимъ училищемъ—Вѣра *Данилова*, учительницы училищъ: Булановскаго сельскаго женскаго, Оренбургскаго уѣзда, Марія *Соловьева* и Оренбургскихъ: двухкласснаго женскаго приходскаго — Параскева *Крючкова* и перваго мужскаго приходскаго—Вѣра *Кузнецова* и учительницы Соликамской женской прогимназіи: Марія *Невзорова* и Любовь *Мичурина*; по Киевскому учебному округу: учитель Рясскаго сельскаго двухкласснаго училища, Константиноградскаго уѣзда, Николай *Калениченко*, завѣдывающіе двухклассными сельскими училищами: Бѣлиловскимъ, Бердичевскаго уѣзда, Семень *Быстровъ* и Петриковскимъ, Звенигородскаго уѣзда, Емельянъ *Мищенко*, бывшій учитель Бершадскаго народнаго училища, Ольгопольскаго уѣзда, Михаилъ *Левченко*, содержатель частнаго еврейскаго училища 3-го разряда въ гор. Константиноградѣ Лейзеръ *Рудинъ*, учителя училищъ: Смоленскаго народнаго начальнаго, Пѣжинскаго уѣзда, Семень *Шуцько*, одноклассныхъ народныхъ: Бершадскаго, Ольгопольскаго уѣзда, Іона *Кухаревъ* и Мошлянскаго, Балтскаго уѣзда, Павелъ *Ивфимовскій* и Винницкаго двухкласснаго начальнаго еврейскаго Исидоръ (Израиль) *Гершенторъ*, завѣдывающіе двухклассными сельскими училищами: Фастовскимъ, Васильковскаго уѣзда, Никита *Оляничъ-Сошинскій*, Сквирскаго уѣзда: Ерешковскимъ — Михаилъ *Хмара* и Пустоваровскимъ — Иванъ *Матиецъ* и Журбинецкимъ, Бердичевскаго уѣзда, Тихонъ *Крыжановскій*, бывшій учитель Бѣлоцерковскаго двухкласснаго сельскаго училища, Васильковскаго уѣзда, Степанъ *Козловскій*, учительница Обуховскаго двухкласснаго сельскаго училища Ольга *Владышевская*, завѣдывающіе двухклассными училищами: Конотопскимъ желѣзнодорожнымъ — Порфирій *Головановъ* и народными, Черкаскаго уѣзда: Цесарско-Слободскимъ—Яковъ *Ковалевъ* и Смѣлянскимъ—Семень *Радченко*, учителя начальныхъ народныхъ училищъ Козелецкаго уѣзда: Вепривскаго—Кирилль *Мрин-*

скій, Кобыжчанскаго — Конидій *Крулевскій*, Озерянскаго — Николай *Кононенко*, Пустотянскаго — Иванъ *Сычко* и Свидовецкаго — Александръ *Левковцевъ*, учительницы училищъ: Козелецкаго женскаго начальнаго — Іуліанія *Дудка*, начальныхъ народныхъ: Козелецкаго уѣзда: Браницкаго — Анна *Барановичъ*, Ново-Басанскаго перваго — Анна *Григоровская*, Ново-Быковскаго — Евдокія *Явонъ*, Рудьковскаго — Антонина *Раевская*, Рыковскаго — Антонина *Вышеславцева*, Серединскаго — Евдокія *Смутневская*, Щастновскаго — Софія *Шишневская* и Серединскаго — Гливерія *Дзюбенко* и Переходовскаго, Нѣжинскаго уѣзда, Матрена *Попомаренко*, учитель-завѣдывающій Пироговскимъ двухкласснымъ сельскимъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Кременчугскаго уѣзда, Дмитрій *Сокальскій*, учителя начальныхъ народныхъ училищъ Мглинскаго уѣзда: Доманнческаго однокласснаго — Лаврентій *Ръзунювъ* и Лопазненскаго Иванъ *Лопынювъ*, учительницы одноклассныхъ начальныхъ народныхъ училищъ: Мглинскаго уѣзда: Подбѣловскаго — Іустина *Гуляевская*, Старосельскаго — Александра *Ицкова*, Черноводскаго — Наталія *Гатцукова* и Стародубскаго уѣзда: Кистерскаго — Ольга *Цыганкова*, Курковичскаго — Александра *Тросницкая*, Стративскаго — Марія *Владимірская* и Чаусовскаго — Ольга *Колосовская*, учителя училищъ: одноклассныхъ начальныхъ народныхъ: Мглинскаго уѣзда: Семковскаго — Федоръ *Булашевичъ* и Снѣжковскаго — Кирилъ *Зеленецкій*, Борщовскаго, Стародубскаго уѣзда, Михаилъ *Сенчило*, Стародубскаго городского однокласснаго начальнаго, имени А. С. Пушкина, Евонмій *Корейша*, учитель Дорожинскаго однокласснаго народнаго училища, Балтскаго уѣзда, Сергій *Куземскій*, завѣдывающіе двухклассными училищами: Крыжопольскимъ желѣзнодорожнымъ — Иванъ *Слипка*, Омельникскимъ сельскимъ, Кременчугскаго уѣзда, Косьма *Карбаненко* и Коронскимъ министерства народнаго просвѣщенія, Кролевецкаго уѣзда, — Василій *Никольскій*, учительница Мутинскаго начальнаго народнаго училища, того же уѣзда, Анна *Галько*, бывшій учитель общеобразовательныхъ предметовъ въ Мринской ремосленной школѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Ксенофонтъ *Богдановскій* и учителя начальныхъ народныхъ училищъ: Карабутовскаго, Конотопскаго уѣзда, Григорій *Свидерскій* и одноклассныхъ: Понуровскаго, Стародубскаго уѣзда, Савва *Зимодринъ* и Сѣтоловскаго, Мглинскаго уѣзда, Никитъ *Проньковъ*; по Рижскому учебному округу: завѣдывающіе училищами: евангелическо-лютеранскими приходскими: Галлистскимъ — Гансъ *Кирзель*, Велико-Кепшоскимъ — Петръ *Рубель*, Тарвастскимъ — Давидъ *Биркенталь*, Феллинскимъ — Генрихъ *Кодарасъ* и Велико-Іоанновскимъ — Тенисъ *Кестнеръ* и воло-

стными: Гейматальскимъ—Тенисъ *Вельдеманъ*, Коркюльскимъ—Карль *Руудъ*, Оверлакскимъ—Гансъ *Хіонъ* и Гельметскимъ—Адо *Каатъ*, учителя волостныхъ училищъ: Гельметскаго—Карль *Габихтъ* и Виллустскаго—Гансъ *Семперъ* и классная надзирательница Рижской женской гимназій Л. И. Тайловой Евлампія *Тайлова* и по Приамурскому генералъ-губернаторству: и. д. помощницы учителя Благовѣщенскаго трехкласснаго городского училища Олимпіада *Соболева*.

IV. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

2. (30-го марта 1907 года, № 7147). *Объ экзаменахъ, обязательныхъ для экстерновъ, подвергающихся одновременно выпускнымъ и окончательнымъ испытаніямъ изъ курса реальныхъ училищъ.*

Предложеніемъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 8-го апрѣля 1906 г. за № 7159 (сообщеннымъ гг. попечителямъ учебныхъ округовъ въ циркулярѣ отъ $\frac{17}{24}$ апрѣля 1906 г. за № 8459) учебно-окружнымъ начальствамъ предоставлено удовлетворять ходатайства постороннихъ лицъ о допущеніи къ одновременнымъ испытаніямъ изъ курса шести и VII-го дополнительнаго класса реальныхъ училищъ въ тѣхъ случаяхъ, когда педагогическіе совѣты подлежащихъ училищъ не встрѣтятъ затрудненій къ установленію соотвѣтственнаго распорядка экзаменовъ.

Разсмотрѣвъ нынѣ возбужденный однимъ изъ попечителей учебныхъ округовъ вопросъ о томъ, какія отдѣльныя испытанія изъ курса шести классовъ реальныхъ училищъ обязательны для экстерновъ, подвергающихся одновременно выпускнымъ и окончательнымъ испытаніямъ, министерство народнаго просвѣщенія признало необходимымъ установить на этотъ предметъ слѣдующія правила:

1. Лица, желающія экзаменоваться за шесть и VII-ой классы реальныхъ училищъ одновременно, *подвергаются всѣмъ письменнымъ испытаніямъ вмѣстѣ съ учениками VI-го класса реальныхъ училищъ.*

2. Экстерны, не выдержавшіе по какому либо предмету письменнаго испытанія за 6 классовъ, къ испытанію за VII-ой классъ *не допускаются*, а могутъ быть подвергаемы лишь устному испытанію за 6 классовъ.

3. Экстерны, представившіе удовлетворительныя письменныя работы за 6 классовъ, могутъ быть допускаемы къ экзаменамъ за VII-ой классъ, причемъ:

а) *всѣмъ устнымъ испытаніямъ* они подвергаются совмѣстно съ учениками VII-го класса, и кромѣ того имъ предлагаются и вопросы по курсу 6 классовъ, дабы было возможно выставить всѣ отмѣтки въ обоихъ свидѣтельствахъ, подлежащихъ выдачѣ;

б) *письменныя испытанія по курсу VII-го класса* производятся въ теченіе времени производства устныхъ испытаній, на запасныя темы, вмѣстѣ съ учениками VII-го класса.

Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство для соотвѣтственныхъ распоряженій по ввѣренному вамъ округу.

3. (26-го апрѣля 1907 года, № 9038). *О включеніи въ программу математики для VI-го класса реальныхъ училищъ отдѣла о сложныхъ процентахъ и срочныхъ уплатахъ.*

Въ дополненіе къ циркулярному распоряженію министерства народнаго просвѣщенія отъ 30-го іюня минувшаго года, за № 12414, департаментъ народнаго просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить ваше превосходительство, для надлежащихъ распоряженій, что, согласно утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія мнѣнію ученаго комитета, приложенная при упомянутомъ циркулярѣ программа математики для реальныхъ училищъ должна быть дополнена включеніемъ въ курсъ VI-го класса сихъ учебныхъ заведеній, непосредственно вслѣдъ за ученіемъ о логарифмахъ, *отдѣла о сложныхъ процентахъ и срочныхъ уплатахъ.*

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бѣлоруссовъ, И.* Учебникъ теоріи словесности. Изданіе 21-е, доп. и испр., В. В. Думнова. М. 1906. Стр. 131. Цѣна 50 коп.“

— „*Гуриновичъ, П.* Начатки русской грамматики въ связи съ

уроками правописанія. Изданіе бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1906. Стр. 104. Цѣна 20 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ).

— „*Киселевъ, А.* Элементарная физика. 5-е изданіе, В. В. Думнова. М. 1907. Вып. I. Стр. XIV+70.—Вып. II. Стр. X+315. Цѣна за оба выпуска 2 р.“

— „*Полянский, И. И.* О трехъ царствахъ природы. Изданіе 4-е, С.-Пб. 1907. Стр. II+247. Цѣна 80 коп.“ (для женскихъ гимназій, а также для городскихъ по Положенію 31 мая 1872 г. училищъ).

— „*Ситовскій, В. В.* Исторія русской словесности. Часть I. Выпускъ I. (Пародная словесность). 2-е изд., испр. и доп. С.-Пб. 1907. Стр. 145. Цѣна 60 коп. въ перепл.“

— „*Schölzel, K.* 1) Deutsche Fibel. 10-te Auflage. Verlag von Emil Berndt. Odessa. 1907. Стр. 64. Цѣна въ перепл. 30 коп.—2) Deutsches Lesebuch. II Teil. 5-te Auflage. Verlag von Emil Berndt. Odessa. 1907. Стр. 232. Ausgabe A: für evangelische Schulen.—Ausgabe B: für katholische Schulen. Цѣна каждой части въ перепл. 70 коп.“ (для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Гречушкинъ, С. И., и А. А. Сольдинъ.* 1) Пособіе при изученіи географіи Россіи. Россія въ картинахъ. Художественный альбомъ въ 120 картинахъ.—2) Очерки по географіи Россіи. (Объяснительный текстъ къ альбому). Изданіе В. В. Думнова. Стр. IV+396. Цѣна всему изданію 25 р., цѣна текста отдѣльно 1 р.“ (въ качествѣ класснаго, пособія).

— „*Ковалевскій, С.* Сборникъ физическихъ задачъ. Изданіе 2-е, испр. С.-Пб. 1906. Стр. VI+156. Цѣна 65 коп.“

— „*Петровъ, Конст. Федор.* Звѣздочка. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ. 9-ое вновь пересм. изданіе, А. С. Панафидиной. М. 1906. Стр. VIII+218. Цѣна 40 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ).

— „*Поливановъ, Левъ.* Русская хрестоматія для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 24-е. М. 1907. Стр. XII+370+VI. Цѣна 70 коп.“

— „*Рыбкинъ, Н.* Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. Часть I.—Планиметрія. Изданіе 4-е. М. 1907. Стр. 126. Цѣна 65 коп.“

— „*Ситозерскій, М.* Систематическій ходъ качественного хими-

ческаго анализа. Одесса. 1906. Стр. 72. Цѣна 65 коп.“ (для реальныхъ училищъ).

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Кривцовъ, С. Ф.* Элементарный учебникъ ботаники. Изданіе 2-е, испр. и доп., А. Ф. Девриена. (Учебники для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ департамента земледѣлія). С.-Пб. 1907. Стр. VIII+136. Цѣна 50 коп.“ (для женскихъ гимназій, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Иоинъ, епископъ Аксайскій.* Исторія вселенскихъ соборовъ. Изданіе 2-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1906. Стр. 409. Цѣна 2 р.“

— „*Красницкій, А. И.* Слезы. Повѣсть для юношества. 2-е изданіе, А. Ф. Девриена. С.-Пб. Стр. 168. Цѣна 80 коп.“

— „*Лебедевъ, А. П.* Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ. Отъ паденія Константинополя (въ 1453 году) до настоящаго времени. (Собраніе церковно-историческихъ сочиненій, т. VIII). Изданіе 2-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1903. Стр. 872. Цѣна 4 р.“

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ власному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Беллюстинъ, В.* Ариметическій задачникъ. Изд. М. Д. Наумова. 1) Для 1-го года обученія. Изд. 5-е. М. 1906. Стр. 60.

Цѣна 12 коп.—2) Для 2-го года обученія. Изд. 5-е. М. 1906. Стр. 72. Цѣна 12 коп.—3) Для 3-го года обученія. Изд. 5-е. М. 1906. Стр. 88. Цѣна 15 коп.—4) Для 4-го года обученія. М. 1905. Стр. 48. Цѣна 12 коп.“

— „*Дмитріевъ, А., и Ив. Сахаровъ.* Практическое обученіе письму. Москва. Табл. 1. Генезисъ мал. буквъ.—Табл. 2. Генезисъ бол. буквъ.—Табл. 3. Алфавитъ бол. и мал. буквъ. Цѣна 3 табл. 1 рубль съ пересылкой.“ (въ качествѣ класснаго пособія).

— „*Ковалевскій, С.* Начальная физика. Изд. 6-е, пересм. С-Пб. 1906. Стр. VI+188. Цѣна 65 коп.“ (для городск., по Положенію 31 мая 1872 г., учил. и учит. семинарій).

— „*Ступель, А.* Собраніе ариметическихъ задачъ и примѣровъ. Изд. 2-е, пересм. и испр. Вып. I. На числа 1-ой сотни и на простѣйшія дроби. Вильна. 1905. Стр. 64. Цѣна 15 коп.—Вып. II. На числа любой величины и на составныя именованныя числа. Элементарный курсъ дробей. Вильна. 1906. Стр. 79. Цѣна 20 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Беллюстинъ, В.* Методика ариметики. Часть I: курсъ младшаго отдѣленія начальной школы. Изд. 3-е. М. 1905. Стр. 80. Цѣна 20 коп.—Часть II: курсъ средняго отдѣленія начальной школы. Изд. 3-е. М. 1905. Стр. 82. Цѣна 20 коп.—Часть III: курсъ третьяго отдѣленія начальной школы. Изд. 3-е. М. 1906. Стр. 80. Цѣна 20 коп.—Часть IV: курсъ четвертаго года обученія въ начальныхъ и двухклассныхъ училищахъ. Изд. М. Д. Наумова. М. 1905. Стр. 64. Цѣна 20 коп.“

в) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Берлинъ, Я. А.* Старшіе братья въ семьѣ народовъ. 1-й очеркъ. Хозяева земли. Изд. ред. журн. «Юная Россія». (Библиот. для семьи и школы). М. 1907. Стр. 46. Цѣна 8 коп.“

— „*Кривоцовъ, С. Ф.* Краткій курсъ физики. 2-е испр. и доп. изд., А. Ф. Девріена. (Учебники для низшихъ сельско-хоз. школъ департамента земледѣлія). С.-Пб. 1907. Стр. VIII+196. Цѣна 75 коп.“ (для городск., по Положенію 1872 г., учил.).

— „*Молчановъ, В. А.* Краткій курсъ гягіены. Изд. 4-е, испр. и доп. С.-Пб. 1907. Стр. 88. Цѣна 60 коп.“

— „*Станюковичъ, К. М.* Ужасный день. Разсказъ. Изд. 3-е, М. В. Ключкина. (Добрыя души). М. 1906. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“

— „*Тихомирова, Е., и Н. Богданова.* Обезьяны, слоны и попугай. Составл. по Брему, Фогту, Жаколіо и др. источникамъ. 5-е изд. ред. журн. «Юная Россія». (Библиот. для семьи и школы). М. 1907. Стр. 102. Цѣна 30 коп.“

— „*Толстой, Л. Н.* Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Изд. 2-е, М. В. Ключкина. (Добрыя души). М. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

— „*Черскій, Л.* Св. Филаретъ Милостивый. Историческій очеркъ. Изд. 2-е, М. В. Ключкина. (Добрыя души). М. 1907. Стр. 29. Цѣна 5 коп.“

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденнымъ министерствомъ, постановлено:

— Дополнить первоначальное опредѣленіе о книгѣ *Е. И. Орлова*, подъ заглавіемъ: „Сухая перегонка дерева. Полученіе древеснаго порошка и спирта. С.-Пб. 1905 г.“,—одобривъ ее какъ для библиотекъ среднихъ, такъ и низшихъ техническихъ училищъ и тѣхъ ремесленно-профессиональныхъ учебныхъ заведеній, курсу коихъ отвѣчаетъ книга по своему содержанію.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Съ 20-го іюля по 20-ое августа сего года при Педагогическомъ музеѣ въ Петербургѣ (Соляной городокъ) организуются кратковременные педагогическіе курсы (изученіе человѣка, какъ предмета воспитанія) для учителей, родителей и всѣхъ интересующихся вопросами воспитанія. На курсахъ будутъ читаться лекціи по экспериментальной и педагогической психологіи (18 лекцій), индивидуальной психо-

логіи (ученіе о характерахъ—10 лекцій), психо-физиологіи органовъ чувствъ (5 лекцій), физиологіи и анатоміи нервной системы (18 лекцій), патологической педагогіи (воспитаніе ненормальныхъ и отсталыхъ дѣтей—10 лекцій), школьной гігіены (6 лекцій), исправленію недостатковъ дѣтской рѣчи (6 лекцій). Кромѣ того для слушателей будутъ организованы практическія занятія по экспериментальной психологіи, бесѣды по вопросамъ педагогіи (о психологическихъ основахъ воспитанія и преподаванія) и научно-педагогическія экскурсіи. Читатъ лекціи будутъ профессора педагогическихъ курсовъ: В. И. Вартаиовъ, А. С. Грибоѣдовъ, П. П. Гундобинъ, А. А. Крогіусъ, А. Ф. Лазурскій, А. П. Печаевъ, Д. В. Фельдбергъ и др. Практическія занятія будутъ вестись подъ руководствомъ А. П. Печаева въ лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи.

Запись на курсы принимается и справки относительно ихъ выдаются въ лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи въ Петербургѣ (Соляной городокъ, Фонтанна, 10, секретарю комиссіи по устройству курсовъ). Лично ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 12 до 4 часовъ.

**ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I.

Для соисканія въ 1907 году премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, были назначены слѣдующія темы:

I. По разряду гимназій — 1) „Руководство по психологіи для VIII класса мужскихъ гимназій“ и 2) „Учебная книга по латинскому языку“ (продолженіе конкурса 1906 г.).

Для разсмотрѣнія представленныхъ къ установленному сроку 5 сочиненій (3 на тему: „Руководство по психологіи“ и 2 на тему „Учебная книга по латинскому языку“) при ученомъ комитетѣ были образованы двѣ особыя комиссіи: первая (для разсмотрѣнія сочиненій по психологіи) состояла, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета Э. Л. Радлова, изъ профессоровъ: Императорскаго С.-Петербургскаго университета А. И. Введенскаго и С.-Петербургской духовной академіи В. С. Серебренникова; въ составъ второй комиссіи (для разсмотрѣнія сочиненій на тему— „Учебная книга по латинскому языку“), бывшей подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета И. И. Холодняка, вошли: преподаватель древнихъ языковъ С.-Петербургской

VIII гимназій *Θ. М. Корабевичъ* и бывший преподаватель древнихъ языковъ С.-Петербургской VI гимназій (нынѣ инспекторъ Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ дѣтей), *К. В. Малина*.

Коммиссія, обсудивъ, на основаніи подробныхъ рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ имъ для разсмотрѣнія сочиненій, представили свои заключенія о нихъ въ ученый комитетъ, который по всестороннемъ обсужденіи какъ этихъ заключеній, такъ и подробныхъ отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) Изъ представленныхъ сочиненій на тему: „Руководство по психологій для VII класса мужскихъ гимназій“ трудъ профессора университета Св. Владимира, *Г. Челпанова*: „Учебникъ психологій (для гимназій и самообразованія). Изд. 4-е. Кіевъ. 1906“, признать заслуживающимъ большой (въ 2.000 руб.) преміи Императора Петра Великаго; остальные сочиненія признать премій не заслуживающими.

2) На основаніи § 4 Положенія о преміяхъ продолжить на 1 годъ срокъ конкурса на соисканіе оставшейся невыданною малой (въ 500 р.) преміи для сочиненій на тему: „Руководство по психологій для VII класса мужскихъ гимназій“.

3) Сочиненія, представленные въ текущемъ году на соисканіе премій Императора Петра Великаго, на тему: „Учебная книга по латинскому языку“, признать неудовлетворяющими требованіямъ конкурса, и премій за оныя не выдавать.

4) Объявить о назначеніи новаго конкурса на тему: „Учебная книга по латинскому языку“, съ установленіемъ срока для представленія конкурсныхъ сочиненій на 1-е ноября 1908 г.

5) Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателей и членовъ коммиссій по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій: *Э. Л. Радлова*, *А. И. Введенскаго*, *В. С. Серебrenникова*, *И. И. Холодняка*, *Θ. М. Корабевича* и *К. В. Малины*,—выдать перечисленнымъ лицамъ установленныя на сей предметъ золотыя медали.

Таковыя постановленія ученаго комитета утверждены за министра народнаго просвѣщенія г. товарищемъ министра.

II. *По разряду реальныхъ училищъ*—„Учебная книга по русскому языку для IV класса реальныхъ училищъ (теоретическія свѣдѣнія и хрестоматія)“.

Къ опредѣленному положеніемъ о преміяхъ сроку были представлены въ ученый комитетъ 3 сочиненія.

Для разсмотрѣнія сихъ сочиненій образована была при ученомъ комитетѣ особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго

комитета И. О. Анненскаго, изъ членовъ комитета: И. А. Шляпкина и В. В. Сиповскаго.

Коммиссія, обсудивъ, на основаніи подробныхъ рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ на ея разсмотрѣніе конкурсныхъ сочиненій, представила свое заключеніе о нихъ въ ученый комитетъ, который по всестороннемъ обсужденіи какъ этого заключенія, такъ и подробныхъ отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) Сочиненіе (рукописное) подъ девизомъ: „Языкъ—главный памятникъ народа“ признать заслуживающимъ большой (въ 2.000 руб.) преміи Императора Петра Великаго; остальные, представленныя на конкурсъ сочиненія признать премій не заслуживающими. По вскрытіи въ засѣданіи ученаго комитета пакета съ девизомъ, авторомъ удостоеннаго преміи сочиненія оказался Александръ Григорьевичъ Шалыгинъ.

2) Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателя и членовъ коммисіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій — И. О. Анненскаго, И. А. Шляпкина и В. В. Сиповскаго, — выдать означеннымъ лицамъ установленныя на сей предметъ золотыя медали.

Такое постановленіе ученаго комитета утверждено за министра народнаго просвѣщенія г. товарищемъ министра.

II.

Разборъ сочиненій, удостоенныхъ въ 1907 году премій Императора Петра Великаго.

I. *Проф. Челпановъ.* „Учебникъ психологіи (для гимназій и самообразованія). 4-е пересмотрѣнное изданіе. 207 страницъ. Цѣна 1 рубль“.

Разсматриваемый учебникъ составленъ ученымъ, приобрѣвшимъ себѣ извѣстность спеціальнымъ изученіемъ психологіи. Уже изъ одного этого можно заключить, что содержаніе учебника удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ. Выборъ же излагаемаго матеріала долженъ быть признанъ и вполне достаточнымъ для гимназическаго преподаванія, и вполне посильнымъ для изученія въ теченіе одного года при двухъ урокахъ въ недѣлю. Въ учебникѣ всего лишь 198 страницъ, затрагивающихъ всѣ существенныя вопросы психологіи, при чемъ авторъ отмѣчаетъ особымъ знакомъ приблизительно 50 страницъ текста, который, по его мнѣнію, можетъ быть выпущенъ при изученіи учебника

въ гимназіи. Сюда отнесены имъ слѣдующіе вопросы: математическое обоснованіе закона Фехнера, гипотезы о физиологической основѣ памяти, развитіе памяти, воспріятіе пространства и времени, объ апіорности понятій пространства, времени, числа, причинности и субстанціи, о происхожденіи моральнаго чувства.

При сравненіи учебника съ установленной программой обнаруживается, что его основной текстъ затрагиваетъ всѣ безъ исключенія вопросы, упомянутые въ программѣ, а тѣ, которые авторъ считаетъ возможнымъ пропустить и которые только что перечислены мною, онъ прибавилъ сверхъ требованій программы.

Такимъ образомъ онъ сумѣлъ съ достаточной полнотой изложить всѣ вопросы, назначенные программой, всего лишь на 150 страницахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ даетъ указанія, какъ ученику, прошедшему его учебникъ, углубить свои свѣдѣнія по любому заинтересовавшему его вопросу посредствомъ самостоятельнаго чтенія. Съ этой цѣлью къ учебнику приложенъ указатель литературы по психологін, въ которомъ отмѣчается, какими именно сочиненіями можетъ быть пополнена каждая отдѣльно взятая глава учебника. Такая система перечисленія рекомендуемыхъ сочиненій, конечно, принесетъ пользу не только ученику, но и учителю при его подготовкѣ къ урокамъ. При этомъ не мѣшаетъ упомянуть, что во многихъ случаяхъ авторъ раздѣляетъ сочиненія, рекомендуемыя имъ для пополненія той или другой главы, на двѣ группы: на такія, которыя онъ считаетъ возможнымъ изучать уже въ гимназіи, и на такія, которыя онъ „предлагаетъ отложить до того момента, когда учащійся будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи больше свободнаго времени, чѣмъ въ гимназіи“. Къ этой второй группѣ онъ относитъ сочиненія, отличающіяся не столько объемомъ, сколько трудностью или специальнымъ характеромъ. Такое раздѣленіе рекомендуемыхъ сочиненій дѣлаетъ учебникъ г. Челпанова полезнымъ и по окончаніи гимназическаго курса, тѣмъ болѣе что авторъ свой указатель литературы ограничилъ лишь тщательно избранными сочиненіями, а вовсе не гонится за тѣмъ, чтобы перечислить всѣ имѣющіяся на русскомъ языкѣ, независимо отъ ихъ достоинства.

Вообще авторъ озаботился, чтобы всячески помочь и ученику, и учителю.

Очень цѣнной особенностью разсматриваемаго учебника надо считать прекрасно составленные вопросы для повторенія, которыми за-

канчивается каждая глава и на которые учащійся долженъ, по словамъ автора, давать *полныя* отвѣты. Вопросы редактированы очень ясно и исчерпываютъ все содержаніе главы, къ которой они приложены, такъ что если ученикъ умѣетъ правильно отвѣчать на нихъ, то можно быть увѣреннымъ, что онъ хорошо освоился съ содержаніемъ данной главы, тѣмъ болѣе что среди этихъ вопросовъ часто встрѣчается требованіе пояснить то или другое положеніе самостоятельно найденнымъ примѣромъ.

Не безполезнымъ надо считать и подробный алфавитный указатель психологическихъ терминовъ.

Что касается изложенія учебника, то г. Челпановъ давно приобрѣлъ извѣстность своимъ умѣньемъ излагать научные вопросы. Это умѣнье не покинуло его и при составленіи его учебника, который по ясности и общедоступности изложенія оказывается дѣйствительно годнымъ не только для класснаго преподаванія, но и для самообразованія.

Словомъ, рассматриваемый учебникъ составляетъ въ высшей степени цѣнный вкладъ въ нашу учебную литературу. И неудивительно, что въ два года онъ вышелъ уже въ четырехъ изданіяхъ. Напротивъ, можно смѣло предсказывать, что г. Челпанову придется еще неоднократно переиздавать его. И было бы очень желательно, чтобы при послѣдующихъ изданіяхъ г. Челпановъ пополнилъ свой учебникъ нѣсколькими словами о забвѣніи и о темпераментахъ. Ни о томъ, ни о другомъ онъ ни слова не говоритъ, за что, впрочемъ, нельзя его винить, ибо и гимназическая программа вовсе не упоминаетъ объ этихъ вопросахъ. Желательно также, чтобы были исправлены и слѣдующія погрѣшности, изъ которыхъ нѣкоторыя проникли въ его книгу отъ того, что онѣ сдѣлались привычнымъ явленіемъ въ психологической литературѣ, переходящимъ изъ одной книги въ другую.

На стр. 3 говорится, какъ и во множествѣ другихъ книгъ, что ни одно изъ душевныхъ явленій не воспринимается при помощи внѣшнихъ органовъ чувствъ. Разумѣется, относительно внѣшнихъ ощущеній это не совсѣмъ вѣрно и требуетъ оговорокъ.

На стр. 9 у автора попадаютъ выраженія, которые при точномъ ихъ пониманіи противорѣчатъ его же собственнымъ объясненіямъ, что основнымъ методомъ психологіи служить самонаблюденіе; именно— онъ говоритъ: „не изъ наблюденія самого себя, а изъ наблюденія вообще всѣхъ живыхъ существъ психологъ стремится строить законы душевной жизни... Психологу нужны три группы данныхъ“, послѣ

чего идетъ перечень этихъ данныхъ, но въ ихъ числѣ нѣтъ данныхъ самонаблюдения. Разумѣется, здѣсь явный недосмотръ въ выраженіяхъ. Автору слѣдовало бы такъ выразиться: „не только изъ наблюдения самого себя и т. д.“ и передъ тремя указанными имъ группами данныхъ поставить данныя самонаблюдения, такъ что всего выйдетъ четыре группы.

На стр. 61 г. Челпановъ вслѣдъ за многими авторами не совсѣмъ вѣрно излагаетъ законъ Фехнера. Во-первыхъ, онъ не упоминаетъ, что если ощущенія и выходятъ у Фехнера равными (а вѣрнѣе сказать пропорціональными) логарифмамъ раздраженій, то это только при томъ условіи, чтобы за единицу мѣры раздраженія была принята величина его абсолютнаго порога. Во-вторыхъ, онъ вмѣстѣ съ множествомъ другихъ авторовъ выражается такъ, что какъ будто бы объ этомъ равенствѣ ощущеній логарифмамъ раздраженій можно заключать изъ того обстоятельства, что ощущенія растутъ въ арифметической прогрессіи, въ то время, какъ раздраженія—въ геометрической. Между тѣмъ какъ въ законѣ Фехнера дѣло стоитъ наоборотъ: изъ равенства ощущеній логарифмамъ раздраженій приходится заключать, какъ растутъ и тѣ, и другіе, а изъ способа ихъ роста нельзя сдѣлать заключенія объ указанномъ равенствѣ, ибо далеко не всегда данная арифметическая прогрессія окажется состоящей изъ логарифмовъ членовъ данной геометрической прогрессіи, хотя и справедливо, что эти логарифмы обязательно составятъ какую-либо арифметическую прогрессію.

На стр. 63 и слѣдующихъ г. Челпановъ употребляетъ, какъ и множество другихъ русскихъ авторовъ, неправильное выраженіе „объективированныя“ ощущенія, а надо говорить „объектированные“, ибо здѣсь прилагательное происходитъ не отъ слова „объективъ“, но отъ слова „объектъ“. И если мы отъ „проектъ“ образуемъ слова „проектировать“, „проектированный“, а не „проективировать“, „проективированный“, то и отъ „объектъ“ производныя слова должны быть „объектировать“, „объектированный“.

На стр. 66 г. Челпановъ, говоря о сохраненіи представленій, упоминаетъ только о двухъ толкованіяхъ этого понятія: о сохраненіи ихъ въ качествѣ *представленій* же, но которыхъ мы не сознаемъ, и о сохраненіи ихъ въ видѣ тѣхъ или другихъ матеріальныхъ слѣдовъ въ мозгу. Слѣдовало бы, конечно, упомянуть и о новѣйшемъ, теперь уже сильно распространенномъ толкованіи, утверждающемъ, что представленія образуютъ собой переживанія сознанія, которыя существуютъ

лишь тогда, когда переживаются на дѣлѣ, а въ остальное время не нуждаются въ томъ, чтобы сохраняться гдѣ-либо въ какомъ бы то ни было видѣ.

На стр. 64 г. Челпановъ для поясненія сохраненія представленій въ видѣ *движеній* въ головномъ мозгу ссылается на экспонированную, но еще не проявленную фотографическую пластинку, говоря, будто бы свѣтовые лучи сохраняются въ видѣ *движеній* „въ веществѣ пластинки“. Это неудачный примѣръ, если даже и не обращать вниманія на неточность выраженія „вещество пластинки“, подъ которымъ можно подразумѣвать не только эмульсионный слой, но и самое стекло пластинки. Подъ сохраняющимися свѣтовыми лучами авторъ подразумѣваетъ въ этомъ примѣрѣ, такъ называемое, скрытое изображеніе; но оно вѣдь сохраняется въ пластинкѣ не въ видѣ движеній, а въ видѣ уже совершившагося подъ вліяніемъ свѣтовыхъ лучей большаго или меньшаго разложенія солей, входящихъ въ составъ эмульсионнаго слоя пластинки.

Въ главѣ XII остается не вполне яснымъ, допускаетъ ли авторъ возникновеніе представленій, не вызываемыхъ ходомъ ихъ ассоціацій. Въ началѣ этой главы, на стр. 71, онъ очень рѣшительно высказывается, что такіе случаи встрѣчаются, хотя всего лишь изрѣдка: „есть случаи“, говоритъ онъ, „когда представленія сами по себѣ, *самопроизвольно* (курсивъ г. Челпанова) могутъ возникать въ нашемъ сознаніи, но гораздо чаще вызываются при помощи другихъ представленій.“ Заканчивается же эта глава, на стр. 76, уже такими словами: „*всякое* представленіе возникаетъ благодаря тому, что оно связано съ другими представленіями по опредѣленному правилу и т. д.“

На стр. 83 произвольное вниманіе опредѣляется, какъ вниманіе, обусловленное причиной внутренняго характера. Это слишкомъ широкое опредѣленіе, ибо и во вниманіи, обусловленномъ внутренними причинами, все-таки приходится отличать произвольное отъ непроизвольнаго. Вѣдь бываютъ случаи, когда вниманіе *непроизвольно* отвлекается отъ предмета, на которомъ мы его стараемся сосредоточить, и направляется на какое-либо случайно возникшее воспоминаніе, на сложившуюся въ это время комбинацію мыслей и т. п., словомъ,—обусловливается *внутренними* причинами.

На стр. 84 излишне широкое опредѣленіе даетъ авторъ и понятію интереса. „*Интересомъ* (курсивъ г. Челпанова)“, говоритъ онъ, „мы называемъ чувство удовольствія, которое связано съ совершеніемъ того или другаго дѣйствія. Напримѣръ, ребенокъ приводитъ въ дви-

женіе какое-нибудь колесо своей игрушки, потому что это дѣйствіе доставляетъ ему удовольствіе. Можно сказать, что онъ совершаетъ это дѣйствіе съ интересомъ.“ Но когда простолюдинъ почесываетъ какую-нибудь часть тѣла съ удовольствіемъ, можно ли сказать, что онъ совершаетъ это дѣйствіе съ интересомъ?

На стр. 87 въ фразѣ: „только благодаря апперцепціи у насъ можетъ быть вниманіе“ пропущено слово „произвольное“.

На стр. 90, оцѣнивая мнемонику, авторъ, съ одной стороны, выражается о бесполезности мнемоники съ излишней рѣзкостью, а съ другой—не указываетъ, что повсюдное примѣненіе ея должно имѣть вредныя послѣдствія. Онъ такъ выражается объ ея бесполезности: „мнемоника не имѣетъ рѣшительно никакой цѣны, потому что запоминаніе хронологіи обыкновеннымъ способомъ имѣетъ болѣе разумный смыслъ“ и т. д. Но въ логикѣ и до сихъ поръ считаютъ полезнымъ средневѣковый мнемоническій пріемъ для запоминанія силлогистическихъ правилъ, скрывающій ихъ подъ условными знаками въ словахъ *Bag-baga, Celarent* и т. д. Значитъ, бываютъ случаи, когда и мнемоника имѣетъ кое-какую цѣну. Забылъ же упомянуть здѣсь г. Челпановъ о томъ, что привычка усваивать все посредствомъ мнемоническихъ пріемовъ, т. е. повсюдное употребленіе послѣднихъ должно выработать привычку не вникать логически въ усваиваемый матеріалъ, а усваивать одной лишь памятью, работа которой значительно облегчается посредствомъ этихъ пріемовъ, такъ что въ результатѣ повсюднаго примѣненія мнемоники получится одна лишь видимость образованія, соединенная съ лѣнью работать умомъ, которая обратится въ привычку.

На стр. 135 авторъ такъ выражается о сужденіяхъ, когда разъясняетъ ихъ составъ, что какъ будто бы существуютъ только одни утвердительныя сужденія: „въ сужденіи“, говоритъ онъ, „мы высказываемъ или утверждаемъ что-либо относительно чего-либо“... „Въ сужденіи самымъ существеннымъ является *утвержденіе* (курсивъ г. Челпанова); безъ утвержденія не могло бы быть сужденія.“ Очевидно, здѣсь слово „утвержденіе“ должно быть замѣнено другимъ.

Тамъ же онъ безъ всякихъ оговорокъ высказываетъ далеко не всѣми признаваемую мысль, редактированную имъ слѣдующимъ образомъ: „для того, чтобы я могъ что-нибудь утверждать, я долженъ имѣть *уверенность* (курсивъ г. Челпанова) въ томъ, что утверждаемое мною имѣетъ объективную реальность, что оно существуетъ въ

дѣйствительности, а не только въ моемъ сознаніи.“ Это не общепризнанный взглядъ, о чемъ и слѣдовало бы упомянуть.

Ученіе о высшихъ понятіяхъ (стр. 141—145) г. Челпанову слѣдовало бы или пропустить, какъ не требуемое программой, или же изложить нѣсколько обстоятельнѣе. Теперь же оно вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія, остающіяся въ учебникѣ безъ всякаго отвѣта. Дѣйствительно, въ этомъ ученіи г. Челпановъ указываетъ (на стр. 142 и 143) два признака, составляющихъ особенность апріорныхъ понятій, не разъясняя, въ какихъ отношеніяхъ находятся они другъ къ другу, всегда ли окажется одинъ изъ нихъ тамъ, гдѣ есть другой, и не объясняя, должны ли они быть оба налицо, чтобы признать понятие апріорнымъ, или же для этой цѣли достаточно одного изъ нихъ и какого именно. Все это дѣлаетъ ученіе объ апріорности нѣсколько неяснымъ, недоговореннымъ.

Въ главѣ XXVI г. Челпановъ обращается съ терминами: высшія чувства, чувствованія, эмоціи и аффекты такъ, какъ если бы всѣ авторы придавали имъ одинаковое значеніе и то самое, въ какомъ онъ употребляетъ ихъ; между тѣмъ какъ это невѣрно, и слѣдовало бы упомянуть объ условномъ характерѣ этихъ терминовъ, о разнообразіи ихъ значеній у разныхъ авторовъ. Иначе, напримѣръ, ученикъ, желающій пополнить свои свѣдѣнія объ изложенной г. Челпановымъ теоріи аффектовъ Джемса посредствомъ чтенія „Психологіи“ Джемса, подумаетъ, что эта теорія излагается вовсе не тамъ, а въ какомъ-нибудь другомъ сочиненіи Джемса, ибо послѣдній вмѣсто термина „аффектъ“ употребляетъ „эмоція“.

На стр. 151 г. Челпановъ, упомянувъ о раздѣленіи чувствъ на формальныя и качественныя, не хочетъ больше говорить объ этой классификаціи лишь на томъ основаніи, что въ настоящее время она принята очень немногими. Не мѣшало бы прибавить, почему именно считаютъ ее неудовлетворительной.

На стр. 158 г. Челпановъ пишетъ: „сознаніе присущности нашему „я“ какого-либо цѣннаго качества вызываетъ у насъ чувство, которое мы можемъ назвать самоудовлетвореніемъ. Противоположное чувство можно было бы назвать самонеудовлетвореніемъ“. Термины „самоудовлетвореніе“ и „самонеудовлетвореніе“ здѣсь врядъ ли удачно примѣнены, и во всякомъ случаѣ они не изъ общепринятыхъ для той цѣли, какая здѣсь имѣется въ виду. Обыкновенно употребляютъ довольство и недовольство собой.

На стр. 191 свобода воли, рассматриваемая съ точки зрѣнія пси-

хологін, опредѣляется, какъ возможность при рѣшеніи слѣдовать *любому* мотиву; но такая возможность будетъ прямымъ свидѣтельствомъ о неподчиненіи воли закону причинности, т. е. по существу дѣла не отличается отъ свободы воли въ метафизическомъ смыслѣ. Очевидно, отличіе психологической свободы отъ метафизической указано здѣсь недостаточно ясно.

Несмотря на этотъ длинный перечень погрѣшностей, допущенныхъ г. Челпановымъ, я все-таки считаю его учебникъ въ высшей степени полезнымъ и вполне заслуживающимъ большой преміи Петра Великаго, если среди трудовъ, предъявленныхъ на соисканіе преміи, не окажется учебника, который своими достоинствами превосходилъ бы разсматриваемый мною. Дѣло въ томъ, что всѣ отмѣченные мною промахи легко объясняются той спѣшностью, съ какой долженъ былъ работать г. Челпановъ, чтобы своевременно выпустить свой учебникъ, и за такую заботливость объ интересахъ преподаванія можно быть только признательнымъ. Къ тому же всѣ указанныя мною погрѣшности чисто-формальнаго характера и могутъ быть исправлены уже и преподавателями при разъясненіи уроковъ. По содержанию же не за что упрекнуть этотъ учебникъ: въ немъ ясно, просто и вполне правильно изложено такое количество фактовъ, котораго совершенно достаточно, чтобы повліять на мировоззрѣніе ученика и заставить его заинтересоваться дальнѣйшимъ изученіемъ психологій.

II. Рукописное сочиненіе подъ девизомъ: „*Языкъ — главный памятникъ народа*“, на тему: „учебная книга по русскому языку для IV класса реальныхъ училищъ“.

Сочиненіе представляетъ собою два объемистыхъ рукописныхъ in folio: первая часть посвящена теоріи словесности, вторая заключаетъ въ себѣ хрестоматію. Авторъ сочиненія подъ указаннымъ девизомъ въ предисловіи своемъ выясняетъ, какія именно соображенія привели его къ написанію руководства для учениковъ средняго возраста въ видѣ „систематическаго курса теорій словесности“: дѣло въ томъ, что, хотя программа и предполагаетъ извѣстную систему въ расположеніи частей и вопросовъ курса, но самый курсъ не представляетъ, согласно задачамъ проекта, „Теорій словесности“, а лишь „элементарныя свѣдѣнія о составѣ и формѣ литературныхъ произведеній“.

Мотивы автора сочиненія подъ девизомъ: „*Языкъ — главный памятникъ народа*“ сводятся къ тому, что, по его мнѣнію, систематическое руководство должно быть и интереснѣе и даже легче для усвоенія; сверхъ того составитель считалъ полезнымъ дать для перваго литера-

турнаго класса нашей средней школы нѣчто болѣе богатое по выбору подробностей, въ тѣхъ видахъ, чтобы, не нарушая систематичности курса, книга предоставляла преподавателямъ возможность видоизмѣнять детали курса въ зависимости отъ состава класса. Нѣкоторые параграфы онъ и самъ предвидитъ какъ мало соответствующіе первой степени курса.

Теоретическій курсъ въ разбираемой рукописи распадается на двѣ части, почти равныя по объему: первая посвящена стилистикѣ, вторая—литературнымъ формамъ.

Соответственно этому и хрестоматія даетъ два отдѣла: первый— (приблизительно треть всей хрестоматіи, по числу номеровъ — 59 изъ 187), предназначенный служить для выясненія и укрѣпленія въ памяти понятій о стилѣ; второй, гдѣ иллюстрируются положенія и свѣдѣнія, изложенныя въ „Теоріи“. Во второмъ отдѣлѣ хрестоматіи, тѣснѣе примыкающемъ къ курсу, образцы распределены по болѣе дробнымъ статьямъ, тогда какъ первый распадается лишь на двѣ большія группы: стихи и прозу. Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что дальнѣйшее дробленіе, при группировкѣ отрывковъ и образцовъ въ цѣломъ, было бы нецѣлесообразно. Да и въ самомъ дѣлѣ, кто будетъ подыскивать стихотворенія съ преобладаніемъ синекдохъ и т. п.? Другое дѣло—выбирать самыя примѣры для теоретическихъ положеній, а этимъ стилистическая часть новаго руководства очень богата.

Обратимся къ разбору „Теоріи“.

Чтеніе этой части рукописи убѣдило насъ, что мы имѣемъ дѣло не только съ новымъ, но и вполне оригинальнымъ, самостоятельнымъ и значительнымъ явленіемъ въ нашей учебной литературѣ. Съ другой стороны, въ составитель виденъ опытный педагогъ: опредѣленія разрабатывались въ классѣ; а форма, въ которой сообщаются свѣдѣнія, показываетъ, что въ такомъ видѣ, но крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, свѣдѣнія эти преподавались учащимся.

Для примѣра укажу на § 7: „Множественность значеній“, гдѣ ученикамъ объясняется основаніе для перехода словъ отъ одного значенія къ другому.

Перейдемъ къ обзору „Теоріи“.

Авторъ разбираемаго сочиненія стоитъ на совершенно правильной точкѣ зрѣнія, когда различаетъ *метонимию*, *метафору* и *синекдоху*, какъ элементарныя *средства рѣчи* отъ тѣхъ же терминовъ въ примѣненіи къ *художественнымъ ея цѣлямъ*. Насколько мнѣ извѣстно, въ

русской учебной литературѣ никто не проводилъ еще этого принципа съ такою послѣдовательностью. Благодаря этому въ новомъ курсѣ обращено вниманіе не только на примѣры, которые можно заимствовать изъ книгъ, но и на фразы, которыя часто слышатся въ обыденной рѣчи, что несомнѣнно содѣйствуетъ повышенію сознательнаго отношенія учениковъ къ своей рѣчи.

Въ связи съ § 7, на который я только что указалъ, авторъ разбираемаго сочиненія даетъ въ слѣдующемъ § очень мѣткіе примѣры, взятые именно изъ ежедневнаго рѣчцоваго опыта среды, въ которой мы живемъ.

Обращу дагѣ вниманіе на главу сочиненія, названную „Жизнь языка“: здѣсь находятъ себѣ мѣсто §§, посвященные *варваризмамъ*, *неологизмамъ* и прочимъ группамъ словъ, которыя до сихъ поръ по традиціи мы разсматривали въ связи съ такимъ неопредѣленнымъ понятіемъ, какъ *чистота языка*. Параграфы 11—16 совершенно доступны пониманію ученика средняго возраста, и притомъ сознательное отношеніе учениковъ къ явленіямъ ихъ родной рѣчи, благодаря имъ, можетъ теперь не прикрѣпляться уже къ такимъ условностямъ, какъ *чистота рѣчи*. Согласно прежней теоріи, абсолютно-чистой русской рѣчи, даже для своего времени не могли дать ни Крыловъ, ни Пушкинъ.

Очень удачно выбраны примѣры на синонимы (стр. 25). Авторъ сочиненія учить не только выяснять отгѣненныя значенія въ синонимахъ равносильныхъ, каковы *храбрость* и *мужество*; но и различать синонимы по широтѣ ихъ содержанія или отношенію говорящаго къ предмету рѣчи. Жаль, что авторъ въ дальнѣйшемъ не замѣнилъ слова *эмоціональность* для обозначенія одного изъ признаковъ слога; конечно, слово *выразительность* можетъ внести въ представленіе нѣкоторую неточность, но слово *одушевленность* было бы, пожалуй, не хуже *эмоціональности*, а при этомъ оно лучше соотвѣтствовало бы въ предыдущемъ отдѣлѣ такимъ русскимъ терминамъ, какъ *картинность*, *образъ*.

Впрочемъ, самая *эмоціональность*, какъ понятіе, опредѣляется, расчленяется и иллюстрируется въ разбираемомъ сочиненіи вполне доступно ученическому пониманію. Очень хорошо объясняетъ составитель и то свойство литературнаго сочиненія (ссылками на свою хрестоматію), что весьма часто рѣчь, вовсе не рассчитанная способомъ своего выраженія на возбужденіе нашего чувства, на примѣръ, страданія, и не прибѣгающая въ связи съ этимъ къ средствамъ эмо-

ціональности,—на самомъ дѣлѣ, благодаря одной только изобразительности, оказывается впечатляющей насъ сильнѣе, чѣмъ рѣчь, избилующая лирическими украшениями (стр. 42). На это не обращали до сихъ поръ вниманія наши учебники.

Въ главѣ объ эпитетѣ даются очень интересныя свѣдѣнія о происхожденіи эпитетовъ народной поэзіи. Авторъ приводитъ довольно длинный списокъ примѣровъ, которые онъ тщательно выбралъ изъ былинь, народной лирики, похоронныхъ речитативовъ и т. д. Едва ли слѣдуетъ бояться, что въ томъ классѣ, гдѣ ученики еще недавно изучали грамматику древне-славянскаго языка (особенно по Колосову), останется непонятнымъ то, что авторъ говоритъ о первоначальномъ обозначеніи предметовъ по характернымъ имъ качествамъ, тѣмъ болѣе, что примѣровъ много, и они хорошо разобраны въ текстѣ (стр. 45 сл.).

Рѣдкимъ богатствомъ содержанія отличаются параграфы, посвященные *метафорѣ*, хотя изъ нихъ учителя должны будутъ дѣлать, конечно, выборъ. Метафорѣ посвящены въ нѣмецкой литературѣ цѣлыя отдѣлы книгъ (напр., у Гербера) и даже особыя сочиненія (Бринкманна, Бизе); особенность разбираемаго нами труда заключается въ томъ, что его авторъ всѣ свои примѣры черпалъ исключительно изъ русской рѣчи и нашей художественной литературы, и притомъ говоритъ объ нихъ въ формѣ, доступной учащимся.

§ 39, трактующій объ анимизмѣ, относится цѣликомъ къ мелкому шрифту. Гораздо конкретнѣе изложено *неполное олицетвореніе*, благодаря богатымъ иллюстраціямъ изъ поэзіи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, А. Толстого, Тютчева, Голенищева-Кутузова и другихъ, включая Мережковского и Кускова.

Въ слѣдующемъ § (42)—„Полное олицетвореніе“—отмѣчу одинъ спорный примѣръ („Воспоминаніе“ въ известной пьесѣ Пушкина). Сравненіе изложено съ большою обстоятельностью. Гораздо менѣе удовлетворило меня изложеніе „Параллелизма“: § 51 „Параллелизмъ строя рѣчи“ во всякомъ случаѣ подлежитъ внесенію въ мелкій шрифтъ, а то, что сказано о *мстницѣ*, показалось мнѣ не совсѣмъ точнымъ. Что значить напр.: „Здѣсь повтореніе имѣетъ цѣлью продлить живописное впечатлѣніе читателя“?

Глава, посвященная стихосложенію, представляетъ много новаго въ смыслѣ учебномъ.

Авторъ посвятилъ цѣлый § ритму и мимоходомъ даетъ ученикамъ интересныя свѣдѣнія о древнѣйшихъ формахъ искусства (стр. 114).

Новизною являются для школьнаго руководства *нѣоны*, безъ которыхъ какъ-то до сихъ поръ ухитрялись обходиться авторы русскихъ учебниковъ.

Интереснымъ и полезнымъ для многихъ учениковъ, между которыми въ среднемъ возрастѣ есть уже немало метромановъ, является § 60, посвященный свойствамъ хорошей рѣмы: юноши должны по возможности отдавать собѣ отчетъ въ сложности и трудности поэтическаго искусства.

Немного необработанной является у автора глава о періодахъ. Одинъ примѣръ на стр. 140 (язъ Гоголя), повидимому, даже выпалъ при перепискѣ. Впрочемъ, большая часть оставшихся примѣровъ удачны: авторъ не ограничивается Карамзинимъ, какъ бѣлая часть составителей нашихъ учебниковъ теоріи словесности, а пользуется также прозой В. Боткина, Гончарова и др.

Второй отдѣлъ руководства представляетъ менѣе оригинальнаго, но за то онъ по большей части изложенъ элементарнѣе стилистики.

Очень удачно опредѣлено въ § 68, что такое *идея сочиненія*: „Кромѣ самаго содержанія, сочиненіе можетъ заключать въ себѣ *идею* или *идеи*, т. е. мысль или мысли, которыя должны являться въ сознаніи читателя *на основаніи* или *подъ вліяніемъ* сочиненія“.

Въ связи съ этимъ на примѣрахъ выясняется, обыкновенно обходившійся въ учебникахъ признакъ сочиненія,—его *замѣте*.

Обстоятельно выяснено и понятіе *типъ* (§ 73), причемъ мы читаемъ, между прочимъ: „Типичнымъ можетъ быть не только лицо, но также поступокъ, рѣчь, поза, манера разсуждать, привычка, занятіе, обстановка, жилище, городъ и пр.“ (слѣдуютъ примѣры въ связи съ хрестоматіей: Простакова, Онѣгинъ, Тарасъ Бульба, купецъ Калашниковъ).

§ 78 посвященъ поэтической иллюзіи, и въ связи съ этимъ авторъ сочиненія выясняетъ важность поэзіи, какъ средства выйти изъ личнаго, и тѣмъ самымъ ограниченнаго и односторонняго существованія—это также совершенно новый вопросъ въ нашемъ учебномъ курсѣ.

Передъ тѣмъ, какъ перейти къ былинамъ, авторъ сочиненія даетъ своимъ читателямъ (§ 87) краткія свѣдѣнія о первоначальности эпоса. Здѣсь требуетъ нѣкотораго пересмотра сказанное на 182 стр. о *кантиленѣ*. Неясно, напр., упоминаніе о томъ, что „каждая эпическая пѣсня, дошедшая до насъ (а не дошедшая?), имѣла *свой краткій* (?)

лироэтический періодъ“¹⁾. Вопросъ о героической идеализаціи я бы оставилъ подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: процессъ этотъ научно еще почти не освѣщенъ (§ 88).

Очень удачнымъ считаю я выборъ примѣровъ для ознакомленія съ „пѣмой сильной и идеальной личности“:—Мцыри (§ 98), героиня Некрасовской пѣсньи „Морозъ Красный Носъ“ (см. хрестоматію).

Въ особую главу отнесенъ „Эпосъ дѣйствительности“.

Для характеристики отношенія автора къ этому вопросу, я дѣлаю слѣдующую выписку съ 219 страницы: „Исторія литературы показываетъ, что произведенія этого рода эпоса (т. е. реального) явились на всѣхъ языкахъ позднѣе, нежели произведенія, описанныя выше (героическая пѣсня, пѣма, баллада), которыя, по контрасту, можно назвать эпосомъ идеальнымъ. Художественный интересъ къ жизни, какъ она есть, проснулся довольно поздно; такъ и въ народную сказку, какъ мы видѣли (стр. 210), только постепенно входили бытовые подробности и сюжеты. Въ русской литературѣ первое художественное и правдивое изображеніе обыкновенной жизни (въ эпической формѣ) былъ романъ въ стихахъ „Евгеній Онегинъ“ Пушкина, оконченный имъ въ 1831 г. За этимъ слѣдуетъ богатое и блестящее развитіе *реальной* эпоса въ Россіи въ формѣ романовъ, повѣстей, очерковъ, рассказовъ, хроникъ и т. д., обыкновенно въ прозѣ, подъ перомъ Лермонтова... (слѣдуетъ рядъ именъ)“.

Два слѣдующіе большіе отдѣла теоріи поэзіи идутъ въ разборскомъ сочиненіи не въ томъ порядкѣ, какъ привыкли мы видѣть это до сихъ поръ, а именно драма предшествуетъ лирикѣ. Съ этимъ можно спорить, но *педагогическое* основаніе для этого перемѣщенія есть—это неоспоримо.

Изъ частныхъ замѣчаній упомяну объ очень ясно проведенномъ на стр. 241 анализѣ „трагическаго чувства“. Я бы счелъ, однако, порядокъ расположенія элементовъ трагическаго произвольнымъ: ужасъ несомнѣнно предшествуетъ жалости, удивленіе же есть элементъ входящій.

Десять страницъ, посвященныхъ комизму, юмору и сатирѣ, обнаруживаютъ знакомство автора съ литературой предмета (Лазарусъ, Липшъ), но я боюсь, что эти страницы, хотя и приуроченныя къ учебнымъ цѣлямъ, все же потребуютъ при печатаніи въ цѣломъ рядъ мѣстъ мелкаго шрифта. Отдѣлъ лирики бѣднѣе всѣхъ дру-

¹⁾ Курсивъ рецензента.

гихъ отдѣловъ сочиненія по содержанию и сравнительно коротокъ по объему.

Въ предисловіи къ своему курсу авторъ разбираемаго сочиненія указываетъ на рядъ пробѣловъ и недочетовъ по большей части формальныхъ, которые будутъ восполнены имъ при печатаніи. Выше я отмѣтилъ нѣсколько мѣстъ, съ которыми я бы не могъ согласиться; на сколько-нибудь крупныя ошибки я не наткнулся.

Непонятенъ мнѣ только пропускъ *ироніи* и *сарказма* (для нихъ не нашлось особаго параграфа). Затѣмъ, на стр. 39 читаемъ: „называя предметы необычными, часто *церковно-славянскими именами*, какъ напр., говоря: Петрополь, Севвана, Галль, Сармать, ви.... и т. д.“. Какъ разъ ни одного церковно-славянскаго наименованія!

На стр. 45 говоря объ индоевропейской семьѣ, авторъ едва ли имѣлъ основаніе назвать ее *пастушеской*.

На 57 стр. въ стихахъ Баратынскаго строчки напрасно подѣлены пополамъ.

Перейдемъ къ хрестоматіи.

Свойства этой половины разбираемаго труда опредѣляются двумя цѣлями, которыя, повидному, поставилъ себѣ авторъ: во-первыхъ, обогатить выборъ произведеній; во-вторыхъ, сдѣлать этотъ выборъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ возрастомъ, для котораго назначается хрестоматія. Эта вторая цѣль—которая въ самомъ курсѣ, опредѣляла главнымъ образомъ лишь способъ изложенія предмета, не имѣла автору давать много подробностей, которыя въ IV классѣ не могутъ быть еще оцѣнены и использованы въ своей полнотѣ,—въ хрестоматіи проводилась имъ строго, и едва ли это обстоятельство нуждается въ оправданіи и даже болѣе подробномъ разсмотрѣніи.

Какъ новый матеріалъ для хрестоматіи я могу отмѣтить сочиненія Вл. Короленко и Глѣба Успенскаго; изъ прозаиковъ не художниковъ—Юнина (путешественника), А. Никитенко, Петрушевскаго, какъ біографа Суворова; изъ поэтовъ гр. Голенничева-Кутузова, Мережковскаго, Кускова. Но главный фондъ хрестоматіи составляютъ все-таки Пушкинъ, Крыловъ и Тургеневъ. Гораздо менѣе представленъ Левъ Толстой: онъ далъ хрестоматіи только одинъ отрывокъ изъ „Войны и Мира“ и одинъ отрывокъ изъ „Анны Карениной“. Нашихъ старыхъ классиковъ, какъ Державина и Карамзина, авторъ не обходилъ, но въ отдѣлѣ исторіи онъ далъ болѣе мѣста Соловьеву и Погодину, вѣроятно, вслѣдствіе того, что они ближе по языку къ пониманію учениковъ средняго возраста. Изъ Державина въ „лирикѣ“

даны: отрывокъ изъ оды „Богъ“, Петръ и Екатерина (изъ оды „Вельможа“), „Снигирь“ и ода „Властителямъ и Судіямъ“.

Изъ поэтовъ болѣе использованы авторомъ новой хрестоматіи, чѣмъ это дѣлается въ большинствѣ случаевъ: Тютчевъ и Полонскій.

Для того, чтобы дать образчикъ выбора произведеній, укажу на баллады, помѣщенные въ хрестоматіи (№№ 74—81): „Князь Михайло Репнинъ“, гр. Ал. Толстого; „Василій Шибановъ“, гр. Ал. Толстого; „Три пальмы“, Лермонтова; „Сраженіе со змѣемъ“ (Шиллера) В. Жуковскаго; „Анчаръ“, Пушкина; „Гайдукъ Хризичъ“, Пушкина; „Рыцарь Роллонъ“ (Уланда) В. Жуковскаго; „Утопленникъ“, Пушкина. Выборъ этотъ очень характеренъ по *этичности* колорита выбранныхъ пьесъ и легкости ихъ для пересказа. При иллюстраціи драмы авторъ вполне основательно на мой взглядъ ограничился выборками изъ Пушкина и Фонвизина. Гоголь драматургъ имъ не использованъ; этотъ писатель далъ ему только прекрасные образцы историко-героическаго эпоса и реалистическаго повѣствованія. Нѣтъ и Грибоѣдова, о чемъ для IV класса едва ли слѣдуетъ сожалѣть. Очень интересно и ново иллюстрирована глава о мемуарахъ: два отрывка изъ Ф. Вигеля (между прочимъ, „Пожары 1812 года“); „Чтеніе въ домѣ Аксаковыхъ“, И. Панаева, и „Встрѣча съ Пушкинымъ“, И. Гончарова.

Изъ переводныхъ вещей, насколько я знаю, впервые даны въ хрестоматіи отрывки изъ легенды объ Юліанѣ Милостивомъ, Флобера, переведенной Тургеневымъ.

Ничего нельзя сказать противъ выбора, сдѣланнаго авторомъ хрестоматіи изъ сочиненій Салтыкова и Глѣба Успенскаго, но я бы нѣсколько посократилъ на его листѣ рассказы „Мишка“, Глѣба Успенскаго, и „Откупщикъ Хрептюгинъ“, Салтыкова. Второй отрывокъ могъ бы быть и совсѣмъ опущенъ безъ особаго ущерба для хрестоматіи.

Самъ авторъ курса и хрестоматіи въ предисловіи къ своему труду указалъ на тѣ исправленія, чисто формальныя, правда, которыя должны и будутъ сдѣланы имъ при печатаніи рукописей.

Отзывъ мой о сочиненіи подъ девизомъ: „Языкъ—главный памятникъ народа“ касался поэтому лишь существа самой работы.

Принимая во вниманіе его строгую обоснованность, продуманность и считая новое руководство и хрестоматію за крупный вкладъ въ нашу учебную литературу, я считаю сочиненіе подъ указаннымъ девизомъ заслуживающимъ полной преміи Императора Петра Великаго.

III.

О порядкѣ представленія сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго.

Для представленія сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначенъ, съ разрѣшенія министерства, слѣдующій порядокъ:

I. По разряду гимназій: на преміи 1908 года—1) „Руководство по логикѣ для VIII класса мужскихъ гимназій“, примѣнительно къ программѣ для мужскихъ гимназій, опубликованной въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (сентябрь 1905 г.), и 2) „Руководство по психологіи для VII класса мужскихъ гимназій“, примѣнительно къ программѣ, опубликованной въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, июль 1905 г. (Продолженіе конкурса 1907 года на оставшуюся невыданною малую [въ 500 руб.] премію).

На преміи 1909 года: „Учебная книга по латинскому языку“.

Общія условія, коимъ должна удовлетворять конкурсная „Учебная книга по латинскому языку“:

1) Учебная книга должна состоять изъ двухъ отдѣльныхъ учебниковъ, примѣненныхъ къ новымъ планамъ и программамъ: 1) *пособія для переводовъ* для III и IV классовъ (хрестоматіи) и 2) *краткой грамматики латинскаго языка* (приспособленной какъ для III и IV классовъ, такъ и для всего гимназическаго курса). Оба учебника, въ интересахъ единства и цѣльности, должны быть составлены однимъ авторомъ.

2) Учебный матеріалъ *хрестоматіи* долженъ служить какъ для основательнаго усвоенія курса по латинскому языку въ поименованныхъ классахъ, такъ и для достиженія общеобразовательныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ. Поэтому на *выборъ* учебнаго матеріала должно быть обращено особое вниманіе.

3) Хрестоматія должна состоять преимущественно изъ связанныхъ содержательныхъ *статей* на латинскомъ и русскомъ языкахъ, не трудныхъ по формѣ и содержанію, напримѣръ, небольшихъ рассказовъ, описаній, басенъ (въ прозаической формѣ), разговоровъ и т. п. Допускаются и отдѣльныя *фразы*, но въ ограниченномъ количествѣ, и притомъ *содержательныя*, напримѣръ, пословицы, изреченія и т. п.

4) Статьи для переводовъ съ русскаго на латинскій должны слу-

жить лишь дидактическимъ средствомъ; поэтому число ихъ должно быть меньше, сравнительно съ латинскими статьями.

5) Желательно, чтобы учебный матеріалъ опирался, по возможности, на тексты древнихъ (римскихъ и греческихъ) писателей, или въ видѣ непосредственныхъ заимствованій, или въ видѣ передѣлокъ, перифразъ и т. п.

6) Статьи должны быть составлены примѣнительно къ отдѣламъ грамматики и сопровождаться ссылками на ея соотвѣтствующіе параграфы. Количество учебного матеріала должно быть достаточнымъ для отчетливаго усвоенія грамматическихъ и лексическихъ свѣдѣній въ объемѣ курса III и IV классовъ.

7) Весьма желательно, чтобы нѣкоторыя статьи заключали въ себя, кромѣ грамматическихъ и лексическихъ данныхъ, также и элементарныя *реальныя*, и отчасти *синонимическія* свѣдѣнія.

8) Всѣ упомянутыя данныя—грамматическія, лексическія, реальныя и синонимическія—должны войти въ хрестоматію въ такомъ объемѣ, чтобы можно было довести учениковъ до чтенія Цезаря, по возможности, въ концѣ курса IV класса или, по крайней мѣрѣ, въ самомъ началѣ курса V класса.

9) Въ расположеніи учебного матеріала въ хрестоматіи рекомендуется соблюдать какъ *систему*, такъ и *методъ*.

10) Хрестоматія должна состоять изъ *двухъ* частей (въ одной или двухъ книжкахъ) и должна быть построена на грамматическомъ матеріалѣ, предположенномъ къ преподаванію въ III и IV классахъ, согласно программѣ, опубликованной въ декабрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1904 г.

11) Для усвоенія *особенностей* склоненій и спряженій не требуется специальныхъ упражненій на этотъ именно матеріалъ; онъ включается *путемъ* въ латинскіе и русскіе тексты и усваивается при ихъ чтеніи и разборѣ.

12) Въ концѣ *каждой* части хрестоматіи *долженъ* быть помещенъ *постатейный* словарь. Въ концѣ второй части хрестоматіи *могутъ* быть также общіе для обѣихъ частей словарики: латинско-русскій и русско-латинскій, составленные въ алфавитномъ порядкѣ.

13) Что касается учебника собственно *грамматики*, то онъ долженъ состоять изъ двухъ частей (въ одной, или, еще лучше, въ двухъ книжкахъ). *Часть I*: *этимологія* и начальныя правила синтаксиса (матеріалъ для III и IV классовъ). *Часть II*: *синтаксисъ* (матеріалъ для V—VIII классовъ).

14) Изложеніе и объясненіе грамматическихъ, реальныхъ и синонимическихъ данныхъ (въ хрестоматіи и грамматикѣ) должны удовлетворять какъ педагогическимъ, такъ и научнымъ требованіямъ, и отличаться краткостью, ясностью и точностью.

II. По разряду реальныхъ училищъ: на преміи 1909 года—„руководство по математикѣ (основанія аналитической геометріи и основанія анализа бесконечно малыхъ) для VII класса реальныхъ училищъ“, примѣнительно къ программѣ, опубликованной въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (январь 1907 г.).

III. По разряду начальныхъ народныхъ училищъ: на преміи 1908 года—„Книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ“. Программа, примѣнительно къ которой должна быть составлена эта книга, объявлена въ июньской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1905 годъ.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, не позже 1-го ноября, и могутъ быть какъ печатныя, такъ и рукописныя. Рукописи будутъ подвергнуты разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представлены и безъ обозначенія имени автора, подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожителство.

ПСКОВСКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ XVI И ВЪ XVII ВВ. ¹⁾).

IX.

„7188 года по цареву и в. кн. Феодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу и по наказу волѣно писцу Льву Мироновичю Вельяминову да подъячему Феодосію Гаврилову ѣхать въ псковскій уѣздъ и во псковскіе пригороды, а приѣхавъ патриарши и властелинскіе і монастырскіе, і церковныя и за бояры, и за окольничими, и за думными людьми, за столники, за стряпчими и за дворяны московскими, и за дѣяки, и за жильцы и за городовыми дворяны і дѣтми боярскими, и за казаки, и за вдовами, и за недоросли, і всякихъ чиновъ за помѣщики и за вотчинники помѣсныя и вотчинныя земли, села, деревни и починки, і пустоши, и селѣща и займища, і крестьянскіе і бобыльскіе дворы, и въ дворѣхъ людей по имяномъ, і порозжие помѣстья и вотчины писати, мѣрити, межевати, и въ сошное письмо і въ живущую нашію і крестьянскіе і бобыльскіе дворы положить. И писецъ Левъ Мироновичъ Вельяминовъ да подъячей Феодосій Гавриловъ во псковскомъ уѣзде і во псковскихъ пригородѣхъ по указу великаго государя и по наказу, каковъ присланъ во Псковъ въ прошломъ во 184 году къ писцу ко Льву Мироновичю ис помѣсного приказу, за приписью дѣяка Ивана Рыгозинина, монастырскіе и церковныя и помѣсныя и вотчинныя земли писали і мѣрили і межевали дворы крестьянскіе и бобыльскіе и во дворѣхъ людей по имяномъ, а что описано въ псковскихъ засадѣхъ

¹⁾ *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1907 годъ.

и пригородѣхъ и въ губахъ монастырскихъ и церковныхъ і помѣстныхъ и вотчинныхъ земель і въ дворѣхъ людей по именомъ, и то писано въ сихъ книгахъ ниже сего, а что за государевымъ указомъ и грамотой, какова во 186 г. прислана къ писцу ко Льву Мироновичу по челобитью псковскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель писати и мѣрити и межевати не велѣно, и за ихъ спорами с монастыри и с церквами за очными ставками и за судными дѣлами многие стали невершены. Во псковскомъ уѣзде засады и псковские пригороды всѣ неописаны, а дворяне и дѣти боярские многие къ писцовому дѣлу дач и сказок не приносили, і сами не ходили, и людей своихъ не присылали. Да въ приправочныхъ книгахъ, каковы присланы для справки къ писцовому дѣлу, написаны пустыхъ монастырей и церковей земли, а послѣ писца объявились во Псковѣ в съезжей избѣ и в дворцовомъ приказе на оброкѣ и за помѣщики в помѣстьяхъ, а нынѣ тѣ монастыри и церкви после писца многие построены і били челомъ великому государю строители и церковные старосты, чтобы великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ тѣ земли по прежнему написать въ писцовую книгу за тѣми монастыри і за церквами противъ приправочныхъ книгъ, і оброкъ с тѣхъ земель сложить, и о тѣхъ земляхъ такіе статьи в наказе не написано. Да во псковскихъ же пригородѣхъ и въ засадахъ по письму и по наѣзду объявились монастыри і по погостомъ церкви, и у тѣхъ монастырей и у церковей пашенная земля, а въ приправочныхъ книгахъ 135 году у тѣхъ монастырей и по погостомъ церковей земель не написано, а написано в тѣхъ приправочныхъ книгахъ тѣ же монастырские и церковные земли писаны въ церковныхъ книгахъ. Да во псковскомъ уѣзде и во псковскихъ пригородѣхъ розданы въ раздачу разныхъ чиновъ людямъ изменничьи помѣстья и вотчины во 159 году, и с тѣхъ приправочныхъ и с отдѣльныхъ книгъ для справки къ писцовому дѣлу не прислано, і о тѣхъ статьяхъ къ великому государю въ помѣстный приказъ писано, а указу великаго государя къ писцовому дѣлу не прислано, для того: книгъ вершити и въ сошное письмо въ живущую пашню и крестьянские и бобыльские дворы положить нельзя же¹⁾.

Итакъ писецъ Левъ Вельяминовъ, которому въ 1680 г. предстояло измѣрить и размежевать земли и положить въ сошное письмо крестьянские и бобыльские дворы, встрѣтилъ, при исполненіи возложенной на него миссіи, слѣдующія трудности:

¹⁾ Кн. 358, л. 12—13 и ср. кн. 828 (копія съ кн. 358).

1) Грамотой отъ 1678 г. было запрещено описывать и межевать помѣстные и вотчинныя земли, вслѣдствіе челобитья псковскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, вызваннаго тѣмъ обстоятельствомъ, что возникшія у нихъ спорныя дѣла съ церквами и монастырями не получили пока окончательнаго разрѣшенія.

2) Многіе дворяне и дѣти боярскіе ни сами не явились, ни людей своихъ не прислали къ писцовому дѣлу, такъ что писецъ лишентъ быть возможности провѣрить, на какомъ основаніи они владѣли извѣстнымъ участкомъ земли, не видя предъ собою ни „дачь“ (отдѣльныхъ, ввозныхъ и др. грамотъ и выписей), ни даже „сказокъ“, т. е. личныхъ заявленій владѣльца или по крайней мѣрѣ старожиловъ.

3) Въ приправочныхъ книгахъ, которыя были присланы къ писцу для справокъ о томъ, какъ раньше обстояло дѣло, написаны были земли пустыхъ (опустѣвшихъ, или не существовавшихъ тогда) монастырей и церквей, а земли эти оказались состоящими на оброкѣ въ сѣвѣжской избѣ и въ дворцовомъ приказѣ, или же въ помѣстьяхъ за помѣщиками, а между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ монастырей и церквей, бывъ возстановлены, были челомъ о записаніи за ними тѣхъ земель по прежнему и о сложеніи съ нихъ оброка, на каковой предметъ писцу не дано никакихъ руководственныхъ инструкцій.

4) За нѣкоторыми монастырями и погостами оказалась теперь пашенная земля, которой въ приправочныхъ книгахъ 135 г. совсѣмъ не показано, а сдѣлана лишь ссылка, что тѣ земли писаны въ церковныхъ книгахъ.

5) Въ 159 г. измѣнничьи помѣстья и вотчины были розданы разнымъ чиновъ людямъ, а между тѣмъ никакихъ точныхъ данныхъ по этому предмету не было прислано къ писцовому дѣлу.

Обозначенія „сошнаго письма“ и опредѣленія размѣровъ платежа въ государеву казну дѣйствительно и нѣтъ въ книгахъ Льва Вельяминова (кн. 358 и 359), но онъ все-таки нашелъ возможнымъ описать земли вотчинныя и помѣстныя въ нѣкоторыхъ псковскихъ засадахъ (завелицкой и части прудской) и въ Островскомъ уѣздѣ ¹⁾, благодаря чему есть возможность сравнить населенность земель по книгамъ Ивана Вельяминова первой половины XVII в. съ населенностію земель по книгамъ Льва Вельяминова 80 года, и сдѣлать изъ этого срав-

¹⁾ Въ остальныхъ уѣздахъ, о которыхъ говорится въ кн. 359 (Выборскій, Дубжовскій, Опочецкій, Велѣйскій и Вороночскій), описаны только монастырскія и церковныя земли.

ненія нѣкоторые выводы. Напр., въ цѣломъ Островскомъ уѣздѣ по кн. 1065 за помѣщиками состояло 9 селець и 38 деревень безъ полу-трети деревни съ 10 дворами помѣщичьими, 4 дворами людскими, 48 дворами крестьянскими (въ нихъ 61 ч. и еще 4 ч. бобылей) и 19 дворами бобыльскими (21 ч.). За монастырями и церквами состояло 18 деревень съ 20 кр. дворами (35 ч. и 4 ч. бобылей) и 14 бобыльскими дворами (18 ч.)¹⁾. Въ книгахъ Льва Вельяминова нѣтъ, какъ выше было замѣчено²⁾, общихъ итоговъ по засадамъ и уѣздамъ, но, складывая итоги по отдѣльнымъ губамъ, можемъ видѣть, что въ 1680 г. за помѣщиками въ Островскомъ уѣздѣ состояло $8\frac{1}{4}$ селець, $78\frac{5}{8}$ деревни и 1 починокъ съ 5 дворами помѣщичьими, 2 дворами задворныхъ людей, 1 людскимъ дворомъ, 135 дворами крестьянскими и 20 дворами бобыльскими (въ тѣхъ и другихъ 783 ч.),—за вотчинниками 1 село, 3 сельца и 21 деревня съ 3 дворами вотчинниковыми, 10 дворами задворныхъ людей (въ нихъ 39 ч.), 29 крестьянскими дворами и 8 бобыльскими дворами (въ тѣхъ и другихъ 152 ч.),—за монастырями и церквами погостъ и 45 деревень съ 60 крестьянскими дворами и 7 бобыльскими дворами (въ тѣхъ и другихъ 343 ч.).

Слишкомъ большая разница въ числѣ душъ, безъ сомнѣнія, зависѣла отъ новаго пріема счисления, такъ какъ, согласно наказу, писцы должны были исчислить все мужское населеніе, тогда какъ раньше обозначались только домохозяева, вслѣдствіе чего общее число крестьянъ и бобылей по книгамъ Дровнина и Ивана Вельяминова немногимъ больше числа крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Главный интересъ не въ этомъ, а въ томъ, на какія категоріи распадалась описываемые дворы, и какихъ категорій люди жили въ этихъ дворахъ. Какъ извѣстно, псковская судная грамота различала изорниковъ, огородниковъ и кочетниковъ и, повидимому, нормальнымъ отношеніемъ между землевладѣльцемъ и тѣмъ, кто садился на его землю, считала исполовничество, т. е. уплату землевладѣльцу половины сбора³⁾. Въ грамотѣ упоминаются также „подсудники“, какъ

¹⁾ См. августов. кн. *Ж. М. Н. Пр.* за 1906 г., стр. 196 и 197.

²⁾ См. июль, стр. 86. Говоря о населенности, мы, конечно, не имѣемъ здѣсь надобности исчислять селѣща и пустоши, которыя записаны за землевладѣльцами всѣхъ категорій, и сравнивать ихъ количество по книгамъ Ивана Вельяминова и Льва Вельяминова.

³⁾ Ст. 42—43. Позднѣе, какъ мы знаемъ (см. июль, стр. 72 и сл.), общимъ правиломъ сдѣлалась пятина, а не половина.

самостоятельные юридическіе субъекты, которые могутъ состоять въ обязательственныхъ отношеніяхъ съ своими хозяевами и имѣютъ процессуальную правоспособность ¹⁾). Книга 355-я не знаетъ этой терминологіи, различая дворы крестьянскіе, бобыльскіе ²⁾ и ловецкіе; о подсудъдникахъ, можетъ быть, не говорить потому, что писецъ считалъ лишь домохозяевъ, подсудъдники же жили не въ своихъ дворахъ, а въ чужихъ.

Тѣмъ менѣе возможно бы было искать изорниковъ, огородниковъ и кочетниковъ въ книгахъ Ивана Вельяминова, которыя также знаютъ только крестьянскіе, бобыльскіе и ловецкіе дворы, а подъ „бобылями, живущими въ крестьянскихъ дворахъ“, разумѣютъ, надо полагать, тѣхъ самихъ подсудъдниковъ, о которыхъ когда-то говорила псковская судная грамота. Терминъ „подсудъдникъ“ встрѣчается, какъ мы увидимъ, въ книгахъ Льва Вельяминова, и трудно допустить, чтобы „подсудъдники“ эпохи псковской судной грамоты въ XVI в. исчезли, а въ 80-мъ годамъ XVII в. снова воскресли. Изъ нѣсколькихъ примѣровъ можно усмотрѣть тѣ элементы, изъ которыхъ составлялось населеніе крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ по книгамъ Льва Вельяминова.

Въ одной изъ деревень Дубровскаго, находившихся въ каменской губѣ завелицкой засады, были слѣдующіе дворы: крестьянскій дворъ Егупко Григорьевъ съ братомъ Давыдкомъ, у Егупки сынъ Левка, у Давыдка дѣти Еремка, Родька, да у нихъ же подсосѣдникъ Сидорко Ивановъ, у него дѣти Ивашко, Левка,—крестьянскій дворъ Пентешка Павловъ, да у негожъ подсосѣдникъ Ермолка Гавриловъ,—крестьянскій дворъ Якушко Афанасьевъ съ дѣтми съ Давыдкомъ съ Мишкою, у Давыдка дѣти Гришка, Мартемьянко, Степка, да у негожъ племянникъ Ивашко Ивановъ,—дворъ прикащикова, а въ немъ бобыли Родька да Арефейко Семеновы, у Родьки сынъ Кондрашко, да у него жъ зять Гришка Константиновъ ³⁾).

Въ одной изъ вотчинныхъ деревень Неклюдова, находившейся въ бѣльскаго губѣ, въ Качановой слободѣ завелицкой засады, жилъ во крестьянскомъ дворѣ крестьянинъ Пименко Кириловъ, у Пименка сынъ Савка, да у него жъ племянники Ивашко да Микифорко да Сенька

¹⁾ Ст. 103.

²⁾ Дворы „поличниковъ“, о которыхъ иногда говорится въ книгахъ 830 и 827, были, по всей вѣроятности, бобыльскими же дворами.

³⁾ Кн. 358, л. 29.

Ивановы дѣти, да у нихъ же подсосѣдникъ, дядя ихъ, Алешка Кириловъ съ дѣтми Нефедкомъ и Куземкой ¹⁾).

Въ одномъ изъ дворовъ, принадлежавшихъ Рождеству Іоанна Предтечи съ Завеличья въ той же губѣ и засадѣ, жила бобылка Натальица Ларивонова жена съ дѣтми съ Терешкою, съ Якушкомъ, съ Ваською, съ Евдокимкомъ, да у нея же подсосѣдникъ Пвашко Игнатьевъ ²⁾). Въ одномъ изъ дворовъ, принадлежавшихъ Николаю Чудотворцу съ Усохи, въ михайловской губѣ Островскаго уѣзда, жили трое братьевъ Якушко да Васька да Самулко Даниловы, у Якушки сынъ Трофимко, у Васьки сынъ Корнилко да племянникъ Терешка Ѳедоровъ да вскормленникъ Якимко Степановъ польской породы ³⁾).

Въ одной изъ деревень, что была пустошь (помѣщичья, въ синской губѣ Островскаго уѣзда), жили въ крестьянскомъ дворѣ Софронко и Еремка Ивановы, да у нихъ же невѣстка вдова Авдотьица съ сыномъ Ваською Коионовы, да пасынки Прошка и Якушко Сидоровы, да вдова Ѳеколка съ сыномъ Матюшкою да съ пасынкомъ Юшкою ⁴⁾).

Въ одной изъ деревень Великопустынскаго монастыря было 3 крестьянскихъ двора: въ одномъ изъ нихъ жилъ крестьянинъ съ четырьмя сыновьями, изъ которыхъ одинъ имѣлъ сына и пасынка, а сверхъ того въ домѣ жилъ еще приемышъ Марчко Артемьевъ ⁵⁾).

Еще большаго вниманія заслуживаютъ данныя относительно дворовъ, въ которыхъ жили землевладѣльцы и ихъ люди. Книги конца XVI и первой половины XVII вѣка знаютъ только дворы помѣщичьи и дворы людскіе. Въ книгахъ Льва Вельяминова есть уже новая категория землевладѣльцевъ—вотчинники, а живущіе въ людскомъ дворѣ (иногда же, если самъ земледѣлецъ не жилъ въ своемъ селѣцѣ, то въ помѣщичьихъ дворахъ) называются дворовыми и задворными людьми, то старинными, то вновь поступившими; встрѣчаются также безпашенные дѣловые люди и задворные бобыли.

¹⁾ Л. 93.

²⁾ Тамъ же, л. 35—36. А въ крестьянскомъ дворѣ въ 1/2 деревни, принадлежавшей Варварѣ Св. съ Усохи въ той же губѣ и засадѣ, жилъ крестьянинъ Гаврилка Андреевъ (очевидно бездѣтный), и у него подсосѣдникъ съ сыномъ и даже съ зятемъ (л. 50).

³⁾ Кн. 359, л. 153.

⁴⁾ Тамъ же, л. 169.

⁵⁾ Тамъ же, л. 172.

у него сынъ Сидорка, у негожь пасынокъ Оська Васильевъ, да Сенька Оедоровъ, Егупико Вижулинъ, Родька Филипповъ, у него сынъ Савка ¹⁾).

Относительно дворовыхъ или задворныхъ людей, задворныхъ бобылей, безопасныхъ дѣловыхъ людей и монастырскихъ дѣтенышей едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что они явились на псковской почвѣ позднѣе переписи Ивана Вельяминова, около половины XVII вѣка, перенесенные сюда изъ Москвы. Что касается дружинниковъ, о которыхъ упоминается всего одинъ разъ при описаніи означеннаго сельца, то они, можетъ быть, имѣютъ связь съ тою „дружиной“ при ключникѣ, о которой говорится въ новгородскихъ книгахъ ²⁾; вѣроятнѣе, однако, что это были просто конюха, на попеченіи и въ управленіи которыхъ находились монастырскія лошади, содержавшіяся въ монастырскомъ прѣвземѣ конюшенномъ дворѣ.

Изъ сравненія цифровыхъ данныхъ по книгамъ Льва Вельяминова съ такими же данными по книгамъ предшествующаго времени усматривается, что во второй половинѣ XVII вѣка и населеніе увеличилось, и осѣдлость помѣщиковъ укрѣпилась и, вслѣдствіе этого, обнаружилось въ большей степени, чѣмъ раньше, стремленіе землевладѣльцевъ независимо отъ всякихъ правительственныхъ льготъ, населить и культивировать свои земли, и наконецъ установить извѣстное соотвѣтствіе между помѣщичьими или вотчинниковыми и людскими дворами, даже съ перевѣсомъ числа послѣднихъ надъ числомъ первыхъ ³⁾,

¹⁾ Тамъ же, л. 239—240.

²⁾ См. у проф. Самохасова, Архивный матеріалъ и проч., стр. 208 и сл. Дружина въ нѣкоторыхъ новгородскихъ волостяхъ представляется какъ бы свптою при ключникѣ, съ тѣмъ различіемъ отъ ключника, что послѣднему съ населенія шелъ доходъ хлѣбомъ зерновымъ и печенымъ, сырамъ, льномъ и т. п., а также иногда и дегьгами, доходъ же дружины состоялъ главнымъ образомъ въ овчинахъ. Надо полагать, что дружина нуждалась въ шилѣ, такъ какъ командировалась по деревнямъ для сбора съ населенія дани и оброковъ. Не невозможно, что такую же роль играли и дружинники Печерскаго монастыря при монастырскомъ дворникѣ.

³⁾ Изъ итоговъ, которые помѣщены были въ июльской и август. кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1906 г., можно было видѣть, что въ завеличской засадѣ было по кн. 830 помѣщичьихъ дворовъ 12 безъ людскихъ дворовъ, а по кн. 1064 помѣщ. дворовъ 14 и людскихъ 4,—въ бѣльской зас. по кн. 830 помѣщ. 3 двора и 1 людской, а по книгѣ 1063 людскихъ дворовъ совсѣмъ нѣтъ,—въ прудской зас. по кн. 830 помѣщ. 4 двора и людскихъ 4, а по кн. 1063 помѣщ. дворовъ 8 и ни одного людского, — въ мелетов. зас. по кн. 830 помѣщ. дворовъ 5 и 4 людскихъ двора, а по кн. 1063 помѣщичьихъ дворовъ 7 и людскихъ ни одного,—въ Островскомъ уѣздѣ по кн. 827 помѣщичьихъ дворовъ 10 и людскихъ 4, тоже и по кн. 1065,—въ Изборскомъ уѣздѣ по кн. 827 помѣщичьихъ дворовъ 9

обитатели которыхъ распались при томъ на нѣсколько категорій. Этимъ нужно объяснять обиліе порядныхъ въ бобыльство и крестьянство, кабалныхъ и другихъ документовъ, которые содержатся въ книгахъ вотчинной конторы по Пскову, и изъ которыхъ было бы рискованно заключать о господствѣ изображаемой въ нихъ практики въ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ, тѣмъ болѣе о повсемѣстности ея во всѣхъ русскихъ областяхъ. Во Псковѣ очень многое зависѣло отъ обстоятельствъ времени и отъ мѣстныхъ условій, въ томъ числѣ, напримѣръ, и псковскій „пятинный“ хлѣбъ.

При обнаружившемся стремленіи землевладѣльцевъ къ заселенію и обработкѣ земель естественно долженъ былъ обостриться вопросъ о земляхъ, которыя въ теченіе долгаго времени писцами писались за церквами и монастырями, въ дѣйствительности не существовавшими. Церковь Егорія Св. на Теребишѣ (въ исадѣ) не существовала при составленіи книгъ не только Ивана Вельяминова, но и Дровнина съ Мѣщаниновымъ-Морозовымъ ¹⁾, а между тѣмъ даже и въ кн. 358 Льва Вельяминова, при описаніи выбуцкой губы завелицкой засады, все еще упоминаются 2 пустоши Егорія Св. съ Теребишѣ. Въ книгахъ Ивана Вельяминова нѣкоторые монастыри и церкви помѣчены какъ пустыя, напримѣръ, Симеоновскій монастырь надъ Печищами, Спасъ Всемиловитый у Государева двора, Рождество Богородицы въ коровской губѣ, Введеніе Богородицкаго утретка ²⁾; но это не мѣшаетъ тому же писцу записывать земли за несуществующими церквами. Писецъ, собственно говоря, поступалъ весьма резонно: церковныя строенія не отличались особенною солидностію, и устройство ихъ не затруднялось слишкомъ обременительною дороговизною, поэтому восстановление уничтоженныхъ, вслѣдствіе какой либо несчастной случайности, или запустѣвшихъ храмовъ должно было представляться дѣломъ вѣроятнымъ. О Спасскомъ монастырѣ въ Вельѣ авторъ „Исторіи княжества псковскаго“ говоритъ, что онъ сгорѣлъ отъ молніи въ 1460 г. ³⁾. Въ кн. 355 ⁴⁾, составленной въ 80-хъ годахъ XVI вѣка, сказано: „*мѣсто*, что было Спасскій монастырь, пашеть велейскій ста-

п ни одного людского, а по кн. 1065 помѣщичьихъ дворовъ 14 и людскихъ 12,—въ Дубковскомъ уѣздѣ по кн. 827 помѣщичьихъ дворовъ 8 и людскихъ 3, по кн. 1067 помѣщичьихъ дворовъ 3 и людскихъ ни одного.

¹⁾ См. май 1906 г., стр. 5.

²⁾ Кн. 826, л. 827 и 1303; кн. 1066, л. 856 и сл.; кн. 1067, л. 685.

³⁾ III, 120.

⁴⁾ I. 809.

роста и оброкъ платитъ (кому?) на церковное строеніе монастырское“. Былъ ли возстановленъ въ дѣйствительности велейскій Спасскій монастырь въ этотъ 140-лѣтній періодъ времени, мы не знаемъ. Равнымъ образомъ трудно сказать, возстановился ли онъ въ XVII в., а между тѣмъ извѣстное количество пустошей писалось за нимъ, и только въ позднѣйшей 363-й книгѣ земли его формально причислены были къ пустомонастырскимъ землямъ. Нѣчто подобное нужно сказать о Спасскомъ монастырѣ въ Вороночѣ, который по кн. 1066 представляется пустымъ, такъ что пустоши его были отданы даже по государеву указу казакамъ, но въ то же время говорится, что часть одной изъ пустошей, содержащая въ себѣ 12 четей, пашется „на монастырское и церковное строеніе, на свѣчи и на ошмямъ безо всякаго государева тягла“ ¹⁾. Если монастырь или храмъ не былъ приписанъ къ какому либо другому монастырю, то и протестовать было некому противъ отписки на государя земель такихъ опустѣвшихъ монастырей и храмовъ, кромѣ прихожанъ, или, точнѣе сказать, посадскихъ людей, какъ скоро послѣднимъ удавалось устроить храмъ. И протесты эти, насколько извѣстно, уважались ²⁾.

Безхозяйныя церковныя земли могли быть розданы казакамъ, могли поступить къ помѣщикамъ ³⁾, могли остаться въ непосредственномъ

¹⁾ Лл. 160 и 878. Такъ какъ Спасскій монастырь изъ Вороноча съ Чичаговы горы по кн. 363 значится въ числѣ пустыхъ, то онъ, вѣроятно, и не былъ возстановленъ.

²⁾ Въ кн. 1066 о церкви Егорія Св. изъ Вороноча, которой принадлежали пустоши въ полянской и егорьевской губахъ вороночскаго уѣзда, при описаніи полянской губы, говорится: „Егорія Св. изъ Вороноча что была въ раздачѣ за опочекскими казаки за Ортюшкою Новичкомъ да за Федькою Скомороховымъ, и по челобитью воронецкихъ посадскихъ людей воронецкаго уѣзда крестьянъ у казаковъ та пустошь взята, что они той церковь Егорія Стратотернца поставили и пона и крылошанъ съ той вотчины ружать, и та Егорьевская вотчина писана по прежнему за Егорьемъ въ вотчине, а казакамъ велено давать пустыхъ монастырей и церковей земля“ (л. 764). То же самое повторяется въ описаніи егорьевской губы (л. 901—902), только казакамъ, извѣстнѣе отобранныхъ у нихъ церковныхъ земель, которыя по прежнему записаны въ Егорьевской вотчинѣ, дано не изъ земель пустыхъ монастырей и церковей, а „не казачьихъ же земель, что оставались у казаковъ за дачами въ лишке“. Ср. еще въ кн. 1066 л. 157 объ отобраніи у казака пустошей съ возвращеніемъ ихъ церкви Покрова.

³⁾ По кн. 1066 л. 648 за помѣщиками оказываются изъ церковныхъ земель двѣ пустоши, что были погосты въ Велейскомъ уѣздѣ (ср. август. кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1906 г., стр. 214). Равнымъ образомъ въ Островскомъ уѣздѣ показаны помѣщики, за которыми состоятъ изъ церковныхъ земель пустошь и 2 селѣща (ср. тамъ же, стр. 197).

дворцовомъ управленіи, въ качествѣ оброчныхъ, или даже быть заселены дворцовыми крестьянами¹⁾, но могли быть отданы и другимъ церквямъ. Все это, собственно говоря, не было нарушеніемъ какого либо установленнаго порядка, и изъ книги 363-й видно, что самъ Левъ Вельяминовъ не задолго до составленія имъ писцовыхъ книгъ выдавалъ данныя на такія пустующія земли²⁾. Неопрѣдѣленности земельныхъ отношеній должна была въ немалой степени способствовать и дробность землевладѣнія, т. е. сильное развитіе собственности, вслѣдствіе чего нѣкоторые землевладѣльцы завладѣвали долями другихъ. Иногда случалось, что и помѣщики не доискивались своихъ владѣній³⁾. Что касается въ особенности церковныхъ земель, то писцу очень часто пришлось отмѣчать тотъ фактъ, что церкви не владѣютъ землями, которыя записаны за ними въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ. Такъ, при описаніи лосской губы Дубков. у. замѣчено, что Введеніе за Петровскими воротами и Михайлъ Архангелъ изъ Песокъ не владѣютъ ихъ пустошами, „и про тѣ пустоши не розыскано для того: помѣсныхъ земель по указу великаго государя и по грамоте писать не велѣно“⁴⁾. Точно также не владѣютъ Николай Чудотворецъ что

¹⁾ Льву Вельяминову пришлось (кн. 359 л. 154) констатировать слѣдующій фактъ: „въ михайловской губѣ Островскаго уѣзда пустыхъ црквией Воскресенія Христова да Николы Чудотворца что на городищѣ да Ильинскаго монастыря изъ Острова и пныхъ церквей пустоши объявились во владѣніи за дворцовыми крестьяны, а на пныхъ пустошахъ живутъ, поселясь деревнями, дворцовые же крестьяне. А по какому великаго государя указу тѣ земли объявились во владѣніе за дворцовыми крестьяны и поселясь живутъ по памятемъ изъ Псковско сѣвѣжскѣ избы и изъ дворцоваго приказу, къ писцовому дѣлу вѣдомости не даны, и о тѣхъ статьяхъ писано къ великому государю въ Москвѣ въ помѣстной приказъ, а противъ отписокъ о тѣхъ земляхъ къ писцовому дѣлу великаго государя указу не прислано“.

²⁾ Въ кн. 363, которая составлялась въ 1693 и 1694 г., помѣчено, что по обыску произведенному относительно земель, принадлежавшихъ нѣкогда Николу Чудотворцу съ Погостища (въ Дубков. у.), земли эти оказались во владѣніи церковныхъ старостъ Егорія Св. что на Погостищѣ, которые сослались на „данную“, полученную имъ отъ писца Льва Вельяминова въ прошломъ 185 (1677) г., т. е. за три года до составленія Львомъ Вельяминовымъ книги 359-й (кн. 363, л. 169 — 172). Ср. въ послѣднемъ отдѣлѣ этого наследованія.

³⁾ Въ кн. 358, л. 111, при описаніи муравейской губы завелицк. зас., указывается такой фактъ: помѣщикъ Четыркинъ не владѣетъ (своими пустошами), и о тѣхъ пустошахъ не розыскано, для того что онъ, „подавъ скаску, за челобитиемъ не ходилъ“. Ср. еще тамъ же л. 80 о пустошахъ помѣщика Неклюдова, которымъ онъ не владѣетъ частью потому, что имъ завладѣли польскіе люди, частью по неизвѣстной причинѣ („и про тѣ пустоши не розыскано“).

⁴⁾ Кн. 359, л. 296.

въ Дубков. у. въ погостицк. г. и Успеніе изъ Дубкова пустошами, находившимися въ лучанской губѣ того же уѣзда ¹⁾, Ковьма и Диміанъ изъ Пскова, Варлаамъ Св. и Богоявленье съ Зансковья не владѣютъ ихъ пустошами въ устенской губѣ Велѣйск. у. ²⁾, Входъ Іерусалима и Воскресенье Христово что въ Домант. ствѣнѣ, Спасъ отъ Старога костра, Ивановскій дѣвичій монастырь съ Завеличья ³⁾, Рождество Христово въ Голубиницахъ, Воскресенье Христово въ Сигорицахъ, Воздвиженіе изъ Выбора съ посаду, Похвала съ Романихи и др. не владѣютъ ихъ пустошами въ Володимерскомъ уѣздѣ и проч. ⁴⁾. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ читается одно и то же, буквально повторяемое, замѣчаніе: „и про тѣ пустоши не розыскано для того, помѣстныхъ земель писать не велѣно“, или „не указано“. Строго говоря, этотъ мотивъ нерозысканія не совсѣмъ понятенъ. Во-первыхъ, въ указѣ царя Ѳедора Алексѣевича отъ 7188 г., какъ мы видѣли, повелѣвалось описать въ Псковскомъ уѣздѣ и въ псковскихъ пригородахъ всѣ земли, принадлежавшія какимъ бы то ни было землевладѣльцамъ. Во-вторыхъ, самъ Левъ Вельяминовъ въ дѣйствительности описалъ часть Псковскаго уѣзда и Островскій уѣздъ и, очевидно, лишь сознавъ невозможность дальнѣйшаго описанія по первоначальной программѣ ⁵⁾, отступился отъ нея и ограничился описаніемъ

¹⁾ Тамъ же, л. 305.

²⁾ Л. 329.

³⁾ Объ Ивановскомъ монастырѣ сказано нѣчто особенное: „а завладели де теми (его) пустошами и поселяся на нихъ жвуть Никольскіе крестьяне с Володимерца, и про те пустоши не розыскано“, л. 382.

⁴⁾ Л. 378 и сл.

⁵⁾ Описывая помѣстья, писецъ помѣчалъ, на какомъ основаніи писалось данное помѣстье за даннымъ лицомъ. Просматривая эти основанія, замѣчаемъ, что сравнительно рѣдко помѣстье писалось на основаніи официальнаго документа (крѣпость въ видѣ отдѣльной или ввозной грамоты, выписъ изъ отдѣльныхъ книгъ, государева грамота). См. кн. 358 л. 15—17, 20, 21, 24, 25, 56, 61, 62, 64, 77, 81 и др. Гораздо чаще помѣстье писалось по заявленію („по сказкѣ безъ дачи“), и еще чаще отиѣчалось: писано помѣстье „по набзду а сказки и дачи не положили“. См. л. 14—19, 21—23, 56, 57, 61, 65, 83, 85, 87, 89, 90, 105 и т. д. Подобное же поудобство для писца создавалось иногда и монастырями. Такъ, въ кн. 358 л. 51 говорится, что вотчина Симсона Богопріимца что на Печицахъ по сказкѣ игумена Мирожскаго монастыря Никандра приписана къ Спасскому Мирожскому монастырю, „а крепостей почему приписана (онъ) не положили“. Могли быть и другія трудности. Напр., описаніе погоста бѣльской губы Качановой слободы сопровождается обозначеніемъ границъ между погостскою вотчинною землею и другими землями и слѣдующемъ замѣткою: „а что тѣмъ погостскимъ землямъ написано пашни въ приравочной писцовой книгѣ

церковныхъ и монастырскихъ земель. Въ-третьихъ, если подобная мотивировка могла имѣть нѣкоторый смыслъ въ примѣненіи къ монастырскимъ и церковнымъ землямъ, насколько въ ней выражалась мысль, что розысканіе бывшихъ церковныхъ земель привело бы къ необходимости разслѣдованія земель, состоявшихъ въ наличномъ владѣніи помѣщиковъ, а помѣстныхъ земель писать-де не велѣно, то она рѣшительно не имѣла смысла въ примѣненіи къ бывшимъ землямъ помѣщиковъ. Между тѣмъ, мы находимъ ту же самую мотивировку и относительно земель, которыя должны бы были принадлежать помѣщикамъ, и которыми въ дѣйствительности они не владѣютъ¹⁾.

Насъ, однако, должно интересоватъ не это обстоятельство, а другое. Судя по всему вышесказанному, мы могли бы ожидать столкновенія монастырей и церквей съ помѣщиками, съ казаками, съ дворцовыми крестьянами и съ дворцовымъ управленіемъ. А между тѣмъ въ 1685 г. послѣдовала жалоба, открывшая собою довольно продолжительную эпоху споровъ и судныхъ дѣлъ, не со стороны монастырей и церквей, а со стороны псковскаго митрополита, и не противъ помѣщиковъ и проч., а противъ посадскихъ людей и мужиковъ. Для того чтобы понять, какимъ образомъ это могло случиться, нужно привести себѣ въ ясность образовавшійся около того времени въ Москвѣ взглядъ на церковныя земли.

X.

Въ 1680 г. было постановлено произвести межеваніе земель въ Московскомъ уѣздѣ, при чемъ указано было держаться слѣдующихъ правилъ: если окольные люди скажутъ, что они станovýchъ межъ не знаютъ, межевщики должны межевать по спискамъ съ писцовыхъ книгъ; помѣщикамъ и вотчинникамъ, которые на межеваніе сами не явятся и людей своихъ не пришлютъ, или, бывъ на межѣ, въ поверстныя

135 г., и тѣхъ книгъ къ писцовому дѣлу не прислано“ (кн. 358 л. 99). Или, напр., случалось, что заинтересованные не принимали съ своей стороны никакихъ мѣръ къ установленію правильнаго состоянія землевладѣнія: по поводу 2 пустошей Власья Св. отъ Застѣны въ завѣдничкой засадѣ замѣчено, что пустошами этими къ той церкви не владѣютъ, „а подавъ сказку, за розыскомъ о тѣхъ пустошахъ старосты не ходили“ (тамъ же, л. 43).

¹⁾ Такъ о пустошахъ, принадлежавшихъ помѣщику Бутеневу въ бѣльскаго губѣ Качаповой слободѣ, замѣчено, что пустошами этими онъ „не владѣетъ и про нихъ не розыскано для того: помѣстныхъ земель по указу великаго государя по грамотѣ писать не велѣно“ (л. 88).

сроки съ крѣпостями не стануть (т. е. хотя и явятся на мѣсто межеванія въ назначенные поверстные сроки, но безъ крѣпостей, на которыхъ основываются ихъ владѣніе и собственность), и въ свое мѣсто никого не пришлютъ, угрожается отписаніемъ земель на государя ¹⁾). По этому поводу патріархъ Іоакимъ вошелъ къ государю съ челобитною, въ которой ставился вопросъ о прописныхъ церковныхъ земляхъ, т. е. прописанныхъ въ писцовыхъ книгахъ, отдававшихся изъ патріаршаго дома на оброкъ, или же отерытыхъ патріаршимъ казеннымъ приказомъ путемъ сыска. Въ нынѣшнемъ 1680 г., говорилось въ челобитной, по указу великаго государя посылаются межевщики въ Московскій уѣздъ для межеванія помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, а о церковныхъ пустовыхъ земляхъ, которыя въ Московскомъ же уѣздѣ изъ патріаршаго казеннаго приказу отдаются на оброкъ всякихъ чиновъ людямъ и по сыску старожилловъ сыскиваются по церковнымъ мѣстамъ, въ наказахъ межевщикамъ ничего не написано. Между тѣмъ, уже гораздо раньше, именно въ 133 г. (1625), по указу царя Михаила Ѳеодоровича, дана была въ домъ Пречистой Богородицы жалованная грамота, въ силу которой патріаршему дому предоставлялось налагать оброкъ на церковныя пустыя земли. Грамота эта подтверждена была потомъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ настоящій разъ патріархъ Іоакимъ ходатайствовалъ передъ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ о томъ, чтобы межевщикамъ предписано было межевать церковныя и пустыя земли по старинному владѣнію и по жалованнымъ грамотамъ и писать тѣ земли въ межевыя книги въ сообразность тому, какъ ими „изстари церковники и обротчики владѣли“, а гдѣ земли не отведено къ церквамъ писцовыми наказами отъ 130 г. (1622), государь велѣлъ бы писцамъ къ тѣмъ церквамъ, которыя „стали послѣ писцовыхъ книгъ“ выдѣлять четей по 10 и по 15 и по 20 въ полѣ (а въ дву потомужъ) изъ *помѣстныхъ* и *порожнихъ* земель, „которыя земли къ тѣмъ церквамъ подошли близко“, и выдѣленные такимъ образомъ чети въ сошное письмо не класть. Патріархъ указываетъ на то, что позднѣе, статьями 185 г. (1677), было установлено выдѣлять означенное количество четей изъ *помѣщичьихъ* и изъ *вотчинничьихъ* земель. Итакъ возбуждались слѣдующіе вопросы: 1) межевать ли тѣ церковныя пустыя земли, которыхъ въ писцовыхъ книгахъ не означено, но которыя отдаются изъ патріаршаго дому на оброкъ? 2) если ме-

¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 830.

жевать, то высылать ли изъ патриаршаго казеннаго приказа списки съ оброчныхъ книгъ въ помѣстный приказъ и къ межевщикамъ? 3) къ тѣмъ церквамъ, за которыми по писцовымъ книгамъ и по дачамъ земель не написано, выдѣлять ли вышеозначенное количество четей, согласно статьямъ 185 г., изъ помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ земель, или, согласно прежнимъ писцовымъ наказамъ, только изъ порожжихъ земель, подошедшихъ близко къ тѣмъ церквамъ?

И вотъ царь, совѣтовавъ съ отцомъ своимъ и богомольцемъ, свѣтѣйшимъ Іоакимомъ, патриархомъ Московскимъ и всея Россіи, указалъ и бояре приговорили: въ Московскомъ уѣздѣ быти писцамъ во всѣхъ станѣхъ и волостѣхъ, и писать и мѣрять и межевать патриаршія и властелинскія и церковныя земли и монастырскія вотчины, и боярь, и окольничихъ, и думныхъ, и ближнихъ людей, и всякихъ чиновъ помѣщиковъ и вотчинниковъ помѣстья и вотчины и порожія земли, а для производства этого дѣла даны опредѣленныя правила, при чемъ въ частности о церковныхъ земляхъ постановлено нижеслѣдующее ¹⁾. Въ пунктѣ 3-мъ опредѣлено: съ жалованной грамоты 133 г. и изъ оброчныхъ книгъ прислать изъ патриаршаго приказа списки межевщикамъ, которые обязаны описывать, мѣрять и межевать не только тѣ, земли, которыя прописаны въ писцовыхъ книгахъ, но и тѣ, которыя написаны только въ патриаршихъ оброчныхъ книгахъ. Къ этому присоединено важное дополненіе относительно запустѣвшихъ церковныхъ погостовъ и кладбищъ. Мы видѣли, что раньше шла рѣчь о надѣлѣніи землею тѣхъ церквей, которыя „стали послѣ писцовыхъ книгъ“. А въ пунктѣ 3-мъ разсматриваемыхъ правилъ говорится нѣчто новое:

„А гдѣ въ селѣхъ и на пустыхъ погостахъ объявятся кладбища, и по тѣмъ кладбищамъ въ писцовыхъ и въ оброчныхъ книгахъ церковныхъ земель не написано, а старожилы и окольные люди къ тѣмъ кладбищамъ стануть отводить церковныя земли (т. е., на основаніи

¹⁾ Считаю долгомъ отмѣтить, что по московской терминологіи, насколько она выясняется въ особенности изъ п. 1-го разсматриваемыхъ правилъ, подъ четвертною пашнею разумѣлась та пашенная земля, которая измѣрялась четвертями или четьями, а не верстами и не десятинами. Поэтому писцы, приславшіеся во Псковъ изъ Москвы, могли понимать подъ четвертною пашнею не пашню изъ четвертаго снопа, какъ было сказано у меня въ іюльск. кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1906 г., стр. 89 въ примѣч., а всякую вообще пашенную землю, такъ какъ въ Псковѣ всякая пашенная земля, не исключая перелозу и поросли, даже лѣсъ по пашнѣ, измѣрялась четвертями (и затѣмъ сохами). Ср. іюльск. кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1906 г., стр. 91—92 прим. 3.

своихъ воспоминаній, будутъ указывать, какія земли принадлежали нѣкогда бывшимъ погостамъ съ кладбищами при нихъ), а по розыску тѣ земли объявятся *порожнія, а не помѣстныя и не вотчинныя, и строены на нихъ никакого нѣтъ*, и тѣ земли къ тѣмъ кладбищамъ потомужъ съ мѣрою писать и межевать и описывать именно (т. е. съ спеціальнымъ обозначеніемъ), что писаны и межеваны по кладбищамъ и по старожиловымъ сказкамъ, а не по крѣпостямъ. А будетъ, къ такимъ кладбищамъ церковныхъ земель старожилы не укажутъ, или укажутъ, а по розыску объявятся помѣстныя или вотчинныя, или на нихъ строенье какое: и такихъ земель по кладбищамъ и по старожиловымъ сказкамъ не описывать и не межевать, для того, что тѣ земли по крѣпостямъ въ дачахъ, а межевать тѣ земли, у кого въ крѣпостяхъ написаны (т. е. онѣ должны войти въ составъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и подлежать межеванію въ качествѣ составной ихъ части)⁴. Что касается церквей не пустыхъ, но построенныхъ послѣ писцовыхъ книгъ и не получившихъ до сихъ поръ никакихъ земель, то вышеприведенное правило о надѣленіи ихъ извѣстнымъ количествомъ четей пояснено такимъ образомъ, что къ нимъ слѣдуетъ отмежевать изъ помѣщичьихъ и вотчинничьихъ земель „по дачамъ тѣхъ селъ и деревень, къ которымъ та церковь построена“, съ 600 четвертей и выше по 20 ч., съ 500 ч. и ниже по 15 четей, со 100 четей и ниже по 10 четей въ полѣ а въ дву потомужъ, и притомъ не черезполосно, а „сряду“¹).

Затѣмъ въ наказѣ писцамъ отъ 26-го августа 1681 г.²) былъ изложенъ длинный рядъ предписаній, изъ которыхъ для насъ имѣютъ интересъ слѣдующія:

Пунктъ 1. За патріархомъ, властями и монастырями вотчины писать, досмотра государевыхъ жалованныхъ грамотъ, писцовыхъ книгъ, отдѣльныхъ выписей, купчихъ, духовныхъ, данныхъ и всякихъ крѣпостей, съ извлеченіемъ изъ нихъ справокъ, кто, въ какой монастырь и какія вотчины далъ по своей душѣ и по родителяхъ до уложенія 89 г. (т. е. до настоящаго наказа³), при чемъ тѣ вотчины, которыя окажутся за монастырями по даннымъ и купчимъ послѣ уложенія 157 г. (т. е. послѣ уложенія царя Алексѣя Михайловича 1649 г.) должны быть писаны въ книгахъ „особъ статью“.

¹) П. С. З. № 832. Кратко, но хорошо этотъ предметъ затронуть былъ въ изслѣдованіи Шумко, Патріаршіи казенный приказъ. Москва, 1894, стр. 101 и сл.

²) П. С. З. № 890.

Пунктъ 2. Повторяется извѣстное намъ правило о припискѣ къ церквамъ, построеннымъ послѣ писцовыхъ книгъ, извѣстнаго количества четей, съ добавленіемъ, что сѣнныхъ повесовъ должно быть на 10 четей по копнѣ.

Пунктъ 3. Земли, съ поименнымъ обозначеніемъ записанныя въ писцовыхъ книгахъ за церквами и отданныя позднѣе помѣщикамъ и вотчинникамъ, должны быть отобраны и внесены въ число церковныхъ земель по прежнему, при чемъ помѣщики и вотчинники обязаны свести своихъ крестьянъ съ этихъ земель. Это правило не распространяется на тѣ земли, которыя „патріархъ или власти промѣнили, или по какимъ крѣпостямъ за помѣщики и вотчинники укрѣпили“,—такія земли остаются за помѣщиками и вотчинниками по крѣпостямъ.

Пунктъ 4. Если въ сслахъ, деревняхъ и на пустошахъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, въ предѣлахъ ихъ межъ и граней, объявятся по наѣзду кладбища, къ которымъ по писцовымъ книгамъ не было написано никакихъ земель, то хотя бы старожилы и стали отводить къ нимъ земли, называя ихъ церковными, этому отводу ихъ не слѣдуетъ вѣрить, а слѣдуетъ писать такія земли по дачамъ, крѣпостямъ и по писцовымъ межевымъ книгамъ за помѣщиками и вотчинниками, въ случаѣ же если на эти земли крѣпостей не будетъ, и онѣ лежатъ не въ писцовыхъ межахъ и граняхъ, измѣрять и отмежевывать ихъ на великаго государя.

Пунктъ 5. За боярами и т. д., вообще за всѣми свѣтскими землевладѣльцами-помѣщиками, всякихъ чиновъ людьми, помѣстные земли должны быть писаны по ввознымъ грамотамъ и по выписямъ съ писцовыхъ и раздѣльныхъ книгъ, а вотчины за вотчинниками по жалованнымъ, правымъ и послушнымъ грамотамъ, также по выписямъ съ писцовыхъ, раздѣльныхъ и отказныхъ книгъ.

Пунктъ 6. Помѣщики и вотчинники должны предъявлять писцамъ крѣпости безъ промедленій. Если крѣпостей не будетъ предъявлено, и про владѣльцевъ люди ихъ скажутъ, что они на воеводствахъ, или въ посылкахъ, а крѣпости находятся при нихъ, то такія земли слѣдуетъ писать и межевать и безъ крѣпостей, по дачамъ и по писцовымъ книгамъ, а если и дачъ „не объявится“,—по сыску и по сказкамъ, но въ такомъ случаѣ назначается 3-лѣтній срокъ, въ теченіе котораго должно быть подано челобитье о справкѣ въ помѣстномъ приказѣ, каковой срокъ не распространяется на украинцевъ дѣтой боярскихъ. Кто въ этотъ срокъ бить челомъ не станетъ и за собой не справитъ, и въ то же время будутъ возбуждены спорныя дѣла

по поводу этихъ земель, послѣднія должны быть отдаваемы челобитчикамъ.

Пунктъ 9. Если въ патріаршихъ, властелинскихъ, монастырскихъ и церковныхъ земляхъ, хотя и не въ предѣлахъ писцовыхъ междъ и граней, а рядомъ съ межей окажутся примѣрныя (т. е. добавочно примѣренныя) земли, то онѣ должны быть примежевываемы къ тѣмъ же вотчиннымъ землямъ въ вотчину же безденежно, съ соблюденіемъ церковными землевлдѣльцами указаннаго правила о справкѣ въ помѣстномъ приказѣ въ теченіе 3-хъ лѣтъ.

Пунктъ 11. Тѣ земли, которыя окажутся за межами и за гранями патріаршихъ и всякихъ другихъ земель и будутъ находиться во владѣніи безъ дачъ и безъ крѣпостей, должны быть писаны „особо статьею“ и отписываемы на государя.

Пунктъ 22. Гдѣ съ патріаршими, властелинскими, церковными, монастырскими, помѣщичьими, вотчинниковыми и всякими другими землями смежны будутъ государевы дворцовыя села, черныя волости и ямскія слободы, а межа не была опредѣлена, и въ такихъ смежныхъ земляхъ учинится споръ, то писцы, собравъ приказчиковъ дворцовыхъ селъ, черныхъ волостей и ямскихъ слободъ, а также взявъ сотскихъ, старостъ и старожилонъ, должны произвести розыскъ на основаніи всѣхъ документальныхъ данныхъ, которыя могутъ быть представлены заинтересованными, на основаніи показаній старожилонъ, на которыхъ сошлутся тѣ же заинтересованные, и на основаніи старыхъ признаковъ и урочищъ, и соотвѣтственно результату этого обыска и размежевывать спорныя земли.

Вскорѣ послѣ составленія этого наказа, 7-го апрѣля 1682 г., состоялось новое постановленіе о межевомъ отводѣ пустыхъ кладбищъ, оказавшихся въ дачахъ помѣщичьихъ и вотчинниковъ. Дѣло шло о такихъ кладбищахъ, которыхъ прежніе писцы въ книгахъ не написали. Къ нимъ и на будущее время не нужно писать никакихъ земель ни подъ усадьбу, ни на пашню, ни на сѣнные покосы, а быть тѣмъ кладбищамъ въ помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ земляхъ попрежнему. Самыя кладбища должны быть, однако, измѣрены писцами, и помѣщичи должны, въ присутствіи самихъ писцовъ, огородить ихъ, не позволяя себѣ возводить на нихъ какія либо строенія; огороженное мѣсто въ число помѣщичьихъ четей не включается, и дача на нихъ не распространяется. Но можетъ случиться, что вотчинники и помѣщичи, по обѣщанію своему, на тѣхъ церковныхъ кладбищахъ построятъ церкви, въ такомъ случаѣ должна быть приписана и земля

къ церквамъ въ требуемыхъ указами размѣрахъ. Пустыя кладбища въ слободахъ посадскихъ и иныхъ чиновъ людей точно также должны быть измѣрены; земли къ нимъ не должны быть приписываемы, и мѣсто кладбища должно быть огорожено. Писцы должны записать въ книги точно измѣренное пространство кладбища, съ помѣннымъ обозначеніемъ помѣщика, вотчинника, посада или слободы, въ земляхъ которыхъ оно находится.

Такъ было предположено, но святѣйшій патріархъ былъ челомъ великому государю эту статью „пополнить“. Именно патріархъ просилъ: 1) если за помѣщиками и вотчинниками земли значатся по писцовымъ книгамъ, и на этихъ земляхъ, по наѣзду писцовъ, объявятся кладбища, а церковныхъ земель къ нимъ не написано, то кладбища въ селахъ и деревняхъ должны быть огораживаемы, а земли къ нимъ не должно быть примежевываемо, потому что въ писцовыхъ книгахъ никакихъ земель не написано. 2) Если помѣщики и вотчинники взяли пустоши изъ обводныхъ земель, и на нихъ по наѣзду писцовъ объявятся кладбища, а между тѣмъ помѣщики и вотчинники на тѣхъ земляхъ дворы свои построили и крестьянъ населили, то „къ тѣмъ кладбищамъ для того строенія и селитбы земель не вымѣривать, а быть тѣмъ землямъ за помѣщики и вотчинники по дачамъ“. 3) Напротивъ, если на такихъ обводныхъ земляхъ, гдѣ, по наѣзду писцовъ, окажутся кладбища, помѣщики и вотчинники дворовъ не построили и крестьянъ не поселили, то должно быть произведено точное измѣреніе помѣщичьей земли, съ тѣмъ, что если окажется что либудь лишняго противъ дачи, изъ оказавшагося излишка должно быть измѣрено соответственное съ указами количество четей церковной земли, и писаться она должна въ церковныхъ „земляхъ для того, что они, помѣщики и вотчинники, тѣ земли взяли, утая то, что на тѣхъ земляхъ прежде того были церкви“. 4) Что касается огораживанія кладбищъ, то огораживаемы должны быть кладбища въ городахъ, въ селахъ и въ деревняхъ, но не на пустошахъ; если при кладбищахъ, оказавшихся въ городахъ, будетъ порозжая земля, то, измѣривъ ее, должны приписать къ кладбищу и никому не отдавать „для того, какъ на тѣхъ кладбищахъ построены будутъ церкви, и ту землю дать подъ дворы поцу и церковникамъ“.

Черезъ 2 дня послѣ приведеннаго постановленія, которое, собственно говоря, не было окончательно оформлено, 9-го апрѣля 1682 г.

¹⁾ П. С. З. № 911.

состоялось новое постановленіе о присоединеніи пустыхъ погостовъ. Если церковные пустые погосты, прописанные въ прежнихъ псковыхъ книгахъ, написаны также и въ патриаршихъ домовыхъ оброчныхъ книгахъ, а не въ помѣщичьихъ и не въ вотчинныхъ земляхъ, и спору о нихъ отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ не будетъ предъявлено, то такіе пустые погосты должны быть измѣрены, вмѣстѣ съ пашней и съ угодьями, и къ каждому погосту должно быть приписано указанное количество четей земли (тамъ, гдѣ земли много, „противъ первой статьи“, т. е. 20 ч., а гдѣ земли мало, „противъ другія и послѣднія статьи“, т. е. 15 и 10 ч.). Оказавшійся излишекъ долженъ быть записанъ въ порозжія земли „особъ статью“. Также точно нужно дѣйствовать и въ отношеніи тѣхъ пустыхъ погостовъ, которые не написаны ни въ прежнихъ псковыхъ, ни въ патриаршихъ домовыхъ оброчныхъ книгахъ и обнаружены лишь по наѣзду псковъ, какъ скоро старожилы укажутъ къ тѣмъ погостамъ пашню и угодья, которые когда-то были за ними, и какъ скоро окажется, что они не отданы никому ни въ помѣстье, ни въ вотчину, не приписаны ни къ какимъ землямъ и не состоятъ ни въ чьемъ владѣніи ¹⁾).

На основаніи всѣхъ предшествующихъ постановленій и предположеній въ 1684 г. составленъ былъ обширный псковый наказъ, въ который вошло все, что раньше постановлялось въ нѣсколько приѣмовъ и что предлагалось патриархомъ ²⁾). Поэтому нѣтъ надобности повторять содержаніе наказа, но не излишне будетъ обратить вниманіе на 16 и 18 его пункты, какъ содержащіе въ себѣ нѣчто новое. Въ пунктѣ 16 дѣло идетъ о такихъ земляхъ, которыя находятся не въ предѣлахъ *патриаршихъ, митрополичьихъ, архіепископскихъ, епископскихъ* и *монастырскихъ* вотчинъ, а „за межами и за границами“ ихъ, и въ псковыхъ книгахъ *не написаны*. Если означенные церковные землевладѣльцы крѣпостей на тѣ земли не положатъ и учнутъ бить челомъ, что „тѣ земли ихъ приписаны, и изстари тѣми землями они владѣютъ“, а между тѣмъ другіе челобитчики будутъ заявлять, что онѣ числились въ „порозжихъ обводныхъ земляхъ“, въ такихъ случаяхъ долженъ быть производимъ розыскъ. Если путемъ розыска будетъ установлено, что земли, о которыхъ идетъ рѣчь, непосредственно смежны съ вотчинными землями означенныхъ церковныхъ землевладѣльцевъ, и что послѣдніе изстари владѣли ими, то такіа

¹⁾ П. С. З. № 913.

²⁾ П. С. З. № 1074.

земли, безъ указа великихъ государей, не должны быть отдаваемы въ помѣстье челобитчикамъ, и въ писцовыя книги онѣ, вмѣстѣ съ угодыями, должны быть записаны и обмежеваны „особь статью“, съ доведеніемъ о томъ до свѣдѣнія помѣстнаго приказа. Въ пунктѣ 18-мъ дѣло идетъ о такихъ земляхъ тѣхъ же категорій церковныхъ землевладѣльцевъ, которыя отчасти находятся „въ писцовыхъ ихъ межахъ и граняхъ“, отчасти „за межами и за гранями“, а въ писцовыхъ книгахъ писаны въ числѣ *порожнихъ земель*. Если церковными землевладѣльцами будутъ положены на тѣ земли старинныя крѣпости, то онѣ и должны быть справлены за ними по крѣпостямъ, но при томъ условіи, если онѣ не отданы челобитчикамъ въ помѣстье и не проданы въ вотчину до указа 190 году 7-го апрѣля, т. е. до извѣстнаго намъ указа 7-го апрѣля 1682 г. (см. выше № 911). Въ противномъ случаѣ земли должны быть за тѣми людьми, кому они до того указа въ помѣстье отданы и въ вотчину проданы. Наконецъ представляется возможнымъ такой случай: земли, находящіяся „въ писцовыхъ книгахъ и граняхъ“ *патріаршихъ, митрополитскихъ, архіепископскихъ, епископскихъ и монастырскихъ* вотчинъ, не занесены въ писцовыя книги въ качествѣ *порожнихъ земель*, но и крѣпостей на нихъ никакихъ нѣтъ у патріарха, митрополитовъ и проч.,—такія земли должны писаться въ писцовыхъ и въ межевыхъ книгахъ за патріархомъ, митрополитами, архіепископами, епископами и монастырями, однимъ словомъ за тѣми церковными землевладѣльцами, въ межахъ и граняхъ которыхъ находятся эти земли.

Изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, что неопредѣленность границъ между землями разныхъ вотчинниковъ и владѣльцевъ и въ частности спорныя дѣла между церковными и свѣтскими землевладѣльцами были во второй половинѣ XVII в. обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ русскихъ областяхъ. Патріарху Іоакиму удалось, въ связи съ предпринимаемымъ государственнымъ межеваніемъ, провести рядъ мѣропріятій относительно пустыющихъ погостовъ и кладбищъ и обратить, по выраженію Шимко, государственное межеваніе въ средство къ открытію новыхъ церковныхъ земельныхъ участковъ ¹⁾. Уже въ 20-хъ годахъ XVII в. установленное правило о надѣленіи церковью опредѣленнымъ количествомъ четей земли было не только вновь подтверждено, но и распространено на церкви, построенныя послѣ писцовыхъ книгъ 20-хъ годовъ, и даже на церкви, въ дѣйствительности уже не

¹⁾ Патр. каз. прик., стр. 101.

существовавшія, если за этими бывшими церквами, т. е. въ данный моментъ пустыми погостами и кладбищами, были записаны земли въ писцовыхъ книгахъ (въ этомъ случаѣ земли должны были отбираться у наличныхъ владѣльцевъ и поселенные на нихъ крестьяне должны были сводиться на другія мѣста), или если помѣщики и вотчинники получили свои земли изъ обводныхъ порожихъ земель, утаивъ то обстоятельство, что раньше въ тѣхъ мѣстахъ была церковь, и не успѣли еще застроить и заселить своихъ земель, хотя бы по писцовымъ книгамъ за былою церковью никакой земли не числилось. Въ этомъ поначеніи о надѣленіи землею даже не существующихъ церквей могла, конечно, выражаться мысль о возможности и желательности ихъ восстановленія, но непосредственно-практической интересъ для патріарха не въ этомъ состоялъ, а въ проведеніи во всей силѣ указа и жалованной грамоты царя Михаила Феодоровича отъ 1625 г., въ силу которыхъ патріаршему дому предоставлено было налагать оброкъ на церковныя пустыя земли, т. е. сдавать ихъ въ оброчное содержаніе съ полученіемъ дохода въ пользу патріаршей казны. А изъ того, что это была *жалованная грамота* патріарху для его патріаршей епархіи, слѣдуетъ, что остальные архіереи ни раньше, ни позднѣе, до самого патріарха Іоакима, такого права не имѣли. Въ сущности въ немъ проглядывала мысль объ архіерей, какъ собственникѣ всей церковной земли, и такъ какъ запустѣніе монастырей, которые не были бы приписаны къ другимъ монастырямъ, было явленіемъ сравнительно рѣдкимъ, то практически важнымъ выводомъ должна была сопровождаться означенная мысль именно для приходскихъ церквей. Если запустѣвшій или уничтоженный храмъ не восстанавлился, то это значило, что не было людей, религіознымъ потребностямъ которыхъ долженъ бы былъ удовлетворять храмъ: люди, для которыхъ онъ первоначально былъ устроенъ, могли быть истреблены неприятелемъ, вымереть отъ эпидеміи, „разброситься розно“ вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій жизни; ихъ могли наконецъ помѣщики и вотчинники свести на другія мѣста. Въ 20-хъ годахъ XVII в. патріарху предоставлено было, въ видѣ привилегіи, сдавать пустующія церковныя земли въ оброчное содержаніе. Въ наказахъ, данныхъ въ началѣ 80-хъ годовъ по инициативѣ патріарха Іоакима, имѣлась въ виду также патріаршая только область, и даже первоначально только Московскій уѣздъ; но незамѣтно вопросъ обобщился, и въ наказѣ 1684 г. рядомъ съ патріаршими землями ставятся властелинскія, т. е. митрополичьи, архіепископскія и епископскія, также и монастырскія земли.

Припомнимъ при этомъ, что въ пунктахъ 16-мъ и 18-мъ наказа 1684 г. даже и не предусматривается возможность существованія какихъ либо другихъ церковныхъ вотчинъ, кромѣ патриаршихъ, митрополичьихъ, архіепископскихъ, епископскихъ и монастырскихъ. Этотъ взглядъ было чрезвычайно трудно провести въ Псковѣ, къ которому мы теперь и возвращаемся.

Еще раньше составленія наказа 1684 г., именно въ 7191 г., „по указу великихъ государей царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, и по наказу боярина и воеводы князя Михаила Андреевича Голицына, за приписью дьяка Никифора Кудрявцова, Псковитиня Никифоръ Иудипъ сынъ Сославцовъ прѣхалъ въ Изборскій уѣздъ великихъ государей въ дворцовыя села во всѣ волости великихъ государей на дворцовыя оброчныя и пустыя пустоши, и которые дворцовыя пустоши дворцовыя крестьяне взяли себѣ въ жило, а на тѣхъ пустошахъ дворами не поселились, а живутъ выныхъ деревняхъ, и тѣхъ пустошей, добрыя и середина и худыя земли, и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодей досматривалъ, а досмотря тѣ дворцовыя пустоши, на какихъ урочищахъ и съ чисми (sic) землями въ смѣже описалъ именно, и съ тѣхъ дворцовыхъ пустошей себѣжскихъ казаковъ донскою морской станицы атамана Ивана Рака съ товарищи шестидесять семи человекъ испомѣстилъ вмѣсто себѣжскихъ ихъ отбылыхъ помѣстій“¹⁾. Итакъ дѣло касалось здѣсь только испомѣщенія казаковъ изъ дворцовыхъ пустошей, и хотя изъ дальнѣйшаго видно, что казакамъ розданы были земли не только въ разныхъ губахъ Изборскаго уѣзда, но и въ псковскихъ засадахъ—завелицкой, прудской, мелетовской и деманицкой, но, повидимому, безъ всякихъ земельныхъ споровъ съ кѣмъ бы то ни было.

Нѣсколько поздне, именно „лѣта 7092 сентября въ 27 день (по указу тѣхъ же государей и по наказу изъ помѣстнаго приказа за приписью дьяка Дмитрія Федорова) волѣно быть Петру Ивановичу Протопопову да подъячму Семѣну Сычову во псковскихъ пригородахъ—въ Выборскомъ, въ Дубковскомъ, въ Вышегородцкомъ, въ Опочецкомъ, въ Велѣйскомъ, въ Воронцекомъ, во Вревскомъ, въ Володимерскомъ, во Гдовскомъ, въ Кобыльскомъ, въ Изборскомъ, въ Островскомъ уѣздахъ, въ губахъ и въ волостяхъ, и въ тѣхъ губахъ и въ волостяхъ

¹⁾ Объ этомъ мы узнаемъ изъ книги 86, которая озаглавлена: „Книга раздаточная раздача Никифора Сославина изъ дворцовыхъ волостей себѣжскимъ казакамъ 191 году“. См. въ самомъ началѣ книги.

патріарши, и митрополичы, и архіепископы и епископы, и монастырскіе, и церковныя земли, и за бояры, и за окольничими, и за думными людьми, и за стольники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жильцы, и за городовыми дворяны и детьми боярскими, и за вдовами, и за недорослями, и всякихъ чиновъ за помѣщики и за вотчинники, помесные и вотчинные, межеваныя и немежеваныя земли, села и деревни, и починки, и пустоши, и селща, и займища, и порожне обводные земли и дикіе поля, и всякне угодыя межевать по писцовымъ книгамъ, и по дачамъ, и по крѣпостямъ, съ овольными людьми и старожилы, взявъ у воеводъ прежние, брата ихъ великихъ государей блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Θεодора Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и ихъ великихъ государей грамоты, каковы посланы къ воеводамъ и приказнымъ людямъ и к межевщикамъ и къ губнымъ старостамъ по челобитью помѣщиковъ и вотчинниковъ, каковы къ нимъ, межевщикамъ, учнутъ привозить помѣщики и вотчинники (царя Θεодора Алексѣевича и настоящихъ государей) грамоты, и по тѣмъ великихъ государей грамотамъ и по грамотамъ же великихъ государей, каковы къ нимъ присланы будутъ изъ помѣстнаго приказа, и по челобитью всякихъ чиновъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, каковы челобитные учнутъ приносить о межеванье помѣстныхъ и вотчинныхъ земель имъ, межевщикамъ". Объ этомъ мы узнаемъ изъ межевой книги подъ № 364, которая, однако, совсѣмъ не удовлетворяетъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя могли бы возникнуть у насъ при чтеніи вышеприведеннаго, предваряющаго книгу, сообщенія. Именно мы узнаемъ далѣе, что оба названныя лица, т. е. Протопоповъ и Сычовъ, прибыли въ пригородъ Опочку и стали межевать: провели межу между спасскою и нивольскою-посадскою губами по полюбовной челобитной и по заручной челобитной, отмежевали землю двухъ опочецкихъ казаковъ „по ихъ очной ставкѣ и по обчей ссылкѣ и по допросу съ очной ставки старожилловъ“, затѣмъ отмежевали въ сновоецкой губѣ землю помѣстнаго же казака. Далѣе начинается нѣчто не имѣющее никакого отношенія къ псковскимъ пригородамъ, такъ какъ съ 29 листа идутъ Бѣлоозеро, Юрьевъ, Переяславль Залѣскій, Вологда, Перемышль, опять Переяславль Залѣскій, Вязьма, Ростовъ, Дмитровъ, Ржева Володимерова, Пошехонье, опять Перемышль, Тихвинъ, Гороховецъ, Бѣловъ ¹⁾).

¹⁾ Это же самое свидѣніе о командированіи Протопопова съ Сычевымъ въ псков-

Въ Псковѣ, равно какъ въ его пригородахъ, не было, конечно, никакихъ патриаршихъ и иныхъ „владельческихъ“ вотчинъ, кромѣ вотчинъ псковскаго архіерея, который въ этому времени получилъ титулъ митрополита, и, вѣроятно, со стороны этого послѣдняго, а можетъ быть и со стороны писцовъ-межевщиковъ были сдѣланы нѣкоторые шаги къ проведенію установленной и обобщенной въ Москвѣ теоріи епископской власти надъ всѣми пустующими церковными землями. Несомнѣнно, что при первой попыткѣ со стороны митрополита въ этомъ направленіи, посадскіе люди Пскова и пригородовъ оказали энергическій отпоръ. И вотъ въ 1685 г. послѣдовало челобитіе отъ митрополита Маркелла (1682—1691 гг.) на имя государей. Митрополитъ жалуется не на помѣщиковъ и вотчинниковъ, хотя споры и столкновенія могли возникать и съ ними и дѣйствительно возникали, какъ это видно будетъ въ особенности изъ разсмотрѣнія содержания книги 363. Мы знаемъ, что хотя въ московское время церковное землевладѣніе въ Псковѣ подверглось немалымъ измѣненіямъ, но основы землевладѣнія были заложены псковскимъ народнымъ правительствомъ, и все церковное хозяйство велось старостами. Со времени отдѣленія пригородскаго и сельскаго духовенства отъ всѣхъ семи соборовъ псковскихъ, примѣру Пскова стали подражать пригороды, какъ это доказывается приведеннымъ выше случаемъ, когда „воронецкіе посадскіе люди и воронецкаго уѣзда крестьяне“, обратились съ челобитьемъ объ отобраніи у казаковъ розданной имъ земли св. Егорія изъ Вороноча. Итакъ митрополитъ, повторяемъ, возбуждалъ жалобу не противъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, а противъ псковичей. Въ Псковѣ и его пригородахъ съ уѣздами—жаловался митрополитъ—числится 160 церквей, „и надъ тѣми церквами архіерей воли не имѣютъ, владѣютъ мужики, а церкви всѣ вотчинныя (т. е. за всѣми церквами состоятъ вотчины), и тѣми вотчинами владѣютъ и себя полнятъ и корыстуются сами, а архіерею непослушны, о чемъ указъ послешъ—не слушаютъ и безчестятъ, на счетъ не идутъ, многая церковная казна пропадаетъ за ними отъ давнихъ лѣтъ, наипаче

скіе пригороды для межеванія читается въ самомъ началѣ кн. 831-й, но здѣсь оно оказывается еще менѣе удачнымъ съ точки зрѣнія хронологіи, чѣмъ въ кн. 364, такъ какъ съ 38 листа начинается „копія съ писцовыхъ книгъ города Пскова и Псковскаго уѣзда и пригородовъ псковскихъ письма Григорія Ивановича Мѣщанинова-Морозова да Ивана Васильевича сына Дровниппа съ товарищи 7093 и 94 и 95 году“, т. е. копія съ книги № 355 (ср. декабр. кн. *Жур. Мин. Нар. Просв.* за 1905 г. стр. 234 въ примѣч.).

нужда великая на книги, и священникомъ нуждъ церковнымъ исправлять не по чему; всѣ книги по церквамъ старинныя рукописныя, и тѣ отъ древности обветшали и развалилися, а новоисправныхъ книгъ искупить не хотятъ, а все для раскола церковнаго, чтобы новоисправнымъ книгамъ не быть, и отъ того расколы церковныя умножилися. Они же корчемствуютъ церквами, на всякой годъ сговариваются съ священниками на дешевую ругу, кто меньше руги возьметъ, хотя которые попы пьяницы и безчинники, тѣхъ примають, а добрымъ священникамъ отказываютъ и тѣми излишними доходы сами корыстуются, и у пьяныхъ поповъ на господскіе праздники и на государскіе ангелы (т. е. въ дни тезоименитства лицъ царской фамилии) многаяжды церкви стоятъ пустыя безъ гвѣил, и о томъ-де они, старосты церковныя, не брегуть, и отъ того архіерею великое преобидѣніе и безчестіе, что *церквами архіерей не владѣть, а владѣютъ мужики*, и то противно правиламъ, а священники бѣдные и причетники у нихъ, церковныхъ старость, вмѣсто рабовъ, и говорить противъ ихъ ничего не смѣютъ“. По поводу этой челобитной государи указали и бояре приговорили: во Псковѣ и въ пригородахъ псковскихъ и въ уѣздахъ всѣ приходскія церкви описать и въ нихъ всякое строеніе и украшеніе, ризы и книги, и иную утварь; при описи должны присутствовать одинъ изъ дворянъ-псковичей по назначенію боярина и воеводы князя Михаила Григорьевича и одинъ изъ домовыхъ архіерейскихъ людей по назначенію митрополита ¹⁾.

Черезъ два года, въ 1687 г., послѣдовала новая жалоба на псковичей со стороны митрополита Маркелла. Митрополитъ говоритъ, что незадолго передъ этимъ къ нему прислана, „по изложенію святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ“ грамота патріарха Іоакима изъ казеннаго приказа съ выписью для руководства въ наложеніи „данной пошлины“ на церкви съ приходскихъ дворовъ. Патріархомъ, по словамъ челобитчика, была установлена слѣдующая такса: въ городахъ съ дворовъ воеводскихъ, гостинныхъ и съ разныхъ сотенъ (т. е. съ каждого торгующаго въ сотнѣ), а въ уѣздахъ съ дворовъ вотчинниковыхъ и помѣщичьихъ по 6 денегъ съ двора,—въ городахъ съ подьячичьихъ и съ посадскихъ лучшихъ людей, а въ уѣздахъ съ дворовъ старость и цѣловальниковъ по 4 деньги съ двора,—съ молодчихъ посадскихъ и крестьянскихъ по 2 деньги съ двора, а со вдовьихъ, задворныхъ и съ бобыльскихъ по 1 деньгѣ съ двора,—съ церковныхъ земель съ па-

¹⁾ Акт. Истор. т. V, № 122.

ханой, съ перелогу и съ лѣсной поросли, по 3 деньги съ каждой четверти въ одномъ полѣ, — съ сѣнныхъ покосовъ по 2 деньги съ копны, — съ рыбныхъ ловель, бортовыхъ ухажій и мельницъ по 3 алтына 2 деньги на годъ. А въ Псковѣ и въ пригородахъ его епархіи, говоритъ митрополитъ Маркеллъ, „по древнему обыкновенію многими церквами и тѣхъ приходскихъ церквей крестьяны и всякими церковными угодьями и доходы владѣютъ посадскіе люди, а священниковъ у тѣхъ церквей держатъ и ружатъ собою малою ругою“. Митрополитъ указываетъ на то, что псковская епархія—малая и скудная приблизительно 160 церквей съ небольшимъ ¹⁾, а архіерейскіе крестьяне если и существовали, то въ порубежныхъ мѣстахъ, и въ военное время отъ польскихъ и отъ нѣмецкихъ людей „всѣ разорены и пожжены безъ остатку“, между тѣмъ какъ за приходскими церквами его епархіи больше 1000 дворовъ и „многое число угодій“. Дани съ приходскихъ дворовъ и съ угодій посадскіе люди не хотятъ платить архіерею, ссылаясь между прочимъ на прежнія грамоты, раньше исходатайствованныя многими священниками отъ государей. Именно многіе священники, очевидно въ силу своихъ зависимыхъ отношеній къ прихожанамъ и, можетъ быть, подъ давленіемъ этихъ послѣднихъ, получили право платить въ архіерейскую домовую казну данныхъ денегъ только по 20 алтыновъ въ годъ „съ скуфьи“ (а не съ количества дворовъ и угодій). Съ церковныхъ крестьянъ и угодій „ворыстуются и богатѣютъ одни церковные старосты посадскіе люди, и кто изъ нихъ посадскихъ людей въ старостахъ ни бываетъ, и тѣ всѣ торговыми промыслами промышляютъ и каменные палаты себѣ строятъ, а въ церквахъ Божіихъ облаченія и украшенія вновь ничего не строятъ“. По поводу этой новой челобитной сдѣлана была справка въ патриаршемъ казенномъ приказѣ относительно количества дани, собираемой въ патриаршей области. Оказалось слѣдующее: съ поповыхъ дворовъ 4 д., съ дьячковыхъ 2 д., пономаревыхъ, просвирничныхъ и бобыльскихъ (если бобыли живутъ на церковныхъ земляхъ) 1 д., съ церковной

¹⁾ Это число вполне подтверждается вышеприведенными данными относительно числа церквей по кн. 355 въ трехъ нумераціяхъ: въ Псковѣ было около 40 церквей (если ислючить, конечно, изъ списка 1-й нумераціи монастыри), въ псковскихъ васадахъ 18 церквей (2-я нумерація), въ пригородахъ и ихъ уѣздахъ около 90 церквей (3 нумерація). Изъ нихъ многія въ 80-хъ годахъ XVII в. уже не существовали, какъ это будетъ видно въ особенности изъ книги 363-й. Списки монастырей и церквей по тремъ нумераціямъ, см. въ апрѣльск. и майск. кн. *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1906 г.

земли—паханой, перелогу и поросли—съ четверти по 3 д. съ одного поля, съ сѣнныхъ покосовъ по 2 д. съ копны, съ церковныхъ угодій (озеръ, рыбныхъ ловель въ рѣкахъ, бортныхъ ухажевъ, бобровыхъ гонъ и мельницъ) по 1 гривнѣ съ угодья,—съ приходскихъ дворовъ: въ городахъ съ воеводскихъ гостей и съ гостиной и суконной сотенъ, а въ уѣздахъ съ вотчинниковыхъ и помѣщиковыхъ по 6 денегъ съ двора,—съ подьячихъ и съ посадскихъ лучшихъ, а въ уѣздахъ съ старостинныхъ и съ цѣловальниковыхъ дворовъ по 4 д.,—съ посадскихъ и съ крестьянъ средней статьи по 3 д., съ двора,—съ посадскихъ и крестьянскихъ молодчихъ по 2 д.,—съ солдатскихъ, стрѣльцовыхъ, пушкарскихъ, приставовыхъ, воротниковыхъ и иныхъ безпомѣстныхъ служилыхъ людей по 2 д.,—съ бобыльскихъ, вдовьихъ и задворныхъ людей на посадахъ и въ уѣздахъ по 1 д. съ двора. „А которые церкви въ прошлыхъ годахъ запусѣли, и поповъ и церковныхъ причетниковъ у нихъ нѣтъ, и тѣхъ церквей церковные земли, пашня и сѣнные покосы и лѣсъ и всякія угодья отдаются изъ патріарша казеннаго приказу на оброкъ челобятчикамъ“. Оброкъ этотъ взимается въ долговую казну по писцовымъ книгамъ: „съ пашни съ четверти въ полѣ, а въ дву потомужъ по 3 д. (слѣд. со всѣхъ трехъ полей 9 денегъ), съ сѣнныхъ покосовъ съ копны по 2 д., а съ иныхъ угодій по разсмотрѣнію, или кто челобитчики и сверхъ указнаго что наддадутъ“. Въ прошломъ 1685 году патріарху сдѣлалось извѣстно, что въ разныхъ епархіяхъ на поповъ и причетниковъ старыхъ и новопостроенныхъ церквей накладываютъ дань и вѣчныя пошрины и всякіе окладные и неокладные доходы собираютъ съ прибавкою, т. е. больше, чѣмъ сколько взимается въ патріаршей епархіи въ патріаршіи казенный приказъ, и отъ этого неравенства чинятся лишніе убытки церковному чину и всякихъ чиновъ людямъ, а въ народѣ порождаются смущеніе и ропоть. Въ виду этого, патріархъ указалъ дань налагать и всякіе доходы собирать во всѣхъ епархіяхъ „противъ того, какъ дѣлается въ патріаршей области, чтобы отъ неравенства платежей впредь на архіерейскіе дома укоризны и святѣйшему патріарху челобиты и въ народѣхъ смущенія и ропоту не было“. Съ этою цѣлью ко всѣмъ митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ были препровождены выписки изъ указовъ патріарха съ грамотами. По содержанію вышеизложенной жалобы и въ виду наведенной въ патріаршемъ казенномъ приказѣ справки, состоялась слѣдующая высочайшая резолюція: воевода долженъ принять мѣры къ тому, чтобы данныя деньги съ приходскихъ церквей, съ поповъ, дьяковъ и причетниковъ, съ церковныхъ

вотчинныхъ крестьянъ и бобылей уплачиваемы были исправно; но митрополитъ не долженъ посылать для сбора этихъ денегъ своихъ домовыхъ людей, а долженъ поручать это дѣло попомъ и причетникамъ, „для того, чтобы въ томъ денежномъ сборѣ съ приходскими людьми ссоры не было“ ¹⁾).

Изъ второй челобитной митрополита Маркелла мы получаемъ важныя историческія свѣдѣнія о платежѣ дани съ церковей въ архіерейскую казну. Церковная дань архіерею была исконнымъ явленіемъ русской церковной жизни. Пока Псковъ не имѣлъ своей епархіи, псковское духовенство платило дань и разныя пошлыны новгородскому владыкѣ, и, какъ извѣстно изъ исторіи, это именно обстоятельство повело къ возникновенію псковской соборной организаціи. „Вкупные“, т. е. вопослѣдніе въ организацію собора или купы, попы раскладывали между собою, вносили поповскимъ старостамъ и черезъ этихъ послѣднихъ препровождали въ Новгородъ то, что слѣдовало уплатить новгородскому епископу. Когда во Псковѣ явился свой архіерей, духовенство должно было естественно платить ему то, что раньше платилось новгородскому архіерею. Но всѣмъ страсмъ отношеній между псковичами и духовенствомъ совершенно исключалась та точка зрѣнія, которая выработалась въ Москвѣ, а вѣроятно также и въ другихъ русскихъ епархіяхъ. Шимко правильно замѣтилъ ²⁾, что дань съ приходскихъ дворовъ должна была имѣть въ патріаршей епархіи смыслъ налога на доходъ, получасмый приходскимъ духовенствомъ отъ требоисправленій въ приходскихъ дворахъ. Естественно, что тѣмъ большее количество дворовъ было въ приходѣ, и притомъ, дворовъ разнаго качества (богатыхъ, среднихъ и бѣдныхъ), тѣмъ большее количество требъ приходилось совершать духовенству, и тѣмъ большій доходъ извлекался имъ отсюда. Равнымъ образомъ, если духовенство пользовалось землей и угодьями, то и изъ этого источника оно извлекало доходъ, который подлежалъ обложенію. Однимъ словомъ, вѣдаться съ архіерейской казной, уплачивать въ архіерейскую казну должны были по обитатели дворовъ, а священники и церковники. Въ псковской епархіи духовенство, какъ выразился митрополитъ Маркеллъ, жило „малою ругою“, конечно опредѣленною, которая соединялась съ обязательствомъ служить въ церквахъ и совершать по крайней мѣрѣ главныя требы безплатно. А что касается земли и угодій, принадлежавшихъ церквамъ,

¹⁾ Акт. историч. т. V, № 171.

²⁾ Патріаршіи казен. приказъ, стр. 126.

то въ пользованіи духовенства могла состоять лишь очень незначительная ихъ доля¹⁾. Поэтому не трудно понять, почему священники старались заручиться грамотой, которая давала бы имъ право уплачивать ежегодно, въ видѣ архіерейской дани, 20 алтынъ со скуфьи, т. е. съ cadaго священника лично, а не съ дохода, ими получавшагося. Но подобный порядокъ обложенія не могъ быть выгоденъ для архіерейской казны, могъ даже казаться несправедливымъ, при сравненіи псковскаго архіерея съ другими русскими архіереями. Митрополитъ Маркеллъ въ своей второй челобитной сослался на таксу, установленную патріархомъ для его патріаршей области, и, по поводу этой ссылки, въ Москвѣ, при обсужденіи челобитной, была сдѣлана официальная справка въ патріаршемъ казенномъ приказѣ, относительно размѣровъ дани, собираемой въ патріаршей области. Ссылка митрополита Маркелла на московскую практику не во всѣхъ подробностяхъ совпадаетъ съ тою практикою, которая констатирована путемъ официальной справки; напримѣръ, у Маркелла не говорится ничего объ обложеніи причтовыхъ дворовъ; есть и другія разности, можетъ быть, онъ просто на просто считалъ невозможнымъ облагать духовенство, находившееся, по его выраженію, въ рабствѣ у посадскихъ людей. Но тѣмъ естественнѣе было у митрополита желаніе обложить данью тѣхъ, кто извлекалъ выгоды изъ церковнаго имущества, не внося ни прямо, ни косвенно никакой дани въ пользу архіерея. Надо полагать, что попытки въ этомъ направленіи начались еще раньше Маркелла, во всякомъ случаѣ раньше того момента, какъ онъ выступилъ съ своими челобитными. Мы встрѣтились одинъ любопытный документъ тамъ, гдѣ ему совсѣмъ не мѣсто, именно въ книгѣ вотчинной конторы по Пскову подъ № 42/1,30 („отдѣльная, отказная и мѣновная“), которая, какъ видно изъ названія, содержитъ въ себѣ отдѣльныя и отказныя грамоты и мѣновныя записи за 7124—7131 гг. Съ 164-го листа этой книги начинается и на 184-мъ листѣ оканчивается роспись пашни и сѣна, принадлежащихъ разнымъ церквямъ, и количества данныхъ денегъ съ пашни и съ сѣнныхъ покосовъ, съ обозначеніемъ числа крестьянскихъ дворовъ.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что роспись попала или вилетена случайно въ указанную книгу, какъ потому, что не гармонируетъ съ остальнымъ содержаніемъ книги, такъ и потому, что въ первыя десятилѣтія XVII в. она не могла появиться и сообщаемыми

¹⁾ См. въ майск. кн. *Жур. Мин. Нар. Пр.* за 1906 г., стр. 18 и сл.

въ ней свѣдѣніями указываетъ на болѣе позднюю дату. Роспись содержитъ въ себѣ около половины тѣхъ 160 церквей, о которыхъ писалъ Маркеллъ въ своихъ челобитныхъ, а не полный списокъ церквей псковской епархіи. За этой половиной псковскихъ церквей насчитывается около 540 крестьянскихъ дворовъ. Принимая во вниманіе, что во время митрополита Маркелла, по его словамъ, за вотчинными церквами состояло больше тысячи крестьянскихъ дворовъ, и что по книгамъ Ивана Вельяминова, т. е. къ 30-мъ годамъ XVII в., за всѣми *монастырями и церквами* въ Псковѣ и его засадахъ, въ пригородахъ и ихъ уѣздахъ числилось около 1400 дворовъ (считая въ томъ числѣ и бобыльскіе и ловецкіе), при чемъ гораздо большая часть дворовъ состояла за монастырями, мы должны предположить, что роспись, о которой идетъ дѣло, близка ко времени митрополита Маркелла. Существовала ли полная роспись всѣхъ псковскихъ церквей, или только часть ея введена въ книгу вотчинной конторы, этотъ вопросъ не имѣетъ для насъ важности. Важнѣе то, что роспись носитъ на себѣ признаки не официального росписанія, а проекта, такъ какъ противъ нѣкоторыхъ церквей стоятъ пробѣлы, не заполненные цифрами, по отсутствію, какъ надо полагать, точныхъ данныхъ у составителя проекта. Въ росписи встрѣчаются такія церкви, о которыхъ не упоминалось въ книгахъ Мѣщанинова-Морозова съ Дровиннымъ и Ивана Вельяминова, напр., церковь Леонтія Ростовскаго Чудотворца, или упоминалась, но безъ всякаго намека на земельнаго владѣніе, напримѣръ, церковь Ксеніи Преподобной въ торгу, или нѣкоторыя церкви въ городѣ Опочкѣ¹⁾. Что всего болѣе удивляетъ при разсмотрѣніи росписи,—это огромные по тому времени размѣры дани. Отнесеніе подобной росписи ко временамъ, послѣдовавшимъ за митрополитомъ Маркелломъ, исключается почеркомъ, который принадлежитъ XVII, а не XVIII столѣтію, и тѣмъ соображеніемъ, что, во время своей долговременной тяжбы съ архіерейскимъ домомъ, тянувшейся до 30-хъ годовъ XVIII в., псковичи прямо могли бы указывать на произвольность поборовъ и на несоотвѣтствіе ихъ даже съ тою таксою, которая была установлена патріархомъ и разслана въ руководство всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, именно съ тою цѣлью, чтобы не было неравенства въ епархіяхъ и происходящихъ отсюда „смущенія и ропоту въ народѣхъ“.

Извлекаемъ изъ книги вотчинной конторы за № 42/1130 роспись церквей въ томъ порядкѣ, въ какомъ она здѣсь изложена, съ обозна-

¹⁾ См. майск. кн. *Жур. Мин. Нар. Пр.* за 1906 г., стр. 17.

ченіемъ 1) пашенной земли, 2) сѣнокосу, 3) количества данныхъ денегъ и 4) количества крестьянскихъ дворовъ.

1. Церковь Успенія съ Полонища: 312¹/₂ четей съ четверикомъ; 556 копенъ; данн. ден. 10 р., 8 алт. 1¹/₂ деньги; крестьян. дворовъ 4.

2. Леонтія Ростовскаго Чудотворца: 18 чет.; 20 коп.; 15 алт. 4 д.; 2 двора.

3. Архангела... на государевомъ дворѣ: 47 ч.; 95 коп.; 1 р. 21 алт. 2 д.; 8 кр. дв.

4. Ксеніи Преподобныя что въ торгу: 24 чети съ осминой; 80 коп.; 1 р. 5 алт. полчетверты деньги; 2 дв. кр.

5. Преображенія Спасова отъ Старога Костра: 584 ч. съ полуосминой; 1.835 коп.; 27 руб. 4 д.; 36 кр. дв.

6. Николая Чудотворца и великомученицы Пятницы отъ торгу: 125 ч. съ полуосминой; 117 коп.; 3 руб. 5 алт.; 2 дв. кр.

7. Воскресенія съ Полонища: 266¹/₄ ч.; 1.485 коп.; 18 руб. 27 алт. 5 ден.; 40 дв. кр.

8. Псковскихъ богадѣленъ старога богадѣленскаго дому: 85 ч. съ осминой; 252 копны да мельница и рыбная ловля; 3 руб. 29 алт.; 1 кр. дв.

9. Покрова отъ Покровскихъ воротъ (пробѣлъ).

10. Іоанна архіепископа съ Запсковья: 31 ч. съ полуосминой; 72¹/₂ копны; 1 р. 6 алт., полтретьи доньги.

Далѣе слѣдуетъ рядъ церковей въ засадахъ и пригородахъ съ ихъ уѣздами.

11. Николая Чудотворца со Врова: 83¹/₄ ч.; 164 копны; 2 р. 26 алт.; 2 дв. кр.

12. Николая Чудотворца никольской большой губы Велейскаго уѣзда: 59¹/₂ ч.; 68 коп.; 1 р. 16 алт. полтретьи деньги; 3 дв. кр.

13. Воздвиженіе Честнаго Креста съ Велья: (попорченное мѣсто) 32¹/₂ ч.; дани 1 р. полденьги; 2 двора.

14. Михайла Архангела пустаго храма: 99 ч. съ четверикомъ; 138¹/₂ коп. да мѣсто мельничное; 2 р. 32 алт. полтретьи деньги; 1 дв. кр.

15. Преображенія Спасова съ Опочки: 55¹/₂ ч. съ полуосминой; 162 к.; 2 р. 21 алт. 5 д.; 5 дв.

16. Преподобнаго Сергія въ Опочкѣ: 401 ч.; сѣна 300 коп.; 3 р. 30 алт. полшты деньги; дв. 40.

17. Луки Евангелиста что въ Опочкѣ: 32¹/₂ ч.; 180 коп.; 2 р. 9 алт. 1¹/₂ д.; 2 дв. кр.

18. Великомученицы Пятницы что въ Опочкѣ: 36 ч. съ осминой; 205 коп.; 2 р. 19 алт. полшесты деньги; 7 дв. кр.
19. Св. апостола Ѳомы что въ Опочкѣ: 40 ч.; 108 коп.; 2 р.; 9 дворовъ.
20. Покрова Черницкаго погоста: 34 ч.; 35 коп.; 28 алт. полшесты деньги; 3 дв. кр.
21. Покрова Старицкаго погоста: 17 ч.; 80 коп.; 1 р. 1 алт. 5 д.; 2 дв. кр.
22. Николая Чудотворца изъ Острова: 345 ч. безъ полуосмины; 1.530 коп.; 20 р. 15 алт. 4 д.; 7 дв. кр.
23. Всемиловитаго Спаса Гривскаго погоста: 94 ч.; 131 к.; 3 р. 24 алт. 1 $\frac{1}{2}$ д.; 9 двор.
24. Николая Чудотворца Верхоовсицскаго погоста: 37 ч. съ осминой; 175 к.; 2 р. 12 алт.
25. Спаса кокинскоу губы: 26 ч.; 55 коп.; 31 алт. 2 деньги; 3 дв. кр.
26. Покрова Елинскаго погоста вопче съ Николаемъ Чудотворцемъ: 78 ч. съ третникомъ: 185 к.; 3 р. 5 д.; 2 дв. кр.
27. Воскресенья Христова съ Вороноча: 85 ч.; 204 к.; 3 р. 10 д.; 2 дв. кр.
28. Воскресенья Христова Теребенскаго погоста: 35 ч.; 90 коп.; 1 р. 14 алт. 1 д.; 2 двора.
29. Николая Чудотворца съ Крекшина: 401 ч.; 195 коп.; 2 р. 28 алт. 5 д.; 3 дв.
30. Николая Чудотворца Котелинскаго погоста: 98 ч. съ полуосминой; 358 $\frac{1}{2}$ коп.; 5 р. 19 алт. 2 д.; 2 двора.
31. Успенія Пречистой Кузьмодемьянскаго погоста: 10 ч. съ осминой; 21 к.; 12 алт. 1 $\frac{1}{2}$ д.; 2 дв.
32. Преображенья Спасова съ Дубкова: 34 ч. съ осминой; 120 коп.; 1 р. 22 алт. полшесты деньги; 1 дв.
33. Николая Чудотворца Наворезскаго погоста: 407 ч.; 166 коп.; 2 р. 22 алт. 2 д.; 4 дв.
34. Георгія Великомученика съ Погостицъ: 229 ч. съ осминой; 616 коп.; 9 р. 20 $\frac{1}{2}$ алт.; 1 дворъ.
35. Николая Чудотворца съ Володимерца: 96 ч.; 877 коп.; 7 р. 7 алт.; 6 двор.
36. Георгія великомученика съ Рюхи: 80 ч. съ полуосминой; 431 к.; 5 р. 17 алт. 1 д.; 6 двор.
37. Ильи пророка съ Кривовицъ: 41 ч.; 105 коп. да рыбля ловля; 15 р. 28 алт. 5 д.; 2 дв.

38. Ильи пророка съ Верхолинъ: 72 ч. съ осминой; 115 коп.; 2 р. 7 алт. полшесты деньги; 6 дв.
39. Ильи пророка съ Торошина: 41 ч.; 115 коп.; 1 р. 22 алт. 1 д.; 3 двора.
40. Рождества Христова въ Чиркахъ: 157 ч.; 900 коп.; 40 р. 40 алт. 5 д.; 6 двор.
41. Рождества Христова съ Бѣлой: 407 ч. безъ полуосмины; 95 копенъ; 1 р. 31 алт. полпяты деньги; 5 двор.
42. Покрова съ Погостицъ: 102 ч. съ осминой; 380 коп.; 5 р. 40 алт. 1½ деньги; 12 двор.
43. Николая Чудотворца съ Прудовъ: 150 ч. съ полуосминой и съ четверикомъ; 953 к.; 40 руб. 26 алт.; 12 двор.
44. Ильи Пророка съ Добривитокъ: 401 ч. съ осминой; 305 коп.; 3 р. 32 алт. полтретьи деньги; 6 двор.
45. Козьмы и Даміана изъ Русокъ: 53 ч.; 135 коп.; 2 р. 4 алт. 5 д.; 9 дворовъ.
46. Рождества Богородицы староуситовской губы: 97 ч. съ полуосминой; 214 коп.; 3 руб. 19 алт. полшесты деньги; 5 двор.
47. Рождества Христова съ Оклюдицъ: 75 ч. съ осминой; 610 коп.; 6 р. 7 алт. полпяты деньги; 6 двор.
48. Ильи пророка съ Деманицъ (пробѣлъ)... 2 двора.
49. Николая Чудотворца въ Виделебѣ (пробѣлъ)... 2 дв.
50. Успенія съ Мелетова: 156 ч. безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву потомужъ; 573 к.; 8 р. 3 алт. полчетверты деньги; 40 дв.
51. Ильи пророка съ Половска: 46 ч. безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву потомужъ; 128 коп.; 1 р. 32 алт. 1½ д.; 3 двора.
52. Георгія Великомученика съ Зряковичъ (пробѣлъ)... 12 дв.
53. Георгія Великомученика съ Полицъ: 30 ч. въ полѣ; 70 коп.; 1 р. 15 алт.; 1 дв.
54. Покрова съ Заклинья: 39 ч. съ осминой въ полѣ; 75 коп.; 1 р. 14 алт. полпяты деньги; 2 дв.
55. Николая Чудотворца съ верхняго мосту: 86 ч. безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву потомужъ; 553 к.; 6 руб. 27 алт. 1 д.: 8 двор.
56. Покрова съ Знахлицъ: 46 ч. въ полѣ; 131 к.; 2 р.; 3 дв.
57. Рождества Богородицы новой Уситвы: 75 ч. съ полуосминой; 254 к.; 2 р. 12 алт. 1½ д.; 2 дв.
58. Великомученика Георгія съ Камня: 46 ч. съ осминой въ полѣ; 75½ коп.; 1 р. 21 алт. полпяты деньги; 4 дв.

59. Николая Чудотворца изъ Устья (пробѣлъ)... дв. 29.
60. Ильи пророка съ Корѣлъ: 28 ч. съ осминой въ полѣ; 54 в.; 32 алт. полчетверты деньги; 3 дв.
61. Великомученика Георгія изъ Печевъ: 53 ч. безъ полуосмины; 70 коп.; 1 р. 16 алт. полтретьи деньги; 9 дворовъ.
62. Преображенія изъ Колпина: 40 ч. съ полуосминой; 30 коп., да во Псковскомъ озерѣ 5 рыбныхъ ловель оброчныхъ; 1 р. 13 алт. 3 д.; 14 двор.
63. Ильи пророка съ Кульи: 32 ч.; 95 коп.; 1 р. 12 алт. 3 д. 3 двора.
64. Николая Чудотворца съ Таилова: 49 ч. съ осминой; 60 коп.; 2 двора.
65. Ильи пророка съ Выбута: 110 ч. съ полуосминой; 329 коп.; 4 р. 31 алт. 3 д.; 7 дв.
66. Покрова съ Колбежиць: 48 ч. съ полуосминой; 40 коп.; 2 р. 4 алт. 1½ д.; 9 двор.
67. Николая Чудотворца съ Смолина: 44 ч. съ полуосминой; 165 коп.; 2 р. 10 алт. 3 д.; 5 двор.
68. Ильи Пророка съ Муравейна: 110 ч.; 267½ коп.; 4 р. 5 алт. 5 д.; 5 двор.
69. Николая Чудотворца Качановой слободы: 36 ч. съ осминой; 95 коп.; 2 р. 8 алт. 1½ д.; 4 двора.
70. Николая Чудотворца изъ Изборска: 202 ч.; 322 копы; 6 р. 8 алт. 2 д.; 13 двор.
71. Георгія Великомученика съ Сенна: 75 ч. безъ полуосмины; 78 коп.; 1 р. 30½ алт. 1 д.; 10 двор.
72. Козьмы и Демьяна съ Локна: 58 ч. съ полуосминой; 33 копы; 2 р. 30½ алт. 1 д.; 5 двор.
73. Николая Чудотворца съ Щемериць: 17 ч.; 30 коп.; 18 алт. 3 д.; 1 дв.
74. Дмитрія Великомученика изъ Гдова: 375 ч. съ ½ ½ ½ третникомъ; 655 коп.; 12 руб. 19 алт. полтретьи деньги; 80 дворовъ.
75. Николая Чудотворца отъ Ольгина Креста: 79 ч.; 163 в.; 2 р. 27 алт. 1 д.; 7 двор.
76. Петра и Павла съ Вѣтвеника: 56 ч. съ осминой; 106 коп.; 1 р. 30 алт. 1½ д.; 3 дв.
77. Николая Чудотворца съ Ремды: 97 чет. съ полуосминой; 245 коп.; 3 р. 30 алт. 2 д.; 11 двор.

78. Михаила Архангела съ Кобылья Городища: 101 ч. безъ полуосмины; 213 к. и три рыбныхъ ловли; 3 руб. 30 алт. 2 д.; 6 двор.

79. Николая Чудотворца съ Мыслогостиць: 54 ч.; 116 коп.; 1 р. 32 алт. 2 д.; 3 двора.

80. Петра и Павла съ Рудницы: 27 ч. съ полуосминой; 55 коп.; 31 алт. полшесты деньги; 7 двор.

81. Михаила Архангела съ Кужвы: 27 чет. съ полуосминой; 65 коп.; 1 р. 4¹/₂ деньги; 3 дв.

82. Петра и Павла Кунейскаго погоста: 47 чет. съ осминой; 92 копны; данныхъ денегъ 1 р. 21 алт. 1¹/₂ деньги.

Въ этой росписи нельзя не обратить вниманіе на то, какую роль въ размѣрахъ обложенія играло количество четей паханой земли и количество копенъ сѣна. Допустимъ даже, что вычисленіе дани сдѣлано въ Псковѣ не произвольно, а примѣнительно къ той таксѣ, которая была выработана въ Москвѣ, мы все-таки легко поймемъ всю разницу отношеній во Псковѣ и отношеній въ Москвѣ. Въ Москвѣ первы приходскія рѣдко имѣли какія либо церковныя земли, кромѣ тѣхъ, которыя предназначались въ пользованіе духовенству, и напримѣръ, сѣнокосъ не могъ давать больше двухъ-трехъ десятковъ копенъ. Въ Псковѣ при нѣкоторыхъ церквахъ собиралось почти до 1.000 копенъ, пашенной земли бывало иногда 300—400 ч., и цифра дани доводилась до огромной суммы въ 40 рублей. Платить эту дань, очевидно, должно было не духовенство, а старосты съ прихожанами, и навѣрное мы не ошибемся, если скажемъ, что до половины XVII столѣтія о подобной дани никто въ Псковѣ не слышалъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что псковичи, по словамъ митрополита Маркелла, отказывались платить архіерею дань съ приходскихъ дворовъ и съ угодій. Со стороны митрополита, можетъ быть, было преувеличеніемъ, если онъ, обвиняя старость въ обогащеніи на счетъ церковныхъ доходовъ и въ то же время въ небреженіи къ церкви, въ частности нежеланіе ихъ приобрести ново-напечатанныя церковныя книги объяснялъ приверженностію къ расколу; но преувеличеніе, если и было, то только въ этой мотивировкѣ. Что псковскія приходскія церкви были убого обставлены въ отношеніи предметовъ утвари и книгъ, — это фактъ, удостовѣряемый писцовыми книгами конца XVI и первой половины XVII вѣка. Сосуды „древяные“ или „медяные“ и ризы крашенныя, т. е. изъ домашнего холста, окрашеннаго въ синюю краску, постоянно встрѣчаются въ описаніи приходскихъ погостовъ. Но иногда даже приходится недоумѣвать, какимъ образомъ могла отправляться

служба въ нѣкоторыхъ церквахъ ¹⁾). Поэтому митрополитъ былъ правъ, когда указывалъ на несоответствіе между доходами, извлеченными изъ церковныхъ земель и угодій, и тѣмъ, что поступало на украшеніе и снабженіе церквей всѣмъ необходимымъ, хотя, съ другой стороны, позднѣе, въ разгаръ тяжбы, и псковичи были не неправы, когда указывали на то, что приписанныя въ архіерейскому дому церкви стоятъ безъ пѣнія и украшенія и совершенно запустѣли ²⁾). Если мы припомнимъ наконецъ, что въ грамотѣ патріарха Іоакима, разосланной изъ патріаршаго казеннаго приказа въ руководство другимъ епархіальнымъ архіереямъ, говорилось не только о дани съ жилыхъ церквей, но и объ отдахѣ на оброкъ земель и угодій запустѣвшихъ церквей, и что въ Москвѣ твердо рѣшено было возстановить то состояніе, въ которомъ находилось церковное землевладѣніе по прежнимъ писцовымъ книгамъ, то для насъ ясно будетъ, что въ Псковѣ вопросъ о дани съ жилыхъ церквей, который долженъ былъ встрѣтить немалыя практическія трудности для своего разрѣшенія въ смыслѣ желательномъ для патріарха и псковскаго митропо-

¹⁾ Напримѣръ, изъ описанія погостовъ въ кн. 890 видно, что въ церкви Ильи Пророка торошинской губы имѣлись только Евангеліе, часословецъ и псалтирь (л. 450 — 451), — въ церкви Николая Чудотворца каменской губы мелетовской засады имѣлись Евангеліе, апостолъ и часословецъ, — въ погостѣ половской губы той же засады не показано даже никакихъ книгъ (тамъ же л. 195 и 197). По болѣе поздней книгѣ Ивана Вельяминова (кн. 1066) въ церкви Воскресенія Христова теробенской губы Ворон. у. имѣлись Евангеліе, половина охтая (октоиха), тріоди постная и цвѣтная (последняя въ двухъ экземплярахъ — полнымъ и неполнымъ), паремейникъ, псалтирь и половина прелога (пролога) за сентябрь мѣсяцъ (л. 673), — въ церкви Богородицкаго утретка того же уѣзда только Евангеліе, апостолъ и псалтирь (л. 858), — въ церкви Николая Чудотворца въ Володимирѣ только Евангеліе, полуустава (?) и апостолъ (л. 1058 — 1059). Всего замѣчательнѣе то, что служебникъ и требникъ не встрѣчаются въ приходскихъ церквахъ, а если они, можетъ быть, и существовали въ нѣкоторыхъ приходахъ, то лишь въ видѣ чрезвычайнаго исключенія, такъ что священникъ, новидимому, предполагался знающимъ наизусть все, что нужно читать, провозносить, пѣть и совершать во время Богослуженія и требоисправленій.

²⁾ См. мою статью въ Журн. Юрид. Общ. за 1896 г. іюнь: „Монастыри и церкви, какъ юридическія лица“. Псковичами имѣлись въ виду факты изъ XVIII в., но подобныя факты были не невозможны и въ XVII в. Напримѣръ, ко времени составленія писцовыхъ книгъ Ивана Вельяминова церковь Св. Егорія на Мдѣ была приписана къ Троицѣ въ Крему (ср. апр. за 1906 г., стр. 354). Почему она была приписана, трудно сказать, такъ какъ она обезпечена была въ своемъ существованіи достаточно (см. майск. кн. стр. 2). Но о ней уже потомъ не упоминается, такъ что во второй половинѣ XVII в. она уже вѣроятно не существовала.

лита, осложнился еще вопросомъ о земляхъ запустѣвшихъ монастырей и храмовъ. Самъ по себѣ, вопросъ о вниманіи архіереями дани съ церквей не стоитъ въ связи съ вопросомъ о правѣ собственности архіерейскаго дома на земли опустѣвшихъ церковныхъ учреждений. Дань платилась епископамъ русскимъ издревле, и еще въ XII вѣкѣ бывали епископы, которые увеличивали число церквей съ цѣлью извлеченія бѣльшаго дохода ¹⁾, а теорія права собственности архіерейскаго дома, какъ и самъ архіерейскій домъ, въ смыслѣ института, обособленнаго отъ кафедральной церкви, были явленіемъ новымъ. Въ Псковѣ оба вопроса сразу выдвинулись, потому что и дань, которая отъ нихъ потребовалась, представляла собою нѣчто новое, сравнительно съ прежними порядками. Разница въ постановкѣ обоихъ вопросовъ на псковской почвѣ все-таки была немаловажная: вопросъ о дани касался однихъ приходскихъ церквей, а вопросомъ о пустующихъ земляхъ затрагивались интересы разныхъ землевладѣльцовъ, въ рукахъ которыхъ могли оказаться эти земли. Мы не знаемъ, удалось ли митрополиту Маркеллу, согласно царской резолюціи, настоять на полученіи дани съ псковичей чрезъ приходскихъ священниковъ, не прибѣгая къ приказнымъ людямъ архіерейскаго дома. Равнымъ образомъ намъ неизвѣстно, состоялись ли при Маркеллѣ какія либо общія мѣропріятія по припискѣ къ архіерейскому дому земель опустѣвшихъ монастырей и церквей. Извѣстно только, что въ 194 (1686 г.), т. е. въ промежуточное время между первою и второю челобитными Маркелла, состоялось описаніе и размежеваніе, съ подробнымъ обозначеніемъ межъ и межевыхъ знаковъ, между гдовскою домовою вотчиной митрополита и вотчиной гдовской Дмитріевской церкви. Подъ вотчиной митрополита разумѣется не только то, что издавна принадлежало Троицѣ въ Кремю, но и земли приписныхъ къ архіерейскому дому: гдовскаго Николаевского монастыря, Образскаго монастыря и Введенскаго монастыря вопче съ Михайловскимъ дѣвичьимъ монастыремъ изъ Пскова изъ Песока. При проведеніи границъ между вотчинами, какъ видно, затронуты были интересы одного помѣщика, потому что за актомъ размежеванія слѣдуетъ „роспись писцовымъ дѣламъ: 1) сказка преосвященнаго Маркелла стряпчихъ Василья Иванова и Григорья Богданова о крестьянскихъ дворахъ за ихъ руками 194 году юля 8 числа; 2) сказка Дмитріевского старосты изъ Гдова Терешки

¹⁾ П. С. Р. Лѣт. т. II, стр. 81 подъ 6667 г.: „томъ же лѣтѣ выгнаша ростовци и суждальци Леова епископа, зане умножилъ бѣше церкви, грабѣи поны“.

Жилкина о церковной вотчинѣ Гдовскаго уѣзду каменской губы Мученика Дмитрія за рукою Степашки Трофимова 194 году іюля 31 числа, 3) грамота великихъ государей по челобитью Микиты Степанова сына Бухвостова о деревнѣ Каменной съ деревнями за приписью дьяка Анисима Невѣжина 194 г. 11 іюля“ ¹⁾).

Н. Суворовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Все это мы узнаемъ изъ кн. 360, которая помѣчена на лицевой сторонѣ книги (впрочемъ подлѣйшею рукою), какъ „писцовая книга письма и меры Никифора Коштева да подьячего Михаила Кузьмина 194 г.“ Оригинальнаго въ этой книгѣ только и есть приведенный въ текстѣ актъ размежеванія. Остальное содержаніе 360 кн. буквально совпадаетъ съ кн. 359-ю. Можетъ быть, Никифоръ Коштовъ, не видя возможности преодолѣть тѣ затрудненія съ которыми встрѣтился Левъ Вельяминовъ, счелъ болѣе легкимъ для себя повторить то, что написано было его предшественникомъ, всего за какія-нибудь 5 — 6 лѣтъ тому назадъ.

Н. И. НАДЕЖДИНЪ—ПРОФЕССОРЪ МОСКОВСКАГО УНИ- ВЕРСИТЕТА ¹⁾).

Лекціи по археологін.

I. Обь изящныхъ искусствахъ и ихъ дѣленіи.

„Искусство есть не что иное, какъ умѣнье осуществлять мысли, рождающіяся въ умѣ, и представлять ихъ въ формахъ, ознаменованныхъ початію изящества. Слѣдовательно, изящныя искусства имѣютъ два элемента: мысль художника и форму, въ которую онъ ее облакаетъ. Мысли художника столь разнообразны, что по нимъ никакъ нельзя дѣлать искусства, а основаніемъ раздѣленія должны быть формы“, „посредствомъ которыхъ мысль бываетъ намъ доступна“. Художникъ беретъ формы или „изъ внѣшней природы“, или „изъ самого себя“. „Поэтому искусства дѣлятся на два рода: первый родъ называется *искусствами символическими*, ибо форма есть символъ, наружная оболочка, одѣвающая творческую мысль. Здѣсь можемъ мы поставить слово *художество*, которое, по своему употребленію, преимущественно относится къ искусствамъ символическимъ. Мы называемъ второй родъ *искусствами человеческими*“, ибо въ данномъ случаѣ „человѣкъ почерпаетъ и идею, и форму изъ самого себя; имъ можно дать названіе *поэзіи* въ ограниченномъ смыслѣ этого слова. Конечно, поэзія проявляется и въ художественныхъ произведеніяхъ, но она становится несравненно выше и обширнѣе, когда человѣкъ облакаетъ ее въ образъ, заимствованный изъ самого себя“.

¹⁾ Продолженіе. См. майскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1907 годъ.

„Разсматривая *искусства символическія*, гдѣ художникъ заимствуетъ для себя формы изъ виѣшней природы“, мы не должны принимать во вниманіе „различіе ихъ между собою *по различію вещества*, служащаго для ихъ выраженія, но должны смотрѣть *на самое выраженіе*, данное имъ ихъ творцомъ, *на форму*, подъ которой намъ предстаютъ они. Итакъ, сіи искусства дѣлятся по виѣшностямъ *формъ*“.

„Все, что дѣйствуетъ на наши чувства, бываетъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь, слѣдовательно въ пространствѣ и времени. Явленія, подъ вліяніемъ пространства, представляются намъ какъ образы безъ движенія; подъ вліяніемъ же времени—какъ безпрестанное преемство“; „и то, и другое соединяются въ движеніи, которое есть преемство существованія въ пространствѣ. Если художникъ имѣетъ въ виду *пространство* и веществомъ для его произведенія служитъ *масса*, взятая имъ изъ царства природы, тогда искусства получаютъ наименованіе *образовательныхъ*. Когда же они являются *во времени*, бываютъ выраженіемъ преемственности и веществомъ для нихъ служатъ *звукъ*, единственный въ природѣ представитель гармоническаго преемства, тогда даютъ имъ имя *тоническихъ*. Наконецъ, оба эти рода соединяются въ одномъ, гдѣ особенно имѣется въ виду *движеніе*—это искусства *сценическія*“.

Дѣленіе искусствъ *образовательныхъ* „является изъ общаго ихъ характера“. „Художникъ можетъ давать пространству такой образъ, который не сходенъ ни съ какою частностью природы, но подобенъ ей вообще, подобенъ цѣлому ея строенію, — тогда искусство называется *архитектурнымъ*; въ немъ дѣйствуетъ просто зидительная сила чловѣка, не подражая, а какъ бы соревнуя природѣ, которой миниатюръ представляетъ архитектура“—„первый видъ образовательныхъ искусствъ“. Второй видъ возникаетъ тогда, „когда масса физическая, взятая художникомъ, получаетъ характеръ изящнаго и подходит къ частнымъ явленіямъ природы“. Эти искусства, извѣстныя подъ именемъ *пластическихъ*, „могутъ быть раздѣлены на основаніи трехъ геометрическихъ измѣреній (разумѣется, мы говоримъ аналогически). Можно приложить измѣреніе тройное, когда художникъ обрабатываетъ цѣлую массу, отдѣльно взятую; двойное, когда онъ беретъ поверхность, и единое, когда выражаетъ свою мысль посредствомъ линій (чертъ)“.

Такимъ образомъ, „*масса, поверхность и линія*— вотъ три выраженія пластическихъ искусствъ“. „Въ первомъ случаѣ“, искусство

„называется *вагнискъ*, а произведение его — вообще *статуей*“, причемъ, подъ послѣдней разумѣется такое произведение, которое возсоздаетъ „частное явленіе природы, какъ оно въ ней находится, во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ“. Когда берется одна поверхность, то возникаютъ различныя виды пластики: „искусство *барельефное* изображаетъ различныя формы чрезъ выпуклость на какомъ-нибудь веществѣ, и другое искусство *рѣзба* дѣлаетъ углубленіе на камнѣ, металлѣ“ и иныхъ веществахъ. „Составленіе символовъ изъ однихъ линий“ есть „искусство *черченія*, или *животисъ*; здѣсь художникъ долженъ выразить на плоскости свою идею такъ, чтобъ форма ея казалась отдѣльною отъ вещества, на которомъ онъ творить, и была, повидимому, точно такова, какъ въ природѣ“. — Всѣ перечисленные роды искусствъ образовательныхъ „соединяются въ *изящномъ садоводствѣ*, которое состоитъ въ наполненіи извѣстной части земли прекрасными произведеніями природы, расположенными въ гармоническомъ порядкѣ и соотношеніи. Особенно прелестно искусство ландшафтное, которое пользуется подобными произведеніями природы, употребляя ихъ не какъ матеріалъ, но уже какъ формы, и составляетъ изъ нихъ“ красивый „ландшафтъ“.

Веществомъ искусствъ *тоническихъ* является *звукъ*. „Мы не умѣемъ себѣ представить преемства физическаго, не сопровождаемаго какимъ-нибудь звукомъ; не можемъ представить сей, текущей мимо насъ, рѣки времени безъ шума, признака вещественнаго ея существованія“. Звуки — „общая эмблема преемственности“. „Они, какъ измѣренія времени, соединяются въ *гармонію* и составляютъ *мелодію*, основаніемъ которой“ служить „*тактъ*“. „Раздѣлить звукъ собственно въ отношеніи къ нему нельзя, ибо онъ имѣетъ только измѣреніе продолжаемости. Слѣдовательно, должно раздѣлить его по *орудіямъ*, которыми онъ производится“. Самое первое и естественное изъ нихъ — мы сами; „человѣкъ выражаетъ въ звукахъ чувства свои посредствомъ *тѣнія*. Прочія орудія заимствуются изъ вещественной природы, и *звуки*, ими издаваемые, называются общимъ именемъ *музыки*“. Инструментовъ, которые мы можемъ употреблять, три рода: одни производятъ звуки посредствомъ нашего дыханія; другіе — посредствомъ „эластическаго напряженія веществъ“, именно струны; третьи — „посредствомъ простыхъ ударовъ“. Отсюда произошла музыка *духовая, струнная* и *блещающая*. „Каждый изъ этихъ родовъ“ музыки составляетъ особое „цѣлое“; соединеніе же ихъ образуетъ *оркестръ*, такъ же, какъ соединеніе голосовъ — *хоръ*, а соединеніе того и

другого—*концертъ*.— „Кромѣ того, есть внутреннее различіе музыки, опредѣляемое намѣреніемъ художника. Оно можетъ служить основаніемъ раздѣленія тоническихъ искусствъ“ на три новые вида. „Когда художникъ хочетъ выразить“ свои личные чувства, тогда возникаетъ музыка *лирическая*; „когда же сочинитель возбуждаетъ чувства въ душѣ слушателя и представляетъ ему происшествія, тогда— *эпическая*“; „наконецъ, когда художникъ не только представляетъ картину, но и одушевляетъ ее дѣйствиємъ, и слушатель дѣлается какъ бы зрителемъ, — тогда является музыка *драматическая*, гдѣ орудія, посредствомъ взаимнаго ихъ соответствія, какъ бы бесѣдуютъ между собою“.

Искусства *сценическія* „даютъ гармонію движенію“, причемъ орудіемъ долженъ быть самъ человѣкъ; „они имѣютъ свои подраздѣленія“. „Человѣкъ можетъ привести себя въ положеніе неподвижное, но такъ, чтобъ оно выражало игру жизни. Это — искусство *живыхъ картинъ*“. „Когда человѣкъ сходитъ съ своего мѣста и начинаетъ дѣлать стройныя движенія“, онъ *танцуетъ*; а когда онъ, „сопровождая свое положеніе движеніями“, „одушевляетъ“ ту картину, въ которой занимаетъ извѣстное мѣсто,—онъ *лицедѣйствуетъ*“.—Какъ въ *концертѣ* можно соединить музыку лирическую, эпическую и драматическую, такъ въ *дивертисментѣ*—живыя картины, танцы и лицедѣйство; всѣ же искусства образовательныя, тоническія и сценическія соединяются вмѣстѣ въ *опера* ¹⁾.

Не изъ внѣшней природы, а изъ самого человѣка „почерпаются“ идея и форма искусствъ „*человѣческихъ*“, которымъ „дается названіе *поэзіи*“. Человѣкъ состоитъ изъ духа и тѣла; послѣднее, будучи „предметомъ міра физическаго“, „можетъ служить матеріаломъ только для искусствъ символическихъ“; но человѣкъ „отличается отъ міра физическаго“ *мыслью*, которая „является въ словѣ, какъ въ формѣ“. „Какъ искусство, имѣющее средствомъ выраженія звукъ, поэзія подходитъ къ искусству тоническому“; но ея звуки не сходны съ музыкальными: они „имѣютъ собственное содержаніе“, „между тѣмъ какъ въ музыкѣ мысль выражается только гармоніей“. „Притомъ слово такъ рыхло, такъ гибко, что можетъ принимать живописность пластическихъ и выразительность сценическихъ искусствъ; имѣетъ цвѣтъ картины и живость дѣйствія“. „Музыка углубляетъ

¹⁾ Журналъ, составленный изъ лекцій профессора Надеждина 6 октября 1833 студентомъ Константиномъ Аксаковымъ.

человѣка въ безпредѣльность, она можетъ исчерпать всю его душу“, но никогда не создастъ „картину съ опредѣленными чертами“, никогда не „представить всѣ малѣйшіе оттѣнки различныхъ предметовъ. Чувство, къ которому она настраиваетъ душу, есть чувство безотчетнаго наслажденія“. Слово—„переходъ отъ міра духовнаго къ міру вещественному, посему оно принимаетъ красоту тоническихъ, пластическихъ и сценическихъ искусствъ“. „Въ искусствѣ словесномъ гений—независимый творецъ, и потому поэзія есть высочайшее, самобытное искусство“: „слово торжествуетъ надъ самою природою“.

Основанія для дѣленія поэзіи должно искать въ мысли. Можно „мыслить или о себѣ, или о томъ, что внѣ насъ“; „слѣдовательно, и выражать“ можно „или себя, или то, что внѣ насъ“. Отсюда два рода поэзіи: поэзія, выражающая внутренній міръ нашъ—*лирическая*, и поэзія, „живописующая міръ внѣшній—*эпическая*“.

Такъ какъ „душевные способности наши могутъ развиваться степенью напряженія ихъ, то отсюда, по отношенію *внутренней интенсіи*, происходятъ различные“ виды *лирической* поэзіи, которые „отъ простѣйшаго выраженія обыкновенныхъ чувствованій, какова народная пѣснь, до изступленнаго возвышеннаго диѳирамба, составляютъ лѣстницу, гамму чувствованій души человѣческой въ постепенномъ порядкѣ ихъ“.

„Поэзія *эпическая* представляетъ внѣшніе образы; она—картина, переведенная на слова“. „Она совершенно противоположна лирической поэзіи. Ту раздѣляли мы по степени внутренней интенсіи, сію должны раздѣлить на основаніи *внѣшней экстенсіи*. Здѣсь также составляется лѣстница отъ самаго простаго разказа, отъ народной сказки до великолѣпнаго эпоса, описывающаго судьбу рода человѣческаго. Лирическая поэзія отличается жаромъ чувства; эпическая чѣмъ холоднѣе, тѣмъ выразительнѣе“.

„Поэтъ можетъ неподвижность эпическую одушевить жизнью лирическою, событія возобновить въ душѣ“ и „представить ихъ въ дѣйствіи. Отсюда произошла поэзія *драматическая*. Она есть соединеніе поэзіи лирической и эпической; отъ нихъ заимствуетъ свои измѣненія: отъ лирической—одушевленіе, отъ эпической—важность“.

Всѣ три рода искусствъ человѣческихъ „имѣютъ нѣкоторое сходство съ символическими“. „Пѣснь есть символъ лирической поэзіи“; она „совокупляется“ съ музыкой. „Эпопея состоитъ въ описаніяхъ, слѣдовательно во внѣшнихъ образахъ, соотвѣтственно пластикѣ, и ваятели предметы для своего искусства всегда заимствовали изъ

эпопей. Драма, соединяющая оба рода поэзіи, совокупляется съ искусствомъ сценическимъ" ¹⁾).

II. О происхожденіи изящныхъ искусствъ.

„Начало изящныхъ искусствъ теряется во мракѣ вѣковъ отдаленныхъ, первыхъ въ жизни новосозданнаго міра“. „Безотчетныя изліянія младенчествуящаго человѣчества“, „сей зародышь искусствъ“, не были отмѣчены современниками, — и „первыя произведенія первыхъ племенъ“ „погибли въ невѣдѣности“. „Но творческая дѣятельность пришла въ зрѣлость“, „достигла извѣстной степени совершенства“; тогда люди, какъ бы пораженные своимъ невниманіемъ, обратились къ „баснословнымъ догадкамъ и предположеніямъ“; они вымышляли „случаи, чтобы объяснить себѣ начало изящныхъ искусствъ, и, теряясь въ лабиринтъ догадокъ, прежде всего призывали на помощь божество и ему-то приписывали первое внушеніе искусствъ человѣку; далѣе, начиная отъ механическаго ремесла до высшаго проявленія творчества, отъ буквы, слова — до гениальнаго произведенія — все приписывалось не человѣку, но постороннимъ виѣшнимъ причинамъ“. „Всѣ случаи, едва ли не произвольно назначенные быть причинами изобрѣтеній, сохранены потомству“ на „завѣтныхъ страницахъ“ произведеній позднѣйшихъ греческихъ писателей, „жившихъ уже во времена полного развитія творческой дѣятельности“. Дѣлались „странныя и неудовлетворительныя предположенія“, чтобы выяснить „происхожденіе разнообразныхъ отраслей творчества“. Таковы преданія объ изобрѣтеніи лиры или музыкальнаго размѣра и другія, указывающія, что „случай былъ творцомъ и искусствъ образовательныхъ“. Возможно допустить, что первая мысль о какомъ-нибудь изобрѣтеніи „бессознательно пробуждена была случаемъ“; но „все это никогда не возбудило бы мысли, не развилось бы, если бы искусство не составляло природы человѣка, если бы въ душѣ его не было образа всеизидительнаго творчества, возбуждающаго къ соревнованію“.

„Человѣкъ рождается творцомъ, художникомъ; творчество вливается въ него вмѣстѣ съ бытіемъ и проявляется въ первыхъ движеніяхъ развивающейся жизни“. Сначала „обремененный нуждами физическими, въ стихіи враждебной, онъ рабъ необходимости и не живетъ умственно“; „но лишь только преодолѣть непріявненную ему природу, отстранитъ

¹⁾ Журналъ лекціи, читанной 11-го октября 1833 г., составленный Д. Топориннымъ.

препятствія,—въ немъ рождается потребность изящнаго творчества“¹⁾. „Полная, кипящая жизнь юнаго народа, освободившагося отъ тяжелыхъ оковъ физическихъ нуждъ, обнаруживается“ въ „игрѣ силъ“, въ творческой дѣятельности. „Ужасное пѣніе, вой ирокеса надъ трупомъ замученнаго врага содержитъ первый зародышъ музыки и пѣнія, какъ изліянія чувствъ. Въ нестройныхъ движеніяхъ отдыхающихъ дѣвкахъ, скачущихъ послѣ ловли, видно прообразование граціозныхъ движеній“, которыя составятъ впоследствии искусства сценическія. „Прихотливое желаніе островитянъ (Южный Архипелагъ) украшаться перьями и красками, пестрить одежду и тѣло уже предзнаменуетъ пластику. Сломленные вѣтви, составляющія шалаши, едва способный укрыть отъ бурь“,—„уже матеріалы для будущей архитектуры“. „Но сіи изліянія“—„только зародышъ изящной дѣятельности; они только прообразуютъ искусства, достойнаго человѣка. Здѣсь можно предчувствовать, предугадывать“; и „если благоприятныя обстоятельства не будутъ содѣйствовать“ „очищенію грубой коры, покрывающей творческое начало“, то оно никогда не выйдетъ изъ первобытнаго состоянія и „подавить себя своею собственною тяжестью“.

„Первая сила, освящающая сіи начала изящной дѣятельности, есть чувство религиозное. Религія составляетъ все, весь міръ, всю жизнь младенчествующаго человѣчества, ибо первое чувство есть сознаніе отношенія къ силѣ всепроизводящей“; это чувство „кладетъ первую печать образованія и благородства на творческое начало, принимая

¹⁾ Въ рѣчи „О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ“ Надеждинъ выяснилъ значеніе своей терминологіи: „Исторія искусствъ начинается вмѣстѣ съ исторіей рода человѣческаго. Конечно, по буквальному грамматическому знаменованію, ими искусствъ предполагаютъ умѣніе, навыкъ и, слѣдовательно, извѣстную степень образованности; поему происхожденіе ихъ должно бѣ было относиться ко временамъ поздѣйшимъ. Но по злоупотребленію, вынуждаемому крайностію языка, въ условномъ, техническомъ смыслѣ, именемъ изящныхъ искусствъ означаются всѣ человѣческія дѣйствія, ознаменованныя печатію творчества, для отличенія ихъ отъ явленій собственно естественныхъ, производимыхъ одними силами природы, безъ всякаго человѣческаго участія, и что сіе имя не точно, что понятія объ умѣніи и навыкѣ, обыкновенно съ нимъ сопрягаемыя, несущественны, даже часто несомѣстны съ характеромъ разумѣмыхъ подъ нимъ явленій, сіе убѣдительно доказывается тѣмъ, что высочайшее совершенство произведеній, неоспоримо относящихся къ кругу изящныхъ искусствъ, состоитъ верѣдко въ ихъ высочайшей безыскусственности. Такимъ образомъ, распространяя имя сіе на всякое проявленіе творческой дѣятельности, на всякое выраженіе играющей жизни, мы имѣемъ полное право повторить, что исторія изящныхъ искусствъ современна исторіи человѣческаго рода“. (*Ученыя Записки Императорскаго Московскаго университета*, 1833, ч. I, № 1).

подъ сѣнь свою изящныя искусства“. Религіозный характеръ замѣтенъ въ первобытной архитектурѣ, пластикѣ, музыкѣ, мимикѣ, поэзіи.— Когда „начинается опредѣленіе силъ жизни“, періодъ религіозный смѣняется политическимъ. „Здѣсь вниманіе народа, прикованное къ религіи, отторгается отъ существа верховнаго и увлекается внѣшностью; здѣсь человѣкъ становится гражданиномъ; изъ нѣдръ семейства онъ вступаетъ въ свѣтъ и дѣлается его членомъ, дѣятелемъ“. Искусства считаются „занятіемъ общественнымъ, служатъ къ достиженію народныхъ цѣлей“.—За этимъ „направленіемъ“ слѣдуетъ „третій періодъ паденія искусствъ до частныхъ, домашнихъ цѣлей“. „Общество отживаетъ свою чреду“, согласно общимъ законамъ „начинаетъ ослабѣвать“; „высокія идеи патріотизма исчезаютъ“; искусство, „последняя забава умирающаго человѣчества“, „скрывается въ семействахъ и при дворѣ владѣтелей, тщетно старающихся удержать его въ паденіи“.— „Итакъ, жизнь изящныхъ искусствъ, подобно жизни всего въ мірѣ существующаго, проявляется въ трехъ главныхъ періодахъ. Начало пробужденія сей жизни находится въ самомъ духѣ, а главное къ сему средство есть религія“ ¹⁾).

III. *Объ индійскихъ памятникахъ изящныхъ искусствъ.*

„Всѣ безчисленныя семейства рода человѣческаго имѣютъ свое относительное младенчество, коимъ начинаются ихъ частныя біографіи; но въ развитіи общей жизни человѣческаго рода, по непреклоннымъ уставамъ бытія, существовалъ періодъ общаго младенчества для всего человѣческаго рода. Въ сей періодъ, соприкасающійся съ безбрежною пучиною вѣчности, народы, бывшіе представителями всемірной жизни, возникали, цвѣли и созрѣвали, не переставая быть младенцами. Тайственный рай востока былъ ихъ колыбелью. Здѣсь, подъ роскошнымъ тропическимъ небомъ, среди весны, никогда не увядающей, сіи избранные первенцы міра, свободные отъ изнурительныхъ физическихъ нуждъ, ласкаемые благодатною природою, праздновали весело прекрасное утро жизни. Посему ихъ вѣчно-юное младенчество не исключало усовершенности образованія: оно возвышалось до пробужденія ума и воли, допускало мерцаніе идей и цѣлей, только подъ рѣшительнымъ преобладаніемъ чувства, составляющаго первоначаль-

¹⁾ Журналъ лекціи: „О происхожденіи изящныхъ искусствъ“, составленный Ефимомъ Смирновымъ. Ср. *Ученныя Записки Императорскаго Московскаго университета*, 1883, т. I, № 1, стр. 95—114.

ную стихію жизни. Отсюда, естественно, долженъ былъ произойти особый характеръ, выразившійся во всѣхъ событіяхъ, наполняющихъ сей великій прологъ всемірной исторіи. То былъ періодъ совокупнаго, нераздѣльнаго кипѣнія всѣхъ элементовъ, изъ коихъ слагается цѣлость нашей человѣческой природы. Тогда все поглощалось чувствомъ,—и потому все было одушевленіе, восторгъ, религія“¹⁾!

Индійская архитектура посвящена служенію религіи и „возведена симъ религіознымъ характеромъ на степень изящества“. Существуютъ три вида индійскихъ священныхъ памятниковъ: „святѣлища подземныя“; „храмы, изсѣченные изъ живого камня въ горахъ, на земной поверхности“; „пагоды, изсѣченныя изъ подвижнаго камня“. Святѣлища подземныя древнѣе храмовъ и пагодъ, такъ какъ у народовъ, находившихся въ „такихъ же условіяхъ мѣста и времени“, какъ индусы, „зодчество начиналось изсѣченіемъ жилищъ“ подъ землею. Желая защитить себя „отъ зноя и насильственнаго вліянія враждебныхъ стихій“, дикіе народы „скрывались въ пещерахъ“, „въ нѣдрахъ высочайшихъ горъ“. Эти пещеры, съ теченіемъ времени, „преобразовывались въ храмы, съ соблюденіемъ той формы, какую дала имъ сама природа“, или „служили первообразомъ зданій, посвященныхъ религіи“. Различіе между обыкновенными пещерами и святѣлищами состояло въ томъ, что первыя „соразмѣрялись съ естественными нуждами человѣка“, а вторыя, какъ жилища божества, „обитающаго во мракѣ неприступномъ и являющагося въ образѣ величественномъ“, — отличались грандіозными размѣрами, были мрачны и ужасны. Географическое положеніе Индіи, „прорѣзанной въ различныхъ направленіяхъ хребтами горъ съ безчисленными пещерами и огромнѣйшими вертепами“, „благопріятствовало сооруженію тамъ подземныхъ святѣлищъ“, лучшія описанія которыхъ находятся у Нибура, лорда Валенція и Анветіля Дюперрона.

„Подземные священные памятники индусовъ особенно уцѣлѣли на двухъ островахъ: Элефантъ и Сальсеттъ“, расположенныхъ „недалеко отъ Бомбея“. „Храмы, находящіеся на Элефантъ, посвящены Шивѣ или Магадебъ“ и, по всѣмъ признакамъ, „относятся ко временамъ довольно отдаленнымъ“. Самый большой храмъ „представляетъ огромную впадину въ скалѣ,—впадину“, которая „простирается до

¹⁾ Ученныя Записки Императорскаго Московскаго университета, 1833, ч. I, № 1, стр. 95—114.

136 ф. ¹⁾ въ длину и почти столько же въ ширину, и слѣдовательно образуетъ собой родъ квадрата ²⁾. Сей храмъ поддерживался огромными столбами, или пилястрами“. „Стѣны зданія покрыты прекрасною штукатуркою и обставлены колоннами и статуями боговъ и мифологическихъ героевъ Индіи“. Статуи, большею частію,—„выпуклые барельефы, изображенія всячія и едва прикрѣпленныя къ стѣнамъ“ ³⁾. „Въ глубинѣ сего святилища есть родъ алтаря, гдѣ находится символъ божества индійскаго. Весь четырехугольникъ, образуемый храмомъ, оканчивается кругообразнымъ углубленіемъ, имѣющимъ видъ купола“. Вѣроятно, о подобномъ зданіи упоминаетъ александрійскій философъ Порфирій. „Въ его время приходили въ Римъ къ императору (Илиогабалу) индійскіе послы, изъ коихъ одинъ рассказывалъ, что у нихъ есть храмы внутри земли, имѣющіе форму овальную, украшенные статуями, колоннами“ ⁴⁾.

¹⁾ Цифра указана въ рукописи невѣрно.

²⁾ *C. Niebuhr. Reisebeschreibung nach Arabien und andern umliegenden Ländern. Kopenhagen, 1778. Zweiter Band, SS. 32—33: „Verschiedene Reisebeschreiber haben des alten heidnischen Tempels auf der kleinen Insel Elephanta, nahe bey Bombay, zwar erwähnt, aber alle gleichsam nur beyläufig.. Dieser Tempel liegt ziemlich hoch an, oder vielmehr in einem Berge, wo er in einen harten Felsen eingehauen worden. Seine Länge ist ungefähr 120 Fuss und seine Breite eben so gross, ohne die Nebenkammern oder Capellen an beyden Seiten.“—Ср. *A. H. L. Heeren. Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. Göttingen, 1815. Erster Theil, 2 Abtheilung, SS. 312—314: „Der Haupttempel (auf der kleinen Insel Elephanta, unweit Bombay) sowohl als die Nebenanlagen sind ganz in den lebendigen Felsen gehauen, und also vollkommne Grotten. Der Tempel selbst hat ohne die Nebenkammern oder Capellen etwa 120 Fuss in der Länge, und eben so viel in der Breite“.**

³⁾ *C. Niebuhr. Reisebeschreibung. Zweiter Band. SS. 33—34: „Die Seitenwände dieses Tempels sind auch mit ganz erhabenen Figuren angefüllt, die der Bildhauer von dem Felsen selbst hat stehen lassen. Diese sollen ohne Zweifel die Geschichte der indischen Götter und Helden vorstellen, und können daher den Gelehrten zu vielen Anmerkungen Anlass geben.“—Ср. *Heeren. Ideen. Erster Theil, 2 Abtheilung, SS. 312—314: „Der über der Tempelgrotte liegende Berg wird durch Pfeiler gestützt, die der Baumeister von dem Felsen selber hat stehen lassen. Die Nebenkammern oder Capellen sind etwas weniger hoch; sonst auf dieselbe Weise bearbeitet. Die Wände, ohne Inschriften, sind dagegen mit Reliefs bedeckt; zum Theil so erhaben gearbeitet, dass die Figuren nur mit dem Rücken an dem Felsen hangen. Es kann also kein Zweifel seyn, dass sie so alt wie der Tempel selber sind. Aehnliche Bildhauerarbeiten kommen auch auf den Wänden der übrigen Felsentempel vor; dieselben Figuren kehren auf ihnen wieder: sie sind also im Ganzen aus dem Kreise derselben Mythologie entlehnt“.**

⁴⁾ *A. H. L. Heeren. Ideen. Erster Theil, 2 Abtheilung, S. 323—324: „Die erste*

„На Сальсеттѣ святилища индійскія представляются въ большихъ размѣрахъ, нежели на Элефантѣ“¹⁾. Они „собраны“ вмѣстѣ въ срединѣ острова и поражаютъ „своею огромностью и величіемъ“. Одинъ изъ храмовъ „именуется большою пагодою, а прочіе не имѣютъ особенныхъ названій“. Кровь этого храма „округленъ“, а не „плоскій“, какъ на Элефантѣ; колонны его замѣчательны тѣмъ, что на однихъ изъ нихъ — капители съ изображеніемъ слоновъ, а на другихъ — шестиугольныя съ завитками, между тѣмъ какъ „пилястры“ элефантскіе — только балки большія и толстыя. Въ большой пагодѣ „есть уже и надписи“²⁾.

sichere Spur einer indischen Tempelgrotte findet sich, so viel ich weiss, in einem Bruchstücke aus einer Schrift des Porphyrs über den Styx, das uns Stobäus erhalten hat [Stob. Eclog. phys. I, p. 144, meiner Ausgabe. „Die indischen Gesandten“, (sagt Bardesanes, ein Zeitgenosse des Heliogabalus) „berichten, in Indien sey eine grosse Höhle, in einem hohen Berge; und in derselben ein Götterbild, zehn bis zwölf Ellen hoch; mit kreuzweis gefalteten Armen, dessen rechte Seite männlich, die linke aber weiblich sey“]. Das colossalische Götterbild darin mit einer doppelten Natur, lässt sich leicht auf ein Bild des Schiva deuten, wie wir es oben kennen gelernt haben. Wenn aber gleich Niemand wird behaupten wollen, dass in der dort gegebenen Beschreibung des Inders Bardesanes gerade von der Pagode von Elephante die Rede sey; so ist doch offenbar von einer ähnlichen, mit Bildwerk verzierten, Tempelgrotte die Rede, bei welcher zu gewissen Zeiten die Braminen sich versammelten um Feste zu feiern; und wobei zugleich jene gerichtlichen Proben oder (Götterurtheile angestellt wurden; welche von mancherlei Art bei den Indern im Gebrauch waren“. Cp. K. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst. Breslau, 1830, S. 279: „Das älteste Zeugniß für die Existenz solcher Bauwerke ist Bardesanes (in Heliogabalus Zeit) Beschreibung einer indischen Tempelhöhle eines androgynen Gottes. Porphyg. bei Stobäos. Ecl. Phys. I, p. 144“.

¹⁾ A. H. L. Heeren. Ideen. Erster Theil, 2 Abtheilung, ss. 326—327: „Aehnliche, aber noch grössere, Tempelgrotten finden sich auf der nahen Insel Salsette, gleichfalls Bombay gegenüber“... „Der Umfang und die Menge der Tempelgrotten auf Salsette ist um vieles grösser als auf Elephante“.

²⁾ Тамъ же, 327—328: „Die grosse Pagode ist gewölbt; hat 40 Schritt in der Breite, und 100 in der Länge. Ausser den 4 Säulen am Eingange zählt man 30 im Innern; von denen 18 Capitäle haben mit Elephanten; die andern haben bloss die Form von Sechsecken. Am Ende der Pagode, die in eine Ründung zulküft, ist eine Art von Kuppel, so wie alles Andre aus dem lebendigen Felsen gehauen“... „Von den Denkmälern auf Elephante unterscheiden sie sich aber durch die Inschriften, welche man hin und wieder an ihren Wänden lieset“.—Тамъ же, 338: „In den Felsengrotten von *Elephante* und *Salsette*, so wie zu Carli, so weit wir sie kennen, scheint der Cultus des Schiva oder Mahadeu der herrschende gewesen zu seyn; aber neben diesem auch der des Budda“ (Cp. приведенное выше указаніе Надеждина на „посвященіе“ элефантскаго храма „Шивъ или Магадебъ“).

Но Элефанта и Сальсетта менѣе интересны, чѣмъ Элоре—этотъ „амфитеатръ гранитныхъ скалъ, въ коихъ высѣчены подземные храмы для всѣхъ индійскихъ божествъ, въ прежде бывшихъ владѣніяхъ Мараттской княжеской династии Голькаровъ, подъ 20° с. ш. и 94° в. д. Мѣсто сіе можно назвать пантеономъ Индіи“¹⁾. Горы, „расходясь отъ своего главнаго хребта по двумъ направлѣніямъ“, принимаютъ здѣсь „форму подковы, коей индійская мифологія даетъ символическое религіозное значеніе“²⁾. Величина самаго большаго изъ всѣхъ здѣшнихъ храмовъ удивительна, такъ что, въ этомъ отношеніи, „нѣтъ ему равнаго ни одного готическаго собора“. Онъ раздѣляется на три части: первая „есть родъ преддверія въ 88 ф. дл., 138 ф. шир. и 40 ф. выш.; потомъ—святилище въ 103 ф. дл. и 60 ф. шир., и наконецъ,—родъ террасы въ 145 ф.“³⁾. Эта „огромнѣйшая масса держится на слонахъ, изсѣченныхъ также изъ гранита и на двухъ рядахъ пилястръ“. „Касательно происхожденія святилища“ индусы думаютъ, что оно создано „за 6000 лѣтъ до настоящаго времени“: по другимъ даннымъ, эта постройка относится къ эпохѣ болѣе поздней и сооружена „не далѣе, какъ за 900 лѣтъ“⁴⁾.

¹⁾ *Ученія записки Императорскаго Московскаго университета*, 1833, ч. 1, № 1. Ср. *Heeren. Ideen. Erster Theil, 2 Abtheilung*, s. 332: „Aber auch in dem Herzen von Indien, in der Mitte der Ghaut-Gebirge, findet sich eine Anlage dieser Art, welche die bisher erwähnten noch weit übertrifft. Diess sind die berühmten Grotten von Ellore (unter 20° N. B. und 94° O. L.“).

²⁾ *Anquetil Duperron (du Perron). Zend-Avesta, ouvrage de Zoroastre. Paris. 1771. Tome premier, p. 233—234*: „J'arrivai sur les onze heures au haut de la montagne d'Poura, et m'arrêtai quelques moments pour en considérer la situation. Cette montagne forme une espèce de fer à cheval creusé presque à pic, dont le centre est environ à l'Ouest“. — Ср. *Heeren. Ideen. Erster Theil, 2 Abtheilung, SS. 334*: „Man denke sich ein Felsengebirge in der Form eines Halbkreises oder Hufeisens; dessen beide Enden über eine halbe Meile von einander entfernt sind“.

³⁾ *Heeren. Ideen. Erster Theil, 2 Abtheilung, ss. 334*: „Nach den angegebenen Messungen hat der Vorplatz 88 Fuss Tiefe bei 138 Fuss Breite. Der Tempel selbst, von dem Thor des Porticus bis zur Hinterwand 103 Fuss Länge bei 61 Fuss Breite; und bis ans Ende der Plattform hinter dem Tempel 142 Fuss; so dass das Ganze an Umfang mit mehreren grossen gothischen Kirchen die Vergleichung aushält“.

⁴⁾ Тамъ же, 336: „Das Alter der Felsengrotten zu Ellore ist auf historischem Wege so wenig als das der auf Elephante und Salsette mit Sicherheit zu bestimmen. Nach dem Bericht der Braminen, den sie Malet gaben, sollte ihre Erbauung vor 7894 Jahren durch einen Rajah Ilu geschehen seyn... das heisst, sie wird in fabelhafte Zeiten hinaufgerückt“. — *K. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst, S. 279*: „Viel weiter ging Langlès, welcher die Entstehung von Ellora um 900 n. Chr. setzte“.

Всѣ описанныя „подземныя памятники священнаго индійскаго зодчества“—„произведенія оригинальныя, а не подражательныя“. Въ нихъ „нѣтъ красоты наружной, нѣтъ лицевой стороны, или фасада, ибо, изсѣкая храмы внутри высочайшихъ горъ“, индусы „не имѣли возможности обрабатывать наружность своихъ святилищъ и давать ей какую-нибудь форму“. Съ наружной стороны, произведенія индійской архитектуры—„ничтожны“; они не болѣе, какъ „огромныя глыбы“.

Въ подземныхъ храмахъ „не было свѣта естественнаго. Они не были открыты для свѣта дневнаго“, какъ постройки греческія. Впрочемъ, темнота „не есть исключительная принадлежность храмовъ подземныхъ“; она перешла и въ тѣ, „кои были созидаемы на поверхности земной“. „Надобно думать, что обыкновеніе оставлять храмы мрачными произошло оттого, что мрачность“ ихъ, „оваряемая только слабымъ мерцаніемъ свѣтильниковъ“, имѣла для индусовъ высшій религіозный смыслъ.

„Внутреннее расположеніе“ святилищъ „представляетъ самую простую геометрическую и, вмѣстѣ, изящную фигуру—продолговатый четырехугольникъ“¹⁾, который или по механическому способу строенія, или по религіозному значенію, въ задней сторонѣ, „противоположной входу, изгибался въ линіи волнисто-овальныя, или въ эллипсисъ. Здѣсь, обыкновенно, находилось главное божество“.

Мѣсто, гдѣ помѣщался „лингамъ—символъ родотворной силы“, занимало болѣшую, обширнѣйшую часть зданія, „къ которой непосредственно примыкало преддверіе“. „Такимъ образомъ, подземные гроты“ „представляли совершенно правильное цѣлое, гдѣ не скрывалась ни одна часть, гдѣ цѣлое не подавляло частей и части не затмевали цѣлаго“. — Кровы почти всѣхъ храмовъ „плоскіе“²⁾, но „противоположная входу часть“ ихъ „всегда оканчивалась купо-

¹⁾ (*George, Viscount Valentia. Voyages and travels to India. London, 1809. Vol. II, pp. 194—195:* „All the apartments were square, and the roof was flat, throughout; in the centre was a smaller building with a lingam; the whole was therefore probably dedicated to Mahadeo. Several groups of figures in basso relievo, adorned the walls. They were much decayed, and the whole had a very unpleasant appearance. The floor, being lower than the surrounding country, was extremely damp, and the light, admitted at the three entrances, was nothing better than darkness visible“.

²⁾ Тамъ же, 196—198: „The innumerable caves, which have been formed in every part of the hill, are square, and flat roofed“.

ломъ, что указываетъ на древность искусства округлять сводъ“. „Нѣкоторые изъ подземныхъ храмовъ“, позднѣйшаго происхожденія, имѣютъ форму „конической“, „оканчивающейся точкою“. „Это намекаетъ на форму пирамиды“, или на обычай придавать зданіямъ видъ столпа, башни. Подобный обычай указываетъ, что индусы продолжали изсѣкать храмы въ горахъ даже тогда, „когда начали созидать“ строенія „изъ подвижныхъ камней“.—Колонны, которыя поддерживали святилища, первоначально были безформенны; эти гранитныя балки, „огромныя, толстыя, грубыя, необработанныя“, „никогда не могли достигнуть“ „совершенства колоннады греческой“, несмотря на позднѣйшія украшенія: впоследствии онѣ дѣлались „схожими съ священнымъ, въ понятіи индусовъ, растеніемъ — лотосомъ“, а „оставивъ форму растеній“, сооружались въ видѣ слоновъ, обезьянъ и т. д.

„Индійское зодчество, вышедшее на поверхность земли, сохранило, большею частію, *прежній свой характеръ*, какимъ оно отличалось въ своихъ подземныхъ произведеніяхъ. Надземные памятники, очевидно“, отстроены позднѣе подземныхъ, ибо въ нихъ „больше искусства и навыка“. Особенно замѣчательны „развалины, извѣстныя подъ именемъ семи пагодъ (ибо со стороны моря онѣ представляютъ семь зданій), на Коромандельскомъ берегу, подъ 12¹/₂° с. ш., на день пути отъ Мадраса, къ югу. Дикая скала, на которой находятся и понынѣ сіи развалины, называется Мавалипурама“. Здѣсь сохранились многіе огромные храмы, „высѣченные изъ живого камня“. Положеніе мѣста — прекрасное: „оно занимаетъ возвышенность, далеко видимую и съ моря, и съ твердой земли,—это родъ каменнаго холма, который возникаетъ изъ утесовъ“. Нѣкоторые „обломки зданій“ покрыты водою. Все пришло въ большое запустѣніе, что „надобно приписать землетрясенію“. Смѣльчаки — путешественники „покушались пробраться въ развалины“, но „тигры, змѣи и другіе плотоядные звѣри“, а также густо разросшіяся кустарники „воспрепятствовали имъ исполнить это намѣреніе“¹⁾. По всей вѣроятности, тутъ нѣкогда

¹⁾ *Heeren. Ideen. Erster Theil, 2 Abtheilung, SS. 349—351: „Die sogenannten sieben Pagoden, oder die Monumente von Mavalipuram, an der Küste von Coromandel“; „unter 12¹/₂° N. B., eine Tagereise südlich von Madrass“. „Sie heissen die 7 Pagoden, weil man vom Meer her mehrere Pagoden erblickt, welche zum Theil bis ins Meer hereingehen, oder selbst von ihm bedeckt sind“. „Sie scheinen in der Reihe menschlicher Kunstwerke einen der ersten Plätze einzunehmen; allein auch hier muss zuerst die Frage beantwortet werden, wie weit wir sie kennen?—*

была великолѣпная столица какого-нибудь монарха или первосвященника: до сихъ поръ удѣлялъ огромный дворецъ и престолъ, вѣроятно, предназначенный „для торжественныхъ случаевъ“¹⁾.

Bisher nur sehr unvollkommen! Die Reisenden, die sie besuchten, scheinen wenig mehr als die Anlagen an der Küste gesehen zu haben; in das Innere derselben, über Felsenwände und durch Dickichte von Tigern und Schlangen bewohnt, wagte Keiner einzudringen; und der Einzelne vermag es auch nicht“.

J. Haafner. Voyages dans la péninsule occidentale de l'Inde et dans l'île de Ceilan. Traduits du hollandais. Paris. 1811. Tome second, pp. 468—482. „L'image de la destruction se présente là où une superbe ville faisait l'admiration des étrangers; et le bruit dont ses nombreux habitants faisaient retentir l'air, est succédé par un profond silence. Ses temples sont détruits et couverts de ronces et de mousse; le vent siffle au travers de leurs lézardes; des serpents et d'autres reptiles malfaisants habitent le sanctuaire des dieux. Toute leur splendeur se trouve anéantie!“ „On trouve ici d'énormes masses de pierre, de profondes voûtes souterraines, qui servent actuellement de retraites aux hiboux et aux chauve-souris. Certainement aucun lieu de la terre ne présente sur un aussi petit espace de terrain, autant d'édifices rassemblés et taillés dans le roc, qu'on en voit à Maweliewarom (Mawelicpouram)“. „Ces fragments considérables de rocher sont dispersés çà et là, comme si la commotion d'un tremblement de terre les eût fait rouler des montagnes, pour être employés à la construction de quelque immense édifice; et sur plusieurs, sont sculptés, en relief, toutes sortes de figures.—Ce qu'il y a de singulièrement remarquable, ce sont sept anciens temples, connus sous le nom des *sept pagodes*, qui, de la grève, se prolongent, en ligne droite à la suite les uns des autres, à plus d'un mille dans la mer, au-dessus de laquelle ils élèvent leur faite, semblable à une chaîne de rochers. Les vagues passent librement par-dessus les deux premiers; et ce n'est que quand la marée est fort basse, qu'on aperçoit leurs sommets“. „Il y a lieu de croire que ces édifices souterrains contiennent plusieurs inscriptions, et peut-être y trouverait on, en fouillant, des manuscrits précieux; mais l'entrée en est rendue dangereuse par les serpents et les autres reptiles venimeux, qui y séjournent et qui me détournèrent de faire de pareilles recherches durant mon séjour à Sadras“... „On n'aime pas à passer la nuit à Maweliewarom, à cause des tigres, des jakhals et des hyennes, qui s'y tiennent en grande quantité dans des brouis-sailles impénétrables, ainsi qu'entre les ruines et les fentes des rochers“.

¹⁾ *Heeren. Ideen. Erster Theil, 2 Abtheilung, SS. 350 — 351:* „Die Ruinen von Mavalipuram bestehen nicht bloss in einigen Tempelgrotten; sondern das Ganze ist vielmehr eine meist ganz in Felsen gehauene Königsstadt. Ein grosser, vielleicht der grössere Theil derselben, scheint vom Meere vorschlungem; aber noch ein paar Meilen in's Land herein erheben sich die Scheitel bearbeiteter Felsen; und allenthalben in ihnen Grotten, Säle, Gemächer und andere Anlagen. Denn nicht Alles sind Tempel; man sieht unter andern auch eine zu einer Tschultry oder Herberge ausgehauene Grotte... Auf einem der Gipfel der Berge ist ein Felsensitz, in dem man einen Königsthron erkennen will“.—Cp. *J. Haafner. Voyages. t. II, pp. 468—482:* „Quand on approche de cette montagne, du côté du nord, on rencontre une telle quantité de monuments anciens, qu'au premier abord, on s'imagine entrer dans

„Что такое была Мавалипурама? Кто обиталъ въ ней и почему она оставлена жителями? Это еще не объяснено“ и „пока остается неизвѣстнымъ“. Есть, впрочемъ, „классическое указаніе“, которое, какъ будто, можетъ разрѣшить сомнѣнія. „Знаменитый географъ“ Птоломей „упоминаетъ о городѣ Малиарфѣ, который былъ въ его время столицею богатѣйшаго государя и служилъ перепутьемъ для торговцевъ. Сей городъ едва ли не оказывается Мавалипурамою“¹⁾.

Для рѣшенія вопроса, имѣютъ ли индійскія святилища „какое-нибудь достоинство въ отношеніи эстетическомъ“, необходимо обратить вниманіе на „тотъ эффектъ, который они производятъ въ душѣ, способной ощущать изящное“. Нѣтъ нужды „прибѣгать къ описаніямъ впечатлѣній“ разныхъ путешественниковъ, противорѣчащихъ другъ другу въ показаніяхъ; „можно перенестись“ въ индійскія святилища „своею мыслію“; „можно представить себѣ“ ихъ, „живо вообразить“ и „понять то чувство, которое должно потрясать и поражать“ человѣка. Безформенность и мрачность храмовъ, имѣв-

une ville petrifiée... „On monte par plusieurs marches à la cime de la montagne, sur laquelle on trouve une quantité de statues et de colonnes mutilées qui couvrent tout le dos de la montagne et prouvent qu'il y avait anciennement de grands palais et d'autres édifices“.

¹⁾ *Heeren*. *Ideen*. Erster Theil, 2 Abtheilung, SS. 353 — 354; 357 — 358. „Mavalipuram war zu gleicher Zeit ein Hauptplatz des Cultus, der Sitz von Königen, und höchst wahrscheinlich auch ein bedeutender Handelsplatz. Die noch vorhandenen Anlagen scheinen es unzweifelhaft zu machen, dass es eine Stadt von grossem Umfange gewesen seyn muss“. „In eben die Gegend, wo wir die Trümmer von Mavalipuram finden, setzt Ptolemäus eine Stadt Maliarpha. Er nennt sie eine Handelsstadt (Emporium), deren es nach seinem Berichte mehrere an jener Küste von Indien gab. Die Lage und die Namenähnlichkeit machen es allerdings sehr wahrscheinlich, dass diess keine andere Stadt als Mavalipuram sey; und ist dem so, so haben wir zugleich den historischen Beweis, dass Mavalipuram sowohl in dem Zeitalter des Ptolemäus vorhanden, als ein bedeutender Handelsplatz war. Dass dieses aber keinesweges es verhindert, dass diese Monumente schon in ein viel höheres Alter hinaufgehen, bedarf nicht erst eines Beweises“.

J. Haafner. *Voyages*, t. II, pp. 468—482: „L'ancienne ville qui se trouvait ici doit avoir été fort grande“. „On ignore à quelle époque et de quelle manière cette grande ville a pris fin; si c'est par la guerre ou par quelque révolution de la nature. Son antiquité se perd dans la nuit des siècles, et l'on n'en sait pas plus sur son origine que sur sa décadence“. „On soupçonne que Maweliewarom est la Maliarpha de Ptolémée et d'autres anciens historiens“.

Cp. K. O. Müller. *Handbuch der Archäologie der Kunst*, SS. 278—280: „Mavalipuram (Mahabalipur im Mahabarata, *Μαλιαρφα* bei Ptolem.) ein Felsengebirg über der Erde in ein Labyrinth von Monumenten verwandelt, an der Küste von Coromandel“.

шія „высшее религиозное значеніе“, свидѣтельствуютъ о „чувствѣ страха“, о трепетномъ поклоненіи непостижимому божеству и „производятъ эффектъ чрезвычайный, поразительный“: царящія внутри зданій безмолвіе и темнота, при „тускломъ, блѣдномъ мерцаніи“ коегдѣ прорывающагося свѣта, какъ бы уничтожаютъ „ограниченія пространства и предѣлы времени, знаменуютъ собою идею безпредѣльности и вѣчности, возвышаютъ душу“ „въ предощущенію безконечной жизни“ и „начала всякаго бытія и изящества“—и, безъ сомнѣнія, носятъ отпечатокъ „эстетической выскости“. Поэтому-то въ индійскихъ капищахъ и церквяхъ, въ этихъ созданіяхъ „творческаго одушевленія“ древнихъ водчихъ, всецѣло проникнутыхъ „чувствомъ неопредѣлимо-высокаго“, „усматривается истинное значеніе изящныхъ искусствъ“ ¹⁾.

IV. О финикійскихъ памятникахъ изящныхъ искусствъ ²⁾.

Въ сказаніяхъ еврейскихъ и греческихъ писателей можно найти извѣстія о немногихъ памятникахъ финиійскаго зодчества. Пластическое искусство у этого народа „началось съ грубаго фетишизма“, „но потомъ, по мѣрѣ всеобщаго усовершенствованія“, „приняло лучшій видъ“: стали выдѣлываться человѣческія фигуры, и „мѣсто грубыхъ, изъ дерева выстѣченныхъ болвановъ заступили золотомъ окованные кумиры“ ³⁾. Религія финикійскія оказала „рѣшительное вліяніе на искусство“; ихъ „символика“ заслуживаетъ вниманія. „Молохъ, грозное и ужасное божество ихъ, значить, собственно, царь“; онъ—„представитель времени“, въ родѣ Сатурна. „Несмотря на двойственное значеніе сего божества, какъ силы разрушительной и родотворной, что явствуетъ“ изъ установленныхъ въ честь его празднествъ,—„въ книгахъ св. Писанія осталось одно только разрушительное понятіе о немъ“; но лучшее изображеніе, знакомящее насъ съ тою ролью, какую игралъ Молохъ, „сохранилось на монетахъ, выбитыхъ въ пер-

¹⁾ Журналъ лекцій: „Объ индійской архитектурѣ и ея памятникахъ“, составленный Николаемъ Лавдовскимъ.

²⁾ Часть лекцій утрачена.

³⁾ K. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 262—263: „Abgesehen von den alten Bätlyien-Bildern des einfachsten Idolen-Cultus, hatten die Phönicier und Cananäer, wie die stammverwandten Babylonier, gewöhnlich Holzbilder, über die gehämmertes Metallblech geheftet wurde; für welche Art Arbeit sich eine sehr regelmässige und sorgfältige Technik ausgebildet zu haben scheint“.

выя времена Римской имперіи“. „Здѣсь онъ представленъ мужемъ зрѣлымъ, величественно сидящимъ на земномъ шарѣ и съ львиною головою, можетъ быть, для означенія силы или вслѣдствіе астрологическихъ наблюденій“. „Его опоясываетъ многообразно обвивающаяся змѣя, которая и доселѣ служитъ символомъ вѣчности ¹⁾; въ одной рукѣ держитъ онъ скипетръ“, „раздѣленный на нѣсколько колѣвъ“, „подобно хронометру; въ другой—ключъ, также символъ времени, отверзающаго врата вѣчности. Наконецъ, вся эта фантастическая фигура украшалась четырьмя крыльями, вѣроятно, для означенія четырехъ временъ года“ ²⁾.

Въ противоположность Молоху, олицетворяющему время въ „отвлеченномъ смыслѣ“, „вѣчное и безусловное“, Вааль—„время живое, дѣятельное, символъ солнца“; онъ—Зевсъ греческій. „Финикіянне называли его Вааль Семонъ, то есть господь неба“. „Изображеніе его подходило близко къ жизни дѣйствительной“. Въ немъ уже нѣтъ смѣшенія тѣла человѣческаго съ звѣринымъ ³⁾. „Вааль былъ болѣе юноша, нежели мужъ. Его сажали обыкновенно на вола—животное

¹⁾ G. Zoega. De origine et usu obeliscorum. Romae, 1797, p. 451: „Uraeus serpens aeternitatem significat, quoniam inter serpentes is solus creditus fuit immortalis, et quoniam pectore elato atque expanso arrectus stans caudam abscondere solet“.—„Aevum exprimere volentes, serpentem pingunt cujus cauda reliquo corpore tegatur. Hunc Aegyptii quidem *uraeum* appellant, Graeci autem *basiliscum*“.

²⁾ Пересматривая сочиненія Zoeg'я („De origine et usu obeliscorum“ и „Numi Aegyptii imperatorii“), Надеждинъ могъ получить свѣдѣнія о древне-финикійскихъ религиозныхъ ученіяхъ, изложенныхъ Санхониатомъ и переведенныхъ на греческій языкъ Филономъ изъ Библи; эти ученія, не безполезныя для выясненія финикійской космогоніи и для ознакомленія съ древнѣйшими божествами, изложены также въ сочиненіяхъ Евсевія и въ англійскомъ переводѣ 1720 г. („Sanchoniatho's Phoenician history, translated from the first book of Eusebius „De praeparatione evangelica“). Въ огромномъ фоліантѣ Zoeg'я Надеждинъ нашелъ много данныхъ, на основаніи которыхъ онъ могъ судить о развитіи искусства на Востоку: подробное описаніе обелисковъ и прекрасныя рисунки, приложенныя къ изслѣдованію, являлись цѣннымъ матеріаломъ для университетскихъ лекцій.

³⁾ Ср. К. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 264: „In wie fern die Bilder der Götter bei diesen Völkerschaften durch charakteristische und bedeutsame Bildung einen angeborenen Kunstsinn bethätigten, ist bei dem Mangel von Monumenten der Art schwer zu sagen; soviel geht sicher aus den Nachrichten der Alten hervor, dass sie viel Combinationen mit Thieren hatten, theils halbthierische, theils auf Thieren sitzende und stehende Figuren; auch deuteten ihnen ungestalte und zwergartige Figuren das wunderbare Wesen der Gottheit an; und dem Charakter ihrer wilden und lasciven Naturreligion gemäss spielte die Bezeichnung des Geschlechts, auch der Doppelgeschlechtigkeit, an ihren Bildern eine grosse Rolle“.

„крѣпкое“ и „трудолюбивое“¹⁾. — „За Вааломъ слѣдуетъ третье“, національное божество финикянъ, Мелькартъ, которому были посвящены очень многіе храмы. „Это имя составлено изъ двухъ словъ: „*mélec*“ и „*kartha*“, изъ коихъ первое означаетъ „царь“, а второе— „городъ“, вмѣстѣ же „царь города“. Греки, любившіе все изъяснить изъ своей мифологіи, замѣтивъ нѣкоторое сходство между служеніями сему божеству въ Тирѣ и Гerkулесу въ Греціи, смѣшали ихъ между собою и назвали божество тирское Гerkулесомъ финикійскимъ“. Мелькартъ является „идеаломъ мужества и силы“, а „въ астрологическомъ значеніи“ онъ — „солнце, достигшее зенита“. Празднество, установленное въ честь его, совершалось по истеченіи каждаго пятилѣтія. „На сей, такъ сказать, юбилей тирскій стекались жители всѣхъ городовъ и колоній Финикіи“, а тѣ, которые не присутствовали на немъ, присылали къ этому времени свои „жертвы“²⁾. Мелькартъ „изображался сильнымъ и цвѣтущимъ юношею, сидящимъ на львѣ и имѣющимъ за спиною колчанъ, наполненный стрѣлами, въ ознаменованіе своего могущества“. — Кромѣ „тріады“ главнѣйшихъ божествъ, нельзя не упомянуть о Дагонѣ и Адонисѣ.

Слово „Дагонъ“ на еврейскомъ языкѣ значитъ „рыба“. Внѣшній

¹⁾ Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1751, t. II, p. 3: „*Baal* était le dieu de quelques peuples du pays Chanaan. Les Grecs disent que c'était Mars, et d'autres que c'était ou Saturne ou le Soleil. L'historien Joseph appelle le dieu des Phéniciens *Baal* ou *Bel*, dont Virgile parle dans l'Énéide comme d'un roi de Tyr: Implevitque mero pateram, quam Belus, et omnes A Belo soliti. Godwin, fondé sur la ressemblance des noms, croit que le *Baal* des Phéniciens est le même que *Moloch*: le premier signifie *seigneur*, et le second *prince* ou *roi*. Cependant d'autres pensent que ces peuples adoraient Saturne sous le nom de *Moloch*, et Jupiter sous celui de *Baal*: car ils appelaient ce dernier dieu, *Baal Semen*, le *seigneur du ciel*. Quoiqu'il en soit de ces différentes opinions, le culte de *Baal* se répandit chez les Juifs, et fut porté à Carthage par les Tyriens ses fondateurs“.

²⁾ Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers: Neufchastel, 1765, t. X, p. 312: „*Melcarthus*, dieu des Tyriens, en l'honneur duquel les habitants de Tyr célébraient tous les quatre ans avec une grande pompe les jeux quinquennaux“. „*Melcarthus* est composé de deux mots phéniciens *mélec* et *kartha*, dont le premier signifie *roi* et le second *ville*, c'est-à-dire, le roi, le seigneur de la ville. Les Grecs trouvant quelque conformité entre le culte de ce dieu à Tyr, et celui qu'on rendait dans la Grèce à Hercule, s'imaginèrent que c'était la même divinité; et en conséquence ils appellèrent le dieu de Tyr, l'*Hercule* de Tyr: c'est ainsi qu'il est nommé par erreur dans les Macchabées d'après l'usage des Grecs“.

видъ этого бога слѣдующій: верхняя часть тѣла „имѣла форму человѣческую, а нижняя—рыбью,—хвостъ, покрытый чешуею“¹⁾. Не таковъ Адонисъ, выразившій „чистѣйшее понятіе“ финикійца о верховной силѣ; „это тотъ же Ваальъ и Мелькартъ, то же время, но представленное“ въ образѣ „болѣе изящномъ и граціозномъ, украшенное всѣми прелестями существованія“. Адонисъ „былъ зачатъ въ деревѣ Мирры, съ нимъ распутился и расцвѣлъ, съ нимъ и погибъ отъ звѣря на охотѣ, обливъ кровію свою лугъ, отъ чего произросли на томъ мѣстѣ прекраснѣйшіе цвѣты“.—По красотѣ съ Адонисомъ не могутъ сравняться финикійскія богини, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны двѣ: Деркетто, или Атергатисъ и Астарта, или Астарота (Аштореть)²⁾.

„Изъ всего сказаннаго можно легко заключить, что идеи финикійской религіи общи съ идеями всего Востока“, но форма, въ которой онѣ проявляются, иная. „Въ ней уже нѣтъ той колоссальности и чудовищности, которыми отличаются собственно индійскіе и египетскіе³⁾ кумиры; напротивъ, здѣсь все болѣе и болѣе низводится до естественности и миниатюрности, и отъ Молоха до Адониса—шагъ величайшій!“⁴⁾. Слѣдуетъ также отмѣтить, что существовала тѣсная

¹⁾ *L. Moréri. Le grand dictionnaire historique. Basle, 1733, t. III, p. 483: „Dagon. Idole de Philistins, représentée sous la figure d'un homme, avait les jambes jointes aux aines, et n'avait point de cuisses. Depuis les reins et le bas du ventre, elle avait, à la reserve des jambes, la forme d'un poisson couvert d'écaillés, dont la queue relevait par derrière. Dagon en hébreu signifie poisson. Quelques modernes ont confondu Dagon et Atergatis; mais selon Bochart, il vaut mieux suivre le sentiment des anciens, qui les distinguaient comme le frère et la soeur. L'écriture nous apprend que les Philistins s'étant saisis de l'arche d'alliance, la placèrent dans le temple de Dagon; mais que cette idole n'en put soutenir l'aspect et fut brisée en morceaux“.*

²⁾ *K. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst, S. 264: „Dagon (Oda-kon) von Asdod, Atergatis in Assyrien, Oannes in Babylon, alle halb Fisch, halb Mensch“.*

³⁾ Лекціи о египетскихъ искусствахъ, кромѣ одной: „О тоническомъ и сценическомъ искусствахъ у египтянъ“, составленной Николаемъ Налетовымъ,—утрачены.

⁴⁾ *K. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 260—261: „Das erwerbthätige Volk der Phöniciers war offenbar weniger auf Colossalität und Unzerstörbarkeit bei Bauunternehmungen bedacht, als auf eine glänzende Auszierung. Die Tempel scheinen klein gewesen zu sein, wie der der Astarte zu Paphos auf Kypros; ihre eigenthümliche Anlage kann wohl am besten aus dem Tempel des Jehova zu Jerusalem beurtheilt werden, auf den offenbar die Phöniciersche Kunst mehr eingewirkt als die entfernter stehende Aegyptische“.*

связь между финиціянами и центральной Азіей: объ этомъ свидѣтельствуютъ св. Писаніе, а анализъ „остатковъ религіи“ и сходство языковъ финиційскаго, еврейскаго и халдейскаго наводятъ на мысль, что финиціяне и вавилоняне собственно одинъ народъ ¹⁾).

Г. Объ ассирійско-вавилонскихъ памятникахъ изящныхъ искусствъ.

„Глубокая древность скрываетъ отъ насъ историческую достовѣрность“ объ искусствахъ великой монархіи ассирійско-вавилонской. Источники, изъ которыхъ „мы почерпаемъ свѣдѣнія о состояніи сего первобытнаго государства“, заключаются въ св. Писаніи и показаніяхъ древнихъ историковъ (Геродотъ). Нѣкоторые писатели, вѣдвшіе на Востоку, „сами были очевидцами достопамятныхъ остатковъ отъ славныхъ памятниковъ искусства, превращенныхъ разрушительнымъ временемъ и мощію судебъ въ руины, но, при всемъ томъ, самымъ своимъ безмолвіемъ вѣщающихъ намъ о силѣ и могуществѣ“ нѣкогда жившаго здѣсь народа. „Въ этихъ цвѣтущихъ странахъ природа, обильная до роскошества, обезпечивала людей во всемъ, съ избыткомъ надѣляя ихъ своими дарами“. У вавилонянъ „полнота внутренняя“, излишекъ жизненной энергіи были „первымъ шагомъ къ развитію художественныхъ произведеній“, — причиной происхожденія у нихъ ремеслъ и искусствъ. „Желаніе завѣщать“ что-либо послѣ себя потомству выражалось не разъ: то въ постройкѣ „великаго столпа“, то въ „работахъ Семирамидскихъ“, развалины которыхъ до настоящаго времени показываютъ путешественникамъ ²⁾. „Изъ св. Писанія извѣстно, что первое собраніе людей“, „пришедшихъ съ Востока“, было въ Сенаарѣ, гдѣ они „совѣщались о важномъ предпріятіи“. Тогда „сказалъ человекъ ближнему своему“: „Надѣлаемъ кирпичей и обожжемъ огнемъ“. „И стали у нихъ кирпичи вмѣсто камней, а земляная смола вмѣсто извести“. „И сказали они: построимъ себѣ городъ и башню высоту до небесъ, и сдѣлаемъ себѣ имя“. Не нужда, а „произволъ“, жажда творческой работы, явившаяся ре-

¹⁾ Журналъ лекцій: „О символикѣ финиціянъ“, составленный Александромъ Плетеневымъ.

²⁾ *K. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst. SS. 254—257:* „Wir ziehen entschieden Berossos Archivnachrichten über den Ursprung dieser Anlagen (bei Josephus; Berossi quae supersunt, ed. Richter, p. 65), mit denen sich auch Herodot wohl vereinigen lässt, den Fabeln bei Ktesias und Diodor vor, welche zum Theil auf der volkmässigen Benennung Σαμάρρα ἕρτα für alle grossen Werke im Orient beruhen“.

зультатомъ избытка силъ, руководили строителями, которые навлекли на себя „праведный гнѣвъ Божій“, и утратили способность понимать другъ друга, заговоривъ на разныхъ языкахъ. „И разсѣялъ ихъ Господь оттуда по всей землѣ; и они перестали строить городъ (и башню). Посему дано ему имя Вавилонъ“ ¹⁾).

Вавилонъ сдѣлался мѣстомъ, куда стали паломничать любознательные европейцы. „Въ новыя времена отъ Нибура достались намъ извѣстія“ о его странствованіяхъ по Востоку; Кер-Портеръ, Ричъ и Сенткруза осматривали остатки древнихъ развалинъ, „сличали ихъ съ преданіями, съ исторією и повѣряли ихъ по правиламъ археологической критики“ ²⁾. „Части Вавилона не всѣ образовались“ одновременно: западная была гораздо древнѣе, и восточная — новѣе. Согласно историческимъ даннымъ, Новуходоносоръ „построилъ Неополисъ“ „на восточной сторонѣ Ефрата“, которая украсилась „удивительными шлюзами“, „великолѣпными дворцами“. „Все строилось изъ кирпичей, а не изъ камней“, какъ въ Индіи, и „не изъ дерева, какъ въ Финикіи“. Причиной этого были, безъ сомнѣнія, „мѣстные обстоятельства“ ³⁾.

¹⁾ Библия, или книги священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завета въ русскомъ переводѣ съ параллельными мѣстами. С.-Пб. 1892. Первая книга Моисеева. Бытіе, глава 11, стр. 11.

²⁾ G. E. J. Guilhem de Sainte-Croix. Dissertation sur la ruine de Babylone: „Les anciennes prophéties de l'Écriture n'étaient, suivant l'expression de l'illustre Bossuet, que l'histoire écrite *par avance*. En effet, ayant été accomplies, elles sont devenues pour nous des monuments qui, comparés avec les témoignages épars des auteurs profanes, répandent un grand jour sur le sort des nations et des villes les plus célèbres de l'antiquité“ (*Mémoires de littérature, tirés des registres de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres*. Paris, 1808, t. 48, p. 3).

Ср. Robert Ker Porter. Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia etc. London, 1822, vol. II, pp. 387—390: „But, while thus actually contemplating these savage tenants (two or three majestic lions), wandering amidst the towers of Babylon, and bedding themselves within the deep cavities of her once magnificent temple, I could not help reflecting on how faithfully the various prophecies had been fulfilled, which relate, in the Scriptures, to the utter fall of Babylon, and abandonment of the place; verifying, in fact, the very words of Isaiah,—„Wild beasts of the desert shall lie there; and the houses shall be full of doleful creatures: owls shall dwell there; and dragons shall cry in the pleasant places“.

³⁾ K. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 254—257: „Die babylonischen Bauwerke zerfallen in zwei Classen. Erstens ältere der einheimischen Dynastien. Dazu gehören die Anlagen der westlichen Seite, wo sich das alte Babylon mit unabsehbar langen sich rechtwinklich durchschneidenden Strassen ausbreitete, wo die ältere Königsburg noch in einer Anhöhe von Backsteinen erkennbar

Равнина Сеннаарская совершенно безлѣсна; горь также нѣтъ; а если, по необходимости, требовались камни, то ихъ привозили изъ Арменіи. Очевидно, что сама дальность разстоянія не позволяла вавилонянамъ воздвигать огромныя зданія изъ камней. Поэтому „долженствовало усовершенствоваться искусство обжигать глины“, для которыхъ матеріалъ былъ готовъ. Рѣка Исъ, имѣвшая асфальтовое дно, доставляла хорошій „цементъ“ ¹⁾. Сохранившіеся до нашихъ

ist, und wo auch der grosse Tempel des Baal, der Thurm zu Babel, lag, der in Birs Nimrod durch dessen Grösse und terrassenförmige Anlage mit Sicherheit erkannt wird. Zweitens die Werke der chaldäischen Fürsten (von 627 v. Chr.), besonders des Nabuchodonosor, welcher der alten Stadt im Westen des Euphrat eine neue, östlich vom Strome, zum Schutz dieser Seite hinzufügte, beide mit mehreren Befestigungslinien umgab, und besonders die Neustadt mit herrlichen Werken schmückte; unter denen eine Nachahmung eines persischen Berg-Paradises uns am genauesten bekannt ist“.

¹⁾ *K. O. Müller*. Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 254—257: „Die Babylonier, durch einen innern Trieb, wie andre Völker dieser Gegend, frühzeitig in grosse Massen zusammengedrängt, womit die Entwicklung einer strengen Monarchie zusammenhängt, und zugleich durch die Lage ihres niedrigen Flusslandes zu schützenden Baunternehmungen hingetrieben, unternahmen schon in uralten Zeiten grosse Werke; wozu ihnen weit weniger Holz (fast nur Palmstämme) und Stein (der weit aus Armenien kommen musste), als der feine Thon ihres Bodens das Material gab, aus welchem die trefflichsten Backsteine, für die innern Theile der Gebäude an der Sonne getrocknete, für die aussere gebrannte, verfertigt, und durch Asphalt (der von Is am Euphrat kam) und Gyps mit dazwischen liegenden Rohrlagen zu einer fest zusammenhängenden Masse vereinigt wurden. Leider hat aber auch diese Wahl des Materials, zumal da immer neue grosse Städte, namentlich das zur Vernichtung Babylons angelegte ungeheuere Seleucien, hier ihren Baustoff suchten, bewirkt, dass es bis jetzt noch unmöglich gewesen, aus den unförmlichen Trümmerhaufen die bestimmten Formen der babylonischen Architektur herauszuerkennen“.—*Cp. Heeren*. Ideen. Erster Theil, 2 Abtheilung, SS. 161—163: „So wie in einem ursprünglichen Steppenlande Hölzungen nicht zu erwarten sind, eben so gross pflegt dort der Mangel an Steinen zu seyn. Die Quadersteine, wenn man damit in Babylon baute, mussten daher alle aus den nördlichen Gegenden auf dem Euphrat hergeschafft werden. Dort waren Steinbrüche, aus denen auch die Mühlsteine nach Babylon gebracht wurden. Allein diesen Mangel an Baumaterialien hatte die Natur auf eine andre Weise ersetzt. Es fand sich bei Babylon ein unerschöpflicher Vorrath der besten Ziegelerde; die theils an der Sonne gedörrt, theils in Oefen gebrannt, eine Festigkeit und Dauerhaftigkeit erhielt, welche noch bis jetzt die Ueberbleibsel der alten Gemäuer, wenn sie auch seit vielen Jahrhunderten eingestürzt sind, dennoch vor der Verwitterung sicherte; und sogar die Inschriften auf ihnen, welche, eine andre Art von Keilschrift, in den neuesten Zeiten so sehr die Aufmerksamkeit auf sich gezogen haben, unverseht erhielt. Auch selbst den Mörtel hatte die Natur schon vorbereitet. Acht Tagereisen oberhalb Babylon fand sich ein kleiner Fluss Is, nebst einem Orte gleiches Namens, wo reiche Quellen von

дней обломки сооружений „всѣ изъ кирпичей, и цементъ ихъ“ „такъ твердь, что, при всѣхъ возможныхъ способахъ механическихъ и химическихъ, не могли ихъ разрушить“. — На западной сторонѣ Вавилона, на холмѣ находится „Бирсъ Нимврода“. Тамъ расположено святилище, „сохраняющее пирамидальную форму башни (столпа)“; оно состоитъ „изъ восьми террасъ, или этажей“, „имѣвшихъ назначеніе религиозное“; здѣсь помѣщался „серебряный (?) столъ, на который сходилъ богъ во время отдохновенія“. „Нѣкоторыя глыбы этихъ развалинъ закопчены, можетъ быть, при разрушеніи отъ огня небеснаго“¹⁾. — Кромѣ подобныхъ архитектурныхъ произведеній, у вавилонянъ были распространены живопись и валяніе. Пророкъ Даніилъ упоминаетъ о поставленномъ на полѣ Деировомъ золотомъ истуканѣ, „на служеніе которому созывались люди“ при звукахъ музыкальныхъ инструментовъ²⁾.

Naphtha oder Erdharz waren, welches man statt des Kalks gebrauchte. Es scheint keinem Zweifel unterworfen, dass diese Stadt keine andere als das Hit der Neuern sey; wo sich nach Herbelots Zeugniß selbst noch jetzt die Tradition erhalten hat. es sey mit diesem Erdharz einst Babylon gebaut. Man bediente sich desselben statt des Cements, indem man zugleich Lagen von Rohr oder Schilf, als eine andere Bildungsmaterie, dazwischen legte. Diese, bereits von Herodot beschriebene, Verfahrensart zeigen noch jetzt die Ruinen von Babylon“.

¹⁾ К. О. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 254—257: „Birs Nimrod, 1½ deutsche Meilen vom Euphrat, und doch nach Herodot und Diodor mitten in der Stadt. Unten ein ungeheures *ισόν*, welches aber nicht als zusammenhängendes Gebäude zu denken ist, 1200 Fuss im Quadrat, worin der T. des Baal mit der goldnen Bildsäule. Diesen schloss ein runder Thurm ein, der sich in 8 Terrassen erhob, unten 600 F. dick. Im obersten Stockwerke der heiligste T. ohne Bild; nur mit einem goldnen Tisch und Ruhebett für den Gott. Nach Herodot. 600 Fuss hoch nach Strabon“.

Claudius James Rich. Memoir on the ruins of Babylon. London, 1818, pp. 35—37: „The Birs Nemroud is a mound of an oblong figure, the total circumference of which is seven hundred and sixty-two yards“. „The fine burnt bricks of which it is built have inscriptions on them; and so admirable is the cement, which appears to be limemortar, that, though the layers are so close together that it is difficult to discern what substance is between them, it is nearly impossible to extract one of the bricks whole. The other parts of the summit of this hill are occupied by immense fragments of brick-work of no determinate figure, tumbled together and converted into solid vitrified masses, as if they had undergone the action of the fiercest fire, or been blown up with gunpowder, the layers of the bricks being perfectly discernible,—a curious fact, and one for which I am utterly incapable of accounting“. — Ср. *C. Niebuhr*. Reisebeschreibung nach Arabien und andern umliegenden Ländern. Zweiter Band, SS. 289—290.

²⁾ Библия. Книга пророка Даніила, глава третья: „Царь Новоходжосоръ сдѣ-

Вообще въ искусствахъ ассирійско-вавилонскихъ точно такъ же, какъ и въ финикійскихъ, „видно стремленіе къ уравниванию идеи и формы“. Но намѣченная художниками цѣль не была достигнута,—„символь у нихъ всегда затмевалъ, поглощалъ идею“: искусство отличалось крайнимъ „матеріализмомъ“, отсутствіемъ „идеальной чистоты“, а философія и религія были „слишкомъ чувственны“¹⁾.

VI. О еврейскихъ памятникахъ изящныхъ искусствъ.

„Провидѣнію угодно было избрать“ изъ среды восточныхъ племенъ „народъ еврейскій, и ему только оно предопредѣлило вполне проявить высокую“ идеальную чистоту „въ полномъ развитіи изящныхъ искусствъ“, которыя „совершенно самобытны“, чужды „матеріализма“. Не финикійяне или вавилоняне, но другая вѣтшняя „причина сообщила имъ характеръ духовный, возвышенный“. На народъ еврейскій надо „смотрѣть какъ на источникъ религій народовъ позднѣйшихъ“: христіанъ и магометанъ. Въ этомъ народѣ мы видимъ „прообразъ всего человѣчества“, которое онъ „представляетъ собою въ миниатюрѣ“; онъ—„идея міра“, и въ его художественныхъ твореніяхъ замѣтна аллегорія. Его вѣра—чиста: идея „не затемнялась никакими символами“. „Безъ сомнѣнія, и у евреевъ были вещи, вводившія у нихъ матеріалистическій фетишизмъ“: былъ изваянъ золотой телець²⁾, вѣроятно, по египетскому образцу. Но указанный фактъ—явленіе единичное. Особенная заповѣдь: „Не сотвори себѣ кумира“, исключала возможность пластики.

далъ золотой истуканъ, вышиною въ шестьдесятъ локтей, шириною въ шесть локтей; поставилъ его на похѣ Денрѣ, въ области Вавилонской“. „Тогда глашатай громко воскликнулъ: объявляется вамъ, народы, племена и языки! Въ то время, какъ услышите звукъ трубы, свирѣли, цитры, цѣвницы, гуслей и симфоніи, и всякихъ музыкальныхъ орудій, надите и поклонитесь золотому истукану, который поставилъ царь Навуходоносоръ.—Ср. Посланіе Іереміи, 4: „Теперь вы увидите въ Вавилонѣ боговъ серебряныхъ и золотыхъ и деревянныхъ, поснимыхъ на плечахъ, вшумающихъ страхъ язычникамъ“.

¹⁾ Журналъ лекцій: „Объ ассирійско-вавилонскихъ памятникахъ изящныхъ искусствъ“, составленный Михаиломъ Смирновымъ.

²⁾ Библия. Исходъ, глава 32: „Ааронъ сказалъ (Моисею): да не возгарается гнѣвъ господина моего; ты знаешь этотъ народъ, что онъ буйный. Они сказали мнѣ: сдѣлай намъ бога, который шелъ бы передъ нами, ибо съ Моисеемъ, съ этимъ человекомъ, который вывелъ насъ изъ земли египетской, не знаемъ, что сдѣлалось. И я сказалъ имъ: у кого есть золото, снимите съ себя; (они сняли) и отдала мнѣ; я бросилъ его въ огонь, и вышелъ этотъ телець“.

Лишь изображенія херувимовъ были допущены Моисеемъ при устройствѣ скинии ¹⁾. Изъ искусствъ образовательныхъ одна архитектура достигла извѣстнаго совершенства у евреевъ: „противъ нея не дѣйствовало“ запрещеніе „Законодателя“. Въ этой области евреи „чувственнымъ, но аллегорическимъ образомъ выражали истину идеи, не нарушая чистоты духовной религіи“. „Идея Божественнаго самодержавія“ была „основою всей ихъ жизни“. По закону Моисееву народъ составлялъ одно „политическое цѣлое“, „коего царемъ былъ Богъ Израилевъ“. „Единая идея предполагала и единство символа“; такимъ символомъ былъ храмъ,—и храмъ одинъ.

Этимъ храмомъ сначала была палатка, въ которой „находились символъ благосостоянія“ евреевъ — ковчегъ завѣта и скрижали. Палатка являлась „типомъ божественнаго святилища“ и заключала въ себѣ „зародышъ изящнѣйшаго“ творенія—храма Соломонова. Скинія дѣлилась на три части. Первая часть — „дворъ для молящихся“; вторая — „Святое“, гдѣ „левиты приносили жертвы очищенія“, и третья — отгороженное великолѣпною завѣсою „Святое святыхъ“, куда „входилъ одинъ разъ въ годъ первосвященникъ“. Расположеніе скинии было символическое и соответствовало религіознымъ понятіямъ. Въ отдѣленіи „Святое святыхъ“ „человѣкъ повергался съ благоговѣніемъ предъ Богомъ, живущимъ во мракѣ“. „Для непреступной тьмы было устроено мѣсто мрачное, которое освѣщалось присутствіемъ Божества — непреступнаго свѣта“ ²⁾.

Отдѣленіе „Святое“—„символическая страница изъ великой книги законовъ“—указывало на „всѣ важнѣйшія происшествія“ еврейской исторіи: здѣсь были поставлены: „столъ съ хлѣбами предложенія, что устроилъ Моисей въ знаменіе благодарности и покорности Господу“; „сѣдмосьвѣтничъ — свѣтильничъ благодати даровъ“; жезлъ Ааро-

¹⁾ Библия. Исходъ, главы 36—37: „И сдѣлали всѣ мудрыя сердцемъ, занимавшіеся работою скинии, десять покрывалъ изъ крученаго виссона и изъ голубой, пурпуровой и червленой шерсти; и херувимовъ сдѣлали на нихъ искусною работою“. „И сдѣлалъ (Веселіялъ) крышку (ковчегъ) изъ чистаго золота; длнна ея два локтя съ половиною, а ширина полтора локтя. И сдѣлалъ двухъ херувимовъ изъ золота; чеканной работы сдѣлалъ ихъ на обонхъ концахъ крышки“.

²⁾ Тамъ же. Третья книга царствъ, глава восьмая: „Когда священники вышли изъ святилища, облако наполнило домъ Господень. И не могли священники стоять на служеніи, по причинѣ облака, ибо слава Господня наполнила храмъ. Тогда сказалъ Соломонъ: Господь сказалъ, что онъ благоволяетъ обитать во мглѣ“.—Ср. Псалтирь, псаломъ 17: „И мракъ сдѣлалъ покровомъ своимъ, сѣнію вокругъ себя мракъ волъ, облаковъ воздушныхъ“.

новъ; сосудъ, „хранившій манну“ и т. д. „Совершенно матеріальное выраженіе храма—только въ третьей части—во дворѣ“¹⁾.

При Соломонѣ скинія была преобразована. Для выполненія своего намѣренія мудрый повелитель евреевъ обратился къ Хираму, царю тирскому, и, отмѣтивъ „необходимость содѣйствія въ осуществленіи“ „высокой мысли“, хлопоталъ о присылкѣ хорошихъ мастеровъ. И Хирамъ „послалъ ему художника Хирама, искуснаго въ рѣзбѣ древесной и въ изсѣченіи камней“²⁾. Тогда Соломонъ воздвигъ храмъ на „удивленіе всего свѣта“. Храмъ такъ же, какъ и скинія, состоялъ изъ трехъ частей; „въ давирѣ устроено святилище“. „Наружная галлерей“ доведена до трехъ этажей. „Храмъ былъ сложенъ“ изъ обтесаннаго камня: „ни молота, ни тесла, ни всякаго другого желѣзнаго орудія не было слышно“ во время сооруженія. „Внутреннія стѣны съ низу до верху подбиты“ кедровыми досками, а по кедру обложены золотомъ: весь давиръ тоже „покрытъ чистымъ кованнымъ золотомъ“. Въ давирѣ сдѣланы изъ масличнаго дерева „два колоссальныхъ херувима“. Одни крылья ихъ „касались стѣны“, а другіи на самой срединѣ храма соединялись: крыло одного съ крыломъ другого, и „образовали сѣнь надъ алтаремъ“, гдѣ помѣщенъ ковчегъ завета. Херувимы были обиты золотомъ; на всѣхъ стѣнахъ храма кругомъ вырѣзаны изображенія херувимовъ и пальмовыхъ деревьевъ; подобной же рѣзбой, крытой золотомъ, украшены двери; даже полъ былъ обложенъ золотомъ. Въ высотѣ „висѣли“ хоры, какъ „сѣти, сплетенныя изъ золотыхъ вѣтвей“, на подобіе пальмъ и иныхъ ра-

¹⁾ Библия. Исходъ, главы 35—40.

²⁾ Тамъ же. Третья книга царствъ, главы 5 и 7: „И послалъ Соломонъ къ Хираму сказать: „Итакъ прикажи нарубить для меня кедровъ съ Ливана; и вотъ рабы мои будутъ вмѣстѣ съ твоими рабами, и я буду давать тебѣ плату за рабовъ твоихъ, какую ты назначишь; ибо ты знаешь, что у насъ нѣтъ людей, которые умѣли бы рубить дерево такъ, какъ сидоняне“.—„И послалъ царь Соломонъ, и взялъ изъ Тира Хирама, сына одной вдовы изъ колѣна Нефоалимова. Отецъ его, тириницъ, былъ мѣдникъ; онъ владѣлъ способностью, искусствомъ и умѣньемъ выдѣлывать всякіи вещи изъ мѣди. И пришелъ онъ къ царю Соломону, и производилъ у него всякіи работы“. К. О. Мюллеръ говоритъ о финикійскомъ вліяніи на еврейскую архитектуру: „Ueberfall an der Bundeslade, der alten Stiftshütte und in dem Salomonischen Tempel, finden wir den für diese Völker charakteristischen Gebrauch wieder, Bretterwände oder das Getäfel an Steinwänden mit Goldblech zu überziehen. Auch Elfenbein zur Verzierung von Architektur-Theilen, wie zur Auszierung von Thronen und andern Geräthen, zu brauchen, war bei den syrischen Stämmen gewöhnlich“ (Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 260—261).

стеней. Два литые столба, по восемнадцати локтей вышиною и по двѣнадцати въ окружности, „подпирали хоры“, „имѣвшіе значеніе символическое“. Столбы получили имена: Іахинъ и Воазъ. „При всемъ богатствѣ и великолѣпнѣи архитектуры, храмъ былъ наполненъ драгоценнѣйшими сосудами и утварью“¹⁾. — Въ торжественные праздники еврейскаго народа подъ сводами величественнаго зданія раздавались величественныя пѣсни; онѣ сливались со звуками музыкальных инструментовъ; гармонично и стройно звучали сладкія мелодіи „дѣвъ тимпаниць“, общее ликованіе охватывало присутствующихъ,—и самъ царь совершалъ служеніе!²⁾.

Храмъ, исполненный глубокой поэзіи, казался „поэмой націи“. Здѣсь ни одинъ предметъ, отдѣльно взятый, „не могъ быть буквою“, передающею „смыслъ какую-либо истину въ великой книгѣ судебъ еврейскаго народа“; здѣсь нужно „было цѣлое въ огромныхъ размѣрахъ для полнаго аллегорическаго выраженія идеи таинственной религіи“. „Но требовалось изъясненіе сего дивнаго іероглифа, и вотъ явилось слово“, „возведенное на высочайшую степень поэзіи“, „раздробившееся на безчисленные отголоски“, которые „въ своихъ несмѣтно разнообразныхъ аккордахъ составляли“ чудный „гимнъ всего человѣчества“. Аллегорія, характерная черта еврейской поэзіи, „была въ зависимости отъ религіи“. „Цѣлью законодателя Моисея было показать чистое, истинное понятіе о Божествѣ“; такое понятіе могло быть прочувствовано, но не могло быть ясно выражено. Отсюда—иносказанія. Мощное „слово“ пророка было „прозрачнымъ символомъ“ „недосыгаемой“ истины³⁾.

¹⁾ Библия. Третья книга царствъ, главы 5—8.

²⁾ Музыка особенно процвѣтала у евреевъ въ періодъ царей. Давидъ „является поэтомъ при стадахъ отца своего“; тогда „еще гусли его бряцали славу Бога Израилева; тѣ же гусли потомъ рокотали въ домѣ Саула“.—Въ шестой главѣ второй книги царствъ читаемъ: „А Давидъ и всѣ сыны Израилевы играли предъ Господомъ на всякихъ музыкальныхъ орудіяхъ изъ кипарисоваго дерева, и на цитрахъ, и на псалтиряхъ, и на тимпанахъ, и на систрахъ, и на кимвалахъ“. Ср. первая книга царствъ, глава 10: „Послѣ того, ты (Саулъ) придешь на холмъ Божій, гдѣ охранный отрядъ филистимскій; и когда войдешь тамъ въ городъ, встрѣтишь сонмъ пророковъ, сходящихъ съ высоты, и предъ ними псалтирь и тимпанъ, и свирѣль и гусли, и они пророчествуютъ“.

³⁾ Журналъ лекцій: „Объ ассирійско-вавилонскихъ памятникахъ изящныхъ искусствъ“, составленный Михаиломъ Смирновымъ.

Бросая общій взглядъ на развитіе восточнаго искусства, изслѣдователь долженъ признать, что „многообразныя проявленія первобытнаго гениа“, большею частію, „ознаменованы печатію безмѣрнаго изумительнаго величія“. „Въ нихъ могущество творящаго духа какъ будто вступаетъ въ бой съ безпредѣльностью природы, усиливаясь наполнить ее собою. Они выходятъ изъ обыкновенныхъ границъ человѣческихъ дѣйствій. И потому изумленное потомство приучилось видѣть въ нихъ участіе высшей небесной силы. Ихъ созданіе приписывается исполнителямъ и волшебникамъ, даже безплотнымъ духамъ и божествамъ. Имена Висвакармы, Таута, Ифеста, съ конми соединяется происхожденіе искусствъ, окружены божественнымъ сіяніемъ. Тѣ художники, коихъ человѣчество запечатлѣло свидѣтельствомъ исторіи, по крайней мѣрѣ возвышены на миеологическіе пьедесталы, возведены въ званіе пророковъ и чудотворцевъ, близкихъ друзей и наперсниковъ божіихъ. Но сіе необычайное расширеніе гениа за предѣлы, полагаемые природою, безъ сомнѣнія, должно было истощать и подавлять само себя. Расточая необузданно свою безграничную полноту, оно не могло сообщать произведеніямъ своимъ того гармоническаго устройства, той архитектурическаго правильности, того изящнаго благоглѣша, изъ коихъ слагается эстетическое совершенство. Художественныя произведенія первобытныхъ временъ“ (за исключеніемъ произведеній еврейскихъ), „въ своемъ колоссальномъ величіи, были безобразны, уродливы, чудовищны. Жизнь, пролитая въ нихъ, не покоряясь естественнымъ пропорціямъ, выражалась насильственнымъ смѣшеніемъ разнородныхъ формъ, отвратительными гримасами искаженной фізіономіи, даже часто мертвымъ однообразіемъ совершеннаго безличія. Первобытное зодчество проявлялось колоссальными громадами, безъ образа и лица, прокапывая и гѣдра горъ мрачными вертепами или врѣзываясь въ облака безформонными шпицами обелисковъ и пирамидъ; первобытная пластика пзсѣкала безобразныя чудовища или воздвигала колоссальные группы безъ движенія, безъ фізіономіи, безъ жизни; первобытная поэзія раздавалась глухимъ ропотомъ дикой гармоніи, подобно тяжелымъ ударамъ циклоповъ. И пока продолжалась дѣтская простота человѣчества, сіе безобразіе виѣшнихъ формъ поглощалось религіознымъ благоговѣніемъ. Но съ охладѣніемъ младенческаго энтузіазма, гений первобытныхъ временъ созналъ противоестественную чрезмѣрность своихъ усилій: разочарованный, изнуренный, разслабленный, онъ отрекся отъ своихъ безуспѣшныхъ замысловъ, воздремалъ и опочилъ непробуднымъ сномъ на своихъ исполнскихъ

созданіяхъ. И, какъ бы въ отмщеніе за его прежнюю возмутительную дерзость, природа съ неумолимою яростію опрокинулась на сіи трупы, оставленные духомъ жизни, предала ихъ въ добычу разрушительнымъ стихіямъ, заткала погребальною пеленою мховъ и кустарниковъ, обрекла въ покоище дикимъ звѣрямъ и смертоноснымъ гадамъ. Въ продолженіе тысячелѣтій, она безжалостно гложетъ величественныя ихъ кости,—и никакая сила не воздвигнетъ ихъ! Весна жизни не бываетъ дважды: она прошла—и не возвратится! Теперь на развалинахъ первобытнаго младенчества, одряхлѣвшее потомство питается слабыми воспоминаніями минувшаго величія. Оно живетъ мелкими блестящими прежняго безпредѣльнаго энтузіазма, забавляясь воздушными очерками минаретовъ, живописными куполами мечетей, затѣвливой пестротой арабесковъ, радужными призраками Тысяча-одной-ночи!¹⁾

VII. *О греческихъ памятникахъ изящныхъ искусствъ.*

Въ то время, когда на востокѣ „младенчество рода человѣческаго цвѣло, не созрѣвая, въ скромномъ, тѣсномъ уголкѣ земнаго шара“ „приготовлялся новый возрастъ жизни, новый періодъ всемірной исторіи“; „человѣчество должно было сдѣлать великій, рѣшительный шагъ на пути къ совершенству“. Въ „благословенной странѣ Эллады“ „укрѣплявшаяся жизнь наслаждалась впервые самобытною возмужалого юношества“. „Природа щедро украсила“ этотъ край „своими прелестями, но не съ тою безмѣрною расточительностью, не въ томъ подавляющемъ обиліи и ослѣпительномъ блескѣ, какъ подъ знойнымъ небомъ тропиковъ. И какое-то неизъяснимое инстинктуальное влеченіе весьма рано созвало сюда разноплеменныхъ пришельцевъ, кои, изъ различныхъ странъ первобытнаго міра, принесли съ собою различныя стихіи младенческаго образованія, сліявшіяся, наконецъ, въ одно стройное, могущественное одушевленіе“. Разумѣется, прошли многіе годы, прежде чѣмъ „сей великій процессъ перерожденія совершился. Разнородныя стихіи, принесенныя съ утесовъ Тавра и береговъ Нила, даже занесенныя невѣдомыми путями изъ таинственной глубины Индіи, долго оставались въ хаотическомъ, нестройномъ броженіи, и потому Эллада, въ продолженіе“ нѣсколькихъ „вѣковъ, раздѣляла общую судьбу первобытнаго человѣчества“. „Тогда дѣйствія ея не отличались никакою печатью индивидуальности. Точно такъ же, какъ и

¹⁾ Ученія записки Императорскаго Московскаго университета, 1833, часть I, № 1.

вездѣ, мысль дремала подѣ игомъ суевѣрія; общественная жизнь управлялась вдохновеніями оракуловъ, выражалась чудесами боговъ и подвигами героевъ“. „Художественные опыты“, „коиими ознаменовалось младенчество эллиновъ“, отличались „дикимъ, гигантскимъ величіемъ“, „грубою чудовищною безобразностью“. „Архитектура громоздила глыбы на глыбы въ исполинскихъ зданіяхъ, присвоенныхъ циклопамъ, или нисходила подѣ землю мрачными излучинами лабиринта, приписываемаго отцу эллинскихъ образовательныхъ искусствъ“ Дедалу, имя котораго, по мнѣнію Беттигера, „есть нарицательное имя художника, отъ δαδάλειν—искусно работать“¹⁾. Пластива создавала или „безформенныхъ Ермесовъ“—„грубыя изваянія безъ рукъ и безъ ногъ“, „ставившіяся на площадяхъ и большихъ дорогахъ“, или—„исполинскія муміи“: „кумиръ эфесской Артемиды“, весьма похожій на египетскую Изиду и „даже обезображенный, по примѣру ея, множествомъ сосцовъ“, и „колоссальнаго амиклейскаго Аполлона“, металлическое туловище котораго „имѣло видъ колонны“²⁾. Зачатки пѣнія, „выражавшаго полную внутренняго одушевленія“, проявились „въ неистовомъ эвон вакхановъ“; „поэзія разливалась безбрежнымъ океаномъ нестройныхъ мѣловъ. Но сіе хаотическое броженіе творческой дѣятельности не должно было застыть и окаменѣть въ грубыхъ напряженіяхъ Дедалидовъ“: Дифа, Река и Скиллиса, соорудившихъ, по преданію, „храмъ самосской Иры“ и „эфесскій Артемизіонъ“³⁾. „Стѣсненіе разныхъ эллинскихъ племенъ въ скуд-

¹⁾ C. A. Böttiger. Andeutungen zu vier und zwanzig Vorträgen über die Archäologie. Dresden, 1806, S. 48: „Dädalus, so viel als ein Kunstmann, ist ein Gemeinname aller ersten Architekten, Metallurgen und Bildschnitzer in der griechischen Vorwelt. Diodor (IV, 76—78) hat aus alten Dädalusfabeln einen eigenen Cyclus gebildet, aus dem noch manche Spur der frühesten Kunstbestrebungen entwickelt werden könnte. Man setzt ihn 3 Menschenalter vor dem troianischen Krieg, also Zeitgenosse des Minos. Daher tritt er in den cretensischen Fabel-Cyclus. Aus phönizischen Bergwerken und Stollengängen entsteht dort der Labyrinth der später wohl auch zu Priestergaukeleien und Pagodendienst gebraucht wurde“.

²⁾ K. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 43—44: „Um das Zeichen in nähere Beziehung zur Gottheit zu setzen, fügt man einzelne besonders bezeichnende Theile hinzu, Köpfe, Arme welche die Attribute halten, Phallen bei den erzeugenden Gottheiten. Hierdurch entstand die Herme, welche sehr lange Zeit das Hauptwerk der Sculptur in Stein blieb. So bildete sich die Erzsäule des Amykläischen Apoll mit behelmtem Kopf und bewaffneten Händen“.

³⁾ C. A. Böttiger. Andeutungen, SS. 50—53: „Aus Creta kommen Diponeus und Scyllis, Schüler des Daedalus. Ueberall ist die Kunst erblich. Es giebt Daedaliden, so wie es Asclepiaden und Homeriden gab“. „Zwei Tempel fallen in diesen

номъ пространствѣ небольшого полуострова, подавая поводъ къ безпрестаннымъ столкновениямъ, движеніямъ и переворотамъ, поддерживало въ нихъ непрерывное кровообращеніе жизни“, „крѣпило ихъ силы“. „Переселенія въ чужіе дальніе края, вынуждаемая сею тѣсною, естественно должны были расширить ихъ умственный кругозоръ, приучить къ наблюденію, обогатить опытами, приготовить къ стройному систематическому развитію мыслей. Междоусобія, питаемая тѣмъ же столкновениемъ нуждъ и интересовъ, были школою жизни общественной, вынуждая къ изслѣдованію пружинъ гражданскаго устройства, воспитывая практическую мудрость, узаконяя политическую гармонию дѣйствій. Такимъ образомъ, въ Элладѣ родилось систематическое знаніе и стройная гражданственность“, — „жизнь просвѣтилась“. Искусства, до сихъ поръ „медленно зрѣвшія къ совершенству“, „подъ благодатными лучами просвѣщенія, развернулись вдругъ великолѣпными плодами, ознаменованными печатію роскошнаго изящества. Сія блистательная эпоха искусствъ, увѣковѣчившая славу Эллады, началась вмѣстѣ съ знаменитою персидскою войною; но ея полное развитіе занимаетъ собою позднѣйшій періодъ, простирающійся между Перикломъ и Александромъ, золотой вѣкъ эллинскаго просвѣщенія, торжество умственнаго образованія и гражданской дѣятельности, періодъ Сократовъ и Платоновъ, Алкивиадовъ и Эпаминоновъ“. „Изящныя произведенія древняго греческаго генія“ отличались „опредѣленнымъ единствомъ идей и формъ, ощутительно указывающимъ на одинъ положительный первообразъ изящества, въ нихъ выражавшійся“; они „обнаруживали добровольное самообузданіе, подчиняющее всѣ свои движенія разочтенной мѣрѣ, укладывающееся въ ограниченныя пропорціи, соображающееся съ опредѣленнымъ типомъ совершенства. Отсюда нѣтъ художественная, классическая доконченность¹⁾. И сей опредѣленный типъ совершенства, сей положитель-

Zeitraum, an welchen sich die griechische Kunst am meisten verherrlichte. I. Das Heräum oder der uralte Tempel der Here, der Juno zu Samos, den Herodot für den grössten erklärt, den er gesehen habe (III, 60)... Man muss übrigens eine samische Künstlerfamilie annehmen, Rhöcus und dessen zwei Söhne, Telecles und Theodorus. Letzterer ist noch berühmter als Rhöcus und wird vom Plato im Ion mit dem Dacdalus und Epeus zugleich angeführt. II. Das Artemision zu Ephesus.

¹⁾ *Winckelmann*. Werke. Dresden, 1811. Vierter Band, S. 164: „Nach der allgemeinen Betrachtung der Schönheit ist zum ersten von der Proportion, und zum zweiten von der Schönheit einzelner Theile des menschlichen Körpers, zu reden. Die Schönheit kann zwar ohne Proportion nicht gedacht werden, und diese ist der Grund von jener; da aber einzelne Theile des menschlichen Körpers schön gebildet

ный первообразъ изящества, очевидно, составляла для нихъ внѣшняя, матеріальная сторона бытія, чувственная гармонія физической жизни“. „Первое юношеское торжество человѣческой самобытности“, „по естественному порядку вещей“, „должно было обнаружиться устремленіемъ всѣхъ силъ къ наслажденію роскошнымъ богатствомъ внѣшней матеріальной природы, въ нѣдрахъ коей зачинается, растетъ и процвѣтаетъ человѣческое младенчество. Сіе юношеское направленіе отразилось ощутительно во всѣхъ дѣйствіяхъ древнихъ эллиновъ. Ихъ мыслительность, даже въ выпрєннихъ идеяхъ платонической философіи, оставалась прикованною къ внѣшней, матеріальной сторонѣ бытія; ихъ общественное устройство, въ самыхъ художественнѣйшихъ формахъ“, „ограничивалось соглашеніемъ низшихъ, физическихъ потребностей жизни“. Искусства „сдѣлались выраженіями одушевленія, исключительно любующагося зримой красотой вещественнаго міра. И отсюда ихъ стройная соразмѣрность, свѣтлое благообразіе, изящная прелесть ¹⁾! Еще задолго до полнаго развитія эллинской жизни, въ безсмертномъ эпосѣ таинственнаго слѣнца предобразилось во всей полнотѣ сіе направленіе“. „Иліада“—„торжественнѣйшій образецъ поэтического просвѣтленія жизни, въ изящныхъ пропорціяхъ и формахъ, отлитыхъ по великолѣпному типу физической красоты. Это алмазная капля свѣжей утренней росы, въ коей лучезарный образъ внѣшней, матеріальной природы отразился всѣми своими лучами. И потому весь блистательный міръ греческихъ искусствъ.“ „былъ развитіемъ и продолженіемъ“ „Иліады“, „собранный изъ рапсодій въ одно цѣлое“ во времена Пизистрата, когда наступала знаменитая эпоха въ исторіи греческаго художественнаго творчества. „Великолѣпный Олимпъ“ „Иліады“, „идеаль эстетическаго апогеоза вещественной природы, воплощался въ чудныхъ созданіяхъ могучаго рѣзца и волшебной кисти; ея смертные и безсмертные герои, представители поэтическаго просвѣтленія физическихъ силъ, славословились звучными струнами

seyn können, ohne schönes Verhältniss der ganzen Figur, so kann man füglich über die Proportion, als über einen abgesonderten Begriff und ausser dem Geistigen der Schönheit, besondere Bemerkungen machen, die ich nebst einigen Gedanken von der Gratie an die Zusätze von der Schönheit überhaupt hier anhänge“.

¹⁾ *Winkelmann*. Werke. Vierter Band, SS. 4 — 7: „Der Einfluss des Himmels muss den Saamen beleben, aus welchem die Kunst soll getrieben werden, und zu diesem Saamen war Griechenland der ausserwählte Boden“. „Die Griechen erkannten und priesen den glücklichen Himmel“. „Dieser Himmel war der Quell der Fröhlichkeit in diesem Lande, und diese erfand Feste und Spiele, und beide gaben der Kunst Nahrung“.

лирь, возвышались на трагическій котурнь въ изящныхъ зрѣлищахъ; ея художественная, архитектуроническая стройность, свѣтлый образъ прекраснаго храма зримой вселенной, обрисовывалась прелестными пропорціями зодчества. Это не значитъ, чтобы въ произведеніяхъ греческаго гения не участвовала совершенно духовная сторона бытія, исключалось всякое вліяніе высшаго незримаго міра идей: только сіе вліяніе поглощалось лучезарнымъ блескомъ матеріальныхъ формъ; незримый духъ исчезалъ въ ослѣпительномъ сіяніи преображеннаго вещества. И чѣмъ самобытіе, чѣмъ полие, чѣмъ отрѣшеніе и чище развивалось творческое одушевленіе древнихъ грековъ, тѣмъ ощутительнѣе выражалось „торжество матеріи надъ духомъ, формъ надъ идеями“. Стремленіе къ „матеріальному“ благообразію „вышней природы“ сказалось на памятникахъ эгинской школы, основателемъ которой „считается Смиллисъ, современникъ будто бы Дедала“¹⁾. Дальнѣйшая „исторія постепеннаго развитія идеала физической красоты въ созданіяхъ греческой пластики“ весьма интересна. „Суровый ликъ первобытной Экаты“ „смягчался мало-по-малу въ величественныхъ фізіономіяхъ дорической Иры и аттической Паллады“: первое изваяніе, сдѣланное Поликлетомъ для Аргоса, представляло важную матрону и послужило „первообразомъ для статуй римскихъ императрицъ и весталокъ“²⁾; второе, работы Фидія, предназначавшееся для Парѣнона, являлось „типомъ жены воинственной (virago)“³⁾. Наконецъ, „въ прелестномъ символѣ Афро-

¹⁾ *Winckelmann*. Werke. Dresden, 1815. Sechster Band, S. 13: „Wenn man auf das Alter der Aeginetischen Schule von dem berühmten Smillis, aus dieser Insel, schliessen dürfte, so würde sie ihre Stiftung von den Zeiten des Dädalus herführen. Dass sich aber schon in ganz alten Zeiten eine Schule der Kunst in dieser Insel angefangen habe, bezeugen die Nachrichten von so vielen alten Statuen in Griechenland, die im Aeginetischen Style gearbeitet waren“.

²⁾ *C. A. Böttiger*. Andeutungen, SS. 122, 127—128: „Der alte Junotempel zu Argos war durch die Unvorsichtigkeit der Hohenpriesterin Chrysis zu Anfang des peloponnesischen Kriegs abgebrannt (Thucyd. IV, 133. Pausan. II, 17). Der Argiver Eupolemus bauete ihn prächtiger wieder auf. Für diesen Tempel verfertigte Polyklet eine sitzende colossale Here, auch in Elfenbein und Gold, und trat dadurch mit dem Phidias selbst in unmittelbaren Wettstreit“. „Bekanntlich liessen sich die römischen Kaiserinnen in einem höhern Alter gern als Junonen idealisiren“.

³⁾ Тамъ же, 82, 84: „Die Mämin (Virago). Ideal der Pallas Minerva, die Krieg- und Kunstübende ewige Jungfrau. Sie hat keine Mutter und ist selbst nie Mutter, der verkörperte Schreckgedanke ihres Vaters in der frühern, die Schützgöttin jungfräulicher Zucht und athenischer Humanität in der spätern Zeit“.—*K. O. Müller*. Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 91—93: „Er selbst (Phidias) arbeitet besonders die aus Gold und Elfenbein zusammengesetzten Colossalstatuen, zu deren

диты—Анадиомены“ Праксителя „апоеозъ чувственной красоты формы“ уничтожилъ „всякое выраженіе духовной, идеальной жизни“. „Та же самая послѣдовательность замѣчается въ историческомъ развитіи идеала физическаго могущества, составлявшаго другую любимую тему греческаго гения. Идеальное величіе Олимпійскаго Зевеса, еще запечатлѣнное суровостью первобытныхъ временъ, сглаживалось постепенно въ атлетическихъ типахъ Ермія и Иракла“, надъ которыми трудились Поликлетъ и Миронъ, старавшіеся дать „образцы“ юношеской крѣпости, развитой гимнастическими упражненіями, и въ другихъ статуяхъ: Диадумена, Дорифора и Дисковула¹⁾. Но „совершеннѣйшее

vollkommenerer Ausführung eine beispiellose Freigebigkeit der Staaten und eine erweiterte Technik sich die Hand boten“. „Zu diesen gehört unter andern das sechs und zwanzig griechische Ellen hohe Standbild der Pallas Parthenos, welches als ein Bild einer gerüsteten, aber siegreichen, in ruhiger Majestät herrschenden Gottheit gedacht war“.

¹⁾ C. A. Böttiger. Andeutungen, S. 116: „In Polyklets gymnastischen Kreis gehören die Knaben auf dem Relief im *Pio-Clementino* (t. V, tav. 37).—Bei diesen Studien des Meisters lässt sich's gleichsam in voraus berechnen, dass er auch den Gott, in welchem das athenische Alterthum den wahren Repräsentanten aller seiner Jünglings- und Ephebenfiguren bildete und verehrte, den Mercur selbst mit allen Schönheiten eines durch die von ihm selbst erfundene Gymnastik ausgearbeiteten und geschmeidigten Jugendkörpers ausgeschmückt haben werde“. — Тамъ же, 142: „Besonders war Hercules (Myrons) sowohl in der gewaltigen Musculatur und dem gediegenen Gliederbau, als in den Mitteln dazu zu gelangen, das höchste Vorbild aller Athleten“.

K. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 99—100: „Neben dieser Attischen Schule erhebt sich auch die Sikyonisch-argivische durch den grossen Polykleitos zu ihrem Gipfel... Dagegen schwang sich durch ihn die im Peloponnes vorwaltende Kunst, Erzstatuen von Athleten zu bilden, zur vollkommensten Darstellung schöner gymnastischer Figuren empor, an denen zwar keineswegs ein eigenthümlicher Charakter vermisst wurde, aber doch die Darstellung der reinsten Formen und ebenmässigsten Verhältnisse des jugendlichen Leibes die Hauptsache war. Daher eine seiner Statuen, der Doryphoras, es sei nun nach der Absicht des Künstlers oder durch das Urtheil der Nachwelt, ein Kanon der Proportionen des menschlichen Körpers wurde, welche im Allgemeinen damals noch kürzer und stämmiger waren als später [Diadumenum fecit molliter puerum (Statue aus Villa Farnese, *Winckelmann*. W. B. VI. Tf. 2). — Doryphorum viriliter puerum-destringentem se, et nudum talo incessentem (?), duosque pueros item nudos talis ludentes (ἀστραγάλιστραις) Plin. Sillig. C. A. p. 364 sqq.].—Тамъ же, 101—102: „Noch körperlicher äussert sich die Kunst in Myron dem Eleuthereer, den seine Individualität besonders dahin führte, Kräftiges Naturleben in der ausgedehntesten Mannigfaltigkeit der Erscheinungen mit der grössten Wahrheit und Naivetät aufzufassen (primus hic multiplicasse veritatem videtur)“. „Sein Diskobol, der im Moment des Abschleuderns aufgefasst war, und

просвѣтленіе физическихъ силъ“ замѣтно въ образѣ пивійскаго Аполлона—твореніи Пивагора Регіумскаго. „Такимъ образомъ, высочайшій зенитъ греческаго искусства обнаружился стремленіемъ къ безусловному выраженію матеріальнаго изящества внѣшней природы. Его послѣднимъ, заключительнымъ плодомъ былъ идеаль Вакха, идеаль чистѣйшаго упоенія блаженной полнотой физической жизни“. Выразителю этого идеала Праксителю принадлежитъ изображеніе Эроса въ видѣ „преlestнаго юноши“: „одухотвореніе“ любви „подъ чертами младенческой невинности было неизвѣстно древнимъ грекамъ; оно принадлежитъ христіанству“¹⁾. „Дѣвственная свѣжесть и энергія неистощимаго могущества“, свойственныя „юному гению“ Эллады, позволяли проявлять пристрастіе къ матеріальному въ „непорочныхъ формахъ цѣломудреннаго изящества. Но, съ приближеніемъ къ апогею своего развитія, по естественному слѣдствію избытка силъ, онъ предался необузданно своему влеченію, опрокинулся въ крайность. И тогда въ его произведеніяхъ чувственная красота внѣшней природы разоблачилась до сладострастной нескромности, свободная игра физической жизни разметалась соблазнительнымъ неистовствомъ. Уже Пракситель совокль цѣломудренный покровъ съ Афродиты“, извѣстной подъ име-

durch zahlreiche Nachbildungen seinen Ruhm beweist“, „ging aus dieser Richtung hervor“. „Von mythischen Gestalten sagte ihm besonders Heracles zu, den er nebst der Athena und dem Zeus in einer colossalen Gruppe mit Samos bildete“.

¹⁾ C. A. Böttiger. Andeutungen, SS. 162—163: „Ideal des Bacchus. Stufenfolge von bärtigen indischen Bacchus und Hebon bis zum zarten Jünglings-spross der griechischen Kunst. Weichheit ohne weibische Weichlichkeit, die nur den Ganymeden, Antinoen und Hermaphroditen gehört, ist doch in allen Abstufungen charakteristisch. Es ist die personificirte, ewige Fröhlichkeit im siegreichen Göttersohne, die vergötterte Ruhe nach bezwungener Roheit in der holdesten Jünglingsgestalt, die gleichsam zwischen den Knaben und Mädchen die Mitte hält, das würdevollste *far niente* im Spiel mit den scherzenden Umgebungen. Aber der wahre Triumph der Kunst in ihr liegt im Contrast mit den Umgebungen“.—Тамъ же, 167: „Ideal des Eros oder Amor. Die alten Künstler des hohen und schönen Stils bildeten fast gar keine Kinder. Die wahre Kinderbildung konnte erst im christlichen Kunstkreis statt finden. Da wetteiferten Fiamingo und Algardi mit Michel Angelo. Darum war auch der Eros der Alten kein Kind, sondern ein zum Jüngling reifender Knabe. Wir haben nur Amorinos, die Alten hatten Amors“.

K. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 108 — 109: „Auch Praxiteles arbeitete besonders in Marmor, und that sich selbst am meisten in Gegenständen aus dem Cyclus des Dionysos, der Aphrodite, des Eros genug. In den zahlreichen Figuren, die er aus dem ersten Kreise bildete, war der Ausdruck Bacchischer Schwärmerei und Schalkheit mit der höchsten Anmuth und Lieblichkeit vereinbart“

немъ Книдской: въ противоположность Афродитѣ Косской, „одрапированной съ пояса до ногъ“, она, „вся нагая“, „погружается въ мраморный бассейнъ“, „держа въ лѣвой рукѣ сброшенное покрывало“ ¹⁾. А полное „торжество сладострастія надъ скромностью“ олицетворено въ „изваянной для Фрины“ группѣ, гдѣ „печальная матрона“ проливаетъ горькія слезы передъ „гетерой, сіяющей прелестями и радостью“ ²⁾. „Съ этихъ поръ творческій гений началъ болѣе и болѣе

¹⁾ C. A. Böttiger. *Andeutungen*, SS. 169—171: „Noch immer waren alle Venusbilder bekleidet vorgestellt worden. Praxiteles wagte es zuerst sie ganz zu entkleiden und vollendete dadurch das neuere Ideal der Venus. Grossen Einfluss hatten darauf zwei berühmte Hetären, die Gratina und Phryne, die beide dem Praxiteles zu diesem Behuf ihre geheimsten Reize geoffenbart haben sollen“. „Vor allen berühmte sind seine zwei Venusbilder, die zu Cos und die zu Knidos; welche aber keineswegs ganz übereinstimmten. Man sieht, der Künstler wagte es selbst nur schrittweise, eine ganz nackte Venus-statue aufzustellen. Er machte also eine von unten zu bis an die Hüften verhüllte und eine ganz entblösste Göttin, die eben aus dem Bade oder Meere hervorgestiegen ist“.

K. O. Müller. *Handbuch der Archäologie der Kunst*, SS. 108—109: „Praxiteles war es, der in mehreren Musterbildern des Eros die vollendete Schönheit des Knabenalters darstellte, welches den Griechen grade das reizendste schien; der in der enthüllten Aphrodite die höchste sinnliche Reizfülle mit einem geistigen Ausdrucke vereinigte, in dem die Liebe von der sanftesten, heitersten Seite, ganz ohne Beimischung irgend eines verschiedenartigen und störenden Elements, es sei nun das Bewusstsein göttlicher Würde und Erhabenheit, oder niedrige und heftige Begierde, aufgefasst erschien. Doch konnten diese herrlichen Werke erst aus einer Gemüthsstimmung hervorgehn, in welcher die sinnlich reizende Erscheinung an der Stelle der höhern Gewalt, von der jene allein ihren Reiz hat, vergöttert wurde. Dazu wirkte das Leben mit den Hetären; manche unter diesen ganz Griechenland mit ihrem Ruhme erfüllenden Buhlerinnen erschien dem Bildner wirklich, und nicht ohne Grund, als eine in die Erscheinung getretene Aphrodite“. — Тамъ же, 110: „*Aphrodite*. a) Von Kos, (die bestellte) *velata specie*, ganz bekleidet (Plin. XXXIV, 4, 5). b) Von Knidos, gekauft, beim Tempel der *Ἐκπλαία*, in einer besondern *aedicula quae tota apositur* nach Plin, einem *νεῶς ἀμφίβυρος* nach Lukian *Amor*. 14. *περισκέπτω ἐν γῶφῃ* Anthol. Pal. App. T. II, p. 674. Plan. IV, 160, aufgestellt, später nach Kedreos in Byzanz. Aus Parischem Marmor: *Ἀσσηρότι γέλωτι μικρὸν ὑπομαιδιώσα (ὀφρύων το εὐγραμμον καὶ τῶν ὀφθαλμῶν τὸ ὕψος ἅμα τῷ φαιδρῷ καὶ κεχαρισμένῃ)*. Πάν δὲ τὸ κάλλος αὐτῆς ἀκάλυπτον, οὐδεμίᾳ ἐσθῆτος ἀμπεγούσης, γεγύμνωται, πλην ὅσα τῇ ἑτέρᾳ χειρὶ τὴν αἰδῶ λαληθῶτως ἐπικρύπτειν. — Τῶν δὲ τοῖς ἰσχυρίοις ἐνεσφραγισμένων ἕξ ἑκατέρων τύπων οὐκ ἂν εἴποι τις ὡς ἡδὺς ὁ γέλως. Μηροῦ τε καὶ κνήμης ἐπ' εὐθὺ ταταμένης; ἄξιον ποδοῦ ἠρπυζομένοι ῥυθμοί. Lukian *Amor*. 14. *Imag*. 6“.

²⁾ C. A. Böttiger. *Andeutungen*, SS. 175—176: „Allein es gnüge hier nur noch an der Bemerkung, dass wenn man jedem der grossen Meister, die bisher abgehauelt wurden, ihren eigenen Kreis zutheilte, der des Praxiteles kein anderer seyn kann, als der Hetärenkreis, der Kreis freier Weiber und Mädchen, welcher mit der

терять свою стыдливость, унижаясь до оскорбительной наглости въ соблазнительныхъ изваяніяхъ вакханокъ и нимфъ, сатировъ и гермафродитовъ. Это было зловѣщимъ предвѣстіемъ для изящныхъ искусствъ. Они уклонились отъ своего, хотя ограниченнаго, но тѣмъ не менѣе высокаго, божественнаго первообраза; упустили изъ виду великолѣпный идеалъ свой, потерявшись въ подробности индивидуальныхъ формъ“. Лизиппъ первый низвелъ искусство въ область прозаической дѣятельности: „имъ изваянь Александръ во всѣхъ эпохахъ своей жизни, съ удивительнымъ сходствомъ“¹⁾. „Творческая дѣятельность съ вы-

allgemeinen Sittenauflösung im damaligen Griechenland völlig im Einklang steht. Das ausdrucksvollste und freche in dieser Art war wohl seine Gruppe in Bronze einer weinenden Matrone und lachenden Buhlerin. „matronae flentis et meretricis ridentis“ (Plin XXXIV, 19, 10). Er bezahlte damit, wie Plinius dort hinzusetzt, seiner Phryne eine Schäferstunde. Man kann sich leicht vorstellen, warum der Künstler diesen Contrast (*κλαυσηγέλωκ*) aufstellte, indem er dadurch den Jammer des Ehestandes mit den Reizen der ungefesselten Lust aufs sinnlichste vergleichen wollte“.

K. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 110—111: „Er bildet nach Plinius *signa flentis matronae et meretricis gaudentis* (der Phryne): ein Gegensatz, der ganz aus dem attischen Leben gegriffen war“.

¹⁾ C. A. Böttiger. Andeutungen, SS. 183, 188, 190—191: „Lysipp aus Sicyon, ursprünglich bloss zum Kupferschmidt bestimmt und wahrscheinlich ein Autodidactos, trat auf, und so wie Praxiteles sich mehr den Phidias zum Vorbild genommen hatte, so war Lysipps Muster Polycleto“. — „Seine idealisirenden Grundsätze, nach welchen er die Menschen machte, nicht wie sie sind, sondern wie sie ihm erschienen, „non quales essent, sed quales viderentur esse“, übte er nicht nur an seinen Zeitgenossen, sondern auch an Personen früherer Zeit“. — „Die Art, wie er der fehlerhaften Angewöhnung, nach welcher *Alexander* den Kopf immer auf die rechte Schulter bog, die sublimste Deutung der den Zeus auffordernden oder ihn zur Theilung der Welt einladenden Mine gab, bewies einen Künstler, der die Veredlung zum Ideal als Meister versteht“. — „Lysipp bildete seinen Helden in jeder Epoche seines Lebens („a pueritia eius orsus“, Plin.) und in allen Situationen, auf Quadrigen, reitend, kämpfend, jagend, thronend, stehend. So ziemt es einem grossen Portraitisten!“

K. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 112—113: „Die Athletenbilder nahmen die Künstler (Euphranor und Lysippos) jetzt nicht mehr so wie früher in Anspruch, obgleich auch sechs Statuen der Art als Werke des unglaublich thätigen Lysippos angeführt werden; dagegen waren es besonders idealisirte Porträte mächtiger Fürsten, welche die Zeit forderte; diese Bildungen und die Gestalten der Heroen beschäftigten die genannten Künstler am meisten, ob zwar beide auch herrliche Götterbilder aufstellten“. — „In der Gestalt des Alexander wusste Lysippos selbst den Fehlern Ausdruck zu verleihen, und, wie Plutarch sagt, allein das Weiche in der Haltung des Nackens und den Augen mit dem Mannhaften und Löwenartigen, was in Alexanders Mienen lag, gehörig zu verschmelzen; seine Bilder waren im höchsten Grade lebensvoll und gestreich gedacht“. — Тамъ же, 113: „Lysipp fecit et Alexand-

соты Олимпа сошла на землю; ея предметами сдѣлались дѣйствительныя существа; она стала раздражательницею опредѣленныхъ явленій вещественной природы, а не соревновательницею безпредѣльной ея жизни. Тогда храмъ раздробился на портики; кумиры превратились въ бюсты; поэзія рассыпалась мелкою антологическою пылью, — гоній позналъ свой западъ!“ „Изящная отдѣлка формъ, оставшаяся, по преданію, наслѣдіемъ Греціи, таила подъ собою внутреннее оскудѣніе творческой энергіи“. „Скоро оказались покушенія возвратиться къ древнему колоссальному величію, дабы скрыть пустоту обмелѣвшей жизни,—но то было поздно, не во время“¹⁾.

VIII. Объ этрускіихъ памятникахъ изящныхъ искусствъ.

Въ сѣверной Италіи „около времени основанія Рима“, жили этруски — народъ, происхожденіе котораго не выяснено изслѣдователями древностей, но который, несомнѣнно, „имѣлъ близкія сношенія“ съ греками²⁾. Еще въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Х. „коринфянинъ Демарать переселился въ Этрурію со многими художниками“; отсюда понятно, почему этрускія произведенія изящныхъ искусствъ украшены изображеніями, „заимствованными изъ греческой миеологии“³⁾. Всѣ оставшіеся памятники относятся къ области зодчества, ваянія, живописи.

rum Magnum multis operibus a pueritia eius orsus. Idem fecit Hephaestionem — Alexandri venationem — turmam Alexandri, in qua amicorum eius (ἐταίρων) imagines summa omnium similitudine expressit (Alexander, umher 25 Hetäroi, die am Graukos gefallen, 9 Krieger zu Fuss) Plin. Vgl. Vellej. Paterc. I. 11, 3; Arrian. I, 16, 7; Plut. Alex. 16 — Fecit et quadrigas multorum generum. Alexanders Edikt Sillig G. A. p. 66, № 24“.

¹⁾ *Ученія записки Императорскаго Московскаго университета*, 1833, ч. 1, № 2, стр. 236—253.

²⁾ *K. O. Müller*. Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 150—152: „Dagegen verbreiten sich in Norditalien bis zur Tiber hinab die Etrusker oder Rasener, ein Stamm, der dem Zeugnisse der Sprache nach ursprünglich dem griechischen sehr fremd war, aber dessenungeachtet mehr wie irgend ein anderer ungrichischer in diesen früheren Zeiten, von hellenischer Bildung und Kunst angenommen hat“. „Doch empfingen die Etrusker auch sehr viel Hellenisches durch den Verkehr mit den unteritalischen Colonien, besonders als sie sich selbst in Vulturnum (Capua) und Nola niedergelassen hatten; so wie hernach durch den Handel mit Phokäa und Korinth“.

³⁾ *D. Raoul-Rochette*. Cours d'archéologie. Paris, 1828, pp. 100—101: „La série entière des monuments étrusques, telle qu'elle existe aujourd'hui pour nous, se compose de sujets grecs, c'est-à-dire de sujets appartenant soit à la mythologie,

Памятники водчества „наполняли собою весь Римъ“, гдѣ всѣ лучшія зданія, къ которымъ „принадлежитъ и основаніе храма Юпитера Капитолійскаго, всѣ знаменитые водопроводы и стоки“, были этрусской работы. Подобныя постройки, дошедшія до насъ въ развалинахъ, „разсѣяны по многимъ мѣстамъ Италіи“¹⁾. Кромѣ город-

soit à l'histoire grecques“.—Тамъ же, 103—104: „Mais le fait capital, celui dont on ne peut ni révoquer l'authenticité, ni éluder la conséquence, c'est l'émigration du corinthien Démarate, qui vint s'établir en Etrurie avec toute une colonie d'artistes, dans le second siècle de Rome, environ 664 ans avant notre ère. Les noms donnés par Pline aux principaux de ces artistes, Euchir et Eugrammus, peuvent être, comme on l'a soutenu avec plus ou moins de raison, des noms génériques, comme ils sont certainement significatifs; mais cela ne change rien à l'autorité du fait. Il n'en est pas moins constant que Démarate, en s'établissant dans la ville étrusque nommée depuis Tarquinie, y établit avec lui une école d'artistes grecs; que cette semence des arts de la Grèce, portée sur un sol déjà préparé sans doute à la recevoir, s'y développa rapidement; que, plus tard enfin, le fils de ce même Démarate, devenu roi de Rome sous le nom de Tarquin, y fit régner avec lui ces arts de l'Etrurie importés par des mains grecques“.

Winckelmann. Werke. Dresden, 1809. Dritter Band, SS. 167—168: „Dass diese neuen Kolonien diejenigen gewesen, welche in Hetrurien ihre Art mit griechischen Buchstaben zu schreiben, nebst ihrer Mythologie, eingeführt, und den unwissenden ursprünglichen Hetruriern ihre Geschichte bis zu Ende des Trojanischen Krieges beigebracht, und dass dadurch die Künste in diesem Lande zu blühen angefangen ist, nach meiner Meinung, offenbar aus den hetrurischen Werken, die, wo nicht alle, dennoch die mehresten, eben dieselbe Mythologie und die ältesten Begebenheiten der Griechen vorstellen“.

¹⁾ *D. Raoul-Rochette*. Cours d'archéologie, pp. 108—109: „Il est certain qu'il dut exister dans l'antiquité un grand nombre de monuments de l'art étrusque. Rome en fut ornée dans son berceau même; ce fut un Toscan, nommé Veturius Mamurius, qui fabriqua les boucliers anciles du temple de Numa, et qui fit en bronze la statue de Vertumne, dieu Toscan, dans le bourg toscan à Rome. Plus tard, toute l'architecture, toute la sculpture des édifices publics de Rome, étaient du style toscan, au témoignage de Pline; il est en reste encore d'admirables monuments dans la Cloaca maxima, le quai du Tibre et les substructions du Capitole, qui subsistent et qui datent des temps des deux Tarquins“.

K. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst, SS. 151—153: „Die Etrusker erscheinen nun im Allgemeinen als ein industriöses Volk (φλοίστρον ἔθνος), von einem kühnen, grossartigen Unternehmungsgeiste, welcher, durch ihre priestertlich aristokratische Verfassung sehr begünstigt wurde. Ihre Städte (nicht bloss die Burgen) sind mit gewaltigen Mauern, meist aus unregelmässigen Quadern, umgeben; die Kunst, durch Kanalbau und Seeableitungen Gegenden vor Ueberschwemmungen zu sichern, wurde von ihnen sehr eifrig betrieben. Tarquinische Fürsten legten in Rom zur Entsepfung der niedrigen Gegend und Abführung des Unraths die Cloaken, besonders für das Forum die Cloaca Maxima, an“. „Die italische Häu-

скихъ укѣпленій, интересны сооружеія на могилахъ царей и героевъ. Плиній описалъ „великолѣпный памятникъ на могилѣ Порсены“. Въ городѣ Корнето открыты три „изсѣченныя внутри скалы“ гробницы, которыя „отличаются превосходною симметриєю всѣхъ частей“, изящною отдѣлкою; „живопись, находящаяся на стѣнахъ ихъ“, весьма древняя, едва ли не „первыхъ временъ существованія сего искусства въ Этруріи“¹⁾.

seranlage, mit einem Hauptzimmer in der Mitte, nach welchem der Tropfenfall des umliegenden Daches gerichtet ist, ging auch von den Etruskern aus, oder erhielt wenigstens durch sie eine feste Form“. „Der Plan des Tempels erhielt durch die Rücksicht auf das etruskische Augural-Templum Modificationen; das Gebäude wurde einem Quadrat ähnlicher, die Celler, oder Cellen, in den Hintertheil (die postica) gebracht, Säulenreihen füllten die vordere Hälfte, so dass die Hauptthür grade in die Mitte des Gebäudes fiel. Nach dieser Regel war der Capitolinische Tempel, mit drei Cellen, von den Tarquinischen Fürsten gebaut worden“.

¹⁾ *D. Raoul-Rochette. Cours d'archéologie*, pp. 117—118: „Il est un monument de l'architecture étrusque si singulier dans son genre, et qui porta si manifestement l'empreinte du génie de ce peuple, énergique jusqu'à l'excès, et hardi jusqu'à la bizarrerie, que je dois en dire aussi quelques mots, bien que ce monument n'existe plus depuis longtemps que dans l'histoire, et quo même il soit devenu une sorte de problème historique. Je veux parler du tombeau de Porsenna, dont Pline nous a laissé une description si merveilleuse, qu'il semble lui-même en révoquer en doute le modèle. Des édifices d'un genre analogue qui subsistent encore, tels que le tombeau présumé des Curiaees, à Albano, à quelques milles de Rome, concourent cependant à prouver que la description de Pline est tracée, sinon d'après un monument réel, du moins d'après des traditions et des pratiques véritablement étrusques“. Тамъ же, 148—152: „On a trouvé de ces tombeaux peints par toute l'Etrurie, et jusque dans la campagne de Rome, qui était primitivement un territoire étrusque. On en a trouvé particulièrement à *Falari*, à *Gubbio*, à *Cortone*, à *Perugia*, à *Chiusi*, à *Volterre*, mais surtout aux environs de *Corneto*, ville moderne, bâtie sur un emplacement voisin de celui qu'occupa l'antique et célèbre Tarquinie. Là, les sépultures antiques couvrent un espace d'environ six milles, ou deux lieues, de long, sur huit milles de large; elles ne sont point construites à la superficie du sol, mais bien taillées dans le roc même, à la profondeur d'une vingtaine de pieds, quelquefois à deux étages. Le plan de ces grottes sépulcrales est ordinairement carré, surmonté d'un toit pyramidal. Tout y est peint, les parois, comme le plafond“. „Tout récemment, au mois de mai de l'année dernière, on découvrit trois de ces grottes sépulcrales, dont les peintures se trouvaient intactes“... „Le peu que je viens de dire donne sans doute un grand intérêt à ces peintures; et s'il pouvait être prouvé, comme je l'ai d'abord supposé, et comme l'a conjecturé de son côté un savant Allemand, qui a entretenu de ces peintures l'académie de Munich, qu'elles appartiennent à l'époque qui suivit immédiatement l'établissement du corinthien Démarate à Tarquinie, et l'importation des arts grecs en Etrurie, nous aurions là l'un des principaux éléments de l'histoire d'un art, sur lequel nous ne possédons encore que les

Ваяніе было также въ „цвѣтущемъ состояніи“. „Веществами, употребляемыми для ваянія“, служили мѣдъ, глина, гипсъ. Изъ нихъ выдѣлывались кумиры, вазы, урны. Кумиры—не изящны; но вазы, „предназначенныя для употребленія при торжественныхъ жертвоприношеніяхъ и въ домашнемъ быту“, и урны, „скрывавшія прахъ умершаго“,—„превосходны во всѣхъ отношеніяхъ“. Бронзовыя „блюда съ ручками, украшенныя рѣзными изображеніями борьбы или бѣга лошадей“ и „употреблявшіяся при гаданіяхъ и священнослуженіи“, называются „пateraми“ или „мистическими зеркалами“. „Наиболѣе замѣчательны“ „патера Коспiana“, „патера Борджіа“ и многія другія; на нихъ выгравированы сцены изъ мифологіи, фигуры боговъ и богинь: рожденіе Венеры (Минервы?), „Вулканъ съ лошадью“ и т. п. ¹⁾ Изъ ку-

renseignements vagues fournis par Plinè, et que des peintures de décoration appartenant, pour la plupart, à des temps de décadence, à des pays de province, ou tout au moins à une branche subalterne de l'art“.

¹⁾ D. Raoul-Rochette. Cours d'archéologie, pp. 132—133: „Je viens maintenant à une autre classe de monuments étrusques fort célèbres, et qui nous ont conservé un assez grand nombre de compositions du plus haut intérêt, sous le rapport archéologique et sous celui de l'art: je veux parler de ces *disques de bronze* avec un manche qu'on appelait autrefois *patères*, mais qui sont reconnus unanimement aujourd'hui pour être des *miroirs mystiques*. Ces miroirs sont décorés, dans la partie concave, d'une composition gravée au simple contour, par des procédés tout-à-fait analogues à ceux de la gravure moderne à la pointe; en sorte que si les anciens ne se sont pas trouvés conduits à la découverte et à l'emploi de la gravure, telle que nous la connaissons, il est bien évident qu'il ne leur a manqué pour cela que la volonté ou l'occasion. Les compositions gravées sur les miroirs appartiennent toutes, sans exception, aux fables grecques, comme elles paraissent tenir de l'art grec, dans le style du dessin; mais elles portent le plus souvent des inscriptions en langue étrusque; et les costumes des personnages, ainsi que le choix des principaux accessoires, appartiennent pareillement aux habitudes étrusques: en sorte qu'il est naturel et nécessaire de les ranger dans la classe des monuments étrusques, celles du moins qui offrent les caractères qui j'ai indiqués. Les plus remarquables de ces miroirs sont la célèbre *patera Cospiana*, dans le musée de l'Institut de Bologne, représentant la *naissance de Minerve*; la *patera Borgia*, qui représente la *naissance de Bacchus*; celle où *Vulcain travaille au cheval de Troie*; *Hercule entre la Gloire et la Volupté*, et plusieurs autres dont l'énumération me mènerait trop loin“.

K. O. Müller. Handbuch der Archäologie der Kunst, S. 156: „Besonders geschätzt war ferner in Etrurien die Arbeit des Toreuten (des Ciseleur, Graveur, Orfèvre), ja Tyrrhenische aus Gold getriebene Schalen und allerlei Bronzearbeiten, wie Candelaber, wurden selbst in Athen, und noch in der Zeit der höchsten Kunstbildung gesucht. Silberne Becher; Throne von Elfenbein und edlen Metall, wie die *scellae curules*; Bekleidungen von Wagen (*currus triumphales, thensae*) mit Erz, Silber, Gold; verzierte Waffenstücke wurden hier in Menge und Vorzüglichkeit vorfertigt, und

мировъ заслуживаютъ упоминанія: „волчица, находившаяся въ Капитоліа“; Химера, Аполлонъ. Извѣстенъ еще „сосудъ, сдѣланный на подобіе колесницы“, съ прекрасной рѣзбой и барельефами ¹⁾).

Живопись встрѣчается на урнахъ, вазахъ и на стѣнахъ зданій и гробницъ. „Хроматическая скульптура“ „состоитъ изъ мозаичныхъ картинъ“ и свидѣтельствуеетъ, что этрусскіе художники „постигли всѣ таинства колорита“.

Въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ вполне проявилась „гражданская жизнь этрусковъ, отличавшаяся свободою“. Памятники зодчества выражаютъ „идею силы и могущества“. За исключеніемъ „грубыхъ очертаній“ въ нихъ нѣтъ ничего общаго со „стилемъ египетскимъ“; нѣтъ ни колоссальности, ни „непріятной тяжести“. „Памятники египтянъ представляютъ собою какое-то мертвое бездѣйствіе, овѣтніе, безжизненность, а памятники этрусковъ—усиленное напряженіе, кривляніе, производящее столь непріятное“ впечатлѣніе. Недостатокъ изящества замѣтенъ у нихъ и въ валяніи, особенно при сравненіи ихъ статуй со статуями греческими ²⁾). Несмотря на это,

Manches davon hat sich bis auf unsre Zeit erhalten. Auch gehören hierher die auf der Rückseite gravirten Spiegel (ehemals Pateren genannt), nebst den sogenannten *cistae mysticae*“.

C. A. Höttiger. *Andeutungen*, S. 33: „Eherner figurirte Schalen, *paterae Etruscae* (nur wenige in Thon) die Figuren theils Relief, theils ciselirt und eingegraben. Wahrscheinlich als Offertorien der Honigkuchen (*liba*) bei Opfern und Todtenspenden, einzeln wohl auch zum Auflegen der Eingeweide bei Extirpationen gebraucht. Sie enthalten alle griechische Fabeln aus dem ältesten Cyclus und sind dem Inhalt und Vortrag nach für griechisch zu halten, doch, in wiefern sie mit etruskischer Schrift die Namen der Gottheiten enthalten, wie z. B. auf der berühmten in Bologna befindlichen *patera Cospiana*, die Geburt der *Minerva* vorstellend, in Etrurien von griechischen Künstlern gearbeitet“.

¹⁾ D. Raoul-Rochette. *Cours d'archéologie*, pp. 134—135: „Je joins à ces monuments de bronze les figures, statues, groupes ou figurines de cette matière, qui composent la série la plus nombreuse des monuments étrusques. Dès les plus anciens temps, les Etrusques étaient renommés par leur habileté à fondre le bronze, à ciseler l'or et l'argent; et, indépendamment des témoignages des anciens, lesquels sont nombreux et positifs, il nous est resté des monuments mêmes de cette habileté, qui ne souffrent aucune contestation: tels sont, en première ligne, la fameuse *Chimère*, de la galerie de Florence, à côté de laquelle il faut placer la célèbre *Louve* du Capitole, ce dernier monument qui date des temps de la république, tandis que la *Chimère* est déjà de ceux de l'empire; la statue dite du *Harangueur*, ouvrage du siècle des Antonius; une statuette d'*Apollon*, du cabinet du roi, production du beau style et du bon temps de l'art étrusque“.

²⁾ Тамъ же, 114—115: „Or, il n'est pas douteux qu'une manière de voir si

въ искусствахъ, и вообще въ просвѣщеніи и промышленности этруски стояли выше другихъ народовъ Италіи и оказали на нихъ вліяніе, какое оказываетъ, обыкновенно, народъ „образованный“ на „невѣжественный“¹⁾.

„Творческое одушевленіе“ Эллады „постепенно замирало, когда Римъ, раздавивъ своей желѣзной пятой политическое бытіе“ этой страны, „вздумалъ отогрѣть художественную ея жизнь въ своихъ исполнскихъ объятіяхъ. Онъ продолжилъ только на нѣсколько вѣковъ ея жалкую старость. Въ произведеніяхъ римскаго искусства выражаются послѣднія покушенія издыхающаго генія, тщетно силившася скрыть свою дряхлость насильственнымъ напряженіемъ силъ, изысканною принужденностью манеръ. Вѣкъ Августа, золотой вѣкъ римской художественной производительности, еще сохранялъ остатки юношеской красоты въ своемъ старческомъ величіи. Но сознание вну-

diverse chez les deux peuples, n'ait dû imprimer un caractère tout différent aux productions de leurs arts. Ainsi, la grâce, qui domine toutes les qualités de l'art grec. à la fois comme l'attribut essentiel de cet art, et comme l'expression fidèle du génie national, est remplacée, dans les ouvrages de l'art étrusque, par une sorte de rudesse et d'énergie qui annonce un principe tout contraire. Un système osseux, robuste fortement accusé; des muscles très-prononcés; des formes très-vigoureuses; des attitudes presque toujours tourmentées; en un mot, un jeu parfois pénible de tous les organes, avec une exécution souvent dure ou trop ressentie, une expression presque toujours outrée, une surabondance, une exagération de détails anatomiques, voilà ce qui caractérise les productions du style étrusque, qu'on peut appeler originales; et vous voyez, dans ce peu de mots, combien l'art étrusque diffère radicalement de l'art grec et de l'égyptien. Ainsi, dans ce dernier, tout est immobile et en repos; dans l'autre, pas un membre qui ne soit en action, pas un muscle qui ne soit en mouvement; dans l'un, point d'apparence d'études anatomiques; dans l'autre, luxe de science anatomique. En Egypte, toujours même pose monumentale, même disposition parallèle, même exécution rectiligne. En Etrurie, action énergique, jusqu'à la violence, exécution correcte, jusqu'à l'excès; effets hardis, jusqu'à la bizarrerie. En un mot, si l'on sent, dans les ouvrages de l'art égyptien, l'influence d'un système religieux qui avait enchaîné l'homme, sa pensée et sa main, on sent, dans ceux de l'art étrusque, l'influence d'un autre système sacerdotal, qui, dirigeant, dans son intérêt et à son profit, l'énergie naturelle et la liberté nationale du peuple, l'occupait à des jeux sanglants, à des spectacles atroces, et, ne demandant sans cesse à l'artiste que des objets et des images terribles, avait rendu, pour ainsi dire, l'art lui même dur comme la nation, et inhumain comme le culte“.

¹⁾ Журналъ лекціи: „Объ искусствахъ этрускихъ“, составленный 9 іюня 1834 г. Николаемъ Налетовымъ.

тренняго безсилія, непрестанно возрастаю, раздражало болѣе и болѣе страсть къ наружнымъ поддѣльнымъ украшеніямъ,—и искусства, подавляемая ихъ безобразною тяжестью, наконецъ, совершенно исказилась. Изъ священнаго служенія лучезарной красотѣ вѣшней природы, изъ одушевленнаго выраженія изящной игры физическихъ силъ, они превратились въ жалкія орудія прихотей одряхлѣвшей чувственности. Архитектура должна была истощаться на сооруженіе пріютовъ сладострастной нѣги: „загородныхъ домовъ (виллъ) и публичныхъ или частныхъ банъ (термъ)“; а иногда, „на потѣху суетнаго тщеславія“, воздвигались „пышные монументы“, въ родѣ „тріумфальныхъ арокъ“, „оставшихся отъ Тита, С. Севера и Константина“ и „представляющихъ, своимъ возрастающимъ безвкусіемъ, живую лѣстницу паденія искусствъ“. „Волшебное могущество пластики принуждалось завѣщать безсмертію черты Антиноевъ или тѣшить притупленный вкусъ соблазнительными картинами, шутовскими гримасами; поэзія превратилась въ пригѣвы распутства или въ пошлую игру бездушнаго остроумія; музыка досталась во власть скоморохамъ; театръ посвятился безстыднымъ кощунствамъ гистріоновъ или кровавымъ битвамъ звѣрей гладіаторовъ. Такимъ образомъ, въ исполинскомъ трупѣ Рима окончательно догасло творческое одушевленіе, начавшее меркнуть еще въ своей благословенной отчизнѣ. Оно пало жертвою необузданнаго увлеченія направленіемъ, предписаннымъ ему духомъ современной жизни. Его погубило исключительное пристрастіе къ вѣшней, матеріальной природѣ, которое изъ чистой, дѣвственной любви, освящавшей первые его порывы, въ продолженіе вѣковъ, превратилось въ грубыя, соблазнительныя оргіи, заключившіяся, наконецъ, совершеннымъ притупленіемъ вкуса, совершенною одичалостью генія! Такъ совершился въ исторіи человѣчества второй блистательный періодъ творческой дѣятельности, который, по всеобщепризнанной образцовости своихъ безсмертныхъ памятниковъ, обыкновенно зовется періодомъ классическаго греко-римскаго искусства“¹⁾.

И. Козминъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Ученія записки Императорскаго московскаго университета, 1833, ч. I, № 2.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПОЭТИЧЕСКАГО СТИЛЯ ВЪ РОССИИ ¹⁾.

(Эпоха Петра Великаго и начало XVIII в.).

VIII.

Еще задолго до появленія въ русской литературѣ мотивовъ и фразеологіи новаго поэтического стиля, сложившагося въ эпоху поздняго Возрожденія, въ Россіи существовала своя лирика; существовала и повѣсть—религіозная, полурелигіозная и свѣтская—съ болѣе или менѣе сложившимся стилемъ, опредѣленною литературною манерой, съ которою пришлось бороться новому теченію. Только драма является тѣмъ литературнымъ видомъ, который въ эпоху проникновенія въ Россію галантной поэзіи Запада, насчитывалъ всего два—три десятилѣтія существованія и не успѣлъ выработать своихъ формъ, создать, пріобрѣсти свою особую фizioномію. Естественно, поэтому, что здѣсь особенно замѣтно должны были сказаться черты sentimentalной манеры, констатированныя въ лирикѣ и повѣсти петровскаго времени.

Репертуаръ русской сцены начала XVIII в. находился подъ воздѣйствіемъ двухъ главныхъ вліяній; это были, съ одной стороны—остатки репертуара Фельтена, англійскихъ комедіантовъ; съ другой—модныя чувствительныя драмы Лоэнштейна, Чиконьини и т. п. Пороку, какъ увидимъ ниже, чувствительная любовная фразеологія является и въ пьесахъ типично-классическихъ, взятыхъ изъ польскаго репертуара, гдѣ школьный классицизмъ держался довольно долго.

Начнемъ нашъ обзоръ съ комедіи, представленной на московскомъ театрѣ въ 1702—1709 гг., „Сципію Африканъ, вождь римскій и по-

¹⁾ См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1905, октябрь и 1906, июнь.

губленіе Софонизбы, королевы нумидійскія“, которая есть ничто иное, какъ сценическое приспособленіе трагедіи Лознштейна „Софонизба“ (1666 г.)¹⁾. Анализъ этой пьесы и русскаго перевода, сдѣланный П. О. Морозовымъ, обнаруживаетъ рядъ значительныхъ сокращеній и дополненій, сравнительно съ пьесой Лознштейна, но уже, видимо, бывшихъ въ томъ оригиналѣ, съ котораго переведена русская комедія²⁾. Переводчикомъ ея былъ, по мнѣнію Н. С. Тихонравова, полякъ или выходецъ изъ югозападной Россіи и принадлежалъ къ числу чиновниковъ посольскаго приказа³⁾. Въ русскомъ переводѣ, какъ показываетъ изслѣдованіе г. Морозова, общій характеръ торжественной и надутой рѣчи Лознштейна значительно упростился⁴⁾. Но все же осталось достаточно слѣдовъ тогдашняго галантнаго языка. Не пересказывая полностью всей пьесы, остановимся лишь на интересующихъ насъ мѣстахъ.

Влюбленный въ Софонизбу Массинисса мечтаетъ завладѣть ею и поетъ чувствительную арію (стр. 44); нѣсколько ниже Софонизба готова идти вслѣдъ за своимъ супругомъ, Сифаксомъ, въ Елисейскія поля; „поль души“ ея „между язвенныхъ, унывно пораженныхъ лежитъ“ (49). Въ 1 сѣнн 3-го дѣйствія Богудесь поетъ арію, обращаясь къ звѣздамъ: „У васъ, звѣздъ, есть ли милосердіе“?... Софонизба называетъ себя „игрушкою фортуны и цѣлюю, на которую всѣ злополученія попадаютъ“ (68); тоже „прогнѣванная фортуна“ губить и Сифакса (89). Софонизба часто и обильно проливаетъ слезы, лицо ея блѣдно отъ печали (69), она желаетъ только умереть (69). Побѣдитель ея, Массинисса при видѣ ея слезъ галантно сомнѣвается: „Ахъ и паки ахъ! Азъ есмь ли побѣдитель, или побѣжденъ? Тигръ иногда ловца убіетъ, а безсильная серна противъ того смерти не уйдетъ. Но Софонизба меня въ *оковахъ заключитъ*“⁵⁾. Азъ побѣдилъ, а она побѣдительный вѣнецъ носить. Я владѣю въ ея крѣпости, а она сердце мое владѣть..... Ахъ, какъ *великое печалованіе сердце мое обняло!*“—и онъ клянется любить Софонизбу (71). Въ слѣдующемъ, 4-мъ дѣйствіи заключенный въ темницѣ Сифаксъ вѣрится, что его „единое токмо проколѣніе отъ всея бѣды свободитъ“. „Принди, хладное желѣзо“—воскли-

¹⁾ Морозовъ, *Исторія р. театра*, I, 229 и сл.; пьеса въ рук. И. П. Б. Q. XIV, 10, над. Тихонравовымъ, Русск. драм. произв. II, 34—104, цитаты по этому изданію.

²⁾ Морозовъ, 235.

³⁾ Тихонравовъ, *Примѣчанія ко II тому „Р. драм. произв.“*, стр. 550.

⁴⁾ Морозовъ, *ibid.* и 236.

⁵⁾ Рѣчь, конечно, объ оковахъ любви.

дасть онъ и хочеть лишить себя жизни. Онъ жалѣеть, что не умеръ раньше, не принесъ „цѣть юности“ своей смерти (71).

Софонизба, увѣряя мужа, что „любовь по подобію хамелеона-звѣря всѣхъ цвѣтовъ принимаетъ“ (73), въ одеждѣ римскаго воина является съ помощью переодѣванья спасти Сифакса, но онъ предпочитаетъ скорѣе умереть, чѣмъ воспользоваться услугою Софонизбы: „Ахъ, что душу мою утѣсняетъ и *какая печаль сердце мое оскорбляетъ* твоимъ намѣреніемъ!“—воскликаетъ онъ (74). Массинисса, заставъ въ тюрьмѣ вмѣсто Сифакса Софонизбу, изумленъ; на его вопросъ, какъ она попала въ темницу, Софонизба отвѣчаетъ: „не твои люди, но *моя вѣрность* меня здѣсь *оковала*“; мотивъ ея поступка: „какая ли руда не растопится съ огня горящаго любви“?... ея привела въ темницу вѣрность мужу. Массинисса объясняется ей въ любви: „сіяніе добродѣтели твоей и облистающее молніе красоты твоей *сердце мое запалили*“, онъ проситъ ея: „разрѣши тѣ узы, чѣмъ *твоя красота* меня *связала*“ (78). Время и разумъ (т. е. размышленіе) только раздуваютъ пламя его страсти; онъ тщетно противился огню, теперь онъ проситъ приговора, падая къ ея ногамъ: „изреченіе животу моему или смерти... изъ ея возлюбленныхъ устъ услышать“ (79). Софонизба, слушая его, невольно признается: „мое сердце такожде отъ такого пламени разгорится.... (ib.).“

Она еще противится, но наконецъ уступаетъ краснорѣчію и страсти Массиниссы: „нынѣ, защититель мой, не могу тебѣ больше противиться. *Пламени, горящаго во мнѣ*, не могутъ болѣе утѣниться: я придала сердце мое во обитаніе Мосинизово“ (81). „О вы, звѣзды! Какое удовольствіе?“—воскликаетъ она въ объятіяхъ Массиниссы (82). Въ слѣдующемъ, пятомъ дѣйствіи, этотъ суровый воинъ поетъ арію о любви:

„Любовь, любовь приносили
 Жаръ и ѳиміанъ.
 Престань ты прельщати
 И вовсе блазнити.
 Ты бо мя
 Ничѣмъ утѣшаешь.
 Любовь, любовь приносили
 Жаръ и ѳиміанъ.
 О любви! даждь мнѣ тебѣ
 Ладунь приносить,
 Трепоть отгони ты
 И не дай упованію
 Отлучиться.

Но дай всему спѣти.
 О любви! даждь мнѣ тебѣ
 Ладунь приносити" (83).

Нѣсколько ниже онъ велитъ музыкантамъ играть ему и пѣть сонную арію „Морфей закрой мои очи“...—чтобы забыть угнетающую его печаль (92). Въ бесѣдѣ со Сципіономъ, наставляющимъ его къ добродѣтели и обличающимъ его „похоти“,—Массинисса такъ характеризуетъ себя: „Азъ въ Ливіи родился, гдѣ зной съ человѣками рождается; у насъ горитъ солнце, и любовь зимою крѣпчаетъ, неже у васъ, сѣверныхъ, лѣтомъ“ (95). Грозный Сципіонъ „супружество и право“ влюбленныхъ „разрушаетъ“, и Массинисса, чтобы Софонизба не досталась въ руки римлянъ, посылаетъ ей ядъ; она благодаритъ его за такой подарокъ и велитъ сказать ему: „смерть мнѣ во жизнь, но любовь къ нему не угаснетъ“ (100).

Къ тому же репертуару Московскаго театра Кунста и Фирста (1702—1709 г.) принадлежитъ пьеса „Честный измѣнникъ или Фридерико фонъ-Поплей и Алоизія, супруга его“—переводъ нѣмецкой передѣлки „трагической оперы“ Чиконьини (1664 г.)¹⁾. Переводчикъ—можетъ быть, по предположенію г. Морозова, то же лицо, которое перевело предыдущую пьесу,—съ трудомъ справился съ вычурнымъ, изысканнымъ, иногда выразительнымъ языкомъ оригинала, богатымъ характерною фразеологіей своей эпохи. Начинается пьеса пѣсьемъ или декламацией духа маркиза Альфонзо, связаннаго Купидономъ. „Попущеніе! Ахъ, куда азъ несенъ буду?“—воскликаетъ маркизъ при видѣ той, которую онъ долженъ „ко адской невѣрности привезть“, несмотря на то, что она его „небомъ сотворила“.

Форма этого монолога, равно какъ и слѣдующей „пѣсни“—съ повтореніемъ основной мысли—напоминаетъ жалобные стихи Момса:

„Скажи мнѣ, сердце мое; хочешь ли поддаться?
 Нѣтъ, ты стоишь крѣпко, какъ камень.
 Мнѣ ли въ порабощеніи вѣчною жити?
 Мнѣ ли исчезнуть и за стѣною ходити,
 Которая никогда связатись не позволитъ?
 Скажи сердце мое: хочешь ли поддаться?
 Нѣтъ, ты стоишь твердо, какъ камень“ (197).

Также построена и слѣдующая строфа пѣсни.

¹⁾ Морозова, *op. cit.* стр. 238—244; руж. И. П. В. Q. XIV, 10; цитаты по изд. Тихонравова, II, 196—239.

Родерико признается Аловзіи: „Во отчаяніи есмь, потому что безъ надеживанія люблю“ (200), ибо Аловзія любитъ супруга и говоритъ ему: „любовь моя есть къ вамъ вѣчная“ (201). Характеренъ и галантный разговоръ о цвѣтахъ (198—199). Нѣсколько ниже (202) маркизь признается другу: „черезъ сіяніе двухъ звѣздъ“, которыя сіяютъ, и отъ основанія „краснаго лица такъ *сердце мое разжжено и ранено*“... Рукопожатіе Аловзіи было для него „убивственный инструментъ... вовсе въ *темницу любви вверещи*“; мука его любви „равенственна муки адской“; печаль его любви „*сердце отъ души отлучаетъ*“ (203). Встрѣчаясь съ Маркизомъ, который былъ ранѣе замужества любимъ ею, Аловзія восклицаетъ: „о свирѣпый любви огонь!“ (204); она „часть адъ въ сердцѣ своемъ“, желаетъ никогда не родиться на свѣтъ; она хочетъ только „вздыхати и молчати“; маркизь— „любити и терпѣти“ (205).

„О вы, мои невѣрныя звѣзды“, говоритъ Аловзія и, выслушавъ слова маркиза о его „*томленіи*“ (206), признаетъ себя его „рабынею“ (207). Влюбленные называютъ другъ друга—Аловзія маркиза Адонисомъ, онъ еѣ—Венерой (210). Во второмъ дѣйствіи Аловзія, застигнутая супругомъ, отослана въ камору и ни жива ни мертва со слезами „гужить о грѣсѣхъ“ въ такихъ выраженіяхъ:

„Кто любовь не знаетъ,
Тотъ не знаетъ обманство:
Убо что жаромъ ея имянуеть,
Иного не приводитъ, токмо ужастное мученіе.
Называютъ любовь богомъ,
Однакожь нуще мучить, нежели смерть“ (223).

Она пытается заговорить съ пришедшимъ мужемъ-мстителемъ „о безконечной любви“ къ нему, но онъ ее рѣзко обрываетъ, указывая, что любовь эта однажды уже имѣла конецъ (225).

Въ третьей пьесѣ того же репертуара, „Принцъ Пикель-Гарингъ или Жоделеть“¹⁾, переводъ передѣлки пьесы Томаса Корнеля (1655 г.) интересенъ потому, что въ этой пьесѣ мы встрѣчаемъ наряду съ чертами любовнаго жаргона XVII в.—и пародію на него. Такъ Фредерикъ, бесѣдуя въ лѣсу съ Октавіаномъ, совершенно серьезно говорить, что онъ „обнять любовью“, что другу его извѣстно „коль крѣпко сердце его принцессѣ прильпняется“. „Сія *разжженная любви*“

¹⁾ См. *Морозовъ*, *op. cit.* 244 и сл., рук. И. П. Б., Q. XIV, 10. *Тышаратовъ*, *op. cit.* II, 105—145, откуда дагѣ цитаты.

сотворила то, что онъ не опасается гнѣва и немилости сестры и отца. „Я въ семь лѣсу брожу только любви ради, которою я къ принцену прилѣпился. Хотя я и погибну, токмо не могу лучшую жертву неже жизнь мою, любви приносить“ (106—107). Эти же обороты и такую же ситуацію мы ниже встрѣтимъ и въ русскихъ опытахъ драмы петровской эпохи. Пародія на любовный жаргонъ вложена авторомъ въ уста Жоделета, шута самаго дурного тона, грубаго и циничнаго: „Шамаданъ (по Морозову—чемоданъ) моихъ возлюбленныхъ мыслей! Непобѣдимая корчма любительной пряжки! Твоя стрѣльные пищали огневыхъ глазъ твоихъ черезъ многоличную стрѣльбу съмо и овамо чернѣтлѣсную замутили и лучше изъ нихъ замденнымъ добромъ прострѣлена, а знатная моя часть вовсе запалена. Увы, не загородите къ сердцу приступнымъ прогономъ благорѣчей мой путь и переправу; но пропустите ихъ чрезъ калитку ушей вашихъ въ караулъ сердца вашего“... (113—114). Этотъ комическій монологъ взятъ русскимъ переводчикомъ изъ нѣмецкой передѣлки: у Корнеля онъ звучитъ совершенно иначе ¹⁾ и лишенъ циничнаго конца, нами не приведеннаго.

Въ переводѣ „Les précieuses ridicules“ Мольера, сдѣланномъ до 1708 г. шутомъ Петра Великаго, „самоѣдскимъ королемъ“, въ Новгородѣ ²⁾, находимъ также пародію на галантный языкъ:

„На твои очи нынѣ взирающе,
 Болю сердцемъ, ты призывающе,
 И аки лютой разбойникъ въ пустынь,
 Въ дебри широкой и темной густини“ (271).

Такъ декламируетъ „вражески вельми искусный въ тихъ вещахъ“

¹⁾ Вотъ соотв. мѣсто въ пьесѣ Корнеля—пародія на высокопарный испанскій стиль (Тихонравовъ, примѣчанія, II, 570):

„Donzelle aux yeux brillants, lui dirai-je d'un ton
 A fendre de pitié le plus dur hoqueton,
 Je viens ici te rendre et la cape et l'épée,
 Car mon âme d'amour est toute constipée.
 Tu m'as mis dans les fers, tu m'as mis dans les feux,
 Et dûssai-je enrager, j'en mourrai si tu veux;
 Mais je te crois d'humeur à tout mettre en usage
 Pour empêcher ma mort de peur que je n'enrage“.

²⁾ Госуд. Арх., Кабин. дѣла, № 8, 1708 г.; здѣсь письма „самоѣднаго короля“ къ Петру Великому и Меньшикову и съ 1029 л. „Драгма смѣяныя“. Тихонравовъ, II, 250—279.

Маскариль. Ниже, въ его же словахъ, находимъ: „Вырвали мое сердце“ (273).

Только что разсмотрѣнныя пьесы не богаты классическими реминисценціями. Кое-гдѣ, правда, классическіе боги и герои украшаютъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, но не до избытка. Теперь мы обратимся къ пьесѣ, которая особенно богато уснащена показнымъ классицизмомъ, что, впрочемъ, и понятно, если принять во вниманіе ея сюжетъ.

Имѣемъ въ виду оперу „Дафнисъ, гоненіемъ любовнаго Аполлона въ древо лавровая превращенная“, переведенную до 1715 года можетъ быть, Дм. Ильинскимъ съ оперы Ринуччини (1597 г.), обработанной І. Паскати и переведенной на польскій языкъ С. Твардовскимъ (1638 г.). Русская пьеса есть, по наблюденію г. Морозова, не что иное, какъ сокращенный переводъ съ перевода Твардовскаго ¹⁾.

Судьба пьесы—и ея происхожденіе и исторія обработокъ, указываютъ намъ на отношеніе ея къ эпохѣ поздняго ренессанса, стиль котораго чувствуется и въ русскомъ переводѣ. Прежде всего бросается въ глаза масса классическихъ украшеній; мы постоянно натываемся на боговъ: не говоря уже о герояхъ пьесы, Аполлонѣ, здѣсь упоминаются: Діана, 444 и сл., Венусъ 446 и др., Дій 448 и др., Меркуріусъ 463, Паллада 463, Вулканъ, Ювишъ 453, Беллона 458, Купидо—стень часто; кромѣ того—Альцидесъ и Анхизесъ 458, Адонисъ 456, Геркулесъ и Иола 457, Аргусъ стоокій, 458. Въ пѣснѣ (стр. 458) встрѣчаемъ „стрѣлу Купидину“, Купидонъ обѣщаетъ: „*Се сердце его (Аполлона), се будетъ пылати... На любовь сердце горѣ уязвляю*“ (463). Нѣсколько ниже (467)—тоже: „*Се уязвленное сердце нынѣ мною пылати въ сердце Аполла устрою*“; „*Гори*“, продолжаетъ онъ, „*любовнымъ огнемъ на Дафниду, донелѣ паки съ стрѣлами прииду*“. Онъ предсказываетъ Аполлону:

„Его же раню златою стрѣлою,
Да исполнится любовію злою;
Будетъ бѣгати, но тѣсамъ гоняти,
Кровь же отъ сердца напрасно ліяти“ (468).

Увидѣвъ послѣ этого Дафнисъ, Аполлонъ восклицаетъ:

„*О, безсчастіе мое! въ сердце даде рану.*
Иду, ей послѣдуя, въ вѣки не отстану“ (471).

¹⁾ Морозовъ, *op. cit.* 289 и сл., рук. И. П. Б. Ф. XIV, 10 (два списка), *Тысо-чраговъ*, Р. драм. произв. II, 440—484, цитаты отсюда.

И Купидонъ, торжествуя, еще разъ повторяетъ (472):

...„Моей же любви никто можетъ одолѣти.
 Я стрѣлю во сердца. Язва неостытнн—
 Язва всегда горькая, моя же приятна.
 Стрѣлу съ сладостнымъ огнемъ златую имью“...

Раненый стрѣлою Аполлонъ бесѣдуетъ со своимъ „бѣднымъ сердцемъ“ (473). Ему угрожаетъ смерть отъ нераздѣленной любви:

...„Твоихъ очей яснѣйшихъ и глѣботы вина,
 Ты уже смерти моей будешь причина“ (475).

Неудачная любовь, неудовлетворенная страсть—на цвѣтистомъ языкѣ Аполлона—

„Подавлена терніемъ роза благовонна“ (476).

Очень любитъ авторъ отправлять тоскующихъ героевъ въ пустыню — ср. пѣсни З. Дзюбаревича и т. п. Купидонъ оставляетъ Дафнисъ «въ лѣсахъ едину блудящу» (467). Аполлонъ застаётъ ее „въ глухомъ лѣсѣ“ (469). Въ плачѣ Аполлона по превращеніи Дафнисъ въ лавръ повторяются уже знакомыя намъ выраженія русской лирики начала XVIII в.:

...„О, благій Юпитеру, носимый орлами
 Своими мене убій нынѣ перунами.
 Звери люты напусти, да мя растерзаютъ,
 Да не тако очеса со сердцемъ страдають!“
 ...О любезная моя, Дафнида прекрасна,
 Почто учинила мя на земли злосчастлива?
 О сердце бѣднѣйшее, до чего страдало:
 Радости махнѣйшія отнюдь не видало.
 О любовь сладчайшая, чѣмъ ты наградила?
 Остатнія радости, о горе, лишила“...
 ...Нынѣ лишена радости. О горе мнѣ бѣдну!
 Ничто мя увеселитъ быти безсовѣтну“...

Онъ сплетаетъ изъ лавра вѣнокъ, чтобы „любезную въ вѣкъ напоминати“, и обѣщается носить его на сердцѣ (482—483). Геснерусъ въ эпилогѣ провозглашаетъ неизмѣнность любви (483). Если мы въ заключеніе обратимъ вниманіе на роль природы — а она здѣсь лишь красивый орнаментъ, которымъ украшается рѣчь героевъ, лишь готовая формула для обрисовки ихъ настроеній, наиримѣръ, въ словахъ Дафнисъ (475):

...„Убій мя, древо! Горы, придавите,
 Водныя волны, молю, потопите!“

О гѣса, вы мя нынѣ пощадите:

Льва или воля на мя испустите.

Уже буду сими умерщвлена.

Нежели воли сего (Аполлона) подклоненна—

то и общій характеръ пріемовъ автора (и переводчика), и мѣсто пьесы въ ряду другихъ произведеній начала XVIII в.—будутъ для насъ ясны и опредѣленны.

Переходимъ къ русскимъ драматическимъ передѣлкамъ, возникшимъ изъ романовъ. Сами романы, послужившіе матеріаломъ для драматическихъ опытовъ русскихъ писателей первой половины XVIII в., заключали уже достаточно сентиментальной фразеологіи, въ которой выражалось условное пониманіе любви, вѣрности, самопожертвованія. Передѣльвателю приходилось лишь утилизировать этотъ готовый матеріалъ. Но независимо отъ этого, въ пьесахъ, которыя будутъ ниже предметомъ нашего анализа, мы встрѣчаемъ одну особенность: авторы ихъ, по крайней мѣрѣ старшихъ—какъ бы балансируютъ между крайностями, стараясь примирить тѣ черты, тѣ особенности, которыя мы отмѣтили съ одной стороны—въ пьесахъ фельтоновскаго репертуара, съ другой—тѣ пьесахъ наиболѣе ярко окрашенныхъ школьнымъ классицизмомъ. Такъ въ „Актѣ о Калеандрѣ“ причудливо переплетаются приключенія рыцарскаго романа и—сцены на Олимпѣ; рядомъ съ борьбою героевъ въ событіяхъ принимаютъ дѣятельное участіе боги. Матеріалъ, представляемый этою пьесой, чрезвычайно обширенъ и характеристиченъ. Обращаемся къ нему. Пользуемся нашимъ изданіемъ единственной извѣстной пока рукописи 1731г. ¹⁾; цифра при цитатѣ означаетъ, какъ и выше, страницу изданія.

Главною идеей пьесы является изображеніе великой, непобѣдимой внѣшними препятствіями любви: влюбленные—Поліартесъ съ Тигриной, претерпѣвъ рядъ неудачъ, долгую разлуку—соединяются, какъ и ихъ дѣти, Калеандръ и Неонильда, узами брака. Для автора комедіи важно было показать, что „въ древнія времена, еще во идолослуженіе, бѣше любовь хранима, яко въ сей комедіи“ (134). Въ антипрологѣ къ третьему дѣйствию мы видимъ, какъ Безсмертіе прогоняетъ Смерть и посаждаетъ на тронъ Любовь: „любовь смерти не боится“ (265); въ прологѣ къ тому же дѣйствию находимъ такое

¹⁾ В. Перетцъ, Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго, 1903, стр. 1—387; сравненіе съ романомъ—см. въ Изв. отд. р. яз. и слов. 1905 г. кн. I. въ ст. г. Рыанова, Изъ исторіи р. драмы, стр. 335 и сл.

обращеніе къ зрителямъ: „что болши глаголатъ; но самымъ дѣйствиємъ узрите, истинно узнаете, яко любовь вся превосходитъ“... (266) — только надо внимательно слѣдить за пьесой. Въ эпилогѣ авторъ подчеркиваетъ, что у героевъ пьесы „въ ихъ же всѣхъ разлукахъ всегда любовь безсмертная между ими пребывала. Тоя же любви і вамъ, спектаторомъ, почтениѣйшия желаемъ; болше немногословлю: сию любовь сами видѣсте“... (383). Люди—герои и боги постоянно приходятъ въ соприкосновеніе; иногда же боги совѣщаются на небѣ о людскихъ дѣлахъ. Среди боговъ упоминаются: Юпитеръ (86, 93, 183—186, 272, 276, 355—360, 362, 364, 365 и др.), Юнона (87—89, 92, 183, 356), Нептунъ, Плутонъ, Аполлонъ, Геркулесъ, Марсъ, Паллада, Діанна, Меркурій, Вулканъ, Музы,—тамъ же, почти одновременно съ Юноной и Юпитеромъ, Бахусомъ и Фартуной. Особенно часто выступаютъ на сцену и упоминаются Венера и ея сынъ, Купидо. Уже въ антипрологѣ къ I-му дѣйствию мы встрѣчаемъ Купидона съ *тлающимъ сердцемъ* (1); Купидонъ приказываетъ Полиартесу и Тигринѣ полюбить взаимно другъ друга, и тотчасъ же Полиартесъ оказывается «распаленнымъ» (47), послѣ того какъ Купидо уязвляетъ его стрѣлой. На протяженіи всей пьесы мы постоянно видимъ его дѣйствія по порученію Венеры. Венера рекомендуетъ такъ: „Пламенная сияетъ предъ вами Венера, коей здѣ нѣту истинно примѣра“ (88), она обѣщаетъ преслѣдовать героевъ: „раззизать ихъ буду въ похотехъ пресласно“ (90), „раззизать ихъ буду“ (93), „разжигать ихъ буду въ похотехъ превласно, уязвить подщуся с Купидою сласно“ (184), то же, въ прош. вр., ниже (357); она сочетаетъ бракомъ влюбленныхъ (359), посланная Юпитеромъ (362), и поздравляетъ сочетавшихся (373). Купидонъ выступаетъ часто вмѣстѣ съ нею, порою и особо, разжигая сердца: „Любве богъ, Купидо, съ вами пребываю, сердца ко любви всѣмъ вамъ раззизаю“ (88); обѣщается „стрелы вонзати в сердца оныхъ сласно“ (90), торопится произить стрѣлою героевъ пьесы, по приказу Юпитера (185), явившись къ Каллеандру въ видѣ мальчишки, уговариваетъ его не презирать, не топтать ногами Купидона и „стрелою зельнѣ уязвляетъ“, соединяя сердца любовью (187—189).

Когда же исторія пришла къ благополучному концу, Купидо вспоминаетъ о прошломъ:

„Азъ же ихъ подщался стрелами пронзати,
Они жъ мя грозили всегда растерзати“ (357).

Говоря о любви, герои и героини или ссылаются на Купидона,

или говорить о распаленномъ его стараніями сердцѣ: Армелина говорить:

„Азъ же в любви днесъ к нему узвлелна,
Не зрю его нынѣ, огнемъ распаленна“ (153).

Кризанта жалуется:

„Купидинско пламя во мнѣ возгараетъ
Оттого бо сердце мое днесъ пылаетъ“... (178).

Нѣсколько ниже, принимая Неонильду за Калеандра, она объясняется ему:

„Сердце мое палаетъ, не могу терпѣти,
Хочу с тобой нынѣ амуръ возымѣти“ (192).

Калеандръ наединѣ со Шпинальбой между прочимъ говорить:

„Утоли во мнѣ огонь, тобою возженны,
Азъ къ тебѣ любовію весьма сопраженны...
...Азъ есмь распаленны к тебѣ, моя радость,
Не можеть терпѣти въ томъ моя днесъ младость“.

На что Шпинальба отвѣчаетъ,—что желаетъ прибыть съ нимъ:

...„Въ любви бо немалой ко тебѣ разженна,
Купидинскимъ пламенемъ весьма распаленна“ (207—208).

Купидонъ, явившись къ Калеандру, рассказываетъ ему о Неонильдѣ:

„Распаленное сердце к тебѣ та имѣеть“... (257).

Одновременно находимъ много случаевъ „*прозеннаго сердца*“ по волю жестокаго Купидона; такъ послѣдній объявляетъ Алкобѣлю и Армелинѣ (155):

„Велѣла мнѣ мати васъ такъ узвлѣяти,
Во сердца бо ваши си стрѣлы вонзати“.

Послѣ чего Армелина „простреленна і в сердце возженна“ говорить:

...„Сердце ми прозенно от любви одной,
Стрѣлой узвлелно златой Купидиной.
Буду умирати, узвлелна нынѣ,
Какъ ты не видати въ нынѣшней године“...—

и просить „содержать ее въ любви“, на что Алкобѣль отвѣчаетъ обѣщаніемъ:

„Буду содержать,
К любви подражати.

*Пронзил нас стрелою
Купида златою.
С тобой соединены,
К любви узвлнены“...*

Нѣсколько ниже (156)—снова въ рѣчи Армелины повтореніе той же готовой формулы:

*...„Сердца бо наши уж совокуплены,
Златою стрелою къ любви узвлнены“.*

Явившись къ Кривангѣ (177), Купидо стрѣляетъ въ нее со словами:

*„Сердце к любви тебе развязано,
Златою стрелою тако днес пронзаю“.*

Далѣе (стр. 186, 189) тотъ же Купидо „Калеандру, спящу въ темнице.., *стрелою его сердце пронзаетъ* к любви Неонильды“, говоря:

*„Теперь спознаешь ты Купиду нынѣ;
Буди пострелены в нынѣшней године!
Се азъ ты стрелою земле узвлляю“...—*

и сейчасъ же Калеандръ, проснувшись, рассказываетъ видѣнное во снѣ:

*„Купидо мнѣ сердце пронзил се стрелою...,
...Купидина бога за то похваляю:
Пронзил бо сердца наши к любви днес престога“ (190).*

Купидо плачетъ и рыдаетъ, видя безрезультатность своихъ трудовъ по отношенію къ Харизѣ и Партулиану (223):

*„Всеу сердца их от мене сожжены,
И стрѣлы преостры во оныхъ сожжены;
Напрасно и трудъ свой потерялъ над ними,
Узвлляю къ любви их стрѣлами своими“ (224).*

Нѣсколько ниже (231) Хариза жалуется, между прочимъ, и на Купидона: „узвлляю Купидо во любви стрѣлами“. Криванга, „сожженная пламенемъ любви“, говорить:

*„Купида ж мнѣ сердце разжегъ престога
Стрелою златою пронзил ми глубоко“ (242).*

Въ самомъ концѣ пьесы, когда собрался рядъ паръ, Купидо готовъ ихъ соединить и снова общается на совѣтъ боговъ:

„Стрелами моими буду их пронзати“ (360).

Несмотря на обѣщанія, расточаемыя въ прологахъ, любовь въ пьесѣ носить чисто чувственный характеръ: достаточно прочесть хотя бы

стр. 178, 179, 206, 207 и др. Тѣмъ не менѣе, установившійся шаблонъ галантности требовалъ даже отъ легкомысленныхъ любовниковъ клятвы и увѣренія въ *вѣчной* любви: Армелина говоритъ Алкобѣлю:

...„*Любовию вѣчною* с тобою соединенна“...
 ...„С тобою общаюсь *до смерти* азъ жить,
 В радости и веселіи *всегда* пребыти“ (156).

Алкобѣль отвѣчаетъ тѣмъ же:

...„Развѣ смерть едина разлучитъ насъ можетъ,
 Кромѣ же сего ничто не преможетъ“ (157).

Купидо общается соединеннымъ имъ Калеандру и Неонильдѣ „любовь по смерть“ (303) и т. д.

Любовь, особенно неудачная, встрѣчающая препятствія къ соединенію любящихъ, вызываетъ въ нихъ *мысли о смерти*, о самоубійствѣ. Такихъ случаевъ въ нашей пьесѣ мы находимъ немало.

Одна изъ придворныхъ дамъ уговариваетъ Армелину не крушиться напрасно (153):

„От сего и *смерть* можетъ случитца,
 Какъ Купидинскъ пламен в тебѣ возгоритца“...

Алколесъ, лишившись невѣсты, плачетъ:

„И что мнѣ творити, ах горе, не знаю,
 И самъ себя смертью погубить желаю“ (40).

Партулианъ, „умирающій от омурной любви по Хоризъ“ (222), жалуется, между прочимъ:

...„От твоего амура семо *умираю*...
 ...Азъ же здѣ так в гѣсе *умру* со печали,
 Что не зрю Харизы своимъ очамъ“ (224).

Кризанта, потерпѣвъ неудачу, говоритъ „взявъ савон... держав пуйнал в руке“:

...„Уже послѣдній глас свой испущаю,
 За моего друга *смерти* ся общаю“...
 ...„Азъ за любовь твою сама *убиваюсь*,
 Сми бо пуйналомъ тако закалаюсь“ (249).

Главная героиня пьесы, Неонильда, повѣривъ въ смерть любимаго ею „кавалера съ Купидомъ“, восклицаетъ:

Предамъ себя смерти за тя, мнѣ любезно?!“ (306).

Влюбленные, разлученные съ предметомъ страсти, потерпѣвшіе не-

удачу—обычно *блуждают по тьму*, гдѣ ищуть себѣ утѣшенія, успокоенія—мотивъ извѣстный и изъ лирики интересующей насъ эпохи и, отчасти, изъ повѣстей.

Калеандръ, подвергшись гнѣву Неонильды за измѣну ей со Шпигальбой, горько жалуется и обѣщается:

...„Буду аз в сем тьмѣ до смерти ходити,
В горесной печали во вѣки такъ слити“ (223).

Утративъ надежду получить „Тигрину драгую“, Алколесъ въ слезахъ говоритъ:

„В печали несносной аз ушел отсюда,
В горести в презелной пришел оттол сюда,
I в лесе семъ пустыишемъ с печали шатаюсь,
Яво овца погибшая семо аз таскаюсь“ (40).

Кризанта, безнадежно влюбленная въ Калеандра, говоритъ о себѣ:

„Покиня отечество, скитаюсь съ пустыниа,
Остава королевство свое въ благостныхъ.
Не вижу человека, ни звѣря градуца,
В семъ тьме пустейшемъ никого живуца“ (242).

Калеандръ, ожидая переменъ судьбы въ отношеніяхъ къ нему Неонильды, рассказываетъ:

„Во гневѣ от оной давно пребываю,
Во сихъ бо пустыняхъ аз ся умаряю“ (252).

Переходимъ къ формуламъ, передающимъ *печаль* дѣйствующихъ лицъ пьесы.

Атигринъ начинаетъ рассказъ о змѣѣ, поѣдающемъ трапезоновъ, такъ:

„Ах, печалъ нечаянная меня окружаетъ
Мое сердце бѣдное велики сокрушаетъ.
От печали не знаю, что мнѣ творити“...
...Вот моя то радость в печалъ превенилась,
Зла скорбь нечаянна во сердце вселилась“ (4).

И сенаторъ повторяетъ основной мотивъ:

„Радость твоя в жалость ипнѣ превѣнилась“ (5).

Печаль приводитъ героевъ въ недоумѣніе:

„Что днесъ мнѣ творити, недоумѣваю,
Охъ тое печали (весь) *оценеваю*“ (223).

Герои плачутъ, проливая обильныя слезы, охаютъ. Такого обилія слезъ мы не встрѣчаемъ ни въ одной другой пьесѣ, кромѣ лирическихъ произведеній этой эпохи. Преувеличенной слезливостью страдаютъ какъ героини, такъ и герои.

Цесарь Атигринъ въ самомъ началѣ перваго дѣйствія оказывается въ забствѣ, какъ бы избавиться отъ страшнаго змѣя, и „унывно глаголетъ“:

„Печаль же несносна мнѣ отягощаетъ
 I мысль мнѣ презанне оцепеневасть,
 Горесно рыдаю въ печали несносной“...
 ...„Въ печали весьма пребываю,
 Повсечасно ж горко во плаче рыдаю“ (8).

Пришедшему на помощь Агролиму онъ рассказываетъ о томъ же, „весь облиянъ слезами“, и плачетъ (10). Алколесь „плачетъ горко и потиетъ слезо“ (39). По похищеніи Тигрины разбойниками, отецъ ея заключаетъ жалобную рѣчь словами:

„А съ тобой что дѣлать, уже самъ не знаю,
 В слезахъ облиенны горесно рыдаю“ (51).

Ценадоръ, услышавъ о смерти своего сына, Парендра, говоритъ слѣдующее, плача (66):

„Ах, прелюбезный мой Парендре сыне,
 Слышу ты умерша въ нынѣшней годичѣ.
 Что о семъ творити, недоумѣваю,
 В печали и слезахъ горко пребываю.
 Рыдаю нестерпимо о тебѣ, любезны.
 Кто можетъ утерти плачемъ ток слезны“.

По смерти Атигринъ—

„Горце рыдаю“...

говоритъ Алколесь; ему вторитъ Тигрина—

„Рыдаю нестерпимо, о тебѣ любезны“... (115).

Она также оплакиваетъ и мужа своего, Алколеса:

„Не могу печали своей позабыти,
 Но в слезахъ востыи подшуса азъ быти“ (120).

Кромѣ „вѣчныхъ слезъ“—встрѣчаемъ въ пьесѣ еще и „море слезъ“. Тигрина восклицаетъ:

„Теки же слезъ море, теки же токъ слезны“ (116);

и далѣе—

„Плачу несмодно о своемъ днесъ горе.
Что ж мнѣ днесъ чинити? теки же слезъ море“ (149).

Армелна, не желая выходить замужъ за нелюбимаго, начинаетъ свою жалобу (152):

„Нестерпимо рыдати весма принужденна,
Ибо есмь печальни люте узвлеченна“.

Послѣ похищенія Туркманомъ-Сафаромъ Калеандра, Тигрина говоритъ:

...„Буду о семъ нынѣ всегда азъ рыдати,
Сына мнѣ любезна слезно поминати“ (203).

Отвергнутый Неонильдою Калеандръ выражаетъ свою печаль:

...„Горко днесъ плачу и слезно рыдаю,
Милости лишены совсемъ пропадаю“ (222).

Находясь въ плѣну у Силодона, Калеандръ плачетъ, прося помощи у Уранія:

„О семъ слезно нынѣ тако азъ рыдаю,
Любезну Неонилду часто поминую“ (299).

Палиартесъ скорбитъ объ отсутствующемъ сынѣ:

„Скорбно во мнѣ нынѣ сердце обитаетъ,
Печалъ бо единая мѣ днесъ сокрушаетъ.
...„Глаголатъ немочно, о тебе рыдаю,
На всяки часъ слезно нынѣ воздымаю“ (309).

Въ самомъ концѣ третьяго дѣйствія Палиартесъ является къ Тигринѣ и, по прошествіи долгихъ лѣтъ разлуки, снова предлагаетъ ей свою руку и сердце; Тигрина отвѣчаетъ:

...„Давно азъ усердно видетъ ты желала,
Повсечасно горко о семъ азъ рыдаю“ (353).

Кромѣ отдѣльныхъ мѣстъ, выражающихъ грусть, горе дѣйствующихъ лицъ и отлившихся въ болѣе или менѣе готовые шаблоны, формулы,—мы остановимся еще на „плачахъ“. Авторъ пьесы очень любитъ впадать въ уста героевъ и героинь довольно пространные иногда „плачи“; такіе, напримѣръ, плачи мы видимъ въ устахъ Діалды, Тигрины, Алколеса, Агролима, Атигринна, Палиартеса, Кризанты, Калеандра и др. Эти плачи интересны для насъ потому, что въ нихъ

лирическое настроеніе героевъ отливается въ формы, уже хорошо знакомыя намъ изъ пѣсенокъ начала XVIII вѣка, въ родѣ, напримѣръ:

„Злое несчастье, что мнѣ оскорбляешь,
Всѣ во мнѣ члены мелко раздробляешь“ и т. д. ¹⁾.

Остановимся сначала на плачѣ Тигрины, когда она, прогнанная отцомъ, гуляя съ дамами въ лѣсу по берегу моря, „сѣтуетъ, плачетъ и отъ печали вынывъ пуйнал хочетъ заклатца“ (22):

„Что днесь твориті, недоумѣваю,
От печали великой сама ся не знаю.
Печал и несчастія меня окружают
Горесно сердце мое сокрушаютъ.
Ах, плачу горко и вопию слезно,
И ничто мнѣ будет во свете полезно.
Рыдаю нестерпимо о моемъ злосчастіи,
Таковом горюем истинно несчастіи.
Подите горы, мене днесь покрѣйте,
И холмы и дѣбри бѣдну задавите.
Гидры и медузы меня растерзайте,
И лютыя аспиды плоть мою съдайте.
Не хочу і жива быти аз на свѣте,
Чтобы мнѣ слѣти в сицевомъ навѣте“ (23).

Она предпочитаетъ принять скорую смерть, „пронзить на мечи свое тѣло бѣло, на копія острыя броситься смѣло“, только бы избѣгнуть брака съ Агролиномъ (23) ²⁾. Когда Полиартесъ возвращается ей перстень, она причитаетъ:

„Увы мнѣ бѣдной, увы мнѣ злосчастной,
Тако бо востину горесно бесчасной!“ (82).

Когда ея мужъ, Алколесъ, уходитъ на войну, она говоритъ:

„Ахъ мой любезны, куды отхождаешь,
Мене во печали суще оставляешь!
Ты не оставь мене, но возми съ собою,
Азъ же и умерти готова с тобою...“ (116).

Проводивъ мужа, она продолжаетъ жалобу:

„Сѣтую горце, неутѣшно плачу
Младья свои мѣта во печали трачу“.....

¹⁾ Наши Исслѣд. и матер. I, 1, стр. 189 и др.

²⁾ Замѣтимъ, что этотъ плачъ декламируется ею подъ музыку, о чемъ свидѣтельствуютъ ремарки режиссера.

... „Что в моей і в младости? Приню и пропадати!
 Скажите, любезные, где мнѣ помощь взяти?“ ...
 ... „О, безсмертніи боги, что вы учинили,
 Почто меня с милым моим разлучили?
 Ах, *Фартуна злая*, что ты содѣлаешь,
 Печал же несносу на мя возлагаешь.
 Живѣ ли другъ мой, или нѣтъ, нимало не знаю,
 Отчего бо в горести всегда пребываю“ ...
 ... „Ни малой же вѣсти о немъ не слыхаю,
 Отчего же в печалі *горестно рыдаю*...“ (117—118).

По получении извѣстія о смерти мужа, убитаго громомъ, Тигрина, согласно режиссерской ремаркѣ, „скажет „ах“, потом обмертвеетъ, держат её дамы, і опамятавшись глаголет“:

„Ах, печал ко печали нынѣ умноженна,
Серцо мое бѣдное сталося сокрушено.
 Ах, стеною днес горде, цесаря лишенна,
 И слышу сына уже утопленна.
 Ах, *злое несчастіе* мене постигаеть,
 Знатно во мнѣ дух мой совсѣмъ исчезаетъ.
 Что мнѣ днес чинити, сама уж не знаю,
 Свою же *Фартуну* зельне прокинваю“.... (119).

Діалда оплакиваетъ смерть жениха такъ:

„Ах, я бесчасная, что се учинилась,
 Не выдавши друга, онаго лишилась.
 Что сотворю, недоумѣваю,
 Жениха прекраснаго своего не видаю.
 Угасе свѣтлникъ, *уяде цѣткъ*,
 Умре бо печально, ах, милый мой свѣтъ“....

„Боги безсмертніи“ не дали ей достигнуть греческаго трона:

„С милымъ моимъ другомъ мене разлучили“ (66).

Особенно обилень слезами неудачный любовникъ Алколесь: онъ „сѣтуеть горцѣ“, уединенный въ лѣсу и „обложенный печалими лютыми“; „печал несносна“ его „погубляетъ,—знатно, что ко смерти ко злой привождаетъ“; онъ проводитъ время „въ слезахъ и стоніяхъ“ (39—40) и готовъ лишитъ себя жизни (41, 43, 84); свой плачь онъ декламируетъ, а „музыка играетъ арію“ (40). Суровый шахъ Агримъ въ своемъ плачѣ (51—52), оплакивая утрату невѣсты, сначала „аро глаголет“, но затѣмъ мѣняетъ тонъ и „глаголетъ унывно“—

„Что могу азъ бѣдны нынѣ учинити,
 Подшуса аз сам себя смертельно убити“....

...„Ахъ, злыя разбойницы, что вы учинили,
За что я с прекрасной тако разлучилъ?...“ (52).

Атигринъ, получивъ оскорбительное посланіе Полиартеса, „унывно глаголетъ“:

„Ахъ, печаль нечаянна сердце сокрушаетъ
И, яко мечъ остръ, утробу пронзаетъ.
Ахъ, мерзкіи лукавче, что ты сотворишь,
Пороль заключенный почто разрушаешь...“ (81).

По смерти царицы Діалды, супругъ ея, Полиартесъ, оплакиваетъ её въ такихъ словахъ „унывно глаголя“:

„Ахъ, нечаянна печалъ уже наступила,
Умъ же мой бѣдны совсѣмъ помрачила.
Ахъ, прелюбезная моя, Діада царица,
Яснѣйшая моя сия голубица!
Ахъ, что мнѣ дѣлать отъ сея печали:
Уже дни плачевны нынѣ мнѣ настали.
Плачу днесъ горде, Діады лишениый,
Буду же во скорѣ і самъ умерщвленный.
Цвѣты зрю темны, лилія померкла...
Любезна Діада, вижду, что умерла.
Прощай мѣ, любезная, ужъ ты не видаю,
Отъ чего же в горести в слезахъ пребываю...“ (124).

Остановимся еще на одномъ плачѣ, который также декламировался подъ музыку; это плачъ Кризанты—

„Рыдаю нестерпимо по берегу ходяща,
Денно и ночью близ моря бродяща.
Кого іщу любезно, того не видаю,
И что о томъ тварити, недоумѣваю...“ (242 и сл.).

Этотъ плачъ отличается эпическимъ характеромъ, представляя собою повѣствованіе о любовной неудачѣ героини; обширный „плачъ“—56 стиховъ—при исполненіи перерывался игрою музыкантовъ, исполнявшихъ унывный мотивъ, при чемъ плачъ раздѣлялся на нѣсколько частей.

Обращаемся еще къ нѣкоторымъ обычнымъ въ пьесѣ формуламъ. Красота героини, героя—изображается сравненіемъ съ *солнцемъ*, съ *цвѣткомъ*, напр. Целодоръ говоритъ о Діальдѣ:

„Вижду, дражайшая, *якъ солнце сияетъ*,
Красотой же нынѣ, *какъ крикъ пролетаетъ*“ (64).

Купидо говоритъ Калеандру о Неонильдѣ:

„Се есть Неонилда, пред тобою сияеть,
Якъ цвѣтъ в красномъ лѣтѣ, тако процвѣтаетъ“ (188).

Неонильда въ свою очередь говоритъ матери о Калеандрѣ:

„Сей бо ковалер во храбрости сияеть,
Ко мнѣ оны во склонности, *якъ цвѣтъ процвѣтаетъ*“ (217).

Это сравненіе повторяется обычно и въ другихъ случаяхъ.

Радость соединившихся влюбленныхъ выражается сходно съ цитированной въ IV главѣ пѣсенкой:

„Радость мнѣ велика уже днесь собыхся,
С тобою любовнымъ такъ аз солучихся“ (330);

или такъ, на примѣръ:

„Прежняя печали уже позабудем,
Вогдѣ тужити тако мы не будем.
Печалъ наша в радость уже переменилась,
Фартуна ж счастлива ко мнѣ обратилась“ (354).

Еще отмѣтимъ характерную мелочь, встрѣченную нами выше, въ пѣсенкахъ и повѣстяхъ—надпись на могилѣ умершаго. Впрочемъ, здѣсь въ „Актѣ“, возможно, имѣемъ дѣло съ отголоскомъ быта: Алеколь приказываетъ по смерти Атигринѣ положить его тѣло въ украшенный гробъ и далѣе—

„С честію же великою к покою несите,
I над нимъ *надробокъ с ризмы сотворите*“ (115).

Въ заключеніе укажемъ еще на одну подробность: пьеса, какъ и тѣ, которыя мы анализировали выше, пересыпана „кантами“ и „аріями“, исполнявшимися, по ремаркамъ режиссера, подъ „унывную музыку“. Часть этихъ арій мы видѣли—онѣ не выдѣляются по своему строю изъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ; часть же построена нѣсколько иначе,—какъ произведенія легкой поэзіи онѣ пользуются болѣе свободной, не столь тяжеловѣсной формой, какъ 13 и 12-сложный стихъ. Приводимъ примѣръ характерный и для иллюстраціи сказаннаго, и для сравненія со стилемъ пѣсенокъ; это арія Уранія-Эдомира о непостоянствѣ въ любви Штеллы:

„Ахъ, любовь сердечна,
Не была ты вѣчна!
Лишь сердце пронзила,
И мысль поразила.

Ихъ азъ одну
 В любви, а не ину;
 Та ж мя полюбила,
 Она полюбила.
 Мое отстрасть,
 От мя убѣгаетъ!
 Запали душу,
 Удержи здѣ мушу" (347).

Мы остановились на разсмотрѣніи изобразительныхъ приѣмовъ „Акта о Калеандрѣ“ съ такою подробностью ¹⁾ затѣмъ, чтобы далѣе при анализѣ другихъ пьесъ того же типа—обработокъ романовъ въ манерѣ школьнаго дѣйства—ограничиваться лишь необходимымъ. Руководящими признаками принадлежности пьесы къ данной эпохѣ для насъ будутъ служить также, какъ и ранѣе, приемы и формулы изображенія любви, страданія, скорби дѣйствующихъ лицъ. Оговариваемся потому, что изъ ряда пьесъ до-сумароковскаго репертуара точно датирована лишь комедія о графѣ Фарсонѣ (1738 г.); остальные относятся нами къ эпохѣ начала XVIII вѣка на основаніи ихъ стилистическихъ особенностей и по манерѣ ихъ композиціи; изъ нихъ гадательно къ годамъ 1708 и слѣдующимъ можетъ быть отнесено дѣйствіе о Петрѣ Златые Ключи, наиболее близкое по строенію стиха и стилю къ Акту о Калеандрѣ.

Дѣйствіе о Петрѣ Златые Ключи ²⁾ начинается споромъ между Купидономъ ³⁾ и Завистью; является Венера и поражаетъ Зависть. Купидонъ является здѣсь въ обычной своей роли—никто ему не равенъ:

„Когда я любовію во сердце ударю,
 Такъ глубоко оно ⁴⁾ уваллю,
 Что тогожъ момента вся мысль прменится,
 Храбрость, мужества, славы къ любви обратится“ (215).

Зависть сомнѣвается:

„Тебѣ ли есть глуному во сердце пронзати (215).

¹⁾ Впрочемъ, далеко не исчерпавъ всего матеріала, а лишь выбравъ то, что необходимо было для нашей схемы.

²⁾ Рукоп. Моск. и Рум. публ. муз. № 3348, см. Отчетъ музеевъ 1903 г. Изданіе Г. П. Георгиевскаго, Изв. Отд. р. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ 1905 г. кн. 1, стр. 215—255.

³⁾ Ср. то же въ Актѣ о Калеандрѣ и въ Актѣ о Ливеріи, наша статья „Къ исторіи польск. и нар. театра“ 1905 г., стр. 57, Извѣстія, 1905 г., кн. 2, стр. 380.

⁴⁾ Въ изданіи: оны, сердце, храбростръ.

Купидонъ проливаетъ „источники слезны“ (216). Красота героини—солнце, дѣвѣтокъ: кн. Петръ, смотря на портретъ Магилены, говоритъ:

...„Неополитанская щаслива корона,
Что такое *пресвятое* солнце такъ имѣет,
От котораго всегда оная теплѣетъ“.—

На что Рыгандрусь галантно совѣтуетъ князю:

„Не умедя, государь, въ трактъ вступить потщитесь,
Может быть, что *сим солнцемъ* вѣчно озаритесь“ (223).

Въ концѣ пьесы, когда Магиленя засыпаетъ на колѣнахъ у Петра, онъ, любуясь ею, говоритъ:

„Ах, какая ты дражайшая красавца въ свѣтѣ!
Надѣюсь, какъ что свѣтъ процвѣтаетъ в лѣтѣ“ (246).

Король приглашаетъ рыцарей биться „за славу Магилены, королевны красной—

„Сияющей красотой, какъ *жемьдъ* пречасной“ (227).

Петръ охотно соглашается служить Магиленѣ (232) и за ея вниманіе обѣщаетъ ей такую награду:

...„Вашу во свѣтѣ прославлю особу
И *во гробъ прославлять буду* до моего гробу“ (233).

Онъ дѣлуетъ ей руку, она отъ любви чувствуетъ слабость:

„В трепетаніи сердца *роздробила кости*,
От таковыя *танкіа несносныя злости*“ (234)
„Тренещутся жилы, *корпусъ каменѣетъ*,
И во гробъ заключитися *вѣскорѣ прислѣветъ*“ (235).

Посылая мамку узнать, кто этотъ новый кавалеръ (Петръ), Магиленя добавляетъ:

...„Ни днем, ни ночью покою не знаю,
Когда про него спомню, *сердцемъ умираю*“ (235).

И когда мамка отказывается отъ порученія, Магиленя „упадаетъ на постель замертво“ (ib.). На замѣчаніе мамки, что „не политично“ дѣловать перстень Петра и вслухъ говорить о любви къ рыцарю—Магиленя возражаетъ знакомою намъ формулой—

„Ахъ, напрасно ты сколько меня оскорбляешь,
Видю, что во гробъ меня заключитъ *желаетъ*“ (236).

Пришедшему Петру Магилена объявляетъ, что она безъ него была, какъ во мракѣ—

„А тепер в моемъ сердцѣ какъ солнце сияешь,
И *любовны пламень* пространно пылаешь“ (236) ¹⁾.

Чтобы Петръ убѣдился въ ея любви, Магилена говоритъ:

...„Разтерзаю мое сердце, и виждь, какъ пылаешь,
Любовню о тебѣ нынѣ уже чаешь“ (238).

На что Петръ отвѣчаетъ—въ стилѣ пѣсенокъ (вспомнимъ о „цвѣточкѣ, внутри сердца цвѣтущемъ“ Изсл. I, 1, стр. 230).

„Только внутри моего сердца Магилена,
Прекрасна королева, лицомъ убилена“ (238).

Не медля, Купидонъ поражаетъ стрѣлою цѣлующихся влюбленныхъ и приговариваетъ:

„Стрѣлю, стрѣлю вамъ сердца и дамъ вамъ язву зѣлну“ и т. д. (238).

Влюбленныхъ постигаетъ несчастіе, угрожаетъ разлука; Магилена увѣряетъ:

„Но лучше животь мой смертию скончитца,
Нежели дражайшаго тебя мнѣ лишитца“ (243).

Она не хочетъ, однако, покинуть съ нимъ родителей и отечество. Тогда Петръ „вынетъ шпагу и хочетъ себе заколоть“ со словами:

„Нынѣ более на свѣтѣ не желаю быти.
Лучше же шпага (?) животъ бѣдному кончити“ (244).

Петръ и Магилена бѣгутъ вмѣстѣ; въ лѣсу воронъ уноситъ узелокъ съ перстнемъ, Петръ гонится за ворономъ; а проснувшаяся Магилена, думая что онъ её покинулъ, въ длинномъ плачѣ выражаетъ свое горе. Въ этомъ плачѣ въ изобилии собраны черты „плачей“ въ драмѣ и пѣсенокъ, оплакивающихъ разлуку (246—247).

„Дражайши, гдѣ, другъ Петръ, теперь ты гуляешь,
На что меня в семь мѣстѣ одну поводишь?“...
...„Ахъ, дражайшая радость князь Петръ вожденны,
Какимъ ты несчастіемъ стался отдаленны?
Разбойники ль люты тирански убили,
Или наши драбанты с собой возвратили?
Зетри ли свирѣпья тебя растерзали,
Или змиѣ люты напасть показали?“

¹⁾ Можетъ быть, первоначально было: ...„сілеть ...пылаешь“?

На что вы, родители, меня породили,
 На что меня тако злосчастну пустили?
Ахъ, несчастная фортуна, что так учинила,
С любимымъ меня другомъ Петромъ разлучила!
 Какъ я нынѣ бѣдная жить на свѣтѣ стану,
 Развѣ сама живота моего отстану?
Ахъ, злая Прозерпина, идъ теперь туллешь,
 Почто моей тяжкія печали не знаешь?
 Приди, приди немедля, умертви мя вскорѣ,
 Да боле не утерию в сей пустынь горѣ.
 Вы ль свирѣпыя тигры, терзайте утробу,
Предайте мя нынѣ печальному гробу!
 Что не слышите гласа и вы, львы жестоки,
 Пустя(те) крови моей велики потоки.
Да не видятъ пристрастна сего сетта очи,
 Лучше же смертныя придуть ко мнѣ ночи.
 Ахъ, ты сетъ очей моихъ, что такъ помѣраешь,
 Каково Магилену свою покидаешь?
 Прости, прости, дражайши, не желаю житьи,
Лучше животи смертию бѣдной окончити“.

Какъ и Тигрина, она начинаетъ рассказывать, на вопросы старицы:

„Э дѣвницами моими в сем лесу гуляла“... (247).

Къ отдѣльнымъ шаблоннымъ мѣстамъ плача можно подыскать параллели въ приводимомъ выше матеріалѣ; кромѣ того—отмѣтимъ параллели къ характерной, любимой авторами этой эпохи рѣчѣ:

...„отческа утроба

Весма сохраненна да будетъ до гроба“ (254).

Въ дѣйствиіи объ Эсфири, изданномъ г. Георгіевскимъ

„Ужъ давно ярятся (?) снѣдаю утробу

Мыслию, что противнику низвести хо гробу“ (288).

Въ отрывкѣ пьесы о Фелдегмерѣ, изданномъ тѣмъ же г. Георгіевскимъ:

...„Тѣмъ доволствовать могла б сердцу и утробу,

Ахъ, пойду и понцу живаго мнѣ гробу“ (305).

Возвращаемся къ дѣйствию о Петрѣ. Петрѣ въ свою очередь выражаетъ свою скорбь по исчезнувшей Магиленѣ въ „плачѣ“:

„Доколѣ я в печали буду пребывать,

Доколѣ Магилену драгу не видати?

*Доколь печаль будетъ сердце мнѣ терзати,
Доколь любовной моеи не видати?
Скажи мнѣ, Маглена, гдѣ днесь обитаешь,
Мою скорбь сердечную нинѣ ты не знаешь“... (251).*

Петръ, его мать—проливають „премноги слезы и „гласъ горькій“ (250—251).

Въ отрывкѣ упомянутаго „дѣйствія о Фонилиадѣ и Фельдегмерѣ“¹⁾ находимъ слѣды той же литературной школы—и въ стихѣ пьесы, и въ ея стилѣ. Фонилиада жалуется: „почто бѣдная на свѣтъ родилась в напасти“... (300). Ей нѣтъ радости:

*„Ахъ, отсюда лишь печаль и туга велика.
О, коликую в любви инныи имать радость,
Мнѣ же слезы навсегда и горестъ лишь в сладость“.*

Она поетъ кантъ „вшедь в дубравы“ (301), какъ обычно поступаютъ тоскующіе герои и героини драмъ и повѣстей. Она лишена любви, и потому ей „ничто ни мило на свѣтѣ“. Она известна всему міру красотой, но „без любви“, полагаетъ, „умереть лутче“. Узнавъ о смерти Фельдегмера, она восклицаетъ:

*„Уже свѣта мя лишилъ отецъ предрагаго,
Ея, саму ся умерщвлю, не иду за драгаго“ (302).*

Она говорить о миломъ:

*...„безъ него не могу быть ни дня, ни ночи,
Ахъ, не видя пред собой, сами плачут очи“ (302).*

Услышавъ, что онъ живъ, она молится, чтобы онъ пришелъ:

*„И моя бы утолилъ въ сердци токи слезны“ (ib.).
„Ибо сердце навсегда на части все рвется,
Аще спомнит о любви—слезами залъется“ (ib.);*

—последній оборотъ напоминаетъ фразеологию украинскихъ любовныхъ пѣсенъ, указывая на моментъ ихъ сложения, границу XVII—XVIII в. Фонилиада, прощаясь съ возлюбленнымъ, высказываетъ готовность погибнуть вмѣстѣ съ нимъ (304). Она называетъ Фельдегмера „дражайшимъ адамантомъ“, „безцѣннымъ сапфиромъ, свѣтящимъ славою, единымъ во всемъ мірѣ“ (303); когда она стоитъ надъ побитыми, среди которыхъ предполагаетъ и своего возлюбленнаго, она причитаетъ:

¹⁾ Рук. Моск. и Публ. и Рум. Муз. № 3348, Г. Георгиевскій, *ibid.*, стр. 300—307.

„Ах, ах, ах, ужь угасе *сезна очию ясний,*
Пропась, пропась (?) Фельдегер, *четт любви прекрасны*“ (304).

Нѣсколько далѣе:

„О проклятая мнѣ часть досталась на свѣтѣ,
Ах, всю жизнь я изжила в злочастномъ навѣтѣ.
О, *настигущя теперь слезами* чрезъ мѣру,
Источить токъ, поплыву во зрѣб в Фелдегеру.
Плачте, ах, не престая, по любезномъ очи,
Уж не зрите вы дня любви крогѣ ночи“... (306).

Пьеса о графѣ Фарсонѣ, дошедшая до насъ въ спискѣ 1738 г. и въ другомъ позднѣйшемъ ¹⁾, представляетъ не малый интересъ для историка русской драмы, хотя бы потому, что, какъ замѣчено отчасти ея издателемъ, авторъ воспользовался, кромѣ романической фабулы, и готовыми данными, заключавшимися въ современныхъ ему пьесахъ—заимствовалъ прологъ изъ „Дафны“ и, какъ увидимъ ниже, повторилъ обороты и формулы, извѣстныя съ одной стороны, напр., изъ Акта о Калеандрѣ, съ другой—изъ довольно богатой литературы пѣсеннокъ; одну изъ такихъ пѣсеннокъ авторъ комедіи о графѣ Фарсонѣ включилъ даже цѣликомъ въ свою пьесу. Вопросъ о приемахъ композиціи автора этой комедіи въ настоящей статьѣ насъ не занимаетъ; мы сосредоточимъ все наше вниманіе, какъ и ранѣе, на стилѣ и фразеологіи пѣсенъ.

Графъ Фарсонъ просится у отца въ чужія государства (ср. переходную повѣсть о Петрѣ Прованскомъ, Золотые Ключи, или русскія, подражательныя: объ Александрѣ росс. дворянинѣ и др.), является въ Португалію, гдѣ царствуетъ королева Елисабетъ, попадаетъ въ театръ на комедію и на балу, танцуетъ съ королевой и, влюбившись въ нее, „получаетъ радость многу“. „Ахъ Купидъ благородный!“ восклицаетъ Фарсонъ:

„Ты бо Минервинъ сынъ родный.
Нынѣ сего дерзнулъ просити,
Дабы два сердца *водито слити*“ (25)—

и петь за здоровье двухъ сердець. Является пажъ, извѣщающій его о смерти отца и о потерѣ состоянія. Фарсонъ жалуется на постигшее его горе:

¹⁾ Рук. Казанск. Унив. № 31—295, изд. Н. М. Петровскою, Къ исторіи русскаго театра. Комедія о графѣ Фарсонѣ. 1900. (Пам. Общ. Люб. Др. Писъм. СXXXVIII). Цитаты по этому изд.; варианты по другой рукоп., см. Р. Ф. Вѣстн. 1904 г.

„Ахъ, о чемъ такъ въ веселіи пребываеъ
И *злу Кутиду* увеселяеъ.
Начто, *Юпитеръ*, меня забываеъ,
Почто милости руку отвращаеъ?
Подаждь ми, *Венусъ*, хотя малу забаву,
Приключи къ сердцу едину отраду!
Повели шъ ты *Кутиди* сыну отстати,
Дабы впредъ жи не мучилъ *отрылами*
И не уловляеъ бы лестными словами.
Скряюся въ тмы псчаль провождати
И буду *зъ горлицю* себя забавляти! (26)
О земле, *прими мя* <с> *сею жарнаго снѣга*,
Да не дамъ болше предъ Богомъ отвѣта.
О, *мъртвѣ*, *пыпѣ* *почтнись* мя искати
И *тѣло мое бѣдное терзати*“....

Онъ проситъ отца: „прими мя нынѣ во свою обитель“ —

„Унѣ во гробѣ съ тобою быти,
Анежели въ чужей странѣ мизерну жити“ (27).

Онъ благодаритъ любезнаго хозяина, предложившаго сохранить за нимъ квартиру: „не знаю, чѣмъ вамъ и платити“ и добавляеъ:

„Токмо мя сія печаль сокрушаеъ,
И *всѣ во мнѣ членки мелко раздробляеъ*“ (28)...

Королевна, пригласившая Фарсона къ себѣ, привѣтствуетъ его такъ:

„Не бось, *моя радость*,
Сахарнымъ устомъ *моимъ сладость*“ (39).

Тѣ же слова чуть ниже въ рѣчи Фарсона (48) къ королевнѣ:

„Поди *моя радость*
Устомъ *моимъ сахарна* *сладость*“.

и снова, въ отвѣтъ ея (ib.):

„Здравствуй и ты, *моя радость*,
Ахъ, прелезирная *моя сладость*“.

Королевна объясняется въ любви къ Фарсону въ такихъ выраже-
ніяхъ:

„Ахъ, мой *предраціи* *деманте*,
И *тяжкоцѣнный* *бразіанте*!
Принесъ еси ты *пламя*
На своемъ *рагѣ*.

*Затаила мою душу,
 Любовью къ себѣ имущу (sic).
 Умъ мой сомутися,
 Кутуда мнѣ приключися:
 Внутрь чрева моего стрѣлила.*
 Въ любовь твою издавна сердце мое уязвила!
 Азъ хочу того желати,
 Дабы мнѣ въ союзѣ съ тобою до смерти пребывати.
 Только ма злыи Юпитеръ недопускаеть,
 И отъ всего любленія едино отрѣваеть“ (40).

Стихи 5—6 этого признанія, несомнѣнно, испорчены; ихъ не исправляетъ и второй, болѣе поздній списокъ комедіи; они однако становятся отчасти понятны, если мы примемъ во вниманіе пѣсенное (см. выше, гл. III, 3)—

*„Зранило сердце, зранило и душу,
 По тебѣ, милы, ахъ, умерты мушу“.*

Въ отвѣтъ на признаніе королевны Фарсонъ проситъ ея открыть лицо, обращаясь къ ней такъ:

*Охъ, предраіиі цѣтти, единъ ты насажденъ въ царскомъ вертоградѣ,
 И наче ескаъ цѣттовъ разцвѣтаешъ во иномъ виноградѣ“ (40).*

Разсказывая о своемъ приключеніи съ королевой, Фарсонъ говорить хозяину: „съ нѣкоторымъ чловѣкомъ *амурію* имѣю велику“ (45), ср. въ „Акты о Калевандрѣ“—„амуръ возымѣти“ и т. п.

Въ 21-мъ явленіи Фарсонъ произноситъ предъ королевой цѣлое стихотвореніе любовнаго содержания, которое встрѣчается совершенно отдѣльно отъ текста комедіи и вкраплено въ него совершенно искусственно и притомъ съ искаженіями. Это стихотвореніе, какъ уже замѣчено г. Петровскимъ въ его статьѣ о второмъ списокѣ комедіи ¹⁾, встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ пѣсенъ Императ. публ. библиотеки, именно въ Q. XIV, № 12 подъ № 107 и въ Q. XIV, № 98, подъ № 16, а также въ рукописи Тверскаго музея № 152 (3199). Приводимъ эту пѣсню изъ 53-й „рѣчи“ Фарсона съ вариантами по послѣднему списку (полов. XVIII в.), выбирая лучшее чтеніе:

*„Красота пресличная, асный свѣтъ очей моихъ,
 Что ²⁾ ма чинишь преобразна сладостью ³⁾ устенъ твоихъ.*

¹⁾ Р. Фил. Вѣсти., 1905, № 1, стр. 81.

²⁾ Рук. Тв. М. № 152, л. 59 об.—60; у Петр.—А.

³⁾ Тв. сладости.

Сердцемъ ко мнѣ обратися ¹⁾, всю жестокость отлучи ²⁾,
 Надо мною умилися, слезамъ ползу получи ³⁾.
 Исчезаю ⁴⁾, аки трава; тяжело ⁵⁾ мнѣ съ печалію,
 Мя губишь себѣ на ⁶⁾ славу, аз сожгусь ⁷⁾ с любовью.
 Изъ очей моихъ спознаешь всю болѣзнь душевную.
 Аще ты мя не познаешь ⁸⁾, даждь ми язву смертную“.

Засимъ—въ сборникѣ Тв. муз.—четверостишіе, котораго нѣтъ въ комедіи:

„Освѣти мя лучми очесъ, познаешь, что я терплю,
 Что твое благополучіе, азъ, душа, тебе гублю ⁹⁾
 Выручи мя изъ неволи, любовь превратила мя;
 Всегда буду в твоей воли, во всемъ удоволю тя“.

Далѣе—въ комедіи и сборникѣ нѣсѣнъ тексты совпадаютъ:

„Зѣло бѣ ¹⁰⁾ было мнѣ свободно, коли бѣ ¹¹⁾ я тебя ¹²⁾ не зналъ,
 И жи бы я ¹³⁾, какъ мнѣ годно, очей бѣ ¹⁴⁾ твоихъ не видалъ.
 Лице твое, бѣло ¹⁵⁾ тѣло превосходитъ вся ¹⁶⁾ что есть.
 И что славятъ ¹⁷⁾ на семь свѣтъ, вся ¹⁸⁾ тебѣ вручаю днесь.
 Ты же во мнѣ возбудила огнь неугасающій ¹⁹⁾,
 Тѣмъ же сердце изнурила, что не вижу помощи ²⁰⁾.
 Ты сама, душа, увидишь, какъ я буду мертвъ лежать.
 Хотя ты и не желаешь, во мнѣ лучше смерть подъять ²¹⁾.“

¹⁾ Тв. превратися.

²⁾ И у *Петр.* и *Тв.*: отлучишь; исправляемъ для востановленія рѣчи.

³⁾ Тв. и *Петр.*—получишь.

⁴⁾ *Петр.* Исчезаю.

⁵⁾ *Петр.* тяжело.

⁶⁾ Тв. не.

⁷⁾ *Петр.*: „азъ жду все“.

⁸⁾ *Петр.*: не помянешь.

⁹⁾ Исправлено нами, въ *Тв.*—вторично: „терплю“.

¹⁰⁾ Въ *Тв.* нѣтъ бѣ.

¹¹⁾ Тв. Еслиб.

¹²⁾ Тв. тебе.

¹³⁾ Въ *Тв.* я нѣтъ.

¹⁴⁾ Въ *Тв.* бѣ нѣтъ.

¹⁵⁾ Такъ въ *Тв.*; *Петр.* твое.

¹⁶⁾ Тв. превосходитъ все.

¹⁷⁾ Тв. Слава.

¹⁸⁾ Тв. все.

¹⁹⁾ Тв. неугасимыи.

²⁰⁾ Стихъ взять изъ *Тв.*; у *Петр.*: „Тыжъ и сердце запалила, но имѣю помощи“.

²¹⁾ Всего этого стиха въ *Тв.* нѣтъ, вм. него—слѣд.: „Развѣ ты мя удоволишь, скончаю лютую смерть“.

Хочь и душу погубляешь, въ послѣдніе ты прошу,
 Умираючи съ печали, къ тебѣ гласъ свой возношу ²⁾:
 На гробъ вели написати ³⁾, что я съ твоей твердости ³⁾
 Вѣчнымъ сномъ пошелъ я ⁴⁾ спать въ совершенной вѣрности⁴⁾.

Когда Фарсонъ, интригами придворныхъ, разстрѣлянь—королевна
 такъ оплакиваетъ своего возлюбленнаго:

...„А я болѣе не могу на сѣтти житьи
 И чѣмъ себя веселити.
 А кѣмъ веселилась,
 И того лишилась.
 Нынѣ снмъ мечемъ пробію утробу
 И пойду къ своему гробу“... (72).

Въ нашу задачу теперь не входитъ сравнительное изученіе „Исторіи о гр. Фарсонѣ“; но нельзя обойти молчаніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ пьесы, гдѣ читатель встрѣчаетъ рядъ оборотовъ, стиховъ, чрезвычайно напоминающихъ „Актъ о Калеандрѣ“, напр. стр. 29, 33, 45, 48, или 36, 37, 38, 43, или 57, 58: любимые обороты рѣчи, приемы, ходячія, готовые выраженія для различныхъ драматическихъ ситуаций уже начали выработываться въ русской драматургіи къ тому времени, когда была написана комедія о Фарсонѣ. Эти же выраженія, ту же любовную фразеологию мы находимъ и въ „Комедіи объ Индрикѣ и Мелендѣ“.

Въ этой комедіи, изданной П. О. Морозовымъ въ приложеніи къ его „Исторіи р. театра“ ⁵⁾ и относящейся, повидимому, къ 20—30 годамъ XVIII ст., имѣется достаточно матеріала для того, чтобы причислить ее въ отношеніи стиля къ выше разобраннмъ пьесамъ.

Король Саксонскій, отправляя сына, Индрика, въ чужіе края, обращается къ нему:

„О дражайшая моя радость,
 Сердца моего сладость... (стр. V).

Разлучаясь со своею невѣстою, Мелендою, Индрикъ говоритъ:

...„О разлученіи семъ плачу, моя любезная невѣста!

²⁾ Два стиха „хочь... возношу“ въ *Тв.* сильно искажены: „Есть ли смерти мнѣ желаю, приди, послушай мене, | Есть ли душу погубляешь, в послѣднѣе прому ты“.

³⁾ Такъ у *Петр.*—„Ты на гробъ мой вели вписать“.

³⁾ Такъ у *Петр.*, *Тв.*: „что умрохъ въ моей твердости“.

⁴⁾ *Петр.*; въ *Тв.*: „і вѣчнымъ сномъ азъ пошелъ“...

⁵⁾ Прилож., стр. V—XX, по рукоп. Археогр. Ком., нач. XVIII в. ^{207/1827}, цитаты по изданію Морозова, не вполне точному, но для нашей цѣли удовлетворительному.

Докогда азъ тамъ ни буду жити,
По тебѣ, предрагая, всегда буду тужити" (VI).

Меленда, узнавъ о неизбежной разлукѣ, плачетъ:

„Что слышу“. Что рещи—не знаю!
Ахъ, злѣ умираю!
Какъ буду отъ тебе отлученна,
А кѣмъ быти чаю увеселенна?
Почто ты отъ меня отъѣзжаешь,
Сердце мое злыно сокрушаешь?
Убий мя и положи во гробѣ,
А не остави мя, бѣдную, жити въ горѣ (VI).

Индрикъ вручаетъ ей перстень, „утверждаетъ вѣрный пароль“—
какъ горой „Акта о Калеандрѣ“ и увѣщаетъ.

По разлученіи влюбленныхъ выходитъ Сѣтованіе, начиная плачь
свои словами:

„Жалость сердца моего люте вся моя члены узалелетъ
И печалю злыно мое сердце сокрушаетъ“... (ib.).

По отъѣздѣ Индрика, его овдовѣвшій отецъ замышляетъ жениться
на Мелендѣ, коварно обманувъ её, будто бы Индрикъ (подложный)
убить. Увидѣвъ убіеніе подложнаго Индрика, Меленда начинаетъ
плачь, выражая скорбь въ знакомыхъ намъ формулахъ:

...„Ахъ, что мнѣ бѣдной, ахъ, отлученной!

Изъ тѣхъ, что сотворити,

Лучше ми умрети!

Ахъ, проклятый часъ той, когда азъ родихся,

Въ несчастія бо мой вѣкъ продолжися!

Ахъ, проклятый тиране! почто такъ учинилъ,

Дражайшую мою радость со мною разлучилъ!

О, свѣта очей моихъ нынѣ лишаешь

И въ горести вѣчной оставляешь!

О, горы, вы на меня нынѣ надите!

Морскія волны, молю, потопите!

И вы, льва, мя пыпѣ пощадите:

Льва или волка на мя испустите!

Унѣ буду оными умерщвленна,

Нежели отъ тебя, моя радость, буду отлученна!

Да растерзаютъ мое тѣло на части,

И тѣмъ да не буду жити въ напасти.

Ахъ, несчастная фортуна, почто такъ учинила,

Сладкой моей радости мя нынѣ лишила!

Всю мою радость снѣмъ прекратила,

И въ горестъ вѣчную меня превратила!

Которыми гласы или конки реку устами?
 Всегда прострѣлена буду горести стрѣлами?
 Въ жалости всегда буду слезы истуцати;
 Пойду, пойду еъ тѣбъ рыдати...

...„Ахъ, смерти, почто умерщвленишь,
 Мою любезную друа со мною разлучаешь!
 Возьми и меня с нимъ, да умертвлюся,
 Нежели въ суеты ¹⁾ сего свѣта остаюся“.
 ...„Но кому мя вручаешь, на кого оставляешь,
 Свою несчастливую невѣсту покидаешь.
 О, солнце, плачь со мною днесь!
 Что ми дастъ море слезъ?“... (VIII—IX).

Она обѣщается служить до гроба памяти Индрика, отказывается отъ брака съ королемъ и не знаетъ, какъ унять свои слезы:

„Плача, не всѣмъ, какъ отстати.
 Егда Индрика не увижду, буду слезы испуцати“ (IX).

Сравнивая этотъ „плачь“ съ тѣмъ, что знаемъ изъ предыдущаго, убѣждаемся, что въ немъ, какъ говорится, нѣтъ живого мѣста; почти весь онъ представляетъ комбинацію знакомыхъ намъ выражений изъ „Акта о Калеандрѣ, комедій о Петрѣ Златые Ключи и Фарсонѣ—однимъ словомъ та же зависимость, которую мы подмѣтили между повѣстью объ Александрѣ, російскомъ дворянинѣ, и повѣстью объ Иоаниѣ. Какъ въ произведеніи, въ значительной степени подражательномъ, въ комедіи объ Индрикѣ мы замѣчаемъ далѣе извѣстный схематизмъ—не только въ томъ, что настоящій Индрикъ, обманутый отцомъ мнимою смертью Меленды, произноситъ также „плачь“, но и въ томъ, что „плачь“ этотъ представляетъ не болѣе, какъ варіантъ „плача“ Меленды, составленный изъ тѣхъ же готовыхъ, шаблонныхъ выражений скорби:

„Ахъ, какъ могу зрѣти дражайшую,
 Невѣсту мою, Меленду сладчайшую!
 О, очи, непрестанно на ея персону зрѣйте,
 Посмотрѣвши сами во свѣтъ (?).
 Да померкнутъ зѣницы моихъ зракъ,
 Нежели вижду любезную такъ!
 Ахъ, кто насъ разлучаетъ, мнѣ возвѣстите,
 Лучше мѣ нынѣ умертвите!“

¹⁾ Не опечатка ли у г. Морозова? Можетъ быть, въ рукописи читается: „умерщвлюся“ и „суеты“.

Кую ты, смерть, примешь радость,
 Почто отлучаешь отъ меня мою сладость?...
 ...»Ахъ, увя, что сотворю?
 Лучше со смертнымъ ядомъ чашу испію:
 Поиду, чужестраннымъ вопремъ,
Предамъ себя лютымъ зопремъ“...
 ...»Мнѣ мою любезную возвратите,
Или и меня съ нею смертію умертвите“...
 ...»Роскоши сего свѣта оставляю,
По тебѣ моя любезная, мнѣ умираю.
 Се уже умъ мой помрачается,
 Се и утроба моя снѣдается.
 Почто азъ нынѣ отъ тебя разлученный?
Развѣ сей мечъ пронзитъ мое сердце смертний!
 Почто азъ не вижу ясныхъ твоихъ очей,
 Ниже слышу отъ твоихъ устенъ рѣчей?...
*Ахъ, fortuna почто такъ учинила,
 Сладкой моей радости днесь меня лишила?*
 Почто мысли смущаюся?
 Ахъ, ты, любезная на вѣки липаюся!
 Прости, бывшая моя радость! въ томъ разлучаюся,
Смертнано уроба... предаюся¹⁾.
 Ахъ, Боже мой, почто мя оставляешь,
 И моей дражайшей на вѣки лишаешь“ (X—XI).

Въ изданіи, а можетъ быть и въ рукописи, этотъ „плачъ“ представленъ въ очень плохомъ видѣ, съ очевидными пропусками и искаженіями; кое что издателемъ не разобрано; поэтому и мы, не имѣя передъ собою рукописнаго текста и не рѣшаясь возстановлять его, извлекли изъ него лишь наиболѣе благополучныя мѣста.

Меленда въ свою очередь горько оплакиваетъ Индрика:

„Нынѣ сердце терзается во мнѣ
 И слезы непрестанно текутъ изъ очей моихъ по мнѣ“ (XI).

Она въ свитѣ цесаревой заходитъ въ часовню, гдѣ лежитъ похоронена мнимая Меленда, которую оплакиваетъ монахъ—Индрикъ. Онъ и Меленда рассказываютъ цесаревѣ о смерти другъ друга—и влюбленные узнаютъ другъ друга; Индрикъ:

„О любезная и дражайшая сердца моего сладость!
 Ты ли мнѣ предстоишь, прележая моя радость?“

¹⁾ Здѣсь издателемъ не разобрано слово, по требованію метра—двухсложное, напр. „сѣни“.

Меленда, отвѣчая, цитируетъ пѣсню:

„Вижу, хотя и *свѣтлость* лица твоего заросла власами ²⁾,
Однакожь прежнюю любовь признаваю съ вами“... (XIV).

Радость Индрика выражается въ довольно безсвязной рѣчи, въ которой снова находимъ: „прелюбезная моя радость“, „изсушеніе слезъ моихъ“, „отверзителя небеса“, „слезъ моихъ дождь“; въ ея отвѣтъ: „дражайшая радость“, „я не хотѣла болѣе жити“. Заключается пѣса сценой Индрика у гроба отца, кончившаго жизнь въ монастырѣ. И здѣсь—въ плачѣ по отцѣ—повтореніе извѣстныхъ намъ формулъ и приемъ: „печаль зѣльна въ сердце вселися“, „жалость сердца“, „вся оставляю... жалостно рыдаю“ и т. п.

Въ заключеніе нашего обзора пѣсь до-классическаго репертуара русскаго театра остановимъ вниманіе на „Актѣ о царѣ перскомъ Кирѣ и о царицѣ скиѣской Томирѣ“ ³⁾, въ которомъ, кромѣ участія фортуны, упоминаній о Марсѣ—слѣдуетъ обратить вниманіе на „плачъ“ Томиры въ 7-мъ явленіи, по полученіи ею извѣстія о смерти сына ея отъ руки Кира:

„...Увы, мой сыне, зѣло мнѣ любезный!
Ахъ, какъ совѣщати? весьма есть слезны.
Не могу азъ ничтоже мыслити лукавымъ,
Утрѣ лучше разсуду во умѣ моемъ здравомъ.
Нынѣ тое сердце плачевно жало,
И умъ мой печально изривати начало.
Воспойте днесъ плачевно, умильные музы,
Ахъ отторгните отъ меня сыновни союзы“ (XX VII).

Въ слѣдующемъ явленіи она рассказываетъ о своей печали: „пре-тяжки... печали уныніемъ терзати днесъ сердце начали“, „слезны, яко водны, токи“... Несмотря на сходство въ стихѣ, стиль этой пѣсы значительно отличается отъ предыдущихъ ³⁾, что можно замѣтить сразу, сравнивая приемы изображенія радости и горя въ этомъ „Актѣ“ и другихъ пѣсахъ, разобранныхъ нами. Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что эта пѣса составлена еще съ большею наивностью и неумѣлостью, чѣмъ комедія объ Индикѣ: она, на нашъ взглядъ, обнаруживаетъ хорошее знакомство автора съ школьной теоріей

²⁾ Ср. наши Изсл. и мат. I, 2, стр. 189, № 4.

³⁾ Рук. кн. Оболенскаго № 158 (153 нив.), XVIII в. Моск. арх. мин. ш. дѣл.; изд. Морозова, Ист. русск. театра, Приложенія; пятаги по изданію.

³⁾ Ср. Морозова, въ назв. соч., стр. 280.

композиціи драмы, а стихъ ея, гораздо болѣе выдержанный, менѣе похожъ на рѣчованную прозу, чѣмъ стихъ въ комедіи объ Индикѣ, Фарсонѣ и т. п. Самый выборъ историческаго, а не романческаго сюжета, обнаруживаетъ въ авторѣ лицо изъ иного круга и иной, можетъ быть, подготовки.

Можно предполагать, что тѣми же особенностями стиля, которые мы отмѣтили въ рядѣ пьесъ репертуара эпохи Петра Великаго — точнѣе до 40-хъ годовъ XVIII-го вѣка — отличались и недошедшія до насъ пьесы Тредіаковскаго. По крайней мѣрѣ въ забавномъ фарсѣ Сумарокова — „Трессотиніусъ“, написанномъ въ январѣ 1750 года, не безъ желанія осмѣять Тредіаковскаго, въ уста педанта-ухаживателя Кларисы авторъ влагааетъ, видимо, ставшее въ его время устарѣвшимъ или выпедшимъ изъ моды выраженіе: „эта бумажка“, говоритъ Трессотиніусъ, вынимая изъ кармана пѣсенку — „яснѣ вамъ скажетъ, какую *язу въ сердцѣ моемъ*, пріятство ваше, то есть красота ваша, мнѣ *учинило*, то есть сдѣлало“ ¹⁾. Въ пѣсенкѣ — пародіи на пѣсню Тредіаковскаго встрѣчаемъ: „бровь твоя меня пронзила“, „стрѣлою сшибла съ ногъ“, рѣма — „младость — сладость“. Модные въ 50-хъ годахъ XVIII-го столѣтія цетиметры у того же Сумарокова говорятъ совсѣмъ иначе: для выраженія любви и горя, не безъ помощи французовъ, были найдены новыя, болѣе модныя формулы. Зато въ области лирики еще очень долго держались старые шаблоны, постепенно переходя ниже, въ менѣе культурные слои народа и окрашивая его поэзію въ слащаво-сентиментальный тонъ.

Подводя итоги нашему розысканію, изъ котораго съ достаточной опредѣленностью, думается, выясняются характерныя черты стиля всѣхъ видовъ поэзіи начала XVIII-го вѣка, мы должны, конечно, оговориться: мы не считаемъ нашихъ выводовъ абсолютно непоколебимыми. Новый матеріалъ принесетъ и новыя данныя для характеристики стиля русской поэзіи интересующей насъ эпохи. Ислѣдованіе стиля легкой поэзіи XVII вѣка дастъ руководящія указанія на путь, которымъ и украинскіе поэты и ихъ русскіе подражатели усвоили новую русскую литературѣ европейскій, хотя и нѣсколько старомодный, обликъ. Но на ряду съ этимъ мы можемъ сдѣлать нѣсколько обобщеній и на основаніи того, что собрано нами.

Уже съ конца XVII-го столѣтія стали складываться основныя

¹⁾ Полное собраніе всѣхъ сочиненій... А. П. Сумарокова, изд. 2-е. М. 1787 г., ч. V, стр. 301 и 302.

черты новаго литературнаго стиля, подъ вліяніемъ съ одной стороны возникшей потребности выразить галантныя чувства и понятія новыхъ русскихъ людей, дѣтей „возрожденной“ Россіи, перемѣнившей не безъ борьбы старыя понятія на новыя, шедшія съ Запада. Для выраженія новыхъ думъ и чувствъ, новыхъ понятій нужно было создать новую терминологію, новыя литературныя формулы—въ старыя уже не укладывалась жизнь съ ея ярко свѣтлымъ настроеніемъ. И прежде всего эти новыя формулы, сложившіяся подъ воздѣйствіемъ частью завожикъ нѣмцевъ, частью малороссовъ, передатчиковъ польской культуры — нашли себѣ мѣсто въ лирикѣ, какъ наиболѣе подвижномъ легкомъ литературномъ родѣ. Повѣсти и драмы не отстали отъ общаго теченія и воспроизвели черты новыхъ литературныхъ вліяній — каждая въ своемъ родѣ: и драма, и повѣсть, и лирика петровской эпохи выработали, въ общемъ, каждая свой шаблонъ, свои приемы: въ одномъ родѣ преобладаютъ однѣ черты, однѣ особенности любовной и скорбной фразеологій, въ другомъ — другія; но цѣлый рядъ общихъ чертъ, общихъ формулъ объединяетъ все разнообразіе свѣтскихъ памятниковъ этой эпохи, до того момента, когда начинается могущественное и непосредственное уже вліяніе французской литературы на высшіе слои русской интеллигенціи—въ концѣ 40-хъ годовъ XVIII-го столѣтія. Новая литературная эпоха приноситъ и новый стиль, и новые сюжеты.

В. Черетцъ.

ВОСЕМЬСОТЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ СО ДНЯ КОНЧИНЫ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА І МУДРАГО.

Покойный А. А. Куникъ задавался вопросомъ „Извѣстны ли намъ годъ и день смерти великаго князя Ярослава Владиміровича“? ¹⁾ и приходилъ къ трицателетнему отвѣту. Въ неопѣнномъ трудѣ покойнаго преосвященнаго Сергія, архіепископа Владимірскаго, III ч. 3 прилож. 3, стр. 61 говорится: „по К. Соф. Ярославъ Владиміровичъ великій князь въ крещеніи Георгій преставился... 28 февраля“. Я въ своей статьѣ „О поученіи Владиміра Мономаха“ С.-Пб. 1900 на стр. 112 въ 23 положеніи говорю: „Началомъ удѣльнаго періода съ его отчинничествомъ слѣдуетъ считать не 4 марта 1055 (*sic!*), день смерти Ярослава, а начало ноября 1097 г., время Любечскаго съѣзда“. Телеграмма изъ Ярославля въ февралѣ сообщила о чествованіи 850-лѣтія кончины 20 февраля 1904 г. Кто же изъ насъ правъ?

Разсмотримъ доводы А. А. Куника. Брошюра А. А. Куника состоитъ изъ четырехъ главъ. Первая глава, указавъ на важность вопроса, выставленнаго въ заголовкѣ брошюры, устанавливаетъ отношеніе мартовскихъ и сентябрьскихъ годовъ къ нашимъ январскимъ. Въ этой главѣ мы не можемъ согласиться только съ однимъ положеніемъ, что „послѣ его (в. кн. Ярослава Владиміровича) кончины прекращается такъ называемый норманскій періодъ древне-русской исторіи и начинается удѣльный періодъ“. Это мы высказали уже въ статьяхъ „О поученіи Владиміра Мономаха“ въ только что приведенномъ мѣстѣ. Цѣль II главы—„удостовериться, въ какомъ видѣ дошли до насъ лѣтописныя даты о кончинѣ Ярослава“. Авторъ говоритъ: „Хронологическія извѣстія о кончинѣ Ярослава Владиміровича дошли

¹⁾ Исслѣдованіе А. Куника С.-Пб. 1896 (печатано по распоряженію археографической комиссіи).

до насъ въ разнообразныхъ формахъ, число которыхъ ижегь не опредѣлено. Сперва, по всей вѣроятности, распространился слухъ, что Ярославъ скончался въ „Теодорову субботу“. Годъ (6562) и день кончины могли опредѣлить и написать только книжники, отъ которыхъ намъ извѣстно, что Ярославъ скончался 20 февраля. Спрашивается только, вѣрно-ли опредѣлены годъ и мѣсяцъ кончины Ярослава, такъ какъ описывающіе хронисты легко смѣшивали года, особенно не обозначенные какимъ-либо событіемъ — или, иначе говоря, такъ называемые глухіе года. Повидимому передъ нами примѣръ такого случая“. Здѣсь мы не будемъ разсматривать вопроса о томъ, *съ народъ* ли именно распространился слухъ о томъ, *что Ярославъ скончался въ „Теодорову субботу“*. Это мы увидимъ ниже, въ дальнѣйшемъ нашемъ разборѣ вопроса. Перейдемъ къ дальнѣйшимъ положеніямъ Куника: „мы должны установить, что изслѣдователи до сихъ поръ основывались *на одной отдѣльной редакціи*, долженствующей привести ихъ къ *не совсѣмъ* вѣрному заключенію“ (курсивъ — нашъ). „Уже Татищевъ, Карамзинъ и другіе въ этомъ случаѣ принимали за основаніе текстъ въ той формѣ, въ которой онъ встрѣчается между прочимъ въ Лаврентіевскомъ спискѣ I Кіевской лѣтописи“. Выписку читатель найдетъ ниже, а здѣсь мы приведемъ только конецъ: „въ субботу 1 поста святого Теодора“... Въ рукописи, конечно, вмѣсто арабской цифры читается церковно-славянское числительное „Ѳ“. Что Татищевъ († 1750) имѣлъ предъ собою списокъ, похожій на Лаврентіевскій, мы должны заключить изъ способа, какимъ онъ въ своей исторіи (книга вторая, М. 1773 стр. 115) рассказываетъ о кончинѣ Ярослава Владимировича:

„6562 1054.... И приспѣ Ярославу конецъ житія, предаде душу свою Богу февраля 20. въ субботу 1. поста“. „Мнѣ давно уже казалось, что въ рассказѣ о смерти Ярослава, какъ онъ значится въ Лаврентіевскомъ спискѣ, должна скрываться нѣкоторая порча текста. Теодорова суббота, названная въ честь Теодора Тирона (память о которомъ празднуется 17 февраля), обозначаетъ, какъ всѣмъ извѣстно, субботній день первой седмицы великаго поста. „Теодорова недѣля“ тамъ и сямъ встрѣчается въ лѣтописяхъ и обнимаетъ всю первую седмицу великаго поста отъ понедѣльника послѣ сыропустной недѣли до слѣдующаго воскресенья включительно. Если не допустить мысли о порчѣ текста въ Лаврентіевской лѣтописи, то вышло бы, что весь великій постъ называется Теодоровымъ, какъ предполагалъ и Карамзинъ. Но въ историческихъ источникахъ такой

терминъ нигдѣ не встрѣчается, а равно нѣтъ и „второй“ Θεодоровой субботы“.

„Нѣтъ никакого повода предполагать, что лѣтописецъ по какой-то особой причинѣ нарочно выставилъ субботу „первую“. Но если такая причина не извѣстна, то можно даже заподозрить вѣрность фразы „суббота первая“ вмѣсто „первой субботы“. Въ прибавленіи къ Никифоровскому „Лѣтописцу вкратцѣ“, вставленному въ извлеченіи въ первую Кіевскую лѣтопись, мы читаемъ: а отъ перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Игорева“ и такъ еще 7 разъ (но никогда „лѣта перваго“) и подъ 1074 г. (стр. 180) мы замѣчаемъ такую же постановку числительнаго „первый“. На основаніи вышесказаннаго едва-ли возможно вмѣстѣ съ Карамзинимъ и другими принять чтеніе Лаврентіевскаго списка за первоначальное и обвинять другихъ переписчиковъ первой Кіевской лѣтописи въ произвольной передѣлкѣ текста въ этомъ мѣстѣ. Напротивъ, мы должны убѣдиться, что за словомъ „поста“ въ основномъ спискѣ, съ котораго скопированъ Лаврентіевскій и подобные списки, было пропущено слово „недѣля“, подтвержденіемъ чего служитъ текстъ другихъ кодексовъ первой Кіевской лѣтописи“.

Далѣе идетъ выписка изъ Ипатскаго списка, которую читатель найдетъ далѣе въ нашей статьѣ.—Въ этихъ словахъ А. А. Кунника можно оспаривать слѣдующія замѣчанія: „если не допустить мысли о порчѣ текста въ Лаврентіевской лѣтописи, то вышло бы, что весь великій постъ называется Θεодоровымъ“. Поставьте послѣ „въ субботу 1 поста“ запятую и этого слѣдствія, что весь великій постъ называется „Θеодоровымъ“, не будетъ. Стало быть вина тутъ не Лаврентіевскаго списка, гдѣ написано (по фотографическому изданію 1872 г.): к сукоту.ѣ. ѿ. сѣго Фидора, т. е. послѣ ѿ поставлена точка по срединѣ строки, хотя слово приходится и безъ того въ концѣ строки: переписчикъ монахъ Лаврентій, можетъ быть подражая своему оригиналу, счелъ нужнымъ отдѣлать ѿ отъ слѣдующаго сѣго Фидора, если же издатели не поставили здѣсь запятой, или Карамзинъ не сдѣлалъ этого въ своемъ примѣчаніи (50 ко II т. исторіи), то это—порча текста не у монаха Лаврентія, а у нихъ.

Далѣе: „Нѣтъ никакого повода предполагать, что лѣтописецъ по какой-то особой причинѣ нарочно выставилъ субботу „первую“. Но если такая причина не извѣстна, то можно даже заподозрить вѣрность фразы „суббота первая“ вмѣсто „первой субботы“.

А что если такая причина есть? Откроемъ при любой Библии и

Евангеліи „ФУКАЗАНІЕ ѿ҃льскихъ и ѿ҃льскихъ чтеній церковныхъ“ „а) ѿ҃ли и ѿ҃ла сѣвѣтъ и недѣла святѣа четыредесѣтницы“. ЧИТАЕМЪ: „Сѣвѣта перѣла поста: и святѣа Фѣодора тѣрѣма“, ДАЛѢ: сѣвѣта вторѣа поста, сѣвѣта третѣа поста и т. д. ВПЛОТЬ ДО СѢВѢТА ШЕСТѢА ЛАЗАРЕКА. ТО ЖЕ И СЪ НЕДѢЛЯМИ: НЕДѢЛА ПЕРѢЛА ПОСТА И Т. Д. ДО ВЪХ НЕДѢЛА ЦѢТНОНОСИЮ ВЕЛЮЧИТЕЛЬНО. ТО ЖЕ САМОЕ ПОДЪ а) ѿ҃ла оутрениаа, ѿ҃ли и ѿ҃ла на агѣргѣи, къ седмицѣхъ ксѣгѣ а҃чѣ—вездѣ нумеръ недѣли слѣдуетъ за словомъ недѣла кромѣ: во святѣи и великѣи недѣла пасхи, какъ подъ б) во святѣи и великѣи понедѣльникѣ до во святѣи и великѣи сѣвѣту. ИЗЪ ВСЕГО ВИДНО, ЧТО ТАКОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО ПОРЯДКОВОГО СДѢЛАЛОСЯ ВЪ ДАННОМЪ СЛУЧАѢ ОБЫЧАЕМЪ—terminus technicus. ЧТОБЫ УБѢДИТЬСЯ ВЪ ЭТОМЪ ОТКРОЕМЪ „ПАСХАЛИЮ ЗРАЧЮ ПО КЛЮЧЕВЫМЪ ВЪЗНАМЪ“ ПОДЪ Х... ПРѢЦѢАТѢ ѿ. Вѣдомѣи къ сѣвѣтѣ а-ю поста, иначе подъ Ѧ, З, И., день а҃и ѿ҃ли подъ в, И, П, (Ѧ) и даже, подъ И... къ сѣвѣтѣ а ѿ҃ли поста.—Подъ Г читаемъ 'Алѣѣа къ сѣвѣтѣ ЛАЗАРЕКА, иначе подъ I, P, И, ѿ҃ли.—Подъ Д, К: Пѣгокѣиеніе къ сѣвѣтѣ великѣи, къ сѣвѣтѣ ЛАЗАРЕКА, иначе подъ С, Ч, Ю.—Подъ Ж, В Гѣѣргѣа къ сѣвѣтѣ великѣи, къ сѣвѣтѣ а-ю по Пѣцѣ, иначе подъ Д, Т, Ш.—При словѣ недѣлю (воскресеніе) нумеръ стоитъ всегда послѣ этого слова.—Если взглянемъ въ употребленіе числительнаго при словѣ суббота въ пасхалии, то увидимъ, что числительное стоитъ послѣ субботы, если до этого обозначенія не было ряда обозначеній въ недѣлю такую-то (подъ Х. на первомъ мѣстѣ, подъ В послѣ перерыва ряда такихъ обозначеній), если же такое обозначеніе предшествовало (подъ И), то явилось и „къ сѣвѣтѣ а ѿ҃ли“ поста. На основаніи этого можно опять заключить сѣвѣта а-а поста—terminus technicus, измѣняющійся только подъ вліяніемъ предшествовавшихъ обозначеній. Случаи прилагательнаго послѣ имени дня имѣюмъ въ пасхалии: подъ Я: ѿ҃лиа ко вторнику великѣи, Пѣгокѣиеніе ко сѣдѣ свѣтѣа; подъ И: ѿ҃лиа къ понедѣльнику великѣи... Пѣгокѣиеніе во вторнику свѣтѣи.—В... Пѣгокѣиеніе къ понедѣльнику свѣтѣи.—В... къ пятѣи великѣи—Ж: къ четвертѣи великѣи и т. д. до И: къ понедѣльнику великѣи. Подъ Л Гѣѣргѣа къ пятѣи великѣи. Но подъ III, III, 'и, III, I, 'и Гѣѣргѣа вездѣ обозначено не такъ, какъ Благовѣщеніе подъ Я, II, II, а имя дня идетъ съ обозначеніемъ: свѣтаа ѿ҃ли. Начало употребленія числительнаго и прилагательнаго послѣ дня недѣли ведетъ свое начало чрезъ посредство греческаго языка (срв. Луки 6, 1: ἐν σαββάτῳ δευτεροπρωτῷ къ сѣвѣтѣ вторнику, армян.: и шабаду јер'крбр'дум ыраджноји (при новоармян. ёрер'ор'ди араджин шабад, и грузин. шабатса мворвса)

изъ еврейскаго источника. Если при русскихъ „девятая пятница“, „девятое воскресенье“ и т. п. въ пасхалии еще остались противоположныя имъ выраженія, то это свидѣтельствуетъ только объ употребленіи ихъ въ роли техническихъ терминовъ, и потому подозрѣвать вѣрность фразы „суббота первая“ вмѣсто „первой субботы“ нельзя. Отсюда слѣдуетъ, что „возможно вмѣстѣ съ Карамзиннымъ и другими принять чтеніе Лаврентіевскаго списка за первоначальное и обвинять другихъ перетисчиковъ первой Киевской лѣтописи въ произвольной передѣлкѣ текста въ томъ мѣстѣ“, если ихъ показаніе будетъ представлять хоть бы маленькую несообразность, уже хотя бы только потому, что показаніе Лаврентіевскаго списка отличается своею краткостію и силою при наличности всего необходимаго и при отсутствіи всего излишняго: „суббота 1-я поста, св. Θεодора (суббота)“, обозначеніе такое точное, что не нуждается ни въ какомъ поясненіи: каждый ее можетъ высчитать вполнѣ опредѣленно, только бы извѣстенъ былъ годъ.

Послѣ приведеннаго нами неосновательнаго своего замѣчанія о „субботѣ первой“ А. А. Куникъ приводитъ показанія Ипатскаго и Воскресенскаго списковъ съ ихъ 20 февраля, такое же указаніе пролога XIII в. (Врм. Имп. М. Общ. И. и Д. Росс. Кн. 24 М. 1856 Смѣсь 54, срв. у И. И. Срезневскаго Др. п. рус. п. и яз. Изв. Акад. X. 672) и указаніе Длугоша, по собственному мнѣнію А. А. Куника ошибочное,—*moritur Iaroslau septima novembris (septimana ieiun(iae) prim(a)? Н. III.), anno vitae septuagesimo sexto.*

Въ III главѣ Куникъ даетъ сравнительную хронологическую таблицу, цѣль которой преимущественно состоитъ въ томъ, чтобы наглядно выставить связь пасхальныхъ годовъ, 1051—1056, съ началомъ и концомъ адамовыхъ годовъ. Затѣмъ А. А. указываетъ, что Татищевъ и другіе историки (Кругъ, Карамзинъ, Погодинъ) знали, „что древніе лѣтописцы, начиная съ Нестора, придерживались мартовскихъ или адамовыхъ годовъ“; но „въ исторической практикѣ не вполнѣ умѣли переводить мартовскіе годы на нынѣшніе январскіе“, что они всѣ, взявъ „въ основаніе сокращенное и вслѣдствіе того испорченное чтеніе лѣтописнаго текста, каковымъ оно является въ спискахъ лаврентіевской группы“, пришли къ 19 февраля 1054 года, причемъ Карамзинъ и Погодинъ указали, что годъ долженъ быть 6561. „Какимъ образомъ произошла ошибка 6562 (вмѣсто 6561), повсемѣстно повторяемая, рѣшить невозможно“, прибавлялъ при этомъ Погодинъ.— „Изъ тѣхъ, которые послѣ 1855 г. должны были хотя бы упомянуть

о времени кончины Ярослава, никто, сколько мнѣ извѣстно“, говоритъ Куникъ, „не принялъ во вниманіе сущность спорнаго вопроса“. „Николай Арцыбышевъ на поляхъ своего сочиненія (Повѣствованіе о Россіи т. I, кн. 2, М. 1838 стр. 22) выставилъ 1054 годъ, какъ годъ „кончины Ярослава“, но въ примѣчаніи 120 вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и безъ всякой придирчивости, возсталъ противъ мнѣнія Карамзина... Онъ началъ съ приведенія самого по себѣ понятнаго текста по одному сравнительно позднему списку Ник. I, 144 (выписка)... Указавъ еще на нѣкоторые списки, по которымъ—смерть Ярослава означена также 20-мъ февраля, Арцыбышевъ еще ссылается на два изданія лѣтописи, въ которыхъ совершенно испорчена дата, именно на „Русскій Временникъ, М. 1790“ и „Лѣтописецъ, М. 1781“.—Врем. I, 160. „Въ лѣто 6562 преставился князь великій Ярославъ Владиміровичъ февраля въ 28 день“, Арх. 47: „а преставися князь великій Ярославъ Владиміровичъ 6562 на память святаго мученика Θεодора стратилата Февраля въ 17-й день“. „Все это сомнительно: суббота первой недѣли (великаго) поста въ 1054 г. (по нынѣшнему лѣтосчисленію, а по старому въ ... 1053) была февраля 19 числа; въ 1055 (по обомъ лѣтосчисленіямъ) марта 4; въ 1053 (по тогдашнему лѣтосчисленію 1052) февраля 27. Того же мѣсяца 17-е число есть день святаго великомученика Θεодора Тирона, а не Стратилата, которому празднуютъ февраля 8. Даже лѣта жизни Ярослава (... и жилъ лѣтъ 76 Вос... Совр... Ник... Соф. и Пинг...) показаны несправедливо...“. „Окончивъ этотъ обзоръ нельзя не упомянуть“, говоритъ А. А. Куникъ, „о взглядѣ двухъ опытныхъ изслѣдователей на мнимый годъ смерти 1054 новгородскаго посадника Остромира, который, какъ видно изъ записи въ концѣ знаменитаго Евангелія, былъ еще живъ въ 1057 году. Какъ Погодинъ (см. его „Указатель“, прим. 7), такъ и Срезневскій (см. его Древніе памятники русскаго письма и языка. II. 1863; второе изд. 1882 г., подъ 1057 г.) вовсе не думали отстаивать ошибочный 1054 годъ составителей позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ. „Это кажущееся противорѣчіе показаній объясняется тѣмъ, что въ лѣтописяхъ подъ однимъ 1054 годомъ внесены событія нѣсколькихъ лѣтъ, т. е. что къ первоначальной замѣткѣ объ одномъ событіи прибавлены замѣтки и о событіяхъ послѣдовавшихъ“.

Не соглашаясь съ тѣмъ, что тотъ, кто беретъ въ основаніе своихъ вычисленій Лаврентьевскій списокъ, беретъ „въ основаніе сокращенное и вслѣдствіе того испорченное чтеніе лѣтописнаго текста“, нельзя однако не согласиться съ авторомъ, что „заподозрѣть въ неправиль-

ности годовое число лѣтописи 6562 и мѣсячное 20 и оставить вмѣсто нихъ цифры 6561 и 19, не дознавъ причины случайной ошибки кievскаго старца,—не значить ли это разрубить гордіевъ узелъ, но не развязать его?“.

Въ IV главѣ А. А. Куникъ приходитъ къ слѣдующему результату:

„Для опредѣленія года и дня кончины Ярослава Владиміровича, дошли до насъ три источника:

1) Княжескій синодикъ, въ которомъ находится масса кончинъ съ 1000 по 1054 г. съ обозначеніемъ мартовскихъ годовъ отъ сотворенія міра.

2) Отдѣльное сказаніе о болѣзни и кончинѣ великаго князя Ярослава, вставленное (составителемъ первой Кіевской лѣтописи за выпиской изъ Княжескаго синодика) подъ 6562 г.

3) Лѣтописная дата о вступленіи Изяслава Ярославовича на великокняжескій престолъ въ Кіевѣ, въ 6563 г. (вѣроятно лѣтомъ 1055 г.)“.

„Изъ этого цѣлаго ряда кончинъ и рожденій мы видимъ, что уже нѣсколько десятковъ лѣтъ до смерти Ярослава велись придворнымъ духовенствомъ или въ Кіевскомъ монастырѣ синодики“, говоритъ А. А. Куникъ; „при этомъ надо замѣтить, что уже въ этомъ синодикѣ обозначались при каждомъ упоминаніи и годъ сотворенія міра. Эти числа установили очевидцы или просто современники событій этихъ годовъ изъ духовенства... Къ тому присоединяется еще то, что намъ извѣстно по другимъ источникамъ: два непосредственно слѣдующіе года до кончины Ярослава, а именно годъ смерти Владиміра Ярославовича (1052) и годъ рожденія Владиміра Мономаха“ (1053).

„Если мы вправѣ считать достовѣрными года 6560 и 6561, то (при первомъ взглядѣ) мы обязапы, повидимому, считать также и 6562 годъ неопровержимымъ. Спрашивается только, по какому лѣтосчисленію слѣдуетъ вычислять? Очевидно по методу присущей мартовскимъ годамъ... Каждый долженъ быть убѣжденъ, что до XIV столѣтія русскіе книжники не употребляли сентябрьскаго года... Тѣ же, которые убѣждены, что 6562 годъ по мартовскому лѣтосчисленію замѣствованъ изъ скуднаго синодика, врядъ ли рѣшатся безъ особенно уважительныхъ причинъ заподозрить достовѣрность его... Изъ этого же слѣдуетъ, что Ярославъ умеръ между первымъ марта 1054 и 28-мъ февраля 1055 года. О мѣсяцѣ его смерти нельзя заключить изъ голаго лѣтописнаго числа 6562, но все-таки кажется болѣе правдоподобнымъ,

что въ Синодикѣ день смерти такой выдающейся личности, какъ Ярослава Владиміровича, былъ обозначенъ нѣсколько точнѣе. И указаніе подобнаго рода дѣйствительно сохранилось въ совершенно особомъ источникѣ, при чемъ однако остается нерѣшеннымъ, заимствована ли эта хронологическая точная дата изъ недошедшей до насъ полной редакціи Синодика или изъ другого совершенно самостоятельнаго источника. Какъ бы то ни было относительно происхожденія упомянутой спорной хронологической даты, но мы обладаемъ во всякомъ случаѣ драгоценнымъ сказаніемъ о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни Ярослава... Въ этомъ сказаніи ближе обозначается день смерти и возрастъ великаго князя Ярослава, и все это помѣчено 6562 годомъ. И повидимому опредѣленіе дня смерти дошло до насъ даже въ двухъ редакціяхъ: разница между ними состояла бы въ томъ, что въ первой изъ нихъ обозначенъ только день святого, въ который скончался Ярославъ, во второй же вмѣстѣ съ тѣмъ и число мѣсяца дня кончины“.

„Кто именно былъ составителемъ Сказанія и когда оно написано, этого нельзя доказать. Судя по изложенію его, можно заключить, что оно было составлено авторомъ вѣрнѣе всего немного времени спустя послѣ смерти Ярослава, чѣмъ около 1100 года составителемъ свода лѣтописнаго, который мы назвали первой Кіевской лѣтописью... Сказаніе внесено въ первый Кіевскій лѣтописный сводъ незадолго до или послѣ 1100 года. Подобныя включенія отдѣльныхъ сказаній встрѣчаются вообще въ первой Кіевской лѣтописи (сравни напр.: подъ 6559 и 6582) и иногда вставляются хронологически не на вѣрномъ мѣстѣ, чѣмъ путаютъ хронологическую послѣдовательность. Въ этомъ случаѣ, кажется, составитель Кіевской лѣтописи, съ полнымъ убѣжденіемъ въ вѣрности даты, помѣстилъ это сказаніе подъ 6562 мартовскимъ годомъ, въ то же время предполагая, что поставленная имъ дата (20 февраля) дня смерти Ярослава совершенно вѣрна. Объяснить это, насколько возможно при состояніи нашихъ источниковъ, составляетъ необходимую задачу“.

„По убѣжденію Карамзина въ харатейной Пушкинской лѣтописи, сгорѣвшей въ 1812 году, не было выставлено мѣсячнаго числа смерти Ярослава. Мы не должны поражаться этимъ, такъ какъ вообще имена римскихъ мѣсяцевъ въ то время были мало извѣстны на Руси не только въ народѣ, но и въ духовенствѣ, просто обозначавшемъ дни по святымъ. „Суббота Ѳеодорова“—какъ день смерти Ярослава—означена не только въ пушкинскомъ кодексѣ, но и вообще въ спискахъ такъ называемой лаврентіевской группы, причемъ неизвѣстно, было ли

число мѣсяца выпущено въ переписи первоначальнаго текста, или позже. Подобный произволь вообще встрѣчается въ Лаврентьевскомъ спискѣ: въ отчетѣ самомъ о кончинѣ Ярослава переписчикъ пропустилъ слово „недѣля“, чего Карамзинъ не замѣтилъ и вслѣдствіе этого выдумалъ терминъ нигдѣ не встрѣчающійся и никогда небывалый „Ѳеодоровъ постъ“. Кромѣ того Карамзинъ позволилъ себѣ вычислить день смерти Ярослава по Юліанскому календарю, замѣнивъ 6562 годъ Синодика—6561-мъ, благодаря чему онъ счелъ себя вправѣ перевести и день смерти на 19-е февраля, которое въ 1054 году дѣйствительно приходилось на Ѳеодорову субботу¹⁾.

„Очевидно, что на Карамзина имѣла вліяніе дата, выставленная нѣкоторыми переписчиками первой Кіевской лѣтописи. Во всѣхъ остальныхъ спискахъ вышеупомянутаго Сказанія—главнымъ образомъ въ спискахъ Воскресенскомъ и Ипатскомъ—день кончины Ярослава означенъ въ Ѳеодорову субботу, переписанную почему-то на 20-е февраля. Можетъ быть это число слишкомъ опрометчиво назвали неправильно вычисленнымъ. Такъ какъ числа 19 и 20 такъ близко стоятъ другъ отъ друга, то мы должны допустить, что авторъ этого вычисленія (20) имѣлъ въ виду 1054 годъ, въ которомъ Ѳеодорова суббота приходилась во всякомъ случаѣ на 19 февраля. Только въ такомъ случаѣ нужно было бы пожертвовать 6562-мъ мартовскимъ годомъ Синодика, такъ какъ этотъ годъ, что было до сихъ поръ вполне упущено изъ виду, кончается 28 февраля 1055 г., а въ 1055 году Ѳеодорова суббота приходится уже на 4 марта (т. е. въ 6563-мъ мартовскомъ году)“.

„Тѣ, которые склонны по вышеприведенному возрѣнію перенести день смерти Ярослава на 1055 г., могутъ, пожалуй, сослаться еще на одинъ источникъ, которымъ до сихъ поръ почти вовсе не пользовались для нашей цѣли. Во время смерти Ярослава въ Кіевѣ его сына Изяслава тамъ не было, такъ какъ онъ находился въ своемъ дальнемъ удѣлѣ Новгородѣ. Должно предполагать, что онъ для избѣжанія споровъ о престолѣ и о правѣ старшинства между многими братьями поспѣшилъ занять унаслѣдованный имъ великокняжескій престолъ въ Кіевѣ. Его вступленіе на престолъ было *особенно превознесено въ лѣтописи* ¹⁾, что видно изъ главныхъ списковъ ея. Всѣ

¹⁾ Этотъ фактъ, мнѣ кажется, также можетъ служить доказательствомъ, что эта часть, вошедшая въ сводъ лѣтописей, написана была въ 1074 году, когда въ Печерскомъ монастырѣ упорно стояли на томъ, что княженіе Изяслава продолжается вопреки факту нахождения на престолѣ Святослава,—какъ это мы утверждаемъ ниже.

они имѣютъ совершенно особенное заглавіе: „Начало княженія Изяслава въ Кіевѣ“ и помѣщаютъ оное въ 6563 г., слѣдовательно самое раннее лѣтомъ 1055“.

Мы совершенно согласны съ А. А. Куникомъ въ томъ, что нельзя заподозривать достовѣрность 6562 года и что въ Синодикѣ день смерти былъ обозначенъ точнѣе, но мы ниже докажемъ также, что о двухъ редакціяхъ опредѣленія дня смерти до 1244 не можетъ быть и рѣчи, а потому въ Синодикѣ день былъ обозначенъ такъ, какъ это обозначено въ спискахъ такъ называемой лаврентьевской группы, вслѣдствіе чего думаемъ именно, что слѣдуетъ перенести день смерти Ярослава на 1055 годъ, и можемъ при этомъ сослаться еще на одинъ источникъ—на житіе прип. Феодосія, изъ котораго въ сопоставленіи съ Сказаніемъ „Чесо ради прозвася Печерскій монастырь“,—видно, что вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Изяслава постриглись у прип. Антонія прип. друзья Варлаамъ и Ефремъ, что, судя по именамъ ихъ при постриженіи, должно было случиться 19 ноября 1055 г. и 28 января 1056 года, когда дни эти падали на воскресенье: извѣстно вѣдь, что постриженіе совершается по праздникамъ, а имена давались по дню святого. Принимая однако лѣтописную дату, какъ источникъ для рѣшенія нашего вопроса, мы не можемъ принять показанія Воскресенскаго списка, что во время смерти Ярослава Изяславъ былъ въ Новгородѣ, при показаніи Ипатскаго, что онъ былъ тогда въ Туровѣ. Турова здѣсь не выдумаешь, какъ можно было выдумать Новгородъ, особенно знакомому съ Остромировымъ евангеліемъ, а между тѣмъ Туровъ былъ бы аналогіей къ Бѣлгороду 6625 года, вызвавшему протестъ Ярослава Святополковича (Владиміръ Мономахъ подъ конецъ жизни спохватился и раскаялся въ своемъ юношескомъ увлеченіи отчинничествомъ). Туровъ и Бѣлгородъ почти (не совсѣмъ, а только въ отношеніи близости) были то же, что Черниговъ съ Мономахомъ при Всеволодѣ. Туровъ на этотъ разъ играетъ роль похожую, — только *mutatis mutandis*—на ту, какую игралъ онъ при Владимірѣ Святомъ. Что Изяславъ не былъ на похоропахъ своего отца, это не удивительно: 300 верстъ слишкомъ, и по прямой линіи, на лошадахъ не скоро проѣдешь, а вѣдь надо было еще послать за нимъ изъ Вышгорода, а обычая долгу оставлять покойниковъ безъ погребенія тогда не было. Туровъ въ первой редакціи (см. мое Поученіе 111 прим.) случайно былъ пропущенъ, а при перепискѣ 2-го экземпляра пропускъ былъ замѣченъ.—Намъ думается даже, что можно указать, когда было Сказаніе написано и кто былъ его составитель. Въ Сказаніи

есть одна фраза, которая даетъ ключъ къ рѣшенію вопроса: „заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити“. Это та же фраза, что въ рассказѣ о раздѣленіи земли Симомъ, Хамомъ и Іафетомъ: „жребій метавше не преступати никому же въ жребіи братень“, почти та же, что подъ 6576: „Богъ же показа силу крестыную на показаніе земли Русѣи да не преступають честнаго креста, цѣловавше его“. Мысль здѣсь та же, что выше подъ тѣми же годомъ: „усобная же рать бываетъ отъ сважения дьяволя. Богъ бо не хощеть зла въ человекѣхъ, но блага; а дьяволъ радуется злему убійству кровопролитію воздвигая свары, зависти, братоненавидѣнія, клеветы“. Эта же фраза просится на сопоставленіе съ зачиномъ повѣствованія о 6581 годѣ: „Воздвиге дьяволъ котору въ брати сей Ярославичихъ“, среди котораго читаемъ: „А Святославъ сѣде въ Киевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же и Божию. Великъ бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего: ибо испорва преступиша сынови Хамовѣ на землю Сифову, по 400 лѣтъ отмщєніе прияша отъ Бога: отъ племени бо Сифова суть Еврѣи иже избіаха Ханансиско плємя, въсприаха свой жребій и свою землю. И пакы преступи заповѣдь Исавъ отца своего и прия убійство; не доброе есть преступати предѣла чужаго“. Вотъ къ чему клонилась рѣчь того изъ лѣтописцевъ, который заговорилъ о раздѣленіи земли сыновьями Ноя, потому подчеркнулъ въ нашемъ Сказаніи раздѣленіе княженія между сыновьями Ярослава. Гдѣ же это такъ горячо приняли къ сердцу дѣло княжеское? Обратимся къ Несторову житію преподобнаго Феодосія (л. 57 ст. d) на . . . Емьсть къ то врѣмѣ сматенне нѣкако ѿ кысаоукавааго брата къ трѣхъ князѣхъ, братия соущемъ по пакти, мкоже дѣлѣмъ вранѣ сѣтворити на каднаго старѣннааго си врата. Холмьца иже по истинѣ вѣдѣвца изаслава. Тоже тако тх прогнавхъ емьсть ѿ града стоальнааго и оуѣмѣ пришѣдшєма къ градѣхъ. послѣааста же по кѣжєнааго оца нашего Феодосиѣ. вѣдаща того прити къ тѣмѣ на оубѣдѣ. и причетати ка неправдѣмѣ томѣ сѣбѣтѣ. тоже иже вѣ исплашєннєхъ дѣхъ сѣго. прѣдѣвнымъ же деодосиѣ разумѣтєхъ иже неправдѣно соущє изигнаннє. еже о холмьци гѣмьсть послѣаномоу. мко не имамъ ити на транєзоу вєальвєаннємоу. и причаститисѣ враньма того. непѣзнѣ соущѣ врєхи и оувиствєла. ѿ ѿна же аинога оуворизнѣна гѣакѣ. ѿпоусти того рекши мко да кѣвѣстѣши кѣса си послѣавшиимъ та. нѣ овачє ѡна аще и самѣаста си нѣ не кѣзмогоста прогнѣватисѣ намъ... ни пакы же послѣааста того. нѣ оустрѣмѣстѣса на прогнавнѣкѣ врата екокогѣ... и каднємѣ сѣдѣши на столѣ томѣ... Тогда же оцѣ нашѣ деодосиѣ напѣзнѣнєкѣ сѣго дѣхъ. начатѣ того ѡвѣчатѣ мко неправдѣно сѣтворєннєкѣ. и не по закону сѣдѣша на столѣ томѣ. и мко оца си и вѣдѣ

старѣишаго прогнавша. тоже тако званчаше того. обзгда епископи пиша послалаше томоу. обзгда же кельможамъ его приходацемъ къ нему. обанчаше того ѿ неправдынѣмъ прогнанныи врата. беа тѣмъ побѣдати томоу сеже и послѣже епископа къ нему епископиу белкоу зѣло. обанчамъ того и глѣм. глаѣ крже врата твоего епископъ на та къ боу. яко аеаква на канна. и ниѣхъ мнозихъ дръвельныхъ гонитель и оубоиникъ. и вратоненавидникъ прихода. и притчани томоу была же о немъ оуказавъ. и тако епископъ послаа. и яко тѣ прочте епископиу тоу. разгнѣваа зѣло и яко аеа рикнуеъ на правдынаго. и оударн тоу ѡ землю. и якоже оттолѣ промчеса кѣтъ. же на поточениѣ ѿгоуженоу выти влаженомоу. тоже вратни къ белциѣ печалн вѣша. и молахоу влаженаго огатиса и не обанчати его : : . пѣ : : . Тоже такоже и ѿ волмръ менови приходаше... молахоутъ и не соупротивчѣтиса кемоу. се по глахоу на заточениѣ хочеть та послати. си же слышавъ влажензи яко о заточении его рѣша безрадоваа дхѣмъ... ѿ штолѣ начатхъ того оукарати о вратоненавидѣнии. жадааше по зѣло же поточеноу вѣти : : . Не обаче онъ аще и кельми разгнѣвааа еѣ на влаженаго. не не дръвеноу ни ѣдиноу. же зѣла и кельма есткорити томъ... (пѣ) Влаженнми же оцѣ нашъ деодоси. много молиахъ выкъ ѿ вратѣ. и ѿ кельможъ. наипаче же разоумѣкъ яко ничъ-гоже оупѣшьно гниа себеы томъ. огаса его. и штолѣ не оукаралше его ѡ томъ. помыслиахъ же къ себѣ. яко оуни кѣтъ моавою томоу. да вы безвратнахъ врата си къ оласта скомъ : : . Не по мнозѣхъ же дѣлѣхъ. разоумѣкъ вѣгзи князь тѣ. прѣложеноу влаженаго деодоси. ѿ гнѣва... послалаеъ къ влаженомоу. аще поблѣтъ томоу прити къ манастирь ском. нан им. ѿномоу же поблѣтъшѡ томоу прити : : . Тоже гни къ радости кѣстахъ прѣде къ волмръ къ манастирь его... таче глаше се. оѣ не дръзнахъ прити къ теѣ помышлѣи ѣда како гнѣвааа на ма. и не епоустѣши насъ къ манастирь : : . Тоже влаженнми шѣтша. что по вѣгми бѣдо оупѣтъ гнѣкъ нашъ. же на дръжавоу твою. не се намъ подобаеъ обанчати ѿ глѣти бамъ же на сѣсениѣ дши. и бамъ аѣно кѣтъ полаоушати того : : . И такоже... влаженомоу деодосиу начыаши глѣти томоу отъ стѣнхъ киниѣ. и много оуказавши кемоу ѿ аеихи врата. и ономоу пакы многоу книоу износаѣи на врата ского. и того ради не хоташн томъ къ тѣмъ мира есткорити... се же оутѣ себеа влаже-нааго. же не хоудахоутѣ ѿ медогочннхъ оутѣ тѣхъ. многошды же бе-анкми деодоси къ томоу хожааше. и тако вехоминаше томоу сграхъ вѣши. и аеихъ же къ вратоу : : . пѣ... Многошды же пакы... глаше прѣдѣномоу. се оѣ истиноу ти гла яко аще выша ми безвѣстѣиан оѣа кѣстакша ѿ мѣртвѣнхъ. не вѣхъ къ тако радааа яко о приходѣ твоёмъ. и не выхъ къ того тако помѣ нан гоумѣнѣа. якоже прѣдѣннми твоёмъ дшѣ. влажензи же тоже аще тако воншиа мене. то да есткорн кою мою и безвратн врата ского на стоахъ.

ниже кмоу кѣгокрѣнзи оцѣ скои предасть. они же о семъ оумзаче. не могли чѣто шкѣнати кз смиз. тольни во вѣт и брагѣ раждѣгах гнѣзель на врата скоеко. мко ни слоухънъ хоташе того слышати . : . ѿз: Оцѣ же нашъ деодоси кѣ по кѣа дѣи и ноци мола вѣ о хѣбильци нзисаакѣ. и кѣе же и кз ектерни кѣаа того поминати. мко стоальному томоу князю и старѣнши вѣгѣх. сего же мкоже рѣ чрѣхъ Законѣ гѣдхши на столѣ томѣ. не вѣлаше поминати кз скоеки манастири . : . ѿ семъ же едѣа оумокизъ вѣкз ѿ вратиѣ. повзакѣ и того кз нимъ поминати. оваче же пѣрѣкое хѣбильца ти тѣгда сего каагаго. Горячѣе того, каѣъ принялъ кѣ сердцу дѣло Изяслава прп. Феодосій, очевидно, трудно было принять кому бы то ни было. Братія его монастыря, правда, отнеслась кѣ дѣлу легче: она не разѣ убѣждаетъ Феодосія взглянуть на дѣло мягче, но, конечно, были среди братіи и такіе, которые всецѣло проникнуты были духомъ прп. Феодосія, благоговѣли предъ нимъ, жили его сердцемъ, думали его мыслями, ловили каждое его слово, считая недостойнымъ думать иначе и идти на компромисъ особенно въ первое время послѣ 22 марта 1073 года, когда возмущеніе поступкомъ Святослава было особенно сильно и у самого Феодосія и, чѣмъ ближе подходило время кѣ тому моменту, когда изъ-подъ пера прп. Феодосія вылилась эта „эпистолин велика зѣло“, такъ возмущившая Святослава, тѣмъ, вѣроятно, сильнѣе разгорался духъ и братіи, тѣмъ болѣе сторонниковъ изъ ея числа увлекалъ за собою прп. Феодосій; писалъ онъ противъ ужаснаго дѣла, не отставали и тѣ изъ братіи, которыхъ „не даромъ свидѣтелями Господь поставилъ многихъ лѣтъ и книжному искусству вразумилъ“; проникнутые духомъ ревности кѣ правдѣ и они считали своимъ долгомъ стоять на стражѣ этой правды. Вотъ въ этотъ-то моментъ и должна была вырваться громкимъ крикомъ на весь міръ изъ глубины души идея о непреступаніи жребія братія. Этотъ человекъ, тянувшій тотъ же плугъ съ прп. Феодосіемъ, пролагавшій одну и ту же съ нимъ борозду, не могъ не быть особенно близокъ сердцу крѣпкаго борца идеи прп. Феодосія, не могъ о немъ позабыть онъ въ послѣднюю минуту своей жизни, которая настала не болѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ зѣло великой эпистолин: „кого хотите игуменомъ поставить себѣ, да и азъ благословение подаю быхъ ему?...“ „Его-же изволить Богъ и твоя честная молитва, егоже тобѣ любо, того нарци“, отвѣчали нѣсколько поспѣшно братія. „И нарече имъ Якова прозвутера. Братыя же не любо бысть, глаголющо: „яко не здѣ есть постригѣлься“; бѣ бо Ияковъ пришелъ съ Летьца съ братомъ своимъ Павломъ“. Этого факта не передаетъ прп. Несторъ, но онъ сохранился въ той же лѣтописи, гдѣ и

статьи съ злободневною въ 1073 г. мыслью о братнемъ предѣлѣ, гдѣ и сочувствіе Всеславу, повѣрившему крестному цѣлованію Ярославичей, тому Всеславу, изъ-за котораго „нача гнѣватися Пизиславъ на Антонія“,—извѣстіе тоже отсутствующее у прп. Нестора. Итакъ, вотъ по нашему мнѣнію время появленія лѣтописи со сказаніемъ о раздѣленіи земли сыновьями Ноя, сказаніемъ о смерти Ярослава и о враждѣ Ярославичей—вторая четверть 1073 года (первая половина мартовскаго 6581) и тотъ авторъ, вѣроятно, пришедшій съ Летьца, мѣста убіенія св. Бориса, сказаніе котораго о князьяхъ мученикахъ,— а не Нестора, попало въ лѣтописный сводъ еп. Сильвестра. Но пусть даже это и не Лътечскій (Летскій, Полтавскій) пресвитеръ Іаковъ, все-же это близкій прп. Θεодосію монахъ Печерскаго монастыря. У этого монаха черезъ 19 лѣтъ послѣ смерти князя Ярослава должны были находиться точныя данныя о днѣ и годѣ его кончины. Они и сохранены имъ для насъ въ сказаніи и, имѣя ихъ, мы не можемъ говорить, что „нельзя съ полною увѣренностью установить годъ и день смерти его и“ что „повидимому мы всегда должны будемъ удовольствоваться двумя различными числами года и мѣсяца“, какъ говорить А. А. Куникъ.

Имѣя эти точныя данныя, мы попытаемся опредѣлить годъ и день смерти великаго князя Ярослава I Владимировича. Мы примемъ за эту работу своимъ путемъ, независимо отъ А. А. Куника, брошюра котораго при выполненіи этой работы была намъ извѣстна, благодаря любезности глубокоуважаемаго академика Алексія Александровича Шахматова, но лѣтомъ 1904 года въ Угличѣ,—гдѣ писались дальнѣйшія строки, посланныя въ августъ въ Ярославскую архивную комиссію и посвященныя ея членамъ, отпраздновавшимъ 850-лѣтіе основателя ихъ города 20 февраля,—брошюра А. А. Куника къ сожалѣнію подъ руками у насъ не находилась. Брошюра А. А. писалась, оказывается, въ то время, когда мы 12 лѣтъ тому назадъ пришли къ нашему теперь публикуемому выводу при занятіяхъ вопросомъ о житіи перваго основателя благотворительныхъ заведеній на Руси—лѣчебныхъ бань (ср. замѣтку покойнаго В. В. Болотова о периваланахъ) преп. Ефрема печерскаго, митроп. Переяславскаго.—Точныя данныя о смерти Ярослава I, сохраненныя печерскимъ монахомъ, слѣдующія.

Въ Лаврентьевской лѣтописи говорится: „Въ лѣто 6562. Преставися великій князь русьскій Ярославъ... Ярославу же приспѣ конецъ житія, и предасть душу свою [Богу] въ субботу 1 поста, святаго Тео-

дора... Живе-же всѣхъ лѣтъ 70 и 6". 6563 года въ Лаврентьевской лѣтописи нѣтъ, а послѣ послѣднихъ приведенныхъ нами словъ идетъ: „Начало княженя Изяслава Кіевѣ“, потомъ уже послѣ извѣстій объ успѣшной борьбѣ Всеволода съ торками и мирѣ съ половцами продолжается: „Въ лѣто 6564“.

Въ Ипатскомъ спискѣ: „Въ лѣто 6562. Преставися князь Русскій Ярославъ... Ярославу же приспѣ конецъ житя, и предасть душу свою *мѣсяца февраля въ 20*, въ субботу 1 недѣли поста въ святаго Федора донь... Жилъ же всѣхъ лѣтъ Ярославъ 70 и 6. Начало княженія Изяслава въ Кіевѣ. Въ лѣто 6563“... То есть имѣемъ три важныя отмѣны: указанъ мѣсяцъ и день, объяснено точнѣе выраженіе „въ субботу 1 поста, святаго Феодора“... и указанъ годъ, когда занялъ Изяславъ престолъ Кіевскій. Дѣло въ томъ, что самъ Ярославъ умеръ не въ Кіевѣ, а въ Вышегородѣ, Изяславъ княжилъ въ то время по Ипатскому списку въ Туровѣ, а при отцѣ былъ любимецъ его Всеволодъ, который и погребалъ его въ Кіевѣ. Изъ того, что Изяславъ явился въ Кіевъ уже въ 6563 г., видно, что умеръ Ярославъ въ концѣ, а не въ началѣ 6562 года, т. е. по представленію лѣтописца Ипатскаго списка февраль былъ послѣдній мѣсяцъ года, что видно и изъ заключительныхъ словъ извѣстій о 6618 г.: „Знаменье се бысть мѣсяца февраля въ 11 день, исходяще сему лѣту 18; т. е. за 18 дней до конца этого года, откуда видно, что для продолжателя извѣстій, которыми обрывается Лаврентьевскій списокъ, годъ начинался 1 марта. Никоновская и Воскресенская лѣтописи повторяютъ Ипатскую съ измѣненіемъ, если не считать менѣе важныхъ стилистическихъ, словъ „въ святаго Феодора день“ въ „на память святаго мученика Феодора Тирона“. Эта прибавка не даетъ ничего новаго, такъ какъ извѣстно, что на 1 недѣлѣ Великаго поста совершается память св. муч. Феодора Тирона. Итакъ прочно устанавливается фактъ: кн. Ярославъ умеръ въ субботу первой недѣли поста въ концѣ 6562 мартовскаго года, т. е. въ субботу первой недѣли 1055 январскаго года, такъ какъ январскій годъ начинался ранѣе мартовскаго. Если бы январскій годъ начинался позднѣе мартовскаго, то смерть Ярослава была бы въ 1054 году въ субботу первой недѣли поста. Стало бы для рѣшенія вопроса о годѣ нужно опредѣлить отношеніе между мартовскимъ и январскимъ годомъ, т. е. рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли отъ сотворенія міра до Рождества считать 5507 л. 9 м. 25 д., или 5508 л. 9 м. 25 д., для чего у насъ имѣется обильный матеріалъ хоть бы въ той же Ипатской лѣтописи, начиная

съ 6582 года: напр. 1) пр. Ѳеодосій Печерскій умеръ „въ лѣто 6582... въ которую субботу по пасцѣ... мѣсяца мая въ 3 день“, 2) мощи преп. Ѳеодосія положены въ церкви „въ лѣто 6599... мѣсяца августа въ 14, у четвергъ“; 3) Всеволодъ Ярославичъ погребенъ „въ лѣто 6601... мѣсяца апрѣля... 14 день,... сущу тогда четвергу великому“, 4) Святополкъ явился въ Кіевъ 24 апрѣля въ „день анти-пасхи“, 5) половцы разбили его въ вознесеніе 26 мая.

Для провѣрки этихъ датъ слѣдуетъ замѣтить, что для мартовскаго года сотвореніе человѣка, съ котораго начался счетъ годовъ, предполагается въ пятницу (Богъ въ субботу почилъ отъ дѣлъ) 1 марта 1-го года; такъ какъ ¹⁾ въ году 365 дней, т. е. 52 нед. 1 д., то уже 1 марта 2-го года будетъ въ субботу, 3-го въ воскресенье, 4-го, который високосный, такъ какъ 4 дѣлится на 4, а прибавочный день вставляется въ февралъ, уже—не въ понедѣльникъ, а во вторникъ; 5-го въ среду, 6-го въ четвергъ, 7-го въ пятницу, а 8-го въ субботу; 9-го—въ понедѣльникъ; 10-го во вторникъ; 11-го въ среду; 12-го—пятницу; 13-го—субботу и т. д. Напишемъ названія дней недѣли съ пятницы и подставимъ подъ ними года до 28 получимъ:

Пятн.	Суб.	Воскр.	Понед.	Вторн.	Среда	Четв.
1	2	3	9	4	5	6
7	13	8	15	10	11	17
12	19	14	20	21	16	23
18	24	25	26	27	22	28

Если бы мы вздумали опредѣлять день недѣли 1 марта въ слѣдующіе года до 56, то увидѣли бы, что 1 марта 29-го было бы въ пятницу, 30 въ субботу, 31 въ воскресенье, 32 во вторникъ, 33 въ среду и т. д., т. е. повторился бы тотъ же порядокъ годовъ, что и въ первомъ 28-лѣтїи, потому что, дѣйствительно, 1 марта 29 года будетъ въ пятницу при тѣхъ-же условіяхъ, что и 1-го года, такъ какъ годъ съ добавочнымъ днемъ будетъ 2 послѣ этого пятничнаго, такъ сказать, года, тогда какъ до сихъ поръ этого не было; 7 былъ самъ пятничный, 11-й былъ 4-й послѣ пятничнаго, 15-ый—3; 19-ый—

¹⁾ Настоящая статья написана и сдана въ редакцію ранѣе появленія въ Изв. отд. русск. языка и слов. Имп. А. Н. т. X, кн. 3, стр. 239—265 моей замѣтки (есть и отдѣл. оттиски) „Легкій способъ опредѣленія дня недѣли и Пасхи въ любомъ году“, а потому здѣсь разсужденія объ этомъ предметѣ наложены, можетъ быть, нѣсколько обширнѣе, чѣмъ слѣдовало бы уже теперь послѣ существованія статьи Ивашкѣй.

1-ый; 23-ий—5-ый, а 27-ой—9-ый. Разъ теперь получились тѣ же условія, при правильности смѣны простыхъ лѣтъ высокосными, должно пойти повтореніе этихъ условій и дальше черезъ каждыя 28 лѣтъ. Этотъ 28-лѣтній періодъ въ пасхалии называется кругомъ солнца. Если же всмотримся въ нашу таблицу, то увидимъ, что года пятничные чередуются такъ: черезъ 6, черезъ 5, черезъ 6 лѣтъ; то же съ понедѣльничными годами и съ середними. Нѣтъ ли того же и въ субботнихъ, воскресныхъ, вторничныхъ и четверговыхъ? Дѣйствительно въ субботнихъ 13, 19, 24 удовлетворяютъ этому условію, а 2-ой не удовлетворяетъ, если послѣ него переходить къ 13-му; если отъ 24 перейти къ 30, т. е. 2-му во 2-мъ кругѣ солнца, то условіе, чтобы послѣ промежутка въ 5 лѣтъ былъ промежутокъ въ 6, будетъ удовлетворено. Если напишемъ теперь въ одну строку пятничные года, а въ другую субботніе, то получимъ 1, 7, 12, 18.

13, 19, 24, 2.

Всмотрѣвшись въ строки, увидимъ, что годы второй строки идутъ черезъ 12 лѣтъ послѣ годовъ первой, т. е. вторую строку можно получить изъ первой, прибавляя къ первой 12, что вѣрно для 2, только это 2 получится такъ: $18+12-28=2$: такъ какъ въ кругѣ только 28 лѣтъ, то понятно, что если при сложеніи получится болѣе 28, то изъ суммы надо вычесть 28 и написать подъ годомъ остатокъ. Продолжимъ этотъ пріемъ для составленія 3-й строки, получимъ: 25, 3, 8, 14. Сличимъ съ цифрами воскресныхъ годовъ въ таблицѣ, увидимъ, что это тѣ же цифры. Изъ 3-й строки можно тѣмъ же пріемомъ составить 4-ю, понедѣльничныхъ годовъ, изъ 4-й 5-ую и т. д.

Получимъ таблицу, назовемъ ее хоть А:

Пятн.	Суб.	Воскр.	Понед.	Вторн.	Среда	Четв.
1	13	25	9	21	5	17
7	19	3	15	27	11	23
12	24	8	20	4	16	28
18	2	14	26	10	22	6

Замѣтимъ, взглядываясь въ таблицу, что послѣднія двѣ строки содержатъ четные года, а первыя нечетные, при томъ такъ, что въ 4-й строкѣ года, дѣлящіяся на 2, и въ 3-ей на 4, т. е. тѣ, которые принято называть высокосными съ точки зрѣнія январскаго года. Въ первой строкѣ стаятъ года, идущіе за дѣлящимися на 4, а во 2-ой, слѣдующіе за дѣлящимися только на 2. Это обстоятельство значительно облегчаетъ провѣрку датъ и нахожденіе дня недѣли 1 марта

любого года: надо опредѣлить номеръ даннаго года въ кругѣ солнца, а для этого годъ отъ сотворенія міра раздѣлить на 28 ($= 7 \times 4$)—остатокъ покажетъ этотъ номеръ. Такъ какъ сотни дѣлятся на 4, то въ сотняхъ лѣтъ можно отбросить кратныя 7 и дѣлить только остатокъ (въ десяткахъ кратныя 14 можно отбросить), получивъ остатокъ, опредѣлить, въ какой строкѣ онъ долженъ быть, и подсчетъ, путемъ послѣдовательнаго прибавленія въ цифрѣ пятничнаго года по 12, дастъ возможность опредѣлить день недѣли 1 марта. Если означить мартъ черезъ *M*, апрѣль—*a*, май—*m*, июнь—*in*, июль—*il*, августъ—*au*, сентябрь—*s*, октябрь—*o*, ноябрь—*N.*, декабрь—*d*, январь—*j*, февраль—*f*, то можно составить двѣ памятныхъ строчки: *Mauijoasf*

N. m. ildin,

которыя укажутъ, что тотъ же день недѣли, который будетъ 1 марта, будетъ и 1 ноября (1-ое мѣсто) и 2-го августа (2-ое мѣсто); 3-го января и мая (3 мѣсто); 4-го октября; 5-го апрѣля и іюля; 6-го сентября и декабря; 7-го февраля и іюня; точки во второй строкѣ показываютъ, что для августа и октября нѣтъ парныхъ мѣсяцевъ.

Провѣримъ указаннымъ способомъ приведенныя выше даты: 1) дату смерти прп. Θεодосія Печер. — $6582 : 28 = 235 \frac{2}{28}$ (или $65 - 63 = 2$; $28 - 28 = 0$, остатокъ 2), т. е. данный годъ 2-й годъ круга солнца, 1 марта его въ субботу, суббота же по памятнымъ строчкамъ (*N. m. ildin*) и 3 мая, что и дано.—2) Годъ положенія мощей 6599: $: 28 = 235 \frac{19}{28}$ — 19-ый — предшествующій дѣлящемуся на 4; $7(+ + 12 =)$ — 19 — субботній тоже; въ августъ суббота 2-го, потомъ $(2 + 7)$ 9-го, 16-го; стало быть 15 пятница; 14 четвергъ, что и дано. 3) Годъ погребенія Всеволода Ярославовича 6601 — 21-ый круга солнца — послѣ дѣлящагося на 4, а потому $1(+ 12 =)$ 13, 25, 9, 21 — вторничныя; вторникъ въ немъ въ апрѣль 5, 12; 13 стало быть среда, 14 — четвергъ, что и дано; 4) восшествіе на престолъ Святополка II — 24 апрѣля — $(12 + 7 = 19, 19 + 7)$ 26 вторникъ, стало быть 25 понед., 24 воскресеніе; 5) въ маѣ этого года вторникъ — 3-го (; 10, 17) 24, а стало быть 25 среда, 26 четвергъ, а Вознесеніе всегда въ четвергъ. Такимъ образомъ даты вѣрны и нашъ способъ выдержалъ въ этомъ отношеніи испытаніе. Теперь опредѣлимъ этимъ способомъ, какой день недѣли сегодня 18 іюля 1904 года отъ Р. Хр. Тѣ, кто предполагаютъ, что конецъ мартовскаго 6562 года есть январскій 1054, и 850 со дня смерти князя Ярослава считаютъ исполнившимся въ 1904 г., очевидно, считаютъ, что отъ С. М. до

Р. Х. прошло 5508 л. 9 м. 25 д., такъ какъ только 6561—11 м., 19 д.—5508 л. 9 м. 24 д. даетъ 1053 г. 1 м. 26 д., т. е.—такъ какъ отъ Рождества Христова до 1 января прошло (31—24=) 7 дней,—20 февраля 1054 года. Сообразно этому ихъ счету до сегодня отъ сотворенія міра прошло 5508 л. 9 м. 14 д. + 1903 л. 6 м. 24 дня (отъ Рождества до 1 января 7 дней)=7412 л. 4 м. 18 д., т. е. теперь идетъ 7413 годъ отъ С. М. или $7413 : 28 = 264\frac{21}{28}$, т. е. 21 годъ круга солнца—послѣ дѣлящагося на 4—1, 13, 25, 9—21 стало быть вторичный, а стало быть въ іюлѣ вторникъ 5-го, 12, 19, т. е. завтра, тогда какъ сегодня—всѣ окружающіе меня свидѣтельствуютъ—воскресенію. Стало быть допущена въ чемъ-то ошибка. Прибавимъ теперь 1903 г. 6 м. 24 д. не къ 5508 г. 9 м. 24 д., а къ 5507 г. 9 м. 24 д.: $5507 \text{ г. } 9 \text{ м. } 24 + 1903 \text{ г. } 6 \text{ м. } 24 = 7411 \text{ г. } 4 \text{ м. } 17 \text{ д.}$, т. е. идетъ теперь 7412 годъ, т. е. $(7412 : 28 = 274\frac{20}{28})$ 20-ый круга солнца, дѣлящійся на 4. 12, 24, 8—20 стало быть понедѣльничный, а потому въ іюлѣ понедѣльникъ 5-го, 12, 19, т. е. завтра, а стало быть сегодня воскресеніе, что признаютъ всѣ. Отсюда явствуютъ, что отъ С. М. до Р. Х. прошло 5507 л. 9 м. 24 д. Стало быть умеръ Ярославъ черезъ (6561 г. 11 м. 9 д.—5507 л. 9 м. 24 д.=) 1054 г. 1 м. 26 послѣ Р. Х., такъ какъ отъ Р. Х. до 1 янв. прошло 7 дней, то 20 февраля 1055 года. Итакъ, кажется, такъ просто рѣшается вопросъ, отчего же А. А. Куникъ приходилъ къ выводу, что день и годъ кончины В. кн. Ярослава намъ неизвѣстенъ? А вотъ проверимъ: вѣдь всѣ извѣстія сходятся на томъ, что Ярославъ умеръ въ субботу на первой недѣлѣ поста, но Лаврентьевская глѣт. не говоритъ, что 20 февраля, а извѣстіе въ ней носитъ слѣды большей древности по своей сжатости. Какъ же узнать, когда была суббота 1-ой недѣли поста въ концѣ 6562 мартовскаго и въ началѣ 1055 январскаго года? Очевидно, надо для этого знать день пасхи этого года, а пасха бываетъ *отъ первое воскресеніе послѣ весенняго полнолунія, если оно само не падаетъ на пятницу, субботу и воскресеніе* (тогда пасха не въ ближайшее, а въ слѣдующее воскресеніе). Весеннимъ полнолуніемъ считается однако не всякое мартовское, а только то, которое бываетъ не ранѣе 19 марта, а потому, если въ мартѣ полнолуніе бываетъ раньше, то весеннимъ будетъ слѣдующее апрѣльское, которое наступитъ черезъ 30 дней послѣ мартовскаго. Такимъ образомъ вопросъ сводится къ опредѣленію 1-го мартовскаго полнолунія. Выходятъ изъ того положенія, что изъ рукъ Творца природа вышла совершен-

ною: все цвѣло и сіяло, а потому и луна была въ полнолуніи. И такъ 1 марта 1 года было полнолуніе. Такъ какъ лунный мѣсяць равенъ 29,5307 дня, то окончанія года и 12 лунныхъ мѣсяцевъ не совпадаютъ: въ 12 лунныхъ мѣсяцахъ будетъ 354, 3689 дня, т. е. на 10, 6311 дней мѣнѣе, чѣмъ въ году, и потому 13-ое полнолуніе будетъ за 11 дней почти до 1 марта 2-го года, а въ 13 лунныхъ мѣс. будетъ 383, 8991 дней, или 1 годъ 18, 8991 дней, почти одинъ годъ 19 дней, т. е. 1-ое весеннее полнолуніе во 2 году будетъ 20-го марта, въ 3-мъ году будетъ черезъ 738, 2675 дни, или черезъ 2 г., 8, 27 дня, т. е. 9 марта, въ 4-мъ году—28. Вычисляя такимъ образомъ, мы послѣдовательно найдемъ числа для 5 и т. д. года 17, 6, 25, 14, 3, 22, 11, 30, 19, 8, 27, 16, 4, 23, 12. Для 20-го года получимъ въ 235 лунныхъ мѣсяцахъ 6939, 55 д., а въ 19 годахъ 6940 дней. Этотъ 19-лѣтній періодъ времени называется въ паскалин кругомъ луны. Если мы запишемъ дни марта, когда бываетъ полнолуніе въ каждомъ изъ 19 лѣтъ круга луны въ двѣ строки такъ, чтобы въ верхней строкѣ стояли года нечетные 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, а въ нижней четные 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, то получимъ таблицу, назовемъ ее хоть Б:

	1	3	5	7	9	11	13	15	17	19
Разность 19	1 ₍₁₎	9 ₍₉₎	17 ₍₁₇₎	25	3 ₍₃₎	11 ₍₁₁₎	19	27	4 ₍₄₎	12 ₍₁₂₎
	20	28	6 ₍₆₎	14 ₍₁₄₎	22	30	8 ₍₈₎	16 ₍₁₆₎	23	
	2	4	6	8	10	12	14	16	18	

Такъ какъ для опредѣленія дня пасхи весеннимъ полнолуніемъ считается не всякое мартовское, а только то, которое бываетъ не ранѣе 19 марта, то, если въ мартѣ полнолуніе бываетъ раньше, весеннимъ будетъ слѣдующее апрѣльское, которое наступитъ черезъ 30 дней послѣ мартовскаго (29,53 д.). Такъ какъ въ мартѣ 31 день, то число апрѣльскаго полнолунія получимъ, вычтя изъ мартовскаго (30 — 31 = —) 1. Въ таблицѣ эти апрѣльскія полнолунія и поставлены, гдѣ слѣдуетъ, въ скобкахъ. Если станемъ разсматривать эту таблицу, то увидимъ, что въ каждой строкѣ до 16 года слѣдующая цифра получается изъ предыдущей черезъ прибавленіе 8 для мартовскаго полнолунія, при чемъ, если получается число болѣе 30, то 30 отбрасывается. 17-ый годъ получается изъ 15-го, и 18 изъ 16 черезъ прибавленіе только 7, а далѣе принципъ сохраняется. Сравнивая нижнюю строку съ верхней, увидимъ, что разность между ихъ цифрами = 19. Въ верхней строкѣ 10 цифръ, а у насъ на рукахъ

10 пальцевъ, а потому нѣтъ нужды въ составленіи таблицы Б, а ее можно имѣть всегда подъ руками безъ составленія, для этого надо только считать по пальцамъ, начиная съ лѣвой руки, нечетные или четные года, дойти до нужнаго числа и потомъ, отмѣтивъ этотъ палецъ, начать счетъ снова для нечетныхъ съ 1, а для четныхъ съ 20, прибавляя на каждомъ пальцѣ по 8, пока не дойдемъ до *указательною* (онъ долженъ быть, какъ и слѣдуетъ по имени, своего рода NB), при которомъ прибавить 7; на 10-мъ, который понадобится только при нечетныхъ годахъ, по правилу прибавляется 8. Такимъ образомъ, какъ оказывается, не трудно опредѣлить день мартовскаго полнолунія въ каждомъ изъ 19 годовъ круга луны, для того же, чтобы опредѣлить время полнолунія въ любомъ изъ годовъ отъ С. М., надо только опредѣлить, какой онъ годъ въ кругѣ луны, а это укажетъ остатокъ отъ дѣленія цифры года на 19, если же его не будетъ, то годъ будетъ 19-ый.—Приложимъ теперь выработанныя нами правила къ провѣркѣ взятыхъ нами датъ лѣтописи по отношенію ихъ къ пасхѣ. 1) Смерть прп. Θεодосія Печ. 6582 п.: $19 = 346\frac{8}{19}$ стало быть 8 годъ круга луны четный, на пальцѣ лѣвой рука: 20, 28, (36—30) 6, 14 марта, стало быть весеннее полнолуніе 13 апрѣля, а годъ это былъ, какъ ранѣе нашли, субботній, стало быть 5 апрѣля суббота, 13-ое воскресенье, а потому пасха 20 апрѣля, 1 суббота по пасхѣ 26-го апрѣля 2-ая—3-го мая, какъ и дано. 2) Погребеніе Всеволода Ярославича 6601 : $19 = 347\frac{8}{19}$ тоже 8-ой круга луны, но, какъ видѣли, вторичный 13 апрѣля среда, стало быть пасха въ слѣдующее воскресенье 17-го апрѣля, а 14—великій четвергъ, дѣйствительно; 24 апрѣля Омино воскресенье; 3 м. 16 дней (16 апр.) + 39 д. = 4 м. 25 д. (26-ое мая)—Вознесеніе. Перейдемъ къ настоящему году. По мнѣнію лицъ, относящихъ смерть Ярослава къ 1054 году—5508 л. 9 м. 24 д. + 1903 г. = 7411 г. 9 м. 24 д., т. е. 25 декабря былъ 1412 годъ мартовскій; а съ марта теперь уже $7413 : 19 = 390\frac{3}{19}$, т. е. годъ почетный, а потому 1, 9 марта полнолуніе; весеннимъ будетъ апрѣльское 8 число, а выше видѣли—вторичный, стало быть 5 апр. вторникъ, 8 пятница, а потому пасха черезъ воскресенье, т. е. 17 апрѣля, а между тѣмъ мы праздновали ее 28 марта, а 17 апрѣля она была въ 1905 году. Если же къ цифрѣ года прибавимъ 5507 г. 9 м. 24 (1903 + 5507 г. 9 м. 24 = 7410 г. 9 м. 24), т. е. 25 декабря былъ 7411 годъ, а съ марта теперь идетъ уже 7412 годъ ($7412 : 19 = 390\frac{2}{19}$, т. е.) 2-ой лунный четный, а потому 20 марта

полнолуіе, годъ понедѣльничный, а потому 1, 8, 15, 22 марта понедѣльникъ, 20 суббота, а потому пасха черезъ воскресеніе, т. е. 28 марта, что и было. Опредѣлимъ же теперь, когда была пасха въ годъ смерти князя Ярослава 6562-ой; $6562 : 19 = 345\frac{7}{19}$, т. е. 7 круга луны, нечетный, а потому на (1, 3, 5, 7) четвертомъ пальцѣ 1, 9, 17, 25 марта полнолуіе. $6562 (: 28 = 234\frac{10}{28})$ 10-ый солнечнаго круга, дѣлящійся только на 2, а потому 18, 2, 14, 26, 10 (пятница, суббота, воскресеніе, понедѣльникъ) вторничный; вторники въ мартѣ 1, 8, 15, 22, а 25 марта пятница, а потому пасха черезъ воскресеніе 3 апрѣля, 27 марта было вербное воскресеніе, 20—5-ое, 13—4-ое, 6—3-ье, 28 февраля 2-ое, 20—1-ое, суббота 1-ая—19 февраля, а не 20, какъ указано въ Ипатской лѣтописи. Какъ же такъ? Да вѣдь 6562 годъ вторничный, 7 февраля (Maioasf.) вторникъ, 5 воскресеніе, 12, 19 тоже воскресеніе, а суббота 18 февраля. Опять не то, да и другое указаніе! Возьмемъ 6561 годъ: $6561 : 28 = 234\frac{9}{28}$, 9-ый, послѣ дѣлящагося на 4, а потому — 1, 13, 25, 9 — понедѣльничный, 7 февраля понедѣльникъ, 14, 21 тоже, 20 воскресеніе, 19 суббота, т. е. ранѣе высчитанныя числа для 2 и 1-го воскресенія поста передъ пасхой 6562 года относятся къ 6561 мартовскому году. Дѣйствительно новый 6562 годъ, если считать началомъ его 1 марта, могъ начаться только со вторника 3-ей недѣли поста, а вся предшествующая часть поста была въ 6561 мартовскомъ году, еще при жизни князя Ярослава, какъ при его жизни была и пасха 6562 года, такъ какъ онъ, какъ мы видѣли, умеръ въ концѣ 6562 года, стало быть въ постъ передъ пасхой 6563 мартовскаго года. Но мы видѣли сейчасъ, что по нашимъ вычисленіямъ 20 февраля не было въ субботу ни въ 6561, ни въ 6562 году, стало быть есть какая-нибудь тутъ ошибка. По наши вычисленія провѣрены на рядѣ примѣровъ и оказались правильными, стало быть ошибка въ лѣтописи. По могъ ли современникъ 20 февраля воскресеніе въ 6561 году и понедѣльникъ въ 6562 году назвать субботой? Конечно, нѣтъ, и Лаврентьевская лѣтопись своей сжатой формой записи указываетъ намъ, что 20 февраля—приписка болѣе поздняя, какъ и самая редакція Ипатскаго списка лѣтописнаго сборника сравнительно съ Лаврентьевскимъ (срв. въ моемъ „О поученіи Влад. Моном.“ 111 пр. 1). Приписка эта однако была сдѣлана не позже 1-ой половины XIV вѣка, такъ какъ Прологъ этого времени—такъ по И. И. Срезневскому Дрв. пм. р. п. и яз. Изв. 2-го О. И. А. Н. X, 672,—уже содержитъ это 20 февраля въ

концѣ текста, взятаго изъ лѣтописи, такъ какъ, судя по тексту, составитель неправильно понималъ праздникъ, который по Мстиславову Евангелію (Изв. 2-го О. И. А. Н. X, 118) относится ко времени при. митрополита Ефрема Печерскаго, по моему мнѣнію къ 4 ноября 1096 года, послѣ Боякова разоренія. Какъ могла произойти эта ошибочная приписка? А вотъ попробуйте, отъ пасхи 3 апрѣля отсчитывая недѣли, предположить въ февралѣ 29 дней, т. е. ошибиться, принявъ 6562 годъ мартовскій за слѣдующій послѣ февраля съ добавочнымъ днемъ, и придете къ 1 воскресенію поста 21 февраля, тогда суббота 1 будетъ 20 февраля, стало быть ошибочно предположенъ былъ високосъ. Но авторъ ошибки пришелъ къ ней не такъ, какъ мы сейчасъ, а гораздо проще. Это видно вотъ изъ чего. Ошибка подобнаго рода въ Ипатскомъ спискѣ не одна: мы нашли еще такую же ошибку подъ 6646 годомъ, гдѣ говорится о св. Всеволодѣ Мстиславичѣ псковскомъ, что онъ „преставился, сѣдъ Пльсковѣ, мѣсяца февраля въ 11, масляной недѣлѣ въ четвергъ“. 6646 годъ тоже 10 г. круга солнца, т. е. вторичный, но 15 круга луны, нечестный, а потому мѣсто его на 8 пальцѣ: 1, 9, 17, 25, 3, 11, 19 — 27 марта полнолуніе, вторники 1, 8, 15, 22 и 29, а потому 27 воскресеніе и пасха будетъ 3 апрѣля. При этой пасхѣ, какъ мы видѣли въ простомъ году 1-ое воскресеніе поста бываетъ 20 февраля, а потому прощальное 13 и четвергъ масленицы 10 февраля, а не 11, 11 же онъ бываетъ при такой пасхѣ только въ високосномъ году (въ Лаврскихъ святцахъ № 366 не позже XVII вѣка память св. Всеволода и показана 10 февраля (ПМВ. арх. Сергія II, 37), а въ Забѣлинскомъ новгородскомъ подлинникѣ XVI вѣка (ibid., срв. I, 297) — 17 февраля, т. е. годъ принять за понедѣльничный, т. е. 6645, какъ во многихъ лѣтописяхъ (см. примѣчаніе редакціи Ник. лѣт. II. Сб. IX, 160,6 и 161,2), но ошибочно и для февраля принято его же вруцелѣтіе, т. е. день недѣли. Все это показываетъ, что и здѣсь первоначально не выставлено было число мѣсяца. Въ пасхалин по ключевымъ словамъ пасха 3 апрѣля стоитъ подъ ключемъ границъ *д*. Невольно бросается въ глаза, что въ обоихъ случаяхъ ошибка при одной ключевой буквѣ и состоитъ въ томъ, что простые года приняты за високосные: переписчику, очевидно, желательно было указаніе на дни тріоди перевести на числа мѣсяца, почему въ спискѣ индикціонныхъ лѣтъ при пасхалин онъ и справился, какая ключевая буква года, но потомъ не нашелъ нужнымъ заглянуть въ пасхалию, такъ какъ иначе почему бы ему оба раза взять ошибочно показанія на случай: *ѣ* и

ілюкож? Не нашель нужнымъ очевидно потому, что ему показалось, что относительно распредѣленія по числамъ пасхальныхъ данныхъ этой ключевой буквы ему нечего справляться: онъ и такъ знаетъ, а эта увѣренность могла явиться тогда, когда писецъ самъ переживалъ годъ ключевой буквы *д*, но опустилъ изъ вниманія, что его-то годъ високосный, а пишетъ-то онъ о годахъ простыхъ. Если это такъ, то до половины XIV вѣка это могло случиться только въ 1244 и въ 1328 годахъ ¹⁾. Въ лѣтописяхъ, имѣющихъ указанная извѣстія, есть слѣды приостановки лѣтописной дѣятельности до 1245 г.: общія свѣдѣнія Ипатской и Воскресенской лѣтописей кончаются походомъ Батыя, послѣ взятія Кіева въ 1240 г. въ Угрію и пребываніемъ его тамъ въ теченіе 3 лѣтъ. Разсказъ о смерти св. Михаила Черниговскаго уже идетъ изъ разныхъ источниковъ, подъ 1244 (6752 г.) въ Воскресенской и Никоновской только коротенько сказано о поѣздѣ въ Орду князей угличскаго, ростовскаго и ярославскаго и о смерти св. Феодосія, матери св. Александра Невскаго, съ 6749 года обанчиваются уже въ Воскресенской лѣтописи извѣстія о Южной Руси, доведенныя до 1243 года: „и стаха по побѣдѣ 3 года и воеваша до Володавы и по озеромъ“, а съ 6709 года въ Ипатскую лѣтопись вливаются уже широкой рѣчкой извѣстія о событіяхъ въ Руси Волынской и Галичской и только въ видѣ островковъ всплываютъ на ней извѣстія о Калкской битвѣ и нашествіи Батыя, идущія несомнѣнно изъ одного источника съ подобными же извѣстіями Воскресенской, передаваемыя уже одними и тѣми же словами. По эти съ начала XIII ст. заповняющія лѣтопись волынскія и галичскія извѣстія вставлены подвѣе изъ одного цѣльнаго повѣствованія, — не раздѣленнаго на года, но размѣченнаго ими только въ Ипатскомъ спискѣ, — врываясь даже въ разсказъ, общій съ Воскресенскою лѣтописью, какъ это видно напримѣръ изъ извѣстій подъ 6751 г., при чемъ этотъ разбиватель по годамъ поминутно почти дѣлаетъ ошибки въ этомъ направленіи, вставляя въ повѣствованіе, чтобы какъ-нибудь подогнать разсказъ подъ года, замѣтки въ родѣ „въ лѣто“ такое-то „не бысть ничто же“, отодвигая иногда такимъ путемъ событія года на 4 (смерть Конрада Мазовецкаго, умершаго въ 1247 году, подъ 6759; Фридрихъ II, умершій въ 1250 г., еще живъ въ 6760, бракъ Романа Даниловича подъ

¹⁾ Формулу для опредѣленія года по дню пасхи см. въ моей статѣ „Логикій способъ опредѣленія дня недѣли и пасхи въ любомъ году“. И. О. Р. яз. и сл. И. А. Н., X; отд. отт. С.-Пб. 1905, 15—23.

6762), при чемъ интересно, что событія, бывшія еще при жизни Конрада (до 1247 г.), описаны подъ 6757 (1249), годомъ ключевой буквы *М*, домартовскія даты котораго (а въ данной лѣтописи годъ уже сентябрьскій) буквально совпадаютъ съ той частью пасхалии подъ *д*, которая отмѣчается указаніемъ „ѡци клокѡга“, т. е. относится и въ 1244 году. Не указываетъ ли это на то, что подъ 6757 годомъ разсказаны событія 1244 года, впервые записанныя переписчикомъ предшествующей части лѣтописи? Итакъ вотъ, вѣроятно, и причина появленія ошибочной даты 20 февраля. Но когда же, въ какой день какого мѣсяца умеръ Ярославъ? Надо стало быть опредѣлить субботу первой недѣли поста передъ пасхой 6363 мартовскаго года.— Въ кругѣ солнца это $(6563 : 28 = 234\frac{11}{28})$ 11-й годъ, нечетный до дѣлящагося на 4, а потому 7, 19, 3, 15, 27, 11 (пятница—среда) средовой. Въ кругѣ луны это $(6563 : 19 = 345\frac{8}{19})$ — 8-ой, четный, а потому 2, 4, 6, 8 (20, 28, 6, 14) полнолуніе 13 апрѣля, среда 5 апрѣля, а потому 13 четвергъ и пасха въ воскресенье 16 апрѣля, отсюда вербное воскресенье 9-го, 5-ое—2-го апрѣля; 4-ое—26-го, 3-ье 19, 2-ое 12, 1-ое 5-го марта, а *первая суббота*—4 марта. Но позвольте: 4 марта, суббота 1 недѣли поста передъ пасхой 6563 мартовскаго года будетъ уже не въ 6562 году, какъ сказано въ лѣтописи, а въ 6563. Да! вотъ это-то обстоятельство и заставило между прочимъ А. А. Куника сказать, что мы не знаемъ дня кончины кн. Ярослава. Но мы все-таки его знаемъ, какъ убѣдимся въ этомъ сейчасъ.

Отроемте лѣтопись подъ 6604 годомъ и прочитаемте все объ этомъ годѣ, а потомъ выпишемъ указанія времени: Олегъ выбѣжалъ изъ Чернигова 3 мая въ субботу (6604—24 г. круга солнца—субботній, а потому это вѣрно), ушелъ въ Стародубъ, гдѣ его осаждали 33 дня, послѣ чего выпустили, стало быть послѣ 5 іюня, въ это время 24 мая Куря пожегъ Устье Трубска, а 31 мая обложилъ Переяславъ Тугорканъ, который здѣсь и убитъ 19 іюля; 20 іюня (какъ мы доказывали въ ст. О поученіи Владиміра Мономаха стр. 20, прим. 1) напали половцы на Киево-печерскій монастырь. Послѣ этого лѣтописецъ обращается къ прежнему разсказу и говоритъ, что Олегъ не сдержалъ обѣщанія, не привелъ брата на порядъ, а взялъ въ Смоленскѣ войска и пошелъ ко Мурому, гдѣ вступилъ въ сраженіе съ Изяславомъ Владиміровичемъ, павшимъ въ немъ 6 сентября. Олегъ, взявъ городъ, пошелъ къ Ростову, взявъ Суздаль и расправившись

съ его жителями, овладѣлъ всей землей Муромской и Ростовской, посажалъ посадниковъ, захотѣлъ забрать и Новгородъ, вышелъ на поле у Ростова, но, узнавъ о движеніи Мстислава, отступилъ сначала къ Ростову, потомъ, преслѣдуемый Мстиславомъ, къ Суздалю и Мурому. Мстиславъ въ Суздаль остановился и посылалъ пословъ къ Олегу и отцу, когда первый притворно согласился на миръ. Мстиславъ повѣрилъ и распустилъ дружину по селамъ „и наста Федорова недѣля, 1 поста, и приспѣ Федорова суббота“, стало быть передъ пасхой уже 1097, 6605 г., т. е. $(6605 : 19 = 347\frac{12}{19})$ 12 кр. луны, четнаго, а потому 2, 4, 6, 8, 10, 12 (на первомъ пальцѣ лѣвой руки: 20, 28, 6, 14, 22, 30) полнолуніе 30 марта, [годъ 6605— $\frac{26}{11}$ солнечнаго круга, послѣ дѣлящагося на 4, а потому (1, 13, 25) воскресенный (1, 8, 15, 22, 29)], въ понедѣльникъ, а слѣдовательно пасха 5 апрѣля, 29 марта—вербное воскресеніе; 22, 15, 8, 1 марта—5, 4, 3, 2, воскресеніе поста; 22 февраля—1-ое, Федорова суббота 21 февраля: „къ Мстиславу собрася дружина въ тотъ день и въ другій“, т. е. 21 и 22, „и стояста противу собѣ дний 4“, т. е. 22, 23, 24, 25 февраля, „и приде Вячеславъ у четвертокъ по Федоровой недѣлѣ поста“, т. е. 26 февраля. „А въ пятокъ завѣтра (27 февраля) поиде Олегъ къ городу“, произошла на Колачкѣ битва, въ которой побѣдилъ Мстиславъ, Олегъ бѣжалъ къ Мурому, оставилъ здѣсь Ярослава, а самъ бѣжалъ въ Рязань, но при приближеніи Мстислава оставилъ и Рязань. Мстиславъ заключилъ миръ съ рязанцами, освободилъ своихъ людей, послалъ предложеніе Олегу снестись съ двоюродными братьями и обѣщалъ самъ походатайствовать, въ качествѣ крестнаго сына Олега, передъ своимъ отцомъ, Олегъ обѣщалъ. Затѣмъ Мстиславъ воротился въ Суздаль, а оттуда пришелъ въ Новгородъ молитвами преподобнаго епископа Никиты. И только тутъ прибавляетъ авторъ: „се же бысть исходящу лѣту 6604, индикта 4 на поли“, т. е.: А это было на исходѣ 6604 года, въ половинѣ 4-го индикта. Послѣ битвы на Колачкѣ въ пятницу 2-ой недѣли 27 февраля поста оставалось до 1 марта, начала года по позднѣйшему счисленію, всего 1 день 28 февраля, а Мстиславъ преслѣдуетъ Олега въ Муромъ, Рязань, заключаетъ миръ съ рязанцами, возвращается въ Суздаль и Новгородъ и все еще въ томъ же 6604 году. Очевидно, это все не въ 1 день, стало быть въ 1096—7 году начало года считалось не 1-го марта. А когда же? „Исходящу лѣту 6604, индикта 4 на поли“, на исходѣ 6604 года, въ половинѣ 4 индикта. Когда же начало индикта? Нынѣ

„начало индикта, сирѣчь нѣкаго лѣта“—1 сентября, и это насъ привело бы къ 1 марта, какъ началу года. Но всегда ли началомъ индикта было 1 сентября? Нѣтъ! Въ календарѣ рейхенаускомъ VIII—IX в. подъ 23 сентября занесена запись: hic indictiones incipiunt et hic finiuntur, здѣсь начинаются и оканчиваются индикты (Р: рег. Ка. 79. Вас. Болотовъ. Михайловъ день. С.-Пб. (Хр. Чт. II, 611) 1892, 23,35а), сюда же, вѣроятно, относится и замѣчаніе при. Беды (Beda venerabilis † 735) de temp. rat. с. 46: incipiunt indictiones ab VIII (вм. IX; или примѣнительно къ западнымъ мѣсяцесловамъ, которые зачатіе Предтечи отмѣчаютъ 24 сентября? calendis octobris ibidemque terminantur. Ideler II, 361—363. Тамъ же). Скажу здѣсь еще словами незабвеннаго для науки В. В. Болотова (тамъ же 609—10 21—22): „въ шести агиологическихъ памятникѣхъ, двухъ греческихъ и четырехъ славянскихъ... въ святцахъ при евангеліяхъ: двухъ греческихъ (IX и X в.) въ синайскомъ монастырѣ и трехъ славянскихъ (въ 1893 году Хр. Чт. I, 1 Слѣды Древ. Мѣс. 80,9а В. В. Болотовъ по П. М. В. I. 102 прибавляетъ еще четвертое XII в. мирославово и замѣчаетъ: въ бѣлозерскихъ святцахъ 493 вмѣсто „ловаго лѣта“ подъ 23 сент. читается: Вселе починается осень) (XI в.) остромировомъ, глаголитскомъ-ассеманіевомъ и саввиномъ подъ тѣмъ же 23-мъ сентября читается драгоценная замѣтка: „новое лѣто“. И Памво Берында въ 1628 (1636 по западному обычаю?) подъ 23 сентября надъ изображеніемъ зачатія Предтечи ставить ЗРАС: „слѣдовательно и для него 23 сентября есть новое лѣто, день, въ который начинается новый 7136 годъ“. Итакъ индикты въ XI в. начинались сл. 23 сентября, а потому „на полы“ они были 23 марта, и это было „исходящю лѣту“, т. е. на исходѣ года, стало быть годъ кончался вскорѣ. До 23 марта, т. е. въ теченіе 24 дней, дѣйствительно могли уложиться всѣ событія послѣ битвы на Колачкѣ до возвращенія св. Мстислава въ Новгородъ. Но когда же послѣ 23 марта вскорѣ начинался новый годъ? Всего вѣроятнѣе конечно тогда, когда св. Церковь поетъ: Днѣкъ славіна нашегу глакізна, и же ѿ кѣка тѣмнѣтка ѡкаліне, Сѣхъ Бжій сѣхъ дѣмъ кмѣкта, и Гакрѣнахъ ѡгодѣтъ ѡгодѣтѣтѣтъ, — 25 марта. День 25 марта считался вообще днемъ знаменательнымъ: „Тертуліанъ, I. Златоустъ, Кириллъ алекс. и другіе думаютъ, что Іисусъ Христосъ какъ зачать, такъ и пострадалъ въ одинъ день, т. о. 25 марта. Теофилъ, еп. кесарійскій, въ концѣ II в. и другіе думаютъ, что Онь воскресъ 25 марта въ донь зачатія“, присоединить къ этому, что 25 марта было и днемъ сотворенія Адама, было повтому волюгѣ естественно, и вотъ мы дѣй-

ствительно находимъ такое мнѣніе: въ рукописномъ сборникѣ Публ. Библ. изъ Погодинскихъ № 1560, описанномъ А. Θ. Бычковымъ (Опис. церк.-слав. и рус. рук. сб. И. П. Б. С.-Пб. 1882 188—211) подъ № XLV, въ ст. 27, в. читаемъ: ꙗдама^а годѣ нѣкъ мѣца мѣта къ кѣ, къ патѣ, отчего, вѣроятно, и въ Англіи годъ до 1752 г. начинался 25 марта. Итакъ, новый годъ въ XI в. у насъ начинался 25 марта, а потому суббота 1 поста въ 6562 году была дѣйствительно, но только одна передъ пасхой 6563 года и приходилась 4 марта 1055 январскаго года. Кромѣ этихъ двухъ указаній на начало новаго года у насъ въ первые вѣка христіанства имѣются въ лѣтописи еще 2: подъ 6611 годомъ въ концѣ, послѣ извѣстія о построеніи вновь Гурьгова (Юрьева южнаго—Гурчовець нашихъ былинь) Святополкомъ 18 августа сообщается: „того-же лѣта бисѣ Ярославъ съ Морьдвою, мѣсяца марта въ 4 день, и побѣжденъ бысть Ярославъ“—извѣстіе поставлено не въ началѣ 6612 года, а въ концѣ 6611. Точно также въ Лавр. сп. подъ 6622 годомъ извѣстія расположены такъ: смерть Святополка 16 апрѣля, прибытіе Мономаха въ Кіевъ 20, посвященіе Данила епископомъ 6 января и смерть Святослава Владиміровича 17 марта, которое уже было въ январскомъ году, слѣдующемъ за годомъ смерти Святополка. Итакъ фактъ начала новаго года у насъ въ первые вѣка христіанства 25 марта можно считать, кажется, установленнымъ ¹⁾. Но это обстоятельство приводитъ насъ къ другому выводу: при нашемъ счисленіи, предполагающемъ, что отъ С. М. до Р. Хр. прошло 5508 л., 25 марта 1-го года не можетъ быть въ пятницу, такъ какъ пятница падаетъ тогда на 22 марта, если отсчитывать отъ нашего обозначенія дней недѣли, а 25 марта будетъ понедѣльникъ. 25 марта можетъ быть пятницей только во вторичномъ году съ точки зрѣнія вышепомѣннаго вычисленія, а это можетъ быть при остаткахъ 21, 27, 4, 10, но если

¹⁾ По народному повѣрью Благовѣщеніе самый большой праздникъ на небесахъ и на землѣ; народъ связываетъ его съ началомъ весны: „Весна зиму поборола“, дѣлаетъ заключеніе по немъ о цѣломъ годѣ: „Каково Благовѣщеніе проведешь, таково и весь годъ“, „Въ какой день поѣли Благовѣщеніе, въ тотъ, во весь годъ, никакого дѣла не начинать“. Правда, мѣста лѣтописей, говорящія о началѣ года послѣ 1 марта, могутъ быть истолкованы и въ смыслѣ начала его съ Пасхи, за что говорено и то обстоятельство, что съ этого времени начинаются столпы евангельскихъ чтеній и гласовъ въ церкви, а также и обычай первое время опредѣлять дни года подвижными праздниками, но въ народѣ нѣтъ никакого намека на связь Пасхи съ годомъ. Кромѣ того и во Франціи, гдѣ нѣкогда Пасха опредѣлила начало года, годъ начинался собственно съ Великой Пятницы, слѣдомъ чего, можетъ быть, и осталось особое своеобразное и не идущее къ характеру этого дня празднованіе его на Западѣ.

этотъ годъ мартовскій и долженъ служить началомъ такого лѣтосчисленія, чтобы январскіе годы, дѣлящіеся при нашемъ отъ Р. Хр. на четыре, были високосные, то онъ долженъ быть съ остаткомъ послѣ дѣлящагося на 4, а это только 21. Поэтому, чтобы при пятницѣ 1-го года получить въ слѣдующіе года въ числа нашихъ мѣсяцевъ тѣ же дни недѣли, надо начать лѣтосчисленіе или 20 годами ранѣе, чтобы 1 годъ нашего лѣтосчисленія былъ 21-мъ, или 8-ью годами позже, чтобы отъ этого предполагаемаго лѣтосчисленія, при которомъ нашъ 1-ый годъ С. М. былъ бы 21, прошелъ цѣлый кругъ солнца. Если мы начнемъ лѣтосчисленіе 8 годами позже, то у насъ до Р. Хр. отъ С. М. будетъ не 5508 л., а 5500, т. е. число лѣтъ, принятое въ слѣдованной Псалтири „по св. Ипполиту, по Скалигеру, по Георгію Синвеллу Патріарха Тарасія съ 7 вселенскимъ Соборомъ и прочимъ“, какъ говорятъ іерми. Іоакимъ въ „Полномъ церковно-хронологич. цѣлѣ“ М. 1880, 197. Стало быть, вотъ основаніе для предположенія, что Р. Хр. было въ 5501 году, въ основѣ его лежитъ положеніе, что Адамъ созданъ былъ 25 марта и потому от. іерми. Іоакимъ не правъ былъ на указанномъ столбцѣ, въ разныхъ мѣстахъ начиная годы отъ Р. Хр.: на стр. 88 своей статьи О поученіи Владиміра Мономаха мы указали, какъ считали годы въ 1806 г. въ виленской типографіи (7306); если Густынская лѣт. (іерми. Іоакимъ Цив. стр. XVI) считаетъ 1614 г. рокомъ 1622, то это, очевидно, слѣдствіе переложенія годовъ ею отъ сотворенія міра, черезъ вычитаніе 5500. Мы неизвѣстно, чтобы гдѣ-нибудь въ теченіе послѣдняго тысячелѣтія было разногласіе въ счисленіи лѣтъ отъ Христа. Въ 1654 году калужскій воевода спрашивалъ сопровождавшихъ Антиохійскаго патріарха Макарія (Пав. Алеппскій. Путеш. п. Мак. перев. Г. А. Муркоса вып. II., М. 1897, 137) говоря: „отъ Адама до года воплощенія Господа Христа не пять ли тысячъ пятьсотъ лѣтъ сполна безъ прибавки или убавленія. Отъ воплощенія Христа до сего года прошло 1654 г., а отъ Адама до сихъ поръ прошло 7162 года; эти лишнія восемь лѣтъ, которыя не согласуются со счетомъ воплощенія, откуда явились и какъ ихъ объяснить?“ Никого не нашлось, кто бы смогъ дать ему отвѣтъ. Мы раньше не мало спрашивали объ этомъ предметѣ въ Константинополь и тамошнихъ мѣстахъ, но никто не далъ намъ отвѣта, пока, наконецъ, мы не убѣдились изъ древнихъ греческихъ книгъ, что воплощеніе Христа совершилось въ 5508 году“. Калужскій воевода считалъ отъ С. М. 7162 г., убѣжденъ былъ, что отъ С. М. до Р. Хр. прошло 5500 лѣтъ, но въ то же время не со-

мѣвался и въ томъ, что отъ Р. Хр. онъ переживалъ 1654 г. Поэтому о. Іоакиму слѣдовало два счета въ своемъ циклѣ вести не съ Р. Хр., а съ 9 года перваго счета отъ С. М. Убѣжденіе свое въ томъ, что отъ Адама до года воплощенія Господа Христа прошло 5500 лѣтъ, калужскій воевода, конечно, вынесъ изъ тѣхъ хронографовъ, изъ которыхъ заимствованы эти свѣдѣнія напр. въ сборникъ изъ Погодинскихъ № 1613 (Бычковъ LXXXII, Опис. 423) или въ печатные святцы съ лѣтописью 1646 года (П. М. В. преосвящ. Сергія. М. 1875 г., 175—6), откуда поцали они и въ печатную Слѣдованную псалтирь. Здѣсь мы въ Московскомъ изданіи 1790 г. подъ 25-го марта читаемъ: „Нѣговѣсти архангѣлъ Гавриѣлъ Пресвѣтѣй Гііѣ, плѣтию Зачатіе во чректѣ гна Івѣа въ лѣто 1654, въ недѣлю, въ пятый часъ дне; а подъ 25 декабря: „Родиса гдѣ нашъ Іисъ Хрѣтосъ ѿ пресвѣта Дѣи Мрїи непреложно, неизмѣнно и неказанно, въ мѣ лѣто 1654 въ 25 числа мѣсяца, единоначалства тогда по кезалѣннѣи, въ лѣто ѿ созданія міра сѣ, индикта ѿ, крѣга санца кѣ, лѣмъ дѣ, въ срдѣ“. Это сопоставленіе двухъ извѣстій даетъ намъ тотъ фактъ, что рядомъ съ началомъ новаго года отъ С. М. съ марта существовало и представленіе о началѣ его съ сентября, т. е. о томъ, что 1 сентября въ первомъ году было въ пятницу. Такимъ образомъ кромѣ начала 1 года 1 марта было представленіе о началѣ его 25 марта, 23 сентября и 1 сентября. Постараемся же опредѣлить отношеніе этихъ терминовъ, т. с. пятницу 1-го марта и 1 сентября; 25 марта и 23 сентября къ нашему принятому счисленію времени, т. е. къ тому положенію, что 1 марта 5509 года (такъ какъ, какъ видѣли, предполагается, что отъ С. М. до Р. Хр. (25 декабря) прошло 5507 л. 9 м. 25 д., а до 1 марта, стало быть, ровно 5508 л.), 21 года круга солнца, года послѣвисокоснаго — 1, 13, 25, 9, 21 (пятница — вторникъ) — было во вторникъ. Такъ какъ добавочный день въ високосномъ году вставляется въ февралъ, то имя дня недѣли въ любое число любого мѣсяца опредѣляется только днемъ недѣли 1-го марта, *срочь мѣтїемъ*, какъ называется оно въ пасхалии (потому и дни января и февраля нашего январскаго года опредѣляются днемъ недѣли 1-го марта предшествующаго года). Составимъ таблицу, гдѣ бы дни недѣли 1 и 23 сентября и 25 марта показаны были въ соотвѣтствіи со днями недѣли 1 марта въ теченіе всего круга солнца, присоединивъ къ этому и дни недѣли 25 декабря. Такъ какъ счетъ сентябрьскихъ годовъ можетъ начинаться до начала мартовскихъ и послѣ нихъ, т. е. въ одинъ день недѣли будетъ 1 и 23 сентября, если оно будетъ находиться въ мартовскомъ году, и въ другой, если

оно будетъ находиться въ предшествующемъ мартовскомъ году, то придется въ таблицу ввести и этотъ день недѣли для 1 и 23 сентября. Такъ какъ не одинъ и тотъ же день недѣли 1 и 23 сентября будетъ для предшествующаго простого и високоснаго года, то пришлось бы имѣть 2 графы для дней предшествующаго года, но обратимъ вниманіе на то, что въ мартовскомъ году 1 марта и 6 сентября бываютъ въ одинъ день недѣли (Маѣюаst), а потому въ тотъ же день недѣли бываютъ и 22 марта и 20 сентября, а 25 марта и 23 сентября отстоятъ отъ нихъ поровну (на 3 дня), то бываютъ также въ одинъ день недѣли, а потому ихъ для мартовскаго года можно помѣстить въ одну графу. Получаемъ таблицу.

25 марта и 23 сентября	Понед.	Понед.	Понед.	Понед.	Понед.	Понед.	Понед.
1 сентября мартовскаго года	Воскр.	Воскр.	Воскр.	Воскр.	Воскр.	Воскр.	Воскр.
1 сентября предшествующаго года	Субб.	Субб.	Субб.	Субб.	Субб.	Субб.	Субб.
1 марта	Пятн.	Субб.	Воскр.	Понед.	Вторг.	Среда.	Четв.
	1	13	25	9	21	5	17
	7	19	3	15	27	11	23
	12	24	8	20	4	16	28
	18	2	14	26	10	22	6
25 декабря предшествующаго високоса	Понед.	Понед.	Понед.	Понед.	Понед.	Понед.	Понед.
25 декабря предшествующаго простого	Вторг.	Вторг.	Вторг.	Вторг.	Вторг.	Вторг.	Вторг.
25 декабря мартовскаго года	Среда.	Среда.	Среда.	Среда.	Среда.	Среда.	Среда.
	Среда.	Вторг.	Понед.	Воскр.	Субб.	Пятн.	Четв.
	Четв.	Среда.	Вторг.	Понед.	Воскр.	Субб.	Пятн.
	Пятн.	Четв.	Среда.	Вторг.	Понед.	Воскр.	Субб.
	Субб.	Пятн.	Четв.	Среда.	Вторг.	Понед.	Воскр.
	Воскр.	Субб.	Пятн.	Четв.	Среда.	Вторг.	Понед.
	Понед.	Воскр.	Субб.	Пятн.	Четв.	Среда.	Вторг.
	Вторг.	Понед.	Воскр.	Субб.	Пятн.	Четв.	Среда.

Пользуясь этой таблицей, изслѣдуемъ теперь занимающій насъ вопросъ, замѣтивъ, что 5500 годъ будетъ 12-й годъ круга солнца, а

5509—21-й годъ круга солнца и что 1 марта 1-го года нашего существующаго счисленія отъ Р. Хр. вторникъ 2-го года послѣ високоснаго. Предположимъ сначала, что С. М. было въ пятницу 1 марта, тогда, если до Р. Хр. прошло 5500 или 5499 лѣтъ, то къ цифрѣ года 1-го, т. е. 2-го послѣ високоснаго (вѣдь въ мартовскомъ году нашъ февраль года кратнаго 4-хъ падаетъ на годъ единицейъ меньшій кратнаго 4-хъ), надо бы прибавить 12 и 11. Прибавляемъ и получаемъ 13 или 12, въ 13 году 1 марта находимъ въ субботу, а въ 12-мъ въ пятницу, а по нашему счисленію въ 1 годъ нашей эры 1 марта было во вторникъ, стало быть въ томъ случаѣ, если С. М. было въ пятницу 1-го марта, 5500 годъ не можетъ быть годомъ начала нашей эры, 5500 годъ отъ С. М. принять за годъ Р. Хр. не тамъ, гдѣ С. М. предполагали 1 марта. То же, конечно, должно сказать и о счисленіи съ пятницы 1 сентября года високоснаго предшествующаго мартовскому году. Если же до Р. Хр. прошло отъ С. М. 5508 л., то въ цифрѣ 1-го года надо прибавить 20, и получимъ 21-й, въ которомъ 1 марта дѣйствительно во вторникъ. Стало быть 1 марта пятница день С. М. предположенъ былъ тамъ, идѣ отъ С. М. до 1 марта 1 года послѣ Р. Хр. считали 5508 лѣтъ (до Р. Хр. 5507 л. 9 м. 25 дней). 2) Предположимъ, что С. М. было въ пятницу 1 сентября предшествующаго 1-му мартовскому году. Годъ этотъ первый послѣ високоснаго, потому, что добавочный день прибавленъ былъ бы къ февралю предшествующаго ему года. Пятница 1 сентября бываетъ въ этомъ году, когда слѣдующее 1 марта въ четвергъ; изъ четверговыхъ годовъ сюда подходитъ 17-й. Добавляемъ къ 17—11, получаемъ 28 годъ, это годъ четверговый, тоже стало быть не годится. И такъ 1 сентября днемъ С. М. считалось не тамъ, гдѣ Р. Хр. считали въ 5500 году. Прибавляемъ 20, получаемъ 37, вычитаемъ 28, получаемъ 9, годъ понедѣльничныи. Годъ этотъ тоже не годится, между тѣмъ церковныи годъ у насъ нынѣ предшествуетъ своимъ началомъ мартовскому, стало быть счетъ съ сентября учрежденъ не потому, что 1 сентября считалось днемъ С. М. И дѣйствительно 1 сентября начинается счетъ индиктовъ, а индиктъ принять нашей церковью только въ воспоминаніе дарованной Константиномъ Великимъ въ 313 г. отъ Р. Хр. свободы христіанскому исповѣданію. Случайно 313 годъ былъ 1 годомъ въ кругѣ 15-лѣтій отъ С. М., при чемъ отъ С. М. до Р. Хр. 5508 годовъ. Сентябрь—мѣсяцъ, когда празднуется новолѣтіе и у евреевъ. Связь этого счета съ 5508 и возникновеніе его въ Римской имперіи на западѣ даетъ намъ воз-

возможность опредѣлить и мѣсто возникновенія этого счета въ 5508 л. съ 1-го марта—Западъ Римской Имперіи съ Константинополемъ во главѣ, откуда счетъ этотъ перешелъ и къ намъ.

3) Предположимъ, что въ пятницу было 1 сентября мартовскаго года. Это могло быть только въ середовомъ мартовскомъ году, 5-мъ. Прибавивъ 11, получимъ 16, а 20.—25, т. е. года середовый и воскресенный. Оба не годятся. Стало быть, опять выходитъ: пятницу 1 сентября днемъ творенія міра не считали.

4) Предполагая твореніе міра въ пятницу 25 марта 1 года или 23 сентября его, находимъ, что это должны быть вторичные года и именно 21 круга солнца. Прибавимъ 20, получимъ 41, вычтемъ $28=13$, годъ субботный, стало быть негодный для насъ. Итакъ 25 марта считалось днемъ сотворенія міра не тамъ, гдѣ считали отъ С. М. до Р. Хр. 5508 лѣтъ. Прибавимъ 11, получимъ 32, вычтемъ 28, получимъ 4—годъ вторичный, искомый. Слѣдовательно 25 марта считалось днемъ С. М. тамъ, гдѣ отъ С. М. до Р. Хр. предполагали 5500 лѣтъ. Сюда подходит и счетъ годовъ съ 23 сентября, но 23 сентября было новымъ годомъ у азійскихъ грековъ и не только въ Лидіи, Каріи, Фригіи, Памфилии, но даже въ Кипрѣ, Критѣ и Вивиніи (В. Болотовъ. Михайловъ день, 24 и прим. 40). По разбору предположеній 2 и 3 видно, что едва-ли 23 сентября предполагали день С. М.,—осень мало удобное для таковаго предположенія время—но очень хорошо онъ совпадалъ съ христіанскою схемою: „если Елисавета зачала въ мѣсяцѣ сентябрѣ“, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, доказавъ, что явленіе ангела Захаріи было „въ послѣдніе дни мѣсяца сентябрѣ“, „какъ показано, то надобно сосчитать слѣдующіе 6 мѣсяцевъ; они суть октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль, мартъ. По истеченіи этихъ шести мѣсяцевъ зачала Марія; потомъ сосчитавъ еще девять мѣсяцевъ, мы дойдемъ до настоящаго мѣсяца“ (Бес. на Р. Хр. разн. случаи. С.-Пб. 1865 II, 37)—декабря. Сентябрь открывалъ такимъ образомъ рядъ новозавѣтныхъ событій, связанныхъ съ дѣломъ Искупленія, съ 23 числа, когда „въ праздникъ зачатія Претечи 23 сентября переименована еще болѣе древняя память усѣновенія главы Крестителя, первоначально установленная въ противовѣсъ празднеству новаго года въ той области, въ которой держались счисленія *κατ' ἄστανος*. Выборъ возможенъ между азійскимъ діоцезомъ, провинціей Асією и ея митрополією—Ефесомъ. И нѣтъ основаній предполагать, что это празднованіе установлено не въ самой ефесской церкви, славной ея апостольскимъ происхожденіемъ и исторически вліятель-

ной, а въ какой-нибудь другой малозначительной, пребывавшей въ смиренной неизвѣстности“. В. Болотовъ. Михайловъ день 25. *Славянскія рукописи архаическими данными богаты такъ, какъ далеко не вся греческія*, говоритъ покойный В. В. Болотовъ („Слѣды древнихъ мѣсяцеслововъ помѣстныхъ церквей“, С.-Пб., 1883, 80). „Вѣроятно это объясняется двумя обстоятельствами. а) Славяне и русскіе доставали греческія рукописи (переведенныя потомъ на славянскій языкъ) во время странствій по святымъ мѣстамъ, слѣдовательно, не изъ Константинополя только, но и изъ провинціальныхъ городовъ. Многое, вѣроятно, объясняется и тѣмъ, что еракійскіе *славяне поселены были въ еемѣ еракійской, т. е. въ древней епархіи Асїи*. Не даромъ же въ четырехъ славянскихъ памятникахъ „новоо лѣто“ отмѣчено по-асійски. б) Разумѣется, греки не имѣли охоты именно тѣ рукописи, которыя были особенно нужны имъ самимъ, отдавать паломникамъ. Пришельцамъ дарили или продавали такія книги, въ которыхъ не было практической надобности. Къ этой категоріи практическіе люди причисляли конечно и книги устарѣлыя, содержавшія древнѣйшій чинъ, замѣненный уже константинопольскимъ. Несомнѣнный фактъ существованія у насъ въ Россіи новаго индикта 23 сентября указываетъ, кажется, на нѣчто большее, чѣмъ вліяніе на нашу церковную жизнь только однихъ мертвыхъ рукописей асійскаго происхожденія.

Асійскій индиктъ, находящійся въ тѣсной связи съ началомъ года 25-го марта, указываетъ какъ будто и на происхожденіе послѣдняго счисленія оттуда же, откуда идетъ и онъ, но Теофілъ, епископъ кесарійскій въ концѣ II вѣка (П. М. В. II. Замѣтки, мартъ 25) и другіе думаютъ, что Иисусъ Христосъ воскресъ 25 марта въ день зачатія, т. е. 25 предполагаютъ воскресеніе въ годъ страданія Спасителя, т. е. (см. таблицу) считаютъ этотъ годъ однимъ изъ мартовскихъ четверговъ, а такъ какъ годъ Благовѣщенія (въ пятницу) 21, то для полученія подходящаго четверговаго приходится къ 21 прибавить 35, чтобы получить 56, откуда по вычету 28—28-ой годъ круга солнца, соотвѣтствующій 36-му мартовскому по Р. Хр., что указываетъ на мнѣніе епископа Теофила, что въ первомъ сентябрьскомъ асійскомъ году было не Рождество Христово, а Благовѣщеніе пресв. Дѣвы Маріи. Это мнѣніе кесарійскаго епископа говоритъ противъ принятія происхожденія новолѣтія 25 марта оттуда же, откуда идетъ и 23 сентябрьскій индиктъ. Антиохіецъ Іоаннъ Златоустъ и африканцы Тертуллианъ и св. Кириллъ александрійскій думаютъ, что Иисусъ Хри-

стось, какъ зачатъ, такъ и пострадалъ въ одинъ день, т. е. 25 марта, стало быть считаютъ, что оба событія эти случились въ пятницу 25 марта, а потому во вторичныхъ годахъ, что получается при сложении 21 и 34=55, откуда за вычетомъ 28—27-ой годъ круга солнца, т. е. 35 годъ отъ Рождества Христова, что говоритъ за благовѣщеніе и рождество въ одномъ году, т. е. за мартовскій годъ. Это обстоятельство, связь Антиохіи съ церквами Малой Азіи во времена свв. Игнатія Богоносца и Поликарпа, отношенія св. Поликарпа къ апп. Іоанну и Андрею, между свв. Поликарпомъ и Иринеомъ, связь церквей юговосточно-малоазійскихъ съ Галліей, проповѣдь изъ Галліи на британскихъ островахъ, темное преданіе о посѣщеніи св. ап. Андреемъ Британіи и южной Россіи и существованіе среди скивоовъ его учениковъ, свв. мучениковъ Инны, Пинны и Риммы (невѣжествомъ новаго времени вполсѣдствіи передѣланныхъ въ мученицъ), приведенныя выше слова діакона Павла Алеппскаго по вопросу о 5508 годахъ отъ С. М. до Р. Хр.—все это едва ли не указываетъ на глубокую древность антиохійскаго происхожденія новолѣтія 25 марта и говоритъ объ очень раннемъ еще до-Владимировомъ, можетъ быть, распространеніи его въ Россіи, можетъ быть, при посредствѣ христіанъ-хазаръ. Сирійское происхожденіе св. Михаила, перваго митрополита русскаго, конечно, не могло быть помѣхой для сохраненія этого новолѣтія и при св. Владимирѣ, но сношенія съ Царьградомъ, письменные договоры съ нимъ заставили русскихъ привыкнуть къ счисленію отъ С. М. до Р. Хр. 5508 лѣтъ по способу римско-византійскому. Видимъ такимъ образомъ, что на русской почвѣ столкнулись оба начала, отчего и должна была произойти путаница, а, разъ забравшись въ дебри ея, уже выйти было трудно, и дѣйствительно: мы фактически теперь стоимъ на томъ, что Р. Хр. было въ 5508 году 25 декабря въ субботу, при началѣ міра въ пятницу 1 марта 1 года, и потому Благовѣщеніе Пресв. Дѣвы было 25 марта того же года въ четвергъ. Между тѣмъ въ слѣдованной псалтири читаемъ, что благовѣщеніе было „кѣ лѣто ѿсудѣ“ (5499), въ недѣлю, т. о. воскресеніе. Такъ какъ Рождество Христово 25 декабря опредѣляется „кѣ лѣто ѿсѣ“, то дѣло, очевидно, идетъ о сентябрьскомъ асіійскомъ годѣ, начинавшемся 23 сентября, послѣ марта (сентябрьскій византійскій начинается до 1 марта), то это будетъ 5500 мартовскій годъ. Если бы это было такъ, то Рождество Христово было бы въ томъ же мартовскомъ году, такъ какъ девять мѣсяцевъ истекло бы 25 декабря 5500 же мартовскаго года, а потому оно было бы во вторникъ, новый годъ 1-ый начинался бы тоже во вторникъ 1 января

еще въ 5500 мартовскомъ году, а новый мартовскій годъ, первый по Р. Хр., 5501 отъ С. М. начинался бы въ пятницу; 1 марта 1904 г., какъ 28-ой въ кругъ солнца, начинающемся въ пятницу 2-го послѣ високоснаго года (мартовскій високосный былъ вѣдь 5499), начинался бы съ четверга, 5 іюля было бы четвергъ и сегодня, 24 іюля, вторникъ, тогда какъ сегодня суббота. Если же 25 марта 5499 года воскресенье принадлежитъ 5500 мартовскому году, то, очевидно, этотъ годъ начинался въ четвергъ, а такъ какъ онъ 12-ый солнечнаго круга, то 1 марта 1 года круга было тоже въ четвергъ, а пятницей было 1 сентября года предшествующаго 1 марту 1 года, стало быть счетъ ведется отъ 1 сентября предшествующаго года, т. е. по принципу нашего современнаго церковнаго года, стало быть С. М. предполагается 1 сентября въ пятницу 1 года, а тогда годъ этотъ мартовскій 5499-ый и 11-ый въ кругъ солнца, 25 марта ошибочно названо воскресеніемъ вмѣсто субботы: воскресеніемъ оно было бы въ 5500 году мартовскомъ, если бы 5499 годъ не былъ високосный. Такимъ образомъ въ вычисленіи допущены ошибки въ томъ, что предположено С. М. 1 сентября 1 года по византійскому индиктному счету, затѣмъ предположено, что Р. Хр. было въ 5500 году — по антиохійскому счету, отсюда опредѣлено Рождество въ 12 году круга солнца въ среду (какъ и стоитъ подъ 25 декабря) и Благовѣщеніе въ понедѣльникъ, откуда уже Благовѣщеніе предшествующаго года, такъ какъ сентябрьскій церковный 5499 простой, въ воскресеніе.

Ошибки въ вычисленіи Рождества Христова мы видѣли сейчасъ.

Подъ 30 марта отмѣчено въ Слѣдованной псалтири, что распять Христось „въ сей день“ въ 5533 году. Годъ этотъ 17-ый круга солнца, четверговый и потому 30 марта пятница; въ кругъ луны это 4-ый, четный, а потому (20, 28) полнолуніе 28 марта въ среду и пасха 1 апрѣля, а потому 30 марта Великая пятница.

Въ сборникѣ (изъ Погодинскихъ № 1613 XVII в. Публ. Б. Бычковъ LXXXII въ ст. 83) сказано: „ѿ лѣто еѿе, крѣ сѣицѣ аі, а лѣной ѿ, индикта рѣка хртнанска аца дѣара кѣ нѣ день, кѣ патокѣ, кѣ зѣ ѿгѣ ношы, рѣдига Гѣ машѣ“. Въ таблицѣ видимъ, что въ пятницу 25 декабря бываетъ въ годъ простой, предшествующій мартовскому 20 круга солнца. 20 кругъ солнца это мартовскій годъ Р. Хр. 5508 предшествующій ему сочтенъ простымъ, стало быть принять во вниманіе сентябрьскій византійскій (александрійскій), названъ однако онъ 11 годомъ круга солнца и еѿе., стало быть годомъ С. М. считается годъ съ пятницею 25 марта, стало быть вычисленіе антиохійское. Въ Опи-

саніи замѣчено, что ст. 83 заимствована изъ хронографа, но источникомъ для нихъ служило слово св. Епифанія (кипрскаго), уроженца Палестины, отчего и понятна антиохійская дата, но чѣмъ объяснить александрійско-византійскій индиктъ, предшествующій мартовскому году? Св. Епифаній умеръ 403 г. 96 лѣтъ, а потому дѣятельность его принадлежитъ уже времени послѣ 1 собора (епископомъ съ 367 г.) Вычисленіе пасхи лежало на александрійскомъ патріархѣ и для удобства вычисленій, какъ мы видѣли, лучше было пользоваться александрійскимъ счисленіемъ, первый годъ котораго шелъ сразу послѣ високоса. И такъ въ 4-мъ вѣкѣ кипріоты свое счисленіе отъ 23 сентября смѣнили на индиктное александрійское съ 1 сентября подъ вліяніемъ пасхалии александрійцевъ, даже „заурядный“ египетскій „интеллигентъ“, въ половинѣ IV в. знаетъ только счетъ по-александрійски, а считать по-египетски уже не умѣетъ“ (В. Болотовъ. День и годъ кончины св. Марка. С.-Пб. 1843, 21), между тѣмъ у русскихъ мы еще видимъ въ XI в. индиктъ асійскій съ началомъ года послѣ марта: „исходящую лѣту 6604, индикта на полы“. Конечно, этотъ счетъ едва ли могъ появиться въ Россіи уже въ то время, когда сами асійцы стали считать по александрійски, стало быть появленіе его на территоріи Россіи надо относить самое позднее къ IV вѣку, или же позднѣйшее появленіе приписывать вліянію британскихъ кульдеевъ, но объ этомъ вліяніи что-то ничего не извѣстно, и новгородскія, ближайшія къ Британіи, лѣтописи скорѣе употребляютъ даже церковный годъ сентябрьскій александрійскій (срв. мое „О поученіи В. М.“ 23—24). И такъ вотъ на какія соображенія наталкиваетъ насъ запись кончины Ярослава подъ 6562 годомъ вмѣстѣ съ отмѣткою подъ 6604 г. Я въ этихъ вопросахъ хронологіи не считаю себя компетентнымъ, но хотѣлъ указать на то, что вопросъ объ этомъ счисленіи не пустой вопросъ.

Итакъ съ XI в. индиктъ слѣдовалъ за благовѣщенскимъ годомъ, теперь у насъ наоборотъ, кромѣ того до XIV вѣка у насъ начинали годъ съ 1 марта, а не съ 25-го. Когда же оставлено было счисленіе перваго рода и принято послѣднее?

„Въ лѣто 6582 Федосій игуменъ Печерскій преставися... индикта въ 11 лѣто“. „Се же бысть исходящую лѣту 6604, индикта 4, на полы“; послѣдній слѣдъ счета съ 25 марта—смерть Святослава Владимировича подъ 6622 годомъ марта 17, предпослѣдній—битва Ярослава (Святославича) съ мордвою марта 4-го 6611 г. Беру на всякій случай предпослѣдній годъ, такъ какъ послѣ смерти Святослава Владимировича идетъ извѣстіе о поставленіи Кирилла епископомъ 6 ноября,

хотя нужно замѣтить, что это событіе не касается Кіева, а всѣ прежнія, Кіева касающіяся, идутъ по порядку съ 19 марта, кончая 17 марта, и потому для меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что первое событіе относится къ январскому 1118 году, а послѣднее къ 1114, какъ это указано въ Ипатскомъ спискѣ. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ всѣ событія, начиная съ 6619, кончая вотъ этимъ 6622, помѣчены годами на единицу вышшими, тогда какъ 6623 обозначенъ вѣрно и, начиная съ него, извѣстія идутъ уже болѣе подробныя, а въ Ипатскомъ этотъ годъ названъ индикта 8, т. е. уже по новому способу. Лаврентьевскій списокъ кончается, какъ извѣстно, разсказомъ о появленіи огненнаго столпа надъ Печерскимъ монастыремъ 11 февраля 6618 г., т. е. 1111 январскаго года, а затѣмъ идетъ приписка игумена Сильвестра 6624, индикта 9 лѣта (по новому способу). Въ Ипатскомъ спискѣ разсказъ продолжается разсужденіемъ объ ангелахъ и кончается словами: „знаменье се бысть мѣсяца февраля въ 11 день, исходяще сему лѣту, 18“, т. е. это знаменіе было февраля мѣсяца въ 11 день, а отъ исхода этого года 18-ый. Здѣсь продолжатель, заинтересованный вопросомъ объ ангелахъ (монахъ Выдубецкаго *архангела* Михаила монастыря), по моему тотъ же игумень Сильвестръ (см. мое О поученіи 111 прим. 1), прямо указываетъ, что годъ для него уже кончался 28 февраля, такъ же прямо говоритъ это, какъ авторъ извѣстія о 6604 годѣ, что для него годъ кончался 24 марта. И такъ 6611 годъ кончался еще 27 марта, 6622 тоже, несомнѣнно; а не позже сентября 1117 года Сильвестръ уже говорилъ, что годъ кончается 28 февраля, 6624 годъ онъ около 20 апрѣля (О поученіи 21, прим. 1) называлъ уже 9 годомъ индикта, 6623 годъ лѣтописецъ уже подчеркиваетъ какъ 8 годъ индикта, продолжатель вѣроятно 1125—7 года Лаврентьевскаго списка путаетъ, записывая событія 6619—6622 годовъ, вѣроятно вводимый въ заблужденіе старыми индиктами записей, послужившихъ ему матеріаломъ.

Можно указать, что до этого времени встрѣчаются указанія индикта и въ новомъ родѣ, напр.: „В лѣто 6601; индикта 1 лѣто“, но указаніе на индиктъ могло быть здѣсь и вставкою самого Сильвестра, тогда какъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя несомнѣнно принадлежатъ лѣтописцу современнику, указанія на индиктъ иного рода. Изъ всего сказаннаго, думаю, несомнѣнно вытекаетъ: новый способъ счисленія лѣтъ съ 1 марта, а индиктовъ съ предшествующаго ему 1 сентября введенъ былъ въ 1114 году, т. е. въ княженіе Владимира Мономаха при митрополитѣ Никифорѣ. Митрополитъ Никифоръ пріѣхалъ 6 де-

кабря, а „на столѣ посаженъ“ въ воскресенье 18 декабря 1104 (а не 1103, какъ у Н. Д. въ Девятисотлѣтін русской ирархіи М. 1888), свидѣль до 1114 г. уже 10 лѣтъ, а Владимиръ Мономахъ былъ только второй годъ великимъ княземъ, поэтому ясно, чей былъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Начитанный, даже, можно сказать, хорошо образованный (см. мое О поученіи 95) Мономахъ, знавшій и греческій языкъ и греческія книги, не могъ не задаться вопросомъ въ родѣ того же, что и калужскій воевода въ 1654 году, не обратитъ на это вниманіе такого философа, какъ митрополитъ Никифоръ; сообща они должны были продѣлать ту же работу, что и аленпскій дьяконъ во второй половинѣ XVII вѣка, „пока наконецъ“ они „не убѣдились изъ древнихъ греческихъ“,—какъ и аленпскій дьяконъ, Константинопольскихъ добавимъ мы,—„книгъ, что воплощенію Христа совершилось въ 5508 году“, а потому С. М. было 1, а не 25 марта.—Итакъ *Ярославъ I умеръ 4 марта 1055 года*¹⁾.

И. Шлямовъ.

¹⁾ Остается сказать нѣсколько словъ о показаніи К. Соф., что смерть в. кн. Ярослава произошла 28 февраля. Такъ какъ прочно установленъ фактъ, что умеръ Ярославъ I въ субботу 1 недѣли поста, то К. Соф. считаетъ, что 28 февраля—суббота 1 недѣли поста, если же это такъ, то въ простомъ году 1 марта будетъ въ воскресенье, а въ високосномъ въ понедѣльникъ, между тѣмъ 1054 годъ вторичный и 7-й кругъ луны, стало бы предшествующій годъ 1053 былъ понедѣльникъ и 6 круга луны, четный на 3 мѣстѣ, а потому съ полнолуніемъ 5 апрѣля, въ понедѣльникъ, отчего пасха 11 апрѣля, вербное воскресенье 4, 5-ое воскресенье—28-го; 4-ое—21-го, 3-ье—14, 2-ое—7 марта, а первое въ послѣдній день февраля, т. е. „дни вѣсковъ“ 20 февраля, тогда суббота 28 февраля. Итакъ К. Соф. принимаетъ, что Ярославъ I умеръ въ 1053 январскомъ году, но принимаетъ его за високосный. К. Соф. памятникъ XVIII вѣка, а такой способъ перевода годовъ отъ С. М. черезъ вычитаніе 5509, способъ, примѣнимый только для первыхъ 4-хъ мѣсяцевъ сентябрьскихъ годовъ, въ XVIII вѣкѣ практиковался, какъ мы видимъ изъ перевода годовъ отъ С. М.; напримѣръ, у издателей Никоновской лѣтописи. Этотъ случай однако нельзя ставить въ связь съ опредѣленіемъ дня смерти св. Всеволода псковскаго въ Заблвинскомъ подлинникѣ XVI в., такъ какъ тамъ 17 февраля получило не путемъ перевода года отъ С. М. на годъ отъ Р. Хр., а на основаніи показанія нѣкоторыхъ лѣтописей, относящихъ годъ смерти св. Всеволода къ году единицей меньшему.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Общія языковѣдѣнія. Лекціи А. И. Томсона, проф. сравнительнаго языковѣдѣнія и санскрита Императорскаго Новороссійскаго университета. Одесса. 1906 г.

Настоящій трудъ проф. А. И. Томсона заслуживаетъ полнаго вниманія не только со стороны лицъ, спеціально занимающихся языковѣдѣніемъ, но также педагоговъ, преподающихъ языки въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, и даже со стороны широкой публики. Наука языковѣдѣнія принадлежитъ къ числу наиболѣе юныхъ и поэтому даже въ образованномъ обществѣ мало популярна; мало того, даже среди тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ дѣло съ изученіемъ языковъ, въ качествѣ ли ученыхъ-филологовъ, или преподавателей языковъ, очень медленно распространяется знакомство съ содержаніемъ и результатами этой науки. У насъ въ Россіи знакомство съ этой наукой особенно ограничено тѣснымъ кругомъ немногихъ спеціалистовъ. Причиной этого является отчасти, конечно, то обстоятельство, что на русскомъ языкѣ до сихъ поръ не было ни переводныхъ, ни оригинальныхъ сочиненій, которыя излагали бы въ доступной для большого круга читателей формѣ общее содержаніе, методы и добытые результаты науки языковѣдѣнія.

Поэтому нельзя не привѣтствовать съ особенной признательностью появленіе книги проф. Томсона, которая восполняетъ существенный пробѣлъ въ нашей научной литературѣ. Эта книга особенно цѣнна въ томъ отношеніи, что, представляя собой лекціи, читанныя въ Новороссійскомъ университетѣ и на женскихъ педагогическихъ курсахъ въ Одессѣ, она изложена въ достаточно доступной и не для спеціалистовъ

формъ и вмѣстѣ съ тѣмъ строго научно. Затѣмъ, сочиненіе проф. Томсона не является какой-нибудь компиляціей изъ иностранныхъ источниковъ, но представляетъ собой самостоятельную обработку, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и переработку существующаго матеріала. Поэтому это сочиненіе являлось бы полезнымъ вкладомъ и въ иностранной литературѣ по языковѣдѣнію. Болѣе широкое распространеніе такой книги въ нашемъ обществѣ принесетъ несомнѣнную пользу и обществу, и наукѣ языковѣдѣнія.

Въ книгѣ проф. Томсона нашли выраженіе всѣ главнѣйшіе отдѣлы той части науки о языкѣ, которую можно назвать частью теоретической или, какъ называетъ ее авторъ, общимъ языковѣдѣніемъ. Въ первой главѣ, служащей введеніемъ, даются общія опредѣленія предмета языковѣдѣнія, указывается мѣсто этой науки среди другихъ наукъ и перечисляются отдѣлы языковѣдѣнія. Во второй главѣ дается краткій обзоръ и классификація языковъ. Третья глава содержитъ описаніе внутренняго механизма языка, т. е. нервнаго аппарата, дѣйствующаго въ процессѣ рѣчи. Четвертая глава носитъ заглавіе „общая фонетика“ и заключаетъ въ себѣ описаніе физическихъ и физиологическихъ условій языка и классификацію звуковъ рѣчи. Въ пятой главѣ разсматриваются фонетическія измѣненія языка. Шестая глава, „общая семасіологія“, говоритъ о реальныхъ значеніяхъ языка и объ измѣненіи обычныхъ значеній словъ. Седьмая глава, „общая грамматика“, говоритъ о формахъ словъ и словосочетаній, объ ихъ значеніяхъ и объ измѣненіяхъ формальныхъ значеній словъ. Восьмая глава посвящена измѣненіямъ языка по аналогіи и нѣкоторымъ другимъ видамъ измѣненія языка. Въ девятой главѣ разсматриваются измѣненія языка въ словахъ и въ формахъ словъ и въ формахъ синтаксическихъ словосочетаній. Въ десятой главѣ говорится о возникновеніи діалектовъ, смѣшеніи и вымираніи языковъ. Въ одиннадцатой главѣ очерчивается вопросъ объ искусственныхъ языкахъ. Двѣнадцатая глава посвящена вопросамъ прикладнаго языковѣдѣнія. Въ тринадцатой главѣ излагается теорія письма и методологія преподаванія правописанія.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ главъ наиболѣе полно и точно изложены: глава четвертая—общая фонетика—и глава пятая—о фонетическихъ измѣненіяхъ языка. Отдѣлъ фонетики является вообще наиболѣе разработаннымъ въ языковѣдѣніи, чему содѣйствуетъ какъ сравнительная простота фонетическихъ явленій, такъ и сравнительно большая доступность точнаго изслѣдованія этихъ явленій. Поэтому въ

этой области явлений языка мы обладаемъ какъ обширнымъ запасомъ фактическаго матеріала, даваемаго сравнительно-историческимъ изученіемъ языковъ и наблюденіемъ надъ живыми языками, такъ и разносторонними опытами объясненія этихъ явленій изъ данныхъ физической природы человѣка. Въ объясненіи этихъ явленій языковѣдніе имѣетъ возможность опираться на твердо установленные выводы такихъ наукъ, какъ физиологія и физика, причемъ особенно благоприятно въ этомъ случаѣ отразилось то обстоятельство, что нѣкоторые изъ выдающихся представителей названныхъ наукъ удѣлили должное вниманіе специально изученію природы звуковъ рѣчи. Отсюда понятно, что въ отношеніи звуковыхъ явленій языка наука языковѣднія въ настоящее время уже приблизилась къ тому состоянію, когда она можетъ не только описывать данныя явленія, но и объяснять ихъ и опредѣлять для нихъ законы, и что въ отношеніи фонетики уже и въ настоящее время въ языковѣдніи можетъ существовать глава „общая фонетика“, въ которой объясняется природа звуковъ рѣчи вообще и опредѣляются общія условія ихъ измѣняемости.

Эта глава, какъ сказано, наиболѣе полно и точно изложена и въ книгѣ проф. Томсона. Мы замѣтили бы только, что въ извѣстныхъ отношеніяхъ полнота изложенія доводится авторомъ даже до нѣкотораго излишества. Такъ, намъ кажется, что описаніе способовъ изслѣдованія звуковъ рѣчи при помощи разныхъ приборовъ и описанія этихъ приборовъ не должны входить въ теоретическую фонетику, которая, по сущности своей задачи, должна пользоваться уже готовыми и точно установленными данными такъ называемой экспериментальной фонетики. Если же эта послѣдняя такими данными не обладастъ, то подробности о способахъ экспериментированія становятся тѣмъ болѣе излишними въ теоретической фонетикѣ, что ихъ приходится часто дополнять замѣчаніемъ о томъ, что осязательныхъ результатовъ отъ описанныхъ способовъ экспериментированія пока не получено. Такъ приходится поступать и автору книги. Напр., о показаніяхъ кривыхъ, получаемыхъ помощью разныхъ приборовъ, на стр. 116 замѣчено: „Къ сожалѣнію звуки рѣчи крайне сложны, состоятъ изъ многочисленныхъ тоновъ разной силы, такъ что простымъ глазомъ можно по кривой опредѣлить лишь общій характеръ состава звуковъ рѣчи и общія характерныя различія звуковъ рѣчи другъ отъ друга по составу“. На стр. 126 говорится: „Нужно однако замѣтить, что всѣ эти приемы изслѣдованія (тоже анализъ кривыхъ) состава гласныхъ не дали еще вполне удовлетворительныхъ результатовъ. Къ изслѣдо-

ванію состава согласныхъ еще порядкомъ не приступлено. *Возникаютъ даже сомнѣнія о принципиальной вѣрности способовъ исследования* (курсивъ нашъ), въ разсмотрѣніе которой я здѣсь не вхожу". На стр. 132: „Изъ сравненія этой кривой съ кривой пламени можно судить о несовершенствѣ этихъ аппаратовъ, не говоря уже о томъ, что высокіе тоны характернаго шума совершенно исчезаютъ въ этихъ изображеніяхъ“. Подобныя же замѣчанія мы находимъ еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ четвертой главы. Точно такъ же, по нашему мнѣнію, въ теоретическомъ изложеніи фонетики излишне останавливаться подробно на приемахъ, употребляемыхъ въ физикѣ для изслѣдованія звуковъ вообще. Для теоретической фонетики, конечно, очень важны точныя данныя физики, объясняющія природу звука вообще; но эти данныя для фонетики могутъ быть полезны въ ея специальныхъ цѣляхъ лишь по столько, по сколько они выражаются въ точно и ясно сформулированныхъ положеніяхъ, не требующихъ какихъ либо особыхъ толкованій, а тѣмъ болѣе провѣрки. По тѣмъ же основаніямъ мы считаемъ излишнимъ введеніе въ общую фонетику описанія анатомическаго строенія органа слуха, которое дается въ книгѣ на стр. 132 и слѣд.

Другіе отдѣлы языковѣднія являются въ настоящее время уже менѣе разработанными, чѣмъ отдѣлъ фонетики. Сравнительно болѣе разработанъ отдѣлъ морфологій, т. е. ученіе о формахъ словъ, по сколько это касается собственно звуковой стороны формъ словъ. Что же касается значеній формъ словъ, то въ отношеніи ихъ успѣхи языковѣднія значительно слабѣе. Область значеній словъ и словосочетаній остается еще очень мало изученной. Переходя отъ звуковъ рѣчи къ значеніямъ языка, наша наука вступаетъ въ область явленій, въ которыхъ преобладающее значеніе имѣютъ элементы психическіе; поэтому явленія эти отличаются большой сложностью и трудно доступны точному наблюденію. Наука языковѣднія при этомъ почти не находитъ себѣ опоры въ психологій, которая сама находится еще, такъ сказать, въ младенческомъ состояніи и сама скорѣе нуждается въ значительной мѣрѣ въ помощи языковѣднія. Отсюда понятно, что отдѣлъ семасіологій (ученія о значеніяхъ) въ языковѣднїи въ настоящее время является по преимуществу описательнымъ, такъ какъ главную задачу его составляетъ накопленіе матеріала, путемъ сравнительно-историческаго изученія языковъ и путемъ наблюденія надъ живыми языками, и классификація этого матеріала. Но такъ какъ классификація матеріала предполагаетъ то или другое объясненіе его,

то, понятно, языковѣдѣніе не можетъ обойтись и въ отношеніи этихъ явленій языка безъ попытокъ объясненій; однако эти объясненія пока, по необходимости, должны носить характеръ временный, условный. Такимъ образомъ отдѣлъ семасіологіи въ языковѣдѣніи находится пока въ такомъ состояніи, которое не благопріятствуетъ возникновенію такой теоретической обработки его, которая могла бы называться общей семасіологіей въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ мы можемъ уже говорить объ общей фонетикѣ.

Отсюда и въ книгѣ проф. Томсона главы VI—IX, посвященныя значеніямъ словъ, формъ словъ и словосочетаній, представляются въ значительно менѣе полномъ и точномъ видѣ, чѣмъ главы IV и V. Но надо при этомъ замѣтить, что обработка и этихъ главъ, въ предѣлахъ возможнаго, у проф. Томсона получила такую полноту и систематичность, которыхъ не достигали до сихъ поръ авторы подобныхъ сочиненій. Кроме того проф. Томсонъ въ объясненіяхъ извѣстныхъ явленій проводитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ новые взгляды, которые существенно отличаются отъ господствовавшихъ до сихъ поръ взглядовъ. Много примѣровъ, тщательно и удачно подобранныхъ изъ русскаго языка, очень помогаютъ русскому читателю въ уясненіи разсматриваемыхъ явленій языка.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно не соглашаться частью съ основными взглядами автора на сущность изучаемыхъ явленій языка, частью съ тѣми объясненіями, которыя онъ даетъ отдѣльнымъ явленіямъ; но памятуя, что въ этой области языковѣдѣнія, о которой идетъ рѣчь, многое по необходимости должно пока оставаться субъективнымъ, мы не станемъ здѣсь вступать въ споръ съ авторомъ по принципиальнымъ вопросамъ и ограничимся по содержанію VI—IX главъ сочиненія нѣкоторыми замѣчаніями лишь относительно опредѣленія реальныхъ и формальныхъ значеній языка, которое, по нашему мнѣнію, не достаточно соответствуетъ приводимому самимъ авторомъ фактическому матеріалу.

Намъ кажется, что проф. Томсонъ даетъ неполное и потому не точное опредѣленіе значеній словъ языка. На стр. 6-й общее опредѣленіе значеній языка выражено слѣдующимъ образомъ: „...звуковыя представленія ассоціируются ... еще со всѣми тѣми представленіями и чувствованіями, которыя вообще возникаютъ въ насъ и которыя составляютъ значенія языка—значенія словъ и предложеній“. На стр. 76-й читаемъ: „Слова не простые звуки, а такіе, которые имѣютъ значенія. Это значитъ, что если мы слышимъ слово, то по

ассоціаціи возбуждается въ насъ соотвѣтствующее представленіе— значеніе, и наоборотъ всякое представленіе можетъ возбуждать представленіе соотвѣтствующаго слова“. На стр. 77-й: „Такимъ образомъ весь внѣшній и внутренній міръ сталъ для ребенка распадаться на такіе отдѣльные предметы, качества (предметовъ) и движенія (предметовъ), которыя обозначались отдѣльными словами и слѣдовательно составляютъ значенія этихъ словъ“. Изъ первыхъ двухъ опредѣленій слѣдуетъ, что значеніе слова есть всякое представленіе (а также и чувствованіе), которое ассоціировалось съ представленіемъ слова; по третьему опредѣленію—самые предметы мысли являются значеніями словъ. Но въ этомъ опредѣленіи опущенъ очень существенный элементъ, именно выраженіе того психическаго процесса, вслѣдствіе котораго одно изъ ассоціированныхъ представленій становится въ нашемъ сознаніи *знакомъ* другого представленія, или соотвѣтствующаго предмета мысли. Между тѣмъ въ этомъ элементѣ, по нашему мнѣнію, и заключается сущность опредѣленія значенія слова. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не всякая ассоціація представленій $a + b$ превращается въ нашемъ сознаніи въ ассоціацію *знакъ + обозначаемое*, а только ассоціація представленія слова съ представленіемъ предмета мысли. Слѣдовательно, въ этой послѣдней ассоціаціи долженъ совершиться нѣкоторый особый психическій процессъ, превращающій ее въ ассоціацію *знакъ + обозначаемое*. Способы словеснаго выраженія этого процесса могутъ быть, пожалуй, различны, но выпустить это выраженіе въ опредѣленіи значенія слова невозможно. Опущеніе его отразилось неблагоприятно въ дальнѣйшихъ опредѣленіяхъ различій въ значеніяхъ словъ, которыя даются проф. Томсономъ. Такъ, на стр. 277-й авторъ различаетъ въ словахъ значенія абстрактныя и конкретныя; первыя онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Такое значеніе слова, состоящее изъ понятія въ психологическомъ смыслѣ, называется абстрактнымъ значеніемъ“. Выше авторъ объясняетъ понятіе въ психологическомъ смыслѣ какъ таковое, которое, въ противоположность цѣльному представленію, состоитъ изъ отрывочныхъ элементовъ представленій, къ которымъ примѣшиваются еще чувствованія, получавшіяся въ насъ раньше при ощущеніяхъ отъ даннаго предмета. Но давая вышеприведенное опредѣленіе абстрактнаго значенія словъ, авторъ, очевидно, сознавалъ, что самый фактъ ассоціаціи понятія съ представленіемъ слова еще не образуетъ (абстрактнаго) значенія слова, и что въ этой ассоціаціи происходитъ нѣкоторый особый психическій процессъ; процессъ этотъ и описывается авторомъ

въ слѣдующихъ образныхъ, но неточныхъ словахъ: „Очевидно такія представленія (т. е. образующія „понятіе“ въ смыслѣ автора) самостоятельнаго существованія имѣть не могутъ. Они такъ сказать привисли къ словамъ и образуютъ вмѣстѣ съ словами комбинаціи (ассоціаціи представленій, полученныхъ отъ разныхъ органовъ ощущеній), въ которыхъ господствующей составной частью является звуковая сторона слова, представляемая опредѣленно, полно и ясно“. Однако, съ психологической точки зрѣнія не существуетъ очевидности въ томъ, что отрывочныя и неясныя представленія не могутъ имѣть самостоятельнаго существованія; напротивъ, не трудно убѣдиться, что такими представленіями весьма часто наполняется наше сознание не только при пассивномъ мышленіи, но и при активномъ безъ помощи словъ; къ словамъ, слѣдовательно, такія представленія могутъ „привисать“, но могутъ и не привисать, точно такъ же, какъ и цѣльныя индивидуальныя представленія. Вопросъ сводится такимъ образомъ къ тому, какой психическій процессъ совершается тогда, когда представленія словъ ассоціируются какъ съ ясными индивидуальными представленіями, такъ и съ неясными типическими и общими представленіями, и какимъ образомъ, слѣдовательно, возникаютъ индивидуальныя (единичныя) и общія значенія словъ. Наличие особаго акта сознанія, образующаго значеніе словъ, признается, очевидно, самимъ авторомъ также и въ томъ случаѣ, когда онъ, на стр. 278-й, говоритъ, что „существенное отличіе конкретнаго значенія отъ абстрактнаго составляетъ сознаніе, сопровождающее конкретное представленіе, что имѣется въ виду такое-то (его лошадь) или какое-то явленіе тамъ-то или гдѣ-то“: въ этихъ словахъ признается, что различіе въ значеніяхъ словъ не зависитъ отъ того, ассоціируется ли въ каждомъ данномъ случаѣ представленіе данного слова съ индивидуальнымъ, или съ общимъ представленіемъ предмета мысли; слѣдовательно, и вообще значеніе слова не есть только ассоціація представленія слова съ представленіемъ предмета мысли.

Причиной, почему авторъ не сосредоточилъ своего вниманія на указанномъ выше особомъ психическомъ актѣ, образующемъ значенія словъ, по нашему мнѣнію, служатъ проводимое имъ общее воззрѣніе на отношеніе языка къ мысли. Сущность этого воззрѣнія, на нашъ взглядъ, состоитъ въ томъ, что оно отождествляетъ языкъ съ мышленіемъ, хотя и въ обратномъ, такъ сказать, направленіи сравнительно съ прежде существовавшимъ воззрѣніемъ: по этому послѣднему языкъ есть воплощеніе мысли, внѣшняя оболочка мысли; по воззрѣнію, проводимому

проф. Томсономъ, мысль есть только сочетаніе значеній языка. Это воззрѣніе отражается въ приведенныхъ выше цитатахъ (стр. 6, 76 и 77); оно же выражено на стр. 322 и слѣд. (въ словахъ: „Вѣдь надо имѣть въ виду, что вмѣстѣ съ этими семантическими единицами рѣчи... но и нѣтъ даже данныхъ для отдѣленія слова рѣчи...“); очень рельефно это воззрѣніе выражено на стр. 297 въ словахъ: „наше пониманіе и мышленіе находится въ оковахъ языка, надѣвающагося нерѣдко надъ нашей логикой и здравымъ смысломъ, но мы отъ этого порабощенія отдѣлаться не можемъ“. Съ своей стороны думаемъ, что и въ этомъ случаѣ истины надо искать по срединѣ; во всякомъ случаѣ то немногое достовѣрное, что мы можемъ до сихъ поръ заимствовать изъ психологій и языковѣдѣній, не даетъ намъ оснований отождествлять мышленіе съ языкомъ ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи; нельзя отрицать наличности процессовъ мысли, которые идутъ своимъ чередомъ, не только не требуя помощи языка, но и обращая самый языкъ въ такой же объектъ своего дѣйствія, какъ и вообще ощущенія отъ внѣшняго міра; съ другой стороны, рассматривая явленія языка, приходится констатировать, что въ однихъ случаяхъ мысль содержитъ болѣе того, что выражено въ языкѣ, и наоборотъ, въ другихъ—въ языкѣ выражено болѣе того, что дано въ мысли. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не убѣждаться также въ томъ, что есть какой-то предѣлъ, за которымъ мышленіе безъ помощи языка становится не только затруднительнымъ, но и невозможнымъ. Найти этотъ предѣлъ—задача совокупныхъ усилій психологій и языковѣдѣній и, вѣроятно,—задача этой послѣдней науки по преимуществу.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что и проф. Томсонъ не всегда строго проводитъ сказанное воззрѣніе. На стр. 77-й онъ допускаетъ, что „расчлененіе сложныхъ представленій на отдѣльныя общія представленія *до известной степени* происходятъ и безъ языка...“, хотя и добавляетъ здѣсь же, что „это не опровергаетъ того факта, что наши понятія (общія представленія) въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ насъ, обладающихъ языкомъ, возникли *въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ* подъ вліяніемъ языка, какъ значенія отдѣльныхъ словъ“ (курсивы наши). Но вѣдь въ томъ-то и состоитъ не разрѣшенный пока въ точности вопросъ—до какой степени мысль обходится безъ языка и въ какой мѣрѣ общія понятія могутъ быть признаны только какъ значенія словъ языка и, въ связи съ этимъ,—что такое сами значенія словъ языка? Ср. также на стр. 323 замѣчаніе автора отно-

сительно возникновение у ребенка понятий: кукла, шаръ, лопадка и др. независимо отъ языка.

Если бы проф. Томсонъ установилъ болѣе полное и точное опредѣленіе значенія словъ языка, то, мы думаемъ, получила бы иной видъ и та классификація этихъ значеній, которая дается авторомъ въ § 1 шестой главы и которая отличается нѣкоторой туманностью границъ разныхъ значеній. Точно такъ же и § 2 этой главы, который говоритъ объ измѣненіяхъ значеній словъ, могъ бы быть изложенъ не только, такъ сказать, эпизодически, но и систематически, и въ то же время авторъ едва ли бы сталъ такъ безусловно утверждать, что „классификація, основанной на различіяхъ въ психическомъ процессѣ измѣненія значеній, также быть не можетъ, такъ какъ въ дѣйствительности здѣсь разнообразіе безконечное“ (стр. 293). Такое безусловное отрицаніе возможности сказанной классификаціи основано, по нашему мнѣнію, на ошибочномъ положеніи, будто-бы „повсюду, гдѣ возможна случайная ассоціація между представленіемъ и словомъ, можетъ возникнуть новое примѣненіе, слѣдовательно и новое значеніе этого слова“ (на той же стран.),—положенія, основаннаго, въ свою очередь, на неполнотѣ и неточности опредѣленія значенія словъ.

Въ опредѣленіи значеній формъ словъ мы также усматриваемъ несоотвѣтствіе съ фактическимъ матеріаломъ. Проф. Томсонъ раздѣляетъ вообще значенія языка на значенія реальныя и значенія синтаксическія или формальныя: „...значенія словъ, обозначающія составныя части (комплексы элементовъ) сложныхъ представленій, называются реальными значеніями словъ“ (стр. 274); „...значенія словъ, опредѣляющія логическія отношенія между представленіями, составляющими реальныя значенія словъ, можно назвать синтаксическими значеніями“; а такъ какъ въ „большинствѣ языковъ синтаксическія значенія выражаются часто формами словъ, и во всѣхъ языкахъ формами предложеній, ихъ называютъ также формальными (синтаксическими) значеніями“ (стр. 275). Въ дальнѣйшемъ изложеніи (стр. 307 и слѣд.) мы находимъ иное опредѣленіе формальныхъ значеній: формальныя принадлежности, образующія формы словъ, „вносятъ въ значенія словъ, въ составъ которыхъ они входятъ, извѣстные признаки, и такимъ образомъ образуютъ различія въ формѣ и значеніи словъ, имѣющихъ общую основную принадлежность“. Затѣмъ различаются формальныя принадлежности, служащія для словообразованія, и синтаксическія принадлежности словъ; первыя „вносятъ въ реальныя

значенія словъ извѣстные признаки, приписываемые обозначаемымъ словами явленіямъ (предметамъ, дѣйствіямъ, качествамъ)²⁾, вторыя „образуютъ тѣ формы словъ, которыя обозначаютъ различныя отношенія между представленіями въ сужденіи, слѣдовательно обозначаютъ и синтаксическія отношенія между словами и принадлежатъ словамъ какъ членамъ предложенія“. Приводя затѣмъ примѣры формъ синтаксическихъ, авторъ въ отношеніи формъ числа, рода и лица въ глаголѣ и формъ рода, числа и падежа въ прилагательныхъ замѣчаетъ, что эти формы „не обозначаютъ никакихъ различій въ реальныхъ значеніяхъ или въ отношеніяхъ глагола или прилагательнаго къ другимъ словамъ“ и что „поэтому они могутъ считаться лишь указателями на связь глагола или прилагательнаго съ существительнымъ и могутъ совершенно отсутствовать...“ (стр. 309). Такимъ образомъ проф. Томсонъ признаетъ въ формахъ словъ слѣдующія подраздѣленія: 1) формы словообразованія, 2) формы словоизмѣненія; по значеніямъ формы 2-й группы распадаются на слѣдующіе виды: а) формы, обозначающія различныя отношенія между представленіями въ сужденіи, и б) формы, обозначающія отношенія словъ къ другимъ словамъ въ словочетаніяхъ. Во 2-й группѣ различіе въ значеніяхъ между формами *a* и формами *b* весьма опредѣленно: формы *a* получаютъ свое значеніе въ примѣненіи къ фактамъ, лежащимъ внѣ языка, значенія формъ *b* примѣняются къ фактамъ самого языка. То обстоятельство, что формы *a* соединяютъ въ себѣ также и значенія *b*, не даетъ основанія для отождествленія или смѣшенія ихъ между собой, такъ какъ не существуетъ обратнаго положенія: формы *b* не соединяютъ въ себѣ также и значеній *a*. Точно такъ же совершенно опредѣленны границы между значеніями формъ 1-й и 2-й группъ: хотя нѣкоторыя формы 2-й группы способны приобрѣтать также значенія 1-й группы (какъ напр., значеніе числа въ падежныхъ формахъ существительныхъ), но обратнаго положенія и здѣсь не существуетъ: формы 1-й группы не соединяютъ въ себѣ также значеній 2-й группы¹⁾. Такимъ образомъ мы не видимъ съ точки зрѣнія самого автора основаній для обобщенія всѣхъ этихъ значеній въ томъ видѣ, какой получается у автора. Если отличать отъ реальныхъ значеній словъ значенія формальныя (синтаксическія) (стр. 275) какъ значенія,

²⁾ Замѣчаніе проф. Томсона на стр. 307, что „словообразовательные суффиксы имѣютъ иногда только синтаксическое значеніе, напр.-еніе (дѣл-еніе, хожд-еніе)“, для насъ не совсѣмъ понятно.

выражаемая по преимуществу формами словъ, тогда нельзя придавать имъ такого общаго опредѣленія, что они выражаютъ логическія отношенія между представленіями, такъ какъ формы словоизмѣненія (флекси) выражаютъ и другія отношенія (сочетанія словъ), а формы словообразовательныя вообще отношеній не выражаютъ. Точно такъ же нельзя обобщить значеній формальныхъ принадлежностей словъ и въ томъ смыслѣ, что они вносятъ въ значенія словъ извѣстные признаки (стр. 307), такъ какъ въ такомъ опредѣленіи слово „признакъ“ должно имѣть двойной смыслъ (признакъ реальный и признакъ нереальный, „словесный“). Если же противопоставлять реальнымъ значеніямъ формальныя значенія въ томъ смыслѣ, что первыя примѣняются къ фактамъ, лежащимъ внѣ языка, а вторыя къ явленіямъ мысли (логическія отношенія между представленіями), то и въ такомъ случаѣ не можетъ быть обобщенія формальныхъ значеній въ смыслѣ автора. Во-первыхъ, словообразовательныя формы никакихъ отношеній не выражаютъ, а обозначаютъ предметы мысли въ ихъ различіяхъ въ отношеніи тѣхъ или другихъ признаковъ (но при этомъ не обозначаютъ самихъ признаковъ, какъ это допускаетъ проф. Томсонъ въ отношеніи, напримѣръ, формъ дома, домина, на стр. 274). Во-вторыхъ, что такое „логическія отношенія между представленіями“? На стр. 275-й авторъ говоритъ: „Содержаніе реальныхъ значеній получается изъ ощущеній. Содержаніе логическихъ отношеній, составляющихъ синтаксическія значенія языка, вносится самими говорящими и вырабатывается у нихъ подъ вліяніемъ формальныхъ принадлежностей унаслѣдованнаго ими языка“. Намъ кажется, что проф. Томсонъ, такъ сказать, преждевременно переходитъ съ почвы психологіи на почву логики и это только затемняетъ дѣло. Психологически отношенія между предметами мысли такія же реальности, какъ и самые предметы мысли, такъ какъ сознаніе отношеній имѣетъ своимъ источникомъ такъ же ощущенія. Такимъ образомъ обозначеніе отношеній при помощи языка предполагаетъ наличность сознанія отношеній, а не обратно, и вопросъ сводится лишь къ тому, насколько языкъ помогаетъ нашей мысли дифференцировать и обобщать сознаваемыя отношенія между предметами мысли. Психологически мы находимъ здѣсь то же самое, что и въ отношеніи словъ: процессъ разъединенія и соединенія представленій, дѣйствующій независимо отъ словъ языка, получаетъ въ этихъ послѣднихъ только могущественную поддержку въ своемъ многообразномъ развитіи; точно такъ же и въ сознаніи отношеній между представленіями психическій процессъ идетъ впереди

языка и логики, а не послѣ нихъ. Языки, не имѣющіе формъ словъ, и языки, утрачивающіе ихъ, ясное тому подтвержденіе.—Можно замѣтить также, что если противопоставлять формальныя значенія извѣстныхъ формъ словъ реальнымъ значеніямъ словъ въ смыслѣ проф. Томсона, то въ такомъ случаѣ и въ самихъ словахъ, независимо отъ формъ, приходилось бы различать эти два рода значеній: значенія словъ, какъ *верхъ, низъ, середина, верхній, нижній, средній, крайній, далекій, близкій, сегодняшний, вчерашній, здѣсь, тамъ* и т. д., также надо было бы признавать формальными значеніями, ибо эти слова обозначаютъ признаки предметовъ по ихъ отношеніямъ. Проф. Томсонъ дѣйствительно и признаетъ формальныя значенія въ словахъ, но только въ предлогахъ и союзахъ (стр. 274 и 304, § 2); однако такое ограниченіе является уже непослѣдовательностью съ точки зрѣнія самого автора.

Сообразно съ своимъ взглядомъ на значенія словъ и формъ словъ проф. Томсонъ на стр. 274-й высказываетъ и то положеніе, что „дѣленіе предложенія на отдѣльныя слова есть дѣленіе условное, въ значительной степени произвольное, и вызвано прежде всего практическими потребностями письма“. Ниже, говоря объ усвоеніи дѣтми реальныхъ и формальныхъ принадлежностей языка, авторъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Вѣдь надо имѣть въ виду, что вмѣстѣ съ этими семантическими единицами рѣчи, и именно благодаря имъ, новые индивидуумы только и вырабатываютъ въ себѣ тѣ представленія и понятія, которыя составляютъ значенія этихъ семантическихъ единицъ. А съ другой стороны, звуковой рядъ можетъ постепенно распадаться въ пониманіи дѣтей на сложное сочетаніе семантическихъ единицъ только подъ вліяніемъ тѣхъ представленій и понятій, которыя составляютъ ихъ значенія, такъ какъ въ самой звуковой сторонѣ языка нѣтъ никакихъ данныхъ не только для того, чтобы связывать напримѣръ съ «рѣкѣ» другое представленіе, чѣмъ съ «рѣки», но и нѣтъ даже данныхъ для отдѣленія слова «рѣкѣ» отъ другихъ словъ предложенія, напримѣръ въ: «берегъ рѣки здѣсь крутой», «около рѣки живетъ»... и т. д.“ (стр. 321 слѣд.). Не смотря на то, что при описанномъ соотношеніи между мыслью и языкомъ получается, собственно, безвыходный кругъ, авторъ однако объясняетъ затѣмъ, что въ конечномъ результатѣ, дѣйствіемъ закона ассоціаціи по смежности, въ сознаніи обучающагося языку выдѣляются какъ элементы сложныхъ представленій, такъ и комплексы звуковыхъ элементовъ, объединяющіеся въ отдѣльныя семантическія звуковыя единицы (основныя и формальныя принадлежности). Такимъ образомъ

проф. Томсонъ приходитъ уже не къ условной, а къ дѣйствительной раздѣльности элементовъ языка. Съ этимъ послѣднимъ мы также согласны; думаемъ только, что въ дѣйствительности самые существенные элементы языка при усвоеніи его даются ребенку именно какъ отдѣльные элементы (съ дѣтьми только въ довольно позднемъ періодѣ ихъ жизни начинаютъ говорить сложными сочетаніями словъ и формъ), и что въ различеніи и обособленіи элементовъ языка, точно такъ же какъ въ различеніи и обособленіи предметовъ вѣшняго міра, столь же существенное значеніе для сознанія усваивающаго языкъ имѣетъ ассоціація по сходству, какъ и ассоціація по смежности.

Изъ того, что было сказано выше о воззрѣніи автора на значенія словъ и формъ словъ, понятно и его воззрѣніе на сочетанія словъ, грамматическія предложенія. „Предложеніе есть обыкновенно рядъ словъ, вылитый, такъ сказать, въ одну изъ обычныхъ въ данномъ языкѣ формальныхъ рамокъ синтаксическаго сочетанія словъ въ предложеніи и представляющій въ значеніяхъ этихъ словъ сужденіе въ широкомъ психологическомъ смыслѣ. Предложеніе возникаетъ изъ расчлененія сложнаго представленія на значенія словъ съ сознаніемъ логическихъ соотношеній между ними, обуславливающихъ формальную сторону предложенія“ (стр. 301; ср. также стр. 78 и слѣд.). Давши такое опредѣленіе предложенія, авторъ затѣмъ самъ приводитъ случаи, которые показываютъ, что не всякое грамматическое предложеніе соответствуетъ психологическому сужденію, и, съ другой стороны, не всякое сужденіе выражается въ грамматическомъ предложеніи. Но такое несоответствіе становится понятнымъ только при томъ допущеніи, что, во-первыхъ, сужденіе не тождественно съ сочетаніемъ расчлененныхъ представленій (понятій), и что, во-вторыхъ, образованіе въ сознаніи даже такихъ группъ расчлененныхъ представленій (понятій), которыя образуютъ собой сужденія, до извѣстнаго предѣла не нуждается въ помощи расчлененныхъ словесныхъ сочетаній, какъ и обратно—расчлененныя словосочетанія могутъ употребляться въ языкѣ для выраженія нерасчлененной мысли или такой расчлененной мысли, которая не образуетъ сужденія. Въ фактахъ самого языка мы не находимъ данныхъ для того, чтобы значеніе грамматическаго предложенія разсматривать только какъ „сочетаніе представленій или понятій, называемое сужденіемъ въ широкомъ смыслѣ этого слова“ (стр. 78) ¹⁾.

¹⁾ Къ сожалѣнію, проф. Томсонъ не даетъ точнаго опредѣленія того, что онъ

Еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ другихъ частяхъ книги. § 4 главы I, озаглавленный: „Бѣглый обзоръ исторіи языковѣдѣнія и библиографія“,— „болѣе чѣмъ кратокъ“, какъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи. Объ этомъ приходится нѣсколько пожалѣть. Конечно, подробная исторія науки сама по себѣ не нужна въ изложеніи теоретической части языковѣдѣнія; но въ виду того, что извѣстные отдѣлы «общаго языковѣдѣнія» въ настоящее время мало разработаны, историческое освѣщеніе нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ о языкѣ было бы умѣстно.

Въ § 1 главы II проф. Томсонъ, говоря о морфологической классификаціи языковъ, даетъ краткую характеристику четырехъ типовъ строя языковъ. Но считая эту классификацію искусственной, авторъ придаетъ ей второстепенное значеніе сравнительно съ классификаціей генеалогической. Мы однако не видимъ основаній, почему авторъ считаетъ морфологическую классификацію языковъ искусственной; различія въ строѣ языковъ, и при томъ, во многихъ случаяхъ, коренныя, существуютъ въ дѣйствительности, а потому ничего искусственнаго не можетъ быть въ различеніи языковъ по ихъ строю. Проф. Томсонъ, правда, не усматриваетъ принципиальной разницы между строемъ, напримѣръ, китайскаго языка (одного изъ изолирующихъ, или корневыхъ) и строемъ, напримѣръ, такихъ флективныхъ языковъ, какъ французскій, нѣмецкій и англійскій, на томъ основаніи, что указанные европейскіе языки утратили отчасти формы склоненія, а англійскій языкъ кромѣ того представляетъ случаи употребленія одного и того же слова въ качествѣ существительнаго и глагола. Но на нашъ взглядъ въ этомъ сближеніи названныхъ языковъ по строю съ китайскимъ кроется большое недоразумѣніе: языкъ, который утратилъ часть флективныхъ формъ, но сохраняетъ другія, продолжаетъ оставаться языкомъ флективнымъ и принципиально по этому строю отличается отъ языка, который формъ словъ совсѣмъ не знаетъ; строй языка не можетъ опредѣляться большимъ или меньшимъ количествомъ данныхъ признаковъ строя, а только присутствіемъ или

подразумѣваетъ подъ сужденіемъ «въ широкомъ смыслѣ этого слова», «въ широкомъ психологическомъ смыслѣ», и какъ онъ отличаетъ это сужденіе отъ сужденія въ узкомъ смыслѣ. На основаніи того, что проф. Томсонъ на стр. 302-й говоритъ о „психологическомъ подлежащемъ“ и „психологическомъ сказуемомъ“, думаемъ, что онъ, во всякомъ случаѣ, отличаетъ группы представленій (понятій), сочетаемыхъ въ отдѣльномъ актѣ мысли, отъ группъ, образуемыхъ въ сознаніи безъ посредства таковаго акта.

отсутствіемъ этихъ признаковъ. Сближать указанные различные типы строя языковъ въ прошедшемъ и будущемъ такъ же нѣтъ основаній: дѣйствительно ли изолирующій строй китайскаго языка возникъ изъ строя агглютинативнаго или флективнаго, еще никѣмъ не доказано; а предсказывать, что англійскій языкъ утратитъ всѣ свои формы и обратится въ изолирующій языкъ, едва ли кто-нибудь рѣшится. Еще менѣе мы можемъ усматривать, хотя бы и въ самой малой степени, дѣйствительное сходство въ строѣ французскихъ выраженій какъ *je le vois, le voleur; c'est ici la montagne* (стр. 43) съ строомъ полисинтетическихъ языковъ. Да и самъ авторъ, очевидно, не придаетъ серьезнаго значенія такимъ сближеніямъ, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ, на стр. 74-й, онъ уже говоритъ, что „номенклатура нашей грамматики съ ея понятіями совершенно не соотвѣтствуетъ этому (т. е. полисинтетическому) строю“.

При сравненіи строя агглютинативнаго съ флективнымъ проф. Томсонъ, какъ намъ кажется, также принимаетъ во вниманіе признаки менѣе существенные, а оставляетъ въ сторонѣ признаки болѣе существенные. „Склеиваніе“ словъ изъ частей, „слабость“ связи этихъ частей, конечно, признаки второстепенные, такъ какъ они, не подаваясь точному измѣренію, являются лишь относительными и условными; поэтому и различать тотъ и другой строй по этимъ признакамъ довольно затруднительно. Существенное значеніе имѣютъ другой признакъ—обозначенію въ языкѣ основъ словъ какъ частей составныхъ словъ, и по этому признаку между флективными и агглютинативными языками, на нашъ взглядъ, есть существенное различіе: во флективныхъ языкахъ существуютъ основы составныхъ словъ, такъ какъ они обозначены какъ таковыя въ самомъ языкѣ, а въ агглютинативныхъ языкахъ такихъ основъ нѣтъ, такъ какъ въ самомъ языкѣ они какъ таковыя не обозначены; поэтому въ языкахъ флективныхъ существуетъ точно опредѣленное различіе между основами, частями словъ, и между цѣльными словами, между тѣмъ какъ въ языкахъ агглютинативныхъ различіе между цѣльнымъ словомъ и основой составнаго слова только относительное. На этомъ основаніи мы думаемъ, что формы, какъ русскія труд-ы, труд-амъ, луч-и, луч-амъ (стр. 43), какъ ни легко выдѣляются въ нихъ „морфологическія принадлежности“, дѣйствительнаго сходства съ формами агглютинирующихъ языковъ не имѣютъ. Точно такъ же мы не видимъ аналогіи агглютинативнымъ образованіямъ въ такихъ формахъ какъ французское *dir-ai, dir-as* и т. д., сербское *brālu* и т. п., такъ какъ эти формы возникли изъ

сочетаній флексивныхъ формъ словъ, чего не можетъ быть въ языкахъ агглютинативныхъ. Само же по себѣ словословіе, безъ отношенія къ формамъ слагаемыхъ словъ, не можетъ быть вообще принимаемо за признакъ различія между языками, такъ какъ это явленіе свойственно всѣмъ извѣстнымъ языкамъ.

Не настаивая на томъ, что морфологическая классификація языковъ сама по себѣ имѣетъ большое значеніе для науки языковѣднія, мы однако думаемъ, въ виду сказаннаго, что тщательное изученіе различій въ строѣ языковъ, въ какой бы степени эти различія ни проявлялись, можетъ дать обильный и драгоценный, вслѣдствіе своей объективности, матеріалъ для языковѣда, изслѣдующаго формы словъ со стороны ихъ происхожденія, построенія и значеній. И проф. Томсонъ, въ главѣ VII своего сочиненія, посвященной «общей грамматикѣ», для объясненія и подтвержденія своихъ опредѣленій значеній формъ словъ и синтаксическихъ словосочетаній привлекаетъ къ сравненію различные типы языковъ (стр. 305—307); но, благодаря нѣкоторой односторонности оцѣнки матеріала, даваемого такимъ сравненіемъ, онъ, къ сожалѣнію, не пользуется этимъ матеріаломъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ заслуживаетъ этого.

Оканчивая этимъ замѣчанія по нѣкоторымъ вопросамъ, входящимъ въ обширное содержаніе книги проф. Томсона, не можемъ не высказать еще разъ пожеланія, чтобы эта книга получила возможно болѣе широкое распространеніе въ нашемъ обществѣ и содѣйствовала выработкѣ въ немъ пониманія природы языка и его огромнаго значенія въ развитіи умственной дѣятельности человѣка. Это пониманіе природы и значенія языка особенно важно для насъ въ настоящее время, когда мы, отвергнувъ готовую западную школу, безпомощно недоумѣваемъ надъ вопросомъ о созданіи новаго типа средней общеобразовательной школы и дѣлаемъ надъ своей школой эксперименты одинъ другого печальнѣе въ смыслѣ ихъ результатовъ для умственнаго развитія экспериментируемыхъ дѣтей. Между тѣмъ въ нашихъ рукахъ могущественное образовательное средство—русскій языкъ съ его богато развитымъ грамматическимъ строемъ и съ его прекрасной литературой. Если прибавить еще одинъ или два иностранныхъ языка (особенно французскій), то вотъ и готовъ крѣпкій фундаментъ общаго образованія. Надо только, чтобы, съ одной стороны, общество наше перестало смотрѣть на серьезное преподаваніе языковъ въ средней школѣ какъ на ненужную и даже вредную схоластику, а съ другой стороны, чтобы наши педагоги, преподающіе языки, усвоили себѣ

хотя бы элементарныя начала науки языковѣдѣнія, и чтобы одни изъ нихъ отрѣшились отъ первобытныхъ приѣмовъ преподаванія, а другіе отказались отъ выдумыванія на досугъ разныхъ противоположенныхъ способовъ обученія языкамъ, въ родѣ пресловутаго нынѣ «натуральнаго метода». И въ этомъ отношеніи книга проф. Томсона, какъ принято говорить, идетъ на встрѣчу времени, давая въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямыя указанія относительно практическаго примѣненія теоретическихъ выводовъ науки.

Г. Ульяновъ.

Шляпкинъ, И. А., проф. Древніе русскіе кресты. Изысканія... I, Кресты Новгородскіе, до XV вѣка, неподвижные и не церковной службы. Съ 24 таблицами рисунковъ. С.-Пб. 1906 г. 38 стр. + XXIV таблицы.

Новое изслѣдованіе профессора И. А. Шляпкина состоитъ изъ краткаго предисловія и четырехъ главъ. Въ предисловіи перечисляются различные виды крестовъ, имѣвшихъ различное назначеніе, и отмѣчается, что предметомъ даннаго изысканія служатъ — „кресты неподвижные: намогильные и памятные или поклонные“. Въ первой главѣ разсматриваются — „кресты намогильные, саркофаги и голбцы“. Вторая глава посвящена крестамъ памятнымъ и поклоннымъ, причѣмъ въ концѣ приложенъ перечень каменныхъ новгородскихъ и псковскихъ крестовъ безъ опредѣленной даты, значительно пополняющій перечень общерусскихъ каменныхъ крестовъ А. А. Спицына. Отдѣльно перечислены „кресты закладные въ стѣнахъ“ и „кресты намогильные“. Въ третьей главѣ изслѣдуется вопросъ о формѣ крестовъ и въ четвертой — о назначеніи крестовъ. Каждое свое положеніе, каждый выводъ, авторъ иллюстрируетъ и доказываетъ рисунками (165 №№ на 24 таблицахъ), исполненными по фотографіямъ, снятымъ съ оригиналовъ. Особую цѣнность изслѣдованію придаетъ то обстоятельство, что большая часть изслѣдуемаго матеріала была осмотрѣна и сфотографирована авторомъ лично на мѣстѣ.

Не смотря на чисто археологическую тему, трудъ И. А. Шляпкина съ удовольствіемъ прочтется и не специалистами, такъ какъ вопросъ поставленъ широко и разработанъ интересно. Между прочимъ, отмѣчается волна византійскаго вліянія, въ видѣ перенесенія цѣлага ряда различныхъ византійскихъ неканоническихъ обрядовъ и обычаевъ, главнымъ образомъ черезъ семью греческихъ священниковъ, переселенныхъ на Русь послѣ принятія христіанства. Ихъ вліянію

онъ приписываетъ сложене нѣкоторыхъ христіанскихъ погребальныхъ обычаевъ, въ частности устройство насыпи и водруженіе креста. Любопытны соображенія: о происхожденіи голбца и затѣмъ—креста съ накрытіемъ изъ первоначальнаго саркофага; о первоначальности четырехконечныхъ и шестиконечныхъ крестовъ, лишь въ послѣдствіи уступившихъ свое мѣсто осмьконечному. Также не менѣе интересно и объясненіе новгородскихъ закладныхъ каменныхъ крестовъ, вписанныхъ въ кругъ,—какъ крестовъ обѣтныхъ, сближаемыхъ авторомъ и съ формой первоначальнаго якоря—камня, и со словами канона Честному Кресту. Кромѣ того, вездѣ, по своему обыкновению, авторъ не довольствуется *только* археологическимъ матеріаломъ, но, для болѣе детальной и широкой разработки вопроса, привлекаетъ этнографическія и историко-литературныя данныя. Наконецъ, независимо отъ всего этого, въ „Изысканія“ какъ бы вкрапленъ цѣлый рядъ мелкихъ, но весьма цѣнныхъ для этнографа замѣчаній, дающихъ возможность дѣлать любопытныя сопоставленія. Вотъ одинъ примѣръ. Говоря о graffiti на основной обмазкѣ Новгородскаго Софійскаго собора и описывая разнообразныя разновидности выпарапанныхъ крестовъ, профессоръ И. А. Шляпкинъ мимоходомъ замѣчаетъ: „на ряду съ этимъ встрѣчаются рисунки ногъ, рукъ, лицъ, и т. д. съ надписью „нозѣ“, „руцѣ“ и воззванія: „такой то въ бѣдѣ писалъ“... „или молитвенное воззваніе „Господи помози такому то“... (стр. 24). Эти рисунки и надписи (graffiti) относятся къ XII—XIV столѣтіямъ. Въ настоящее время на церковныхъ стѣнахъ рукъ, ногъ, глазъ и т. д. не выпарапываютъ, но за то, на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, отъ Архангельска до Кавказа и отъ Польши до Якутска,—„люди страдающіе“, желая получить облегченіе, подвѣшиваютъ къ чтимымъ образамъ литыя, штампованныя (изъ металла), или, просто, выгнѣпленные изъ воска модельки болящихъ частей тѣла и служатъ молебны, или же тайно молятся.

Предоставляя детальный разборъ и оцѣнку этой работы специалистамъ — археологамъ, въ дальнѣйшемъ я хочу сдѣлать лишь нѣсколько замѣчаній по поводу двухъ-трехъ отдѣльныхъ мѣстъ, гдѣ недостатокъ имѣющагося въ литературѣ матеріала помѣшалъ автору высказаться окончательно.

Дѣйствительно, на основаніи словарнаго матеріала и приведенныхъ примѣровъ (см. стр. 5—8 „Изысканій“) „трудно рѣшить, какое назначеніе имѣлъ церковный голбецъ“ и что такое онъ изъ себя представлялъ. Можетъ быть, что-нибудь разъяснить современное упо-

требленіе этого слова. Мнѣ приходилось слышать это слово довольно часто—и иногда какъ разъ въ разговорахъ относительно церкви. Въ выраженіи: „У Спаса-въ-Рядахъ (церковь въ г. Костромѣ) въ голбцѣ торгуетъ“... ¹⁾—подъ именемъ „голбца“ говорящій разумѣлъ довольно глубокую выемку въ наружной стѣнѣ церкви, въ родѣ шкафа; здѣсь помѣщается маленькій прилавокъ съ поясками, ленточками, гребенками, кошельками, пуговицами и тому подобной мелочью. Въ другомъ случаѣ (с. Кбстома, Галичск. у.) — „голбцемъ“ было названо углубленіе въ капитальной стѣнѣ внутри храма, забранное почему-то досками, съ „рундукомъ“ (выступъ, въ родѣ лавки, для сидѣнья богомольцевъ) ²⁾. Затѣмъ въ с. Турани Варнавинскаго уѣзда мнѣ назвали „голбцемъ“ обширное помѣщеніе подѣ храмомъ (церковный подвалъ), и т. д. Вообще, мнѣ кажется, что слово „голбець“ (точно такъ же, какъ и слово „палата“, употребляемое въ старинныхъ описаніяхъ церквей) ³⁾ прежде, какъ и теперь не имѣло какого либо строго опредѣленнаго значенія, а употреблялось, такъ сказать,—*ad libitum*. Въ настоящее время этимъ терминомъ народъ опредѣляетъ выемки въ стѣнахъ и закрытыя помѣщенія, не имѣющія доступа свѣта (независимо отъ ихъ величины). Такая неопредѣленность современнаго понятія „голбець“ вполнѣ соответствуетъ неопредѣленнымъ указаніямъ источниковъ.

Сравнивая графф. № 28 и крестъ № 79 (съ полукругомъ, или, какъ обыкновенно выражаются,—съ полумѣсяцомъ), авторъ замѣчаетъ, что они „вѣроятно выработались изъ $\sigma = \text{Ѱ}$ ос, даваго и луну подѣ крестомъ“ ⁴⁾. Но мнѣ кажется, что, на основаніи имѣющагося иконографическаго матеріала, полукругъ (луну) подѣ крестомъ можно объяснить, какъ результатъ постепенной схематизаціи главы адамовой, лежавшей, обыкновенно, у подножія креста. Достаточное основаніе для такого предположенія получается уже изъ сопоставленія крестовъ №№ 8 (табл. I), 90 (табл. V ⁵⁾ и 79 (*ibid.*); несомнѣнно легко най-

¹⁾ Срвн.: „А что лавка наша на Холмскомъ ряду и голбець во святомъ Михаилѣ“... („Древн. русск. кресты“, стр. 8).

²⁾ Срвн.: „Начаша въ гѣвомъ крылѣ церковномъ починивати (понеже преже были голбцы въ крылѣхъ) и начаша голбцы раздрушати, якобы церквѣ пространство имѣти, и начаша помость взрывать“... *Ibid.*

³⁾ Въ разнаго рода старинныхъ описаніяхъ встрѣчаются указанія на то, что и сами церкви существовали „въ гольцѣ“, „на полатяхъ“, „на сѣняхъ“ и т. под.

⁴⁾ См. Древн. русск. кресты, стр. 25, и табл. II и V.

⁵⁾ Относительно этихъ крестовъ и самъ авторъ отмѣчаетъ: „№ 90 и 8 конечно изображаютъ „лобъ“ (Голгофу). Стр. 25, примѣч. 2-е.

дутся и промежуточные стадіи развитія этого ряда ¹⁾. Тотъ же полукругъ подъ крестомъ могъ, думается мнѣ, постепенно получиться и изъ двухъ костей, лежащихъ подъ угломъ подъ главой адамовой. Основаніе для такого предположенія даетъ рядъ — кресты №№ 337 (табл. XX), 82, 90 и 79 (табл. V) и нѣкоторые другіе.

Затѣмъ, на стр. 25 (примѣчаніе 2-е) мы наталкиваемся на фразу: „Болѣе загадочные знаки подъ крестомъ № 59 и 75“. По моему мнѣнію въ загадочныхъ знакахъ надъ крестомъ № 75 (табл. IV. Крестъ преп. Варлаама Хутынского) нужно видѣть Скорбящую Богоматерь со сложенными на груди руками. А крестъ № 59 (табл. III. Стѣна церкви Спасъ Преображенія, Новг. XIV вѣка) представляетъ точную схему крестовъ съ покрытиемъ, часто встрѣчающихся и въ настоящее время надъ наружными дверями раскольничьихъ домовъ и иногда на пасѣкахъ (подъ берестой), на столбахъ посрединѣ пасѣки.

Въ одинъ рядъ съ крестами №№ 34 и 36 („нѣчто въ родѣ свастикъ..., напоминающее руническіе кресты“. См. табл. II, сравн. стр. 25, примѣч. 2-е), кажется, нужно поставить и граф. № 3 (табл. I)—антисвастика.

Соображенія профессора И. А. Шляпкина о томъ, что сложное, а потомъ и простое накрытіе у крестовъ дѣлалось не ради защиты отъ дождя, а ради того, чтобы „у знаменія креста могла, по народному представленію, пріютиться и крохотная душа человѣческая“ (стр. 8 „Изысканій“),—находитъ полное подтвержденіе въ современныхъ вѣрованіяхъ народа. Въ моихъ записяхъ отмѣченъ случай, когда старуха-крестьянка (д. Шигарева, Костромск. у.) просила, чтобы крестъ на могилу ея умершей дочери былъ сдѣланъ непременно съ накрытіемъ. „По крайности и въ дождь, и въ пургу ангельской душенькѣ прикурнуть гдѣ мѣсто будетъ...“ — такъ мотивировала она свою просьбу.

Кстати отмѣчаю пару замѣченныхъ мною довольно важныхъ опечатокъ: въ надписи на крестѣ Дмитровскаго монастыря (стр. 17) слѣдуетъ читать не егорей, а *григорей*, какъ это ясно видно на

¹⁾ Нѣкоторое подтвержденіе своимъ соображеніямъ я нашелъ въ появившейся мнѣ уже во время чтенія корректуры брошюрѣ—„Седьмой съѣздъ археологическій въ Ярославѣ“. М. 1886. Здѣсь, въ числѣ запросовъ, на которые желательно было получить разъясненія на съѣздѣ, значится: „встрѣчаемое внизу продольной части полукругіе не означаетъ ли Адамову голову или Голгову?“ (стр. 19, пунктъ 28). Былъ ли полученъ отвѣтъ и какого рода онъ былъ — свѣдѣній объ этомъ я не встрѣтилъ.

снимѣ (табл. VIII); а на стр. 23 (примѣч. 1-е) стоящіе въ восьмой снизу строки „№ 34 и 36“, слѣдуетъ перенести въ предыдущую строку (девятую снизу, послѣ словъ „и т. II“).

И. Винниградскій.

Извѣстия на Семинара по славянска филология при университета въ София за 1904 и 1905 год. печатано подъ редакцията на проф. Л. Милетицъ, уредникъ на Семинара. София 1906. 8° XVI+463.

Первая статья разбираемой книги, озаглавленная: „Дѣйность на семинара на славянска филология отъ основанія му до сега (1896—1905)“ (III—XVI), даетъ обзоръ дѣятельности Славянскаго Семинара въ Софійскомъ университетѣ отъ его основанія до 1905 г. Семинаръ возникъ въ 1896 году, какъ частное учрежденіе, затѣмъ университетъ принялъ его въ свое вѣдѣніе. Студентами въ семинарѣ былъ сообщенъ рядъ рефератовъ, по большей части по языку и фольклору, рѣже по исторіи болгарской литературы, изрѣдка по западно-европейской, почти исключительно, французской литературѣ, нѣсколько рефератовъ на темы общаго характера, и два реферата о Максимѣ Горькомъ.

Изъ другихъ статей „Извѣстій Семинара“ на первомъ мѣстѣ нужно поставить обширную статью г. Романскаго, написанную по поводу изданія П. А. Лавровымъ „Наказательныхъ словъ воеводы валахскаго І. Нѣгоя къ сыну Θεодосію“ и озаглавленную: „Българската книжнина въ Ромѣния и едно нейно произведение“ (1 — 100). Въ началѣ статьи общія замѣчанія о культурныхъ связяхъ между Болгаріей и Румыніей (1 — 31), обзоръ славяно-румынской письменности въ связи съ болгарской временъ Іоанна Александра и І. Шишмана, причѣмъ авторъ повторяетъ бездоказательныя утвержденія Сырку о принадлежности нѣкоторыхъ произведеній славянской письменности этой именно эпохѣ. Врядъ ли безъ всякихъ оговорокъ можно согласиться съ утвержденіемъ автора, что славянская письменность въ Румыніи находитъ объясненіе въ существованіи довольно плотнаго славяно-болгарскаго населенія въ Румыніи даже послѣ паденія Болгаріи. Вообще намъ кажется, что г. Романскій преувеличиваетъ нѣсколько роль, какую играла Болгарія въ возникновеніи славяно-молдавской письменности (46—57). Вопреки мнѣнію румынскихъ ученыхъ г. Романскій склоненъ разсматривать всю славяно-румынскую письменность, какъ созданіе болгаръ. Между тѣмъ писа-

тель, сочиненіе котораго составляютъ предметъ спеціального изслѣдованія автора, былъ румынъ! Вопросъ о степени народности языка славянской письменности въ Румыніи, о томъ, насколько въ ней отражался живой языкъ, да и отражался ли вообще, остается не выясненнымъ и послѣ изслѣдованія г. Милетича, къ точкѣ зрѣнія котораго авторъ всецѣло примыкаетъ. Это относится къ языку грамотъ, записей и т. п. произведеній. Что же касается языка литературныхъ и церковныхъ текстовъ, то врядъ ли можно смотрѣть на него иначе, какъ на языкъ искусственный, мертвый: слишкомъ ужъ онъ съ одной стороны архаичный, условный, съ другой наблюдается въ немъ разнородная примѣсь новоболгарскаго, сербскаго и румынскаго. Повольно напрашивается на аналогію средневѣковый латинскій языкъ. Такимъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ этотъ языкъ и въ замѣчательномъ произведеніи валашскаго воеводы.

На 60-ой страницѣ авторъ, наконецъ, обращается къ „Словамъ“ Нѣгоя, устанавливаетъ первоначальный составъ „словъ“ и подвергаетъ ихъ довольно подробному историко-литературному анализу. По мнѣнію г. Романскаго первоначальная редакція „словъ“ и „поученій“ Нѣгоя имѣла тотъ видъ, какой представляли исчезнувшій румынскій текстъ 1654 года, и какой имѣетъ извѣстный греческій текстъ; этотъ первоначальный видъ только указывается въ сохранившемся въ отрывкахъ славянскомъ текстѣ (73). Опредѣляя отношеніе Нѣгоя къ своимъ источникамъ, авторъ констатируетъ самостоятельное отношеніе къ нимъ: Нѣгое выбираетъ изъ нихъ то, что пригодно для его цѣлей. Даже въ своихъ разсужденіяхъ по религіознымъ вопросамъ, Нѣгоя ведетъ рѣчь живо, хорошо подбирая примѣры и цитаты (81). Вообще же наставленія Нѣгоя, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда трактуютъ о мірскихъ дѣлахъ, перемѣшаны съ поученіемъ о надеждѣ на Бога, смиреніи, любви къ Богу и пр. (86). Авторъ полагаетъ, что дошедшую до насъ рукопись съ отрывками изъ „словъ“ Нѣгоя нужно разсматривать, какъ оригиналъ (91). Къ достоинствамъ произведенія Нѣгоя, по г. Романскому, относятся единство и послѣдовательность, наблюдаемая въ его „Словахъ“. Вопрека поставленной себѣ цѣли дать поученіе сыну, какъ будущему государю, а не христіанну вообще, валашскій воевода не могъ эманципироваться отъ духа литературы его времени, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ, какъ весь его родъ, отличался большой набожностью и благочестіемъ. И вотъ Нѣгое начинаетъ свои „Слова“ разказами, выбранными изъ св. Писанія, Библии и духовныхъ писателей. Эти разказы представляютъ при-

мѣры, достойные подражанія. Послѣ всего этого онъ рѣшается дать своему сыну практическіе совѣты, согласно съ условіями, въ которыхъ приходилось дѣйствовать валашскому воеводѣ. Здѣсь Нѣгое руководится собственнымъ опытомъ. Окончивъ это, опять въ согласіи съ религіознымъ духомъ современной ему литературы, говоритъ объ обязанностяхъ православнаго христіанина вообще и православнаго государя въ частности (90—91)—такъ характеризуетъ г. Романскій „Слова“ Нѣгоя.

Въ заключеніе г. Романскій разсматриваетъ языкъ произведеній Нѣгоя и указываетъ ошибки въ изданіи г. Лаврова.

Далѣе въ „Извѣстіяхъ“ находимъ нѣсколько работъ по болгарской діалектологіи и этнографіи. Работы эти слѣдующія: ст. Младеновъ—„За пограничнитѣ говори въ източна Сърбия“ (101—116)—небольшая работа, написанная объективно, что составляетъ ея большое достоинство; М. Георгиевъ—„Арнаутитѣ имѣрвацитѣ въ с. Брацигово“ (117—140); Д. Молеровъ—„Вторично ударение въ разложкия говоръ“ (173—182)—интересное, но мало еще разработанное въ наукѣ явленіе второстепеннаго ударенія разсматривается въ приложеніи къ разложскому говору, въ которомъ оно выступаетъ повсемѣстно и вполнѣ явственно; Хр. П. Стоиловъ—„Ударението на горно-джумайския говоръ“ (183—216); Л. Димитровъ—„Кратки этнографски бѣлѣжки за Дебърско съ огледъ къмъ говора въ тоя край“ (263—274). Весьма полезно библиографическое обзорніе матеріаловъ и изслѣдованій по болгарской діалектологіи съ краткими критическими замѣчаніями, принадлежащее перу Маріи Маждраковой,—„Библиографиченъ прѣгледъ на обнародванитѣ матеріали и изслѣдованія по българска диялектология“ (41—172). Приведу заключительныя слова этой статьи, съ которыми нельзя не согласиться. „Научная разработка болгарской діалектологіи все еще недостаточна. Обильные матеріалы по различнымъ болгарскимъ говорамъ, въ особенности западно-болгарскимъ—восточно-болгарскіе въ этомъ отношеніи представлены сравнительно весьма слабо—не всегда могутъ служить болгарскому діалектологу. Доставленные отъ лицъ, которые не имѣютъ специальной филологической подготовки, они часто записаны не точно въ фонетическомъ отношеніи и часто испещрены различными, но употребляемыми безъ разбора знаками, и нерѣдко подправлены на книжный ладъ. Поэтому болгарскому діалектологу приходится самому на мѣстѣ знакомиться съ особенностями болгарскихъ говоровъ“. „Что же касается изслѣдованій по діалектологіи, то, хотя

нѣкоторые изъ нихъ весьма цѣнны, они очень мало могутъ служить задачѣ болѣе широкаго изученія болгарскаго языка" (171—172).

Слабо написана и носить ученическій характеръ статья А. Пиронкова „Лѣстовицата въ напѣтъ народни умотворенія" (251—262). Напротивъ весьма дѣльныя статьи принадлежатъ болгарской студенткѣ Великѣ Наумовой: „Умалителнитѣ и увеличителни суффикси въ новобългарския езикъ" (218—230) и „Употрѣбата на умалителнитѣ и увеличителни имена въ българския езикъ" (231—250) — послѣдняя статья иллюстрируется выдержками изъ произведеній болгарской народной поэзіи, а также изъ народной поэзіи другихъ славянскихъ народовъ. Ученическій характеръ носятъ статьи Грозева и Димитрова („Д. Великинитѣ като поетъ" и „Обществена и книжовна дѣйность на хаджи Партенія"). Въ статьѣ Н. Гуринова „Книжовната дѣйность на Пешо Бончевъ" (341—358) приведены нѣкоторые любопытныя параллели въ утвержденіяхъ Бончева изъ Бѣлинскаго, который оказалъ сильное вліяніе на извѣстнаго въ свое время болгарскаго литературнаго критика, а также переводчика (между прочимъ, Бончевъ перевелъ „Тараса Бульбу"). Но въ общемъ статья Гуринова не даетъ надлежащаго представленія о Бончевѣ и носить также ученическій характеръ. А. Гечевъ въ статьѣ: „Добри П. Войниковъ въ развоѣ на нашата драма" (275—302) указываетъ значеніе драматической дѣятельности Войникова: въ художественномъ отношеніи произведенія Войникова не имѣютъ никакого значенія, но, изображая величіе былаго болгарскаго царства, Войниковъ способствовалъ пробужденію народнаго самосознанія у болгаръ. Сообщаетъ авторъ и о обстановкѣ, въ которой давались первые болгарскіе спектакли.

Въ концѣ книги помѣщены: „Библиографія на славянската филология въ българския печатъ отъ 1901 до 1905 г.", составленная Романскиимъ (381—414) и „Библиографія на исторіята на новата българска литература въ българския печатъ до 1900 год." — А. Гечева (415—463).

За указанными выше исключеніями статьи студентовъ и студентовъ-филологовъ Софійскаго университета производятъ пріятное впечатлѣніе: въ нихъ видно трудолюбіе авторовъ, освѣдомленность въ трагуемыхъ вопросахъ, тщательная и любовная обработка своихъ темъ. Надѣмся, что о будущихъ выпускахъ „Извѣстій" можно будетъ высказаться еще болѣе лестно!

К. Радчино.

SLOVENSKÁ VEŠ A JEJ MIESTO V RODINE SLOVANSKÝCH JAZYKOV. Práca dra Sama Czambela. I. oddelenie: Osnovy a iný materiál rečuvý. (1. čiastka: Východoslovenské nárečie). V Turčianskom Sv. Martiné r. 1906. 8° V+624.

Нѣсколько лѣтъ назадъ д-ръ С. Цамбель выпустилъ въ свѣтъ книгу, возбуждившую немало шума въ чешскомъ ученомъ мѣрѣ, подъ заглавіемъ: „Slováci a ich reč“ (Будапештъ 1903). Въ этой книгѣ г. Цамбель доказывалъ полную обособленность словацкаго языка отъ чешскаго и выставилъ гипотезу о южно-славянскомъ происхожденіи словаковъ. Разсматриваемая нами книга г. Цамбеля, судя по заглавію и предисловію, является лишь частью обширнаго труда, который долженъ подробно обосновать выставленные авторомъ въ указанной выше работѣ положенія.

По замыслу автора новое сочиненіе его будетъ состоять изъ четырехъ частей и введенія: 1-ая часть представитъ образцы словацкой рѣчи по отдѣльнымъ діалектамъ; 2-ая—дастъ грамматическій разборъ образцовъ; 3-я—разборъ лексикальнаго матеріала; 4-ая—установитъ мѣсто словацкаго языка въ ряду другихъ славянскихъ языковъ. Вышедшая въ свѣтъ книга состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. 1)—Všeobecne vedomosti (5—218); 2)—Rečové ukážky (209—476); 3) словарь (477—624). Книга посвящена восточно-словацкому нарѣчію.

1-ая глава 1-го отдѣла: Z miestopisu a z národopisu (5—114) дасть свѣдѣнія о области восточно-словацкаго нарѣчія и о Татрахъ. Авторъ различае область восточно-словацкаго нарѣчія въ широкомъ смыслѣ слова—сферу вліянія восточно-словацкой рѣчи—и въ тѣсномъ смыслѣ слова—собственно территорію восточно-словацкаго нарѣчія. Въ сферу вліянія восточно-словацкой рѣчи входятъ комитаты (столицы) Спишскій, Шаршскій, Абауйскій, Земплинскій и Унгскій. Подробное указаніе границъ территорій собственно восточно-словацкой рѣчи съ перечисленіемъ поселеній, населенныхъ исключительно или отчасти словаками, дасть авторъ ниже.

Затѣмъ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія изъ политической исторіи восточно-словацкой территоріи, доказываетъ, что эта территорія никогда не входила въ составъ Велико-моравской державы, говоритъ о принадлежности Польшѣ Спишской „столицы“ въ старину; далѣе старается опредѣлить этнографическій характеръ древнѣйшаго населенія восточно-словацкой области, доказываетъ, что древнѣйшими обитателями Спишской и Шаршской „столицъ“ были поляки, говоритъ также о русскихъ, ихъ колонизаціи, равно какъ мадьярской и нѣмецкой колонизаціяхъ. Изъ книги, однако, нельзя вынести яснаго

представленія о древнѣйшемъ этнографическомъ характерѣ области: была ли она исключительно польской на западѣ, исключительно русской на востокѣ, а словаки явились позднѣйшими пришельцами съ юга, или же словаки издавна населяли область наряду съ поляками и русскими.

Но, кажется, согласно съ своей основной точкой зрѣнія на происхождение словацкаго народа, г. Цамбель видитъ и въ словакахъ указанной территоріи позднѣйшихъ пришельцевъ. Далѣе авторъ говоритъ о современныхъ народныхъ отношеніяхъ въ восточно-словацкой территоріи въ тѣсномъ смыслѣ слова, подробно перечисляетъ поселенія, занятыя словаками, и смѣшаннаго характера (всего насчитывается словаковъ 387 тысячъ), указываетъ русскіе, польскіе, нѣмецкіе и мадьярскіе острова, говоритъ о словацкихъ поселеніяхъ за границей территоріи, указываетъ характерные признаки рѣчи угорскихъ поляковъ по сравненію съ восточно-словацкой рѣчью. Вообще въ книгѣ разсыпано немало любопытныхъ и поучительныхъ свѣдѣній о постепенной словакизаці поляковъ и русскихъ, а также отчасти и нѣмцевъ, о нѣмецкихъ колоніяхъ, о русскихъ. Слишкомъ много полемики съ проф. Пастрикомъ по вопросу о происхожденіи словаковъ. Впрочемъ новыхъ доводовъ въ пользу своей теоріи г. Цамбель не приводитъ, а оперируетъ старыми, заимствованными изъ его книги „Slováci ich geš“, которые врядъ ли убѣдятъ лингвистовъ. Но онъ обѣщаетъ обосновать подробно свою теорію въ будущемъ. Подождемъ, увидимъ! Пока его теорія представляется фантастичной, и притомъ эта теорія весьма на руку мадьярскимъ шовинистамъ. Далѣе авторъ указываетъ на отличія рѣчи угорскихъ русскихъ отъ восточно-словацкой, указываетъ мадьярскія поселенія на восточно-словацкой территоріи. Необыкновенной растянутостью отличается изложеніе практикуемаго авторомъ способа передачи географическихъ названій, при чемъ г. Цамбель дѣлаетъ многочисленныя поправки къ извѣстному труду г. Л. Нидерле (стр. 77—114).

Во второй главѣ, озаглавленной: „Z nárečoslovía“ (стр. 115—178), находимъ краткую характеристику восточно-словацкаго нарѣчія по отдѣльнымъ мѣстностямъ (115—129), о вліяніи на восточно-словацкую рѣчь другихъ языковъ: нѣмецкаго, мадьярскаго, польскаго и русскаго (129—132), о вліяніи церкви—здѣсь находимъ подробное перечисленіе поселеній словаковъ кальвинскаго (реформатскаго) вѣроисповѣданія и характеристику ихъ церковной литературы, лютеранъ, униатовъ, католиковъ (132—143); авторъ даетъ въ заключеніе общую характеристику

отношенія отдѣльныхъ церквей къ народному языку. Далѣе подробно излагаются особенности восточно-словацкаго нарѣчія (стр. 149—178), которое авторъ подраздѣляетъ на собственно словацкое нарѣчье и на смѣшанное, т. е. словацко-польское и словацко-русское. Значительный интересъ представляетъ и слѣдующая глава: „Výbojná sila východno-slovenského nárečia“ (178—185). Начало ословачивания поляковъ и русскихъ г. Цамбель усматриваетъ уже 500 лѣтъ тому назадъ. Причины были слѣдующія: любовь мадьярскихъ (вѣрнѣе омадьяренныхъ) магнатовъ къ словацкой рѣчи, центральное положеніе словацкой рѣчи между польской, русской и мадьярской. Пользуясь словацкой рѣчью, полякъ или русскій могъ свободно ориентироваться въ цѣлой горной Венгріи. Г. Цамбель даетъ любопытныя свѣдѣнія, что мѣстные магнаты и помѣщики охотно говорятъ по словацки, особенно въ обычаяхъ у нихъ анекдоты и поговорки на восточно-словацкомъ нарѣчьи, на восточно-словацкомъ нарѣчьи объясняются они съ поляками и русскими, въ семействахъ, въ которыхъ желаютъ, чтобы дѣти знали по славянски, берутъ въ няньки словачекъ.

Отсюда создается представленіе въ народѣ, что словацкая рѣчь—панская рѣчь. Далѣе г. Цамбель указываетъ на болѣе высокое состояніе словацкаго народнаго просвѣщенія, на предразсудки: такъ на всемъ пространствѣ территоріи словаковъ въ тѣсномъ смыслѣ слова осмѣиваютъ тѣхъ, которые не говорятъ по словацки: поэтому поляки и русскіе стыдятся своего языка. Въ IV главѣ: „Východoslovenské nárečie sríbovnoi gečou“ (176—191) г. Цамбель разбираетъ со стороны языка немногочисленныя произведенія, преимущественно учебники, на восточно-словацкомъ нарѣчьи.

Произведенія эти въ большинствѣ случаевъ изобилуютъ мадьяризмами. Католическая литература—на общесловацкомъ литературномъ языкѣ съ примѣсью формъ и словъ восточно-словацкихъ. Интересно, что и въ Америкѣ возникли изданія на восточно-словацкомъ нарѣчьи, но впослѣдствіи литературные дѣятели принуждены были обратиться къ литературному словацкому языку, такъ какъ восточно-словацкое нарѣчье оказалось слишкомъ мало обработаннымъ для литературныхъ цѣлей. Разсчитывать на лучшую будущность для этой литературы нѣтъ оснований. Причина—отсутствіе восточно-словацкой интеллигенціи. Кто вышелъ изъ народной массы, тотъ перестаетъ принадлежать къ словацкой народности. А магнаты при всемъ ихъ расположеніи къ народной рѣчи косятся на литературу на этой рѣчи, усматривая въ ней полетику. Мнѣ кажется, что горевать объ этомъ не приходится.

И такъ всякіе партикуляризмы и сепаратизмы слишкомъ распространены среди славянскихъ народовъ. Если же маленький словацкій народъ, угнетаемый такъ тяжко мадьярами, еще подѣлится на нѣсколько народностей съ отдѣльными литературными языками, то окончательная мадьяризація его только дѣло времени. Этого ли хочетъ г. Цамбель?

Въ пятой главѣ (192—205) авторъ даетъ обзоръ изданій образцовъ восточно-словацкаго нарѣчія и его изученія. Наиболѣе обстоятельный трудъ по изученію восточно-словацкаго нарѣчія принадлежитъ Шемберѣ, но онъ во многихъ отношеніяхъ неудовлетворителенъ, такъ какъ не опирается на непосредственномъ знакомствѣ съ нарѣчіемъ. Несравненно выше въ научномъ отношеніи труды Гнатюка, а въ особенности О. Броха, но они охватываютъ только небольшую часть смѣшаннаго (словацко-русскаго) нарѣчія. Изданій народныхъ текстовъ скудное количество, и они, за исключеніемъ изданій Броха и Гнатюка, неудовлетворительны. Самъ авторъ даетъ исключительно образцы прозаической рѣчи, находя, что большинство пѣсенъ у восточныхъ словаковъ заимствовано у ихъ сосѣдей, и поэтому пѣсни не могутъ служить надежнымъ матеріаломъ по языку. Въ заключительной VI главѣ (205—208) г. Цамбель говоритъ о принятой имъ системѣ правописанія для образцовъ народной рѣчи.

Тексты собраны авторомъ лично, равно какъ большая часть словъ въ словарѣ. Въ словарѣ (въ рѣше матеріалахъ для словаря) помѣщены слова, которыя или исключительно свойственны восточно-словацкому нарѣчію или различаются по значенію или способу употребленія отъ другихъ нарѣчій словацкаго языка. Разумѣется, матеріалъ не исчерпанъ. Изъ печатныхъ изданій авторъ заимствовалъ слова, которыхъ самъ не слышалъ, но признавалъ возможнымъ ихъ существованіе (такихъ словъ мало), или слова, встрѣчавшіяся въ единичныхъ случаяхъ и не проверенныя всесторонне. Въ собраніи текстовъ находимъ сказки (огромное большинство текстовъ), анекдоты, разговоры (сравнительно немного, къ сожалѣнію), загадки (только нѣсколько).

Сначала даны образцы чистаго („samosvojhо“) восточно-словацкаго нарѣчія (стр. 209—356)—изъ „стѣлицъ“ Спишской, Шаршской, Абауйской; затѣмъ образцы смѣшаннаго нарѣчія въ его двухъ подрѣчіяхъ (357—449)—подрѣчія земплинско-унгскомъ—въ Земплинской и Унгской „стѣлицахъ“, и Лучивнянскомъ. Наконецъ приведено нѣсколько образцовъ рѣчи поляковъ, сосѣдящихъ со словаками и находящихся въ нѣкоторомъ отдаленіи, и въ такомъ же порядкѣ—образцы угорско-русской рѣчи (449—476). При всѣхъ текстахъ отмѣчены мѣсто записи

и лицо, отъ котораго текстъ былъ записанъ. Всего словацкихъ текстовъ 109, польскихъ 6, русскихъ 8.

Наиболѣе цѣнными частями книги, несомнѣнно, являются слѣдующія: обстоятельная характеристика восточно-словацкаго нарѣчія, основанная на непосредственномъ изученіи нарѣчія, подобной которой мы до сихъ поръ не имѣли, образцы восточно-словацкаго нарѣчія и словарь—все это крупные вклады въ славянскую діалектологию.

К. Радчице.

Опытъ родословнаго Словаря русскаго древняго дворянства. Родословныя записи *Л. М. Савелова*. Изданіе Историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Выпускъ I. М. 1906. Стр. 270—XIII.

Л. М. Савеловъ, предсѣдатель Историко-родословнаго общества въ Москвѣ, дѣйствующаго съ 1905 года, уже давно извѣстенъ, какъ выдающійся генеалогъ, изслѣдователь и библиографъ, главнымъ образомъ, по исторіи родовъ русскаго дворянства. Ему принадлежатъ: „Библиографическій указатель по исторіи, геральдикѣ и родословію русскаго дворянства“ (изданіе 1-е въ 1893 г. и 2-е 1898 г.); „Библиографическій указатель по исторіи, геральдикѣ и родословію тульскаго дворянства. Изданіе М. Т. Яблочкова“. М. 1904 г.; „Донскіе дворянскіе роды. Выпускъ I. М. 1902“; „Матеріалы для исторіи рода дворянъ Савеловыхъ. Томъ I и II. М. 1894—1896 гг.“; „Родъ дворянъ Савеловыхъ. М. 1904“; „Родъ Ефремовыхъ“ (С.-Пб. 1900) и рядъ генеалогическихъ изслѣдованій и замѣтокъ по отдѣльнымъ родамъ, помѣщенныхъ въ „Дворянскомъ Адресъ-Календарѣ“, „Русскомъ Архивѣ“ и др.

По поводу его трудовъ по русской генеалогіи проф. Д. А. Корсаковъ еще шесть лѣтъ тому назадъ говорилъ, что Л. М. Савеловъ „своими почтенными трудами по генеалогіи и исторіи собственно своего рода и по русской генеалогіи вообще занимаетъ весьма видное мѣсто въ русской генеалогической литературѣ“.

Въ настоящее время онъ предпринялъ громаднѣйшій трудъ—составить „Родословный Словарь“ всего русскаго древняго дворянства—и уже отпечаталъ первый его выпускъ, обнимающій буквы А и Б. Трудъ этотъ составителемъ рассчитанъ на 12—15 лѣтъ, въ количествѣ 12—15 выпусковъ. Уже одна многотомность предполагаемаго „Родословнаго Словаря“, который долженъ будетъ занять первенствующее мѣсто во всей нашей небогатой генеалогической литературѣ,

заставляетъ насъ отнестись по возможности съ бѣльшимъ вниманіемъ къ его первому выпуску.

Нечего и говорить о томъ, на сколько необходимъ намъ подобный „Словарь“. Еще Петръ Великій, учредитель „Герольдмейстерскихъ дѣлъ конторы“, сознавалъ необходимость веденія „списковъ дворянъ“, утвержденныхъ Герольдіей. Въ IX томѣ Свода законовъ до сихъ поръ красуются статьи, предписывающія департаменту герольдіи правительствующаго сената веденіе дворянскихъ списковъ. Вотъ ихъ текстъ: 983 ст. „Департаментъ герольдіи содержитъ 1) общій списокъ, въ который вносятся всѣ дворяне по именамъ и чинамъ, если кто таковыя имѣетъ, и алфавитъ тѣмъ изъ нихъ, кои получили копии со внесенныхъ въ Гербовникъ гербовъ. Списокъ дѣтямъ мужеска пола каждаго дворянина, съ означеніемъ ихъ лѣтъ и съ отмѣткою вновь рождающихся и умирающихъ. 3) Списковъ князьямъ и мурзамъ татарскаго происхожденія, возстановленнымъ въ прежнее ихъ достоинство“. 984 ст. „Списки въ статьѣ 983 постановленные состоятъ: изъ представляемыхъ въ Департаментъ Герольдіи Правительствующаго Сената ежегодно дворянскими депутатскими собраніями: 1) алфавитныхъ списковъ дворянскихъ родовъ въ теченіе года утвержденныхъ въ дворянствѣ Правительствующимъ Сенатомъ, и 2) такихъ же списковъ тѣхъ родовъ, къ коимъ въ теченіе года были вновь причислены нѣкоторыя лица“ (см. т. IX, Зак. о состояніяхъ, изд. 1899 г.).

Но, увы, эти статьи оставались и остаются до сего дня гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Была, правда, попытка со стороны названнаго департамента приступить къ составленію родословныхъ таблицъ, съ обозначеніемъ времени утвержденія какъ цѣлаго ряда, такъ и отдѣльныхъ его лицъ, предпринятая въ 1895—1896 гг., когда въ департаментѣ прекратила свою дѣятельность такъ называемая чинопроизводная экспедиція; но эта попытка, на сколько намъ извѣстно, въ рукахъ канцелярскихъ чиновниковъ успѣха не имѣла и не могла его имѣть. Между тѣмъ число новыхъ дворянскихъ родовъ все растетъ и растетъ и въ особенности увеличивается количество лицъ, соприсчисляемыхъ къ утвержденнымъ уже герольдіей родамъ. Въ то же время, съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ, связь между старыми поволеніями и новыми все болѣе и болѣе теряется. Въ герольдійскихъ дѣлопроизводствахъ можно наблести десятки и даже сотни случаевъ, когда не только внучатные племянники, но даже двоюродные не могутъ съ точностью, документально, установить связи съ древнимъ родомъ своихъ дядей и дѣдовъ и сплошь и рядомъ утверждаютъ по лич-

нымъ заслугамъ, со внесеніемъ во вторую или третью часть родословной книги. Виной ли тутъ все возрастающая давность времени, или плохое состояніе нашихъ губернскихъ и центральныхъ архивовъ, или, наконецъ, слишкомъ малое присутствіе въ нашихъ представителяхъ дворянства интереса къ жизни и дѣятельности своихъ предковъ и въ то же время и къ исторіи своего отечества, мы здѣсь разбираться не будемъ; но что уже настала пора приступить, наконецъ, къ собиранію полныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о нашемъ дворянствѣ, пора неминуемая и скоро грозящая стать невозвратной, въ этомъ мы ни минуты не сомнѣваемся и потому съ особой благодарностью привѣтствуемъ попытку Л. М. Савелова составить „Родословный словарь русскаго древняго дворянства“.

Принявъ на себя столь обширный и тяжелый трудъ, который, по нашему крайнему разумѣнію, неосуществимъ силами одного человѣка, Л. М. Савеловъ такъ опредѣляетъ свою задачу: „Родословныя записи не представляютъ изъ себя чего-либо законченнаго, ихъ задача лишь дать, хотя бы слабую, картину рода, показать службы представителей рода, ихъ земельныя владѣнія и т. п.“. Этимъ онъ полагалъ „помочь изслѣдователямъ рода въ архивныхъ работахъ и дать „дополненіе“ къ его Библиографическому указателю по родословію русскаго дворянства.

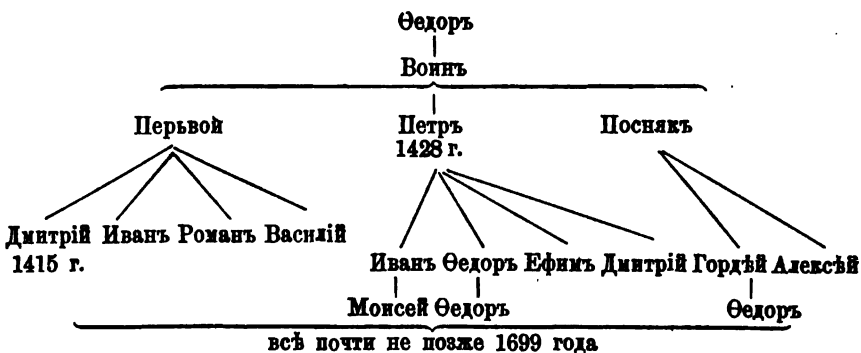
Такое опредѣленіе задачи составителя даже „Опыта родословнаго словаря древняго русскаго дворянства“ слишкомъ, на нашъ взглядъ, узко и не оправдываетъ цѣли затраченнаго труда и средствъ. Задавшись цѣлію пополнить указанные имъ въ „Библиографическихъ указателяхъ“ печатные источники архивными данными, авторъ счелъ возможнымъ ограничиться работами въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, московскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи и нѣкоторыхъ другихъ и совершенно *игнорировалъ архивъ департамента герольдіи*, не говоря уже объ архивахъ монастырскихъ и церковныхъ, гдѣ рукописные синодики, вкладныя книги и проч. заключаютъ въ себѣ богатѣйшій генеалогическій матеріалъ ¹⁾, объ архивахъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, и др. Исчерпать весь архивный матеріалъ, конечно, нѣтъ возможности даже для цѣлой группы изслѣдователей, но ознакомиться съ дѣлами древнихъ русскихъ ро-

¹⁾ См. напримѣръ, Описаніе монастырей Владимирской епархіи В. В. Касаткина (Владимиръ 1906), гдѣ при описи синодиковъ XVII вѣка названо въ общемъ свыше 200 фамилій, которымъ имѣются въ нихъ родословныя (стр. 32, 92, 113, 176, 213; 219, 245, 292, 304, 321, 324 и др.).

довъ, находящимися въ архивѣ департамента герольдіи, было бы вполне возможно. А что это ознакомленіе для составителя „Родословнаго Словаря“ было и крайне необходимо, я покажу на нѣсколькихъ случайно взятыхъ примѣрахъ.

Говоря объ *Абабуровыхъ*, составитель приводитъ и ихъ родословную, доведенную до второй половины XVIII вѣка, присоединяя къ роду „гадательно“ только одного Поликарпа, сына Василя Яковлева. Если бы онъ взглянулъ въ герольдійское архивное дѣло о нихъ, то съ болышой бы увѣренностью присоединилъ Поликарпа и продолжилъ бы родъ до Степана, сына Алексѣя Леонтьева Абабурава, послѣдняго представителя въ мужскомъ колѣнѣ этого рода, умершаго до 1849 г.

Знакомство съ архивомъ департамента герольдіи избавило бы составителя „Родословнаго Словаря“ отъ цѣлага ряда неопредѣленностей, недомолвокъ, „гаданій“, неполноты приводимыхъ имъ родословныхъ и т. д. Такъ, напримѣръ, по роду *Абатуровыхъ* имъ безъ всякой связи другъ съ другомъ приведено свыше 10 именъ; всѣ эти лица или служили по Ярославлю или владѣли помѣстьями въ нынѣшней Ярославской губерніи. Объ Абатуровыхъ имѣется дѣло кромѣ архива департамента герольдіи еще и въ архивѣ ярославскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Въ томъ и другомъ авторъ нашелъ бы полную и точную родословную упоминаемаго имъ стряпчаго Якова Демидовича Абатурова. Затѣмъ имѣющіяся у него свѣдѣнія объ *Абашевыхъ* (и Обашевыхъ), съ именами: Чулокъ, Башмакъ, Таркъ и др. могъ бы пополнить слѣдующей родословной:

и кромѣ того при сообщеніи о гербѣ ихъ и внесеніи рода въ родословную книгу Псковской губерніи прибавить еще и Смоленскую, въ которой теперь только Абашевы и состоятъ записанными.

Точно также можно было установить точную родословную *Абловых* и *Аблязовых* и указать на Высочайше утвержденный в 1882 г. гербъ послѣднихъ. Въ сообщеніи объ *Ладьевыхъ* составитель могъ бы изъ герольдійскаго дѣла назвать и отца Григорія Паресновича—Федора Авдѣевича и троихъ его братьевъ—Владимира, Федора и Ивана съ ихъ потомствомъ. Кромѣ московскихъ и рязанскихъ владѣльцевъ *Аверкіевыхъ*, приводимыхъ составителемъ, было нѣсколько Аверкіевыхъ, владѣвшихъ помѣстьями въ XVII и XVIII вѣкахъ въ Ярославской и Симбирской губерніяхъ. Говоря объ *Акчуриныхъ*, Л. М. Савеловъ неправильно отнесъ царскую грамоту, въ которой темниковскій мурза Изекій Булашевичъ Акчуринъ впервые былъ названъ княземъ, къ 1574 г., вмѣсто 28-го марта 1575 г. Въ герольдійскомъ дѣлѣ о князьяхъ *Алачевыхъ* (которымъ государственный совѣтъ отказалъ въ титулѣ), а не *Алачевыхъ*, какъ пишетъ ихъ фамилию Л. М. Савеловъ, время пожалованія волостей въ Тобольскомъ и Березовскомъ округахъ отнесено къ 7102 (1594 г.), а не къ 1584, какъ читаемъ на стр. 35 „Родословнаго Словаря“, и крещенъ былъ съ именемъ Нивифора въ 7140 (1632 г.) не Игочей, какъ говоритъ нашъ авторъ, а Лобачъ, сынъ перваго. Родословная *Алашеевыхъ* (и *Алашаевыхъ*) приводится имъ также безъ знакомства съ архивнымъ дѣломъ даже симбирскаго дворянскаго депутатскаго собранія, хотя онъ и говоритъ, что этотъ родъ внесенъ въ VI часть родословной книги Симбирской губерніи, при чемъ не называетъ даже его родоначальника. Къ родословной *Албычевыхъ* можно было бы прибавить потомство Матвѣя Аталыновича Албычева, испомѣщеннаго въ 1598 г. и имѣвшаго двухъ сыновей: Исаака и Константина (съ 1610 г. боярскихъ дѣтей), потомки которыхъ владѣли помѣстьями въ тѣхъ же уѣздахъ, что приводимые въ „Словарѣ“ Албычевы. Въ родословной *Бакшеевыхъ* недостаетъ потомства Савелія Бакшеева, сыновья котораго—Оснигъ, Стенанъ и Семенъ были испомѣщены въ 1642 г., и Михаила Бакшеевича. Къ родословной *Боброевскихъ* герольдійское архивное дѣло прибавило бы къ упомянутому Савелію имя его отца Сафона и имена его братьевъ Емельяна и Клементія съ сыновьями и внуками, среди которыхъ имени Ларіона, яко бы племянника Савелія, не значится.

Этого рода пропусками, неточностями и недомолвками, встрѣчаемыми въ „Родословныхъ записяхъ“ Л. М. Савелова, погрѣшности его работы, вытекающія изъ незнакомства съ дѣлами архива департамента герольдіи, далеко еще не исчерпываются. Въ „Записяхъ“ отсутствуютъ

совершенно такіе старинные русскіе роды, какъ Абаза, Абаносимовы, Аберучевы, Аблесимовы, Абрютины, Аваловы, Авдуловы и мн. др., которые всѣ утверждены герольдіей въ древнемъ дворянствѣ, и это тѣмъ болѣе удивительно, что о многихъ изъ нихъ имѣются свѣдѣнія въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ, которыми авторъ пользовался для составленія случайныхъ и безсвязныхъ родословныхъ другихъ родовъ.

Не считается также Л. М. Савловъ и съ печатнымъ источникомъ, исшедшимъ изъ департамента герольдіи, со „Списками титулованныхъ родовъ и лицамъ Россійской имперіи“ (С.-Пб. 1892). Я лично также нахожу это изданіе весьма несовершеннымъ: въ немъ много опшбокъ въ именахъ, въ датахъ опредѣленій и указовъ правительствующаго сената, при чемъ послѣдніе часто перепутываются между собою; крайне неудачна и самая система составленія его, по которой сначала выписывается рядъ сенатскихъ указовъ или опредѣленій и за ними группа именъ съ отчествами, безъ установленія какой бы то ни было связи между дѣдами и внуками; но тѣмъ не менѣе эти „Списки“ устанавливаютъ точно самый фактъ утвержденія за родомъ его титула и, слѣдовательно, законность пользованія послѣднимъ. Опираясь на эти „Списки“, составитель, на нашъ взглядъ, долженъ былъ бы, говоря о князьяхъ Аганиныхъ, князьяхъ Алабышевыхъ, князьяхъ Алачевыхъ, князьяхъ Альбертусъ, князьяхъ Андогскихъ, князьяхъ Байтереховыхъ, князьяхъ Барбашиныхъ и др., по крайней мѣрѣ упомянуть, что эти роды не были утверждаемы государственнымъ совѣтомъ въ своихъ титулахъ, чтобы не вводить нѣкоторыхъ читателей въ заблужденіе и избавить ихъ отъ излишнихъ справокъ.

Заканчивая этими замѣчаніями взятыя нами наудачу разногласія свѣдѣній, сообщаемыхъ „Родословнымъ Словаремъ“, съ архивными данными департамента герольдіи, мы приходимъ къ тому выводу, что составитель такого „Словаря“ прежде всего долженъ былъ бы обратиться къ общероссійскому источнику свѣдѣній о дворянствѣ, какимъ является архивъ департамента герольдіи, и даже заняться въ необходимыхъ случаяхъ провѣркой этихъ свѣдѣній по подлинникамъ, напримѣръ, московскаго архива министерства юстиціи.

Въ своихъ сообщеніяхъ о древнихъ родахъ нашъ авторъ ограничивается данными, относящимися къ XVII вѣку и въ очень рѣдкихъ случаяхъ къ XVIII. Между тѣмъ онъ поставилъ себѣ задачу, какъ читаемъ на первой страницѣ Предисловія, „помочь изслѣдователямъ рода въ архивныхъ работахъ“, „облегчить историку его первые шаги

въ архивахъ“. Спрашивается теперь, какъ же только при помощи таковыхъ данныхъ эти „ислѣдователи“ и „историки“ Аксаковыхъ, Александровыхъ, Андреевыхъ, Апучинныхъ, Антоновыхъ, Ахматовыхъ, не говоря уже объ Ивановыхъ, Петровыхъ, будутъ связывать свою ближайшую поколѣнную, напримѣръ, съ Петромъ Феодоровичемъ Андреевымъ, „бывшимъ воеводою въ Рязани въ 1605 г.“, или Романомъ Антоновымъ, владѣвшимъ въ 1699 г. помѣстьемъ. Вѣдь, большинство изъ нихъ при началѣ изысканій не будетъ имѣть свѣдѣній о своихъ предкахъ отъ конца XVIII вѣка и даже начала XIX вѣка и по необходимости должны обращаться непосредственно въ архивъ департамента герольдіи. А въ такомъ случаѣ отпадаетъ и то практическое значеніе „Словаря“, какое имѣлъ въ виду его составитель. Помимо того, въ силу своего научнаго характера, который, несомнѣнно, долженъ носить этотъ трудъ, необходимы въ немъ болѣе полныя и систематическія данныя, по возможности, о большомъ числѣ родовъ; въ немъ во всякомъ случаѣ должны быть исчерпаны изъ герольдійскаго архива всѣ данныя о древнихъ родахъ, какъ утвержденныхъ, такъ и неутвержденныхъ, но заключающихъ въ себѣ документы, восходящіе иногда къ началу XVII вѣка. Занятія въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи могутъ дополнять эти данныя и даже сообщать свѣдѣнія о новыхъ дворянскихъ родахъ, но они должны слѣдовать за работою въ архивѣ департамента герольдіи. Потомъ только, когда изготовится остовъ, главный фундаментъ, можно будетъ съ успѣхомъ дополнять полученныя свѣдѣнія изъ другихъ архивовъ и печатныхъ источниковъ. И тогда только подобный научно обоснованный трудъ будетъ имѣть и широкое практическое примѣненіе.

Въ заключеніе не могу не остановиться еще на одномъ недоумѣніи, какое вызвала во мнѣ эта книга. Въ ней совершенно отсутствуютъ ссылки на источники, а вмѣсто того приводены въ концѣ книги при каждой упоминаемой въ текстѣ фамиліи въ сокращенномъ видѣ названія почти исключительно печатныхъ источниковъ и особій; изъ архивныхъ же сокровищъ встрѣчаются лишь указанія на московскій архивъ министерства юстиціи, въ родѣ слѣдующихъ: „А. Ю. Ки. Спр. 111“, или „А. Ю.; Ст. Москов. стола“ и т. п. По моему мнѣнію, необходимы подстрочныя (или даже въ концѣ книги) примѣчанія, съ точнымъ обозначеніемъ архива и дѣла, названія книги, тома и страницы при каждомъ сообщаемомъ свѣдѣніи, чтобы читатель могъ всегда провѣрить или дополнить прочитанное; иначе это будетъ голословное сообщеніе.

Конечно, при такихъ условіяхъ предпринятый Л. М. Савеловымъ грандіозный трудъ еще болѣе разросется и потребуетъ привлеченія новыхъ силъ; но, по нашему крайнему разумѣнію, онъ и не можетъ быть дѣломъ рукъ одного человѣка. Будетъ ли пять или пятнадцать сотрудниковъ, но слава Л. М. Савелова, какъ инициатора и руководителя этого предпріятія, остается прочной, и его можно только будетъ благодарить за тотъ подвигъ, который на прострaнствѣ почти двухъ вѣковъ оказывался не подъ силу цѣлому правительственному учрежденію.

В. Рудановъ.

DOCUMENTE PRIVATOARE LA RELAȚIILE ȚĂRII ROMÂNESCII CU BRĂȘOVUL ȘI CU ȚARA UNGUREASCĂ ÎN SECOLUL XV ȘI XVI. Texte slave cu traduceri, adnotațiuni istorice și introducere asupra diplomatiei vechi românești de I. Bogdan prof. la Universitatea din București, membru al Academiei Române. Volumul I. 1413—1508. București. 1905. Pp. CVIII+400.

Ни одно изъ открытыхъ въ послѣднее время собраній юго-славянскихъ грамотъ не даетъ столько богатаго, разнообразнаго и совершенно новаго матерьяла, какъ грамоты городского архива трансильванскаго г. Брашова (слав. Брашовъ, Брашовъ; рум. Brașov, венг. Brassó, нѣм. Kronen, офиц. Kronstadt). Не смотря на то, что онѣ относятся къ періоду сравнительно позднему (XV—XVII вв.) и касаются въ сущности одной Валахія, — онѣ не замѣнимы для славянскихъ изученій въ области языка, дипломатики, палеографіи, сигиллографіи, для исторіи турецкихъ завоеваній на Балканскомъ полуостровѣ, старой славянской культуры, права, исторіи торговыхъ сношеній, военнаго дѣла и т. д. Сохраненная въ однихъ брашовскихъ документахъ безусловно старая славянская терминологія открываетъ совершенно новый міръ для всѣхъ, кто изучаетъ эти же дисциплины славяновѣднія по болгарскимъ или сербскимъ памятникамъ, сравнительно съ славяно-румынскими очень бѣдными, однообразнымъ и одинокамъ. Поэтому всякія умолчанія въ извѣстныхъ до сихъ поръ юго-славянскихъ памятникахъ дѣлового характера теперь могутъ быть восстановлены, объяснены, исправлены на основаніи брашовскихъ грамотъ, сохранившихъ, по дипломатической традиціи, много такого, что въ всякаго сомнѣнія шло непосредственно отъ южныхъ и западныхъ сосѣдей румынъ.

Вполнѣ научно издание первой по старшинству половины всѣхъ

грамоть брашовскаго магистрата сдѣлано только недавно проф. букурештскаго университета Іоанномъ Богданомъ. 20 лѣтъ тому назадъ онѣ были открыты бывшимъ архивариусомъ магистрата Фр. Штенне-ромъ, и первый изъ ученыхъ, узнавшихъ о существованіи въ Брашовѣ славяно-румынскихъ документовъ среди латинскихъ и нѣмецкихъ, былъ проф. Гр. Точилеску, который еще въ 1894 году задумалъ издать ихъ въ опредѣленной серіи румынской академіи („Documente“..... de E. Hurmuzaki) и заказалъ фотографіи; по послѣднимъ эти грамоты прочиталъ и перевелъ на румынскій языкъ проф. Е. Козакъ, но до сихъ поръ изданіе г. Точилеску даже не начато. Десять лѣтъ тому назадъ небольшая часть грамотъ (121 изъ 457) была издана профессоромъ софійскаго университета Л. Милетичемъ въ Сборникѣ болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія (т. XIII) и вызвала рецензію проф. К. Иречка въ т. XIX „Архива“ Ягича. Къ текстамъ грамотъ, напечатаннымъ очень неисправно, съ невѣрной датировкой и безъ необходимыхъ комментарій, онъ присоединилъ историческій очеркъ о болгарскихъ колонистахъ въ Трансильваніи и замѣчанія объ языкѣ грамотъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія болгарскаго языка. Кромѣ того, имъ напечатана грамота 1369—87 гг. царя Іоанна Срацимира къ брашовскому „судцу“ Якову Герману (лучше изданная І. Богданомъ въ „Архивѣ“ Ягича, т. XVII) и „катастихъ“ (реестръ) разныхъ покупокъ, сдѣланныхъ въ Брашовѣ въ 1508 и 1509 гг. для воеводы Милоша, повидимому, сына господаря Михни.

Намъ неизвѣстно, по какимъ причинамъ г. Богданъ называетъ и изданію г. Милетича „хорошимъ“ (стр. XI), предисловіе „превосходнымъ“ (стр. XXXI), а ошибки изданія старается объяснить только быстротой работы, трудностью чтенія документовъ, непониманіемъ текстовъ и неосвѣдомленностью въ историческихъ условіяхъ, среди которыхъ они были написаны. Но тѣ исправленія, которыя г. Богданъ дѣлаетъ въ примѣчаніяхъ къ своему изданію, показываютъ, что изданіе Милетича не только плохое, но имъ очень опасно пользоваться. Приведемъ хотя бы такіе примѣры, какъ переводъ мнимо Тѣрчъ въ грамотѣ Мирчи I (№ 3) чрезъ „освѣнъ турчинъ“ (— кромѣ турка) вмѣсто „чрезъ Тѣрчъ“ (венг. Törcs, нѣм. Törzburg), т. е. названіе города имъ принято за племенное, въ то же время Тѣрчъ, какъ названіе города, встрѣчается въ рядомъ напечатанной грамотѣ (№ 4, стр. 48). Въ той же грамотѣ пропущено прозвище одного изъ свидѣтелей Рѣсини; грамота Радула II 1424—27 гг. имъ отнесена къ 1375—80 гг.; союзъ ча, чанъ онъ производитъ отъ чанчи—ожидать; монограмма а при-

нята за подпись господаря Дана („собственорачно написано най-подирѣ“); копія грамоты 1431 года напечатана отдѣльно отъ оригинала (№№ 18 и 25); дата грамоты 1437 года прочтена *aprilă 7 deni, vndă. 7d* вм. *aprilă deni... vndă* (виднѣть) *7d* (возможно, что цифра десятковъ—вм. I, или же к относится къ предыдущему слову); въ грамотѣ 1480 года (у Милетича № 83) прочтено *moșit* [авимен] вм. *moșii avimen*—„любимой бабушеѣ“ (рум. *moașă*); въ грамотѣ № 98 въ фразѣ *came ne s8*, т. е. „пошлина не берется“, Милетичъ принялъ отрицаніе за положительный членъ и напечаталъ вмѣстѣ *камени* (стр. 89). Подобныхъ примѣровъ можно было бы указать много.

Нѣсколько грамотъ (19), принадлежавшихъ раньше брашовскому магистрату, были куплены Д. Стурдзой у антиквара въ Висбаденѣ, подарены Румынской академіи, и 12 изъ нихъ напечатаны въ ея „*Analele*“ (tom VIII, seria II) съ 4 факсимиле въ краскахъ; наконецъ, одна грамота, 1452 года, приобрѣтена отъ частнаго лица Будапештскимъ національнымъ музеемъ и напечатана со снимкомъ Л. Милетичемъ въ болгарскомъ министерскомъ Сборникѣ (т. XVI—XVII). Если къ этому прибавить, что брашовскими грамотами пользовались для монографій и статей проф. Н. Йорга (ему же принадлежитъ изданіе румынскихъ документовъ магистрата въ „*Analele*“, t. XXI и его „*Studii și documente*“, vol. X), I. Богданъ (онъ же издалъ славяно-молдавскія грамоты въ „*Convorbire Literară*“ за 1905 г.), Гр. Точилеску, Гр. Коидурать, Ал. Лепедать, мы („Русскій филол. Вѣстникъ“, 1905, II, 1906, II, и 1907, I), и что въ 1902 году выпилъ „*Documente și Regeste*“ того же архива г. Богдана, вызвавшіе суровую рецензію Точилеску въ „*Analele*“ (t. XXV), то библиографія вопроса будетъ почти исчерпанной.

За немногими исключеніями, изданіе I. Богдана сдѣлано настолько хорошо, что можетъ послужить образцомъ для подобныхъ изданій не только юго-славянскихъ, но и русскихъ. Жаль только, что славянскіе тексты грамотъ напечатаны безъ титлъ, удареній, придыханій и вообще всякихъ надстрочныхъ знаковъ, безъ дѣленія на строки и т. д. Если это отчасти устраняется возможностью познакомиться съ графикой брашовскихъ грамотъ по изданному имъ же альбому ¹⁾, то замѣтимъ прежде всего, что въ альбомѣ нашли себѣ мѣсто очень не-

¹⁾ Palcographisches Album enthaltend sechsundzwanzig Abbildungen rumänischer Urkunden aus dem XV Jahrh.... von I. Bogdan, Prof. an der Bukarester Universität, Mitglied der Rumänischen Akademie. Букурештъ, 1905.

многія изъ нихъ, въ то же время для исторіи удареній эти тексты положительно незамѣнны,—и мы увѣрены, что лингвисты не удовлетворятся изданіемъ г. Богдана. Дѣленіе на строки важно въ томъ отношеніи, что благодаря ему можно возстановить нѣкоторыя описки писцовъ, невольные пропуски и главнымъ образомъ — недостающія слова въ грамотахъ, дошедшихъ до насъ въ испорченномъ видѣ, напримеръ № XXXI. Спорныя чтенія, описки, поправки и другія мѣста, возбуждающія сомнѣніе, оговариваются въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а иногда при такомъ словѣ въ скобкахъ поставлено *sic*. По нашему мнѣнію, этого не слѣдовало бы дѣлать при многихъ вполне обычныхъ формахъ, напр. *8кзыиан* (стр. 61), *проси^а*—просить (стр. 69), *да не кѣпжт* (стр. 88), *Зракии*—хорошая передача „здравіе“ въ произношеніи (91, 155, 161), *книжкѣ8* (стр. 96, ср. *книжкѣ вж* 251), *връ* (110) вм. *врѣ*, *8* нашего помоща (113, такъ какъ рум. *ajutor* — муж. рода), по *кашимъ доверемъ чокѣиѣ8* (114), *кашонъ примѣтельскѣ8* (123, 156, такъ какъ рум. *prietenia*—женск. рода), *дакамъ 8 знатиѣ* (123, очевидно, подъ вліяніемъ обычнаго *8знати*); *скрозе* (124); *каше мноистѣ* (136), *да се знаемѣ8* (142), *да тѣкчимѣ8* (142), *не вранемѣ8* (142), *пишжт 3 ед.* (144), *господжѣ*—живое румынское произношеніе (279), *нош*—ножь (стр. 304) и т. д. Излишни такія отмѣтки также при *господжѣ* (ви, ми, ваше) или *прѣтельскѣ* съ тѣми же мѣстоименіями, такъ какъ эти слова взяты изъ готовыхъ формулъ, устойчивыхъ, а потому не всегда измѣнявшихся по падежамъ. То же самое слѣдуетъ сказать относительно исправленія въ документѣ № 143: *а кѣ ш кѣмъ да го* (у Богдана исправлено на *иѣ*) *кѣрѣкѣтѣ*. Это—обычная формула довѣрія послу, а потому она легко могла повториться въ видѣ стереотипа и тогда, когда послѣвъ было двое (стр. 174). Обращаетъ на себя вниманіе еще то, что къ 1478 году отнесено г. Богданомъ слишкомъ много документовъ (№№ 108 — 113), и не мало ихъ датировано, конечно, только предположительно 1878 — 79 годами (№№ 114 — 119).

Все грамоты сгруппированы по періодамъ правленія господарей Валахіи, и въ концѣ румынскаго перевода опредѣляется дата, если ея нѣтъ въ самомъ документѣ. На датировку издатель обращаетъ главное вниманіе, для чего сообщаетъ отрывки изъ аналогичныхъ источниковъ, главнымъ образомъ латинскихъ, высказываетъ рядъ предположеній, сопоставляетъ нѣсколько документовъ другъ съ другомъ,—и такіе экскурсы, необыкновенно подробные и точные, намъ кажутся, представляютъ самую интересную и во всякомъ случаѣ самую продуктивную часть его работы. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе до-

кумента, текстъ адреса, подписи на печатяхъ, свѣдѣнія объ упомянутыхъ лицахъ, мѣстностяхъ и событіяхъ, библиографическія справки, указаніе наиболее крупныхъ ошибокъ въ изданіи Л. Милетича. Подстрочныя примѣчанія разъясняютъ нѣкоторые славянскіе термины съ лексикографической, археологической и бытовой сторонъ; отчасти все это повторяется и въ словарѣ (стр. 382—396). Если сохранился дубликатъ или современный грамотъ латинскій текстъ (переводъ), то и онъ приводится цѣликомъ, также съ объясненіями. Еще разъ повторяемъ, такого научнаго и детальнаго изданія славянскихъ документовъ до сихъ поръ не существовало ни у насъ, ни у южныхъ славянъ.

Всѣхъ документовъ, вошедшихъ въ I томъ,—312. Первый отдѣлъ—славянскіе хрисовулы брашовскому городскому совѣту, приказанія чиновникамъ и письма господарей Валахія отъ Мирчи I Старога (6 августа 1413 года) и до Радула IV Великаго (1507 годъ). Второй—славянскія письма валашскихъ бояръ, митрополитовъ, „жудецовъ“ (судей, князевъ), „пыргарей“ (горожанъ, ср. Bürger) и частныхъ лицъ, обнимающія періодъ отъ 1431 по 1509 годъ. Третій отдѣлъ—латинскія письма господарей и валашскихъ бояръ отъ 1431 по 1476 годъ. Прибавленные къ славянскимъ документамъ румынскіе переводы ихъ во многихъ отношеніяхъ великолѣпны; существеннымъ недостаткомъ ихъ для цѣлей практическихъ являются текстуальная близость къ подлинникамъ и внесеніе издателемъ въ свой переводъ такихъ архаизмовъ въ терминологию и синтаксисъ, которые едва ли будутъ понятны для тѣхъ, кто не знаетъ основательно стараго румынскаго языка. Въ концѣ книги—указатели именной и географическій (стр. 361—376), предметный (377—381) и таблица, по которой можно найти соответствующіе номера документовъ по инвентарю архива.

Помѣщенное въ концѣ предисловія оглавленіе не даетъ возможности нагляднымъ образомъ опредѣлить, кому адресованы грамоты, такъ какъ жирнымъ шрифтомъ напечатаны только даты и мѣста выдачи документовъ. Поэтому приводимъ перечень славянскихъ документовъ, адресованныхъ не брашовскому городскому совѣту: брашовянамъ и рыжновянамъ (№ 3, 7, 66; иногда къ адресу прибавлялось: и ккѣи земанъ вргѣнскои или Нрѣги), сибинянамъ (№ 23; о Сибинѣ см. стр. 56, 125, 148, 187, 238, 253, 261, 290 и 291), темешварскому шпану, надоршпану (венг. nádorispán, comes palatinus), Разгону Ищвану-Стефану (№ 30), ардяльскому и сакуйскому воеводѣ и темешварскому

шпану Яношу воеводѣ (—Гуніади, № 53), боярамъ олтянскимъ (№ 59), двумъ жупанамъ въ Брашовѣ (№ 113), королевскому ядварбиру (венг. *udvarbiró, index curiæ regiæ*), шпану всей земли венгерской Ишвану-Стефану Батори (Патръ, № 118), фолночамъ (венг. *folnagu, villicus*), порамъ (венг. *por, rusticus*—разумѣются саксы) и крестьянамъ (*сиромлюми*—разумѣются валахи и венгры) земли Бырсы (№ 123), бабушкѣ Маріи (отъ господари Басараба Молодого №№ 128, 129, 130, 131), „всякому человѣку, кто находится въ нашей области: и паркалабамъ во всѣхъ нашихъ городахъ, и бюргерамъ и вамешамъ, которые по городамъ и по Дунаю, гдѣ рыба ловится, и всякому иному человѣку“ (№ 151), судцу и бюргерамъ Рыжнова (№ 166), болгарамъ брашовскимъ (№ 193), паркалабу Брана (№ 197), господарю Владу Монаху отъ брашовянъ (№ 243). Одно письмо господари Басараба Молодого, 1480 года, имѣетъ двойной адресъ: „найдетъ ли (мой) слуга родителя моего Стефана Батори, или же найдется судья брашовскій или бюргеры“ (№ 227). Очевидно, такой адресъ былъ данъ потому, что въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ (№ 90) господарь жаловался на то, что брашовяне задержали его посла, и задержали потому, что письмо было адресовано совѣту, а въ то время въ Брашовѣ находился самъ Батори, чего господарь не зналъ.

Новое изданіе грамотъ, вмѣстѣ съ прибавленіемъ къ нимъ тѣхъ, которыя опубликованы впервые, даютъ богатый матеріалъ для языка. Л. Милетичъ считалъ этотъ языкъ просто болгарскимъ и находилъ въ немъ сходство съ обычнымъ канцелярскимъ языкомъ Болгаріи (восточный говоръ), особенно — съ языкомъ грамоты царя Александра Зографскому монастырю 1342 года. Подобное сходство оказывается, по мнѣнію Милетича, и при изученіи палеографическихъ особенностей брашовскихъ документовъ, особенно—болѣе старшихъ. То же самое говоритъ и І. Богданъ, называя языкъ ихъ болгарскимъ, причемъ документы первой половины XV вѣка написаны, по его опредѣленію, даже „въ достаточно правильной средне-болгарской редакціи“; но начиная приблизительно съ Влада Цепеша (1456—62, 1476—77), редакція уже портится и воспринимаетъ формы ново-болгарскія, а въ XVI в.—многіе сербскіе элементы. Мы съ этимъ не согласны и, находя необыкновенно характерныя сербскія особенности и въ наиболѣе старшихъ грамотахъ, не считаемъ языкъ брашовскихъ грамотъ болгарскимъ органически. Если же языкъ нѣкоторыхъ грамотъ выдаетъ сербское происхожденіе отдѣльныхъ писцовъ, то и послѣдній мы также не назовемъ сербскимъ, такъ какъ наряду съ вполне сербскими осо-

боязнью въ нихъ встрѣчаются не менѣе характерныя болгарскія. Поэтому споръ о языкѣ валашскихъ документовъ угрожаетъ быть такимъ же безконечнымъ и обоюдоострымъ, какъ давнишній споръ о національности македонскихъ славянъ, если мы не введемъ новаго термина, съ одной стороны, примиряющаго сербское вліяніе съ болгарскимъ, съ другой—болѣе научнаго: *дѣловой языкъ славянскихъ документовъ валашскаго происхожденія*. Для насъ это опредѣленіе говоритъ гораздо больше, чѣмъ „болгарскій“, „сербскій“ и т. д. Славянскій языкъ валашскихъ актовъ былъ, въ концѣ концовъ, мертвымъ, книжнымъ, языкомъ письменности, потому что живымъ языкомъ Валахія всегда былъ только румынскій. Если при дворѣ говорили иногда по-болгарски и по-сербски, что зависѣло отъ національности отдѣльныхъ лицъ и моды, то все-таки это были исключенія. Поэтому всякій, кто знаетъ румынскій языкъ, легко увидитъ даже въ самой жизненной на первый взглядъ фразѣ документа только книжную форму живого румынскаго языка, на которомъ велось все дѣлопроизводство до формулировки его на бумагѣ. Достаточно сравнить сдѣланный г. Богданомъ румынскій переводъ брашовскихъ грамотъ,—и мы найдемъ, что румыну нетрудно было сдѣлать его точнымъ и подстрочнымъ, такъ какъ духъ живого языка всегда легко уловить подъ его неуклюжей и не всегда понятной книжной оболочкой.

Изъ интересныхъ формъ укажемъ слѣдующія: 1) потеря склоненія, вызывающая постпозитивный членъ, напримѣръ *даджинкот* (№ 3), *момкот* (№ 213), *кингѣз* (№ 74) и *кингѣж* (№ 211), *маконо* (№ 97), *вашино молени* (№ 107), *молокѣнти* (№ 171), или новыя формы, напримѣръ, сочетаніе на съ вин. или род. для обозначенія „принадлежаго“ падежа (ср. рум. *pe*); 2) новообразованія въ формахъ мѣстоименій: *ни*, *ки*, *сѣз* и *вращокѣни*, *сѣз* и *вращокѣном* и мн. др.; 3) формы 3 ед. безъ т, 1 ед. на м въ спряженіи нетематическихъ глаголовъ, 1 мн. аор. на *хѣ* и др. Въ области фонетики особенно важны написанія: *Ш Джмво-вицѣ град* (№ 12 и др.), на ряду съ *Джмвоицѣ* (№ 2), *сѣм сѣндѣм* (229); *лодохѣ*, *подѣте* — корень на (№ 34); *азы са мѣхю*, *азы порѣчиѣ* (№ 24); *ванотоват*, *клатокатѣ* (№ 52); *тет* вм. *цит* (№ 123, 127 и др.); *ло-лодер* (№ 51), *Брашоу* (№ 106), которое передаетъ рум. *Врацаи*. При обычныхъ несогласующихся въ родѣ съ существительнымъ господство глагольныхъ формахъ, встрѣчается *коткорнао господство ми* (№ 7), *оучиннао* и *господство ми* (№ 8). Изъ лексическомъ отношеніи языкъ грамотъ—пестрый: румынскія, болгарскія, греческія, венгерскія, турецкія, сербскія и нѣмецкія формы поремѣшиваются въ одномъ и томъ же

документъ. Наконецъ, многіе отрывки удачно передаютъ живую рѣчь, напримѣръ стр. 78, 254—255 и др.

Изъ ошибокъ I. Богдана обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. Не понятя фраза *тимзи граждѣны сѣа ихъ цѣгъ господство ми ѿ главы си*, и послѣднія слова переведены *de re sarul теи* (стр. 30) вм. *de re sarul lor*, т. е. *господарь сниметь изъ головы, а не свою*; сочетанія *сѣ шинимъ, сѣ шиномъ* (49, 50 и мн. др.) и *шинимъ* (143 и др.) всегда печатаются съ перенесеніемъ послѣдней буквы предлога къ мѣстоименію, вмѣсто *сѣш нимъ* (изъ *сѣш нимъ*); напрасно исправлено въ текстѣ к *ДІЗратъ* (стр. 50) вм. к *ДІЗратъ*, такъ какъ потеря склоненія — явленіе слышомъ обычное въ славяно-румынскихъ памятникахъ; въ концѣ грамоты 1437 года (стр. 72) цифра индикта принята за (индъ) *ѣд*, въ то время какъ послѣдняя не можетъ быть выше 15, и мы предпочли бы прочесть *индмъ ѣ*, тѣмъ болѣе, что скорѣе могла быть пропущена цифра десятковъ (указанному году соотвѣтствуетъ 14 индиктъ); знаки препинанія и прописныя буквы въ началѣ грамоты № 52 разставлены невѣрно: должно быть ѿ *Брашока* (.), По *нихъ* *моленію* (.), *азъ* *имъ* *ѣчѣннѣ* *воаж*; вмѣсто *ѣ[ре]* *сѣт* *нѣтѣннѣ* *рѣчѣн* (стр. 91) лучше было бы прочесть *сѣт* и т. д.; неточно передана фраза *налъ* *имъ* *данте* *дѣвѣтѣ* *имъ*—*сѣй* *сѣ-і* *даѣі* *дуса*(*іі*) (стр. 94) вм. *дуса*(*іі*) *lor* (падежъ „принадлежный“); невѣрно понятя фраза: *да знаѣт* *не ѣ* *ниѣца* *за* *чо*. И *хѣта* (должно быть: ...*ниѣца*. *За* *тоѣ* *хѣта*...) и т. д.—*сѣй* *ни* *о* *ниѣце* *адѣвѣрат* (?). *Si* *воѣа* и т. д. (стр. 95), вм. „чтобы знали, что нѣтъ ничего. А потому хотѣлъ“ и т. д.; вмѣсто чтенія *да ѣ[м]ѣ* *ѣга* *ѣдна* *земаѣт* (стр. 97) можно прочесть *ѣга*, ср. на стр. 98 *ходѣте ѣга ѣвоѣдин*; *да* *наѣчи* *каѣж* *нога* неудачно переводится чрезъ *сѣй* *вѣ* *ровѣѣеасѣй* (стр. 100 и др.), т. е. „расскажетъ“; *азъ* *ѣѣ* *наѣѣемъ* *имъ* *на* *каѣ* переведено *am* *маге* (=большую; очевидно, издателя смутило *имъ*, принятое имъ за нарѣчіе отъ *мѣѣ*) *наѣѣѣде* *іп* *воі* (стр. 120) вмѣсто „наѣѣюсь только на васъ“; *ѣѣ* *ѣѣдѣнѣ* *не* *мѣѣ* *гѣндѣсѣ*—раздумываю, размышляю (стр. 127), а „удивляюсь, недоумѣваю“.

Въ общемъ, мы признаемъ переводъ хорошимъ и близкимъ къ подлиннику. Но нѣкоторыя отдѣльныя мѣста переданы не вѣрно или же не точно, напримѣръ, слово *монастир* въ грамотѣ № 146 не означаетъ, какъ думаетъ г. Богданъ, того же, что наше „монастырь“: *mănaștire* называется всякая большая, каменная церковь ¹⁾. Фраза

¹⁾ Ср. различіе въ просторѣчій у чеховъ во времена Гуса: *kostel* означало

ѣ и ими ѣморени свои пѣтѣми передана слишкомъ свободно: *sânt și ei istoviți de atâta drum* (стр. 185), т. е. „отъ такой дороги“ вм. „отъ непрерывнаго похода“ (буквально: „все находясь въ пути“). Пинкъ *хѣсар* г. Богданъ принимаетъ за нарицательное „хусарь“—разбойникъ (стр. 199), чего не видно по смыслу грамоты, и мы приняли бы это за прозвище „Хусарь“, а Янкеу слѣдующей грамоты (№ 165), по нашему мнѣнію, не имѣетъ никакого отношенія къ предыдущему. Последнія слова въ фразѣ *кон келик и хѣняк и ѣчинен доври* г. Богданъ переводитъ *bine făcut* (стр. 212), т. е. „хорошо сложенъ“, но мы сопоставили бы съ часто встрѣчающимся въ валашскихъ грамотахъ *чи-ни*—оснастка, хомуты, сбруя; дакъ невѣрно передано черезъ *vândut*, т. е. „продать“ (стр. 234); вопреки мнѣнію издателя, *нашка*—совершенно правильная славянская форма, и хуже ея—приводимая имъ русская „нашивка“ (стр. 298). Грамоту № 127 (стр. 157) мы помѣстили бы вслѣдъ за № 90 (стр. 116), такъ какъ въ самомъ текстѣ ея имѣется два адреса: „найдетъ ли слуга (въ Брашовѣ) моего родителя Стефана Батори, или же (на мѣстѣ) найдутся брашовскій судья и бюргеры“, а въ указанной второй грамотѣ *господарь Басарабъ Молодой* какъ разъ извиняется въ томъ, что раньше не зналъ, что въ Брашовѣ находится Батори, а этимъ воспользовались брашовяне и не приняли адресованной имъ грамоты, задержавъ валашскаго посла.

Обширное предисловіе I. Богдана состоитъ изъ пяти отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ интересны краткія указанія на значеніе издаваемыхъ документовъ для внѣшней исторіи Валахія въ XV—XVI вв., политическихъ сношеній ея съ Венгріей и Турціей, коммерческихъ съ Брашовомъ, для исторіи борьбы между претендентами на валашскій престолъ и боярскихъ партій, для представленія о бытѣ валаховъ и т. д. (стр. XIV—XV). Можно только пожалѣть, что авторъ не принялъ во вниманіе интереса этихъ документовъ и для славянъ; тогда рамки его кругозора значительно расширились бы не только для аналогій. Второй отдѣлъ посвященъ обзору внѣшнихъ особенностей румынскихъ грамотъ, безъ ближайшаго отношенія ихъ къ брашовскимъ. Особенно хорошо и полно разработанъ здѣсь вопросъ о бумагахъ документовъ и чаще всего встрѣчающихся бумажныхъ знакахъ (стр. XVII—XX). Третій отдѣлъ—о внутреннихъ особенностяхъ

лерковь каменную (точнѣе—укрѣпленную, ср. *castellum*), а *sierkev*—деревянную, *Л. Гильбердинъ*, Гусъ и т. д. изд. 2, стр. 27.

документовъ: объ языкѣ (напрасно г. Богданъ мало говоритъ о сербскихъ чертахъ и находитъ, что брашовскіе документы написаны на болгарскомъ языкѣ), писцахъ грамотъ, образцахъ для нихъ („формулярахъ“), нѣкоторыхъ формулахъ и датировкѣ (стр. XXX—XLVIII). Четвертый отдѣлъ—о печатяхъ (стр. XLIX—LXXVIII)—основанъ на такомъ богатомъ сыромъ матеріалѣ, что его можно разсматривать, какъ самостоятельный очеркъ. Послѣдній отдѣлъ—о методѣ изданія сравнительно съ „*Documente și Regeste*“ 1902 года, достоинствахъ новаго изданія и т. д.; проводимые І. Богданомъ доводы въ пользу раскрытія въ изданіи всякихъ сокращеній (стр. LXXX), направленные главнымъ образомъ противъ русскихъ археографовъ, мало убѣдительны, и какъ мы указали раньше, изданіе много выиграло бы, если бы держалось ближе къ подлинникамъ.

Несмотря на объясненія по поводу каждой грамоты въ отдѣльности и предисловіе общаго характера, изданіе І. Богдана представляетъ главный интересъ все-таки, какъ сырой матеріалъ, и вызываетъ обобщенія, которыхъ издатель не сдѣлалъ въ тѣхъ размѣрахъ, какіе естественно было ожидать. Поэтому, на основаніи однихъ текстовъ славянскихъ грамотъ, мы представили въ специальной статьѣ („Русскій филол. Вѣсти.“ 1907, I) свои обобщенія, которыя служатъ дополненіемъ къ тому, что отчасти отмѣчено самимъ издателемъ въ предисловіи, но сдѣлали это самостоятельно и по образцу обзоровъ палеографическихъ и дипломатическихъ особенностей валашскихъ и молдавскихъ грамотъ („Русскій Филологич. Вѣстникъ“, 1905, кн. II, 1906, кн. II). Въ настоящемъ же отзывѣ остановимся на новыхъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ изданіемъ относительно торговли между Валахіей и Трансильваніей, старинной славянской терминологіи въ области торговли и промышленности, монетной системы на сѣверѣ Балканскаго полуострова въ XV—XVI вв., натурального хозяйства, пошлинъ, таможенныхъ ограниченій и т. д. Для болгарской, сербской и русской археологіи эти свѣдѣнія даютъ цѣнныя аналогіи, а иногда восстанавливаютъ не дошедшія до насъ свидѣтельства.

Господарскія грамоты разрѣшали брашовскимъ купцамъ и вообще поданнымъ земли Бырсы приходить въ Валахію словодно и доврокольно, прако и мирно; привозить съ собой, продавать въ Валахіи, провозить до сосѣднихъ границъ и, наконецъ, покупать въ Валахіи всякій товаръ (да доуходать съ всякъ вѣлакъ или съ трѣгъма). Иногда только особо упоминается о винѣ, хлѣбѣ, желѣзѣ, воскѣ, салѣ (аон), холстѣ (постак), серебрѣ, золотѣ, жемчугѣ (маргаднт), однимъ словомъ, что

що ливити; еке ѿ що ки ердце ливит (№ 156); комѸ що есть дажно (письмо жупана Албула 1431—33 гг.); що имх вѣдетъ третѣ и волѣ (№ 74). Въ грамотахъ высказывается и общая мысль: брашовяно могутъ свободно (а шни да сѣтъ кольни) и спокойно, незк една комзнь (вар. да са не контъ нищо) приходитъ въ Валахію, да се хранатъ и да коупчуютъ, да тргоуютъ даже во время войны: макар да вѣдетъ размирне (1478 г.). Въ другой грамотѣ высказывается болѣе общая мысль: а кѣпци да немаѣт размирницѸ никгда, анѸ да ходетъ наши люде шкано, а наши пак тамо. Они могутъ ходить по влатѣхъ, по трговахъ и по екен хорѣ, т. е. по ярмаркамъ, по торговымъ центрамъ (городамъ) и по всей странѣ; въ другихъ грамотахъ—по трговахъ въ Земан господства ми и на пѣти Брашовскомъ (-коу) ѿ Рѣка (Дымбовица) дори до Брама (-лока); по сѣде пѣтоке, и по Рѣка, и по Прахока, и по Телѣжин, и по БѣзеѸ (№ 76), однимъ словомъ, для торговыхъ сношеній да сѣ словодни ека пѣтица (1458—59 гг.); по кѣде ки естѣ драго, гдѣ ки вѣдетъ волѣ или просто гдѣ ливе (№ 83). Брашовскіе купцы получали право продавать товары или съ Ѹрколи, или ѿ рѣкѸ, како имх вѣдетъ драго, т. е. „или оптомъ, или въ розницу, какъ имъ понравится“ (№ 153).

Изъ общихъ терминовъ, относящихся къ торговымъ сдѣлкамъ, отмѣтимъ слѣдующіе: *токаръ*—„товаръ“ въ смыслѣ „предмета купли и продажи“ и „поклажа, возъ“ (ср. *тарх*, венг. *továr*); *марѸа*—„товаръ“ и „скотъ“ (венг. *magha*) такъ же, какъ и *донитки*—„имущество“ движимое и „деньги“ (ср. *донитки* господства ми дѣе стѣ хулади аспри № 50; еке донитком, що мѸ съ Ѹзан: дѣѣ сто и ѿ флорини и 7 стотни перпир, далѣе перечисляются вещи № 56); *скоула* и *скоуанци* (греч. *σκόβλα*)—„имущество“ движимое, преимущественно „драгоценности“; *всика коупла*—транспортъ товаровъ; *тоурска коупла*—товары, идущіе изъ Турціи, въ данномъ случаѣ желѣзо (№ 99); *сѣстанжти*—сойтись, встрѣтиться (для торговыхъ цѣлей); *са цѣннти*—соглашаться о цѣнѣ; *вззмати кѣпак на сорок*—брать товаръ на срокъ; *никѣт* (*никѣ + тѣ*) *платити*—платить требуемую, „искомую“ сумму и др.

Основной текстъ нѣсколькихъ грамотъ, повторяющійся съ малыми измѣненіями на пространствѣ почти цѣлаго столѣтія—отъ господаря Мирчи I и до Влада I Дракула—, даетъ точныя свѣдѣнія о тѣхъ товарахъ, которые шли изъ Брашова, или черезъ сѣверныя таможи изъ Трансильваніи, въ Валахію: *вмакар*—матерія (собственно—кусокъ, штука матеріи, ср. *βηλαρίον*), которая могла быть а) ѿ Ипрн, *ВпрѣѸ*, т. е. изъ г. Ипернъ, Эйпернъ въ Бельгіи (ср. въ лат. докум. *rannus urprien-sis vel gallicalis*), б) ѿ ХѸголоки, ХрѸголоки, т. е. изъ г. Louvain, Лу-

венъ, тамъ же, в) Ш Колаби, т. е. изъ Кёльна (Colonia), г) Ш Чех, т. е. изъ Чехии (въ лат. докум. *rappus bohemicalis*, болѣе обычно—*rolonicalis*), д) Ш рютица фрѣшскаго (конечно, не готовое платье, а только матерія ¹⁾), продававшаяся на локти). Далѣе слѣдуютъ: 1) сырые мѣстные продукты: мѣдъ измѣрялся бочками (возниница), вино измѣрялось такъ же, козьи измѣрялся особой мѣрой въ 100—460 фунтовъ (мажа, нѣм. *Zentner*), 2) заморскіе (Ш коупаа, що етъ Ш морт): пиперъ—перець, шофранъ, крокош, вѣнакъ (цѣмѣакъ, вѣвакъ), баина камилеба—вѣроятно, не шерсть верблюжья, а готовое сукно изъ нея (ср. итал. *camelotto*, нѣм. *Kamelot*, *Schamlot*), 3) кожаный товаръ и живность: агнатина—бараньи шкуры, кожи—повидимому, обработанныя кожи, вѣахъ скнии—боровы, кола, крака (общее для нихъ названіе: гокладо), окаянъ ²⁾), гѣверъ или леженникъ (рум. *sergă*), еленіа кожа или вообще пѣла дикая—шкуры звѣрей, гѣнѣ, сиреніа—овечій сыръ измѣрялся особыми мѣшками (мѣхъ), рива измѣрялась возами (кола), различались разныя породы, въ зависимости отчего измѣнялась и пошлина: рива крапіа или крапина, голѣма или мааа, мороуіа (рум. *moşun*—осетръ). Особую группу составляютъ шкуры мелкихъ звѣрей (общее названіе—гадина): вѣкверіа—бѣлка, жѣра—особая порода лисицъ (рум. *jder*, лат. *martus*), асица, кошка—очевидно, дикая, заацъ (вар. *Залчнина*), рикъ—рысь.

Изъ многихъ грамотъ, касающихся отдѣльныхъ покупокъ, заказовъ и другихъ сдѣлокъ частныхъ лицъ, мы узнаемъ, что въ Валахію провозились еще слѣдующія издѣлья: шѣва Ш постахъ (1431), ѣ шнаѣ железо, да ги ковет кола—„20 желѣзныхъ обручей, чтобы оковать себѣ возъ“ (1496—1507); вогаіа—тонкая восточная матерія (тур. *bogası*, итал. *boccasiño*, рум. *bogasiu*, 1482—92); ѣ атлазъ съ жѣрами, и ѣ рѣтица жупаници—(2 платья боярыни), ѣ рѣшникъ съ позорѣцъ (шелкъ съ пуговицами), ѣ камѣа, ѣ фота (тур. *fota*), и ѣ пол лакти чокараатъ (скарлатъ, *scarlat*), и ѣ корда кокана—(кортикъ, очевидно, съ металлической рѣзъбой); и поаг Ш саина, и ѣ поагъ женски кован, и поагъ нѣнга (съ пуговицами) кован, и Застегнъ дѣ, и едина нашка (ср. русск. *нашка*—вышивица, *кружсва*).... и ѣ рѣжака хѣацъ (два мѣдныхъ шарокавника), и ѣ перни (два подушки), и ѣ настари (запонки, ср. лат. *nastula*), и ѣ коверн (два ковра), и плапома Ш камѣа (шелковое покрывало), 1462—63 гг.; некоо нош—нѣсколько ножей (1478—1482); ѣт ножоке (1503—1508).

¹⁾ Ср. въ той же грамотѣ ѣ рѣтица *резана* иишо, № 17, 1431 года.

²⁾ Въ грамотѣ Дана II 1422 года къ Дымбовицкимъ вѣмешамъ: тѣжко ѣ скнии, и ѣ оацъ, и ѣ кони штоо ѣносаг на продажѣ—ш томзи капа да кі вст (№ 9).

Расплачивались обыкновенно наличными деньгами: *пѣнаси* (или другое слово) готови. Если же заказъ дѣлался въ долгъ, то иногда къ обѣщанію вернуть затраченныя деньги прибавлялось: а ми *нимо* за *едиш*—дѣѣ платити ми три; дѣлалось обязательство платити трици прѣз годниѣ, т. е. въ три срока (№ 82).

Изъ отдѣльныхъ покупокъ и заказовъ для господарей отмѣтимъ слѣдующіе: господарь Басарабъ Молодой посылаетъ въ Брашовъ своего человѣка, да ми *купит* едно *дрѣво*, *шо ми трѣбѣт*, да *идѣт* на *Портѣ*.... да ми *познате* чини за *мѣ* кони, т. е. сбрую на 40 лошадей для предстоящаго путешествія господаря къ султану (1480 г.) Онъ же посылалъ или поручалъ самимъ брашовянамъ купить *камѣ* и *хѣзде* (греч. *υάσιον*, дорогая матерія) и *драге сѣде* (драгоценныя вещи) *срѣхнѣ* (1481); *дѣе амале*—(колыбели), *али да сѣ голѣми* и *хѣвале*, и *трѣпези* *дрѣвени хѣвале* *ѣ* и *да сѣ 8крѣгле трѣпезе* (1478 — 81); *едни лѣгени* (рум. *leagăn*—колыбель) *доврѣ* (1482). Изъ покупокъ и заказовъ другихъ господарей особенно интересны: *кола* (1431); *два кола*, *али да вѣдѣт* *големи* и *шювани* и *сѣе кошѣре* (сѣ *верхомъ*) и *сѣ сѣем*, и *да вѣдѣт* *ноки* и *доври*, и *нако знате* *господство* *ки*, *ере трѣбѣ* за *пѣт* (1504 или 1507); *ѣ* *кола* *господствѣ* *ми*, *али сѣ* *каком* *потреком*, *шо трѣбѣт*; *ѣ* *крѣзне* *ш* *трѣвѣни* *ш* *линице* и *жерѣ*, *коанко* *те* *трѣнокати* *господствѣ* *ми*, т. е. „шесть шкуръ отъ брѣуха лисицъ“ (тѣхъ же г.); *едни* *кон* *блани* и *хѣвал* и *8чинѣи* *довре*, т. е. „сѣ хорошей сбруей“, за котораго господарь согласенъ дать и 100 флориновъ, но желательно, чтобы это былъ жоробецъ (*прѣсѣ*) или иноходецъ (*хѣде*), все равно—для завода или выхолощенный (*макар* *пастѣх* *ѣ* или *жѣган*, 1496 г.); *дѣ* *мажа* *ш* *мѣдѣ* *тхимо* и *пол* и *ѣ* *товара* *ш* *желѣза* и *ѣ* *ш* *оцѣл* (сталь) и *пѣцю* *швѣс* (1437); *хѣлѣци* (рум. *helgi*, венг. *hölgy*) *доври* за ради *колѣ* *ковкодниѣ* (1506); *неком* *кожѣси*—(бараньи шубы), *шо ми трѣнует* *8* *хѣжѣ* *господствѣ* *ми*; и *неко* *лико* *постѣк*, *шо ми ест* *шѣтало*, *да* *раздѣлам* *дворѣ* *господство* *ми*, очевидно, для раздачи придворнымъ или дворцовымъ служащимъ (1496—1507); *клинѣ* *ш* *шиндмаѣ* и *клинѣ* *ш* *лаци*—гвоздей *шендельныхъ* (*дрѣнь*) и для *брусѣвъ* (сакс. *Laczönnegel*, тѣхъ же г.); *ѣ* *комати* *ш* *ковоне*—(5 *кусковъ* *мыла*, рум. *săpun*) по *ѣ* *флорини*, а *дрѣге* *ѣ* *комати* *ш* *ковоне* *позлаѣ* (попроче) по *ѣ* *флорини* (тѣхъ же г.). Благодаря этимъ сношеніямъ, вліяніе Брашова въ придунайскихъ господарствахъ было значительное, наиримѣръ въ XVIII вѣкѣ въ г. Романѣ существовала цѣлая „магала (пригородъ, посадъ) Брашовенилоръ“.

Въ нѣсколькихъ грамотахъ господари просятъ брашовянъ пропустить черезъ границу договоренныхъ послѣдними для господаря масте-

ровъ съ товаромъ или безъ товара; на примѣръ, онъ естъ дошелъ у Пирашюк, да си купитъ ш цю мѣ встрѣветъ за негоу маниторію (1482—96). Басарабъ Молодой проситъ совѣтъ нанять ему два добра Зндара (каменщика, архитектора), единъ цю шетъ Зна, да покрѣтъ съ керамидомъ сконеномъ (очевидно, облицовка тесанымъ камнемъ, собственно—кирпичемъ, плитами), а дрѣги да ми чинетъ ѿ монастырѣ ш керамидѣ и съ каменіе (1478—82). Радуль IV обращается къ совѣту съ просьбой прислать стекольщика (маниторѣ стекларѣ), да прінде, да ми направи некои прозорци на црквиѣ (1496—1507).

За перечисленіемъ товаровъ въ грамотахъ слѣдуютъ указанія на пошлины. Таможенные договоры носятъ названіе Законнъ за коумеркъ или коумеркъ, причеиъ обыкновенно передъ перечисленіемъ товаровъ или же постановленіемъ въ общихъ чертахъ дѣлалась прибавка: да естъ по старому Закоу, како естъ вно и ехъ прѣиъ дани такоу-то господаря; како естъ вно и ш прѣка; како естъ вно и ехъ дани родителѣ (вар. прѣродителѣ) господства ми; како дали при дани старуихъ господарин, такози и нинѣ; како естъ вно и прѣжде старинъ Законнъ и естъ вно и ехъ дани господства ми и т. д. Изъ отдѣльныхъ терминовъ отмѣтимъ: брать или платити пошлину—экзимати камъ (прѣжъ или криккъ), камокати; платити, давати, дати камъ; объ оплачиваемыхъ на границѣ товарахъ говорится, что они имать коумеркъ.

Валашскіе чиновники предупреждались въ грамотахъ, выдаваемыхъ брашовянамъ или въ специально предназначенныхъ для нихъ, что они не смѣютъ не платити кого, не чинити зло безъ никоа вини, не подкинути камы тяжкы и т. д. Обращаясь къ нимъ, господарь говоритъ: мнто да не экзимте ни едно каакно (№ 65).

Въ грамотахъ точно обозначались размѣры пошлины за всякій товаръ, которая платилась прежде всего на границѣ, въ Рукерѣ, рѣдко—въ другой таможнѣ. Сравненіе ихъ на пространствѣ цѣлаго почти столѣтія показываетъ, что въ общихъ чертахъ не было колебаній въ размѣрахъ пошлины. Особая пошлина со всякаго рода кладей, но уже безъ отношенія къ качеству товаровъ, бралась еще въ Браилѣ, Тыргушорѣ (Тѣрчѣ, Бранѣ), Тырговищѣ, Дымбовицѣ, Праховѣ, Арджешѣ, Долгополѣ, Бузеу, Флочѣ, Гергицѣ, Сакулѣ, т. е. по ехгѣмъ великимъ и малымъ торговымъ господство ми и камамъ. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ брашовяне освобождались отъ пошлины на мѣстѣ продажи ни на трѣвѣ, ни на коемъ вродѣ (мостѣ) въ предѣлахъ всей Валахиѣ ш жекъзнихъ братъ даже до великаго морѣ (№ 17). Въ нѣкоторыхъ же, повидимому большинствѣ, они должны были

платить еще на мѣстахъ продажи, причѣмъ валашскіе чиновники предупреждались особымъ приказомъ, чтобы пошлины брались только въ томъ городѣ, гдѣ товаръ продавался; а доки не продадет, какъ да не вѣдет по шризмъ господства ми (№ 10). Такимъ образомъ, пошлина платилась два раза: при слѣдованіи товаровъ черезъ указанныя въ грамотахъ таможни, и затѣмъ—на мѣстѣ продажи ихъ; по крайней мѣрѣ грамота 1431 года говоритъ ясно въ этомъ смыслѣ, правда, относительно однихъ матерій: поминжши (т. е. прослѣдовавъ чрезъ) же тѣзи ками, нигде рутниче кѣмерке да не имат, тѣкмо где са продаат. Особыми льготами изъ валашскихъ купцовъ пользовались столичные купцы, тырговищане, которыхъ господарь Данъ въ 1420—24 гг. освобождалъ ѡ кѣмеркѣ: да не даете нигде, тѣкмо кѣ Трѣгокицин, а въ остальныхъ мѣстахъ всей Валахіи нигде да не даете (№ 13). Наконецъ, нѣсколько грамотъ освобождаютъ отъ пошлины второго рода въ отдѣльныхъ городахъ, а господарь Владъ II Цепешъ отминяетъ въ 1476 году скала (скала, scalagium) во всѣхъ городахъ и другихъ торговыхъ пунктахъ Валахіи (№ 74). Кромѣ перечисленныхъ выше товаровъ, пошлины брались: 1) съ лошадей, купленныхъ въ Валахіи (ѡ конѣ кто коупитъ ѡ доукат, ср. лат. de equo qui in Wallachia emitur 6 din.) или же покупаемыхъ и продаваемыхъ (ѡ конѣ, или да са продадет или да кѣпит, вѣдѣ коница или кон,—ѣтѣ дѣкат, 1422 года № 9), 2) съ заморскихъ товаровъ (ѡ коупѣ ни, що доуходатъ ѡ мортѣ, ѡ рѣ пер.—гѣ пер., т. е. съ каждыхъ 100 перперовъ), 3) съ всадника, проѣзжающаго чрезъ г. Тѣрчь: конникъ кон минеть мимо Тоуръч, 4) нагруженной лошади (кони потобаренъ вѣди съ шимъ ливо или вѣди что есть съ немъ, гѣ доук. или тарѣ), тоже 5) съ упряжныхъ лошадей (оу кола коланко са конен, толнокози и доукати или ѡ хамѣ доукатѣ, т. е. съ каждой отдѣльной упряжи), 6) съ лошади безъ клади (конъ словодень или празденъ или читоко ѣ доук.), 7) съ пѣшеходовъ (пѣшице ѣ ванъ).

Чаще всего въ грамотахъ встрѣчается упоминаніе о лошадяхъ (стр. 44, 45, 49, 55, 83, 110, 147, 193, 200, 203, 209, 212, 236, 237, 238), рѣже—овцахъ (стр. 89, 194, 202, 205, 206, 265), свиньяхъ (87), волахъ и коровахъ (№ 70). Украденныхъ лошадей уводили для продажи обыкновенно въ Брашовъ, и господаи настойчиво требовали, чтобы брашовяне не смѣли покупать такихъ лошадей, возвращали бы ихъ валахамъ или платили стоимость, а воровъ казнили бы (а тѣзи злоткорцемъ да имъ се глаке ѡкниѣт, № 119), такъ какъ на (намъ, у насъ) шпѣстнѣхъ сѣжъ Земалъ ѡ конѣ (№ 58). Въ грамотѣ № 197 говорится о томъ, что поймавъ воровъ (вакухи), укравшихъ коней,—одного по-

вѣсили (сѣтѣ шкелман), другой заплатилъ, повидимому, „душегубину“ (штрафъ), а лошади находятся въ сохранности (сѣтѣ... лнцямъ).

Не брали пошлины (шкеловодачи ѡ коулеркѣ) 1) съ материн, которая провозилась въ кускахъ, а не въ штукахъ: а ѡ (на)рѣзанъ килар ницо, или коматѣ сѣкнѣна, ако везимажт рѣзаны калцѣ (вар. калци кроени), либо по 7 1/2 локти (№ 2, 1415—18 гг.), или ѡ вига (венг. vég, рум. vig) начата или рѣзана ницо, № 11 1424 года; 4) съ фряжскихъ шапокъ: а кто носитъ шапки фряжскихъ ницо; 3) если при оленьей шкурѣ будутъ и другія: ако вжджѣт друугѣа кожа съ пѣж, — да не дастъ ницо; 4) со всего что будетъ на возу съ рыбой: а крхуоу что цѣтъ вити и т. д.; 5) простого холста, повидимому, мѣстнаго изготвления: постача (рум. postav) или ковокъ (rappus griseus, рум. bobou); 6) ѡ желѣзо, 7) ѡ кжжа—веревкъ, 8) ѡ аена, 9) ѡ конопѣ, 10) ѡ платно, 11) ѡ корды—кортниковъ, сабель, 12) ѡ мечѣ—мечей, 13) ѡ ножевѣхъ, 14) ѡ лжковъ, 15) ѡ хумови—упряжи, хомутовъ; 16) за звѣриныя шкуры, привозимыя въ Валахию (ѡ крѣзна, что доносатъ къ Земаж господства ли, ницо, № 11, 1424 г.), 17) ѡ кожоухъ—тулуповъ, или же обработанныхъ бараньихъ шкуръ для тулуповъ. Впрочемъ, перечисленныя льготы дѣлались, повидимому, лишь на известное время; но никогда чиновники не имѣли права брать пошлины съ того, что не упоминалось въ грамотѣ; и ѡ друозѣхъ коуплѣхъ, банко не съ Зангисанн Зде, ницо (№ 17, 1431 года). За личныя покупки и заказы господаря пошлина не бралась, хотя каждый разъ господарь долженъ былъ просить объ этомъ брашовскій городской совѣтъ. Нѣсколько случаевъ показываютъ, что совѣтъ мало вниманія обращалъ на просьбы господаря, иногда какъ будто и не довѣрялъ удостовѣреніямъ господарей, что задержанный совѣтомъ товаръ дѣйствительно принадлежитъ имъ.

По торговымъ договорамъ Валахию съ Брашовомъ можно прослѣдить еще измѣненія въ отношеніяхъ между ними. Большею частью отношенія эти носили вполне дружественный характеръ, и господарь увѣрялъ брашовскихъ купцовъ въ томъ, что для нихъ открыты всѣ дороги (ѡ корити сѣкѣ поутѣкѣ), что они могутъ торговать въ Валахию чѣмъ угодно и гдѣ угодно (по кон поутѣ или етѣ драго). Въ грамотѣ Басараба II Лайота 1474 г. полная свобода торговли опредѣляется такимъ характернымъ выраженіемъ: макар (хотя бы) да ви носна Златин вѣнци на главе си. Но иногда господарь только угрожалъ затворити сѣкѣ поутѣкѣ, или же на самомъ дѣлѣ закрывалъ границу по соображеніямъ экономическимъ, политическимъ и другимъ. Чаще всего это была таможенная война. Одинъ разъ, въ 1498 году, госпо-

дарь Радуль IV Красивый объяснял брашовянамъ, что граница закрыта имъ не для того, чтобы нарушить миръ съ ними, но Зараді да се можемо пазити за шнои наш кражмаш Миичѣ, почему, поевъ послѣдній будетъ находиться въ ардяльскомъ округѣ, господарь не можетъ шкконодити поутоке (№ 215). А когда брашовяне закрывали всю границу или же только нѣкоторые проходы, то валахи жаловались, что наша земля не може бити токмо съ сѣ пѣта, и просили отереть проходъ въ Праховѣ и Телъжиѣ, потому что ми наши члостци не пранимѣ ни ш едн пѣт (№ 232, 1480—1482 г.г.).

Такого же временнаго характера бывали ограниченія относительно привоза отдѣльныхъ товаровъ, напр. оружія, которымъ могли бы воспользоваться внутренніе враги господаря. Запрещалось ввозить въ Валахію также то, отъ чего доходы шли въ государственную (господарскую) казну, напр. а ш едн (т. е. съ нынѣшняго момента) да не износѣт ни сребро, ни мед, ни флорини, ни едно ш такокух (1441—1442 г.г.); тѣмъ да не кѣпѣжт лисенци и ждери и риси, шти този доходи оу мон елстлар (1470 г.). Въ одномъ изъ раннихъ распоряженій Влада I Дракула сдѣлано было такое же ограниченіе: ни валахи, ни брашовяне не могли приносить съ собой деньги (дукати) кромѣ небольшого количества, напр. за пазухой, для дорожныхъ расходовъ: мишо 8 пазѣге за клачмг. Но въ 1441—1442 г.г. распоряженіе это было отмѣнено, и въ новой грамотѣ господарь снова разрѣшалъ это: и нинѣ колнко дѣкати имаѣт Брашкени, да нѣ изнесѣт свободно, макар с кола (—хотя бы возами), макар колнко много да имаѣт (№ 52). Въ началѣ 30 годовъ XV вѣка Владъ запрещаетъ брашовянамъ привозить въ Валахію мѣдь (№ 41) и плохія деньги (№ 44), очевидно, потому, что въ это время въ Валахіи существовалъ собственный монетный дворъ.

Брашовскія грамоты даютъ цѣнныя свѣдѣнія о монетныхъ системахъ, бывшихъ у румынъ для внѣшней торговли въ XV вѣкѣ. Чаще всего встрѣчаются дукати золотые и серебряные; этимъ же словомъ, какъ и въ другихъ языкахъ, обозначались деньги вообще, почему въ нѣкоторыхъ документахъ слово „дукаты“ замѣнялось чрезъ ванн (рум. ban), напр. въ грамотѣ Дана II отъ 1422 года (№ 9) за поклажу (ш тарѣ, венг. tár, рум.-слав. ровѣга—поклажа) постановлено было взимать 7 ванн, а ниже (строка 15 на стр. 18), при повтореніи, съ поклажи взимается 7 дѣкати. Отсюда же — терминъ дукатарь-монетчиѣ (№ 215). Затѣмъ слѣдуютъ флорини, флоринци (florin), иногда прибавлялось: кларѣки — венгерскіе, составлявшіе третью часть дуката.

Рѣдко встрѣчается *фёртоунк* (лат. *ferro*, нѣм. *Viertel*)—четвертая часть флорина, повидимому, одинаковаго достоинства съ *перперк*, *перпирь* (*ὀπέρπυρον*). Мелкія монеты—*аспри* отъ *ѡспров*— $\frac{1}{50}$ флорина; *кани* отъ *рум. ban*, въ латинскихъ грамотахъ замѣнявшееся *denarii*— $\frac{1}{100}$ или $\frac{1}{200}$ флорина. Для общаго понятія „деньги“ служилъ еще терминъ *пѣнави*, напр. *пенези зан*—плохія (№ 44) или *пенези кетчи*—старыя (№ 41); для выраженія презрѣнія *господарь Басарабъ Молодой* говоритъ, что за дочь *Лайота* для церкви *пенези* еще не къ дати, да си *вѣнил жинѡ христиане* (№ 127, 1480 года). Изъ грамоты *Радула IV* мы узнаемъ, что брашовяне задержали у себя *валаха* съ поддѣльными деньгами; но такъ какъ послѣдній оказался *человѣкомъ* (—*службой*) *паркалаба*, дяди *господаря*, то *Радуль* проситъ освободить его и прибавляетъ: *анѡ кон вѡдѡ учинили тѣхзи аспре, ли нѣ чело нанти тем анде тѣре нѣ чело педешпати (наказать), како нѣ по законѡ* (№ 194, 1496—1507 г.г.).

Господарская казна называлась *квистіарк* (*βεστιάριον*, иногда прибавлялось *квашкон земли*), которая не всегда различалась отъ личнаго имущества *господарей*. Въ грамотѣ 1431—1433 г.г. какъ будто эти понятія различаются: *враги господаря* *идѣт колторж кашинж* (отцовское имущество) и *квистіарк кашкон земли* (№ 27); въ другой грамотѣ, 1479 года, *господарь* проситъ *брашовянъ* отнять у его *враговъ* *тнези квистіарк* и вернуть ему, *Зараді да цинцѡем сѣш нега, како да вѣдет допро мнозем христианом, нежелан да ест на ѣ людѣ зан, т. е. для того, чтобы я защищался при помощи ея (казны) во благо многимъ христианамъ, а не тремъ плохимъ людямъ* (№ 122). Въ отличіе отъ „*квистіарк*“, гдѣ могли быть не только деньги, но и всякія драгоценности, казна называлась еще *харагіа* (*χαραγία*) въ смыслѣ „*монетнаго двора*“, напр. *харагіа ѡ ванок, да са чинит кѣ земли господства ли* (№ 11, 1424 года), откуда *херегарь*—монетчикъ. Въ 30 г.г. XV вѣка *господарь Владъ* извѣщаетъ *брашовянъ*, что *венгерскій король* разрѣшилъ ему, да *вчина 43 харагнж*, и проситъ дать его *людямъ желѣза и прочій матеріаль*, необходимый для того, чтобы си *вчинимо равотж* (№ 47). Понятію „*харагіа*“ соответствовалъ еще терминъ *камара*, напр. *камара кегарекка* (№ 35, 1431 года).

Подобный же матеріаль даютъ грамоты *брашовскаго архива* для славянской юридической терминологіи и исторіи судопроизводства у *румынъ*, носившаго несомнѣнныя славянскія черты, для исторіи военнаго искусства, техники производства и обработки разныхъ продук-

товъ, для представленія о разныхъ областяхъ старой культуры. Все это показываетъ значеніе изданія Г. Богдана не только для румыновѣдѣнія, но и для разныхъ дисциплинъ славяновѣдѣнія.

А. Яцимирскій.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь

Господинъ Редакторъ!

Въ мартовской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* текущаго года напечатано „Письмо въ редакцію“ проф. М. А. Тихомандрицкаго, посвященное всецѣло опроверженію моей критической замѣтки по поводу его статьи „Сумма угловъ плоскаго треугольника“. Читателямъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* ни эта статья, напечатанная въ запискахъ Харьковскаго университета 1905 г. № 1 с. 127—140, ни моя замѣтка (тамъ же № 2 с. 1—5 отд. критики и библиографіи), едва ли извѣстны, и потому я надѣюсь, что Вы найдете возможнымъ, во избѣжаніе односторонняго освѣщенія вопроса, дать мѣсто и моимъ возраженіямъ на „Письмо“ г. Тихомандрицкаго.

Примите и проч. проф. Д. М. Сянцовъ.

Со стороны г. Тихомандрицкаго не совсѣмъ правильно дѣлать предположеніе, будто его статья меня „застала въ распλοхъ“, какъ онъ выражается,—ибо онъ прекрасно знаетъ, что присланную имъ въ ноябрѣ 1904 г. въ Харьковское Математическое Общество статью, помнящую выше, докладывавъ въ декабрьскомъ (1904 г.) засѣданіи Общества именно я, что замѣтка моя печаталась нѣсколькими мѣсяцами позже,—срокъ совершенно достаточный для ознакомленія со статьею въ 14 страницъ; при томъ за этотъ промежутокъ мнѣ привелось обмѣняться съ г. Тихомандрицкимъ письмомъ по поводу его статьи, чего вѣроятно не станеть отрицать и онъ самъ. Моя попытка убѣдить г. Тихомандрицкаго отказаться отъ печатанія его статьи, которая по моему глубокому убѣжденію ничего не прибавила къ научной репутаціи ея автора, осталась однако безуспѣшною, и я счелъ себя обязаннымъ вслѣдъ за статьею г. Тихомандрицкаго опубликовать и

свои замѣчания, сдѣланныя устно въ засѣданіи Математическаго Общества, и письменно—самому автору.

Въ своей замѣткѣ я не касался многого, что находилъ и нахожу неправильнымъ въ статьѣ г. Тихомандрицкаго,—для этого пришлось бы переписать ее чуть не всю, съ начала и до конца; я избѣгалъ лишннихъ поводовъ задѣвать самолюбіе автора. Къ тому же моя задача была значительно облегчена самимъ авторомъ, который далъ достаточно матеріала для сужденія о достоинствѣ своей статьи своимъ разсказомъ о томъ, какъ онъ посылалъ свое сообщеніе о суммѣ угловъ плоскаго треугольника на международный математическій конгрессъ въ Гейдельбергъ, въ іюль 1904 г.; какъ „сначала его сообщеніе предполагалось печатать“, какъ „потомъ тамъ передумали“, и г. Тихомандрицкій „получилъ назадъ свое сообщеніе съ корректурнымъ листомъ“, на которомъ автору были указаны его ошибки. Но г. Тихомандрицкій этими указаніями убѣжденъ не былъ, сдѣлалъ на нихъ возраженія (на мой взглядъ неудачныя) и нѣсколько передѣлалъ самое доказательство; такъ возникла его статья „Сумма угловъ плоскаго треугольника“.

Я въ своей замѣткѣ указалъ, что то опредѣленіе прямой, которое по мнѣнію г. Тихомандрицкаго даетъ возможность доказать постулатъ Евклида (прямая есть линія, которая вполнѣ опредѣляется двумя ея точками *въ пространствѣ трехъ измѣреній*), ничего новаго не представляетъ и обычно для изслѣдованій по основаніямъ геометріи. Я не счелъ нужнымъ пояснять, что это опредѣленіе годно не только въ геометрической системѣ Евклида, но и въ геометрической системѣ Лобачевскаго, въ системѣ же Риманна допускаетъ исключенія. Г. Тихомандрицкій это, очевидно, упустилъ изъ виду, ибо, давая въ своемъ „Письмѣ“ доказательство обратной налагаемости для плоскости, не замѣчаетъ, что этимъ онъ опровергаетъ не меня, а собственное свое мнѣніе о голословности моего утвержденія ¹⁾ относительно возможности этого въ геометрической системѣ Лобачевскаго. Дѣло въ томъ, что и въ послѣдней плоскости есть поверхность, съ которою совмѣщается каждая прямая, имѣющая съ нею двѣ общія точки. Г. Тихомандрицкому и это мое замѣчаніе кажется голословнымъ. Не знаю, признаетъ ли онъ достаточнымъ ссылку на сочиненія Лобачевскаго. Въ мемуарѣ послѣдняго „О началахъ геометріи“ (Сочиненія, т. I с. 6).

¹⁾ То же утвержденіе сдѣлала по словамъ г. Тихомандрицкаго и редакція Jahresbericht der Deutschen Mathematiker Vereinigung.

читаемъ: „прямая линия лежитъ вся въ плоскости, коль скоро двѣ ея точки на плоскости“. Въ мемуарѣ „Новыя начала геометріи съ полною теорією параллельныхъ“ (тамъ же с. 245) читаемъ далѣе: „плоскость покрываетъ... сама себя другою стороною“.

Итакъ не только опредѣленія прямой и плоскости, но и свойство обратной налагаемости имѣютъ мѣсто одинаково и въ системѣ Евклида и въ системѣ Лобачевского, на что я и указалъ въ своей замѣткѣ. Поэтому доказать, основываясь только на нихъ, тотъ постулатъ, которымъ одна система—Евклидова—именно и отличается отъ другой—системы Лобачевского, разумѣется, нельзя. Если же г. Тихомандрицкій полагаетъ, будто онъ этого достигъ, это значить только то, что онъ неявно ввелъ положеніе, равносильное постулату Евклида и устраняющее систему Лобачевского. Я и указалъ, что г. Тихомандрицкій ввелъ, того не замѣчая, то самое положеніе, которое онъ хочетъ доказать,—именно, что сумма угловъ плоскаго треугольника равна двумъ прямымъ (или сумма угловъ плоскаго четырехугольника равна четыремъ прямымъ).

Г. Тихомандрицкому не хочется, разумѣется, съ этимъ согласиться, но его тирады въ „Письмѣ“ (с. 221) еще рельефнѣе обнаруживаютъ слабое мѣсто его разсужденій. Онъ говоритъ: „четвертый уголъ прямолинейнаго четырехугольника находится внѣ нашей власти; при правильномъ построеніи фигуры онъ самъ собою выйдетъ такимъ, какимъ ему слѣдуетъ быть“ и т. д. Это, дѣйствительно, такъ и будетъ въ геометрической системѣ Евклида; а въ системѣ Лобачевского будетъ совсѣмъ иначе: тамъ величина четвертаго угла будетъ различна въ зависимости отъ заданной стороны, которую можно подобрать такъ, чтобы четвертый уголъ имѣлъ напередъ заданную величину, лишь бы только сумма всѣхъ четырехъ угловъ была менѣе четырехъ прямыхъ.

Для того, чтобы четырехугольники г. Тихомандрицкаго поворачивались туда, куда ему нужно, въ случаѣ трехъ острыхъ угловъ четвертый долженъ быть тупой, а въ случаѣ трехъ тупыхъ угловъ четвертый долженъ быть острый. Въ этомъ вся суть „доказательства“ г. Тихомандрицкаго, а совсѣмъ не въ „леммѣ фиг. (2)“, о которой я въ своей замѣткѣ поэтому и не упоминалъ.

Не совсѣмъ любезныя выраженія „напрасныя поиски“ и „ложные выводы“,—которыя г. Тихомандрицкій направляетъ по моему адресу,—съ гораздо бѣльшимъ правомъ могъ бы примѣнить я къ его разсужденіямъ.

Можно только удивляться, что при современномъ состояніи науки появляются такія статьи, какъ „Сумма угловъ плоскаго треугольника“.

Впрочемъ г. Тихомандрицкій въ этой статьѣ самъ объяснилъ причину этого. Въ началѣ ея (с. 129) онъ пишетъ: „Когда лѣтъ 48 тому назадъ ¹⁾ я (т. е. г. Тихомандрицкій) учился элементарной геометріи, то я былъ такъ удовлетворенъ доказательствами постулата Евклида, данными Нассиръ-Эддинъ-аъ-Туси и Бертраномъ изъ Женевы,... что интересуясь болѣе другими частями математики я не считалъ нужнымъ обращаться къ этому предмету“ и т. д.

На точкѣ зрѣнія этихъ весьма почтенныхъ, хотя и не совсѣмъ современныхъ геометровъ стоитъ г. Тихомандрицкій и въ настоящее время.

Проф. Д. М. Спичковъ.

Книжныя новости.

Краткое описаніе рукописей церковно-историческаго древнехранилища при братствѣ св. благовернаго великаго князя Александра Невскаго. Выпускъ I. Владимірь. 1906.—Приложеніе II къ кн. VIII Трудовъ Владимірской ученой архивной комиссіи. Стр. V+154.

Рукописное собраніе церковно-историческаго древнехранилища при братствѣ св. Александра Невскаго заключаетъ въ себѣ 312 рукописей XV—XVIII вѣковъ. Началомъ этого собранія послужили рукописи, поступившія въ древнехранилище изъ братской бібліотеки. Затѣмъ отдѣлы рукописей значительно пополнились рукописными книгами, которыя были препровождены въ древнехранилище монастырями: Суздальскимъ Спасо-Евѣнгіевымъ, Флорищевой пустынью, Успенскимъ женскимъ въ городѣ Александровѣ, Покровскимъ женскимъ въ городѣ Суздаль, Вязниковскимъ Благовѣщенскимъ, Владимірскимъ Рождественскимъ и Суздальскимъ Рождество-Богородицкимъ соборомъ. Нѣсколько цѣнныхъ рукописей доставила древнехранилищу Владимірская духовная консисторія, отобравшая ихъ по закону изъ запрещенныхъ раскольническихъ скитовъ.

По своему содержанію рукописи древнехранилища отличаются большимъ разнообразіемъ. Кромѣ книгъ священнаго писанія, богослужебныхъ, догматико-полемическихъ, правоучительныхъ, есть не мало рукописей историческаго характера и рукописныхъ сборниковъ. Въ настоящемъ 1-мъ выпускѣ описаны книги священнаго писанія, творенія св. отцовъ, богослужебныя книги и житія святыхъ.

Описаніе, говоритъ составитель г. С. Недешевъ, не заключаетъ въ себѣ научныхъ палеографическихъ изысканій, грамматическихъ и филологическихъ замѣтокъ, сравнительнаго анализа книгъ и т. п. Составитель не сталъ на себя

¹⁾ Писано въ 1904 г.

брать такой непосильной задачи. Въ его намѣреніе входило разсмотрѣніе каждой рукописи главнымъ образомъ со стороны ея содержанія, чтобы вслѣдъ интересующійся извѣстной книгой зналъ, каковъ составъ этой книги, какія статьи въ ней находятся и въ какомъ порядкѣ онѣ расположены (стр. V).

Самая древняя рукопись, указанная въ описаніи, относится къ началу XV вѣка: „№ 135. Патерникъ Іерусалимскій. Полууставъ начала XV вѣка, въ малый листъ, въ два столбца, на 839 листахъ“.

Къ XV же вѣку относится № 20: Евангеліе (ауракосъ), написанное крупнымъ уставомъ XV вѣка, въ листъ, въ переплетѣ, обложенномъ ветхой, погнившей нарчей, на 565 листахъ. Орнаментъ геометрической, изъ пересѣкающихся круговъ, исполненъ красками.

Конецъ XV же вѣка № 9: Евангеліе (тетро), писанное крупнымъ красивымъ уставомъ, въ листъ, на 402 листахъ, въ переплетѣ, обложенномъ ветхимъ бархатомъ. Подробное описаніе этой рукописи дано В. Георгіевскимъ во Владимірскихъ спархіяльныхъ вѣдомостяхъ 1868, № 8.

Конецъ XV—начала XVI вѣка № 10: Евангеліе (тетро), писанное красивымъ уставомъ, въ листъ, на 427 листахъ лощеной бумаги, въ переплетѣ, обложенномъ шелковой розоваго цвѣта матеріей. Выходной листъ утерянъ, а также не хватаетъ многихъ послѣднихъ листовъ.

Большее всего рукописей XVI вѣка, затѣмъ идутъ рукописи XVII вѣка и XVIII вѣка. Рукопись XIX вѣка, начала, указана одна. № 181: Служба прен. Евфросиніи Суздальской, на 16 листахъ. Есть рукописи „современнаго“ письма. Ихъ 16.

Кромѣ названныхъ рукописей отмѣтимъ еще слѣдующія: № 8. Толкованіе на псалтырь, въ переводѣ Максима Грека. Списокъ хорошо сохранившійся, написанъ одной рукой въ два столбца на 989-ти листахъ полууставомъ XVI вѣка. (См. П. О. Л. Д. П. 1880, вып. 4. И. А. Шляпкинъ. Описаніе рукописей Спасо-Евфиміева монастыря, стр. 7). № 42—сочиненія Максима Грека, на 431 листѣ, XVIII вѣка скорописью.

Указателя нѣтъ; онѣ обѣщанъ, равно какъ и снимки съ нѣкоторыхъ рукописей, во второмъ выпускѣ, который, говоритъ составитель, не замедлитъ выйдомъ въ свѣтъ. Съ своей стороны искренно желаемъ этого.

Цѣновъ Г. Праотечество и праязнь на Българитѣ. Историко-филологически издирванія въз основа на първонзточници. София 1907. Издание на автора. 212 стр.

Книга г. Цѣнова съ такимъ многообѣщающимъ заглавіемъ можетъ казаться заманчивой. Можно было бы подумать, что мы имѣемъ дѣло съ вновь выступающимъ болгарскимъ ученымъ. Но уже выставленное на заголовкѣ добавленіе къ фамилии автора: Прѣводачъ на иностраната кореспонденция въ Военното Министерство возбуждало сомнѣніе, а перелиставъ книгу, всякій убѣдится, что взятая тема по по силамъ автору, обнаруживающему полное невѣжество въ филологическихъ вопросахъ. Авторъ, недовольный господствующимъ въ наукѣ взглядомъ на неславянское происхожденіе болгаръ завоевателей, давшихъ имъ поселившимся въ восточной части балканскаго полуострова славянскимъ пле-

менаѣмъ, образовавшихъ по сліяніи съ ними могущественное болгарское царство, сыгравшее почетную роль въ культурной исторіи всего славянства, доказываетъ славянство болгаръ.

Въ этой примѣси народа тюркскаго происхожденія, который быстро исчезъ въ преобладающей численности славянской массѣ, не можетъ быть ничего обиднаго болгарскому національному чувству. Въ выясненіи вопроса о происхожденіи болгаръ завоевателей принимали участіе извѣстнѣйшіе славянскіе ученые, въ томъ числѣ и многіе болгарскіе, между которыми въ послѣднее время интересныя и обстоятельныя труды принадлежатъ Д. И. Шишманову, В. Н. Златарскому, Г. Баласчеву. Жаль, что авторъ, знающій всѣ эти труды, не воспользовался ими для популярнаго хотя бы изложенія вопроса. Въ послѣднемъ случаѣ его книга могла бы принести пользу широкой болгарской публикѣ. Рекомендуемъ автору прочесть хотя бы стр. 52—57 въ новой книгѣ проф. Ст. Станојевића: *Византија и Србиѣвѣчѣ друга*. У Новом Саду 1906, гдѣ дается объясненіе значенія прихода болгаръ и организаціи болгарской державы. „Когда болгаре пришли на балканскій полуостровъ, они принесли превосходную военную и государственную организацію. Они вообще имѣли особенный организаторскій талантъ, слѣдовательно одну очень важную особенность, которая всегда недоставала всѣмъ славянскимъ племенамъ и народамъ. Болгаре и славяне современемъ претворились въ одинъ народъ и на той территоріи, гдѣ поселились болгаре по своему приходѣ на балканскій полуостровъ, созданъ былъ новый народъ, который принял славянскій языкъ, а отъ болгаръ удержалъ не только имя, но и въ достаточной степени типъ, который крохѣ того унаслѣдовалъ и необычный талантъ къ военной и государственной организаціи.“ Образцомъ филологическаго пониманія автора можетъ служить хотя бы слѣдующее мѣсто: „окончаніе *рикъ* есть старое окончаніе славянскихъ именъ: Рюрикъ, Телерикъ, Илюрикъ, Норикъ все это имена, которыя принадлежатъ языку одного народа, слѣдовательно ни Рюрикъ не есть нѣмецъ, ни Телерикъ есть турокъ, вмѣстѣ съ именами Илюрикъ и Норикъ они принадлежатъ одному народу, т. е. славянамъ“. Въ заключеніе приводится то мѣсто Нестора, въ которомъ Норцы отождествляются съ славянами.

Подобная книга не заслуживала бы какой-либо замѣтки, и если таковая дѣлается, то 1) ради предупрежденія лицъ, могущихъ такую книгу приобрести по одному заглавію ея, и 2) ради самого автора, которому можно посоветовать болѣе производительно тратить свои средства на книжную дѣятельность.

В. Л. Модзалевскій. Очерки по исторіи Лохвицкой, Сенчанской, Чорнусской, Куренской и Варвинской сотенъ, вошедшихъ въ составъ Лохвицкаго уѣзда. Кіевъ. 1906.

Въ вышеназванныхъ „Очеркахъ“ В. Л. Модзалевскій постарался собрать біографическія данныя о сотникахъ, дѣйствовавшихъ въ предѣлахъ нынѣшняго Лохвицкаго уѣзда. Главнымъ матеріаломъ для этого послужило богатое собраніе рукописей А. М. Лазаревскаго, хранящихся въ библиотекѣ университета св. Владиміра, и затѣмъ дѣла архива Подольскаго дворянскаго депутатскаго собранія. „Для болѣе яснаго пониманія читателями, мало знакомыми съ исторіей своей родины, біографическихъ очерковъ мѣстной старшины“, онъ предпослалъ вве-

деніе, въ которомъ сообщаетъ свѣдѣнія о малорусскихъ старинныхъ чинахъ и кругѣ ихъ обязанностей, объ административномъ устройствѣ старой Малороссіи, положеніи крестьянъ и т. п., и кроімъ того приложилъ списокъ полковой лубенской старшины, „ибо въ очеркахъ жизни сотниковъ встрѣчаются свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ этихъ старшинъ, дѣйствовавшихъ на пространствѣ нынѣшняго Лохвицкаго уѣзда“, и затѣмъ статистическія данныя о количествѣ мѣщанскаго и крестьянскаго населенія Лохвицкой сотни за 1721 годъ.

Болѣе обширныя свѣдѣнія даются нашимъ авторомъ по *Лохвицкой сотнѣ*, и въ частности о сотникахъ: лохвицкомъ Андрей Михайловичѣ Гамалѣ и ближайшихъ его потомкахъ, лохвицкомъ же Павлѣ Васильевичѣ Мартосѣ и другихъ представителяхъ этого рода, сепчаскомъ Леонтіѣ Васильевичѣ Слюзѣ, о чорнусскихъ трехъ Христингахъ и варвинскомъ Матвѣѣ Себастьяновичѣ.

Всюду предъ изложеніемъ біографическихъ очерковъ авторъ говоритъ о самомъ городѣ, городскомъ самоуправленіи и хозяйствѣ.

B. Modestov. INTRODUCTION à l'Histoire ROMAINE trad. du russe par Michel Delines, préface de M. Salomon Reinach de l'Institut, avec 39 planches hors texte et 30 figures dans le texte. Paris (Felix Alcan éd.) 1907, XIII+474 pp., in 4°.

Обращаемъ вниманіе русскихъ читателей на только что вышедшій французскій переводъ извѣстнаго капитальнаго труда проф. *В. И. Модестова* „Введеніе въ Римскую Исторію“, сдѣланный Мишелемъ *Делинъ* и снабженный *предисловіемъ* Саломона *Рейнаха*. Переводъ не есть буквальное воспроизведеніе русскаго оригинала, вышедшаго ч. I—въ 1902, ч. II—въ 1904 году, а согласно заявленію переводчика—это „édition—revue et augmentée par l'auteur“, т. е. въ нѣкоторомъ родѣ второе изданіе почтеннаго русскаго труда,—пріемъ, который, какъ вполне рациональный, нельзя не приветствовать.

Выполненъ переводъ весьма добросовѣстно, отличнымъ языкомъ, и немногочисленныя дивергенціи съ оригиналомъ (напр. *стр. 1*: „ainsi s'exprimait Mommsen dans les premières éditions de sa célèbre Histoire de Rome en 1850 et 1860“,—въ оригиналѣ „въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ“, что и правильнѣе, ибо 1-е изданіе Моммзена И. Р. вышло въ 1854—1855 гг.;—*стр. 2*: „avant 1860 déjà...“—въ оригиналѣ: „еще въ половинѣ шестидесятихъ годовъ“ (ссылка на 1866 г.);—*стр. 8*: „jusqu'aux temps préromains“; въ оригиналѣ: „вплоть до римскихъ временъ“;—*стр. 13*: „caverne Veressi“—въ оригиналѣ *Veressi*, и нѣк. др.)—не портятъ впечатлѣнія.

Введеніе Сол. *Рейнаха* подчеркиваетъ значеніе труда *В. И. Модестова*, какъ перваго научнаго опыта ознакомленія европейской науки за предѣлами Италіи съ работами главнымъ образомъ италіанскихъ палеоэтнологовъ по доисторической эпохѣ Рима и Италіи вообще; но французскій археологъ желалъ бы встрѣтить: 1) въ проф. Модестовѣ болѣе критическое отношеніе къ италіанцамъ, фантастическіе выводы которыхъ онъ иногда принимаетъ безъ должной проверки, 2) болѣе знакомства съ французской періодической литературой—для исправленія нѣкоторыхъ деталей, 3) большаго знакомства съ послѣдними выводами антропологической науки.

Къ весьма благопріятному въ общемъ мнѣнію французскаго академика считаетъ пріятнымъ долгомъ присоединиться и авторъ настоящей записки.

Труды Полтавской ученой архивной комисси. Издано подъ редакціей дѣятельныхъ членовъ комисси: И. Фр. Павловскаго, А. Ф. Мальцева, Л. В. Падалеи и В. А. Пархоменка. Выпускъ третій. Полтава. 1907.

Отрывается настоящій третій выпускъ „Трудовъ“ Полтавской архивной комисси статью епископа Феодосія: „Раскольничій „патріархъ“ въ Полтавѣ,“— въ которой рѣчь идетъ о видномъ и дѣятельномъ „наставникѣ“ Преображенскаго кладбища въ Москвѣ, *Семенѣ Кузьминѣ*, проживавшемъ послѣднія пять лѣтъ своей жизни (1854—1859) въ ссылкѣ въ Крестовоздвиженскомъ мужскомъ монастырѣ Полтавской губерніи. Строго наблюдавшее за нимъ монастырское начальство свои обычные полугодовые рапорты заканчивало всегда слѣдующими словами: „Кузьминъ ведетъ себя по всемъ безукоризненно, кромѣ вѣрованій“.

Далѣе слѣдуетъ весьма не безынтересная статья г. Ф. Николайчика— „Ильинская ярмарка въ періодъ ея существованія въ г. Ромнахъ“. Насильственно переведенная въ 1852 г. изъ г. Ромны въ Полтаву Ильинская ярмарка, передъ тѣмъ считавшаяся „первою во всемъ южномъ краѣ и третьею въ имперіи“, въ настоящее время падаетъ все болѣе и болѣе; Ромны потеряли весьма значительный ускорбъ, и жители Роменскіе въ теченіе 10-ти лѣтъ вели безплодную борьбу объ обратномъ переводѣ ярмарки въ свой городъ. Создалась даже по этому поводу дѣлая литература, преимущественно газетная. Въ своей статьѣ Ф. Николайчикъ старался, главнымъ образомъ, дать обзоръ развитія Ильинской ярмарки съ точки зрѣнія исторіи г. Ромны, оставляя экономическую исторію края далеко въ сторонѣ, и, можно сказать, сообщилъ въ ней наиболѣе полную и вѣрную исторію этого города. Значительную часть статьи составляютъ приложенные въ концѣ ея наиболѣе цѣнные матеріалы, которые были въ распоряженіи автора.

За эту статью находимъ любопытную работу Вл. Л. Василевскаго, составленную по архивнымъ даннымъ, — „Полтавская гимназія съ 1808 по 1831 годъ“, и въ концѣ книги—замѣтку А. Липеровскаго—„Гдѣ похоронены шведскіе воины послѣ битвы 27-го іюня 1709 года?“,—представляющую собою первую попытку выяснитъ вопросъ о мѣстѣ погребенія павшихъ шведовъ. Авторъ указываетъ только одинъ открытый до сихъ поръ могильникъ изъ четырехъ, въ которыхъ были погребены павшіе шведы, по приказанію Петра Великаго, и именно находившійся на пограничной линіи, отдѣляющей колонію дуневно-болыныхъ отъ земель с. Тахтаулова.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за апрѣль и май мѣсяцы 1907 года:

— *Николаевъ, С. П., проф.* Развитіе защиты владѣнія въ средневѣковой Европѣ. Харьковъ 1906. VI+350 стр. Цѣна 2 руб.

— Ответственная война 1812 года. Отдѣлъ I. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учреждений. Томъ VII. Подготовка къ войнѣ въ 1811 г. (Декабрь мѣсяць. Документы безъ даты). Изданіе Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба. С.-Пб. 1907. XIV+342+XXXV стр. (Матеріалы Военно-Ученаго Архива Генеральнаго Штаба).

— *Сергеевичъ, В. И.* Крестьянскія права и общинное землевладѣніе въ

Архангельской губерніи въ половинѣ XVIII вѣка. Изъ „Журнала Министерства Юстиціи“. (Февраль 1907 г.). С.-Пб. 1907. 30 стр.

— Иконописный сводникъ. Выпускъ I. Изданіе Высочайше учрежденнаго Комитета Попечительства о русской иконности. Съ 21 рисункомъ въ текстѣ. С.-Пб. 1906. 98+122+34 стр.

— Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета для десяти губерній Царства Польскаго. Выпускъ XXX. Аграрный вопросъ въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго. Часть II. Частное землевладѣніе въ началу 1907 года. Размѣры его. Сервитуты и чрезполосность. Арендныя отношенія. Урожай 1906 г. Глиняныя сберегательныя кассы. Варшава 1907. 103 стр. Цѣна 1 руб.

— Акты царствования Екатерины II. Учрежденія для управленія губерній и жалованныя грамоты дворянству и городамъ. Изданіе московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, подъ редакціей Г. Н. Шмелева. М. 1907. 159 стр. Цѣна 60 коп.

— Источники по исторіи реформации. Выпускъ II. „Письма темныхъ людей“. Переводъ Н. А. Буна, подъ редакціей Д. Н. Егорова. Изданіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ. М. 1907. XIII+306 стр. Цѣна 1 руб.

— *Бобчевъ, С. С.* Крумовото законодательство. (Историко-правна студія). Отпечатать отъ „Извѣстия на Историческото Дружество“, книжка II, 1906 годна. София 1907. 29 стр.

— Статистика землевладѣнія 1906 г. Сводъ данныхъ по 50-ти губерніямъ Европейской Россіи. С.-Пб. 1907. 199+I+7 стр. (Центральный Статистическій Комитетъ М. В. Д.).

— *Шпетъ, Густавъ.* Проблема причинности у Юма и Канта. Отвѣтилъ ли Кантъ на сомнѣнія Юма? Кіевъ 1907. II+208 стр.

— *Петрушевскій, Дмитрій, проф.* Очеркъ изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Изданіе „Научнаго Слова“. М. 1907. IV+324 стр. Цѣна 1 руб. 70 коп.

— Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Книга двѣнадцатая. М. 1907. 388 стр.

— *Богородицкій, В. А., проф.* Овщій курсъ русскаго грамматикѣ. (Изъ университетскихъ чтеній). Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное. Казань 1907. 271 стр. Цѣна 2 руб.

— *Будде, Е. Ѡ., проф.* Лекціи по исторіи русскаго языка. 1906—1907 академическій годъ. Казань 1907. 253 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— 50 пѣсень русскаго народа для мужскаго хора изъ собранныхъ въ 1902 году въ Саратовской губерніи И. В. Некрасовымъ и Ѡ. И. Покровскимъ; положилъ на голоса И. В. Некрасовъ. Сочиненіе литератора Ж. Издано съ Высочайшаго соизволенія Пѣсенною Комиссіею Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. М. 1907. 52 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп.

— *Лоповъ, П. С.* Китайскій Пантвонъ. Съ десятью таблицами. С.-Пб. 1907. XII+88 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп. (Сборникъ Музея по антропологии и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. VI).

— *Веберъ, К. И.* Указатель къ географическому отдѣлу большой китайской энциклопедіи Ту-ту-дзи-чэнгъ. С.-Пб. 1907. 30 стр. Цѣна 25 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ VIII. № 4).

— *Мѣламатриямасукарикіасъ (Madhyamīkasūtras) de Nāgārjuna avec la Prasannapādā Commentaire Candrakīrti.* Publié par Louis de la Vallée Poussin. IV. St.-Petersbourg 1907. Стр. 321—416. Цѣна 1 руб. (Bibliotheca Buddhica IV).

— *Фаминицкѣ, А. С.* О роли симбиоза въ эволюціи организмовъ. С.-Пб. 1907. 14 стр. Цѣна 25 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XX. № 3).

— *Konow, Fr. W.* Ueber die Ausbeute der russischen Polar-Expedition an Blattwespen im arctischen Sibirien. Mit 1 Tafel. С.-Пб. 1907. (Научные результаты Русской полярной экспедиціи 1900—1903 гг., подъ начальствомъ барона Э. В. Толля. Отдѣлъ Е: Зоологія. Томъ I, вып. 3). [Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XVIII. № 3].

— *Павлова, М.* Описание ископаемыхъ млекопитающихъ, собранныхъ Русской полярной экспедиціей въ 1900—1903 гг. Съ 4 таблицами. С.-Пб. 1906. 40 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп. (Научные результаты Русской полярной экспедиціи 1900—1903 гг., подъ начальствомъ барона Э. В. Толля. Отдѣлъ С: Геологія и палеонтологія, вып. 1). [Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXI. № 1].

— *Pavlov, Marie.* Etudes sur l'histoire paléontologique des ongulés. IX. Sélénodontes posttertiaires de la Russie. Avec 8 planches. С.-Пб. 1906. 96 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XX. № 1).

— Отчетъ по Николаевской главной физической обсерваторіи за 1906 г., представленный Императорской Академіи Наукъ М. Рыкачевымъ. С.-Пб. 1907. 136 стр. Цѣна 1 руб. 80 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XX. № 2).

— *Хвостовъ, Михаилъ.* Исследования по исторіи овмана въ эпоху эллинистическихъ монархій и Римской имперіи. I. Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта. Казань 1907. XXVII+479 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— Собраніе важнѣйшихъ трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами (1774—1906). Съ введеніемъ и примѣчаніями проф. В. Н. Александренко. Варшава 1906. VIII+585+VI стр. Цѣна 3 руб. 50 коп.

— *SCRIPTORES REBUM POLONICARUM tomus XIX continent: Stanisłai Oświęcim diarium 1643—1651. Pisarze dziejów polskich tom XIX zawiera: Stanisława Oświęcimsa Dyaryusz 1643—1651.* Wydał Dr. Wiktor Czermak. W Krakowie

1907. LXXV+487 стр.—То же. Tomus XX continent: diaria Comitiorum Poloniae anni 1597. Dyaryusze Sejmowe z roku 1597. W dodatkach: Akta sejmikowe i inne odnoszące się do tego sejmu. Wydał Dr. Eugeniusz Barwiński. W Krakowie 1907. XXVIII+545 стр.

— *Грумъ-Гржимайло, Г. Е.* ОПИСАНІЕ ПУТШЕСТВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ КИТАЙ. Томъ III. Вокругъ Куку-нора, черезъ Нань-шань, Вэй-шань и вдоль Восточнаго Тянь-шан'я обратно на родину. Съ картою на трехъ листахъ, 25-ю фотографіями и 29 пиннографіями въ текстѣ. С.-Пб. 1907. VI+531 стр. (Издание Императорскаго Русскаго Географическаго Общества).

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

МЕТОДИКА ПРАВОПИСАНИЯ ПО ВОЗЗРЪНІЯМЪ РУССКИХЪ ПЕДАГОГОВЪ И ПО УЧЕНІЮ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ШКОЛЫ.

Въ минувшемъ году русская литература обогатилась капитальнѣйшимъ ученымъ трудомъ по воспитанію и обученію. Мы разумѣемъ изданный въ С.-Петербургѣ, подъ редакціей А. П. Пчосава, переводъ сочиненія Лая „Экспериментальная дидактика“. Содержаніе книги неизмѣримо шире, нежели можно ожидать, судя по ея скромному заглавію. Въ книгѣ Лая мы имѣемъ не только общую дидактику въ тѣсномъ смыслѣ слова, но сводъ свѣдѣній по биологіи, физиологіи, гигиенѣ, психологіи, эстетикѣ, педагогикѣ и дидактикѣ, которыя нужно имѣть лицу, прикосновенному къ дѣлу воспитанія и обученія, при чемъ авторъ всегда стоитъ на почвѣ фактовъ, научно установленныхъ и экспериментально провѣренныхъ. Будучи по существу своему реальной энциклопедіей и въ то же время философіей воспитанія и обученія, сочиненіе Лая должно составлять настольную книгу всякаго учителя и воспитателя, желающаго вести свое дѣло въ уровень съ требованіями современнаго знанія.

Просматривая книгу, мы замѣтили въ ней однако же пробѣлъ, весьма существенный для русскаго читателя. Она предполагаетъ извѣстной читателю предыдущую работу д-ра Лая, положившую основаніе его ученой репутаци, — его руководство по обученію правописанію (*Führer durch den Rechtschreibunterricht*, выш. 2 изд. въ Висбаденѣ въ 1899 г.), и лишь вскользь касается ея содержанія. По у насъ этотъ послѣдній трудъ Лая почти вовсе не извѣстенъ. А между тѣмъ онъ заключаетъ въ себѣ такъ много цѣннаго въ педагогическомъ смыслѣ матеріала, что достаточное ознакомленіе съ нимъ для русскаго педагога совершенно необходимо.

Объясненное обстоятельство внушило намъ мысль познакомить русскихъ учителей съ результатами изслѣдованія Лая въ области правописанія, и, чтобы значеніе этого изслѣдованія обрисовалось во всемъ его объемѣ, мы признали необходимымъ предварительно резюмировать тѣ результаты, которые выработала по этой отрасли обученія русская педагогическая мысль.

I.

Правописаніе есть та область обученія, гдѣ школьная практика встрѣчаетъ наиболѣе серьезныя затрудненія въ достиженіи своихъ цѣлей не только у насъ, но и повсемѣстно. Такое положеніе вещей обуславливается, съ одной стороны, невозможностію построить логическую систему правилъ правописанія, которыя составляютъ примѣненіе весьма разнообразныхъ и частію взаимно себя исключаютщихъ принциповъ, съ другой стороны тѣмъ, что до сихъ поръ не удалось установить научно-обоснованную теорію обученія правописанію.

Не смотря на то, что вопросъ объ упрощеніи орфографіи составляетъ предметъ серьезныхъ изысканій высшихъ ученыхъ учрежденій и педагоговъ практиковъ во всѣхъ странахъ образованнаго міра, и что въ нѣкоторыхъ государствахъ облегчительныя правила правописанія введены уже въ практику школы, все же едва ли скоро наступитъ время, когда правила орфографіи получатъ то, чего имъ недостаетъ,—единство основанія, и еще долго, долго орфографія будетъ представлять агломератъ частныхъ предписаній, трудно согласимыхъ, порой же и прямо противорѣчивыхъ, а потому и крайне неудобныхъ для цѣлесообразнаго примѣненія. При такихъ обстоятельствахъ, правильная постановка обученія правописанію является для школы вопросомъ первостепеннаго значенія.

Имѣются данныя полагать, что грамотность письма составляла серьезную заботу нашихъ педагоговъ съ весьма отдаленнаго времени. Еще въ одномъ изъ букварей XVII столѣтія читаемъ: „Учай да на-кажеть дѣтище, еда имать чести или писати, соузы и предлоги храни-ти опасно и въ словѣхъ съ рѣченіями не сліяти, но раздѣльно куюждо часть полагати, и яже въ строцѣ пишемая, вверху строжъ не полагати; писати раздѣльно отъ глагола соузь: *и спасе*, а не съединенно: *испасе*. Паки писати въ строцѣ и раздѣльно соузь и предлогъ отъ именъ сиче: и къ Богу, а не верхострочно: и *к Богу*, и не сліянно *ик Богу*. Подобіѣ и окончанія рѣченій храни-ти, не писати,

ниже глаголати *е* вмѣсто *ъ*, ни *ъ* вмѣсто *е*"¹⁾). Изъ этого отрывка мы видимъ также, что ровнителю правильнаго письма съ давнихъ поръ возлагають свои надежды на грамматику.

Мысль о томъ, что правильное письмо составляетъ результатъ изученія правилъ грамматики, весьма долгое время составляла общее убѣжденіе педагоговъ и стала терять свой кредитъ лишь сравнительно недавно. Крѣпко держалось вѣрованіе, что „грамматика есть наука, научающая правильно говорить и писать“. Эта идея опредѣляла и методъ обученія правописанію. Сообщали сначала учащимся грамматическія правила, а потомъ доставляли учащимся практику для примѣненія этихъ правилъ. Въ первомъ дошедшемъ до насъ учебномъ планѣ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, относящемся къ той эпохѣ, когда вводился уставъ 1828 г. и когда у насъ слагалась существующая училищная система, занятія по руссійскому языку въ уѣздныхъ училищахъ опредѣлены слѣдующей схемой. I классъ. Руссійская грамматика до словосочиненія. II классъ. Окончаніе грамматики съ повтореніемъ пройденнаго въ первомъ классѣ. Упражненіе въ разборѣ грамматическомъ. Списываніе съ печатныхъ книгъ и письмо по диктовкѣ. III классъ. Практическія упражненія. Занятія руссійской словесностію въ гимназіяхъ, по тому же учебному плану, начинались такимъ образомъ. Классъ I. Начальныя основанія этимологіи съ изустнымъ и письменнымъ упражненіемъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Классъ II. Полное объясненіе этимологіи. Упражненіе въ разборѣ грамматическомъ. Классъ III. Объясненіе правилъ правописанія и упражненія въ правописаніи и разборѣ грамматическомъ. Предложенія и періоды. Классъ IV. Синтаксисъ и стопосложеніе. Выучиваніе легенъ стиховъ, правописаніе и объясненіе періодовъ²⁾ и т. д. Нужно прибавить, что учебный планъ, извлеченія изъ котораго здѣсь приведены, былъ составленъ профессоромъ Грефе, питомцемъ германской школы. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ вводилъ порядокъ вещей, аналогичный тому, который былъ принятъ въ отечествѣ составителя.

Учебный планъ Грефе лишь на два года предшествовалъ появленію въ свѣтъ знаменитаго труда Дистервега „Wegweiser für deutsche

¹⁾ Систем. обзоръ русск. нар. учебн. литературы. Отдѣлъ по родному языку. Изд. 2. С.-Пб. 1895.

²⁾ Сборникъ распоряженій по мѣн. нар. пр. Т. I. Царк. мѣн. нар. проsv. 29-го іюня 1832 г. Приложение.

Lehrer“, въ которомъ этотъ педагогъ подвергъ рѣзкой критикѣ современную методику нѣмецкой школы и, между прочимъ, свидѣтельствовалъ о крайне неудовлетворительной постановкѣ преподаванія правописанія. Правописаніе, по словамъ Дистервега, было истинною мукою для дѣтей и взваливало на учителя Сизифову работу—исправленіе необозримой массы ошибокъ, число которыхъ не уменьшалось съ теченіемъ времени. Въ объясненіи причины такого положенія вещей Дистервегъ становился на точку зрѣнія, выдѣляющую его изъ ряда его предшественниковъ по профессіи: безграмотность учащихся онъ объяснял не пренебреженіемъ къ изученію грамматики, а не рациональнымъ способомъ преподаванія правописанія. На *всѣхъ* ступеняхъ обученія, по его словамъ, изучались *всѣ* правила правописанія, Отдѣльныя упражненія направлялись не на одно какое-нибудь правило, но на *всѣ* вмѣстѣ. Не доставало методической постепенности. Соотвѣтственно такому діагнозу описаннаго школьнаго недуга, цѣлебное средство Дистервегъ видѣлъ въ установленіи строго систематизированнаго диктанта.

Какъ видно изъ сказаннаго, Дистервегъ основу правильнаго въ орфографическомъ смыслѣ письма усматривалъ въ звуковой сторонѣ языка и слуховыхъ впечатлѣніяхъ учащихся. Такое мнѣніе раздѣляли также извѣстные дѣятели народнаго образованія Гарнишъ и Рудольфъ. Но другіе нѣмецкіе педагоги смотрѣли на дѣло иначе. Такъ Борманъ и Керъ, въ выработкѣ орфографическихъ навыковъ, важнѣйшую роль приписывали зрительнымъ впечатлѣніямъ. Подтвержденіе такого взгляда на дѣло они находили въ томъ обстоятельстве, что глухонѣмые, для которыхъ слуховыхъ впечатлѣній не существуетъ, сравнительно легко справляются съ правописаніемъ. Вандеръ, Гейзе и Моръ существенной стороной дѣла признавали изученіе правилъ правописанія. Соотвѣтственно такому различію взглядовъ на основу орфографическихъ навыковъ, упомянутые педагоги существенно расходились между собою и по вопросу о приемахъ обученія правописанію. Гарнишъ, Борманъ и Керъ не придавали серьезнаго значенія теоріи. Керъ говоритъ въ своемъ руководствѣ для учителей, что если ученикъ можетъ безошибочно написать на память 12—16 статей изъ хрестоматіи, то для правописанія и стилистики онъ приобрѣлъ больше, чѣмъ еслибъ онъ заучилъ сотню правилъ. Дистервегъ, Рудольфъ и Моръ много диктовали; Борманъ былъ врагомъ диктовки; Керъ допускалъ ее, но не придавалъ серьезнаго значенія. Обособленное положеніе въ ряду методологовъ правописанія занималъ Ваврицкъ. По

его мнѣнію, успѣшность орфографическихъ упражненій основывается, на ряду съ зрительными и слуховыми впечатлѣніями, также на мускульномъ чувствѣ руки и голосовыхъ органовъ ¹⁾.

II.

Не болѣе единодушія мы находимъ и у нашихъ отечественныхъ педагоговъ.

Разработка методическихъ вопросовъ началась у насъ въ половинѣ минувшаго столѣтія. Послѣ основательныхъ подготовительныхъ работъ Буслаева ²⁾, Перевлѣскаго ³⁾ и Басистова ⁴⁾, представлявшихъ всестороннюю весьма разумную критику современной системы преподаванія родного языка и установившихъ общія начала рациональной постановки этой отрасли обученія, являются капитальные труды Ушинскаго, въ которыхъ дана цѣлая система организаціи начального обученія родному слову, основанная на педагогическихъ началахъ и обработанная всесторонне. Создавая свою систему, Ушинскій далъ подобающее мѣсто и вопросу объ орфографіи. Въ отношеніи къ этому предмету, идеи его сводятся къ нижеслѣдующимъ положеніямъ.

„Грамматическая правильность рѣчи изустной и письменной есть не только знаніе, но и привычка, или, лучше сказать, очень сложная и обширная система мелочныхъ навыковъ выразить свои мысли правильно въ рѣчи и на письмѣ. Для грамотности мало того, чтобы человѣкъ зналъ грамматическія правила (а ихъ множество), но необходимо, чтобы онъ привыкъ мгновенно выполнять ихъ“. Но „правила навыкомъ не усваиваются, хотя и можно усвоить навыкомъ соблюденіе какого либо правила, даже не имѣя понятія о самомъ правилѣ. Такъ усваиваютъ себѣ правила писаря, много переписывавшіе съ правильныхъ образцовъ. Но такое усвоеніе было бы слишкомъ длинно и тягостно для дѣтей, еслибъ на помощь къ нему не было призвано сознаніе правилъ, по которымъ пишется такъ, а не иначе“ ⁵⁾. Мнѣніе, высказанное профессоромъ Некрасовымъ (въ сочиненіи „о значеніи формъ русскаго глагола“), что грамматика не научаетъ говорить и писать правильно, Ушинскій признаетъ ошибочнымъ. „Мы

¹⁾ Blätter für die Schulpraxis. Beilage d. Preuss. Lehrerzeitung. 1906, № 5.

²⁾ О преподаваніи отечественнаго языка. М. 1844 и 1867 гг.

³⁾ Практическая русская грамматика. С.-Пб. 1854—1855 гг.

⁴⁾ Забѣтки о практическомъ преподаваніи русскаго языка. М. 1868 г.

⁵⁾ Руководство къ преподаванію по „Родному Слову“. Ч. II, изд. 4. С.-Пб. 1873.

знаемъ“, говоритъ онъ, „это ходячее мнѣніе, которое теперь въ такой же модѣ, въ какой было когда-то мнѣніе противоположное, что русская грамматика учитъ говорить и писать правильно по русски; но думаемъ, что оба эти мнѣнія одинаково односторонни и потому ложны. Если русскіе не изъ грамматики выучиваются *говорить* правильно по русски, однимъ навыкомъ, то нельзя никакъ сказать, чтобы безъ грамматики, однимъ навыкомъ, еще легче было выучиться правильно *писать*, чѣмъ съ помощію грамматики“. „Для усвоенія правильного письма дѣтми, конечно, нужна практика, но практика, руководимая грамматикою“. „Многое въ правописаніи можетъ быть достигнуто сознательнымъ пониманіемъ“. „Если и возможно пріобрѣсти правильность въ письмѣ однимъ навыкомъ, то развѣ въ продолженіи очень долгаго времени и притомъ механическимъ переписываніемъ правильныхъ образцовъ, какъ пріобрѣтають иные писаря. Но такой способъ пріобрѣтенія для дѣтей, которымъ придется съ первыхъ же лѣтъ ученія не списывать, а выражать свои мысли, переданныя имъ изустно, совершенно не приложимъ. Понятно само собою, почему, при обученіи дѣтей правописанію, должно призывать въ помощь грамматическія правила, облегчающія и ускоряющія навыки“.

„И это дѣло не можетъ быть откладываемо, потомучто дѣтя чѣмъ долѣе пишетъ неправильно, тѣмъ труднѣе потомъ отвыкаетъ отъ ошибокъ“. „Если мы не выучили мальчика говорить и писать правильно до 12 или 13 лѣтъ, то можемъ быть увѣрены, что грамматическія ошибки будутъ повторяться у него очень и очень долго, можетъ быть, даже и во всю его жизнь, и *будутъ повторяться тѣмъ дольше и тѣмъ упорнѣе*, чѣмъ дѣятельнѣе духовная природа этого человѣка“ ¹⁾.

Интересы правописанія нельзя не имѣть въ виду на самыхъ первыхъ порахъ обученія грамотѣ. „Если наставникъ пріучилъ дѣтя вѣрно разлагать слова на слоги и слоги на звуки и, наоборотъ, складывать слова изъ звуковъ, то этимъ самымъ онъ положилъ уже прочное основаніе правописанію; ибо огромное большинство словъ въ языкѣ пишется такъ, какъ выговаривается. Отступленія отъ этого бываютъ только или ради производства, или ради употребленія, которое не всегда согласуется и съ производствомъ; но и тѣхъ и другихъ отступленій, какъ ни много ихъ кажется для того, кто ихъ изучаетъ, все

¹⁾ Руководство къ преподаванію по „Родному Слову“. Ч. II. Изд. 4. С.-Пб. 1873 г. Курсивъ принадлежитъ Ушинскому.

же гораздо менѣе, чѣмъ словъ, пишущихся согласно произношенію. Слѣдовательно, хорошій, ясный выговоръ словъ, такой, чтобы каждый изъ звуковъ, составляющихъ слово, былъ слышенъ, и чуткое ухо въ различеніи этихъ звуковъ—вотъ главные основанія правописанія“¹⁾

Но въ качествѣ специальныхъ упражненій съ орфографическою цѣлію Ушинскій рекомендуетъ переписку, письмо заученнаго на память и диктовку.

Переписка однакожь, по мнѣнію Ушинскаго, есть оружіе обоюдоострое. Содѣйствуя несомнѣнно выработкѣ навыка къ грамотному письму, она, при неумѣломъ ея веденіи, можетъ обратиться въ орудіе отупленія. „Заставляя дѣтей списывать, надобно всегда имѣть въ виду, что эта, хотя необходимая, но механическая работа сознанія затрудняетъ мышленіе гораздо болѣе, чѣмъ механическая же работа рубить или ногъ, при которой голова продолжаетъ работать свободно“. „Переписка не только не даетъ головѣ развивающей работы, но напротивъ мѣшаетъ ей работать гораздо болѣе, чѣмъ рубка дровъ, ходьба, или какая бы ни было другая, чисто физическая дѣятельность, отчего отличные писаря, съ самаго дѣтства занимающіеся этой работой, отличаются замѣчательнымъ тупоуміемъ. Вотъ почему, хотя мы и допускаемъ пользованіе перепиской, какъ средствомъ изученія орфографіи, но въ то же время совѣтуемъ не давать слишкомъ большихъ размѣровъ этому упражненію“²⁾. „Такъ какъ всякая переписка, оставаясь только перепискою, оставляетъ голову безъ работы“, то Ушинскій соединяетъ съ этимъ занятіемъ цѣлый рядъ логическихъ и стилистическихъ упражненій. „Для первыхъ письменныхъ упражненій, которыми должны всегда сопровождаться упражненія въ изустномъ словѣ и чтеніи, могутъ служить группы отдѣльныхъ словъ, выставленныя въ учебникѣ (Родное Слово) подъ нумерами. По окончаніи чтенія учитель приказываетъ ученикамъ написать по три, по четыре названія игрушекъ и учебныхъ вещей. Дѣти, читавшія внимательно, напишутъ безъ ошибки. Чѣмъ болѣе онѣ привыкаютъ къ письму, тѣмъ большее число словъ должны написать“³⁾. „Когда дити навькнетъ въ перепискѣ отдѣльныхъ словъ, тогда слѣдуетъ дать ему нѣсколько болѣе самостоятельное упражненіе — заставляя его самого

¹⁾ Ibid.

²⁾ Руководство къ преподаванію по „Родному Слово“. Часть II. Изд. 4. С.-Ииб. 1873 г.

³⁾ Руководство къ преподаванію по „Родному Слово“. Ч. I. Изд. 12. С.-Ииб. 1875 г.

уже подбирать слова, и преимущественно изъ тѣхъ, которыя онъ уже писалъ“. „Вмѣстѣ съ этимъ должна идти переписка съ книги пословицъ и самыхъ коротенькихъ анекдотовъ и рассказцевъ. Переписываемая поговорка должна быть прежде всего понята, на сколько, конечно, можетъ быть понята учениками этого возраста“. „За письмомъ отдѣльныхъ словъ должно слѣдовать письмо цѣлыхъ предложеній въ отвѣтъ на многочисленные вопросы, выставленные въ первой части „Родного Слова“. Порядокъ этого упражненія такой же, какъ и предыдущаго: сначала письмо въ классѣ уже на бумагѣ, потомъ поправка, потомъ переписка или въ классѣ, или дома“ ¹⁾. Все это—упражненія для перваго года обученія. Во второй годъ упражненія усложняются. Послѣ отвѣтовъ на отдѣльные вопросы ученики приступаютъ уже къ составленію связанныхъ изложеній текста, прочитаннаго и объясненнаго въ классѣ, и даже маленькихъ сочиненій, содержаніемъ которыхъ служить сравненіе предметовъ съ точки зрѣнія сходства и различія. Для цѣлей же собственно орфографическихъ вводится „письмо, безъ помощи книги, стихотворныхъ и прозаическихъ статей, предварительно заученныхъ дѣтьми на память“. „При письмѣмъ наизустъ книжки должны быть отобраны у учениковъ, а потомъ вновь раздаются имъ для того, чтобы они по печатному тексту поправили сдѣланныя ими ошибки. Пересмотръ уже поправленныхъ тетрадей можно сдѣлать посредствомъ самихъ же учениковъ, поручая каждому ученику проверить чужую тетрадку по книгѣ“ ²⁾. Въ третьемъ году обученія продолжаютъ упражненія дѣтей въ составленіи сочиненій (въ формѣ описанія и письма), а рядомъ съ этимъ вводится диктовка, „которая въ первые два года ученія была преждевременною. Статья, избранная для диктовки, сначала прочитывается вслухъ учителемъ. Вопросами выспрашивается все ея содержаніе, раздѣляются на части, а части на предложенія, замѣчаются слова, въ которыхъ, какъ можетъ ожидать учитель, большинство класса сдѣлаетъ ошибку. Такъ, на примѣръ, обращается вниманіе на слова, очень сходныя по звукамъ, на слова съ буквою ѣ въ корнѣ и т. п., словомъ, смотря по тому, на сколько въ это время пройдена дѣтьми практическая грамматика. Затѣмъ начинается самая диктовка, при чемъ одинъ изъ слабѣйшихъ учениковъ пишетъ на классной доскѣ, а другіе въ своихъ тетрадкахъ, Гораздо лучше, если классную доску можно повернуть такъ, чтобы

¹⁾ Тоже. Ч. II. Изд. 4. С.-Пб. 1873 г.

²⁾ Ib.

другіе ученики не видѣли написаннаго на ней. Диктовать должно медленно, ясно, но цѣлыми предложеніями, а не отдѣльными словами, чтобы дѣти привыкли удерживать въ умѣ цѣлыя мысли, а не ловили звуковъ. Лучше повторить предложеніе, хотя и это не хорошо, чѣмъ раздѣлять его на слова. При первыхъ диктовкахъ весьма полезно заставлять одного изъ лучшихъ учениковъ повторять сказанное учителемъ предложеніе и потомъ, записывая каждое слово, въ то же время произносить его вслухъ. Иногда это можетъ дѣлать и цѣлый классъ, если онъ при этомъ никому не мѣшаетъ. Если дѣти всѣ учились писать вмѣстѣ и въ тактъ, то это дѣлается очень равномерно и дружно. Когда диктантъ конченъ, классная доска поворачивается, и ученики сами исправляютъ ошибки своего слабѣйшаго товарища, при чемъ объясняютъ причину поправки. Если какія-нибудь ошибки не замѣчены учениками, то учитель подчеркиваетъ слова съ ошибками; если и тогда ученики не замѣтятъ ошибокъ, то учитель поправляетъ уже самъ, объясняя каждую поправку. Затѣмъ остальные ученики поправляютъ свои тетради по классной доскѣ, и если ошибокъ менѣе, чѣмъ строкъ, то могутъ оставить диктантъ не переписаннымъ, а въ противномъ случаѣ должны переписать его дома. Ученикъ, писавшій на доскѣ, просто списываетъ съ нея въ тетрадь“. „Диктантъ долженъ повторяться какъ можно чаще: если возможно, то черезъ классъ, но отъ каждаго урока не должно отнимать болѣе четверти часа“. „Такъ называемая какографія, т. е. поправка нарочито съ ошибками написаннаго учителемъ, теперь вездѣ почти оставлена, но это напрасно. Какографія, употребляемая во время и съ умѣньемъ, какъ замѣтилъ еще Дистервегъ,—занятіе весьма полезное; но ее должно употреблять только какъ повѣрку и закрѣпленіе орфографическихъ знаній, уже пріобрѣтенныхъ ученикомъ“. „Если же какографію употреблять не своевременно и часто, то она можетъ только принести вредъ, ибо неправильно написанное слово затверживается въ памяти зрѣнія и потомъ, припоминая это слово съ ошибками, ученикъ уже не знаетъ, правильно ли оно написано или нѣтъ, и пишетъ, какъ оно затвердилось у него въ памяти зрѣнія, т. е. неправильно“¹⁾).

Отношеніе занятій правописаніемъ къ прочимъ составнымъ частямъ начальнаго обученія письму и мѣсто ихъ въ общей системѣ курса роднаго языка Ушинскій опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. „Письменные упражненія имѣютъ двѣ цѣли: во-первыхъ, правильное по

¹⁾ Ib.

правописанію и красивое по чистописанію письменное изложеніе своихъ или чужихъ мыслей; а во-вторыхъ—самую толковость изложенія, т. е. чтобы изложеніе передавало то, что слѣдовало передать, и было при этомъ послѣдовательно, связано, ясно и просто. Первая цѣль можетъ быть достигаема безъ второй, и дѣйствительно, достигается отдѣльно, когда дитя выражаетъ на письмѣ чужія слова: переписываетъ съ книги, пишетъ наизусть заученное или пишетъ подъ диктовку. Вторая цѣль никогда не должна быть достигаема отдѣльно, и всякое толковое изложеніе на письмѣ своихъ мыслей или, по крайней мѣрѣ, своихъ выраженій должно быть въ то же время безукоризненнымъ по правописанію и возможно чистымъ и красивымъ по чистописанію. Одни изъ педагоговъ совѣтуютъ отдѣльное достиженіе этихъ цѣлей, другіе предпочитаютъ совмѣстное. Мы же думаемъ, что если дитя съ самаго начала *совмѣстнаго обученія чтенію и письму по звуковой методѣ* ведется правильно, то весьма часто можно соединять упражненія въ письменномъ выраженіи *своихъ* мыслей съ упражненіями въ правописаніи; но если развитіе ученика и его умѣнье читать, а иногда и просто возрастъ, далеко опередили правописаніе, то тогда лучше упражнять въ правописаніи отдѣльно, не отвлекая вниманія учащагося никакими посторонними правописанію соображеніями“. „Учителя, односторонне увлекающіеся однимъ умственнымъ развитіемъ дѣтей и пренебрегающіе многочисленными орфографическими ошибками ихъ, въ виду толковости изложенія, бываютъ часто причиной неоправимой потомъ ошибочности въ письмѣ, которая можетъ впоследствии отозваться для ученика тѣмъ, что онъ не кончитъ курса гимназій или не попадетъ въ университетъ, да и вообще прослыветъ за безграмотнаго“ ¹⁾.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что почвой, на которую опирается преподаваніе во всѣхъ его стадіяхъ, служитъ для Ушинскаго родная литература. „Всѣ грамматическія наблюденія и выводимыя изъ нихъ опредѣленія и правила мы привязываемъ къ литературнымъ образцамъ, выучиваемымъ наизусть такъ, что дитя можетъ произносить и писать ихъ безъ ошибки“. „Запоминаемая какою-нибудь тишическое стихотвореніе, легко, рѣзко и прочно отпечатлѣвающееся въ памяти, дитя привязываетъ къ нему и грамматическія правила, которыя узнало при разборѣ выученнаго стихотворенія“ ²⁾.

¹⁾ Ibid. Курсивы—Ушинскаго.

²⁾ Ibid.

Такова теорія обученія правописанію, предложенная Ушинскимъ и примѣненная имъ въ составленныхъ имъ учебникахъ. Нельзя не отдать должной справедливости широтѣ педагогическаго кругозора автора, его непредубѣжденному строгому вниманію ко всемъ сторонамъ вопроса, свободному отъ увлеченій объективизму, осторожности въ заключеніяхъ и выводахъ; но при всемъ этомъ нельзя не замѣтить, что со стороны логической устойчивости теорія Ушинскаго вызываетъ не маловажныя сомнѣнія. Такъ авторъ устанавливаетъ положеніе, что правописаніе есть не только знаніе, но и привычка. Принимая же во вниманіе, что привычка есть способность много разъ повторенное дѣйствіе совершать механически, безъ участія разсудка, слѣдовало бы ожидать, что авторъ дастъ самую широкую постановку дѣйствіямъ, повтореніе которыхъ создаетъ привычку правописанія. Въ дѣйствительности этого не произошло. Упражненія, рекомендуемыя авторомъ въ качествѣ специальныхъ пріемовъ для образованія привычки правописанія,—переписка, диктовка и письмо заученнаго наизусть, слагаются изъ весьма разнообразныхъ элементовъ, въ ряду которыхъ тѣ изъ нихъ, которые слѣдуетъ считать производителями правильнаго письма, занимаютъ весьма скромное мѣсто. Переписка, изъ опасенія вреднаго вліянія ея механичности на умственное развитіе дитяти, обращена главнымъ образомъ въ логико-стилистическія и грамматическія упражненія, очень остроумныя, очень интересныя и полезныя, но лишь весьма мало содѣйствующія образованію твердыхъ навыковъ письма, такъ какъ здѣсь вниманіе ученика отвлечено въ сторону интеллектуальныхъ интересовъ. Диктовка вводится только на третьемъ году обученія, но и при этомъ значительнѣйшая часть времени поглощается предупредительными замѣчаніями и экзегетикой, вслѣдствіе чего на долю самаго письма остается очень немного. Что касается письма заученнаго на память, то оно въ дѣлѣ развитія навыковъ правильнаго письма имѣетъ прямо отрицательное значеніе: полезнымъ оно могло бы быть лишь при условіи, если ученики будутъ воспроизводить разученный текстъ абсолютно безошибочно, но этому предположенію очевидно не можетъ быть мѣста. Нельзя не обратить вниманія также на то, что не малое количество другихъ отдѣльныхъ упражненій, допускаемыхъ методикою Ушинскаго, могутъ имѣть вредное вліяніе на выработку правильнаго письма. Сюда должны быть отнесены всѣ вообще пріемы, основанные на разсматриваніи учениками неправильно написаннаго текста, какъ, напримѣръ, исправленіе учениками ошибокъ въ тетрадяхъ другихъ учениковъ, письмо на классной доскѣ

слабѣйшихъ учениковъ, обученіе при посредствѣ каллиграфіи. Сюда же должно отнести переписку написаннаго въ классѣ на дому, разрѣшеніе имѣть черновыя и бѣловыя тетради и т. д. Надо уберечь учащихся отъ всякихъ случаевъ видѣть неправильно написанное слово и въ особенности отъ возможности написать слово ошибочно; потому что если созерцаніе и воспроизведеніе правильно написанныхъ образцовъ обезпечиваетъ возникновеніе привычки правильнаго письма, то и наоборотъ: созерцаніе и воспроизведеніе ошибочныхъ формъ неминуемо ведетъ къ укорененію привычки къ безграмотному письму. Такимъ образомъ, Ушинскій, признавая, что грамотное письмо есть привычка, даетъ для развитія этой привычки средства слабыя или явно ненадежныя. Правда, по мнѣнію Ушинскаго, кромѣ привычки, грамотное письмо есть и знаніе. Но изъ смысла разсужденій автора явствуетъ, что главнымъ моментомъ въ данномъ случаѣ остается все-таки привычка, такъ какъ можно совсѣмъ не знать правилъ правописанія и писать правильно, но нельзя быть грамотнымъ даже и при полномъ знаніи этихъ правилъ, если нѣтъ привычки къ правильному письму. Такимъ образомъ, недостатокъ практики въ письмѣ отнюдь не можетъ восполняться избыткомъ ея въ логико-стилистическихъ и грамматическихъ упражненіяхъ.

III.

Какъ бы то ни было, Ушинскій далъ цѣльную и обработанную практически теорію обученія правописанію. Сопоставляя эту теорію съ той практикой дѣла, которой слѣдовала дореформенная школа, мы не усматриваемъ между ними принципиальнаго различія. Въ обоихъ случаяхъ въ основѣ лежитъ грамматика; въ обоихъ случаяхъ переписка и диктантъ разсматриваются какъ существеннѣйшіе факторы правописанія. Новость въ системѣ Ушинскаго составляли введенные имъ приемы грамматическаго обученія и способы веденія практическихъ упражненій. Такимъ образомъ, Ушинскій не былъ въ данной области радикальнымъ новаторомъ, какъ и Дистервегъ. Онъ не отрѣшился вполне отъ дореформенныхъ воззрѣній и остался при убѣжденіи, что правописанію учить грамматика. Свойственное ему педагогическое чутье и блестящій синтетическій талантъ спасли Ушинскаго отъ рѣзкихъ крайностей и грубыхъ ошибокъ. Кодифицированное имъ грамматическое направленіе преподаванія правописанія смягчалось проникающей всю его систему идеей воспитывающаго обученія.

Нельзя того же сказать о продолжателяхъ Ушинскаго, которые еще менѣе оказались способными отрѣшиться отъ вліянія той школы, которую прошли сами. Твердо памятуя слова учителя, что „обученіе правописанію не должно быть откладываемо“, что „диктантъ долженъ повторяться какъ можно чаще“, что „для усвоенія правильнаго письма нужна практика, но практика, руководимая грамматикой“, они изощряли всю свою находчивость на изобрѣтеніе такихъ пріемовъ преподаванія, которые отрывали бы возможность обогащать начинающихъ учиться дѣтей какъ можно скорѣе наиболѣе полнымъ ассортиментомъ грамматическихъ правилъ, полезныхъ для правописанія. Въ результатъ получился грамматическій ригоризмъ, котораго не знала и дореформенная школа.

Сравнительную умѣренность проявилъ лишь ближайшій продолжатель Ушинскаго, баронъ Н. А. Корфъ. Въ лицѣ этого педагога мы имѣли глубокаго знатока народнаго быта вообще и народной школы въ особенности. Прекрасно изучившій всѣ условія реальной обстановки школы, баронъ Н. А. Корфъ былъ принципиальнымъ противникомъ всякихъ кабинетныхъ измышленій. Но и онъ заплатилъ дань времени. Онъ также изобрѣлъ свой способъ обученія правописанію учениковъ народныхъ училищъ за двѣ учебныя зимы, при двухъ часахъ въ недѣлю, при помощи сорока диктовокъ и 120 орфографическихъ письменныхъ работъ. Изобрѣтатель признавалъ свой способъ не обезпечивающимъ сообщенія учащимся „грамматическаго матеріала въ желательной полнотѣ“, но все же такимъ, „который возможно предложить, сообразно подготовкѣ большинства учениковъ народной школы *настоящаго* времени и сообразно силамъ большинства неподготовленныхъ учителей,—наконецъ, сообразно времени, состоящему въ распоряженіи народнаго учителя, которому поручается одновременно *три* класса, и который истощаетъ себя шестью уроками въ день“¹⁾. По словамъ барона Корфа, „практика многихъ и многихъ школъ уже доказала, что и неподготовленный учитель можетъ освоить дѣтей съ значеніемъ предложенія, а следовательно и съ разстановкою знаковъ препинанія, если онъ придержится“ упомянутыхъ выше „диктовокъ и работъ. Точно также доказано опытомъ весьма многихъ школъ, что если даже *неподготовленный* учитель придержится этихъ „диктовокъ, то онъ научитъ дѣтей тому, что такъ трудно дается въ началѣ обученія—когда писать предлоги слитно и когда раздѣльно;

¹⁾ Первоначальное правописаніе. С.-Пб., 1882. Курсивы барона Корфа.

онъ научить дѣтей употребленію прописныхъ буквъ, буквы *і*, главнѣйшихъ случаевъ употребленія буквы *ѣ*, онъ достигнетъ того, что дѣти будутъ правильно ставить букву *ь* въ окончаніи глаголовъ и склоняемыхъ частей рѣчи, равно какъ и въ нѣкоторыхъ корняхъ¹⁾. „Множество работъ необходимо потому, что правописаніе получаетъ практическое значеніе только съ того времени, когда пишущій получилъ возможность писать правильно безъ участія *сознанія* въ правильной постановкѣ буквъ, т. е. когда *знаніе* перейдетъ въ *навыкъ* и, на основаніи такъ называемой *первой* памяти, можетъ сосредоточиться въ *руку* на столько, что рука будетъ писать правильно безъ участія *головнаго мозга*“²⁾. Къ числу упражненій, содѣйствующихъ закрѣпленію навыка къ правильному письму, бар. Корфъ наряду съ диктовкой, чтеніемъ и перепиской правильно написанныхъ или напечатанныхъ образцовъ, относитъ „предъявленіе образцовъ, написанныхъ *неправильно*, съ ошибками по отношенію къ *пройденнымъ* правиламъ“, полагая однакожь, что такое упражненіе должно происходить не часто, приблизительно въ пропорціи 1 : 10 прочихъ работъ³⁾.

Гораздо дальше заходитъ въ своемъ грамматическомъ увлеченіи В. И. Водовозовъ, у котораго оно порою простирается до забвенія элементарныхъ требованій здравой педагогики. Грамматическія упражненія и диктовка начинаются у него съ перваго года обученія. „Къ концу втораго курса уже должны быть основательно усвоены всѣ правила правописанія безъ грамматическихъ терминовъ. Въ третьемъ курсѣ дѣти научаются различать части рѣчи, узнаютъ названія падежей, родовъ, чиселъ, временъ, наклоненій и видовъ и упражняются въ склоненіяхъ и спряженіяхъ“. „На правописаніе и усвоеніе нѣкоторыхъ грамматическихъ правилъ“, говоритъ Водовозовъ, „слѣдуетъ обратить все вниманіе, и если за дѣло принятыся, какъ слѣдуетъ, съ самаго начала, то не трудно достигнуть съ учащимися значительной правильности письма. Во-первыхъ, главнымъ правиломъ здѣсь служить то, чтобы учащіеся въ продолженіе всего обученія въ первомъ и во второмъ курсѣ *не сдѣлали ни одной ошибки*. Это значить, что преподаватель не допускаетъ ихъ до ошибокъ, заставляя разбирать каждое слово и говорить каждую букву въ словѣ, прежде чѣмъ писать ихъ“. „Сказавши фразу, дѣти сначала ее разбираютъ, а потомъ пишутъ, и при письмѣ всякій разъ говорятъ, какую букву ставятъ,

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. Курсивы Корфа.

³⁾ Ibid.

а ученикъ, назначенный для присмотра, слѣдитъ, ту ли букву они собираются ставить“. „Преподаватель также въ продолженіе всѣхъ трехъ лѣтъ обученія занимается, между прочимъ, грамматическимъ чтеніемъ, служащимъ для усвоенія правилъ правописанія, при чемъ учащіеся слегка отмѣчаютъ въ книгѣ карандашемъ тѣ слога и буквы, которые пишутся иначе, чѣмъ произносятся“ ¹⁾. Нельзя не замѣтить, что система предупрежденія ошибокъ въ письмѣ, не оставляющая ничего для самодѣтельности ребенка, отнимаетъ у занятія всякій педагогическій смыслъ. Совершенно недопустимо также съ воспитательной точки зрѣнія привлекать дѣтей, поступившихъ въ школу для обученія, къ занятію, которое не только ничему ихъ не научаетъ, а еще можетъ оказаться и вреднымъ. Наконецъ грамматическое чтеніе, рекомендуемое авторомъ, также нельзя признать согласимымъ съ требованіями педагогики, требующей приученія учениковъ къ чистотѣ и опрятности прежде всего въ содержаніи учебныхъ принадлежностей.

Педагоги, очень поспѣшающіе сообщеніемъ грамматическихъ правилъ, оправдываются тѣмъ, что они преподають грамматику безъ научныхъ терминовъ. Научные термины однако же затруднительны не столько сами по себѣ, сколько по отношенію къ тѣмъ понятіямъ, которые они обозначаютъ. И преподаваніе безъ терминовъ сплошь да рядомъ оказывается не легче, а труднѣе, чѣмъ преподаваніе съ употребленіемъ терминовъ, такъ какъ, устраняя точныя выраженія, оно вноситъ массу сбивчивыхъ представленій, производящихъ хаосъ въ головѣ учащихся. Съ какими трудностями должно бороться преподаваніе безъ терминовъ, можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующихъ отрывковъ изъ Водовозова. Вотъ, напримѣръ, какъ объясняется употребленіе знаковъ препинанія. „Новая рѣчь, совсѣмъ различная отъ прежде сказанной рѣчи, отдѣляется точкою“. „Точка болѣе всего отдѣляетъ; напротивъ, запятой отдѣляются совсѣмъ близкія рѣчи; запятая ставится также при перечисленіи чего-нибудь и при звательныхъ словахъ. Болѣе чѣмъ запятая, и менѣе чѣмъ точка отдѣляютъ рѣчь точка съ запятой и двоеточіе. Двоеточіе ставится предъ словами другого лица, предъ чужою рѣчью, и передъ тѣмъ, какъ что нибудь перечисляется, когда приводятъ примѣры. Вообще двоеточіе ставится, когда одна рѣчь объясняетъ другую. „Буря мглою небо кроетъ, вихри снѣжныя крутя: то какъ звѣрь она завоетъ, то запла-

¹⁾ Предметы обученія въ народной школѣ. Изд. 2-е. С.-Пб. 1875. Курсъвъ Водовозова.

четь, какъ дитя“. Здѣсь въ рѣчахъ, поставленныхъ послѣ двоеточія, подробнѣе описано, что дѣлала буря, когда крыла небо. „Еще лучше молока сыръ, изъ него приготовляемый: сыръ можно сохранить въ прокъ, брать съ собою въ дорогу“. Второй рядъ рѣчей послѣ двоеточія показываетъ, чѣмъ сыръ лучше. Точка съ запятой пишется тамъ, гдѣ запятой поставить мало,—гдѣ хотя рѣчь идетъ о томъ же, да находимъ особыя части въ разсказѣ. „Буря мглою небо кроетъ, вихри сибѣжные крутя (кроетъ и крутитъ вихри—близкія рѣчи): то какъ звѣрь она завоетъ, то заплачетъ, какъ дитя; то по кровлѣ обветшалой вдругъ соломой зашумитъ; то, какъ путникъ запоздалый, къ намъ въ окошко застучитъ“. Все разсказано, что дѣлаетъ буря, да ея вой и плачь—особое дѣло; то, что шумитъ соломой по кровлѣ—особое дѣло; то, что стучитъ въ окно, опять особое. Коли уже близкія рѣчи отдѣлены запятой, то другія рѣчи, все еще не столь далекія отъ первыхъ, чтобы ихъ отдѣлять точкою, слѣдуетъ отдѣлять точкой съ запятой. Такъ мы и дѣлимъ рѣчь по разрядамъ—вотъ все равно, какъ въ ящикѣ бываютъ большія отдѣленія, а въ каждомъ отдѣленіи еще особыя коробки, а коробки еще раздѣлены на коробки“¹⁾. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что подобнаго рода „провизуарная“ грамматика не только не можетъ имѣть значенія пособія къ приобрѣтенію навыка правильно писать и говорить, но послужитъ въ свою пору, когда ученики приступятъ къ изученію настоящей грамматики, не маловажнымъ препятствіемъ къ ея пониманію и усвоенію.

Еще болѣе увлеченъ въ сторону грамматизма Д. И. Тихомировъ, положившій громадное количество труда, и литературнаго, и педагогическаго на разработку системы элементарнаго обученія родному языку во всѣхъ ея подробностяхъ. Д. И. Тихомировъ видитъ въ грамматикѣ уже не одно служебное орудіе для достиженія цѣлей правильнаго письма, но центральный пунктъ всѣхъ практическихъ упражненій по языку. „Сознательное правописаніе“, по словамъ Тихомирова, „обуславливается знаніемъ грамматическихъ формъ; ни диктовка, ни списываніе не даютъ этого знанія; диктовка только повѣряетъ прежде приобрѣтенныя знанія, или же учитъ правильному письму путемъ впечатлѣній на слухъ и исправленія ошибокъ: списываніе даетъ случайныя, отрывочныя, ничѣмъ не осмысленныя впечатлѣнія на глазъ; только грамматическія письменныя упражненія даютъ знаніе формъ,

¹⁾ Книга для учителей. Ч. I. Изд. 5-е. С.-Пб., 1879.

образуютъ, такимъ образомъ, сознательное письмо, даютъ привычки правильнаго письма“. „Грамматическія упражненія преобладаютъ надъ всѣми другими письменными упражненіями, преслѣдующими достиженіе навыковъ правильнаго письма“ даже въ первомъ году обученія, въ періодъ послѣ прохожденія букваря. Во второмъ году обученія опять „грамматическія упражненія должны преобладать надъ всѣми другими письменными упражненіями, они должны входить въ составъ занятій каждаго дня. Грамматическія упражненія въ этомъ курсѣ производятся дѣтьми преимущественно внѣ класса. Въ классѣ производится только повѣрка этихъ упражненій, при чемъ учитель, заставляя дѣтей произносить слова по слогамъ, побуждая внимательно всматриваться въ буквенныя очертанія словъ,—дѣйствуетъ на зрѣніе и слухъ и чрезъ это способствуетъ къ образованію на будущее время прочныхъ навыковъ правильнаго письма“. „Къ концу третьяго года всѣ грамматическія свѣдѣнія сводятся въ систему“¹⁾.

На сколько правильны соображенія Д. Н. Тихомирова о значеніи грамматическихъ упражненій для выработки навыковъ къ правильному письму, будетъ видно изъ дальнѣйшаго нашего изложенія, въ настоящемъ же случаѣ мы не можемъ не указать на антипедагогичность нѣкоторыхъ пріемовъ обученія орфографіи, рекомендуемыхъ авторомъ. Задаваніе письменныхъ работъ на домъ на второмъ году обученія совершенно недопустимо, такъ какъ чрезъ это наносится рѣшительный и непоправимый ущербъ не только правописанію, но и чистописанію учениковъ. Навыки письма у учениковъ этой ступени еще настолько не тверды, что они не въ состояніи безъ руководства старшихъ даже правильно сѣсть за письмо и положить тетрадь. При томъ же нельзя упускать изъ вида, что значительная часть учащихся лишена самыхъ примитивныхъ удобствъ для письменныхъ занятій дома, что писать имъ приходится не рѣдко сидя на деревянномъ обручкѣ и за столомъ, подпирающимъ подъ губу, въ добавокъ еще просаленномъ остатками пищи. Еще менѣе можно допустить задаваніе на урокъ выучиванія наизусть орфографіи статей изъ книги для чтенія. Если ученикъ понимаетъ основаніе той или иной орфографіи данной статьи, то заучиванія ея на память совершенно безцѣльно. Если же онъ этого не понимаетъ, то является бесполезнѣйшее, мучительнѣйшее и безотраднѣйшее механическое занятіе, которому не можетъ быть мѣста въ педагогическомъ заведеніи.

¹⁾ Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій по родному языку. М. 1889

Близко примыкающій къ Тихомирову по своему направленію Пудыковичъ идетъ еще дальше: увлеченіе грамматикой достигаетъ у него степени настоящаго фанатизма. Вотъ его profession de foi: „Навыкъ въ правописаніи дѣйствительно необходимъ, но навыкъ *разумный, идущій слѣдомъ* за знаніемъ, изъ него вытекающій и на немъ основывающійся. Между тѣмъ, знаніе это можно почерпнуть только изъ грамматики. Поэтому изученіе грамматики роднаго языка и для начальныхъ училищъ крайне необходимо; только изученіе это здѣсь не должно быть догматическимъ, какое дѣйствительно немислимо въ народныхъ училищахъ. Но *что* проходить изъ грамматики въ народныхъ училищахъ и *какъ* проходить? Грамматика въ народныхъ училищахъ должна быть пройдена вся. Все, *подходящее подъ болѣе или менѣе общіе грамматическіе законы*, должно быть не только хорошо усвоено учениками, но должно обратиться въ ихъ навыкъ“. „На второй вопросъ—какому методу слѣдовать при обученіи правописанію? отвѣтимъ: безъ сомнѣнія тому, который, внося больше жизни въ занятія, заставляетъ учениковъ больше думать, логически выводить одно изъ другого—словомъ, самимъ добывать знанія, а не получать ихъ извнѣ, готовыми. Методъ этотъ, извѣстный подъ именемъ *искусательнаго* (эвристическаго), дѣлается мало по малу господствующимъ въ начальномъ обученіи, только относительно правописанія онъ не былъ еще примѣняемъ“¹⁾. Какъ примѣняется Пудыковичемъ эвристическій методъ, видимъ, напримѣръ, изъ урока 1, который ведется такъ. „Учитель приглашаетъ учениковъ вслушиваться въ то, что онъ будетъ произносить, повторять и записывать; а самъ громко и протяжно диктуетъ: аж, ам, ди, ро“ и т. д. Учитель произноситъ болѣе 50 звукоочетаній, изъ которыхъ лишь 2—3 не безсмысленны. „Письмо всѣхъ этихъ слоговъ сопровождается предварительнымъ указаніемъ со стороны учениковъ, сколько они слышатъ звуковъ и какіе. Такъ, напримѣръ, учитель, произнося слово *аж*, спрашиваетъ: что я произнесъ?—Аж.—Сколько вы слышите звуковъ? — Два. — Какіе?—А-жъ.—Напишите ихъ рядомъ“²⁾. Вотъ и вся эвристика! Возьмемъ еще урокъ 16, урокъ, на которомъ въ первый разъ сообщается правило правописанія: „Послѣ г, к, х, ч, ш, щ не слѣдуетъ никогда писать ѣ“ (А какъ же писать „Кыштымскій заводъ“, „Гыдинскій за-

¹⁾ Уроки русскаго правописанія. Годъ 1 и 2. II изд. С.-Пб. 1891 г. Курсивы Пудыковича.

²⁾ Ibid.

ливъ“, „рѣка Хырморъ“ и многія другія географическія названія?...)
 „Сообщивъ это правило ученикамъ, учитель долженъ постараться, чтобы ученики твердо его запомнили. Для этого онъ предлагаетъ имъ произнести эти звуки то хоромъ, то по одиночкѣ, а потомъ, написавши ихъ на верху классной доски (это остается предъ глазами учениковъ нѣсколько дней), приступаетъ къ упражненіямъ: жиль, шило, учился, щя“ ¹⁾ и т. д., всего дается 37 словъ въ столь же противорѣчивомъ соотнѣніи. Никакой эвристики здѣсь нѣтъ и слѣда, а есть тотъ же догматическій методъ, который господствовалъ въ до-реформенное время. Вотъ какъ „ученики знакомятся съ буквою ѣ. Учитель пишетъ на классной доскѣ: ѣду, ѣмъ, бѣсъ, бѣгать, бѣда, бѣлый, бѣлуга, побѣда, обѣщать. Ученики читаютъ эти слова (а къ слѣдующему уроку должны знать ихъ наизусть) нѣсколько разъ—хоромъ и поодиночкѣ—и подыскиваютъ къ нимъ возможно больше словъ однокоренныхъ, объясняя, что онѣ должны писаться черезъ ѣ, какъ имѣющія одинъ корень, что на доскѣ. Учитель далѣе диктуетъ предложенія, постоянно спрашивая, нѣтъ ли въ нихъ словъ одного корня съ написанными на доскѣ, и какъ ихъ поэтому слѣдуетъ писать. Напримеръ: наша бѣлая собака взбѣсилась“ ²⁾. Слѣдуетъ еще 9 уроковъ въ такомъ же родѣ. Каждый урокъ имѣетъ послѣдствіемъ задаваніе на домъ заучиванія словъ 20 и болѣе съ буквою ѣ. „Для пріобрѣтенія навыка въ правописаніи необходимо“, настаиваетъ авторъ, „чтобы въ матеріалѣ, даваемомъ для упражненій, въ возможно маломъ количествѣ строкъ повторялось возможно большее число разъ то правило, въ которомъ ученики упражняются, не менѣе 30—50 разъ. Въ противномъ случаѣ „упражненія“ не приведутъ къ цѣли“ ³⁾.

Въ цитированныхъ руководствахъ Тихомирова и Пуцыковича грамматическое направленіе нашей начальной школы достигло своего апогея. Тихомировъ и Пуцыковичъ сдѣлались истинными законодателями школьной практики. Тихомировъ былъ самымъ популярнымъ руководителемъ лѣтнихъ учительскихъ курсовъ. Земства и общества брали его для этой цѣли на расхватъ. Онъ являлся всюду, распространяя свои идеи. Лавры Тихомирова раздѣлили Пуцыковичъ, извѣстность котораго стала повсемѣстной со времени изданія программъ для городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 г. Здѣсь, въ объ-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

³⁾ Уроки русскаго правописанія. Годъ 3. 8 изд. С.-Пб., 1889.

яснительной запискѣ къ программѣ русскаго языка, между прочимъ, мы читаемъ, что „языскательный методъ, давно прилагаемый къ учебникамъ по другимъ предметамъ школьнаго обученія, къ правописанію примѣненъ впервые и единственно въ книжкѣ Пудыковича „Первые два года обученія правописанію“. Съ этой стороны руководство Пудыковича предпочтительно предъ всеми остальными рекомендуется городскимъ учителямъ въ употребленіе“. Такъ какъ постановка преподаванія правописанія въ начальныхъ училищахъ другихъ типовъ не можетъ быть иною, чѣмъ въ городскихъ училищахъ, то данная для этихъ училищъ рекомендація обезпечивала руководству Пудыковича самое широкое распространеніе въ начальной школѣ вообще. Въ настоящую пору гвѣтъ, можно сказать, ни одного училища, гдѣ при обученіи правописанію не пользовались бы Тихомировымъ или Пудыковичемъ. Соотвѣтственно этому, обученіе родному языку концентрировалось въ писаніи диктанта по тому или другому изъ этихъ руководствъ. Подкомиссія по разсмотрѣнію ученическихъ работъ, представленныхъ на всероссійскую выставку 1896 г., въ Нижнемъ Новгородѣ, засвидѣтельствовала, что „въ начальныхъ школахъ министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства, не смотря на различную степень широты курса, преобладаютъ занятія правописаніемъ предъ занятіями роднымъ языкомъ“, что ученическія работы обнаруживаютъ „распространенность увлеченія грамматикой, столь не свойственной начальной школѣ“, что „въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это увлеченіе особенно сильно. Всѣхъ оставили за собою Московскій и Кіевскій округа: оказалось, что въ первомъ изъ нихъ за идеалъ считаютъ ежедневныя занятія диктовкой: число диктовокъ даже больше обычнаго числа дней занятій“¹⁾. Необходимо прибавить, что такое заключеніе сдѣлано на основаніи разсмотрѣнія громаднаго количества тетрадей, высланныхъ изъ всѣхъ мѣстностей Имперіи и принадлежавшихъ ученикамъ начальныхъ училищъ всевозможныхъ типовъ. Какъ велико было число работъ, можно судить, напримѣръ, потому, что одинъ Нижегородскій уѣздъ выставилъ свыше 20.000 тетрадей. Описанное увлеченіе грамматикой и диктантомъ находило значительную поддержку въ томъ обстоятельствѣ, что по изданнымъ 15-го октября 1873 г. правиламъ для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ при отбываніи воинской повинности вос-

¹⁾ *Ковалевскій*, Народное образованіе на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1896 г. С.-Пб., 1897.

пользоваться льготой по образованію, мѣриломъ удовлетворительности письма указанъ диктантъ, и это указаніе подтверждено было и при пересмотрѣ и новомъ ихъ изданіи 16-го ноября 1886 г.

Олицетворенная разсмотрѣнными руководствами школьная практика приобрѣла такое всемогущество, что подчинила своему вліянію и педагогическую „науку“, разумѣя подъ нею то, что въ качествѣ таковой сообщалось воспитанникамъ учительскихъ семинарій и слушательницамъ педагогическихъ классовъ. Представителями этой науки были въ нашихъ педагогическихъ заведеніяхъ Солонина и Ельницкій.

IV.

У Солонины, въ его „Запискахъ по методикѣ русскаго языка“, мы находимъ весьма обстоятельное и вполне компетентное обсужденіе вопроса о томъ, какимъ путемъ вырабатывается правильность рѣчи и письма. „Выработкѣ правильной устной и письменной рѣчи“, говоритъ онъ, „способствуетъ столько же знаніе грамматики, сколько и привычка говорить и писать правильно“. „Практическія упражненія въ языкѣ значатъ если не болѣе, то по крайней мѣрѣ столько же, сколько и изученіе языка теоретически“. „Можно съ увѣренностію сказать, что не было еще примѣра, чтобы одно только теоретическое изученіе языка, безъ практическихъ упражненій въ немъ могли когда-нибудь и кого-нибудь научить говорить и писать правильно. Напротивъ того, случаи правильной устной, а въ особенности письменной рѣчи, безъ основательнаго знанія грамматики, весьма не рѣдки“. „Какими же средствами можно достигнуть того, чтобы упражненія какъ можно скорѣе привели къ цѣли, т. е. къ знанію языка? Намъ извѣстно, что всякій навыкъ вырабатывается вообще практикой, упражненіемъ, что всякое дѣйствіе наше совершенствуется по мѣрѣ того, какъ мы его повторяемъ“. „Чѣмъ чаще будетъ упражняться ученіе въ правильномъ устномъ и письменномъ изложеніи мыслей, тѣмъ вѣроятнѣе, что его рѣчь сдѣлается правильною“. „Въ чтеніи и письмѣ изъ вышнихъ чувствъ участвуютъ зрѣніе и слухъ, а въ разговорѣ одинъ только слухъ; въ письмѣ, кромѣ того, большую роль играютъ привычныя движенія кисти руки и пальцевъ, въ чтеніи же и разговорѣ— привычныя движенія органа голоса. Постоянное упражненіе всѣхъ этихъ органовъ развиваетъ тѣ полезныя навыки, которые вмѣстѣ составляютъ привычку читать, говорить и писать правильно“. „На первомъ планѣ мы должны поставить навыкъ зрѣнія, какъ наиболѣе важный

для выработки правильнаго чтенія и письма. Навыкъ зрѣнія состоитъ въ томъ, что глазъ нашъ, часто встрѣчая одно и то же слово, невольно замѣчаетъ буквенный составъ или *фигуру* этого слова“. „Навыкъ этотъ, какъ и всѣ остальные, поддерживается и развивается постояннымъ упражненіемъ“. „Чѣмъ болѣе и чаще упражняется ученикъ въ чтеніи и списываніи правильнаго текста, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе научится онъ читать и писать правильно. Читая или списывая, ученикъ всматривается въ буквенный составъ и, слѣдовательно, волей—неволей замѣчаетъ его. Вотъ почему въ высшей степени важно, чтобы учащіеся постоянно видѣли передъ собой правильный текстъ“. „Важно это потому, что неправильное письмо, если оно будетъ повторяться часто, можетъ сдѣлаться такою же привычкою, какъ и письмо правильное“. „Не меньшее значеніе для правильности письма, чтенія и выговора имѣетъ *навыкъ слуха*. При помощи его, ученикъ привыкаетъ писать правильно по крайней мѣрѣ тѣ слова, которыя пишутся такъ, какъ произносятся“. „Навыкъ слуха находится въ тѣснѣйшей связи съ навыкомъ зрѣнія: слыша известное слово, ученикъ долженъ мысленно представлять себѣ не только каждую изъ буквъ, входящихъ въ составъ этого слова, но и тотъ порядокъ, въ какомъ слѣдуетъ ихъ произносить и писать. Средствами, способствующими развитію навыка слуха, считаются: диктовка, письмо выученнаго на память, упражненія въ выразительномъ чтеніи и т. п.“ „Въ тѣснѣйшей связи съ навыкомъ зрѣнія и слуха стоитъ *навыкъ руки*. Самъ по себѣ, независимо отъ другихъ, навыкъ этотъ развиваться не можетъ: онъ неизбѣжно подчиняется столько же навыку зрѣнія, сколько и навыку слуха. Но что навыкъ руки дѣйствительно существуетъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Вы пишете, напримѣръ, письмо къ кому-нибудь изъ знакомыхъ; строчка за строчкой быстро вылетаютъ изъ подъ вашего пера, дѣло идетъ легко и безостановочно... Какъ вдругъ—неожиданное препятствіе: вамъ почему-то показалось, что вы тако-е-то слово написали неправильно. Вы обращаете на него вниманіе, пристально всматриваетесь въ него и впадаете въ сомнѣніе, правильно ли оно написано или нѣтъ. Орфографическое правило, подъ которое можно было бы подвести это слово, какъ нарочно улетучилось изъ вашей памяти, да очень можетъ быть, что такого правила и вовсе не существуетъ въ грамматикѣ (вѣдь есть же не мало такихъ словъ, которыя пишутся просто въ силу установившагося обычая или же совершенно произвольно!). Что дѣлать въ та-

комъ случаѣ? Справляться въ книгѣ?—не у кого, да и некогда. И вотъ вы прибѣгаете къ послѣдному средству, которое, какъ свидѣтельствуешь опытъ, оказывается и довольно вѣрнымъ: вы предоставляете рѣшенію спорнаго вопроса вашей рукѣ... Будьте увѣрены, что если ей приходилось писать сомнительное слово много разъ, если она *привыкла* писать его правильно,—она напишетъ его безошибочно и теперь. Итакъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что навыкъ руки дѣйствительно существуетъ. Существуетъ онъ не только при письмѣ, но и при всякой другой ручной работѣ, гдѣ требуются извѣстныя цѣлесообразныя движенія кисти руки и пальцевъ. Подобно навыкамъ зрѣнія и слуха, навыкъ руки требуетъ непрестаннаго упражненія и поддержки; подобно имъ онъ можетъ ослабѣвать и даже совсѣмъ притупиться, если перестанутъ упражнять его въ извѣстномъ направленіи. Напротивъ того, при неправильномъ развитіи, онъ можетъ обратиться даже во вредъ обученію; такъ на примѣръ, если какое-нибудь слово мы напишемъ неправильно нѣсколько разъ сряду, то рука наша можетъ привыкнуть писать его съ ошибками, и тогда очень трудно будетъ отучить ее отъ этого. „Учитель долженъ употреблять всѣ мѣры для *предупрежденія* ошибокъ въ письмѣ своихъ учениковъ“. „Наконецъ въ выработкѣ правильной устной, а слѣдовательно и письменной рѣчи, принимаетъ большое участіе *навыкъ органа юлоса*. Какъ извѣстно, навыкъ этотъ состоитъ въ привычномъ мускульномъ сокращеніи гортани, языка, губъ, отъ чего, посредствомъ сотрясенія воздуха, выходящаго изъ области легкихъ чрезъ вышеупомянутыя органы, происходятъ тѣ или другіе членораздѣльные звуки и ихъ сочетанія въ словахъ“. „Правильная изустная рѣчь учителя, въ соединеніи съ совершенно правильнымъ чтеніемъ имъ и его учениками различныхъ образцовъ, а также постоянныя упражненія дѣтей въ пересказѣ прочитаннаго ими или учителемъ — могутъ считаться наиболѣе цѣлесообразными средствами для выработки сколько-нибудь удовлетворительной устной, а чрезъ нее и письменной рѣчи учащихся“. „Изъ всего сказаннаго видно, что всѣ полезныя навыки, отъ которыхъ зависитъ правильная устная и письменная рѣчь учащихся, находятся между собою въ тѣснѣйшей связи, такъ что развитіе одного обуславливаетъ собою и развитіе остальныхъ. Развитіе навыка слуха, на примѣръ, въ сильнѣйшей степени способствуетъ развитію навыковъ зрѣнія и кисти руки (при письмѣ): постоянно упражняя дѣтя *въ правильномъ* письмѣ подъ диктовку, мы тѣмъ самымъ

помогаемъ ему замѣчать буквенный составъ многихъ словъ, которыя въ послѣдствіи рука его научится писать механически, т. е. приобретется навыкъ кисти руки и пальцевъ“¹⁾.

Трудно возразить автору что либо, когда онъ остается на теоретической почвѣ. Но когда онъ переходитъ къ практикѣ, онъ какъ бы забываетъ все, что имъ установлено теоретически, и рекомендуетъ укоренившіеся въ школѣ шаблонные приемы, совершенно не вытекающіе изъ принятыхъ имъ началъ. Такъ переписку онъ рекомендуетъ въ формѣ логическихъ упражненій, полезныхъ для развитія дѣтей, но очень мало дающихъ матеріалу для письма и не обезпечивающихъ отъ практики неправильнаго письма. Подобно Водовозову и всѣмъ послѣдующимъ продолжателямъ Ушинскаго, Солонина преувеличиваетъ значеніе диктовки и даетъ ей преобладающее мѣсто въ ряду прочихъ упражненій, вводимыхъ для пріученія дѣтей къ правильному письму. „Диктовка *статарная*, или для усвоенія, представляетъ одно изъ такихъ упражненій, посредствомъ которыхъ дѣти научаются самостоятельно и съ полнымъ сознаніемъ примѣнять тѣ или другія правила орфографіи. Всѣмъ извѣстно, что какъ бы хорошо ни было усвоено нами правило правописанія, какъ бы внимательно мы къ нему ни относились, но если намъ не представляется случая примѣнять его къ практикѣ письма, то оно мало по малу улетучивается изъ нашей памяти, и, наконецъ, мы его совсѣмъ забываемъ. Наоборотъ, чѣмъ чаще приходится намъ примѣнять это правило на практикѣ, тѣмъ вѣроятнѣе, что оно укрѣпится въ насъ и сдѣлается со временемъ нашимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Статарная диктовка съ этою именно цѣлію и употребляется; при помощи ея учитель имѣетъ полную возможность научить дѣтей писать грамматически правильно, отдавъ себѣ отчетъ, почему слѣдуетъ писать такъ, а не иначе“. „Въ виду такого практическаго характера статарной диктовки, ее слѣдуетъ употреблять *какъ можно чаще* и во всякомъ случаѣ послѣ ознакомленія учащихся съ *каждымъ* правиломъ правописанія“, какъ это и дѣлаютъ Тихомировъ, Пудыковичъ и tutti quanti. „Начинаютъ употреблять ее уже съ первыхъ уроковъ грамоты и продолжаютъ въ теченіи всего курса начальной школы“. Но что всего удивительнѣе, Солонина не отвязывается вовсе отъ письма заученнаго на память, хотя совершенно правильно опредѣляетъ его педагогическое значеніе. „Предполагаютъ,

¹⁾ Записки по методикѣ русскаго языка. Отдѣлъ III. Методика начальной грамматки. Изд. 10. С.-Пб. 1898. Курсивъ.—Солонины.

что ученикъ, затверживая данный ему урокъ, въ то же время будто бы замѣчаетъ, какъ пишутся тѣ или другія слова, и затѣмъ можетъ изобразить ихъ болѣе или менѣе правильно на бумагѣ. Но говоря уже о скукѣ, какую долженъ испытать ученикъ, когда его заставляютъ писать то, что ему уже и безъ того достаточно пріѣлось, упражненіе это въ большинствѣ случаевъ не достигаетъ той цѣли, для которой предназначается. Заучивая какую-нибудь басню или стихотвореніе, ученикъ вовсе не заботится о томъ, чтобы замѣчать, какъ пишется то или другое слово: все его вниманіе поглощается при этомъ затверживаніемъ заданнаго урока; а потому взваливать на ученика еще работу по правописанію — было бы слишкомъ обременительно. Къ этому надо прибавить, что, при заучиваніи на память, ученикъ, кромѣ буквеннаго состава словъ, долженъ еще замѣчать и правильную постановку знаковъ препинанія. Чтобы сдѣлать это упражненіе менѣе обременительнымъ для дѣтей и болѣе для нихъ полезнымъ¹⁾, авторъ совѣтуетъ предварительно разбирать стихотвореніе въ классѣ, объемистыя вещи разбивать на части, назначать подобнаго рода работы въ концѣ курса. „Всѣми этими приемами можно предупредить по крайней мѣрѣ половину того количества ошибокъ, которыя ученики могутъ сдѣлать при письмѣ заученнаго на память“²⁾. Но само собою понятно, что вслѣдствіе этого упражненіе не дѣлается полезнымъ, а лишь менѣе вреднымъ.

Но если „наука“ Солонины безсильно преклоняется предъ установившейся практикой, то „наука“ г. Ельницкаго проявляетъ еще менѣе самостоятельности. Авторъ „Методики начальнаго обученія отечественному языку“ не вноситъ ничего новаго ни въ теорію, ни въ практику правописанія. Въ теоріи онъ вполне слѣдуетъ Ушинскому, въ практикѣ же до такой степени на сторонѣ Пуцыковича и Тихомирова, что прямо рекомендуетъ учителямъ вести обученіе правописанію по ихъ книжкамъ. Диктовка у него, само собою разумѣется, на первомъ планѣ, потому что она „способствуетъ, съ одной стороны, выработкѣ въ ученикахъ навыка писать орографически правильно, а съ другой—закрѣпленію и обращенію въ соотвѣтственный навыкъ сообщенныхъ имъ орографическихъ правилъ“. Слѣдуетъ „почаще дѣлать диктовку, даже каждый урокъ, если другія занятія по русскому языку это позволяютъ“. „Списываніе указанныхъ учителемъ отрыв-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

ковъ или цѣльныхъ статей и стихотвореній также служить“, по мнѣнію г. Ельницкаго, „однимъ изъ средствъ къ выработкѣ навыка къ правописанію“ ¹⁾. Но при этомъ списываніе осложняется логическими и стилистическими упражненіями, которыя не рѣдко отнимаютъ у него всякое положительное значеніе въ смыслѣ практики въ правильномъ письмѣ. Указываются, между прочимъ, и такія работы, которыя могутъ вести какъ разъ къ обратнымъ результатамъ. Такъ напр., при списываніи неоконченныхъ фразъ учащемуся предоставляется оканчивать фразы по своему соображенію, т. е. допускается въ известной степени письмо, лишающее возможности предупреждать ошибки и слѣдовательно представляющее возможность письма неправильнаго. Въ числѣ рекомендуемыхъ видовъ списыванія встрѣчаются и такія, которые трудно оправдать не только съ педагогической точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія простой цѣлесообразности. Таковы напр. списываніе съ раздѣленіемъ словъ на слоги, съ обозначеніемъ удареній и т. п. „Полезнымъ средствомъ къ приученію учениковъ къ правописанію служитъ также писаніе ими наизусть выученныхъ стихотвореній, басенъ и вообще какихъ-нибудь произведеній или отрывковъ“ ²⁾. При этомъ авторъ рекомендуетъ заучиваніе, сопровождаемое распространеніемъ вниманія на орфографію,—занятіе, столь основательно осуждаемое Солониной.

V.

Какъ ни основательно укоренилось въ нашей народной школѣ грамматическое направленіе, характеризуемое вѣрою во всемогущество диктанта, но отнюдь нельзя сказать, что это направленіе вполне объединило дѣятелей начальнаго образованія. Напротивъ, по мѣрѣ успѣховъ грамматизма, рѣзче и рѣзче обозначались другія направленія, не согласныя съ нимъ, а частію и прямо враждебныя.

Во главѣ представителей оппозиціонныхъ теченій надо поставить Бунакова, педагога, выступившаго еще во времена Ушинскаго, одного изъ авторитетнѣйшихъ руководителей лѣтнихъ учительскихъ курсовъ, пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ средѣ дѣятелей народнаго образованія во многихъ мѣстностяхъ Россіи.

По воззрѣнію Бунакова, правильное письмо ни въ какой зависимости отъ изученія грамматики не состоитъ. Какъ правильная рѣчь,

¹⁾ Методика начальнаго обученія отечественному языку. 8 изд. С.-Пб., 1894.

²⁾ Ibid.

такъ и правильное письмо воспитывается практикой. „Родной языкъ— собственность человѣка, которую даетъ ему сама жизнь, которою онъ владѣть свободно безъ всякой грамматики. Ни одинъ русскій мальчикъ, даже ничему не учившійся, не скажетъ: „я ходилъ въ школа“ или „Петръ сидѣла въ комната“, а непременно скажетъ, самъ не зная почему, не отдавая себѣ въ этомъ отчета: „я ходилъ въ школу“, „Петръ сидѣлъ въ комнатѣ“. Но почему же однако каждый свободно владѣетъ роднымъ языкомъ? Очевидно потому, что съ дѣтства слышитъ родной языкъ, подражаетъ рѣчи матери, отца, братьевъ, вообще окружающихъ его, и пріобрѣтаетъ мало по малу привычку говорить такъ, какъ говорятъ другіе, т. е. онъ владѣетъ роднымъ языкомъ въ силу *подражанія и привычки*, но совершенно *безсознательно*“¹⁾.

То же самое происходитъ и съ рѣчью письменной. „Правильное письмо, въ орфографическомъ смыслѣ, болѣе зависитъ отъ навыковъ, нежели отъ твердаго знанія правилъ. Это каждый можетъ провѣрить на своемъ письмѣ: мы пишемъ безошибочно „добраго“, вопреки произношенію, не потому, чтобы каждый разъ принимали во вниманіе историческое происхожденіе этого окончанія и основанное на немъ грамматическое правило, а потому, что привыкли такъ писать,—сама рука, помимо сознанія, пишетъ правильно. Идеальное совершенство правописанія именно въ томъ и состоитъ, чтобы рука сама писала тѣ буквы, тѣ знаки, которые нужно въ каждомъ данномъ случаѣ, безъ справокъ съ грамматикой“. „Орфографическіе навыки сами по себѣ, грамматика сама по себѣ“²⁾. Задача грамматики заключается не въ обученіи правильной рѣчи или правильному письму, а въ освѣщеніи свѣтомъ сознанія того, что пріобрѣтено безсознательно. „Школа, развивая своихъ учениковъ умственно, имѣетъ цѣлю осмыслить жизнь массы, которая живетъ исключительно подражаніемъ и привычкой. Языкъ, составляющій рѣзкое отличіе человѣка отъ животнаго, представляетъ отраженіе его жизни; осмыслить употребленіе языка значитъ внести свѣтъ сознанія и въ жизнь,—одно съ другимъ тѣсно связано. Поэтому обязанность школы, по отношенію къ языку, не ограничивается усовершенствованіемъ привычки владѣть имъ: она должна привести своихъ учениковъ къ *сознанію* того, что они дѣлаютъ безсознательно“. Значитъ, не грамматика даетъ правописаніе, а на-

¹⁾ Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ. 9 изд. С.-Пб. 1884. Курсивы Вуцакова.

²⁾ Ibid.

оборотъ—правописаніе приводитъ къ грамматикѣ. Мнѣніе, будто правильное письмо создается усерднымъ примѣненіемъ диктанта, Бунаковъ признаетъ неосновательнымъ. „Для упражненія собственно въ правописаніи обыкновенно употребляется диктантъ. Конечно, это занятіе въ извѣстной мѣрѣ помогаетъ дѣлу, но значеніе его вовсе не такъ велико, какъ полагаютъ многіе. Практика показываетъ, что иногда ученики, безошибочно пишущіе подъ диктовку, оказываются весьма безграмотными въ собственныхъ сочиненіяхъ и письмахъ. Между тѣмъ школа должна стремиться именно къ тому, чтобы ученики писали правильно, пользуясь письмомъ для выраженія того, что они сами думаютъ, какъ орудіемъ самостоятельной умственной дѣятельности, слѣдовательно—цѣль не достигается. Оно и понятно: ученикъ, которому диктуютъ, сосредоточиваетъ все свое вниманіе на правописаніи, а при другой работѣ его вниманіе обращено совсѣмъ въ другую сторону, на мысли, на изложеніе ихъ, правописаніе вовсе упускается изъ виду. Поэтому диктовка имѣетъ значеніе только въ ряду другихъ письменныхъ работъ, въ которыхъ цѣли грамотности точно также не упускаются изъ виду; она приучаетъ дѣтей схватывать чужую рѣчь, такъ сказать, *на лету* и переводить ее съ возможною скоростію на бумагу, что конечно весьма полезно въ жизни“¹⁾. Не менѣе ошибочнымъ Бунаковъ считаетъ и примѣненіе диктанта въ качествѣ мѣрила успѣшности дѣтей въ письмѣ. Не говоря о томъ, что диктантъ, какъ видно изъ сказаннаго выше, не даетъ правильныхъ показаній о степени твердости орфографическихъ навыковъ ученика, испытаніе посредствомъ диктанта наводитъ на ложную мысль, будто „правописаніе составляетъ единственную цѣль всѣхъ письменныхъ школьныхъ занятій, а не употребленіе языка, какъ орудія и средства для выраженія собственныхъ мыслей пишущаго“²⁾.

Справедливость требуетъ однако же сказать, что въ практику школы Бунаковъ не внесъ почти ничего новаго: онъ вращается въ кругу тѣхъ же логико-стилистическихъ и логико-грамматическихъ упражненій, которыя столь обычны и у педагоговъ-грамматистовъ.

Антиграмматическое направленіе нашло дружественную поддержку со стороны педагогической журналистики. Въ средѣ педагогическихъ журналовъ не было ни одного, который бы признавалъ нормальнымъ охватившее нашихъ практиковъ дѣла увлеченіе грамматикой. А из-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

даваемый вѣдомствомъ военно-учебныхъ заведеній „Педагогическій Сборникъ“ въ теченіе ряда лѣтъ велъ, можно сказать, систематическую борьбу съ грамматическимъ фанатизмомъ. На страницахъ этого журнала мы находимъ весьма убѣжденные и не рѣдко весьма остроумныя нападки на укоренившуюся въ школѣ практику обученія правописанію, вмѣстѣ съ соображеніями о желательныхъ мѣрахъ къ болѣе рациональной постановкѣ дѣла.

„Можно было бы ожидать“, читаемъ мы въ названномъ журналѣ, „что при томъ огромномъ значеніи, которое современная школа придаетъ умѣнью правильно писать, педагогія будетъ основывать свои воззрѣнія на правильномъ разборѣ тѣхъ причинъ, которыя создаютъ неграмотность, и соотвѣтственно этому разбору устроятъ правильную и стройную систему борьбы съ этимъ „зломъ“. Между тѣмъ мы не помнимъ ни одного психологическаго или грамматическаго очерка, который бы систематически разсматривалъ интересующій насъ вопросъ, по скольку разрѣшеніе его зависитъ отъ дѣтской или вообще человѣческой натуры, или отъ характера самихъ условныхъ элементовъ орфографіи, подлежащихъ апперцепціи“. „Во всѣхъ современныхъ грамматикахъ, представляющихъ почти сплошь учебники правописанія, не замѣтно ни малѣйшаго отраженія такихъ воззрѣній“¹⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ сужденію о цѣлесообразности диктанта „нашей панацеи для безграмотности“, авторъ признаетъ необходимымъ выяснитъ причины „упорной безграмотности, наблюдаемой теперь даже среди окончившихъ курсъ гимназій, особенно женскихъ“. Въ чемъ же заключаются эти причины? „Самыя важныя факторы безграмотности“, отвѣчаетъ авторъ, суть „неначитанность и рѣдкое упражненіе въ *правильномъ* письмѣ“. „Орфограмма должна быть главнымъ образомъ результатомъ зрительныхъ впечатлѣній. Слѣдовательно, чѣмъ больше мы читаемъ, тѣмъ лучше достигаемъ зрительнаго запоминанія орфограммъ вообще“. „Путемъ постоянного чтенія можно также хорошо выучиться писать, безъ всякаго знанія грамматики, какъ путемъ постоянного слушанія правильной рѣчи можно выучиться правильно говорить, опять-таки не зная грамматики“. „Не малую роль въ приобрѣтеніи этой привычки къ обычнымъ орфограммамъ играетъ и память двигательная. Мы знаемъ, что писцы выучиваются правильно писать, даже не зная грамматики и не читая печатныхъ книгъ. Переписка

¹⁾ Причинъ безграмотности и средства къ ея устраненію, ст. Житомирскаго. Педагогическій Сборникъ 1895, № 8.

правильно написанныхъ бумагъ даетъ весьма мало пищи зрительной памяти, но за то развиваетъ память двигательную. Писецъ поэтому, при скоромъ письмѣ, рѣже дѣлаетъ lapsus calami, если можно такъ выразиться, чѣмъ чловѣкъ начитанный, который почти никогда не обходится безъ помарокъ¹⁾.

Анализъ причинъ безграмотности вполне опредѣляетъ и дѣйствительные способы борьбы съ нею. „Въ ряду разнообразныхъ орудій борьбы съ безграмотностію первое и самое важное, это—*чтеніе*. Такъ какъ въ классѣ на этотъ предметъ не можетъ быть удѣлено очень много времени, то нужно развивать въ дѣтяхъ охоту къ домашнему чтенію, и главнымъ образомъ чтенію глазами, а не вслухъ“. „Для цѣлей ореографіи чтеніе глазами полезнѣе, ибо чтеніе вслухъ нѣсколько парализуетъ впечатлѣніе печатнаго текста, такъ какъ произношеніе не согласно съ начертаніемъ“²⁾.

Важное значеніе авторъ придаетъ и списыванію съ печатнаго текста. „Это средство должно почти исключительно господствовать въ первое время обученія, до знакомства съ грамматикой. При просмотрѣ работы, никомъ образомъ не должно подчеркивать ошибокъ, а ограничиваться только указаніемъ числа ихъ, для того, чтобы ученикъ не сохранилъ дурнаго впечатлѣнія отъ своей ошибки. Можно, пожалуй, и исправить ошибки, но только дѣйствительно замаравъ ошибочную букву, такъ чтобы ее и разобрать нельзя было, и написавъ сверху другую, или написавъ правильную букву на ошибочной (болѣе рѣзкими чернилами)“. „Списыванье съ книги, если только не парализовать даваемыхъ имъ впечатлѣній провѣрочными диктантами, для меньшинства, какъ насъ убѣдилъ опытъ, достаточно, чтобы выучиться прекрасно писать“³⁾. Послѣ всего, сказаннаго авторомъ, совершенно понятно, какъ онъ можетъ смотрѣть на диктантъ. „Уже одно уничтоженіе диктанта“, говоритъ онъ, „считаемъ важнымъ шагомъ къ лучшему усвоенію ореографіи, хотя бы больше этого ничего не было сдѣлано и никакихъ новыхъ средствъ, или никакого усиленія существующихъ не практиковалось“⁴⁾.

Еще рѣшительнѣе высказывается авторъ статьи „о постановкѣ русскаго языка въ средней школѣ“. По его мнѣнію, „*знаніе грамма-*

1) Ibid.

2) Ibid.

3) Ibid.

4) Ibid.

тики препятствует грамотному письму. Какъ ни странно и даже какъ ни дико кажется это положеніе“, говоритъ авторъ, „но оно не выдуманно; оно выведено изъ долговременныхъ, весьма тщательныхъ наблюденій“. „Имѣлъ я терпѣніе“, читаемъ далѣе, „нѣсколько лѣтъ сряду группировать ученическія ошибки по ихъ происхожденію, и оказалось, что 99% всѣхъ ошибокъ происходитъ отъ *знанія* грамматики, и только 1%—отъ *незнанія* ея. Если бы ученикамъ не сообщалось *никакихъ* правилъ правописанія, то каждый изъ нихъ дѣлалъ бы всего одну ошибку на томъ пространствѣ, гдѣ теперь дѣлаетъ 99, и, слѣдовательно, писалъ бы въ 99 разъ грамотнѣе нынѣшняго“ ¹⁾. Слова эти въ устахъ весьма усерднаго и талантливаго учителя, много лѣтъ руководившаго занятіями воспитанниковъ учительской семинаріи, автора официально одобренныхъ учебныхъ руководствъ по русскому языку и педагогикѣ ²⁾, въ особенности знаменательны. Посмотримъ, какъ авторъ доказываетъ свою мысль. „Возьмемъ“, говоритъ онъ, „любое правило орфографіи, напримѣръ, „въ дательномъ и предложномъ существительныхъ пиши на концѣ ѣ, если слышится е“. Возможно, 1) что ученикъ собьется въ распознаваніи надежей и приметъ за дательный и предложный какой-нибудь другой падежь, 2) что ученикъ спутаетъ части рѣчи; забывая, что правило касается только существительныхъ, примѣнитъ его къ прилагательнымъ, напримѣръ, въ синѣмъ, синѣму и т. п.; 3) что ученикъ забудетъ или упустилъ изъ виду условіе, „если слышится е“, и напишетъ: въ церквѣ, къ матерѣ“ и т. п.; 4) что ученикъ въ смущеніи забудетъ на минуту все правило, и въ головѣ его промелькнетъ только условіе „если слышится на концѣ е, пиши ѣ“, и онъ пишетъ: крайнѣ, ужѣ, тишѣ и т. п.; 5) что ученикъ упустилъ изъ виду ограниченіе „на концѣ“ и напишетъ ѣ въ дательномъ и предложномъ въ серединѣ слова, напримѣръ, невѣжѣству, о матѣри и т. п.; 6) что ученикъ примѣнитъ правило совсѣмъ на выворотъ и

¹⁾ Пед. Сборникъ, 1894 г. май. Статья Соломоновскаго. Курсивы его.

²⁾ Г. Соломоновскимъ, между прочимъ, изданы:

Очеркъ элементарныхъ свѣдѣній изъ психологіи и логики, съ педагогическими выводами. Варшава. 1880.

Матеріалы для диктанта и другихъ грамматическихъ упражненій, примѣнительно къ условіямъ преподаванія русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа. Варшава. 1880.

Руководство къ обученію грамотѣ и началамъ русскаго языка: Отдѣлъ I. Сравнительное обозрѣніе звуковъ русской и польской рѣчи и русской и польской графки. Отдѣлъ II. Обученіе грамотѣ и началамъ русскаго языка. Варшава. 1884.

въ дательномъ и въ предложномъ напишетъ на концѣ *e* вмѣсто *ь*, при чемъ эта ошибка можетъ осложняться всѣми вышеуказанными 5-ю недоразумѣніями и породить соразмѣрное количество новаго рода ошибокъ и т. д. и т. д.“¹ „Если сообщить ученикамъ второе правило, такъ чтобы они знали ихъ два, то количество недоразумѣній не удвоится, а учетверится, вслѣдствіе смѣшенія одного правила съ другимъ, замѣнивъ ихъ составленіемъ изъ обрывковъ обоихъ правилъ своеобразнаго одного и т. п. Количество ошибокъ возрастаетъ пропорціонально количеству недоразумѣній и строгости дисциплинарныхъ взысканій за ошибку“.

„Каждое правило, предписывая что-нибудь, въ то же время что-нибудь и запрещаетъ. Запрещеніе есть столь же дѣйствительный стимулъ, какъ приказаніе: и то, и другое одинаково привлекаютъ вниманіе ученика къ данному явленію. Отсюда возникаетъ новый рядъ недоумѣній: ученикъ за давностію времени можетъ забыть, что *это* запрещено, и только помнить что *объ этомъ* была уже рѣчь, почему можетъ принять запрещеніе за приказаніе и т. п.“¹).

Въ другой статьѣ авторъ совершенно основательно находитъ, что грамматисты смѣшиваютъ двѣ вещи, которыхъ никакъ нельзя отождествлять—знаніе и умѣнье. Грамотное письмо есть умѣнье, а правила правописанія относятся къ области знанія. Умѣть не значить знать и знать не значить умѣть.

„Въ дѣлѣ школьнаго обученія правописанію мы встрѣчаемся съ рѣдкою, едва-ли не единственною разновидностію „метода обученія умѣньямъ посредствомъ знаній“. Здѣсь *умѣнье* не разложено (какъ при обученіи грамотѣ и пр.) на извѣстное количество составляющихъ его *знаній*; здѣсь въ итогѣ знаній получается не умѣнье, а *теорія* того умѣнья, которому хотятъ научить, и при томъ теорія не всего умѣнья, не всей дѣятельности, а лишь нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ этой дѣятельности. Какіе случаи подходятъ подъ теорію, и какіе не подходятъ,—это предоставляется рѣшать самимъ дѣтямъ во время письма“. „Нужно совсѣмъ не знать дѣтей, чтобы вообразить себѣ, будто бы ихъ можно учить умѣньямъ посредствомъ знаній даже и въ томъ случаѣ, когда, какъ въ дѣлѣ обученія правописанію, знанія являются *теоріей* умѣнья, *правилами* на различные случаи дѣятельности“.

„Умѣнье всегда пріобрѣтается самостоятельно, путемъ самодѣя-

¹) Пед. Сборникъ, 1894, май.

тельности: нельзя передать умѣнья другому сразу, безъ его личныхъ усилій, болѣе или менѣе продолжительныхъ и напряженныхъ. Знаніе же есть психическое состояніе, а не дѣятельность. Оно—результатъ пассивнаго воспріятія“¹⁾. Изученіе правилъ орфографіи, пока ученикъ не навыкъ механически писать правильно, только путаетъ учениковъ: „правила можно поставить не *впереди*, но какъ руководство для предстоящей дѣятельности письма, а *позади*, какъ оправданіе совершившейся уже дѣятельности“²⁾.

Вл. Фармаковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Пед. Сборникъ, 1897, февраль. Статя „Знаніе и умѣнье“.

²⁾ Ibid.

КЛАССНЫЯ ИСПЫТАНІЯ.

Система сильнѣе людей.

Не такъ давно мы были свидѣтелями замѣчательно единодушнаго похода противъ экзамена. У всѣхъ еще на памяти, я думаю, какъ всякій натискъ, всякій проломъ въ той ветхой, полуразрушенной стѣнѣ, которая нѣкогда рѣзко отдѣляла преподавателя отъ экзаменатора, всюду принимались какъ побѣда надъ рутинной и въ то же время какъ залогъ всякаго рода школьныхъ благополучій. Наконецъ, въ однихъ пунктахъ нашего учебнаго міра камня на камень не осталось отъ этой злополучной стѣны, а въ другихъ — сохраняется отъ нея лишь куча беспорядочнаго хлама.

Но, полно, тутъ ли, въ сліяніи ли въ одномъ лицѣ преподавателя и экзаменатора рѣшоніе вопроса?

Замѣну экзамена годовыми отмѣтками — выводами именуя у насъ „упраздненіемъ“ экзамена. Такъ ли это однако? Если мы внимательно взглянемъ въ суть дѣла, то ясно увидимъ, что терминъ „упраздненіе“ въ данномъ случаѣ нужно понимать очень условно. Упраздняется собственно, такъ называемая, экзаменаціонная страда, т. е. учащіеся избавляются отъ дней страховъ, безпокойствъ за исходъ испытаній, освобождаются отъ необходимости усиленныхъ подытоживаній, подзубриваній учебниковъ, иногда учебное время года сокращается недѣли на двѣ, на три—вотъ и все (съ точки зрѣнія облегченія учебныхъ занятій это, можетъ быть, и много, но то вопросъ совершенно отдѣльный), все же дѣлопроизводство экзамена остается, оно лишь переносится въ классъ и тамъ разлагается, и разлагается не только хронологически, растягиваясь на весь учебный годъ, но и въ томъ обширномъ смыслѣ, что тутъ испытатель-

ныя операціи, какъ элементъ совершенно чуждый прямому дѣлу учебныхъ занятій, наполняютъ и заражаютъ всю школьную атмосферу всевозможными взаимными недоразумѣніями между учащими и учащимися, создаютъ или обостряютъ длинный рядъ отрицательныхъ явленій и въ концѣ концовъ совершенно извращаютъ самое назначеніе школы.

Вотъ результаты этого „процесса разложенія“ экзамена въ классѣ, анализъ тѣхъ глубокихъ и многообразныхъ измѣненій, кои при этомъ происходятъ во всемъ строѣ школьной жизни, и приводятъ насъ совсѣмъ къ другому выводу относительно способа разрѣшенія затрудненій и вопросовъ, создаваемыхъ существующей или существовавшей системой испытаній, чѣмъ тотъ, который выставляется намъ чуть ли не десятки уже лѣтъ въ качествѣ единственно возможнаго и вѣрнаго и примѣненіе котораго къ практикѣ учебнаго дѣла, кстати сказать, дало и даетъ такіе печальные плоды. Но предварительно сдѣлаемъ маленькую оговорку.

Намъ указываютъ, что экзаменъ въ нашей школѣ способствуетъ зубрежкѣ, что онъ своими инквизиторскими замашками, своей прямойлинейностью, граничащей иногда съ несуразностью, уродуетъ всякое дѣльное добросовѣстное преподаваніе, что онъ служитъ цѣлью всѣхъ учебныхъ занятій, труда школы, совершенно заслоняя собой болѣе широкія, настоящія просвѣтительныя цѣли. Да, но кто же виноватъ, что мы его оставили внѣ нашего просвѣщеннаго вниманія и вліянія, если мы его только травили да вышучивали вмѣсто того, чтобы воздѣйствовать на него соотвѣтственно новымъ педагогическимъ воззрѣніямъ и новымъ запросамъ школы и жизни?

Форма нашего экзамена несомнѣнно отжила свой вѣкъ, въ своемъ настоящемъ видѣ онъ является анахронизмомъ въ школѣ. Но нельзя смѣшивать идею съ формой, въ которой она осуществляется въ жизни,—отожествлять должность съ должностнымъ лицомъ.

Въ какихъ именно измѣненіяхъ нуждается нашъ экзаменъ, какъ отдѣльное установленіе, что необходимо сдѣлать, чтобы вдохнуть въ него душу живу, возвратитъ ему дѣеспособность для отправленія его функций, какіе элементы ввести въ его организацію, чтобы онъ стоялъ въ соотвѣтствіи, а не въ противорѣчій съ извѣстными основными принципами преподаванія,—этотъ вопросъ мы отложимъ до другого раза. Въ настоящемъ же случаѣ поговоримъ только о томъ, почему недопустимъ тотъ порядокъ испытаній, который такъ упорно навязывается школѣ подъ именемъ переводовъ по годовымъ выводамъ.

Кому неизвѣстны—изъ наблюденій, рассказовъ, описаній—примѣры

до отчаянія безсодержательныхъ нашихъ классныхъ занятій,—такихъ, кои вѣрнѣе было бы именовать игрою въ прятки, кошки-мышки или чѣмъ-либо въ этомъ родѣ: такъ мало въ нихъ того, что считается совмѣстной учебно-образовательной работою!

Съ одной стороны—статистъ, направо и налѣво мечущій, какъ изъ рога изобилія, убійственные колы, грозныя двойки, синеходительныя тройки и эти необычайно капризныя, предательски игривыя четверки съ пятерками; съ другой—толпа, забывающая иногда самыя элементарныя правила благоприличія, пристойности, предаваясь операциямъ въ предѣлахъ этого злополучнаго пятка.

Одни составляютъ планы, какъ дернуть учителя за слабую струну, вызвать его на длинный разговоръ и протянуть время до звонка въ постороннихъ уроку разсужденіяхъ, другіе, наоборотъ, заняты мыслью, какъ бы „поправиться“, вызваться на отвѣтъ и такимъ образомъ реализовать свой трудъ по выучкѣ настоящаго урока; третьи высчитываютъ время, когда ихъ могутъ спросить, черезъ сколько дней, о чемъ тогда будетъ урокъ—и ужъ предусматриваютъ его,—каждый свой; четвертые—украдкой подучиваютъ то, что будетъ въ слѣдующій часъ; пятые—нишіе духомъ, подавленные сознаніемъ слабости своей, сидятъ какъ на угляхъ, дрожать отъ одной мысли, что ихъ могутъ спросить, и шепчутъ на всякій случай какую-нибудь спасительную молитву; немалый процентъ въ классѣ, наконецъ, и такихъ, конхъ гложетъ неодолимая страсть выкинуть передъ учителемъ какой-либо фортель, преподнестъ ему ту или другую острую шпильку въ отместку за тотъ или другой неудовлетворительный баллъ,—уязвить его такъ, чтобъ у него въ глазахъ зарыбило и онъ свѣта Божьяго не взвидѣлъ. Кое-кто слѣдитъ и за отвѣтомъ товарища, вызваннаго къ доскѣ или къ картѣ; но это именно „вое-кто“, и больше по исполненію дисциплинарныхъ требованій, чѣмъ изъ-за интереса. Да впрочемъ—и что за интересъ слушать въ десятый разъ одно и то же, слушать своего брата-школьника, у котораго въ большинствѣ случаевъ все вниманіе направлено лишь на то, „чтобъ не сбиться“? Что за интересъ слушать то, что читано не одинъ разъ дома, зубрилось, успѣло наскучить, надоѣсть до тошноты? Нѣчто въ родѣ общаго, дружнаго вниманія въ классѣ наблюдается развѣ при постановкѣ балла. О да, этотъ моментъ всегда очень интересенъ и содержанія въ немъ, захватывающаго, жгучаго, станетъ про всѣхъ и каждого. Движеніе руки учителя къ перу выжидается съ нетерпѣніемъ, любопытствомъ и обыкновенно служитъ сигналомъ къ общему

волненію. Какъ же, сколько послабленія, благоволенія или—строгости, придирчивости въ отмѣткѣ? Все это вопросы живые, жизненные. О нихъ будутъ говорить не только въ классѣ, школѣ, но и дома, родные, знакомые... И тотчасъ, послѣ оцѣнки учителемъ отвѣта, начинается „оцѣнка“, прикидываніе, взвѣшиваніе, сравненіе со стороны класса поставленной отмѣтки, и тутъ возбуждается иногда самая тонкая мозговая работа: кое-что припоминается, пристегивается, присочиняется и раздувается до самыхъ невѣроятныхъ подозрѣній включительно.

Откуда подобныя уродства?

Обычно они объясняются наличностью отмѣтокъ. Выбросьте, твердятъ намъ, баллы изъ школьнаго обихода, и тогда не будетъ этого зла, учебно-балльнаго спорта, увлекающаго своими махинаціями не только учащихся, но заодно и родителей ихъ. Развѣ мало говорено въ печати о вредѣ ихъ? Они давно осуждены на изгнаніе педагогической литературой. Да, но въ судьбѣ экзамена передъ нами живой примѣръ, къ чему иногда приводятъ тѣ рѣшительныя мѣры, въ которыхъ кромѣ рѣшительности ничего нѣтъ. Въдѣ легко, казалось, и экзаменъ изгнать изъ школы, но къ чему это привело? Изъ парадныхъ апартаментовъ мы его выпроводили, а онъ зашелъ съ задняго крыльца и куралесить себѣ тамъ на дѣтской половинѣ ужъ во всю, безконтрольно, нараспашку. Не трудно себѣ представить, чѣмъ кончится и упраздненіе отмѣтокъ, разъ и тутъ дѣло не коснется почвы, дающей имъ опору и жизненное значеніе. Ничего не стоитъ отобрать у учителя классный журналъ съ его клѣтками, по коимъ разсѣваются баллы, эти сѣмена всякихъ взаимныхъ недоразумѣній между учащими и учащимися,—недоразумѣній, раздраженій, такъ, къ несчастью, часто развивающихся до трагическихъ столкновеній. Но подобная мѣра сама по себѣ не только ничего не дастъ, но еще прибавитъ къ отмѣткѣ элементъ очень тяжелой неизвѣстности. Не нужно быть пророкомъ, чтобъ предсказать, что въ такомъ случаѣ отмѣтка перейдетъ изъ журнала въ записную книжку учителя, не болѣе, не менѣе, и вопросъ объ отмѣткахъ не только не разрѣшится отъ такой „реформы“, но едва ли еще больше не обострится: секретная отмѣтка болѣе мучительна для учащихся, выводы изъ нея или изъ нихъ будутъ представляться имъ болѣе произвольными, а потому, въ извѣстныхъ случаяхъ, болѣе несправедливыми, мстительными. Опору же класснымъ отмѣткамъ, силу и значеніе имъ дать не что иное, какъ наша классная система испытаній, и посколькѣ

эта послѣдняя принимаетъ форму твердо установившагося порядка, постольку растетъ, опредѣляется и значеніе классной отмѣтки. Эти два явленія находятся въ неразрывной, причинной зависимости, и если у насъ разсматриваются эти вопросы другъ отъ друга отдѣльно, то это очевидная ошибка, одно изъ многихъ явленій блужданія ощущью въ учебныхъ вопросахъ. До тѣхъ поръ, пока въ рукахъ учителя будетъ сосредоточена вся власть вязать и рѣшать судьбу учебныхъ интересовъ, движеній ученика, пока экзаменъ не будетъ организованъ надлежащимъ образомъ и, между прочимъ, совершенно въ сторонѣ отъ преподаванія, нечего и думать объ упраздненіи отмѣтокъ и освобожденіи школы отъ того зла, которое создается ими. Это упраздненіе будетъ только формально и по существу дѣла чисто фиктивно.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь долженъ же учитель откуда-нибудь брать баллы, когда отъ него потребуютъ рѣшить вопросъ о степени подготовленности, качествахъ или количествахъ свѣдѣній по его предмету, или предметамъ каждаго изъ сотни, а иногда даже и сотенъ его учениковъ? Не одни требованія положеній, циркуляровъ, но и сила вещей, простая предосторожность оградить себя отъ всевозможныхъ нареканій заставляютъ учителя искать опоры своимъ заключеніямъ въ чемъ-нибудь болѣе опредѣленномъ, наглядномъ, доказательномъ— въ глазахъ учениковъ, ихъ родителей, товарищей-учителей, — чѣмъ одни его впечатлѣнія, т. е. „голыя“ рѣшенія.

Точно также понятны и причины, почему у учащихся погоня за удовлетворительными, высокими баллами—при наличности классныхъ испытаній—получаетъ такой страстный характеръ: вѣдь каждая изъ отмѣтокъ въ данныхъ условіяхъ или приближаетъ, или отдаляетъ каждаго изъ нихъ отъ тѣхъ разнообразныхъ цѣлей, которыя соединяются съ образованіемъ, съ окончаніемъ курса въ данномъ учебномъ заведеніи. Благодаря класснымъ испытаніямъ, отмѣтка сдѣлалась юридическимъ документомъ, на основаніи котораго производятся расчеты учителя съ ученикомъ при четвертныхъ и годовыхъ выводахъ. Самое печальное въ нашей школѣ—это то, что отмѣтка при всей своей условности сдѣлалась почти единственнымъ двигателемъ всего учебного дѣла, рычагомъ его, которому классныя испытанія даютъ главное: точку опоры. Слѣдовательно, то, что для непосредственнаго наблюденія представляется результатомъ вліянія отмѣтокъ, — большая часть явленій, кои характеризуютъ ихъ огромный вредъ для школы, должно быть отнесено исключительно на счетъ нашихъ классныхъ испытаній.

Въ подтвержденіе представленныхъ доводовъ относительно тѣсной зависимости между экзаменами и баллами мы можемъ сослаться на примѣръ народной школы. Въ вопросѣ объ упраздненіи отмѣтокъ часто указываютъ на нее; народная школа не знаетъ-де ихъ, и тѣмъ не менѣе ея дѣло идетъ сравнительно лучше и занятія нормальнѣе. Но вѣдь среди тѣхъ спеціальныхъ особенностей, благодаря которымъ классныя отмѣтки еще не появились тамъ, а если и появились, то не выходятъ изъ своей скромной педагогической роли (сами по себѣ отмѣтки, безъ юридическаго элемента, а только какъ мѣра побужденія учениковъ къ исполнительности, возбужденія въ нихъ соревнованія или какъ средство извѣщать родителей о внимательномъ или небрежномъ отношеніи къ учебнымъ работамъ ихъ дѣтей, — вполнѣ допустимы), мы несомнѣнно должны признать однимъ изъ главныхъ обстоятельствъ именно то, что экзамены въ начальныхъ училищахъ вполнѣ самостоятельны, и что если учитель и входитъ въ составъ экзаменаціонной комиссіи, то его голосъ въ ней является исключительно почти лишь совѣщательнымъ. Онъ на судъ комиссіи представляетъ не годовыя отмѣтки, а цѣликомъ все свое учительское дѣло за извѣстный періодъ времени. И тутъ, передъ лицомъ экзамена, интересы учащаго и учащихся вполнѣ солидарны: особенности требованій, отступленія отъ тѣхъ или другихъ нормъ, обычая, удачи или промахи испытуемыхъ одинаково благоприятно или неблагоприятно отзываются на оцѣнкѣ ихъ труда. И эта общность интересовъ ихъ сближаетъ какъ нельзя лучше, исключаетъ всякіе поводы къ недовѣрью и, конечно, не на время только экзаменовъ, но и вообще и это вовсе не идиллія, а естественный результатъ извѣстнаго положенія вещей. Вообще, должно сказать, вопросъ о классныхъ испытаніяхъ есть вопросъ объ отмѣткахъ, какъ и наоборотъ, конечно, — при ихъ юридическомъ значеніи. Иначе собственно и быть не можетъ, потому что отмѣтка въ данномъ случаѣ есть не что иное, какъ мелкая размѣнная монета классныхъ испытаній.

Устанавливаемъ это положеніе какъ потому, что оно можетъ служить само по себѣ однимъ изъ доводовъ противъ классныхъ испытаній, такъ какъ касательно отмѣтокъ двухъ мнѣній не можетъ быть, — вредъ ихъ слишкомъ ясенъ, доказанъ, испытанъ, — такъ и потому, что въ отмѣткахъ всегда и всюду нагляднѣе всего проявляется несостоятельность классныхъ испытаній. Ссылка на ихъ общепонятный и общепризнанный вредъ можетъ служить намъ наиболѣе нагляднымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ.

Затѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію каждаго въ отдѣльности, насколько это возможно, изъ тѣхъ доводовъ за классныя испытанія, кои приводились въ свое время ихъ пропагандистами, кои рѣшили, въ извѣстномъ смыслѣ, судьбу экзамена, — взглянемъ, такъ ли ужъ они доказательны на самомъ дѣлѣ, какъ насъ старались увѣрить противники экзаменовъ.

Между различными аргументами въ пользу классныхъ испытаній самымъ вѣскимъ, собственно даже неотразимымъ считается, какъ извѣстно, тотъ, что учитель можетъ-де вѣрнѣе оцѣнить познанія своихъ учениковъ. Онъ каждый день или почти каждый день ихъ видитъ, задаетъ вопросы, получаетъ отвѣты, наблюдаетъ отношеніе каждаго изъ учащихся по всѣмъ видамъ учебныхъ занятій, отлично знаетъ способности каждаго—кому, какъ не ему, лучше знать и степень подготовленности каждаго изъ нихъ по данному предмету? При извѣстныхъ условіяхъ это, конечно, такъ, но „такъ“ именно лишь до тѣхъ поръ, пока учитель остается преподавателемъ. Между тѣмъ замѣна экзамена годовыми отмітками въ весьма значительной мѣрѣ, можно сказать, даже вполне преобразовываетъ его въ испытателя, и ужъ тутъ дѣло слагается совсѣмъ „не такъ“, какъ оно представляется постороннему, случайному наблюдателю.

Всѣмъ извѣстна и понятна огромная разница между тѣмъ, разспрашиваемъ ли мы человѣка о его дѣятельности съ желаніемъ и намѣреніемъ помочь ему выпутаться изъ случившихся затрудненій, разъяснить, исправить ошибки, или же съ цѣлью подвести его дѣянія подъ тѣ или другія статьи уложенія о наказаніяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ бесѣда между дѣйствующими лицами естественно и необходимо приметъ характеръ состязанія въ томъ, кто кого проведетъ. Точно также и учащіяся, какъ только замѣтятъ, что отмітка учителя служитъ испытательнымъ цѣлямъ (въ вопросѣ о нашемъ экзаменѣ все условно; выше мы говорили объ условности его упраздненія; ниже укажемъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его упраздненіе давно произошло даже и тамъ, гдѣ формально онъ еще значится на лицо, напримѣръ, хотя бы въ выпускныхъ классахъ), что эта отмітка опредѣляетъ судьбу ихъ учебныхъ занятій и труда, то тотчасъ же начинаютъ на нее смотрѣть какъ на своего рода индульгенцію, для пріобрѣтенія которой всѣ средства одинаково позволительны. И вотъ между учениками и учителемъ сама собой появляется среда отчужденія, недовѣрія, опаски, сквозь которую вовсе не легко разсматривать второму познанія первыхъ, — тѣмъ болѣе не легко, что учитель, по-

сколько онъ сознаеть это званіе свое, держится его, не можетъ увлекаться слѣдовательскими обязанностями и операціями.

Нельзя упускать изъ виду различія принциповъ, лежащихъ въ основѣ обязанностей исповѣдника и прокурора. Изъ того факта, что духовному отцу часто дается само собой то, что прокурорская власть можетъ добыть лишь послѣ большого труда и при помощи различнаго рода сложныхъ махинацій, очень ошибочно дѣлать выводъ, что безъ вторыхъ можно обойтись, поручивъ всѣ ихъ дѣла первымъ: исповѣдникъ только до тѣхъ поръ остается таковымъ, пока не взялъ на себя обязанностей прокурора, пока онъ не является агентомъ судейской или полицейской власти.

Подобная же метаморфоза происходитъ и съ учителемъ при классныхъ испытаніяхъ: званіе, должность остаются при немъ, но по отношенію къ ученикамъ своимъ онъ является въ роли главнымъ образомъ, если не исключительно, экзаменатора, и той близости между ними, на которую такъ много рассчитывали, которую, казалось, такъ удобно и легко эксплуатировать въ цѣляхъ испытанія, и слѣда не осталось. И для учителя оцѣнка знаній ученика представляетъ въ общемъ столько же, если не больше, трудностей, какъ и для экзаменатора, такъ какъ если есть такія обстоятельства, которыя несомнѣнно облегчаютъ учителю оцѣнку познаній учениковъ въ классѣ, то вѣдь имѣется очень много и такихъ, кои затрудняютъ, чрезвычайно усложняютъ ее.

Въ своей усиленной заботливості о возможно полной, справедливой оцѣнкѣ познаній учащихся противники экзаменовъ указываютъ на то, что невозможно судить по отвѣту изъ одного билета о познаніяхъ испытуемаго въ данномъ предметѣ, томъ или другомъ курсѣ; что съ этой стороны экзамены—лоттерей. Но и въ годовыхъ выводахъ, въ среднихъ баллахъ за отдѣльные отвѣты, тоже очень много случайнаго и условнаго,—условнаго притомъ не потому одному, что въ нихъ всегда суммируются удачи всякаго рода искусственныхъ повышеній балла—списываній, подслушваній, исправленій, приставаній, слезъ и пр. и пр., а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по существу дѣла. Классныя отбѣтки ставятся за приготовленіе отдѣльныхъ уроковъ, между тѣмъ средній баллъ изъ суммы ихъ долженъ выражать оцѣнку познаній ученика всего курса даннаго учебнаго предмета, что не совсѣмъ однородныя величины. Приготовленіе отдѣльныхъ уроковъ—одно, а умѣнье обнять весь курсъ для опредѣленной образовательной цѣли, научной или практической,—другое. Для того, чтобъ лучше уяснить разницу, обратимъ вниманіе на слѣдующія особен-

ности той и другой стороны дѣла. Для успѣшнаго приготовленія уроковъ нужно главнымъ образомъ усердіе, усидчивость или помощь репетитора (развитіе репетиторства какъ зла, какъ одной изъ махинацій заполученія балловъ—индальгенцій, почти цѣлкомъ можетъ быть отнесено на счетъ классныхъ испытаній), соединять же ихъ данныя въ одно цѣлое прежде всего необходима умственная сила; урокъ можно вызубрить и иногда—по нѣкоторымъ отдѣламъ того или другого учебнаго предмета—такъ, что безъ особаго анализа нельзя открыть, понимаетъ его содержаніе отвѣчающій, или нѣтъ, а курсъ—никогда, по крайней мѣрѣ, безъ какого-нибудь феноменальнаго на то дара; и притомъ вызубренный урокъ иногда, опять-таки по нѣкоторымъ отдѣламъ курса, имѣетъ свою цѣну; если же вызубривается весь курсъ, то такая работа теряетъ всякое образовательное значеніе: это ужъ будетъ одна сплошная фальсификація знанія. Такъ, напримѣръ, заучить наизусть таблицу умноженія, разные правила въ ариѳметикѣ, ничего, кромѣ пользы и удобствъ не представляетъ; но зазубрить тутъ всѣ объясненія дѣйствій, изложеніе теоремъ—получится ужъ чистѣйшій абсурдъ.

Но вообще въ школьной практикѣ въ весьма многихъ случаяхъ отмѣтки за отдѣльные отвѣты бываютъ до курьеза безсодержательны—съ точки зрѣнія испытательныхъ цѣлей, т. е. рѣзко выступаетъ несовмѣстимость ихъ. Въ курсѣ всякаго учебнаго предмета находится много такого матеріала, знаніе котораго имѣетъ цѣну лишь постольку, поскольку оно выражается въ умѣнѣхъ ученика пользоваться ими тутъ же, въ школѣ. Таковы, напримѣръ, почти всѣ грамматико-орфографическія правила; знаніе ихъ само по себѣ иногда ровни никакой цѣны не имѣетъ, именно въ приготовительныхъ, низшихъ классахъ; между тѣмъ заучиваніе ихъ приходится вести въ видѣ отдѣльныхъ уроковъ и за отвѣты ставить баллы. Ученику, напримѣръ, задали выучить правописаніе глаголовъ; онъ отлично приготовилъ урокъ, отвѣчаетъ на 4, а то и на 5, но въ письменныхъ работахъ постоянно дѣлаетъ ошибки противъ этихъ правилъ. Возможно ли такимъ балломъ опредѣлять познанія ученика по данному отдѣлу правописанія? и можно ли его брать слагаемымъ при выводѣ четвертной и затѣмъ годовой отмѣтки?

Или вотъ другой не менѣе наглядный примѣръ. Преподаватель рѣшаетъ выработать въ ученикахъ привычку къ точному, аккуратному письменному изложенію рѣшеній ариѳметическихъ задачъ; даетъ форму такихъ изложеній, задаетъ по ея образцу изложить одну,

другую, третью задачу; задасть задачи или рѣшенныя, или настолько простыя—чтобъ не усложнять дѣла,—что ихъ рѣшеніе ни для одного изъ учениковъ не можетъ составить затрудненіи. Форма настолько общепонятна, задача легка, что работу отлично исполняютъ и всѣ слабые ученики по этому предмету, и въ первый, и во второй, и въ третій разъ—и имъ приходится ставить по 4. Но что подѣ этими отмѣтками математическаго? Почти что ничего, а между тѣмъ на практикѣ сплошь и рядомъ случается, что за всю четверть у многихъ учениковъ другихъ отмѣтокъ, кромѣ такихъ чисто условныхъ, узко-спеціальныхъ, и нѣтъ въ журналѣ.

Намъ могутъ замѣтить, что за подобныя работы не нужно ставить отмѣтокъ. Но, во-первыхъ, понятіе о подобіи очень растяжимо, и въ сущности каждая учебная работа, урокъ имѣетъ или долженъ имѣть въ той или другой степени подготовительное и предупредительное значеніе; во-вторыхъ, въ тѣхъ общихъ условіяхъ жизни нашей школы, въ силу которыхъ учащіеся всякій свой учебный трудъ непремѣнно стараются реализовать въ видѣ отмѣтки, онъ вамъ даже и не подумаетъ объ исполненіи той работы, за которую вы рѣшили не ставить балловъ; а въ-третьихъ, это зависитъ отъ взгляда учителя; установленіе же относительно всѣхъ такихъ мелочей учебнаго обихода какихъ-либо общихъ нормъ совершенно неумѣстно, это значило бы гоняться за мухой съ обухомъ. Опытъ нашей школы долженъ бы, кажется, ужъ давно разсвѣять вѣру въ спасительную силу циркулярныхъ указаній и разъясненій и вообще достаточно ясно показать несостоятельность той системы организаціи учебнаго дѣла, которая вводитъ въ него противоположныя, исключаютъ другъ друга принципы, ставитъ его въ неустойчивое положеніе, а потомъ изобрѣтаетъ безконечное множество разнаго рода подпорокъ, подтяжекъ, заплата.

Не всегда возможно считать выходомъ изъ указанныхъ выше противорѣчій и такой путь.

Пусть за подготовительную работу ученикъ получить 4, но вѣдь нужно брать средній баллъ, а онъ никакъ не можетъ быть столь высокимъ, разъ будетъ взята слагаемымъ и оцѣнка, въ первомъ случаѣ хотя бы диктанта, а во второмъ, напримѣръ, умѣнье рѣшить такую задачу, которая могла бы опредѣлить математическія способности учащагося. Не столь высокимъ, это такъ, но все же онъ будетъ выше того, что можно поставить ученику за познанія по даннымъ отдѣламъ курса; ставьте 2 или даже 1, въ среднемъ все-таки выйдетъ переводный баллъ, тогда какъ, судя по дѣйствительнымъ об-

стоятельствамъ дѣла, по тѣмъ даннымъ, которыя только одни опредѣляютъ степень подготовленности ученика, его нельзя переводить, необходимо оставлять на повторительный курсъ.

Вслѣдствіе неудобства совмѣщать въ подобныхъ случаяхъ баллы за отвѣты съ балломъ испытательнымъ учителю приходится волей-неволей такъ или иначе искусственно понижать оцѣнку работъ ученика, т. е. говоря школьнымъ жаргономъ, „нарѣзать“ его. А въ случаяхъ противоположныхъ,—когда способный ученикъ невнимательно исполняетъ подготовительную работу, учитель вынуждается, наоборотъ подыскивать предлоги къ повышенію отмітокъ за отвѣты,—чтобъ въ среднемъ вышелъ тотъ баллъ, которымъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ оцѣнить познанія этого ученика по данному предмету.

Вообще нужно сказать, что наша статистика среднихъ балловъ очень часто грѣшитъ противъ здраваго смысла, и становится въ прямое противорѣчіе съ логикою фактовъ и съ требованіями дѣла. Вѣдь если рѣшать вопросъ во взятомъ нами примѣрѣ по способу средняго балла, между 4 и 2, то это все равно, что рѣшать такую статистическую задачу: одинъ изъ двухъ игроковъ выигралъ 5 р.; спрашивается, сколько въ среднемъ выигралъ каждый изъ нихъ?

Логическая пустота подобныхъ задачъ прикрывается иногда произвольнымъ увеличеніемъ числа слагаемыхъ, изъ которыхъ выводится средній баллъ. Мнѣ, напр., пришлось встрѣтиться съ фактомъ, что отмітки за учебныя четверти выводятся по русскому языку изъ 10—12 слагаемыхъ; тутъ фигурируютъ: и механизмъ чтенія—это во 2 кл. прогимназіи!—и сознательность, и выразительность, и списываніе, и диктантъ, и изложеніе, и сочиненіе, и разсказъ, и разборъ, и грамматика, и вниманіе, и аккуратность. Но; конечно, эти псевдонаучные приемы одинъ отводъ глазъ,—такая игра въ маскарадъ, которая недопустима какъ вслѣдствіе своей фальши вообще, такъ, въ частности, и потому, что противорѣчитъ понятію о курсѣ.

Приведенные доводы о невозможности и неудобствахъ соединенія въ одномъ лицѣ должностей преподавателя и экзаменатора, а также отмітокъ классной и испытательной, переводной, могутъ быть разсматриваемы, между прочимъ, и какъ иллюстрація къ несовмѣстности двухъ актовъ—преподаванія и испытанія. Но кромѣ представленнаго, эти два акта несовмѣстимы другъ съ другомъ и по слѣдующимъ, спеціальнымъ основаніямъ.

Учитель, какъ преподаватель, долженъ постоянно, исключительно заботиться о томъ, чтобъ его поняли ученики, вездѣ и всегда за-

являть объ этомъ,—конечно, не на словахъ только, а главное на дѣлѣ; и на всякое проявленіе непониманія долженъ смотрѣть, какъ на предлогъ освѣтить вопросъ съ какой-нибудь другой точки зрѣнія. Въ этомъ какъ залогъ успѣха собственно преподаванія, такъ и нравственной привязанности къ нему учениковъ. Между тѣмъ должностъ испытателя внушаетъ, обязываетъ учителя всякое проявленіе непониманія, упущенія со стороны кого-либо изъ учениковъ регистрировать такъ или иначе въ классномъ журналѣ (кто на сколько изъ преподавателей склоненъ подчиняться этимъ внушеніямъ,—вопросъ частный, зависитъ отъ личности учителя, отъ его взгляда на тѣ или другія свои обязанности). Ученики чувствуютъ въ дѣйствіяхъ и поступкахъ учителя присутствіе этого стремленія къ улаживанію ихъ недочетовъ, часто видятъ, испытываютъ проявленіе его въ той или иной формѣ—и... стараются дѣлать видъ, что все понимаютъ, т. е. изъ естественнаго чувства самосохраненія всячески скрываютъ свои пробѣлы и недоумѣнія, и не только свои, но и товарищей своихъ,—изъ чувства солидарности (что учащіеся нерѣдко не только не скрываютъ своихъ незнаній, напр., уроковъ, непониманія ихъ, а даже злоупотребляютъ возможностью заявлять объ этомъ учителю, обусловливается другими причинами, нити которыхъ тоже тянутся изъ нашихъ классныхъ испытаній, но то другой вопросъ). Это обстоятельство, едва-ли даже уловимое для неспеціалиста, служитъ однако основою многихъ большого значенія отрицательныхъ явленій въ школѣ; прежде же всего оно почти исключаетъ возможность дружной классной работы, совмѣстнаго между учителемъ и учениками учебнаго труда и удаляетъ ихъ другъ отъ друга на такую дистанцію, что никакими искусственными средствами, въ томъ числѣ и пресловутыми сердечными отношеніями, оказывается ужъ невозможнымъ сблизить ихъ.

Далѣе, однимъ изъ главныхъ требованій, предъявляемыхъ къ классному преподаванію, является, какъ извѣстно, то, чтобы занятія велись со всѣми учениками; между тѣмъ испытательныя обязанности учителя склоняютъ его возможно подробнѣе знакомиться съ познаніями даннаго, одного ученика по извѣстному отдѣлу курса, классъ же оставлять въ сторонѣ, т. е. всѣхъ остальныхъ учениковъ ставить въ положеніе постороннихъ слушателей, иногда лишь зрителей состязанія учителя съ ученикомъ, кто кого проведетъ.

Въ результатъ такого ненормальнаго положенія вещей и является то отсутствіе единства въ классныхъ занятіяхъ, которое мы выше отмѣчали.

Укажемъ здѣсь и на нѣкоторыя частныя неудобства совмѣщенія преподаванія съ испытаніемъ.

Такъ, напримѣръ, для уясненія какого-нибудь сложнаго вопроса, правила, теоремы необходимо сосредоточивать вниманіе учащихся исключительно только на одномъ, избранномъ предметѣ; между тѣмъ въ виду испытательныхъ цѣлей учитель вынуждается дѣлать вопросы и изъ пройденнаго, что, разумѣется, развлекаетъ вниманіе ученика и класса и, значитъ, путаетъ намѣченный учителемъ планъ.

Въ другихъ случаяхъ интересы живости преподаванія требуютъ отъ учителя задаванія разнообразныхъ вопросовъ, со стороны учениковъ—быстрыхъ, краткихъ отвѣтовъ; но вотъ испытательная миссія учителя заставляетъ его вытягивать, вымучивать изъ одного кого-нибудь все, что онъ знаетъ по данному вопросу, и онъ волей-неволей, не въ той, такъ въ другой степени производитъ эту вымучку.

Потомъ, въ практикѣ учебнаго дѣла имѣютъ мѣсто и такія явленія. Учитель задаетъ почему-нибудь сравнительно трудный и сложный урокъ. Онъ отлично знаетъ, что никто изъ учащихся этого класса не можетъ удовлетворительно отвѣтить его. По настоящему, если бы учитель руководился въ своей дѣятельности только цѣлями педагогическими, ему слѣдовало бы заняться не выпрашиваніемъ такого урока, а повторить его ученикамъ, добавляя болѣе обстоятельныя объясненія. Но испытательныя цѣли обыкновенно и тутъ сбиваютъ преподавателя въ сторону шаблона. Весьма нерѣдко преподаватели даже пользуются такими уроками, какъ средствомъ понижать баллы кого-либо изъ учащихся, — напримѣръ, тѣмъ, кои за отвѣты простыхъ и легкихъ уроковъ получили слишкомъ высокія, по мнѣнію преподавателя, отмѣтки. Понятно, отсюда одинъ шагъ, чтобъ и искусственно создавать такіе неудобопонятныя и неудобноисполнимыя уроки, одинъ шагъ къ прямому извращенію обязанностей преподавателя.

Затѣмъ тутъ же отмѣтимъ, что нѣкоторыя отрицательныя вліянія вносятся въ преподаваніе классными испытаніями попутно съ другими измѣненіями, кои они производятъ въ строѣ учебнаго дѣла въ школѣ. Напримѣръ, съ упраздненіемъ экзамена, какъ отдѣльнаго установленія, удаляется отъ учителя тотъ факторъ, который создавалъ собой требованія о необходимости обращать особое вниманіе въ дѣлѣ обученія именно на укрѣпленіе тѣхъ или другихъ данныхъ каждаго урока,—вынуждалъ его прибѣгать къ тѣмъ манипуляціямъ, пособіямъ, кои помогаютъ ученикамъ какъ усваивать разъ воспріятыя свѣдѣ-

ніа, такъ и удерживать ихъ въ памяти не день-два, до слѣдующаго урока, а на время болѣе продолжительное: до экзамена.

Нужно замѣтить, что какъ средства воздѣйствія на учащихся, въ отношеніи укрѣпленія въ ихъ памяти преподаваемыхъ знаній, такъ и самый матеріалъ, подлежащій укрѣпленію, значительно разнится отъ того, на какое время это рассчитывается дѣлать; преподаваніе въ очень значительной мѣрѣ и существенно теряетъ свой характеръ психологической задачи, разъ исключаются совсѣмъ или почти совсѣмъ условія времени, — упраздняется необходимость считаться съ тѣмъ, чтобы всѣ познанія учащагося по данному курсу учебнаго предмета были налицо къ концу года. Въ этомъ отношеніи замѣна экзамена годовыми отмѣтками лишаетъ преподавательское дѣло извѣстнаго рода перспективы, что, конечно, очень невыгодно отражается какъ на качествѣ, такъ и на производительности труда учителя, самъ же онъ при этихъ условіяхъ обращается какъ бы въ поденщика.

Вообще дѣло преподаванія при классныхъ испытаніяхъ состоитъ „въ прохожденіи“ курса, при экзаменахъ же — и учитель и ученикъ руководствуются сознаніемъ необходимости „знать его“. Разница между тѣмъ и другимъ положеніемъ дѣла очень большая. Помимо всего прочаго, — въ первомъ случаѣ учителю отырывается полная возможность не думать о результатахъ своего преподаванія и, значить, слѣдовать какимъ угодно рутиннымъ способамъ въ дѣлѣ обученія; во второмъ — у него постоянныя заботы изыскать такіе приемы, способы, средства, которые могли бы привести къ требуемымъ успѣхамъ.

И чтобы водворить въ классѣ преподаваніе въ его собственномъ смыслѣ, дать преподавателю только его настоящія обязанности педагога-психолога, первымъ и главнымъ условіемъ должно признать то, чтобы избавить школу отъ классныхъ испытаній.

Нельзя не замѣтить, кромѣ того, что силы и вниманіе учащихся въ разсматриваемыхъ условіяхъ расходуются весьма непроизводительно. Такъ какъ классныя испытанія выдвигаютъ на первое мѣсто отвѣтъ урока, ставятъ въ зависимость отъ хорошихъ отвѣтовъ всѣ учебныя успѣхи учащагося, то, естественно, послѣдніе слишкомъ большое значеніе придаютъ и несоразмѣрно много вниманія удѣляютъ отдѣлкѣ урока со стороны гладкости изложенія. Въ подробностяхъ формы изложенія ихъ вниманіе разсѣвается и то, что составляетъ основное содержаніе предмета, очень часто ускользаетъ изъ ихъ поля зрѣнія.

Наконецъ, господство отвѣтовъ, почти полная замѣна ими всѣхъ

другихъ формъ учебныхъ занятій, обуславливаетъ крайне неравно-мѣрное изученіе курса. Ученикъ изучаетъ содержаніе его скачками, навыдержку, — учить лишь тѣ статьи, отдѣлы, что приходится на время, когда онъ ожидаетъ, что его спросятъ (какую бы систему опросовъ учитель ни принялъ, ученики скоро къ ней приладятся, откроютъ, такъ сказать, оя ключъ), всѣ же другіе пропускаетъ мимо, такъ что къ концу года у него вмѣсто знанія всего курса даннаго учебнаго предмета получаютъ одни обрывки, клочки его, кои часто не имѣютъ, въ этомъ разрозненномъ видѣ, никакой цѣлы и никакого образовательнаго значенія.

Можно сказать, что съ отмѣною экзаменовъ для учениковъ потерялся смыслъ, исчезла непосредственная побудительная причина знать курсы учебныхъ предметовъ. Это замѣнилось необходимостью заучивать возможно лучше то, что могутъ спросить и за что предвидится получить баллъ, т. е. привело къ сознанію необходимости зубрить уроки, такъ какъ ученикъ можетъ быть увѣренъ, что онъ вполне знаетъ урокъ лишь тогда, когда онъ заучитъ его текстъ по учебнику въ точности.

Какъ извѣстно, однимъ изъ мотивовъ къ упраздненію экзаменовъ служилъ между прочимъ тотъ, что они создаютъ необходимость зубрить уроки. Какъ мы видимъ, классныя испытанія менѣе всего способны вывести изъ учебнаго дѣла это зло,—конечно, поскольку оно является таковымъ.

Помимо вопроса о несовмѣстности, въ которомъ главная суть дѣла въ данномъ случаѣ, классныя испытанія недопустимы также и съ нѣкоторыхъ другихъ точекъ зрѣнія.

Перечисляя преимущества и удобства замѣны экзаменовъ годовыми отмѣтками, сторонники этой реформы указываютъ на то, что при упраздненіи экзамена самъ собою выигрывается цѣлый мѣсяць май, лучшее время года, что такимъ образомъ классныя испытанія значительно де облегчаютъ учебную тяготу и сокращаютъ расходы (то обстоятельство, что этотъ мѣсяць,—собственно та или другая его часть, освободившаяся благодаря отмѣнѣ экзамена, идетъ иногда на какія-либо учебныя занятія,—мы оставляемъ въ сторонѣ: тутъ всѣхъ вариаций не уловить).

Мы уже выше упоминали, что вопросъ объ облегченіи учебныхъ занятій совершенно отдѣльный, къ сказанному добавимъ здѣсь, что рѣшать его мимоходомъ и, такъ сказать, по Тришкиной философіи, на чужой счетъ, странно и смѣшно.

Теперь подсчитаемъ, во что обходится школь этотъ подарокъ или находка, какъ онъ представляется нѣкоторымъ.

Если мы возьмемъ классъ въ 30—40 человекъ, число уроковъ въ немъ 2—3, по тому или другому предмету, учебный годъ примемъ въ 175 дней, а учебную четверть въ 6 недѣль, въ среднемъ, на каждый отдѣльный отвѣтъ ученика положимъ по 10—15 минутъ и согласимся, что у каждаго изъ нихъ должно быть по 2—3 отвѣтки въ четверти, то простой ариѳметическій подсчетъ показываетъ, что въ подобныхъ случаяхъ—условія, какъ нельзя не замѣтить, взяты нами среднія или болѣе или менѣе близкія къ таковымъ—выспрашиваніе уроковъ отнимаетъ почти все классное время и что на преподаваніе собственно у учителя почти ничего не остается, и онъ волей-неволей его ведетъ урывками, на-скоро, между прочимъ и кое-какъ.

То нерѣдкое явленіе въ нашей школѣ, что вся преподавательская дѣятельность учителя ограничивается лишь задаваніемъ уроковъ по учебнику, сводится къ пресловутымъ отвѣткамъ „отъ селова до селова“, т. е. къ формамъ, столь возмущающимъ наше общественное мнѣніе и дѣйствительно совершенно нетерпимымъ, далеко не всегда обуславливается небрежнымъ отношеніемъ учителя къ своимъ обязанностямъ, неопытностью его или неспособностью, а просто диктуется необходимостью, создаваемой классными испытаніями.

Каковы бы ни были личные взгляды учителя на свои обязанности, на уроки, отвѣты, отвѣтки,—ему очень трудно противостоятъ давленію тѣхъ многообразныхъ факторовъ, которые требуютъ отъ него передвигать центръ тяжести занятій къ выспрашиванію заданныхъ на домъ уроковъ,—да не только передвигать, но и прямо класть во главу угла своей дѣятельности эту скучную тяжелую процедуру.

При классной системѣ испытаній отъ учителя и ученики, и ихъ родители (тѣми или другими окольными путями), и журналы, и отчеты, и педагогическій совѣтъ — все требуетъ отвѣтокъ, отвѣтокъ во что бы то ни стало. Исполненіе курса, программы, плановъ, знаніе своего предмета, его методикъ и пр. и пр.—все это тоже, конечно, нужно, требуется, но и только; это скорѣе нравственная, чѣмъ служебная обязанность. Совѣтъ другое дѣло отвѣтка: она изъ учителя выдвигается всѣмъ строемъ школы, который вполне подчинился класснымъ испытаніямъ и, такъ сказать, насквозь пропитался ими. Отвѣтка необходима—и учитель волей-неволей подчиняется этой необходимости, отдаетъ выспрашиванію все или почти все классное время, т. е. оставляетъ свои прямыя преподавательскія обязанности и обращается въ

„испытателя“, а классъ, за нимъ и вся школа изъ учебнаго заведенія соотвѣтственно преобразовывается въ какое-то постоянное испытательное заведеніе.

Вотъ чѣмъ школа расплачивается за майскія идилліи—въ конечномъ счетѣ не болѣе не менѣе какъ своей судьбою, какъ учебнаго заведенія!

Тутъ намъ могутъ замѣтить, что выспрашиваніе уроковъ имѣеть мѣсто и при наличности экзаменовъ, что оно, составляя одинъ изъ основныхъ элементовъ учебныхъ занятій вообще, вызывается въ то же время и многими частными педагогическими цѣлями; необходимо, на-примѣръ, для развитія языка учащихся, сообразительности; учителю необходимо для опредѣленія степени усвоенія задаваемыхъ уроковъ и пр. Это такъ, конечно, но мы не должны при этомъ упускать изъ виду того психологическаго явленія, что какъ только въ проверкѣ уроковъ входитъ элементъ испытанія, то онъ тотчасъ же и кореннымъ образомъ измѣняетъ все дѣло, именно, отодвигаетъ на задній планъ всѣ педагогическія цѣли и подчиняетъ его исключительно своимъ. Одно представленіе ученика, что его вызываютъ къ отвѣту для испытательныхъ цѣлей, дѣйствуетъ на настроеніе его духа такъ, что это совсѣмъ недопустимо съ точки зрѣнія педагогическихъ требованій. Подобно тому, что какъ соединеніе въ одномъ лицѣ исповѣдника и прокурора, учителя и экзаменатора не возможно, какъ мы выше указывали, потому что первая, главнѣйшая съ известной точки зрѣнія обязанности ихъ совершенно почти устраняются, исключаются вторыми, точно также и отвѣтъ ученика при классныхъ испытаніяхъ служить почти исключительно этимъ послѣднимъ. И всѣ, часто положительно героическія усилія отдѣльныхъ преподавателей, совѣтовъ бороться противъ этого естественнаго хода вещей ровно ни къ чему не приводятъ: система сильнѣе людей.

Затѣмъ вовсе не даромъ даются майскіе дни и собственно школьникамъ. Чтобы понять, во что обходятся имъ столь соблазнительные дни, стоитъ лишь поближе, какъ слѣдуетъ вникнуть во всѣ эти, по виду совершенно пустыя, на самомъ же дѣлѣ весьма и весьма знаменательныя: „Ахъ, какъ бы спросили!“ или: „Ахъ, какъ бы не спросили?“ между которыми мечется, горитъ духовная сила нашего школьника въ теченіе всего учебнаго года,—по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, надъ коими сохраняютъ свою силу внушенія и ожиданія родителей и кои не потеряли вѣры въ цѣнность учебныхъ знаній и надежды на успѣхъ въ нихъ. Да, то обстоятельство, что системою

классныхъ испытаній учащіеся вынуждаются стоять добрѣ по вся дни, по отношенію своихъ уроковъ, ибо „не вѣсте бо ни дни ни часа, егда же“... потребуютъ его къ отвѣту по тому или другому предмету, — эта постоянная циркуляція между надеждою отличиться и страхомъ провалиться, продолжающаяся не двѣ-три недѣли, не мѣсяць, а годы, это всегдашнее состояніе нервного напряженія, приподнятости менѣе всего позволяетъ говорить о сбереженіи силъ и здоровья учащихся.

Очевидно, сторонники переводовъ по годовымъ отиѣткамъ-выводамъ судили о вопросѣ не по существу его, а только съ точки зрѣнія случайно подвернувшихся тутъ календарныхъ датъ.

Особенно въ послѣднее время у насъ постоянно и по всякому поводу высказываются жалобы на то, что нашу школу заѣлъ бюрократизмъ; что онъ кругомъ опуталъ ее своей паутиной, отдѣляя глухой стѣной отъ жизни и въ ней душитъ всякую жизнь. Но какъ ни странно, а все, что мы дѣлали и дѣлаемъ до сихъ поръ по вопросу о реформѣ экзамена, въ смыслѣ упраздненія его, мы играемъ между прочимъ какъ разъ на руку этому самому, такъ жестоко вѣзмъ насолвшему бюрократизму. Съ упраздненіемъ экзамена въ школѣ наглухо затворяется послѣдняя, единственная отдушина, черезъ которую возможно было хоть нѣкоторое вліяніе обружающей жизни на учебное дѣло. При экзаменѣ и педагогическая коллегія, въ составѣ которой всегда возможны лица различныхъ взглядовъ, убѣжденій, различной педагогической опытности, — часто не только глубоко преданные своему дѣлу люди, но и близко принимающіе къ сердцу его общественное значеніе, а также и нѣкоторые представители общественной среды, напримѣръ, попечители могли видѣть какъ результаты дѣятельности всей школы за данный учебный годъ, такъ и результаты преподаванія отдѣльныхъ преподавателей, по нимъ могли судить и о методахъ, трудахъ и о педагогическихъ способностяхъ каждаго изъ преподавателей, — могли такъ или иначе воздѣйствовать въ извѣстныхъ случаяхъ на кого-либо изъ корпораціи. Сліяніе же въ одномъ лицѣ преподавателя и экзаменатора устраняетъ отъ учителя необходимость считаться съ посторонними взглядами на результаты своихъ трудовъ, на свою систему занятія, и это обстоятельство тоже вноситъ свою, очень большую долю вліянія въ сторону господства застоя и рутины въ важной и отвѣтственной дѣятельности учителя.

Къ тому же съ упраздненіемъ экзамена въ значительной мѣрѣ упраздняется и сама педагогическая коллегія учебнаго заведенія, поры-

вается связь между ея членами въ педагогическихъ и, слѣдовательно, наиболѣе цѣнныхъ функціяхъ. Съ изгнаніемъ экзамена учителя лишаются всякой возможности знать другъ друга, какъ преподавателей, и видѣть лицомъ къ лицу результаты своего совмѣстнаго труда. Классныя испытанія отнимаютъ у нихъ всякій поводъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякое право вліять другъ на друга пріобрѣтеніями своей педагогической практики и опытности; кругъ педагогической дѣятельности и интересовъ каждаго изъ нихъ строго ограничивается однимъ его предметомъ и учитель исторіи такъ же ничего не знаетъ и не можетъ знать о томъ, какъ ведется преподаваніе географіи учителемъ того же самаго училища, какіе получаются у него результаты, какъ и этотъ послѣдній о немъ, точно они живутъ за три девять земель другъ отъ друга.

Намъ, конечно, укажутъ, что о томъ, какіе получились результаты по каждому предмету къ концу учебнаго года, можно судить изъ отчетовъ, по годовымъ отмѣткамъ-выводамъ. Но всѣ эти цифры среднихъ балловъ, проценты успѣвающихъ и неуспѣвающихъ никогда намъ не могутъ замѣнить живыхъ наглядныхъ данныхъ дѣйствительности, свидѣтельствъ наличности; — онѣ тѣмъ болѣе не могутъ намъ служить надежнымъ средствомъ судить объ успѣхахъ преподаванія каждаго изъ учителей, что сплошь сотканы изъ различнаго рода условностей. Въ самомъ дѣлѣ. Одинъ преподаватель проходитъ курсъ бѣглымъ, размашистымъ аллюромъ, занимается съ одними лишь „головами“, а всю „средину“, не говоря ужъ о „хвостѣ“, класса оставляетъ звѣвать и въ промежуткахъ глотать колы да двойки; другой такъ долго, упорно топчется на каждомъ параграфѣ учебника, что даже всѣ пасынки школы „дерзаютъ“ до „балла душевнаго спокойствія“; первый успѣваетъ пройти не только весь курсъ, но даже удивляется, почему онъ не вдвое-втрое обширнѣе; а у второго болѣе большая половина курса идетъ за скобки, вычеркивается. Но зато у перваго какихъ-нибудь 10—15% успѣвающихъ, а у второго чуть не сто. Третій главнымъ образомъ занимается „развитіемъ“ учениковъ по своему предмету; горы таскаетъ въ классъ всякихъ руководствъ, пособій, все почти время тратитъ на изъясненіе какихъ-нибудь цитатъ знаменитыхъ авторовъ, а когда кончается учебная четверть, то отмѣтки каждому изъ своихъ учениковъ ставитъ „по обоюдному согласію“. Наконецъ, при условіяхъ обычной, выглаженной планомѣрности преподаванія одинъ учитель хватается за всякій предлогъ повысить баллъ за отвѣтъ для средняго вывода; другой, наоборотъ, съ жадностью ловитъ всякій случай „нарѣзать“ ученика.

Что могут сказать какого бы то ни было рода процентныя исчисления при такихъ различныхъ способахъ преподаванія, взглядахъ на него, на баллъ, — при такихъ различныхъ основахъ оцѣнки познаній учащихся? И далѣе, — слушая въ совѣтской комнатѣ или въ актовомъ залѣ такой отчетъ, въ которомъ что ни цифра, то особая точка зрѣнія, чѣмъ могутъ обмѣняться гг. учителя между собою? Дву или совѣмъ не двусмысленными улыбками, мимикой удивленія и вопроса?!

Только что разсмотрѣнный вопросъ о невозможности судить по годовымъ отчетамъ о постановкѣ и успѣхахъ преподаванія близко касается вопроса вообще контроля надъ преподавателями, какъ таковыми. Какъ извѣстно, сторонники классныхъ испытаній рѣшаютъ его тоже очень легко и просто. По ихъ мнѣнію роль экзамена въ этомъ отношеніи вполне могутъ замѣнить ревизіи. По настоящему же объ учительскомъ трудѣ и о самомъ учителѣ, какъ преподавателѣ, возможно судить только по результатамъ его дѣятельности, ближайшимъ образомъ по умѣнью исполнить курсъ. Относительно другихъ видовъ труда хорошо извѣстно правило, что пока дѣло находится въ ходу, въ стадіи предварительной подготовки, то о немъ нельзя судить. Что, напримѣръ, можно сказать о картинѣ, когда на полотнѣ видны только отдѣльные мазки, не отдѣлены ни фонъ, ни перспектива, ни центральныя фигуры? — о красотѣ, гармоніи зданія, когда у него нѣтъ еще свода? То же самое несомнѣнно справедливо и по отношенію къ преподавательскому дѣлу, — при условіи, конечно, не представлять его себѣ въ видѣ чиннаго размѣреннаго пережевыванія статей или параграфовъ учебника.

Ревизія случайна и поверхностна (въ задачи ея собственно должна входить не оцѣнка успѣховъ преподаванія, а наблюденіе за технической стороной этого дѣла, — слѣдить, напримѣръ, чтобъ не примѣнялись какіе-нибудь недопустимые приемы, средства при преподаваніи, воздѣйствіи на учащихся и пр.), и такова она вообще, а не въ силу только какихъ-нибудь частныхъ упущеній со стороны ревизующихъ (мы вообще разсматриваемъ въ данномъ случаѣ вопросы съ точки зрѣнія вліянія извѣстной системы на различныя стороны школьнаго дѣла, а также и дѣятелей его, не касаясь обстоятельствъ другого характера, — съ точки зрѣнія вліянія того извращенія, которое вносится въ учебное дѣло классными испытаніями). Всякому, кто ближе знакомъ съ дѣломъ преподаванія, хорошо извѣстно, несомнѣнно знаетъ и всякій ревизоръ школы, прошедшій тотъ или другой стажъ учительскаго труда, что различнаго рода техническіе приемы препода-

даванія весьма условны по своей цѣнности, особенно по отношенію къ каждому отдѣльному случаю, когда ими пользуется преподаватель, и что, такъ называемые, образцовые уроки далеко не всегда даютъ образцовые результаты, слѣдовательно, не всегда могутъ служить мѣрой педагогической опытности преподавателя и производительности его труда. Напримѣръ, надъ всякимъ образцовымъ урокомъ, съ точки зрѣнія методической рецептуры (о психологической и педагогической сторонѣ урока, въ настоящемъ смыслѣ этихъ понятій, возможно судить только послѣ продолжительныхъ и внимательныхъ наблюденій за веденіемъ дѣла, а не смаху и съ высоты птичьяго полета), всегда стоитъ большого значенія вопросъ о томъ, умѣетъ ли учитель и какъ воспользоваться имъ впоследствии,—при тѣхъ или другихъ послѣдующихъ урокахъ и при сводкѣ содержанія даннаго курса въ одно цѣлое, — конечно, если таковая имѣется въ виду и вмѣняется ему въ обязанность.

Укажемъ тутъ же еще на одну нить, которая связываетъ классныя испытанія съ бюрократизмомъ,—на одно свидѣтельство ихъ взаимнаго другъ къ другу тяготѣнія.

Одной изъ отличительныхъ, существенныхъ чертъ бюрократизма служить, какъ извѣстно, стремленіе, страсть къ документу, предпочтеніе послѣднему требованій жизни, прямыхъ настоящихъ интересовъ ея. Классныя испытанія, создавая необходимость въ отбѣткахъ, необходимость въ регистраціи всякаго выраженія, всякаго признака, который можетъ свидѣтельствовать о познаніяхъ ученика или его упущеніяхъ, идею документа простираютъ до самыхъ интимныхъ сторонъ учебнаго дѣла,—доводятъ ея примѣненіе до того „дна“, гдѣ все только въ зачаточномъ состояніи, въ зародышѣ, условно и, слѣдовательно, для документа совершенно неумовимо.

Всѣ разнообразныя причины, въ силу которыхъ вопросъ объ экзаменахъ выступилъ на сцену, обострился и въ свое время привлекъ къ себѣ общее вниманіе, можно подраздѣлить на три категоріи. Къ первой мы относимъ тѣ, кои исходятъ изъ недочетовъ его существующей организаціи и обуславливаютъ его несостоятельность; это, по нашему, и есть то, чѣмъ собственно онъ и исчерпывается, что опредѣляетъ настоятельную необходимость его коренной реформы, какъ самостоятельнаго института; ко второй—тѣ, объ устраненіи которыхъ такъ много говорилось въ нашей общей и педагогической печати, по крайней мѣрѣ, количественно, но вслѣдствіе ошибочной постановки и рѣшенія которыхъ школа пришла къ тому тупику, въ какой по-

ставили ее классныя испытанія. Къ послѣдней—тѣ, которыя до сихъ поръ еще не выставлялись на открытую арену борьбы, по крайней мѣрѣ, въ полномъ своемъ объемѣ, служили лишь своего рода общимъ резервомъ, тяжелой артиллеріей, пускать въ дѣло которую, съ одной стороны, считалось неудобнымъ, а съ другой—и не представлялось особой надобности, но наличность которой несомнѣнно играла огромную роль въ исходѣ крестоваго похода противъ экзамена.

Мы говоримъ о весьма распространенномъ мнѣніи, что замѣна экзаменовъ годовыми отчетами-выводами необходима въ видахъ предоставленія учителю большей свободы вообще въ его дѣятельности, а въ частности—по исполненію курсовъ учебныхъ предметовъ и будто это ведетъ къ утвержденію принципа свободы преподаванія, представляетъ нѣкоторую форму его осуществленія.

Призывы къ свободѣ всегда соблазнительны, однако, по меньшей мѣрѣ, нужно имѣть въ виду, что она не даромъ дается, а весьма часто несетъ съ собою такія обязанности и отвѣтственность, передъ лицомъ которыхъ нужно очень и очень подумать, по силамъ ли они намъ или тѣмъ, кому мы ихъ адресуемъ. И далѣе, извѣстная доля свободы необходима во всякой и для всякой дѣятельности и учебное дѣло, конечно, менѣе всякаго другого можетъ быть исключеніемъ отсюда, но слѣдуетъ помнить при этомъ, что во всякую область практической дѣятельности и элементы свободы должны входить непременно въ опредѣленной, организованной формѣ, должны быть строго согласованы съ дѣйствительными потребностями даннаго дѣла и не стоять въ противорѣчій съ другими основными принципами его.

Теперь посмотримъ, въ чемъ и какого рода свободу дадутъ учителю классныя испытанія и въ какую цѣну она ему обходится.

Какъ извѣстно, каждый изъ нашихъ учителей, служащихъ, не только педагогъ въ томъ отвлеченномъ смыслѣ, въ какомъ намъ представляетъ его наука, а въ то же время и должностное лицо съ опредѣленными обязанностями исполнительнаго характера. Нельзя преподавать исторію, не сообразивъ предварительно ея курса, не имѣя въ виду той или другой цѣли, какъ нельзя, напр., дѣлать столъ, не опредѣливъ его размѣры и назначенія; быть столяромъ—это одно, а исполнить извѣстный заказъ—и хорошо и во время—другое, такъ какъ можно быть прекраснымъ мастеромъ въ своей специальности и однако исполнять порученія изъ рукъ вонъ плохо, т. е. представлять вещи, не соответствующія своему назначенію. И если учитель можетъ по своему усмотрѣнію сокращать и расширять программу по

своему предмету, сколько угодно останавливаться на любомъ ея отдѣлѣ, другихъ же едва касаться; разъ удаляется отъ него тотъ факторъ, который вынуждалъ его отдавать отчетъ въ пригодности и цѣлесообразности всѣхъ допущенныхъ имъ отступленій; разъ упраздняется то установленіе, которое выводило, что называется, на чистую воду результаты принятой учителемъ системы, дѣлало эти результаты предметомъ открытаго, общаго обсужденія,—то исполнительный характеръ его должности въ значительной мѣрѣ утрачивается. Но думать, чтобъ для учителя въ этомъ отступленіи отъ одного изъ основныхъ принциповъ его должности заключался какой-либо выигрышъ, очень ошибочно. По отбѣнѣ экзамена, въ тѣхъ условіяхъ, кои они создаютъ или допускаютъ по исполненію учебныхъ курсовъ, онъ оказывается учителемъ именно въ отвлеченномъ смыслѣ, т. е. въ положеніи корабля, на открытомъ безбрежномъ океанѣ, безъ руля, а съ одними лишь вѣтрилами, въ видѣ добрыхъ намѣреній. Это вообще, съ принципіальной точки зрѣнія. Въ практическомъ же отношеніи разсматриваемое отступленіе ставитъ учителя въ такіе тиски, о которыхъ трудно и представить, не испытавъ ихъ корявыхъ объятій на собственной шкурѣ.

Прежде всего, то обстоятельство, что ставится въ зависимость отъ воли учителя измѣнять программу, сокращать, дополнять и пр., даетъ его дѣятельности по исполненію курса характеръ частнаго, личнаго его дѣла. Обратите вниманіе на тотъ фактъ, что если вы спросите ученика, что онъ учитъ, онъ вамъ рѣдко назоветъ самый учебный предметъ, а почти всегда—имя преподавателя его,—обыкновенно вы получите отвѣтъ: Кузьмѣ Захаровичу или Захару Кузьмичу... И это не одна лишь вольность дѣтскаго языка, но и мѣткая характеристика одной изъ своеобразныхъ чертъ существующей постановки нашего учебнаго дѣла,—той именно, что оно какъ бы брошено все, цѣликомъ, на произволь учителя, доведено до хаотическаго состоянія, скомкано, запутано до невозможности и брошено всей своей тяжестью на плечи этой заѣзанной, задерганной до послѣдней степени „почтовой клячи“.

Въ силу того, что учитель получаетъ возможность измѣнять какъ угодно программу, онъ, понятно, беретъ на себя и отвѣтственность за результаты этихъ измѣненій. При этомъ нужно имѣть въ виду, что въ нашемъ учебномъ дѣлѣ всякаго рода недочетовъ очень много, много и такихъ, устранить которые совершенно не во власти учителя. Они такъ или иначе вліяютъ на успѣхъ преподаванія,—конечно,

въ сторону увеличенія процента неуспѣвающихъ. Но какъ возможно опредѣлить, кто и на сколько плохо учится по этимъ, внѣ воли и воздѣйствія учителя лежащимъ, причинамъ и кто и на сколько въ силу измѣненій, допущенныхъ преподавателемъ въ программѣ и способахъ ея исполненія (всякая особенность въ составѣ курса и методахъ его исполненія для однихъ учениковъ облегчаетъ задачу изученія его, для другихъ, наоборотъ, затрудняетъ) или, напротивъ, вслѣдствіе того, что онъ не рѣшился сдѣлать тѣхъ или другихъ отступленій отъ данной нормы? Да и кому въ голову придетъ заниматься столь во всѣхъ отношеніяхъ деликатными вопросами! Въ результатѣ и получается, что учитель является за все отвѣтственнымъ, какъ за свои, такъ и за чужіе грѣхи,—мало того, что за все, но и передъ всѣми—и передъ начальствомъ, и передъ обществомъ, и передъ родителями учащихся, а, наконецъ, даже и передъ этими самими учащимися, на практикѣ—по ироніи судьбы—именно передъ тѣми изъ нихъ, кто не учится. Однимъ словомъ учитель является козломъ отпущенія за всѣ нестроенія школы.

Затѣмъ учитель отъ той самостоятельности, какою наградили его классныя испытанія, ничего не выигрываетъ и вообще что касается вопроса о свободѣ дѣятельности, а въ томъ числѣ и въ своихъ служебныхъ интересахъ. Во-первыхъ, для того, чтобы можно было ждать болѣе или менѣе осязательныхъ результатовъ отъ какихъ-либо измѣненій въ программѣ и способахъ ея исполненія, нужно имѣть право соответственно многое измѣнять въ общихъ условіяхъ школьнаго дѣла и его жизни. Оно недаромъ называется сложнымъ и живымъ; тутъ всякое малѣйшее уклоненіе отъ разъ установленныхъ или сложившихся порядковъ тотчасъ же задѣваетъ тѣ или другіе планы, чьи-нибудь интересы, расчеты; между тѣмъ сами по себѣ классныя испытанія не только не расширяютъ права учителя въ названномъ отношеніи, но, наоборотъ, какъ нельзя болѣе крѣпко запираютъ его въ тѣсныя рамки вопросовъ исключительно его одного учебного предмета,—ставятъ какъ бы въ положеніе лошади на топчакѣ, которой закрываютъ глаза, чтобы она не развлекалась посторонними предметами и не смущалась иллюзіей движенія; во-вторыхъ, всякаго рода отступленія отъ разъ принятыхъ нормъ, въ составѣ программы и способахъ исполненія ея, преподаватель можетъ дѣлать все равно только контрабандой, подъ покровомъ того тумана, который вообще густою пеленою и кругомъ окутываетъ нашу школу и благодаря которому иногда совершенно пустыя явленія рисуются въ грандіозныхъ размѣ-

рахъ и, наоборотъ, очень многое важное проходить совѣмъ незамѣченнымъ,—дѣлать только до тѣхъ норъ, пока не привлечетъ по тому или другому поводу на свои новшества какого-нибудь недреманнаго ока; разъ же эта проруха случилась, что какое-нибудь усмотрѣніе обратило на нихъ вниманіе, они обыкновенно тотчасъ же регистрируются подъ именемъ бредней, фантазій и, какъ таковыя, исчезаютъ изъ сферы приложенія яко дымъ, а реформаторъ въ лучшемъ случаѣ остается съ носомъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что положеніе учителя, какъ пѣшки, которую какъ угодно можно переставлять, отставлятъ, гнуть въ бараній рогъ, еще ярче выступаетъ при классныхъ испытаніяхъ. Въ этомъ отношеніи они, можно сказать, головою выдаютъ его непосредственному начальству. При экзаменахъ, въ случаѣ какого-либо недоразумѣнія между учителемъ и начальствующимъ, первый всегда могъ сослаться на результаты своего труда, свидѣтелями котораго была вся корпорація преподавателей даннаго учебнаго заведенія. При отсутствіи же экзамена на что онъ можетъ опереться, указать, какъ на доказательство своей педагогической опытности, трудоспособности, цѣлесообразности его отступленій отъ программъ, пригодности и удобства его приемовъ преподаванія, порядка занятій, отношеній къ учащимся и пр. и пр.? На средніе баллы, процентныя выкладки успѣвающихъ и неуспѣвающихъ? Но кто имъ вѣрить и какъ имъ вѣрить?!

Потомъ, та свобода, которую учитель получаетъ по милости классныхъ испытаній, ставитъ его одинъ на одинъ съ, такъ называемыми, снисхожденіями.

Какъ извѣстно, въ составѣ аргументаціи за переводы по годовымъ отмѣткамъ нѣкоторую роль играетъ то соображеніе, что учитель, какъ лицо, близко стоящее къ учащимся, легче и вѣрнѣе можетъ опредѣлять, кто изъ нихъ заслуживаетъ того или другого снисхожденія и кто нѣтъ. Но, строя подобные расчеты, противники экзаменовъ, очевидно, совершенно упустили изъ виду всю совокупность тѣхъ измѣненій въ строѣ школьной жизни, которыя происходятъ въ ней, разъ испытатель и преподаватель совмѣщаются въ одномъ лицѣ,—не подумали, въ какія непримиримыя противорѣчія, полныя иногда трагизма положенія ставится учитель, благодаря этой свободѣ распоряжаться снисхожденіями, и какъ это тяжело можетъ отражаться на немъ лично и на его дѣятельности, какъ преподавателя и воспитателя.

Вотъ одинъ по вашему предмету ни въ зубъ толкнуть, какъ го-

ворятся на школьнымъ жаргонѣ, а по другимъ идетъ довольно порядочно. Такія явленія встрѣчаются сплошь и рядомъ: то ученикъ опустилъ наиболѣе важные уроки, отсталъ, запутался и не имѣетъ времени разобратъся; то не приспособился къ данной системѣ занятій, а то просто иногда не хватаетъ у него силъ именно на данный предметъ. За познанія по этому предмету ему можно много-много поставить двойку,—при выводѣ средняго балла за учебный годъ. Но вѣдь тогда... тогда цѣлый годъ у него долженъ пропасть, труды, средства? Тотчасъ, конечно, передъ вами слезы, мольбы, обѣщанія, увѣренія,—вопли отчаянія иногда такого глубокаго, за которымъ Богъ вѣсть что скрывается; кругомъ васъ—теоріи о сердечныхъ отношеніяхъ, псевдонаучные тезисы, что разъ учитель ставитъ ученику двойку, то онъ ставитъ ее себѣ, какъ преподавателю; надъ вами—постоянная опасность, что всякая твердость ваша, представляй она хоть одно чистѣйшей воды благоразуміе, легко можетъ очутиться подъ клеймомъ черстваго педантизма и пойти разгуливать подъ этимъ ярлыкомъ; между тѣмъ въ васъ самихъ—твердая увѣренность, что уступка слезамъ и этимъ обстоятельствамъ можетъ только вредно, роковымъ образомъ отразиться на самомъ же учащемся, на его учебныхъ интересахъ: въ слѣдующемъ классѣ онъ еще больше, окончательно можетъ запутаться. Гдѣ, въ чемъ выходъ изъ подобныхъ положеній?

Намъ могутъ сказать, что учитель долженъ отдѣльно заниматься съ ученикомъ, разъ онъ видитъ, что у него образовались тѣ или другіе недочеты въ познаніяхъ. Да, но вѣдь силамъ и всякому искусству есть предѣлъ, его же не преjdeши. Учитель не Сивка-Бурка, на которую что ни вzwiли, она несетъ и везетъ со сказочной быстротой. Онъ тоже живетъ и дѣйствуетъ въ условіяхъ физической дѣйствительности.

Другой—трудится, изъ кожи лѣзетъ вонъ, но изъ старанія его не выходитъ ровно ничего; всѣ его свѣдѣнія изъ учебныхъ предметовъ—плоды безпросвѣтной зубрилки; къ концу года въ головѣ его остаются одни расплывчатые, туманные силуэты какихъ-то знаній. Ставить ему переводный баллъ—предосудительно, какъ съ точки зрѣнія учебной, такъ и со стороны здраваго смысла; но въ то же время и не оцѣнить исполнительности будетъ отдавать чѣмъ-то въ родѣ издѣвательства.

Въ не менѣе затруднительное положеніе иногда ставятъ преподавателя и тѣ антиподы зубрильнаго мастерства, кои при прекрасныхъ способностяхъ совершенно однако отрицательно относятся къ школьной наукѣ. Вы любуетесь, съ какой легкостью онъ разрабатываетъ,

усваиваетъ то, что его интересуетъ, какъ быстро и свободно разбирается въ какомъ-нибудь сложномъ вопросѣ; вы иногда отлично видите, что уровень его развитія, основательность познаній выше вашихъ пятерышниковъ, но всѣ его свѣдѣнія и приобрѣтенія своеобразныя, не укладывающіяся въ рамки соотвѣтственныхъ учебныхъ курсовъ. Какъ его оцѣнивать учителю въ классѣ, во время учебныхъ занятій, а потомъ—при четвертныхъ и годовыхъ выводахъ? Вѣдь тутъ по необходимости все должно направляться къ извѣстнаго рода единству порядка и предмета въ занятіяхъ, къ господству разъ принятыхъ нормъ.

Пользоваться извѣстнымъ юридическимъ и обычнымъ правомъ, чтобъ ставить четвертныя и годовыя отмѣтки главнымъ образомъ по своему усмотрѣнію, впечатлѣнію, не обращая особеннаго вниманія на баллы за подготовку отдѣльныхъ уроковъ, конечно, можно, но очень и очень осторожно. Удерживаться отъ пользованія этимъ правомъ, въ его чистомъ видѣ, учителю необходимо, какъ потому, чтобъ не навлекать на себя нареканій, обвиненій въ произволѣ, не создавать прецедентовъ, такъ главнымъ образомъ по тѣмъ общимъ соображеніямъ, что частое пользованіе крайними средствами поведетъ къ тому, что они утратятъ свое значеніе,—въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ неразсчетливаго обращенія къ названному приему можетъ въ концѣ-концовъ учебное дѣло школы такъ сложиться, т. е., вѣрнѣе, разложиться, что и журнальныя отмѣтки потеряютъ всякое значеніе, и усмотрѣніе учителя замѣнится, при выводахъ, „обоюднымъ соглашеніемъ“, значитъ нѣкотораго рода самосудомъ.

А потомъ эти обиденные: болѣль ученикъ, слабъ, много опустилъ уроковъ—просьба о снисхожденіи, во имя милосердія; здоровъ, силенъ—свой мотивъ къ тому же, на него де можно причислить въ слѣдующемъ классѣ; аккуратно посѣщаль уроки—опять требуется въ извѣстныхъ случаяхъ поощреніе, въ видѣ повышенія балла, и такъ до безконечности.

Что можетъ учитель противопоставить этому потоку просьбъ, настояній, кромѣ ссылки на свои усмотрѣнія? на что ему можно опереться, видя вокругъ себя общій упадокъ интереса къ школьной наукѣ и презрѣніе къ ея практической, жизненной цѣнности? наблюдая вездѣ и во всемъ упадокъ вѣры въ трудъ? И что, слѣдовательно, можетъ, при данныхъ условіяхъ, возбудить въ себѣ, кромѣ вражды и ненависти, это усмотрѣніе,—та воля, о которую должны разбиваться всѣ эти натиски страстей и расчетовъ?

При рѣшеніи вопроса о переводѣ, выдачѣ свидѣтельства ученику или оставленіи его въ томъ же классѣ для повторенія курса нельзя не принимать въ расчетъ личныхъ особенностей его и разныхъ обстоятельствъ житейскаго характера, разъ они выступаютъ тутъ на сцену по тому или другому поводу.

Безъ снисхожденій нельзя обойтись, они въ порядкѣ всякаго живого дѣла, тѣмъ болѣе учебно-воспитательнаго, дѣтскаго; нельзя забывать, что одной изъ составныхъ частей ихъ во многихъ случаяхъ служитъ довѣріе къ молодымъ силамъ, къ искреннимъ стремленіямъ, намѣреніямъ; наконецъ, они пріобрѣтаютъ особо серьезное значеніе, дѣлаются какъ бы даже обязательными, при общезвѣстной переполненности нашихъ программъ. Все это такъ, только дѣло въ томъ, что всякаго рода уступки обстоятельствамъ, при всей ихъ уважительности, никакъ не должны допускаться въ такихъ условіяхъ, какъ это происходитъ при классныхъ испытаніяхъ, во время выводовъ среднихъ балловъ за учебныя четверти или годовой отмѣтки.

Большая разница, во-первыхъ, рѣшаетъ ли вопросы о снисхожденіяхъ цѣлая педагогическая коллегія, какъ то дѣлается при экзаменахъ, или одинъ преподаватель, какъ это имѣетъ мѣсто при классныхъ испытаніяхъ. Въ первомъ случаѣ тотъ или другой недочетъ въ познаніяхъ по данному учебному предмету можетъ не только извиняться, въ извѣстномъ смыслѣ, но и допускаться вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ свѣдѣній учащагося изъ другихъ предметовъ школьной программы. Всѣ относящіяся сюда обстоятельства взвѣшиваются, открыто обсуждаются всѣмъ совѣтомъ или экзаменной комиссіей; во второмъ же—все дѣло имѣетъ видъ келейнаго соглашенія и, конечно, всѣ вредныя стороны его. Если даже соглашенія и не будутъ въ дѣйствительности заключать въ себѣ ничего непозволительнаго, не будутъ имѣть вида какой-нибудь стачки между учащимъ и учащимися, для которой, нужно сказать, открывается не только полный просторъ при классныхъ испытаніяхъ, но въ сторону коей учителя толкаютъ и не одна какая-нибудь злая воля, а многіе мотивы, какъ мы видѣли, и болѣе или менѣе извинительные, при данныхъ условіяхъ,—все же они могутъ приносить школѣ одинъ вредъ, какъ въ учебномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніяхъ. О какой-либо компенсаціи тутъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ учитель при классныхъ испытаніяхъ знаетъ и можетъ знать познанія учащагося только по своему предмету. Снисхожденія въ данныхъ условіяхъ зависятъ исключительно отъ усмотрѣнія учителя дать или не дать значеніе просьбамъ, сле-

замъ, представленіямъ ученика; значить, они, съ одной стороны, являются результатомъ главнымъ образомъ попрошайничества, низкопоклонства, а иногда же тѣмъ или другимъ видомъ угрозы, а съ другой—обусловливаются произволомъ или слабостью. Во-вторыхъ, классныя испытанія создаютъ такую обстановку, при которой вопросъ объ этихъ снисхожденіяхъ чрезвычайно разрастается и усложняется, такъ какъ поводы, попытки, побужденія къ нимъ, а главное шансы на успѣхъ увеличиваются. Масса всякаго рода просьбъ о снисхожденіяхъ предъявляется къ учителю только потому, что онъ въ извѣстномъ смыслѣ свой человѣкъ, что это не трудно, что нѣкоторые изъ своихъ учебныхъ пробѣловъ они относятъ или могутъ относить на счетъ его, учителя, упущеній, преподавательской неопытности и прочее (правильно или неправильно это сужденіе,—это другой вопросъ). Но кромѣ того, съ настояніями о повышеніяхъ четвертной или годовой отиѣтки обращаются къ преподавателю нерѣдко и по мотивамъ положительно возмутительнаго характера, напримѣръ, изъ одного озорства, изъ желанія поиздѣваться надъ учителемъ, испытать силу своего вліянія, испробовать пригодность тѣхъ или другихъ средствъ.

Въ-третьихъ, снисхожденія при классныхъ испытаніяхъ ведутъ учащихся къ ложнымъ заключеніямъ, кои затѣмъ крайне вредно отражаются на ихъ учебныхъ занятіяхъ, а также и на отношеніяхъ къ учащимъ. Какъ мы выше упоминали, въ практикѣ учебного дѣла есть много случаевъ, когда снисхожденія имѣютъ за себя серьезныя основанія, являются почти обязательными. Но въ силу различныхъ причинъ характеръ мотивовъ къ уступкамъ обыкновенно ускользаетъ отъ взора учениковъ; они собственно никакого вниманія на это не обращаютъ; наблюдая ихъ, ученики отправляются только отъ факта и дѣлаютъ одинъ выводъ, именно, что учитель можетъ какъ угодно и кому угодно повышать баллы и что всѣ его увѣренія, будто та или другая отиѣтка опредѣляется не его волей или желаніями, а познаніями самого ученика, не что иное, какъ мистификація. Вслѣдствіе этого всякое снисхожденіе они рассматриваютъ только какъ проявленіе благоволенія и милости учителя къ ученику, а всякій отказъ—за недоброжелательство или месть со стороны его, и это независимо отъ всей основательности мотивовъ въ первомъ случаѣ и при какихъ-нибудь совершенно вздорныхъ претензіяхъ во второмъ. Мы не говоримъ о тѣхъ случаяхъ, гдѣ подозрѣнія и указанія учащихся имѣютъ за собой дѣйствительныя основанія; мы рассматриваемъ дѣло въ болѣе или менѣе обычномъ, нормальномъ его положеніи.

Если же имѣть въ виду и возможность прямыхъ злоупотребленій, то, конечно, та свобода, которая открывается для нихъ при классныхъ испытаніяхъ, явится еще однимъ изъ доказательствъ основательности нашей главной мысли, вложенной въ эту статью.

Наконецъ, право распоряжаться снисхожденіями ставить учителя въ фальшивое положеніе и въ томъ отношеніи, что сущность его дѣятельности требуетъ возможно ближе стоять къ ученикамъ и къ ихъ учебнымъ интересамъ, а между тѣмъ всякій шагъ къ этому сближенію возбуждаетъ въ учащихся соблазнъ утилизировать его въ цѣляхъ повышеній въ оцѣнкѣ ихъ познаній,—всякій признакъ близкаго интереса со стороны учителя къ учебнымъ интересамъ учениковъ даетъ имъ лишній мотивъ, какъ бы право рассчитывать на всякія послабленія при четвертныхъ и годовыхъ выводахъ. Всѣмъ этимъ поползновеніямъ учителю приходится такъ или иначе ставить осаду или возможно дальше держать себя отъ своихъ учениковъ. То и другое, понятно, одинаково вліяетъ въ сторону недовѣрчивыхъ, опасливыхъ отношеній.

Далѣе, та доля простора, которую учителю даетъ замѣна экзамена годовыми выводами, въ очень значительной степени пріобрѣтается имъ на счетъ свободы учениковъ, что, конечно, тоже обуславливаетъ свою серію отрицательныхъ явленій въ жизни школы.

Мы уже говорили о томъ, что ученикъ при классныхъ испытаніяхъ находится въ постоянномъ ожиданіи, что его потребуютъ къ отвѣту, — потребуютъ не для проверки того, что онъ выучилъ данный урокъ или нѣтъ, а преимущественно для оцѣнки по немъ всѣхъ его успѣховъ по этому предмету. Но замѣна экзамена годовыми отмѣтками вообще ставитъ ученика по отношенію къ учителю, какъ мы выше указывали, въ рабскую зависимость.

При классныхъ испытаніяхъ учитель является въ классѣ и законодателемъ, и исполнителемъ, и единственнымъ судьей. Въ наше время, когда такъ усложнились требованія къ школѣ, когда такъ много интересовъ скрещивается съ ея дѣятельностью, когда такъ много говорятъ о необходимости развитія въ учащихся самодѣятельности, когда по всѣмъ условіямъ нашей жизни эта самодѣятельность должна быть или стать однимъ изъ главныхъ, основныхъ элементовъ учебнаго дѣла,—особенно слѣдуетъ подумать, возможно ли ставить судьбу всѣхъ школьныхъ занятій, труда учащихся въ полную зависимость только отъ усмотрѣній учителя, отъ его взглядовъ на урокъ, отвѣтъ, на образованіе, на значеніе отмѣтки и пр.

Нельзя упускать изъ вида, что классныя испытанія открываютъ учителю полную возможность для обсчитываній ученика, уменьшенія балла за отвѣтъ по всякаго рода условностямъ и даже по мотивамъ совершенно постороннимъ собственно учебнымъ вопросамъ. Тутъ имѣть мѣсто пониженіе отмѣтки и за неудачную формулировку какихъ-либо положеній, и за упущенія какихъ-либо фактовъ, которые преподаватель почему-либо усиленно подчеркиваетъ, и за неумѣнье начать, вести рассказъ такъ, какъ бы хотѣлъ учитель, и за невниманіе къ какимъ-либо отдѣльнымъ его указаніямъ, дополненіямъ, и за отсутствіе той или другой доли живости, яркости въ отвѣтѣ а иногда прямо-таки за нарушеніе тѣхъ или другихъ дисциплинарныхъ требованій, напримѣръ, за подсказываніе.

Недопустимо также господство этого личнаго усмотрѣнія учителя въ оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ и въ слѣдующемъ отношеніи.

Не знаю, извѣстно ли реформаторамъ, что сліяніе въ одномъ лицѣ преподавателя и экзаменатора открываетъ учителю очень много побужденій, болѣе или менѣе извинительныхъ, къ возможно высокой оцѣнкѣ познаній учащихся по его предмету.

Тутъ и соперничество другъ съ другомъ гг. учителей, и желаніе блеснуть своими успѣхами, а черезъ то и педагогическими талантами, и соблазнъ оправдать свою систему занятій, отношеній къ учащимся, и стремленіе отличиться передъ начальствомъ и т. д. и т. д.,—не знаю, извѣстно ли все это противникамъ и гонителямъ экзамена, но съ увѣренностью можно сказать, что это отлично извѣстно всѣмъ школьникамъ. Эти послѣдніе открыто обсуждаютъ всѣ подобные вопросы, всѣ относящіяся сюда обстоятельства, и не только между собою, но и съ гг. учителями совмѣстно. У насъ очень нерѣдки сцены, когда 12—13-лѣтніе школьники съ азартомъ доказываютъ своему преподавателю всю выгоду для него высокой оцѣнки ихъ знаній. Если же онъ не проникается ихъ доводами, не соглашается на эту позорную во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлку, грозятъ бойкотомъ, а то и прямо приступаютъ къ составленію петиціи, на мотивъ, что онъ-де, ния рекъ, не стоитъ на высотѣ современныхъ требованій! Вотъ прекрасная характеристика и той свободы преподаванія, которую даютъ учителямъ классныя испытанія, и обстановки для дѣятельности ихъ, какъ воспитателей, а въ частности и условій для болѣе справедливой якобы оцѣнки познаній учащихся!

Наконецъ, вообще нужно сказать, что недопустимость личнаго усмотрѣнія учителя, въ видѣ рѣшающаго фактора, въ вопросахъ о

переводахъ учениковъ и награжденіи ихъ дипломами опредѣляется не столько недовѣріемъ къ личности его, къ его умѣнью, такту разбираться во всемъ томъ, что относится сюда, такъ или иначе предъявляется ему, сколько еще необходимостью удаленія поводовъ къ недовѣрью со стороны учениковъ. Пусть представленія и подозрѣнія учащихъ въ тѣхъ или другихъ пристрастіяхъ учителя будутъ вздорны, дѣтски наивны—независимо отъ своего качества они составляютъ уже то зло, что нарушаютъ или прямо исключаютъ открытое, свободное отношеніе между учащими и учащимися, раздѣляютъ ихъ на два враждебные лагеря. Тутъ нужно имѣть въ виду то психологическое явленіе, какъ легко возникаютъ взаимныя недоразумѣнія и затѣмъ разыгрываются въ серьезные, иногда въ трагическія столкновенія, разъ стороны смотрятъ на извѣстные вопросы съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія и если каждая изъ нихъ существенно заинтересована въ отстаиваніи именно своего взгляда,—въ данномъ случаѣ, напримѣръ, одни отправляются отъ сознанія пользы учебныхъ занятій, какъ необходимыхъ ступеней къ образованію, другіе—отъ желанія какъ-нибудь поскорѣе перескочить эти ступени, видя ихъ многочисленность и сложность, представляя себѣ путешествіе по нимъ слишкомъ скучнымъ и утомительнымъ. Поводы же къ недоразумѣніямъ при классныхъ испытаніяхъ на каждомъ шагу.

Чтобъ представить себѣ всю массу этихъ поводовъ, нужно имѣть въ виду, что нѣтъ балла, кромѣ развѣ чистой пятерки, который бы получался ученикомъ безъ протеста, безъ той или другой доли недовольства, переносимаго, весьма понятно, опять-таки на учителя,— что всякую „скидку“ съ пятерки онъ принимаетъ, какъ обсчитываніе, и что всякій вызовъ къ отвѣту тогда, когда онъ объ этомъ не заявлялъ, и отказъ тогда, когда онъ о томъ просилъ, онъ объясняетъ преслѣдованіями.

Остановимся на наиболѣе характерныхъ и обычныхъ.

Ученикъ учится по данному предмету хорошо, но вы вызываете его для отвѣта такого урока, надъ которымъ онъ не потрудился, почему-либо не выучилъ. Вы ему можете самое большее поставить тройку. Но в такой, сравнительно повышенной отмѣткой онъ не удовлетворяется и обращается къ вамъ съ упреками, что вы о познаніяхъ его судите по отдѣльному отвѣту, придираетесь, не признаете его прежнихъ трудовъ, кои онъ разсматриваетъ, кстати замѣтить, обыкновенно не иначе, какъ въ видѣ заслугъ лично передъ вами, и грозить, что если такъ, то онъ совсѣмъ не будетъ учить уроки по вашему предмету.

Учителю, конечно, приходится волей-неволей объясняться, убажждать, доказывать и... тоже грозить...

Если же принять во вниманіе, что въ подобныхъ случаяхъ поставленный вами баллъ часто разсматривается классомъ или какой-либо отдѣльной группой учениковъ съ другой противоположной стороны, именно, замѣчая въ ней долю преувеличенія, они указываютъ на это какъ на проявленіе произвола, пристрастія, личнаго благоволенія съ вашей стороны и адресуются къ вамъ со своей обидой, — если считаться и со всѣми такими заявленіями, то передъ нами открывается прямо область безконечнаго, въ вопросѣ объ удовлетвореніи учащихся справедливой оцѣнкой ихъ отвѣтовъ.

Возьмемъ примѣръ другого характера.

Ученикъ вообще плохо учится по вашему предмету, но вотъ заданный урокъ онъ отлично выучилъ и отвѣчаетъ прекрасно, на пятерку. Однако вы, хорошо зная, что у него большіе недочеты въ познаніяхъ этого учебнаго предмета въ прошломъ, не рѣшаетесь поставить ему этого балла, и на четверкъ-то скрѣпя сердце останавливаетесь. Онъ же на это вамъ дѣлаетъ заявленіе, что по вашему предмету нельзя хорошо учиться, потому что вы несправедливо оцѣниваете, „кому заладите“...

Въ приведенныхъ примѣрахъ нагляднѣе всего выступаетъ вся невозможность, весь абсурдъ задачи совмѣщать несовмѣстимое: отмѣтки за приготовленіе уроковъ съ отмѣтками за знаніе курса.

Дальше. Ученикъ можетъ учиться хорошо, но лѣнится; учитель ставитъ ему двойку за такой отвѣтъ, за который онъ ставитъ другому или другимъ тройки. Дѣлаетъ онъ это единственно съ той цѣлью, чтобъ заставить его повнимательнѣе относиться къ урокамъ, объясненіямъ (разумно или нѣтъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, вопросъ особый; съ одной стороны тутъ многое зависитъ отъ частныхъ, личныхъ условій, а съ другой—всякій баронъ имѣетъ свою фантазію), между тѣмъ ученикъ принимаетъ такое пониженіе балла за преслѣдованіе, за личную обиду—и возгарается жаждой мести.

Намъ скажутъ, что нужно объяснять баллъ; здѣсь это, пожалуй, возможно, т. е. это объясненіе можетъ привести къ болѣе или менѣе мирному разрѣшенію конфликта, потребуетъ только нѣкоторой затраты времени (эта затрата, въ отдѣльности пустая, можетъ однако оказаться очель значительной, если дѣйствительно каждый баллъ сопровождать объясненіями его). Но школьная практика даетъ намъ весьма много и такихъ случаевъ, гдѣ эти объясненія или слышомъ

трудны, или совсѣмъ невозможны. Напримѣръ, ученикъ отвѣчаетъ урокъ, онъ его хорошо выучилъ, потрудился, можетъ быть, бѣдняга, ночи не спалъ; но только то, что составляетъ самую суть этого урока, смыслъ его, точку опоры для послѣдующихъ, ускользаетъ отъ его пониманія; онъ это опускаетъ; учитель старается возвратить и остановить его вниманіе на этомъ пунктѣ, но лишь убѣждается, что ученикъ не понимаетъ его, не понимаетъ важности опущеннаго, его доминирующаго значенія. Для учителя подобный отвѣтъ ровно ничего не стоитъ, одна болтовня и переливаніе изъ пустого въ порожнее. И онъ ему ставитъ двойку. По мнѣнію же ученика—онъ „пропустилъ два-три слова“ и возмущается яко бы несправедливой оцѣнкой.

Что же касается дисциплины, то мы о ней помолчимъ; мы хотимъ разсматривать вещи, какъ онѣ есть, и потому для насъ безразлично, выражается ли возмущеніе какимъ-нибудь оскорбительнымъ противъ учителя поступкомъ или укрощается въ глубинѣ сердца, истекаетъ потоками слезъ гдѣ-нибудь въ углу. Да собственно и странно говорить о какой-либо дисциплинѣ въ наше время, когда она осталась только въ воспоминаніяхъ,—когда ученики за каждый неудовлетворительный, а въ другихъ случаяхъ и за удовлетворительный баллъ (когда они подозрѣваютъ, что отмѣтка повышена и повышение сдѣлано по какимъ-нибудь постороннимъ соображеніямъ, напримѣръ, за такіе архисмертные грѣхи, по понятіямъ доминиканцевъ современнаго школьнаго міра, какъ скромность или почтительность) открыто тянутъ учителя, что называется, къ Іисусу.

Относительно собственно вопроса о свободѣ преподаванія ограничимся здѣсь только замѣчаніемъ, что онъ настолько сложенъ самъ по себѣ, имѣетъ такое огромное общественное значеніе, требуетъ такого подробнаго всесторонняго разсмотрѣнія, какъ съ точки зрѣнія принципиальной, такъ и съ технической стороны, что надѣяться провести его въ учебное дѣло подъ чужимъ флагомъ, какъ бы подъ полою, болѣе чѣмъ наивно.

Вполнѣ понятно, что при всякомъ намѣреніи приступить къ тѣмъ или другимъ измѣненіямъ въ школьномъ строѣ должно прежде всего рѣшить вопросъ, какъ это измѣненіе отзовется на главной задачѣ школы—на учебномъ дѣлѣ, будетъ ли оно способствовать новышенію уровня знаній учащихся, или, наоборотъ, понизитъ его. Вѣдь если возможно въ данномъ случаѣ надѣяться на первое, то, въ виду доминирующей роли названной задачи, школа могла бы до извѣстной степени мириться съ неудобствами классныхъ испытаній: въ ея задачи

входило бы тогда такъ или иначе приспособиться къ даннымъ условіямъ.

Съ перваго взгляда представляется, что дискреціонная власть учителя должна ему давать полную возможность охранять интересы своего предмета или предметовъ, держать ихъ, какъ онъ хочетъ, высоко. Но эти ожиданія менѣе всего оправдались. Классныя испытанія не могутъ содѣйствовать повышенію знаній учащихся прежде всего ужъ потому, что они отнимаютъ, какъ мы видѣли, въ очень многихъ случаяхъ почти все классное время, а время, какъ извѣстно, служить однимъ изъ главныхъ условій успѣшнаго исполненія курса или программы (объ отрицательномъ вліяніи на успѣшность всѣхъ тѣхъ измѣненій, кои при этомъ происходятъ, мы ужъ говорили), а потому вся эта столь страстная погоня за отиѣтками, всѣ эти безконечныя схватки, препирательства изъ-за нихъ, отнимая опять-таки массу времени отъ занятій, истощая силы учащихся и ихъ учениковъ, отвлекая ихъ вниманіе отъ учебныхъ вопросовъ и интересовъ, лишая ту и другую сторону того спокойнаго настроенія духа, которое тоже такъ существенно необходимо для учебно-образовательнаго труда, — никакъ не могутъ служить къ подъему уровня знаній учащихся.

Еще, пожалуй, болѣе разрушительно отражаются классныя испытанія на другой области дѣятельности школы—на воспитательной. Можно быть различнаго мнѣнія касательно того, вмѣнять школъ въ прямую обязанность воспитательныя задачи или нѣтъ, и на какое мѣсто ихъ ставить по отношенію къ чисто учебнымъ, на первое или подчиненное, попутное исполненіе. Но вообще школа никоимъ образомъ не можетъ и не должна по однимъ своимъ идейнымъ и нравственнымъ мотивамъ совершенно устраняться отъ воспитанія, какъ его понимаетъ наука и общество, т. е. въ положительномъ смыслѣ. Я думаю, что всѣ, кто не увлекается крайностями, свободенъ отъ педагогической декадентщины, согласятся, что воспитаніе настолько тѣсно соединено съ учебнымъ дѣломъ, со школой, что разъ послѣдняя почему либо ставится въ условія невозможныя для этой дѣятельности, то она, собственно говоря, упраздняется, перестаетъ быть разсадникомъ просвѣщенія, добрыхъ нравовъ, гуманныхъ идей и пр.

Именно къ подобному упраздненному состоянію наша школа и пришла, и это, главнымъ образомъ, по милости классныхъ испытаній. Какъ мы уже видѣли, классныя испытанія превращаютъ школу въ испытательное учрежденіе, учителя же—въ испытателя, а подобнаго

рода учрежденія и функціи не могуць быць воспитательнымі по самой сущности своей.

Въ частности—эти безъконечныя недоразумѣнія изъ-за отмѣтокъ, взаимныя обвиненія, вытекающіе отсюда споры развивають въ учащихъ наклонность къ софистикѣ, вкусъ къ формальнымъ доводамъ, создаютъ ту боевую обстановку, въ силу которой ученики не только оправдываютъ самую беззастѣнчивую ложь, низость по отношенію учителя, но возводятъ чуть ли не въ герои тѣхъ, кто отличается искусствомъ огрызаться, такъ или иначе допекать,—донимать его не мытьемъ, такъ катаньемъ; обусловливаютъ ту вражду, по милости которой ученики со страстью хватаются за всякую вольную или невольную ошибку учителя, за всякій его мнимый или дѣйствительный промахъ—въ преподаваніи, въ отношеніяхъ къ нимъ, въ оцѣнкѣ успѣховъ,—разбирають это до тонкости, обсуждаютъ съ приправами, развивають, и не только въ классѣ, школѣ, но и съ родителями, въ обществѣ—и потомъ сдаютъ въ общее пользованіе, какъ бы складываютъ въ арсеналъ, для того чтобы пускать въ ходъ при всякомъ столкновеніи съ учителемъ. Затѣмъ классныя испытанія ставятъ учащихъ по отношенію къ учителю въ крайне приниженное положеніе, т. е. тоже въ условія, почти совершенно исключаютъ возможность воспитательнаго вліянія, такъ какъ помимо всего прочаго эта приниженность учениковъ возбуждаетъ въ нихъ бессознательное, но постоянное настроеніе, вѣрнѣе, состояніе протеста противъ такой рабской зависимости, обусловливаетъ непрестанную боязнь показаться въ глазахъ товарищей несостоятельнымъ въ отстаиваніи своего „я“ передъ учителемъ и въ концѣ концовъ приучаетъ ихъ къ протесту для протеста, къ проявленію протеста ради развлечения, какъ къ своего рода пьянству.

Взглянемъ теперь вообще на результатъ господства классныхъ испытаній.

Какъ извѣстно, противники экзаменовъ все время соединяли съ изгнаніемъ его изъ школы надежду на избавленіе ея отъ многихъ застарѣлыхъ язвъ, на полное оздоровленіе ея жизни и дѣятельности.

Дѣйствительность отвѣтила на эти ожиданія учебными забастовками.

Какъ ни странно покажется на первый взглядъ, но можно положительно утверждать, что злоба нашихъ дней,—учебныя забастовки, эта постоянная, изнурительная возня учащихся во всякой нашей школѣ съ вопросомъ, учиться или нѣтъ, по какимъ предметамъ заниматься

по какимъ нѣтъ, при какихъ условіяхъ—да, при какихъ—нѣтъ, плоды господства классныхъ испытаній. Стоитъ обратить вниманіе на 'эту нѣмую, но могучую своей простотой, ясностью, а главное постоянствомъ дѣйствія логику,—логику фактовъ: зачѣмъ ходить въ училище, тратить время, трудъ, когда тамъ только и дѣлается, что провѣряется домашняя работа, только и можно видѣть, наблюдать, что стратегическіе подходы и боевыя схватки между учащими и учащимися? Стоитъ представить себѣ, какъ часто изъ-за балловъ учащиеся то въ одиночку, то группами, то классами прибѣгаютъ къ угрозамъ, что они не будутъ учиться, что эти угрозы повторяются чуть не на каждомъ урокъ,—сегодня по одному поводу, завтра по другому, то по адресу одного преподавателя, то другого; остановитесь на томъ обстоятельстве, что если ученикъ не надѣется „схватить пятерку“ или „четверку“ въ училищѣ, не имѣетъ надобности въ этомъ или утратилъ всякій интересъ къ такого рода спорту, то для него утрачивается вмѣстѣ съ тѣмъ и смыслъ посѣщать школу; рассмотрите все это съ психологической точки зрѣнія и именно въ примѣненіи къ дѣтской, крайне чуткой, воспримчивой и отзывчивой психикѣ—и передъ нами сама собой спадетъ завѣса со столь загадочнаго на первый взглядъ явленія, какъ массовый отказъ учиться въ школахъ, когда ежегодно осенью повторяется неизмѣнно одно и то же явленіе — массовый наплывъ во всѣ учебныя заведенія желающихъ или, какъ обыкновенно говорится въ этихъ случаяхъ, жаждущихъ учиться; стоитъ соединить въ одно цѣлое все то, что происходитъ въ нашей школѣ при классныхъ испытаніяхъ и на что мы по силѣ возможности указывали здѣсь—и намъ не надо будетъ искать причинъ ея крушенія гдѣ-либо на сторонѣ, на примѣръ, въ мутныхъ волнахъ нашего освободительнаго движенія: эта причина внутри организма самой школы, внѣшній же толчокъ могъ оказаться роковымъ только потому, что все ея зданіе насквозь ужъ прогнило и представляетъ изъ себя лишь пустой безжизненный остовъ. Такой выводъ для многихъ покажется слишкомъ смѣлымъ обобщеніемъ, и насъ могутъ обвинить въ односторонности. Какъ, а развѣ бюрократизмъ, неподготовленность преподавателей, громоздкость программъ, бесодержательность учебниковъ и многія другія общезвѣстныя причины не при чемъ? По поводу этихъ и подобныхъ имъ вопросовъ скажемъ, что наше мнѣніе о классныхъ испытаніяхъ, какъ главной причинѣ той агоніи, которую переживаетъ современная намъ школа, нисколько не умаляютъ значенія и всѣхъ другихъ, на примѣръ, и только что названныхъ. По-

мимо того вреда, который вносятъ въ школу классныя испытанія сами по себѣ,—хуже всего то, что они служатъ проводникомъ въ самое ея сердце всѣхъ разрушительныхъ элементовъ, факторовъ, вліяній и вѣяній, обостряютъ ихъ дѣйствія здѣсь, въ самой лабораторіи учебно-образовательнаго дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ спутываютъ, сбиваютъ съ толку и все то, что есть, осталось или попадаетъ въ школу живого, дѣльнаго, творческаго. Система сильнѣе людей.

Въ заключеніе взглянемъ на классныя испытанія съ точки зрѣнія исторической послѣдовательности.

Во всѣхъ разсужденіяхъ о необходимости изгнанія экзамена изъ школы красной нитью проходила мысль о легкости такой операціи. Эта увѣренность въ легкости обуславливала между прочимъ и нетерпѣніе, и настроеніе рѣшительности разсчитаться съ нимъ на манеръ Александра Македонскаго: одинъ де ударъ—и нѣтъ самого вопроса.

Посмотримте, чѣмъ обуславливалась эта увѣренность въ легкости побѣды.

Почтенный авторъ „Школа и жизнь“, свящ. Петровъ, такъ описываетъ школьную жизнь своихъ учебныхъ годовъ.

„Кто изъ насъ въ дѣтскіе годы, сидя на скамьѣ не зачитывался романами Густава Эмара изъ жизни сѣверо-американскихъ индѣйцевъ? Съ какимъ затаеннымъ вниманіемъ слѣдили мы за безконечною борьбой двухъ враждующихъ племенъ—апаховъ и команчей! Какъ жадно глотали страницы, гдѣ описывались всевозможныя засады, военныя хитрости однихъ и ловкія отраженія другихъ!

Вспоминаешь теперь дѣтскія впечатлѣнія за книгой Эмара, Купера и др., сопоставляешь ихъ съ наличною тогда школьною дѣйствительностью и видишь, что намъ не надо было бѣжать въ Америку за боевыми приключеніями, какъ многіе изъ насъ о томъ мечтали: вся наша школьная жизнь была ничто иное, какъ постоянная междоусобная война апачовъ и команчей: мы, ученики, были одно враждебное племя, наши учителя—другое. Тутъ что ни урокъ, то боевая схватка: одни нападаютъ, другіе защищаются. Учителя стараются поймать, „нарѣзать“, ученики напрягаютъ всю свою дѣтскую гениальность, чтобы обмануть учителя. Выработалась своеобразная школьная военная стратегія. Учителя спрашиваютъ не въ очередь, спросилъ вчера, сегодня вызываетъ снова; при вызовѣ учениковъ смотрятъ въ конецъ журнала, а называютъ фамилію, напечатанную вверху; ходя по классу, дѣлаютъ неожиданныя повороты, то въ одну, то въ другую сторону, стараются подкрасться незамѣтно къ ученику, когда

онъ увлекся подглядываньемъ въ книгу подъ столомъ или списываніемъ съ чужой записки,—словомъ, идетъ постоянная ловля: „апахи“ выслѣживаютъ „команчей“. „Команчи“ со своей стороны принимаютъ рядъ оборонительныхъ мѣръ: списываютъ другъ у друга, подсказываютъ, засматриваютъ сосѣду во время отвѣта въ нарочно для этого открытую книгу, пересылаютъ по классу на запискахъ готовые рѣшенія задачъ, подглядываютъ подъ столомъ на колѣняхъ въ грамматики, словари и задачки, надписываютъ урокъ карандашемъ на картѣ, прячутъ въ булакъ или наклеиваютъ на ладонь лоскутки бумаги съ готовымъ мелко-мелко написаннымъ отвѣтомъ. Все это обычныя всѣмъ хорошо извѣстныя картины, но отъ того, что онѣ обычны, онѣ не перестаютъ быть ужасными. Вѣдь это же цѣлый арсеналъ надувательства, систематическая школа обмана и всевозможнаго мошенничества. Въ большихъ европейскихъ городахъ при сыскныхъ отдѣленіяхъ устраиваются теперь „воровскіе музеи“, гдѣ собраны всѣ орудія и приспособленія воровства и грабежа.

При осмотрѣ ихъ становится жутко и больно. Сколько во всѣ эти инструменты вложено ума, иногда гениальности и на что все это направлено! Если бы теперь при педагогическихъ музеяхъ завести отдѣленія ученическихъ надувательствъ, что чувствовалъ бы тамъ свѣжій человѣкъ“.

Развѣ это не то же самое, что и про нашу современную школу можно сказать? А вѣдь тогда экзамены, замѣтятъ намъ, нигдѣ еще не были отмѣнены. Чѣмъ объяснить, что одни и тѣ же явленія школьной жизни имѣли мѣсто при различныхъ, съ извѣстной точкой зрѣнія, условіяхъ?

Ларчикъ просто открывается.

Реформу экзамена, въ видѣ замѣны его годовыми отмѣтками-выводами, намъ представляли и представляютъ еще, какъ нѣчто совершенно новое. Но это лишь обманъ зрѣнія, судьба и здѣсь очень зло подшутила надъ сторонниками классныхъ испытаній: не со вчерашняго дня и не пять-шесть лѣтъ тому назадъ, не въ избранныхъ только типахъ нашихъ учебныхъ заведеній и не въ переходныхъ лишь классахъ ихъ, а очень давно и на всемъ обширномъ горизонтѣ нашего школьнаго міра (за исключеніемъ начальныхъ училищъ) участь ученика рѣшается въ классѣ, учителемъ: онъ ему ставитъ баллы за отдѣльные отвѣты, дѣлаетъ выводы за учебныя четверти и, наконецъ, годовые, которые на экзаменѣ обыкновенно только скрѣпляются, извѣстнымъ порядкомъ, такъ что экзаменъ, какъ отдѣльное устано-

вленіе, давно и вездѣ у насъ является одной проформой, — еще за-долго до начала похода противъ него со стороны общей и педагогической печати самъ собою упразднился, замѣнился классными испытаніями, и санкція такого порядка вещей, не вездѣ гласно, но всюду одинаково властно утвердившагося у насъ, по существу ничего новаго въ школу не вносить. Съ фактической стороны—это лишь послѣдній шагъ по той покатої плоскости, на которую мы давно вступили и спускались по ней внизъ не въ силу какихъ-либо строго обдуманныхъ, обоснованныхъ соображеній, а скользили по инерціи, по стремленію дойти до конца по разъ принятому направленію, и если ожидать пользы отъ этого шага, то развѣ съ точки зрѣнія теоріи—чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, въ томъ смыслѣ, конечно, что полное господство данной системы испытаній скорѣе приведетъ насъ къ признанію ея непригодности и заставитъ насъ взглянуть на вопросъ о реформѣ экзамена во всемъ его объемѣ и въ его собственномъ значеніи.

И. Романцевъ.

Г. С. ЛЫТКИНЪ.

(Некрологъ).

22-го марта сего года скончался на семьдесятъ второмъ году жизни Георгій Степановичъ Лыткинъ, штатный преподаватель исторіи и географіи въ С.-Петербургской шестой гимназіи.

Покойный пользовался большимъ уваженіемъ какъ среди своихъ учениковъ (за послѣднее время гимназисты называли его ласковымъ именемъ дѣдушки), такъ и въ кругу сослуживцевъ, и вполне заслуживаетъ того, чтобы возможно большее число лицъ, не знавшихъ его при жизни, помянуло его память добрымъ словомъ. Но еще больше заслуживаетъ онъ этого по своимъ многочисленнымъ и упорнымъ трудамъ на пользу народнаго вообще и особенно зырянскаго просвѣщенія.

Кромѣ того сама жизнь его, весьма скромно сложившаяся и не то въ началѣ общавшая, можетъ также заинтересовать читателей.

Г. С. Лыткинъ родился въ 1835 году въ Усть-Сысольскѣ, уѣздномъ городѣ Вологодской губерніи, въ купеческомъ семействѣ, гдѣ разговорнымъ языкомъ былъ зырянскій. Въ началѣ состоятельная семья его въ послѣдствіи обѣднѣла.

По окончаніи курса въ приходскомъ училищѣ онъ поступилъ въ уѣздное, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1848 году первымъ ученикомъ. Русскій языкъ тѣмъ не менѣе усвоенъ былъ имъ уже въ бытность въ Вологодской гимназіи, гдѣ онъ подъ руководствомъ Н. П. Левницкаго не только познакомился съ произведеніями русскихъ классиковъ, но успѣлъ заинтересоваться „Мыслями по исторіи русскаго языка“ проф. Срезневскаго и получить нѣкоторое понятіе о работахъ финскаго филолога А. Кастрена. Находясь въ старшихъ классахъ гим-

назиі, Г. С. читаль на литературныхъ бесѣдахъ свои научныя разсужденія, и кромѣ того въ 1853—54 гг. напечатано было нѣсколько его статей въ журналѣ „Лучи“, издававшемся Ишимовой, и въ „Сѣверной Пчелѣ“ Булгарина.

По окончаніи курса въ гимназіи въ 1854 году, онъ добрался до Петербурга. Нѣсколько времени передъ тѣмъ его увлекала мысль поступить въ Гельсингфорскій университетъ, но теперь ее пришлось оставить по скудости средствъ.

Поступивъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, онъ вскорѣ перешелъ на историко-филологическій факультетъ на восточное его отдѣленіе; когда же открылся факультетъ восточныхъ языковъ, то Лыткинъ перешелъ сюда и притомъ, съ потерей одного года, снова на первый курсъ, чтобы воспользоваться стипендіей. Въ 1859 году онъ и окончилъ курсъ на этомъ факультетѣ по монголо-калмыцко-тюркскому разряду со степенью кандидата.

Во время пребыванія своего въ университетѣ онъ занимался составленіемъ словарчиковъ (по евангелію отъ св. Матвѣя) языковъ карельскаго, черемисскаго и мордовскаго, писалъ стихотворенія на зырянскомъ языкѣ, собиралъ, пользуясь всякимъ для этого случаемъ, зырянскія пѣсни, сказки, пословицы, загадки и сказанія. Плодами своихъ трудовъ онъ дѣлился съ Н. П. Поповымъ, составлявшимъ тогда Русско-Зырянскій словарь, представленный затѣмъ въ 1862 году въ Императорскую Академію Наукъ. (Объ этомъ словарѣ намъ придется еще упомянуть). Самому же Лыткину сколько-нибудь использовать эти свои запасы не было суждено, такъ какъ въ 1856 году чемоданъ съ этими драгоценными для собирателя матеріалами былъ похищенъ. Ко времени студенчества относятся и составленіе статьи, гдѣ давался отчетъ обо всѣхъ имѣвшихся уже въ печати работахъ по монгольскому и калмыцкому языкамъ и гдѣ намѣчалось, что могли бы сдѣлать въ этой области студенты-восточники; эта статья (подъ заглавіемъ: „Дополненіе къ статьѣ „Повое предпріятіе студентовъ восточнаго факультета“) появилась въ печати въ 1860 году во 2-мъ выпускѣ „Сборника студентовъ“. Лѣто 1858 года Лыткинъ провелъ въ командировкѣ въ калмыцкія степи, а по возвращеніи представилъ въ свой факультетъ дневникъ при отчетѣ о путешествіи. За сочиненіе при окончаніи курса (на тему „Историческій очеркъ знаменитаго въ буддійской іерархіи Ламы Зая-Пандиты, съ показаніемъ его вліянія на распространеніе буддизма между Ойратами и ученыхъ его заслугъ для ойратской литературы“) Лыткинъ былъ удостоенъ

золотой медали, что было выше, чѣмъ зачетъ за кандидатскую диссертацию, и чѣмъ авторъ былъ очень обрадованъ. Любопытенъ девизъ этого сочиненія, подъ которымъ оно было представлено: „историкъ долженъ допросить каждый народъ, по возможности, на его языкѣ“.

Оставленный при университетѣ, Лыткинъ получаетъ командировку въ Астраханскую, Ставропольскую губерніи и землю войска Донского для лучшаго изученія языка и быта калмыковъ и ойратовъ. Эта командировка продолжалась два года и была использована имъ, кромѣ прямого своего назначенія, и на изученіе тибетскаго языка ¹⁾. По возвращеніи въ Петербургъ лѣтомъ 1861 года, Лыткинъ представилъ въ свой факультетъ какъ отчетъ о своихъ занятіяхъ, такъ и разныя калмыцкія рукописи, составленныя на мѣстѣ со словъ калмыковъ, и въ видѣ выписокъ изъ официальныхъ бумагъ.

За время этой командировки и въ ближайшіе затѣмъ годы (т. е. 1859—62) Лыткинымъ былъ напечатанъ рядъ статей и переводовъ историческихъ документовъ о калмыкахъ и ойратахъ; помѣщены были они въ газетахъ „Русскій Миръ“, „Астраханскія Губернскія Вѣдомости“, „Волга“ и въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ (5-й томъ, изд. 1862 г.).

Профессоръ монгольскаго языка А. В. Поповъ еще въ 1860 году, при отъѣздѣ своемъ къ мѣсту новаго назначенія (въ Западную Сибирь), въ качествѣ одного изъ своихъ замѣстителей, а именно лекторомъ калмыцкаго языка, рекомендовалъ факультету назначить молодого Лыткина. Послѣдній и предполагалъ, по возвращеніи своемъ изъ командировки, держать экзаменъ на магистра калмыцкой словесности, а потомъ исколотать командировку уже въ монгольскія степи.

Но въ настроеніи и намѣреніяхъ покойнаго вскорѣ произошелъ неожиданный и поистинѣ трагическій переломъ.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, возможность илчать работать не для отвлеченной полузаоблачной науки, а для жизни, для своихъ темныхъ родичей—зырянъ, вѣра въ возможность посодѣйствовать введенію и у нихъ общеобязательной грамотности (что по газетнымъ тогдашнимъ извѣстіямъ предполагалось и для всей Россіи)—все это привело къ тому, что Лыткинъ возбудилъ хода-

¹⁾ Въ апрѣлѣ—маѣ 1860 г. Лыткинъ видѣлся въ Астрахани съ извѣстнымъ историкомъ М. П. Погодинымъ, который даетъ о немъ нѣкоторыя свидѣнія въ статьѣ „Астрахань“, помѣщенной въ журналѣ г. Хана „Всемирный Трудъ“ (1867 г., №№ 4 и 5). См. также XVII вып. книги Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина“.

тайство объ освобожденіи его отъ обязательной за стипендію службы по факультету восточныхъ языковъ и о назначеніи его смотрителемъ Усть-Сысольскаго уѣднаго училища. Несмотря на дружескія увѣщанія искренно расположеннаго къ нему тогдашняго попечителя Петербургскаго учебнаго округа И. Д. Делянова, Лыткинъ не отказался отъ своего ходатайства и, одновременно съ освобожденіемъ отъ обязательной службы по восточному факультету, былъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Путятинымъ порученъ въ распоряженіе попечителя Петербургскаго учебнаго округа. Тогда же явился проектъ особой, въ видѣ опыта на 5 лѣтъ, инспекціи для школъ зырянскаго края, съ назначеніемъ Лыткина ихъ инспекторомъ.

Однако, ни смотрителемъ уѣднаго училища, ни инспекторомъ училищъ зырянскаго края Лыткину быть не пришлось. Вскорѣ, подъ влияніемъ цѣлаго ряда событій и особенно польскаго мятежа, произошелъ поворотъ во взглядахъ правительства на окраинные и инородческіе вопросы. Введеніе общеобязательной грамотности было также отложено на неопредѣленное время, такъ что Лыткинъ, не получавшій никакого жалованья, зачисленъ былъ въ кандидаты—педагоги и пробылъ въ этомъ званіи съ 1862 по 1865 годъ, усиленно занимаясь изученіемъ исторіи и географіи подъ руководствомъ профессора М. С. Куторги и преподаваніемъ этихъ предметовъ подъ руководствомъ П. О. Кнорринга.

Въ 1865 году Лыткинъ назначенъ былъ сверхштатнымъ преподавателемъ Ларинской гимназіи, а въ 1869 году перешелъ на такое же мѣсто въ Шестую гимназію, гдѣ, съ 1871 года и до кончины, состоялъ штатнымъ преподавателемъ исторіи и географіи. Въ разное время затѣмъ Лыткину не разъ предлагали мѣсто директора въ мужскихъ гимназіяхъ и учительскихъ семинаріяхъ, но онъ отказывался уѣзжать изъ Петербурга. Мѣста директора въ столицѣ онъ такъ и не дождался, хотя и былъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта въ женскихъ гимназіяхъ Гелда, а позже у Ставской. Кромѣ названныхъ гимназій онъ одно время преподавалъ и въ Морскомъ корпусѣ.

Безъ дѣла покойный и въ свободное отъ обычныхъ преподавательскихъ занятій время оставаться не любилъ.

Онъ обратилъ прежде всего вниманіе на то, что учебники по исторіи, а еще больше того по географіи, даютъ учащимся непосильный для усвоенія по обширности матеріалъ. Задавшись поэтому вопросомъ, какія данныя, какіе факты въ учебникѣ по этимъ предметамъ необходимы и какія излишни, Лыткинъ пришелъ къ мысли со-

ставить *систематическія таблицы* съ нужными названіями и цифрами, при чемъ на эти таблицы онъ смотрѣлъ, какъ на важное подспорье для контроля учебниковъ и атласовъ со стороны количества и качества данныхъ. Изданіе географическихъ таблицъ было осуществлено въ 1874—1878 годахъ („Общее обозрѣніе частей свѣта“, „обозрѣніе европейскихъ государствъ“, „обозрѣніе странъ и государствъ внѣевропейскихъ“ и наконецъ „обозрѣніе Россійской имперіи“). Историческія таблицы того же тѣна были только начаты печатаніемъ, такъ какъ издатель ихъ, г. Надѣинъ, прекратилъ свою издательскую дѣятельность. Въ 1888—1890 гг. Лыткинъ составилъ учебникъ по географіи для I, II и III класса, гдѣ необходимое и вмѣстѣ съ тѣмъ доступное для усвоенія въ данномъ классѣ было напечатано крупнымъ шрифтомъ, а прочій учебный матеріалъ—мелкимъ. Книги эти были одобрены ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и позже выпущены были вторымъ изданіемъ. Былъ имъ изданъ и „учебникъ общей исторіи“, гдѣ въ статьѣ „вмѣсто предисловія“ содержится мотивировка составленія его „таблицъ“, о которыхъ была рѣчь выше.

Какъ весьма дѣльный специалистъ, Лыткинъ былъ удостоенъ приглашенія въ комиссію по присужденію премій императора Петра I (при этомъ онъ, между прочимъ, составилъ отзывъ о замѣчательномъ русскомъ историческомъ атласѣ покойнаго профессора Е. Е. Замысловскаго, послѣдствіемъ чего была выдача полной преміи за этотъ атласъ). Нарѣдка, въ журналѣ „Семья и Школа“, печатались его рецензіи объ учебникахъ и пособіяхъ по исторіи и географіи.

Кромѣ трудовъ на пользу общерусскаго просвѣщенія покойный, какъ было уже сказано выше, оставилъ еще больше работъ для духовнаго просвѣщенія своихъ земляковъ—зырянъ, съ которыми онъ съ зимы 1877—1878 года „сталъ (какъ онъ выражается въ своей рукописной автобіографіи, которая послужила главнымъ источникомъ при составленіи этого очерка) вести бесѣду о предметахъ религіи въ своихъ переводахъ. Онъ искренно желалъ (говорить тамъ покойный о себѣ въ 3-мъ лицѣ), чтобы любознательные зырянскіе мальчики и дѣвочки, читая переведенныя имъ книги на славянскомъ и зырянскомъ языкахъ, или на русскомъ и зырянскомъ языкахъ, понимали то, что когда-то было непонятно ихъ земляку, маленькому Лыткину“. Надо замѣтить, что, по словамъ покойнаго, онъ вызубрилъ, находясь въ уѣздномъ училищѣ, катехизисъ Филарета отъ доски до доски, ровно ничего въ немъ не понимая.

Вотъ перечень переводовъ и учебныхъ книгъ его для зырянъ.

Напечатаны по благословенію Св. Синода: 1) Божественная литургія св. Іоанна Златоуста, 2) Св. Евангеліе (всѣхъ четырехъ евангелистовъ), 3) Дѣянія св. Апостоловъ, 4) Псалтирь, 5) Пачатки христіанскаго православнаго ученія, 6) Букварь зырянско-русско-церковно-славянскаго языка.

Рукописные переводы: 1) Послѣдованія вечерни, 2) Послѣдованія утрени, 3) Чина поминовенія усопшихъ, 4) Воскреснаго Апостола и Воскреснаго Евангелія, 5) Жизнеописанія св.св. Кирилла и Меѳодія, 6) Акаѳиста и службы св. Стефану Пермскому и 7) Часослова *были переданы въ готовомъ для печати видѣ* въ распоряженіе покойнаго К. П. Побѣдоносцева и доселѣ не напечатаны. Всѣ эти труды были представлены Лыткинымъ Синоду безвозмездно, „какъ лепта вдовицы“. На пользу зырянскаго же просвѣщенія издана Лыткинымъ въ 1889 году объемистая книга „Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ“, въ которой содержатся: а) „Зырянско-Вотско-Русскій букварь“ съ приложеніемъ перевода болѣе употребительныхъ молитвъ (перепечатанъ св. Синодомъ въ видѣ отдѣльной брошюры въ 1900 г.), б) „Переводы съ зырянскаго языка на русскій“ (изданы авторомъ и отдѣльно въ 1901 г.), в) „Переводы съ русскаго на зырянскій“, г) „Грамматика зырянскаго языка“ д) и е) „Словари зырянско-вотско-русскій и вотско-зырянско-русскій“, ж) „Жизнеописаніе св. Стефана Пермскаго“ (на русскомъ и зырянскомъ языкахъ), з) „Пермскіе епископы послѣ св. Стефана“ на русскомъ и зырянскомъ языкахъ и и) „Пятисотлѣтіе зырянскаго края“ со множествомъ приложеній. Изданіе этой книги ввело покойнаго въ долги (обошлось въ 2900 р., выдано было отъ министерства народнаго просвѣщенія 500 р.; продано изъ 2000 экз. только 200).

Вънцомъ „зырянскихъ“ трудовъ его суждено было стать „Русско-Зырянскому словарю“, надъ которымъ покойный проработалъ 5½ лѣтъ (съ сентября 1901 года по день почти смерти). Русско-Зырянскій словарь ¹⁾ покойнаго Н. П. Попова съ 1862 года безнадежно лежалъ въ рукописи въ бібліотекѣ Академіи Наукъ. По порученію Академіи (также бесплатно) Лыткинъ и занялся полной переработкой этого словаря (для чего понадобилось его отъ доски и до доски переписать собственноручно) и успѣлъ его даже прокорректировать за исключеніемъ предисловія. Надо видѣть эти два крупныхъ тома и всмо-

¹⁾ Объ немъ мы упоминали уже раньше.

трѣться въ массу подстрочныхъ и надстрочныхъ знаковъ, чтобы понять, какой надо было обладать энергіей, чтобы начать и закончить такой трудъ на рубежѣ седьмого и восьмого десятка лѣтъ жизни. О качествѣ работы выскажутся специалисты, но самая работа — громадна.

Такова была долгая и въ полномъ смыслѣ слова идейно-безсребренная жизнь Г. С. Лыткина ¹⁾. Со временемъ заглохнетъ память объ немъ, какъ о благородномъ товарищѣ и дѣльномъ педагогѣ, но какъ навсегда останется въ исторіи имя просвѣтителя зырянъ св. Стефана Пермскаго, такъ не изгладится память и о продолжателѣ его дѣла — педагогѣ Г. С. Лыткинѣ, почему и тропа къ его могилѣ на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ похороненъ въ день Благовѣщенья, также, вѣроятно, не заростетъ.

Игн. Араловъ.

¹⁾ Некрологи-замѣтки о Г. С. Лыткинѣ до сего времени появились въ газетахъ „Слово“, „Новое Время“, „С.-Петербургскія Вѣдомостя“ и „Петербургскій Листокъ“, и въ журналѣ „Русская Школа“.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ *).

Успенскій, М. И. Юный гражданинъ. Книга для чтенія въ школахъ и дома С.-Пб. 1907. Стр. 132. Ц. 25 коп.

Въ краткомъ предисловіи составитель говоритъ, что онъ имѣлъ цѣлью „дать дѣтямъ матеріалъ для чтенія, изъ котораго бы они знакомились не только съ географіей и исторіей своего отечества, но и съ государственнымъ устройствомъ, народнымъ хозяйствомъ и образованіемъ, путями сообщенія, судомъ, правами и обязанностями гражданина“. Указывая на Францію и Италію, гдѣ ученіе о правахъ и обязанностяхъ гражданина преподается въ начальныхъ народныхъ школахъ, г. Успенскій находитъ, что этотъ примѣръ заслуживаетъ подражанія со стороны Россіи, такъ какъ „русскій гражданинъ, по его словамъ, является до извѣстной степени вершителемъ судебъ своего отечества, руководителемъ политики“, участвуя въ выборахъ въ Государственную Думу, или въ самой Думѣ, какъ депутатъ.

Въ небольшой книжкѣ въ 132 стр. (въ 8-ю долю малаго формата), въ которой довольно много мѣста занимаютъ рисунки, помѣщено 104 статьи прозаическихъ и стихотворенія, распредѣленныхъ на 8 отдѣловъ: 1) Изъ географіи Россіи. 2) Изъ исторіи. 3) О государственномъ управленіи. 4) Народное хозяйство. 5) Народное образованіе. 6) Почта, телеграфъ, пути сообщенія. 7) Судъ, воинская повинность. 8) Отечество. Изъ нихъ наибольшій — Народное хозяйство (31 страница и 33 статьи) и наименьшіе — Народное образованіе (6 стр.—5 статей) и Отечество (3 съ небольшимъ страницы—6 статей).

Вслѣдствіе стремленія составителя сборника помѣститъ въ не-

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

большой книжкѣ много разнообразнаго матеріала для чтенія изъ области общеобразовательныхъ и прикладныхъ знаній, почти всѣ прозаическія статьи очень кратки; содержаніе весьма многихъ изъ нихъ даетъ гораздо менѣе, чѣмъ объщаютъ заглавія отдѣловъ и статей; распределеніе матеріала по отдѣламъ не систематично, какъ видно изъ приведенныхъ заглавій отдѣловъ; подборъ статей не всегда удаченъ; вслѣдствіе своей краткости большая часть статей прозаическихъ, принадлежащихъ, за немногими исключеніями, анонимнымъ авторамъ, изложена сухо. Въ числѣ стихотвореній нѣкоторыя подписаны неизвѣстными въ литературѣ именами, напримѣръ, Вдовина, Панова, Шрейтора и др.

Такъ—въ статьѣ „Россійская Имперія“, занимающей двѣ страницы, составитель даетъ географическій очеркъ имперіи и при этомъ не упоминаетъ ни морей, омывающихъ Россію, ни озеръ; въ самыхъ общихъ выраженіяхъ описывается природа Россіи; въ числѣ самыхъ важныхъ торговыхъ городовъ не упомянута Одесса. Въ статьѣ „Москва“ ни слова объ ея промышленномъ значеніи. Малороссія характеризуется только извѣстнымъ стихотвореніемъ гр. А. К. Толстого; Кавказъ—стихотвореніемъ Пушкина (о Малороссіи и Кавказѣ въ ст. „Россійская Имперія“ не упоминается). Самая большая статья географическаго отдѣла „въ Атлантическомъ океанѣ“ (по Короленко) не находится во внутренней связи съ остальными. Статья „День и ночь“ занимаетъ нѣсколько строкъ, съ самыми элементарными объясненіями; статьи же о временахъ года нѣтъ.

Въ историческомъ отдѣлѣ—татарскому игу отведены двѣ довольно большія статьи, а о началѣ и возвышеніи Московскаго княжества—ни слова; даже въ статьѣ „Татарское иго“ весь XIV вѣкъ опущенъ. Непосредственно послѣ статей о татарскомъ игѣ помѣщена статья „Мининъ и Пожарскій“, въ которой въ нѣсколькихъ строкахъ упоминается о смерти Грознаго, царствованіи Θεодора, Бориса Годунова, перваго самозванца, занятіи Москвы поляками. Изъ исторіи царствованія Петра Великаго только одна статья—„Заботы Петра Великаго о народномъ образованіи“. Объ Екатеринѣ II и ея сподвижникахъ ни слова. Изложеніе реформъ Императора Александра II занимаетъ немного болѣе страницы; не упомянуто даже, что крѣпостные крестьяне были освобождены съ землею; не объяснена вовсе судебная реформа. Думаю, что отдѣлы историческій и географическій не достигаютъ той цѣли, которую имѣютъ въ виду составитель,—знакомить дѣтей съ географіей и исторіей своего отечества.

Въ отдѣлѣ „О государственномъ управленіи“ помѣщены статьи: 1) „Правительство“. 2) „Государственная Дума“. 3) „Законъ“. 4) „Министерство“. 5) „Земство“. 6) „Сельское общество и волость“. 7) „Мирская сходка — басня Крылова“ и 8) „Ермила Гиринъ“ — большое стихотвореніе Некрасова, занимающее почти столько же мѣста, сколько первыя шесть статей прозаическихъ, по содержанію своему не соответствующее заглавію отдѣла. Изъ помѣщенныхъ въ этомъ отдѣлѣ, названномъ „О государственномъ управленіи“, статьи о Государственной Думѣ, о Законѣ въ этотъ отдѣлъ помѣщены неправильно.

Въ отдѣлѣ „Народное образованіе“ сообщаются только очень краткія, неполныя и не всегда вѣрныя свѣдѣнія о разныхъ рядахъ учебныхъ заведеній.

Въ отдѣлѣ „Судъ и воинская повинность“ приведены также весьма неполныя свѣдѣнія о судебномъ устройствѣ. Почему составитель включилъ въ этотъ отдѣлъ и данныя о воинской повинности, трудно догадаться.

Статьи о деньгахъ и налогахъ помѣщены въ отдѣлѣ „Народное хозяйство“.

Въ хрестоматіи г. Успенскаго не мало ошибокъ, существенныхъ пробѣловъ, напримѣръ: въ числѣ административныхъ единицъ Россійской имперіи названа волость (стр. 6). Богослужбныя книги перешли къ русскимъ отъ грековъ (25 стр.). Правительству принадлежитъ власть законодательная и исполнительная (стр. 48); не названа судебная. Государственной думѣ и государственному совѣту принадлежитъ законодательная власть (48 стр.). Говоря о министерствахъ, составитель не упоминаетъ о совѣтѣ министровъ (51 — 52 стр.). „Земствомъ можно назвать все населеніе уѣзда или губерніи... По закону само оно завѣдываетъ хозяйственными дѣлами въ уѣздѣ или губерніи... Жители каждаго уѣзда избираютъ изъ среды себя особыхъ довѣренныхъ лицъ“ (52 стр.). Въ объясненіи манифеста 17-го октября 1905 г. слѣдующія неправильности и неточности: „Государь Императоръ отказался утверждать и признавать закономъ то, что не одобрено народными представителями“... „Населенію дана возможность управляться самому и въ этомъ оно получило свободу“... „Никто не смѣетъ арестовать челоуѣка безъ суда и слѣдствія“... „Свои мысли каждый имѣетъ право передавать и другимъ, и не только при посредствѣ устнаго слова, но и печатно. Если онѣ невѣрны, съ ними надо спорить, опровергать ихъ“ (стр. 44—45). Техническая училища

всѣ отнесены къ разряду среднихъ учебныхъ заведеній: прогимназій и Маринскія училища—къ разряду низшихъ (стр. 96—97) и др.

Изложеніе не всегда отличается ясностью, точностью, особенно въ статьяхъ: „Манифестъ 17 октября 1905 г.“ (стр. 44—45), „Земство“ (52—53), „Телеграфъ“ (111—115), „Отечество“. Смотри также стр. 92, 93, 96 и др.

Нѣкоторыя статьи и стихотворенія едва ли умѣстны въ хрестоматіи для начальной школы, напримѣръ: „Въ столярной“ (по Скитальцу)—74—76 стр., „Ванька“—Чехова (77—80), „Извозчикъ“ (80); стихотворенія: „Свободное слово“—Аксакова (46), „На скамьѣ подсудимыхъ“—Оболенскаго (120), „Властителямъ и Судьямъ“—Державина (122).

Въ книгѣ довольно много иллюстрацій, но, вслѣдствіе небольшого формата книги, онѣ большей частью мелки и неотчетливы.

В. Федоровъ.

Химико-техническій анализъ проф. Лунге. Переводъ съ дополн. *М. С. Гинзбургъ*, лаборанта Кіевскаго политехническаго института подъ редакціей профессора того же института *К. Г. Деметъева*. 226 стр., 37 рис. и 21 таблица. 1906. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Техническій анализъ минеральныхъ веществъ *П. П. Федотъева*, проф. С.-Петербургскаго политехническаго института. 444 стр. 78 рис. 1906. Цѣна 3 руб.

Объ книги аналогичнаго содержанія, и поэтому умѣстно рассмотреть ихъ въ одномъ отзывѣ.

Знаменитый профессоръ технической химіи политехникума въ Цюрихѣ Георгъ Лунге выпустилъ подъ своей редакціей въ 1900 году обширное сочиненіе *Chemisch-technische Untersuchungsmethoden* въ трехъ томахъ. Лунге извѣстенъ въ научной литературѣ своими самостоятельными трудами въ области методики химическаго анализа, и поэтому его сочиненіе признается дѣйствительно научнымъ трудомъ, которымъ пользуются изслѣдователи въ лабораторіяхъ. Лунге принадлежитъ также къ такимъ профессорамъ, которые заботятся о научной литературѣ и для средней школы. И поэтому онъ выпустилъ небольшую книгу, доступную для средней школы и которую въ настоящее время перевелъ на русскій языкъ г. Гинзбургъ. Авторитетъ Лунге, основанный на многочисленныхъ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ, настолько великъ, что книги его не нуждаются въ похвалахъ. Онѣ просто нужны и необходимы для человѣка, желающаго получить солидное химическое и техническое образованіе.

Г. Гинзбургъ поступилъ прекрасно, что перевелъ небольшое сочиненіе Лунге и тѣмъ самымъ сдѣлалъ возможнымъ появленіе этой книги въ нашихъ средне-техническихъ и промышленныхъ училищахъ.

Совершенно иное впечатлѣніе производитъ произведеніе г. Федотьева, мало извѣстнаго самостоятельными научными изслѣдованіями (бѣдную по мысли небольшую работу г. Федотьева о содово-амміачномъ процессѣ нельзя назвать научнымъ изслѣдованіемъ). Предисловіе г. Федотьева составлено такъ, точно онъ выпускаетъ въ свѣтъ что-то новое, свое, съ какими-то вновь появляющимися таблицами. А между тѣмъ внимательное разсмотрѣніе книжки этого автора доказываетъ, что онъ составлялъ ее изъ того же Лунге, не исключая даже рисунковъ, но въ этомъ отношеніи съ той разницей, что въ сочиненіи проф. Лунге всѣ рисунки исполнены прекрасно, а у г. Федотьева всѣ рисунки—подслѣповатыя пятна.

Сочиненіе *Chemisch-technische Untersuchungsmethoden* начинается, послѣ краткаго введенія, описаніемъ общихъ работъ (*allgemeine Operationen*): отбирание средней пробы отъ веществъ въ крупныхъ кускахъ, въ порошкообразномъ видѣ, отъ жидкостей и газовъ. Съ того же начинается и г. Федотьевъ, при чемъ мѣстами прямо переводитъ, мѣстами сокращаетъ и рассказываетъ по Лунге „своими словами“. Для примѣра возьмемъ начало статейки *Flüssigkeiten* (жидкости). У проф. Лунге (стр. 17): „Bei dünnflüssigen Flüssigkeiten ist die Probenahme eine sehr leichte Aufgabe; bei dickflüssigen kann sie schon schwieriger sein, und recht schwierig ist sie bei zähen, syrupartigen oder noch dickeren Substanzen, oder bei breiförmigen Gemischen. Oft genug kommt es auch bei eigentlichen Flüssigkeiten vor, dass deren Zusammensetzung in grösseren Behältern bei den verschiedenen Horizontalschichten sehr abweicht“.

У проф. Федотьева: „При легко подвижныхъ жидкостяхъ взятіе пробы задача очень легкая; дѣло затрудняется при густыхъ жидкостяхъ и становится очень труднымъ при вязкихъ, сиропообразныхъ или даже тѣстообразныхъ смѣсяхъ. Часто(,) однако(,) и при обыкновенныхъ жидкостяхъ въ большихъ резервуарахъ различіе въ отдѣльныхъ горизонтальныхъ слояхъ очень ощутительно“ (стр. 4). Переводъ, какъ видитъ читатель, сдѣланъ вполне удовлетворительно, и несомнѣнно г. Федотьевъ знаетъ нѣмецкій языкъ, по крайней мѣрѣ умѣетъ переводить спеціальныя сочиненія. Но почему г. Федотьевъ не указалъ источника „своего текста“?

Я не могу, конечно, увеличивать число подобныхъ выписокъ и

ограничиваюсь утверженіемъ, что подобныхъ мѣстъ (т. е. буквального перевода изъ капитальнаго сочиненія проф. Лунге) у г. Федотьева болѣе, чѣмъ много, при чемъ не указано, что эти мѣста переведены. Всякій, кто сличитъ Техническій анализъ г. Федотьева съ выше цитированнымъ сочиненіемъ проф. Лунге, согласится съ нами, что мы справедливо указываемъ на широкія позаимствованія, допущенныя въ новой книгѣ г. Федотьева.

Въ изслѣдованіи глины г. Федотьевъ умолчалъ о способѣ проф. Замятчинскаго; въ настоящее время этотъ способъ считается наиболѣе пригоднымъ. Вычисленіе огнеупорности глины по даннымъ анализамъ (стр. 352) можно было бы не приводить, такъ какъ извѣстно, что такимъ вычисленіемъ нельзя опредѣлить, огнеупорна данная глина или нѣтъ.

Изслѣдованія минеральныхъ красокъ изложены у г. Федотьева болѣе чѣмъ кратко, при чемъ извѣстный терминъ „кроющая способность“ превратился у автора въ кровельную способность.

Вызываетъ недоумѣніе совѣтъ г. Федотьева наблюдать „просвѣтъ красокъ“ нанесеніемъ тонкаго слоя на листъ кровельнаго желѣза (стр. 322). Такого страннаго совѣта у проф. Лунге нѣтъ, такъ что это относится къ самостоятельному замѣчанію автора.

Мѣстами встрѣчаются такія фразы: „не со слишкомъ значительнымъ содержаніемъ магнезія“ (стр. 335).

Извѣстно, что въ фотометрическихъ испытаніяхъ лампа Альтенека считается лучшей условной единицею свѣта. Г. Федотьевъ умолчалъ объ ея устройствѣ.

Совершенно неосновательно утверждаетъ г. Федотьевъ, что цвѣтъ канифоли не имѣетъ существеннаго значенія (стр. 423). Свѣтлые, золотисто-желтые сорта канифоли, совершенно прозрачны, рѣзко отличаются отъ мутныхъ темныхъ, красныхъ и бурыхъ. Различіе здѣсь существенно, качественное, связанное съ составомъ продукта.

Непонятна на стр. 438 формула $C_n H_n$, передъ которой стоятъ слова „тяжелыя масла“. Въ такомъ видѣ—это нелѣпость, очевидно недосмотрѣнная опечатка.

Опредѣленіе вязкости изложено у автора безъ всякихъ поправокъ, а между тѣмъ каждому аналитику извѣстно, что приборъ Энглера дастъ ошибки.

Г. Федотьевъ рекомендуетъ кипятить минеральное масло съ водою (стр. 408), чтобы въ полученной водной вытяжкѣ опредѣлить кислоты. Но при такомъ грубомъ приѣмѣ учащійся аналитикъ никогда не найдеть въ минеральномъ маслѣ летучихъ кислотъ.

На стр. 397 авторъ утверждаетъ, что „пенсильванская нефть доставляетъ до 70% керосина“. Это не особенность пенсильванской нефти, если не указано, какой перегонкой получается столь высокий процентъ керосина, такъ какъ извѣстно, что перегонка съ разложениемъ и изъ бакинской нефти даетъ значительно увеличенный выходъ керосина за счетъ разложившихся тяжелыхъ нефтяныхъ маселъ.

Г. Федотьевъ говоритъ, что керосинъ имѣетъ удѣльный вѣсъ при 15° Ц. 0,825 (стр. 396). Учащійся можетъ подумать, что всякій керосинъ имѣетъ такой строго опредѣленный удѣльный вѣсъ, а между тѣмъ это не вѣрно, такъ какъ продажные сорта керосина имѣютъ различные удѣльные вѣса, отъ 0,800 до 0,827 при 15° Ц.

При испытаніи уксусной кислоты (стр. 414—415) слѣдовало бы дать описаніе методовъ изслѣдованія уксусной эссенціи, имѣющей значительное распространеніе.

Въ статьѣ объ изслѣдованіи почвы (стр. 365) сдѣланъ грубый промахъ. Выказано въ категоричной формѣ, что возможно судить объ общемъ характерѣ почвы (стр. 366) по химическому анализу и по отношенію почвы къ различнымъ растворителямъ. Здѣсь упущена та коренная порода, на которой лежитъ данная почва. Безъ знанія этой коренной породы нельзя судить объ общемъ характерѣ почвы. Наконецъ физическія отношенія почвы часто гораздо важнѣе химическаго анализа. Эта искаженная въ научномъ отношеніи статья принадлежитъ самостоятельному перу г. Федотьева. Въ переводахъ же изъ Лунге, конечно, очень трудно сдѣлать научныя ошибки.

Въ своемъ предисловіи г. Федотьевъ категорично заявляетъ, что его книга „представляетъ вполне самостоятельное руководство“. Это увѣреніе не согласуется съ содержаніемъ книги, въ которой очень мало самостоятельности. И если бы проф. Лунге не нанечаталъ „Химико-техническіе методы изслѣдованія“, то по всей вѣроятности г. Федотьеву не пришлось бы выпускать своего „самостоятельнаго труда“.

А. Альмедингенъ.

*Краткая географія для начальныхъ городскихъ училищъ. Составилъ Н. Потомловъ. Изданіе третье. Москва 1903. 102 стр. Составленъ по Смирнову, Баранову и Ячнину.

Книжка г-на Пospѣлова раздѣляется на слѣдующія четыре части: 1) Общія свѣдѣнія; 2) Отечествовѣдѣніе; 3) Наши сосѣди и 4) Государства и народы, болѣе отдаленные отъ насъ.

Въ отдѣлѣ „Общія свѣдѣнія“ авторъ желаетъ выяснитъ основныя

географическія понятія въ такомъ порядкѣ: горизонтъ, страны свѣта, компасъ, планъ, масштабъ и географическая карта, видъ земли, изображеніе земли, линія глобуса, движенія земли, климатъ, поверхность земного шара, материкъ и части свѣта, устройство поверхности суши, народонаселеніе земного шара. Въ этомъ отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе опредѣленія странъ свѣта по солнцу. Авторъ по этому поводу выражается такъ: „Когда видно солнце, тогда легко узнать, гдѣ сѣверъ, гдѣ востокъ, гдѣ западъ (а югъ?); но какъ узнать стороны свѣта, когда солнца не видно“. И затѣмъ переходитъ къ описанію компаса. Такимъ образомъ опредѣленіе юга по солнцу остается для учениковъ не извѣстнымъ и имъ дается компасъ, который для дѣтей является, въ сущности, необъяснимымъ фокусомъ. Другой важный недочетъ представляется намъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ выясняется понятіе о картѣ. Авторъ на 6-й страницѣ говоритъ: „Если уменьшить масштабъ еще болѣе, принять дюймъ, напримѣръ, за нѣсколько сотенъ верстъ, то можно составить планъ уѣзда, губерніи и планъ цѣлаго государства. Такіе планы называются географическими картами“. Изъ этого ученики могутъ заключить, что карта отличается отъ плана только масштабомъ; между тѣмъ черезъ двѣ страницы дается понятіе о линіяхъ на глобусѣ, послѣ чего легко перейти къ картѣ полушарій и дать болѣе правильное понятіе о картѣ вообще. Второй отдѣлъ—Отечественновѣдѣніе—занимаетъ болѣе половины всего учебника. Въ этомъ отдѣлѣ послѣ общаго описанія Россіи помѣщено частное описаніе ея по областямъ. Эти описанія кратки, но довольно обстоятельны и даютъ правильное понятіе о природѣ Россіи и дѣятельности ея населенія. Третій отдѣлъ „Наши сосѣди“ содержитъ очень краткія свѣдѣнія о государствахъ, непосредственно примыкающихъ къ Россіи по ея сухопутной границѣ. Въ четвертомъ отдѣлѣ „Государства и народы, болѣе отдаленные отъ насъ“ даются еще болѣе краткія описанія странъ, не граничащихъ непосредственно съ Россіей.

Если мы сравнимъ расположеніе учебнаго матеріала и порядокъ выясненія основныхъ географическихъ понятій въ книгѣ г-на Поспѣлова съ тѣмъ, что представляетъ въ этомъ отношеніи единственная утвержденная программа географіи для городскихъ училищъ, то найдемъ, что г-нъ Поспѣловъ совершенно пренебрегъ курсомъ родино-вѣдѣнія, который поставленъ въ началѣ программы для городскихъ училищъ. Между тѣмъ родино-вѣдѣніе, общепринятое въ начальныхъ училищахъ государствъ Западной Европы, особенно удобно для

училищъ небольшихъ городовъ и селъ, гдѣ обзорѣніе самыхъ поселеній и ихъ окрестностей легко производить во время экскурсій. Большая часть основныхъ географическихъ понятій легко выясняется на основаніи наблюденій окружающей мѣстности, а также атмосферныхъ явленій, а то, что не можетъ быть наблюдаемо въ данной мѣстности, (напримѣръ, море внутри страны, горы на равнинѣ), должно дополнять разсматриваніемъ картинъ.

Приведемъ теперъ нѣсколько неточностей и ошибокъ, встрѣчающихся въ текстѣ книги г-на Поспѣлова.

На стр. 3-й находится весьма непонятное объясненіе зависимости величины горизонта отъ разстояній: „Стоя въ долинѣ, мы видимъ кругомъ себя гораздо ближе, почему горизонтъ становится меньше“.

Стр. 10-я. „Первымъ меридіаномъ принято считать тотъ, который проходитъ около западныхъ береговъ Африки, черезъ островъ Ферро“. Авторъ забываетъ, что феррскій меридіанъ есть только одинъ изъ первыхъ меридіановъ; кромѣ того здѣсь островъ Ферро и Африка приводятся гораздо ранѣе выясненія понятія о части свѣта и островѣ.

На стр. 15-й находится весьма неполное, ненаучное и неловко выраженное опредѣленіе климата.

„Извѣстная степень теплоты и стужи въ воздухѣ, всегда бывающая въ извѣстномъ мѣстѣ на землѣ, называется климатомъ“. О влажности авторъ здѣсь совершенно позабылъ.

На 16-й страницѣ мы видимъ цѣлый рядъ неточныхъ опредѣленій.

„Огромнѣйшая (!) масса воды, окружающая материкъ, называется океаномъ. Океановъ насчитывается пять“... Какъ и почему такъ считаютъ,—это не объяснено.

„Большая часть воды, вдавшаяся въ материкъ, называется моремъ“.

„Небольшая часть воды, вдавшаяся въ материкъ изъ океана или моря, называется заливомъ или губою“.

Что касается до величины, то существуетъ Гвинейскій заливъ, который во много разъ больше, напримѣръ, Азовскаго моря. Затѣмъ, неужели Бенгальскій заливъ можно назвать губою?

Стр. 19-я. „Равнинами называются низменности, если высота ихъ надъ водою(?) незначительна“. Весьма неточно и неопредѣленно.

На стр. 20, 21 и 22-й. Человѣческія расы названы племенами.

Стр. 22-я. По образу жизни люди, по мнѣнію автора, раздѣляются только на кочевыхъ и осѣдлыхъ, а бродячихъ и охотниковъ онъ не признаетъ.

На стр. 26-й. „Число жителей въ Россіи доходитъ *слишкомъ* до ста миліоновъ“.

На стр. 28 и 29 при описаніи поверхности Европейской Россіи приводятся Урало-Карпатская, Урало-Балтійская гряда и Алаунская возвышенность. Всѣ эти названія, какъ не соответствующія дѣйствительности, оставлены со времени появленія гипсометрической карты Европейской Россіи покойнаго генерала Тилло, т. е. съ 1890 года.

На стр. 32-й совершенно излишне для учениковъ даны восемь цифръ длины русскихъ рѣкъ, чего не требуется и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Можно было бы ограничиться длиной одной Волги.

На стр. 37 описывается климатъ Европейской Россіи, причѣмъ опять упоминаются приведенныя выше несуществующія гряды въ видѣ границъ климатическихъ полосъ. Объ орошеніи же Европейской Россіи не сказано ни слова.

На 47 стран. къ промышленному отдѣлу отнесены губерніи: Смоленская, Тульская, Рязанская и Казанская, вѣроятно по примѣру тѣхъ учебниковъ, на которые указываетъ авторъ въ заголовкѣ своего учебника.

На стр. 59 неправильно описано добываніе соли изъ южныхъ озеръ и лимановъ.

На стр. 61-й. Къ озерному краю причислены губерніи Смоленская и Тверская, которыя раньше уже были внесены въ число губерній промышленнаго края.

На 89-й стр. сказано, что г. Пекинъ имѣетъ три милліона населенія, что превышаетъ дѣйствительное населеніе [1 мил. 600 тыс.] почти вдвое.

Всѣ эти замѣчанія указываютъ на небрежное отношеніе автора учебника къ новымъ научнымъ даннымъ.

Изъ всего сказаннаго можно вывести, что учебникъ г-на Постѣлова ни въ методическомъ отношеніи, ни по научной обработкѣ не можетъ быть признанъ годнымъ ни для какихъ учебныхъ заведеній, а тѣмъ болѣе для начальныхъ училищъ.

А. Савеловъ.

**Германъ Шубертъ*. Элементарное вычисленіе логарифмовъ. Перевелъ съ нѣмецкаго А. Петровъ. Изданіе *К. Тихомирова*. М. 1906. Стр. 60. Цѣна 30 коп.

Цѣль этой брошюры состоитъ въ томъ, чтобы дать учащимся возможность при самомъ началѣ изученія теоріи логарифмовъ находить

самостоятельно хоть двѣ—три цифры мантиссы. Авторъ видитъ неудобство въ томъ, что ученикамъ даютъ таблицы логарифмовъ и приучаютъ вычислять по нимъ, не объясняя, какимъ образомъ эти таблицы были составлены. Справедливо указывая, что показательные и логарифмическіе ряды, служащіе для вычисленія логарифмовъ, не входятъ въ составъ гимназической программы, авторъ и желаетъ восполнить этотъ пробѣлъ своимъ элементарнымъ способомъ вычисленія логарифмовъ.

Слѣдуетъ признать, что относительно своей элементарности способъ автора не оставляетъ желать ничего лучшаго. Исходя изъ самыхъ простыхъ и очевидныхъ неравенствъ (въ родѣ, на примѣръ, такого:

$$x^2(x+2) > (x+1)^2(x-1) \text{ при } x > 0$$

авторъ, логарифмируя ихъ и разлагая каждое число на простыхъ множителей, получаетъ рядъ неравенствъ между логарифмами простыхъ чиселъ. Комбинируя эти неравенства между собою, онъ старается исключить логарифмы всѣхъ простыхъ чиселъ, кромѣ одного. Тогда для этого одного логарифма и получаютъ верхняя или нижняя граница, разность которыхъ указываетъ и степень точности результата. Авторъ даетъ и небольшія таблицы логарифмовъ, вычисленные по этому способу, именно, для чиселъ отъ 1 до 100 (стр. 48—52) и для нѣкоторыхъ другихъ промежутковъ на стр. 57—60. Ошибка первой таблицы не превосходитъ трехъ десяти-тысячныхъ, ошибка второй таблицы—одной тысячной.

Обращаясь къ оцѣнкѣ разбираемой статьи, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на то, что по способу автора нельзя было бы, на примѣръ, составить таблицы логарифмовъ съ пятью десятичными знаками. Такимъ образомъ—съ этимъ способомъ или безъ него—все равно придется давать въ руки ученикамъ таблицы, способъ составленія которыхъ ученикамъ неизвѣстенъ. Во-вторыхъ, слѣдуетъ отмѣтить, что авторъ ничего не говоритъ о вычисленіи логарифмовъ посредствомъ непрерывныхъ дробей. Хотя бы этотъ способъ и былъ отнесенъ въ конецъ курса, но вѣдь и онъ поясняетъ возможность вычислить элементарнымъ образомъ любой данный логарифмъ, да еще съ какой угодно степенью точности, чего не можетъ дать способъ автора. Въ-третьихъ, способъ автора страдаетъ немаловажными недостатками, которые и считаемъ нужнымъ указать, признавая въ то же время въ полной мѣрѣ его элементарность.

Прежде всего мы не усматриваемъ въ этомъ способѣ никакихъ

гарантій того, что предпринятая выкладка приведетъ къ дѣли (т. е. къ нахожденію верхней или нижней границы искомаго логарисма).

Уже, напримѣръ, для нахожденія $\log 2$ приходится разсматривать группы чиселъ

3, 4, 5, 6, 7; 7, 8, 9, 10; 14, 15, 16; 48, 49, 50

и вводить въ разсмотрѣніе $\lg 3$ и $\lg 7$. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что для какого либо простаго числа и не удастся подобрать такую группу вспомогательныхъ чиселъ, которыя дали бы требуемую верхнюю или нижнюю границы логарисма.

Далѣе при этомъ способѣ весьма затруднительно предвидѣть ходъ выкладки и тѣ простыя числа, черезъ которыя придется переходить къ данному числу. Напримѣръ, уже при вычисленіи хорошей нижней границы для $\log 2$ и $\log 3$ приходится переходить черезъ $\log 11$, $\log 31$, $\log 41$ и $\log 61!$ (стр. 16).

При этомъ вся выкладка носить характеръ чего-то искусственнаго и случайнаго.

Наконецъ, о точности результата нельзя составить никакого опредѣленнаго сужденія, пока не вычислены обѣ границы—и верхняя и нижняя—что требуетъ каждый разъ двойныхъ вычисленій. Мало того, естественно ожидать, что эта точность будетъ тѣмъ меньше, тѣмъ больше то число, логарисмъ котораго мы ищемъ, ибо тогда приходится комбинировать все больше и больше неравенствъ.

Б. Коллевицъ.

*Учебники для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ департамента земледѣлія. Краткій курсъ физики. Составилъ С. Ф. Кривцовъ, преподаватель Марьинской сельско-хозяйственной школы. Съ 197 рисунками въ текстѣ. Второе исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девриена 1907 г.; VIII+196 стр., цѣна 75 коп.

Новое изданіе книги г. Кривцова заслуживаетъ величайшаго вниманія. Авторъ сумѣлъ воспользоваться тѣми замѣчаніями, которыя были высказаны по отношенію къ первому изданію „Краткаго курса физики“; онъ, повидимому, не мало потратилъ труда при переработкѣ своей книги; онъ основательно и всесторонне обдумалъ и передумалъ многое. Весьма многія статьи изложены образцово, съ поразительною, мѣстами, осторожностью, которая дала автору возможность, оставаясь въ области элементарнаго, не впадать въ противорѣчіе съ наукою серьезною.

Несмотря на внимательное чтеніе, я нашелъ въ книгѣ г. Крив-

цова только одинъ, къ сожалѣнію, впрочемъ, очень крупный промахъ. Дѣло касается атмосфернаго давленія.

На стр. 75 читаемъ: „Но даже и въ одноѣмъ и томъ же мѣстѣ плотность, а следовательно и давленіе воздуха постоянно измѣняются, что зависитъ, главнымъ образомъ, отъ температуры и влажности“.

Во-первыхъ, почему „а следовательно и давленіе“ мѣняется, когда мѣняется плотность? По закону Мариотта давленіе пропорціонально плотности; но вѣдь это относится только къ случаю постоянной температуры и неизмѣннаго количества газа. Между тѣмъ здѣсь говорится объ *измѣненіи* температуры и даже влажности, т. е. примѣся второго газа. Никакой зависимости между плотностью и давленіемъ не существуетъ, когда мѣняются температура и влажность.

Далѣе читаемъ, что съ повышеніемъ температуры газъ дѣлается легче и что потому его давленіе должно *уменьшаться!* Вѣдь это же совершенно невѣрно! Если газъ нагрѣвается безъ расширенія, то его плотность не мѣняется, а давленіе *увеличивается*. Если же газъ можетъ свободно расширяться, то его плотность уменьшается, но давленіе *не мѣняется*. Законъ Гей-Люссака вѣдь именно и относится къ случаю нагрѣванія газа при *постоянномъ* давленіи. Газъ при нагрѣваніи потому и расширяется, что его упругость *возрастаетъ*. Но зачѣмъ же ему расширяться на столько, что его упругость сдѣлается меньше, чѣмъ она была раньше?

Далѣе читаемъ: „Водяные пары легче воздуха, а потому присутствіе ихъ въ атмосферѣ измѣняетъ плотность и давленіе атмосфернаго воздуха: вѣсь влажнаго воздуха (при одинаковомъ давленіи и температурѣ) будетъ меньше, чѣмъ сухого“. Первая половина здѣсь невѣрна, а вторая противорѣчитъ первой. Если испареніе происходитъ въ замкнутомъ пространствѣ, то плотность (средняя) и упругость *увеличатся*. Если же внѣшнее давленіе дано и не мѣняется, то испареніе сопровождается расширеніемъ, *безъ измѣненія* общей упругости смѣся. Во второй половинѣ говорится о вѣсѣ при одинаковомъ давленіи; видно рѣчь идетъ о вѣсѣ единицы объема, т. е. о плотности. Какое же это имѣетъ отношеніе къ атмосферному давленію, разъ „давленіе“ не мѣняется? Невѣрность основной мысли—а именно, что съ повышеніемъ температуры и влажности должно уменьшиться барометрическое давленіе—особенно рельефно выступаетъ, если мы представимъ себѣ, что на всей землѣ существуетъ только абсолютно сухой, неподвижный воздухъ и что температура на земной поверхности вездѣ одна и та же. Если бы температура повсюду

поднялась, то барометрическое давленіе вовсе бы *не изменилось*. Если бы внезапно испарилось большое количество воды, то барометрическое давленіе *увеличилось* бы, а не уменьшилось.

Удивительно, съ какою настойчивостью эта старая ошибка безъ конца повторяется! И удивительно, что г. Кривцовъ, сѣмъвѣшій избѣгнуть многихъ подводныхъ камней, наскокилъ именно на эту мель, сто разъ указанную всѣмъ плавающимъ по морю элементарной физики!

Цельзя не сожалѣть, что авторъ не избѣгъ пресловутой передачи тепла лученспусканіемъ, тепловыми лучами и т. д. (стр. 96). Теплою паровика можно воспользоваться, чтобы вращать маховое колесо, около трущейся оси котораго выдѣляется теплота. Теплою паровика можно вращать динамомашину; токомъ этой машины можно нагрѣвать комнату. Здѣсь два новыхъ случая передачи тепла отъ паровика къ оси или въ комнату. Почему же маховое колесо и электрическій токъ не разсматривать также, какъ особыя формы теплоты? Теплота можетъ переходить въ другія формы энергій, а эти опять въ теплоту. Но тѣ промежуточныя формы энергій не представляютъ изъ себя какихъ-то особыхъ сортовъ теплоты. Теплота не бываетъ различныхъ сортовъ. Лучистая энергія столь же мало теплота, какъ энергія маховаго колеса или электрическаго тока.

На стр. 105 читаемъ, что пары, *подобно газамъ*, обладаютъ упругостью. Всѣ пары суть газы и всѣ газы суть пары.

Мелкихъ промаховъ, неточностей и т. д. въ книгѣ почти вовсе нѣтъ.

●. **Хвельсонъ.**

*Жизнь знаменитыхъ римлянъ, изложенная по Плутарху Альфонсомъ Фелье.

Пер. съ французскаго П. Е. Еостафьсва. Съ 10 отд. карт. и 52 рис. въ текстѣ. 2-е изд. (Гов. М. О. Вольфъ). С.-Пб. и М. 1905 г. 1 нел.+364+ +II стр. Цѣна въ обложкѣ 1 руб. 25 коп.

Намѣреніе автора (г. Feillet) было, по его собственнымъ словамъ, „rendre accessible aux jeunes gens la lecture, qui peut le mieux les tourner vers ce qu'ils doivent être—*des hommes, des femmes*“ (Préface). Дѣйствительно Плутархъ въ своихъ „біографіяхъ“, какъ лучший повѣствователь древняго міра въ этой отрасли литературы, представляетъ для *средняго возраста* матеріалъ весьма благодарный—не съ точки зрѣнія исторической достовѣрности или обилія фактовъ, а именно съ точки зрѣнія повѣствовательнаго искусства и умѣнья про-извести на читателя соотвѣтственное впечатлѣніе.

Вотъ на выборъ два отзыва о немъ—изъ наиболѣе авторитетныхъ: *Wilh. Christ, Gesch. d. griech. Litteratur, 2.1898, p. 654*: „Unbefangenheit und Nüchternheit des Urteils war nicht die starke Seite unseres Autors; dazu war er zu sehr Optimist und zu sehr Freund von schönen Anekdoten und moralischen Betrachtungen... Aber sehen wir von dem Mangel kritischer Quellenforschung ab, und lassen wir neben dem Geist und Verstand auch *dem Herz und Gemüt* ihr Recht, so bilden die Biographien des Plutarch die *anziehendste* und *belehrendste* Lektüre“; *Mommsen, Römische Gesch. V, p. 252*: „es gibt genug mächtigere Talente und tiefere Naturen, aber schwerlich einen zweiten Schriftsteller, der mit so glücklichem *Mass* sich in das Notwendige mit *Heiterkeit* zu finden, und so wie er, den Stempel seines Seelenfriedens und seines Lebensglückes ¹⁾ seinen Schriften einzuprägen gewusst hat“.

Вліяніе Плутарха на Шекспира—извѣстно; самъ Плутархъ называется иногда „Шекспиромъ среди биографовъ“ (*Christ, op. cit. p. 655 not. 1*).

Книга Feillet представляетъ не переводъ, а весьма толковый, хотя и нѣсколько сокращенный пересказъ (*abrégé*) хорошаго перевода Плутарха—*Talbot*, съ сохраненіемъ однако достоинствъ самаго оригинала—гладкости фразеологіи и увлекательности изложенія. Наиболѣе сильно сокращенныя мѣста заключены въ скобки; коротенькія и немногочисленныя иллюстраціи (исключительно съ антиковъ) поясняютъ текстъ.

Изъ сказаннаго ясно, что если бы г. Евстафьевъ далъ русскому читающему *юношеству* (не *дѣтямъ*, какъ сказано въ его „предисловіи“: у Feillet: *jeunes gens*, да и Плутархъ—не для *дѣтей*) хорошій *переводъ* книги французскаго пересказчика, то его книгу можно бы смѣло порекомендовать для пополненія ученическихъ библиотекъ средняго возраста. Но изданіе г. Евстафьева вызываетъ не мало замѣчаній не въ пользу книги.

На обложкѣ она названа „переводъ съ французскаго“.

Слѣдовало бы прежде всего оговориться, что это *сокращенный* переводъ, напримѣръ:

Предисловіе—на 40 строкъ оригинала — всего 13½ строкъ русскаго текста, и мѣстами не весьма гладкаго: „чтеніе Плутарха бу-

¹⁾ Какъ извѣстно, Плутарху выпала на долю рѣдкая участь—въ теченіе своей 80-лѣтней жизни не испытать ни одного несчастія ни въ семьѣ, ни въ (довольно разнообразной) общественной дѣятельности.

dit въ дѣтяхъ хорошія *побужденія*“ (la lecture de Plutarque éveille ce que la nature a mis de bon dans chacun d'eux).

Изъ множества примѣровъ сокращеній приведемъ нѣскольکو такихъ, гдѣ урѣзка пошла въ ущербъ изложенію:

Стр. 2: „съ дѣтства Ромулъ и Ремъ отъячались красотой роста и лица“.

Стр. 2: la beauté de leur corps fit voir, dès leur enfance, par leur taille et leur physionomie, *quel serait leur naturel.*

Стр. 6: „и тиранъ, не нашедшись, что предпринять для своего спасенія, схваченъ и убитъ“.

Стр. 5: le tyran, qui ne sait, que faire pour son salut, *se laisse gagner par l'incertitude et par l'effroi:* il est pris et mis à mort.

Стр. 11: „Нума принялся за городъ, съ намѣреніемъ внушить ему, вмѣсто суровой страсти къ войнѣ, мягкость нравовъ и справедливость“.

Стр. 10: Numa prend en main la cité, *et comme un fer, qu'on manie, s'attache à la faire passer de la dureté et de la guerre à la souplesse et la justice.*

Стр. 14: (погребаемой заживо Весталкѣ давалось немного припасовъ) „чтобы не оскорбить религіи, моря голодомъ чловѣка, освященнаго самими святыми обрядами“.

Стр. 11:... *comme pour ne pas offenser la religion en faisant mourir de faim une personne, consacrée par les cérémonies les plus saintes (comme— „какъ бы“, указываетъ на то, что римляне - ритуалисты заботились въ данномъ случаѣ лишь о свѣдѣности, а не о сути дѣла, какъ даетъ понять категорическая русская редакция текста).*

Стр. 21: „два сына Брута“.

Стр. 19: deux des fils de Brutus.

Стр. 33: „выслушавъ отвѣтъ, сенатъ прибѣгаетъ къ послѣднему якорю спасенія“.

Стр. 30: le sénat en apprenant la réponse, *fait comme si la tempête et le flot se déchaînaient sur la ville:* il prend l'ancre sacrée et la jette.

Стр. 44: „Галлы... въ теченіе нѣсколькихъ дней грабятъ и разрушаютъ дома“.

Стр. 42: les gaulois., *saccagent les maisons durant plusieurs jours, après quoi ils brûlent la ville et la détruisent de fond en comble.*

Стр. 64: „Часто, даже въ банѣ, Архимедъ до того увлекался своими научными соображеніями, что на золѣ камня (?) или на своихъ умященныхъ членахъ чертилъ пальцемъ фигуры“.

Стр. 60: Souvent entraîné malgré lui, au bain et dans l'étuve, il traçait sur la cendre du foyer de figures de géométrie, et sur ses membres frottés d'huile il tirait des lignes avec son doigt maîtrisé par une passion puissante, *vrai possédé des Muses.*

Стр. 64 (вн.) = *стр. 61* (ориг.)—опущено 5 строкъ текста.

Стр. 90 (верх.) = *стр. 81* „ „ 1¹/₂ „ оригинала

Стр. 102 (сред.)=стр. 91 (ориг.)—опущено 1 строкъ оригинала
 Стр. 104 (верх.)=стр. 92 " " 4 " "
 Стр. 120 " =стр. 106 " " 2¹/₂ " "
 Стр. 175 (сред.)=стр. 151 " " 2 " "
 Стр. 197 (верх.)=стр. 169 " " 5 " "
 Стр. 207 (сред.)=стр. 179 " " 2 " "
 Стр. 236 (верх.)=стр. 204 (ориг.)—опущены почти 12 строкъ оригинала, и весьма характерныхъ: въ биографіи Катона Младшаго подробности его смерти и т. д. и т. д. ¹⁾

Точность перевода также оставляетъ желать лучшаго: нерѣдки погрѣшности посредственнаго характера, напр., стр. 3 „занимавшійся пророчествомъ“ (=s’entendait à la divination); стр. 6 „Ромуль предпochель мѣстность, называемую квадратнымъ Римомъ“ (=Romulus avait fondé ce qu’on appelle Rome carrée); стр. 8 (о булбѣ, носимой мальчиками)—„похоже на камлю воды“ (—il à la forme d’une bulle d’eau); стр. 16: „Нума рѣшился раздѣлить весь свой народъ на сословія“ (—Numa résolut de diviser par fragments la totalité de son peuple); стр. 39: „Галлы облегаютъ этрусскій городъ Клузіумъ и осаждаютъ его“ (les Gaulois font une expédition contre Clusium, ville d’Etrurie, et en commencent le siège); стр. 48 „Манлій консулъ“ (—Manlius homme consulaire, т. е. бывшій консулъ); стр. 83 „онъ занимался однимъ родомъ товарищества“ (—il pratiqua une espèce d’usure); стр. 90 „весь амфитеатръ встаетъ“ (—tout le théâtre se lève) и мн. др. ²⁾

Но весьма неприятно поражаютъ довольно крупныя недоразумѣнія, напримѣръ:

стр. 10 „(Нума) къ двумъ жрецамъ Юпитера и Марса—прибавилъ третьяго, жреца Ромула, назвавъ послѣдняго Фламиніемъ Квириномъ“ (=стр. 10: aux deux prêtres de Jupiter et de Mars il en ajouta un troisième pour Romulus et l’appelle Flamine Quirinal, т. е. „фламиномъ“ (жрецомъ) Квирина (=Ромула).

стр. 62 „плыва на шестидесяти-восьмидесяти галерахъ“ (—стр. 58: s’avançant avec soixante galères à cinq rangs de rames, т. е. на 60-ти квинкверемахъ);

стр. 63 „Архимедъ приготовилъ машины, метавшія стрѣлы и

¹⁾ Нерѣдко переводчикъ опускаетъ скобки оригинала, т. е. указанія сильныхъ сокращеній подлинника, напр., стр. 1, 8, 38—39, 44, 99—100, 114, 124—125, 134, 158, 169, 242—243, 244, 268—269 и др.

²⁾ О написаніяхъ Кай вм. Гай, Фламиній вм. Фламиний мы уже и не говоримъ.

лами и на короткомъ разстояніи“ (—стр. 59: Archimède avait préparé des machines, qui portaient à toute distance des *traits fort courts*);

стр. 66. Маркеллъ отрицалъ свою соприкосновенность къ убійству Архимеда (—стр. 62: Marcellus repoussa comme un sacrilège le meurtrier d'Archimède);

стр. 100 „несущихъ серебряную монету въ полтораста чашахъ“ (=стр. 90: portant l'argent monnayé dans sept cent cinquante vases);

стр. 132 „страстный народъ“ (—стр. 117: la plus vile populace);

стр. 134 (=стр. 118) la guerre sociale (т. е. союзническая война I в. до Р. Хр.) переведена „общественная война“; она же стр. 158 (=стр. 138) передана „междоусобная война“ и смѣшана съ „guerre civile“ (строкой ниже), которая и была „междоусобной“;

стр. 145 (лицо у Суллы было) „темно-краснаго цвѣта, съ бѣлыми пятнами, подавшими одному афинянину поводъ сказать, что Сулла похожъ на стѣну, осыпанную мукой“ (=стр. 127: il avait le teint d'un rouge foncé, parsemé de taches blanches, ce qui fit dire à un Athénien: Sulla est une tête saupoudrée de farine);

стр. 161 „ланы убѣгають отъ Спана; но онъ, пораженный совершенно бѣлымъ цвѣтомъ лани, гонится за нею, и беретъ ее живьемъ“ (=стр. 140: elle lui échappe, mais, frappé par la nouveauté de la couleur du faon („дѣтеныша“ лани), qui était tout blanc, il lui donne la chasse et le prend);

стр. 162 „съ четырьмя сотнями“ (=стр. 141: avec quatre mille);

стр. 170 „у жабы и журавлей“ (стр. 147: les grues et les cigognes);

стр. 173 „такимъ образомъ Лукуллъ обошелся со своими тогдашними юстями, какъ съ плѣнниками и варварами“ (=стр. 150: c'est ainsi que Lucullus usait de ses richesses avec une certaine insolence et les traitait comme des captives et des barbares);

стр. 181 „тамошніе (т. е. Сицилійскіе) пираты“ (=стр. 156: des pirates ciliciens (т. е. Киликійскіе); Сицилія и Киликія смѣшиваются еще стр. 199 и 200);

стр. 190 „уже въ юности Помпея эти его качества обольщали народъ и склоняли его къ выраженію выгоднаго мнѣнія“ (=стр. 163: des les premiers temps ses traits (черты лица) contribuèrent beaucoup à séduire le peuple et à prévenir les effets de sa (=Помпея) voix);

стр. 196 „раззолоченныя носовыя чисты“ (=стр. 169: ses narines (=т. е. норы) dorées);

стр. 205 „оскорбленный Помпеемъ, сенатъ встрѣчаетъ возвратив-

шагося изъ Азіи Лукулла блестящимъ торжествомъ“ (=стр. 177: quand *Lucullus revint d'Asie, outragé par Pompée* (о чемъ говорилось выше, стр. 201 русскаго текста), *le sénat s'empressa de le recevoir avec éclat*);

стр. 206 „въ самомъ дѣлѣ, поровну распределенная между Краскомъ и Помпеемъ власть установила въ городѣ равновѣсіе, какъ на суднѣ, но, разъ связанная на одной точкѣ, она не могла уже производить толчку, потрясшему и ниспровергнутому республику“ (=стр. 178: en effet, cette puissance également répartie maintenait l'équilibre dans la ville comme dans un navire, mais une fois réunie et concentrée en un point, elle laissa sans contrepoids une force, qui ébranla et renversa toute la république);

стр. 222 „я начну говорить, когда буду въ состояніи говорить вещи, которыя лучше умалчивать“ (=стр. 191: je commencerai à parler, quand je pourrai dire des choses, qui ne méritent pas d'être tues);

стр. 246 „въ Британіи“ (=стр. 212: en Bretagne);

стр. 268 „но въ этой лодкѣ тотчасъ открылась течь, и Цезарь, гребя одною рукою, а другою держа свои Комментаріи, спасся лишь съ большимъ трудомъ“ (=стр. 231: mais cette barque coula aussitôt, et César, nageant d'une main et tenant de l'autre ses Commentaires, ne s'échappa qu'à grand'peine);

стр. 278 „Каска первый нанесъ Цезарю ударъ кинжаломъ въ спину“ (=стр. 239: Casca, le premier, le frappe de son épée le long du cou);

стр. 288 „завѣщаніе Цезаремъ 75.000 драхмъ каждому римскому гражданину“ (=стр. 247: le legs de soixante quinze drachmes à chaque citoyen romain);

стр. 297 „прорицатели приказываютъ выкинуть рои (пчелъ, спустившихся на одно мѣсто укрѣпленій) за окопы“ (=стр. 254: l'on voit des essaims d'abeilles se rassembler sur un point des retranchements: les devins le (т. е. это мѣсто) font placer hors de l'enceinte);

стр. 360 „Клеопатра—хочетъ ударить ея (Прокулея) кинжаломъ“ (=стр. 309: Cléopâtre—veut se frapper...) и иѣк. др.

Зато мѣстами переводъ уже слишкомъ точенъ, напоминая стилямъ extemporalia прежняго времени:

стр. 29: „чтобы она слышала похвалы своему сыну, видѣла его вънчаемымъ, плакала отъ радости, обвиняла его,—то было для Коріолана верхомъ славы и блаженства“.

стр. 25: qu'elle entendit louer son fils, qu'elle le vit couronner, qu'elle le tint dans ses bras en pleurant de plaisir, c'était pour lui le comble de la gloire et de la félicité.

Иногда въ переводѣ встрѣчаются неудачныя дополненія къ подлиннику, напримѣръ:

Стр. 240: (Цицеронъ) „говорилъ, что во всѣхъ предпріятіяхъ Цезаря, во всѣхъ его поступкахъ, онъ видитъ стремленіе къ деспотизму. Но когда я, добавляя онъ, вижу его волосы, убранные такъ тщательно и изящно и какъ осторожно, прелестно, онъ чешетъ себѣ голову пальцемъ, то не могу себѣ представить, чтобы такой человѣкъ замышлялъ испровергнуть римскую республику“.

Стр. 207: (Cicéron) disait, que dans tous les projets de César, dans tous ses actes: il voyait une pensée tyrannique. Cependant, ajoutait-il, quand je regarde sa chevelure si artistement arrangée, quand je le vois se gratter la tête du doigt, je ne puis me figurer qu'un tel homme se mette en idée le noir dessein de renverser la republique romaine.

Правда, переводъ г. Евстафьева снабженъ примѣчаніями въ ббльшемъ количествѣ, чѣмъ въ оригиналѣ, но многія изъ нихъ нуждаются въ исправленіи, напримѣръ:

стр. 8 „буллою назывался круглый футляръ“ (выше въ текстѣ „капля воды“); — *булла* (bullae) = *шарикъ* или *медальонъ*, носимый на шеѣ;

стр. 64 „Бріарсемъ называлось чудовище съ 50 головами и старанами рукъ“ (итого—100 лишнихъ!);

стр. 76 (2)—неточно указана цѣнность драхмы: не 9 к., а около 25 коп.;

стр. 100 (1)—трибъ было не 53, а 35;

стр. 108 (2)—Этрурія лежитъ не въ сѣверной, а въ средней Италіи (44°—42° с. ш.);

стр. 149 (3)—смѣшиваются два города: *Филиппы* (въ ориг. Philippi) — въ Македоніи, и *Филиппополь* (Philippopolis) во Фракіи; въ текстѣ дѣло идетъ только о первомъ;

стр. 151 неточно указана цѣнность *тетрадрахмы* (и по ариѳметикѣ переводчика 4.9 должно бы быть 36, а не 22!);

стр. 170 (2) „стойки-философы греческой школы, считавшіе за доблесть произвольное (?) подверганіе себя *лишеніямъ*“; впрочемъ, *стр. 220* „стойки“ объяснены болѣе правильно: „философская школа въ Греціи, считавшая добродѣтель высшимъ благомъ, порокъ—единственнымъ зломъ, а все остальное, слѣдовательно и *лишенія*, безразличнымъ“; но второе объясненіе противорѣчитъ первому;

стр. 177 (гладіаторы) = рабы, боровшіеся на римскихъ общественныхъ играхъ; гладіаторы далеко не всегда были рабы, и дѣломъ ихъ была не борьба;

стр. 217: „софистами назывались у грековъ лица, которыя неправильными заключеніями доказывали самыя ложныя положенія“—справедливо далеко не о всѣхъ „софистахъ“, особенно старшаго поколѣнія (Протагоръ, Горгіи и др.);

стр. 222 (2) базилика=„зданіе изъ колоннъ подъ крышею“; *стр. 251* базилика=„зданіе съ крышей на колоннахъ“¹⁾;—что же авторъ называетъ *портикомъ*?

стр. 268—поясняется извѣстный анекдотъ, что Цезарь усмиривъ взбунтовавшійся легіонъ, обозвавъ его *Quirites* (т. е. „гг. мирные граждане“, „штафирки“), а не обычнымъ *commilitones* („братья по оружію“); не понявъ соли анекдота, авторъ поясняетъ: „званіе римскаго *гражданина* было почетное, сопряженное съ различными *правами*“, и такимъ образомъ по его объясненію Цезарь говоритъ „комплиментъ“...

стр. 361 „у древнихъ грековъ *импазіей* называлось *публичное мѣсто*“ (!) и др.

На *стр. 3 № 2* невѣрна подпись подъ монетой: на монетѣ не *Римъ*, а *Романо*, т. е. сокращенное *Romanorum* („римская“ монета).

На *стр. 273*—изображенъ Цезарь, сидящій въ театрѣ или циркѣ, а подписано „Цезарь на ораторской трибунѣ“.

Впрочемъ рисунки вообще удовлетворительны: многіе изъ нихъ взяты изъ русскаго перевода Вегнеровскаго „Рима“, изданнаго той же фирмой.

И. Холодникъ.

Сухая перегонка листовныхъ породъ дерева. Практическое руководство для кустарей. Состав. *И. Штафинскій*. Изд. *К. П. Тихомирова*. Москва. 1906 г. 137 стр. 76 черт. въ текстѣ. Таблицы для опредѣленія крѣпости древеснаго спирта. Цѣна 30 коп.

Лѣсная технологія въ своихъ простѣйшихъ производствахъ вполнѣ доступна для крестьянъ, и, въ частности, сухая перегонка дерева, при мало-мальски удовлетворительной технической постановкѣ, можетъ считаться одной изъ прибыльныхъ отраслей сельско-хозяйственной промышленности.

Русская популярная техническая литература имѣетъ по этому вопросу уже нѣсколько весьма толковыхъ дешевенькихъ книжекъ (гг. Тумскій, Батуевъ, Альмедингенъ и др.). Г. Штафинскій изложилъ очень понятнымъ и яснымъ языкомъ сухую перегонку исключительно листовныхъ породъ дерева.

¹⁾ *Стр. 79*—зданіе съ колоннадой...

Отъ книжекъ аналогическаго содержанія брошюра г. Штафинскаго отличается тѣмъ, что она снабжена практическими свѣдѣніями по строительному и механическому дѣлу, что, конечно, поднимаетъ значеніе труда автора. Нельзя не признать, что г. Штафинскій выражаетъ правильную мысль о необходимости ввести въ программу низшихъ химико-техническихъ училищъ строительное искусство.

Кустарю-технику оно необходимо, такъ какъ ему приходится самому налаживать всѣ заводскія приспособленія.

Чертежи въ книжкѣ г. Штафинскаго сдѣланы очень ясно, въ описаніи приведены необходимые размѣры; все это даетъ возможность читателю извлечь изъ рассматриваемой книжки практическія полезныя свѣдѣнія.

Мы думаемъ, что „Сухая перегонка“ заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны тѣхъ земствъ, которые оказываютъ содѣйствіе кустарной промышленности. Книжка г. Штафинскаго принесетъ несомнѣнную пользу кустарямъ-смолокурамъ.

А. А.—шъ.

*И. Бирбаумъ и В. Губертъ. Краткая систематическая грамматика французскаго языка. Пересмотрѣтъ и приспособилъ для русскихъ учебныхъ заведеній В. И. Людельшвабъ. Рига 1906. Изд. К. Г. Зихмана. Стр. VII—156. Цѣна 50 к. безъ пер.

Изъ всѣхъ составителей грамматикъ, чуть не одни гг. Бирбаумъ и Губертъ держатся правильнаго взгляда на два весьма существенные пункта, а именно, фонетику и глаголь. Они рѣшили въ своемъ учебникѣ выбросить за бортъ средневѣковые схоластическіе приемы, все еще упорно удерживающіеся повсюду при изложеніи, между прочимъ, фонетики и спряженія. Они понимаютъ (а этого почти никто не понимаетъ), что каждый изъ звуковъ *A, E, O, Ö*¹⁾ можетъ быть открытымъ или закрытымъ, и что всякій гласный звукъ можетъ, кромѣ того, быть краткимъ или долгимъ. Не довольствуясь пустымъ заявленіемъ, что „il y a trois sortes d' *e*, *e muet*, *e fermé* et *e ouvert*“, они понимаютъ, что, между тѣмъ, какъ въ *E* открытомъ и закрытомъ слѣдуетъ признать два оттѣнка одного и того же звука *E*, за то такъ называемое *e muet* (*Ö*) по существу такъ же отличается отъ этого *E*, какъ отъ какого-нибудь другого, *A* или *O*, являясь при томъ совершенно тождественнымъ съ звукомъ группы *eu*.

¹⁾ Этими *Ö* изображается вообще звукъ, пишущійся по французски *eu* (какъ то, въ *heureux*) или *e* (*le, me, de...*).

Это очень хорошо, и можно приветствовать эту попытку наконецъ сообразоваться съ дѣйствительностью. При этомъ, однако, сказанное на стр. 1 вызываетъ слѣдующія замѣчанія:

Опредѣленіе, *впрочемъ бесполезное* (какъ всѣ опредѣленія грамматики), открытости и закрытости гласныхъ—невѣрно, чтобы не сказать, что оно ничего не значитъ: можно при одинаковомъ раскрытіи губъ произносить безразлично *A* (или любой звукъ) открытымъ или закрытымъ.

Тутъ же напрасно говорится, что „всѣ гласные, за исключеніемъ... *A* (открытаго или закрытаго), могутъ быть долгими или короткими“: это исключеніе звука *A* (открытаго или закрытаго)—несправедливо. Изъ приводимыхъ авторами примѣровъ видно, что будто бы *A* открытый бываетъ только короткимъ: между тѣмъ, *A* открытый бываетъ и долгимъ. Напримѣръ, всѣ окончанія на *r* звучатъ протяжно, не исключая звука *A* (открытаго), какъ-то *cigare, trottoir*, и пр. Конецъ словъ, пишущихся на—*age*, тоже, какъ-то: *passage, bagage, équipage*. Найдутся, можетъ быть, кромѣ этихъ двухъ категорій случаевъ, и отдѣльные случаи звука *A* открытаго долгаго, но, какъ бы то ни было, важно обратить вниманіе русскаго учащагося на вышеприведенныя двѣ категоріи случаевъ, такъ какъ тѣ же окончанія по-русски произносятся коротко: сравни русское и французское произношенія словъ, *тrotуаръ, пассажъ, багажъ*, и *trottoir, passage, bagage* помимо даже оттѣнка конечной согласной.

Слово *rague* напрасно относится авторами къ числу словъ, въ которыхъ *A*—закрыто. Оно открыто.

На стр. 9-ой, § 4, сущность дифтонговъ замѣчательно хорошо понята и изложена, но почему говорится, что второй элементъ дифтонга „носитъ тоническое удареніе“? Вѣрно только то, что этотъ элементъ въ *восходящихъ дифтонахъ* звучитъ какъ гласный звукъ, образующій слогъ: но онъ можетъ и не носить ударенія. Въ приводимомъ авторомъ словѣ *diable*, напр., правда, второй элементъ *A* дифтонга *ia* носитъ удареніе, но въ словѣ *diabolique*, тотъ же дифтонгъ, въ остальномъ не измѣненный ни въ чемъ, носитъ не большее удареніе, чѣмъ слогъ—*bo*.

Относительно глагола авторы не считаются съ общепринятымъ дѣленіемъ такъ называемыхъ неправильныхъ глаголовъ на 4 спряженія. И вполнѣ справедливо. Спряженій можно дѣйствительно признать четыре по-латыни соответственно, между прочимъ, съ окончаніемъ неопредѣленнаго склоненія: въ ихъ рамки, совершенно произвольно и на-

сильственно, средневѣковые грамматики ухитрились втѣснить и французскіе глаголы, спряженіе которыхъ, однако, не соответствуетъ окончанію неопредѣленнаго наклоненія. Авторы тутъ спрягаютъ одинъ глаголъ на—er, одинъ на—ir (finir), и этимъ ограничиваются у нихъ „образцы“ спряженій. Это совсѣмъ правильно. Затѣмъ всѣ остальные глаголы рассматриваются отдѣльно на стр. 43—59. Только не совсѣмъ понятно распредѣленіе ихъ: чуть не для каждого глагола устанавливается отдѣльная категорія (1, 2, 3... 23). Лучше было бы, кажется, если не принимать алфавитнаго порядка, держаться классификаціи, основанной, какъ предложена профессоромъ Clédat, на окончаніяхъ passé défini и прошедшаго причастія, а именно:

I. Прошедшее причастіе на—и; passé défini: 1) на—ut, 2) на—it.

II. Прочія прошедшія причастія, и passé défini на—it, съ подраздѣленіями по окончанію прошедшаго причастія (Clédat, *Grammaire classique*, стр. 286, изд. 1896 г.).

Этимъ исчерпываются достоинства разбираемой книжки. Во всемъ остальномъ она очень походитъ на любую другую грамматику, загроможденную безъ разбора всякими наблюденіями и правилами, болѣе или менѣе твердо установленными, болѣе или менѣе цѣлесообразно формулированными, но далеко не всегда удобопримѣнными.

На стр. 11 что практичнаго даютъ на счетъ рода существительныхъ указанія въ родѣ слѣдующаго: „d) женскаго рода—большое число односложныхъ словъ, какъ-то: ..., и многія другія“.

Совершенно такъ же можно было бы утверждать, что и многія односложныя слова мужскаго рода. Это-то, впрочемъ, сами авторы и дѣлаютъ по поводу географическихъ собственныхъ именъ:

„e) женскаго рода — нѣкоторыя названія городовъ, странъ, горъ и рѣкъ: l'ancienne Jérusalem, la Franche-Comté, etc., а подъ e°, b) мужскаго рода — нѣкоторыя названія странъ, городовъ и рѣкъ: Le Havre, le Saïre, и пр.“.

Далѣе: „изъ существительныхъ на—e, мужскія, между прочимъ, слѣдующія: c) le groupe, un incendie, ...le règne, и пр.“.

Такія данныя не подлежатъ, конечно, заучиванію, а для наведенія справокъ онѣ неудобны, въ виду неполноты перечней. Значить, дидактическая ихъ польза является сомнительной.

Стр. 28. Списокъ глаголовъ, принимающихъ исключительно вспомогательный être,—тоже не полонъ. Между тѣмъ, тутъ полныя и точныя указанія—необходимы и вполнѣ возможны.

Въ первыхъ двухъ частяхъ, а именно въ фонетикѣ и въ морфо-

логи, такіе пробѣлы и нецѣлесообразности — немногочисленны. Но въ синтаксисѣ имѣется, какъ обыкновенно, очень много лишняго и даже несообразнаго.

Emploi des temps. — § 1. Изъ пяти упоминаемыхъ употребленій наст. вр. одно только заслуживаетъ вниманія, а именно 4-ое (употребленіе наст. вр. послѣ *si* вмѣсто будущаго), такъ какъ всѣ прочія являются общими русскому и французскому языкамъ.

§ 2. Изъ шести употребленій *imparfait* только два, а именно 5-ое и 6-ое заслуживаютъ вниманія. Прочее, хотя нельзя сказать, что не вѣрно, но врядъ ли цѣлесообразно. Для пониманія любого французскаго текста достаточно знать, что *imparfait* имѣетъ значеніе несовершеннаго вида, за исключеніемъ случаевъ 5-го и 6-го. А для правильнаго употребленія времени самимъ учащимся, данныя тутъ указанія не помогутъ: мало того, чтобы знать, что *imparfait* „отвѣчаетъ на вопросъ *qu'est-ce qui était?*“, такъ какъ этотъ вопросъ предполагаетъ уже, что должно въ данномъ случаѣ употребляться *imparfait*. Затѣмъ тотъ фактъ, что (подъ 2) *imparfait* обозначаетъ привычку или обычай въ прошедшемъ, ничего не значить для русскаго учащагося, такъ какъ по французски обычай и повтореніе дѣйствія выражаются и другими временами. Напр.: *я занимался каждый день въ прошлую зиму* говорится не только *je travaillais tous les jours l'hiver passé*, но также и: *j'ai travaillé tous les jours l'hiver passé*.

§ 3. *Passé défini*.—Никакихъ правилъ не нужно объ этомъ времени: для пониманія при чтеніи оно, какъ и вообще другія времена, не подаетъ повода затрудненіямъ, а для употребленія его всякія представленія лишни по той простой причинѣ, что самому учащемуся *никогда въ жизни* не придется пользоваться имъ за исключеніемъ, конечно, *искусственныхъ упражненій, нарочно составленныхъ въ виду учебныхъ цѣлей*.

Къ тому же, фразы, въ родѣ приводимыхъ авторами: „*Nous suspendimes notre promenade et attendimes le retour d'Arthur*“, „*nous remontrâmes une vieille femme*“, попадаются только въ рѣдкихъ книгахъ, изложеніе которыхъ ведется на 1-мъ лицѣ *passé défini*, что дѣлаетъ ихъ весьма тяжелыми для чтенія. Въ жизни же *никто* такъ не говоритъ, и *никому* такъ не приходится писать!

§ 4. *Passé indéfini*.—О немъ разумно и цѣлесообразно только одно: а именно, это то прошедшее, черезъ которое всѣ, кромѣ лицъ, составляющихъ книги, должны выражать русскій совершенный видъ, по крайней мѣрѣ, изъ ста разъ девяносто пять. Въ прочихъ пяти

случаяхъ употребляется *plus-que-parfait* (§ 5), большей частью въ зависимости отъ правила согласованія временъ.

§ 6.—О *passé antérieur* можно только сказать то же, что о *passé défini*: до употребленій его нѣтъ дѣла учащимся. Въ частности, сказанное тутъ внизу стр. 68 и нав. стр. 70—не вѣрно и опасно:

„Вообще, ставить *passé antérieur* послѣ союзовъ *après que, aussitôt que, lorsque, quand,...*“. Конечно нѣтъ! Какъ понять „ставить“: случается, что ставить, или обязательно ставить? Опасность тутъ въ томъ, что на основаніи этого „правила“ учащійся подумаетъ, что послѣ названныхъ союзовъ ему можно употреблять *passé antérieur*; между тѣмъ какъ ему нельзя ни въ коемъ случаѣ, за исключеніемъ опять-таки искусственныхъ упражненій, нарочно составленныхъ въ виду учебныхъ цѣлей.

Здѣсь очень кстати было бы заговорить о вполне правильныхъ и весьма употребительныхъ оборотахъ въ родѣ слѣдующаго: *Quand j'ai eu fini, je suis parti*. Но такіе обороты принадлежатъ живому разговорному языку, и, можетъ быть, по этой причинѣ никто изъ гг. грамматиковъ ихъ еще не удостоилъ своего вниманія.

Дальше слѣдуетъ согласованіе временъ (*Concordance des temps*).

Изъ всѣхъ соотвѣтствующихъ правилъ два слѣдуетъ считать главными, а именно тѣ, которыя можно изобразить слѣдующими примѣрами.

- 1) { *je crois qu'il est malade,*
je croyais (j'ai cru,...) qu'il était malade.
- 2) { *je crois qu'il viendra,*
je croyais (j'ai cru....) qu'il viendrait.

А въ разсматриваемой грамматикѣ эти два простыхъ правила утонули среди указаній, изложенныхъ на стр. 71, которыхъ, хотя они не совсѣмъ вѣрны, нельзя считать явно невѣрными, и главный недостатокъ которыхъ, въ педагогическомъ отношеніи, заключается въ слѣдующемъ: въ нихъ не разобрать лицу не свѣдущему.

Первое, здѣсь изложенное правило, гласить:

„Если глаголь главнаго предложенія—въ наст. вр. или въ будущемъ, то глаголь придаточнаго предложенія долженъ быть въ настоящемъ, въ *passé indéfini* или въ будущемъ“.

А въ *imparfait* нельзя? И въ *plus-que-parfait*? Нельзя ли и въ *futur antérieur* и въ *conditionnel* и въ *conditionnel passé*? Нельзя ли наконецъ (въ книжномъ языкѣ) и въ *passé défini*? То-есть, собственно въ любомъ времени?

На этотъ счетъ, конечно, и у самихъ авторовъ книжки нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, вопреки ихъ „правилу“ въ правильности всѣхъ нижеслѣдующихъ фразъ:

on dit (говорятъ) qu'elle ne se plaignait pas
 on dit (говорятъ) qu'elle ne s'était pas plainte
 on dit (говорятъ) qu'elle ne se sera pas plainte
 on dit (говорятъ) qu'elle ne se plaindrait pas
 on dit (говорятъ) qu'elle ne se serait pas plainte
 on dit (говорятъ) qu'elle ne se plainnit pas.

Причемъ, всѣ эти обороты отнюдь не представляютъ собою чего-нибудь исключительнаго, а принадлежать къ числу самыхъ обычныхъ и самыхъ употребительныхъ. Какъ же, на самомъ дѣлѣ, сказать по французски, между прочимъ: „говорятъ, что она бы не жаловалась“, если не: „on dit qu'elle ne se plaindrait pas“ или „on dit qu'elle ne se serait pas plainte“!

Правило 2 на стр. 71 содержитъ въ себѣ, если выкинуть изъ него ненужное, тѣ два существенныхъ правила, которыя мы выше отъ себя приводили. А именно: въ придаточномъ предложеніи, и то при извѣстныхъ условіяхъ, не можетъ быть ни настоящаго времени, ни будущаго времени, какъ самаго глагола, такъ и вспомогательнаго, когда въ главномъ предложеніи глаголъ стоитъ въ одномъ изъ прошедшихъ временъ.

Почему, изъ числа временъ, обуславливающихъ примѣненіе этого правила, авторы исключили *passé indéfini* („sauf le *passé indéfini*“), — не совсѣмъ понятно. Правда, правило 3 посвящается отдѣльно этому *passé indéfini*, при чемъ допускается тутъ послѣ него и настоящее время (но настоящее время было бы тогда возможно только при той же оговоркѣ, что и послѣ *imparfait*), а исключается условное время, которое, однако, вполне возможно: развѣ нельзя:

on a dit qu'elle ne se plaindrait pas.

Почему, наконецъ, въ число временъ, обуславливающихъ примѣненіе того же правила 2, авторы включили условное? Развѣ не правильны фразы:

on dirait qu'elle ne se plaint pas.

При видѣ мѣстъ въ родѣ нижеуказаннаго, можно вообще подумать, что синтаксисъ—искусство осложнять вещи, сами по себѣ простыя: на стр. 97, на верху, дѣло касается безобиднаго, казалось бы, вопроса о согласованіи глагола съ подлежащимъ.

„Нужно говорить:

La maladie ou la paresse est la cause de son malheur.

Но:

La paresse ou le vice sont la cause de son malheur.

Также:

Ni la maladie ni la paresse n'est la cause de son malheur.

Однако:

Ni la paresse ni le vice ne sont la cause de son malheur“.

За симъ слѣдуетъ, увы! правило.

Въ разсмотрѣнномъ учебникѣ есть очень много хорошаго, въ особенности же, есть все, что нужно (если только пополнить списокъ, касающійся вспомогательнаго *être*): есть даже и нѣкоторыя необходимыя указанія, находящіяся вообще только въ рѣдкихъ грамматикахъ (какъ-то относительно *pronoms interrogatifs* и, какъ было сказано, фонетики и морфологии глагола).

Досадно, что, вмѣсто того, чтобы представить только необходимое, при томъ въ простомъ и сжатомъ видѣ, авторы напичкали свое сочиненіе всѣмъ, что только можно найти, не исключая и всѣхъ, касающихся синтаксиса, схоластическихъ мудростей и несообразностей.

А. Ларендъ.

**J. Bastin. Précis de phonétique et rôle de l'accent latin dans les verbes français. Deuxième édition. Paris et St-Petersbourg. 1906. Pp. 226. Prix 5 fr. 2) Его-же. LES VOYELLES LATINES dans leur passage comme sons en français. St-Petersbourg. 1906. Pp. 23. Prix 30 cop.*

1) *Précis de phonétique* начинается съ разъясненія, стр. 1—23, общихъ понятій, основныхъ въ французской фонетикѣ, какъ-то: латинское тоническое удареніе и его перемѣщенія въ народной и нижней латыни, сохраненіе его при образованіи французскаго языка, тоническія гласныя *libres* и *entravées*, долгія и краткія гласныя, и пр. За этими предварительными свѣдѣніями слѣдуетъ, на стр. 23 — 26, систематическая таблица нормальныхъ преобразованій гласныхъ при переходѣ латинскихъ словъ въ французскія, а такъ какъ установленныя здѣсь фонетическія нормы подверглись вліянію многочисленныхъ факторовъ, не только фонетическаго же характера, но и постороннихъ, какъ-то, аналогій, орфографіи, и даже искусственнаго противодѣйствія грамматиковъ, то приходится разсмотрѣть, на стр. 26—60, для каждой гласной въ отдѣльности, множество, какъ частныхъ случаевъ,

такъ и установившихся въ связи съ морфологіей (спряженіе) или словопроизводствомъ (суффиксы и пр.) категорій случаевъ. Дальше, на стр. 60 — 101, ведется подобный же разборъ согласныхъ. Въ дополнение, нѣкоторые изъ болѣе частыхъ случаевъ перемѣненій и чередованій буквъ или звуковъ систематизируются въ краткихъ замѣткахъ, на стр. 101—104, посвященныхъ явленіямъ, называемымъ *mé-tathèse*, *aphérèse* и *prosthèse*.

Примѣнительно и дополнительно къ изложеннымъ въ разобранной до сихъ поръ части сочиненія фонетическимъ правиламъ, осталось бы слѣдить за проявленіями ихъ по всему составу французскаго языка и по всѣмъ періодамъ его исторіи, путемъ послѣдовательнаго и систематическаго разсмотрѣнія, какъ съ чисто фонетической, такъ и съ исторической точки зрѣнія, всѣхъ вопросовъ морфологіи (склоненіе и спряженіе), лексикологіи (словопроизводство и пр.) и синтаксиса. Дальше, однако, авторъ ограничивается, въ этомъ отношеніи, разсмотрѣніемъ только такъ называемыхъ неправильныхъ глаголовъ, въ отдѣлѣ (стр. 105—195), озаглавленномъ *Rôle de l'accent latin dans les verbes*. Это отдѣльное заглавіе упоминается еще и въ общемъ заглавіи сочиненія: *Précis de phonétique et rôle de l'accent latin dans les verbes français*, но было бы ошибочно смотрѣть на книжку, на основаніи такого двойнаго названія, какъ на сопоставленіе двухъ сочиненій, хотя и касающихся фонетики, но независимыхъ другъ отъ друга, такъ какъ тутъ, какъ видно изъ только-что сказаннаго, имѣется на самомъ дѣлѣ трактатъ фонетики, въ которомъ, изъ всей общепринятой грамматической части, удерживается въ отдѣльномъ видѣ только самое важное въ практическомъ отношеніи, а именно, касающееся глагола.

Дѣло въ томъ, что авторъ, очевидно, предназначаетъ свой трудъ для учащихся и лучшихъ учащихся среднихъ учебныхъ заведеній, а потому и считаетъ возможнымъ не стѣсняться, въ случаѣ надобности, жертвовать, въ интересахъ намѣченной педагогической цѣли, полнотой и систематичностью строго научнаго изложенія. Онъ не посвящаетъ, напримѣръ, морфологіи, лексикологіи и синтаксису, между прочимъ, столько же отдѣльныхъ главъ, но зато, при самомъ изложеніи фонетики, онъ отводитъ мимоходомъ широкое мѣсто вопросамъ орфографіи, произношенія, синтаксиса, и вообще нигдѣ не пренебрегаетъ тѣми морфологическими, лексикологическими или синтаксическими соображеніями, которыя онъ считаетъ полезными, или сами по себѣ, или для освѣщенія фонетическихъ явленій. Однимъ словомъ,

въ этомъ трудѣ почтенный ученый и педагогъ не гнался за ученостью, а старался представить сложные факты французской фонетики въ самомъ удобопонятномъ видѣ для читателя не специалиста.

По существу же, одно имя автора, уже давно пользующагося, какъ лингвистъ, обще-европейской извѣстностью, равно какъ и многолѣтняя его педагогическая дѣятельность, могутъ послужить ручательствомъ, какъ въ научныхъ достоинствахъ сочиненія, такъ и въ удачности приноровленія изложенія столь специального предмета къ степени развитія и къ складу ума воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Книжка снабжена полнымъ алфавитнымъ указателемъ, на стр. 207—220, всѣхъ разсмотрѣнныхъ словъ, дѣляющимъ ее весьма удобной какъ справочную книгу, а также и 3-мя небольшими приложениями, заключающими въ себѣ, кромѣ детальныхъ прибавленій, оговорокъ и исправленій, указаніе очень, впрочемъ, немногочисленныхъ опечатокъ, и расположенными, на стр. 197—205, подъ названіемъ *Remarques, corrections, additions*, на нумерованной, сейчасъ послѣ оглавленія (стр. 221—226) страницъ, подъ названіемъ *Autres additions et corrections*, и наконецъ, на 3-хъ нумерованныхъ же страницахъ впереди заглавнаго листа, подъ названіемъ *Corrections, remarques*.

Передъ такимъ огромнымъ и, по отношенію, между прочимъ, къ выработкѣ матеріала, оригинальнымъ трудомъ, безукоризненнымъ, кромѣ того, съ типографской стороны, можно только недоумѣвать, чему больше удивляться, или неутомимой умственной дѣятельности маститаго труженнаго, задумавшаго и исполнившаго подобную работу на 80-омъ году жизни (два года тому назадъ), и сумѣвшаго еще, черезъ два года, какъ увидимъ ниже, сдѣлать большую часть ея доступной, благодаря искусной передѣлкѣ, чуть не всей учащейся молодежи, или весьма завидной физической бодрости, позволявшей ему, въ этомъ преклонномъ возрастѣ, личный просмотръ столь мелочной и кропотливой корректуры.

2) Первые 60 страницъ *Précis de phonétique*, содержащія въ себѣ, кромѣ общихъ предварительныхъ свѣдѣній, самую суть фонетики, а именно фонетику гласныхъ, авторъ резюмировалъ и передѣлалъ въ брошюрку въ 23 страницы, озаглавленную *Les Voyelles latines dans leur passage comme sons en français*.

Изъ прежняго матеріала осталось здѣсь только самое существенное: обильные списки примѣровъ были сокращены, и вообще, всѣ соображенія, не имѣвшія непосредственнаго отношенія къ современному

французскому языку, а представляющія чисто историческій интересъ, были удалены, при чемъ, однако, авторъ часто отсылаетъ читателя на полное Précis de phonétique. Такимъ образомъ, на первыхъ 4-хъ страницахъ (стр. 3—6), умѣщается конспектъ занимающихъ въ той книгѣ стр. 1—23 общихъ свѣдѣній, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ-то о перемѣщеніяхъ тонического ударенія, отнесены къ концу брошюрки (стр. 20—23), подъ заглавіемъ Remarques. Таблицы гласныхъ нѣтъ, а матеріалъ ея былъ положенъ въ основаніе отдѣльныхъ статей, посвященныхъ каждой гласной (стр. 6 — 20) и замѣняющихъ собою подробное изложеніе стр. 23—60 основного сочиненія.

Въ такомъ упрощенномъ и сжатомъ видѣ фонетика гласныхъ будетъ несомнѣнно доступна всякому ученику среднихъ учебныхъ заведеній, удовлетворительно успѣвающему по-латыни.

А. Ларондъ.

КУРСЫ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

(II-й годъ).

Съ 5-го по 25-е іюня въ С.-Петербургскомъ университетѣ состоятся курсы для учителей и учительницъ средней школы. Курсы будутъ состоять: 1) изъ научныхъ лекцій; 2) бесѣдъ по педагогическимъ вопросамъ; 3) практическихъ занятій по физикѣ, химіи и естествознанію.

Выразили согласіе читать слѣдующіе профессора и преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній:

I. По физико-математическимъ наукамъ:

- И. И. Борманъ*—Взаимодѣйствіе между эфиромъ и матеріей (4 лекціи).
А. Л. Гершунъ—Эволюція оптическихъ инструментовъ (8 лекцій).
Н. М. Книповичъ—Теченія Ледовитаго Океана (2—4 лекціи).
В. Л. Комаровъ—Біологія (4 лекціи).
В. К. Лебединскій—Теорія энергіи (4 лекціи).
Ф. Ю. Левинсонъ-Лессинъ—Геологія (2—4 лекціи).
М. Н. Римскій-Корсаковъ—Способы размноженія насѣкомыхъ (4 лекціи).
А. В. Сапожниковъ—Краткій курсъ химіи (8 лекцій).
Ф. Е. Туръ—Физиологія (4 лекціи).
В. М. Шимкевичъ—Размноженіе животныхъ (4 лекціи). Математика (8 лекцій).

II. По гуманитарнымъ наукамъ:

- М. В. Бернцкій*—Исторія политической экономіи (8 лекцій).
И. А. Бодуэнъ-де-Куртенеъ—Языковѣдѣніе (4 лекціи).

Р. Ю. Винбергъ—О преподаваніи исторіи (2 лекціи).

М. М. Ковалевскій—Русское государственное право (2 лекціи).

П. А. Котлярскій—Очеркъ главнѣйшихъ направленій въ русской литературѣ за первую половину XIX вѣка.

Н. П. Павловъ-Сильванскій—Феодализмъ и община въ средневѣковой Руси (4 лекціи).

Д. М. Пструшевскій—Нѣкоторые моменты эволюціи европейскаго феодализма (8 лекцій).

П. Н. Сакулъ—Основные моменты эволюціи литературы въ Россіи (6 лекцій).

Б. А. Тураевъ—Расы древняго Востока (4 лекціи).

Л. Я. Штейнбергъ—Развитіе первобытной религіи (4 лекціи).

Лекціи по обомъ отдѣламъ будутъ читаться утромъ и днемъ и въ большинствѣ случаевъ не будутъ совпадать.

По вечерамъ будутъ происходить лекціи и бесѣды по постановкѣ отдѣльныхъ предметовъ преподаванія въ средней школѣ. Такъ какъ опытъ прошлаго года показалъ, что веденіе бесѣдъ методическаго характера не совсѣмъ цѣлесообразно безъ предварительной разработки вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на курсахъ, то коммиссія по организаціи курсовъ сочла себя въ правѣ и даже обязанной предложить рядъ вопросовъ, вовсе не считая ихъ исчерпывающими весь матеріалъ и не считая ихъ единственно обязательными для бесѣдъ. Коммиссіей напечатаны 1) *вопросники* по слѣдующимъ предметамъ: географіи, естествознанію, иностраннымъ языкамъ, исторіи, математикѣ, русскому языку, ручному труду и физикѣ; 2) *программа* доклада о школьномъ домостроительствѣ и домоустройствѣ. Готовится небольшая *педагогическая выставка* по географіи, естествознанію, исторіи, математикѣ, русскому языку, ручному труду и пр.

Практическія занятія будутъ имѣть мѣсто по физикѣ, химіи, естествознанію. Ихъ руководителями пока согласились быть *К. К. Баумартъ*, *А. И. Тудоровскій* (физика), *В. Н. Верховскій*, *Н. Н. Соколовъ* (химія) и др.

Вопросники высылаются за три 7 коп. марки. Плата за весь циклъ курсовъ—15 руб. Запись на отдѣльные предметы не принимается. Записываться необходимо заблаговременно, при чемъ покорнѣе просить точно отмѣчать свою спеціальность. По примѣру прошлаго года приняты мѣры къ устройству льготнаго помѣщенія; число вакансій на льготное помѣщеніе—ограничено. Запись принимается въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Обществѣ, Отдѣлѣ средней школы (С.-Пб., Чернышевъ пер. д. 16, кв. 34). Билеты на право посѣщенія курсовъ не высылаются, но выдаются лишь по пріѣздѣ въ Петербургъ. Канцелярія курсовъ (тамъ же) открыта 15, 16, 18, 21, 23, 28, 29, 30 мая отъ 4 до 6 час. веч., 1—5 іюня отъ 10 до 12 ч.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1906 ГОДУ.

Настоящій отчетъ, составленный по образцу отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости, бывшихъ въ 1894—1905 годахъ, подобно имъ распадается на двѣ главныя части: въ первой показаны результаты испытаній, произведенныхъ ученикамъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, при чемъ первыя отдѣлены отъ вторыхъ, а во второй—результаты испытаній, произведенныхъ постороннимъ лицамъ. Въ заключительной (третьей) части отчета сдѣланъ общій сводъ всѣхъ числовыхъ данныхъ, касающихся испытаній зрѣлости отчетнаго года, и приведены данныя относительно возраста молодыхъ людей, признанныхъ зрѣлыми на этихъ испытаніяхъ, равно какъ и относительно того рода дальнѣйшей дѣятельности, который они избрали; сдѣланъ сравнительный обзоръ результатовъ испытаній зрѣлости за время съ 1901 по 1906 годъ.

I.

1. Въ 1906 году испытанія зрѣлости были произведены въ 217-ти ¹⁾ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, въ которыхъ состояло учениковъ VIII класса 6.747.

¹⁾ Сравнительно съ предыдущимъ годомъ число правительственныхъ гимназій увеличилось на 9 учебныхъ заведеній и кромѣ того былъ первый выпускъ въ частной гимназій Валькера (Кіевскій округъ). 9 правительственныхъ гимназій, въ которыхъ въ отчетномъ году были первые выпуски, распределяются по округамъ слѣдующимъ образомъ: въ Московскомъ 3, въ Харьковскомъ 1, въ Виленскомъ 1, въ

Изъ Приамурскаго края свѣдѣній не имѣется.

Распределеіе учебныхъ заведеній и учениковъ VIII класса по учебнымъ заведеніямъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Учебные округа.	Число учеб- ныхъ заве- деній.	Число уче- никовъ VIII класса.
Московский	35 ¹⁾	1.030
С.-Петербургскій	30 ²⁾	1.220
Одесскій	25	766
Кіевскій	24 ³⁾	826
Варшавскій	22	255
Харьковскій	21	653
Кавказскій	12	602
Віленскій	12	360
Казанскій	10	372
Рижскій	10	259
Оренбургскій	5	126
Западно-Сибирскій	4	117
Восточная Сибирь	4	93
Туркестанскій край	3	68
Всего	217	6.747

Изъ общаго числа учениковъ VIII класса состояло:

въ 206 правительственныхъ гимназіяхъ	6.469 (95,9%)
„ 5 церковныхъ училищахъ	109 (1,6%)
„ 6 частныхъ гимназіяхъ	169. (2,5%)

Варшавскомъ 2 и въ округѣ Восточной Сибири 2 (одна изъ нихъ числилась прежде въ Приамурскомъ округѣ, а именно Читинская).

¹⁾ Правительственныхъ гимназій—32, считая въ этомъ числѣ и гимназическое отдѣленіе Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ и Александровскій дворянскій институтъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; 1 училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла и 2 частныя гимназіи (Креймана и Поливанова) въ Москвѣ.

²⁾ Правительственныхъ гимназій—23, считая въ этомъ числѣ и гимназію Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ; 4 училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій (св. Петра, св. Анны, св. Екатерины и при реформатскихъ церквахъ) и 3 частныя гимназіи (Гуревича, Мая и Видемана) въ С.-Петербургѣ.

³⁾ Правительственныхъ гимназій—23; 1 частная гимназія Г. А. Валькера.

По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ VIII класса увеличилось въ правительственныхъ гимназіяхъ на 395 человекъ, въ частныхъ гимназіяхъ на 82 человекъ, въ церковныхъ училищахъ на 18 человекъ; въ общемъ оно увеличилось на 495 человекъ.

Наибольшее число учениковъ VIII класса было въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа: въ среднемъ 50,1 на одну гимназію, а наименьшее въ гимназіяхъ Варшавскаго округа: въ среднемъ 11,6 на одну гимназію; остальные округа по среднему числу учениковъ VIII класса на одну гимназію слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: С.-Петербургскій—38,1, Казанскій—37,2, Московскій—36,4, Кіевскій—32,8, Харьковскій—31,1, Одесскій—30,6, Виленскій—30,0, Западно-Сибирскій—29,2, Рижскій—25,9, Оренбургскій—25,2, Восточная Сибирь—23,2, Туркестанскій край—22,7.

2. Изъ 6.469 учениковъ, находящихся въ VIII классѣ правительственныхъ гимназій, къ испытаніямъ зрѣлости не были допущены 42 (0,6%) по малоуспѣшности въ ученіи за послѣднее время пребыванія въ гимназіи и 2 (0,03%) по нравственной незрѣлости. Сравнивая числовыя данныя, касающіяся недопущенныхъ по первой изъ этихъ причинъ къ испытаніямъ зрѣлости учениковъ правительственныхъ гимназій, мы видимъ, что, не считая Казанскаго, Оренбургскаго, Одесскаго, Западно-Сибирскаго округовъ и Туркестанскаго края, въ которыхъ не было ни одного случая недопущенія къ испытаніямъ по малоуспѣшности, въ наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ были С.-Петербургскій и Варшавскій округа, для которыхъ процентное отношеніе числа недопущенныхъ къ испытаніямъ по этой причинѣ къ общему числу учениковъ VIII класса выражается для каждаго числомъ 0,4; для Московскаго—0,5, Харьковскаго—0,5, Кавказскаго—0,5, Виленскаго—0,8, Восточной Сибири—1,0, Кіевскаго—2,1, Рижскаго—2,3.

По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ, не допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости по малоуспѣшности, уменьшилось на 25 человекъ, или на 0,5%. Кроме того, испытаніе зрѣлости отсрочено на одинъ годъ 25 ученикамъ по болѣзни. Всего было устранено отъ испытаній по разнымъ причинамъ 69 учениковъ правительственныхъ гимназій, что составляетъ 1,1% всего числа учениковъ, бывшихъ въ VIII классѣ (на 1,4% меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году).

Въ частныхъ гимназіяхъ были устранены отъ испытаній зрѣлости по малоуспѣшности въ ученіи 16 учениковъ (9,4%). По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ этихъ учебныхъ заведеній,

не допущенныхъ къ испытаніямъ вслѣдствіе малоуспѣшности, увеличилось на 14 (или 7,1%). Такое сильное увеличеніе произошло вслѣдствіе того, что въ Кіевской частной гимназіи Г. А. Валькера, въ которой былъ первый выпускъ, не допущено 15 человекъ (21,1%). Въ церковныхъ училищахъ всѣ ученики были допущены къ испытаніямъ.

Сводя эти числовыя данныя вмѣстѣ, получимъ общій итогъ учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи, устранившихся по разнымъ причинамъ отъ испытаній зрѣлости въ отчетномъ году:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	69	(1,1%)
„ церковныхъ училищахъ	—	—
„ частныхъ гимназіяхъ	17	(10,1%)
<hr/>		
Всего	86 ¹⁾	(1,3%)

Исключая это число изъ общаго числа учениковъ VIII класса, получимъ слѣдующія данныя, показывающія число учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости въ отчетномъ году и подвергавшихся имъ:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	6.400	(98,9%)
„ церковныхъ училищахъ	109	(100,0%)
„ частныхъ гимназіяхъ	152	(89,9%)
<hr/>		
Всего	6.661 ²⁾	(98,7%)

3. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали эти испытанія и получили аттестаты зрѣлости 6.308 (98,6%), считая въ этомъ числѣ и тѣхъ 12 учениковъ (4 въ С.-Петербургскомъ, 1 въ Московскомъ, 1 въ Оренбургскомъ, 3 въ Одесскомъ, 1 въ Рижскомъ и 2 въ Кавказскомъ учебныхъ округахъ), которымъ, въ виду ихъ болѣзненнаго состоянія, съ особаго разрѣшенія высшаго начальства, были выданы аттестаты зрѣлости безъ испытаній. Наилучшіе результаты дали испытанія, произведенныя въ гимназіяхъ Казанскаго и Оренбургскаго учебныхъ

¹⁾ По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ учениковъ VIII класса, устранившихся отъ испытаній, уменьшился; въ 1905 году такихъ учениковъ было 160 (2,6%).

²⁾ Въ это число вошло 12 учениковъ, не выдержавшихъ экзаменовъ, но получившихъ аттестаты.

округовъ и въ Туркестанскомъ краѣ, въ которыхъ всѣ допущенные къ испытаніямъ выдержали ихъ успѣшно (100%). Что же касается остальныхъ округовъ, то порядокъ ихъ, опредѣляемый процентнымъ отношеніемъ числа учениковъ, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, къ общему числу учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ, слѣдующій: Одесскій (99,6), Кавказскій (99,5), Харьковскій (98,8), Московскій (98,5), С.-Петербургскій (98,4), Рижскій (98,4), Восточная Сибирь (97,9), Кіевскій (97,7), Западно-Сибирскій (97,4), Варшавскій (96,4), Виленскій (96,0).

Если же взять отношеніе числа учениковъ, успѣшно выдержавшихъ испытанія, къ общему числу учениковъ правительственныхъ гимназій въ каждомъ отдѣльномъ округѣ, то окажется, что наибольшее число аттестатовъ зрѣлости было выдано гимназіями Кавказскаго учебнаго округа—49,6 на одну гимназію; порядокъ остальныхъ округовъ слѣдующій: Казанскій (37,2), С.-Петербургскій (37,1), Московскій (35,6), Кіевскій (31,1), Харьковскій (30,5), Одесскій (30,2), Виленскій (28,5), Западно-Сибирскій (28,2), Рижскій (24,9), Оренбургскій (24,8), Туркестанскій край (22,7), Восточная Сибирь (22,5), Варшавскій (11,1), а въ общемъ, по отношенію ко всей Имперіи, приходится на одну гимназію 30,6 аттестата зрѣлости. Въ прошломъ году въ среднемъ на одну правительственную гимназію приходилось 29,6 аттестатовъ, т. е. менѣе на 1 аттестатъ. Что касается въ отдѣльности каждаго округа, то увеличеніе числа выданныхъ аттестатовъ въ среднемъ на одну гимназію произошло въ слѣдующихъ округахъ: Западно-Сибирскомъ (5,9), Одесскомъ (5,4), Рижскомъ (4,0), Кавказскомъ (3,9), Казанскомъ (3,3), С.-Петербургскомъ (3,0), Туркестанскомъ краѣ (2,4), Оренбургскомъ (1,8) и Варшавскомъ (1,5), уменьшеніе же въ Восточной Сибири (11,5), Виленскомъ (5,3), Кіевскомъ (2,8), Московскомъ (0,9) и Харьковскомъ (0,4). По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ, въ которомъ изъ 5.920 учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали ихъ 5.826 или 98,4%, результаты испытаній отчетнаго года нѣсколько лучше, такъ какъ процентъ выдержавшихъ испытанія повысился на 0,2%.

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости 107 (98,1%). Процентъ выдержавшихъ испытанія учениковъ въ церковныхъ училищахъ понизился въ сравненіи съ прошлымъ годомъ на 1,9%.

Что же касается учениковъ частныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ, то выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости 143

(94,1%). Сравнительно съ прошлымъ годомъ процентъ выдержавшихъ сильно понижился, а именно на 5,9. Вліяніе на это пониженіе имѣла частная Г. А. Валькера гимназія, въ которой не выдержало испытаній 9 человекъ или 16,4% для этой гимназіи.

Общій итогъ учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, слѣдующій:

въ правительственныхъ гимназіяхъ . . .	6.308
„ церковныхъ училищахъ	107
„ частныхъ гимназіяхъ	143
<hr/>	
Всего	6.558

что составляетъ 98,5% всего числа учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости. Въ прошломъ году этотъ процентъ былъ тотъ же самый, такъ какъ изъ 6.092 учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости 5.998.

4. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, выдержавшихъ испытанія зрѣлости, были награждены медалями: золотыми—416, серебряными—661, всего 1.077 учениковъ (17,1%). По отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ округамъ процентъ учениковъ, награжденных медалями, слѣдующій: С.-Петербургскій—22,1, Казанскій—19,9, Харьковскій—19,9, Одесскій—18,5, Кіевскій—17,8, Туркестанскій край—17,7, Виленскій—17,5, Рижскій—16,9, Московскій—15,5, Западно-Сибирскій—13,3, Варшавскій—12,5, Оренбургскій—11,3, Кавказскій—10,7, Восточная Сибирь—6,7.

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій этого отличія были удостоены: въ первыхъ 18 (16,8%), во вторыхъ 22 (15,4%), всего 40 учениковъ, изъ которыхъ 11 получили золотыя, а 29—серебряныя медали.

Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи въ отчетномъ году учениковъ, награжденных медалями, было:

	Золотыми.	Серебряными.	Всего.
въ правительственныхъ гимназіяхъ	416	661	1.077
„ церковныхъ училищахъ . . .	4	14	18
„ частныхъ гимназіяхъ	7	15	22
<hr/>			
Всего	427	690	1.117(17,1%)

Въ отчетномъ году процентъ учениковъ, награжденныхъ медалями, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, повысился, какъ въ общемъ выводѣ для всѣхъ учебныхъ заведеній (былъ 16,3), такъ и для правительственныхъ гимназій (былъ 16,3), и для частныхъ гимназій (былъ 10,6). Для церковныхъ училищъ этотъ процентъ понизился (былъ 18,4).

5. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, не выдержали этихъ испытаній 92 (1,4%). Наибольшій процентъ невыдержавшихъ испытаній учениковъ приходится на Виленскій учебный округъ (4,0%), а наименьшій — на Казанскій и Оренбургскій округи и на Туркестанскій край, гдѣ всѣ ученики, допущенные къ экзаменамъ, ихъ выдержали. Что же касается остальныхъ округовъ, то порядокъ ихъ, опредѣляемый процентнымъ отношеніемъ числа учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ, слѣдующій: Одесскій (0,4), Кавказскій (0,5), Харьковскій (1,2), Московскій (1,5), С.-Петербургскій (1,6), Рижскій (1,6), Киевскій (2,3), Восточная Сибирь (2,1), Западно-Сибирскій (2,6), Варшавскій (3,6).

По сравненію съ предыдущимъ годомъ, процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ правительственныхъ гимназій въ общемъ понизился на 0,2. Что же касается каждаго округа въ отдѣльности, то процентъ повысился въ Варшавскомъ, Виленскомъ, Западно-Сибирскомъ, Киевскомъ, Московскомъ и въ С.-Петербургскомъ; понизился въ Восточной Сибири, Кавказскомъ, Казанскомъ, Одесскомъ, Рижскомъ, Харьковскомъ округахъ и Туркестанскомъ краѣ. Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ второй годъ всѣ ученики, допущенные къ испытаніямъ, выдержали ихъ успѣшно.

Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ всѣми 92 учениками правительственныхъ гимназій, не выдержавшими испытаній зрѣлости, доходитъ до 187, изъ которыхъ 103 (55,1%) были получены на письменныхъ испытаніяхъ, а остальные 84 (44,9%) — на устныхъ испытаніяхъ.

Наибольшее число такихъ отмѣтокъ приходится на математику, по которой было получено неудовлетворительныхъ отмѣтокъ 99 (60 на письменныхъ и 39 на устныхъ испытаніяхъ); затѣмъ слѣдуютъ предметы: русскій языкъ—53 (43 на письменныхъ и 10 на устныхъ испытаніяхъ), латинскій языкъ—17, исторія—15, новые языки—2 и греческій языкъ—1.

По сравненію съ предыдущимъ годомъ, общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ увеличилось въ общемъ на 28, при чемъ по

нѣкоторымъ предметамъ испытанія, какъ по математикѣ, оно увеличилось на 28, по русскому языку на 9, по латинскому языку на 3, по исторіи на 1; по остальнымъ предметамъ уменьшилось, а именно по греческому языку на 8, по новымъ языкамъ на 3 и по Закону Божию на 2. Если же взять среднее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ учениками правительственныхъ гимназій въ каждомъ округѣ, то окажется, что наибольшее число такихъ отмѣтокъ было получено въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ которомъ на каждого изъ 14 учениковъ, не выдержавшихъ испытаній, приходится по 3,8 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ. Порядокъ остальныхъ округовъ, расположенныхъ по степени уменьшенія средняго числа неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, слѣдующій: Кавказскій (3,3), Харьковскій (2,5), Кіевскій (2,1), Московскій (1,7), Рижскій (1,5), Одесскій (1,3), Виленскій (1,2), Варшавскій (1,0), Западно-Сибирскій (1,0), Восточная Сибирь (1,0). Въ Казанскомъ и Оренбургскомъ учебныхъ округахъ и въ Туркестанскомъ краѣ не было получено ни одной неудовлетворительной отмѣтки на испытаніяхъ.

Въ частныхъ гимназіяхъ 9 учениковъ, допущенные къ испытаніямъ зрѣлости, получили 10 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, т. е. по 1,1 на каждого. Въ церковныхъ училищахъ 2-мя учениками, не выдержавшими испытаній, было получено 7 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, по 3,5 на каждого.

Общій итогъ не выдержавшихъ испытаній зрѣлости учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній слѣдующій:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	92
„ церковныхъ училищахъ	2
„ частныхъ гимназіяхъ	9
<hr/>	
Всего	103

что составляетъ 1,5% всего числа учениковъ, допущенныхъ къ испытанію зрѣлости ¹⁾).

6. Если къ этому числу прибавить выше показанное число учениковъ VIII класса, устраненныхъ по разнымъ причинамъ отъ испытаній зрѣлости, то получится сумма, показывающая общее число уче-

¹⁾ Въ отчетномъ году процентъ учениковъ, не выдержавшихъ испытаній зрѣлости, остался тотъ же, что и въ предыдущемъ году, въ которомъ изъ 6.092 учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, не выдержало 94 (1,5%).

никовъ, которые были лишены возможности поступить въ отчетномъ году въ высшія учебныя заведенія, вслѣдствіе неполученія аттестатовъ зрѣлости. Такихъ учениковъ было:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	161	(2,5%)
„ церковныхъ училищахъ	2	(1,9%)
„ частныхъ гимназіяхъ	26	(15,4%)

Всего 189

что составляетъ 2,8% всего числа учениковъ, находившихся въ VIII классѣ предъ началомъ испытаній.

Изъ этого числа выбыли со свидѣтельствами (на основаніи § 80 прав. объ испыт.):

въ правительственныхъ гимназіяхъ	27	
„ церковныхъ училищахъ	1	
„ частныхъ гимназіяхъ	26	
		54

остались на 2-й годъ въ VIII классѣ:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	134	
„ церковныхъ училищахъ	1	
„ частныхъ гимназіяхъ	—	
		135

Всего 189

II.

Постороннихъ лицъ, заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости въ 1906 году, было 2.110 (сравнительно съ предыдущимъ годомъ на 538 человекъ болѣе). Распределеніе ихъ по учебнымъ округамъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Кіевскій	434	(20,6%)
Одесскій	322	(15,2%)
С.-Петербургскій	310	(14,7%)
Кавказскій	198	(9,4%)
Московскій	184	(8,7%)
Харьковскій	164	(7,8%)
Казанскій	150	(7,1%)

Варшавскій	115 (5,4%)
Рижскій	66 (3,1%)
Виленскій	59 (2,8%)
Западно-Сибирскій	55 (2,6%)
Восточная Сибирь	19 (0,9%)
Туркестанскій край	18 (0,9%)
Оренбургскій	16 (0,8%)

Всего . . . 2.110

Изъ нихъ не были допущены къ испытаніямъ на основаніи § 51 правилъ объ испытаніяхъ: по п. а—30, по п. б—5, по п. в—10, по п. г—43, всего 88 человекъ. Кромѣ того, не явились къ испытаніямъ: по болѣзни—5 и по неизвѣстнымъ причинамъ—38, всего 43 человека. Такимъ образомъ, изъ всего числа постороннихъ лицъ, заявившихъ желаніе подвергнуться въ отчетномъ году испытаніямъ зрѣлости, были устранены или добровольно отказались отъ нихъ 131 человекъ (6,2%), (въ прошломъ году 184 или 11,7%), а въ дѣйствительности подвергались имъ 1.979 (93,8%).

Изъ нихъ выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости 1.273 человекъ,—что составляетъ 64,3% всего числа постороннихъ абитуриентовъ, подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости (по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 4,9% болѣе).

Наибольшій процентъ выдержавшихъ испытанія приходится на Западно-Сибирскій округъ (84,9%), остальные округа располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Восточная Сибирь (77,8%), Кавказскій (75,3%), Одесскій (74,3%), Харьковскій (70,0%), Московскій (67,4%), С.-Петербургскій (66,9%), Туркестанскій край (66,7%), Казанскій (65,3%), Оренбургскій (62,5%), Виленскій (57,4%), Варшавскій (56,4%), Киевскій (47,6%), Рижскій (43,5%).

Не выдержали испытаній зрѣлости изъ числа постороннихъ абитуриентовъ 706 человекъ (35,7%—по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 4,9% меньше). По отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ округамъ процентъ не выдержавшихъ испытаній постороннихъ лицъ слѣдующій: Рижскій—56,5, Киевскій—52,4, Варшавскій—43,6, Виленскій—42,6, Оренбургскій—37,5, Казанскій—34,7, Туркестанскій край—33,3, С.-Петербургскій—33,1, Московскій—32,6, Харьковскій—30,0, Одесскій—25,7, Кавказскій—24,7, Восточная Сибирь—22,2, Западно-Сибирскій—15,1.

Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ всѣми

706 посторонними абитуриентами, не выдержавшими испытаній, было 1.017, изъ которыхъ большая часть—60,4% (614 отм.) была получена на письменныхъ испытаніяхъ, остальные—39,6% (403 отм.)—на устныхъ испытаніяхъ. Наиболье неудовлительными оказались посторонніе абитуриенты по русскому языку, по которому было получено ими всего 400 неудовлительныхъ отмѣтокъ (332 на письменныхъ и 68 на устныхъ испытаніяхъ); затѣмъ слѣдуютъ предметы: русскій языкъ—384 такихъ отмѣтки (282 на письменныхъ и 102 на устныхъ испытаніяхъ), латинскій языкъ—68, физика и математическая географія—54, исторія—39, логика—39, географія—14, новыя иностранныя языки—8, Законъ Божій—8, греческій языкъ—3. По сравненію съ предыдущимъ годомъ общее число неудовлительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ посторонними абитуриентами, уменьшившись на 0,1% въ среднемъ выводѣ на каждого изъ не выдержавшихъ испытаній (былъ 1,5), увеличилось какъ въ общемъ итогѣ (на 134), такъ и по отношенію къ слѣдующимъ предметамъ испытанія: по русскому языку на 107, по математикѣ на 75, по латинскому языку на 14, по логикѣ на 7, по географіи на 5, по греческому же языку, исторіи, физикѣ и по новымъ языкамъ число неудовлительныхъ отмѣтокъ уменьшилось для перваго на 44 отм., для второй на 15, для третьей на 10 и для четвертыхъ на 5, количество же неудовлительныхъ отмѣтокъ по Закону Божию осталось безъ измѣненія. Если же взять среднее число неудовлительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ посторонними абитуриентами въ каждомъ отдѣльномъ округѣ, то окажется, что хуже остальныхъ были подготовлены къ испытаніямъ посторонніе абитуриенты въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ, въ которомъ на каждое лицо, которое не выдержало испытаній, приходится по 2,2 неудовлительныхъ отмѣтки. Затѣмъ слѣдуютъ посторонніе абитуриенты С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ которомъ въ среднемъ на каждого, не выдержавшаго испытаній, приходится 1,7 отмѣтки, Казанскаго 1,7 отм., Московскаго 1,6 отм., Кавказскаго 1,6 отм., Туркестанскаго края 1,5 отм., Одесскаго 1,4 отм., Виленскаго 1,4 отм., Западно-Сибирскаго 1,4 отм., Киевскаго 1,3 отм., Варшавскаго 1,3 отм., Восточной Сибири 1,2 отм., Харьковскаго 1,2 отм., Рижскаго 1,1 отм.

III.

Въ заключеніи представимъ сводъ всѣхъ числовыхъ данныхъ, касающихся испытаній зрѣлости 1906 года.

1) Предъ началомъ испытаній состояло учениковъ VIII класса:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	6.469
„ церковныхъ училищахъ	109
„ частныхъ гимназіяхъ	169
	<hr/>
	6.747

Подано прошеній о допущеніи къ испытаніямъ

зрѣлости посторонними лицами 2.110

 Всего было абитуриентовъ въ отчетномъ году 8.857

2) Къ испытаніямъ не были допущены или добровольно отказались отъ нихъ:

ученики правительственныхъ гимназій	69
„ церковныхъ училищъ	—
„ частныхъ гимназій	17
	<hr/>
	86
постороннія лица	131

 Всего было устранено отъ испытаній по
 разнымъ причинамъ 217 (2,4%)

3) Подвергались испытаніямъ:

ученики правительственныхъ гимназій	6.400
„ церковныхъ училищъ	109
„ частныхъ гимназій	152
	<hr/>
	6.661
постороннія лица	1.979

 Всего подвергалось испытаніямъ 8.640 (97,6%)

4) Не выдержали испытаній:

ученики правительственныхъ гимназій	92
„ церковныхъ училищъ	2
„ частныхъ гимназій	9
	<hr/>
	103
постороннія лица	706

 Всего не выдержало испытаній 809 (9,3%)

5) Выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости:

ученики правительственныхъ гимназій	6.308 ¹⁾
„ церковныхъ училищъ	107
„ частныхъ гимназій	143
	6.558
постороннія лица	1.273
	7.831 (90,7%)
Всего выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости было	

Сопоставляя результаты испытаній зрѣлости отчетнаго года съ результатами предшествовавшаго года, поскольку они выражаются числовыми данными, мы можемъ сдѣлать слѣдующее заключеніе: такъ какъ въ отчетномъ году процентъ не выдержавшихъ испытаній увеличился (9,3% вмѣсто 8,8%), а процентъ выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости уменьшился (90,7% вмѣсто 91,2%), то результаты испытаній зрѣлости 1906 года въ общемъ должны быть признаны менѣе благоприятными, чѣмъ въ 1905 году, въ частности же по отношенію къ правительственнымъ гимназіямъ болѣе благоприятными, такъ какъ процентъ выдержавшихъ экзамены въ этихъ гимназіяхъ на 0,2 увеличился (былъ 98,4%).

Если же взять для сравненія не одинъ предшествовавшій годъ, а все предшествовавшее пятилѣтіе, то, какъ видно изъ приложенной къ отчету сводной вѣдомости (№ 5), отчетный годъ, въ отношеніи количества абитуриентовъ (учениковъ VIII класса и постороннихъ лицъ), которые подвергались испытаніямъ на аттестатъ зрѣлости, превосходить всѣ предшествовавшіе годы, при чемъ 1901 годъ на 3.515 человекъ, 1902 годъ на 2.869 человекъ, 1903 годъ на 1.825 человекъ, 1904 годъ на 913 человекъ и 1905 годъ на 1.033 человекъ ²⁾. Въ отношеніи количества абитуриентовъ, которые выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости, отчетный годъ превосходить всѣ предшествовавшіе годы, а именно: 1901 годъ

¹⁾ Въ томъ числѣ 12 учениковъ, экзаменовъ не державшихъ, но аттестаты получившихъ: 4 въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ (двое въ 3-й С.-Петербургской гимназій и двое въ 7-й С.-Петербургской), 3 въ Одесскомъ учебномъ округѣ (въ Симферопольской гимназій), 2 въ Кавказскомъ учебномъ округѣ (въ Тифлисской 3-й гимназій), 1 въ Московскомъ учебномъ округѣ (въ Тульской гимназій), 1 въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ (въ Екатеринбургской гимназій) и 1 въ Рижскомъ учебномъ округѣ (въ Рижской гимназій).

²⁾ Въ 1901 г.—5.342, въ 1902 г.—5.988, въ 1903 г.—7.032, въ 1904 г.—7.944, въ 1905 г.—7.824, въ 1906 г.—8.857.

на 3.017 человекъ, 1902 годъ на 2.531 человекъ, 1903 годъ на 1.798 человекъ, 1904 годъ на 1.202 человекъ и 1905 годъ на 1.008 человекъ ¹⁾).

Въ качественномъ отношеніи по конечнымъ результатамъ испытаній, произведенныхъ ученикамъ VIII класса и постороннимъ лицамъ, отчетный годъ стоитъ выше 1903 и 1904 года и ниже 1901, 1902 и 1905 годовъ истекшаго пятилѣтія ²⁾).

Процентъ же учениковъ правительственныхъ гимназій, которые выдержали испытанія и получили аттестаты зрѣлости, превосходить размѣръ средняго процента за всѣ предыдущія пять лѣтъ ³⁾).

Для остальныхъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, отчетный годъ можетъ быть названъ менѣе благоприятнымъ, такъ какъ произведенныя въ нихъ испытанія зрѣлости дали результаты, которые уступаютъ предшествовавшимъ пяти годамъ, и процентъ учениковъ какъ церковныхъ училищъ, такъ и частныхъ гимназій, выдержавшихъ въ отчетномъ году испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, ниже размѣра средняго процента за предыдущія пять лѣтъ ⁴⁾).

Въ общемъ же выводѣ для всѣхъ учебныхъ заведеній результаты испытаній зрѣлости отчетнаго года должны быть признаны болѣе благоприятными, такъ какъ процентъ учениковъ, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, превосходить размѣръ средняго процента за истекшее пятилѣтіе на 1,8 и выше каждаго въ отдѣльности предшествовавшаго года за исключеніемъ 1905, въ которомъ процентъ одинаковъ ⁵⁾. Что же касается испытаній зрѣлости, произведенныхъ въ отчетномъ году постороннимъ лицамъ, то и въ этомъ отношеніи испытанія дали болѣе удовлетворительные результаты; процентъ тѣхъ изъ постороннихъ лицъ, которые выдержали

¹⁾ Въ 1901 г.—4.814, въ 1902 г.—5.300, въ 1903 г.—6.033, въ 1904 г.—6.629, въ 1905 г.—6.823, въ 1906 г.—7.831.

²⁾ Въ 1901 г.—93,3%, въ 1902 г.—91,1%, въ 1903 г.—89,5%, въ 1904 г.—87,9%, въ 1905 г.—91,2%, въ 1906 г.—90,7%.

³⁾ Въ 1901 г.—97,6%, въ 1902 г.—98,0%, въ 1903 г.—96,6%, въ 1904 г.—94,9%, въ 1905 г.—98,4%, въ 1906 г.—98,6%.

⁴⁾ Въ церковныхъ училищахъ: въ 1901 г.—100%, въ 1902 г.—97,8%, въ 1903 г.—100%, въ 1904 г.—100%, въ 1905 г.—100%, въ 1906 г.—98,1%; въ частныхъ гимназіяхъ: въ 1901 г.—98,8%, въ 1902 г.—99%, въ 1903 г.—98,9%, въ 1904 г.—100%, въ 1905 г.—100%, въ 1906 г.—94,1%.

⁵⁾ Въ 1901 г.—97,7%, въ 1902 г.—98,0%, въ 1903 г.—96,7%, въ 1904 г.—95,1%, въ 1905 г.—98,5%, въ 1906 г.—98,5%.

испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости, превышаетъ размѣръ средняго процента за всѣ предыдущія пять лѣтъ на 10,8%, изъ чего слѣдуетъ, что въ отчетномъ году степень подготовки постороннихъ лицъ была сравнительно болѣе значительна; процентъ выдержавшихъ испытанія ¹⁾ и получившихъ свидѣтельства зрѣлости выше процента не выдержавшихъ этихъ испытаній на 28,6%.

Разсматривая возрастъ молодыхъ людей, удостоенныхъ аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости въ отчетномъ году, видно изъ приложенной къ отчету вѣдомости № 3, что наименьшее число тѣхъ изъ нихъ, которые обучались въ правительственныхъ гимназіяхъ, приходится на 17-лѣтній возрастъ, а наибольшее — на 19-лѣтній: первыхъ было 285 (4,4%), вторыхъ—1.820 (28,9%), въ частныхъ гимназіяхъ въ возрастѣ 17-ти лѣтъ было 9 молодыхъ людей; наибольшее же число пришлось на возрастъ 21 и болѣе лѣтъ — 45 (31,5%); въ церковныхъ же училищахъ наименьшее число изъ окончившихъ курсъ было въ возрастѣ 21 года и болѣе, а наибольшее въ возрастѣ 18 лѣтъ: первыхъ было всего 8 (8,4%), вторыхъ—34 (31,8%). Изъ постороннихъ абитуриентовъ наибольшій процентъ приходится на молодыхъ людей, имѣвшихъ 21 и болѣе лѣтъ: такихъ было всего 695 (54,6%), а наименьшій — на имѣвшихъ 17 лѣтъ: такихъ было 64 (5,0%). Распределеніе по возрасту всѣхъ абитуриентовъ, получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости, показано въ слѣдующей таблицѣ:

Возрастъ.	Правительств. гимназіи.	Церковныя училища.	Частныя гимназіи.	Постороннія лица.	Всего.
17 лѣтъ . .	285(4,52%)	12(11,2%)	9(6,3%)	64(5,0%)	370(4,72%)
18 " . .	1.454(23,06%)	34(31,8%)	27(18,9%)	118(9,2%)	1.633(20,85%)
19 " . .	1.820(28,85%)	29(27,1%)	33(23,0%)	197(15,5%)	2.079(26,55%)
20 " . .	1.423(22,56%)	23(21,5%)	24(21,3%)	199(15,7%)	1.674(21,38%)
21 и болѣе лѣтъ.	1.823(29,97%)	9(8,4%)	45(31,5%)	695(54,6%)	2.072(26,46%)
Неизв. возраст.	3(0,05%)	—	—	—	3(0,04%)
<hr/>					
Всего	6.308	— 107	— 143	— 1.273	— 7.831

Распределеніе абитуриентовъ 1906 года, получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости, по избранной ими специальности, показано въ приложенной къ отчету вѣдомости № 4.

¹⁾ Въ 1901 г.—56,4%, въ 1902 г.—50,2%, въ 1903 г.—50,8%, въ 1904 г.—59,4%, въ 1905 г.—64,3%.

Большинство ихъ выразило намѣреніе продолжать научное образованіе въ университетахъ	5.956 (76,06%)
Въ высшія спеціальныя заведенія желали поступить	1.592 (20,33%)
Предполагали посвятить себя практической дѣя- тельности	201 (2,57%)
Не дали свѣдѣній объ избранной спеціальности .	82 (1,04%)
<hr/>	
Всего	7.831

Въ 1-й группѣ большинство принадлежитъ тѣмъ молодымъ лю-
дямъ, которые пожелади поступить на медицинскіе факультеты уни-
верситетовъ (считая вмѣстѣ и военно-медицинскую академію).

	% по отноше- нію ко всемъ учащимся.	% по отноше- нію къ данной группѣ.
Таковыхъ было	1.892 (24,16%)	(31,76%)
Остальные выбрали факультеты:		
Юридическій	1.857 (23,71%)	(31,18%)
Физико-математическій	1.593 (20,34%)	(26,75%)
Историко-филологическій (считая вмѣ- стѣ съ тѣмъ и историко-филологическіе институты)	499 (6,37%)	(8,38%)
Восточныхъ языковъ	92 (1,18%)	(1,54%)
Богословскій	23 (0,30%)	(0,39%)
<hr/>		5.956

Во 2-й группѣ по числу заявленій учебныя заведенія распола-
гаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Технологическіе институты	626 (8,00%)	(39,32%)
Политехническіе институты	216 (2,76%)	(13,56%)
Институтъ инженеровъ путей сообщенія и Московское инженерное училище .	173 (2,21%)	(10,87%)
Военныя училища	101 (1,29%)	(6,34%)
Земледѣльческія академіи и сельско-хозяй- ственные институты	87 (1,11%)	(5,47%)
Горный институтъ и Екатеринославское высшее горное училище	82 (1,05%)	(5,15%)
Институтъ гражданскихъ инженеровъ . .	81 (1,03%)	(5,09%)

Лѣсной институтъ	76 (0,97%)	(4,77%)
Заграничныя учебныя заведенія	38 (0,48%)	(2,39%)
Электро-техническій институтъ	25 (0,32%)	(1,57%)
Техническія училища	20 (0,25%)	(1,26%)
Академія художествъ	16 (0,20%)	(1,01%)
Морское инженерное училище	13 (0,17%)	(0,82%)
Духовныя академіи	11 (0,13%)	(0,69%)
Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ	8 (0,10%)	(0,50%)
Училище правовѣдѣнія	5 (0,07%)	(0,31%)
Драматическіе курсы и консерваторія. .	5 (0,07%)	(0,31%)
Ветеринарныя институты	4 (0,05%)	(0,25%)
Межевой институтъ	2 (0,03%)	(0,13%)
Александровскій лицей	2 (0,03%)	(0,13%)
Римско-католическія семинаріи	1 (0,01%)	(0,06%)
	<hr/>	1.592

Изъ молодыхъ людей 3-й группы пожелали поступить:

Въ военную службу	117 (1,49%)	(58,21%)
Въ гражданскую службу	20 (0,25%)	(9,95%)
Избрали частную дѣятельность:		
Коммерческую	27 (0,34%)	(13,43%)
Учебную	21 (0,27%)	(10,45%)
Сельско-хозяйственную	15 (0,19%)	(7,46%)
Мануфактурную	1 (0,03%)	(0,50%)
	<hr/>	201

Не дали свѣдѣній объ избранной спе-
ціальности

82 (1,04%)

82

7.831

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію и получивших

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число предъ- началомъ испытанія.	Устранены отъ испытаній.					Всего.	Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости.
		Во допущены къ испытаніямъ.			Отгорочено испыта- ние по болѣзни.	Всего.			
		По мало- успѣшности.	По нравственной незрѣлости.	По неважной причинѣ					
У ч е п л е к и VII									
<i>С.-Петербургскій.</i>									
23 правительств. гимн.	877	4 (0,4%)	—	—	5	9 (1,0%)	868 (99,0%)	854 (98,4%)	
4 церковныхъ учил.	89	—	—	—	—	—	89(100,0%)	88 (98,9%)	
3 частныхъ гимназій.	64	1 (1,6%)	—	—	—	1 (1,6%)	63 (98,4%)	63(100,0%)	
30 Всего	1030	5 (0,5%)	—	—	5	10 (1,0%)	1020 (99,0%)	1006 (98,5%)	
<i>Московскій.</i>									
32 правительств. гимн.	1166	5 (0,5%)	—	—	5	10 (1,0%)	1156 (99,0%)	1139 (98,5%)	
1 церковное училище.	20	—	—	—	—	—	20(100,0%)	19 (95,0%)	
2 частныхъ гимназій.	34	—	—	—	—	—	34(100,0%)	34(100,0%)	
35 Всего	1220	5 (0,5%)	—	—	5	10 (1,0%)	1210 (99,0%)	1192 (98,5%)	
<i>Казанскій.</i>									
10 правительств. гимн.	372	—	—	—	—	—	372(100,0%)	372(100,0%)	
<i>Оренбургскій.</i>									
5 правительств. гимн.	126	—	—	—	2	2 (1,6%)	124 (98,4%)	124(100,0%)	
<i>Харьковскій.</i>									
21 правительств. гимн.	653	3 (0,5%)	—	—	2	5 (0,8%)	648 (99,2%)	640 (98,8%)	
<i>Одесскій.</i>									
25 правительств. гимн.	766	—	—	—	—	—	766(100,0%)	763 (99,6%)	
<i>Кіевскій.</i>									
23 правительств. гимн.	755	16 (2,1%)	1	—	6	23 (3,0%)	732 (97,0%)	715 (97,7%)	
1 частн. гим. Валькера	71	15(21,1%)	1	—	—	16(22,5%)	55 (77,5%)	46 (83,6%)	
24 Всего	826	31 (3,9%)	2	—	6	39 (4,7%)	787 (95,3%)	761 (96,7%)	

ШНХЪ АТТЕСТАТЫ И СВИДѢТЕЛЬСТВА ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1906 ГОДУ.

Среднее число на одно учебное заведеніе.	Класса.			Постороннія лица.										Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости.
	Награжд. медалями.			Подали прошенія.	Устранены отъ испытаній.						Всего.				
	Золотым.	Серебряным.	Всего (п процентное отношеніе къ общему числу удостоенныхъ аттест.).		Не допущены къ испытаніямъ.			Не явились къ испытаніямъ.							
					На основаніи § 51 правилъ.	Въ связи съ отсутствіемъ мѣста.	По болѣзни.	По неизвѣстн. причинамъ.							
			а.	б.	в.	г.									
37,1	68	121	189 (22,1%)	309	10	—	—	2	—	2	3	17 (5,5%)	292 (94,5%)	195 (66,5%)	
22,0	4	12	16 (18,2%)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (100,0%)	1(100,0%)	
21,0	7	11	18 (28,6%)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
33,5	79	144	223 (22,2%)	310	10	—	—	2	—	2	3	17 (5,5%)	293 (94,5%)	196 (66,1%)	
35,6	74	103	177 (15,5%)	184	—	—	—	—	—	—	—	—	184(100,0%)	124 (67,4%)	
19,0	—	2	2 (10,5%)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
17,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
34,1	74	105	179 (15,0%)	184	—	—	—	—	—	—	—	—	184(100,0%)	124 (67,4%)	
37,2	40	34	74 (19,9%)	150	—	—	—	—	—	—	—	—	150(100,0%)	98 (65,3%)	
24,8	5	9	14 (11,3%)	16	—	—	—	—	—	—	—	—	16(100,0%)	10 (62,5%)	
30,5	44	83	127 (19,9%)	164	—	—	—	5	—	1	16	22(13,4%)	142 (86,6%)	100 (70,0%)	
30,2	49	92	141 (18,5%)	322	—	—	—	10	—	—	5	15 (4,7%)	307 (95,3%)	228 (74,3%)	
31,1	55	72	127 (17,8%)	434	16	5	10	15	—	—	10	56(12,9%)	378 (87,1%)	180 (47,6%)	
46,0	—	4	4 (8,7%)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
30,8	55	76	131 (17,2%)	434	16	5	10	15	—	—	10	56(12,9%)	378 (87,1%)	180 (47,6%)	

2*

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	У ч е н и к и VIII							
	Общее число прѣзъ начальноу испытаній.	Устранены отъ испытаній.					Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости.
		Не допущены къ испытаніямъ.			Отсрочено испытаніе по болѣзни.	Всего.		
		По мало-успѣшности.	По нравственной неурядности.	По неадекватной причинѣ.				
<i>Вилнискій.</i>								
12 правительствъ. гимн.	360	3 (0,8%)	—	—	3	6 (1,7%)	354 (98,3%)	342 (96,0%)
<i>Варшавскій.</i>								
22 правительствъ. гимн.	255	1 (0,4%)	1	—	—	2 (0,8%)	253 (99,2%)	244 (96,4%)
<i>Рижскій.</i>								
10 правительствъ. гимн.	259	6 (2,3%)	—	—	—	6 (2,3%)	253 (97,7%)	249 (98,4%)
<i>Кавкаскій.</i>								
12 правительствъ. гимн.	602	3 (0,5%)	—	—	1	4 (0,7%)	598 (99,3%)	596 (99,5%)
<i>Западно-Сибирскій.</i>								
4 правительствъ. гимн.	117	—	—	—	1	1 (0,9%)	116 (99,1%)	113 (97,4%)
<i>Восточная Сибирь.</i>								
4 правительствъ. гимн.	93	1 (1,0%)	—	—	—	1 (1,0%)	92 (99,0%)	90 (97,9%)
<i>Туркестанскій край.</i>								
3 правительствъ. гимн.	68	—	—	—	—	—	68(100,0%)	68(100,0%)
Итого:								
Во всѣхъ 206 прав. гимн.	6469	42 (0,6%)	2	—	25	69 (1,1%)	6400 (98,9%)	6308 (98,6%)
" " 5 перк. уч.	109	—	—	—	—	—	109(100,0%)	107 (98,1%)
" " 6 част. гимн.	169	16 (9,4%)	1	—	—	17(10,1%)	152 (89,9%)	143 (94,1%)
Всего:								
Во всѣхъ (217) учебныхъ заведеніяхъ	6747	58 (0,8%)	3	—	25	86 (1,3%)	6661 (98,7%)	6558 (98,5%)

Классъ.				Постороннія лица.											
Среднее число на одно учебное заведение.	Награжд. медалями.			Поданы прошения.	Устранены отъ испытаній.						Всего.	Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и получили свидетельства зрѣлости.		
	Золотыя.	Серебряныя.	Всего (и процентное отношеніе къ общему числу удостоенныхъ аттест.).		Не допущены къ испытаніямъ.			Не явились къ испытаніямъ.							
					На основаніи § 51 правилъ.	Объ испытаніямъ.	Въ недостаткѣ жѣстк.	По болѣзнь.	По неясности причинъ.						
														а.	б.
28,5	23	36	59 (17,5%)	59	—	—	—	5	—	—	—	—	5 (8,5%)	54 (91,5%)	31(57,4%)
11,1	11	20	31 (12,5%)	115	—	—	—	1	—	2	2	—	5 (4,3%)	110 (95,6%)	62(56,4%)
24,9	6	36	42 (16,9%)	66	4	—	—	—	—	—	—	—	4 (6,0%)	62 (94,0%)	27(43,5%)
49,6	31	32	63 (10,7%)	198	—	—	—	4	—	—	—	—	4 (2,0%)	194 (98,0%)	146(75,3%)
28,2	5	10	15 (13,3%)	55	—	—	—	—	—	—	2	—	2 (3,6%)	53 (96,4%)	45(84,9%)
22,5	2	4	6 (6,7%)	19	—	—	—	1	—	—	—	—	1 (5,3%)	18 (94,7%)	14(77,8%)
22,7	3	9	12 (17,7%)	18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	18(100,0%)	12(66,7%)
30,6	416	661	1077 (17,1%)	2109	30	—	—	5	—	—	38	—	131 (6,2%)	1978 (93,8%)	1272(64,3%)
20,1	4	14	18 (16,8%)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1(100,0%)	1 (100,0%)
23,8	7	15	22 (15,4%)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
30,4	427	690	1117 (17,1%)	2110	30	—	—	5	—	—	38	—	131 (6,2%)	1979 (93,8%)	1273(64,3%)

№ 2. Вѣдомость о не выдержавшихъ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подвергавшихся испытаніямъ.	Общее число не выдержавшихъ испытаній.	Процентное отношеніе по слѣдующимъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ				
				Закону Божію.	Русскому языку.		Математикѣ.	
					Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.
<i>С.-Петербургскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	868	14	1,6	—	11	5	14	11
„ церковныхъ училищъ	89	1	1,1	—	—	—	1	1
„ частныхъ гимназій	63	—	—	—	—	—	—	—
Всего	1020	15	1,5	—	11	5	15	12
Постороннія лица	293	97	33,1	1	49	12	39	24
<i>Московскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	1156	17	1,5	—	7	2	9	6
„ церковнаго училища	20	1	5,0	—	1	—	1	—
„ частныхъ гимназій	34	—	—	—	—	—	—	—
Всего	1210	18	1,5	—	8	2	10	6
Постороннія лица	184	60	32,6	3	23	12	22	12
<i>Казанскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	372	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	150	52	34,7	1	29	5	13	8
<i>Оренбургскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	124	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	16	6	37,5	—	3	2	4	—
<i>Харьковскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	648	8	1,2	—	3	1	12	4
Постороннія лица	142	42	30,0	1	16	3	11	9
<i>Одесскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	766	3	0,4	—	1	—	2	—
Постороннія лица	307	79	25,7	2	36	8	24	5
<i>Кіевскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	732	17	2,3	—	8	—	13	5
„ частной гимназій	55	9	16,4	—	1	4	—	4
Всего	787	26	3,4	—	9	4	13	9
Постороннія лица	378	198	52,4	—	79	8	103	29

испытаній зрѣлости въ 1906 году.

испытаній по отдѣльнымъ предметамъ.							Общее число неудовлетворительныхъ отбѣтокъ.	Изъ числа не выдержавшихъ испытаній и устранившихся отъ нихъ.	
Латинскому языку.	Греческому языку.	Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.		Остался на другой годъ въ VIII класъ.	Выбылъ со свидѣтельствами на основаніи § 80 правилъ объ испытаніяхъ или въслѣдствіе поступленія въ друг. учебн. заведенія.
5	1	—	6	—	—	1	54	19	4
2	—	—	1	—	—	—	5	1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
7	1	—	7	—	—	1	59	20	5
10	—	15	3	2	6	2	163	—	—
3	—	—	2	—	—	—	29	25	2
—	—	—	—	—	—	—	2	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	—	—	2	—	—	—	31	25	3
9	1	8	3	1	4	1	99	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	—	7	7	3	7	2	87	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	2	—
2	—	—	2	—	—	—	13	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	—	3	1	2	—	—	20	13	—
—	—	—	—	—	—	—	51	—	—
1	—	—	—	—	—	—	4	2	1
12	—	8	4	2	6	2	109	—	—
5	—	—	3	—	—	—	35	30	10
1	—	—	—	—	—	—	10	—	25
6	—	—	3	—	—	1	45	30	35
6	1	10	13	2	5	1	257	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУЖ.	Общее число подвергнувшихся испытаніямъ.	Общее число не выдержавшихъ испытаній.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ				
				Закону Божію.	Русскому языку.		Математикѣ.	
					Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.
<i>Виленскій.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	354	12	4,0	—	2	1	1	8
Постороннія лица	54	23	42,6	—	15	3	9	4
<i>Варшавскій.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	253	9	3,6	—	7	—	2	—
Постороннія лица	110	48	43,6	—	36	1	24	—
<i>Рижскій.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	253	4	1,6	—	1	—	1	1
Постороннія лица	62	35	56,5	—	22	2	9	1
<i>Кавказскій.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	598	3	0,5	—	3	1	3	3
Постороннія лица	194	48	24,7	—	19	10	18	7
<i>Западно-Сибирскій.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	116	3	2,6	—	—	—	3	—
Постороннія лица	53	8	15,1	—	4	1	3	3
<i>Восточная Сибирь.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	92	2	2,1	—	—	—	—	1
Постороннія лица	18	4	22,2	—	—	—	1	—
<i>Туркестанскій край.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	68	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	18	6	33,3	—	1	1	2	—
Итого:								
Ученики правительствъ гимназій	6400	92	1,4	—	43	10	60	39
„ церковныхъ училищъ	109	2	1,9	—	1	—	2	1
„ частныхъ гимназій	152	9	5,9	—	1	4	—	4
Всего	6661	103	1,5	—	45	14	62	44
Постороннія лица	1979	706	35,7	8	332	68	282	102
Общій итогъ	8640	809	9,3	8	377	82	344	146

испытаний по отдельным предметам.							Общее число неудовлетво- рительных оценок.	Изъ числа не выдержавших ис- пытаний и устранившихся от них.	
Латинскому языку.	Греческому языку.	Физикъ и математич- еской географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностран- нымъ языкамъ.		Остались на другой годъ въ VIII клас.	Выбыли со сви- дѣтельствами на основаніи § 80 правиль объ испытаніяхъ или вслѣдствіе поступленіи въ друг. учебн. заведенія.
1	—	—	2	—	—	—	15	16	2
—	—	1	1	—	—	—	33	—	—
—	—	—	—	—	—	—	9	8	3
—	—	—	3	—	—	—	64	—	—
2	—	—	1	—	—	—	6	8	2
2	—	—	2	—	2	—	40	—	—
—	—	—	—	—	—	—	10	6	1
13	—	—	—	—	9	—	76	—	—
—	—	—	—	—	—	—	3	3	1
—	—	—	—	—	—	—	11	—	—
—	1	—	1	—	—	—	2	2	1
1	1	—	—	2	—	—	5	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	—	2	—	—	—	—	9	—	—
17	1	—	15	—	—	2	187	134	27
2	—	—	1	—	—	—	7	1	1
1	—	—	—	—	—	—	10	—	26
20	1	—	16	—	—	2	204	135	54
68	3	54	39	14	39	8	1017	—	—
88	4	54	55	14	39	10	1221	135	54

Ж 3. Распределение признанныхъ зрѣлыхъ по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.											
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.		Возрастъ не указаны.	
		Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%
<i>С.-Петербургскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	854	62	7,2	213	24,9	229	26,9	197	23,1	153	17,9	—	—
" церковн. училищъ	88	12	13,6	28	31,8	23	26,1	19	21,6	6	6,9	—	—
" частныхъ гимназій	63	8	12,7	14	22,2	14	22,2	13	20,7	14	22,2	—	—
Постороннія лица	196	13	6,6	26	13,3	37	18,9	43	21,9	77	39,3	—	—
Всего . . .	1201	95	7,9	281	23,4	303	25,2	272	22,7	250	20,8	—	—
<i>Московскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	1139	36	3,1	287	25,2	377	33,1	224	19,7	215	18,9	—	—
" церковн. училища	19	—	—	6	31,6	6	31,6	4	21,1	3	15,7	—	—
" частныхъ гимназій	34	1	3,0	6	17,6	11	32,3	4	11,8	12	35,3	—	—
Постороннія лица	124	15	12,1	13	10,5	13	10,5	20	16,1	63	50,8	—	—
Всего . . .	1316	52	4,0	312	23,7	407	30,9	252	19,1	293	22,3	—	—
<i>Казанскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	372	14	3,7	87	23,4	126	33,8	83	22,3	62	16,8	—	—
Постороннія лица	98	2	2,0	10	10,2	25	25,5	19	19,4	42	42,9	—	—
Всего . . .	470	16	3,4	97	20,7	151	32,1	102	21,7	104	22,1	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.											
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.		Возрастъ не указаны.	
		Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%
<i>Оренбургскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	124	11	9,0	29	23,4	42	33,6	25	20,2	16	13,0	1	0,8
Постороннія лица	10	1	10,0	1	10,0	1	10,0	3	30,0	4	40,0	—	—
Всего . . .	134	12	9,0	30	22,4	43	32,1	28	20,9	20	14,9	1	0,7
<i>Харьковскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	640	33	5,2	141	22,0	190	29,7	152	23,7	124	19,4	—	—
Постороннія лица	100	3	3,0	6	6,0	19	19,0	12	12,0	60	60,0	—	—
Всего . . .	740	36	4,9	147	19,9	209	28,2	164	22,1	184	24,9	—	—
<i>Одесскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	763	37	4,8	198	26,0	216	28,3	165	21,6	147	19,3	—	—
Постороннія лица	228	5	2,2	17	7,4	30	13,2	32	14,0	144	63,2	—	—
Всего . . .	991	42	4,2	215	21,7	246	24,8	197	19,9	291	29,4	—	—
<i>Кіевскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	715	22	3,1	143	20,0	199	27,8	188	26,3	163	22,9	—	—
” частн. гимназій	46	—	—	7	15,2	8	17,4	12	26,1	19	41,3	—	—
Постороннія лица	180	4	2,2	6	3,2	25	14,0	20	11,1	125	69,5	—	—
Всего . . .	941	26	2,8	156	16,6	232	24,6	220	23,4	307	32,6	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число арѣлхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу арѣлхъ.											
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.		Возрастъ не указанъ.	
		Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%
<i>Виленскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	342	11	3,2	99	29,0	104	30,4	74	21,6	54	15,8	—	—
Постороннія лица	31	—	—	10	32,3	1	3,2	6	19,3	14	45,2	—	—
Всего . . .	373	11	3,0	109	29,2	105	28,2	80	21,4	68	18,2	—	—
<i>Варнавскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	244	12	4,9	43	17,6	62	25,4	60	24,6	67	27,5	—	—
Постороннія лица	62	2	3,2	9	14,5	13	21,0	15	24,2	23	37,1	—	—
Всего . . .	306	14	4,6	52	17,0	75	24,5	75	24,5	90	29,4	—	—
<i>Рижскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	249	9	3,6	50	20,1	61	24,5	63	25,3	66	26,5	—	—
Постороннія лица	27	1	3,7	4	14,8	5	18,5	3	11,1	14	51,9	—	—
Всего . . .	276	10	3,6	54	19,6	66	23,9	66	23,9	80	29,0	—	—
<i>Кавказскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	595	23	3,8	114	19,2	135	22,7	113	19,1	208	35,0	2	0,3
Постороннія лица	146	14	9,6	11	7,5	23	15,8	20	13,7	78	53,4	—	—
Всего . . .	741	37	5,0	125	16,9	158	21,3	133	17,9	286	38,6	2	0,3
<i>Западно-Сибир.</i>													
Ученики правит. гимназій	113	4	3,6	20	17,6	38	33,6	30	26,6	21	18,6	—	—
Постороннія лица	45	2	4,4	3	6,7	4	8,9	2	4,4	34	75,6	—	—
Всего . . .	158	6	3,8	23	14,5	42	26,6	32	20,3	55	34,8	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.											
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.		Возрастъ не указанъ.	
		Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%
<i>Восточ. Сибирь.</i>													
Ученики правит. гимназій	90	6	6,7	14	15,6	26	28,9	31	34,4	13	14,4	—	—
Постороннія лица	14	2	14,3	2	14,3	—	—	3	21,4	7	50,0	—	—
Всего . . .	104	8	7,7	16	15,4	26	25,0	34	32,7	20	19,2	—	—
<i>Туркест. край.</i>													
Ученики правит. гимназій	68	5	7,3	16	23,5	15	22,1	18	26,5	14	20,6	—	—
Постороннія лица	12	—	—	—	—	1	8,3	1	8,3	10	83,4	—	—
Всего . . .	80	5	6,2	16	20,0	16	20,0	19	23,8	24	30,0	—	—
Итого:													
Ученики правит. гимназій	6308	285	4,52	1454	23,05	1820	28,85	1423	22,56	1323	20,97	3	0,05
„ церковн. училищъ	107	12	11,2	34	31,8	29	27,1	23	21,5	9	8,4	—	—
„ частныхъ гимназій	143	9	6,3	27	18,9	33	23,0	29	20,3	45	31,5	—	—
Постороннія лица	1273	64	5,0	118	9,2	197	15,5	199	15,7	695	54,6	—	—
Всего . . .	7831	370	4,72	1633	20,85	2079	26,55	1674	21,38	2072	26,46	3	0,04

№ 4. Распределение приняанныхъ зрѣлыми по годамъ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе									
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій и Военно-Мед. Акад.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	Исключенъ путей сообщенія.	Технологическій институтъ.	Горный институтъ.	Лѣсной институтъ.	Политехническій институтъ.	Институтъ гражданскихъ инженеровъ (Строительный).	Техническій институтъ.	Востро-азиатскій институтъ.	Институтъ Восточныхъ языковъ.	
<i>С.-Петербургскій.</i>																	
Изъ 23 правительствъ. гимн.	1	53	182	210	178	14	638	45	69	25	20	97	31	—	19	—	
„ 4 церковныхъ учил.	8	8	7	18	20	2	63	4	10	3	—	1	—	—	—	—	
„ 3 частныхъ гимназій.	—	5	12	20	6	1	44	5	5	1	1	2	—	—	—	—	
Изъ всѣхъ 30 учебныхъ заведеній.	9	66	201	248	204	17	745	54	84	29	21	97	34	—	19	—	
<i>Московскій.</i>																	
Изъ 32 правительствъ. гимн.	—	117	292	326	337	13	1085	11	49	4	9	18	8	17	—	4	
„ 1 церковнаго учил.	—	1	2	4	2	—	9	1	—	—	—	—	2	—	—	—	
„ 2 частныхъ гимназій.	—	1	7	8	15	—	31	—	1	1	—	—	—	—	—	—	
Изъ всѣхъ 35 учебныхъ заведеній.	—	119	301	338	354	13	1125	12	50	5	9	18	10	17	—	4	
<i>Казанскій.</i>																	
Изъ 10 правительствъ. гимн.	—	26	86	99	145	2	358	3	55	5	2	—	—	—	—	—	
<i>Орскій.</i>																	
Изъ 5 правительствъ. гимн.	—	4	35	27	38	4	108	1	10	3	—	—	1	—	—	—	
<i>Харьковскій.</i>																	
Изъ 21 правительствъ. гимн.	—	33	169	181	202	6	591	15	40	3	9	19	1	—	—	4	
<i>Одесскій.</i>																	
Изъ 26 правительствъ. гимн.	—	48	253	253	229	15	798	26	75	10	5	16	8	—	1	—	

іямъ, къ которымъ они себя предназначили въ 1906 году.

статьи.	испін спеціальныя училища:													Поступающіе на поприще практической дѣятельности.							Итого	Не явилъ себя въ день избран. след.		
	Духовныя академ.	Защитныя науки и ремесла.	Академія наукъ.	Училище Правовѣдѣнія.	Гимназія-лицей.	Морское инженерное училище.	Военное и Морское училище.	Зубо-врачебную школу.	Железной дороги.	Академія художествъ.	Консерваторія и театральная школа.	Защитныя ремесла.	Всего.	Въ гос. служ.		Части дѣятельн.							Всего.	
														Гражданск.	Военн.	Учебн.	Сельско-хоз. званств.	Коммерческ.	Мануфактурн.	Заграничн.				Всего.
—	2	6	1	2	—	—	28	—	—	2	—	—	347	5	19	—	—	—	—	—	—	—	26	88
—	—	1	—	1	—	—	4	—	—	1	—	—	21	1	12	—	—	—	—	—	—	—	5	—
—	2	7	1	3	—	—	32	—	—	3	1	—	387	6	21	—	—	—	—	—	—	—	31	38
—	—	8	—	—	—	—	6	—	—	1	—	—	137	1	13	1	—	—	—	—	—	—	25	18
—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	7	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	8	—	—	—	6	2	—	—	2	—	—	143	1	14	7	—	—	—	—	—	—	30	18
4	—	18	—	—	—	—	7	—	—	2	—	10	106	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22	—	3	—	—	—	—	—	—	—	3	1
—	1	9	—	1	—	3	10	—	—	3	—	2	120	2	7	—	—	—	—	—	—	—	11	18
—	4	11	—	—	—	1	5	—	—	—	—	2	165	—	23	—	—	—	—	—	—	—	27	1

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе в								
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій и Военно-Мед. Акад.	Восточныхъ языковъ.	В с е г о.	Искусствъ и наукъ общаго.	Технологическій институтъ.	Горный институтъ.	Лѣсной институтъ.	Подполковничій институтъ.	Искусствъ гражд. и воен. инженер. (Общественный).	Телеграфный институтъ.	Восточно-азиатскій институтъ.	Искусствъ Восточныхъ языковъ.
<i>Кіевскій.</i>																
Изъ 24 правительств. гимн.	—	66	204	201	229	15	715	9	81	6	9	—	13	—	—	—
„ 1 частной гимназій.	—	4	5	16	14	—	39	2	5	—	—	—	—	—	—	—
Изъ всѣхъ 25 учебныхъ заведеній.	—	70	209	217	243	15	754	11	86	6	9	—	13	—	—	—
<i>Виленискій.</i>																
Изъ 12 правительств. гимн.	1	19	84	94	79	2	279	8	32	1	5	31	2	—	—	—
<i>Варшавскій.</i>																
Изъ 22 правительств. гимн.	2	29	52	82	72	4	241	8	13	4	4	19	—	—	—	—
<i>Рижскій.</i>																
Изъ 10 правительств. гимн.	11	18	43	53	53	3	181	5	59	3	2	—	1	—	—	—
<i>Кавказскій.</i>																
Изъ 12 правительств. гимн.	—	53	112	190	212	8	575	13	59	12	1	7	10	3	3	—
<i>Западно-Сибирскій.</i>																
Изъ 4 правительств. гимн.	—	8	12	39	24	1	84	14	33	—	6	2	—	—	—	—
<i>Восточная Сибирь.</i>																
Изъ 4 правительств. гимн.	—	3	13	30	24	1	71	2	21	—	—	—	—	—	1	—
<i>Туркестанскій край.</i>																
Изъ 3 правительств. гимн.	—	3	23	6	13	1	46	1	9	1	3	7	1	—	1	—
Итого:																
Изъ всѣхъ (217) учебныхъ заведеній	23	499	1593	1857	1892	92	5956	173	626	82	76	216	81	20	25	8
Процентное отношеніе къ общему числу армянъ.	0,30	6,37	20,34	23,71	24,16	1,18	76,06	2,21	8,00	1,05	0,97	2,76	1,03	0,25	0,32	0,10

Классы специальных учащихся:											Поступающие на поприще практической деятельности.													
Служба.	Дуловая академия.	Земледельч. акад. и Сельско-хоз. инст.	Александровский лицей.	Училище Правоведения.	Гинко-институтские семинары.	Морское кадетское училище.	Военное и Морское училище.	Зубоучебная школа.	Машинной институт.	Акад. художеств.	Консерватория и театральн. школы.	Заочная школа.	В с е г о .	Въ гос. служ.		Части. деятелн.						В с е г о .	Не дали сведений объ избран. спец.	
														Гражданск.	Военную.	Учебную.	Сельско-хоз. заведений.	Коммерческую.	Мануфактурную.	Заграничную.				
—	—	2	1	1	—	—	24	—	1	—	3	1	5	156	3	6	—	2	13	—	—	—	24	—
—	—	2	1	1	—	—	24	—	1	3	1	5	163	3	6	—	2	13	—	—	—	24	—	
—	2	2	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	87	4	3	—	—	—	—	—	—	7	—	
—	—	2	—	—	—	—	2	—	—	2	—	—	54	—	7	1	3	—	—	—	—	11	—	
—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	2	3	81	1	8	4	1	—	—	—	—	14	—	
—	—	8	—	—	—	5	—	—	—	—	1	16	138	2	19	—	2	3	—	—	—	26	2	
—	2	11	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	74	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	28	1	1	1	—	—	—	—	—	3	4	
—	2	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	26	—	—	8	—	—	—	—	—	8	—	
4	11	87	2	5	1	13	101	—	2	16	5	38	1592	20	117	21	15	27	1	—	—	201	82	
0,13	1,11	0,03	0,07	0,01	0,17	1,29	—	0,03	0,20	0,07	0,48	20,33	0,25	1,49	0,27	0,19	0,34	0,03	—	—	—	2,57	1,04	

№ 5. Сводная вѣдомость о результатахъ

Г О Д Ъ.	НАЗВАНІЕ И ЧИСЛО УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.	Общее число абитуриентовъ передъ началомъ экзаменовъ.	Устранены отъ:	
			По малоуспѣшности.	По другимъ причинамъ.
1901	Въ 181 правительственной гимназій . . .	4.522	57 (1,3%)	22
	„ 5 церковныхъ училищахъ	83	—	1
	„ 5 частныхъ гимназійхъ	98	8 (8,2%)	3
	Всего въ 191 учебныхъ заведеніяхъ.	4.703	65 (1,4%)	26
	Постороннія лица	639	—	—
	И т о г о	5.342	—	—
1902	Въ 184 правительственныхъ гимназійхъ.	4.864	42 (0,9%)	32
	„ 5 церковныхъ училищахъ	90	—	—
	„ 5 частныхъ гимназійхъ	103	4 (4,9%)	1
	Всего въ 194 учебныхъ заведеніяхъ. .	5.057	46 (0,9%)	33
	Постороннія лица	981	—	—
	И т о г о	5.988	—	—
1903	Въ 192 правительственныхъ гимназійхъ.	5.681	139 (2,4%)	29
	„ 5 церковныхъ училищахъ	86	2 (2,3%)	—
	„ 5 частныхъ гимназійхъ	101	13 (12,9%)	—
	Всего въ 202 учебныхъ заведеніяхъ.	5.868	154 (2,6%)	29
	Постороннія лица	1.164	—	—
	И т о г о	7.032	—	—

Испытаній зрѣлости съ 1901 по 1906 годъ.

Испытаній.	Подвергались испытаніямъ.	Не выдержали испытаній.	Выдержали ис- пытанія и полу- чили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости.	Награждены медалями.
В с е г о .				
79 (1,8%)	4.443 (98,2%)	107 (2,4%)	4.336 (97,6%)	659 (15,2%)
1 (1,2%)	82 (98,8%)	—	82 (100,0%)	13 (15,8%)
11 (11,2%)	87 (88,8%)	1 (1,2%)	86 (98,8%)	9 (10,5%)
91 (1,9%)	4.612 (98,1%)	108 (2,3%)	4.504 (97,7%)	681 (15,1%)
89 (18,9%)	550 (86,1%)	240 (43,6%)	310 (56,4%)	—
180 (3,4%)	5.162 (96,6%)	348 (6,7%)	4.814 (93,3%)	—
74 (1,5%)	4.790 (98,5%)	96 (2,0%)	4.694 (98,0%)	809 (17,2%)
—	90 (100,0%)	2 (2,2%)	88 (97,8%)	22 (25,0%)
5 (4,9%)	98 (95,1%)	1 (1,0%)	97 (99,0%)	8 (8,2%)
79 (1,6%)	4.978 (98,4%)	99 (2,0%)	4.879 (98,0%)	839 (17,2%)
93 (10,0%)	838 (90,0%)	417 (49,8%)	421 (50,2%)	—
172 (2,9%)	5.816 (97,1%)	518 (8,9%)	5.300 (91,1%)	—
168 (3,0%)	5.513 (97,0%)	186 (3,4%)	5.327 (96,6%)	848 (15,9%)
2 (2,3%)	84 (97,7%)	—	84 (100,0%)	17 (20,2%)
13 (12,9%)	88 (87,1%)	1 (1,1%)	87 (98,9%)	8 (9,2%)
183 (3,1%)	5.685 (96,9%)	187 (3,3%)	5.498 (96,7%)	873 (15,9%)
111 (9,5%)	1.053 (90,5%)	518 (49,2%)	535 (50,8%)	—
294 (4,2%)	6.733 (95,8%)	705 (10,5%)	6.033 (89,5%)	—

Г О Д Ъ.	НАЗВАНІЕ И ЧИСЛО УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.	Общее число абитуриентовъ передъ началомъ поспытній.	Устранены отъ	
			По мало-успѣшности.	По другимъ причинамъ.
1904	Въ 194 правительственныхъ гимназіяхъ.	6.356	172 (2,7%)	32
	„ 5 церковныхъ училищахъ	91	—	—
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	93	9 (9,7%)	—
	Всего въ 204 учебныхъ заведеніяхъ.	6.540	181 (2,8%)	32
	Постороннія лица	1.404	—	—
Итого	7.944	—	—	
1905	Въ 197 правительственныхъ гимназіяхъ.	6.074	67 (1,1%)	87
	„ 5 церковныхъ училищахъ	91	3 (3,3%)	1
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	87	2 (2,3%)	—
	Всего въ 207 учебныхъ заведеніяхъ.	6.252	72 (1,1%)	88
	Постороннія лица	1.572	—	—
Итого	7.824	—	—	
1906	Въ 206 правительственныхъ гимназіяхъ.	6.469	42 (0,6%)	27
	„ 5 церковныхъ училищахъ	109	—	1
	„ 6 частныхъ гимназіяхъ	169	16 (9,4%)	—
	Всего въ 217 учебныхъ заведеніяхъ.	6.747	58 (0,8%)	28
	Постороннія лица	2.110	—	—
Итого	8.857	—	—	

спытаній.	Подвергались испытаніямъ.	Не выдержали испытаній.	Выдержали ис- пытанія и полу- чили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости.	Награждены медалями.
В с е г о .				
204 (3,2%)	6.146 (96,4%)	315 (5,1%)	5.836 (94,9%)	889 (15,4%)
—	91 (100,0%)	—	91 (100,0%)	15 (16,5%)
9 (9,7%)	84 (90,3%)	—	84 (100,0%)	7 (8,3%)
213 (3,3%)	6.321 (96,6%)	315 (4,9%)	6.011 (95,1%)	911 (15,0%)
183 (13,0%)	1.221 (87,0%)	603 (49,4%)	618 (50,6%)	—
396 (5,0%)	7.542 (94,9%)	918 (12,1%)	6.629 (87,9%)	—
154 (2,5%)	5.920 (97,5%)	94 (1,6%)	5.826 (98,4%)	950 (16,3%)
4 (4,4%)	87 (95,6%)	—	87 (100,0%)	16 (18,4%)
2 (2,3%)	85 (97,7%)	—	85 (100,0%)	9 (10,6%)
160 (2,6%)	6.092 (97,4%)	94 (1,5%)	5.998 (98,5%)	975 (16,3%)
184 (11,7%)	1.388 (88,3%)	568 (40,6%)	825 (59,4%)	—
344 (4,4%)	7.480 (95,6%)	657 (8,8%)	6.823 (91,2%)	—
69 (1,1%)	6.400 (98,9%)	92 (1,4%)	6.308 (98,6%)	1.077 (17,1%)
—	109 (100,0%)	2 (1,9%)	107 (98,1%)	18 (16,8%)
17 (10,1%)	152 (89,9%)	9 (5,9%)	143 (94,1%)	22 (15,4%)
86 (1,3%)	6.661 (98,7%)	103 (1,5%)	6.558 (98,5%)	1.117 (17,1%)
131 (6,2%)	1.979 (93,8%)	706 (35,7%)	1.273 (64,3%)	—
217 (2,4%)	8.640 (97,6%)	809 (9,3%)	7.831 (90,7%)	—

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТАБЛИЦАМЪ.

Къ таблицѣ № 1-й.

По С.-Петербургскому учебному округу:

въ графахъ „Подвергались испытаніямъ“ и „Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости“: въ числѣ 868 и 864 учениковъ значатся четыре, которые не державшіе, но аттестаты получившіе.

По Московскому учебному округу:

въ графахъ „Подвергались испытаніямъ“ и „Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости“: въ числѣ 1.156 и 1.139 учениковъ значатся одинъ, который не державшій, но аттестатъ получившій.

По Оренбургскому учебному округу:

въ графахъ „Подвергались испытаніямъ“ и „Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости“: въ числѣ 124 и 124 учениковъ значатся одинъ, который не державшій, но аттестатъ получившій.

По Одесскому учебному округу:

въ графахъ „Подвергались испытаніямъ“ и „Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости“: въ числѣ 766 и 763 учениковъ значатся три ученика, которые не державшіе, но аттестаты получившіе.

По Рижскому учебному округу:

въ графахъ „Подвергались испытаніямъ“ и „Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости“: въ числѣ 253 и 249 учениковъ значатся одинъ, который не державшій, но аттестатъ получившій.

По Кавказскому учебному округу:

въ графахъ „Подвергались испытаніямъ“ и „Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости“: въ числѣ 598 и 596 учениковъ значатся двое, которые не державшіе, но аттестаты получившіе.

Въ общемъ итогъ по всемъ учебнымъ округамъ:

въ графахъ „Подвергались испытаніямъ“ и „Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости“: въ числѣ 6.400 и 6.308 учениковъ значатся двѣнадцать учениковъ, экзамены не державшіе, но аттестаты получившіе.

Изъ таблицѣ № 2-й.

Всѣ примѣчанія, указанныя въ таблицѣ № 1-й, относятся и къ таблицѣ № 2-й по графѣ „Общее число подвергавшихся испытаніямъ“.

Изъ таблицѣ № 5-й.

1906 годъ:

Въ графѣ „Подвергались испытаніямъ“: въ числѣ (6.400) учениковъ правительственныхъ гимназій, въ итогѣ по всѣмъ 217 учебнымъ заведеніямъ (6.661) и въ общемъ итогѣ (8.640) значатся 12 учениковъ, экзаменовъ не державшіе, но аттестаты получившіе; въ графѣ „Выдержали испытанія и получили аттестаты и свидетельства зрѣлости“: въ числѣ (6.308) учениковъ правительственныхъ гимназій, въ итогѣ по всѣмъ 217 учебнымъ заведеніямъ (6.558) и въ общемъ итогѣ (7.831) значатся 12 учениковъ, экзаменовъ не державшіе, но аттестаты получившіе.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Я неоднократно уже писалъ о томъ, что Ecole normale потеряла свое первоначальное значеніе и въ настоящее время представляетъ изъ себя ни что иное, какъ семейный пансіонъ, въ которомъ известное число привилегированныхъ студентовъ получаетъ помѣщеніе и столъ на средства государства, проходя курсъ наукъ въ Сорбоннѣ; въ то же время студенты Сорбонны ходятъ въ Нормальную школу на лекціи педагогика. Въ тѣ времена, когда Нормальная школа представляла изъ себя словесный факультетъ, она насчитывала до 60 учениковъ, а въ настоящее время на словесномъ факультетѣ 1.300 слушателей. Провинціальнымъ университетамъ трудно бороться противъ централистическаго движенія, привлекающаго въ Парижъ лучшихъ учениковъ. Они требуютъ, чтобы правительство давало стипендіи въ Парижѣ только тѣмъ студентамъ, семьи которыхъ живутъ въ Парижѣ, и чтобы остальные стипендіаты оставались на факультетахъ своихъ родныхъ городовъ; тогда эти факультеты будутъ въ состояніи бороться съ Парижскимъ университетомъ на равныхъ условіяхъ.

Парижскій университетъ наводненъ не только французскими студентами, но и иностранными и особенно лицами, изучающими французскій языкъ для полученія диплома на право преподаванія его за границей. Въ первый годъ учрежденія этого диплома явилось пять русскихъ, на второй тринадцать; въ этомъ году записалось въ Сорбоннѣ 200 русскихъ студентокъ. Къ сожалѣнію, съ возрастаніемъ числа ученицъ качество ихъ понижается. Въ этомъ году на ряду съ дѣйствительно выдающимися студентками прибылъ въ Парижъ интеллектуальный пролетаріатъ, представители котораго наводнили курсы факультета, хотя многіе изъ нихъ не въ состояніи извлечь изъ этихъ

курсовъ пользы. Я разспрашивалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и онѣ даже не знали, какую роль играли въ исторіи Кольберъ или Генрихъ IV.

Когда устанавливалась программа экзамена по французскому языку для иностранцевъ, нашествіе этого пролетаріата не было предвидѣно. Эта программа очень простая и недостаточная. Отъ иностранцевъ не требуется никакого диплома, они должны прослушать на словесномъ факультетѣ по выбору одинъ изъ трехъ курсовъ по французской исторіи и литературѣ и затѣмъ сдать устный экзаменъ по этимъ курсамъ. На письменномъ экзаменѣ они обязаны сдѣлать переводъ съ своего родного языка на французскій и пересказать прочитанный имъ вслухъ французскій отрывокъ. Эта программа оставляетъ въ ихъ образованіи огромныя пробѣлы. Экзаменующійся можетъ порядочно отвѣтить на вопросы о Тартюфѣ, девятомъ термидорѣ, и даже не знать именъ Паскаля, Монтескье или Бюффона, не знать ни Ришелье, ни Людовика IV; онъ можетъ не знать, что такое французская академія. Какъ я уже говорилъ, студенты должны прослушать курсъ по исторіи Франціи. Въ настоящее время наиболѣе посѣщаются лекціи г. Олара по исторіи французской революціи. Молодые дѣвушки горячо обсуждаютъ теоріи Тэна или Эдгарда Кине и не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о реформаціи или о ренессансѣ.

Когда былъ учрежденъ этотъ экзаменъ, Сорбонна стремилась привлечь въ Парижъ иностранныхъ студентовъ, которыхъ влекло въ Женеву и въ Лозанну. Для этого рѣшили оказать имъ всяческое снисхожденіе. Было рѣшено предъявить къ экзамену на дипломъ по французскому языку для иностранцевъ тѣ же требованія, какъ къ экзамену на бакалавра (эти требованія весьма снисходительны, такъ какъ требуется имѣть въ среднемъ 10—посредственно). Но положеніе совсѣмъ не одинаковое: степень бакалавра даетъ право на поступленіе на медицинскій и юридическій факультеты, на занятіе нѣкоторыхъ государственныхъ должностей, но она не даетъ *licentia docendi*. Чтобы получить это послѣднее право, требуется сдать гораздо болѣе трудный экзаменъ. Дипломъ, выдаваемый иностранцамъ Парижскимъ университетомъ, заставляетъ предполагать, что они получили *licentia docendi*. А затѣмъ на дѣлѣ сказывается его неудовлетворительность. Въ виду полученныхъ жалобъ, профессора Сорбонны рѣшили быть впредь болѣе строгими на экзаменахъ. Въ дѣйствительности слѣдовало бы требовать средній балъ 15 (наивысшій 20).

Кромѣ того слѣдовало бы требовать отъ экзаменуемыхъ познаній по общей исторіи цивилизаціи Франціи, начиная съ эпохи воз-

рожденія, и даже нѣкоторое представленіе объ исторіи Парижа. Я знавалъ студентовъ, которые живутъ, запершись въ латинскомъ кварталѣ, и не видѣли ни площади de la Concorde, ни обелиска, и смѣшиваютъ Луврскій музей съ магазиномъ Лувръ. Иностранные студенты, являющіеся въ Парижъ для изученія французской литературы, сами видятъ пробѣлы въ получаемомъ ими образованіи и въ экзаменаціонныхъ программахъ. Они представили декану словеснаго факультета петицію, въ которой просятъ, чтобы для нихъ были устроены особые курсы по французской исторіи и литературѣ и установленъ болѣе высокій дипломъ. Ихъ петиція вполне основательна, и было бы желательно, чтобы факультетъ нашелъ возможнымъ удовлетворить ее.

Недавно въ Парижѣ образовалось общество для изученія общей и сравнительной исторіи философіи среднихъ вѣковъ. Его организаторъ, г. Франсуа Пикаве, авторъ прекрасныхъ трудовъ въ этой области, состоитъ директоромъ Ecole pratique des Hautes études. Общество предполагаетъ давать изданія философовъ среднихъ вѣковъ, печатать труды по исторіи философіи и т. д. Чтобы стать членомъ этого общества, достаточно внести годовой членскій взносъ въ три франка. Желающіе записаться въ члены должны обращаться къ г. Франсуа Пикаве въ Сорбонну.

Скоро два года какъ г. Бреаль покинулъ Collège de France, гдѣ онъ читалъ сравнительную грамматику; но онъ продолжаетъ работать и посвящаетъ свой досугъ изслѣдованію поэмъ Гомера; результаты своихъ трудовъ онъ неоднократно сообщаетъ своимъ коллегамъ по академіи надписей. Его трудъ состоитъ изъ двухъ частей: въ первой г. Бреаль старается установить личность Гомера и условія, въ которыхъ возникла Илиада. Затѣмъ, онъ изучаетъ языкъ Гомера и приемы современной критики, занимающейся этой проблемой. Вторая часть книги озаглавлена *Lexilogus*; въ ней авторъ даетъ объясненіе и этимологию нѣкоторыхъ трудныхъ словъ языка Гомера. Вамъ извѣстно, какое искусство и знаніе г. Бреаль вкладываетъ въ подобнаго рода изслѣдованія. Онъ менѣе удаченъ въ своихъ гипотезахъ относительно эпохи, къ которой онъ относитъ возникновеніе поэмъ Гомера: онъ ихъ относитъ къ VII вѣку, къ эпохѣ Фалеса, и предполагаетъ, что мѣстомъ ихъ происхожденія была Лидія, гдѣ ихъ сказывали на мѣстныхъ праздникахъ. Эта гипотеза вызываетъ много возраженій; но чтеніе произведеній г. Бреалья доставляетъ удовольствіе даже тогда, когда читатель съ нимъ несогласенъ.

Ученики французской школы археологій въ Римѣ продолжаютъ

изслѣдованія по топографіи и исторіи этого знаменитаго города. Недавно вышла монографія одного изъ нихъ, г-на Альфреда Мерленъ *l'Aventin dans l'Antiquité*. Исторія Авентинскаго холма представляетъ дѣйствительно индивидуальную исторію въ общей исторіи великаго римскаго города. Г. Мерленъ даетъ его исторію, начиная съ легендарнаго основанія Рима и кончая нашествіемъ варваровъ. Это весьма кропотливый трудъ, который нельзя характеризовать въ нѣсколькихъ строкахъ. Обращаю особенное вниманіе на главы, въ которыхъ авторъ изслѣдуетъ точное значеніе слова авентинскій, и *l'ex Icilia*. Легендарные рассказы, высѣченные на памятникахъ, онъ замѣняетъ настоящимъ историческимъ изложеніемъ.

38-ой выпускъ Словаря римскихъ древностей г. Сальо обнимаетъ большую часть буквы Р (*Paris—Pislor*). Укажу какъ на наиболѣе интересныя на статьи *Pasella*, *Patena*, *Patera*, *Patina*, написанныя г. Поттье, *Peculatus*—г-омъ Кюкь, *Pecunia*—г-омъ Франсуа Ленорманъ, *Perseus*—г-омъ Гло, *Persona*—г-мъ Кюкь, *Pictura*—г-омъ Поль Жираръ, *Piscina*—г-омъ Сальо.

Г. Густавъ Шлумбергеръ, переставшій заниматься исторіей Византіи, продолжаетъ заниматься изученіемъ лѣтоисеи христіанскаго востока въ средніе вѣка. Когда онъ находитъ въ нихъ какой-нибудь воинственный и живописный эпизодъ, онъ имъ страстно заинтересовывается и рассказываетъ его съ заразительнымъ энтузіазмомъ, сообщая ему роскошный мѣстный колоритъ и драматичность. Таковы были двѣ его книги *Réné de Chatillon* и *l'Expédition des Catalons en Orient*. Въ настоящее время появилось его новое произведеніе *Les Campagnes en Egypte d'Amoury roi de Jérusalem de 1163 à 1169*. Это страничка, заимствованная изъ *Gesta Dei per Francos*. Чувствуется, что авторъ страстно любитъ своихъ героевъ. Но подъ поэтою всюду проглядываетъ непогрѣшимый ученый, страстный нумизматикъ, искусный толкователь древнихъ памятниковъ, умѣющій исторгать изъ нихъ тайну прошлаго, прибѣгая иной разъ и къ смѣлымъ гипотезамъ.

Однимъ изъ нашихъ знаменитѣйшихъ археологовъ является г. Адриенъ Бланше, бывший бібліотекаръ Національной бібліотеки, членъ общества антикваріевъ во Франціи. Онъ особенно занимался нумизматикой, сигиллографіей и галло-романскою археологіей; многіе изъ его трудовъ получили преміи отъ Академіи надписей. Недавно вышла его книга *Les enceintes romaines de la Gaule*, представляющая очень важное изслѣдованіе о происхожденіи большого числа французскихъ

городовъ. Въ нее вошли не только города современной Франціи, но и города древней Галліи, т. е. рейнской провинціи, Голландіи и части Швейцаріи. Сначала онъ даетъ списокъ извѣстныхъ поселеній, затѣмъ изучаетъ систему постройки и потомъ опредѣляетъ время постройки. Къ книгѣ приложены иллюстраціи. Эта книга не только можетъ заинтересовать ученыхъ, но она весьма полезна еще и въ томъ отношеніи, что можетъ привлечь вниманіе городскихъ муниципалитетовъ на драгоцѣнныя развалины, на камни, которые должны обогащать музеи, вмѣсто того чтобы идти на постройку новыхъ зданій. Постоянно дѣлаются новыя открытія. Недавно при производствѣ работъ для метрополитена въ Парижѣ на островѣ Cité найдено много галло-романскихъ подземныхъ построекъ.

Изъ религіозныхъ учрежденій среднихъ вѣковъ наибольшее число научныхъ трудовъ и напыщенныхъ рѣчей было посвящено инквизиціи. Почтенный прелатъ г. Дуэ, епископъ Бовэ, въ продолженіе уже двадцати лѣтъ занимается изученіемъ инквизиціи преимущественно на югѣ Франціи. Онъ написалъ много статей по этому вопросу. Недавно онъ далъ резюме своихъ изслѣдованій въ книгѣ, озаглавленной *Inquisition, ses origines, sa procédure*. Г. Дуэ стоитъ на точкѣ зрѣнія каноническаго права. Онъ утверждаетъ, что такъ какъ ересь разсматривалась какъ преступленіе противъ Бога, подводимое подъ оскорбленіе величества, то къ ней приходилось примѣнять соотвѣтственныя осужденія и соотвѣтственныя наказанія. Къ тому же эти наказанія примѣняла не церковь, она только предавала виновныхъ свѣтскому суду. Въ книгѣ проводится строго юридическая точка зрѣнія, и къ ней приложено много интересныхъ выдержекъ.

Я указывалъ вамъ на первый томъ Исторіи искусства г. Андре Мишель. Этотъ первый томъ обнимаетъ періодъ отъ зарожденія христіанскаго искусства до конца романскаго періода. Въ только что появившемся второмъ томѣ изслѣдуются возникновеніе, распространеніе и эволюція готическаго искусства. Въ этихъ книгахъ участвовали нѣкоторые изъ нашихъ выдающихся археологовъ: гг. Анларъ, Берто, Маль, Перате, Кашленъ, Милле. Благодаря ихъ сотрудничеству эти книги вполне отвѣчаютъ научнымъ требованіямъ; къ тому же онѣ снабжены многочисленными, роскошными и умѣло подобранными иллюстраціями, и читаются легко и пріятно.

Серія *les Villes d'art* обогатилась новымъ выпускомъ: Прага, написаннымъ г. Леже. Авторъ хорошо знакомъ съ этимъ городомъ, который онъ впервые посѣтилъ въ 1866 г., послѣ чего посѣщалъ его

семь разъ; въ 1871 г. онъ редактировалъ французскій журналъ *La correspondance slave*. Исторію Праги авторъ трактуетъ главнымъ образомъ съ славянской точки зрѣнія и особенно указываетъ на дружественныя отношенія, существовавшія между Богеміей и Франціей. Книга снабжена 110 иллюстраціями и посвящена муниципалитету города Праги, который присудилъ автору золотую медаль, выдаваемую за услуги, оказанныя городу. Къ той же серіи принадлежитъ книга г. Шарля Дяля, профессора византійской исторіи въ Сорбоннѣ, *Palerm et Syracuse*, роскошно иллюстрированная. Г. Дяль недавно посѣтилъ Сицилію. Его книга интересна какъ для туристовъ, такъ и для археологовъ.

Изъ книгъ по иностранной исторіи особенно интересна книга г. Эмиля Горня, *François Rakoczy prince de Transylvanie*. Авторъ, венгерецъ еврейскаго происхожденія, поселившійся въ Парижѣ, занимается преимущественно исторіей своей страны. Онъ свободно пишетъ по французски и ему принадлежатъ три труда: о романистѣ Юкаи, о святой Елисаветѣ и о святомъ Этьеннѣ, всѣ три премированы французской академіей. Та же честь выпала на долю его монографіи о Ракоци. Исторія Ракоци связана до нѣкоторой степени съ исторіей Франціи. Ракоци былъ союзникомъ Франціи въ ея борьбѣ съ австрійскимъ домомъ. Онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ во Франціи (1714—1717), и его имя пользуется у насъ извѣстностью.

Послѣднія событія, заставившія обратить вниманіе на Японію, вызвали въ публикѣ сильный интересъ къ этой странѣ. Французскій ученый г. маркизь де ла Мазельеръ посвятилъ много лѣтъ изученію этой страны, въ которой онъ жилъ долгое время. Результаты своего изслѣдованія онъ изложилъ въ пятитомномъ трудѣ *Le Japon, histoire et civilisation*. Въ настоящее время появились три тома: въ первомъ говорится о древней Японіи, во второмъ о феодальной Японіи, въ третьемъ о Японіи Токугавы. Въ готовящихся къ выпуску четвертомъ и пятомъ томахъ говорится о современной Японіи. Авторъ изучалъ не только Японію, но и тѣ страны Азіи, отъ которыхъ Японія заимствовала начала своей цивилизаціи, а именно Индію и Китай. Въ первомъ томѣ находится даже большая статья, посвященная исторіи происхожденія людей и первыхъ цивилизацій въ Азіи. Я лично не могу судить о достоинствахъ этой книги, но мой коллега академикъ Шаваннъ, профессоръ китайскаго языка въ *Collège de France*, отзывается съ большою похвалой о трудѣ г. де ла Мазельеръ.

Развитіе нашихъ колоній вызвало цѣлую литературу. Я не соби-

раюсь писать вамъ о всѣхъ этихъ произведеніяхъ, представляющихъ для вашихъ читателей мало интереса, но одно изъ нихъ заслуживаетъ упоминанія. Это книга г. Кюльтри, профессора исторіи колоній въ Сорбоннѣ, *Un empereur de Madagascar au XVIII-me siècle*, Benyowsky. Нѣкоторымъ изъ вашихъ читателей вѣроятно извѣстно имя Бениовскаго, авантюриста, принимавшаго участіе въ Барской конфедераціи, бѣжавшаго съ Камчатки и предложившаго свои услуги Людовику XV для завоеванія Мадагаскара. Его мемуары пользуются большою извѣстностью. Г. Кюльтри занялся главнымъ образомъ періодомъ его жизни, проведеннымъ на службѣ Франціи и на островѣ Мадагаскарѣ. Авторъ нашелъ въ національномъ архивѣ много неизданныхъ документовъ, относящихся къ этому періоду. Въ рассказѣ г-на Кюльтри Бениовскій изображенъ человекомъ, обладающимъ рѣдкой наглостью, соединенной съ чрезвычайной храбростью. Эта книга прибавляетъ кое-что къ тому, что было уже извѣстно объ этомъ знаменитомъ авантюристѣ. Г. Кюльтри не останавливается на вопросѣ о его происхожденіи. Мнѣ же не разъ приходило на умъ, не происходитъ ли фамилія Бениовскій отъ весьма распространеннаго сврейскаго имени *Beni*.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я указывалъ вамъ на два тома книги Исторія французскаго флота, написанной г. Шарлемъ де ла Ронсьеръ, бывшимъ ученикомъ нашей римской школы, состоящимъ въ настоящее время консерваторомъ въ отдѣленіи манускриптовъ Национальной библіотеки. Эта книга имѣла большой успѣхъ въ публикѣ и заслужила отъ Академіи надписей премію Гобера (9.000 фр.), наибольшую, выдаваемую за историческіе труды. Авторъ медленно и добросовѣстно продолжаетъ свой трудъ, и по прошествіи трехъ лѣтъ издалъ третій томъ, содержащій описаніе итальянскихъ войнъ (XVI вѣкъ), во время которыхъ французскій флотъ столкнулся съ неаполитанскимъ и съ венеціанскимъ флотами, первыхъ экспедицій въ Америку, открытія Канады, сраженій съ Испаніей Карла V; все это даетъ матеріалъ для цѣлаго ряда прекрасныхъ главъ, въ которыхъ авторъ воспользовался неизданными или мало извѣстными документами. Значеніе этой замѣчательной книги еще усиливается для французскихъ читателей тѣмъ интересомъ, который въ настоящее время возбуждаетъ колониальный вопросъ.

Книгоиздательство Леру издаетъ въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ *Bibliothèque slave elzevirienne*. Это серія маленькихъ in 18° весьма изящныхъ книжекъ, содержащихъ обыкновенно довольно короткія монографіи. Большинство изъ нихъ написаны русскимъ уче-

нымъ иезуитомъ отцомъ Пирлингомъ, иъкоторыя покойнымъ барономъ д'Авриль, который былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ славянофиловъ и славистовъ. Иъкоторыя изъ книгъ суть переводы. Недавно эта серія обогатилась книгою г. Луи Леже *Le Cycle épique de Marko Kralievitch*. Она представляетъ краткое изложеніе читанныхъ въ *Collège de France* лекцій объ этомъ знаменитомъ балканскомъ героѣ, котораго оспариваютъ другъ у друга сербы и болгаре, и преданіе о которомъ проникло въ Румынію и даже въ Малороссію. Изложеніе этой легенды впервые преподносится французской публикѣ.

Мнѣ не приходится сообщать вамъ о книгахъ по медицинѣ, которыя не входятъ въ рамки этой корреспонденціи. Но вотъ книга, которая мнѣ кажется весьма интересной. Она озаглавлена *Demifous et demireponsables* и написана однимъ изъ извѣстнѣйшихъ психіатровъ, г-омъ Грассе, профессоромъ университета въ Монпеле. Авторъ старается доказать, что кромѣ дѣйствительно сумашедшихъ людей существуютъ полусумашедшіе, отвѣтственность которыхъ ограничена, и требуетъ измѣненія въ ихъ пользу закона о наказаніяхъ и устройства особыхъ санаторій, въ которыя они помѣщались бы послѣ отбытія смягченнаго для нихъ наказанія. Эта тема затрагиваетъ одновременно медицину и литературу. Часть книги посвящена біографіи гениальныхъ людей, которые, начиная съ Сократа и кончая вашимъ Достоевскимъ, всю жизнь были на границѣ сумашествія. Здѣсь передъ нами проходятъ французскіе, нѣмецкіе, англійскіе, итальянскіе и русскіе писатели, а также наиболѣе знаменитые музыканты; поэтому эта часть книги представляетъ важный вкладъ въ сравнительную исторію литературы. Рекомендую ее тѣмъ изъ вашихъ читателей, которые занимаются литературной критикой.

У насъ имѣется уже нѣсколько словарей синонимовъ. Въ настоящее время фирма Деллагравъ издаетъ словарь эпитетовъ, подъ редакціей Пьера Шефе. Цѣль этого словаря придти на помощь писателямъ и ораторамъ, снабжая ихъ нужнымъ эпитетомъ, который не приходитъ въ данный моментъ въ голову. Это въ сущности словарь именъ прилагательныхъ и причастій, встрѣчающихся во французскомъ языкѣ. Подъ каждымъ изъ наиболѣе употребительныхъ словъ помѣщены прилагательныя и причастія, имѣющія тотъ же или аналогичный смыслъ. Книга была хорошо принята французской публикой и быстро разошлась въ девяти изданіяхъ. Она можетъ быть полезна тѣмъ иностранцамъ, которые желаютъ писать по французски не только правильно, но и элегантно.

Г. Габріель Компере неутомно продолжаетъ трудиться надъ своими монографіями о великихъ писателяхъ. Послѣдняя посвящена знаменитому швейцарскому педагогу отцу Жирару (1765—1850), труды котораго о преподаваніи родного языка пользуются большимъ уваженіемъ и были въ свое время премірованы французской академіей. Заслуги г. Компере въ педагогикѣ были недавно признаны академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ, которая избрала его членомъ секціи нравственности. Слѣдующая монографія г. Компере будетъ посвящена Фенелону.

Въ изданіи *Etudes sur les genres littéraires* той же фирмы прибавились двѣ книги: *la Dissertation littéraire*, *la Dissertation morale*, написанныя г. Рустаномъ, авторомъ раньше появившихся *la Description et le Portrait*, *la Narration*, *le Dialogue*, *la Lettre et le Discours*. Всѣ эти небольшіе трактаты, въ сто приблизительно страницъ, написаны очень пріятно, пересыпаны пикантными анекдотами и интересными примѣрами. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ оригинальный трактатъ по риторикѣ, впервые, насколько я знаю, появляющійся въ нашей педагогической литературѣ.

Академія политическихъ наукъ и Парижскій словесный факультетъ понесли тяжелую потерю въ лицѣ профессора Глассона, бывшаго въ продолженіе многихъ лѣтъ профессоромъ и деканомъ факультета. Онъ оставилъ два крупныхъ и цѣнныхъ труда: *Исторія права и политическихъ учреждений въ Англіи* и *Исторія права и политическихъ учреждений Франціи*. Покойный былъ выдающимся законовѣдомъ и историкомъ права. Академія понесла въ послѣднее время крупныя потери: Рамбо, Сорель, Гимли, Глассонъ. Все это люди, которыхъ трудно замѣстить. Только что скончался еще одинъ изъ ея членовъ, Поль Гиранъ, профессоръ греческой исторіи въ Сорбоннѣ. Онъ особенно интересовался народнымъ хозяйствомъ. Послѣ него остались труды *la Propriété foncière en Grèce*, *le Travail en Grèce*, *les Etudes économiques sur l'Antiquité*; всѣ они отличаются новыми приемами изслѣдованія и научной глубиной.

Парижскій университетъ лишился одного изъ своихъ лучшихъ профессоровъ Виктора Анри, профессора санскритскаго языка и сравнительной грамматики. Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я указывалъ на его сравнительную грамматику германскихъ языковъ. Кромѣ того онъ написалъ сравнительную грамматику греческаго и латинскаго языковъ, учебникъ санскрита Ведъ, много статей по индійской литературѣ, по

кельтскимъ и германскимъ языкамъ. Смерть постигла его внезапно, ему не было еще 56-ти лѣтъ.

Кромѣ того скончался еще ученый историкъ литературы и французскаго общества г. Эдуардъ Баре. Онъ всегда жилъ въ Нантъ и не желалъ его покинуть для Парижа. Особенно цѣнятся его труды, относящіяся къ періоду революціи, о Викторѣ Гюго и о Шатобрианѣ.

Л. Л—ръ.

Лоренцо Великолепнаго отмѣтилъ упомянутое „o“ подъ вліаніемъ дополненія Domizio („oportet me huius“) ³⁸⁾. Тѣмъ не менѣе прямой невозможности нѣтъ въ объясненіи Энгельмана ³⁹⁾, согласно которому въ данномъ случаѣ „littera ‘o’ ... uidetur macula ita obiecta fuisse, ut Matritensis librarius dinoscere nequiret, Politianus autem etsi non reliquas quoque litteras tamen hanc saltem dispiceret“. Поэтому, въ видахъ осторожности, мы теперь не пренебрегаемъ замѣткой Полиціано.

Что касается дальнѣйшаго *quo*, то не видимъ уже возможности остаться при догадкѣ Markland'a „quom“, ибо форма эта у Стація настоящимъ образомъ вообще не удостовѣрена ⁴⁰⁾.

Редактировать все мѣсто можно бы, кажется, такъ: „Quid enim o<rus ē hos> ⁴¹⁾ quoque auctoritate editionis onerari? imo adhuc pro Thebaide mea, quamuis me <nouissime> reliquerit, timeo“.

Здѣсь „nouissime“ значитъ: „наконецъ-таки“ („tandem aliquando“). Только теперь, на нашъ взглядъ, выражена требуемая связь мыслей. Стацій писалъ Эиванду цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ ⁴²⁾: она ему, есте-

знаковъ, ни приписаннаго стиха Poliziano не нашелъ, о чемъ и сдѣлалъ помѣтку на *ed. pr.* По существу мы, по прежнему, полагаемъ, что читать должно: „Libyci quid mira tributi Obsequia et missum media de pace triumphum Laudem? et opes tantas nec qui mandauerat ausus Expectare fuit, <nostrae nec praemia laurus> Attollam cantu“. Основанія, по которымъ мы думаемъ, что Gallicus получивъ *ornamenta triumphalia*, вложены нами въ *Ж. М. Н. Пр.* за ноябрь — декабрь 1904 г. Здѣсь же добавимъ, что Poliziano говоритъ въразъ о поврежденномъ матеріальномъ состояніи „Veteris“. Напомнимъ слова послѣсловія: „A quo uidelicet uno, licet mendoso deprauatoque et (ut arbitror) etiam dimidiato reliqui omnes codices qui sunt in manibus emanarunt“. Ср. Poliziano V, 5, 24 — 26: „codex uetustus (i)n)tercisos h(abe)t hos uersus“ (въ послѣднемъ случаѣ уже писецъ *M* встрѣтился съ дырявымъ пергаменомъ). V, 1, 81—84 концы строкъ были явно оборваны въ архетипѣ.

³⁸⁾ Такъ уже Vollmer, *Commentar*, S. 210.

³⁹⁾ L. I. p. 85.

⁴⁰⁾ Преданіе *Sili*. I, 4, 27—30 гласитъ въ *M*: „largos potius („positus“?) mihi gurges in haustus Qui rapitur de fonte tuo, seu plana solutis *Cui struis* orsa modis seu quam Tibi dulcis in artem Frangitur et nostras curat facundia leges“. Domizio конъюнктировалъ: „Quom struis“, что и воспроизвелъ Poliziano (*A*). Въ томъ же стихѣ на поляхъ *M* посторонней рукой въ исправленіе слова „quam“ приписано „quom“: и это повторяется у Poliziano (*A*). Оба чтенія не имѣютъ такимъ образомъ никакого дипломатическаго авторитета. Читать, повидному, слѣдуетъ: „seu plana solutis *Comstruis* (старинная догадка на поляхъ *M*) orsa modis siue hanc tibi dulcis in artem Frangitur et nostras curat facundia leges“. Подъ *haec ars* Стацій, естественно, разумѣетъ стихотворство.

⁴¹⁾ Расчетъ былъ бы: 8 (буквъ) + 4 (spatia) = 12.

⁴²⁾ *Theb.* XII, 811 sq.: „O mihi bisseuos multum uigilata per annos Thebai“.

ственно, надоѣла, и онъ былъ радъ, что избавился отъ необходимости возиться дольше съ ней. Тѣмъ не менѣе онъ дѣлаетъ видъ ⁴³⁾, что, опасаясь, какъ бы ее не постигъ неуспѣхъ, чуть не готовъ изъять ее изъ обращенія. Это психически двойственное и даже противорѣчивое состояніе передаетъ именно сочетание „timeo“ съ „quamvis me nouissime reliquerit“ ⁴⁴⁾.

VI.

Stat. *Silu.* I, 1, 94 sqq.: hoc ⁴⁵⁾ et sub nocte silenti, Cum superis terrena placent, tua turba relicto Labetur caelo miscebitque *oscula iuxta* ⁴⁶⁾. Ibit in amplexus natus fraterque paterque Et soror: una locum ceruix dabit omnibus astris.

Въ *ed. princeps* напечатано: „oscula *iuncta*“. Вагренс: „oscula *muta*“. Otto: „oscula *iusta*“. Но если принять въ соображеніе, что рѣчь идетъ о лобызаніяхъ, которыми обожествляемыя лица („astra“), нисходя съ небесъ, будутъ привѣтствовать колосъ Домиціана, то невольно рождается подозрѣніе, не написалъ ли Стацій:

tua turba relicto
labetur caelo miscebitque *ora corusca.* 96

Сличить можно Colum. X, 290 sq.: „ore corusco Hesperus“.

VII.

Stat. *Silu.* I, 2, 222 sqq.: Huic Lycii montes gelidaeque umbracula Thymbrae *Et Parnasis honos*, illi Pangaea resultant Ismaraque et quondam genialis litora Naxi.

⁴³⁾ Иначе онъ говоритъ *Theb.* XII, 812 sqq.: „iam certe praesens tibi Fama benignum Strauit iter... Iam te ...dignatur noscere Caesar, Itala iam studio discit memoratque iuuentus“.

⁴⁴⁾ Хронологическій вопросъ обстоятельно рассмотрѣнъ А. I. Маленнинымъ въ *Филол. Обзор.* VIII, 161 слл. (1895).

⁴⁵⁾ Такъ *MA*; *Itali*: „huc“, но въ смыслѣ послѣдняго употреблялось и „hoc“ (см. Woelfflin's *Archiv*, VII, 332).

⁴⁶⁾ Barth: „miscebitque oscula. Iuxta Ibit in amplexus“, что принялъ Vollmer, Klotz и Postgate-Davies. Мы тоже довольствовались когда-то этимъ чтеніемъ и оправдывали имъ даже догадку въ *Silu.* II, 6, 95 sq.: „ubi nota reis facundia raptis? Quid sciam crucias tam saenis luctibus umbram?“ Мы предлагали въ 1904 г.: „ubi nota reis facundia? rapti Quid—crucias—umbram?“ Это же нынѣ рекомендуетъ Philimore. Но мы должны признать справедливость указанія О. Е. Корша на безобразіе такой діррезы и предпочли бы тамъ теперь хотя бы: „facundia uindex“ (одно время мы, впрочемъ, думали о: „facundia *patris*“=patroni).

Говорится объ Аполлонѣ и Бакхѣ, направляющихся со своими свитами музъ и горъ, мѣнадъ и сатировъ на свадьбу поэта Стеллы. Дан. Heinsius: „*Et Parnasse sonas*“, но звательнымъ падежомъ, какъ замѣтилъ Нанд, нарушается видимо задуманная авторомъ симметрия. Норфе: „*Et Parnassus*“⁴⁷⁾ *ouant*“, однако въ новомъ сказуемомъ нѣтъ вовсе надобности, какъ тоже указалъ Гандъ. Послѣдній довольно неудачно придумалъ: „*Et Parnassus honore*“. Лучше по замыслу поправка Waller'a: „*Et Parnassia nox*“⁴⁸⁾ и возникшая подъ ея влияніемъ у Schwartz'a: „*Et Parnasis hiems*“. Но объ грѣшатъ искусственностью формы: если: „*resultant*“, сказанное о *montes*, прохладныхъ *umbracula* и *берегахъ*, не поражаетъ, то совѣтъ иное впечатлѣніе создается комбинаціей этого глагола съ *nox* или *hiems*. Кромѣ того, Валлеръ напрасно помѣстилъ одиночное односложное въ главной цззурѣ. Намъ бы казалось допустимымъ:

huic Lycii montes gelidaeque umbracula Thymbrae
[et] Parnasusq(ue) coma(n)s, illi Pangaea resultant eqs.

VIII.

Stat. *Silu.* I, 4, 1—6: Estis, io, superi, nec inexorabile Clotho⁴⁹⁾ Voluit opus; uidet alma pius Astraea Iouique *Conciliata radit*⁵⁰⁾ dubitataque sidera cernit Gallicus et⁵¹⁾ caelo *diues* Germanice, cordi (Quis neget?): erubuit tanto spoliare ministro Imperium Fortuna tuum.

Мы не видимъ больше возможности мириться съ *diues*⁵²⁾ въ 4-мъ стихѣ. Но и догадки: „*dis es*“ (*Itali*), „*diue es*“ (*Poliziano*), „*Diti es*“ (*Postgate*) насъ не удовлетворяють, подходящимъ же представляется:

uidet alma pius Astraea Iouique
conciliat! *gradit(ur)* dubitataque sidera cernit
Gallicus: es caelo, *mitis* Germanice, cordi *eqs.*

Стаціи охотно употребляютъ предположенный эпитетъ. О Домиціямъ

⁴⁷⁾ „Parnasus“ уже *ed. princeps*.

⁴⁸⁾ Слово „*nox*“ онъ понималъ образно о тѣни лѣсной, справедливо полагая, что требуется реченіе, которое бы соответствовало „*montibus et umbraculis uersus superioris*“. Ср. *Theb.* I. 628 sq.: „*summaque biuerticis umbra Parnasi residens*“.

⁴⁹⁾ *M*: „*eloto*“; исправилъ *Itali*.

⁵⁰⁾ Божѣ поздней рукой (*m*) исправлено въ *M* на: „*redit*“. N. Норф: „*conciliat. uiuit*“, Nemsterhuys: „*conciliat. credit*“, Buecheler: „*conciliat. uadit*“.

⁵¹⁾ Исправилъ *Itali* на: „*es*“.

⁵²⁾ Въ *J. M. H. Pr.* за дек. 1903 г. мы еще соглашались съ Vollmer'омъ, который этому слову противопоставляетъ *spoliare* (ст. 5-ый).

еще *S. V*, 1, 74: „Et mitem genium domini praesentis adoras“ и *S. I*, 1, 25: „quantum tu mitior armis“. Нѣсколько разъ объ Адрастѣ въ Овивандѣ (*Th.* I, 467. VII, 537. XI, 110: cf. V, 668). Неоднократно о различныхъ богахъ, отчасти въ обращеніи (*S. I*, 4, 21. III, 4, 3. 25. 100. IV, 6, 55. *Theb.* IX, 632. 712. XII, 482).

Что до „graditur“, то мы применили къ мысли Бюхелера (смотри примѣч. 50). Относительно подобранаго нами слова могутъ возразить, что оно приводитъ къ скопленію пяти дактилей въ стихѣ, каковое Стациемъ вообще не часто допускается⁵³⁾. Но дѣло въ томъ, что въ первой книгѣ „Сильвъ“, при 5 написанныхъ гексаметрами стихотвореніяхъ, схема *dddd* все же въ четырехъ не избѣгается⁵⁴⁾.

IX.

Stat. Silu. I, 4, 71—74: Prima togae uirtus; illi⁵⁵⁾ quoque clarus et ingens Eloquio; mox innumeris exercita⁵⁶⁾ castris Occiduas primasque domos et sole sub omni Permeruit iurata manus eqs.

Guyet читалъ: „Occiduae primaeque domus“, но внимательные падежи зависятъ отъ транзитивнаго *permeruit*⁵⁷⁾. Сличаютъ *Theb.* IV, 388 sq.: „Eoasque domos flagrante triumpho Perfuris“ (о Діонисѣ). Можно бы сопоставить и глаголы съ другимъ значеніемъ: „personat (*Misenus*) aequora conchā“ (*Verg. A.* VI, 171) и т. п. Однако, если настоящее объясненіе справедливо, то, какъ основательно замѣтилъ Housman⁵⁸⁾, переходящій глаголъ „cannot be taken with *sole sub omni*, which requires the intransitive *meruit*“. Названный ученый высказалъ предположеніе, что выпалъ стихъ такого содержанія: „et sole sub omni <*Effusos pelagi tractus terrasque patentes*> Permeruit“. Къ тезису о пробѣлѣ мы присоединяемся. Намъ только думается, что намѣчен-

⁵³⁾ См. *Ж. М. Н. Пр.* за дек. 1906 г., классич. отд., 590. Прибавимъ, что въ „Овивандѣ“ данная схема занимаетъ 11-ое мѣсто (встрѣчается въ 362 стихахъ).

⁵⁴⁾ Въ *Silu.* I, 1 попадаетъ 4 раза (на 107 стиховъ), въ I, 2 — 12 разъ (на 277 ст.), въ I, 4—6 разъ (на 132 ст.), въ I, 5—4 раза (на 65 ст.). Только въ *Silu.* I, 3 примѣняется всего 1 разъ (на 110 ст.). Схема *dddd* встрѣчается въ *S. I*, 1—5 разъ, въ I, 2—18 разъ, въ I, 3—7 разъ, въ I, 4—10 разъ, въ I, 5—2 раза.

⁵⁵⁾ *Itali*: „illa“, *Peyrardède*: „illic“, *Markland*: „lingua“, *Phillimore*: „illi, quo cl. et. ing. Eloquium“.

⁵⁶⁾ *M*: exercitia; исправила болѣе поздняя рука (*m*).

⁵⁷⁾ *Barth*: „non interrupto cursu emeruit“, *Housman*: „meruit per“. Последнее, конечно, вѣрно.

⁵⁸⁾ *Classic. Review*, XX, Febr. 1906.

ная талантливѣмъ англійскимъ критикомъ редакція, выдвигая на первый планъ въ стихѣ плаваніе по морю на всякихъ географическихъ широтахъ, выразила скорѣе британскую, нежели римскую точку зрѣнія. Стацию же мы предпочли бы приписать такого рода текстъ:

Prima togae uirtus: <Тулліи quoque clarus et ingens 71
eloquio ⁶⁹⁾; mox innumeris exercita castris
occiduas primaque domos et sole sub omni
<ensibus Ausoniis terras urbesque subactas> 73a
permeruit iurata manus ⁶⁹⁾.

X.

Stat. *Silu.* I, 5, 9 sqq.: dilecto uolo lasciuire sodali. Iunge, puer, cyathos et ⁶¹⁾ *enumerare labora* Cunctantemque intende chelyn.

И помимо просодической ошибки ясно, что текстъ испорченъ. Слово „uolo lasciuire sodali“ въ комбинаціи съ „numerare labora“ наводятъ на мысль, что Стаций собирается пить за здоровье Клавдія Этруска, т. е. соблюсти обычай, по которому въ заздравный кубокъ наливалось столько кіаэровъ смѣси вина съ водою, сколько насчитывалось буквъ въ имени чествуемаго лица ⁶²⁾. Этотъ вѣроятный смыслъ контекста угадалъ Sandstroem, конъюцировавший: „octo numerare labora“ въ виду

⁶⁹⁾ Ср. *Laus Pison.* 32 sqq.: „Quin age maiorum, iuuenis facunde, tuorum Scande super titulos et auitae laudis honores Armorumque decus praecede forensibus actis: Sic etiam magno iam tunc Cicerone iubente Laurea facundis, cesserunt arma togatis“. Не станемъ, конечно, сопоставлять текстовъ о Цицеронѣ, въ родѣ Lucan. VII, 62 sq.: „Romani maximus auctor Tullius eloquii“, Sil. It. VIII, 408 — 411: „Ille—Implebit terras uoce et furialia bella Fulmine compescet linguae nec deinde relinquet Par decus eloquio cuiquam sperare nepotum“ и т. п. Приведемъ лишь изъ подражателей Стация два—три мѣста: Auson. *Epist.* 16, 2, 13—15: „Qui grandines Vlixei Et mellifluentem Nestora Concinnat ore Tullii“. Prudent. *contra Symm.* I, 632 sqq.: „O linguam miro uerborum fonte fluentem, Romani decus eloquii, cui cedat et ipse Tullius“. Claudian. c. *min.* 40, 4: „Carmina seu fundis seu Cicerone tonas“. Sidon. *Epist.* IV, 3, 6: „persuadet ut Tullius“. VIII, 2, 2: „debent—aequaeui—alterum te—ut Tullium—statuis—consecrare“. 11, v. 22 sq.: „Arpinas modo quem tonante lingua Ditat.“ *Carm.* 7, 174 sq.: „Surgentes animi Musis formantur et illo Quo Cicerone tonas“.—Родит. надежъ „Tulli“ у Стация нормаленъ: ср. „Enni“ и „Lucreti“ *Silu.* II, 7, 75 sq., „Polli“ *S.* II, 2, 9 и III, 1, 89, „Sallusti“ *S.* IV, 7, 55.

⁶⁰⁾ Ср. *Silu.* III, 3, 116 sq.: „Ausonios enses mandataque fidus Signa tulit“ eqs. IV, 7, 45 sq. V, 1, 94.

⁶¹⁾ Такъ *M.* Поздней рукой написано: „atque“. Scriverius: „sed ne num.“ (Krohn: „i, ne num.“, Postgate: „nec et enum.“), Phillimore: „etenim num. labori“ (sc. est).

⁶²⁾ *Martial.* I, 71, 1 sqq. VIII, 51, 21—26. IX, 93, 3 sq. XI, 36, 7 sq. (последнее двустопіе приведено далѣе въ текстѣ).

того, что въ „Etruscus“ 8 буквѣ. Мы теперь вполне присоединяемся по существу къ названному ученому ⁶³⁾, только сомнѣваемся, чтобы въ эпоху Стація „octo“ признавалось спондеемъ ⁶⁴⁾. Уже скорѣе мы предпочли бы „octo enumerare“ ⁶⁵⁾, но не можемъ подавить вопроса, не употребилъ ли Стацій точнаго названія мѣры, равной осьми унціямъ, т. е. не написалъ ли онъ:

iuuge, puer, cyathos (*besem numerare labora!*)
 cunctantemque intende chelyn.

Рукописное *ete* мы понимаемъ, какъ искаженное писцомъ М: „oto“, т. е. какъ порчу итальянизованнаго „octo“, служившаго глоссой самого Poggio къ „besem“. Относительно послѣдняго сл. Mart. XI, 36, 7 sq.:

quincunces et sex cyathos besemque bibamus,
 GAIUS ut fiat IVLIVS et PROCVLVS.

Точное указаніе чашнику, во всякомъ случаѣ, необходимо: онъ долженъ вѣдь былъ разливающимъ *cyathus* зачерпнуть изъ кратира столько мѣры, сколько ему прикажутъ влить въ кубокъ ⁶⁶⁾. Если же

⁶³⁾ Чтеніе „*recte* num. 1.“, которое нами рекомендовалось въ *Ж. М. Н. Пр.* за янв. 1902 г., допустимо, но не приоровлено къ специальнымъ условіямъ этой сцены.

⁶⁴⁾ Въ числѣ отрывковъ Энія сохранился одинъ гексаметръ (*Ann.* 332 Vahl.), оканчивающійся на *octo*. Вергилій (*G.* I, 171) и Гораций (*Epist.* II, 2, 5) употребляютъ *octo* лишь по одному разу, притомъ также въ концѣ стиха. У Катуллы (10, 20) второй слогъ элидированъ, у Тибулла, Проперція, Овидія слово не встрѣчается вовсе. Манлій (IV, 483) скандируетъ его, какъ трохей; такъ и Марціалъ (II, 57, 8. VII, 53, 10. IX, 2, 11. 31, 7. XIV, 87, 2), у котораго кромѣ того оно стоитъ разъ въ концѣ стиха (V, 12, 4). У Стація *octo* не читается, кажется, нигдѣ; у Ювенала оно трохей (VI, 229. VII, 142).—Стацій допускаетъ иногда конечное „*o*“ въ арабскѣ: (*Theb.* VI, 374: „*ambō rii carique ambō*“, такъ же „*vegō*“ *Theb.* VII, 207; но „*quandō*“ *Silm.* I, 4, 34 спорно: зато см. IV, 5, 19).

⁶⁵⁾ Klotz высказался за *septem numerare*“, разумѣя, повидному, родит. падежъ „*Claudi*“.

⁶⁶⁾ Не сюда относится Ovid. *F.* III, 531 sqq., гдѣ говорится, что когда просто-народіе празднуетъ Анну Перенну, то пьютъ „*annosque prescantur, Quot sumant cyathos, ad numerumque bibunt. Inuenies illic, qui Nestoris ebibat annos* (десятисто кіаевъ), *Quae sit per calices facta Sibylla viros*“. Тутъ не залпомъ [Hor. c. I, 36, 14. Plin. n. h. XIV, 145: *plurimum hausisse uno potu... non respirasse in hauriendo*] выпивается одинъ большой (Hor. *S.* II, 8, 35) кубокъ, вмѣщающій секстарій (12 кіаевъ), а много разъ подряд осушаются обычные (тріанталіные) кубки. У Овидія, впрочемъ, такая же гипербола, какъ у Горация c. III, 8, 13 sq.: *Sume, Maecenas, cyathos amici Sospitis centum*“. Различно толкуютъ Hor. c. III, 19, 11 sqq.:

ему никакихъ инструкцій не было дано, то онъ руководствовался величиной кубка.

XI.

Stat. Silu. I, 5, 34—41: Non huc admissae Thasos aut undosa Carystos ⁶⁷⁾; Maeret onyx longe, queriturque exclusus ophites ⁶⁸⁾: Sola nitet flauis Nomadum decisa metallis Purpura ⁶⁹⁾, sola cauo Phrygiae quam Synnados antro Ipse cruentauit maculis lucentibus ⁷⁰⁾ Attis Quoque tiri niueas secat et Sidonia rupes ⁷¹⁾. Vix locus Eurotae, uiridis cum regula longo Synnada distinctu uariat.

Въ 36-мъ стихѣ смущаетъ при настоящемъ контекстѣ „purpura“. Нумидійскій мраморъ имѣетъ желтый цвѣтъ да и тутъ названъ прямо „желтоватымъ“ („flauis N. decisa metallis“) ⁷²⁾. Не менѣе странно:

по однимъ рѣчь идетъ о пропорціи вина и воды въ смѣси, по другимъ—о числѣ кубковъ смѣси въ кубкахъ.

⁶⁷⁾ M: „charistos“; исправляя *Itali*.

⁶⁸⁾ M: „oficis“; исправляя *Itali*.

⁶⁹⁾ Выраженіе это примѣняется къ египетскому (либо „эоіонскому“) порфиру или граниту (*rosso antico*), напримѣръ, Lucan. X, 116: „purpureusque lapis“ (въ Александріи), Claudian. *in Rufin*. II 135 sq.: „purpureis effulta columnis Atria“. Аполлинарій Сидоній категорически противопоставляетъ „пурпурный“ камень фригійскому и нумидійскому мрамору. Ср. Sidon. c. 5, 34 sqq.: „saxis quae caesa rubenti Aethiopum de monte cadunt, ubi sole propinquo Natiua exustas affluit purpura rupes. Iungitur hic Synnas, Nomadum lapis additur istic, antiquum mentitus ebur; post caute Iaconum Marmoris herbosi radians interuiret ordo“. 22, 137 sqq.: „Cedat puniceo pretiosus liuor in antro Synnados, et Nomadum qui portat eburnea saxa Collis et herbosis quae uernant marmora uenis. Candentem iam nolo Paron, iam nolo Caryston; Vilior est rubro quae pendet purpura saxo“. Зависимость Сидонія отъ Стация и тутъ бросается въ глаза; такимъ образомъ тексты Сидонія подтверждаютъ, что Стаций не сказалъ бы: „Nomadum-purpura“. Изъ Sen. *epist.* 86, 6 видно, что „александрійскій“ (такъ называемый красный) мраморъ даже инкрустировали нумидійскимъ (желтымъ), настолько разница между ними почиталась ощутительной: „Alexandrina marmora Numidicis crustis distincta“.

⁷⁰⁾ Poliziano свою догадку „lucentibus“ основываетъ, очевидно, на „liuor“ у Сидонія (см. предыдущ. примѣчаніе). Кроме того, между „nitet“ и „lucentibus“ разница смысла ничтожна. Отсутить, однако, здѣсь отъ преданія нѣтъ прямой необходимости.

⁷¹⁾ Poliziano: „Quaeque Tyri“, N. Heins: „quasque Tyrus (*Domit.*) uena secat e Sidonide r.“. Baehrens: „Quaeque Tyri uenas s. et Sidonia r.“, Ellis: „Quotque Tyri niueas secat arx Sidonia r.“, Lafaye: „Quasque Tyrus niueas secuit S. r.“, Phillimore: „Quotque Tyri cuneas e caute, Sidonia, r.“

⁷²⁾ Ср. II, 2, 92: „hic Nomadum lucent flauentia saxa“. Что нумидійскій *giallo antico* имѣетъ иногда на своемъ желтомъ фонѣ красноватая жилки, отнюдь не побудило бы назвать его „пурпурнымъ“.

„purpura—quam cruentavit maculis—Attis“. Фригійскій мраморъ былъ, дѣйствительно, въ „яркихъ“ (lucentibus) пятнахъ, но выступали они не на „пурпурномъ“ фонѣ, а на бѣломъ ⁷³⁾.

Въ 39-мъ стихѣ Vollmer читаетъ: „Cumque Tyri“ и переводитъ: „und zugleich mit dem Marmor von Tyros durchschneidet der (rote) Sidonische die weissen Steinsorten“. Но это было бы единственное мѣсто во всей античной литературѣ, гдѣ говорилось бы о финнійскихъ сортахъ мрамора ⁷⁴⁾, и существованіе таковыхъ болѣе, чѣмъ сомнительно. Рѣчь идетъ о красныхъ полосахъ, искусственно нанесенныхъ на бѣлый мраморъ. Сл. Plin. n. h. XXXV, 3: „iam coepimus et lapide pingere: hoc Claudii principatu inuentum, Neronis uero maculas quae non essent in [„sinc“?] crustis inserendo unitatem variare, ut ornatus esset ⁷⁵⁾ Numidicus, ut purpura distingueretur Synnadicus, qualiter illos ⁷⁶⁾ nasci optassent deliciae“.

Не совсѣмъ устраняетъ отмѣченные затрудненія и то чтеніе, которое предложилъ Postgate: „Sola nitent... Nomadum... Marmora, sola... quam Synnados antro... cruentavit Attis Quamque Paros niueam secat et Sidonia rupes“ (осталось сочетание „Sid.rupes“), но все же эта редакция знаменуетъ рѣшительный шагъ впередъ и наводитъ на дальнѣйшія попытки. Не вполне удовлетворительна сама по себѣ, но тоже содѣйствуетъ изученію мѣста комбинація А. Е. Housman'a: онъ переставляетъ ст. 39 послѣ 36-го съ выключеніемъ двухъ словъ („niueas secat“), замѣною ихъ двумя другими и (необходимой, конечно, хотя никакъ не въ такой формѣ) модификаціей рукописнаго „quoque“ (v. 39). Въ итогѣ у него получается: „(36) Sola nitet flauis Nomadum decisa metallis | (39) Quoique Tyri <liuet saepe> ⁷⁷⁾ et Sidonia rupes | (37) Purpura, sola cauo Phrygiae quam Synnados antro | (38) Ipse cruentavit...“

⁷³⁾ Ср. Plin. n. h. XXXV, 3: „ut purpura distingueretur Synnadicus“. Stat. Silv. II, 2, 87 sqq.: „Synnade quod maesta Phrygiae fodere secures Per Cybeles lugentis agros, ubi marmore picto Candida purpureo distinguitur area gyro“. Claudian. in Eutrop. II, 272: „purpureis caedunt quod Synnada uenis“.

⁷⁴⁾ Что Silv. I, 2, 150 sq. разумѣть нужно не какой-то порфиръ Лаконики и Финикии, а изготовлявшійся въ обѣихъ областяхъ пурпуръ (см. выше, пр. 9), было уже ясно Markland'у; на то же указали въ наше время Karsten и Klotz: ср. въ изданіи Сяльва этого послѣдняго praef. p. LXXXIV.

⁷⁵⁾ Т. е.: „чтобы получался украшенный овальными крапинками мраморъ подъ Numidicus, чтобы пурпуромъ пещерался камень подъ дожимитъ.“

⁷⁶⁾ Если бы „in“ было вѣрно, пришлось бы читать „illas“, т. е. crustas.

⁷⁷⁾ Взято изъ I, 2. 150 sq.

Attis". Создалось крайне жесткое ὑπερβατόν („rupes Purpura") 78). Затѣмъ, должно бы быть сказано *rupi*. Вообще, получившееся не оправдываетъ столь сложной перетасовки. Зато цѣннымъ является энергически проведенное желаніе замѣнить порожденный недоразумѣніемъ финикійскій мраморъ финикійскимъ багрецомъ. Намъ бы хотѣлось воспользоваться положительными началами, внесенными обоими почтенными англійскими критиками въ постановку вопроса. Довольно мудро, насколько мы можемъ судить, было бы установленіе (при помощи, конечно, Аполлинарія Сидонія), такой редакціи, которая въ ст. 37-мъ сохраняла бы „purpura", не прибѣгая къ отступленіямъ отъ преданія въ другихъ частяхъ той же строки. Намъ этого результата достигнуть не удалось, мириться же цѣликомъ съ традиціей 37-го стиха мы затрудняемся („purpura — quam cruentaui" пришлось бы съ Фольмеромъ принять за πρόληψις). Сообщаемъ поэтому свою попытку къ в. 37 лишь съ оговоркой, т. е. въ надеждѣ, что она, быть можетъ, подастъ кому-либо поводъ предположить болѣе близкое къ преданію чтеніе. Зато ст. 39-й, какъ намъ кажется, излѣчивается правдоподобно нижеслѣдующимъ образомъ:

sola nite(n)t flauis Nomadum decisa metallis
 <pondera et Aethiopum rutilo de monte reuulsa>
 purpura uel candor Phrygiae quem Synnados antro 37
 ipse cruentaui maculis lucentibus Attis,
 <с>onc(h)a Pari niueas secat ut Sidonia rupes. 39
 uix locus Eurotae, uiridis cum regula longo
 Synnada distinctu uariat.

О фригійскомъ мраморѣ сказано, что любимецъ богини окропилъ его своей кровью такъ же (художественно), какъ когда на бѣлоснѣжный паросскій мраморъ наводятъ (искусственно) узоры сидонскимъ пурпуромъ. Ясно, что Тирь рядомъ съ Сидономъ, при обозначеніи одного и того же предмета, упоминался напрасно. Могъ быть названъ или одинъ Тирь 79) или одинъ Сидонъ 80). При сопоставленіи обоихъ

78) Конструкція была бы: „sola nitet rupes Nomadum decisa metallis eaque rupes, quoi saepe liuet Tyri et Sidonia purpura.“

79) Prop. IV, 5, 22: „Et quae sub Tyria concha superbit aqua“. Verg. A. IV, 262: „Tyrioque ardebat murice laena“. Ouid. art. III, 170. Sil. It. XV, 116. Stat. Theb. VI, 62: „Tyrio—ostro“ и т. д.

80) Ouid. Met. X, 287: „Collocat hanc stratis concha Sidonide tinctis“, Martial. XIV, 154, 1: „Ebria Sidoniae—de sanguine conchae... lana“. Tibull. III, 3, 18: „Sidonio murice“. Stat. Silu. I, 2, 125: „uelleri Sidonio—rubescere tabo“. V, 1, 225: „Sidonio uelatam-ostro“. Apollin. Sidon. c. 15, 127 sq.: „bis coctus aheni Serica Sido-

городовъ производство пурпура присваивается даже одному изъ нихъ у Lucan. III, 217: „Et Tyros instabilis pretiosaque murice Sidon“. Затѣмъ, „concha“ [въ рукописяхъ часто „conca“], и помимо приведенныхъ въ двухъ послѣднихъ примѣчаніяхъ примѣровъ, неоднократно говорится о багрянцѣ или ея жидкости ⁸¹⁾.

Относительно „pondera“, употребленнаго о каменныхъ глыбахъ (также о слиткахъ металла), сл. *Theb.* XII, 742: „saeui tollentem pondera saxi“, VI, 658 sq. [говорить силачъ съ преврѣніемъ о дскѣ, который съ трудомъ притащилъ другой]: „illud cui non iaculabile dextrae Pondus?“, [Ouid.] *Ibis*, 191: „Sisyphoe, cui tradas reuolubile pondus, habebis“, Sen. *apocol.* 15, 8: „Irrita Sisyphio uoluntur pondera collo“ ⁸²⁾, Tac. *hist.* III, 27: „pondera saxorum Vitelliani prouoluunt“ и т. д. Между прочимъ, и по поводу доставлявшихся въ Римъ монолитовъ фригійскаго мрамора Страбонъ XII, р. 577 повѣствуетъ: ἐπέκεινα δ' ἐστὶ Δοκμίαι κώμη, καὶ τὸ λατόμιον Συναδικοῦ λίθου (οὕτω μὲν Ῥωμαῖοι καλοῦσιν, οἱ δ' ἐπιχώριοι Δοκμίτην καὶ Δοκμαῖον), κατ' ἀρχὰς μὲν μικρὰς βῶλους ἐκδιδόντος τοῦ μετάλλου, διὰ δὲ τὴν νυνὶ πολυτέλειαν τῶν Ῥωμαίων κίονες ἐξαιροῦνται μονόλιθοι μεγάλοι, πλησιάζοντες τῷ ἀλαστροῦ λίθῳ κατὰ τὴν ποικιλίαν ὥστε, καίπερ πολλῆς οὐσῆς τῆς ἐπὶ θάλατταν ἀγωγῆς τῶν τηλικούτων φορτίων, ὅμως καὶ κίονες καὶ πλάκας εἰς Ῥώμην κομίζονται θαυμασταὶ κατὰ τὸ μέγεθος καὶ κάλλος ⁸³⁾.

XII.

Stat. Silu. II, 1, 124—130: Herculeos annis aequare labores Coeperat adsurgens, sed adhuc infantia iuxta; Iam tamen et ualidi gressus mensuraque maior Cultibus et uisac puero decrescere uestes. Cum tibi quas uestes, quae non gestamina mitis Festinabat erus: breuibus constringere laenis Pectora eqs.

nus fucabat stamina murex“.—Не противорѣчатъ такія мѣста, какъ *Sil. It.* VII, 634: „Venerat ad bellum Tygia Sidone“, гдѣ Tygia=Phoenicia (исторически правильнѣе было бы сочетание „сидонскій Тиръ“, ибо Тиръ моложе).

⁸¹⁾ Сп. *Matus ar. Gell.* XX, 9, 3. *Lucret.* II, 500 sq. *Ciris* 102 sq. *Vitruu.* VII, 13, 3. *Plin. n. h.* IX, 130: „Concharum ad purpuras... duo sunt genera: bucinum minor concha... alterum purpura uocatur“ (и раньше Плиніи не разъ).

⁸²⁾ Марціалъ же сказалъ V, 80, 11: „lassi marmora Sisyphi“.

⁸³⁾ Ср. *Strab.* IX, р. 437: τὴν—Ἐκῶρον—θρυλείσθαι ποιῆ—τὰ μέταλλα τῆς κοκίλης λίθου τῆς Ἐκωρίας, καθάπερ τῆς Καρυστίας καὶ τῆς Δοκμαίας, τῆς καὶ Συναδικῆς (καὶ τῆς) Ἱεραπολιτικῆς. μονόλιθους γὰρ κίονας καὶ πλάκας μεγάλας ὄραν ἐστὶν ἐν τῇ Ῥώμῃ τῆς ποικίλης λίθου, ἀφ' ἧς ἡ πόλις κοσμεῖται δημοσίᾳ τε καὶ ἰδίᾳ: πεποιτήκε τε τὰ λευκίλιθα οὐ πολλοῦ ἄξια [тутъ изъ рукописнаго *Δευκαλλίας* возстановилъ *Δοκμαίας Th. Reinesius*, а вставилъ καὶ τῆς *C. Müller*, переставившіи также τῆς καὶ, *em.* καὶ τῆς].

Въ *Ж. М. Н. Пр.* за февр. 1906 г. мы остановились подробнѣе на слѣдующихъ за данными стихахъ: въ приведенныхъ же здѣсь коснулись лишь „uisae“, но не разсматривали вовсе страннаго „Cum tibi quas uestes“: этими словами въ настоящее время и займемся. Ихъ нѣкоторые критики справедливо считаютъ испорченными: *uestes* непосредственно предшествовало (чтобы не повторять выраженія, Стацій употребляетъ въ новой фразѣ синонимное „gestamina“), а *cum* при нынѣшнемъ текстѣ не можетъ съ удобствомъ быть отнесено ни къ предыдущему, ни къ дальнѣйшему. Предложено: „quas lanas“ (Housman), „quas telas“ (Postgate)⁸⁴⁾, „Cum tibi quaesisses“ (Phillimore), но по этой схемѣ лучше бы: „Cum tibi quas uelles“). Намъ кажется, что Стацій могъ написать:

et iussae puero decrescere uestes.
cum tener assuesciscit⁸⁵⁾, quae non gestamina mitis 128
festinabat erus: breuibus constringere laenis
pectora eqs.

XIII.

Stat. Silu. II, 1, 227—231: ades huc emissus ab atro Limine, cui soli cuncta impetrare⁸⁶⁾ facultas, *Glaucia* (insontes animas nec Portitor arcet *Nec durae comes ille ferae*): tu pectora mulce, Tu prohibe manare genas.

Зіяніе въ 229-мъ стихѣ *editio princeps* устраняла ошибочнымъ написаніемъ: „Glaucias“. Domizio вставилъ „nam“ послѣ зват. надежа. Полиціано надписалъ на своемъ экземплярѣ перваго изданія: „Glaucia“ и присовокупилъ: „Do. addit nā. In 1° roggii abest“, чѣмъ подтвердилось чтеніе нынѣшняго Мадритскаго списка. Изъ новыхъ ученыхъ предложили Macnaghten: „Glaucia. si ins.“, а R. Unger: „Cui soli c. in. f., Glaucia, <es>: ins.“.

Въ 230-мъ стихѣ Itali интерполировали „dirae“ (взамѣнъ „durae“); по вопросу же, кого разумѣть подъ „comes—ferae“, полемика

⁸⁴⁾ Онъ въ ст. 130-мъ не безъ причины устраняетъ соответственное слово. Только вмѣсто рукописнаго „augusta telas artare lacerna“ мы читали бы не: „augustante alas a. l.“, а скорѣе: „angusta <sca>pulas artare lacerna“. Ср. Mart. VI, 59, 5 sq.: „lacernae, Tollere de scapulis quas leuis aura potest“.

⁸⁵⁾ Объ абсолютно поставленномъ „assuescere“ см. *Thes. l. Lat.* II, 909, 33 sqq. Относительно сочетанія съ „tener“ ср. Tib. I, 4, 58: „iam tener adsuescit“ eqs., Verg. G. II, 272 (о растеніяхъ): „a teneris consuescere multum est“ и т. п. У Стація „assuescere“ встрѣчается довольно часто.

⁸⁶⁾ У Мелиора.

все еще продолжается. Дан. Heinsius, а затѣмъ Nic. Heinsius и Markland толковали эти слова объ "Ορβρος" (87), двуглаво́мъ братѣ Кербера (Sil. Ital. XIII, 845), позднѣе Wesseling о Меркуріи (онъ читаетъ: „Comes ille *uiae*“), въ наше время Росбахъ—объ упомянутомъ у Лукана VI, 702 sq. „ianitor—qui uiscera saeuo Spargis nostra cani“ (88). Но препятствовать тѣнямъ, которыя бы пытались бѣжать изъ Ореа, было специальною обязанностью самого Кербера (89). Что здѣсь о послѣднемъ и говорится, полагають многіе другіе, причемъ самый текстъ стиха считаютъ искаженнымъ. Первымъ высказался въ этомъ смыслѣ Barth, предложившій: „Nec trinae canis ille ferae“. Markland осудилъ эту догадку въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Si dixisset: ‘canis trino capite’ uel ‘ore’, intellexissem: sed ‘canis trinae ferae’ tam monstrosum est quam ipse Cerberus“. Приговоръ справедливъ, но не слѣдуетъ терять изъ виду, что онъ направленъ не противъ самой идеи Бартовской конъектуры, а противъ неудачнаго воплощенія этой идеи. Къ послѣдней и вернулся постепенно. Вотъ извѣстныя намъ поправки, проектированныя примѣнительно къ ней: „Nec durae sonus ille ferae“ (R. Unger), „Nec durae comes ille *serae*“ (Housman) (90), „Nec d. *prompsisse* ferae“ (Slater) (91), „Nec dirae *coma s(a)ena* ferae“ (Postgate) (92).

Со своей стороны думаемъ, что по существу правъ Унгеръ (ср. *Theb.* I, 550 sq.: „sonantia lassant Ora canes“). Однако, не „comes“

87) Hesiod. *Theog.* 293. 309. Apollod. II, 5, 10. 3. 6. Q. Smyrn. VI, 253 и т. д.

88) Его отождествляютъ съ „ostia Ditis Centenis suetus Briareus recludere palmis“ (Sil. Ital. XIII, 587 sq.). Онъ въ видѣ юноши встрѣчается изображеннымъ рядомъ съ Керберомъ.

89) Сл. тексты, сопоставленные нами въ *Ж. М. Н. Пр.* за дек. 1906 г., класс. отд. стр. 579 (=стр. 49 отд. отгисковъ): ср. ниже пр. 95.

90) Но Postgate основательно возражалъ [*Classic. Review*, 1906, 306]: „Bars do not go with dogs..., and when Cerberus went for a run, he left this ‘companion’ behind: Prop. IV, 7, 90: ‘errat et abiecta C. ipse sera’ quoted by Mr. H.“ (мы напомнимъ и Sil. Ital. XIII, 592 sqq.: „C. hic ruptis peragrat cum Tartara uinclis, Non... ipsa... Megaera Audet adire ferum, dum fractis mille catenis Viperea latrans circumligat illa cauda“).

91) Онъ ставитъ неокончат. наклоненіе въ зависимость отъ *arcet* и, относительно приписываемаго имъ подобранному слову смысла, слѣдуетъ стихъ Вергілія *Aen.* II, 260: „sauo se robore promunt“, т. е. подразумеваетъ: „Зиме звѣри не мѣшаютъ чистымъ душамъ (себя) проявить (внѣ ада)“. Уже лучше, понятнѣе, остаться при преданіи!

92) Онъ сопоставляетъ Ouid. *Her.* 9, 94: „Cerberos implicitis angue minante comis“. Прибавить можно бы, напримѣръ, Sen. *Herc. fur.* 789: „attollit hirtas angue uibrato comas“ и др.

только, но и, во всякомъ случаѣ, „ille“ должно быть устранено. Подходила бы, кажется, редакція:

ades huc emissus ab atro
limine, cui soli cuncta impetrare facultas,
Glaucia (nil sontes animas nec Portitor arcet 229
terg(m)inae so(n)itusue ferae): tu pectora mulce,
tu prohibe manare genas.

Адвербіальное *nihil*, какъ извѣстно, Стаціемъ охотно употребляется (*Theb.* IX, 619: „more nihil Graio, *Silu.* III, 1, 174: „nihil laesum“ и т. п.). Координація частиць *nec—ue* встрѣчается и у Вергилія (*Aen.* III, 628 sq.)²³⁾, и у Стація (напр. *Theb.* VI, 712)²⁴⁾. Затѣмъ, сл. *Silu.* III, 3, 26 sqq.: „longe Furiarum sibila, longe *Tergeminus custos*, penitus uia longa patescat Manibus egregiis“. II, 1, 184: „illum nec terno latrabit C. ore“ eqs.²⁵⁾ *Theb.* II, 26—31: Illos²⁶⁾ ut caeco

²³⁾ Также *non-ue* (напр., *Aen.* II, 601 sq. 785), *non-aut* (*Aen.* III, 42 sq. X, 528 sq.) и ир. Ср. *Aen.* I, 414. II, 187, 778 sq. III, 161 sq. IV, 338 sq. 501 sq.

²⁴⁾ Едва ли *Silu.* I, 3, 25 sq., гдѣ въ *M* читается: „alternas sequant praetoria ripas, Non externa sibi: *fluuiorum optare* queruntur“. Тутъ Domizio конъюнктировалъ: „fluuiumue obstare“ (но въ ed. Rom. опечатка: „fluuiumne obstare“, которую и цитуетъ первоначально Poliziano, измѣнившій, по свидѣтельству Engelmann'a, лишь позднѣе „n“ въ „u“). Мы прежде (*Ж. М. Н. Пр.*, окт. 1903) предложили: „fluuiio arcum optare ueruntur“, теперь же предпочли бы: „fluuiu(m) hunc artare queruntur“. Смыслъ былъ бы: „Строеніи расположены по обѣимъ сторонамъ Аніона, но будучи лишь взаимно обособлены: (напротивъ,) они [т. е. ихъ жильцы] жалуются на то, что эта рѣка (своей узостью) порождаетъ скученность (береговыхъ помѣщеній)“. *Asyndeton* при такихъ условіяхъ закононо: оно равносильно переходной формулѣ, въ родѣ: „quin immo“. Чтò до *artare*, то гипербола напоминаетъ *Theb.* II, 434: „Euboicis artatas fluctibus oras“ (гдѣ „oras“ обнимаетъ и пребережныя мѣстности), VIII, 413: „nec iaculis artatus sufficit aër“, *Sen. H. fur.* 1210 sq.: „quae pontum Scythen Symplegas artat“ и т. п. Тутъ всюду сказано, что содержащее или ограничивающее существуетъ содержимымъ или ограниченнымъ.

²⁵⁾ Verg. *G.* IV, 482: „tenuitque inhians *tria C. ora*“ [*Claud. R. P.* I. 85: „latratum triplicem compepsuit“], *A.* VI, 417 sq.: „C. haec—latratu regna *trifauci* Personat“ [*Sil.* II, 551 sq.]. Ouid. *Met.* IV, 450 sq.: „*tria C.* extulit ora Et tres latratus simul edidit“, VII, 414: „Implenit pariter *ternis latratibus* auras“. *Sen. Ag.* 860 sq.: „nec ullo Latrauit ore“ [*Sil.* XIII, 574: „non uno C. ore“, *Stat. S.* V, 3, 279: „nullo sonet asper ianitor ore“; cf. 59 sq.: „omni Ore“]. *Herc. f.* 784: „terna vasto *capita concutiens sono*“, 795 sqq.: „uocis horrendae *fragar Per ora missus terna felices* quoque Exterret umbras“ [783: „saeuus umbras territat“, Verg. *A.* VI, 401: „latrans-terreat umbras“. *Sil.* III, 35: „saeuis terrenis latratibus umbras“. *Stat. S.* V, 1, 249 sq.: „times ne Cerbereos Priscilla tremescat latratus? tacet ille piis“. V, 2, 94 sq. *Mart.* V, 34, 3 sq.: „Paruola ne nigras horrescat Erotion umbras oraque

recubans in limine sensit Cerberus, aequae⁹⁷⁾ omnes capitum subrexit hiatus, Saeuus et intrantí⁹⁸⁾ populo: iam nigra tumebat Colla minax, iam sparsa solo turbauerat ossa, Ni deus horrentem Lethaeo uimine mulcens Ferrea *tergeminó* domuisset lumina somno⁹⁹⁾. VII, 782 sq.: „Audio iam rapidae cursum Stygis atraque Ditis Flumina *tergeminosque* mali custodis *hiatus*“. (Tib.) III, 4, 87 sq.: „Nec canis anguinea redimitus terga caterua, Cui tres sunt linguae *tergeminumque caput*“. Propert. IV, 7, 51 sq.: „Iuro ego Fatorum nulli reuolubile carmen, *Tergeminusque canis* sic mihi *molle sonet*, Me seruisse fidem“. Ouid. *Art.* III, 321 sq.: „Saxa ferasque lyra mouit Rhodopeius Orpheus Tartareosque lacus *tergeminumque canem*“. *Trist.* IV, 7, 16: „(credam prius—esse—) *Tergeminumque uirum tergeminumque canem*“. Sen. *Agam.* 13 sq.: „custodem Stygis *Trigemina* nigris colla iactantem iubis“.

XIV.

Stat. *Silu.* II, 2, 153 sq.: non ulla deo meliore cohaerent Pectora, non alias docuit Concordia mentes.

Еще Antonio Amiternino указалъ, что не этими стихами оканчивалась, вѣроятно, данная „сильва“, а что переставить нужно послѣ нихъ *vv. 143—146*: „Discite securi—titulos praecedite lamae“. Эта комбинація, которую вторично рекомендовалъ Грондвѣ, теперь, если не ошибаемся, всѣми одобрена (Vollmer, Klotz, Davies и Postgate, наконецъ Phillimore). Къ ней применилъ и Housman, который, впрочемъ, отмѣтилъ сверхъ того вполне убѣдительно пробѣлъ послѣ *mentes*. Вѣдь при настоящемъ текстѣ „non alias docuit C. mentes“ имѣетъ явно загадочный характеръ: и потому-то возникали конъектуры „*decuit*“ (Itali) и „*coluit*“ (*Baehrens*) вм. „*docuit*“, а также „*Foedera*“ (*Phillimore*) вм. „*Pectora*“. Проф. Housman вставляетъ: „Non alias docuit C. mentes <*Vincula amare magis. Fallentis gaudia uitae*> Discite securi“. Это даетъ удовлетворительную схему. Но способъ выраженія мы предпочли бы иной, напр.:

Tartarei prodigiosa canis“. Claudian. *R. P.* II, praef. 33 sq.: „Te-nec Stygii terruit ira canis“].

⁹⁶⁾ Покидающихъ адъ Меркурія и тѣнь Лая.

⁹⁷⁾ Преданіе „*atque*“; исправилъ R. Unger.

⁹⁸⁾ Такъ какъ рѣчь идетъ объ уходящихъ изъ преисподней, то можетъ явиться подозрѣніе, не читать ли, напр.: „*saeuus oberranti populo*“; но преданіе подтверждается Клавдіаномъ *in Ruf.* II, 457: „*Intrantemque etiam [негодяя] latratu C. urget*“.

non ulla deo meliore cohaerent pectora, non alias docuit Concordia mentes ⟨ <i>pacta tōri fuisse magis, consortia laudis</i> ⟩	154
discite securi, quorum de pectore mixtae in longum coiere faces sanctusque pudicae seruat amicitiae leges amor: ite per annos saeculaque et priscae titulos praecedite famae.	143 146

Теперь создалась ожидаемая *concinuitas*, т. е. слова *ite*—*famae* соотвѣтствуютъ предыдущему „*consortia laudis* Discite“.

Пользуясь случаемъ, присовокупимъ, что мы нѣсколько видоизмѣнили бы теперь предложенное нѣкогда (*Ж. М. Н. Пр.*, окт. 1903) восполненіе пробѣла въ 147-мъ стихѣ той же силъвы [къ конъюгированному нами тогда *cui non* пришелъ теперь и *Phillimore*, не знавшій, конечно, нашей статьи: перестановку его охотно принимаемъ, прочее—нѣтъ]. Читать, полагаемъ, можно бы:

tuque, nurus inter longe ⟨ <i>placidissima Romae,</i> <i>sollicitare solent cui non</i> ⟩ praecordia curae,	147
non frontem uestire minae, sed candida semper gaudia eqs.	148

XV.

Stat. *Silu.* II, 3, 64 sqq.: Tu, cuius placido posuere in pectore sedem Blandus honos hilarisque tamen cum pondere uirtus, Cui nec pigra quies nec iniqua potentia nec spes Improba, sed medius per honesta et dulcia limes, Incorrupte fidem nullosque experte tumultus (69:) Et *secrete*⁹⁹⁾ *palam*, quod¹⁰⁰⁾ digeris ordine uitam, Idem auri facilis contemptor et optimus idem *Comere*¹⁰¹⁾ dinitias opibusque immittere lucem: Hac longum florens animi morumque iuuenta (73:) *Iliacos aequare senes... persta eqs.*

Vollmer, защищая преданіе въ 69-мъ ст., говоритъ: „*secrete* entspricht Epikurs λάθη βιώσας; Atedius erfüllt diese Forderung, ohne doch ins Extrem zu verfallen; er lebt *palam* und *ordine*“. Вслѣдствіе такой интерпретаціи онъ измѣняетъ дальше по примѣру Адриана *quod* на *quot*. Между тѣмъ въ методологическомъ отношеніи ясно, что ключъ къ восстановленію подлинника даетъ *quod*: нашедши то слово, отъ

⁹⁹⁾ *M.*: „*secrete*“; *ed. princ.*: „*satiare*“; *ed. Parm.* (a. 1473), *Domit.* (a. 1475), *exc. Polit.* (a. 1494): „*secrete*“, *Geuaerts.*: „*Exsatiare palam*“, *Markl.*: „*si Statius scripsisset Et secure palam, nix explicare potuissem*“ (*Baehrens.*: „*Et secure palam quod*“), *Koch.*: „*Ambitione procul qui d.*“, *Waller.*: „*Nec secrete, palam quod*“.

¹⁰⁰⁾ *M.*: *quod*, *Itali* (*Baehrens.*): *quo*, *Domit.*: *qui*, *Adrianus.*: *quom*—*degeris*.

¹⁰¹⁾ *Burm.*, *Hemsterhuys.*, *Peerikamp.*, *Madvig.*: *Promere*.

Мы тоже думаемъ, что нужно искать причастія, только полагаемъ, что оно стояло въ имен. падежѣ, такъ какъ относилось къ Лукану. Нельзя ли:

et Pharsalica bella detonabis,
amplectens ducis inter arma diui 65
 libertate granem pia Catonem
 et gratum popularitate Magnum.

Описывая въ „Фарсалия“ („Phars. b. detonabis“) т. е. *bellum Caesarianum* („ducis—arma diui“), Луканъ *стоитъ на сторонѣ* не обожествленнаго позднѣе диктатора, а Катона и Помпея. Тутъ какъ будто даже намекъ на извѣстные стихи *Phars. I, 126 sqq.*:

quis iustius induit arma,
 scire nefas; magno se iudice quisque tnetur:
 uictrix causa deis placuit, sed uicta Catoni.

Дѣйствительно, *scire nefas* поставлено лишь въ виду Нерона, самое же построеніе антитезы выдаетъ настоящія симпатіи автора.

XVIII.

Stat. Silu. III, 1, 125—129: Hic pater ipse loci—Tirynthius—Insudat ualidaque solum deforme bipenni—Ipsе fodit: dilesque capre uiridesque resultant Taurubulae.

Въ *Ж. М. Н. Пр.* за 1904 годъ (ноябрь—декабрь) мы останавливались уже на этомъ текстѣ и привели, между прочимъ, замѣчаніе Buecheler'a: „Beim Namen der Insel ist nie der animalische Begriff vergessen worden (Iuv. X, 93)“. Это тонкое наблюденіе знаменитаго филолога не должно бы остаться бесплоднымъ для критики. Вотъ почему, при новомъ разсмотрѣніи настоящаго мѣста, попытаемся использовать слова Бюхелера. Они наводятъ на чтеніе:

solum deforme bipenni,
 cum graue nocturna caelum subtexitur umbra,
 ipse fodit: *cautesque capr(a)e* uiridesque resultant
 Taurubulae.

Теперь игра словъ выражена вполне корректно: противопоставляются другъ другу „утесы козы“ (т. е. „козьи утесы“) и „зеленѣющія Таврубулѣ“¹⁰⁵). Отмѣтимъ еще слова Бюхелера: „Ov. Fast. II, 491 nennt

¹⁰⁵) Мѣстность неизвѣстна: ожидается „Tauroborae“. Ср. Buecheler: „ebenso wie der vorhergehende Name, der Tierwelt mehr als der Geographie seiner Zeit entnommen“.

Capreae palus auf dem Marsfelde, was andere *Caprae p.* nennen“, напомнимъ однако, что *capreus* употреблялось и какъ прилагательное отъ „capra“. Слѣдуетъ также указать, что у Светонія *Tiber.* 43 преданіе свидѣтельствуетъ почти единогласно: „*Secessu uero caprensi etiam sellaria excogitauit*“¹⁰⁶). Сл. въ концѣ той же главы Светонія: „*quem,—nomine insulae abutentes, Caprineum dictitabant*“.

XIX.

Stat. Silu. III, 1, 1, 166 sqq. (слова Геракла): *Macte animis opibusque meos imitate labores, Qui—rupes—domas et vertis in usum Lustra habitata feris foedeque latentia profers Numina. Quae tibi nunc meritorum praemia soluam? Quas referam grates? Parcarum fila tenebo Extendamque colus eqs.*

Мы думали раньше¹⁰⁷) о чтеніи: „*latentia profers Plurima*“. О. Е. Коршъ указалъ намъ на бессодержательность такого общаго выраженія. Присмотрѣвшись вторично къ данному тексту, рѣшаемся высказать увѣренность, что Стацій написалъ:

et uertis in usum
lustra habitata feris foedeque latentia profers.
numine quae tibi nunc meritorum praemia soluam, 170
quas referam grates? Parcarum fila tenebo eqs.

Гераклъ спрашиваетъ: „что я могу сдѣлать своей божественной силой, чтобы отблагодарить тебя?“ и отвѣчаетъ: „я продлю твою жизнь“ и т. д.

XX.

Stat. Silu. III, 2, 135—141: *inque uicem medios narrabimus annos [m. e. будемъ описывать другъ другу время нашей разлуки], Tu rapidum Euphraten..., qua dulce nemus florentis Idymes, Qua praeciosa tiros rubeat qua purpura suco Sidoniis iterata uadis, ubi germine primum Candida felices sudent opobalsama uirgae.*

¹⁰⁶) Только *Vatic.* 1901 г. XI имѣютъ сокращеніе: „*capri*“. Чтеніе „*Caprensi*“ есть догадка *Aldinae* а. 1516.

¹⁰⁷) *Ж. М. Н. Пр.*, ноябрь-декабрь 1901 г.—Въ той же статьѣ мы къ ст. 157-му этой сѣлвы: „*Seu tibi dulce manu Libycas nodare palaestras*“ предложили поправку: „*Seu tibi <erit> dulce hand L. n. p.*“. О. Е. Коршъ справедливо осудилъ эту попытку, какъ вносящую двѣ ослэвн въ стихъ. Мы поэтому видоизмѣнили бы ее теперь слѣдующимъ образомъ: „*Seu tibi dulce sit (hand) Libycas nodare palaestras*“. Стацій, подобно другимъ писателямъ своей эпохи, соединяетъ *sine* и съ сослагат. наклоненіемъ.

Въ 138-мъ стихѣ Baehrens возстановилъ: „*qua(m) dulce nemus*“, а въ 139-мъ и 140-мъ приобрѣли почти цѣликомъ право гражданства догадки Гронова: *quo pretiosa Tyros rubeat, quo purpura fuso Sidoniis iterata cadis*“. За эту редакцію стоялъ и Markland, а „*fuso*“ предлагалъ и Гейнсий. Между тѣмъ послѣднее выраженіе у Стация вообще не встрѣчается, а кромѣ того оно вносило бы неточность чисто реальнаго свойства въ изложеніе (ибо „*fusus*“ въ техническомъ значеніи слова при изготовленіи т. н. „тирскаго“ пурпура роли не игралъ): не разъ, правда, поэты (особенно поздніе) говорятъ зря о „*fusus*“, но конъектурно замѣнять ошибочнымъ чтеніемъ прекрасное „*suso*“ уже, конечно, не годится (ср. напр., Plin. *n. h.* IX, 126: „*uinas [purpuras] capere contendunt, quia cum uita susum cum euunt*“ и т. п.). И вотъ, въ недавнее время стали въ этомъ словѣ отступать отъ Гроновіевой вульгаты. Мы полагаемъ, однако, что и въ прочихъ частяхъ своихъ, исключая лишь второе „*quo*“, она рѣшительно неудачна. Во-первыхъ, какъ можетъ „*pretiosa Tyros*“ противопоставляться *сидонскимъ* „*dibaphae*“, когда это одно и то же? Ср. Nер. ар. Plin. *n. h.* IX, 137: „*Me-iuene uiolacea purpura uigebat, ... nec multo post rubra Tarentina. Huic successit dibapha Tyria*“, Hor. *epod.* 12, 21: „*Muricibus Tyriis iteratae uellera lanae*“, Tibull. IV, 2, 15 sq.: „*cui mollia caris Vellera det susis bis madefacta Tyros*“ и т. д. Во-вторыхъ, „*cadis*“ не котель: слово поражаетъ своей необычностью въ подобномъ контекстѣ. Приводимъ для уясненія слѣдующее мѣсто изъ монографіи W. Ad. Schmidt'a (*Forschungen*, I, 120): „*Zuerst—wurden die ausgenommenen Saftgefäße der grösseren Purpurschnecken [pelagiae], und... auch der durch Zerstampfung entstandene Brei der kleineren [murices], 3 Tage lang in Salz eingelegt..., in dem Verhältniss von 20 Unzen Salz auf... 100 Pfund Materie... Nachdem man hierauf die Darm—und Fleischmasse durch Abspülung mit Meer—oder Salzwasser von allem Schlamm gereinigt..., wurde sodann die Materie in einem bleiernen (oder vielmehr zinnernen) Kessel etwa 10 Tage lang mit mässiger Hitze, mittelst eines mit dem Glühofen correspondirenden Wärmeleiters... gedämpft... Während dergestalt die Materie allmählig flüssig ward, schäumte man die fleischigen Theile sorglichst ab... Auf diese Weise wird die Masse in einem solchen Verhältnisse eingekocht, dass ein Quantum von 100 Amphoren oder 8.000 Pfd. auf 500 Pfd. reducirt ward*“. Въ основѣ этого описанія лежатъ текстъ Плинія *n. h.* IX, 133: „*eximitur—uena (железа)... cui addi salem necessarium, sextarius ferme centenas in libras; macerari triduo iustum...*

feruere in plumbo [*scil. albo, m. e. именно въ оловѣ*], singulasque [„*sanguineasque*“?] amphoras centenas ad quingentenas [*мѣкъ Hardouin,* atque quingentenas *въ рукоп.*] medicaminis [„*чистой краски*“] libras aequari ac modico uapore torreri et ideo longinquaе fornacis cuniculo. ita despumatis—carnibus,... decimo ferme die liquata cortina uellus elutriatum mergitur in experimentum“. Сюда же относятся мѣсто Poll. *Onom.* I, 49, изъ котораго достаточно цитовать слова: ἐνέψουσι ἐμπόρφ λέβητι τὸ θαλάττιον θήραμα. Правда, у Аристотеля *de color.* 40 читается: ὄταν—ἐξ αὐτῆς (τῆς πορφύρας) τὴν ὑγρασίαν ἐκκλῶσαι καὶ ταύτην ἐκχέαντες ἔψουσιν ἐν ταῖς χύτραις. Но и χύτρα не *cadus*, да и не можетъ подлежать сомнѣнiю, что Стацій держался бы стереотипнаго словоупотребленiя римскихъ поэтовъ. Ср. Ouid. *med. fac.* 9: „Tyrio—*aëno*“, *met.* VI, 61: „Tyrium quae purpura sensit aënum“, Sen. *H. Oc.* 663 sq.: „Sidonio—*aëno*“, Lucan. X, 124: „uirus non uno duxit aëno“, Valer. Fl. V, 512: „Taenarii—de sanguine aëni“, Sil. It. VII, 642: „Agenoreis—*aënis*“, Mart. X, 16, 7 и т. д.; самъ Стацій сказалъ *Silu.* I, 2, 151: „Tyrii moderator ...*aëni*“. Мы не отрицаемъ, что *cadus* могъ быть и металлическимъ (*Verg. A.* VI, 228—гдѣ идетъ рѣчь объ урнѣ для останковъ; *Macrob. Sat.* V, 19, 9 въ переводѣ съ греч.: см. *Soph. fr.* 491, 3 Nauck³), но самое назначенiе этого сосуда несовмѣстимо съ упоминаниемъ его здѣсь: онъ не служилъ для варки чего-либо, а въ немъ сохраняли то или другое (*aliquid in cadis conditur, in cadis servatur*; у Вергилия l. l. сказано „*cado texit*“, Софокль l. l. u. 5 продолжаетъ: αὶ δὲ χαλοπταὶ χίστα). Помимо того, рукописное *uadis* ничуть не нуждается въ измѣненiи. О „сидонскомъ морѣ“ была рѣчь выше (§ I). Здѣсь оно названо метонимически, вмѣсто самаго улова, какъ въ упоминавшемся тоже (въ § I) текстѣ Стаціева подражателя, Аполлинарiя Сидонiя, *epist.* IX, 13, 5 u. 15 sq.: „*rutilasque ferte blattas, recoquente quas aëno Meliboea fucat unda*“. Не слѣдуетъ терять изъ виду греческаго выраженiя ἀλουργής, которое и вызвало тутъ у римлянъ подражанiе. Ср. также *pelagium* (у Кассiод.: „*Neptunius aseruius*“). Вѣдь и *murax*, и *purpura* употребляется какъ о раковинѣ, такъ и о сокѣ ея. Такъ, Сидонiй, совершенно синонимно только что приведенному обороту „*fucat unda*“, сказалъ *c.* 15, 127 sq.: „*bis coctus aëno Serica Sidonius fucabat stamina murax*“ (ср. *Stat. Theb.* VI, 541 sq.: „*repetitaque multo murice*“, *Hor. c.* II, 16, 35 sq., *Martial.* IV, 4, 6, *Claudian. cons. Stil.* II, 333). Остается сдѣлать попытку къ исправленiю стиха 139-го. Нельзя ли:

qua(m) dulce nemus florentis Idymes;	
quae pretiosa, (n)igra(n)s rubeat quo purpura succo	139
Sidonius iterata padis; ubi candida primum	
germine felices sudent opobalsama uirgae.	141

Стацій ждетъ отъ друга, что, возвратившись изъ восточныхъ областей, тотъ, между прочимъ, разъяснить ему хорошенько, благодаря соку какой именно изъ багрянокъ та тирская *dibapha*, которая считается особенно цѣнной, приобретаетъ свой исчерна-красный цвѣтъ. Комментаріемъ въ настоящей догадкѣ можетъ служить Plin. *n. h.* IX, 135: „Summa medicaminum in <'M' Dellefsen, 'L' Hardouin> libras uellerum bucini ducenae et e pelagio [te palatio, te phelasio *codd.*, *corr.* Sillig] CXI. ita fit amethysti colos eximius ille. at *Tyrius* pelagio primum satiatur immatura uiridique cortina, mox permutatur in bucino: laus ei summa in colore sanguinis concreti: nigricans <is> aspectu idemque suspactu refulgens“. Какъ отсюда слѣдуетъ, *purpura ianthina* (*hyacinthina, violacea*) изготовлялась такъ, что шерсть погружали всего разъ въ опредѣленную смѣсь чернаго сока большой багрянки съ краснымъ сокомъ меньшей багрянки; *тирскій* же пурпуръ получался вслѣдствіе *двукратною* окрашиванія шерсти: она сперва насыщалась недовареннымъ чернымъ *pelagium*, а потомъ краснымъ *bucinum*. Ясно, что вопросъ Стація не лишенъ смысла, хотя и поставленъ неправильно: послѣднее весьма естественно, ибо свѣдѣнія въ публикѣ не могли быть столь отчетливы, какъ у Плинія. Относительно „*nigrans rubeat*“ надо, кромѣ Плинія, сличить Philostr. *Imagg.* I, 27, 4: τὸ μὲν χρῶμα [ἐκ φοινικῆς] ἀλουργίας, ἣν ἐπαينوῦσι Φοίνικες, ἀγαπάσθω δὲ τῶν ἀλουργῶν μάλιστα· δοχοῦν γὰρ σκυθρωπάζειν ἔλκει τινὰ παρὰ τοῦ ἡλίου ὄραν καὶ τῆς ἰδης [ἰδης *Schneider*] ἀνθεὶ φαίνεται, а также Cassiod. *Var.* I, 2: „*obscuritas rubens, nigredo sanguinea*“ (*Coripp. laud. Iustini minor.* I, 271: „*sanguis depingitur ostro*“).

Возражать, что у Alcimus Auitus *Poëm.* VI (*de virginis.*), 38 sq. читается: „*Nec te Sidonium bis cocti muricis ostrum Induit aut rutilo perlucens purpura succo*“, и что этотъ текстъ какъ будто говорить въ пользу Гроновіевой редакціи стиха Стація. Но почтенный епископъ пишетъ здѣсь подѣ влияніемъ Лукана X, 141, а потому возможно, что онъ написалъ вслѣдъ за нимъ „*rutilo perlucens pectora filo*“ (это дало бы антитезу: „тебя не облакаетъ сплошная багряница, и твоя нагота не просвѣчиваетъ изъ-подъ пурпурной ткани, нити которой умышленно рѣдки“). Если же преданіе Авита вѣрно, то почему не допустить, что онъ темной тирской (или „сидонской“) *dibapha* про-

тивополагалъ тотъ ярко-красный пурпуръ (Sen. *Med.* 99: „ostro—runicæo“), который названъ *ὄστουρία* въ эдиктѣ Диоклетiana *de pretiis rerum uenialium* и „oxyblatta“ въ Юстиниановомъ кодексѣ (IV, 40, 1). Вѣдь людямъ съ менѣе тонкимъ вкусомъ этотъ цвѣтъ и нравился преимущественно. Ср. Plutarch. *Cato min.* 6, 2: τοῖς τότε βίοις καὶ τοῖς ἐπιτηδεύμασιν—τὴν ἀναντίαν ὁδὸν οἰόμενος δεῖν βαδίζειν, ... ἐπεὶ πορφύραν ἑώρα τὴν κατακόρως ἐρυθρὰν καὶ ὀξείαν ἀγαπωμένην, αὐτὸς ἐφόρει τὴν μέλαιναν. Тутъ Катонъ боролся съ модой, но Августу приходилось дѣлать въ этомъ отношеніи уступки большинству (см. выше, стр. 253).

XXI.

Stat. *Silu.* III, 3, 1—7: Summa deum, Pietas, ... Huc... Mitibus exequiis ades et lugentis Etrusci Cerne pios fletus *laudataque* lumina terge.

Vollmer: „*laudata l. terge* = *lauda et terge*“. Но „хвалить *глаза*“ человека за то, что онъ плачетъ по умершемъ отцѣ, довольно дико ¹⁰⁸). Предлагали Hand: „*lassataque*“, Polster: „*foedataque*“. Цѣлесообразно, кажется:

mitibus exequiis ades et lugentis Etrusci
cerne pios fletus *lustrataque* lumina terge. 7

Домъ, въ которомъ кто-либо скончался, признавался *domus funesta* (или *funestata*). Равнымъ образомъ до слѣдовавшаго за похоронами (v. 6: „*exequiis ades*“) обрядоваго *silicernium* всѣ родные и домочадцы покойнаго считались оскверненными: „очищали“ же ихъ именно отъ скорбнаго плача ¹⁰⁹).

XXII.

Stat. *Silu.* III, 3, 66—69: Tibereia ¹¹⁰) primum Aula tibi, uixdum ora noua mutante iuuenta, Panditur. Hic, annis *multa super* indole uictis, Libertas oblata uenit.

Markland: „*magna*“ и „*pulchra super*“, Otto: „*multum super*“. Намъ

¹⁰⁸) Укоризненнымъ обращеніемъ влюбленныхъ къ своимъ плачущимъ глазамъ (*Варм. Унив. Изв.* 1887, № 9, стр. 4 сл. нашей статьи) не допускаютъ сопоставленія: виновниками страданій любящаго признаются вѣдь именно глаза его (ср. *Филол. Обзор.* XVIII, 45, пр. 121).

¹⁰⁹) Paul. ex Festo p. 295 l. „*Silicernium*“: „*fletu familia purgabatur*“.

¹¹⁰) M: „*thybereia*“, a [т. е. ed. pr.]: „*tymbreia*“, A [т. е. е.с. Pol.]: „*tybereia*“.

но „multa“ лишь подозрительно (Vollmer: „vielseitig“), но и „super“. Самая τῆσις, конечно, не причиняла бы вовсе затрудненія. Зато глаголь *superuincere* раньше Тертуллиана, кажется, не употреблялся. Правда, изъ Стация же приводятъ другой примѣръ—*Theb.* IX, 497, но по недоразумѣнью, какъ мы думаемъ¹¹¹⁾. Если наши сомнѣнія основательны, то читать бы можно:

Tibereia primum
 aula tibi, uixdum ora noua mutante iuuenta,
 panditur. hic, annis ualida semel indole uictis, 68
 libertas oblata uenit.

Годами онъ еще не окрѣпъ¹¹²⁾; но какъ только обнаружилось, что надъ ними взяли уже верхъ силы его духовной природы, онъ былъ отпущенъ изъ рабства на волю.

XXIII.

Stat. Silu. III, 4, 12 sqq.: Pergame, pinifera multum felicior Ida! Illa licet sacrae placeat sibi uibe rapinae (Nempe dedit superis illum, quem turbida semper Iuno uidet refugitque manum nectarque recusat), At tu grata deis pulchroque insignis alumno Misisti Latio, placida quem fronte ministrum Iuppiter Ausonius pariter Romanaque Iuno Aspiciunt.

Vollmer полагаетъ, что Стаций „folgt... der ältern Sage Hymn. Ven. 208 φίλον υἷὸν ἀνῆρπασε θέσις ἀελλα; erst spätere Zeit setzte den Adler dafür ein“. Но, во-первыхъ, въ гомер. гимнѣ сказано: οὐδέ τι ῥῆαι, ὄπκη οἱ φίλον υἷὸν ἀνῆρπασε θ. ᾄ., изъ чего отнюдь не слѣдуетъ, что существовало воззрѣнiе, будто вихрь унесъ Ганимеда. Во-вторыхъ, предшествующіе Стацию римскіе поэты, какъ и современные ему, упоминаютъ всѣ орла, когда касаются похищенія отрока Зевсомъ:

¹¹¹⁾ Вотъ контекстъ стиховъ 492—501: (Hippomedon, стоя въ водѣ, сражается) „Stabat gramineae producta crepidine ripae Undarum ac terrae dubio, sed amicior undis, Fraxinus ingentique uadum possederat umbra. Huius opem (nam qua terras inuaderet?) unca Arripuit dextra: nec pertulit illa trahentem; Sed maiore super quam stabat pondere uicta Soluitur, et (qua stagna subit radice quibusque Argenteum mordebat humum dimissa) superne Iniecit trepido sese ripamque“ eqs. Мы и полагаемъ, что конструкція будетъ не „*superuicta* maiore pondere, quam <quo> stabat“, какъ обычно сочиняютъ, а: „*uicta* maiore pondere, quam <quo> *superstabat*“, ибо „*superstare*“ настоящая уох Рапиніана (интранзитивно употреблена *Тѣ.* XI, 564; транзитивно—*Тѣ.* II, 713 и X, 415).

¹¹²⁾ *Silu.* V, 2, 62 sq.: „nondum ualidae tibi signa iuuentae Irrepere genis“ eqs., *Ach.* III, 374 sq.

Verg. *A.* V, 254 sq., Horat. *c.* IV, 4, 3 sq., Ouid. *M.* X, 157 sqq., Valer. Flacc. II, 416 sq., Sil. Ital. XV, 425 sq., Martial. I, 6, 1 sq. V, 55. X, 19, 8 sq. и т. п. Въ-третьихъ, самъ Стацій, несомнѣнно, держится той же версии *Th.* I, 548: „Hinc Phrygius fulvis uenator tollitur alis“ („uenator“ и по Вергилиеву описанію). Въ-четвертыхъ, ἄλλα не „nubes“. Такимъ образомъ латинское выраженіе оставалось бы и при толкованіи Vollmer'a загадочнымъ. Наконецъ, можетъ ли гора Ида гордиться, какъ мѣстною достопримѣчательностью, грозовой тучей?

Markland предположилъ „laude rapinae“, сличивъ, между прочимъ, *Theb.* IX, 704: „Nec formae sibi laude placet“¹¹³⁾, а Koestlin: „*riphe* rapinae“, недавно же Phillimore придумалъ явно невѣроятную редакцію: „*Iliaca Assaraci* p. s. *in urbe rapina*“, при которой измѣняетъ пять словъ въ стихѣ. Мы довольствовались бы чтеніемъ:

Pergame, pinifera multum felicior Ida,
illa licet sacrae placeat sibi *ualle* rapinae!

Ср. *El. in Maec.* I, 91 sq.: Valle sub Idaea tum te, formose sacerdos [„satelles“?] Inuenit [*sc. aquila*] et presso molliter ungue rapit“. Но мыслимо у Стація и „*riphe* rapinae“. Тогда было бы сказано, что Ида гордилась той своей скалистой вершиной, на которой находился охотившійся Ганимедъ, когда орелъ вознесъ его на Олимпъ. Въ фор-

¹¹³⁾ См. также *Sili.* I, 2, 262 sqq.: „Nitidum consurgat ad aethera tellus Eubois et pulchra tumeat Sebethos alumna; Nec sibi sulphureis Lucrinae Naides antris Nec Pompeiani placeant magis otia Sarni“. Къ сожалѣнію, и этотъ текстъ искаженъ. По крайней мѣрѣ, неприемлемо толкованіе Hand'a: „gaudeat suā alumna (Виолеттиллоу) Sebethos (протекающая у Неаполя рѣчка) nec minus hoc suo decore superbiat. quam Lucrinus lacus <сѣрными источниками> et Sarnus sua amoenitate (?)" . Ed. Parmens.: „nec tibi sulphureis“, и такъ читаетъ Markl., дабы возстановить concinnitatem. Сперва вѣдь „nec sibi placeant“ сочинено съ аблитивомъ, продолжать же приходится: „nec sibi otia Sarni magis placeant“, что и само по себѣ дико, и создаетъ странную симметрію „досуга“ съ „наядами“ въ отношеніи самодовольства. Впрочемъ, порча, конечно, не въ *sibi*, а въ *otia*. Мы рекомендовали бы: „Nec Pompeian(a)e placeant magis obisce Sarni“. Sarnus протекалъ къ югу отъ Помпеіи. Можно бы, пожалуй, прибѣгнуть къ догадкѣ, что городъ былъ тутъ огражденъ береговыми сооружениями, которыя, въ такомъ случаѣ, составляли гордость мѣстныхъ рѣчныхъ наядъ не на томъ лишь филантропическомъ основаніи, на какомъ нимфы Лукринскаго озера гордились даже зловонными сѣрными источниками, но и потому, что моль этотъ защищала отъ моря самое устье рѣки. Ничто, однако, не мѣшаетъ понимать „obisce Sarni“, какъ „magis—obisce“ у Verg. *A.* X, 377. Долгота перваго слога въ „obisce“ (т. е. „objisce“), какъ, напр., еще *Theb.* III, 674. Verg. *G.* II, 430. Ouid. *M.* III, 371. Sen. *H. f.* 237 и т. д.

мальномъ отношеніи, сверхъ указанныхъ уже примѣровъ (*Theb.* IX, 704 и *Silu.* I, 2, 264 sq.), можно привести еще *Mart.* XIII, 109: „*uindemia... Iuleo quae sibi monte placet*“.

XXIV.

Stat. Silu. IV, 2, 52 sqq. (послѣ ряда сравненій возмечавшаго Домиціана съ отдыхающими Марсомъ, Поллуksomъ, Вакхомъ и Геркулесомъ): *Parua loquor necdum aequo tuos, Germanice, uultus: Talis, ubi Oceani finem mensasque reuisit Aethiopum sacro*¹¹⁴⁾ *diffusus nectare uultus Dux superum, secreta iubet dare carmina Musas eqs.*

Въ 1892 г. мы писали: „Въ стихахъ 46—51 Стацій уподобляя не *лицу* Марса и т. д. *лицу* Домиціана“¹¹⁵⁾. Слѣдовало сказать: „не одно лицо“, ибо послѣднее, какъ доказываютъ стихи 41—44 („*tranquillum uultus*“, „*ore nitobat—honos*“), не исключается. Рѣчь идетъ о наружности вообще, которой приписываются совершенство и величественность неземныя. Качественное обозначеніе внѣшности и должно стоять в. 52, вмѣсто „*tuos—uultus*“, чего, дѣйствительно, и потому не стояло, что множ. ч. „*uultus*“ слѣдуетъ черезъ строку и опять на концѣ стиха, причѣмъ въ ст. 54-мъ обезпечено текстомъ *Ach.* I, 53: „*aequoreo diffusus nectare uultus*“ (о Нептунѣ)¹¹⁶⁾. Мы читали бы въ настоящее время:

*parua loquor necdum aequo tuu(m), Germanice, sidus.*¹¹⁷⁾ 52

¹¹⁴⁾ *Itali:* „*sacros*“.

¹¹⁵⁾ *Варш. Ун. Изв.*, 1892, № 5, стр. 56 „Замѣтокъ“.

¹¹⁶⁾ Ср. *Ouid. M.* XIV, 272; *ex Ponto* IV, 4, 9. Противъ догадки *Markland*'а къ нашему мѣсту Стація „*uisus*“ говорятъ и то обстоятельство, что также на концѣ стиха стоять здѣсь *reuisit*, чего нѣтъ основанія измѣнять.

¹¹⁷⁾ Cf. *Silu.* III, 4, 26: „*puerum egregiae praeclarum sidere formae*“, *Theb.* II, 159: „*aequo pubescunt sidere natae*“. Мы теперь думаемъ, что и *Silu.* III, 3, 111 sqq., взаимнѣ: „*Quis sublime genus formamque insignis Etruscae Nesciat? haudquaquam proprio mihi cognita uisu, Sed decus eximium, famae par, reddit imago, Virtutibus et sibimet similis natorum gratia monstrat. Nec vulgare genus*“ eqs., читать бы можно, принявъ въ ст. 111-мъ догадку *Markland*'а, а также изгнавъ, по примѣру *Skutsch*'а, пзъ 114-го глоссы:

*quis sublime decus formamque insignis Etruscae
nesciat? haudquaquam proprio mihi cognita uisu:
sideris eximium famae par reddit imago,
et sibimet similis natorum gratia monstrat.
nec vulgare genus eqs.*

113

При „*famae*“ подразумѣвается „*illius*“. Родит. пад. при *eximium* имѣется, напр., *Silu.* II, 6, 97.

XXV.

Stat. *Silu.* IV, 7, 9—12: Maximo carmen tenuare tempto; Nunc ab *intonso* capienda myrto Serta, nunc *maior sitis* et bibendus Castior amnis.

Ода посвящена Вибію Максиму. Стацій спрашиваетъ: „Когда же Далмація возвратитъ тебя Италиі?“, признается (ш. 21—24), что въ отсутствіе Вибія „Ахиллеа“ туго подвигается („*Torpor est nostris sine te Camenis... primis... metis Haeret Achilles*“), и привѣтствуетъ друга по поводу рожденія сына. Спрашивается, какъ могъ во вступленіи къ подобному стихотворенію авторъ сказать, что теперь поэтическая жажда (вдохновляющей влаги) въ немъ особенно сильна? Первая строфа заключаетъ въ себѣ обращенную къ музѣ просьбу: „*heroos, Erato, labores, Differ atque ingens opus in minores Contrahe gyros*“. Вызывающая своимъ третьимъ стихомъ наше недоумѣніе третья строфа содержитъ въ первомъ стихѣ выраженіе „*Maximo carmen tenuare tempto*“. Дальше, какъ мы видѣли, Стацій заявляетъ, что въ работѣ надъ начатымъ эпосомъ наступила *пауза*. Какъ же понимать: „*nunc maior sitis*“? Справедливо Markland замѣтилъ: „*si per uersum licuisset, dixisse potius debuit minor sitis*“. Онъ придумалъ поправку: „*nec maior sitis*“. Она не имѣла успѣха, потому что ея разрушается *ἀναφορά*. Но странно, что перестали искать эмендаціи къ этому мѣсту. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, успокоиться на комментаріи Vollmer'a: „*das Gedicht... behandelt als γυνεθλιαχόν einen Stoff, der... in diesem Versmasse, wenigstens zu Rom, noch nicht behandelt worden ist (intonso); darum beherrscht den Dichter maior sitis*“. Во-первыхъ, ода не есть вовсе *γυνεθλιαχόν*: въ ней лишь *между прочимъ* говорится о новорожденномъ (v. 29 sqq.: „*Sed damus lento ueniam, quod alma Prole fundasti uacuos penates*“ и т. д.). Такъ смотрѣлъ на дѣло самъ Стацій, какъ видно изъ предисловія къ IV книгѣ, гдѣ по поводу даннаго нумера сказано: „*Maximum Vibium et dignitatis et eloquentiae nomine a nobis diligi satis eram testatus epistola, quam ad illum de editione Thebaidos meae publicauit: sed nunc quoque eum reueri maturius ex Dalmatia rogo*“. Этими словами авторитетно указано, что считать главной темой нашей силвы, и категоричность указанія подтверждается его сопоставленіемъ съ непосредственно слѣдующими словами того же предисловія: „*Iuncta est ecloga ad — Iulium Menecratem... cui gratulor, quod Neapolim — numero liberorum honestauerit*“. Во-вторыхъ, *intonso* нельзя толковать въ смыслѣ Фольмера, коль скоро отпалъ основной его тезисъ, по

которому будто бы мы тутъ имѣемъ дѣло съ γαυεῦλιαχόν. Если бы слово дошло въ своемъ подлинномъ видѣ, то пришлось бы объяснять его такъ: „теперь я надѣну въ первый разъ миртовый вѣнокъ“. Но и то затрудняло бы, такъ какъ читатели „Сильвъ“ не могутъ забыть, что, напр., въ „Eрithalamion“ (I, 2) поэтъ не пренебрегъ Афродитой. Намъ и кажется, что исправленію подлежатъ какъ „intonse“, такъ и „maior sitis“. Не читать ли:

Maximo carmen tenuare tempo;	
nunc ab insontis capienda myrto	10
serta, nunc, Manor(s), sinis et hibendus	
castior amnis.	12

„Съ твоей стороны, Марсъ, нѣтъ препятствій въ мирнымъ нагѣ-вамъ“ — это значить: остановка, наступившая въ обработѣ „Ахиллеиды“, позволяетъ написать другу стишки санфическимъ размѣромъ. По терминологіи, которой придерживался и Стаций, миртъ, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, символомъ эротической поэзіи, противопоставляется съ особой силой лавру, вѣнчавшему подвизавшихся на поприщѣ героическаго эноса. Ср. *Silu.* I, 2, 96 sqq.: „arniferos poterat memorare labores Claraque facta uirum et torrentes sanguine campos, Sed tibi (*Венецъ*) plectra dedit *mitisque* incedere uates Maluit et nostra [*говоритъ Эротъ*] laurum subtexere myrto“. Потому-то „insonti—myrto“ здѣсь и вмѣстѣ (ср. Ouid. *Am.* III, 15, 19: „imbelles elegi“). Вспоминается *Theb.* XII, 682 sq.: „rainis insontis oliuae Pacificus“. Что касается „castior amnis“, то подразумѣвается, что воспѣвавшему раньше войну должно какъ бы очиститься отъ той крови, которая обогрѣла его стихи (ср. Cic. *Phil.* XIII, 8: „res familiaris cum ampla, tum casta a cruore civili“); намекается при этомъ и на самую тему „Ахиллеиды“, въ которой приходилось говорить о прелюбодѣяніи Париса, о связи переодѣтаго дѣвушкой героя съ Дондаміей, о его ссорѣ съ Агамемнономъ изъ-за Бризеиды и т. д. Ср. Ouid. *Trist.* II, 371 sqq.: „Ilias ipsa quid est aliud, nisi adultera, de qua Inter amatorem pugna uirumque fuit? Quid prius est illi flamma Briseidos, utque fecerit iratos rapta puella duces?“.

XXVI.

Stat. *Silu.* V, 1, 181 sqq. (*говоритъ умирающая Ирисцилла, прощаясь съ мужемъ*): Linquo equidem thalamos, saluo tamen ordine *mostis* Quod prior; exegi longa potiora senecta Tempora: uidi omni pridem te flore nitentem, Vidi altae [*Кесаря*] propius propiusque accedere dextrae.

Такъ *M.* Въ *a* [ed. pr.]: „noctis“; въ итальянскомъ cod. Paris.: „mortis“ ¹¹⁸⁾; Domizio конъюцировалъ (1475): „maestos“, и вслѣдъ за тѣмъ Poliziano (1494) на своемъ экземпляръ 1-го изд. приписалъ: „mestos“ безъ обозначенія источника (*A*). Изъ конъектуръ намъ еще известны „maesti“ (*Markland*) и „testor“ (*Cornelissen*).

Въ новѣйшее время настоящій текстъ сталъ предметомъ горячихъ споровъ въ виду связаннаго съ разногласіемъ *M* и *A* вопроса, что признавать чтеніемъ кодекса Поджо. Мы не сомнѣваемся, что Poliziano воспроизвелъ лишь догадку Domizio ¹¹⁹⁾, послѣднюю же должны признать неудавшеюся: уже самое олицетвореніе брачнаго ложа (или покоя) здѣсь довольно странно, однако противъ этой фигуры не станемъ возражать; словорасположеніе тоже довольно дико, но и на него не будемъ указывать; зато нельзя умолчать о главномъ. Приписала заявляетъ мужу отъ имени упомянутыхъ *thalami*, что они опечалены его неучтивостью: какъ это онъ допускаетъ, что она раньше (*prior*) умираетъ! Правда, Приписала старше годами („saluo — ordine“) ¹²⁰⁾, тѣмъ не менѣе *thalami* предпочли бы, чтобы покончилъ земное существованіе Абаскантъ... Очевидно, такихъ рѣчей Стаций не влагалъ въ уста Приписалѣ въ стихотвореніи, которое посвящаетъ Абасканту, и „maestos quod prior“ идетъ въ разрѣзъ со смысломъ контекста.

Скорѣе пригодно, если не ошибаемся, чтеніе:

¹¹⁸⁾ Къ этой редакціи примкнули, между прочимъ, Imhof, R. Unger, Klotz. Но „mortis“ разрушаетъ образъ, намѣченный словомъ „linquo“, и вообще слишкомъ грубое слово. Насколько оно необычно въ данномъ оборотѣ, видно изъ обоихъ текстовъ Авзонія, къ которымъ отсылаетъ Phillimore, а именно *Parental. I* (3), 1 sq.: „Primus in his pater Ausonius, quem ponere primum, Rtsi cunctetur filius, ordo iubet“, *Epitaph. VII*, (8), 4 sq.: „Seruato Antiochus Nestore patre obii. Non hic ordo fuit“.

¹¹⁹⁾ Уже Klotz (*Hermes*, 38) констатировалъ, что „das exemplar Corsinianum ist—nicht ein Collationsexemplar, sondern das Handexemplar Poliziano“. Это совершенно неоспоримо, но доказательствъ тому мы тутъ приводить не будемъ. Пока достаточно указать, что ничего для Poliziano обиднаго въ томъ нѣтъ, если предполагать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ не приписываетъ у себя имени Domizio къ упоминаемымъ его конъектурамъ. Дѣтская гипотеза Энгельмана, согласно которой все, написанное расплывчатыми чернилами, непременно взято изъ кодекса Поджо, подрывается тѣмъ самымъ матеріаломъ, который сопоставилъ Engelmann: изъ него видно, что этими чернилами писались также чтенія, снабженные пометками „Do- (mitius)“, „c(onies)i“, „l(ege)“ и т. п.

¹²⁰⁾ Это признавалъ прежде и Vollmer. Потомъ онъ это взял назадъ. Но Engelmann справедливо отстаиваетъ его прежнее толкованіе.

linquo equidem thalamos, salvo tamen ordine uade(n)s
quod prior.

Сл. *Theb.* III, 85 sq.: „uado equidem... et comites feror expectatus ad umbras“; VII, 775 sq.: „uade, diu populis promissa uoluptas Elysiis“¹²¹⁾; XII, 780 sq.: „uade, atra dature Supplicia“. Sen. *H. Oel.* 1550 sqq.: „Uadis ad Lethen Stygiumque litus, Unde te nullae referent carinae“¹²²⁾, Uadis ad manes miserandus“ eqs.

XXVII.

Stat. *Silu.* V, 5, 1—3: Me miserum! neque enim uerbis sollemnibus ulla¹²³⁾ Incipiam, nec¹²⁴⁾ Castaliae uocalibus undis Inuisus Phoeboque grauis.

Исправленіе этихъ стиховъ до сихъ поръ не достигнуто. Не читать ли:

Me miserum! neque enim uerbis sollemnibus ulla
incipiam, [nec] Castaliae uocalibus undis
inuisus Phoeboque grauis.

Когда „iam“ было поглщено предыдущимъ словомъ, вставили второе „nec“ и стали соединять „neque — uerbis, neque — undis“, что въ свою очередь заставило комментаторовъ прибѣгнуть къ конструціи:

¹²¹⁾ Совершенно аналогично употребляется „ire“, напр. *Th.* III, 109: Elysiis, i, carpo plagas“; XI, 574 sq.: „Ite, truces animae, funestaque Tartara leto Polluite“; II, 667 sq.: „ite sub umbras, O timidi pauidique“; *Silu.* II, 1, 218 sq.: „Quicquid inuit ortus, finem timet: ibimus omnes, Ibimus, immensis urnam quatit Aeacus umbris“ (намъ кажется, что читать нужно: „Aeacus antris“). Простое *ibimus*, разъясняемое контекстомъ, но безъ категорическаго обозначенія, куда направятся, встрѣчается у Стація еще *Theb.* III, 647 и X, 244. Затѣмъ, по существу сл., кромѣ приведенныхъ примѣровъ, Нор. с. I, 28, 16: „Et calcanda semel uia leti“, II, 17, 10 sqq.: „ibimus ibimus, Utcumque praecedes, supremum Carpere iter comites parati“, *Epist.* I, 6, 27: „Ire tamen restat, Numa quo deuenit et Ancus“, Prop. III, 18, 22: „cunctis ista terenda uia est“, Ouid. *M.* X, 34: „Tendimus huc omnes“, Pers. III, 41 sq.: „imus, Imus praecipites“, Stat. *Theb.* VIII, 326 sq.: „ueniemus enim, quo limite cuncti, Quae licet ire uia“. Не читать ли у Prop. IV, 7, 23, вмѣсто: „at mihi non oculos quisquam inclamauit euntis“ (гдѣ дательный пад. не вѣжется съ родительнымъ), соотвѣственно сказанному: „ei mihi, non os. q. i. euntis“? Уже Гейсій понималъ и здѣсь „ire“ въ смыслѣ „morі“.

¹²²⁾ Ср. Catull. 3, 11 sq.: „Qui nunc it per iter tenebricosum Illuc, unde negant redire quetquam“ и т. п.

¹²³⁾ Barth: „ultra“, Peyrardede: „ullis“. Но порча кроется въ слѣдующемъ стихѣ.

¹²⁴⁾ Scriuerius: „uinc“, что не вѣжется съ „ulla“ (уже лучше бы: „sic“).

„inuisus (Phoebo) Phoeboque grauis“. Глагольное окончаніе о Стацій, смотря по нуждамъ размѣра, употребляетъ то какъ долгое, то какъ утратившее долготу. Последнюю мы видимъ, напр., *Theb.* I, 644: „aduenio“; XII, 324: „adspicio“ и т. д. (часто „uideō“: I, 58. IV, 397, 587 и пр., также „teneō“ III, 616). Иногда въ томъ же стихѣ обѣ просодіи встрѣчаются, напр. III, 646: „Sed quid uana *sano*, quid fixos *arceo casus*?“

XXVIII.

Stat. Silu. V, 5, 24—28: Hoc quoque cum ni... ter ¹²⁵) dana ¹²⁶) luce peracta Adclinis tumul... nctus ¹²⁷) in carmina uerto Discordesque m... ¹²⁸) singultantia uerba Molior orsa ly... est ¹²⁹) atque ira tacendi Impatiens.

Обозначенные многоточіями пробѣлы соотвѣтствуютъ пустымъ мѣстамъ въ M (*atritensis*). Съ наличностью этихъ послѣднихъ согласуются и слова Poliziano, приписанныя выпѣтшными отчасти чернилами къ настоящимъ стихамъ на принадлежавшемъ ему (нынѣ Корсиніевскомъ) экземпляръ *ed. pr.*: „<codex uet>ustus i(n)tercisos h(abe)t hos uersus <caute?> co(r)rigēdos“.

Все построение фразы обусловлено при эмендациі тѣмъ, что будетъ вставлено между „ni“ и „ter“ въ v. 24. Нынѣшняя вульгата находится подъ гнетомъ Гроновіевой догадки: „dum ni<tor> ter dena l. p.“, прикинувшей, собственно, къ схемѣ Domizio: „cum meditor ter d. l. p.“, хотя это восполненіе его Gronov и отвергнулъ. N. Heinsius вставлялъ также глаголь; онъ читалъ: „huic quoque dum m<e do> ter d. l. p.“ (причемъ при „huic“ подразумевалось бы „luctui“: см. v. 23). Даже R. Unger, т. е. единственный, на сколько намъ извѣстно, филологъ недавняго времени, не мирившійся съ „nitor“, подражалъ открыто этой и Доміціевой редакціи, когда конъюцировалъ: „Hoc quoque cum eluctor“. Унгеръ говоритъ: „Emergunt autem et quasi lucent duo.

¹²⁵) M: „ni“, A* [свидѣтельство Poliziano о чтеніи въ „uetus Poggii“]: „in“.

¹²⁶) Исправили на „dena“ Itali.

¹²⁷) МА*: „tumul“; „tumulo“ возстановила *ed. pr.* Затѣмъ въ M: „nctus“, въ *ed. pr.*: „luctus“, подъ вліяніемъ чего стоитъ A*: „uctus“. Угадалъ „planctus“ Baehrens. Krohn, въ зависимости отъ Гроновіевой догадки „nitor“ (къ u. 24), предлагалъ: „tumulo et planctus“.

¹²⁸) Такъ МА*. Заполнили вѣрно пробѣлы Itali: „modos et“.

¹²⁹) Такъ МА*. Отъ „molior“ отдѣлялъ „orsa“ N. Heinsius. Вставляютъ Krohn: „ly<grae uis>“, Davies: „ly<gra uox>“.

Primum enim *similitudine* uocis ter factum esse, ut *intercideret* syllaba ter, nemo facile erit qui neget praesertim ipso Domitii ac Gronouii consensu admonitus“. Унгеру было простительно разсуждать такъ: онъ не зналъ словъ Poliziano, изъ коихъ явствуетъ, что пробѣлы здѣсь объясняются не пропусками, допущенными писцомъ по недосмотру, а поврежденіемъ пергамена въ томъ архетипѣ, къ которому всецѣло восходятъ сохранившееся преданіе силъвъ (кромѣ II, 7). Но почему новѣйшіе издатели не пробуютъ всмотрѣться болѣе самостоятельно въ текстъ, намъ неясно.

Съ своей стороны думаемъ, что можно бы читать:

hoc quoque cum ni<en>, ter dena luce peracta,	24
adclinis tumulo<o> pla<n>ctus in carmina uerto	
discordesque m<odos> et<> singultantia uerba	26
moliior, orsa ly<rae> spes est atque ira tacendi	
impatiens: sed nec solitae mihi uertice laurus eqs.	

Конструкция была бы, понятно: „hoc quoque nisi cum planctus uerto in carmina moliiorque discordes modos, orsa spes est, sed“ eqs.

XXIX.

Stat. Silu. V, 5, 43 sqq.: Nunc tempus, amici, Quorum ego manantes oculos et saucia tersi Pectora: reddite opem, saeuas exsoluite gratis. Nimirum cum ¹³⁰⁾ uestra domus ¹³¹⁾ ego funera maestus ¹³²⁾ Incepitans ¹³³⁾: 'qui ¹³⁴⁾ damna dolens ¹³⁵⁾ aliena, repono ¹³⁶⁾ Infelix lacrimas et tristia carmina serua' ¹³⁷⁾. Verum erat: absumptae uires et copia fandi Nulla mihi.

Баренсъ предположилъ пробѣлъ передъ „Incepitans“. Къ этому мнѣнію справедливо примкнули Klotz, Postgate и Davies, Phillimore. Мы пробовали, было, обойтись безъ вставки, но это влекло за собой большое насиліе надъ преданіемъ ¹³⁰⁾. Наоборотъ, допустивъ *lacrimas*,

¹³⁰⁾ M: „cum“, A: „сѣ“.

¹³¹⁾ Domit.: „domans“.

¹³²⁾ Domit.: „questus“. Klotz нѣкогда: „modis ego f. maestis“.

¹³³⁾ Domit.: „Incepito“, Vollmer: „Incepitant“ и „Incepitans“.

¹³⁴⁾ Domit.: „tunc“. Skutsch: „quid“.

¹³⁵⁾ Politian.: „doles“.

¹³⁶⁾ Domit.: „repono“.

¹³⁷⁾ Domit.: „seruo“. Markl.: „Nimirum tunc uestra domans ego uulnera, moestos Incepui: nunc damna dolens alterna, reposco Infelix lacrimas et mitia carmina quaero“.

¹³⁸⁾ Напр.: „Nimirum mea mersa domus neque funere maestus Incepitans“, къ чему еще присоединилась бы необходимость пзмѣнить v. 49: „uerum erat“ на: „uerum ait“.

можно ограничиться незначительными его измѣненіями. Мыслямо, напр., дополненіе:

nimirum cum uestra domus ego funera maestus <ingemui, quis me non aspernatus, ut hostis>	46
increpitans: 'qu(a)e damna dolent aliena, repone infelix lacrimas et tristia carmina serua'. uerum erat eqs.	48

Здѣсь только въ 47-мъ стихѣ „qui—dolens“ замѣнено чтеніемъ: „que—dolent“. Съ винительн. пад. „ingemui“ поставлено, какъ *Silu.* III, 3, 137. *Theb.* IV, 354 sq. XI, 746 sq. Наконецъ, „hostem Increpitans“ (Креонтъ Эдипа) имѣется *Theb.* XI, 668 sq. (ср. XI, 547 sq.). Можно бы, конечно, и: „quis me non aspernatus, *amaris* Increpitans“.— Въ 46-мъ стихѣ мы не рѣшаемся отступить отъ „domus“, хотя эта форма родит. падежа Стаціемъ избѣгается, да и слово лишнее (оно похоже на глоссу къ „uestra“). Равнымъ образомъ не считаемъ себя въ правѣ читать въ 48-мъ стихѣ „tibi“ вмѣсто „et“, хотя „aliena“ побуждаетъ искать антитетически поставленнаго выраженія.

XXX.

Въ *Ж. М. Н. Пр.* за ноябрь 1905 г. § XXIV „Замѣтокъ“ былъ посвященъ предпоследнимъ стихамъ послѣдней „силвы“ Стація ¹³⁹⁾.

¹³⁹⁾ Въ книжкѣ за июнь 1901 г., § XII „Замѣтокъ“ (= *Commentat. Nikitinianae*, 129 sq.), мы старались доказать, что *Silu.* V, 5, 14 рукописное „cineremque oculis et crimina ferto“ надо исправить въ: „cineremque (oculis stent crimina) ferto“ [возможно бы и *simt*]. Въ книжкѣ за октябрь 1904 г., § IX „Замѣтокъ“, пр. 24, указано, что *Silu.* V, 5, 33 sq., взаимнъ: „iuuat inlaudabile carmen Fundere et incompte miserum laudare dolorem“, слѣдуетъ читать: „miserum latrare d.“. Въ книжкѣ за февраль 1906 г., § II „Замѣтокъ“, пр. 16, взаимнъ *Silu.* V, 5, 12 sq.: „fomenta queis, Uulneribus sed *summa* meis“, предположено: „uulneribus *dictamina* meis“. Пользуясь случаемъ, сопоставимъ еще нѣсколько мелочей, относящихся къ *Silu.* V, 5. Такъ, а) въ ст. 32 преданіе гласитъ: „*incertam* digitis errantibus amens Scindo chelyn“: мы читали бы „*intentam*“ (cf. I, 5, 11); б) стихи 66—70 дошли въ такомъ видѣ: „Non ego, merعات Pharia de puppe loquaces *Aeditius* doctumque sui conuicia Nili infantem, lingua *nitum* salibusque proteruum Dilexi: meus ille, meus! tollere cadentem Aspoxi atque unctum genitali *carmine* foui“. Уже Avanzi возстановилъ „loquaces *Delicias*“ [недопустимо у Стація „*nequitias*“, болѣе соответствующее языку Марціала и напрасно предлагавшееся Markland'омъ; что касается догадки Унгера: „*Blanditias*“, то слово это раньше Auson. *Bissil.* 5, 1 олицѣ не встрѣчается]; но „*nitum*“ остается несправленнымъ (Heins.: „*eximic*“, Markl.: „*nimum*“, другіе: „*eximium*“): мыслямо бы „*uatum*“, но скорѣе всего Стацій сказалъ: „lingua *nimum* salibusque proteruum“ (туть ἐν δὲ δοοῖν: „*nimum*, proteruum *lingua salibusque*“);

Возвращаясь къ нимъ, мы рассмотримъ теперь все мѣсто *Stat. Silu.* V, 5, 79—87:

Nonne gemam te, care puer? quo sospite natos Concupii¹⁴⁰⁾, primo gemitum¹⁴¹⁾ qui protinus ortu Implicuit fixitque mihi¹⁴²⁾, cui uerba sonosque Monstrauit questusque et uulnera¹⁴³⁾ caeca ne soluam¹⁴⁴⁾, Reptantemque solo demissus¹⁴⁵⁾ ad oscula uestra¹⁴⁶⁾ Erexi blandoque sinu¹⁴⁷⁾ iam iamque¹⁴⁸⁾ Ex-

наконецъ „sargmine“ явно порочное слово. R. Unger: „ac unctum [такъ Itali] g. stramine“ [что неудобно: можно бы подумать, что рѣчь идетъ о пуповинѣ]; Baehrens: „atque unctum g. stramine f.“; Danielsson: „atque unctum g. sanguine“. Последнее вѣрно по идѣе, только по формѣ своей слишкомъ рѣзко для Стація; мы предпочли бы: „unctum genituli (as)pargine“, coll. *Theb.* II, 674: „ora (Тидея въ бою)... morientum asparagine manant“, VII, 70: „(Марсъ) diraque asparagine latos Mutat agros“, Ouid. *Met.* III, 85 sq. IV, 125, 729. Prud. *perist.* 11, 143. Не рожественно Iuuen. 7, 195 sq.: „modo primos incipientem Edere uagitus et adhuc a matre rubentem“; с) къ стихамъ 73 sqq.: „Quin alios ortus libertatemque sub ipsis Uberibus tibi, parue, dedi: heu munera nostra Rideres ingratus adhuc“ предложены (помимо ingratus с; ignarus *Avanzi*) поправки: „cum munera“ (*Poliziano*), „tu m.“ (*Markl.*), „sed m.“ (*Baehrens*); Намъ кажется, что не *heu* только, но и *nostra* повреждено: младенецъ не сознавать также, отъ кого онъ получилъ свободу, и „пренебрегалъ“ еще вообще „благодѣяніями“. Вблизи къ подлиннику былъ, если не ошибаемся, R. Unger, читавшій: „sei munera posses. Ridebas—adhuc“. Насъ это наведо на: „sei munera non tu Rideres“. Унгеръ указалъ уже на тѣ мѣста, гдѣ *sei* встрѣчается у Стація (*Silu.* III, 1, 6. *Theb.* II, 477. III, 122. IV, 737. *Ach.* II, 72). Затѣмъ, два односложныхъ въ концѣ стиха поставлены, какъ напр. *Silu.* I, 2, 35: „aut lex“, II, 1, 123: „quae nunc“, II, 3, 66: „nec spes“, IV, 2, 17: „fas est“, IV, 6, 90: „nec te“ (ср. II, 5, 29). Сюда же относятся пригѣры изъ Овидія (I, 320: „sed mox“ и т. д.). Относительно содержания сл. *Martial.* VI, 29, 2 sqq.: „domini sancto dignus amore puer, Munera cum posset pondum sentire patroni, Glauca libertus iam Melioris erat“. Вотъ, здѣсь *patroni* умѣстно, ибо восхваляется, собственно, Меліоръ.

¹⁴⁰⁾ Такъ *M. A. Domizio*: „Non cupii“.

¹⁴¹⁾ Такъ *M* и *ed. pr.*; *genitum Itali*; *Poliziano*: „genitum“ (такъ и R. Unger), *Heins.*: „gremium“.

¹⁴²⁾ Раньше *Poliziano* предлагалъ: „p. genitum quem p. o. Implicui fixique mihi“, подъ вліяніемъ чего *Markland* копъцировалъ: „p. gremium cui p. o. Adplicui fixique meum“.

¹⁴³⁾ *Heins.*: „mugtura“.

¹⁴⁴⁾ *Itali*: „caeca resoluam“, *Markl.*: „caeca resoluens“.

¹⁴⁵⁾ Мы прежде думали о чтеніяхъ: „quem fusus“ и „quem iussus“, но О. Е. Корнъ справедливо указалъ намъ, что „demissus“ никакому пзмѣненію не подлежитъ. Намъ казалось неудобнымъ, что изъ предыдущаго „cui“ приходится дополнять „quem“. Между тѣмъ ср. *Silu.* I, 2, 71 sqq.: „quem patriciis maioribus ortum Nobilitas gauisa tulit praesagaque formae Protinus e nostro posuit cognomina caelo“ (тутъ „quem tulit et posuit cognomina“ стоятъ вмѣсто ожидаемаго „quem tulit cuique posuit“); III, 1, 15: „quem Iuno uidet refugitque manum“ (вм.: „cuiusque manum ref.“); IV, 6, 9 sqq.: „quem nocte dieque Spirat et in carae uiuit complexibus um-

serere ¹⁴⁰) genas dulcesque accersere somnos, Cui nomen uox prima meum ludusque ¹⁵⁰) tenebo ¹⁴¹) Risus et a nostro ueniebant gaudia uultu.

Насколько мы можемъ судить, авторъ написалъ приблизительно слѣдующее:

nonne genam te, care puer? quo sospite natos non cupii, primu(m) ad nutam qui protinus artus implicuit fixitque mihi, cui uerba sonosque monstrauit (questus quot uoluptaque caeca resoluens!) ¹⁴⁰)	80
reptantemque solo demissus ad oscula crebra erexi, blandoque sinu iam iamque <ualebam>	84
cui sopire genas dulcesque accersere somnos, cui nomen uox prima meum laudesque ¹⁴²) tenebo risus et a nostro ueniebant gaudia uultu.	86

Улыбка Стация была для ребенка наградою. При „*risus*“ подразумевается „*meus*“, что легко извлекается изъ предыдущаго „*meum*“.

brae“ (зм.: „*et in cuius umbrae complexibus uiuit*“). См. также *Calpurn. B.* 4, 68 sq.: „*Quem modo cantantem rutilo spargebat acantho Nais et implicitos comebat pectine crines*“ (зм.: „*cuique comebat crines*“). Даже у Цицерона, напр., *de off.* II, 21: „*si cuius uirtutem suspiciunt quemque dignum fortuna—putant*“.

¹⁴⁰) *Ed. pr.*: „*nostra*“, *Itali*: „*dextra*“, отсюда *Poliziano (A)*: „*destra*“.

¹⁴¹) Такъ *M*; въ *ed. pr.*: „*sinus*“, похъ влияниемъ чего *Poliziano* предложилъ „*sinis*“. Уzakонить инфинитивы слѣдующаго стиха стремился также *Thom. Reinesius*: „*blandusque fui*“, *Heins.*: „*blandusque sinu*“, *Markl.*: „*blandique sinus*“ [неокончат. наклон. при *blandus* имѣется у *Горація с. I*, 12, 11 sq.].

¹⁴²) Дополняли *Itali*: „*natantes*“, *Baehrens*: „*cadentes*“. Мы прежде рекомендовали: „*ualebam*“.

¹⁴³) Въ старыхъ изданiяхъ: „*Exercere*“, *F. Lindenbrog* и *N. Heins.*: „*extergere*“, *Barth*: „*excipere ore*“, *Markl.*: „*excipisse*“, *R. Unger*: „*exceptare*“, *Vollmer*: „*exsopire*“. Мы прежде предлагали: „*et sopire*“. Мыслимо: „*<cui> mulcere*“ или даже: „*<cui> cohilere genas*“ (т. е. *lacrimas sistere*).

¹⁵⁰) *Heins.*: „*multusque*“.

¹⁴¹) *Domizio*: „*tenello*“.

¹⁴²) Стаций угадывалъ ясно высказывавшiяся желанiя ребенка. Такъ, о томномъ, загадочномъ, запутанномъ не разъ стоитъ „*caecus*“. Ср. напр. изъ сопоставленнаго въ *Thes. l. L.* материала *Ouid. F.* IV, 668: „(Нума обдумываетъ свовидѣнiю) *Et secum ambages caecaeque iussa (Фавна) refert*“. *Valor. Max.* III, 4, oxt. 1: „*cum . . . ingenia in disputatione caeca uagarentur*“ (о неудобопонятныхъ философскихъ взглядахъ). *Curt.* IX, 9, 2: „*quam patiens longarum nauium (амми) esset, aucepis et caeca aestimatio augurabatur*“ (руководствовались мѣткими и основанiя которыхъ не подавались разсмотрѣнiю). *Sen. Phaedr.* 122: „*caeca—domo*“ (о лабиринтѣ), *Ovid.* 92 sq.: „*Nec Sphinga caecis uerba nectentem modis Fugi*“. *Colum.* I, 5, 6: „*caeci morbi, quorum causas ne medici quidem perspicere possunt*“.

¹⁴³) Такъ и II, 7, 55 въ *Laurent.*: „*ludes*“, а въ *M*: „*laudes*“.

XXXI.

Prudent. *contra Symmach.* I, 395 sq.: *Incassum arguere iam Taurica sacra solemus: Funditur humanus Latiani in munere sanguis.*

Тутъ „in munere“ значить, разумѣется, на представленіяхъ въ римскомъ амфитеатрѣ. Но мы коснемся лишь метрической неправильности въ первомъ стихѣ.

Просодическія аномаліи у Пруденція встрѣчаются ¹⁵⁴⁾: а) въ греческихъ словахъ ¹⁵⁵⁾; б) въ тѣхъ латинскихъ, коихъ прозаическое удареніе сбивало, напр.: *eïdem, utraq̄ue* ¹⁵⁶⁾; в) въ именахъ собственныхъ ¹⁵⁷⁾; г) въ видѣ удлиненія конечнаго слога (преимущественно въ цезурѣ) передъ *mula cum liquida* или *sq, sc, st, sp* и пр. ¹⁵⁸⁾;

¹⁵⁴⁾ Cf. Obbar. *Prolegg.* pp. XIX sq. (adnn. 67—74), Dressel, *Prolegg.* pp. XVII sq. (adu. 54).

¹⁵⁵⁾ Напр.: *catholicus, chr̄isma, Asclepiādes, cū̄neus* (такъ *Psychom.* 358, но с. *Symm.* I, 302 вѣрно: „*cū̄neus*“), *sophia, hecātombe, smaragdinus, margaritum; heresia, mathēsis, arph̄ra, ÷nigmata, er̄mnus, b̄ryllus, allophylus, id̄dum, dact̄m̄n, paraclitus, az̄ymon, herōs* и т. п. Тутъ вліялъ частью акцентъ, частью птацизмъ и упадокъ дифтонговъ въ живой рѣчи, частью, наконецъ, погрѣшность вынуждалась разнѣромъ. Сомнительно „*rōsis*“ *contra Symm.* II, 52 (ч. 50 предшествовало „*rōtica*“): вслѣдъ ли *Phoebus*? такъ, ч. 51, синонимно съ „*pōsie*“ поставлено „*Musa*“.

¹⁵⁶⁾ Сюда же относится краткое *cui* (односложное) *Cathem.* 3, 167 и (двусложное) *Perist.* II, 181; авторъ слѣдовалъ и въ томъ случаѣ произношенію своего времени, когда оканчивалъ *calceamenta, lugubris, imbecillus, discordia, ÷mulentus, gūbigo, ÷neuo* (или: „*lneuo*“, какъ „*lnormis*“ у другихъ), *impr̄g* (такъ уже Авсоній), *frustrā* и т. п. Особо стоитъ „*flo*“. Спорадически допущено ошибочное „*gulam ḡlneonis*“ *Hamart.* 322, а въ асклепиадовомъ стихѣ „*Contentum inuolūcris atque cubilibus*“ с. *Symm.* I, praef. 54. Сомнительно *Psychom.* 312: „*Delfibuta comas*“ (можетъ быть: „<nar>do imbuta с.“?), *Psychom.* 687: „*Ipsa redimitos olea frondente capillos Ostentans*“ (можетъ быть: „*Ipsa sed incinctos*“?), *Peristeph.* 5, 361 sq.: „*Mentem piatam sanguine, Mortis lauacris elūtam*“ (можетъ быть: „<can>didam“?), *Apoth.* 212 sq.: „*Non recipit natura hominis, modo quadrupēs ille Non sit et erecto spectet caelestia vultu*“ (можетъ быть: „*quadrupes modo uillis Non sit*“?) и въ анапестѣхъ *Cathem.* 10, 7 sq.: „*Tibi, dum uegetata cohaerent, Spiritus simul et caro seruit*“ (тутъ, по интерполюціи двухъ списковъ, читаютъ обыкновенно: „*Et spiritus et с. s.*“, но методичнѣе было бы, кажется, искать въ такомъ направленіи: „*Spirans anima et с. s.*“ или: „*Spirans sinus et с. s.*“, гдѣ „*sinus*“ значило бы „*penetrale*“, какъ напр. *Cath.* 4, 27: „*in cordis medii sinu*“).

¹⁵⁷⁾ Напр. „*Sardinia*“ (и тутъ отражался акцентъ, конечно), двусложное „*Jesus*“ и двусложное „*Moyseus*“, даже *Perist.* 6, 17: „*Terrarum populi Pyrenearum*“ и т. п.

¹⁵⁸⁾ Кое-что изъ этой категоріи сооставлено нами въ *Ж. М. Н. Пр.* за октябрь 1905 г. (§ X. 12 *Замѣтокъ*).

д) наконецъ, иногда въ видѣ удлиненія конечнаго *закрытаго* слога въ арзисѣ, напр. *Apolheos*. 842: „Spiritus existit tenuis et sibilat aër“. Всякій согласится, что выписанное во главѣ этого параграфа мѣсто ни подѣ одну изъ перечисленныхъ рубрикъ не подходитъ. Перѣдси случаи, въ родѣ *Apoth.* 833: „impossibile spectare“, *Psychom.* 673: „(exspirat...) Mucronem laevo in laterc, squalentia quamuis Texta“ eqs. или *Peristeph.* 6, 75: „detraheré studebat“ (въ *hendecasyllabi*), но въ нихъ примѣнено лишь правило, отмѣченное подѣ литерой *i*. Между тѣмъ Пруденцій еще не знаетъ теоріи, по которой согласное *i* удлиняетъ конечный слогъ предыдущаго слова (ср. *Cath.* 10, 110, 122, с. *Symm.* I, 71, 256 и т. д.). Мы поставили бы поэтому вопросъ, не читать ли, ограничившись перестановкой одного слова:

Arguere incassum iam Taurica sacra solemus.

Элизія передѣ вторымъ арзисомъ гексаметра съ особой охотой примѣняется Пруденціемъ: въ I-ой книгѣ *contra Symmachum* она встрѣчается 28 разъ ¹⁶⁹⁾. Прибавимъ, что другое мѣсто, вызывавшее одинаковое съ разсмотрѣннымъ недоумѣніе, а именно *Apolh.* 254, гдѣ Puteaneus читаетъ: „Filius, auctore genitus quod sit Patre summo“ налѣчилъ еще N. Heinsius, возстановившій по другимъ рукописямъ опущенное въ P слово и переправившій „quod“, вслѣдствіе чего получилось: „Filius, auctore ut genitus qui sit P. s.“.

XXXII.

Присовокупляемъ нѣсколько поправокъ и дополненій къ прежнимъ работамъ, напечатаннымъ въ *Ж. М. Н. Пр.*

1.

Въ книжкѣ за октябрь 1905 г. приведено („Зам. къ неолат. текстамъ“, § IV, пр. 4) мѣсто изъ Кржицкаго I, 11, 5 sq.: „Uulneribusque meis tua uulnera morte morbisque Tollo Deus“. Оно исцѣляется весьма просто: достаточно передвинуть одну букву справа влѣво, тогда мы получимъ *σπονδαίζοντα*, оправдываемый торжественностью содержанія:

uulneribusque meis tua uulnera, mortem orbisque
tollo Deus.

¹⁶⁹⁾ Въ стихахъ 33, 31, 70, 74, 83, 102, 103, 109, 179, 215, 270, 273, 277, 311, 345, 459, 467, 494, 496, 497, 536, 552, 574, 575, 589, 619, 635, 640 (всего въ этой книгѣ 657 стиховъ),

2.

Тамъ же, § XXIV, отмѣчена порча въ стихахъ Кржидеаго II, 19, 34 sq.: „Gestantur diri capuli, comburitur aether Et sequitur longo... ordine rompra. Мы въ настоящее время были бы не прочь предположить тутъ пробѣлъ, который вмѣщаль приблизительно слѣдующее:

gestantur diri capuli, comburitur <aris
turis honos, maestis resonat clamoribus> aether.

3.

Въ книжкѣ за декабрь 1906 г. („Зам. къ лат. текстамъ“, § VI) разсмотрѣно мѣсто Сенеки *epist.* 40, 2. Θ. Е. Коршъ предлагаетъ: „Itaque oratio illa apud Homerum concitata et sine intermissione in morem niuis superueniens oratori data est, leuis et melle dulcior <sapienti> seni profluit“. Это прекрасно, что въ особенности бросается въ глаза, если вспомнить не воспроизводимый здѣсь контекстъ.

4.

Тамъ же, § XV, сдѣлана попытка исправить стихи *Stat. Silu.* I, 2, 233 sqq.: „Omnis honos, cuncti veniunt ad limina fasces, Omnis plebeio teritur praetexta tumultu, Hinc eques, hinc iuuenum questus hasta (del. M¹) stola mixta laborat“. Θ. Е. Коршъ предпочитаетъ: „<Splendida> plebeio teritur praetexta tumultu, Hinc eques, hinc iuuenum gregibus stola mixta laborat“. Противъ дополненія въ ст. 234 нельзя, конечно, возразить ничего. Относительно же остроумной догадки къ в. 235 мы должны признаться въ слѣдующемъ: не можемъ отдѣлаться отъ чувства, что множ. число „gregibus“ звучало бы уничижительно. Ср. *Silu.* III, 4, 57: „famulumque greges“ (V, 1, 21; *Theb.* VI, 96, coll. *Silu.* II, 3, 25); *Sen. epist.* 95, 24: „transeo puerorum infelicium greges, quos post transacta conuiuia aliae cubiculi contumeliae exspectant“. *Tacit. hist.* II, 71: „inmixtis—spadonum gregibus“; *Sueton. Tit.* 7: „exoletorum et spadonum greges“; *Iuuen.* I, 46 sq.: „populum gregibus comitum premit hic spoliator Pupilli“, VI, 161: „Nullane de tantis gregibus (женщины) tibi digna uidetur?“ и 175: „Extulit ergo greges natorum“ (*Нюба, которая в. 177 по своей плодовитости сравнивается со „scrofa“*). *Vict. epit.* 10, 7: „eneruatorum greges“¹⁰⁰).

¹⁰⁰) Мы не впадаемъ въ противорѣчiе со сказаннымъ въ *Коммент. къ Горацию*, 151, прим. 2, ибо тамъ утверждали только, что *greges* не указываетъ обязательно

Если высказанное соображеніе не ошибочно, то мы продолжали бы держаться предложенной въ прошлый разъ редакціи, но съ вариантомъ: „Hinc eques, hinc iuuenem *iuxta stola ho(n)esta laborat*“. Рукописныя чтенія „mixta“ и „hasta“ (съ неудавшейся поправкой „questus“) должны обмѣняться мѣстами, повидимому.

5.

Тамъ же, § XVI, анализованы стихи *Stat. Silu. I, 3, 50 sq.*: „Quicquid et argento primum uel in aere minori Lusit et enormes manus est experta colossos“. Θ. Е. Коршъ думалъ о чтеніи: „*ut enormes manus ederet arte colossos*“. Кстати напомнимъ и забытую поправку Н. Гейнція: „*enormi manus explorata colosso*“.

6.

Тамъ же, § XIX, мы коснулись стиховъ *Stat. Silu. IV, 5, 10—12*: „*nunc uolucrum noui Questus inexpertumque carmen, Quod tacita statuere bruma*“. Θ. Е. Коршъ, оспаривая нашу догадку „*didicere*“, приводитъ изъ Гёте („*Mai*“): „*Die Nachtigall sie war entfernt, Der Frühling lockt sie wieder; Was Neues hat sie nicht gelernt, Singt alte liebe Lieder*“. Гёте правъ, но Стацій сказалъ съ иной точки зрѣнія „*noui Questus inexpertumque carmen*“. Θ. Е. Коршъ ставитъ вопросъ, не толковать ли „*statuere*“ въ значеніи „остановили“, „не пускали въ ходъ“. Въ этомъ смыслѣ мы рискнули бы: „*Quod tacitae uetuerie brumae*“. Множ. число „*brumae*“ (= *frigora*) имѣется *Theb. IV, 421*. — Относительно перваго стиха той же строфы у насъ еще явилось предположеніе, не читать ли: „*Nunc cuncta, natis frondibus annuis, Crinitur arbor*“ (въ рукоп.: „*ueris*“).

7.

Тамъ же, § XXII, обсуждаются стихи *Stat. Silu. V, 1, 18—23*: „*Sed cum plaga recens et adhuc in uulnere primo Nigra domus, quaestu miseramque accessus ad aurem Coniugis orbat, tunc flere... solamen erat*“. Θ. Е. Коршъ допускаетъ: „*Nigra domus, miseramque atrox accessus ad aurem*“. Это наводитъ на:

*nigra domus, maestus miseramque accessus ad aurem
coniugis orbat.*

Возможно, конечно, „*miseram maestusque accessus*“. У Стація вы-

на кнедодъ и евуховъ. Единств. ч. „*grex*“ не вызываетъ у Стація сомнѣній (*Silu. I, 1, 12. III, 1, 177* и т. д.).

раженіе „maesta — solacia“ встрѣчается *Ach.* II, 278. Это сказано Деждаміей о плодѣ во чревѣ ея: сознаніе беременности только и останется при ней послѣ разлуки съ Ахилломъ. Понимать нужно, слѣдовательно, „усиливающее грусть утѣшеніе“.

8.

Тамъ же, § XXIX, прим. 78, разобрано мѣсто Стація *Theb.* XI, 246 sq.: „*Fleat maesti retro comites et ulerque loquenti Adgemit et pulsus exercitus obstrepit armis*“. Мы конъюцировали: „*Attoniti retro comites augurque loquenti Adgemit*“. О. Е. Коршъ справедливо сомневается, чтобы „retro“ стояло въ смыслѣ „роне“. Онъ намѣчаетъ комбинацію: „*Exclamant subito comites*“. Это большой шагъ впередъ. Спасти „retro“, въ самомъ дѣлѣ, трудно: если даже придумать что-нибудь само по себѣ сносное въ смыслѣ: „(подъ первымъ впечатлѣніемъ) свита отшатнулась (въ ужасѣ, услышавъ вѣсть о затѣваемомъ братоубійствѣ)“ — „*Funduntur retro comites*“ не годилось бы, — то все же порождалось бы подобіе противорѣчія съ выраженной далѣе готовностью свиты поддержать своего царя. Мы предположили бы поэтому, примѣнительно къ указанной О. Е. Коршемъ схемѣ:

Flammant ista ultro comites augurque loquenti adgemit.

Вульгата, сложившись на почвѣ искаженія, прислонилась къ *Theb.* I, 550: „*Stant maesti comites*“. Сpondeйнаго слова въ 1-й стопѣ Стацій въ *Θивайдѣ* не избѣгаетъ въ такой степени, какъ въ *силвахъ*: въ XI п. см. vv. 1, 31, 119, 186, 193, 266, 424, 452, 473, 604, 635, 636, 670 (не считая 639); это составляетъ 13 случаевъ на 761 ст. Схема *ssdsd* встрѣчается въ XI п. 40 разъ.

9.

Тамъ же, § XXIX, стр. 570 (стр. 40 отд. оттиска) цитруется текстъ Стація *Theb.* VIII, 398—400: „*Iam clipeus clipeis, umbone repellitur umbo, Ense minax ensis, pede pes et cuspide cuspis: Sic obnixa acies, pariter suspiria fumant*“ *eqs.* Къ подчеркнутому слову мы приписали въ скобкахъ „*Cuncta*“ съ вопросительнымъ знакомъ. Теперь мы предпочли бы отмѣтить пробѣлъ передъ „*sic*“. Утратилось, кажется, сравненіе, голая схема котораго, сведенная къ *одному* стиху, гласила бы приблизительно:

*Iam clipeus clipeis, umbone repellitur umbo,
ense minax ensis, pede pes et cuspide cuspis:*

398

<frontibus ut tauri luctantes, utraque primum>
 sic obnixa acies, pariter suspiria fumant... 400
 at postquam rabies eys. 406

Сличить можно *Theb.* IV, 397 sqq.: „similes uideo concurrere tauros [о сыновьяхъ Эдына] ...Ardua conlatis obnixa cornua miscent Frontibus alternaque truces moriuntur in ira“. VI, 862 sqq.: „diu pendent per mutua fulti Bracchia... Non sic ductores gemini gregis horrida tauri Bella mouent... rumpunt obnixa furentes Pectora“. X, 509 sqq.: „Tandem umeris obnixus Acron et pectore toto Pronus Ialmenides... quanta pariter Cernice gementes... iuuenici“.

Въ томъ же параграфѣ, стр. 568 (38), мы предположили бы теперь у Стація *S. V, 2, 126* „p(rae)stans“ вмѣсто рукописнаго „hilaris“.

10.

Тамъ же, § XXXI, мы останавливаемся, между прочимъ, на стихѣ *Stat. Silu. V, 3, 58*: „Et Nemees *lucum* et Pelopis sollempnia trunci“. $\Theta.$ Е. Коршъ читаетъ: „Et Nemees <s>*lulium*“. Соответственное слово имѣется у Стація *Silu. II, 2, 7*: „Cum stadio iam pigra quies“.

11.

Тамъ же, § XXXII, разъясняется текстъ Стація *Silu. V, 3, 69 sq.*: „*Maior aliis forsan superos et Tartara pulsem Inuidia?*“ Наше предположеніе: „*Luxurians forsan*“ опиралось, въ сущности, на *Silu. V, 5, 56 sq.*: „*Nimius fortasse audisusque doloris Dicor*“ eqs. $\Theta.$ Е. Коршъ склоняется къ чтенію: „*Maiore his forsan—Inuidia?*“ Оно заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Markland толковалъ рукописное *maior* въ томъ же смыслѣ ¹⁶¹⁾. Компендіозная схема сравненія („*maiore his inuidia*“ = *maiore inuidia quam horum inuidia*) очень обычна у поэтовъ (уже въ *Илиадѣ* XVII, 51: $\chi\omicron\rho\alpha\iota$ $\chi\alpha\rho\iota\tau\epsilon\sigma\tau\iota\nu$ $\omicron\rho\mu\omicron\tau\alpha\iota$, у римскихъ ср.: „Plus in amore ualet Mimnermi versus Homero“ и т. п. часто). Жаль, правда, что вслѣдствіе элизин получится спондейное слово въ 1-й стопѣ. Но абсолютнаго препятствія это не создаетъ.

Кстати, мы отнеслись бы теперь нѣсколько иначе къ *Silu. V, 3, 71 sq.*: „sed nec modo se Natura dolenti Nec Pietas iniusta dedit“.

¹⁶¹⁾ Онъ говоритъ: „*Maior inuidia pulsem, id est: maiori inuidia*“, причѣмъ сличаетъ *Theb.* VI, 517: „Archemori maior colerere sepulcro“ (= *maioribus funercis honoribus quam quibus Archemorus cultus est*).

Теорія аттракціи надежей въ данномъ случаѣ противна всему духу латинскаго языка. Нельзя ли:

sed nec me(n)daх Natura dolenti,
nec Pietas iniusta redit.

Напоминаемъ, что у Стація *Astraea* не только „Iustitia“, но и „Pietas“. Ср. *Silu.* III, 3, 1—6 и V, 2, 92: „Quo [Domitiano] Pietas auctore redit terrasque reuisit“, coll. I, 4, 2 sq.—При „mendax“ нужно дополнять „est“.

12.

Тамъ же, § XXXVI, B, въ пр. 136 сдѣлана ссылка на текстъ Марціала IV, 64, 18 sq.: „Illinc ^{18a)} Flaminiae Salariaeque Gestator patet essedo tacente“ и присовокуплено: „какъ на нѣчто словно и ненатуральное Марціалъ—указываетъ, что съ высоты Янникула видны двое шоссеиныхъ дорогъ и несущіеся пассажиры, а шума не слышно“. По этому поводу проф. И. Г. Турцевичъ любезно сообщаетъ намъ: „т. е. высота Monte Mario 150 метровъ, и оны находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Тибра и Ponte Molle, то находящемуся на немъ, надо думать, не слышенъ стукъ колесъ“. Мы нехорошо выразились: мысль наша состояла не въ томъ, что по условіямъ пространственнымъ съ нынѣшней *villa Mellini*, чтò ли, *полагалось* слышать экипажи, а въ томъ, что столь же недоконченное впечатлѣніе получается отъ зрѣлища молчаливо пробѣжающихъ повозокъ, какъ, напримѣръ, отъ вида танцующихъ, при которомъ музыка не слышна.

Пользуемся случаемъ дополнить сказанное о томъ мѣстѣ, къ которому относится примѣчаніе 136-ое, обратившее на себя вниманіе уважаемаго И. Г. Турцевича.

Рѣчь шла о *Stat. Silu.* IV, 3, 32 sqq. Мы продолжаемъ держаться даннаго тамъ объясненія, только полагаемъ, что послѣ в. 33 выпадъ стихъ приблизительно такого содержанія:

nec cursus agiles, sed impeditum	32
tardabant iter orbitae tacentes	
<seruaci prope iam trahi negantis,>	
dum pondus nimium querens sub alta	34
reperit languida quadrupes statera.	

Теперь ясно сказано, что курьеру („cursus“) преграждаетъ дорогу

^{18a)} Т. е. съ дачи Юлія Марціала на Янникулѣ.

ломовой. Если бы говорилось о Большой Медвѣдицѣ, то Стацій, конечно бы, отъ выраженія „*serratum*“, употребленнаго по поводу нея позднѣ Ювеналомъ (V, 23), воздержался. Но въ данномъ случаѣ не мѣшаетъ вспомнить Quintil. *Inst. or.* VIII, 3, 21: „*Nec augenda semper oratio, sed summittenda nonnumquam est. Uim rebus aliquando uerborum ipsa humilitas adfert. An cum dicit in Pisonem Cicero (fr. 15): 'cum tibi tota cognatio serraco aduehatur' incidisse uidetur in sordidum nomen, non eo contemptum hominis, quem destructum uolebat, auxisse?*“ Впрочемъ, если терминъ этотъ [у Ювенала еще III, 255] будетъ сочтенъ у Стація, все-таки, неумѣстнымъ, то мы не возражали бы противъ: „*plaustrorum—negantum*“.

13.

Тамъ же, стр. 592 (=стр. 62 отд. оттисковъ), говорится вторично о загадочномъ текстѣ *Silu.* IV, 5, 23—25: „*hic mea carmina Regina bellorum uirago Caesareo peramauit auro*“. Намъ еще пришло въ голову „*numerauit*“, т. е. *вознаградила* („*remunerata est*“). Ср. V, 3, 93 sqq.: „*Et quibus Arcadia carmen testudine mensis Pi(n)daricum nomen uiguit* ¹⁸³⁾“, quosque orbe sub omni Ardua septena numerat Sapientia fama“. Искаженіе могло произойти при посредствѣ „*peramauit*“, ибо *n* нерѣдко въ „Сильвахъ“ спутано съ *p*.

14.

Тамъ же, прим. 146, мы возвращаемся къ *Silu.* IV, 6, 29: „*Linea quae ueterem longe fateatur Apellen*“. Намъ думалось бы теперь, что основная мысль того чтенія, которое мы предлагали раньше, можетъ быть сохранена, если читать: „*linea quae uelere en longe fateatur Apellen*“.

15.

Тамъ же, прим. 149, мы чуть ли не въ третій разъ подходимъ къ трудному мѣсту *Silu.* V, 2, 109 sq.: „*stupuere patres temptamina tanta, Conatusque tuos nec te reus ipse timebat*“. Рѣшаемся высказать еще одну догадку о немъ. Мы исходимъ изъ того сообра-

¹⁸³⁾ *М*: „*Cydalibem nomenque fuit*“. Въ 1901 г. мы предлагали: „*Pindaricum <os> nomenque fuit*“.

женія, что Стацій выразился приблизительно такъ, какъ формулировалъ его мысль Э. Е. Коршъ: „самъ кліэнтъ опасался—за благополучный исходъ смѣлой затѣи Криспина“. Это дастъ по-латыни, при данномъ контекстѣ:

conspiciisque tuis poeae reus ipse timebat.

Не о своей судьбѣ былъ озабоченъ кліэнтъ, а объ успѣхѣ защитника, хотя самъ былъ обвиненъ въ преступленіи. Вотъ, это комплиментъ Криспину, задуманный въ духѣ Стація. Не рискнули бы мы „conatisque“, такъ какъ Стацій всегда говоритъ „conatus“ (по 4-му скл.), а не „conata“ (Caes. *b. G.* I, 3, 6. Lucr. V, 385. Liu. XXI, 50, 9. Sil. XII, 434. Iun. XIII, 210). Дат. пад. и у Стація въ подобныхъ случаяхъ обязательнъ (*Theb.* X, 394). *Noxa* сказано, какъ Verg. *A.* I, 41 (объ изнасилованіи Кассандры въ храмѣ Паллады), Ovid. *her.* 7, 106 (о связи Дидоны съ Энеемъ: cf. u. 97: „exige, laese pudor, roenas“) и т. д. У Стація ср. *Th.* III, 207. IX. 148. X, 587. XII, 548.

16.

Тамъ же, § XXXIV, при разсмотрѣніи стиха *Silu.* V, 3, 272, предположено, взаимнѣ рукописнаго „Admetus“, мало вѣроятное чтеніе: „Dis motus“. Именит. пад. „Dis“ рѣшительно избѣгается. Кромѣ того, ср. *Theb.* VI, 332: „Thessalicis felix Admetus ab oris“ и т. д. Мы поэтому склонились бы теперь къ мысли Гейнція о пробѣлѣ послѣ 272-го стиха. Гейнцій же (*Aduersar.* p. 593) справедливо замѣтилъ, что послѣ 265-го стиха „uidentur uersus unus atque alter excidisse“. Housman недавно предпочелъ вставить гексаметръ („quem proli uentura suae praenoscere fata“) послѣ v. 268 (coll. IV, 3, 131 sqq.) Мы все мѣсто (266--275) читали бы такъ:

<i><Dardaniden miramur iter pictate supremum></i> ¹⁶⁴⁾	
temptantem et uiuos molitum in Tartara gressus:	269
detulit ¹⁶⁴⁾ infernae uates longaeva Dianae.	270
felix ille! patrem uacuis circumdedit ulnis	266

¹⁶⁴⁾ Предположенная вставка примѣнена къ *Aen.* VI, 133 sq.: (слова Сивиллы къ Энею) „si tanta cupido Bis Stygios innare lacus“ eqs. и къ v. 403 sqq.: „pietate insignis ...Ad genitorem imas Erebi descendit ad umbras. Si te (*Харонта*) nulla mouet tantae pietatis imago“ eqs.

¹⁶⁵⁾ Связь мыслей: „мы дивимся Энею, но вѣдь его свела Сивилла въ преисподнюю“ (deduxit, scil. descendantem).

uellet et Elysia quamuis in sede locatum abripere et densas ¹⁶⁶) iterum portare per umbras.	268
si ¹⁶⁷) chelyn Odrysiam pigro transmisit Auerno causa minor, si ¹⁶⁸) Thessalicis Admetus in oris (<i>amibus exemptus Stygiis ucoris amore</i> ,) ¹⁶⁹)	271
si <i>Iu(n)o ima</i> ¹⁷⁰) retro Phylaceida rettulit umbram, cur nihil exoret, genitor, chelys aut tua Manes aut mea?	273

17.

Въ книжкѣ за октябрь 1903 г., § XVIII „Замѣтокъ къ Этикѣ и Стаціевымъ силъвамъ“, отставляется предложенная Гроновиемъ и Рейнціемъ редакция стиховъ *Silu.* I, 1, 63 sqq.: „Strepit ardua pulsu Machina; continuus septem per culmina *montis* ¹⁷¹) It fragor et magna *tingit* ¹⁷²) uaga murmura Romae“. Мы высказались бы теперь за чтенія:

¹⁶⁶) *M.*: „Danaas“, что лишено всякаго смысла, ибо въ *первый* разъ Эней унесъ на плечахъ отъ не „Danaas — per umbras“, а къ тому холму „antiquae Cereris“ (*Aen.* II, 742: cf. 713 sq.), что былъ въ лѣсахъ Пды (*ib.* 696). Мы предположили „densas“ въ виду *Aen.* II, 725: „ferimur per orasa Iocogum“ и vv. 752—754. Если сохранить имя собств. въ стихѣ силъвы, то нужно бы исправить: „Danaos—per enses“ (*Aen.* VI, 110 sq.: „Ille ego per flammam et mille sequentia tela Kripui his umeris“), что гораздо менше вѣроятно.

¹⁶⁷) „Sic“ *M.*, corr. *Dom.* (*Aen.* VI, 119—123).

¹⁶⁸) „Sic“ *M.*, corr. *Dom.*

¹⁶⁹) Ср. III, 5, 38: „Cum iam *Lethaeos* audirem comminus *amnes*“. *Theb.* XI, 71: „*Stygiis—amibus*“. *Ach.* I, 480: „*Stygius—per amnes*“. *Hor.* c. IV, 8, 25: „*Erreptum Stygiis fluctibus Aeacum*“. *Prop.* III, 18, 27: „*Nirea non facies, non nis exemit Achillem*“ (предшествовало v. 9: „*Stygius uultum demisit in undas*“).

¹⁷⁰) *M.*: „*Silva una*“. *Heins.*: „*Si lux una*“ (II, 7, 21. *Prop.* IV, 7, 21. *Lucian. dial. mort.* 23, 2—3. *Char.* 1. *Auson.* *Cyp.* cr. 35 sq.), *Markl.*: „*Si coniunx*“ (лучше бы: „*si uiduata*“, тогда была бы градація, сравнительно съ Алкестидой, которая предотвратила смерть мужа), *Jacobs.*: „*Si Stygia unda*“. Въ защиту своей догадки мы, сверхъ отмѣченныхъ прежде мѣстъ, оправдывавшихъ лишь способъ выраженія, сошлемся на *Lucian. dial. mort.* 23, 3, гдѣ сперва Плутонъ отказывается Протесилаю („если ты вернешся на свѣтъ скелетомъ, то Лаодаміи тебя испугается“), а потомъ въ виду заступничества Персефоны („поручи Гермесу вернуть ему юность и красоту“) соглашается и говоритъ Гермесу: ἐπέει Φερσαφόνη συνδοχῆ, ἀναγαγῶν τοῦτον ἀβὴς τοῖσιον ὑψίφων. Эту черту Стацій и Лукіанъ могли заимствовать изъ общаго источника. Тутъ важно, что не Лаодаміи просить за Протесилая, а самъ онъ о себѣ хлопотеть. Теперь объясняются и слова Стація къ отцу (v. 274): „*chelys aut tua*“.

¹⁷¹) Гронов: „*Martis*“.

¹⁷²) *Heins.*: „*uincit*“.

strepit ardua pulsu
 machina continuo ¹⁷³⁾; septem per culmina <pastus> ¹⁷⁴⁾
 it fragor et magnae fundit ¹⁷⁵⁾ uaga murtura Romae.

18.

Въ книжкѣ за декабрь 1903 г., § III статьи „Къ сельвамъ“, мы защищаемъ преданіе стиховъ Stat. S. I, 2, 239 sq.: „dat Iuno uerenda Uincula et insigni geminat Concordia taeda“. Нынѣ мы вынуждены признать „insigni“ испорченнымъ чтеніемъ. Нельзя ли: „dat I. u. Uincula, nec segni g. C. taeda(m)“, т. е.: „ac non segni marito sociat uxorem“ (относительно „nec“ ср. III, 1, 131 и т. п.). Дальше Стаций предрекаетъ имъ еще опредѣленнѣе дѣтей (v. 266 sqq.): „praecelagos Latio properate nepotes“ eqs. Упоминаніе о томъ было въ стилѣ даннаго литературнаго рода.

19.

Въ книжкѣ за декабрь 1904 г., § XXVII „Замѣтокъ къ латинск. текстамъ“, цитуются стихи *Silu.* I, 2, 7—10: „Quas [scil. *Musas*] inter uultu petulans Elegae propinquat Celsior adsueto diuasque hortatur et ambit Alternum futura pedem decimamque uideri Se cupit et medias fallit permixta sorores“ и отдается предпочтеніе поправкѣ итальянскихъ гуманистовъ „fultura“. Мы прибавляли, однако, въ прим. 101, что думали нѣкогда о чтеніи „alternum <iam> fulta pedem“ (Leo: „suffulta“). Въ настоящее время полагаемъ, что будущее время положительно недопустимо. Мало сказать, что она еще только обѣщаетъ подпереть свою ногу. Ясно, что авторъ представляетъ Элегію совершившей уже въ этомъ смыслѣ нужное („celsior adsueto“, „fallit—sorores“). Оттого неприемлемо и „tractura“ ¹⁷⁶⁾, и „furata“ (Sandstroem). Мы рекомендовали бы теперь:

¹⁷³⁾ Такъ Markland, и за это явно говоритъ стихъ.

¹⁷⁴⁾ Markl.: „multus“, что слишкомъ слабо. Въ пр. 8 означенной статьи мы уже склонялись къ „pastus“. Напоминаемъ, что „montis“ проникло, повидному, изъ v. 59, который кончается словами: „culmina montis“.

¹⁷⁵⁾ Тутъ „magnae—Romae“ будетъ, конечно, *dativus*. Ср. Hor. *epod.* 17, 58: „quid obseratis auribus fundis preces?“. Sen. *Oed.* 154 sq.: „silua—fundit montibus umbras“. Verg. *A.* XII, 417. *Sil.* I, 590 и т. д.

¹⁷⁶⁾ Такъ N. Heinsius. Мы это прежде понимали невѣрно въ значеніи: „собирается вытянуть ногу“. Не можетъ быть сомнѣнія, что Гейнсий хотѣлъ сказать: „предполагая влачить ногу“. Онъ слышалъ Ouid. *Rem.* 377 sq.: „Liber in aduersos hostes

celsior adueto, diuasque hortatur et ambit,
alternum *f(ir)mata* pedem, decimamque nideri 9
se cupit et medias fallit permixta sorores.

Она доселѣ была *altero pede clauula ac debilis*, но въ „Epithalamion“ Стация выступаетъ *pede illo subrecto adeoque firmato*. Ср. *Theb.* I, 61 sq.: „traiectum uulnere plantas Firmasti“, II, 11: „firmat uestigia“, 586: „firmantque gradum“ (cf. 261); IV, 582 sq.: „firmanti laculo—Nititur“. Verg. *A.* III, 659: „Trunca manum pinus regit et uestigia firmat“ (ослѣвленному Полифему), Ouid. *Met.* XV, 223 sq.: „non-dum poplite firmo Constitit“ eqs., Claud. *III cons. Hon.* 39: „firmasti recto uestigia gressu“ eqs., Sidon. *c.* 5, 514. 11, 46: „Labuntur firmantque pedum uestigia pennis“ и т. д.

Въ той же книжкѣ, § XXIII, цитруется мѣсто *Silu.* V, 1, 81 sqq.: „ille (*императоръ*) ... ferrique togaeque [*М:* „rotagae“, *corr. Don.*] Consilia atque ipsam mentem (*служащихъ*) probat. ille *iubatis* Molem immensam umeris et uix tractabile pondus Imposuit“ [*sc. Abascanto*]. Мы тамъ предположили чтеніе: „ille *gigantis* Molem immensam umeris“, т. е. остановились на полдорогѣ. Стаций написалъ, кажется:

ferrique togaeque
consilia atque ipsam mentem probat. <at> uel *Atlantis*
molem immensam umeris et uix tractabile pondus
imposuit.

Можно бы также: „<*huic*> uel *Atl.*“ Ср. *Silu.* I, 1, 60. IV, 2, 19. *Theb.* I, 98 sq. V, 430. VII, 4. VIII, 315. Безобразное толкованіе рукописнаго „*iubatis*“ предложилъ F. Skutsch (*Wölfflin's Archiv*, XII, 199 f.): онъ сопоставляетъ это съ *Iuuenal.* XIV, 195: „grandes miretur Laelius alas“, т. е. приписываетъ щепетильному Стацию немислимую въ его стихахъ тривіальность тона.

20.

Въ книжкѣ за мартъ 1906 г., § XX „Замѣтокъ къ Сильвамъ“, обсуждается *Silu.* IV, 4, 81 sqq.: „Credetne uirum uentura propago, ... Infra urbes populosque premi proauitaque toto Rura abiisse mari?“

stringatur iambus, Seu celer, extremum seu trahat ille pedem“ (о хозіамбѣ). Ср. въ стихахъ самого Heins. *Ital.* I, 10, 1 sq.: „magna sonamus: Quid trahis alternum, Pieri lassa, pedem?“ (о шестаметрѣ).

Намъ еще приходитъ въ голову: „*proauitaque tali Rura abiisse mari*“. Разумѣлась бы лава: „погибли въ *такомъ морѣ*“ (въ какомъ, — ясно изъ контекста).

Къ стр. 252 (майской книжки). Едва ли вѣрно понялъ Оппіана младшаго (Смес. II, 112 — 157) Кнааск у Pauly-Wissowa, *Real-Enc.* II, 542. Онъ говоритъ, что Гераклъ „*den durch die Liebe zur Nymphe Meliboia gefesselten Fluss [Оронтъ] in das Meer leitete*“, а у Оппіана сказано, что рѣка стремилась къ морской нимфѣ Мелибеѣ (u. 118). Не смотря на свою бурность, она не достигала моря (не это ли значить u. 117: ἐπελήθητο πότον, „забывала о морѣ“?); оставаясь же въ горахъ, которыя преграждали ей путь, она затопила всю мѣстность, не желая проλαίπειν διαίρωτα πότον Μελοβοίας (т. е. продолжала напирать и потому выступала изъ береговъ). Тогда-то Гераклъ ради своего друга Архиппа, властителя Апамен, прорубилъ потоку дорогу чрезъ скалы (u. 132 sqq.) къ морю. Оппіанъ опустил кое-что изъ легенды, такъ какъ предполагалъ пространно изложить и ее въ иномъ мѣстѣ (u. 156 sq.). Быть можетъ, въ ней говорилось, что первоначально Оронтъ впадалъ въ море, но когда онъ воспышалъ страстью къ „Океанинѣ“ то какими-нибудь чудеснымъ способомъ нагромодились горы, чтобы не пускать его въ ней ¹⁷⁷⁾.

Г. Зенгеръ.

¹⁷⁷⁾ Размеры статьи заставили насъ и на сей разъ отложить бесѣду съ С. Н. Алексѣевымъ по вопросу объ отрывкѣ изъ XII табл. у Геллія XX, 1, 45.

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

В. П. Фармаковскій. Методика правописанія по возраженіямъ русскихъ педагоговъ и по ученію экспериментальной школы. I—V.	113
И. П. Романцевъ. Классныя опытанія	146
И. А. Араловъ. Г. С. Лыткинъ (<i>некрологъ</i>)	186

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ:

В. В. Федоровъ. <i>Успенскій, М. И.</i> Юный гражданинъ	193
А. Н. Альмедингенъ. Проф. <i>Луни.</i> Химико-техническій анализъ.— <i>И. И. Федотьевъ.</i> Техническій анализъ минеральныхъ веществъ	196
А. Э. Ооколовъ. <i>Н. Постыловъ.</i> Краткая географія для начальныхъ городскихъ училищъ	199
В. М. Кояловичъ. <i>Германъ Шубертъ.</i> Элементарное вычисленіе логарифмовъ	202
О. Д. Хвольсонъ. <i>С. Ф. Крицковъ.</i> Краткій курсъ физики.	204
И. И. Холоднякъ. Жизнь знаменитыхъ римлянъ.	206
А. Н. А—нъ. <i>И. Штафискиій.</i> Сухая перегонка листовныхъ породъ дерева	213
А. А. Ларондъ. <i>И. Бирбаумъ и В. Губертъ.</i> Краткая систематическая грамматика французскаго языка	214
— <i>J. Bastin.</i> Précis de phonétique	220
Курсы для учителей оредней школы при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	223

ОБВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія. Объ опытаніяхъ зрѣлости въ 1908 году	49
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	88

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Г. Э. Зенгеръ. Заѣтки къ латинскимъ текстамъ	267
--	-----

ОБЪЯВЛЕНІЯ	2
----------------------	---

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 4-го іюня).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогикъ и наукъ, критики и библиографіи, и съ временную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакцію (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ днѣхъ неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородныя также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ 12 р. 75 к., съ пересылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу—16 р. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ снѣженіи съ Редакціею, отдѣльных его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шестидесяти рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1901, 1902—1906 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать и разстоянію.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“, но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкою, за границу—4 р.

4122
26

IIA

пораже
и, и со
шней.
Редакти
в дни
родны
доставл
сь пере
у—16
хъ тол
деся д
юль сн
прежн
ь) шен
кажд
6, 16
5, 19
агать :

ежесть
народн
о низш
отделе
верше
ин" соот
цу—41

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
□
1994**

